



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

### **Usage guidelines**

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

### **About Google Book Search**

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P Skw 176-25

3d. Jan., 1888.



Harvard College Library

FROM THE FUND OF

CHARLES MINOT

(Class of 1888).

28 Nov., 1887-2 Jan., 1888.











ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

YALE COLLEGE  
NOV 28 1887

ИСТОРИИ-ПОСЛАТНИКИ

ЛІТЕРАТУРЫ.

ДВАДЦАТЬ-ВТОРОЙ ГОДЪ.—КНИГА 11-я.

203 НОЯВРЬ, 1887.

ПЕТЕРБУРГЪ.

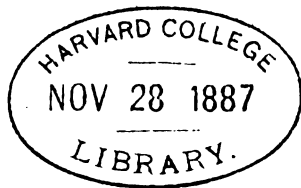
КНИГА 11-я. — НОЯБРЬ, 1887.

Стр.

I.—ОСЕННИЕ МОТИВЫ.—I. Осенний день.—II. Цветы.—Стих. В. Ведичко . . . . .	5
II.—В. И. ВОДОВОЗОВЪ.—Биографическій очеркъ.—I-VI.—В. П. Семеновскаго . . . . .	8
III.—СТАРЫЙ ДРУГЪ.—Романъ.—XI-I.I.—I. I. Ясницкаго . . . . .	79
IV.—И. И. КРАМСКОЙ, по письмамъ его и статьямъ.—I-III.—В. В. Стасова . . . . .	118
V.—СТИХОТВОРЕНІЯ Владимира Соловьева . . . . .	151
VI.—АНГЛИЧАНЕ ВЪ БИРМЪ.—Изъ путешествіи впечатлѣній.—И. П. Минаева . . . . .	153
VII.—ПОПЕХОНОСКАЯ СТАРИЦА.—Жизнь и приключенія Неванора Затрапезнаго.—IV.—День въ помѣщичьей усадьбѣ.—V. Перыне шагъ на пути къ просвѣщенію.—И. Щедрина . . . . .	193
VIII.—ВОЛОКИТСТВО ПРОФЕССОРА.—Сцена изъ жизни туристовъ.—Соч. Элизы д'Эстеръ Кладдингъ.—I-XIX.—А. Э . . . . .	230
IX.—НОВЫЯ ОБЪЯСНЕНІЯ ПУШКИНА.—II.—А. В. Пыпина . . . . .	279
X.—ЧЕТЫРЕ ЛЕКЦІИ ГЕОРГА БРАНДЕСА, въ Петербургѣ и въ Москвѣ.—III.—Русскій романъ.—IV.—Датская литература въ XIX-мъ вѣкѣ . . . . .	322
XI.—ПОСМЕРТНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ НАДСОНА.—К. К. Арсеньева . . . . .	352
XII.—СНИНОЗА ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.—Этика Бенедикта Спинозы*, переводъ ред. проф. Н. П. Модестова.—А. К.—II— . . . . .	369
XIII.—СТИХОТВОРЕНІЯ О. И-ой . . . . .	376
XIV.—ХРОНИКА.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Городскія, уѣздныя, сельскія двухклассныя и началыя училища, по свѣдѣніямъ изъ отчета министра народнаго просвѣщенія за 1884 г.—Еще къ вопросу о сѣминъ свѣтской и церковной начальной школы.—Правила объ испытаніяхъ на стипендіи.—Варшавскій институтъ римскаго права.—Инструкція полицейскимъ урядникамъ.—Отчетъ почтоваго управленія за 1885 г.—Проектируемая финансовая вѣжа . . . . .	377
XV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Особенности современной германской политики.—Возвѣтъ войны, какъ основа коалицій.—Совѣтъ съ Италіею и его значеніе.—Французскія внутреннія дѣла.—Непріятныя разоблаченія и дѣлаемые изъ нихъ выводы.—Успѣхи министерства и приготовленія ораманствовъ.—Парламентскій кризисъ въ Австріи.—Болгарское народное собраніе и сербская скупщина.—Что такое „русская партія“ въ Сербіи?—Мифіе „Московскія вѣдомостей“ о самихъ себѣ . . . . .	403
XVI.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Воспоминанія гр. В. А. Соллогуба.—Расколъ общества, А. С. Пругавина.—А. П.—Этюдъ о Ж.-Ж. Руссо, А. С. Алексѣева.—Д. С.—Земскій Ежегодникъ на 1884 г.—Финансовыя отношенія государства и частныхъ желѣзно-дорожн. общ., П. П. Георгиевскаго.—М. Н. Каткова, 1863 г., вып. II.—К. К.—Акціонерныя коммерческія банки, ихъ операціи и балансы, А. А. Рафаловича.—А. К. . . . .	423
XVII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Наша печать, ея разсужденія и выводы по поводу пензенскаго процесса.—Извращеніе азбучныхъ понятій о правосудіи и послѣдствія того.—Нашъ отвѣтъ на возраженія.—Московское общество для защиты дѣтей.—Извѣстія изъ провинціи.—Н. П. Галаринъ-Платоновъ † . . . . .	433
XVIII.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Учебный атласъ по русской исторіи; проф. Е. Замисловскаго.—Н. В. Ремезова, Очерки изъ жизни дикой Башкиріи.—Стихотворенія Н. М. Мяскаго.—С. Я. Надсонъ, Сборникъ журнальных и газетныхъ статей.—А. Мачуринъ, По поводу книги: „Что читать народу?“ . . . . .	

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. нижес: XXIV стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы“ въ 1888 г. см. ниже, на оберткѣ.



**ВѢСТНИКЪ**

**Е В Р О П Ы**

---

**ДВАДЦАТЬ-ВТОРОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ VI.**

Ъ LI. — ТОМЪ ССН. — 1/23 НОЯБРЯ, 1887.





# ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

---

СТО-ДВАДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ ТОМЪ

---

ДВАДЦАТЬ-ВТОРОЙ ГОДЪ

---

ТОМЪ VI

---

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:  
на Васильевскомъ Острову, 2-я линія,  
№ 7.

Экспедиція журнала:  
на Вас. Остр., Академич. переулокъ,  
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

—  
1887

~~131.84~~  
~~Став 30.2~~  
Pslaw 170.25

1887, Nov. 28 - 1888, Jan. 2.

Минот funds.



(1414)

---

## ОСЕННИЕ МОТИВЫ.

---

### І. ОСЕННИЙ ДЕНЬ.

Посвящается памяти А. В. Головинна.

Дни радостной весны, дни лѣта миновали  
— И осень надъ землей берётъ свои права.  
Не слышно въ рощахъ птицъ, и съ поля все убрали,  
И сохнетъ на лугахъ поблекшая трава.

Прозрачѣе трельяжъ на садовыхъ бесѣдкахъ,  
Желтѣетъ очеретъ надъ зеркаломъ воды,  
На „зимнихъ“ яблоняхъ, на обнаженныхъ вѣткахъ,  
Качаются вой-гдѣ неснятые плоды.

Пора унылая разлуки и печали,  
Глубокій, тяжкій сонъ зимы недалеко;  
— Но солнце ласково глядитъ съ лазурной дали  
Слабѣющимъ лучомъ—и на душѣ легко!

Оно улыбкою привѣтливо-спокойной  
Какъ будто говоритъ: „Работа свершена,  
„Исполненъ трудный долгъ, великій и достойный, —  
„И для земли теперь зима ужъ не страшна!

„За золото лучей, излившееся съ неба,  
„Земля-работница сторицей отдала:  
„Гумно и завромъ полны горами хлѣба,  
„На нивѣ вспаханной ужъ озимь поросла!

„То—внуки милые: послѣдними лучами,  
 „Послѣдней ласкою взростить мнѣ дано!  
 „Въ нихъ силы жизненной негаснущее пламя,  
 „Они минувшихъ дней съ грядущими звено!

„Пусть вьюги зимнія губительнымъ набѣгомъ  
 „Ихъ бархатный коверъ нещадно заметутъ:  
 „Вѣрь, не умрутъ они, а лишь уснутъ подъ снѣгомъ —  
 „И чудный даръ небесъ для міра сберегутъ!“

Такъ молвитъ солнышко—и блещетъ сводъ небесный  
 Незыяснимою духовной красотой:  
 Такъ очи старика, на склонѣ жизни честной,  
 Глядятъ на міръ, полны любовію святой.

И молвитъ тихій взоръ: „Пускай добычей тлѣнья  
 „Ужъ скоро стану я! но мой посильный трудъ  
 „Возьмутъ грядущія за мною поколѣнья  
 „И мысли—даръ небесъ—для міра сберегутъ!“...

## И. Ц В Ъ Т Ы.

Je suis venu trop tard dans un siècle trop vieux.  
 A. de Musset.

Къ любовницѣ-землѣ, средь осени ненастной,  
 Измѣнникъ—солнца лучъ—на нѣсколько деньковъ  
 Съ лобзаньемъ вновь пришелъ, и пламенный, и страстный.  
 Залогомъ ихъ любви явился рой цвѣтовъ.

Но только къ небесамъ привѣтливимъ раскрыли  
 Съ надеждой вѣнчики душистые они,  
 Какъ ураганъ подулъ, туманы ихъ обвили  
 — И воротились ненастья злого дни...

Имъ солнце вешнее съ любовью не сіяло,  
 Ихъ не баюкали нагѣвы соловья,  
 Ихъ въ полночь тихую, качая, не ласкала  
 Зефира нѣжнаго душистая струя.

И пчелкамъ трудовымъ они не дали меду,  
И вѣтеръ ихъ сѣмянъ по лугу не разнесъ:  
Сорвала лепестки злодѣйка-непогода,  
Въ объятыхъ задушилъ ихъ утреннѣе-морозъ...

Такъ, не извѣдавши, что значить жить на свѣтѣ,  
И для грядущихъ дней не бросивши слѣда,  
Измученной земли измученныя дѣти  
Съ убогой жизнью разстались навсегда.

А травы старыя злорадно насмѣхались,  
Шуршали желтые, сухіе ихъ листы:  
— „Не такъ мы смолоду цвѣли и красовались,  
„Какъ эти жалкіе, увядшіе цвѣты!“...

В. Величео.



---

# В. И. ВОДОВОЗОВЪ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

---

Въ маѣ прошедшаго года скончался извѣстный педагогъ послѣдняго времени, Василій Ивановичъ Водовозовъ. Въ исторіи нашей педагогій его имя займетъ, безъ сомнѣнія, почетное мѣсто; самая дѣятельность его была чрезвычайно разнообразна: занимаясь въ теченіе почти 15-ти лѣтъ преподаваніемъ въ петербургскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, онъ оставилъ послѣ себя замѣчательные труды по русской словесности; въ то же время онъ велъ энергическую борьбу съ противниками своихъ взглядовъ, руководилъ воскресною школою, преподавалъ въ учительской семинаріи при таврической школѣ и позднѣе на аларчинскихъ женскихъ курсахъ (при V-й гимназіи), перевелъ въ стихахъ многія классическія произведенія съ древнихъ и новыхъ языковъ, составилъ нѣсколько книгъ для дѣтскаго и популярнаго чтенія, цѣлый рядъ трудовъ для народной школы, и во главѣ ихъ слѣдуетъ помѣстить имѣвшую большой успѣхъ „Книгу для первоначальнаго чтенія“; сверхъ всего этого, онъ руководилъ тремя учительскими съѣздами. Не менѣе видное мѣсто онъ займетъ и въ исторіи новой земской народной школы въ Россіи; тутъ его имя можетъ быть поставлено непосредственно послѣ имени К. Д. Ушинскаго.

Но задача наша исключительно біографическая; полную оцѣнку трудовъ покойнаго дастъ историкъ нашего средняго образованія и нашей народной школы. Потому, въ отношеніи его трудовъ, мы ограничились приведеніемъ отзывовъ извѣстныхъ специалистовъ въ дѣлѣ педагогій.

При составленіи настоящаго очерка мы имѣли возможность

воспользоваться всѣми бумагами, оставшимися послѣ покойнаго, его корреспонденцію, официальными и другими документами, а близкое давнишнее наше знакомство съ нимъ позволило намъ дополнить и объяснить многое въ его жизни изъ личныхъ воспоминаній.

## I.

Дѣтство Водозова.—Нищета семьи.—Коммерческое училище.—Университетскіе годы.

Отецъ Водозова, Иванъ Васильевичъ, изъ купеческаго словія, велъ около 30-ти лѣтъ обширную внѣшнюю и внутреннюю торговлю при петербургскомъ портѣ. Выдѣляясь своимъ богатствомъ, онъ долженъ былъ нерѣдко нести тѣ или другія почетныя общественныя обязанности; между прочимъ, въ 1811 году онъ былъ избранъ строителемъ Екатерининской церкви (въ Кадетской линіи Васильевскаго Острова), на что имъ и было пожертвовано и безвозвратно истрачено около 90.000 руб. ассигнаціями. Онъ дѣлалъ также пожертванія и въ Вольно-Экономическое Общество, за что былъ избранъ его корреспондентомъ; вслѣдствіе того онъ принималъ участіе и въ самыхъ трудахъ общества: при обсужденіи полезности какой-то, вновь изобрѣтенной тогда, машины для сахарнаго производства, модель ея была передана на заключеніе отца Водозова, какъ сахарнаго заводчика. Портретъ его масляными красками, работы извѣстнаго художника Угрюмова, хранящійся нынѣ въ галереѣ г. Третьякова въ Москвѣ, рисуетъ намъ умное и вмѣстѣ типическое лицо русскаго купца, сильно напоминающее черты и его сына.

Впослѣдствіи гибель отъ пожара амбаровъ съ хлѣбомъ, на покупку котораго были заняты значительныя деньги, запутала дѣла, а потомъ и совершенно разорила отца Водозова; въ 1817 г. все его имущество было описано и продано съ публичнаго торга, а самъ онъ, какъ несостоятельный должникъ, посаженъ въ тюрьму. Хотя онъ и былъ скоро освобожденъ, но семья очутилась въ совершенной нищетѣ, и когда 2-го мая 1828 г. отецъ Водозова умеръ, то для погребенія его „собираемо было благотворителями добровольное подаяніе“. Семейство покойнаго, кромѣ жены его, Екатерины Ивановны, 42 лѣтъ отъ роду, состояло изъ четырехъ дочерей и трехъ сыновей; младшій, Василій, родился 27-го сентября 1825 года. Въ 1831 г. мать его подала прошеніе о перечисленіи ея съ двумя незамужними дочерьми въ петербургское купечество безъ платежа гильдейскихъ повин-

ностей, но и безъ права вести торговлю, а малолѣтняго сына Василія просила причислить въ мѣщанское общество.

До семи лѣтъ Водозовъ былъ крайне болѣзненнымъ ребенкомъ, и, по причинѣ слабости глазъ, его почти не выпускали изъ комнаты <sup>1)</sup>. Первоначальнымъ своимъ обученіемъ онъ былъ обязанъ родному дядѣ, брату матери; это былъ большой чудакъ, любившій въ часы досуга кропать стихи и разныя поздравительныя вирши. По словамъ Водозова, „еще въ малолѣтствѣ онъ полюбилъ стихи, легко уча наизусть поздравительныя рацеи“. Мальчикъ не только поздравлялъ такимъ образомъ мать, но, кромѣ того, въ виду полной нищеты семьи, его заставляли выпрашивать въ праздничные дни по нѣскольکو копѣекъ у разныхъ знакомыхъ и „благодѣтелей“, которымъ онъ принужденъ былъ проносить „поздравительныя рацеи“; одна изъ нихъ, которую онъ часто вспоминалъ до конца жизни, оканчивалась скромною просьбою— „наградить хоть пятачкомъ“ <sup>2)</sup>. Въ мартѣ 1835 г., когда ея младшему сыну шелъ уже десятый годъ, Екатерина Ивановна обратилась съ просьбою въ петербургскій биржевой комитетъ о назначеніи ей постоянного пособія и объ опредѣленіи сына Василія пансіонеромъ петербургской биржи въ коммерческое училище. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ объ ея просьбы были исполнены, и 29-го апрѣля 1835 г. Водозовъ поступилъ въ коммерческое училище.

„Вотъ, наконецъ, пришло время разстаться съ матерью“, — рассказываетъ Водозовъ въ своихъ неизданныхъ автобіографиче-

<sup>1)</sup> „Отъ природы слабый и хворый, — рассказываетъ Водозовъ въ своихъ неизданныхъ автобіографическихъ замѣткахъ, набросанныхъ во время жизни въ Варшавѣ, — до семи лѣтъ я почти не зналъ Божьяго свѣта... Убитая несчастіемъ, мать моя безпрестанно повторяла мнѣ одно: молись Богу, „молись Богу; Онъ тебя не оставитъ.“ Малѣйшій порывъ дѣтской свободы карали во мнѣ жестоко страхомъ Божиимъ... Семи лѣтъ я привыкъ уже считать себя преступникомъ, и каждый день со слезами молилъ Бога о томъ, чтобы онъ послалъ мнѣ смерть, покуда душа моя еще сколько-нибудь достойна рая“.

<sup>2)</sup> Въ своемъ неизданномъ разсказѣ: „Новая жизнь“, полномъ автобіографическихъ подробностей, Водозовъ говоритъ: „Александръ Петровичъ (подъ этимъ именемъ авторъ изображаетъ себя) выросъ въ большой нуждѣ. Онъ не помнилъ своего отца и принадлежалъ къ числу тѣхъ бѣдныхъ дѣтей, которыя ходятъ съ родителями въ гости не играть и веселиться, а смирно сидѣть, показывая примѣръ благопристойности, чтобы тѣмъ разжалобить сердце покровителей. И странно! Въсто привычки заискивать и выслуживать ласки, въ немъ рано пробудилась гордость, не свойственная дѣтямъ. Этому содѣйствовала и мать, часто рассказывавшая, какъ тяжело ласки многихъ благодѣтелей... Она говорила ему: „Сама! не надѣйся ни на друга, ни на покровителя, а трудись самъ; съ трудомъ да съ вѣрою въ Бога всего достигнешь“.



скихъ замѣткахъ:— „меня отвезли въ училище. Я плакалъ долго, плакалъ упорно, и ни увѣщанія родныхъ, ни лакомства, ни игрушки не могли меня утѣшить. Шутки и насмѣшки товарищей совершенно меня ожесточили... Не участвуя въ веселыхъ играхъ и шалостяхъ товарищей, я жилъ всегда одинъ съ самимъ собою... Тоска овладѣла мною; душа рвалась на свободу; я полюбилъ звѣзды и даль небосклона. Тогда, по ночамъ, тайкомъ отъ всѣхъ, я началъ записывать свои мечты и думы полу-стихами, полу-прозой, и эти листки пряталъ, какъ воръ краденую вещь. Но какъ ни прекрасно было ночное небо... нуженъ былъ человѣкъ, съ которымъ я могъ бы раздѣлить... сердце, и человѣкъ нашелся. Это былъ одинъ изъ моихъ товарищей, по крови итальянецъ, характера живого и положительнаго... Его вліяніе не осталось безъ пользы: онъ первый внушилъ мнѣ любовь къ труду и страсть къ искусству“. Онъ умеръ за нѣсколько мѣсяцевъ до выпуска Водозова изъ училища.

Въ статьѣ Водозова: „Тезисы по русскому языку“ <sup>1)</sup>, мы находимъ слѣдующія свѣденія относительно обученія автора въ этомъ заведеніи: „Я, конечно, долбилъ грамматику Греча, какъ и другіе, но ни одного живого впечатлѣнія не осталось въ моей памяти изъ обученія родному языку... Жалкая словесность, которую мы заучивали въ высшихъ классахъ, состояла изъ однѣхъ безмысленныхъ фразъ; я помню изъ нея только одно мѣсто о Ломоносовѣ, потому что имъ безпрестанно дразнили меня товарищи, жужжа въ уши чепуху, отъ которой я страшно бѣсился. Занятіе литературой ограничивалось тѣмъ, что мы списывали запрещенные стишки, и у кого было больше подобныхъ стишковъ, тотъ считался литературнѣе. Я читалъ безъ разбора всякія книги и не спалъ ночи отъ романовъ Булгарина и Поль-де-Кока. Усерднѣе всего занимался я французскимъ языкомъ. Французскій учитель пріучилъ насъ къ красноречію, заставляя насъ писать сочиненія на тѣмы: „Дѣвушка у ручья“... Я писалъ и товарищамъ подобныя сочиненія за гречневую кашу, которую очень любилъ и которую у насъ послѣ ужина выносили изъ столовой и сохраняли въ фужерахъ“.

Еще болѣшія подробности объ этомъ періодѣ сообщаетъ Водозовъ въ своемъ неоконченномъ и неизданномъ разсказѣ подъ заглавіемъ: „Новая жизнь“, написанномъ въ пятидесятыхъ годахъ и, какъ уже было замѣчено, несомнѣнно имѣющемъ автобіографическое значеніе: „Уже въ дѣтствѣ слышалъ онъ не мало ска-

<sup>1)</sup> „Журн. Мин. Нар. Просв.“, 1861 г., т. 109.

зокъ отъ разныхъ бабушекъ и тетюшекъ, его нянчившихъ. Когда послѣ радостнаго отпуска на воскресенье приходилось возвращаться въ училище, Сашу (подъ этимъ именемъ Водовозовъ изображаетъ себя) провожала бойкая деревенская дѣвушка, бывшая тогда въ услуженіи у его матери; она всякій разъ умѣла развеселить печальнаго мальчика своей веселою болтовнею, и Саша, наконецъ, зная, какъ своихъ друзей, Жаръ-Птицу, и Еруслана, и Конька-Горбунка, и Илью Муромца. Въ школьномъ саду обыкновенно собиралась около него кучка товарищей, и онъ пересказывалъ имъ эти волшебныя повѣсти, безъ конца разнообразнаго и распространяя рассказъ собственными вымыслами. На годъ и болѣе достало ему этихъ рассказовъ, которые подъ-конецъ уже ничѣмъ не походили на сказки, имъ слышанныя. Другихъ воспоминаій мало или почти совсѣмъ не оставили первые годы воспитанія. Саша не участвовалъ въ школьныхъ затѣяхъ, имѣвшихъ цѣлю подсолить какому-нибудь нелюбимому учителю или гувернеру, или просто удовлетворить потребности въ дѣтской шалости и рѣзвости: онъ не залѣзалъ передъ классомъ въ печку, чтобы кричать оттуда пѣтухомъ; не пристегивалъ билетиковъ и бумажныхъ хвостовъ къ фалдамъ начальника; не задавалъ вмѣстѣ съ другими при его входѣ реву и стуку, извѣстнаго подъ именемъ *бенефиса*, и т. д. Вообще онъ принадлежалъ къ числу смиренныхъ дѣтей, надъ которыми товарищи не пропускаютъ случая посмѣяться, но которыхъ способностями вѣчно пользуются... когда нужно написать сочиненіе или объяснить трудный урокъ...

„Переходъ въ высшіе классы ознаменованъ былъ новымъ развитіемъ чувствительности, которая и безъ того сильно вредила нашему герою... Онъ сталъ перечитывать и сочинять стишки, вчитываться въ романы... Пустымъ, безцвѣтнымъ сномъ прошли послѣдніе годы училищнаго заключенія. Замкнутый въ очарованномъ кругу своихъ туманныхъ грезъ, онъ не видѣлъ никакого выхода въ дѣйствительной жизни. Товарищи не прощали ему исключительности положенія въ ихъ обществѣ, имѣвшемъ свой уставъ и свои, часто очень непохвальныя, цѣли; наука представлялась въ видѣ мертваго собранія буквъ и цифръ, тяжело налегающихъ на память, — все отчуждало его отъ окружающаго міра и развивало въ немъ печальную привычку пренебрегать настоящимъ, чтобы ожидать чудесъ отъ будущаго“.

Заучиваніе дядюшкиныхъ виршей въ дѣтствѣ и чтеніе разныхъ книгъ безъ всякаго разбора вызвали въ молодомъ Водовозовѣ нѣкоторую способность къ нанизыванію римовъ; слушаніе множества сказокъ въ дѣтствѣ и въ первые годы пребыванія въ

училищѣ возбуждало фантазію, а благочестивыя чувства, привитыя матерью, дали религіозную окраску одному изъ первыхъ опытовъ юнаго стихотворца: мы разумѣемъ — сохранившееся въ бумагахъ Водовозова стихотвореніе на текстъ: „Аще бо добрыхъ дѣлъ нѣсть, вѣра въ Бога мертва есть“, на которомъ самимъ авторомъ поставленъ 1839-ый годъ. Нельзя не замѣтить, что это дѣтское произведеніе четырнадцати-лѣтняго автора навѣяно горькими воспоминаніями о нуждѣ, испытанной его матерью, и печальной необходимостью искать помощи „благодѣтелей“ и „покровителей“.

Приведемъ начало этого стихотворенія:

„Скажите: можетъ ли быть вѣра  
Въ словахъ пустого лицемеря,  
Который говоритъ, что вѣрить въ Бога онъ,  
Ни бѣдной братіи не зналъ  
И хладнокровно презиралъ  
Вдовы несчастной жалкій стонъ?  
Скажите: можетъ ли словами  
Своими Богу угодить  
И такъ блаженство получить,  
Не заслуженное дѣлами?“ и т. д.

Иногда юный Водовозовъ старался выразить въ стихахъ свое пламенное стремленіе поскорѣе вырваться на волю изъ „противнаго“ училища; въ другихъ стихотвореніяхъ онъ пытается изображать природу или обращается къ соловью. Какимъ образомъ отъ этихъ мечтаній при лунѣ онъ перешелъ къ мысли продолжать свое образованіе и рѣшился готовиться къ университетскому экзамену — недостаточно ясно изъ его автобіографическихъ замѣтокъ.

Послѣдніе дни пребыванія въ коммерческомъ училищѣ были употреблены товарищами Водовозова на то, чтобы написать другъ другу на память по нѣсколькимъ строкамъ. Молодой Водовозовъ для воспріятія этихъ товарищескихъ чувствъ, за неимѣніемъ альбома, употребилъ тетрадку торговаго права, гдѣ мы и находимъ записи 17 человекъ. Самая любопытная изъ нихъ слѣдующая: „Прощай, любезный товарищъ! Прощай, Вася Водовозовъ, знаменитый философъ новѣйшихъ и древнѣйшихъ временъ! Дай Богъ, чтобы твои всѣ желанія исполнились какъ можно скорѣе и съ излишествомъ. Сидя иногда съ латинскою грамматикою Кошанскаго, вспомни объ одномъ человекѣ, который тебя любилъ отъ всей души, хотя и надоѣдалъ нѣкогда словами изъ литературы знаменитаго Благодарева: „но эти занятія были не для него“, или: „въ одномъ нагольномъ тулупѣ, на мерзлой рыбѣ, и т. п.“<sup>1)</sup>“.

<sup>1)</sup> Это, очевидно, тѣ слова о Ломоносовѣ, которыми товарищи дразнили Водовозова.

6-го іюня 1842 года Водовозовъ окончилъ курсъ въ коммерческомъ училищѣ. Ему не было тогда еще 17-ти лѣтъ, но какими добрыми стремленіями былъ проникнутъ этотъ юноша, видно изъ слѣдующаго письма, написаннаго имъ вскорѣ послѣ выпуска кому-то изъ своихъ бывшихъ преподавателей или воспитателей: „...Пересмотрѣвъ всѣ житейскіе проходы и переходы къ вѣчному, я нашелъ только *одинъ* себѣ по сердцу... Труденъ путь, избранный мною, я это хорошо знаю; но, слѣдуя сердцу, я уже сказалъ: воля Божія, и готовъ идти съ терпѣніемъ, услаждая горести и печали *занятіями, родными сердцу*... Благословите ли вы мое стремленіе, какъ благословилъ его я; вѣрите ли вы мнѣ, что я желаю вступить не въ университетъ, а въ познаніе всего того, что тамъ проходятъ по моему предмету. *Польза общественная* <sup>1)</sup> будетъ всегда моимъ девизомъ, и я надѣюсь принести хоть каплю пользы при стараніяхъ, которыя, если только они сообразны съ разсудкомъ, никогда не могутъ быть тщетными, а у меня кромѣ стараній есть еще любовь къ наукѣ. Я послѣшу всѣми силами оправдать слова мои на дѣлѣ... Я болѣе всего боюсь терять дорогое время, и потому нынѣшній же годъ, приготова нѣсколько греческій языкъ (латинскій почти болѣе не требуетъ приготовленій), вступить въ число вольнослушающихъ... На будущій годъ — что Богъ дастъ! Мнѣ надо признаться, что я долженъ необыкновенно успѣвать, потому что у меня есть мать, которая всѣмъ *возможнымъ* жертвуетъ для меня, сердечно вѣря искренности моихъ желаній“.

Любопытно, какъ въ этомъ письмѣ, несмотря на то, что опущенное нами его начало проникнуто романтизмомъ, навѣяннымъ Жуковскимъ, уже сказываются трезвые и благотворныя стремленія: „*польза общественная* будетъ всегда моимъ девизомъ“, твердо пишетъ юноша, которому не исполнилось еще семнадцати лѣтъ, и этому девизу Водовозовъ былъ дѣйствительно вѣренъ въ теченіе всей своей литературной и педагогической дѣятельности.

Черезъ годъ по окончаніи курса въ коммерческомъ училищѣ, т.-е. въ 1843 г., Водовозовъ вступилъ въ университетъ. Собираясь поступить на филологическій факультетъ, но чувствуя, что онъ не можетъ еще выдержать требуемаго для этого экзамена по греческому языку, онъ рѣшился сдѣлаться студентомъ юридическаго факультета, съ тѣмъ, чтобы потомъ, при первой же возможности, перейти на филологическій. Экзамены были выдержаны успѣшно, что дѣлаетъ честь способностямъ и трудолюбію

<sup>1)</sup> Курсивъ подлинника.

юноши, получившаго въ училищѣ весьма недостаточную подготовку. Въ своихъ печатныхъ воспоминаніяхъ Водовозовъ говоритъ: „Помню только экзамень логики и русскаго языка. Изъ логики экзаменовался я по вдохновенію; по русскому языку задана мнѣ была тема: „Петръ Великій“. Я ей очень обрадовался и безъ труда нагородилъ двѣ страницы самыхъ торжественныхъ фразъ, наставивъ какъ можно больше тире и восклицаній. Къ моему величайшему удивленію, почтенный профессоръ, который вскорѣ потомъ назвалъ меня своимъ пріателемъ (и эта пріязнь продолжается донинѣ <sup>1)</sup>), началъ жестоко распекалъ меня: „Откуда вы взяли такой слогъ? кто такъ пишетъ? гдѣ вы это читали?“ Я очень смутился, потому что считалъ себя ужь очень опытнымъ литераторомъ, но, наконецъ, помирился и на томъ, что получилъ: три“. Съ перваго же дня своего пребыванія въ университетѣ Водовозовъ сталъ посѣщать лекціи не юридическаго, а филологическаго факультета и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ подалъ прошеніе о переводѣ его на этотъ послѣдній. Такъ какъ профессора уже успѣли замѣтить, съ какою добросовѣстностью онъ посѣщаетъ ихъ лекціи, то они ничего не имѣли противъ этого въ принципѣ, но предписали Водовозову довольно суровыя условія: а именно, онъ долженъ былъ въ концѣ академическаго года сдать вступительный университетскій экзамень по греческому языку и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выдержать переводные экзамены изъ перваго курса во второй. Несмотря на то, что выполнить это условіе, относительно греческаго языка, было особенно трудно, Водовозовъ, благодаря своимъ замѣчательнымъ филологическимъ способностямъ, сдать экзамены не только не хуже, а даже лучше многихъ другихъ однокурсниковъ, поступившихъ въ университетъ изъ гимназій, гдѣ они уже обучались греческому языку въ теченіе четырехъ лѣтъ. Такимъ образомъ онъ добился своей цѣли и сдѣлался не только *de facto*, но и *de jure* студентомъ филологическаго, или, какъ тогда говорили, I-го отдѣленія философскаго факультета.

Кафедру греческой словесности занималъ заслуженный профессоръ и академикъ Грефе, уже давно пріобрѣтшій почетную извѣстность въ ученomъ мѣрѣ многими замѣчательными изданіями и объясненіями греческихъ поэтовъ <sup>2)</sup>). Кафедру римской

<sup>1)</sup> Александръ Васильевичъ Никитенко; писано въ 1861 г.

<sup>2)</sup> „При глубокомъ знаніи греческаго языка, при тонкомъ пониманіи его разнообразныхъ формъ, — говорятъ его ученикъ. проф. Дестунисъ, — Грефе одаренъ былъ сильнымъ поэтическимъ чутьемъ, помогавшимъ ему вникать въ особенности слога того или другаго греческаго поэта“.

словесности занималъ Фрейтагъ, отличный знатокъ своего предмета. Всеобщую исторію преподавалъ М. С. Куторга, закончившій свое научное образованіе въ заграничныхъ университетахъ. Преподаваніе русской исторіи находилось въ рукахъ Н. Г. Устрялова. Каѳедра русской словесности (предметъ наиболѣе близкій сердцу Водовозова) была раздѣлена между П. А. Плетневымъ и А. В. Никитенко.

А. В. Никитенко читалъ студентамъ первыхъ трехъ курсовъ „русскую словесность и исторію ея съ практическими упражненіями и филологическимъ и эстетическимъ анализомъ отечественныхъ писателей“. Кромѣ того, онъ руководилъ „въ педагогическихъ занятіяхъ по русской словесности какъ казенно-коштныхъ, такъ и прочихъ студентовъ, готовящихся къ учительскому званію“. По словамъ г. Сухомлинова, „проводя въ чтеніяхъ своихъ, путемъ философіи, исторіи и литературной критики, начало эстетическое и ограждая самостоятельность его въ средѣ другихъ дѣйствующихъ элементовъ человѣческой природы, проф. Никитенко всегда имѣлъ въ виду глубокое и высшее значеніе этого начала, дающее чувствовать себя въ нравственномъ образованіи и развитіи какъ цѣлыхъ обществъ, такъ и отдѣльнаго человѣка; видѣлъ въ немъ не просто интересъ чувства, услаждающагося красотою, а великую образовательную силу, одного изъ двигателей всякаго развитія и усовершенствованія“. Когда съ 1850 г. въ университетѣ было прекращено преподаваніе философіи, лекціи Никитенко объ изящномъ, „сверхъ развитія эстетическаго чувства въ слушателяхъ, философскою стороною своею восполняли еще, насколько было это возможно, тотъ въ высшей степени важный пробѣлъ, какой оказывался въ университетскомъ образованіи“. Такое „восполненіе“ было весьма нелишнимъ и во время пребыванія въ университетѣ Водовозова, такъ какъ преподаваніе философіи въ то время мало располагало къ себѣ слушателей.

Плетневъ, бывшій въ то время и ректоромъ университета, читалъ на IV курсѣ „исторію русской литературы отъ первыхъ памятниковъ отечественной словесности до нынѣшняго времени“. За основаніе своихъ лекцій, по собственнымъ словамъ Плетнева, онъ принималъ „историко-критическое объясненіе произведеній отечественной литературы, соединяя въ немъ взглядъ на успѣхи умственныхъ силъ вообще съ характеристикю самого искусства, въ перемѣнахъ котораго показывалъ развитіе духовной жизни націи“. По воспоминаніямъ проф. Григорьева, въ Плетневѣ располагала университетскихъ слушателей къ нему и „производила вообще хорошее впечатлѣніе его симпатичная личность,

его внимательность къ студентамъ, его желаніе быть имъ полезнымъ, мягкость его манеръ и умѣніе держать себя, какового они не видывали еще въ своихъ профессорахъ. Онъ умѣлъ возбудить въ слушателяхъ охоту пробовать силы свои въ разныхъ родахъ литературныхъ произведеній“<sup>1)</sup>.

Этотъ краткій перечень наличныхъ преподавательскихъ силъ по нынѣшнему — историко-филологическаго, а по тогдашнему — разряда общей словесности I-го отдѣленія философскаго факультета ясно показываетъ, къ чему могли направиться симпатіи юнаго Водовозова. Въ виду проявившихся въ немъ литературныхъ наклонностей, самую интересною наукою для него должна была быть, конечно, русская словесность, и эстетическія воззрѣнія Никитенко не могли не имѣть на него глубокаго вліянія; а затѣмъ, и по достоинству преподавателей, и по связи этихъ предметовъ съ изученіемъ исторіи литературы, должны были всего болѣе заинтересовать Водовозова греческая словесность и всеобщая исторія, профессоръ которой, Куторга, былъ именно специалистомъ по греческой исторіи. Такимъ образомъ, изученіе русской и всеобщей литературы, а изъ міра древняго — изученіе греческаго языка и литературы и древне-греческой жизни, — вотъ что должно было, въ концѣ концовъ, привлечь въ себѣ всѣ способности Водовозова при тѣхъ задаткахъ его предыдущаго развитія, на которые было указано выше, и при той научной средѣ, въ которой онъ обучился въ университетѣ. Такъ дѣйствительно и случилось.

„Въ университетѣ я продолжалъ свое беспорядочное чтеніе, — рассказываетъ Водовозовъ въ своихъ печатныхъ автобиографическихкихъ замѣткахъ<sup>2)</sup>; — „прочтенное на русскомъ, на французскомъ, на нѣмецкомъ, на итальянскомъ и на англійскомъ языкахъ образовало въ головѣ моей страшный, одурающій хаосъ. Иностранные языки вообще давались мнѣ легко: я не учился ни одному изъ нихъ систематически, а прямо составлялъ свою собственную грамматику при чтеніи, съ помощью лексикона. Такъ, почти совсѣмъ не выучившись нѣмецкому языку въ училищѣ, потому что у насъ безпрестанно мѣнялся учитель, ... я въ какой-нибудь годъ чрезъ простое усидчивое чтеніе усвоилъ его такъ, что могъ легко переводить Гёте. Я занимался преимущественно поэзіей и самъ сочинялъ стихи, въ которыхъ выражалъ свои сердечныя томленія о предметѣ мнѣ совсѣмъ неизвѣстномъ, свою тоску о томъ, что

<sup>1)</sup> *Григорьевъ*. „Императ. Слб. унив. въ теченіе первыхъ 50-ти лѣтъ его существованія“. Слб. 1870 г.

<sup>2)</sup> Въ статьѣ „Теченія по русскому языку“ (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, т. 109).

прошли времена благороднаго рыцарства (эти послѣдніе стихи вышли особенно гармоничны, и я ими упивался), и свое разочарованіе при видѣ петербургской грязи, по которой я иногда отдѣлывалъ до 10 верстъ, ходя на уроки. Въ то время уже вышли „Мертвыя Души“ Гоголя, и стремленіе къ реализму въ литературѣ высказывалось все сильнѣе. „Мертвыя Души“ зналъ я наизусть; но это новое направленіе въ насъ какъ-то дико мѣшалось со старымъ нѣмецкимъ идеализмомъ; мы были реалисты въ нѣмецкомъ вкусѣ: охотно сближались съ толпою, даже наблюдали ее, но всегда съ забранной напередъ идеей, и, при удобномъ случаѣ, легко отрывались отъ твердой почвы, чтобы улѣтѣть въ заоблачныя страны. Въ университетѣ я писалъ и о Байронѣ, и о „Фаустѣ“ Гёте, котораго первую часть перевелъ цѣликомъ въ прозѣ, и о Софоклѣ. Обрадовавшись въ моихъ реально-идеальныхъ исканіяхъ чему-то болѣе положительному, я пристрастился къ греческой поэзіи. Знаніе греческой литературы замѣнило для меня естествовѣденіе, которымъ я въ университетѣ совсѣмъ не занимался, хотя и ходилъ на лекціи естественной исторіи о человѣкѣ. Я не могу безъ оглядки бросить камень въ классическое знаніе: оно не одинъ разъ умѣряло мою прыть, останавливало и спасало на ложныхъ путяхъ идеализма“.

Любопытныя подробности, относительно личной интимной жизни Водовозова, находимъ также въ его неизданномъ разсказѣ: „Новая жизнь“. „Весь обратившись въ слухъ и притаивъ дыханіе, — говоритъ авторъ, описавъ вступленіе своего героя въ университетъ, — теперь сидѣлъ онъ на университетской скамьѣ; онъ ждалъ откровенія истины... ждалъ, думалъ, хмурия и потирая лобъ, — и понималъ одно, — что наука мало доступна непосвященному смертному. Многое совсѣмъ казалось ему темнымъ, многое пролетало въ смутномъ видѣніи. „Безпредѣльна наука, а жизнь коротка“, сказалъ онъ, и съ усердіемъ принялся за работу. Это было началомъ новой борьбы. Цѣль найдена, но гдѣ средства ея достигнуть?.. Тутъ въ первый разъ понялъ онъ всю неустойчивость своего первоначальнаго развитія, увидѣлъ всю дикость почвы, которую пришлось обрабатывать. Некому было выручить его изъ хаоса вновь наплывшихъ идей, и Александръ Петровичъ (самъ авторъ) скоро утомился блуждать среди безконечно нагроможденныхъ осколковъ знанія, двигая, какъ чернорабочій, тяжелый грузъ ихъ съ мѣста на мѣсто. Для диссертациі со всѣмъ снарядомъ рудокопной учености еще не созрѣлъ онъ, а сердце говорило сильнѣе всякихъ доказательствъ логики и психологіи... Онъ сталъ неохотно посѣщать лекціи; пользуясь новой для него свободой, онъ окунулся



въ шумный круговоротъ жизни... Байронъ и Шиллеръ одинаково проникли въ его воспримчивую натуру; пламенная Жоржъ-Зандъ и здравомыслящій Гёте безразлично увлекали его то въ одну, то въ другую сторону, всегда заставляя свѣтлыхъ образовъ чуждой поэзіи искать въ окружающей его мутной дѣйствительности. Это была своего рода игра въ идеи, обманчивая, измѣнчивая и всегда неудачная... Александръ Петровичъ прошелъ всю многосложную кабалистику любви... Мать ухаживала за нимъ, какъ за больнымъ, вовсе не понимая его вѣчнаго сердечнаго недуга. Все-таки онъ утѣшался этимъ участіемъ и всегда рѣшалъ такъ: „кромя любви матери, нѣтъ другой любви на свѣтѣ“. Александру Петровичу помогли излечиться два, всегда очень полезные человѣку, друга: бѣдность и горе.

„Бѣдность вновь и вновь, въ самомъ жаркомъ пылу бездѣйствія, напоминала нашему герою о трудѣ... Какъ ни гореть былъ этотъ, часто принужденный, трудъ за насущный кусокъ хлѣба, онъ умѣрялъ бесполезныя волненія души и устанавливалъ волю. Иногда три или четыре версты случалось пройти Александру Петровичу, отправляясь на урокъ; послѣ такой прогулки и тяжкаго занятія съ какимъ-нибудь 20-ти-лѣтнимъ ребенкомъ, который, кромѣ игры на биллиардѣ, не усвоилъ совершенно ни одного знанія, ему часто казалось, что должны изсякнуть и вымереть всѣ нравственныя силы. Но изъ глубины души вставала новая, свѣжая волна, и свободная мысль, отряхнувъ всѣ цѣпи, опять витала на просторѣ... И бѣдность, и горе дали, наконецъ, почувствовать Александру Петровичу несбыточность идеальныхъ надеждъ; но, указавъ прямую цѣль жизни въ трудѣ, въ борьбѣ за добро, возможное въ настоящее мгновеніе, сильнѣе прежняго утвердили въ немъ рѣшимость честно стоять за правду...“

Вотъ любопытная исповѣдь Водовозова за этотъ періодъ его развитія, рисующая намъ тяжелыя перипетіи его жизни въ студенческіе годы: и страданіе отъ бѣдности, и немалое разочарованіе въ университетской наукѣ, и временную апатію къ труду, и неоднократно увлеченіе призраками любви, и торжество сознанія, что онъ обязанъ трудиться на пользу общества, „честно стоять за правду“, быть вѣрнымъ тому девизу, который онъ избралъ, вступая въ храмъ науки. Нѣкоторыя изъ чертъ, упомянутыхъ въ приведенномъ мѣстѣ изъ разсказа: „Новая жизнь“, подтверждаются и автобіографическими замѣтками; а что касается увлеченій любовью, то намеки на нихъ мы находимъ въ нѣкоторыхъ письмахъ къ Водовозову въ непосредственно слѣдующій затѣмъ періодъ его жизни, когда друзья, оставленные имъ въ

Петербургѣ, напоминали ему о прежнихъ знакомствахъ, о прежнемъ времяпрепровожденіи. Впрочемъ, нѣтъ худа безъ добра: если сердечныя увлеченія нерѣдко мѣшали университетскимъ занятіямъ, — за то они поддерживали тотъ огонекъ поэзіи, который началъ теплиться въ немъ еще въ училищѣ.

Въ автобіографическихъ замѣткахъ Водовозовъ не разъ упоминаетъ о томъ, что, будучи студентомъ, онъ „пописывалъ стишки“. Отъ студенческаго періода жизни Водовозова уцѣлѣли два оригинальныхъ стихотворенія, которыя еще яснѣе дорисовываютъ намъ то душевное состояніе юнаго автора, съ которымъ мы уже знакомы изъ его собственныхъ признаній. Первое стихотвореніе написано въ 1845 г., второе—въ 1846 г. Приведемъ ихъ цѣликомъ:

## 1.

Въ душѣ волненье и тревога,  
 Страданій горькихъ грудь полна,  
 И жизни бурная дорога,  
 Какъ ночь осенняя мрачна.  
 Давно утраченное счастье  
 Я со слезами проводилъ:  
 Возврата ждалъ, грустилъ, молилъ...  
 На встрѣчу грянуло ненастье!  
 Ахъ, божій міръ вездѣ блистаетъ  
 Разнообразной красотой,  
 Душа томится и пылаетъ  
 Неблагодарною тоской.  
 Но посреди страстей мятежныхъ,  
 Людей холодныхъ и могилъ,  
 Тѣхъ чувствъ восторженныхъ и вѣжныхъ  
 Я прежній пламень сохранилъ.  
 И жду... еще въ душѣ надежда  
 Привѣтнымъ теплится огнемъ,  
 И жизнь все манитъ въ даль, какъ прежде,  
 Мечтой о счастья золотомъ.

## 2.

Мнѣ тяжело; старинная печаль  
 Проснулась вновь... тревожно сердце бьется...  
 Но изъ цѣпей душа напрасно рвется,  
 Чтобъ вновь на крыльяхъ грезъ умчаться вдаль.  
 Забота и пужда, и трудъ ума суровый,  
 Ковали долго ей жестокиа оковы;  
 Свою весну она ужъ прожила:

Блестящія цвѣты надеждъ увяли,  
 Закружи солнце облава печали.  
 Отъ холода она пріюта не нашла.  
 По поднебесью, легкокрылой птицѣ,  
 Ей съ быстрымъ вѣтромъ больше не летать;  
 Усталыхъ крыльевъ нѣту силъ поднять.  
 И воли ей не жаль: она къ своей темницѣ  
 Привыкла, нечего ей болѣе желать.  
 Да, я доволенъ тяжкимъ испытаньемъ  
 Въ борьбѣ томительной съ самимъ собой,  
 Минутнымъ счастьемъ, многихъ дней страданьемъ,  
 Ничтожности моей безтрепетнымъ сознаньемъ,  
 Всѣмъ, всѣмъ, что мнѣ назначено судьбой.  
 Прости, надежда! пусть безъ дальнихъ хлопотъ  
 Умру, никѣмъ невѣдомый, въ глуши...  
 Засни-жь и ты, унылый сердца ропотъ,  
 Ты, жало ядовитое души!

Вся эта внутренняя борьба, точно также какъ и необходимость, вслѣдствіе крайней нужды, тратить много времени на добываніе хлѣба насущнаго, не могли не вредить университетскимъ занятіямъ, и потому неудивительно, что Водовозовъ окончилъ въ 1847 г. курсъ не кандидатомъ, а дѣйствительнымъ студентомъ. „Что же вынесъ я изъ университета? — спрашиваетъ Водовозовъ въ своихъ печатныхъ автобіографическихъ замѣткахъ. — Много идей, бродившихъ безсвязно въ головѣ, но еще больше неопредѣленныхъ стремленій. Мечты тянули меня къ Западу; а я не имѣлъ средствъ чѣмъ жить, не только что ѣхать за границу. Простодушно воображая нѣкоторымъ образомъ соединить и то, и другое, я съ радостью принялъ предложеніе ѣхать на мѣсто сверхштатнаго учителя въ Варшаву“. Жалованья на этомъ мѣстѣ полагалось всего 300 руб. въ годъ (2.000 злотыхъ) <sup>1)</sup>.

## II.

СЛУЖБА ВЪ ВАРШАВСКОЙ РЕАЛЬНОЙ ГИМНАЗИИ ВЪ 1847—51 ГГ.—Частные уроки.—Тяжелое матеріальное положеніе.—Изученіе греческихъ и римскихъ авторовъ.—Мечтательное настроеніе.—Восторженная преданность ученицъ.—Переездъ въ Петербургъ.

Къ счастью для Водовозова, въ Варшавѣ служилъ старый знакомый его родителей, С. А. С—чъ, который принялъ въ немъ

<sup>1)</sup> Въ половинѣ іюля 1847 г. попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа сдѣлалъ предложеніе правленію университета объ отправленіи Водовозова въ Варшаву, съ выдачею ему *заимообразно* полугодового жалованья.

большое участіе, и, отчасти благодаря его содѣйствію, Водовозовъ скоро получилъ штатное мѣсто; уже въ сентябрѣ 1847 года онъ былъ утвержденъ младшимъ учителемъ русскаго языка въ реальной гимназіи въ Варшавѣ, съ жалованьемъ 1.500 руб. ассигн. (450 р. сер.) въ годъ. Въ первое время Водовозовъ, вслѣдствіе вычета изъ его жалованья выданной впередъ суммы и еще единовременнаго вычета 10<sup>0</sup>/<sub>100</sub> въ пользу инвалидовъ, очутился бы въ самой крайней нуждѣ, еслибы С—чъ не принудилъ его взять у него займы 100 руб. „Наконецъ, настала тотъ радостный день,— писалъ Водовозовъ матери 9-го октября,—когда я получилъ первое жалованье 12 р. сер.“; вычетъ 15 р. инвалидовъ, по его словамъ, „подорвалъ“ его финансы и заставилъ цѣлый мѣсяцъ проходить съ 10 грѣшми; въ слѣдующій мѣсяцъ онъ получилъ 24 руб., а затѣмъ получалъ уже полный мѣсячный окладъ по 36 р. сер.

Служба Водовозова въ гимназіи оставила въ немъ самыя тяжелыя воспоминанія. Вотъ чтѣ рассказываетъ онъ объ этомъ времени своей жизни въ печатныхъ автобіографическихъ замѣткахъ: „Съ моими мировыми идеями, съ „Фаустомъ“ Гёте, Байрономъ и Софокломъ въ головѣ, я очутился въ одной изъ варшавскихъ гимназій учителемъ грамоты. Мнѣ порученъ былъ низшій классъ, состоявшій изъ трехъ отдѣленій, чуть ли не шестидесяти учениковъ въ каждомъ. То была самая пестрая смѣсь: дѣти шинкарей, возныхъ и бѣдныхъ чиновниковъ, жида и поляки <sup>1)</sup>, для которыхъ русскій языкъ былъ хуже латинскаго. Почти половина класса проходила въ установленіи какого-нибудь порядка; единственною педагогическою мѣрою были—розги. Признаюсь со стыдомъ, я мало возмущался всѣмъ, чтѣ видѣлъ: какое-то мертвое равнодушіе овладѣло мною послѣ первыхъ полученныхъ толчковъ, тѣмъ болѣе, что другіе испытывали то же и были довольны. Руководствомъ служила книжонка, заключавшая въ себѣ очень полезныя свѣденія, напримѣръ: „Домъ имѣетъ окна, стѣны, трубы... Я—человѣкъ, потому что мыслю, обоняю, рассуждаю. Прилежный ученикъ слушаетъ своихъ наставниковъ: я прилежный ученикъ, потому что...“ и проч. Преподавая по ней въ продолженіе четырехъ лѣтъ, я, наконецъ, зналъ ее отъ доски до доски наизусть. Я училъ русскому произношенію, отчасти склоненіямъ и спряженіямъ. Задавъ однажды по всѣмъ отдѣленіямъ склонять слово „столъ“, я сосчиталъ, что выслушалъ его въ раз-

<sup>1)</sup> Плата за ученіе въ этой гимназіи была самая ничтожная: всего 25 злотыхъ, т.-е. 3 р. 75 коп. сер. въ годъ.

ныхъ падежахъ до 2.000 разъ. Сначала затрудненіемъ для меня служилъ польскій языкъ, но я скоро усвоилъ его настолько, чтобы свободно объясняться съ учениками. Моею главною помѣхой въ преподаваніи было совершенное незнаніе педагогическихъ приемовъ, а еще болѣе тотъ идеальный сумбуръ, которымъ набита была голова моя. Слова: „не отъ міра сего“, мнѣ не на шутку нравились. Я былъ просто сухимъ учителемъ грамматики, и воспитанники меня не любили“. Нужно полагать, что преподаваніе Водовозова было едва ли хуже преподаванія другихъ учителей, и его позднѣйшее самоосужденіе должно быть смягчено тѣмъ простымъ соображеніемъ, что ему и не откуда было набраться педагогической опытности. Къ тому же не слѣдуетъ забывать, что русскій языкъ былъ иностраннымъ для его учениковъ въ гимназіи. Къ счастью, занятій въ гимназіи было не слишкомъ много: двадцать часовыхъ уроковъ въ недѣлю, и притомъ справлялись праздники, какъ польскіе, такъ и русскіе. Учился у Водовозова около 200 человекъ. Хотя одно время въ его письмахъ къ матери и встрѣчается увѣреніе, что онъ привыкъ къ своей службѣ и относится хладнокровно ко всѣмъ приносимымъ ею непріятностямъ, но всякое терпѣніе лопнуло бы при тѣхъ условіяхъ, въ какія былъ поставленъ тамъ молодой учитель. Уже въ январѣ 1849 г. онъ проситъ мать наводить справки, не откроется ли какого-либо мѣста въ Петербургѣ. Съ какою завистью смотрѣлъ онъ на своихъ 12—13-лѣтнихъ ученицъ (на частныхъ урокахъ), которымъ удалось уже побывать за границей. „А я долженъ,—писалъ онъ матери,—корпѣть на одномъ мѣстѣ, бранясь съ глупыми школьниками, пока совсѣмъ не отупѣю... Бѣдному вездѣ, гдѣ бы онъ ни былъ, одна участь: трудиться и терпѣть. Ему не летать свободно птицею, а бѣгать, какъ лошадь въ упряжи“. — „Дѣла мои все тѣ же,—писалъ Водовозовъ въ другомъ письмѣ:—учу и учусь, мучу другихъ и самъ мучусь“. — „Ученики мои ужъ до того мнѣ насолили,—жаловался онъ матери вскорѣ послѣ того,—что радехонекъ былъ бы бросить совсѣмъ званіе учителя. Но дѣлать нечего! Надо терпѣть, повуда еще терпится“.

Тяготаясь преподаваніемъ въ гимназіи, Водовозовъ съ величайшею охотою давалъ частные уроки, какъ это видно изъ его печатныхъ автобіографическихъ замѣтокъ. „Съ большимъ удовольствіемъ вспоминаю о нѣкоторыхъ частныхъ урокахъ“,—разсказываетъ онъ:—„тутъ занимался я совершенно наоборотъ, безъ малѣйшей схоластики; даже главною цѣлью моихъ занятій было внушить какъ можно болѣе отвращенія къ схоластикѣ. Впрочемъ, въ словесности я все еще толковалъ о неземномъ, о чистыхъ

идеалахъ, обращалъ вниманіе на художественный разборъ писателей, хотя очень много читалъ, иногда цѣлые вечера безъ умолку, и главнымъ любимцемъ моимъ все-таки былъ Гоголь“. У Водовозова бывали уроки въ одномъ частномъ пансіонѣ (по 9, по 12 часовъ въ недѣлю) и въ разныхъ частныхъ домахъ.

Съ особеннымъ удовольствіемъ давалъ Водовозовъ уроки дѣтямъ С. А. С—ча, вся семья котораго относилась къ нему съ большою любовью и участіемъ. Такъ какъ дружба съ этимъ семействомъ составляла едва ли не самое свѣтлое воспоминаніе Водовозова изъ всего варшавскаго періода его жизни, то мы должны остановиться на его отношеніяхъ къ С—чамъ, для чего его письма къ матери даютъ богатый матеріалъ. „Время я провожу какъ и прежде“, — писалъ Водовозовъ матери въ концѣ сентября 1847 г. (дни самые тяжелые для него въ матеріальномъ отношеніи): — „обѣдаю въ Мостовскомъ дворцѣ, гдѣ Соломонъ Александровичъ директоромъ и имѣетъ большую квартиру отъ казны. Послѣ обѣда читаю Марьѣ Степановнѣ романы или повѣсти, вечеромъ обыкновенно всѣ играемъ въ дурачки; иногда, когда бываютъ гости, танцуемъ... Я у нихъ теперь человѣкъ совершенно домашній, и С. А—чь называетъ меня не иначе, какъ племянникомъ“. Хозяинъ дома увѣрялъ Водовозова, что „надо заниматься чѣмъ-нибудь болѣе существеннымъ; что Гомеръ (котораго усердно штудировалъ тогда молодой Водовозовъ) мало приноситъ пользы, а лучше сдѣлаться чиновникомъ“; хозяйка же поддразнивала его, говоря, что онъ „скоро совсѣмъ сойдетъ съ ума отъ своей учености“, и убѣждала его, что молодой „человѣкъ долженъ немного поволочиться, а не корпѣть всегда надъ книгами“.

Водовозовъ не оставался въ долгу за разные одолженія, которыя ему оказывала семья С—чей: онъ иногда дѣлалъ для С. А—ча переводы съ польскаго, а главное постоянно занимался съ его дѣтьми (4-мя дѣвочками и 2-мя мальчиками), причемъ былъ особенно доволенъ вниманіемъ и успѣхами своихъ ученицъ; онъ училъ ихъ преимущественно русскому языку и словесности, но временами занимался съ ними даже латинскимъ и итальянскимъ языками. Уроки Водовозова не были сухимъ обученіемъ грамматикѣ или риторикѣ: онъ рассказывалъ цѣлыя повѣсти изъ разныхъ писателей, сообщалъ много свѣденій изъ міеологіи и литературы. Ученики и ученицы горячо любили своего добраго учителя. „Когда я прихожу, — пишетъ онъ матери, — то едва увидать они меня, какъ бросаются всѣ ко мнѣ, берутъ подъ руки и тащатъ въ свою комнату, чтобы я непременно тотчасъ рассказывалъ, и когда имъ понравится какая-нибудь повѣсть, то провоз-

глашаютъ меня и гениемъ, и чудомъ, и первымъ поэтомъ въ мірѣ, словомъ, самымъ необыкновеннымъ человѣкомъ. Меня это всегда очень забавляетъ, и я безъ конца говорю имъ, начиная съ Ломоносова и Шекспира и до того, что такое физика и химія, словомъ, говорю обо всѣхъ наукахъ, какія только есть на свѣтѣ“... „Мои ученицы и ученики, — писалъ Водовозовъ въ другомъ письмѣ, — чрезвычайно во мнѣ предупредительны, стараются всѣми средствами услуживать и называютъ не иначе, какъ добрымъ“. Дѣти повѣряли Водовозову свое горе и радости; онъ дѣлалъ для нихъ все, что могъ: писалъ имъ стихи для поздравленія родителей, клеилъ фонари для елки, игралъ въ фанты, танцевалъ съ ними до упаду.

Когда Водовозовъ окончательно обжился въ Варшавѣ и приобрѣлъ частные уроки, онъ зарабатывалъ иногда, вмѣстѣ съ гимназическимъ жалованьемъ, болѣе шестидесяти рублей въ мѣсяцъ (за урокъ, обыкновенно, платили тогда въ Варшавѣ всего 50—75 коп.). Но уроки бывали не всегда, а жалованье въ гимназiи выдавалось чрезвычайно неаккуратно, иной разъ нѣсколькими мѣсяцами позднеѣ, чѣмъ слѣдуетъ<sup>1)</sup>; поэтому, сплошь-и-рядомъ, Водовозовъ терпѣлъ крайнюю нужду, не имѣлъ денегъ, чтобы послать письмо матери, не имѣлъ дровъ, чтобы вытопить печь, вмѣсто обѣда питался однимъ кофе, не было пятиалтыннаго на извозчика; а тутъ еще приходилось иногда дѣлать такіа затраты, какъ изготовленіе мундира, стоившаго 45 р. (т.-е. болѣе чѣмъ мѣсячное жалованье) и притомъ необходимаго всего раза два въ годъ. И несмотря на все это, Водовозовъ находилъ возможнымъ помогать матери, посылая ей то 5, то 6, то 10 рублей. Кромѣ того, нужно было копить деньги къ лѣту, чтобы повидаться съ родными. Немудрено, что Водовозовъ писалъ матери въ январѣ 1851 г., когда уже окончательно рѣшилъ покинуть чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ службу въ Варшавѣ: „Денегъ въ Петербургъ съ собою не привезу, говорю напередъ, и имущество мое будетъ болѣе умственное, состоящее изъ кипы тетрадей и другой дряни, уложенной въ кладовой моего мозга. Однако, обзаведусь платьемъ, въ которомъ всего новѣе будутъ карманы, потому что не изотрутся отъ употребленія“.

Квартира и обстановка Водовозова была, разумѣется, болѣе чѣмъ скромная: такъ, въ мартѣ 1848 года онъ занялъ комнату, за которую платилъ 8 рублей 87 коп. въ мѣсяцъ, безъ дровъ

<sup>1)</sup> Слишкомъ учителей, по которымъ выдавалось жалованье, посылали въ началѣ года въ Петербургъ, на утвержденіе министра.

и мебели, но съ прислугой <sup>1)</sup>); нѣсколько позднѣ онъ нанялъ комнату на цѣлый годъ, по контракту, за 6 руб. 75 коп. въ мѣсяцъ. Современемъ онъ дошелъ до такой роскоши, что у него было даже 2 комнаты. Одно изъ писемъ къ матери вводитъ насъ въ его домашнюю обстановку: „Еслибы вы заглянули въ мой уголь,—писалъ Водовозовъ,—то, вѣрно, порадовались бы отъ души: домъ какъ полная чаша; я уже совершенно устроился; не стыдно принять гостей, какихъ угодно. Одна комната разгорожена ширмою и служитъ мнѣ переднею; другая—кабинетъ и гостиная вмѣстѣ—и вся заставлена, чѣмъ бы вы думали? моими греческими богами-статуэтками изъ гипса: Аполлонъ, Венера и Грація окружаютъ меня отовсюду. По душѣ я сдѣлался совершеннымъ грекомъ и хочу, чтобъ все напоминало мнѣ Грецію. Что же дѣлать? одни, которымъ Богъ далъ геній, могутъ ѣздить по Итали, всю жизнь свою думать объ искусствѣ и создавать Геркулесовъ (у Водовозова былъ знакомый скульпторъ Пименовъ); другіе должны въ грязной Варшавѣ учить дѣтей азбуку 8 часовъ въ день, а остальные четыре украдкою гулять душою по прекрасному Олимпу Греціи и пережевывать фразы Эсхила да Софокла“. Овна, комодъ и конторка были уставлены цвѣтами, за которыми онъ самъ ухаживалъ; но какъ бы то ни было, обстановка квартиры не принадлежала къ числу роскошныхъ. Окончательно рѣшивъ переѣхать въ Петербургъ, онъ писалъ, что мебель ему придется распродать за самый безцѣнонь: „и не знаю, получу ли отъ всего болѣе 10 рублей“.

Какъ мы видѣли, прежде всего въ Варшавѣ Водовозовъ сошелся съ семействомъ С—чей, и во всѣ 4 года тамошней жизни сохранялъ съ ними самыя дружескія отношенія. Были у него и нѣкоторые другіе знакомые, всего чаще тѣ дома, гдѣ онъ давалъ уроки: вездѣ скоро чувствовали расположеніе къ этому доброму и честному человѣку; вездѣ, какъ онъ выражается, „любили и баловали его“. Расположеніе дамъ, отчасти, объясняется необыкновеннымъ усердіемъ Водовозова въ танцахъ: ему случалось одному исполнять обязанность джжины кавалеровъ и отплясывать до того, что потомъ приходилось ходить, „переваливаясь съ боку на бокъ“.

Очень нравился Водовозову варшавскій театръ, особенно комедіи и балетъ; но денежныя обстоятельства рѣдко позволяли ему доставить себѣ это удовольствіе, несмотря на то, что, по

<sup>1)</sup> Впрочемъ, сапоги чистилъ и зашивалъ платье онъ самъ; также самъ тошилъ печку, и научиться этому ему стоило большого труда.



его выраженію, варшавскимъ балетомъ „можно такъ увлечься, что сами ноги ведутъ въ театръ противъ воли“.

Посѣщеніе гостей и нѣкоторыя развлеченія не заставили, однако, Водовозова покинуть и серьезныя занятія. „Въ Варшавѣ, — говоритъ онъ въ своихъ печатныхъ автобіографическихъ замѣткахъ, — я имѣлъ случай ознакомиться съ польскою литературою; кромѣ того, перевелъ Антигону и почти всѣ трагедіи Эсхила и Софокла въ прозѣ“. Въ одномъ изъ писемъ къ матери онъ замѣчаетъ: „занимаюсь *десятью разными языками*, перевожу съ греческаго, англійскаго и итальянскаго“; въ числѣ этихъ языковъ нужно, безъ сомнѣнія, считать русскій и церковно-славянскій, которыми онъ занимался научно, принявшись за составленіе русской грамматики. „Для одного очень способнаго ученика, — рассказываетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ, — я вздумалъ составлять курсъ грамматики. Туда вошло все, начиная отъ Аделунга и Греча до Боппа и Буслаева; тутъ говорилось о преимуществахъ человѣческаго голоса, въ сравненіи съ голосомъ животныхъ, и о значеніи юсовъ, и о мѣстоименныхъ окончаніяхъ, и о томъ, какъ части рѣчи рождаются изъ самыхъ нѣдръ мысли. При всей моей скромности я никакъ не полагаю, чтобы эта грамматика была чѣмъ-нибудь хуже той, которая впоследствии издана академіей подъ редакціей Давыдова; но она гдѣ-то затерялась, и я объ этомъ не слишкомъ жалѣю“. Ранѣе этихъ грамматическихъ занятій Водовозовъ употребилъ три мѣсяца на составленіе реторики для своихъ ученицъ.

Изъ произведеній древняго міра нашъ молодой классикъ сначала преимущественно штудировалъ Гомера, а затѣмъ принялся за прозаическіе переводы Эсхила и Софокла. Мать Водовозова нѣсколько озабочивали эти усиленные занятія греческими авторами, и она писала ему: „Будетъ ли толкъ въ твоихъ переводахъ или выгода; чтобы не пропали труды даромъ, и отъ большихъ занятій не потеряй здоровья“. С. А. С — чъ также, какъ мы видѣли, совѣтовалъ промѣнять занятіе Гомеромъ на мѣсто чиновника; но Водовозовъ не покидалъ любимыхъ авторовъ даже на пути между Варшавою и Петербургомъ (такъ, однажды, на дорогу съ собою онъ взялъ Пиндара). Мало надѣясь извлечь изъ всего этого практическую пользу, онъ, въ виду гнетущей его нужды, былъ бы, разумѣется, не прочь гдѣ-нибудь напечатать свои переводы <sup>1)</sup>; но это пока оставалось мечтою. Подводя въ

<sup>1)</sup> „Есть у меня теперь, — писалъ онъ какъ-то матери, — переводы 3 греческихъ трагедій и нѣсколькихъ сатиръ Горация. Когда бы могъ сбить ихъ съ рукъ, хотя недорого, былъ бы очень доволенъ“.

одномъ письмѣ къ матери итогъ всему своему времяпрепровожденію, Водовозовъ говоритъ: „Я поживаю по-прежнему. Въ праздники—танцы, въ будни—хожденіе по урокамъ или занятія на дому, рисованіе и чтеніе греческихъ сочиненій, иногда сытный обѣдъ съ шампанскимъ и венгерскимъ на какихъ-нибудь именинахъ (иногда,—могъ бы онъ прибавить, еслибы не боялся обезпечить мать,—голоданіе и холоданіе дома безъ обѣда и дровъ), иногда—слушаніе сплетенъ, иногда—ссора съ учениками или дружба съ ученицами, смѣхъ или скука—все это разнообразить мое время“<sup>1)</sup>.

Въ одномъ изъ писемъ къ матери Водовозовъ упоминаетъ о своихъ занятіяхъ рисованіемъ<sup>2)</sup>. Наклонности Водовозова въ этомъ отношеніи, быть можетъ, объясняются тѣмъ, что въ числѣ родныхъ и знакомыхъ его родителей были извѣстные художники Угрюмовъ и Воробьевъ, картины которыхъ уцѣлѣли у матери Водовозова и послѣ катастрофы, постигшей его отца. Этотъ художественный элементъ въ обстановкѣ Водовозова могъ подѣйствовать на воспримчиваго мальчика, а любовь молодого человѣка къ природѣ довершила остальное. Онъ иногда занимался рисованіемъ карандашемъ и позднѣе.

Не мало времени употреблялъ Водовозовъ на переписку съ матерью, которой онъ былъ горячо преданъ; передъ нами большая коллекція его писемъ къ ней изъ Варшавы; старушка свято хранила ихъ, перечитывала по нѣскольку разъ и давала для прочтенія роднымъ и знакомымъ. Писемъ этихъ было бы еще больше, еслибы и тутъ нужда не стояла поперекъ дороги: пересылка письма стоила тогда 25 коп., и лишь съ 1851 г. плата была понижена до гривенника. Рассказывая матери подробнѣйшимъ образомъ о всѣхъ своихъ дѣлахъ, Водовозовъ входилъ и во всѣ ея интересы, спрашивалъ, какіе у нея жильцы, безпристрастно

<sup>1)</sup> Среди рукописей, оставшихся послѣ Водовозова, мы нашли прозаическіе переводы трагедій Эсхила: „Прометей скованный“, „Персн“, „Семь противъ Фивъ“, и большую часть трагедій Софокла „Эдипъ-царь“. Рукописи переводовъ нѣкоторыхъ другихъ трагедій могли быть подарены, какъ показываетъ одно изъ писемъ къ матери, А. В. Никитенко. Что касается переводовъ нѣкоторыхъ сатиръ Горация и пѣсень Анакреона, то въ это время они, быть можетъ, также были сдѣланы еще прозою.

<sup>2)</sup> Подробнѣе онъ говоритъ объ этомъ въ письмѣ къ брату Александру: „купилъ себѣ краски, и въ свободное время все только рисую. Хочу на память снять всѣ замѣчательныя мѣста въ окрестностяхъ Варшавы. Трудно это сдѣлать, никогда не учившись рисовать, но я сдѣлалъ нѣсколько пробъ, и мнѣ довольно удалось. По крайней мѣрѣ, всѣ говорятъ, что у меня есть способность къ рисованію. Теперь всѣ альбомы знакомыхъ и незнакомыхъ мнѣ дѣвицъ наполнены издѣлками моей кисти или карандаша“.

обсуждать ея маленькія распри съ прислугой, наконецъ, какъ мы уже упоминали, безпрестанно помогали ей деньгами. За эту искреннюю преданность и мать платила ему горячею любовью; замедленіе въ полученіи писемъ отъ сына приводило Екатерину Ивановну просто въ отчаяніе.

Въ своихъ печатныхъ автобіографическихъ замѣткахъ Водозовъ говоритъ, что въ варшавскій періодъ жизни его голова была „набита“, по его позднѣйшему опредѣленію, идеальнымъ сумбуромъ. Для характеристики его настроенія за это время можно привести отрывки изъ его писемъ къ А. В. Никитенко и изъ дневника, веденнаго зимою 1849 г. „Жду среды,—читаемъ въ письмѣ къ Никитенко,—когда есть надежда получить частицу жалованья, а до тѣхъ поръ питаюсь изслѣдованіями Шлегеля о драматическомъ искусствѣ. На жизнь я, какъ и прежде, смотрю съ точки (зрѣнія) идеалистической школы и радуюсь, по крайней мѣрѣ, тому, что нисколько ничѣмъ не разочарованъ. Помимъ понятіямъ, даже среди захоластныхъ и необозримыхъ болотъ жизни всегда можно найти предметъ для благородной цѣли. Стоитъ только не упадать духомъ и вѣрить желѣзной волѣ необходимости, какъ вѣрили ей греки“. Менѣе бодрое настроеніе находимъ мы въ дневникѣ. Отмѣтивъ окончаніе чтенія „Лелии“ Жоржъ-Занда, Водозовъ продолжаетъ: „много думалъ и плакалъ. Какъ сходна судьба лицъ этой поэмы съ судьбою многихъ изъ насъ! Страданія, испытанныя въ „Лелии“, мнѣ самому пришлось не разъ испытывать. Углубляясь въ прошедшее и озирая настоящее, я со слезами подымалъ глаза къ небу и просилъ Бога сохранить мнѣ непоколебимыми вѣру и любовь къ добру и прекрасному. „Прочтя романъ Жоржъ-Занда: „Жакъ“, Водозовъ пишетъ: „я нашелъ въ идеальномъ характерѣ Жака нечаянно свой двойникъ, и горько плакалъ. О чемъ? Я готовъ сомнѣваться во всемъ: въ собственныхъ слезахъ своихъ, въ силѣ и доблести сердца, даже въ искренности моего невѣрія... Я чувствую, что готовъ къ добру, готовъ сдѣлать великую жертву, еслибы ея отъ меня требовала судьба, и довольствоваться однимъ воздаяніемъ своего чувства. Но отчего же вѣчно скорбитъ душа моя и падаетъ твердость рѣшимости передъ страшнымъ равнодушіемъ свѣта. Правъ ли я, уединяясь въ своемъ страданіи? правъ ли, считая страданіе свое благороднымъ? Я безсиленъ, безсиленъ какъ рабъ, прикованный къ желѣзу“. При такомъ восторженномъ, романтическомъ настроеніи нельзя было, разумѣется, не влюбиться: это и случилось, какъ видно изъ слѣдующихъ страницъ дневника; хотя Водозовъ, повидимому, и

встрѣтилъ сочувствіе, но денежные обстоятельства его были таковы, что о браеѣ нечего было и думать; быть можетъ, этимъ объясняется грустный тонъ дневника. Приведемъ нѣкоторыя мѣста:

„Умчались пламенныя грезы,  
Но сердце къ нимъ стремится вновь.  
Мой Богъ, спаси мою любовь,  
Мой Богъ, пошли мнѣ слезы!

„...Молю у тебя слезъ, Господи! вѣрую, что путь, по которому Ты ведешь меня,—путь добра и истины. Когда разразится новое горе надъ усталую голову и сила муки одолѣетъ душу, о, Боже, пусть тогда въ горячихъ слезахъ растопится окаменѣвшее отчаяніемъ сердце!.. Ты знаешь: ту любовь, которую Ты послалъ мнѣ, я сохранилъ ее чистою и непорочною, я питалъ ее въ сердцѣ, какъ пламень, возженный тобою. То былъ восторженный гимнъ, то была благодатная молитва Тебѣ, Господи... и Ты знаешь: ту любовь, данную мнѣ Тобою, я снова возвратилъ къ Твоему престолу. О, Боже! еще и еще пошли мнѣ слезы. Спаси мою вѣру, спаси мою силу! Спаси мою вѣру, Господи! Отъ холода сомнѣнья защити мою душу“... Впрочемъ уже тогда Водовозовъ зналъ одно вѣрное лекарство отъ одолѣвавшей его хандры. Вотъ что просилъ онъ свою мать передать одному общему знакомому, котораго постигло какое-то личное горе: „Пусть онъ не тоскуетъ много... Сколько бы мы ни думали, ни гадали, всегда придетъ къ одному результату, что надо трудиться, что надо жить не для себя, а для пользы общей. Трудъ—самое лучшее лекарство отъ всякой скуки, самое лучшее утѣшеніе въ несчастіи. Онъ всегда насъ чѣмъ-нибудь награждаетъ: если не деньгами, то, по крайней мѣрѣ, спокойствіемъ, увѣренностью, что и мы что-нибудь сдѣлали... Дружба, любовь, удовольствія, общество, разсѣянность—хороши только на время. Всѣ эти радости покупаются дорогою цѣною и потомъ еще оплачиваются жидовскими процентами. Трудъ же, какъ запасной капиталъ, хранить свою цѣнность и тогда, когда все въ мірѣ для насъ теряетъ цѣнность... Мы все ищемъ счастья, а высочайшее счастье... есть способность забывать несчастія. Лучшаго же къ этому средства нѣтъ, какъ работа, которая безпрестанно отвлекаетъ насъ отъ самихъ себя“... Какъ мы видѣли, Водовозовъ постоянно прибѣгалъ къ этому средству, и всего болѣе благодаря ему терпѣливо перенесъ всѣ злосключенія своей варшавской жизни. Не даромъ его называли „философомъ“ еще въ коммерческомъ училищѣ; не даромъ это прозваніе примѣняли къ нему нѣкоторые това-

рици и въ университетскіе годы. Любимый и уважаемый имъ А. В. Никитенко поддерживалъ Водовозова въ его идеалистическомъ настроеніи; вотъ что писалъ онъ ему еще въ сентябрѣ 1847 г.: „Вкушайте жизнь, но не засматривайтесь на нее слишкомъ; на высотѣ мерцаютъ еще идеи безсмертныя: нужды нѣтъ, что слишкомъ высоко. Съ ними только и знаешь, что и вселенная широка, и человекъ великъ, несмотря на то, что вырастаетъ изъ грязи и пресмыкается въ грязи. Храните вѣру въ вѣчную гармонию, въ вѣчную красоту и доблесть... такая вѣра есть сила, а съ силою не страшны ни горе, ни обольщенія“.

Мечтательному настроенію нисколько не противорѣчитъ поклоненіе земной красотѣ, и Водовозовъ нерѣдко предавался ему, какъ мы знаемъ, еще въ Петербургѣ. Въ Варшавѣ онъ пережилъ, повидимому, болѣе серьезное чувство, но и послѣ того очень часто увлекался <sup>1)</sup>.

Мы знаемъ, какъ тяготился Водовозовъ своею службою въ варшавской гимназій; весьма естественно, что онъ рано сталъ обсуждать вопросъ о переходѣ въ Петербургъ, тѣмъ болѣе, что его мать страстно этого желала. Въ началѣ 1849 года онъ писалъ: „Страшно бросить готовый кусокъ хлѣба, чтобы снова протягивать руку, не зная, откуда придетъ помощь. На себя надѣюсь я слишкомъ мало и въ каждомъ неуспѣхѣ готовъ скорѣе винить свою неловкость, чѣмъ чужой эгоизмъ, а сдѣлаться совершенно скотомъ все еще нѣтъ силы. Еслибы я могъ имѣть въ виду хоть какое-нибудь занятіе, хоть какое-нибудь мѣстечко... А лучше, думаю, еще подождать, да потерпѣть, да поработать спокойно, не тратя дорогого времени на отыскиваніе новинокъ“. Но препятствіе было и въ томъ, что Водовозовъ былъ обязанъ прослужить въ Варшавѣ не менѣе трехъ лѣтъ. „Теперь мнѣ нельзя было бы иначе раздѣлаться съ гимназіей, — писалъ онъ въ другомъ письмѣ, — какъ заплативъ около тысячи; а гдѣ взять столько

<sup>1)</sup> Въ одномъ письмѣ къ Никитенко, написанномъ въ послѣднюю зиму, проведенную въ Варшавѣ, онъ писалъ: „Занимаюсь—какъ бы вамъ сказать, чѣмъ?—психологіей, новымъ изслѣдованіемъ много уже разъ описанной земли въ человѣческомъ микрокосмѣ, извѣстной подъ названіемъ женскаго сердца. Почва вообще вулканическа; пропасти и провалы на каждомъ шагу. Подлѣ снѣжныхъ горъ и ледниковъ прелестные пейзажи въ лучахъ палящаго солнца, мимолетные метеоры, разноцвѣтные туманы и бездна блестящихъ насѣкомыхъ, неуловимыхъ для самаго сильнаго микроскопа... Не думайте, однако, что я уже далъ совершенный разгулъ мыслямъ моимъ; такъ отвязываю только ихъ на время отъ тѣсной ихъ конурки: пусть немного побѣгаютъ по веревочкѣ. Будьте увѣрены—между шаловливыхъ дѣтей моей фантазій сидитъ всегда важная мадамъ филологія и часто говорить имъ: *tenez-vous droit!*“...

денегъ?“ Но, отслуживъ обязательный срокъ, онъ окончательно рѣшается перейти въ Петербургъ.

Единственный человекъ, на содѣйствіе котораго въ присканіи тамъ мѣста Водовозовъ возлагалъ надежду, былъ А. В. Никитенко, который считалъ его однимъ изъ самыхъ лучшихъ своихъ учениковъ; но онъ крайне стѣснялся беспокоить его своими личными дѣлами. Онъ проситъ мать не докучать Александру Васильевичу просьбою о мѣстѣ: „я еще не заслужилъ этого, чтобы обо мнѣ хлопотали... самъ же утруждать Александра Васильевича просьбами никакимъ образомъ не рѣшусь до тѣхъ поръ, пока не увижу, что могу быть чѣмъ-нибудь полезенъ на иномъ поприщѣ“. Но, задумавъ перейти во что бы то ни стало въ Петербургъ, Водовозовъ не могъ обойтись безъ содѣйствія Никитенко: „Вотъ уже третій разъ,—писалъ онъ ему весною 1851 г.,—матушка въ своихъ письмахъ ко мнѣ тотчасъ послѣ родительскихъ совѣтовъ объ упованіи на Бога, ставить ваше имя подобно мореходу, указующему на маякъ, котораго корабль долженъ держаться... Какъ только приѣду въ Петербургъ, явлюсь къ вамъ, но боюсь одного... угадаете ли?—боюсь показаться вамъ подъ выѣзской человекѣа *ищуцаго*, который, едва явится въ дверь, ужъ, кажется, говорить своей прислащенной улыбкою: *я къ вамъ съ просьбою*,—человекѣа скучнаго и тяжелаго, который такъ и сякъ выкручивается передъ вами, думая показать вамъ свою привязанность и никакъ не въ силахъ скрыть своей задней мысли. Волею-неволею, судьба поставяетъ меня почти въ такое положеніе въ отношеніи всѣхъ моихъ добрыхъ знакомыхъ, и потому говорю напередъ: помогите, если можете и если это не будетъ стоить вамъ большаго безпокойства... Недѣли черезъ двѣ я буду въ Петербургѣ съ кошельеомъ, полнымъ еще не совсѣмъ угаснувшихъ надеждъ, съ прежнею ревностью трудиться, терпѣть, когда нужно, — и только“... Никитенко сказалъ матери Водовозова, что онъ сдѣлаетъ все возможное, готовъ ѣхать въ товарищу министра, и проч.

Въ своихъ печатныхъ автобіографическихъ замѣткахъ Водовозовъ такъ оканчиваетъ свой рассказъ о жизни въ Варшавѣ: „На меня напалъ страхъ совсѣмъ истратить свои силы въ безцѣльной дѣятельности, и я приѣхалъ въ Петербургъ, не имѣя въ виду никакого мѣста <sup>1)</sup>. Я былъ такъ счастливъ, что скоро былъ назначенъ преподавателемъ русскаго языка и словесности въ гимназіи“. Это устроилось благодаря участію А. В. Никитенко, ко-

<sup>1)</sup> Водовозовъ получилъ отставку по прошенію изъ варшавской реальной гимназіи, 7-го августа 1851 года.

торый, узнавъ о ваканціи, открывшейся въ 1-ой гимназіи, въ письмѣ къ попечителю петербургскаго учебнаго округа Мусину-Пушкину, въ такихъ выраженіяхъ рекомендовалъ Водозова на это мѣсто: „Съ совершеннымъ безпристрастіемъ, которое считаю долгомъ совѣсти и чести въ такомъ важномъ дѣлѣ, каковъ выборъ наставника, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, могу сказать, что г. Водозовъ принадлежитъ къ числу достойнѣйшихъ и способнѣйшихъ людей, посвятившихъ себя образованію юношества. Если могу съ гордостью указать на такихъ изъ своихъ учениковъ, каковы гг. Вороновъ, Иванцкій, Тимоѣевъ, Карелкинъ, которые всѣ извѣстны вашему превосходительству, то Водозовъ не послѣднее занимаетъ между ними мѣсто. При основательномъ знаніи древней литературы, въ особенности греческой, чему доказательствомъ могутъ служить находящіеся еще въ рукописи переводы всѣхъ почти трагедій Эсхила, всѣхъ стихотвореній Анакреона, онъ обладаетъ вполне знаніемъ языковъ французскаго, нѣмецкаго, англійскаго, польскаго и достаточнымъ знаніемъ итальянскаго. Русскій же языкъ составляетъ главный предметъ его ученыхъ изысканій и учебныхъ занятій. Метода преподаванія его легка, ясна и занимательна въ высшей степени. По всему этому я совершенно убѣжденъ, что онъ вполне оправдываетъ милостивое вниманіе, какимъ ваше превосходительство его удостоите, и сдѣлаетъ честь университету, его образовавшему, и званію, какое благоволите на него возложить“. Въ виду такой рекомендаціи, Мусинъ-Пушкинъ не только назначилъ Водозова старшимъ преподавателемъ русскаго языка и словесности въ 1-ой гимназіи, но и позднѣе относился къ нему настолько благосклонно, сколько это было для него возможно при его крутомъ характерѣ.

И послѣ переѣзда въ Петербургъ Водозовъ не прерывалъ своихъ связей съ Варшавой; особенно часто переписывался онъ со своими ученицами, отъ которыхъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ получалъ самыя трогательныя выраженія расположенія и сочувствія. Приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ этихъ писемъ, чтобы показать, какую любовь умѣлъ внушить къ себѣ Водозовъ, какое сильное и благотворное вліяніе имѣлъ онъ на своихъ 14—17-лѣтнихъ ученицъ. „Можемъ ли мы забыть того, кто произвелъ на насъ неизгладимыя впечатлѣнія, съ кѣмъ провели столь пріятныя минуты, были всегда такъ дружны и откровенны, чьи бесѣды были для насъ всегда такъ милы и поучительны. Нѣтъ, будьте увѣрены, что ни разлука, ни время не могутъ измѣнить нашу привязанность къ вамъ и изгладить въ умахъ нашихъ память того, кого мы всегда будемъ любить и уважать“. Та же ученица

пишетъ: „чтеніе этой комедіи“ (перевода Божественной Комедіи Данта) напомнило мнѣ то пріятное и, можетъ быть, невозвратное время, когда, бывало, вы намъ читали и объясняли первыя пѣсни della Comedia Divina и такъ хорошо и просто переводили намъ ихъ на русскій языкъ. Ахъ, Вас. Иван., на каждомъ шагѣ видимъ мы, какъ много потеряли съ вашимъ отъѣздомъ изъ Варшавы! Никто до сихъ поръ не замѣнилъ намъ ни вашихъ пріятныхъ и полезныхъ бесѣдъ, ни вашихъ поучительныхъ разговоровъ, занимательныхъ уроковъ, словомъ, вашего дорогого присутствія“. Нерѣдко форма выраженія любви къ Водовозову невольно заставляетъ улыбнуться, но сквозь нее всегда видно искреннее чувство. „Чѣмъ болѣе узнаю свѣтъ и этотъ испорченный XIX-й вѣкъ, — пишетъ другая 17-лѣтняя ученица, — тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что вы выше всѣхъ; какъ горжусь я вами, какъ дорого заплатила бы я, чтобъ опять видѣть васъ, слышать васъ и такъ проводить дни и ночи“. — „Вы, съ вашими возвышенными чувствами, съ вашимъ благороднымъ характеромъ, — пишетъ третья ученица, — заставляете насъ искать и думать, что и на землѣ можно найти вамъ подобныхъ идеаловъ. Идеаловъ, говорю я, да! это одно слово можетъ только выразить весь восторгъ мой къ вамъ!.. Если бы вы знали, сколько я дорожу, сколько горжусь вашей дружбою“... Далѣе она выражаетъ желаніе — „не потерять ни одной прекрасной мысли, улетѣвшей изъ благородной души“ Водовозова, „изъ этой чудной книги, которой авторъ — самъ Богъ“. Одна изъ этихъ ученицъ, обращаясь къ Водовозову, какъ къ „дорогому поэту“, говоритъ: „Если бы могла нанизать ваши стихи на нитку, то сдѣлала бы изъ нихъ такое чудесное колье, что просто всѣ женщины мнѣ бы завидовали. Но полно... я знаю — вы не любите, чтобы вамъ говорили правду, вы хотите, чтобы любовались вами тогда, когда васъ нѣтъ, но это довольно трудно: все истинно прекрасное невольно вырываетъ у насъ похвалы“... „Скажите мнѣ, кто можетъ замѣнить если не всего, то, по крайней мѣрѣ, одну частицу нашего незабвеннаго, неоцѣннаго Василія Иван.“ — спрашиваетъ другая ученица. Третья сообщаетъ, что она повѣсила его портретъ у себя и каждый день украшаетъ его цвѣтами. Обращаясь къ нему, молоденькія ученицы называютъ его: „Мой драгоценный другъ“, „Неподражаемый другъ“, „Cher et mille fois cher ami“, „Cher philosophe“, даже: „Мой ангелъ“. Письма подписываются съ такими эпитетами: „Вашъ другъ“, „Ваша по гробъ“, „Ваша вѣрная“, „Ваша неизмѣнная“, „Ваша обожательница“. Для того, чтобы вызвать такое расположеніе къ



себѣ, нужно было далеко возвышаться надъ общимъ уровнемъ и своимъ преподаваніемъ, и своею нравственною личностью.

Дѣло, однако, не ограничивалось въ этой перѣпискѣ выраженіемъ чувствъ, шутками и милой болтовней; все это перемѣшивалось съ весьма серьезными предметами. Ученицы сообщаютъ Водозову о своемъ чтеніи; онѣ не только читаютъ въ подлинникахъ Манцони, Гольдони, Бульвера, Альфреда Мюссе, Гёте, „Исторію литературы Вильмена“, „Исторію нравственной философіи XVIII-го вѣка“ Кузена, но даже пробуютъ ломать голову надъ эстетикою Гегеля. Ихъ бывший учитель, съ своей стороны, совѣтуетъ, между прочимъ, читать Одиссею и романы Жоржъ-Занда. Чтобы показать свои успѣхи въ иностранныхъ языкахъ, ученицы пишутъ иногда Водозову по-англійски, по-польски, по-французски.

### III.

ПОСТУПЛЕНІЕ НА СЛУЖБУ ВЪ ПЕРВУЮ ПЕТЕРБУРГСКУЮ ГИМНАЗИЮ И ПРЕПОДАВАНІЕ ВЪ НЕЙ ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ ПЯТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ. — ПЕРЕВОДЫ КЛАССИКОВЪ. — СКУДНОСТЬ МАТЕРИАЛЬНЫХЪ СРЕДСТВЪ.

Первая с.-петербургская гимназія, куда въ концѣ 1851 года Водозовъ поступилъ преподавателемъ словесности, принадлежала въ числу тѣхъ, въ которыхъ преподаваніе греческаго языка было уничтожено въ ноябрѣ того же года, и гдѣ стали преподавать естественныя науки; воспитанники же, готовящіеся, на основаніи закона 1849 г., къ поступленію на службу, а не въ университетъ, занимались вмѣсто латинскаго языка законовѣденіемъ и, кромѣ того, для нихъ были усилены уроки русскаго языка и математики <sup>1)</sup>.

Относительно преподаванія своего въ первой гимназіи въ первой половинѣ пятидесятихъ годовъ, Водозовъ рассказываетъ слѣдующее въ своихъ печатныхъ автобіографическихъ замѣткахъ, набросанныхъ въ 1861 г., т.-е. когда, подъ вліяніемъ опыта и самостоятельнаго изученія предмета, путешествія за границу и, наконецъ, въ связи съ сильнымъ оживленіемъ литературы съ начала новаго царствованія, онъ уже окончательно отрѣшился отъ своего прежняго, преимущественно эстетическаго направленія. „Я поступилъ (въ первую гимназію) во время господства курса

<sup>1)</sup> Для русскаго языка и словесности въ четырехъ старшихъ классахъ, гдѣ преподавалъ Водозовъ, было назначено въ каждомъ по 3 урока въ недѣлю, а въ IV-мъ, для готовящихся на службу, еще два дополнительныхъ урока.

Зеленецкаго и усерднаго писанія отчетовъ, программъ, донесеній, отношеній, и проч... Курсъ Зеленецкаго мнѣ былъ очень полезенъ, чтобы объяснять, въ чемъ состоитъ нелѣпность схоластики. Самостоятельно занимался я сначала преимущественно эстетическими разборами, проходилъ въ V классѣ и логику, и теорію слога. Увы! и нападая на схоластику, я былъ не совсѣмъ отъ нея избавленъ: я даже пытался объяснять Карамзина по силлогизмамъ, какіе онъ употребляетъ; но это рѣшительно не удалось мнѣ... Логическая система въ преподаваніи грамматики также сильно меня увлекала: мнѣ казалось, что раскрывается вся глубина русскаго языка, когда я скажу, что подлежащее—предметъ, а сказуемое—признакъ. Въ логику, однако, скоро я перешелъ къ толкованію методовъ: анализа и синтеза, аналогіи и наведенія, и къ объясненію системъ науки. Сюда примѣшалъ я и нѣчто изъ психологіи: ученіе о чувствахъ, о воображеніи и памяти. Историческій отдѣлъ въ преподаваніи у меня былъ очень слабъ, хотя для себя я и продолжалъ заниматься иностранною литературою. Только исторію русскаго языка проходилъ я подробно, давая читать памятники, по которымъ воспитанники составляли лекціи. Въ знакомствѣ съ родами и видами сочиненій я ограничивался почти одной хрестоматіей Галахова: поэзію излагалъ я несравненно подробнѣе, чѣмъ прозу; толкованіе объ искусствахъ, о художественности занимало у меня наиболѣе мѣста. Неизвѣстно, по какому внушенію вдругъ навинулся я на біографіи писателей <sup>1)</sup> и излагалъ подробно жизнь Данте, Тассо, Сервантеса, мало знакома съ ихъ сочиненіями. Это все-таки было лучше, чѣмъ отвлеченныя толкованія объ изящномъ. Вскорѣ у насъ появился какой-то особенный припадокъ практичности: всѣ требовали, чтобы читать и писать, писать и читать какъ можно болѣе; но о выборѣ статей и цѣли, съ какою онѣ могли быть прочитаны, мало разсуждали. Я не отсталъ отъ другихъ, тѣмъ болѣе, что теорія все у меня хромала. Ничего не удавалось мнѣ рассказывать такъ плавно и увлекательно, какъ мои теоретическія воззрѣнія, все-таки основанныя на опытѣ, потому что они были выводомъ прочитаго и пережитаго мною: я самъ иногда умилялся отъ своихъ тонкихъ замѣчаній и открытій въ области нравственнаго. Но, въ сожалѣнію, ничего такъ мало не было усвоено воспитанниками, какъ эти воззрѣнія, хотя я и популяризировалъ ихъ до

<sup>1)</sup> Напомню, что въ „Наставленіи преподавателямъ русскаго языка и словесности“, составленномъ въ 1852 г. комиссіею подъ предсѣдательствомъ проф. Срезневскаго, въ которой участвовалъ и Водрозовъ, рекомендовалось сообщать, „гдѣ нужно и можно“, извѣстія о жизни писателей.

того, что готовъ былъ сравнивать эпосъ, напримѣръ, съ шумнымъ, многоводнымъ теченіемъ рѣки, а драму—съ пѣнными горами волнъ, которыя, подымаясь выше другихъ, расшибаются въ своемъ дикомъ порывѣ. Наконецъ, однажды я рѣшился въ экзамену... представить вмѣсто программы теоріи списовъ отрывковъ, которые воспитанники должны были рассказывать, съ цѣлью объяснить, по мѣрѣ силъ каждаго, нѣкоторыя общія теоретическія положенія. Къ моему удивленію, и тѣ, которые считались за самыхъ неспособныхъ, такимъ образомъ кое-что объясняли. Но я не могу хвастаться и этимъ нововведеніемъ, потому что выборъ отрывковъ былъ ограниченъ, слишкомъ подчиненъ теоріи и нерѣдко случаенъ. Я понялъ одно, что намъ было бы гораздо полезнѣе разсуждать о томъ, какіе именно отрывки и статьи избирать для чтенія и какъ разбирать ихъ, чѣмъ о томъ, до какой степени развитія довести каждый классъ“...

Привода эти самообличенія Водовозова, мы должны напомнить, что ихъ слѣдуетъ принимать съ извѣстными ограниченіями и лишь сравнительно съ слѣдующимъ затѣмъ періодомъ его преподаванія въ первой гимназій. Каковы бы ни были недостатки преподаванія Водовозова, онъ былъ уже тогда однимъ изъ лучшихъ преподавателей русской словесности: онъ умѣлъ понять нелѣпость господствовавшей схоластики; его эстетическіе разборы не могли не развивать изящнаго вкуса ученика; онъ сообщалъ имъ необходимыя свѣденія изъ логики, онъ подробно проходилъ исторію русской литературы по памятникамъ; не могло не сказываться въ преподаваніи Водовозова и его хорошее знакомство съ иностранною литературою, и, наконецъ, онъ сталъ постепенно переходить къ чисто практическому преподаванію словесности. Когда же онъ дѣлалъ нѣкоторыя уступки господствующей рутинѣ и „пытался объяснять Карамзина по силлогизмамъ, какіе онъ употреблялъ“, то это ему не удавалось, — лучшее доказательство, что и тогда его преподаваніе было пронизано сравнительно живымъ духомъ и направленіемъ, что изъ него не могъ выйти тотъ типъ сухого педанта, учителя словесности, какіе народились съ конца шестидесятыхъ годовъ подъ вліяніемъ иныхъ условій. Въ исторической запискѣ, изданной по поводу пятидесятилѣтія первой гимназій, мы находимъ свѣденія о практической сторонѣ преподаванія Водовозова въ ту эпоху; изъ записки видно, что уже въ первую половину пятидесятихъ годовъ въ этомъ преподаваніи весьма большую роль играли изученіе литературныхъ произведеній (а не заучиваніе какихъ-нибудь готовыхъ

опредѣленій) и упражненія въ сочиненіяхъ <sup>1)</sup>. Наконецъ, о преподавательской дѣятельности Водовозова въ это время мы имѣемъ любопытное свидѣтельство въ воспоминаніяхъ В. Г. Авсеенко, воспитывавшагося въ первой гимназій въ 1852 — 56 гг. „Въ почтенномъ персоналѣ нашихъ преподавателей, — говоритъ авторъ воспоминаній, — первое мѣсто занималъ В. И. Водовозовъ. Я пользовался его уроками только одинъ годъ (въ четвертомъ классѣ 1855 — 56 гг.), но могъ вполне оцѣнить и его дарованіе, и его въ высшей степени достойную личность. Трудолюбивый, серьезный, искренно любящій свое дѣло, искренно убѣжденный, что на скромномъ посту учителя русской словесности ему возможно принести много несомнѣнной пользы, онъ отдавался своимъ обязанностямъ если не съ увлеченіемъ, то съ горячимъ личнымъ интересомъ, который передавался ученикамъ. Характеръ его преподаванія былъ чисто практическій: мы писали сочиненія на заданныя темы, потому эти сочиненія раздѣлялись между нами для грамматическаго и критическаго разбора, такъ что мы должны были находить другъ у друга ошибки, невѣрно или неудачно выбранныя мысли, и т. д. Потому и сочиненія, и замѣчанія на нихъ читались въ классѣ, въ присутствіи учителя, который и являлся судьей авторскихъ пререканій, судьей неизмѣнно дѣльнымъ, строгимъ и безпристрастнымъ. Въ другіе часы мы занимались церковно-славянскою грамматикою, чтеніемъ классическихъ произведеній русской и иностранной (въ поэтическихъ переводахъ) литературы, сопровождавшимся бесѣдами подъ руководствомъ Водовозова, и т. д. Въ трехъ старшихъ классахъ устраивались, кромѣ того, литературные вечера, на которыхъ лучшіе воспитанники прочитывали въ присутствіи педагогическаго совѣта сочиненія болѣе значительнаго объема и лучше обработанныя, чѣмъ классныя упражненія. Благодаря такому характеру преподаванія, русская словесность была для насъ всѣхъ самымъ любимымъ предметомъ, и мы ждали урока Водовозова какъ праздника. Почтенный преподаватель былъ, безъ сомнѣнія, душою всего учебнаго дѣла; онъ болѣе всѣхъ заставлялъ насъ понимать привлекательную сторону умственнаго труда, болѣе всѣхъ сдѣлалъ для нашего воспитанія“ <sup>2)</sup>...

„Литературныя бесѣды“, о которыхъ упоминаетъ г. Авсеенко, были учреждены попечителемъ учебнаго округа, Мусинымъ-Пуш-

<sup>1)</sup> Д. Н. Соловьевъ. Пятидесятилѣтіе с.-петербургской первой гимназій. Спб., 1880 г., стр. 284.

<sup>2)</sup> В. Г. Авсеенко. „Школьные годы“. „Историческій Вѣстникъ“ 1881 г. № 4, стр. 718.

книжмъ. Онѣ должны были происходить два раза въ мѣсяцъ въ продолженіе 1½ часа подъ руководствомъ старшаго учителя русской словесности, въ присутствіи директора, инспектора, учителя русской грамматики и тѣхъ изъ преподавателей, въ предметахъ которыхъ относились сочиненія воспитанниковъ по своему содержанию. Ученики двухъ старшихъ классовъ (VI и VII) поочередно читали свои сочиненія, послѣ предварительнаго ихъ просмотра учителемъ русской словесности. По прочтеніи сочиненія, прочіе ученики дѣлали замѣчанія о его достоинствахъ или недостаткахъ, причемъ авторъ имѣлъ право защищаться; затѣмъ учитель объяснялъ, насколько справедливо сдѣланное замѣчаніе. По истеченіи каждаго мѣсяца, сочиненія представлялись на усмотрѣніе попечителя округа; лучшія изъ нихъ вносились въ особо заведенный для этого въ гимназій альбомъ. Правилами, утвержденными попечителемъ въ 1853 г., предлагалось преподавателямъ рекомендовать для этихъ литературныхъ бесѣдъ темы по русской исторіи и исторіи русской литературы. Хотя въ нѣкоторыхъ изъ данныхъ тутъ указаній, относительно выбора темъ, какъ, напримеръ, въ совѣтѣ давать въ руки воспитанниковъ акты археографической комиссіи, мы и видимъ увлеченіе спеціалиста, составлявшаго правила, но вообще они должны были быть полезны тѣмъ, что въ нихъ требовалось изученіе самихъ литературныхъ памятниковъ, а не компилированіе фразъ разныхъ учебниковъ. Рекомендовалось также задавать темы небольшія, посильныя для учениковъ; допускались и переводы съ иностранныхъ языковъ классическихъ авторовъ, по указанію преподавателя. При Водовозовѣ литературныя бесѣды учениковъ шли, въ высшей степени успѣшно и заслуживали полное одобреніе учебной администраціи, какъ видно изъ циркуляровъ попечителя 1854—55 гг.

Все вышесказанное подтверждаетъ нашу мысль, что мы должны придавать самообличеніямъ Водовозова не абсолютное, а лишь относительное значеніе, сравнительно съ тѣмъ періодомъ преподаванія имъ русской словесности, когда, кромѣ В. Я. Стоюнина, нельзя было назвать другого преподавателя этого предмета, пользующагося такою же почетною извѣстностью, какъ Водовозовъ. Съ другой стороны, одобреніе педагогической дѣятельности Водовозова попечителемъ Мусинымъ-Пушкинымъ, прославившимся своею суровостью, показываетъ, что какъ ни много было отрицательныхъ сторонъ въ его управленіи округомъ, въ то самое время, когда (въ 1854—56 гг.) ученики гимназій петербургскаго (также какъ, впрочемъ, и московскаго округовъ) обучались даже маршировкѣ, — не только терпѣлись, но весьма цѣнились и поощря-

лись такіе преподаватели, какъ Водовозовъ, а десять лѣтъ поздѣе, въ 1866 г., продолженіе педагогической дѣятельности Водовозова въ первой гимназіи оказалось уже невозможнымъ. Правда, случалось, что и Водовозову Мусинъ-Пушкинъ выражалъ свое неудовольствіе: такъ, онъ разсердился, однажды, на экзаменъ русской словесности, услышавъ отъ ученика слишкомъ одобрительные отзывы о Гоголѣ, составлявшемъ, какъ извѣстно, *bête-noire* для этого администратора, но въ концѣ того же экзамена онъ вполне смягчился и, какъ рассказывалъ Водовозовъ, очень дружелюбно съ нимъ расстался. Литературныя бесѣды продолжались только до 1857 года, т.-е. прекратились вскорѣ послѣ отставки (въ 1856 г.) Мусина-Пушкина.

Въ часы свободные отъ уроковъ Водовозовъ и теперь продолжалъ заниматься классиками. Въ первой половинѣ пятидесятихъ годовъ онъ перевелъ стихами 11 стихотвореній Катулла въ Лесбіи, которыя всѣ остались ненапечатанными при его жизни. Приведемъ одно изъ этихъ стихотвореній:

Катуллъ бѣдный! напрасно ты вѣришь надеждѣ!  
 Чтѣ ушло отъ тебя, ужъ назадъ не мани;  
 Зналъ ты много утѣхъ, много радостей прежде,  
 Но погасли твои лучезарные дни.  
 Всюду слѣдовалъ ты за подругою милою,  
 Были мысли у васъ и желанья одни:  
 Можетъ, столько любимой на свѣтѣ не было,  
 Но погасли твои лучезарные дни.  
 Измѣнила она. Совладѣй же съ собою,  
 Не говись, не ищи ея легкой любви,  
 Будь упоренъ и твердъ непреклонной душою  
 И печальнымъ страдальцемъ себя не зови.  
 Такъ прощай же, подруга! Ужъ Катуллъ свободенъ:  
 Ты не хочешь?—не ищеть, не просить и онъ.  
 Но увидишь, коварная: будетъ холоденъ  
 И печаленъ тебѣ въ одиночествѣ сонъ.  
 Чтѣ тебя ожидаетъ? гдѣ голову склонишь?  
 Кто прельстится тобой? въ комъ найдешь ты любовь?  
 Сердце чье поцѣлуемъ и ласкою тронешь?  
 — Только, Катуллъ, смотри: будь и твердъ, и суровъ!

Къ этому же времени, а отчасти, быть можетъ, и въ варшавскому періоду жизни Водовозова, относятся оставшіеся ненапечатанными стихотворные переводы 43 пѣсень Анакреона, въ которымъ мы еще возвратимся, а также переводы въ стихахъ трехъ произведеній Сафо, четырехъ сатиръ Горація и отрывковъ изъ трагедіи Софокла: „Эдипъ-царь“ и „Антигона“. Къ первой половинѣ пятидесятихъ годовъ, безъ сомнѣнія, относятся и нѣко-

торые изъ полу-беллетристическихъ набросковъ, оставшихся ненапечатанными.

Матеріальное положеніе Водозова, по переѣздѣ въ Петербургъ, было вовсе не блистательное: жалованья старшему учителю гимназіи полагалось всего 633 руб. въ годъ (нѣкоторымъ подспорьемъ, впрочемъ, служили награды, которыя выдавались изъ суммъ, собираемыхъ за ученье).

Несмотря, однако, на всю ограниченность своихъ средствъ, увеличиваемыхъ нѣсколько лишь частными уроками, Водозовъ умѣлъ дѣлать сбереженія для того, чтобы лѣтомъ совершать небольшія поѣздки; такъ, въ 1853 г. онъ отправился на пароходѣ въ Гельсингфорсъ, откуда писалъ матери: „Купаюсь ежедневно въ морскихъ ваннахъ... Посѣщаю постоянно балы, гдѣ уже состою въ числѣ самыхъ отчаянныхъ танцоровъ... Шведскому языку научился я настолько, чтобъ объясняться въ лавкахъ; теперь учусь чухонскому... На балахъ обыкновенно объясняюсь съ дамами на четырехъ языкахъ: шведскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и русскомъ, что составляетъ немалое затрудненіе“. При заходѣ солнца Водозовъ ходилъ на сосѣднюю съ его квартирой скалу и усердно занимался рисованьемъ. Насколько неблестящи были въ это время его денежные дѣла, видно изъ того, что онъ пріискалъ себѣ обѣдъ за 12 коп. Проживъ въ Гельсингфорсѣ до половины іюля и подучившись по-фински, онъ предпринялъ съ однимъ знакомымъ путешествіе внутрь Финляндіи: поѣзду на чухонской таратайкѣ въ Таммерфорсъ. Сохранился дневникъ этого путешествія съ рисунками нѣкоторыхъ зданій, телѣгъ, и т. п. Водозовъ записывалъ все любопытное, встрѣчающееся на пути, и отмѣчалъ красоты природы. Удовольствіе путешествія нѣсколько отравлялось безденежьемъ; такъ, однажды, онъ записываетъ: „считалъ деньги: мало, и потому грустно“; въ другой разъ: „считалъ свой капиталъ: издерживать не болѣе рубля въ день“.—Лѣто 1854 года Водозовъ прожилъ подъ Москвою на Воробьевыхъ горахъ; въ слѣдующемъ году—въ рыбинскомъ уѣздѣ ярославской губерніи, въ имѣніи одной дамы, съ которой занимался русскимъ языкомъ (оттуда онъ проѣхалъ въ Нижній Новгородъ); лѣтомъ 1856 года онъ отправился въ Ригу.

Эти маленькія развлеченія слишкомъ мало скрашивали тяжелую, полную лишеній, трудовую жизнь Водозова. Уроки поглощали очень много времени <sup>1)</sup>; въ печати до 1856 года онъ еще

<sup>1)</sup> Съ начала 1853 года онъ сталъ преподавать еще въ Елизаветинскомъ институтѣ.

не выступалъ; средства были крайне ограничены,—все это естественно вызывало грустное сознание, что жизнь слишкомъ некрасна. Такое печальное настроеніе отразилось въ нѣсколькихъ страничкахъ дневника, набросанныхъ въ сентябрѣ и ноябрѣ 1855 года. 27-го сентября Водовозовъ написалъ: „Мнѣ минуло 30 лѣтъ. Пора дать себѣ во всемъ отчетъ, пора привести жизнь въ порядокъ... Или ужъ махнуть рукой, сказавши: какъ-нибудь промаячимъ до конца?.. Гдѣ же смѣлая надежда, отвага и бодрость? гдѣ же жаркая любовь къ труду и твердое сознание цѣли? Скучно, скучно! Довольно еще есть неизрасходованныхъ силъ, но куда ихъ направить?..“ На слѣдующій день онъ набрасываетъ два стихотворенія; одно изъ нихъ оканчивается такими словами, какъ бы предсказывающими близкое начало энергической дѣятельности его автора въ печати:

„Когда жъ лелѣявшій меня  
Прекрасный сонъ покинетъ очи,  
Я бодро брошу грезы ночи,  
Чтобъ встать для дѣлъ суровыхъ дня!“

Но дѣйствительность была пока слишкомъ неприглядна: въ это время уже серьезно хворала мать Водовозова. Въ началѣ ноября того же года онъ пишетъ въ дневникѣ: „Мои деньги—въ будущемъ, моя любовь—въ будущемъ, моя жизнь—въ будущемъ. Владѣй, голова-царица, всѣмъ, но въ рукахъ по прежнему пусто. Куда годенъ человѣкъ, который не умѣетъ ни одной своей мысли поставить на колеса и двинуть въ свѣтъ и заставить посторониться людей, чтобы дать ей дорогу? Таковъ я... а можетъ, и не таковъ... но что же приковало меня къ мѣсту?“ Въ началѣ 1857 года Водовозова постигъ тяжелый ударъ: скончалась горячо любимая и безконечно привязанная къ нему старушка-мать: онъ былъ ея любимцемъ, она была самоотверженно предана ему; понятно, что ея смерть должна была оставить глубокую рану въ его сердцѣ. Но стремленіе къ работѣ на пользу общества, такъ рано сказавшееся въ Водовозовѣ, спасло его отъ безплодныхъ терзаній. Онъ былъ въ это время вполне подготовленъ для общественной дѣятельности не только педагогической, но и литературной; начавъ и ту, и другую дѣятельность еще при жизни матери, онъ бодро работалъ на пользу общую до послѣдняго дня своей жизни.



## IV.

Начало литературной дѣятельности. — Оригинальные и переводные труды во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ. — Измѣненіе взглядовъ. — Преподаваніе въ Смольномъ институтѣ въ 1860—62 гг.

Въ 1856 г. редакторомъ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“ сдѣлался А. В. Никитенко; это имѣло большое значеніе для Водозова: такимъ образомъ ему открылась возможность постояннаго участія въ изданіи, редактируемомъ его наставникомъ и другомъ. Разумѣется, и безъ того Водозовъ, рано или поздно, непременно выступилъ бы на литературное поприще, но, вслѣдствіе его крайней скромности, могло бы пройти еще нѣсколько лѣтъ прежде, чѣмъ онъ рѣшился бы отдать въ печать свои оригинальныя или переводныя произведенія: и то онъ началъ свою литературную дѣятельность довольно поздно, уже 30-ти лѣтъ отъ роду, такъ что вся первая половина его жизни, если не считать учебныхъ годовъ, была занята обученіемъ другихъ или научными занятіями, преимущественно въ одной области — изученія писателей классическаго міра и переводовъ нѣкоторыхъ изъ ихъ произведеній въ прозѣ, а въ послѣдніе годы и въ стихахъ, но только еще не для печати. Къ литературной дѣятельности должно было, конечно, вызвать Водозова и то общественное и литературное оживленіе, которое обнаружилось съ начала новаго царствованія. Но въ самыхъ первыхъ его печатныхъ трудахъ мы еще не замѣчаемъ вліянія новыхъ вѣяній, и первый сильный толчокъ для переработки его педагогическихъ и иныхъ взглядовъ былъ данъ поѣздкою за границу въ 1857 году.

Первымъ литературнымъ трудомъ Водозова были „Замѣтки о современномъ образованіи въ Германіи“ (въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1856 г., №№ 5 и 7), представляющія почти исключительно обзоръ новѣйшихъ нѣмецкихъ сочиненій изъ разныхъ областей наукъ, съ краткимъ изложеніемъ ихъ содержанія. Вслѣдъ затѣмъ въ томъ же журналѣ появляются его подобныя же статьи: „Замѣтки о современномъ образованіи во Франціи“ и „Замѣтки о состояніи англійской литературы въ первой половинѣ 1856 г.“ (1856 г., №№ 8 и 12; 1857 г., № 2). Гораздо важнѣе его обширныя и хорошо написанная статья объ „Ифигеніи“ Гёте („Библиотека для Чтенія“, 1856 г. №№ 8 и 9), гдѣ авторъ, прежде всего остановившись на классическомъ образованіи Гёте въ періодъ его жизни до знакомства съ Шиллеромъ, затѣмъ

объясняетъ значеніе „Ифигеніи“ въ нравственномъ развитіи Гёте и, наконецъ, подробно сравниваетъ „Ифигенію“ Гёте съ „Ифигеніей“ Эврипида <sup>1)</sup>.

Уже давно, еще въ Варшавѣ, Водовозовъ занимался прозаическими переводами греческихъ трагиковъ; теперь онъ перевелъ „Антигону“ Софокла стихами и напечаталъ свой переводъ въ „Журналѣ Мин. Нар. Просв.“ (1856 г., № 9).

Эти литературные труды Водовозова были очень скоро замѣчены въ нашей печати. Вотъ что сказано было въ Литературной Лѣтописи „Библиотеки для Чтенія“: „Трудъ г. Водовозова (переводъ „Антигоны“), напечатанный въ сентябрьской книжкѣ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“ и теперь находящійся передъ нами въ отдѣльной брошюрѣ, аснѣ всего говоритъ о томъ, что у насъ на Руси честный литературный трудъ не есть рѣдкость... Г. Водовозовъ недавно выступилъ на литературное поприще, выступилъ на него безъ шума, блеска и порывистыхъ проявленій таланта, но съ тѣмъ тихимъ и прочнымъ успѣхомъ, который для серьезнаго писателя всегда служитъ вѣрнымъ залогомъ долгой, трудолюбивой, въ высшей степени полезной дѣятельности... Въ статьяхъ г. Водовозова видѣнъ былъ человекъ съ самостоятельнымъ взглядомъ, многостороннимъ образованіемъ и святою любовью къ своему дѣлу, человекъ, не только получившій строгое классическое образованіе, но знающій нѣсколько живыхъ языковъ и безъ усталы слѣдящій за всѣми замѣчательными явленіями въ литературахъ французской, нѣмецкой и англійской. Даже самыя легкія и, такъ сказать, фельетонныя статьи нашего автора не имѣли ничего общаго съ обычными статьями для легкаго чтенія, — въ нихъ постоянно видѣнъ былъ трудъ упорный и безостановочный, свободный отъ общихъ мѣстъ и шаткости воззрѣнія. Читатели „Библиотеки для Чтенія“, безъ сомнѣнія, помнятъ серьезный трудъ г. Водовозова по поводу „Ифигеніи“ Гёте; этотъ трудъ по справедливости обратилъ на себя вниманіе знатковъ дѣла и всѣхъ литераторовъ, сочувствующихъ дѣлу изящнаго. Въ двухъ своихъ статьяхъ объ „Ифигеніи“, статьяхъ сжатыхъ, нѣсколько отрывистыхъ и даже немного причудливыхъ по манерѣ, г. Водовозовъ показалъ столько любви къ своему дѣлу, столько широкаго знанія по части Гёте и древней поэзіи, что рѣдкій изъ читателей, прочитавшій его статьи одинъ

<sup>1)</sup> Въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ (1856 г., № 11) Водовозовъ помѣстилъ еще небольшую, но любопытную замѣтку: „О преподаваніи русскаго языка и словесности въ высшихъ классахъ гимназій“, о которой мы скажемъ нѣсколько словъ въ другомъ мѣстѣ.

разъ, отказаль себя въ удовольствіи перечестъ ихъ сызнова; наконецъ, въ сказанныхъ статьяхъ было нѣсколько отрывковъ изъ „Ифигеніи“, переведенныхъ простымъ русскимъ стихомъ, мастерски передававшимъ и смыслъ, и (до возможной степени) не легко схватываемую поэзію подлинника. Съ истиннымъ удовольствіемъ узнали мы тогда, что г. Водовозовъ перевелъ всю „Ифигенію“ Гёте и сверхъ того готовится издать въ свѣтъ „Антигону“ Софокла. Два огромные труда были имъ предприняты втихомолку, выполнены безъ шума и трубныхъ о себѣ звуковъ, пересмотрѣны и изготовлены къ печати посреди множества другихъ серьезныхъ занятій. Тихое и честное дѣло, истинно достойное русскаго ученаго! Антигона теперь передъ нами, и мы долгомъ считаемъ хотя вкратцѣ сказать о ней наше слово... Мы должны ограничиться одной похвалою всему труду, похвалою, истинно и вполне заслуженною. За исключеніемъ нѣсколькихъ отчасти темныхъ оборотовъ и небольшого числа стиховъ сухихъ и не совсѣмъ поэтическихъ, вся Софоклова „Антигона“ переведена достойнымъ образомъ. Стихъ вездѣ ровень и простъ, языкъ чуждъ малѣйшей напыщенности, метафоры и кудреватя выраженія, не подходящія къ духу русскаго языка, вездѣ смягчены со вкусомъ и знаніемъ дѣла. Во многихъ частностяхъ перевода священнымъ огнемъ блещетъ истинная и пламенная поэзія, сказывающаяся съ перваго раза и не нуждающаяся ни въ какихъ комментаріяхъ... Указаніемъ на „чрезвычайно удовлетворительную передачу на русскій языкъ хоровъ трагедіи, представляющихъ весьма большія трудности для перевода“, рецензентъ заключаетъ свой отзывъ о „почтенномъ, истинно полезномъ и честномъ переводѣ Антигоны“<sup>1)</sup>.

Рецензентъ высказаль также желаніе, чтобы переводчикъ составилъ объяснительный этюдъ къ „Антигонѣ“; это скоро было исполнено Водовозовымъ: въ 1857 г. въ „Библіотекѣ для Чтенія“ (№№ 3 и 9) появилась его статья: „Антигона, трагедія Софокла“. Тутъ мы находимъ указаніе на нѣкоторыя черты афинскихъ нравовъ, необходимыя для пониманія трагедіи, объясненіе происхожденія мѣта, на которомъ она основана, анализъ ея идеи и представленныхъ въ ней характеровъ, подробныя свѣденія о происхожденіи греческой драмы и сценической обстановкѣ греческаго театра, наконецъ объясненіе всего внѣшняго состава

<sup>1)</sup> „Библіотека для Чтенія“ 1857 г., № 1, стр. 61—69.—Отдѣльное изданіе „Антигоны“ въ переводѣ Водовозова см. въ „Классной Библіотекѣ“, изданіи Исакова, выпускъ 9. Спб. 1877 г.

драмы съ ея хорами и послѣдовательнымъ развитіемъ дѣйствія <sup>1)</sup>. Въ этомъ же году въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ (№ 5) былъ напечатанъ сдѣланный Водовозовымъ стихотворный переводъ: „Ифигенія въ Тавридѣ“, 1'ѣте <sup>2)</sup>. Однимъ изъ результатовъ занятій Водовозова классическимъ міромъ явилась также напечатанная имъ въ „Современникѣ“ (1857 г., № 8) статья объ Анакреонтѣ, гдѣ нѣкоторыя, впрочемъ немногія, его пѣсни были переданы стихами, большинство же—прозой. Въ заключеніе авторъ говоритъ также нѣсколько словъ о Сафо и приводитъ собственный переводъ ея знаменитаго гимна Афродитѣ, скромно оговариваясь: „Пусть благосклонный читатель не подумаетъ, что мы мечтали состязаться съ подлинникомъ, представляя стихи Сафо въ поэтической формѣ; наша мысль была—только ближе сохранить ихъ истинный колоритъ“. Мы воспроизводимъ здѣсь этотъ переводъ, чтобы показать, что скромность Водовозова въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, была ужъ слишкомъ велика.

„Златотронная, юная, вѣчно-прекрасная,  
Дочь Зевеса, плетущая ковы любви!  
Я зываю къ тебѣ: пощади...  
Не терзай, Афродита всевластная,  
Истомленной страдаемъ груди.

Но явися и нынѣ могучей царицею...  
Прежде часто, на зовъ моей грустной мольбы,  
Домъ отцовскій оставивши, ты  
Со златою своей колесницею  
Прилетала ко мнѣ съ высоты.

Быстролетною стаей воробушки нѣжные  
На трепещущихъ крыльяхъ богини любви  
Къ низкимъ жилищамъ темной земли  
Черезъ пространства эира безбрежныя  
Съ олимпійскаго трона везли.

Отпустивъ ихъ назадъ, вопрошала, блаженная,  
Ты меня, улыбаясь безсмертнымъ лицомъ:  
— Чтò случилось?—тоскую ль о чемъ,  
Или, новой бѣдой угнетенная,  
Я зову тебя въ горѣ моею?

<sup>1)</sup> До какой степени скромно, несмотря на лестное отношеніе критики, смотрѣлъ переводчикъ на собственный трудъ, видно изъ слѣдующихъ его словъ въ статьѣ объ „Антигонѣ“: „Переводъ мой, если когда-нибудь удостоится особаго изданія, требуетъ еще строгаго перемотра и переѣлки въ нѣкоторыхъ частяхъ; онъ начатъ очень давно и исполненъ во многомъ не такъ, какъ бы я желалъ видѣть его нынѣ“.

<sup>2)</sup> Онъ былъ перепечатанъ отдѣльно въ 1874 г. въ „Классной Библіотекѣ“, изданіи Исакова, выпускъ 10.

И чего я съ такимъ безразсуднымъ томленіемъ  
 Все ищу и прошу, и кого, полюбя,  
 Сѣтью нѣжною думала я  
 Уловить,—это холоднымъ презрѣніемъ  
 Оскорбляеть, о, Сафо, тебя?

Пусть теперь онъ бѣжить, но съ тревогою страстною  
 Скоро будетъ вездѣ за тобою слѣдить;  
 Пусть не принялъ даровъ, но дарить  
 Будеть самъ онъ подругу прекрасную,—  
 Онъ не любить, но будетъ любить!

О, приди же и нынѣ, и въ тяжкомъ томленіи  
 Изнывающей дай мнѣ свободно вздохнуть,  
 И чего исполненія груди  
 Жаждетъ такъ, дай тому исполненіе,—  
 И сама мнѣ помощницей будь!“

Въ статьѣ объ Анакреонѣ, напечатанной въ 1857 г., бол-  
 шая часть его пѣсенъ переведена прозой; между тѣмъ уже  
 ранѣе того, въ первой половинѣ пятидесятихъ годовъ, Водо-  
 возовъ, какъ мы упоминали выше, сдѣлалъ переводъ въ стихахъ  
 43 пѣсенъ Анакреона. Переводъ его отличается замѣчательною  
 точностью, какъ видно изъ сопоставленія его стихотворныхъ,  
 оставшихся при жизни ненапечатанными, переводовъ съ прозаиче-  
 скими переводами въ вышеупомянутой статьѣ объ Анакреонѣ.  
 Приведемъ стихотворный переводъ одной пѣсни:

Эротъ, однажды рову  
 Срываая, не замѣтилъ,  
 Что тамъ сидѣла пчелка,  
 И, въ пальчикъ уязвленный,  
 Онъ началъ бить рученкой  
 И громко плакать; съ воплемъ  
 Бѣжить, летить скорѣе  
 Къ прелестной Афродитѣ.  
 „Погибъ,—кричитъ онъ,—мама!  
 „Погибъ я... умираю!  
 „Крылатый зѣй-мажютка  
 „Меня ужалилъ: пчелкой  
 „Зовутъ его сельяне“.  
 —Дружокъ,—сказала матеръ,—  
 Пчелы-летуньи жало  
 Тебя тревожитъ слишкомъ;  
 Подумай, какъ страдаютъ,  
 Которыхъ самъ ты жалишь.

Водовозовъ оставилъ свои переводы Анакреона въ рукописи,  
 вѣроятно, потому, что въ 1855 г. въ „Библіотекѣ для Чтенія“

были напечатаны переводы пѣсенъ этого поэта, сдѣланные Меемъ<sup>1)</sup>.

Въ 1857 г. Водовозовъ напечаталъ статью: „Замѣтки о современной литературѣ въ Германіи“ (въ „Библиотекѣ для Чтенія“, т. 141—143). Здѣсь авторъ говоритъ о перепискѣ Шиллера и Гёте, о Ленау, Гейне, Тивъ, Ауэрбахъ. Тутъ еще сильно называются чисто эстетическіе взгляды. Такъ, вооружаясь противъ романтизма, авторъ въ то же время горячо протестуетъ противъ матеріализма Молепотта, Фогта, Бюхнера, и высказываетъ мысль, что „общество, испаряющее подобныя ученія, должно быть слишкомъ пропитано фабричными интересами“. О Шиллерѣ и Гёте авторъ говоритъ: „они не романтики, а поэты-художники по преимуществу, и въ этомъ смыслъ чужды какъ политическіе, такъ и социальныя идеи своего вѣка“. Во второй статьѣ онъ болѣе разъясняетъ свою мысль: „изъ этого вовсе не слѣдуетъ, — говоритъ онъ тамъ, — чтобы вопросы современнаго общества не входили въ поэзію... нѣтъ! но современность не должна гнуть на свой ладъ поэзію, которая, какъ свободное искусство, вѣчно и неизмѣнно въ своихъ законахъ... Если поэтъ сдумаетъ соединить вопросъ общественный съ требованіемъ искусства — и прекрасно!.. если же нѣтъ, то не жди онъ пощады отъ критиковъ искусства“... Тогдашнія эстетическія воззрѣнія не помѣшали, однако, автору понять великое художественное значеніе Гейне, одѣнить всю прелесть его поэзіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ заставили съузить ея значеніе и произнести по адресу Гейне нѣсколько упрековъ. „Зачѣмъ же было поэту, — спрашиваетъ авторъ, — спускаться со своей лучезарной высоты и обращать поэзію на служеніе временнымъ интересамъ?“ Несмотря на то, Гейне съ этихъ поръ дѣлается любимцемъ Водовозова.

Большое значеніе въ развитіи Водовозова вообще и его педагогическихъ взглядовъ въ частности имѣла его поѣздка за границу въ 1857 г. Въ своей статьѣ: „Тезисы по русскому языку“, онъ говоритъ: „Моя первая поѣздка за границу и нѣкоторое знакомство съ германскими и швейцарскими училищами, конечно, не остались безъ вліянія на мою педагогическую дѣятельность. Я видѣлъ школы въ Любекѣ, Гамбургѣ, Ганноверѣ, Геттингенѣ, Касселѣ, Франкфуртѣ - на - Майнѣ, отчасти въ Гейдельбергѣ, Мюнхенѣ, Цюрихѣ, Дрезденѣ и Берлинѣ. Но не столько впечатлѣніе, про-

<sup>1)</sup> Весьма характерно для Водовозова, что, приведя въ своей статьѣ объ Анакреонѣ прозаическіе переводы пѣсенъ этого поэта, онъ не сталъ искать неточностей въ переводѣ Мее, что было бы для него весьма нетрудно, и даже и не упомянулъ о своихъ невзданныхъ переводахъ.

изведенное этими шеолами, въ которыхъ далеко не все пришлось мнѣ по душѣ, сколько впечатлѣніе самой жизни было для меня рѣшительно. Я съ жаднымъ вниманіемъ осматривалъ музеи: зоологическіе, анатомическіе, историческіе; я видѣлъ, какъ дѣти съ педагогами, работниками, солдаты по цѣлымъ часамъ осматривали ихъ, практически знакомясь съ природою и жизнью. На промышленной выставкѣ въ Бернѣ встрѣчалъ я тѣ же толпы народа, толкующаго о значеніи тѣхъ или другихъ горныхъ породъ, которыхъ образцы расположены были систематически, — об устройствѣ машинъ, которыми наполнена была цѣлая огромная зала. Меня поразили особенно участіе общества ко всякому педагогическому дѣлу и необыкновенное обиліе самыхъ средствъ образованія. Въ народныхъ шеолахъ какой-нибудь кусочекъ гнилого дерева, поднятый на улицѣ, обломокъ камня, обрывокъ ваты или старой матеріи, собранные дѣтьми мимоходомъ, — все служило для наглядныхъ, живыхъ объясненій. Я завидовалъ этимъ дѣтямъ, которыя среди лѣтнихъ прогулокъ путя знакомились со всѣмъ окружающимъ ихъ міромъ, учились географіи и естественной исторіи лицомъ въ лицу съ природою<sup>1)</sup>.

Возвратясь изъ-за границы, Водовозовъ опять вошелъ въ свою обычную колею: уроки въ первой гимназій, частные уроки и литературныя занятія поглощали все его время (преподаваніе въ Елизаветинскомъ институтѣ онъ оставилъ въ 1857 г.)<sup>2)</sup>. Теперь частные уроки были всего неприятели Водовозову. Конечно, попадалось не мало способныхъ учениковъ и ученицъ, со многими изъ ихъ родителей устанавливались самыя хорошія отношенія, но были и такія матери, которыя, ничего не понимая въ дѣлѣ преподаванія, позволяли себѣ вмѣшиваться въ занятія и, наконецъ, выводили изъ терпѣнія даже добродушнаго Водовозова.

Утѣшеніемъ отъ подобныхъ неприятностей и вообще лучшимъ отдыхомъ послѣ всякихъ уроковъ были для Водовозова литературныя занятія вообще и между прочимъ продолженіе перевода классиковъ. Въ 1858 г., въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ (№ 4)

<sup>1)</sup> Результатомъ заграничныхъ наблюденій явились корреспонденціи въ „Библиотеку для Читенія“ (1857 г., №№ 7—10), въ которыхъ авторъ рассказывалъ о посѣщеніи разныхъ училищъ, дѣтскихъ садовъ, геттингенскаго университета, маленькихъ нѣмецкихъ музеевъ, мюнхенской художественной коллекціи и проч.; а также статьи: „Заграничныя письма“ („Журналъ для Воспитанія“, 1857 г., т. II), „Дѣтскіе сады въ Германіи“ („Журн. Мин. Нар. Просв.“, 1857 г., № 10) и „Приходскія училища въ Берлинѣ“ (ibid. 1858 г., № 1).

<sup>2)</sup> Въ началѣ второй половины пятидесятыхъ годовъ Водовозовъ чрезъ А. В. Дружинина и г. Безобразова получилъ предложеніе сдѣлаться лекторомъ русской литературы въ дерптскомъ университетѣ, но отказался отъ этого.

появился его переводъ въ стихахъ двухъ одъ Пиндара; въ началѣ слѣдующаго года въ томъ же журналѣ (№ 1)—стихотворный переводъ трагедіи Софокла: „Эдипъ въ Колонѣ“<sup>1)</sup>, и двухъ сатиръ Горация (ibid., томъ 102). Переводъ двухъ другихъ его сатиръ остался ненапечатаннымъ. Въ томъ же журналѣ (1858 г., № 9) Водовозовъ напечаталъ статью: „О Донъ Кихотѣ Сервантеса и въ особенности о второй части его романа“.

Съ 1859 г. въ Петербургѣ сталъ выходить новый журналъ „Русское Слово“, издаваемый гр. Кушелевымъ-Безбородко, при участіи въ трудахъ редакціи Аполлона Григорьева. Водовозовъ очень скоро сталъ сотрудничать въ этомъ журналѣ: уже въ теченіе перваго года, кромѣ нѣсколькихъ рецензій, онъ помѣстилъ здѣсь статьи: „Существуетъ ли теорія словесности?“ (№ 4, къ которой мы еще возвратимся), „Старчество съ педагогической точки зрѣнія“ (№ 8), и наконецъ, нѣсколько корреспонденцій изъ-за границы, куда онъ отправился лѣтомъ 1859 г.

Мы не будемъ здѣсь останавливаться на статьѣ „Старчество“, представляющей характеристику нѣсколькихъ встрѣчающихся въ обществѣ типовъ; отмѣтимъ въ ней только одно мѣсто, доказывающее, что Водовозовъ быстро отрѣшался въ это время отъ тѣхъ идеалистическихъ воззрѣній, благодаря которымъ, еще въ 1857 г., въ „Библиотекѣ для Чтенія“ онъ уворялъ германское общество за то, что оно „испаряетъ“ матеріалистическія ученія, въ родѣ Фогта, Молешотта и другихъ. Теперь въ статьяхъ Водовозова звучала уже иная нота. „Есть еще нравственные старцы“,—говоритъ авторъ въ статьѣ „Старчество“:—„но нравственность, какъ извѣстно, у старцевъ совершенно особеннаго рода... Нравственные старцы постоянно жалуются на грубый матеріализмъ современнаго общества, на отрицательный духъ вѣка, на эгоистическое направленіе умовъ, жаждущихъ злата, и потому совѣтуютъ возвратиться къ благочестивой старинѣ, къ могиламъ предковъ. Что касается эгоизма и матеріальнаго направленія общества въ нѣкоторыхъ, частныхъ его явленіяхъ, то, конечно, этому нельзя сочувствовать; но общее, цѣлое все-таки говорить въ пользу вѣка. Нравственные старцы не хотятъ понять, что ни въ одинъ вѣкъ не было столько доблестныхъ примѣровъ безкорыстнаго самопожертвованія для идеи, никогда наука не рѣшала столько вопросовъ, касающихся нравственнаго развитія челоѣчества“.

Люди, прежде хорошо знавшіе Водовозова, не могли не за-

<sup>1)</sup> Онъ былъ перепечатанъ въ хрестоматіи Филонова, т. III.



жѣтить перемѣны, совершавшейся въ его взглядахъ; доказательствомъ этому служить письмо къ Водовозову одной изъ его варшавскихъ ученицъ, съ которыми онъ велъ такую трогательную переписку въ первой половинѣ пятидесятихъ годовъ. Въ письмѣ, написанномъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1859 г., эта бывшая ученица упрекаетъ Водовозова, будто бы онъ „посвящаетъ“ себя въ „тайны современной практической науки (?) въ ущербъ другимъ наукамъ вообще и всякой теоріи въ особенности“. Выражая сожалѣніе, что такъ рано покончились зачатія „съ нашимъ добрымъ, просвѣщеннымъ, тогда еще идеальнымъ, а теперь уже... матеріальнымъ наставникомъ“, авторъ письма продолжаетъ: „вамъ не жаль прошлаго, вы часто казните его горькою насмѣшкою, а мнѣ не разъ уже, сидя съ вами, взгрустнулось за тѣмъ Васил. Иван., который былъ лучшимъ спутникомъ, или, вѣрнѣе сказать, лучшимъ путеводителемъ нашихъ юношескихъ лѣтъ... Но неужели, Васил. Иван., и вѣра въ добро, вѣра въ возможность осуществленія идеи, осуществленія не абсолютнаго, не безусловнаго, но неполнаго и условнаго, и все лучшее достояніе нашей молодости—грезы и обманъ? Отчего же стремится къ идеалу человѣчество?.. Но я молчу, а то вы пожалуй назовете меня несчастною жертвою идеализма, который вы считаете злѣйшимъ бичомъ человѣчества, язвою, заразившею его и отравляющею всѣ нормальныя психологическія отправления нашей души“. Само собою разумѣется, что тутъ было большое недоразумѣніе: Водовозовъ и не думалъ отрицать нравственныхъ идеаловъ, а только каралъ фальшивую сентиментальность, вредное идеальничаніе, какъ это показываетъ и вышеприведенная цитата изъ статьи „Старчество“.

Мы видѣли, какую важную роль въ своемъ развитіи приписывалъ Водовозовъ своей первой поѣздкѣ за границу; лѣтомъ 1859 г. онъ предпринялъ туда новое путешествіе, а свои путевыя впечатлѣнія описывалъ въ „Русскомъ Словѣ“ (№№ 8—10) и въ „Библиотекѣ для Чтенія“ (№№ 8—9).

Въ 1860 г. Водовозовъ напечаталъ статью о Беранже подъ заглавіемъ: „Послѣднія пѣсни народнаго поэта“ (въ журналѣ для дѣвицъ, г. Кремпина, „Разсвѣтъ“, № 5). Беранже былъ симпатиченъ Водовозову не только какъ поэтъ, но и какъ человѣкъ: въ характерѣ Водовозова было много той живости и веселости, которая бьетъ ключомъ въ произведеніяхъ Беранже; это сказывалось въ тѣхъ, неособенно впрочемъ частыхъ, минуты отдохновенія, когда онъ могъ вполне отвести душу въ хорошей компаніи. Вотъ, напримѣръ, какъ описываетъ самъ Водовозовъ одну изъ бывшихъ

у него вечеринокъ: „Наша компанія вся здорова и дѣйствуетъ по прежнему“, — писалъ онъ Н. С. Курочкину въ концѣ пятидесятихъ годовъ. „Какъ было не вспомнить васъ въ этомъ удаломъ кружкѣ, который не таеъ давно, собравшись у меня, всполюшилъ цѣлый домъ своими кривками и пѣснями. Вильбоа <sup>1)</sup> со всею важною артиста композировалъ джонку... Вмѣстѣ съ кипѣніемъ синяго пламени, вдругъ взлетаваго длиннымъ языкомъ въ потолоку, сходилъ и на него пророческій глаголь красноглаганія. „Господа! слушать!“ — говорилъ онъ, махая диктаторскимъ жезломъ, т.-е. столовою ложкою, и вдругъ рождался анекдотъ о полѣ или о нѣмцѣ. С—іе были волшебнo милы, каеъ всегда. Александръ Ивановичъ, лежа на диванѣ, горланилъ пѣсни съ обыкновеннымъ гордымъ самосознаніемъ прапорщика. Надо было видѣть, какъ, нахмуривъ брови и возвышая цѣлою октавою голосъ, гремѣлъ онъ повелительно „Марусеньку“... Словомъ, каждый дѣлалъ свое дѣло съ приличною важною и солидною... Михаилъ Ивановичъ, извѣстный вамъ хитрецъ и сатиръ, одинъ оставался вполнѣ трезвъ изъ всей компаніи: онъ только похаживалъ въ тѣсномъ пространствѣ моей гостиной да, искоса поглядывая съ лукавой наблюдательной улыбкой, выставлялъ то на одного, то на другого рожки своего остроумія. Не помню, чтобы когда-нибудь разыгрывалъ онъ таеъ хорошо солдатъ и пьяныхъ, и все желая по своему безмѣрному дружелюбію занять собравшееся у меня общество гимназическихъ товарищей. Ахъ, любезный Николай Степановичъ! всѣ мы, народъ жидкій, скользящій, чувствовали, что у насъ нѣтъ солиднаго, положительнаго предсѣдателя, который могъ бы служить въ нѣкоторомъ родѣ украшеніемъ пира. Вашъ братецъ также въ 11 часовъ возвѣстилъ звонкомъ о своемъ прибытіи, и съ нимъ вмѣстѣ тѣнь Беранже усѣлась за маленькій графинчикъ съ коньякомъ—печальный остатокъ огнепылающей влаги, поглощенной кастрюлями... Передъ вакаціями мы крикнули заздравный тостъ во имя союза“... Такимъ образомъ, у Водовозова завезывались новыя знакомства, и къ прежнимъ пріятелямъ присоединяются новыя: В. С. и Н. С. Курочкины, Аполлонъ Григорьевъ, который называлъ Водовозова „мой милый лысый“, М. И. и А. И. Семевскіе, Вильбоа и другіе, которые постепенно ослабляютъ прежнія связи: съ измѣненіемъ взглядовъ, при отрицаніи прежняго прекраснодушія, трудно уже было дѣлать эстетическіе восторги съ А. В. Никитенкомъ; не оказывалось полнаго взаимнаго пониманія и съ сохранившимися

<sup>1)</sup> Извѣстный музыкантъ.

прежня точки зрѣнія варшавскими ученицами; хотя, конечно, симпатичная личность Водовозова не могла не возбуждать любви и уваженія со стороны всѣхъ честныхъ людей, хотя бы и съ инымъ мировоззрѣніемъ.

Увеличивалось количество знакомыхъ и пріятелей Водовозова еще и потому, что въ ихъ число вступали его многіе ученики, по прежнему горячо любившіе своего наставника. Въ концѣ пятидесятихъ годовъ Водовозовъ писалъ М. И. Семевскому относительно акта въ первой гимназіи: „Сверхъ ожиданія глупый, несносный актъ на этотъ разъ былъ моимъ настоящимъ *гражданскимъ* праздникомъ. Наши выпускные юноши оказали мнѣ много сочувствія, и это всего для меня выше и дороже; и хотя я думалъ, что мнѣ послѣ будетъ очень плохо, но для твоей минуты чѣмъ не пожертвуешь? Товарищи также чокались со мною и пили за успѣхъ идей и за общій нашъ союзъ, чего прежде никогда не бывало“. Однимъ словомъ, все показывало приближеніе шестидесятихъ годовъ.

Въ 1860 г. педагогическая дѣятельность Водовозова расширилась вслѣдствіе приглашенія его преподавать русскую словесность на Александровской половинѣ Смольнаго института.

Въ 1859 г. мѣсто инспектора классовъ обоихъ отдѣленій Смольнаго института занялъ К. Д. Ушинскій. Дѣятельность его въ этомъ учебномъ заведеніи очень вѣрно охарактеризована В. П. Острогорскимъ. „К. Д. Ушинскій, — говоритъ онъ, — внесъ жизнь въ наши привилегированные институтскіе интернаты, положилъ широкое основаніе разработкѣ учебной программы... Принявъ въ свое вѣденіе огромный интернатъ, въ 700 дѣвицъ, представлявшій какой-то вопіющій анахронизмъ въ обновительный періодъ прошлаго царствованія, Ушинскій уравнивалъ учебный курсъ обѣихъ, такъ называвшихся въ обществѣ, благородной и неблагородной половинъ, уничтожилъ унижающія достоинство дѣтей особыя параллельныя отдѣленія для болѣе слабыхъ ученицъ, распредѣлилъ курсъ на 7 лѣтъ, по году въ классъ; положилъ основаніе особому педагогическому классу, гдѣ ученицы могли бы основательно ознакомиться съ педагогикой и дидактикой не только въ теоріи, но и на практикѣ; ввелъ въ младшіе классы наглядное обученіе, и родной языкъ положилъ основой всего образованія, выведя его изъ узкаго круга исключительно грамматическаго преподаванія, при которомъ дотолѣ не давалось мѣста развитію учащихся; оживилъ преподаваніе естествознанія и географіи..., а въ послѣднемъ классѣ однимъ изъ наиболѣе способствующихъ... развитію женщины предметовъ поставилъ исторію

отечественной литературы. Онъ же первый у насъ въ Россіи посмотрѣлъ на математику не какъ на скучный для женщины, только терпимый предметъ, а какъ на могущественное средство ея логическаго развитія; словомъ, образованіе женщины, которое дотолъ у насъ было только формальнымъ и поверхностнымъ, поставилъ на практикѣ своего же учебнаго заведенія серьезнымъ, государственнымъ и общественнымъ дѣломъ“...

„Такого результата Ушинскій, центръ и душа всего дѣла, могъ достигъ только при дружномъ содѣйствіи цѣлаго кружка талантливыхъ преподавателей, вносившихъ въ свою дѣятельность упорный трудъ, одушевленіе и вѣру въ ея благотворность. При содѣйствіи этого же кружка только и могъ онъ цѣлыхъ три года бороться съ приверженцами старой рутинѣ, въ которыхъ недостатка не было... Какъ и всѣ истинно гениальные практическіе дѣатели, Ушинскій отличался умѣньемъ выбирать людей. И вотъ, уже въ 1860 г., мы видимъ около него цѣлый кружокъ свѣжихъ педагогическихъ силъ, которыхъ имена въ настоящее время пользуются общею извѣстностью. Таковы: В. И. Водозовъ, Л. Н. Модзалевскій, Д. Д. Семеновъ, М. И. Семевскій, Раевскій, О. Ѳ. Миллеръ, Дестунисъ, Я. П. Пугачевскій, покойный священникъ Головинъ и друг.“; приглашенъ былъ также преподавателемъ математики покойный баронъ М. О. Коссинскій. „Сдѣлавъ такой замѣчательный выборъ энергическихъ и преданныхъ дѣлу помощниковъ, Константинъ Дмитриевичъ сумѣлъ соединить ихъ всѣхъ въ одну тѣсную семью, о которой до сихъ поръ съ удовольствіемъ вспоминаютъ старѣющіе ея члены“<sup>1)</sup>.

Реформаторская дѣятельность Ушинскаго выразилась между прочимъ въ иной постановкѣ въ институтѣ преподаванія русской словесности. При вступленіи его въ должность инспектора, этотъ предметъ на Александровской половинѣ преподавалъ по своимъ собственнымъ запискамъ Старовъ, въ высшей степени добрый человекъ, но плохой преподаватель. На первомъ же урокѣ Старова, на которомъ присутствовалъ Ушинскій, обнаружилось совершенное невѣжество ученицъ въ русской литературѣ и незнакомство ихъ съ нашими классическими авторами, несмотря на то, что записки любимаго ученицами преподавателя были выучены прекрасно: оказалось даже, что въ классной бібліотекѣ нѣтъ экземпляровъ сочиненій Пушкина, Лермонтова, Гоголя и другихъ, и что Старовъ не требовалъ ихъ приобрѣтенія. Письмен-

<sup>1)</sup> В. П. Острогорскій и Д. Д. Семеновъ. „Русскіе педагогическіе дѣатели“. М. 1886.

ныя работы ученицъ были также изъ рукъ вонъ плохи. Старову пришлось покинуть Смольный, и занять его мѣсто (на Александровской половинѣ) Ушинскій пригласилъ въ 1860 г. Водовозова, уже заявившаго въ печати свои знанія и способности, а въ предыдущемъ году высказавшаго въ статьѣ „Существуетъ ли теорія словесности?“ новые, дѣльные взгляды на преподаваніе этого предмета, которые онъ впоследствии развилъ въ своей книгѣ: „Словесность въ образцахъ и разборахъ“.

„Съ каждой лекціей, — рассказываетъ въ своихъ въ высшей степени любопытныхъ воспоминаніяхъ о Водовозовѣ его ученица г-жа Титова, — онъ, незамѣтно для насъ самихъ, втягивалъ насъ въ серьезную умственную работу, которая до тѣхъ поръ совсѣмъ была немислима для институтокъ. Мы, ничего не читавшія, вдругъ начали читать чрезвычайно много, а нѣкоторыя изъ насъ и съ пожирающею страстью. Необходимость не только прочесть, но и проштудировать каждое произведеніе и послѣ толковаго объясненія учителя изложить его письменно, развивала въ насъ мало-по-малу способность внимательно слушать и излагать прочитанное, быстро расширяла нашъ умственный кругозоръ. Мы излагали письменно всѣ прочитанныя произведенія авторовъ, пополняя ихъ объясненіями учителя; мало-по-малу и наши собственные взгляды все болѣе выработывались подъ руководствомъ опытнаго педагога. Эти письменныя работы у нѣкоторыхъ едва вмѣщались на 8—9 листахъ. Но, какъ бы объемисты они ни были, Водовозовъ не затруднялся этимъ, тщательно выправлялъ наши работы, и ему еще часто приходилось дѣлать на поляхъ множество поясненій.

„Водовозовъ всегда оставался болтать съ нами не только между уроками, но, весною и осенью, онъ нерѣдко приходилъ въ нашъ садъ, и мы въ свободное отъ занятій время гуляли вмѣстѣ съ нимъ. Эти бесѣды принесли намъ, тогда еще мало развитымъ дѣвушкамъ, совершенно изолированнымъ отъ міра, людей и хорошихъ книгъ, весьма существенную пользу. Только изъ этихъ бесѣдъ узнали мы, какіе существуютъ у насъ лучшіе журналы, впервые отъ Водовозова услышали мы имена Добролюбова, Некрасова, Островскаго, Тургенева и другихъ замѣчательныхъ современныхъ писателей и дѣятелей, такъ какъ наша программа не вмѣщала изученія современной литературы. Отъ Водовозова узнали мы также о существованіи воскресныхъ школъ для народа. Былъ ли онъ въ театрѣ, онъ сообщалъ о впечатлѣніи, вынесенномъ имъ изъ представленія, и тутъ же кстати знакомилъ насъ съ цѣлями, которыя преслѣдовали драматическій

писатель и современный актеръ. Эти бесѣды не носили и тѣни характера лекцій; онѣ быстро пробуждали въ нашемъ умѣ самый живой интересъ къ неизвѣстному намъ до сихъ поръ міру. Мы, нисколько не стѣняясь, высказывали свои мнѣнія и, часто перебивая другъ друга, осыпали его вопросами... Если онѣ замѣчалъ, что кого-нибудь изъ насъ особенно интересуеть что-либо вычитанное нами въ новомъ журналѣ, выписываемомъ для насъ („Разсвѣтъ“ Кремпина), онѣ называлъ намъ другія популярныя сочиненія и нерѣдко самъ доставлялъ ихъ намъ... Однако скоро всѣ эти бесѣды были прекращены... Теперь намъ это было особенно тяжело уже потому, что нашему развитію данъ былъ серьезный толчокъ; мы продолжали усердно читать все, что только могли достать изъ рекомендованнаго намъ, но, кромѣ книги, требовалось живое слово, опытный руководитель, который хотя бы иногда разрѣшалъ наши недоразумѣнія и сомнѣнія. Къ тому же передъ каждою изъ насъ все болѣе назрѣвалъ самый жгучій, трудный, самый сложный изъ всѣхъ вопросовъ: что намъ дѣлать съ собою послѣ окончанія курса? — За эти полтора года, проведенные нами въ институтѣ, послѣ реформы Ушинскаго, мечты и стремленія институтозъ совершенно измѣнились. Никто изъ насъ не мечталъ болѣе о балахъ, о выѣздахъ, объ эффектѣ, произведенномъ роскошью туалета и легкостью танца, — теперь всѣ хотѣли работать, всѣ мечтали о серьезныхъ занятіяхъ, даже дѣвушки, совершенно обезпеченныя въ матеріальномъ отношеніи. Съ кѣмъ же намъ было посоветоваться, какъ не съ Водовозовымъ, ближе другихъ ставшимъ къ намъ, и съ которымъ мы могли говорить, не стѣняясь, даже о своемъ семейномъ и матеріальномъ положеніи?“<sup>1)</sup>...

Одна изъ наиболѣе способныхъ ученицъ Водовозова вручила ему, конечно неофициально, что-то въ родѣ стиховъ, посвященныхъ классу, съ припискою, въ которой просила его, никому не показывая, поправить; „это наши мысли, наши чувства“, — сказано было тутъ, между прочимъ. Этимъ наброскомъ было навѣяно стихотвореніе Водовозова, которое мы нашли въ альбомѣ одной изъ воспитанницъ того же класса, съ надписью: „Посвящено преподавателемъ русской словесности В. И. Водовозовымъ литературному кружку 1-го класса“:

„Засвѣтитъ днями золотыми  
И въ нашу бѣдную среду;

<sup>1)</sup> Н. Титова: „К. Д. Ушинскій и В. И. Водовозовъ. Изъ воспоминаній институтки“ („Русская Старина“, 1887 г., № 2, стр. 485—491).

Насъ вѣрно не сочтутъ пустыми  
И неспособными къ труду.  
Хоть чувства подавлять и стануть,  
Пускай способности души  
Не охладѣютъ, не завинуть,  
Въ какой бы ни было глуши.  
Отъ пустословія людского  
Намъ не уйти; но нашъ языкъ  
Пусть держитъ честной правды слово  
Родною рѣчью напрямикъ.  
Итакъ, счастливо въ путь-дорогу,  
Насъ мнръ воветъ, насъ дѣло ждетъ“...

Въ другомъ стихотворномъ посланіи Водовозова, найденномъ нами также въ институтскомъ альбомѣ, онъ приводитъ слова, которыя очень часто могутъ услышать дѣвушки, только-что начинающія жить:

„Съ прямымъ умомъ, къ борьбѣ готовымъ,  
Да съ сердцемъ пламеннымъ—бѣда:  
Улыбкой каждой, каждымъ словомъ  
Себѣ надѣлаешь вреда“.

Водовозовъ убѣждаетъ своихъ ученицъ не слѣдовать такимъ совѣтамъ:

„Спаси васъ Богъ отъ жалкой доли  
Благоразумныхъ этихъ лицъ:  
Безъ мыслей жившихъ и безъ воли  
И сердцемъ выцвѣтшихъ дѣвицъ,  
Шнурованныхъ и томныхъ съ виду,  
Что, умъ свой желчью отравивъ,  
Готовы мстить, какъ за обиду,  
За каждый честный вашъ порывъ.  
Старухъ, поющихъ отъ бездѣля  
Все ту же пѣснь на старій ладъ,  
И модныхъ дамъ, избравшихъ цѣлью—  
Приличье, шлетни да нарядъ.

Нѣтъ! съ сердцемъ смѣлымъ и свободнымъ  
Не бойтесь ничьего суда“...

Бесѣдами съ институтками навѣяно было и слѣдующее не-напечатанное стихотвореніе Водовозова:

„Среди казеннаго шпіонства  
И ханжества, и всякой тли,  
Отъ рабства и низкопоклонства  
Мы душу честно сберегли.  
Молчанье, самоуниженье  
Всегда казалось низко намъ...  
.....

Рѣшивъ: гдѣ слово, тамъ и дѣло,  
Мы твердо шли въ своемъ пути“, и т. д.

Дѣятельность Ушинскаго въ Смольномъ продолжалась недолго; „Шедшій всегда прямо,—говоритъ г. Острогорскій,—нервный и болѣзненно-раздражительный, онъ не обладалъ способностью ладить съ людьми, поддавливаясь къ нимъ во время, обходить дрянныя самолюбивца, которыя нерѣдко оскорблялъ рѣзкою прямою,—и, естественно, вооружилъ противъ себя очень многихъ. И вотъ, въ концѣ концовъ, онъ былъ вынужденъ въ началѣ 1862 г. не только оставить инспекторство, но даже нѣсколько сутокъ, почти не вставая съ мѣста, писать свое оправданіе въ цѣломъ рядѣ самыхъ тяжкихъ обвиненій... обвиненій, въ которыхъ онъ менѣе всего былъ повиненъ, и которыя взвела на него гнусная клевета, доносъ, лучшее орудіе въ рукахъ всѣхъ во истину неблагонамѣренныхъ людей“...

Съ выходомъ Ушинскаго рѣшило покинуть Смольный и большинство лучшихъ преподавателей. 20-го марта 1862 г. Водовозовъ писалъ своей невѣстѣ, бывшей его ученицѣ, только что оставившей этотъ институтъ: „Въ нашемъ институтѣ поднялась цѣлая гидра сплетень. Ушинскій выходитъ въ отставку... я тутъ тоже замѣшанъ... Оставить институтъ мнѣ небольшая потеря: 40 руб. въ мѣсяцъ... я могу выработать въ два вечера. Жаль только оставить дѣвочекъ... Послѣ моей исторіи <sup>1)</sup> ужь врядъ ли кто изъ порядочныхъ людей рѣшится поступить въ институтъ! Онѣ меня слезно умоляютъ остаться еще хоть на годъ, да врядъ ли это исполнится“... На слѣдующій день Водовозовъ писалъ тому же лицу: „Со Смольнымъ вообще намъ всѣмъ: и Михаилу Ивановичу (Семевскому), и мнѣ... придется распрощаться. Тамъ совершенное землетрясеніе: все повернулось вверхъ дномъ... Я былъ сегодня у Ушинскаго. Онъ истинно страдаетъ, что все дѣло разстроилось. Можно себѣ представить, кто послѣ насъ пойдетъ преподавать въ Смольномъ... Но намъ, Лиза, теперь предстоитъ серьезная обязанность поддержать то доброе направленіе, котораго мы желали. Твои подруги и друзья остались еще въ Смольномъ и вѣрно будутъ дѣйствовать. Въ нынѣшнемъ 1-мъ классѣ есть много хорошихъ головъ. Второй классъ съ какимъ-то безнадежнымъ вниманіемъ слушаетъ мои лекціи, и милыя дѣвочки шепчутся между собой: „Что же это,—Ушинскій выходитъ, и вы уйдете, что это будетъ?“ Право, такъ ихъ жалко“...

<sup>1)</sup> Она была вызвана сочиненіемъ одной воспитанницы: см. воспоминанія г-жи Титовой въ „Русской Старинѣ“, 1887 г., № 2, стр. 492—494.



Одна изъ ученицъ Водовозова писала ему въ апрѣлѣ 1862 г.: „Послушайте, Василій Ивановичъ, неужели вы оставите Смольный? неужели? неужели вашъ внутренній голосъ ничего не говорить противъ этого? Не можетъ быть! Мы миримся съ отъездомъ Константина Димитріевича (Ушинскаго) потому, что онъ ужасно боленъ, и мы готовы пожертвовать всѣмъ, чтобы только возвратить ему его здоровье; но если за нимъ оставлятъ Смольный и всѣ наши учителя, то на чтѣ же это будетъ похоже? Тогда Смольный будетъ хуже Гоголевскаго „пегла“. Тогда тамъ омончательно все замретъ и будетъ долго мертво, потому что не скоро, да едва ли и когда-нибудь явится другой Константинъ Димитріевичъ, а безъ него никто изъ порядочныхъ учителей не пойдетъ, послѣ того, какъ вы всѣ насъ оставите... Василій Ивановичъ, оставайтесь, пожалуйста... я не за себя прошу, потому что я не долго тамъ остаюсь... Я прошу за теперешнихъ и за будущихъ воспитанницъ: вѣдь это совершенно несправедливо, что онѣ будутъ лишены того, чѣмъ мы, по правдѣ сказать, наслаждались“... Но просьбы эти не подействовали, и Водовозовъ вышелъ въ отставку <sup>1)</sup>.

## V.

Взгляды Водовозова на преподаваніе русской словесности, древнихъ языковъ въ гимназій и на весь составъ гимназическаго курса.—Сводъ мнѣній, вызванныхъ проектомъ устава среднихъ училищъ о классическомъ и реальномъ образованіи.—Рефератъ по тому же вопросу въ Педагогическомъ Собраніи въ 1865 году.

Если Водовозовъ былъ превосходнымъ наставникомъ, если ученики такъ любили его уроки, то это объясняется не только его замѣчательными педагогическими способностями, не только тою симпатіею, которую возбуждала во всѣхъ его личность, но и тѣмъ, что онъ постоянно упорно работалъ надъ своимъ предметомъ, настоятельно выяснялъ себѣ и методъ преподаванія, и содержаніе курса словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Уже одна изъ самыхъ первыхъ его статей была посвящена вопросу „О преподаваніи русскаго языка и словесности въ высшихъ классахъ гимназій“ („Журн. Мин. Нар. Просв.“, 1856 г. № 11). Здѣсь авторъ прежде всего протестуетъ противъ того преобладающаго

<sup>1)</sup> Результатомъ наблюдений Водовозова въ Смольномъ была его статья: „Секретныя воспоминанія институтки“ („Отеч. Зап.“, 1863 г., т. 147, 149, 150). Въ статьѣ его же „Учительскіе совѣты и сѣзды“ („Отеч. Зап.“ 1863 г., т. 146, № 1), между прочимъ, описано педагогическое собраніе въ Смольномъ (уже послѣ Ушинскаго).

вниманія, которое удѣляли теоріи слога и историческому изученію языка; дѣйствительно, въ этомъ отношеніи оказывалось вреднымъ для установленія нормальнаго курса словесности въ гимназіяхъ одностороннее вліяніе такого специалиста-филолога, какъ профессоръ Срезневскій, настаивавшаго на необходимости высшаго курса грамматики въ старшихъ классахъ гимназіи. Авторъ статьи считалъ необходимымъ напомнить, что „изученіе языка, конечно, развивается... способность анализа въ умѣ учащихся, но самый языкъ служить только орудіемъ высшей нравственной силы въ человѣкѣ... Мало показать только красоты языка, взятаго отдѣльно,—надо съ ними усвоить и идеи, ихъ создававшія“... Обсуждая вопросъ объ упражненіи учениковъ гимназій въ сочиненіяхъ, Водовозовъ смѣется надъ правилами старой схоластики, не подозрѣвая, конечно, что старые, еще до-ломоновскіе вопросы: „что есть, чего ради есть, когда есть, гдѣ есть, како есть“ — вновь возродятся лѣтъ двадцать позднѣе послѣ напечатанія его статьи и обратятъ въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ прежде наиболѣе образовательный предметъ гимназическаго курса въ орудіе отупленія. Нужно „прежде всего внушить воспитаннику,—утверждаетъ авторъ статьи,—что всякое красноглаголаніе останется втунѣ, если не показана сущность предмета“, а искусственно составлять сочиненія по схоластическимъ „источникамъ изобрѣтенія“ — „не значить ли то же, что, напримѣръ, изображать прелести дружбы для примѣровъ на грамматическія правила?.. Не думаю, чтобы упражненіе въ однѣхъ формахъ могло имѣть существенную пользу... Форма является истинно-совершенною тамъ, гдѣ на ней отпечатлѣнъ характеръ мысли... Словомъ, форма и красна своимъ содержаніемъ“. Въ 6-мъ классѣ гимназическою программю требовалось „въ краткомъ историческомъ очеркѣ познакомить съ великими дѣятелями иностранной литературы“; и тутъ авторъ статьи настаиваетъ на томъ, чтобы „имена Платона, Софокла, Шекспира, Сервантеса и проч.“ не остались „въ умѣ воспитанника только именами“, другими словами, онъ требуетъ не заучиванья кратенькихъ свѣдѣній о всѣхъ этихъ писателяхъ по учебнику, а знакомства съ наиболѣе выдающимися произведеніями иностранной литературы, хотя бы и не въ большомъ числѣ, но за то основательно.

Въ небольшой, занимающей всего 10 страничекъ, замѣткѣ нельзя было, разумѣется, рассмотреть затронутый вопросъ во всей его обширности, и позднѣе Водовозовъ вновь возвращается къ нему въ статьѣ: „Существуетъ ли теорія словесности и при какихъ условіяхъ возможно ея существованіе“ („Русское Слово“ 1859 г., № 4). Словесность, по мнѣнію автора, должна быть „реальною

наукой, а для этого мы должны идти медленнымъ, но твердымъ путемъ изслѣдованія и сравненія, чтобы вновь не впасть въ старую схоластику, произвольно создающую правила, годныя только для исключеній... Философскія начала логики и эстетики, конечно, займутъ важное мѣсто въ теоріи словесности, но они сами должны имѣть твердую историческую основу... Аналитическій методъ, который находимъ мы необходимымъ при построеніи всякой теоріи, въ отношеніи къ словесности можетъ назваться историческимъ методомъ... Нѣтъ сомнѣнія, что виды литературныхъ произведеній могутъ быть объяснены только исторически: иначе лучше не употреблять голыхъ названій, дающихъ одно сбивчивое понятіе... Для пользы учащихся не столько необходимо систематическое изученіе всѣхъ фактовъ литературы, сколько непосредственное съ ними знакомство при чтеніи и разборѣ содержанія... лучше пройти немного, да съ тѣми подробностями, которыя оставляютъ въ душѣ живое, вѣчное знаніе... При нашей всеобщей болѣзненной страсти заучивать на память и лѣности мыслить, я полагаю въ настоящее время рѣшительно необходимымъ не давать по теоріи никакихъ руководствъ или записокъ, а заставлять самихъ воспитанниковъ при разборѣ выискивать правила... Мы должны, наконецъ, понять, что для учащагося главная польза не въ опредѣленіяхъ, а въ усвоеніи того, что подъ опредѣленіями заключается"...

Общія взгляды, здѣсь высказанные, Водовозовъ подробнѣе развиваетъ въ статьѣ: „Тезисы по русскому языку“ („Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1861 г., т. 109) и, имѣя въ виду восьмиклассную гимназію, предполагаемую тогда новымъ проектомъ устава гимназій 1860 г., авторъ даетъ подробныя указанія относительно преподаванія русскаго языка, словесности и исторіи литературы.

Не довольствуясь теоретическимъ обсужденіемъ плана преподаванія русской словесности въ гимназіи, Водовозовъ сталъ мало-по-малу брать тѣмы для своихъ статей изъ исторіи литературы, имѣя въ виду выработать лучшей курсъ этого предмета <sup>1)</sup>.

Водовозовъ высказывался въ печати не только относительно преподаванія своего спеціальнаго предмета, но и вообще о всемъ

<sup>1)</sup> Результатомъ самостоятельныхъ занятій литературою съ педагогическою цѣлью явились его статьи: „Женскіе типы въ греческой поэзіи. Статья 1-ая: Навзикая и Пенелопа“ („Разсвѣтъ“ 1861 г., № 4); „Нибелунги“ („Разсвѣтъ“ 1861 г., № 1), „Кольцовъ, какъ народный поэт. Матеріалъ для лекцій въ высшемъ курсѣ“ („Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1861 г., №№ 10—11); „Народное и общественное значеніе Крылова“ („Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1862 г., №№ 4—7); „О педагогическомъ значеніи басенъ Крылова“ (ibid. № 12). Статьи о Кольцовѣ и Крыловѣ отчасти вошли въ послѣдствіи въ книгу Водовозова: „Новая русская литература“.

составѣ гимназическаго курса и, въ частности, о роли древнихъ языковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Почти съ самаго начала новаго царствованія ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія усердно занялся обсужденіемъ учебнаго плана гимназій и, наконецъ, въ февралѣ 1860 г., при министрѣ Е. П. Ковалевскомъ, былъ изготовленъ „Проектъ устава низшихъ и среднихъ училищъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія“, препровожденный затѣмъ ко всѣмъ попечителямъ округовъ для обсужденія его въ педагогическихъ совѣтахъ гимназій и обнародованный во всеобщее свѣденіе. По этому проекту предполагалось учредить восьмилетнія гимназіи двоякаго рода: 1) такъ-называемыя гимназіи съ нормальнымъ курсомъ, — съ латинскимъ и греческимъ языкомъ, и 2) такія, гдѣ былъ бы лишь одинъ латинскій языкъ, но за то математика и естественныя науки проходились бы въ большемъ объемѣ. Публикуя проектъ устава среднихъ учебныхъ заведеній, министерство желало выслушать всевозможныя на него замѣчанія. Водовозовъ отозвался на этотъ запросъ замѣчательною статью: „Древніе языки въ гимназіи“ („Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1861 г., № 8). Содержаніе этой статьи шире ея заглавія, такъ какъ въ ней вопросъ о значеніи древнихъ языковъ въ гимназіяхъ приводитъ въ связь со всѣмъ составомъ преподаванія въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Мнѣніе Водовозова, въ данномъ случаѣ, имѣло особенное значеніе, какъ голосъ одного изъ лучшихъ гимназическихъ преподавателей, знакомаго не только по книгамъ, но и по собственнымъ наблюденіямъ съ германскими учебными заведеніями и при томъ не только превосходно знающаго классическіе языки, но и не мало поработавшаго для дѣйствительнаго, а не формальнаго ознакомленія общества съ древнимъ міромъ. Какъ важность вопроса, такъ и интересъ этой статьи заставляютъ насъ на ней остановиться, тѣмъ болѣе, что связанное здѣсь 25 лѣтъ тому назадъ нисколько не устарѣло, но имѣетъ еще болѣе живой интересъ въ настоящее время, такъ какъ уровень гимназическаго преподаванія и степень его соответствія жизненнымъ потребностямъ понизились за послѣднюю четверть вѣка.

Авторъ не имѣлъ въ виду ни излагать всю исторію спора между гуманистами и реалистами, ни разсматривать этотъ предметъ съ отвлеченно-философской точки зрѣнія. Онъ желалъ поговорить о немъ, „какъ о вопросѣ, имѣющемъ отношеніе къ жизни, и въ особенности къ нашей жизни“.

„Сами приверженцы классическихъ языковъ, — говоритъ авторъ, — сознаются, что древнія филологическія знанія нынѣ мало

имѣютъ у насъ успѣха; но причину этого приписываютъ недостаткамъ преподаванія: устарѣлыя руководства, отсутствіе системы, педантскій обычай набивать голову сухими терминами и разными тонкостями филологіи, бессмысленное заучиванье формъ — все это съ раннихъ лѣтъ внушало отвращеніе къ древнимъ языкамъ. Что касается лично меня, — продолжаетъ Водовозовъ, — я признаю огромную пользу, какую можетъ принести изученіе древняго міра; но все-таки веду свою рѣчь противъ обязательнаго изученія древнихъ языковъ въ гимназіи... Нельзя сказать, чтобы наше общество въ свое время было болѣе равнодушно къ классическимъ знаніямъ, чѣмъ къ какимъ-нибудь другимъ, а что оно дошло, въ нѣкоторой мѣрѣ, до этого равнодушія, такъ тому причиною не одно плохое преподаваніе древнихъ языковъ“.

Далѣе авторъ указываетъ на необходимость изученія естествознанія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и на то, что преподаваніе географіи и исторіи должно быть расширено и поставлено болѣе соотвѣтственно новымъ научнымъ требованіямъ.

„Въ примѣненіи къ нашей жизни, — говоритъ Водовозовъ, — особенно неудобно „обязательное изученіе древнихъ языковъ“, и напоминаетъ, что намъ приходится изучать болѣе предметовъ, чѣмъ сколько проходятъ ихъ въ самой ученой нѣмецкой гимназіи... Ни въ одной изъ гимназій на Западѣ не преподается русскій языкъ, а намъ нужно учиться и нѣмецкому, и французскому... Но, имѣя въ виду гуманное образованіе, полезно бы учиться и англійскому языку. Англійская литература дѣйствительно представляетъ богатѣйшій матеріалъ для всесторонняго образованія юношества. Если невозможно въ гимназіи достигнуть того, чтобы разбирать лучшіе образцы ея, какъ, напримѣръ, Шекспира (намъ кажется, что при хорошемъ преподаваніи это очень возможно), то необходимо назначить особыя лекціи для нѣкотораго знакомства съ нею, равно какъ и съ другими литературами. Вѣдь, изучая древніе языки, имѣютъ въ виду не одинъ языкъ, а также изученіе поэтическихъ образовъ въ Гомерѣ и Софоклѣ, краснорѣчія и стройности мысли у Цицерона и Виргилія. Но тѣмъ путемъ, который у насъ принятъ, до этого знанія доходятъ очень мало, или, лучше сказать, совсѣмъ не доходятъ. *Латинская грамматика именно болѣе всего и мѣшаетъ намъ познакомиться съ древнимъ міромъ...*

„Кромѣ историческаго занятія общей литературою, русскій языкъ и русская литература составляютъ также одинъ изъ первыхъ предметовъ преподаванія. При обширныхъ изслѣдованіяхъ, которыя въ послѣднее время предприняты, особенно по нашей

народной литературѣ, курсъ его долженъ также во многомъ расширяться...

„Итакъ, съ одной стороны, естествознаніе, всеобщая и русская исторія, географія; съ другой — языки: нѣмецкій и французскій, а по возможности и англійскій, рядомъ съ курсомъ общей литературы и съ изученіемъ родного языка и родной словесности все болѣе становятся предметами, настоятельно требующими, именно вслѣдствіе своего гуманнаго значенія, возможно большаго расширенія въ гимназическомъ курсѣ. Много ли времени остается для знакомства съ древними языками? Обыкновенно утверждаютъ, что эти языки, по полнотѣ своихъ формъ, по строгой логической конструкціи, по самому несходству съ новѣйшими языками, чрезвычайно полезны для упражненія умственныхъ способностей учащихся. Мы этого и не отвергаемъ. Слѣдовательно, главною цѣлью гимназическаго обученія будетъ развитіе филологическихъ способностей, потому что приучить вообще къ анализу, къ внимательному вниканію въ предметъ несравненно легче съ помощью чисто реальныхъ знаній. Но всякій ли имѣетъ филологическія наклонности и можно ли упражнять ихъ черезъ занятіе мертвыми языками почти съ дѣтскаго возраста? Можно ли смотрѣть на науку, какъ на что-то отдѣльное отъ жизни, когда вся современная наука и обязана своими успѣхами сближенію съ природою? При томъ и для развитія филологическихъ способностей въ той мѣрѣ, въ какой оно можетъ быть допущено въ средне-учебномъ заведеніи, развѣ недостаточно двухъ языковъ иностранныхъ, изъ которыхъ нѣмецкій не уступить по искусственности конструкціи латинскому? Ужъ естественнѣе было бы допустить сравнительное изученіе русскаго языка съ древне-русскимъ, стариннымъ церковнымъ и славянскими нарѣчьями“<sup>1)</sup>.

Мы сочли необходимымъ привести нѣкоторыя выписки изъ этой статьи, потому что, по нашему мнѣнію, она принадлежитъ въ числу самыхъ лучшихъ разсужденій о планѣ гимназическаго преподаванія, какія только были въ нашей литературѣ. Авторъ

<sup>1)</sup> Такъ какъ, по проекту 1860 г., гимназіи обоихъ разрядовъ, т.-е. какъ съ однимъ, такъ и съ двумя древними языками, давали право на поступленіе въ университетъ, а авторъ статьи настаивалъ, чтобы въ большинствѣ гимназій совсѣмъ не было древнихъ языковъ, то въ концѣ своего разсужденія онъ оговаривается, что для филологическаго факультета необходима филологическая гимназія, т.-е. съ двумя древними языками, но и тутъ, по мнѣнію Водовозова, они должны быть изучаемы преимущественно въ высшихъ классахъ. „Занятія древними языками... съ пользою можно начинать только въ болѣе зрѣломъ возрастѣ“.

дать въ ней хорошій отпоръ защитникамъ строго-классическаго образованія, стоявшимъ за *studia humaniora* въ старомъ смыслѣ этого выраженія. Прекрасно знакомый съ классическими языками и литературами, Водовозовъ былъ и самъ гуманистомъ, но только въ новомъ значеніи этого слова: чтò Водовозовъ называлъ „гуманными знаніями“, хорошо объяснено имъ въ статьѣ, о которой мы только что говорили, и это пониманіе не было взято имъ отъ кого-либо на вѣру, а явилось результатомъ и самостоятельныхъ занятій исторіею и литературою, и чтеній по другимъ наукамъ, и педагогической практикѣ, и наблюденій, сдѣланныхъ во время путешествій за границую.

Въ іюнѣ 1861 г. Е. П. Ковалевскій оставилъ постъ министра народнаго просвѣщенія, но преемникъ его, адмиралъ гр. Путятинъ, уже чрезъ полгода, былъ замѣненъ А. В. Головиннымъ, почти пятилѣтнее управленіе котораго оставило по себѣ самыя свѣтлыя воспоминанія: при немъ былъ открытъ одесскій университетъ; при немъ былъ изданъ новый университетскій уставъ, предоставившій право самоуправленія университетской корпораціи; весьма много молодыхъ людей было отправлено за границу для приготовленія къ профессорскому званію. Онъ допустилъ публичное обсужденіе дѣятельности министерства въ самыхъ широкихъ размѣрахъ: не только извлеченія изъ протоколовъ засѣданій ученаго комитета, но и періодическіе отчеты попечителей округовъ и ревизоровъ учебныхъ заведеній стали появляться на страницахъ министерскаго журнала, и самъ А. В. Головинъ откровенно указывалъ на недостатки заведеній вѣреннаго ему вѣдомства. Были устраиваемы собранія учителей (сѣзды въ Одессѣ, въ Харьковѣ), результаты совѣщаній которыхъ публиковались во всеобщее свѣденіе, и т. д.

Относительно вопроса о гимназической реформѣ, министерство выслушивало всѣ замѣчанія и по мѣрѣ возможности соображалось съ ними. Проектъ устава низшихъ и среднихъ училищъ былъ передѣланъ въ ученомъ комитетѣ, и въ 1862 г. появилась въ печати его вторая редакція (подъ названіемъ: „Проектъ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній“), по которой гимназіи продолжали дѣлиться на тѣ же два разряда: филологическія (съ обоими древними языками) и реальныя (съ однимъ латинскимъ), но и тѣ, и другія, какъ и въ первой редакціи, давали право поступленія въ университетъ, и такимъ образомъ и реальныя гимназіи не должны были бы дѣлаться источникомъ страданій для реалистовъ, не имѣющихъ нынѣ доступа къ общему высшему образованію и въ то же время сплошь-и-рядомъ не-

находящихся мѣста и въ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Проектъ устава гимназій и прогимназій, къ которому были присоединены и вновь выработанные проекты общаго устава университетовъ и устройства народныхъ училищъ, снова сдѣлался предметомъ публичнаго обсуждения. Всѣ эти проекты было разосланы также нѣкоторымъ педагогамъ и ученымъ Германіи, Англіи и Франціи. Собственно изъ Россіи поступило въ министерство 365 отзывовъ (изъ нихъ 110 отъ университетовъ и педагогическихъ совѣтовъ и 255 отъ частныхъ лицъ); они были напечатаны въ 1862 году въ 6-ти томахъ. Затѣмъ министерство поручило нѣсколькимъ лицамъ сдѣлать своды замѣчаній на проектъ устава гимназій и прогимназій, и въ томъ числѣ Водовозову было поручено свести мнѣнія: 1) о классическомъ и реальномъ образованіи и 2) о губернскихъ училищныхъ совѣтахъ. Нельзя не замѣтить, что администрація министерства народнаго просвѣщенія умѣла цѣнить въ это время знаніе и педагогическую опытность Водовозова; осенью 1857 г. онъ былъ назначенъ членомъ коммисіи при ученомъ комитетѣ главнаго правленія училищъ для рассмотрѣнія учебныхъ руководствъ и пособій по русскому языку и словесности (предсѣдателемъ этой коммисіи былъ профессоръ Срезневскій). Несмотря на вполне опредѣленные убѣжденія, высказанныя Водовозовымъ, относительно роли древнихъ языковъ, и энергическую защиту реализма въ учебномъ дѣлѣ, ему поручаютъ сводъ мнѣній, присланныхъ въ министерство о классическомъ и реальномъ образованіи. Сдѣлать сводъ многочисленнымъ и разнообразнымъ мнѣніямъ о классическомъ и реальномъ образованіи былъ трудъ весьма нелегкій. „Не знаю, какъ удастся справиться, — говоритъ Водовозовъ въ одномъ письмѣ: — читаешь, пишешь до одуренія“; но онъ не считалъ возможнымъ отказать отъ этой работы, полагая, что она можетъ имѣть важное практическое значеніе.

Трудъ этотъ напечатанъ въ книгѣ: „Своды замѣчаній на проектъ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній по устройству гимназій и прогимназій“ (Спб. 1863 г., стр. 23—64); мы не будемъ долго на немъ останавливаться, такъ какъ, группируя различныя мнѣнія, Водовозовъ высказываетъ при этомъ тотъ же взглядъ, съ которымъ мы уже знакомы изъ его статьи о древнихъ языкахъ. Приведемъ только одно мѣсто, гдѣ авторъ, хотя, и не упоминая имени Пирогова, полемизируетъ съ нѣкоторыми взглядами, высказанными въ его статьѣ: „Вопросы жизни“, и старается раскрыть, какія послѣдствія будетъ имѣть крайній



классицизмъ, проводимый подъ флагомъ какъ бы единственно гуманнаго воспитанія, и пренебреженіе къ реальнымъ знаніямъ, необходимымъ въ жизни. Группируя мнѣнія тѣхъ лицъ и педагогическихъ коллегій, которыя настаивали на учрежденіи реальныхъ гимназій въ полномъ смыслѣ этого слова, Водовозовъ продолжаетъ: „Вотъ, скажутъ, и является утилитарность вмѣсто общаго образованія“... „Но, — спрашиваетъ авторъ, — къ чему приготовить гимназія съ высшими гуманными стремленіями? Быть человѣкомъ? Но человѣкомъ вообще быть нельзя. Надо избрать какое-нибудь „поприще“. Человѣку, не вооруженному знаніями, пригодными для жизни, остается одинъ путь: сдѣлаться чиновникомъ. Итакъ, самый непроизводительный классъ народа все будетъ увеличиваться, распространяя вокругъ себя нищету со всѣми пороками, хорошо извѣстными въ нашей литературѣ... Во имя общественной нравственности, нужно желать, чтобы во всѣхъ, даже высшихъ заведеніяхъ, у насъ занимали учащіяся какими-нибудь полезными примѣненіями наукъ къ дѣйствительной жизни. То, что называютъ съ презрѣніемъ утилитарностью, есть только средство къ разумному, честному труду, который спасаетъ многихъ и многихъ отъ нищеты и разврата. По крайней мѣрѣ, нѣкоторыя гимназіи, названныя въ проектѣ реальными, въ наиболѣе людныхъ мѣстностяхъ, должны быть устроены съ курсомъ техническихъ производствъ и другихъ общепользныхъ свѣденій“ (стр. 46—47). Оказалось, что и большинство приславшихъ мнѣнія по вопросу о классическомъ и реальномъ образованіи предлагало „ограничить или исключить древніе языки, по крайней мѣрѣ, въ реальныхъ гимназіяхъ“ (стр. 53). Водовозовъ предлагаетъ формулировать тѣ параграфы проекта, гдѣ шла рѣчь о классическихъ и реальныхъ гимназіяхъ, такимъ образомъ: „Содѣйствуя общему образованію и удовлетворяя современнымъ потребностямъ общества, гимназіи должны имѣть въ своемъ основаніи реальные предметы и знанія историческія. Кромѣ гимназій, съ реально-историческимъ характеромъ, учреждаются, по мѣрѣ надобности, спеціальныя филологическія гимназіи“, которыя „открываются преимущественно въ университетскихъ городахъ<sup>1)</sup>“. Учебный курсъ реальныхъ гимназій составляютъ слѣдующіе предметы: законъ божій, русская словесность, математика, естество-

<sup>1)</sup> Но заявленія изъ западнаго края (гдѣ въ латинскомъ языкѣ чувствовалась живѣйшая необходимость, такъ какъ на немъ совершалось богослуженіе) заставили Водовозова прибавить слѣдующее: „Вслѣдствіе мѣстной потребности, какъ напримѣръ, въ западныхъ губерніяхъ, учреждаются въ разныхъ городахъ гимназіи съ латинскимъ языкомъ и естествознаніемъ“.

вѣденіе, исторія, географія, нѣмецкій и французскій языки. Что касается немногихъ классическихъ гимназій для желающихъ посвятить себя филологіи, то ихъ назначеніе Водовозовъ формулировалъ такимъ образомъ: „Преподаваніе древнихъ языковъ въ филологическихъ гимназіяхъ имѣеть цѣлью дать образованіе молодымъ людямъ“, чувствующимъ „призваніе къ филологіи, и вмѣстѣ приготовить специальныхъ дѣятелей по древнимъ литературамъ, имѣющимъ важное значеніе въ европейской цивилизаціи“.

На основаніи всѣхъ полученныхъ въ министерствѣ мнѣній и замѣчаній на проектъ устава гимназій, онъ былъ снова подвергнутъ обсужденію въ ученомъ комитетѣ, весною 1863 г., и одобрена была третья его редакція, въ которой восьмиклассныя гимназіи раздѣлялись на общія и классическія; въ общихъ — изъ 234 уроковъ въ недѣлю, на латинскій языкъ отводилось лишь 20 часовъ (въ III — VIII классахъ), но и то съ V-го класса обученіе латинскому языку сдѣлано было необязательнымъ, причемъ необучавшіеся ему въ четырехъ высшихъ классахъ могли поступать въ университетъ лишь на физико-математическій факультетъ. Въ такомъ видѣ проектъ устава внесенъ былъ, въ февралѣ 1864 г., въ государственный совѣтъ и затѣмъ, согласно высочайше одобренному его замѣчаніямъ, былъ составленъ въ министерствѣ новый проектъ, который, послѣ нѣкоторыхъ исправленій, и былъ, наконецъ, утвержденъ, 19-го ноября 1864 г. На основаніи этого устава, гимназіи должны были имѣть *семи-лѣтній* курсъ; онѣ дѣлились на классическія и реальныя. Классическія — были и съ двумя, и съ однимъ древнимъ языкомъ и давали право поступленія въ университетъ; въ реальныхъ латинскій языкъ вовсе не преподавался, и ученики, окончившіе въ нихъ курсъ, допускались не въ университетъ, а лишь въ спеціальныя училища <sup>1)</sup>.

Считая крайне необходимымъ сближеніе учителей между собою для совмѣстнаго обсужденія спорныхъ вопросовъ воспитанія и обученія, Водовозовъ принялъ дѣятельное участіе въ педагоги-

<sup>1)</sup> Мы уже упоминали, что Водовозову было еще поручено въ 1862 г. составить сводъ мнѣній о губернскомъ училищномъ совѣтѣ, и этотъ трудъ былъ также напечатанъ въ книгѣ: „Сводъ замѣчаній на проектъ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній“ (страницы 324—360). Кроме того, результатомъ изученія этихъ замѣчаній была статья Водовозова: „Учительскіе совѣты и сѣзды“ („Отеч. Зап.“ 1863 г. № 1). Въ заключеніе ея авторъ энергически настаиваетъ на предоставленіи частной инициативѣ возможно широкаго простора въ дѣлѣ устройства училищъ вообще и народныхъ школъ въ частности. „Что касается наблюденія надъ школами, — говорить онъ, — то это дѣло необходимо предоставить самому обществу чрезъ участіе его въ училищномъ совѣтѣ“.

ческихъ собраніяхъ, устроенныхъ съ 1859 г. при второй с.-петербургской гимназій, по предложенію П. Г. Рѣдина, гг. Чумикова и Паульсона. Онъ постоянно участвовалъ въ преніяхъ и, кромѣ того, напечаталъ въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ (1863 г., № 4) статью: „С.-Петербургскія педагогическія собранія“, въ которой болѣе всего протестовалъ противъ рабскаго слѣдованія иностраннымъ образцамъ и требовалъ большаго вниманія къ явленіямъ русской жизни. „Мы думаемъ,—говоритъ авторъ,—что въ русскомъ педагогическомъ собраніи изложеніе иностранныхъ методовъ преподаванія и иностранныхъ курсовъ можетъ быть тогда только допущено, когда мы относимся къ нимъ критически, указывая, что и въ какомъ видѣ изъ всего этого педагогическаго матеріала удобопримѣнимо къ нашимъ школамъ. Но потребности нашего образованія все-таки нельзя иначе узнать, какъ изъ наблюденія нашихъ учебныхъ заведеній въ ихъ настоящемъ состояніи... Множество журнальныхъ статей послужило бы также прекраснымъ матеріаломъ при обсужденіи того или другаго педагогическаго вопроса. Наконецъ, разборы русскихъ педагогическихъ сочиненій, обсужденіе такихъ любопытныхъ явленій, какъ, напримѣръ, „Ясная Поляна“ Толстого, ближе относятся къ кругу дѣятельности педагогическаго собранія, чѣмъ разборъ нѣмецкихъ теорій... Мы, такимъ образомъ, волею или неволею, должны собрать свой матеріалъ для устройства училищъ и вывести изъ него свои частныя законы“.

Въ педагогическомъ собраніи Водовозовъ вновь поднялъ вопросъ, которымъ онъ самъ такъ много занимался и который имѣетъ громадное значеніе для нашихъ гимназій; въ засѣданіи 2-го октября 1865 г. онъ прочелъ рефератъ „О классическомъ и реальномъ образованіи“, гдѣ проводилъ тѣ же принципы, какъ и въ своей статьѣ: „Древніе языки въ гимназіяхъ“. Въ слѣдующее засѣданіе, 15-го октября, онъ сообщилъ дополненіе къ реферату, и затѣмъ начались пренія, которыя продолжались въ засѣданіяхъ 6-го и 20-го ноября, 4-го и 18-го декабря и 8-го января 1866 г., причемъ приливъ гостей въ собраніе все увеличивался.

## VI.

Руководительство воскресною школою.—Статьи въ первой половинѣ шестидесятихъ годовъ о народномъ образованіи и книгахъ для народнаго чтенія.—„Рассказы изъ русской исторіи“.—Переводы въ стихахъ древнихъ и новыхъ поэтовъ.

Не одному только среднему образованію были посвящены труды Водовозова и въ теоріи, и на практикѣ. Съ самаго начала своей журнальной дѣятельности, онъ имѣлъ не мало случаевъ говорить о народныхъ школахъ и назначенныхъ для нихъ руководствахъ и пособіяхъ, но первоначально лишь относительно западной Европы. Еще въ самыхъ первыхъ своихъ статьяхъ—„Замѣтки о современномъ образованіи въ Германіи“ и въ подобной же статьѣ о Франціи (1856 г.)—Водовозовъ говоритъ о заграничныхъ иллюстрированныхъ руководствахъ для первоначальнаго обученія, о классной дисциплинѣ, о преподаваніи въ первоначальныхъ школахъ грамматики родного языка. Въ слѣдующемъ году, въ „Письмахъ изъ-за границы“ онъ сообщаетъ о нѣмецкихъ первоначальныхъ школахъ, о преподаваніи въ нихъ того или другого предмета, о сѣздахъ учителей, и т. п.; въ началѣ 1858 г. онъ печатаетъ особую статью о приходскихъ училищахъ въ Берлинѣ, гдѣ также останавливается на методахъ обученія различнымъ предметамъ. Эти наблюденія въ Германіи несомнѣнно пригодились Водовозову, когда онъ принялъ горячее участіе въ дѣлѣ распространенія грамотности среди петербургскаго рабочаго населенія.

„Видя главное зло въ невѣжествѣ народа,—говоритъ Водовозовъ въ одной неизданной статьѣ, посвященной характеристикѣ общественнаго настроенія въ первой половинѣ шестидесятихъ годовъ,—всѣ усердно принялись за его образованіе. По городамъ и особенно въ столицахъ стали открываться во множествѣ воскресныя школы. Въ учителя и учительницы записывались цѣлыми толпами, такъ что было время, когда желающихъ обучать являлось чуть ли не больше, чѣмъ самихъ учащихся. Всякій стремился привлечь какъ можно больше учениковъ и ученицъ, отыскивая ихъ по лавкамъ и мастерскимъ; устраивались литературныя чтенія и концерты для сбора денегъ на школы; вездѣ собирались кружки, чтобы толковать о методахъ обученія, о выборѣ книгъ для чтенія и изданіи такихъ книгъ. Въ то время народная литература обогатилась множествомъ изданій, хотя и не всегда удачныхъ. Нѣкоторыя школы составили себѣ порядочныя бібліотеки черезъ пожертвованія... Черезъ воскресныя школы

образованный классъ сближался съ народомъ и знакомился съ его нуждами; случалось, что старались помочь и этимъ нуждамъ, обуздывая, напримѣръ, хозяевъ мастерскихъ, которые истязали своихъ рабочихъ“ ...

Появленіе воскресныхъ школъ въ Петербургѣ относится къ первой половинѣ 1860 года. Какъ говорятъ, первымъ лицомъ, подавшимъ здѣсь эту мысль, былъ проф. П. В. Павловъ <sup>1)</sup>. Приѣхавъ изъ Кіева, гдѣ, при содѣйствіи Н. И. Пирогова, уже были открыты воскресныя школы (съ октября 1859 г.), онъ сталъ пропагандировать ихъ и среди петербургскихъ интеллигентныхъ круговъ и, между прочимъ, упрекалъ женщинъ изъ образованныхъ и обеспеченныхъ семействъ, что онѣ не возьмутъ въ свои руки дѣло образованія въ столицѣ. Первая воскресная школа (въ апрѣлѣ 1860 г.) была устроена въ залахъ фехтовально-учебно-гимнастическаго кадра стрѣлковаго Его Величества батальона (въ старыхъ московскихъ казармахъ близъ Семеновскаго моста). Распорядителями и наставниками были военные офицеры разныхъ полковъ <sup>2)</sup>. Вскорѣ стали открываться и другія воскресныя школы: во II-й гимназій, подъ завѣдываніемъ А. Н. Энгельгардта, въ I-й гимназій — на имя О. К. Семеновой, подъ руководствомъ В. И. Водозова. Современемъ заведены были мѣстами и чтенія по вечерамъ въ воскресные и нѣкоторые другіе дни. Молодежь, и университетская, и военная, а также многія дамы положили на это полезное дѣло не мало труда. Черезъ годъ послѣ открытія первой воскресной школы въ Петербургѣ, число ихъ дошло до 25, при содѣйствіи ремесленной управы, военного вѣдомства и общественной благотворительности <sup>3)</sup>.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1861 г. воскресная школа въ I-й гимназій уже существовала, какъ это видно изъ официального запроса Водозову директора училищъ с.-петербургской губерніи, 31-го января 1861 г. Уже изъ обращенія директора училищъ къ Водозову несомнѣнно, что именно онъ игралъ наиболѣе дѣятельную роль, какъ въ учрежденіи школы, такъ и въ преподаваніи въ ней: онъ былъ какъ бы директоромъ школы, и ему писали извинительныя письма преподаватели и преподавательницы, если что-либо мѣшало имъ явиться на урокъ. Въ числѣ преподавателей было не мало его учениковъ.

<sup>1)</sup> О томъ, что онъ занимался этимъ дѣломъ въ Кіевѣ, см. въ „Сочиненіяхъ Пирогова“, т. II, Спб. 1887, стр. 220.

<sup>2)</sup> „Наше Время“ 1860 г., № 19.

<sup>3)</sup> *Щебальскій*: „О с.-петербургскихъ воскресныхъ школахъ“ („Русская Рѣчь“ 1861 г., № 52).

Довольно стѣснительныя правила относительно воскресныхъ школъ, установленныя администраціею, должны были значительно охладить рвеніе общества, а затѣмъ явилось и нѣкоторое утомленіе отъ того напряженнаго труда, какого требовало это серьезное дѣло, и вотъ Водовозовъ, въ началѣ 1862 года, печатаетъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ (т. 140) статью: „Неужели упадутъ воскресныя школы?“ Отдавая этому дѣлу много времени и труда, Водовозовъ имѣлъ право упрекнуть за недостатокъ энергіи и постоянства тѣхъ лицъ, которыя, взявшись за обученіе народа, затѣмъ отказались отъ него, и въ то же время считъ необходимымъ воздать должное усердію многихъ молодыхъ людей. Затѣмъ онъ убѣдительно доказываетъ, что стѣсненія со стороны администраціи чрезвычайно вредятъ увеличенію числа воскресныхъ школъ. Далѣе авторъ указалъ на необходимость составленія новыхъ книгъ для народнаго чтенія, изданія рисунковъ, изображающихъ русскій бытъ, разные виды Россіи, мѣстные обычаи и промыслы, сцены изъ русской исторіи, изъ нѣкоторыхъ повѣстей, сказокъ и проч. „Грамотный народъ, — говоритъ авторъ, — съ жадностью читаетъ все, что ему ни попадетъ, а попадаютъ ему однѣ плохія выноски московскаго издѣлія. У насъ есть комитетъ грамотности, есть разныя учебныя общества... гдѣ они дѣйствуютъ? какъ сказочные герои, въ какомъ-то далекомъ, тридевятомъ царствѣ. Позаботиться о самыхъ популярныя изданія, составить хоть одинъ дѣльный читальникъ для народа, завести ходячиковъ по городамъ и селамъ — было бы ихъ дѣломъ“.

Еще до поѣздки Водовозова за границу въ 1862 г., нѣкоторыя изъ дѣвочекъ, учившихся у него въ воскресной школѣ, просили доволенія ходить къ нему на домъ въ будніе дни; Водовозовъ согласился, и къ нему стало являться около восьми дѣвочекъ. Это домашнее обученіе было прервано поѣздкою за границу, а лѣтомъ воскресныя школы были закрыты <sup>1)</sup>. По возвращеніи Водовозова, къ нему стало ходить на домъ около десяти ученицъ, и какъ онъ, такъ и его жена (занимавшаяся ранѣе и въ воскресной школѣ) давали имъ уроки цѣлую зиму, то ежедневно, то съ нѣкоторыми перерывами, вслѣдствіе срочныхъ занятій.

<sup>1)</sup> „10-го іюня 1862 г., государь императоръ повелѣлъ: „1) немедленно приступить къ пересмотру правилъ объ учрежденіи воскресныхъ школъ. 2) Впредь до преобразованія воскресныхъ школъ на новыхъ основаніяхъ, закрыть съ нынѣ существующія воскресныя школы и читальни“. („Сборникъ постановленій по мнѣ. нар. просв. т. III, стр. 757—758).

Разсмотрѣнію книгъ и руководствъ для народа, уже изданныхъ въ то время, Водовозовъ посвятилъ особую статью: „Русская народная педагогика“ („Отеч. Зап.“ 1861 г., № 9). Указавъ на то небольшое хорошее, что было сдѣлано уже въ этомъ отношеніи, Водовозовъ не преминулъ обличить фальшь, встречающуюся въ нѣкоторыхъ книжкахъ для школъ и народнаго чтенія. Такъ, напримѣръ, относясь вообще сочувственно къ дѣятельности Погосскаго, авторъ указываетъ и на ея слабыя стороны и строго порицаетъ, между прочимъ, его разсказъ: „Первый винокуръ“, въ которомъ представлено, что одинъ изъ слугъ сатаны опредѣляется батракомъ къ мужику и научаетъ его курить вино <sup>1)</sup>. Въ 1863 г., въ одной рецензій, Водовозовъ прекрасно формулировалъ здравыя педагогическія требованія отъ книги для первоначальнаго чтенія въ народныхъ школахъ <sup>2)</sup>.

Съ тѣмъ же пониманіемъ истинныхъ народныхъ нуждъ Водовозовъ затрогивалъ и другія стороны народнаго образованія. Такъ, въ своей статьѣ: „Наука и нравственность. Педагогическія замѣтки“ („Библиотека для Чтенія“, 1863 г., № 5), онъ, между прочимъ, находитъ нужнымъ отозваться на занимавшій многихъ въ то время вопросъ о религіозномъ и нравственномъ развитіи учащихся. „По мнѣнію нѣкоторыхъ духовныхъ журналовъ („Православное Обзорѣніе“, Творенія святыхъ отцовъ, и проч.), все народное образованіе должно лежать на рукахъ духовенства, и правительству, намѣреваясь открыть учительскіе институты, тѣмъ самымъ можетъ поколебать въ народѣ христіанскія начала. Въ примѣчаніяхъ на проектъ устава, г. Вороновъ возражалъ на это мнѣніе, что духовенство уже имѣетъ прямую обязанность обучать дѣтей Закону Божию и исполнять разныя религіозныя требы. Занятія всѣми предметами обученія, необходимыми для школъ, отвлекли бы его отъ этой обязанности; но „Православное Обзорѣніе“, — продолжаетъ Водовозовъ, — въ обученіи народа свѣтскими людьми видитъ какое-то анти-клерикальное направленіе, желаніе повредить религіозному чувству народа. Опасаться этого вовсе неумѣстно, если не признать, подобно г. Беллюстину, всю современную науку исчадьемъ грѣха и нечистаго мудрованія... И между свѣтскими людьми многіе совсѣмъ не чужды самыхъ крайнихъ клерикальныхъ стремленій. Примѣромъ тому можетъ слу-

<sup>1)</sup> Подобный же разсказъ и съ тѣмъ же заглавіемъ изданъ и графомъ Л. Н. Толстымъ; вотъ какъ трудно покинуть лицамъ, пишущимъ для народа, негнѣпный обычай угощать его чертовщиной!

<sup>2)</sup> „Журн. Мин. Нар. Просв.“, 1863 г., № 5, стр. 90—92 (рецензія на „Книгу для чтенія въ народныхъ училищахъ виленскаго учебнаго округа“).

жить г. Щербина, который доказываетъ, что дьячки и пономари самые лучшіе и естественные воспитатели народа; по крайней мѣрѣ, имѣя въ виду ихъ дѣятельность, онъ считаетъ излишнимъ устройство какихъ-либо учительскихъ семинарій <sup>1)</sup>... Онъ защищаетъ православіе, какъ наше національное начало: это, конечно, дѣлаетъ ему честь; но нельзя не пожалѣть, что защита такого великаго дѣла вышла совсѣмъ неудачная. Г. Щербина ужасается: что если *казенные городскіе* учителя будутъ вѣсть скромное по постамъ!.. Всякій знаетъ,—замѣчаетъ Водовозовъ,—что религія не состоитъ въ одномъ внѣшнемъ исполненіи постовъ, и народъ не до такой степени глупъ, чтобы не понимать этого: онъ говоритъ— „постись духомъ, а не брюхомъ“... Но г. Щербина, вѣроятно, считаетъ народъ въ высшей степени тупоумнымъ, доказывая, что поселяне не могутъ иначе представить учителя, какъ въ степенныхъ лѣтахъ, съ окладистою бородою, что они примутъ школу за кабакъ, если изъ оконъ ея услышать пѣсню свѣтскаго содержанія, что они, пожалуй, не будутъ отдавать въ школу дѣтей, если въ ней стануть учить не азъ, буки, вѣди“... Все, что говоритъ здѣсь Водовозовъ, имѣетъ и вполнѣ современное значеніе, такъ какъ идеи Щербины нашли теперь новаго и, благодаря измѣненію общественнаго настроенія, болѣе вліятельнаго, а слѣдовательно и болѣе вреднаго защитника въ лицѣ г. Рачинскаго, который впадаетъ въ тѣ же противорѣчія, какъ и покойный Щербина, а именно, требуя передачи народныхъ школъ въ руки духовенства, самъ выставляетъ то печальное нравственное состояніе, въ какомъ находится это сословіе. Указывая, впрочемъ, на фальшь брошюры Щербины, Водовозовъ не скрываетъ того, что заслуживаетъ въ ней сочувствія: такъ, онъ находитъ, что Щербина „очень справедливо вооружается противъ постоянного оффиціального вмѣшательства въ народныя школы, противъ формальной ихъ регламентаціи. Мы всегда были того мнѣнія,—говоритъ Водовозовъ,—что неудачный чиновничій контроль можетъ испортить все дѣло народнаго образованія, которое у насъ только начинается приниматься... Вреда неоффиціальныя маленькія школы не могутъ принести никакого, а въ гоненіи на нихъ вредъ страшный“.

Въ статьѣ: „Какая наука нужна народной школѣ“, Водовозовъ говоритъ: „Заводя народныя школы, у насъ толкуютъ о

<sup>1)</sup> Дѣло идетъ о брошюрѣ поэта Щербины: „О народной грамотности и устройствѣ возможнаго просвѣщенія въ народѣ“. Спб. 1863 г.



грамотности; но это понятіе о грамотности должно быть расширено. Нельзя разумѣть подъ этимъ словомъ одинъ механизмъ чтенія и письма; вы захотите же, чтобъ дѣти понимали смыслъ прочитаннаго... Такъ, въ народную науку, при самыхъ умѣренныхъ требованіяхъ, войдутъ нѣкоторыя существенныя объясненія изъ области естествознанія, географіи, исторіи... Но знанія эти должны имѣть близкое примѣненіе къ народной жизни... Многие думаютъ, что, знакомя учащихся съ мѣстными промыслами, давая имъ лучшее понятіе о сельскомъ трудѣ, мы повредимъ общеобразовательному характеру школы. Школѣ, конечно, не слѣдуетъ быть обыкновенною мастерскою. Если въ ней дѣтямъ и назначаются разныя работы, какъ, напримѣръ, копаніе грядъ, уходъ за разными растеніями и животными, болѣе легкія мастерства, то цѣль этихъ работъ—не одна житейская польза, а также здоровое развитіе силъ, наглядное знакомство съ предметами науки. По крайней мѣрѣ, садъ, огородъ и поле необходимы при всякой школѣ тамъ, гдѣ есть возможность собирать дѣтей въ весенніе и лѣтніе мѣсяцы“. Говоря далѣе о наглядномъ методѣ обученія, авторъ предостерегаетъ противъ слѣпного подражанія нѣмецкимъ образцамъ, гдѣ этотъ методъ направленъ исключительно къ развитію логическихъ способностей слишкомъ утонченною системою упражненій <sup>1)</sup>).

Въ другой статьѣ: „Идеаль народнаго учителя“ <sup>2)</sup>, указывая кругъ знаній, для него необходимыхъ, Водовозовъ ставилъ въ обязанность учителю помогать народу своими знаніями во всѣхъ его нуждахъ и потребностяхъ.

Вообще, въ этотъ періодъ своей жизни, также какъ и въ слѣдующій затѣмъ, Водовозовъ и теоретически, и практически служилъ дѣлу народнаго образованія; къ сожалѣнію, его практическая дѣятельность въ этомъ отношеніи, въ формѣ руководства воскресною школою, была прервана запрещеніемъ воскресныхъ школъ. Впрочемъ, въ 1863 г. (или въ 1864 г.), когда при таврической женской первоначальной школѣ, устроенной ранѣе барономъ Коссинскимъ, была учреждена женская учительская семинарія, подъ начальствомъ Е. А. Солодовниковой, то Водовозовъ преподавалъ въ ней (какъ и другіе—бесплатно). Слѣдуетъ упомянуть еще, что уже въ 1862 г. Водовозовъ былъ членомъ комитета грамотности.

<sup>1)</sup> „Русь“, ежедневная газета, 1864 г., № 1.

<sup>2)</sup> Ibid., № 4.

Занятія въ воскресной школѣ и изученіе книгъ, изданныхъ для народнаго чтенія, убѣдили Водовозова въ недостаткѣ у насъ хорошей книги для чтенія по русской исторіи и побудили его начать составленіе „Разказовъ изъ русской исторіи“, первый выпускъ которыхъ появился въ 1861 г. Здѣсь чрезвычайно просто и доступно изложены разказы изъ первоначальной лѣтописи, слово о полку Игоревѣ, нашествіе Батя съ описаніемъ жизни и нравовъ татаръ; далѣе слѣдуютъ характеристики Александра Невскаго и Дмитрія Донскаго, изложеніе народныхъ былинъ, исторія Новгорода и Пскова и, наконецъ, представленъ общій очеркъ состоянія Руси до Ивана III. Книга эта, изданная къ тому же очень дешево, встрѣтила наилучшій приемъ и въ обществѣ, и въ печати <sup>1)</sup>. Первый выпускъ „Разказовъ“ выдержалъ 7 изданій, нѣкоторыя по пяти тысячъ экземпляровъ. Второй выпускъ былъ изданъ въ 1864 г. Онъ посвященъ отчасти правленію Ивана III и Василя III, но, главнымъ образомъ, авторъ описываетъ въ немъ правленіе Ивана Грознаго и, между прочимъ, прекрасно знакомитъ съ внутреннимъ состояніемъ Россіи въ это время. Второй выпускъ отличается тѣми же достоинствами, какъ и первый, но, по характеру изложенія, доступенъ лишь ученикамъ постарше и болѣе развитымъ; онъ выдержалъ 5 изданій.

Мы видимъ такимъ образомъ, что въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Водовозовъ обнаруживаетъ необыкновенную энергію. Онъ преподаетъ въ Смольномъ институтѣ и первой гимназій, — не говоримъ о частныхъ урокахъ; онъ руководитъ воскресною школою и самъ усерднѣе всѣхъ въ ней занимается, участвуетъ въ засѣданіяхъ педагогическаго собранія и протестуетъ противъ излишней отвлеченности рефератовъ, требуя больше вниманія къ явленіямъ русской жизни. Онъ пишетъ, наконецъ, множество статей по литературѣ и по самымъ животрепещущимъ вопросамъ школьнаго дѣла. При всемъ томъ онъ находитъ еще досугъ продолжать свою плодотворную дѣятельность относительно переводовъ выдающихся произведеній иностранной литературы. Въ пятидесятыхъ годахъ вниманіе его было, повидимому, исключительно направлено на литературы классическаго міра, особенно греческую, и на произведенія, связанныя съ этимъ міромъ („Ифигенія въ Тавридѣ“

<sup>1)</sup> См. рецензіи въ „Отеч. Зап.“ 1861 г., № 10; въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1861 г., т. 112; въ „Русской Рѣчи“ 1861 г., № 85; „Спб. Вѣдомостяхъ“ 1861 г., № 225; „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 1861 г. № 230; въ „Учителѣ“ 1863 г., стр. 732, и въ „Систематическомъ обзорѣ русской народно-учебной литературы“ Спб. 1878 г., стр. 591.

Гёте). Но мы уже указали на то, что еще въ 1857 г. Водовозовъ съ величайшимъ сочувствіемъ говоритъ о Гейне въ своихъ статьяхъ въ „Библиотека для Чтенія“, а изъ рукописей его видно, что даже нѣсколько ранѣе онъ усердно занимается переводомъ стихотвореній этого поэта <sup>1)</sup>. Затѣмъ, во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ, Водовозовъ продолжалъ переводить Гейне, и нѣкоторые изъ его переводовъ были имъ помѣщены въ тогдашнихъ журналахъ. Наконецъ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, онъ дѣлаетъ новые переводы изъ вышедшаго въ свѣтъ въ 1861 г. посмертнаго изданія сочиненій этого поэта. Но самымъ важнымъ результатомъ изученія произведеній Гейне былъ сдѣланный Водовозовымъ переводъ всей его сатирической поэмы „Германія. Зимняя сказка“, напечатанный въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1861 г. (№№ 10—12). Отрывки изъ своего перевода Водовозовъ нерѣдко читалъ въ это время, и вотъ что сказалъ онъ, между прочимъ, въ предисловіи къ одному изъ такихъ чтеній: „Въ сатирической поэмѣ Гейне осмѣяны недостатки современнаго ему германскаго общества, его неумѣніе взяться за какое-нибудь практически полезное дѣло. Онъ, конечно, возстаетъ не противъ благородныхъ идеальныхъ стремленій человѣка, а противъ всякаго безплоднаго блужданія посреди идеаловъ, непримѣнимыхъ къ жизни, противъ той самодовольной мечтательности, въ которой, ничего не дѣлая, мы воображаемъ, что дѣлаемъ очень много, и тѣмъ оправдываемъ свою лѣнь или эгоизмъ“. Эта сторона произведеній Гейне должна была особенно нравиться Водовозову, который, какъ мы видѣли, жестоко смѣялся въ это время надъ своимъ прежнимъ идеальничаньемъ или, какъ выражались въ сороковыхъ годахъ, „прекраснодушіемъ“. „Съ французскою легкостью и кажущеюся небрежностью Гейне умѣлъ соединить (въ этомъ произведеніи) истинно германскую глубину мысли и теплоту чувства.. Онъ съ намѣреніемъ говоритъ о важныхъ предметахъ какъ будто бы о пустякахъ, потому что его соотечественники ужъ слишкомъ много занимались пустяками, какъ важными предметами“.

Въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ Водовозовъ перевелъ также начало мистеріи Байрона: „Каинъ“ (болѣе двухсотъ стиховъ). Переводъ этотъ при его жизни остался ненапечатаннымъ.

<sup>1)</sup> Къ половинѣ пятидесятыхъ годовъ ихъ было переведено Водовозовымъ около 25; всѣ они остались въ свое время ненапечатанными. Гораздо позднѣе, уже въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, Водовозовъ вновь пересмотрѣлъ эти переводы и сдѣлалъ въ нихъ нѣкоторыя измѣненія, впрочемъ не особенно значительныя.

Увлекаясь такими представителями новой европейской литературы, какъ Байронъ и Гейне, Водовозовъ возвращался, отъ времени до времени, и къ нѣкогда столь любимымъ имъ классикамъ: во второмъ изданіи III тома „Русской Хрестоматіи“ Филонова (1865 г.) былъ помѣщенъ сдѣланный имъ стихотворный переводъ драмы Еврипида: „Ифигенія въ Авлидѣ“, а въ „Книгѣ для чтенія при изученіи исторіи древней классической поэзіи, составленной Н. Мизко (М. 1865 г.), такой же переводъ „Первой пифейской оды Герону Этнейскому“, Пиндара <sup>1)</sup>.

В. СЕМЕВСКІЙ.



---

<sup>1)</sup> Для этого же сборника Водовозовъ сдѣлалъ сокращенный переводъ разсказа Лукіана: „Правдивая исторія“.

---

# СТАРЫЙ ДРУГЪ

РОМАНЪ.

---

XL \*).

Вася Рѣзниковъ сидѣлъ за столомъ и разговаривалъ съ Гранковской о женскомъ образованіи, о женскомъ трудѣ. Раиса Николаевна сидѣла поодаль, и ея бровки были сердито нахмурены. Когда Ѳедоръ Игнатьичъ вошелъ въ залу, улыбаясь при видѣ Раисы и гостя, Рѣзниковъ пожалъ ему руку и сказалъ:

— Поцѣловаться съ тобою?

Пріятель отвѣчалъ на вопросъ поцѣлуемъ и произнесъ машинально, съ улыбкой:

— Христосъ воскресе!

— Неужели?—шутливо отвѣчалъ черноволосый Вася, и расхохотался.

— Какъ ты себя чувствуешь?—обратился Ѳедоръ Игнатьичъ къ женѣ и взялъ ее за руку.

Убѣдившись, что жена здорова, Гранковскій сказалъ:

— А ты, Вася, видно, не забылъ нашихъ школьническихъ шутокъ? Помнишь, какъ я всегда на твое „неужели“, отвѣчалъ: „честное и благородное слово“?

Раиса Николаевна ревниво подумала, что она ничего не знаетъ о дѣтствѣ Ѳедора Игнатьича, а вотъ Рѣзниковъ знаетъ. Затѣмъ она рѣшила, что если мужъ не вѣрить въ Бога, то этимъ

---

\*) См. выше: окт., 676 стр.

онъ обязанъ Рѣзникову. И она съ неудовольствіемъ посмотрѣла на счастливаго и румянаго гостя.

Гранковскій взялъ друга за плечо и подвелъ къ столу:

— Такъ ѣшь же, пожалуйста.

— Да я ѣмъ. Чудесная индѣйка. А мы тутъ съ твоей женой споримъ... Представь, я никакъ не ожидалъ: Раиса Николаевна — сторонница женскихъ правъ!

— Раекъ, ты за женскія права? — спросилъ мужъ.

— Василий Ивановичъ обижаетъ женщинъ тѣмъ, что думаетъ, будто онѣ не могутъ трудиться! — заговорила Раиса. — Это несправедливо! Да женщины и гораздо больше трудятся, чѣмъ мужчины! Посмотрите, сколько крестьянокъ и мѣщанокъ! Безъ нихъ семья умерла бы съ голоду. А сколько учительницъ! А ваша профессія, Василий Ивановичъ! Ужъ повѣрьте, что на вашемъ мѣстѣ женщина была бы приличнѣе, или на мѣстѣ Ворошилина...

— Возражай, Вася! Чтò, братъ, молчишь?

— И возражать не смѣю. Но я не объ этомъ говорилъ, Раиса Николаевна. Я говорилъ о томъ, что почему-то такъ случается, что женщина, получившая высшее образованіе... что она перестаетъ быть, такъ сказать, женщиной въ поэтическомъ смыслѣ... Она скучна, въ ней нѣтъ прелести...

— Не договаривайте, и безъ того ясно: вамъ нравятся дуры! — вскричала Раиса, и ей стало какъ-то обидно, что одно время Рѣзниковъ ухаживалъ за нею; впрочемъ она сейчасъ же утѣшилась, вспомнивъ, что онъ предпочелъ ее дурочкѣ Бояриновой.

— Эмансипированныя женщины, — продолжалъ Рѣзниковъ, — не представляютъ ничего привлекательнаго, и я не понимаю, почему вы отдаете имъ преимущество. Раиса Николаевна, я не могу васъ вообразить эмансипированной дамой!

— Объясни, пожалуйста, Василию Ивановичу, что я вовсе не желаю быть „эмансипированной“! — запальчиво сказала мужу Раиса Николаевна. — Ахъ, отчего люди не понимаютъ самыхъ простыхъ вещей! Вѣдь неужели то, что я замужемъ, даетъ имъ право оскорблять при мнѣ честныхъ женщинъ, которыя не всегда могутъ имѣть свою семью! Достаточно двухъ, трехъ встрѣчъ съ Василиемъ Ивановичемъ, чтобы отказаться отъ мысли о замужествѣ.

— Благодарю за аттестатъ! — со смѣхомъ сказалъ Рѣзниковъ.

— Мы прекратимъ, господа, разговоръ, потому что онъ волнуетъ Раису Николаевну, — замѣтилъ Федоръ Игнатьичъ, тихонько пожавъ руку женѣ. — Эмансипація — слово растяжимое и съ нѣбото-

рыхъ поръ его стали понимать различно. Помнишь, Вася, Зиночку Бѣльскую... ты ее недавно вспоминалъ!.. Помнишь, что ты ей говорилъ о свободѣ, и какъ она, бѣдненькая, все это поняла шиворотъ-на-выворотъ? И согласишься самъ, что ты тоже своеобразно понималъ эмансипацію... А!.. Скажи-ка лучше, мой другъ, что, какъ профессорство?

— Идетъ. Понемножку шарлатанимъ. Ворошилинъ уже слегка дуется на меня... Вчера ко мнѣ обратилась одна постоянная клиентка его...

Въ передней зазвонилъ звонокъ, и вошелъ гладко-выбритый, въ новомъ фракѣ и въ свѣтлыхъ перчаткахъ, Никодимъ Павловичъ.

— А я былъ у васъ и не засталъ! — любезно произнесъ Федоръ Игнатьичъ.

— Душевно сожалѣю. Были дѣла, которые заставили меня начать визиты съ-утра. Былъ также, — сказалъ онъ, улыбаясь Раисѣ Николаевнѣ, — у Юлии Петровны.

— Очень хорошо, что были! — тихо сказала Раиса и протянула Никодиму Павловичу руку.

— Ахъ, Раекъ, тебѣ поцѣлуй отъ маман. Она здорова, и, если не ошибаюсь, ея любовь къ тебѣ нисколько не остыла.

Федоръ Игнатьичъ чуть-чуть улыбнулся.

— Одея, у маман хорошия бабы?

— Кажется, хорошия... Елисей Ивановичъ ѣлъ и отъ удовольствія даже кашлялъ... А я думалъ, что это маман бульдога завела, и смотрѣлъ на дверь. А маман говоритъ: „это пса-люмщикъ, онъ человекъ съ тонкимъ вкусомъ и одобряетъ мою паску“. Ну, я подумалъ, что мнѣ ужъ пробовать нечего, и уѣхалъ.

Раиса Николаевна смотрѣла на мужа, стараясь понять, какой намекъ заключается въ его рассказѣ. Она не поняла и только промолвила:

— Ты, пожалуйста, кушай, Одея...

— Никодимъ Павловичъ, прошу васъ, — сказалъ Гранковскій. — Или, можетъ быть, вы отвѣдали удивительной бабы у Жюли? Представь, Раекъ: философскія занятія до того повліяли на Жюли, что у нея есть трансцендентальный куличъ, а у насъ все натурализмъ... Кстати, Вася, у меня лежитъ тамъ новый романъ французскаго натуралиста, Жюля Гримасана. Хочешь, дамъ?

— Я уже кое-что читалъ! Давай, давай!

Мужчины стояли и сидѣли вокругъ стола. Раиса сидѣла въ своемъ креслѣ, вся въ бѣломъ и сѣромъ, съ розовой лентой въ

косѣ, пригрѣваемая яркимъ весеннимъ солнцемъ, и играла съ котенкомъ. Она увидала въ окно Жюли, всочила и побѣжала въ переднюю. Черезъ нѣкоторое время раздались поцѣлуи.

— Не хочешь ли, Вася, поухаживать за Жюли?—въ полголоса, насмѣшливо спросилъ Ѳедоръ Игнатьичъ. — Вѣдь, въ сущности, она хорошенькая. Мать у нея была французенка. А?

— Она хорошая дѣвушка,—въ видѣ протеста, сказалъ Никодимъ Павловичъ.— Со странностями, но достойная дѣвушка,—вторично похвалилъ онъ Жюли, вспомнивъ, какъ Раиса Николаевна дружна съ нею.

Рѣзниковъ улыбнулся Ѳедору Игнатьичу и сказалъ что-то такъ тихо, что Никодимъ Павловичъ ничего не слышалъ. Ѳедоръ Игнатьичъ побрасилъ, покачалъ головой и произнесъ:

— Ну, ну, посмотримъ...

Никодимъ Павловичъ недолго пробылъ и уѣхалъ отъ Гранковскихъ. Раиса и Жюли оживленно болтали по-французски. Вася Рѣзниковъ любезно смотрѣлъ въ лицо Жюли. Иногда она оборачивалась, встрѣчала его нѣжный, застѣнчивый взглядъ и съ легкой улыбкой продолжала дальнѣйшій разговоръ. Не прошло и десяти минутъ, какъ Рѣзниковъ уже разговаривалъ съ Жюли о Декартѣ, то-есть оъ слушалъ, а она задавала ему мало-понятные вопросы, и сама на нихъ отвѣчала такими же вопросами. Раиса была немножко огорчена тѣмъ, что Жюли перестала бесѣдовать съ нею, и молчала, находя, что у Жюли черезчуръ развитъ философскій инстинктъ. Ѳедоръ Игнатьичъ улыбался и насмѣшливо поглядывалъ на всѣхъ.

Послѣ обѣда Ѳедоръ Игнатьичъ и Рѣзниковъ шли въ кабинетъ либеръ.

— Скажи, Ѳеда, очень ты счастливъ со своей женой? Только, братъ, откровенно!

— Ну, что за вопросъ! — недовольнымъ тономъ произнесъ Гранковскій.

— Нѣтъ, я обращаюсь къ тебѣ какъ къ другу... Я потому тебя спросилъ, что хочется знать... Видишь, меня самого посѣщаетъ иногда мысль о женитьбѣ.

— А! Ужъ не думаешь ли ты жениться на Жюли?

— А хоть бы и на Жюли?—съ улыбкой сказалъ Рѣзниковъ. Ѳедоръ Игнатьичъ махнулъ рукой и разсмѣялся.

— Меня, братъ, не проведешь! Ишь! стратегъ!

— Да ты что думаешь?

— Я думаю, что ты серьезно собираешься играть съ Жюли...

— Почему знать, что изъ этого выйдетъ! — загадочно ска-



загъ Рѣзниковъ. — Но, однако, Оеда, ты видишь меня въ особомъ свѣтѣ... Я, братъ, не такъ дурень, какъ тебѣ кажусь.

— Знаю, знаю. Прости меня.

Друзья выпили еще по рюмѣ ликера.

— Такъ ты рѣчь заводишь о профессорствѣ! — началъ Гранковскій. — Ну, чтожъ, пора, дружище. А женитьба вещь хорошая... Ты спрашиваешь, счастливъ ли я! Я, голубчикъ, счастливъ, чертовски счастливъ!

Передъ вечеромъ Жюли простилась съ подругой. Рѣзниковъ подъ-руку повелъ ее домой. У дверей ея квартиры Рѣзниковъ сердечно пожалъ руку косноязычной дѣвушкѣ, и она ласково прошептала ему:

— Приходите къ намъ! Я буду вамъ очень рада!

## XLI.

Иногда Пягину казалось, что онъ забылъ Раису, и его сердечная неудача рисовалась ему въ дали прошлаго уже блѣднымъ, куда-то назадъ уносящимся кошмаромъ.

— „Я просто раздулъ огонь... можетъ быть, это не была любовь, а вспышка — тутъ замѣшалась ревность и замѣшалось самолюбіе. Подумаешь, и какъ-то странно дѣлается: неужели же я могъ дурить въ сорокъ лѣтъ? Со стороны я смѣшонъ! Зрѣлый и даже перезрѣлый мужъ и маленькая фарфоровая дѣвочка! Наконецъ, естественно ли все это было?“ ...

Такъ говорилъ себѣ Ниводимъ Павловичъ спокойными апрѣльскими и майскими вечерами, сидя у окна въ своей библиотекѣ и глядя на разливъ Днѣпра. Водная равнина, какъ море, уходила въ сизую туманную даль. Косые лучи багроваго солнца стлались по рѣкѣ, и въ золотомъ, еще ясномъ сумракѣ рисовались верхушки потопленныхъ лѣсовъ, какъ далекіе острова, полные какой-то особой, волшебной, раздражающей жизни. Тихій сонъ спускался на землю. Гаснули розовые лучи заката, потухали блѣдныя небеса и надвигался со всѣхъ сторонъ задумчивый сумракъ. Ниводимъ Павловичъ вздыхалъ и въ смутной тревогѣ начиналъ перебирать въ умѣ обстоятельства своей жизни. Онъ приходилъ къ заключенію, что, нѣтъ, въ его сердцѣ еще не все умерло, что счастье, котораго онъ жаждалъ столько лѣтъ, еще могло бы улыбнуться ему, и что, можетъ быть, смѣшно гнаться за невозможнымъ и вздыхать объ идеалѣ, когда стѣбитъ только захотѣть, и можно перестать быть одиновимъ...

— „Самое главное несчастіе мое—въ одиночествѣ,—рѣшилъ онъ однажды.—Надо жениться. Женюсь не по любви, куда ужъ мнѣ влюбляться! А женюсь на скромной и хорошей дѣвушкѣ и, дастъ Богъ, успокоюсь и какъ бы ссаять... вообще будетъ ясная цѣль въ жизни. И невѣста меня можетъ не любить... Неужто любовь такъ необходима?“

Онъ задалъ себѣ этотъ вопросъ, и ему стало холодно отъ того. „Я постарѣлъ; это старчество во мнѣ говорить, эгоизмъ, страхъ остаться одинокимъ навсегда“...

До него долетѣлъ въ раскрытое окно смолистый запахъ распустившейся почки. Вздохъ вырвался изъ его груди; онъ поднялся, надѣлъ шляпу и вышелъ въ свой садъ.

Уже смеркалось. Тихо стояли высокія деревья. Ихъ верхушки были еще облиты розовымъ сумракомъ. Никодимъ Павловичъ шелъ по единственной дорожкѣ и курилъ сигару.

Въ молчаливомъ воздухѣ уныло раздавалась пѣсня, которую пѣли бурлаки на далеко плывшемъ по разливу плоту. Звонили ко всенощной. Вокругъ слышалась жизнь еще не угмонившагося города—доносился грохотъ экипажей, лаяли собаки. Чувство одиночества сильнѣе охватило Пругина, тоска зашевелилась въ груди, и онъ испугался повторенія прошлогодней исторіи; онъ взглянулъ на домъ—домъ ему противенъ. Какъ и тогда, ему захотѣлось уйти куда-нибудь и забыться. Сердце его учащенно билось—вотъ, вотъ сейчасъ подойдутъ къ горлу слезы и мучительно взволнуется грудь.

Никодимъ Павловичъ вышелъ изъ калитки, прорубленной въ заборѣ сада, и направился къ берегу рѣки. Сырость поднималась отъ непросохшей земли и отъ мокрыхъ бревенъ, сваленныхъ на берегу. Одинокія вербы склонялись къ водѣ. Медлительно плескалась звонко чмокающая волна. Не было видно живой души.

Пругинъ остановился, долго смотрѣлъ на сумрачный разливъ, на далеко, далеко мигающіе огни, и опять тяжело вздохнулъ.

— „Отчего,—спросилъ онъ себя,—человѣкъ такая эгоистическая тварь? Отчего онъ такъ любитъ свои мечты и ничѣмъ не доволенъ?“

Онъ прошелся по берегу. Ему показалось, что гдѣ-то возлѣ него пискнулъ ребенокъ. Никодимъ Павловичъ быстро обернулся и сталъ прислушиваться. Пискъ повторился.

— „Нѣтъ, это щенокъ“, подумалъ онъ.

Тѣмъ не менѣе, тревожное чувство разогнало его тоску, онъ ускорилъ шагъ, и ему припомнился случай въ третьемъ году, когда на этомъ самомъ мѣстѣ Захаровна нашла двухъ-недѣльнаго

мальчика. Мальчикъ потомъ умеръ. „Вотъ будетъ сюрпризъ!“ — съ усмѣшкой произнесъ Прагинъ. Но за дровами онъ увидѣлъ маленькаго щенка, который ползалъ, какъ мышь, по песку и, должно быть, его захлестывало волной.

Никодимъ Павловичъ нагнулся, взялъ щенка и принесъ его домой.

Захаровна проворчала:

— Возись теперь. Назадъ не бросишь... Ну, ты, голосистый!

Глядя на барина, который сдѣлалъ соску, пославши въ аптеку за рожкомъ, и поилъ молокомъ щенка, Захаровна подперла кулакомъ щеку и качала головой.

## XLII.

Подкидышъ быстро росъ. Онъ былъ крупной породы, и его тѣлеснаго цвѣта волнистая шерсть, съ легкими темными подпалинами на ухахъ и мордѣ, заставляла думать, что въ его жилахъ струится благородная кровь сенъ-бернардскихъ собакъ. Подкидышъ сталъ мало-по-малу всеобщимъ любимцемъ.

— „Это не то, что Витязъ! Онъ будетъ привязанъ! Есть существа, которыя и меня любятъ... Вотъ еще Захаровна меня любить!“ — думалъ Никодимъ Павловичъ.

Никодимъ Павловичъ не питалъ страсти къ собакамъ. Но ему нравилось, что на него теперь смотритъ пара преданныхъ, умныхъ глазъ. Иногда, въ конторѣ, разбирая какія-нибудь важныя бумаги, Прагинъ задавался вопросомъ:

— „А ѣлъ ли сегодня Подкидышъ? Накормить ли его безъ меня Захаровна?“

Ему было смѣшно признаться, что этотъ прожорливый щенокъ, визжавшій по ночамъ, наполнялъ отчасти пустоту его существованія. Никодимъ Павловичъ повеселѣлъ. Онъ даже сталъ бывать въ клубѣ, въ театрѣ и въ гостахъ.

Его бывшій помощникъ по должности бухгалтера, Копѣчкинъ, нынѣ самъ бухгалтеръ, много разъ просилъ Никодима Павловича зайти къ нему. Наконецъ, Никодимъ Павловичъ отправился къ Копѣчкину на его именины, перваго мая.

Аванасій Максимовичъ Копѣчкинъ жилъ въ собственномъ домѣ. Домъ былъ маленькій, покосившійся, съ низенькими потолками. Но за домомъ былъ хорошей садъ, который спускался къ Дивпру. Тамъ, на берегу, росли березы и вербы. Подъ этими березами былъ накрытъ столъ. Общество уже пировало, когда

пріѣхалъ Никодимъ Павловичъ. Солнце бросало косые лучи на группу веселыхъ гостей и обливало розовымъ свѣтомъ стволы березъ. Аѳанасій Максимовичъ ввелъ подъ руку Прягина и представилъ ему кое-кого изъ гостей.

— А моихъ вы знаете... жена... дочь... Пашенька, ты помнишь, Никодима Павловича? Онъ тебя на рукахъ держалъ.

Дѣвушка, которая отлично помнила Никодима Павловича, потому что еще въ прошломъ году онъ былъ у нихъ, улыбнулась гостю и застѣнчиво подала ему руку.

— Подвинься, Пашенька. Никодимъ Павловичъ сядетъ подлѣ тебя. Ты смотри у меня—угощай Никодима Павловича... Не церемонься, Пашенька, смѣлѣй!

Прягинъ сѣлъ подлѣ Пашеньки. — „Когда же это я держалъ ее на рукахъ?“ думалъ онъ.

— Кушайте, пожалуйста: я сама пекла!—произнесла дѣвушка и положила на тарелку гостю кусокъ холоднаго пирога съ рисомъ и яйцами.

— Неужели сами?

— Я такого мнѣнія, — сказала жена Копѣсчвина, худошавая особа, съ блѣднымъ черноватымъ лицомъ: — дѣвушка должна все уметь. У насъ Пашенька окончила гимназію, но она хозяйка на рѣдкость. Она сдѣлаетъ вамъ чудесныя щи, если хотите, кашу, блинчики, а какія колбасы!..

Никодимъ Павловичъ изъ вѣжливости сѣлъ немного пирога. Пашенька торопливо подала ему тарелку съ колбасой, наръзанной тонкими косыми кружечками и распространявшей усиленный запахъ копченаго сала.

— Пашенька, а выпить, а выпить!—вскричалъ Аѳанасій Максимовичъ и передалъ дочери бутылку съ краснымъ виномъ, чтобы та, въ свою очередь, передала ее дорогому гостю.

Никодимъ Павловичъ налилъ стаканъ вина и, прихлебывая, поглядывалъ на гостей и свою сосѣдку. Пашенька была въ свѣжемъ шерстяномъ платицѣ сѣро-голубого цвѣта съ атласными полосками. Отъ нея вѣяло духами; въ ея косу была вплетена розовая шолковая лента. Румяное лицо Пашеньки могло нравиться. У нея были вздутыя губки и рѣденькія брови. Напротивъ нея сидѣлъ молодой чиновникъ съ густыми рыжими волосами и въ высокихъ воротничкахъ. На шеѣ у него блестѣла золотая цѣпочка. Чиновникъ натянулъ ее одною рукою, а другою мрачно передвигалъ по ней взадъ и впередъ эмалевую пуговку и въ упоръ глядѣлъ на Прягина. Можетъ быть, онъ уже ревновалъ къ нему Пашеньку.

— Нравится вамъ весна?—спросила Пашенька въ полголоса у Прягина.

— Очень нравится,—отвѣчалъ Прягинъ.

Пашенькѣ захотѣлось пооригинальничать, и она сказала:

— Нѣтъ, а мнѣ нравится больше осень! Такъ скучно! На улицахъ мрачно! Вѣтеръ воетъ! Я люблю грустить,—заклчила она.

Прягинъ посмотрѣлъ на ея мелко-завитые волоса, гривкой свисшіе на маленькій лобъ, ничего невыражающіе глаза и полную шею, и не то улыбнулся, не то сдѣлалъ гримасу.

— А что она вамъ здѣсь воркуетъ?—врядчиво спросилъ Аѳанасій Максимовичъ, подходя сзади и наклоняя голову къ Прягину. — Пашенька! Ты воркуй, мой другъ, да не забывай угощать. Винца Никодиму Павловичу, винца! Такъ!

— Нѣтъ, ужъ увольте,—сказалъ Никодимъ Павловичъ.

— Ахъ, отчего же, я вамъ налью!—произнесла Пашенька.

— Не трудитесь, прошу васъ.

— Ахъ, что вы! Какъ можно! Вы должны пить!

Она налила полный стаканъ вина. На лицѣ гостя не выразилось ни малѣйшаго желанія пить. Онъ равнодушнымъ взглядомъ посмотрѣлъ въ глаза Пашенькѣ.

— Не могу.

— Ну, хорошо, я пригублю...

Пашенька поднесла стаканъ ко рту и омочила въ вино губы.

— Теперь вы меня обидите, если не станете пить!—самоувѣренно улыбаясь, сказала она.

Мать съ умиленіемъ слѣдила за этой сценой. Чиновникъ съ рыжими волосами задвигалъ по своей цѣпочкѣ эмалеовой пуговкой съ такою стремительностью, что она издавала какой-то звукъ. Аѳанасій Максимовичъ съ бутылкой въ рукѣ хлопоталъ на другомъ концѣ стола.

Солнце постепенно погасало. Самоваръ потухъ и пересталъ шумѣть. Гости легли на землю, на заранѣ приготовленныя подушки. Было тепло, и мягкій воздухъ ласкалъ грудь. Всѣ были въ наилучшемъ расположеніи духа и весело болтали между собой. Пашенька не отставала отъ Никодима Павловича. Онъ глядѣлъ на ея гривку, задорную гримасу вздутаго рта и тусклые глаза, и думалъ: „А Подкидышъ, должно быть, визжить тѣмъ временемъ и выводить изъ-себя Захаровну...“ Пашенька же думала: „Вотъ увалень, этотъ Никодимъ Павловичъ! Пускай бы мамаша сама попробовала за нимъ поухаживать“.

— Господа, устроимъ горѣлки!—вскричала одна бойкая барышня.—Что такъ сидѣть!

Быстро составились пары. Пашенька стала горѣть. Но Кошечкина вызвала дочь и кротко сказала ей:

— А Никодимъ Павловичъ случаетъ!

— Я думала, Никодимъ Павловичъ будетъ съ нами ѡбгать, — игриво сказала Пашенька. — Ну, не хотите, будемъ ходить. Возьмите меня подъ-руку.

— „Положительно, она меня атакуетъ, — сказалъ себѣ Никодимъ Павловичъ. — Вотъ и считай ее ребенкомъ!“

— Вамъ скучно у насъ? — спросила Пашенька, пройдя нѣсколько шаговъ.

— Помилуйте!

— Нѣтъ, Никодимъ Павловичъ, не говорите! У насъ ужасная обстановка. Мы не живемъ высшими интересами... Я слыхала, у васъ много книгъ?

— Есть...

— Пришлите что-нибудь почитать.

— Хорошо. Чтѣ же?

— Я не знаю... Вы по своему вкусу!

— Романы?

— Нѣтъ, пожалуйста, не романы. Что-нибудь серьезное...

— Напримѣръ?

— А есть у васъ Бокль?

— Есть и Бокль!

— Какъ тутъ темно! — воскликнула Пашенька и прижалась къ Никодиму Павловичу.

— Да, есть и Бокль! — повторилъ Никодимъ Павловичъ и ускорилъ шагъ.

— Вы какъ будто торопитесь куда?

— Пора домой.

— Нѣтъ, посидимъ на скамейкѣ. Какъ вамъ не стыдно такъ рано уходить!

Никодимъ Павловичъ повиновался и сѣлъ на скамейку.

— А есть у васъ Шлоссеръ?

— Шлоссеръ есть.

— И Гервинусъ?

— И Гервинусъ.

— Какъ вамъ, должно быть, пріятно, что у васъ такая бібліотека! Моя всегдашняя мечта была — бібліотека. Я въ гимназіи замѣчательно хорошо училась. Мои сочиненія были первыя... Вы ничего не сочиняете?

— Нѣтъ, ничего.

— Вамъ никогда не бываетъ страшно?

— Чего же?

— Вотъ мнѣ теперь чего-то страшно.

— Пойдемъ, ежели страшно.

— Нѣтъ, я не хочу уходить. Мнѣ пріятно сидѣть съ вами.

— „Однако, я ужъ не только атакованъ, а какъ будто взять даже въ плѣнъ,—подумалъ Никодимъ Павловичъ.—Ну, вотъ, ты хотѣлъ счастья. Оно сидитъ передъ тобою, молодое и, можетъ быть, даже невинное“...

Онъ всталъ. Но Пашенька схватила его за руку и не пускала. Слѣва раздался шумъ шаговъ и звукъ цѣпочки, терзаемой ревнивымъ чиновникомъ. Пашенька вскочила и, оправивъ платье, громко сказала Никодиму Павловичу:

— Такъ вы, пожалуйста, не забудьте прислать мнѣ Карлейля и Гервинуса.—И шопотомъ прибавила:—теперь пойдите скорѣе!

Съ Днѣпра повѣяло свѣжестью, и гостей пригласили въ домъ. Тамъ Никодимъ Павловичъ увидѣлъ рояль; Аѳанасій Максимовичъ приобрѣлъ его, какъ только получилъ мѣсто бухгалтера. Эта новая вещь странно выдѣлялась среди потертой мебели, украсившей собою гостиную. Надъ диваномъ висѣла одна изъ тѣхъ олеографій, которыми иллюстрированные журналы ловятъ на удочку невзыскательную публику: изъ-за багроваго лѣса подымалась трехсаженная луна, и на берегу озера, подъ низенькими пальмами, сидѣла русалка и съ пьяной улыбкой расчесывала свои волосы. Пашенька сѣла за рояль и стала брать аккорды. Чиновникъ съ цѣпочкой басомъ принаравливался къ мотиву. Вдругъ Пашенька запѣла, глядя на Никодима Павловича. Басъ сталъ вторить ей, до половины поворачиваясь на одномъ мѣстѣ то направо, то налѣво, всѣмъ тѣломъ, какъ бы около оси. Аѳанасій Максимовичъ махалъ въ тактъ рукой и говорилъ:

— Люблю! Когда у меня весело, я счастливъ!

Копѣчкина принесла подносъ съ вареньями, орѣхами и мармеладомъ. Гости начали лакомиться. Все оживленнѣе и оживленнѣе становилось въ погосившемся домикѣ. Копѣчкинъ похаживалъ вокругъ и встряхивалъ плечами, молодцовато прищелкивая языкомъ.

Никодимъ Павловичъ незамѣтно вышелъ изъ дома, сѣлъ въ свою пролетку и укатилъ.

Было около десяти часовъ.

— Эй! На пристань!—крикнулъ онъ кучеру.

## XLIII.

Никодимъ Павловичъ сѣлъ на пароходъ. Теплая голубая ночь была невозмутимо тиха. Плескалась невысокая волна, и въ ней дрожали мѣсяцъ и дрожали звѣзды. Маленькій пароходъ, правильно совершающій рейсы по рѣкѣ вверхъ и внизъ на протяженіи какой-нибудь версты, бодро пыхтѣлъ и уносилъ пассажировъ на увеселительный островъ. Вдали блестяли на низменномъ берегу двумя рядами желтые фонари Эльдорадо. Оттуда, по водѣ, плыли звуки персидскаго марша.

Пароходъ причалилъ. Никодимъ Павловичъ, по зыбкимъ мосткамъ, сошелъ съ парохода. За рѣшетчатой оградой ярко пылали смоляныя бочки и горѣли фонарики пестрыми фестонами. Публика группами и въ одиночку бродила по дорожкамъ жиденскаго сада, на-скоро преобразованнаго въ увеселительный „паркъ“ изъ пустыннаго песчанаго берега, поросшаго орѣшникомъ и лознякомъ. На двухъ эстрадахъ играли музыканты: на одной солдатики, на другой жидки. Посреди парка стоялъ балаганъ, и у входа продавались билеты въ конуркѣ, оклеенной афишами. Никодимъ Павловичъ пропелся по сырмъ дорожкамъ, выпилъ бутылку пива, посидѣлъ на площадкѣ за однимъ изъ бѣленькихъ, свѣже-выкрашенныхъ столиковъ, врытыхъ въ землю, и ему захотѣлось посмотрѣть, что дѣлается въ этомъ балаганѣ. Евреи, окружавшіе кассу и убѣждавшіе кассира пропустить ихъ въ балаганъ за половинную цѣну, разступились, и Никодимъ Павловичъ взялъ билетъ. Билетъ былъ снабженъ подписью содержателя сада, онъ же директоръ театра, печатью режиссера и еще какою-то подписью. Потомъ билетъ былъ тщательно осмотрѣнъ двумя контролерами, младшимъ и старшимъ. Когда Никодимъ Павловичъ вошелъ въ театръ и занялъ свое кресло, и осмотрѣлся, онъ въ ложѣ направо увидѣлъ Гольденбаха, блѣднаго и гримасничающаго, въ бѣломъ жилетѣ и толстой золотой цѣпочкѣ. Рядомъ съ Гольденбахомъ сидѣла его жена въ черныхъ по локоть перчаткахъ, чрезвычайно модной шляпѣ и съ неподвижной благожелательной, такъ сказать аристократической, улыбкой на типичномъ лицѣ. Мужъ и жена смотрѣли на занавѣсъ и готовились насладиться, по крайней мѣрѣ, настолько, сколько стоитъ ложа. Занавѣсъ тихо колебался, и съ него на публику смотрѣла маска Мельпомены, окруженная цвѣтами, стрѣлами и змѣями. Театръ только-что былъ отстроенъ, въ немъ все было ново, и все занимало публику.



Вотъ раздался звонокъ. Черезъ пять минутъ онъ прозвонилъ еще разъ. Оркестръ сталъ оправляться, капельмейстеръ вооружился палочкой. Когда онъ кашлянулъ и посмотрѣлъ на музыкантовъ выразительнымъ взглядомъ, заходили смычки, надулись щеки и понеслись фыркающіе и скрипящіе звуки. По исполненіи увертюры, прозвонилъ третій колокольчикъ, но занавѣсъ висѣлъ неподвижно. Публика ждала. На сценѣ бѣгали и суетились — оттуда слышались возгласы, громкій шопотъ; казалось, о чемъ-то спорили и, можетъ быть, ругались. Сверхъ обыкновенія, раздался четвертый звонокъ, для успокоенія публики; но это только встревожило ее. Никодимъ Павловичъ видѣлъ, какъ Гольденбахъ клонилъ на бока голову и съ недоумѣніемъ, по-птичьи, посмотрѣлъ на занавѣсъ. Въ заднихъ рядахъ стали стучать и кричать:

— Пора!

— Начинайте! — басомъ проревѣлъ кто-то изъ мѣстъ за креслами.

Этотъ возгласъ одушевилъ публику. Всѣ стали кричать:

— Пора! О-го-го-го-го!

Со сцены, приподнявъ уголь занавѣса, вышелъ къ рампѣ, со звономъ въ рукѣ, блѣдный бритый молодой человекъ, съ высокими дугообразными бровями, во фракѣ и бѣломъ галстухѣ, и объявилъ громкимъ деревяннымъ голосомъ:

— По непредвидѣнному болѣзненному случаю, госпожа Петиде-ля Нозетъ не можетъ принять участія въ сегодняшнемъ спектаклѣ. Въмѣсто нея будетъ имѣть честь первый разъ исполнить передъ публикою рыцарскіе куплеты дѣвица Луиза Огуре.

Блѣдный человекъ поклонился въ поясъ публикѣ и ушелъ. Вслѣдъ ему раздались рукоплесканія и крики: „браво!“ Занавѣсъ поднялся до половины, нѣсколько времени продержался въ этомъ положеніи, поднялся еще немного и, наконецъ, открылся совсѣмъ, послѣ чего вдругъ сорвался и быстро опустился. Громкій смѣхъ привѣтствовалъ это паденіе. Директоръ театра, сидѣвшій въ ложѣ, убранной кумачемъ, торопливо вышелъ, и до ушей публики опять сталъ долетать шумъ, свидѣтельствовавшій, можетъ быть, о распорядительности директора. Пятый звонокъ возвѣстилъ, что все благополучно. И дѣйствительно, занавѣсъ на этотъ разъ легко взвился, и на подмосткахъ появилась, въ костюмѣ рыцаря, вся въ серебряной чешуѣ и серебряномъ бумажномъ шлемѣ, дѣвица Луиза Огуре. Неуклюже поднесла она руку къ шлему, отдала честь по военному и, хлопнувъ себя по крутому сверкающему бедру, вскричала хриплымъ контральто:

— Gel! Уэ!

Оркестръ сталъ acompанировать ея крику, а она, неловко, но развязно прядая по сценѣ, словно съ пьяныхъ глазъ, что-то пѣла.

Никодимъ Павловичъ взглянулъ въ этого неуклюжаго рыцаря съ пышной грудью, и узналъ въ дѣвицѣ Луизѣ Огуре Людмилу. „Сдѣлала карьеру“, — подумалъ онъ и разсмѣялся. Когда кончились рыцарскіе куплеты, публика осыпала дѣвицу Огуре аплодисментами. Гольденбахъ масляными глазами смотрѣлъ на рыцаря и хлопалъ ей съ видомъ высокаго одобренія. Никодимъ Павловичъ всталъ послѣ куплетовъ Людмилы и вышелъ изъ балагана.

Свѣжая ночь ласково смотрѣла своими безчисленными умными глазами на глупости, которыми развлекались люди на Тарухтановомъ островѣ. Толпа стояла вокругъ балагана, и многіе слушали пѣніе, приложивъ ухо къ доскамъ. Издали, изъ бесѣдки доносился веселый смѣхъ. Тамъ инженеры кутили съ какими-то дамами. На длинной эстрадѣ буфета за столиками встрѣчали первое мая группы офицеровъ. Прислуга бѣгала взадъ и впередъ съ озабоченными и растерянными лицами; публики набралось неожиданно много, и въ одномъ мѣстѣ тѣснилась кучка людей. Поднялся скандалъ: какой-то купеческій сыночекъ, выпивъ и закусивъ, хотѣлъ улизнуть изъ сада и не заплатить денегъ. Никодимъ Павловичъ шелъ по дорожкамъ и безучастно смотрѣлъ вокругъ себя.

Вдругъ, въ одной аллеекѣ потемнѣе, онъ встрѣтился лицомъ къ лицу съ Рѣзниковымъ, который велъ подъ руку черномазенькую Бояринову. Онъ поклонился, но его не узнали, — можетъ быть, съ умысломъ.

Никодимъ Павловичъ поглядѣлъ имъ вслѣдъ и сказалъ себѣ: „Нѣтъ, этотъ Рѣзниковъ — дрянной человекъ. Слава Богу, какая разница съ Федоромъ Игнатьичемъ! Одно мнѣ странно, почему такъ друженъ съ нимъ Гранковскій? Парі готовъ держать, что Рѣзниковъ“...

Онъ не договорилъ и, сдѣлавъ уже нѣсколько шаговъ впередъ, торопливо повернулъ назадъ, какъ бы желая сначала увидѣть что-нибудь предосудительное въ отношеніяхъ Рѣзникова и Бояриновой, и тогда уже досказать себѣ свою мысль, которая касалась третьяго лица. Онъ догналъ пару и замѣтилъ, что Рѣзниковъ убѣждалъ молодую женщину на что-то рѣшиться; она потупляла голову и молчала, а донъ-Жуанъ побѣдоносно напечатывалъ ей...

У Никодима Павловича забилося сердце. Похождения счастли-

ваго молодого повѣсы подняли въ немъ желчь негодованія свыше мѣры. „Богъ съ нею, съ этой душой Бояриновой, это ея дѣло! Но какъ же принимать въ порядочный домъ такого человѣка, какъ Рѣзниковъ?! Ужъ то, что онъ однимъ воздухомъ дышетъ съ Раисой Николаевной, чего стоитъ!“

Онъ долго ждалъ новой встрѣчи съ счастливой парой, но не дождался. Остальной вечеръ его былъ испорченъ. Началась пальба; жужжа, подымались къ небу ракеты, лопались разноцвѣтными огнями и падали на-земь дождемъ искръ. Никодимъ Павловичъ переправился на тотъ берегъ и уѣхалъ домой.

#### XLIV.

Гранковскій сидѣлъ въ этотъ вечеръ въ своемъ кабинетѣ, обложенный книгами, востями, гипсовыми слѣпками, фотографическими снимками и, при свѣтѣ двухъ лампъ, писалъ свое разсужденіе о резекціи голеностопнаго сочлененія. Онъ зналъ, что его работа совершенно нова, и еще никто, съ этой точки зрѣнія, не смотрѣлъ на предметъ и не предлагалъ вскрывать суставъ сзади, оставляя ахиллесово сухожилие цѣлымъ. Раиса спала; тишина царила въ домѣ и помогала спокойному теченію мыслей молодого хирурга. Можетъ быть, потомъ онъ переработаетъ свою диссертацію. Но теперь онъ съ убѣжденіемъ писалъ:

„Если выкроить языкообразный лоскутъ въ задней части голенотаранной области, въ составъ котораго бы входили: ахиллесова жила и часть пяточной кости, а именно: весь почти пяточный бугоръ, то мы открываемъ плоскость, затаченную глубокимъ листкомъ апоневроза голени, вскрывъ и снявъ который, мы находимъ трехугольное пространство, основаніе котораго“...

Федоръ Игнатьичъ остановился и съ улыбкой сказалъ въ полголоса:

— Слишкомъ много „которыхъ“. Надо ихъ сократить... Какъ бы только не пострадала отъ этого точность языка?

Онъ вступилъ въ борьбу съ „которыми“, но легкій стукъ въ окно заставилъ его бросить перо.

— Кто тамъ?

— Прости меня, пожалуйста, это я, Рѣзниковъ... Ужъ поздно... Нопусти меня—я тебѣ сейчасъ все объясню.

Гранковскій пожалъ протянутую ему въ форточку руку въ знакъ того, что хорошо, онъ прощаетъ, и торопливо отворилъ окно.

— Или подожди, я тебѣ отворю дверь.

— Да нѣтъ, все равно.

Вася влѣзъ въ окно и по дорогѣ говорилъ шопотомъ: — Вотъ не ожидалъ! Вотъ исторія... Скандаль!

— Что такое?

— Да былъ я въ Эльдорадо...

— Ну?

— Ну, и встрѣтилъ Бояринову... То-есть, если ужъ правду сказать, не встрѣтилъ, а она со мной туда поѣхала.

— Да? И мужъ?

— Ну вотъ, мужъ!

Рѣзниковъ сталъ смѣяться захлебывающимся, мокрымъ смѣхомъ. Губы его дрожали, онъ былъ красенъ, и Ѳедоръ Игнатьичъ почувствовалъ легкое инстинктивное отвращеніе къ другу.

— Сядь, пожалуйста, успокойся, Вася. Что же именно случилось?.. Неужели?..

— Нѣтъ, ты представь, Ѳедя, я приѣзжаю домой и застаю у себя Бояринова!.. Чѣмъ объяснить?

— Ты торопишься, глотаешь слова, я не совсѣмъ понимаю тебя...

— Коллега, надѣюсь, ты понимаешь, что такое весна!

— Послушай, Вася,—серьезно сказала Ѳедоръ Игнатьичъ:— я очень хорошо понимаю, что такое весна, и у каждаго есть своя весна. На бѣломъ свѣтѣ много молодыхъ людей, и каждый, если хорошенько поищеть, найдетъ себѣ подругу по-сердцу. Ты вѣдь говорилъ мнѣ, что собираешься жениться. А это, послушай, похоже... на воровство.

Ну да, ну да... Я самъ знаю... Но, положимъ, это не воровство! Пока человекъ не женатъ, до тѣхъ поръ онъ не считаетъ этого воровствомъ!

Рѣзниковъ опять засмѣялся. Ѳедоръ Игнатьичъ прошелся по кабинету, опустивъ глаза. Рѣзниковъ привыкъ, что Гранковскій относится снисходительно къ его прошлымъ шалостямъ, и еще недавно самъ шутилъ по поводу его ухаживанья за Жюли. Онъ не ожидалъ сегодня нападенія. Теперь онъ смотрѣлъ на друга и думалъ: „Ишь, святой!“ Онъ самъ серьезно заговорилъ:

— Ѳедоръ Игнатьичъ, если ты хочешь дѣлать мнѣ наставленія, то можешь приберечь ихъ для кого-нибудь другого. Я явился къ тебѣ такъ поздно, потому что ты считалъ меня всегда своимъ другомъ. Друзей не судятъ. Скажу тебѣ прямо: глупая бабочка полетѣла на огонь, и виноватъ развѣ огонь, что жжется? Я не виноватъ, мой другъ, у меня такіе нервы! Теперь или я заночую

у тебя, или пойдёмъ вмѣстѣ сейчасъ ко мнѣ... Ты скажешь этому дураку, если только онъ еще сидитъ у меня, что я весь вечеръ пробылъ у тебя и вотъ занимался съ тобою... Что это у тебя за гипсы?

Онъ подошелъ къ столу и разсѣянно смотрѣлъ на бosti, гипсы и бумаги Ѳедора Игнатьича. Пріятель захопнулъ тетрадь, въ которой писалъ диссертацію.

— Не бойся, я не прочитаю, — сказалъ Рѣзниковъ. — Ты прежде никогда ничего не скрывалъ отъ меня. Такъ пойдёмъ?

— Но вѣдь Бояриновъ тоже мой пріятель, — сказалъ Гранковскій, нахмурившись. — Можешь лгать, сколько тебѣ угодно, но только меня не впутывай.

Онъ взглянулъ на красное, волосатое лицо Рѣзникова и не могъ удержаться отъ смѣха.

— А еще профессоръ! — сказалъ онъ и хлопнулъ друга по плечу. — Ну, чтѣ-жъ мнѣ съ тобою дѣлать? Конечно, ложись.

Рѣзниковъ забрался съ ногами на кушетку и закурилъ папиросу.

— Ѳедя! Вѣдь это совершенно справедливо, что мнѣ слѣдуетъ жениться.

— А ты же хотѣлъ на Жюли жениться?

— Стану я жениться на такомъ косноязычномъ существѣ! Конечно, она добрая дѣвушка, но надоѣла, страхъ!

— Вася, скажи мнѣ, у тебя далеко зашло съ Бояриновой?

Рѣзниковъ обнялъ обѣими руками колѣно и, опровинувшись почти навзничь на кушеткѣ, сказалъ съ улыбкой:

— Совсе не такъ далеко... Она сердце свое носить снаружи, вмѣсто медальона!

— Бѣдный Бояриновъ!

— Предразсудокъ! — произнесъ Рѣзниковъ. — А Бояринова преглупенькое твореньце. Забывчива до смѣшного. Меня Володей называетъ. Есть въ ней что-то общее съ хорошо оципанной жирной перепелкой.

— Ты все циникъ!

— А зачѣмъ спрашиваешь? Знаю я васъ, святыхъ!

Ѳедоръ Игнатьичъ остановился и смотрѣлъ на пріятеля.

— Она, должно быть, психопатка, — сказалъ онъ.

— Эхъ, братъ, теперь такой вѣкъ! Всѣ...

— Чтѣ ты рассказываешь: всѣ! — перебилъ его Гранковскій. Первый вѣкъ, значить, и нравственность должна быть тоньше!

— Да нѣтъ, Ѳедя, согласишься самъ, что полное отсутствие общественныхъ интересовъ...

— Какъ! Тебѣ мало науки! У тебя кафедра, которая требуетъ, чтобы ты отдалъ ей всѣ свои силы, а тебѣ надо еще общественныхъ интересовъ! Такъ кафедра уже для тебя и есть общественные интересы!

— Я человѣкъ, а не книга—мнѣ жизни хочется.

— Подожди, Вася: значить, будь у насъ Англія или Франція, ты вель бы себя порядочнымъ человѣкомъ и не развращалъ бы жены подъ носомъ у мужа только потому, что ты пользовался бы правомъ критиковать открыто дѣйствія правительства? Но я такого мнѣнія, Вася, что общественный человѣкъ—плохой человѣкъ науки, и наоборотъ. Въ самой либеральной странѣ настоящіе ученые чуждаются злобы дня. Я не могу представить себѣ Дарвина теряющимъ время въ парламентѣ. А еслибы Дарвинъ родился въ Россіи и былъ бы русскимъ человѣкомъ, то неужто онъ, потому что у насъ нѣтъ парламента, сталъ бы заниматься не происхожденіемъ видовъ, а ухаживаніемъ за разными дурочками?.. Чтѣ?.. Не находишь ли ты, что я приперъ тебя къ стѣнѣ?

Федоръ Игнатьичъ сдѣлалъ круглые глаза и придавъ голосу такое же выраженіе, какое бываетъ у Бояринова во время медицинскихъ споровъ на засѣданіяхъ мѣстнаго общества врачей. „Припереть къ стѣнѣ“ была любимая поговорка Бояринова. Рѣзниковъ разсмѣялся.

— Твоя логика неотразима,—сказалъ онъ.—Я вполне согласенъ, что я не Дарвинъ. Люблю дуречекъ... Но смотри же, Федя, не выдай меня! Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю!

Федоръ Игнатьичъ подошелъ къ столу, взялъ рукопись и спряталъ ее въ ящикъ, щелкнувъ замкомъ.

— Чтѣ это, Федя, ты все прячешь?

— А это диссертация,—я тебѣ, кажется, говорилъ.

— О чемъ?

— А такъ... вообще...

— Да ты скажи.

— Ну, нѣтъ, не скажу.

— Прошу тебя!

„Отчего, въ самомъ дѣлѣ, не сказать? — подумалъ Федоръ Игнатьичъ.—Однако же, не могу. Есть въ моемъ другѣ что-то нечистое, Онъ обокралъ Бояринова и сидитъ, какъ ни въ чемъ не бывало—только глаза стали сильнѣе блестѣть. Ему нѣтъ резона и интереса красть мою тѣму, а все-таки не скажу...“

— Послушай, Вася,—началъ онъ:—еслибы ты писалъ диссертацию, я не совѣтовалъ бы тебѣ объявлять мнѣ объ этомъ.

— Ты на себя клеветешь.

„Ну, конечно, клевету“, — подумалъ Гранковскій и сказалъ вслухъ:

— Увѣряю тебя.

— Странно! — произнесъ Рѣзниковъ, глядя на сконфуженное лицо друга.

— Спокойной ночи, Вася! Послушай — тутъ Федоръ Игнатьичъ понизилъ голосъ: — а какъ же Жюли?

— Экъ, спросилъ!

Рѣзниковъ улыбнулся въ бороду, хотѣлъ сдѣлать серьезное лицо и вдругъ расхохотался.

— Вася! — съ упрекомъ сказалъ Гранковскій.

— У нея, братъ, пропасть экстаза, но я, честное слово, былъ добродѣтеленъ въ самый патетическій моментъ...

— Ухъ, какой ты, Вася! Ну?

— Теперь она мнѣ вышиваетъ гарусную подушку...

Когда друзья разстались, пришла заспанная Варя и принесла постель. Рѣзниковъ улыбнулся и горничной.

— Сколько вамъ лѣтъ, Варя? — спросилъ молодой профессоръ.

— Восемнадцать лѣтъ.

— Васъ по отчеству зовутъ Ивановна?

— Нѣтъ, Варвара Яковлевна.

— А ваши родители живы?

Варя прихлопнула подушки и откинула одѣяло.

— Померши.

— А у васъ тоненькая талія, Варя. Должно быть, вы въ корсетъ?

— Нѣтъ, вотъ честное слово...

#### XLV.

Утромъ Варя уже рассказывала барынѣ о томъ, какъ Рѣзниковъ вѣзъ къ Федору Игнатьичу въ окно, и о томъ, какъ она „стелила“ ему постель, а онъ не хотѣлъ вѣрить, что она безъ корсета. Гранковская выслушала горничную съ недовольнымъ лицомъ и приказала ей замолчать.

Федоръ Игнатьичъ вернулся изъ больницы. Раиса Николаевна обратилась къ нему за обѣдомъ:

— Сегодня у насъ быть ночью гость, а ты ничего не сказалъ мнѣ объ этомъ. Почему, Федя?

— Дитя мое, — сказалъ мужъ, цѣлуя у жены руку: — ты

спала, а утромъ онъ потихоньку ушелъ, и, правду сказать, я забылъ о немъ. У меня сегодня была чрезвычайно интересная операція.

— Оеда, я попрошу тебя, чтобъ Рѣзниковъ никогда не ночевалъ больше въ нашемъ домѣ.

— Хорошо, Раекъ.

— Онъ таковой...

— Что-нибудь узнала?

Раиса покраснѣла и обиженно, чуть не со слезами на глазахъ, сказала:

— Ну, да... Онъ ухаживаетъ за нашей Варей, — прибавила она по-французски.

Федоръ Игнатьичъ усмѣхнулся, взглянулъ на Варю, которая поняла, что сказала барыня, и стала служить съ опущенными глазами.

— Говорятъ, онъ хорошій профессоръ, — сказали Гранковскій.

— Не вѣрю, не вѣрю! — вскричала Раиса.

„Да и я не вѣрю“, — подумалъ Гранковскій. — Сегодня я видѣлъ Бояринова, — вслухъ произнесъ Федоръ Игнатьичъ. — Онъ былъ блѣденъ.

— Боленъ?

— Мнѣ показалось... Мнѣ ужасно жаль его.

Федоръ Игнатьичъ улыбнулся, и сталъ рассказывать женѣ подробно о Рѣзниковѣ. Она негодовала.

— Оеда, я удивляюсь, — говорила она, — какъ ты могъ послѣ этого быть съ нимъ на „ты“? Отчего ты не выгналъ его?

— Нельзя же, Раекъ... Трудно бросить камень въ чело-вѣка, да еще въ стараго друга. Развѣ я какою-нибудь святой?

— Дай мнѣ слово, Оеда, что ты перестанешь принимать Рѣзникова.

Вмѣсто отвѣта, Федоръ Игнатьичъ засмѣялся.

— Дамы — прямолинейный народъ.

— Такъ я сама откажу ему.

— Какъ хочешь, Раекъ. Но, конечно, ты этого не сдѣлаешь. Я напрасно рассказалъ тебѣ. Строго говоря, какое намъ дѣло до интимной жизни Рѣзникова? Этакъ придется остаться безъ друзей и знакомыхъ. За каждымъ что-нибудь водится!

— Ахъ, вѣтъ! Вотъ, напримѣръ, Никодимъ Павловичъ...

— Да что-жъ Никодимъ Павловичъ? — проговорилъ Гранковскій, хмурия брови. — О немъ говорятъ, — серьезно продолжалъ онъ, — что онъ пьяница. Мнѣ говорилъ Галимовъ, нашъ врачъ, что видѣлъ его осенью на мостовой.



— Какая клевета! — воскликнула Раиса съ негодованіемъ.

— Видишь, Раекъ, если говорятъ, то, значить, что-нибудь да есть. Нѣтъ дыму безъ огня.

— Я Никодима Павловича знаю еще съ тѣхъ поръ, когда была вотъ такой... Поэтому не повѣрю никому—даже тебѣ.

Она взволновалась, и мужъ перемѣнилъ разговоръ. Онъ началъ разсказывать о больницѣ и представлять сестеръ милосердія, которыя прохаживаются по больничному саду съ фельдшерами. Федоръ Игнатьичъ разсмѣшилъ жену, и ему казалось, что Раиса забыла Рѣзникова. Но послѣ обѣда, когда супруги перешли въ гостиную, Раиса опять начала:

— Ты, Федя, говоришь, зачѣмъ намъ вмѣшиваться въ интимную жизнь этого Рѣзникова? Конечно, зачѣмъ!? Лизочка Бояринова счастливѣе или несчастнѣе отъ этого не станетъ. Да ужъ теперь и поздно, и намъ было бы... некстати. Но Жюли! Ахъ, бѣдная Жюли! Онъ явно смѣется надъ нею!..

Раиса улыбнулась.

— Самой смѣшно, — замѣтилъ мужъ.

— Она дивная дѣвушка, Федя!

Обыкновенно послѣ обѣда, когда солнце начинало склоняться къ заката, пріѣзжалъ извозничій фаэтонъ, и Гранковскіе отправлялись кататься. Это было необходимо для здоровья Раисы. Сегодня фаэтонъ немного опоздалъ. Раиса Николаевна каталась, впрочемъ, всегда съ большой неохотой.

— Поѣзжай, Федя, одинъ! — сказала она.

Мужъ убѣждалъ ее ѣхать; она упрячилась, какъ ребенокъ.

— Мы заѣдемъ въ Жюли и возьмемъ ее съ собою, — пообѣщавъ Федоръ Игнатьичъ.

Раиса согласилась, надѣла тальму, шляпку, посмотрѣлась въ зеркало и, опираясь на руку мужа, вышла на улицу и сѣла въ фаэтонъ.

Было пять часовъ. Синее, безоблачное небо радовало глазъ; деревья были покрыты молодою, нѣжною зеленью, и въ золотой пыли, какъ въ прозрачномъ янтарномъ туманѣ, постепенно терялась перспектива стройныхъ тополей, двумя рядами уходящихъ за городъ. Въ окнахъ красивыхъ кирпичныхъ, блѣднорозовыхъ и желтыхъ домовъ играли солнечные лучи. Вотъ соборъ св. Сергія Радонежскаго, съ лазурными куполами и пышными арками; вотъ университетъ и ботаническій садъ. Публика выходитъ и входитъ въ ворота сада, оклеенныя объявленіями и пестрыми афишами. Федоръ Игнатьичъ узналъ въ одной группѣ Бояриновыхъ и рядомъ съ ними Рѣзникова, который шелъ, непринужденно и

дружески бесѣдуя съ ними. Ѳедоръ Игнатьичъ почувствовалъ себя еще болѣе неловко, чѣмъ вчера, когда ему дѣлалъ признаніе Вася, испуганный возможностью столеновенія съ Бояриновымъ. Раиса тоже узнала Бояриновыхъ и Рѣзникова и съ недоумѣніемъ посмотрѣла на мужа. Онъ не выдержалъ ея взгляда и растерялся.

Фаятонъ покатылъ дальше.

## XLVI.

Жюли была дома. Гранковскіе пригласили ее съ собой и поѣхали съ нею за городъ. Жюли сѣла рядомъ съ Раисой Николаевной. Всю дорогу она говорила о природѣ и, скорбно изогнувъ брови, жала Раисѣ руку и спрашивала то о томъ, то о другомъ.

Недавно Жюли получила вмѣстѣ съ своими сестрами и братьями хорошей пенсіонъ по поводу двадцатипяти-лѣтней годовщины битвы, въ которой отличился генераль Платоновъ. Еслибы Жюли вышла замужъ, она должна была бы лишиться пенсіона.

За городомъ было свѣжо. Вдали синѣлъ Днѣпръ. Деревья стояли тамъ и сямъ на полѣ, воздушныя и янтарно-зеленыя, и на обрывѣ, налѣво, виднѣлись тополи и роскошныя липы усадьбы Варвары Тихоновны, а дальше желтѣлъ массивный корпусъ больницы, а еще дальше лежалъ тѣнистый садъ.

— Это кладбище, Ѳедя?—спросила Раиса, глядя на купола маленькой кладбищенской церкви.—Вели, пожалуйста, повернуть назадъ, я не могу видѣть кладбища.

Лицо молодой женщины покрылось легкой блѣдностью, и Ѳедоръ Игнатьичъ торопливо приказалъ кучеру спуститься съ откоса къ Днѣпру.

Фаятонъ покатылъ по шоссе. На него падала тѣнь отъ горы. Рядъ старыхъ ивъ уходилъ въ пыльную даль. На встрѣчу ѣхали экипажи и простыя кибитки. Купальни на рѣкѣ щеголяли одна передъ другой своими вывѣсками...

— Жюли, отчего такъ на свѣтѣ скучно? — сказала Раиса. Жюли не разслышала.

— Я говорю, отчего на свѣтѣ скучно? — громко повторила Раиса.

Жюли опять не поняла. Раисѣ стало совѣстно повторить свой вопросъ въ третій разъ. Она чуть-чуть улыбнулась мужу и откинулась на подушки фаятона.

Солнце еще не зашло, когда фэстонъ привезъ Гранковскихъ домой. Раиса и Жюли ушли въ столовую пить чай, а Ѳедоръ Игнатьичъ остался на минуту въ кабинетѣ прочитать только что поданную ему записку изъ больницы. Фельдшеръ извѣщалъ его, что больной, котораго сегодня Ѳедоръ Игнатьичъ оперировалъ, умираетъ. Гранковский наскоро объяснилъ женѣ, что долженъ ѣхать, и отправился въ больницу.

Раиса разсердилась на больницу. Она стала говорить Жюли, что Ѳедоръ Игнатьичъ не только ничего не получаетъ съ больницы, но тратитъ на нее еще свои деньги. Лошадь стоитъ ему тридцать рублей въ мѣсяцъ, нѣкоторымъ больнымъ онъ прописываетъ на свой счетъ молоко и яйца, а когда начальство замѣтило ему, что онъ много тратитъ карболки, онъ сталъ покупать свою карболку. Это при жалованьѣ въ шестьсотъ рублей! Но, завидя на великодушнаго мужа, Раиса внутренне гордилась этимъ, и ей было приятно, что Ѳедоръ Игнатьичъ такъ рыцарски относится къ своему долгу.

— Онъ благороденъ черезъ-чуръ! — радостно заявляла она Жюли. — Я увѣрена, его никто за это въ больницѣ не любитъ. Старшій врачъ интригуетъ противъ него!

Мало-по-малу Раиса успокоилась, подружки стали пить чай. Вдругъ вошла Варя, и Раиса опять заволновалась, вспомнивъ Рѣзникова.

— У васъ часто бываетъ Рѣзниковъ? — спросила Раиса.

Жюли покраснѣла и сказала:

— Онъ такой грубый...

Больше Раиса не спрашивала Жюли, а Жюли молчала. Но первый разъ за всѣ три недѣли, со времени свѣтлаго праздника, Раиса чувствовала себя хорошо съ Жюли. Она играла ей изъ Бетховена и Мендельсона — любимыхъ композиторовъ Жюли — и слушала ея отвлеченные разговоры.

Въ залѣ горѣлъ огонь, но въ гостиной было темно. Подружки перешли въ гостиную, сѣли передъ окномъ въ высокія кресла, а тутъ началась философская бесѣда.

## XLVII.

Ѳедоръ Игнатьичъ скоро вернулся. Больной, оказалось, умеръ оттого, что его уронили съ кровати, перенося по лѣстницѣ во второй этажъ. Въ больницѣ до сихъ поръ не завели носилокъ. А больше всего возмутилъ Гранковскаго Рапортенко,

который встрѣтился съ нимъ сейчасъ въ больницѣ и сказалъ: „Пациентъ вашъ помре? Поздравляю! Сегодня я тоже зарѣзалъ въ елиниѣ одного старика. Зобъ. Подумаль я, подумаль, трону сосуды, или не трону? Эхъ, была не была! Взялъ и зарѣзалъ“. Безсердечность этого доктора была всѣмъ извѣстна; онъ презиралъ чужую жизнь и не щадилъ людей для пользы науки (какъ онъ оправдывался). Ѳедоръ Игнатьичъ не могъ выносить его улыбки и шутокъ. Онъ припомнилъ нѣсколько другихъ случаевъ изъ практики Рапортенко, какъ онъ неосторожно разрѣзалъ сальникъ и убилъ больного, или какъ онъ хихикалъ у себя въ кабинетѣ, когда Ганлейеръ принялъ простую беременность за кисту и добросовѣстно, по всѣмъ правиламъ хирургіи, зарѣзалъ женщину. Рапортенко думалъ, что это не киста, и промолчалъ единственно для того, чтобъ подвести проклятаго вѣмца. „А у меня Раиса въ такомъ положеніи... Чтѣ, если вдругъ!? Конечно, объ этомъ страшно подумать... Но чтѣ, если вдругъ понадобится операція?“ Съ этой мыслью Ѳедоръ Игнатьичъ вошелъ въ залу, съ тревогой въ душѣ, и ему захотѣлось повидать жену и убѣдиться въ томъ, что ей не грозитъ помощь хирурговъ, какъ будто онъ могъ это узнать сразу и именно сію минуту...

Раиса вышла къ нему на встрѣчу изъ гостиной.

— Ѳеда, ты чтѣ на меня такъ глядишь? Какой ты странный! Чтѣ съ тобою? ты блѣдень!

— Ничего, дитя мое, ничего,—сказалъ онъ, цѣлуя у нея руки и заглядывая въ глаза.

„Нѣтъ, все обойдется благополучно,—увѣренно рѣшилъ Ѳедоръ Игнатьичъ, съ беззвучнымъ смѣхомъ продолжалъ цѣловать руки у жены:—Раиса совершенно здорова“.

Онъ повеселѣлъ и скоро забылъ своего больного, тѣмъ болѣе, что несчастный умеръ не по его винѣ. Ѳедоръ Игнатьичъ разговаривалъ съ Жюли и подшучивалъ надъ ея Гартманомъ и Шопенгауэромъ весь остальной вечеръ. Послѣ онъ сказалъ Раисѣ:

— Такъ, можетъ быть, мы съ тобой поѣдемъ въ Буду?

— Да, хорошо, какъ хочешь.

— А тебѣ хотѣлось бы?

— Да. Но пусть поѣдетъ съ нами Жюли.

— Если она согласится.

— О, да! Она согласится. А Рѣзниковъ, надѣюсь, не прѣдетъ къ намъ?

— Я не думалъ его приглашать. Рѣзниковъ получаетъ командировку за границу.

— Скатертью дорога... Какой срамъ, Одея! Неужели Бояриновъ рѣшился все это терпѣть?

— Не знаю, Раекъ.

— Ахъ, Одея, мнѣ просто стыдно вспомнить, что ты былъ друженъ съ Рѣзниковымъ.

Федоръ Игнатьичъ ничего не отвѣтилъ.

— Я до тѣхъ поръ не засну, пока ты не дашь мнѣ слова, что не будешь видаться съ Рѣзниковымъ.

— Послушай, Раекъ, у тебя есть какія-то особыя причины ненавидѣть этого человѣка.

— Это все равно,—сухо сказала Раиса.—Если я прошу тебя, ты долженъ исполнить...

— Раекъ!

— Одея!

Онъ молчалъ.

— Ну, что же? Гдѣ твое слово?

Онъ все молчалъ. Раиса расплакалась. Тогда онъ въ свою очередь встревожился...

На другой день Раиса заставила его написать Рѣзникову коротенькое письмо съ извѣщеніемъ, что, по нѣкоторымъ причинамъ, онъ проситъ его прекратить тѣ близкія отношенія, которыя до сихъ поръ существовали между ними, какъ товарищами.

Федору Игнатьичу тяжело было писать эти строки, и съ сердечною болью онъ опустилъ въ почтовый ящикъ роковое письмо.

## XLVIII.

Раисѣ непременно хотѣлось праздновать именины Федора Игнатьича шестнадцатаго мая. Онъ утромъ въ этотъ день былъ разбуженъ запахомъ цвѣтовъ: открывъ глаза, онъ увидѣлъ на столикѣ букетъ ландышей, перевязанный блѣдно-голубой лентой. Тутъ же лежала красивая закладка съ надписью: „Федѣ въ именины“. Гранковскому вспомнились букеты бѣлыхъ розъ, которые онъ такъ часто посылалъ и привозилъ въ прошломъ году своей Раисѣ. Улыбаясь, смотрѣлъ онъ на ландыши и бирюзовую закладку, которую украдкой отъ него работали милыя руки, и думалъ: „Ну, теперь я дѣйствительно могу сказать, что женатъ и счастливъ тѣмъ старымъ, вѣчнымъ счастьемъ, которымъ наслаждался и мой отецъ, и мой дѣдъ... Пройдетъ пять лѣтъ, и Федоръ Федоровичъ подастъ мнѣ въ этотъ день на листочкѣ съ кружевными краями имъ самимъ сочиненное стихотвореніе и

будетъ меня „съ днемъ ангела поздравлять“ и „всего лучшаго“ мнѣ желать... Чудесныя мелочи жизни! У кого поднимется на васъ рука? О, эгоизмъ—счастье!“

Одѣвшись, онъ вышелъ въ гостиную, держа въ рукѣ букетъ и закладку. Раиса сидѣла за рабочимъ столикомъ и шила крошечный чепчикъ. Такихъ чепчиковъ и необыкновенно маленькихъ рубашеночекъ она приготовила уже много. Но ей все казалось мало, и чѣмъ ближе подходилъ срокъ появленія на свѣтъ существа, которое должно будетъ закричать: „а подавайте-ка мнѣ эти рубашки и чепчики!“ тѣмъ торопливѣе двигалась иголка въ пальцахъ Раисы. Она улыбнулась мужу и полураскрыла губы, ожидая поцѣлуя. Онъ пожалъ ей руку, поцѣловалъ ее въ губы и сказалъ:

— Какъ хороши ландыши!

— Сегодня не поѣдешь въ больницу?

— Я долженъ поѣхать, но только не сейчасъ.

— Пойдемъ пить чай.

Раиса оставила работу, и мужъ взялъ жену подъ-руку.

— Вотъ какая ты искусница, Раекъ,—сказалъ онъ по дорогѣ въ столовую.—Когда ты успѣла выпить закладку?

— Успѣла...

— Я нашелъ какъ-то на своемъ столѣ бисеръ, но не догадался, а потомъ забылъ спросить.

— Да, я приходила разъ въ кабинетъ примѣрять закладку въ твоей тетради, гдѣ ты пишешь свою диссертацию.

Мужъ улыбнулся женѣ.

— Если мы пожелаемъ, ужъ непременно проведемъ васъ, мужчинъ,—весело сказала Раиса.

— Да?

— Еще бы! Ужъ сколько разъ я обманывала тебя.

Федоръ Игнатьичъ посмотрѣлъ на жену, и въ ея ясныхъ глазахъ онъ прочиталъ только ласку и любовь.

„Бъ чему она такъ шутить?—спросилъ себя Гранковскій.— Но, конечно, это вліяніе воспитанія Варвары Тихоновны°. За смѣявшись, онъ произнесъ:

— А ужъ сколько разъ я тебя обманывалъ!

— Неправда!

Глаза Раисы заблестѣли. Но она сдержала себя и тоже стала смѣяться.

Въ отворенное окно врывались солнечные лучи. Раиса сидѣла спиной къ окну, и лицо ея было все въ тепломъ прозрачномъ сумракѣ, только сіяли вокругъ головы свѣтлыя, какъ золото, пряди

волось. За окномъ громко чирикали птицы, горланилъ пѣтухъ, а на ясномъ голубомъ небѣ зеленѣли залитыя свѣтомъ деревья небольшого сада, при домѣ.

— Сегодня чудесное утро, Раиса. Если завтра и послѣ-завтра будетъ такая погода, поѣдемъ... Потомъ будетъ поздно.

— Да, да... Какой ты скучный, Федя... Поѣдемъ, да поѣдемъ! Вѣдь все это время шли дожди... Воображаю, какъ сыро въ старомъ домѣ!

— Нѣтъ, домъ исправленъ. Тебѣ не хочется ѣхать?

— Голубчикъ Федя, прости меня, мнѣ всего страшно. Не спрашивай меня. Просто привяжи мнѣ. Я все сдѣлаю, чего ты хочешь. Здѣсь оставаться—хорошо, а въ Буду—такъ въ Буду. Я всегда послушна.

„Да, всегда!“ съ улыбкой подумалъ Федоръ Игнатьичъ.

— Ты чего улыбаешься? — спросила она.—Развѣ я лгу? Вспомни, когда я не послушалась тебя? Ну, конечно, ты тоже долженъ слушаться меня!

— Разумѣется, ты совершенно права, — смѣясь, сказалъ Федоръ Игнатьичъ.

Послѣ чая Гранковскій отправился въ больницу. Когда онъ вернулся, то засталъ дома маленькое общество: Анну Николаевну Вершилину, Никодима Павловича, Жюли и еще двухъ барышень. Барышни поздравили его и скоро ушли.

— Ахъ, Федя, какой вы стали нехорошій! — вскричала Анна Николаевна, которая никому не говорила комплиментовъ.— Какъ вы постарѣли! Чтѣ съ вами? Вы себя дурно чувствуете?

Федоръ Игнатьичъ чувствовалъ себя отлично.

— Нѣтъ, я ничего, — сказалъ онъ и съ недоумѣніемъ взглянулъ на себя въ зеркало.

— Напротивъ, Федя поправился за этотъ годъ, — сказала Раиса.—Онъ пополнѣлъ.

Анна Николаевна стала спорить, что, напротивъ, онъ похудѣлъ.

— Я говорю, что надо въ деревню, Раекъ, — произнесъ въ полголоса Федоръ Игнатьичъ, извлекая пользу изъ разговора.

— Какой ты странный, Федя! — улыбаясь, отвѣчала Раиса: — ужъ я сейчасъ объявила всѣмъ, что мы послѣ-завтра уѣзжаемъ.

Федоръ Игнатьичъ помолчалъ.

— А можетъ быть сначала слѣдовало бы посоветоваться съ Филиппомъ Прокловичемъ, — началъ онъ.

— Филиппъ Прокловичъ будетъ противъ деревни! — автори-

тетно промолвила Анна Николаевна.—Мало ли какіе случаи могутъ быть! Бываютъ ужасные случаи! Раиса такъ молода.

Страхъ зашевелился въ душѣ Ѳедора Игнатьича. Онъ нахмурилъ брови и сказалъ съ неудовольствіемъ:

— Никакихъ ужасныхъ случаевъ! Если и случается что-нибудь, то разъ въ сто лѣтъ. Не правда ли, Никодимъ Павловичъ?

— Никогда не случается, — отвѣчалъ Прягинъ, потупляя глаза.

— Еслибы не случилось, то Филиппу Прокловичу нечего было бы ѣсть. Вы посмотрите, Ѳеда, какъ у нея узка талія!

— Не пугайте ея, — попросилъ Ѳедоръ Игнатьичъ.

— Сами виноваты! — проворчала Анна Николаевна и затѣмъ прибавила съ строгимъ выраженіемъ глазъ: — развѣ женятся на дѣвочкахъ?

„Нелегкая принесла ее!“ подумалъ Гранковскій.

Раиса была разстроена. У самого Ѳедора Игнатьича сильно поколебалась увѣренность въ благополучномъ исходѣ беременности Раисы.

— Не бойся, Раекъ, мы останемся въ городѣ, — сказалъ онъ женѣ, когда уѣхала Анна Николаевна.

— Нѣтъ, нѣтъ, Ѳеда, я ужъ рѣшила, и мы стоворились съ Жюли, и право же, право, это все равно. Тамъ воздухъ, липовый садъ, какое молоко, Ѳеда! А я буду здорова и бодра, и все кончится какъ надо...

## XLIX.

Никодимъ Павловичъ черезъ недѣлю послѣ этого пріѣхалъ на вокзалъ провожать Гранковскихъ. Тамъ онъ засталъ Жюли; она сидѣла на диванѣ съ саквояжемъ черезъ плечо. На колѣняхъ она держала небольшую гарусную подушку, расшитую незабудками и розами.

Она привезла ее, чтобъ подарить Ѳедору Игнатьичу: подушка не послѣла къ именинамъ. Было утро, и въ высокія окна зала вливался яркій свѣтъ знойнаго лѣтнаго солнца.

— А ихъ еще нѣтъ? — спросилъ Никодимъ Павловичъ, подавая руку Жюли.

— Нѣтъ, — сказала Жюли и, взглянувъ на часы, пожала плечами: до поѣзда оставалось двадцать минутъ, и уже пробилъ первый звонокъ.

Вздъ и впередъ сновали пассажиры; на платформѣ слышались возгласы торопившихся дамъ и артельщиковъ; суетня и бѣ-



готня, шумъ и гамъ отъѣзжающей толпы царили подъ навѣсомъ платформы.

— Что-нибудь задержало, — предположилъ Никодимъ Павловичъ и сѣлъ подлѣ Жюли. — Что-жъ! Черезъ часъ идетъ другой поѣздъ, а вечеромъ третій. Успѣютъ уѣхать. Вы, кажется, ѣдете вмѣстѣ, Юлія Петровна?

— Да.

Публики прибывало. Артельщики несли за пассажирами узлы и чемоданы. Въ разныхъ мѣстахъ зала сердито звонили ложечкой по ставану. Сталь бить второй звонокъ.

— Не понимаю! — вскричала Жюли. — А я сдала вещи и взяла билетъ!

Заль опустѣлъ, опустѣла платформа. Артельщики прокатили по ней тачку съ грудой чемодановъ; возлѣ оконъ вагоновъ стояли провожающіе и, торопясь, разговаривали съ пассажирами. Третій волокольчикъ отогналъ публику отъ вагоновъ. Поѣздъ заскрипѣлъ, рванулся съ мѣста и сталъ тихо двигаться по рельсамъ.

— Теперь можно сказать, они опоздали навѣрно! — произнесъ Никодимъ Павловичъ съ улыбкой.

Жюли встала и смотрѣла на поѣздъ, который уходилъ все быстрѣе и быстрѣе съ мѣрнымъ стукомъ рычаговъ и, наконецъ, совсѣмъ исчезъ изъ виду.

— Подождемъ слѣдующаго поѣзда.

Жюли кивнула головой.

— Подождемъ!.. Но бѣдная Раиса, что съ нею?

— Вчера Раиса Николаевна чувствовала себя превосходно. Вечеромъ она разливала чай въ саду и смѣялась шуткамъ Федора Игнатьича. Нѣтъ, она совершенно здорова.

— Меня ждали?

— Очень.

— Я укладывалась. Вы вѣрите, Никодимъ Павловичъ, въ предчувствія?

Жюли предложила этотъ вопросъ съ такимъ таинственнымъ видомъ и въ столь косноязычной формѣ, что Прягинъ не скоро понялъ, что именно хочетъ сказать странная дѣвушка. Онъ только подумалъ: „должно быть, начинается философія“. Съ тоской во взглядѣ, но съ любезной улыбкой посмотрѣлъ онъ на Жюли. Она повторила вопросъ.

— Какъ вамъ сказать — вѣрю, — произнесъ Никодимъ Павловичъ.

— У меня было предчувствіе, что они опоздають къ этому

поѣзду. Теперь я даже не увѣрена, приѣдутъ ли они ко второму поѣзду.

— А къ третьему?

Жюли приложила руку ко лбу и ничего не отвѣтила.

— Тутъ очень душно, Юлія Петровна. Не выйти ли намъ въ скверъ?

Жюли подала Прагину руку, и они пошли въ скверъ.

— Билетъ, думаете, пропалъ?—озабоченно спросила Жюли.

— Да, ужъ конечно.

Жюли сжала свой саквояжъ, какъ бы желая убѣдиться въ томъ, что онъ тощъ.

— А насчетъ вещей не безпокойтесь,—сказалъ Прагинъ.— Онѣ дойдутъ до мѣста назначенія, и если поѣзда ваша разстроится, вы завтра же получите свой багажъ обратно. Начальникъ станціи мой хорошій знакомый, и мы будемъ телеграфировать въ Сосновку.

— Вы очень добры! — проговорила Жюли съ признательностью.

Они сѣли подъ бѣлой цвѣтущей акаціей и смотрѣли на дорогу, по которой должны были ѣхать Гранковскіе. Пыльная дорога вилась широкой лентой по отлогому холму. Бѣлые и желтые дома города тѣснились вдаль, залитые солнцемъ, и чуть мерцали тамъ-и-сямъ кресты церквей и возносились къ небу ихъ легкіе купола.

— Что-то не ѣдутъ,—произнесъ съ тревогой Никодимъ Павловичъ.— Смотрите, сколько экипажей, а Гранковскихъ нѣтъ. Не лучше ли будетъ намъ сѣсть на извозчика и поѣхать къ нимъ на встрѣчу?

— Въ самомъ дѣлѣ.

Никодимъ Павловичъ и Жюли вышли изъ сквера, взяли извозчика и поѣхали.

Они проѣхали одну улицу, другую, третью, повернули въ переулокъ, рискуя разѣхаться съ Гранковскими, и, наконецъ, очутились у ихъ дома. Дверь была отворена. Никодимъ Павловичъ и Жюли вошли въ переднюю. Странная тишина царила въ домѣ. Казалось, здѣсь всѣ не только спятъ, но и во снѣ сдерживаютъ дыханіе. Никодимъ Павловичъ остановился передъ этой тишиной и не смѣлъ идти дальше. Послышался жалобный и хватающій за душу стонъ. Никодимъ Павловичъ поблѣднѣлъ и большими глазами взглянулъ на Жюли. Она тоже услышала стонъ и дотронулась до руки Никодима Павловича. „Вотъ причина, почему они опоздали. Предчувствіе меня не обмануло. Теперь вамъ здѣсь

нечего дѣлать. Вы уходите, а я останусь". Все это выразилъ собою жестъ Жюли. Никодимъ Павловичъ поклонился, растерянно прошепталъ что-то и ушелъ.

— А, это вы! — тихо сказалъ Ѳедоръ Игнатьичъ, пожимая Жюли руку, когда дѣвушка вошла въ залъ. — Мы васъ обманули. Простите.

Жюли ничего не слыхала, но она была увѣрена, что именно эти слова говорить Гранковскій, и закивала головой.

— Ничего, ничего.

— Сейчасъ былъ Воропилинъ, и нашель, что... Впрочемъ...

Онъ съ необыкновенною силою пожалъ Жюли обѣ руки, на которыхъ были вязанья шелковыя перчатки безъ пальцевъ, и съ мольбою посмотрѣлъ ей въ глаза. Жюли поняла, что Раиса страдаетъ.

— Можно къ ней?

— Да, идите.

Жюли пошла въ спальню. Въ комнатѣ было свѣтло. Раиса полулежала, въ бѣломъ пеньюарѣ съ свѣтло-голубыми лентами, и улыбнулась Жюли. Та бросилась къ ней и нѣсколько разъ поцѣловала ее.

— А я, душечка, съ саквояжемъ!

— Мы не ожидали, что такъ скоро, — сказала Раиса. — Но, можетъ быть, это еще фальшивая тревога? — обратилась она къ стуловатой молодой особѣ въ очкахъ и съ подстриженными темными волосами, загибающимися около уха.

Акушерка улыбнулась и сказала:

— Нѣтъ, ошибаетесь!

— Ѳедя, ты былъ у папаша?

— Я, Раекъ, былъ. Мамап сказала, что она пріѣдетъ послѣ...

— Какъ угодно папаша.

Ѳедоръ Игнатьичъ скрылъ отъ жены, что Варвара Тихоновна уже нѣсколько дней серьезно больна. По его просьбѣ, ее три раза въ день посѣщали врачи Галимовъ и Бояриновъ, а сегодня долженъ былъ быть консилиумъ.

Раиса почувствовала приближеніе новыхъ ломотъ и первый разъ заговорила съ Жюли на „ты“:

— А ты, Жюли, останешься при мнѣ?

Жюли не успѣла раскрыть рта, какъ изъ груди Раисы вырвался стонъ. По всему ея тѣлу пробѣжала судорога. Раиса встала и, поддерживаемая акушеркой и Жюли, пошла въ спальню, продолжая стонать.

— Нѣтъ, нѣтъ, оставьте меня!—попросила она, думая, что одной ей будетъ легче. Она облокотилась на комодъ и умоляла:

— Оставьте меня, оставьте!

Боли внезапно утихли. Она улыбнулась Жюли и ласково сказала мужу нѣжнымъ болѣзненнымъ голосомъ:

— Уйди, милый.

Взглядъ ея, казалось, говорилъ: „вѣдь это женское дѣло; чего ты здѣсь, голубчикъ, торчишь и гримасничаешь отъ жалости!“

Федоръ Игнатьичъ покорно отправился къ себѣ въ кабинетъ. Тамъ онъ сѣлъ за письменный столъ и не могъ ни на чемъ сосредоточиться. Ему все мерещилась улыбка Раисы и расширенные зрачки ея тоскующихъ глазъ. Когда Раиса начинала стонать, онъ вскакивалъ и подбѣгалъ къ дверямъ спальни. Ворошилинъ прійдетъ черезъ часъ. Федоръ Игнатьичъ считалъ минуты. Ужасающія, по своей медицинской реальности, картины рисовались его испуганному воображенію. Онъ смотрѣлъ въ окно, барабанилъ по столу пальцами и чутко прислушивался къ малѣйшему шороху въ спальнѣ. „Еще, можетъ быть, цѣлыя сутки будетъ бѣдняжка мучиться,—думалъ онъ.—Нѣтъ, это ужасно! Вотъ оно—возмездіе за счастье... Злая природа! Ну, да, злая, но вѣдь это же кончится. Пожалуй, это продлится не дольше десяти часовъ... Вдругъ я услышу, какъ тамъ что-то запищитъ слабенькимъ, ничтожнымъ голоскомъ... Ахъ, когда же, когда?“ Онъ переходилъ отъ страха къ надеждѣ, и печальныя картины смѣнялись въ его душѣ веселыми и радостными. Раиса долго молчала. Федоръ Игнатьичъ вышелъ изъ кабинета, увидѣлъ, что въ столовой на спиртовой канфоркѣ мирно варится кофе подъ наблюдениемъ Вари въ чистомъ бѣломъ передникѣ, и, успокоенный, опять вернулся къ себѣ. Онъ легъ на кушетку и сталъ смотрѣть въ одну точку потолка.

— Господи, да когда же кончится это? — прошепталъ онъ.

Вошелъ въ кабинетъ Ворошилинъ.

— Ну чтò, коллега?

— Ничего не знаю,—отвѣчалъ Федоръ Игнатьичъ.—Раиса не захотѣла, чтобы я былъ въ спальнѣ.

Знаменитый акушеръ снялъ очки и, протирая ихъ, близорукими глазами смотрѣлъ на Гранковскаго.

Послышался громкій крикъ ребенка. Федору Игнатьичу показалось, что ребенокъ кричитъ въ столовой. Онъ вопросительно и испуганно глянулъ на акушера.

— Поздравляю!—съ улыбкой сказалъ Ворошилинъ, надѣвая очки и снова дѣлаясь дальноворкимъ.

Онъ протянулъ Гранковскому руку. Но молодой человекъ не замѣтилъ его руки. Волна радостнаго чувства прилила къ сердцу Гранковскаго и потомъ отлила отъ него съ невѣроятной силой. Слезы брызнули изъ его глазъ, онъ опрометью бросился въ спальню.

L.

Акушерка не сейчасъ, однако, впустила Федора Игнатьича. Но вотъ дверь отворилась. Въ спальнѣ было почти темно. Только изъ сосѣдней комнаты падалъ на кровать лучъ блѣднаго матоваго свѣта. Раиса лежала подъ бѣлымъ пикейнымъ одѣяломъ. Волосы ея вились спутанными прядями вокругъ безкровнаго лица. Тоскующее выраженіе ея глазъ исчезло и смѣнилось кроткимъ и безвѣчно ласковымъ. Она всѣмъ существомъ своимъ тихо радовалась, что страданія были такъ ничтожны въ сравненіи съ этимъ новымъ счастьемъ материнства. Видно было, что душа ея полна блаженствомъ осуществленнаго желанія, достигнута какая-то серьезная и чудесная цѣль женской жизни, и Раиса не безъ гордости улыбнулась Федору Игнатьичу, увидѣвъ его смущенное лицо. Она молча протянула ему свок похудѣвшую, блѣдную руку.

Акушерка шопотомъ заговорила:

— Взгляните на ребенка. Вотъ здѣсь. Похожа на васъ, право. Родилась съ длинными волосиками.

— Неужели дочь?

— Прелесть какая хорошенькая. здоровая, огромная!

Федоръ Игнатьичъ нагнулся надъ тростниковой колыбелькой и увидѣлъ сморщенное красное личико вѣчиною съ кулачокъ, съ запухшими глазками. Онъ поцѣловалъ дѣвочку во влажный лобикъ и, подойдя къ женѣ, тихо съ улыбкой спросилъ:

— Сонечка?

Раиса Николаевна чуть-чуть кивнула головой и опустила бѣки. По знаку акушерки, Федоръ Игнатьичъ и Жюли на цыпочкахъ вышли изъ спальни. Въ столовой Жюли подарила ему гарусную подушку.

„Зачѣмъ мнѣ теперь подушка?—подумалъ Федоръ Игнатьичъ.— И ужъ не та ли это подушка, которую Жюли вышивала для Ръзаникова?“

Но онъ взялъ подушку и радостными глазами смотрѣлъ на нее. Жюли стала наливать кофе въ чашки. Варя принесла изъ погреба бутылку шипучаго и поставила на столъ.

— А! это хорошо, Варя. Вы изъ догадливыхъ особъ.

Онъ такими же радостными глазами, какими смотрѣлъ на подушку, посмотрѣлъ на Варю.

— Дай-ка пробочникъ, Варя, и бокалы... Позови Кузьмича.

Федоръ Игнатьичъ былъ пьянъ безъ вина. Вошелъ Кузьмичъ въ бѣлой каленкоровой тарелкѣ на головѣ. Старикъ служилъ еще у отца Федора Игнатьича, и когда узналъ, что молодой баринъ женился, бросилъ ресторанъ, гдѣ у него было мѣсто, и самъ явился къ Гранковскимъ съ предложеніемъ услугъ. Федоръ Игнатьичъ расцѣловалъ теперь старика, отъ котораго отдало нюхательнымъ табакомъ, и выпилъ съ нимъ вина.

— Дочь, Кузьмичъ! У меня теперь дочь, Софія Федоровна!

— Дай Богъ дожидаться свадьбы, — вѣжливо улыбаясь и кланяясь, проговорилъ старикъ. — А вѣдь скоро: шестнадцать лѣтъ пролетитъ однимъ духомъ.

Федоръ Игнатьичъ выпилъ и съ Варей; ему очень хотѣлось напоятъ Жюли. Пришла акушерка. Федоръ Игнатьичъ чокнулся съ нею.

— У меня теперь справляются родины, — говорилъ онъ со смѣхомъ.

Среди этого веселья и радости, отъ которой онъ дрожалъ, нѣсколько разъ являлась у него мысль о больной Варварѣ Тихоновнѣ. Но пока свое счастье казалось ему до того громаднымъ, что въ немъ должны были тонуть всѣ чужія горести. „Я поѣду къ ней послѣ и узнаю. Вѣдь, все равно, помощь моя ничего не значить. Я ничего не смыслю въ терапіи“.

— Ну, вотъ была бы исторія, — вдругъ обратился онъ къ Жюли: — еслибы мы сегодня выѣхали! Конечно, акушерка поѣхала бы съ нами, но согласитесь сами, Юлія Петровна, рискъ!

Жюли поднимала плечи и съ ужасомъ изгибала брови.

— Не правда ли, все дѣлается къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ? Вашъ пессимизмъ чтѣ на это скажетъ?

— Кромѣ пессимизма, — съ улыбкой возражала Жюли, — есть Евѣимій.

— Вотъ еще! А впрочемъ, пускай будетъ и Евѣимій... Я теперь съ удовольствіемъ расцѣловалъ бы самого Евѣиміа.

Часовъ въ пять дня пріѣхалъ Никодимъ Павловичъ справиться, чтѣ съ Райсой Николаевной. Федоръ Игнатьичъ удивился пере мѣнѣ, какая произошла съ Прягинымъ: глаза ввалились, губы потрескались.

— Здравствуйте, Никодимъ Павловичъ! — вскричалъ Федоръ

Игнатьичъ, подавая ему обѣ руки.—Поздравляю васъ съ крестницей!

Лицо Никодима Павловича мгновенно расплылось въ розовую довольную улыбку, и онъ протянулъ къ Ѳеодору Игнатьичу губы для поцѣлуя. Ѳеодоръ Игнатьичъ крѣпко поцѣловалъ Никодима Павловича... Никогда еще старый холостякъ не получалъ такого счастливаго себялюбиваго поцѣлуя.

Когда Раиса подерѣпилась сномъ и опять допустили къ ней мужа, онъ сѣлъ въ кресло возлѣ столика, на которомъ стоялъ стаканъ недопитаго жиденъеваго чаю, и молча смотрѣлъ на жену.

— Раекъ, знаешь, я сказалъ Никодиму Павловичу, что онъ будетъ кумомъ... Матап немножко нездорова... Можетъ быть, мы пригласимъ кумой Жюли?

— Ахъ, нѣтъ... Чѣмъ матап нездорова? Бѣдненькая!

— Пожалуйста, прошу не разговаривать! — замѣтила акушерка съ улыбкой, которою хотѣла смягчить суровость этого запрещенія.

— Мнѣ жаль матап...—сказала Раиса, не обращая вниманія на замѣчаніе акушерки.—А Жюли намъ не кума.

— Раекъ, ты ее такъ любишь.

— Я не хочу, чтобъ Жюли крестила вмѣстѣ съ Никодимомъ Павловичемъ... Право, Ѳеда, мы забыли матап. Завтра же поѣзжай къ ней.

— Сегодня не надо?

— Поѣзжай сегодня. Она раньше всѣхъ должна знать, что у нея родилась внучка. Крѣпко поцѣлуй ее отъ меня. Ольга Викторовна, дайте мнѣ сюда ребеночка... Ѳеда, намъ нужно взять няню.

## LI.

Гранковскій пріѣхалъ въ усадьбу Варвары Тихоновны, когда только-что зашло солнце. Ароматы акацій, резеды и левкоевъ опьяняли. Это былъ земной рай. Алая заря догорала на небѣ, и печальный домъ, гдѣ лежала въ горячкѣ и бредила Варвара Тихоновна, былъ облитъ розовымъ свѣтомъ. Ѳеодоръ Игнатьичъ съ завистью подумалъ, что хорошо было бы, еслибы Варвара Тихоновна позволила имъ жить въ этомъ раю. „Но, можетъ быть, здѣсь гнѣздится источникъ тифа? Вѣдь заболѣла же отъ чего-нибудь Варвара Тихоновна?“ Онъ вдохнулъ въ себя раздражаю-

щій запахъ цвѣтовъ и чистый горный воздухъ. „Нѣтъ, какіе тутъ міазмы!“

Въ домѣ было сумрачно, окна были заперты и даже не выставлены двойныя рамы. Псаломщикъ Елисей Ивановичъ сидѣлъ въ гостиной за предиваннымъ столомъ и закусывалъ.

— А что, какъ Варвара Тихоновна? — спросилъ, нахмурившись, въ полголоса Ѳеодоръ Игнатьичъ.

Псаломщикъ всталъ, обтеръ губы рукою и произнесъ:

— По прежнему, въ забывчивости. Изрекаютъ неподобныя слова. Бояриновъ велѣлъ ожидать кризиса.

— А консилиумъ что рѣшилъ?

— На консилиумѣ рѣшили предоставить болѣзнь ея естественному теченію. Нашли, что возможенъ смертный исходъ, но возможно также выздоровленіе.

„Старая, знакомая исторія!“ — подумалъ Гранковскій, представляя себѣ глубокомысленныя лица коллегъ, которыхъ просить связать: „да или нѣтъ“, и которые всегда отвѣчаютъ: „и да, и нѣтъ“.

Ѳеодоръ Игнатьичъ вошелъ въ комнату, гдѣ лежала больная. Сестра милосердія, сидя на стулѣ и склонивъ голову на кровать Варвары Тихоновны, спала крѣпкимъ сномъ. Варвара Тихоновна лежала у самой стѣны. Въ сумракѣ нельзя было различить ея лица. Виднѣлась только темная фигура подъ простыней и слышалось тихое хрипѣніе. Было душно и жарко.

Гранковскій растолкалъ сестру милосердія.

— Нельзя спать. Вы должны чередоваться. Гдѣ Петрова?

— А я не знаю—она тутъ съ псаломщикомъ разговаривала. Молоденькая, на одномъ мѣстѣ не сидится... А-а! Плохо, докторъ, вашей мамашѣ... Что это, какъ я заснула? Сниться даже начало.

— Дѣлали ванну?

— Дѣлали.

Ѳеодоръ Игнатьичъ зажегъ свѣчку, отворилъ форточку, въ ужасу сестры милосердія, которая боялась сквозного вѣтра, и пощупалъ пульсъ у Варвары Тихоновны. Какъ ему ни хотѣлось, онъ не могъ выжать изъ своей головы болѣе мудраго рѣшенія, чѣмъ то, къ которому пришелъ консилиумъ. „То ли дѣло хирургія!“ — подумалъ онъ съ гордостью. Онъ съ соболѣзнованіемъ смотрѣлъ на тупое, почти безжизненное лицо Варвары Тихоновны, изъ устъ которой вырывались по временамъ неясныя фразы и отдѣльныя слова; но свѣтъ радости, испытанной имъ утромъ, все-таки не потухалъ въ его глазахъ. Онъ былъ такъ полонъ счастливыхъ



впечатлѣній, что, казалось, ихъ ничто теперь не могло бы изгнать изъ его сердца.

— А гдѣ апельсины, которые я привезъ вчера? — вдругъ спросилъ онъ. — Неужели больная съѣла?

— Елисей Ивановичъ скушали.

Федоръ Игнатьичъ вышелъ изъ комнаты больной.

— Вы приказали, чтобы ключи отъ комодовъ и сундуковъ вручить на храненіе доктору Бояринову? — сказалъ Елисей Ивановичъ, подходя къ Гранковскому и стараясь идти рядомъ съ нимъ. — Хотя я былъ облеченъ довѣріемъ Варвары Тихоновны во время ея нормальнаго состоянія, но, однако, не оказалъ противленія и ключи вручилъ. Теперь Варвара Тихоновна, придя на время въ полный расудокъ, высказала порицаніе этой мѣрѣ.

— Затѣмъ вы здѣсь торчите? — произнесъ Гранковскій, останавливаясь и насмѣшливо оглядывая съ ногъ до головы псаломщика. — Вы здѣсь совсѣмъ лишній. Выздоровѣть Варвара Тихоновна, тогда она можетъ принимать у себя кого угодно. Я вамъ передавалъ, кажется, черезъ доктора Бояринова, чтобы васъ не было возлѣ больной. Теперь я васъ прошу объ этомъ лично.

Елисей Ивановичъ проворчалъ что-то, но повиновался распоряженію Федора Игнатьича и, собравши свои вещи, вышелъ изъ дома.

„Въ сущности надо было бы все запереть — растащить и раскрудуть“, — сказалъ въ полголоса Федоръ Игнатьичъ.

Черезъ нѣсколько минутъ — можетъ быть, черезъ полчаса, долженъ былъ пріѣхать Бояриновъ. Федоръ Игнатьичъ рѣшилъ подождать товарища, а покамѣстъ, со свѣчой въ рукѣ, ходилъ по комнатамъ и осматривалъ замки. Вниманіе его обратилъ на себя старенькій, краснаго дерева столикъ, набитый бумагами. Федоръ Игнатьичъ взялъ изъ ящика верхнюю синюю тетрадку и машинально взглянулъ на нее. На тетрадкѣ, на особомъ бѣломъ ярлычкѣ, рукою Варвары Тихоновны было написано: „Расходы на Рансу“. Онъ заинтересовался тетрадкой. По всей вѣроятности, ни одна мать не стала бы заводить такой тетрадки. Въ этомъ сухомъ перечнѣ рублевыхъ и даже копѣчныхъ расходовъ на Рансу видна была мачиха. Ничего не было пропущено. Было записано, во сколько обошлась бонна французенка, сколько стоило воспитаніе въ пансіонѣ, былъ записанъ расходъ на первое платье, на лакомства, и даже н. была забыта бутылка шампанскаго, которую Варвара Тихоновна подала на столъ въ тотъ день, когда Федоръ Игнатьичъ сдѣлалъ предложеніе Рансѣ. Съ

улыбкой пробѣгалъ Ѳеодоръ Игнатьичъ „списокъ преступленій“ Раисы, какъ онъ мысленно назвалъ эту тетрадку. Но лобъ его нахмурился и онъ пересталъ шутливо относиться къ тетрадѣ, когда имъ были прочтены слѣдующія строки: „на приданое для Раисы взято у Никодима Павловича Прягина пять тысячъ. Еще для Раисы, для денежнаго приданого ей, у Никодима же Павловича Прягина взято пять тысячъ“.

— Какъ! — чуть не вскрикнулъ Ѳеодоръ Игнатьичъ, бросая тетрадку съ силой на столъ:—Никодимъ Павловичъ сдѣлалъ приданое Раисѣ!

Чувство стыда и оскорбленнаго самолюбія вдругъ потушило радостный свѣтъ его глазъ.

— Куда ни повернись, всюду стоитъ этотъ человекъ!—сказалъ Ѳеодоръ Игнатьичъ, блѣднѣя отъ гнѣва.

Онъ спряталъ тетрадку въ карманъ и, обернувшись, увидѣлъ входящаго Бояринова.

— Здравствуй,—глухо произнесъ Гранковскій.—Я вотъ побаиваюсь этого псаломщика и дѣлаю ревизію. Какъ видишь, я не уѣхалъ. Чтò Варвара Тихоновна?

Бояриновъ сталъ объяснять, въ какомъ безнадежномъ положеніи находится Варвара Тихоновна и какъ типично теченіе ея тифа, несомнѣнно эпидемическаго характера: тифъ уже три мѣсяца какъ свирѣпствуетъ въ городѣ. Теперь онъ ослабѣлъ, но тѣмъ убійственнѣе отдѣльные случаи, какъ это бываетъ при всякихъ затихающихъ эпидеміяхъ.

Ѳеодоръ Игнатьичъ слушалъ Бояринова и думалъ: „Неужели Раиса знала, чьи это десять тысячъ? Нѣтъ, конечно, не знала... Но тогда какія же у нея тайны отъ меня? Нѣсколько разъ она говорила мнѣ о какихъ-то тайнахъ даже со слезами на глазахъ“.

— Варвара Тихоновна можетъ умереть, — сказалъ онъ задумчиво и, приблизясь къ аппарату съ карболкой, направилъ на себя струю обеззараживающей жидкости.

— Я послалъ за мускусомъ. Натура у нея крѣпкая, авось побѣдитъ.

Ѳеодоръ Игнатьичъ пожалъ Бояринову руку и уѣхалъ. Уже совсѣмъ стемнѣло. На крутомъ спускѣ онъ вышелъ изъ экипажа. Волшебный ароматъ цвѣтущаго лѣта и рокоть соловьевъ, разсыпавшихъ въ ночномъ воздухѣ свои звеняція трели, не подѣйствовали на Ѳедора Игнатьича. Онъ все время былъ подавленъ своимъ униженіемъ. Развѣ онъ искалъ приданого? Можетъ быть, именно оттого, что онъ весь день такъ изступленно радовался, те-

перь его печаль, по закону душевнаго равновѣсія, особенно угнетала его. Онъ, никого не тревожа, вошелъ въ свой домъ и услышалъ слабый запахъ ромашки; изъ пріотворенной двери спальни по полу стлалась узенькая полоска свѣта; слышалось самодовольное похрипыванье, должно быть, только-что напоеннаго настоемъ ромашки ребенка. Въ груди Федора Игнатьича опять поднялась волна умиленія, и на время онъ забылъ объ огорчившей его тетрадеѣ. Онъ справился о здоровьѣ Райсы—и засѣлъ въ своемъ кабинетѣ.

І. Ясинскій.



---

# И. Н. КРАМСКОЙ

п о

## ПИСЬМАМЪ ЕГО И СТАТЬЯМЪ

---

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ смерти Крамского, я напечаталъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ біографію его, гдѣ старался показать значеніе его для нашего искусства и нашихъ художниковъ. Уже на основаніи однихъ тѣхъ матеріаловъ, какіе были у меня тогда въ рукахъ, я долженъ былъ признавать это значеніе очень высокимъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ мои матеріалы (письма Крамского) удесятерились, мое мнѣніе о Крамскомъ еще болѣе выросло. Все новыя и новыя сокровища мысли и глубины раскрывались передо мною, и я теперь могу быть только одного мнѣнія: что Крамской есть первый, высшій нашъ художественный критикъ. Никто изъ всѣхъ писавшихъ у насъ о искусствѣ не равняется съ нимъ по смѣлости, силѣ и глубинѣ мысли. Онъ одинаково поражаетъ и своимъ анатомированіемъ существующихъ произведеній стараго и новаго времени, и своими требованіями отъ художника и искусства, и своими указаніями, чѣмъ можетъ и должно быть искусство будущаго. Говоритъ ли онъ объ общемъ европейскомъ искусствѣ, говоритъ ли онъ о новомъ русскомъ искусствѣ, столько отъ него отличномъ со своими новыми задачами и со своими новыми путями, говоритъ ли онъ о національности въ искусствѣ—вездѣ онъ самостоятеленъ и оригиналенъ, новъ и могучъ. Чѣмъ болѣе я узнавалъ писемъ Крамского къ разнымъ его друзьямъ и знакомымъ, тѣмъ болѣе росли мое удивленіе и восторгъ. Ничего подобнаго мнѣ не доводилось

читать, раньше того, у насъ въ печати. Даже великій его предшественникъ, Ивановъ, съ которымъ онъ вообще имѣетъ столько общаго, и котораго онъ во многомъ является истиннымъ продолжателемъ, долженъ во многомъ ему уступить. Крамской давно у насъ извѣстенъ, давно всѣми уважаемъ, какъ превосходный художникъ, всего болѣе по части портретовъ. Имя его очень популярно въ Россіи, и наврядъ ли есть такой уголокъ нашего отечества, гдѣ бы его не произносили съ великимъ почтеніемъ. Но до сихъ поръ все это основывалось на однихъ художественныхъ созданіяхъ Крамского. У нашей публики бывали иногда передъ глазами также и его печатныя статьи о искусствѣ; она относилась къ нимъ сочувственно, соглашаясь съ ними, но никогда не придавала имъ особаго значенія. Эти статьи казались ей справедливыми въ большинствѣ случаевъ, умными, дѣльными, заслуживающими серьезнаго вниманія, но никогда не были вполне оцѣниваемы по настоящему своему достоинству. Всѣмъ казалось, что это только такъ, случайная прихоть умнаго и даровитаго художника, статьи, написанныя имъ промежду другого дѣла, болѣе серьезнаго и важнаго. Публика не чувствовала, что эти статьи—крупныя созданія, и что никто у насъ не писалъ ничего подобнаго; мало того, что и въ иностранной художественно-критической литературѣ наврядъ ли многое можетъ равняться съ тѣмъ, что тутъ даетъ намъ Крамской. Публика не чувствовала, что Крамской—это истинный критикъ, такой же, для искусства, какъ, напримѣръ, Бѣлинскій для литературы, и что въ этомъ дѣлѣ состояло настоящее его призваніе, истинная задача его жизни. Какъ ни хороши, какъ ни значительны многія его созданія, портреты и картины,—критика его еще гораздо выше и глубже ихъ. Правда, печатныхъ статей Крамского было немного, онъ появлялся съ длинными интервалами, и это, конечно, одна изъ причинъ, почему истинное значеніе ихъ автора не выступало для всѣхъ во всей его силѣ. И дѣйствительно, спрашиваешь себя: „Что за странность! Такое глубокое дарованіе къ художественной критикѣ—и такое малое употребленіе этого дарованія въ дѣло? Какъ это могло случиться? Какъ, отчего?“ На такой вопросъ самъ Крамской даетъ намъ отвѣтъ. Восхищенный нѣкоторыми его письмами ко мнѣ, въ 1876 году, я сталъ убѣждать его, чтобы онъ выступилъ въ печати. Но что онъ мнѣ отвѣчалъ? Въ письмѣ изъ Парижа 19-го іюня онъ говорилъ: „Знаете, вы меня спугнули, вотъ какъ птицъ пугаютъ. Сидѣлъ я себѣ смирно, смотрѣлъ, говорилъ, когда говорилось, писалъ свои обыкновенныя мысли, касался вопросовъ, для меня повонченныхъ, и вдругъ:

„говорите!“ Я испугался, серьезно. Вы должны понять, чего я испугался. То, что я говорилъ вамъ въ письмѣ, я много разъ и давно уже говорилъ всѣмъ, съ кѣмъ мнѣ приходилось; много было жестокихъ споровъ, нивого, конечно, не убѣдившихъ, много воды утекло съ тѣхъ поръ, я самъ успѣлъ съ того времени поумнѣть, если можно такъ выразиться—и убѣдиться, что для всякаго дѣятеля есть своя собственная дорожка для доставленія торжества своимъ идеямъ. Вообразите только, что сапожникъ сталъ бы говорить, какъ надобно шить сапоги, вмѣсто того, чтобы ихъ дѣлать,—кто ему повѣритъ? Два-три человѣка на земномъ шарѣ, пожалуй, найдутся, которые откроютъ въ его словахъ нѣкоторый резонъ, если онъ былъ, остальнымъ—подавай настоящее, реальные сапоги! И они правы...“ Однако же, спустя годъ, Крамской выступилъ въ печати, и самымъ блестящимъ образомъ. Но въ одной изъ своихъ послѣдующихъ статей онъ опять говоритъ: „Выступать самому художнику въ роли критика мѣшало, и всегда будетъ мѣшать чувство приличія; или лучше сказать—смущенія, благодаря которому всегда есть вѣроятіе быть заподозрѣннымъ въ пристрастія, зависти и другихъ болѣе или менѣе непохвальныхъ качествахъ...“ (Статья „За отсутствіемъ критики“, напечатанная въ „Новомъ Времени“ 1879 г., № 1052). Какая странность! Крамской и самъ не сознавалъ своихъ силъ, своего призванія, своей внутренней мощи—онъ рѣшился выступить печатно лишь „за отсутствіемъ критики“, онъ такъ былъ скромнень, такъ мало себя понималъ, такъ неувѣренъ въ себѣ, что предоставляетъ это дѣло другимъ, настоящимъ „критикамъ“, а самъ держится въ сторонѣ, и рѣшается сказать свое слово лишь тогда, когда уже нечего дѣлать, уже никакъ и быть иначе нельзя, а то всѣ рѣшительно промолчать. Въ письмѣ къ Рѣшину отъ 15 декабря 1877 года, Крамской точно также говоритъ, что свои статьи: „Судьбы русскаго искусства“, онъ написалъ и напечаталъ только по самой крайней необходимости, когда никто другой не написалъ (и даже по его предложенію) на его тему, какъ разъясненіе волновавшихъ его вопросовъ. Не чудно ли все это? Но, держась такимъ образомъ со своими мнѣніями въ сторонѣ отъ публичности и общаго суда, Крамской никогда не былъ робокъ, нерѣшителенъ и черезъ мѣру скромнень въ отношеніи къ близкимъ людямъ, которыхъ зналъ и цѣнилъ, и на симпатіи которыхъ могъ навѣрное разсчитывать. Тутъ уже вся его робость пропадала, и онъ высказывалъ въ письмахъ къ близкимъ себѣ людямъ все, что его тревожило или восторгало, наполняя негодованіемъ или сочувствіемъ, всѣ мысли, всѣ по-

стиженія его о прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ искусства, которыя были главною сущностью его бытія. Этими мыслями, этими постиженіями онъ истинно жилъ весь свой вѣкъ. Какъ онъ ни наполненъ былъ своимъ художественнымъ творчествомъ, своими портретами и картинами, какъ много онъ ни владывалъ туда самого себя, какъ ни горѣлъ и ни пылалъ своей работой созданія, но все-таки у него тамъ бывали перерывы, остановки—иногда даже долгія. Напротивъ, дѣло мысли, оцѣнки и приговоры по всему широкому полю искусства никогда у него не прекращалось, ни на единую минуту. Могло ли иначе и быть, когда онъ этимъ всего болѣе жилъ, когда тутъ была вся душа его, вся страсть, всѣ его способности? Въ одномъ письмѣ къ И. Е. Рѣпину (23-го февраля 1874 года) онъ говоритъ: „Смѣло буду анатомировать другихъ, извлекая, какъ умѣю, уроки для себя“. Но это не все. „Крамской немыслимъ въ одиночествѣ,—пишетъ мнѣ П. М. Третьяковъ, вспоминая о Крамскомъ:—ему необходимо было общество. Разговоры, пренія, споры—онъ любилъ ужасно, и для нихъ всегда готовъ былъ жертвовать дорогимъ своимъ временемъ“. Письма были продолженіемъ этихъ преній, бесѣдъ, споровъ. Крамской былъ горячій проповѣдникъ своихъ идей; онъ ни за что не былъ согласенъ оставаться съ ними глазъ на глазъ, „въ одиночествѣ“, для одного только личнаго своего употребленія. Ему нужна была арена, публика, объектъ, кому передавать свои мысли и ощущенія, свои вѣрованія и убѣжденія, ему нужно было вносить ихъ въ самое сердце окружающихъ его интеллигентныхъ людей. Онъ былъ истинный сѣятель. Отъ этого-то, письма его—это не отрывочныя замѣтки, не случайныя наброски, какъ часто бываетъ у художниковъ, даже самыхъ высокихъ, въ томъ числѣ и у Иванова, но стройное, законченное, изложеніе мысли, рѣшительное и полное,—настоящія статьи, назначенныя для печати. Только робость и неувѣренность въ своей литературной способности помѣшали ему превратить все, написанное въ этихъ письмахъ, въ настоящія печатныя статьи, для всеобщаго пользованія. Когда, въ 1880 году, явилось въ свѣтъ собраніе писемъ Иванова, Крамской не могъ отъ нихъ оторваться. Чтеніе ихъ, безконечное изученіе—были для него истиннымъ счастьемъ. Мнѣ кажется, ни для кого въ цѣлой Россіи они не сдѣлались сразу и навсегда такъ драгоценны и такъ необходимы, какъ для него. Это для него была точно неопѣненная, несравнимая ни съ чѣмъ художественная пища. Оно и понятно: выше того, что проповѣдывалъ Ивановъ, совершеннѣе того, чего онъ требовалъ отъ искусства и художника, нигдѣ ничего нельзя

было найти во всей художественной Европѣ; но въ то же время ни въ комъ на свѣтѣ Крамской не могъ. Конечно, чувствовать столько родства съ собственною своею натурою, какъ въ Ивановѣ. Вотъ онъ и читалъ эти письма, вглядывался въ каждое тамъ слово, словно влюбленный въ письма безцѣнной для него женщины. Мнѣ кажется, что печатаемые нынче письма Крамского будутъ чѣмъ-то въ томъ же родѣ для многихъ нынѣшнихъ русскихъ художниковъ. Новое племя далеко ушло впередъ противъ прежняго въ пониманіи того, что истинно и что важно въ искусствѣ. Что прежде доступно было немногимъ, что понятно было лишь исключительнымъ избраннымъ личностямъ, теперь уже способно быть достояніемъ всѣхъ лучшихъ людей уже подросткаго или подросткаго поколѣнія.

Матеріалъ, представляемый письмами и статьями Крамского, такъ громаденъ, что представить полный его обзоръ слишкомъ затруднительно для журнальной статьи. Я по-неволѣ долженъ ограничиться, на первый разъ, лишь однѣми главнѣйшими, самыми выдающимися чертами написаннаго Крамскимъ въ его письмахъ и статьяхъ.

## I.

Какъ у большинства лучшихъ художниковъ, всѣ жизненные условія Крамского, во времена перваго дѣтства, а потомъ отрочества и юношества, были самыя неблагопріятныя. Родился онъ въ воронежской губерніи—это уже изрядная глушь, особливо 50 лѣтъ тому назадъ, въ 1837 году. Но родился Крамской не только не въ губернскомъ городѣ, а даже не въ уѣздномъ: родился онъ въ пригородной слободѣ Новой-Сотнѣ, около уѣзднаго города Острогжска. Отецъ его, мѣщанинъ, былъ человекъ очень суровый, какъ въ своей автобіографіи рассказываетъ Крамской, а вспомните, что такое была „суровость“ тѣхъ временъ—это было нѣчто ужасное. Самыя раннія воспоминанія его дѣтства—это огромная труба сосѣдней хаты, да казаки, свачущіе верхомъ по улицѣ, да фигура матери, вѣчно хлопчущей со strapней около печки, принужденной выслушивать брань отца, вѣчно сердитаго, вѣчно недовольнаго. Печальное начало, печальное дѣтство. Но тутъ же рядомъ, какъ вознагражденіе, какъ отдыхъ, живописный видъ слободы, рѣки подъ нею, съ рощей вокругъ, наслажденіе всѣмъ этимъ съ ранней молодости, все это первые зачатки поэтическаго ощущенія отъ переливовъ свѣта на деревьяхъ и на



ландшафтѣ, все это начало того чувства къ природѣ, которое впоследствии было у него такъ сильно и глубоко. Въ письмѣ къ жегѣ своей, Софьѣ Николаевнѣ, изъ Неаполя, отъ 15-го мая 1876 года, Крамской писалъ: „Я помню, ребенкомъ, малороссійскія ночи, о которыхъ я вздыхалъ все,—вотъ онѣ! Только... только еще лучше. Стало быть, впечатлѣнія дѣтства насъ не обманываютъ, и ребенокъ хорошо природу запоминаетъ“. Учебные годы Крамского прошли въ уѣздномъ острогожскомъ училищѣ. Учился онъ отлично, кончилъ первымъ ученикомъ, но потомъ, не имѣя средствъ поступить въ воронежскую гимназію, остался въ своемъ Острогожскѣ, занимался каллиграфіей (и тутъ приобрѣлъ тотъ красивый, почти писарскій почеркъ, которымъ писалъ потомъ всю жизнь), наконецъ служилъ писцомъ у мирового посредника. Послѣ училища, и уже лишившись отца, Крамской долго приставалъ къ роднымъ, особливо къ старшему брату, чтобы его отдали учиться къ живописцу—онъ уже чувствовалъ влеченіе къ искусству, еще съ 7-ми лѣтъ лѣпилъ казаковъ изъ глины, а по выходѣ изъ училища рисовалъ, какъ умѣлъ, все, что ни попадалось на глаза; и притомъ на него дѣлали впечатлѣніе образа, „не совсѣмъ худые,—говоритъ онъ,—кладбищенской церкви въ Острогожскѣ,—образъ конца прошлаго столѣтія, наконецъ цѣлый иконостасъ, написанный Боровиковскимъ, въ церкви села Тишанки, близъ Острогожска (какъ мнѣ рассказываетъ М. Б. Тулиновъ, старинный пріятель Крамского)—вотъ какъ съ первыхъ годовъ, безъ всякаго чужого указанія, совѣта, направленія, начинала художественно настраиваться и заявлять себя его художественная натура. „Когда ему было 14 лѣтъ,—рассказываетъ также М. Б. Тулиновъ,—Крамской рисовалъ съ рисунковъ тушью и карандашомъ“. Но родные и не думали слушаться просьбъ своевольнаго мальчика. Его выдумки казались имъ непозволительны. „Живописцы ходятъ безъ сапогъ“,—отвѣчали они, указывая на живописца Петра Аггеевича, ходившаго у нихъ по городу въ халатѣ и въ опоркахъ. Маленькій Крамской пробовалъ поразить ихъ, ссылаясь на великаго живописца Брюллова, котораго слава достигла въ 50-хъ годахъ даже и Острогожска, и который жилъ въ столицѣ, въ царскомъ городѣ Петербургѣ, и, говорятъ, ходилъ тамъ вовсе не въ халатѣ и не въ опоркахъ, былъ знаменитъ и богатъ. Но даже и это не помогало. Цѣлыхъ три года родные были непреклонны въ своемъ благоразуміи и твердыхъ правилахъ. Только спустя три года, когда ему сдѣлалось уже 15 лѣтъ, родные смиловались, и сама мать свела его, пѣшкомъ, въ Воронежъ, къ лучшему тамошнему иконописцу и отдала на шесть

лѣтъ въ ученѣе. Но всякій, я думаю знаетъ, и по разсказамъ, и по повѣстямъ, и даже по картинамъ, что такое жизнь мальчишки въ ученѣ у мастерового. Это суцая каторга. Въ первое время, очень долго, никакого ученя нѣтъ. Надо быть на побѣгушкахъ у хозяина и каждаго подмастерья, въ кабакъ, въ лавочку, въ трактиръ за горячей водой. Крамскому досталось растирать краски, получать безчисленные тычки и толчки, брань и подзатыльники, да на придачу таскать съ подмастерьями, снизу, отъ рѣки, на гору, бочки для соленій, и многое другое въ томъ же родѣ. Хоть и 15-ти всего лѣтъ, Крамской возмутился и не хотѣлъ переносить долѣе. Онъ, только что на порогѣ дѣтства, уже имѣлъ чувство справедливости и собственнаго достоинства, ему нужно было учиться, какъ кистью и красками надо дѣлать по холсту, а не зуботычины и брань весь день переносить. Онъ не дальше, какъ черезъ три мѣсяца, написалъ письмо къ матери, и та, послѣ изрядной баталии съ богомазомъ, не хотѣвшимъ отпускать очень пригоднаго мальчишку, выручила сына изъ Воронежа и воротилась съ нимъ въ Острогожскъ.

Годы юношества Крамского, отъ 16 до 20 лѣтъ, прошли въ странствованіи по разнымъ краямъ Россіи съ харьковскимъ фотографомъ Данилевскимъ, пріѣхавшимъ въ Острогожскъ по случаю парадовъ, разводовъ и ученій войскъ. При немъ Крамской состоялъ ретушеромъ, и они объѣхали, говорить Крамской въ своей „Автобіографіи“, большую половину Россіи (это была суровая швола, говорить онъ: фотографъ былъ еврей). Онъ служилъ своему хозяину за 2<sup>1</sup>/<sub>2</sub> рубля въ мѣсяцъ. Даже, чтобы проѣхать изъ Острогожска въ Харьковъ, къ хозяину, Крамской долженъ былъ истратить свой собственный заработанный рубль. Значить, опять-таки жизнь и въ эти четыре года была не слишкомъ-то сладкая. Сколько мы знаемъ о ней подробностей, она постоянно состояла изъ бѣдъ, нужды и лишеній. Все вмѣстѣ составляло громадную разницу противъ той мирной, спокойной, полной всяческаго довольства жизни, которую велъ въ первые годы молодости Ивановъ. Онъ былъ сынъ профессора, любимаго и уважаемаго всею академіею. Онъ провелъ дѣтство среди довольства достаточной семьи средняго класса, и (какъ рассказываетъ его товарищъ, гравёръ Іорданъ) всѣ мальчишки, сидѣвшіе въ классѣ, въ академіи, стали глядѣть на Иванова съ завистью, когда онъ въ первый разъ вошелъ къ нимъ въ классъ. „Онъ пришелъ къ намъ, бѣднягамъ, изъ семейства болѣе достаточнаго, чѣмъ наши. Этотъ недостатокъ выражался не только въ костюмѣ, но и во всей обстановкѣ Иванова: у него была прекрасная папка, рисоваль-

ная бумага въ изобилии; у него было гораздо болѣе, чѣмъ у насъ всѣхъ, карандашей, и проч.“ Какъ далеко было Крамскому до чего-нибудь подобнаго! Богъ знаетъ, какіе у него были карандаши и бумаги въ 10—15 лѣтъ! Ивановъ не только не испытывалъ никакой помѣхи въ своемъ влеченіи къ искусству, но еще (по словамъ того же Иордана) былъ еще дома тщательно подготовленъ къ рисованію своимъ отцомъ. Крамского никто не подготовлялъ, не то что къ классамъ академіи, а просто держать карандашъ въ рукѣ. Дѣлай, да и только, какъ самъ знаешь! Добивайся, какъ хочешь! Что касается до чужой помощи, для возможности существованія, то Крамской отмѣчаетъ въ „Автографіи“: „Никогда и ни отъ кого, ни отъ отца, ни отъ брата, ни отъ матери и ни отъ кого изъ благодѣтелей, я не получалъ ни копѣйки“. Впослѣдствіи роли перемѣнились: сдѣлавшись взрослыми художниками, Ивановъ пересталъ получать помощь отъ семейства, своими работами не зарабатывалъ ничего, потому что почти что вся жизнь его ушла на одну и ту же, никогда не конченную, картину, и принужденъ былъ существовать пенсіями, пособіями, пожертвованіями царской фамиліи и Общества поощренія художниковъ; Крамской, наоборотъ, сталъ много зарабатывать, когда сдѣлался самостоятельнымъ художникомъ, и никогда не нуждался, подобно Иванову. „Съ 63—64 года я зарабатывалъ въ годъ отъ 2 до 3 тысячъ,—пишетъ Крамской П. О. Ковалевскому 18-го декабря 1884 года,—и, по мѣрѣ увеличенія семьи и потребностей, увеличивались и заработки. Теперь (1884) мнѣ въ годъ необходимо—10.000, и я ихъ имѣю отъ портретовъ... Я, лично, ни на что жаловаться не могу, и тѣмъ менѣе бросать упрекъ обществу. Меня ли общество не цѣнило? Нѣтъ, общество платитъ и платило мнѣ то, что я спрашиваю“... Но расходы его, по силѣ обстоятельствъ, должны были всегда быть значительны, и онъ почти постоянно бѣдствовалъ. Вотъ въ этомъ денежномъ отношеніи была только разница для этихъ двухъ людей, Крамского и Иванова. Въ остальномъ ихъ судьба была приблизительно одна и та же. Сколько намучился Ивановъ по всѣмъ своимъ дѣламъ, точь-въ-точь столько же на свою долю намучился и Крамской. Ихъ письма полны выраженій, не оставляющихъ въ томъ сомнѣніи и заставляющихъ волосы становиться дыбомъ. Тутъ уже дѣло шло не о рубляхъ, а о чемъ-то болѣе тяжеломъ и невыносимомъ, чѣмъ нужда или бѣдность. Крамской даже говоритъ въ одномъ мѣстѣ, всего за 7 лѣтъ до смерти: „Кромѣ борьбы изъ-за куска хлѣба, я преслѣдовалъ цѣли, ничего общаго съ рублемъ не имѣющія. Такъ дѣло тянется и теперь

(1880). Когда кончится мое, въ сущности, каторжное теперешнее положеніе и кто одолѣетъ въ борьбѣ—я не знаю и не предугадываю“.

Итакъ, начиная съ какого хочешь конца, съ достатка или бѣдности — все равно придешь къ одному и тому же: къ бѣдѣ тяжкой, къ мучительному страданію душевному. Самая частая участь человѣка мысли.

Другое, въ чемъ Крамской сходился съ Ивановымъ, это въ самовоспитаніи — этомъ всегдашнемъ признакѣ человѣка, родившагося интеллигентнымъ. Никакое, даже самое высокое воспитаніе извнѣ не пригодно или недостаточно. Только то, у человѣка, и есть самага хорошаго, только то и есть самага важнаго, что найдешь и чему научишься самъ. Въ какой же степени это было такъ для тѣхъ, кого извнѣ, по заведенному порядку, даже и учили-то плохо! Изъ писемъ Иванова мы знаемъ, что уже 23-хъ лѣтъ отъ роду онъ старался поправить „жестокую ошибку“ своего первоначальнаго воспитанія и наверстать потерянное время, читая что только можно по-русски, принявшись учиться французскому языку и умоляя своего пріятеля Рабуса переводить ему съ нѣмецкаго разныя статьи и даже цѣлыя книги о художествѣ. У Крамского была страсть къ чтенію съ дѣтскаго еще возраста. Когда ему было всего 12 лѣтъ, онъ съ жадностью читалъ всѣ книги и журналы, что только приносилъ ему изъ училищной библіотеки старшій братъ. Онъ читалъ все это со страстью. Когда ему было 16 лѣтъ и онъ служилъ у фотографа въ Харьковѣ, онъ не довольствовался однимъ бездушнымъ исполненіемъ своего ремесла и маяченьемъ жизни—нѣтъ, онъ опять-таки продолжалъ самъ себя образовывать. „Въ это время я очень много читалъ,—говоритъ онъ въ „Автобіографіи“, —поглощалъ все, о чемъ только могъ слышать“. Изъ „Дневника“ его мы узнаемъ, что онъ всего болѣе читалъ „Отечественныя Записки“ и „Современникъ“, восхищался Гоголемъ и Лермонтовымъ. Позже, когда онъ, юношей 20 лѣтъ, сдѣлалъ смѣлый шагъ, бросилъ свою провинцію, пріѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ въ академію художествъ, у него уже было прочитано (по словамъ его „Автобіографіи“) множество разныхъ книжекъ по художеству, біографій великихъ художниковъ, разныхъ легендарныхъ сказаній объ ихъ подвигахъ. Кто ко всему этому толкалъ его? Конечно, никто—ему самому нужно было. Роднымъ было только дѣло до наживы и какого бы то ни было, но только успѣха. Крамской былъ—*самоучка*, и въ письмахъ къ друзьямъ онъ часто самъ себя такъ называетъ.

Вотъ на чемъ началось первое воспитаніе самостоятельности

Крамского: онъ много читаль. Для однихъ чтеніе есть только препровожденіе времени, для другихъ—полезное наученіе внѣшнимъ фактамъ и чужимъ мыслямъ; но для третьихъ—чтеніе есть шпора, которая будитъ собственную мысль, влечетъ къ собственной дѣятельности ума. Крамской былъ изъ такихъ. Онъ не былъ покорнымъ рабомъ прочитаннаго или равнодушнымъ воспринимателемъ чужой мысли. Онъ превращалъ чужой матеріалъ въ свою собственную плоть и кровь, одно принималъ, другое откидывалъ и все вообще сравнивалъ и оцѣнивалъ. Онъ былъ одинъ изъ неповорныхъ, одинъ изъ безпокойныхъ—тѣхъ, кто самъ идетъ впередъ, да и другихъ неужержимо ведетъ за собой. Онъ не принадлежалъ къ хору. Онъ былъ высовой пробы солисть. Отъ этого онъ не могъ быть доволенъ, въ академіи художествъ, ни своими преподавателями, ни своими товарищами. „Я вступилъ въ академию,—говоритъ онъ въ статьѣ: „Судьбы русскаго искусства“ („Новое Время“, 1877 года, № 645),—какъ въ нѣкій храмъ, полагая найти тутъ тѣхъ же вдохновенныхъ учителей и великихъ живописцевъ, о которыхъ я начитался, поучающихъ огненными рѣчами благоговѣнно внемлющихъ юношей. Словомъ, я полагалъ встрѣтить нѣчто похожее на тѣ мастерскія итальянскихъ художниковъ, какія дѣйствительно когда-то существовали. Разказы товарищей о томъ, что такой-то профессоръ—замѣчательный теоретикъ, а вотъ этотъ—великій композиторъ, только разжигали мое воображеніе. На первыхъ же порахъ, вмѣсто когда-то живого общенія между учителемъ и учениками, въ прежнія столѣтія, до возникновенія академіи, вмѣсто лекцій, такъ сказать, объ искусствѣ,—одни голыя и сухія замѣчанія: что вотъ это длинно или коротко, а вотъ это надо постараться посмотрѣть на антикахъ, Германіиѣ, Лаокоонѣ. Видѣть, какъ и что работаетъ замѣчательный теоретикъ или творитъ великій композиторъ, мнѣ (да и никому почти) не удавалось никогда. Одно за другимъ стали разлетаться созданія моей собственной фантазіи объ академіи и прокрадываться охлажденіе къ мертвому и педантическому механизму въ преподаваніи“...

Вотъ съ чѣмъ повстрѣчался Крамской, когда дѣло шло для него объ изученіи внѣшнихъ формъ. Это касалось еще только одной собственной его особы. Но когда онъ переносилъ глаза съ своей личности на всю массу товарищей, на общіе результаты ученья, онъ находилъ, что, „разсматривая рисунки гипсовыхъ классовъ и натурнаго, невольно замѣчаешь, что лучшіе рисунки—въ гипсовомъ головномъ классѣ, въ фигурномъ—уже хуже, а самыя плохіе—съ натуры. Точно ученики не совершенствуются, а, напротивъ, разучиваются“... Конечно, это замѣчаніе Крамской

высказалъ только въ 1877 году, но несомнѣнно, что онъ началъ его дѣлать еще во время своего собственнаго ученя. Этотъ самый фактъ идетъ сквозь всю исторію нашего художества, особливо за послѣднія 40—50 лѣтъ. Исключенія очень рѣдки.

Въ классѣ живописи—новыя бѣды. Тутъ наступили для Крамского настоящія муки. „Я не могъ понять,—говоритъ онъ,—что такое живопись и что значать „краски“? Самыя колоритныя вещи здѣсь, при натурѣ, казались мнѣ неестественными; замѣчанія же профессоровъ отличались и въ этомъ случаѣ тѣмъ же лабонизмомъ: „Плоско, колѣнко дурно нарисовано, и чулокъ вмѣсто слѣдка“; на другой день другой—съ равнозначащими замѣчаніями, но съ иными варіаціями: „Не худо, не худо!.. Э... это не такъ, да и это не такъ! Все не такъ!“... Что же это такое? И чего они требуютъ? Никогда никакого разъясненія, точно совершаютъ элевзинскія таинства!“...

Но когда дѣло дошло до сочиненія, уже настоящей самостоятельной дѣятельности художника въ стѣнахъ школы, тутъ Крамской встрѣтился съ еще большими несообразностями. Самая большая бѣда здѣсь была та, что „ни сторона испытующая, ни испытываемые не смотрятъ на сочиненія этого времени какъ на творчество. Въ то время какъ у юноши лѣтъ 20 (или болѣе) начинаютъ въ головѣ появляться свои собственныя фантазіи, часто неглупыя и оригинальныя, чаще, разумѣется, незрѣлыя и, можетъ быть, смѣшныя, ихъ никто не тревожитъ и не вызываетъ на свѣтъ Божій, до нихъ никому и никогда нѣтъ никакого дѣла. Напротивъ, все стараніе употребляется на то, чтобы внушить, что сочинять слѣдуетъ какъ „Іосифъ толкуетъ сны хлѣбодару и виночерпію“, или онъ же—„продаваемый братьями“... Но мнѣ въ то время уже казалось, что сдѣлать эскизъ можно только тогда, когда въ головѣ сидитъ какая-либо идея, которая волнуетъ и не даетъ покоя,—идея, имѣющая стать впоследствии картиной, и что нельзя по заказу сочинять когда угодно и что угодно“...

Весь этотъ образъ мысли, все это взвѣшиваніе были нѣчто самое противоположное тому, что практиковалось на самомъ дѣлѣ, и что его окружало цѣлый день въ школѣ.

Не одно ли и то же все это съ тѣмъ, что 30 лѣтъ раньше встрѣчалъ и чѣмъ мучился въ академіи Ивановъ? Вспоминая въ 1834 году, въ Римѣ, свою молодость, онъ говорилъ, что „всѣ мы получили въ академіи подлое воспитаніе“ („Александръ Андреевичъ Ивановъ, его жизнь и переписка“, стр. 45), а позже объявлялъ, что „ученіе академіи—холодное“ (стр. 333). Какое счастье всѣ эти мысли и рѣчи! Тутъ мы узнаемъ, что какъ ни

будь живучъ, и какъ ни разростайся *минусъ*, *плюсъ* никогда не будетъ задавленъ, и вѣчно будутъ нарождаться, одинъ за другимъ, люди, на то чтобы доставить плюсу торжество.

Одно, что было Крамскому и остальной молодежи отдыхомъ и спасеніемъ — это товарищи и жизнь, царствовавшая въ ихъ средѣ. „Вечерніе рисовальные классы, — говоритъ Крамской, — были въ то время чрезвычайно оживленными собраніями молодежи: до 120 человекъ и болѣе рисовало постоянно... Товарищество — это оставалось единственное, что двигало массу впередъ, давало хоть какія-нибудь знанія, вырабатывало хоть какіе-нибудь приемы и помогало справляться со своими задачами“...

Но какъ ни благодѣтельно было это товарищество, сколько ни выше оно стояло своихъ учителей, все-таки и оно далеко не было удовлетворительно, все-таки и оно было еще „низменный муравейникъ“. Всего болѣе убѣдился въ этомъ Крамской не дальше какъ черезъ годъ послѣ своего вступленія въ академію, въ 1858 году, когда Ивановъ пріѣхалъ изъ Италіи и привезъ свою знаменитую картину. „Въ то время, — говоритъ Крамской, — когда мое молодое стремленіе къ искусству было такъ странно смущено, и я все больше и больше запутывался въ вопросахъ первостепенной для меня важности, пріѣхала картина Иванова: „Явленіе Христа народу“. Въ первое время, когда я ее увидаль, я рѣшительно не могъ составить себѣ о ней никакого отчетливаго понятія. Поднявшіеся въ нашемъ низменномъ муравейникѣ толки о ниспроверженіи правилъ композиціи (отсутствіе „пирамидальности“ тожь), объ оскорбительномъ и неизящномъ старикѣ налѣво, о зеленомъ рабѣ, о некрасивости Христа, еще больше повергли меня въ уныніе. Несмотря на то, что фигура Іоанна Крестителя на меня произвела впечатлѣніе чего-то страшнаго, я видѣлъ, однакожь, что она, противъ всякихъ правилъ, поставлена профилемъ; что Христосъ некрасивъ дѣйствительно... но отчего фигура его выражаетъ твердость и спокойствіе, какъ будто онъ знаетъ, куда онъ идетъ и зачѣмъ? — это было для меня вопросомъ неразрѣшимымъ. И нужно было такъ случиться, что, выйдя съ выставки, я наткнулся на одного изъ товарищей, котораго я до тѣхъ поръ уважалъ и за способности, и за умъ. Первое его слово было: „Что, какова картина? А? Какъ нарисованы-то ноги у Іоанна, и колѣнки, всѣ кости, мышцелки?“... Удивительно, я это замѣтилъ тоже, и еще подумалъ: а вѣдь это хорошо нарисовано... Только тутъ мнѣ мой товарищъ почему-то не понравился. Всю дорогу я думалъ, что вѣдь это глупо, наконецъ, въ такой картинѣ видѣть ноги да колѣнки. И какъ это странно: вѣрно, а

гупо! Словомъ, положеніе мое было безпомощное“... Въ письмѣ ко мнѣ отъ 9-го января 1880 года Крамской писалъ: „Когда, въ 1858 году, я увидаль картину Иванова, то вотъ что я тогда думалъ: „Есть такія созданія художниковъ, которыя можно считать совершенными портретами, лучше и похожѣ которыхъ напрасно стараться и сдѣлать. Къ числу ихъ надо отнести: Юпитера, Венеру Милосскую, голову Мадонны Сивстинской и Іоанна Крестителя Иванова“. Когда появились печатные отзывы о картинѣ Иванова, они тоже только возмущали Крамского, приводили въ высшее негодованіе. „Вдругъ, разнеслась страшная вѣсть: Ивановъ умеръ! Я такъ испугался, что картина сама по себѣ перестала быть предметомъ изученія и интереса, и даже хороша ли она, или дурна, стало для меня, безразлично, а главное: человекъ, художникъ, его положеніе, его судьба стали меня занимать больше всего: 25 лѣтъ работать, думать, страдать, добиваться, приѣхать домой, къ своимъ, привезти имъ, наконецъ, этотъ подарокъ, что такъ долго и съ такою любовью къ родинѣ готовилъ. „И вотъ тебѣ! Мы даже не сумѣли пощадить больного человека! Мнѣ просто стало страшно. И помню, я даже что-то такое написалъ по поводу смерти Иванова. Къ академіи съ этихъ поръ я сталъ охладѣвать совершенно, и хотя проболтался въ ней еще нѣсколько лѣтъ, но уже немного, такъ сказать, иронизировалъ“...

Таковъ былъ Крамской 21 года, еще школьникомъ. Часто ли увидишь такіе примѣры между художниками? Въмѣсто слѣпного шаганія по заведенной колеѣ—разсужденія, оцѣнки, сравненія, симпатіи и антипатіи! Что можетъ быть рѣже этого? Ни учителя, ни товарищи не удовлетворяли этого страннаго молодого человека. Онъ и не думалъ прилаживаться, какъ бы половчѣе, къ тому, что требуется и за что награды развѣшены впереди, въ перспективѣ. Онъ хочеть добираться до сути дѣла, да какъ, да зачѣмъ, да почему?

Несмотря, однакоже, ни на что, Крамской шелъ въ академическихъ классахъ отлично. Разсужденія разсужденіями, а работа работой. Въ академическихъ классахъ онъ достигъ большого совершенства въ рисунокѣ, и сдѣлался великимъ его мастеромъ. Традиція отличнаго рисунка давно уже велась въ нашей академіи, и еще за 20 лѣтъ до того, Кукольникъ въ своей „Художественной Газетѣ“, а Сенковскій въ „Библиотекѣ для Чтенія“ провозглашали, что наши живописцы — изумительные рисовальщики, чуть не выше всѣхъ въ Европѣ. Крамской получалъ, одну за другою, всѣ заведенныя за классныя работы медали. Въ



1860 году, на академической выставкѣ находилась его картина: „Смертельно раненый Ленскій“, къ чему была прибавлена от-мѣтка: „первый опытъ собственнаго сочиненія“. За эту картину ему дали 2-ю серебряную медаль. На слѣдующій годъ выставлены были портреты карандашомъ, сдѣланные съ товарищей по академіи. Это были: живописцы Чистяковъ, Корзухинъ, Венигъ, скульпторъ Крейтанъ; сверхъ того, тутъ-же находилась картина Крамского: „Молитва Моисея по переходѣ израильтянъ черезъ Чермное море“; на выставкѣ 1863 года выставлена была программа: „Походъ Олега на Царьградъ“, которую онъ не могъ докончить по случаю неотложной для него въ 1862 году поѣздки въ Москву, и „Моисей источаетъ воду изъ скалы“, программа, за которую онъ получилъ 2-ю золотую медаль.

Теперь ему слѣдовало писать программу на большую золотую медаль. Напиши онъ ее—конечно, онъ непременно получилъ бы эту большую золотую медаль, какъ прежде получалъ всѣ маленькія, и потомъ поѣхалъ бы за границу. Но этого не случилось, этого не могло случиться. Время было уже не такое, какъ прежде, и у новаго поколѣнія художниковъ шевелилось теперь многое такое въ головѣ, о чемъ прежде не бывало никогда и помина. Случилось событіе, котораго никто не могъ предвидѣть, неожиданно, экспромптомъ, но такое, которое имѣло громадное вліяніе на всю дальнѣйшую судьбу русскаго искусства. Нѣсколько молодыхъ людей, находившихся уже на послѣднемъ академическомъ курсѣ, передъ которыми оставался всего одинъ годъ до выпуска, до золотой медали, до посылки за границу — этой до тѣхъ поръ цѣли всѣхъ желаній и стремленій, — вдругъ отказались отъ всего, не кончили курса и ушли вонъ изъ академіи. Это былъ истинный переворотъ, это было такое событіе, какого не случалось съ самаго основанія академіи, и которое свидѣтельствоvalo о самомъ коренномъ измѣненіи образа мыслей. Какъ! люди рѣшаются обратить въ ничто всѣ достигнутые до сихъ поръ іерархическіе свои успѣхи, вычеркиваютъ вонъ всѣ выигранные очки, отступаются отъ перспективы спокойнаго, обезпеченнаго на много лѣтъ впередъ существованія — и берутъ себѣ на долю такую жизнь, которая всего болѣе похожа на суму и посохъ. Какое героическое самопожертвованіе, какая юношеская гордая удаля, какой благородный порывъ въ борьбѣ за то, что кажется справедливымъ и хорошимъ! Всѣ прежніе художники были послушными исполнителями кѣмъ-то давно заведенныхъ порядковъ; они не разсуждали о томъ, хороши они или дурны, и старались только добиться того, что обѣщано впереди. Эта новая

молодежь—не хочетъ уже думать объ однѣхъ только матеріальныхъ выгодахъ, у нея въ благородномъ сердцѣ есть нѣчто выше и важнѣе—понятіе не только объ обязанностяхъ, но и о правахъ въ художествѣ. А именно — право быть не только мастеровымъ художественнаго дѣла, но и художникомъ; право быть свободнымъ въ выборѣ своего сюжета и въ исполненіи его. Академія уже кое въ чемъ уступила требованіямъ времени, и объявила, осенью 1863 года, тогдашнимъ конкурентамъ своимъ, что „отнынѣ различіе между родами живописи жанра и исторической уничтожается, а въ виду имѣющаго наступить столѣтія академіи и въ видѣ опыта будутъ даны не сюжеты, какъ прежде, а темы, напимѣръ: гнѣвъ, радость, любовь къ отчизнѣ и т. п., съ тѣмъ, чтобы каждый ученикъ, сообразно своимъ наклонностямъ, реализировалъ бы тему, какъ онъ хочетъ и откуда хочетъ: изъ жизни ли современной или давно прошедшей, изъ исторіи ли библейской или евангельской—все равно“. Казалось бы, чудесно, великолѣпно. Шагъ впередъ на пути эманципаціи, освобожденія отъ старинныхъ предразсудковъ. Но юные конкуренты чувствовали, что это только маска, притворство, и что настоящаго доброжелательства, настоящаго перелома тутъ нѣтъ, потому что всѣ эти льготы были обставлены также и многими стѣснительностями, не свидѣтельствовавшими ни о какой дѣйствительной перемѣнѣ къ лучшему. И они были правы. Имъ стоило только представить совѣту самыя почтительныя, самыя разумныя, самыя сдержанныя соображенія о томъ, что необходимо для того, чтобы новыя мѣры академіи дѣйствительно приносили пользу — и тотчасъ всѣ новыя либеральности полетѣли вверхъ ногами. Крамской пишетъ: „Начались собранія и толки программистовъ о вновь изданныхъ правилахъ. Собранія наши были очень часты, разсужденія шумны и рѣшенія довольно единодушны“. Они написали въ совѣтъ покорнѣйшую просьбу „дозволить имъ, хотя бы тоже въ видѣ опыта, полную свободу выбора сюжета, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, только такой путь испытанія—наименѣе ошибочный, и можетъ доказать, кто изъ нихъ наиболѣе талантливый и достойный высшей награды“. Они также просили, чтобы ихъ не запирали, по прежнему правилу, на 24 часа каждаго въ отдѣльной комнатѣ, для изготовленія программъ: при такихъ задачахъ, какъ, напр., гнѣвъ, запираніе становится неудобнымъ, такъ какъ самая тема требуетъ, чтобы человѣку дали возможность одуматься... „Мы слишкомъ насмотрѣлись, — прибавляетъ отъ самого себя Крамской, — на конкурсы, при которыхъ бездарность проходитъ гораздо легче и скорѣе; мы знали слишкомъ хорошо

примѣры, какъ самый талантливый проваливается на этомъ ристалищѣ“ ... И что же! Не только совѣтъ не обратилъ вниманія на такія справедливыя и разумныя соображенія, не только всѣ депутаціи къ отдѣльнымъ профессорамъ (очень живописно и юмористично описанныя Крамскимъ) ни къ чему не повели, но еще совѣтъ тотчасъ же воротился назадъ къ той самой системѣ, которую только-что забраковалъ. Совѣтъ рѣшилъ: опять задавать „сюжеты“, и тутъ же задалъ, на первый разъ, одинъ изъ несообразнѣйшихъ и рутиннѣйшихъ сюжетовъ: „Пиръ въ Валгаллѣ“. Что за Валгалла? Что за пиръ? И на что они оба, и пиръ, и Валгалла? И кому они интересны? И кому до Валгаллы было какое-нибудь дѣло изъ всѣхъ профессоровъ и изъ всѣхъ учениковъ? И знали ли въ самомъ дѣлѣ порядкомъ всѣ присутствующіе художественные судьи, кто сидитъ въ Валгаллѣ, и что это за личности такія? Нужды нѣтъ, бѣдные юноши обязаны были все знать, ко всему быть притотовлены, на все умѣть отвѣтить, въ 24 часа создать цѣлую эпопею, такую, о которой отъ роду никогда не думали и не помышляли. Какое кому было дѣло, что они не знаютъ ни личностей, ни характеровъ, ни событій, относящихся къ Валгаллѣ — вотъ важность-то! Отъ нихъ требовали чего-то безличнаго, нелѣпаго, бессмысленнаго. Сдѣлай все это какъ-нибудь, и тебѣ дадутъ золотую медаль, и ты будешь жить потомъ припѣваючи. Но этого не признали для себя возможнымъ тогдашніе художественные наши юноши. Они подали, тутъ же въ совѣтѣ, одинъ за другимъ, просьбы объ увольненіи изъ академіи. Перебѣжчикъ и предатель оказался всего одинъ (теперь уже умершій). Но и тотъ ничего не выигралъ. „—А вамъ чего угодно?“—спросили его, когда онъ остался одинъ въ залѣ совѣта.—Я желаю конкуррировать, — отвѣчалъ онъ.—Развѣ вы не знаете,—возразили ему,—что конкурсъ изъ одного состояться не можетъ; подождите до будущаго года“. Какой рѣдкій примѣръ измѣнника, наказаннаго за свое ренегатство!

Какъ въ то время, въ 1863 году, такъ и позже, у насъ нашлось не мало людей, которые не въ состояніи были понять всей значительности этого важнаго событія нашего художественнаго міра. Даже очень недавно, нѣкто г. Аверкіевъ писалъ, въ 1885 году, въ своемъ „Дневникѣ писателя“: „Нѣсколько лѣтъ назадъ, юные художники, даже ученики, повздоривъ съ академическимъ начальствомъ, оставили академію и образовали свое общество для выставокъ. Они думали, что учинили родъ революціи, хотя просто сдѣлали скандалъ“. „Повздорили!“ Какая жалкая слѣпота, какая неспособность уразумѣвать все то, что

выходить за предѣлы однажды навсегда заведенныхъ прочныхъ рутинныхъ порядковъ. Какое отвращеніе отъ разсудка!

Однакоже, не взирая на всѣхъ близорукихъ или тупыхъ людей, дѣло обновленія, дѣло самопожертвованія во имя правой идеи—совершилось. То, чего въ теченіе долгихъ лѣтъ не поняли или не хотѣли знать многія поколѣнія художниковъ, такъ-называемыхъ „арѣлыхъ“, съ честью прошедшихъ всѣ курсы, отмѣченныхъ потомъ наградами и привилегіями, бывшихъ потомъ въ долгомъ соприкосновеніи со всею Европою и ея художественною цивилизаціею, совершилось вдругъ руками 14 бѣдныхъ юношей, „недоученныхъ учениковъ“! И какъ разъ къ тому времени, когда должно было праздноваться и торжествоваться благополучное окончаніе перваго столѣтія новаго русскаго искусства! Да, первое столѣтіе закончилось фактомъ болѣе важнымъ для нашего искусства, чѣмъ всѣ остальные въ продолженіе этого столѣтія: освобожденіемъ нашихъ художниковъ отъ мрака и покорной слѣпоты. Это былъ, въ миниатюрныхъ рамкахъ, pendant и продолженіе къ тому великому народному освобожденію, которое совершилось въ нашей землѣ всего за два года передъ тѣмъ. Мнѣ кажется, зпослѣдствіи когда-нибудь, наши художники увидятъ, что день 9-го ноября 1863 года они должны праздновать.

И во всемъ этомъ новомъ художественномъ движеніи Крамской игралъ одну изъ самыхъ выдающихся ролей среди своихъ товарищей. Ни у одного изъ товарищей не было такой глубины и силы мысли, какъ у Крамского—это былъ уже даръ прирожденный, такова уже была его натура. Но никто изъ всѣхъ нихъ столько не былъ полонъ идеи о необходимости воспитывать себя, образовывать, читать, обмѣниваться мыслями и понятіями съ тѣми, кто былъ интеллигентенъ и образованъ. Свою „Автобіографію“ Крамской заключаетъ такъ: „Повѣсть будетъ не кончена, если я не прибавлю, что никогда и никому я такъ не завидовалъ, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, какъ человѣку дѣйствительно образованному. Прежде у меня была даже лакейская панна передъ каждымъ студентомъ университета“. Это было писано въ 1890 году. Но еще гораздо раньше онъ писалъ мнѣ изъ Парижа, 21-го іюля 1876 года: „Давно помню, юношей, я смотрѣлъ съ величайшимъ благоговѣніемъ на всякаго, побывавшаго въ университетѣ. Много воды утекло, пока я сталъ поумнѣе, и рабская привычка уступила мѣсто нѣкоторому скептицизму. А все-таки и теперь, нѣтъ-нѣтъ, да и ёкнетъ сердце, какъ встрѣтишь этакаго молодого человѣка: не то сожалѣніе о потерянномъ какомъ-то, не то зависть“... Понятно, какъ это чув-

ство уваженія къ наукѣ, къ образованности было свято у Крамско-го въ началѣ 60-хъ годовъ, когда вся русская молодежь была такъ высоко настроена, такъ рвалась къ знанію и самостоятельности мысли; понятно, какъ тогда Крамской искалъ интеллигентныхъ людей и старался вступать съ ними въ духовное общеніе. Одиннадцать лѣтъ позже, переносясь однажды мыслю назадъ, ко дню 9-го ноября 1863 года и къ минутѣ рѣшительнаго перелома въ своей жизни, Крамской писалъ своему другу И. Е. Рѣшину, въ январѣ 1874 года: „Помню я мечты юности объ академіи, о художникахъ. Какъ все это было хорошо. Мальчишка и щенокъ, я инстинктомъ чувствовалъ, какъ бы слѣдовало учиться и какъ слѣдуетъ учить. Но дѣйствительность, грубая, пошлая, форменная, не дала возможности развиваться правильно, и я, увядая, росъ и учился—чему? вы знаете. Дѣлалъ что-то съ просонья, оцупью. И вдругъ толчокъ... проснулся... 63-й годъ, 9-е ноября, когда 14 человекъ отказались отъ программы. Единственно хороший день въ моей жизни, честно и хорошо прожитый! Это единственный день, о которомъ я вспоминаю съ чистою и искреннею радостью“...

Точно слышишь юношу со сверкающими глазами и пылающими щеками, рассказывающаго сраженія, гдѣ онъ съ товарищами отстаивалъ, среди ядеръ и штыковъ, одно изъ самыхъ крупныхъ дѣлъ своего народа.

## II.

Въ своей статьѣ: „Судьбы русскаго искусства“, Крамской говорить: „Когда всѣ наши просьбы были уже отданы, мы вышли изъ правленія, затѣмъ изъ стѣнъ академіи, и я почувствовалъ себя, наконецъ, на этой страшной свободѣ, къ которой мы всѣ такъ жадно стремились“. Что же стали дѣлать товарищи на этой свободѣ? Они прежде всего устроились. Но не врозь, не въ рассыпную, какъ прежде всегда бывало, какъ и впредь всегда будетъ съ юношами, покидающими воспитательное заведеніе, они устроились въ видѣ общезитія, въ видѣ артели. Въ 60-хъ годахъ форма эта была одною изъ самыхъ любимыхъ. Это была одна изъ тогдашнихъ многочисленныхъ пробъ новой жизни. „Художественная артель возникла сама собою, — говорилъ мнѣ Крамской въ одномъ письмѣ 1882 года, въ отвѣтъ на мои вопросы, когда я писалъ свою статью: „25 лѣтъ русскаго искусства“. — Обстоятельства такъ сложились, что форма взаимной по-

мощи сама собою навязывалась. Кто первый сказалъ слово? Кому принадлежалъ починъ? Право, не знаю. Въ нашихъ собраніяхъ, послѣ выхода изъ академіи въ 1863 году, забота другъ о другѣ была самою выдающеюся заботою. Это былъ чудесный моментъ въ жизни насъ всѣхъ“. Покинувшіе академію товарищи образовали нѣчто въ родѣ микроскопической „коммуны“, какъ тогда называли. Ихъ тогда завелось вдругъ очень много въ разныхъ краяхъ Россіи. Кажется, всего болѣе въ Петербургѣ. Мусоргскій, въ эти самые годы (начало 60-хъ годовъ), съ нѣсколькими пріятелями, молодыми пріятелями, какъ и онъ самъ, жилъ тоже въ „коммунѣ“. У членовъ артели квартира была общая, столъ общій, у каждого своя комната, гдѣ каждый занимался своимъ дѣломъ, но была еще одна общая комната, „нейтральная комната“, куда всѣ сходились вечеромъ для общей бесѣды, для преній, для музыки, для чтенія, для приѣма гостей. Всѣ работали цѣлой компаніей, разомъ, брали заказы вмѣстѣ—всякій день былъ особый дежурный, принимавшій заказы на иконостасы, портреты, вообще какою бы то ни было живопись, и потомъ на общемъ совѣтѣ распредѣляли кому чтѣ дѣлать. „Я понималъ отлично и тогда,— писалъ мнѣ Крамской 21-го іюля 1886 года,— что то, чтѣ возникаетъ, не даетъ художнику возможности развитія. Но тогда необходимо было прежде всего ѣсть, питаться, такъ какъ у всѣхъ 14-ти человекъ было два стула и одинъ трехногій столъ“... Но какъ поступали при этомъ, какъ высоко держали себя товарищи, если не всѣ, то нѣкоторые, мы можемъ теперь судить вотъ по какимъ подробностямъ. Еще будучи ученикомъ академіи, въ 1863 году, Крамской сдѣлалъ (рассказываетъ онъ самъ въ „Автобіографіи“) около 50 рисунковъ для купола въ храмѣ Спаса въ Москвѣ, своему профессору Маркову, и 8 картоновъ въ натуральную величину; потомъ, уже по выходѣ изъ академіи, черезъ 1<sup>1</sup>/<sub>2</sub> года, писалъ и самый куполъ. Продолженіе этого мы находимъ въ письмѣ къ П. М. Третьякову 29 декабря 1879 года: „...Получаю кушъ за куполъ въ храмѣ Христа Спасителя, и заранѣе предлагаю раздѣлить его и артели, и товарищамъ: дѣлаю заказъ этотъ „общественнымъ“ (а съ „общественныхъ заказовъ“ положено было вносить 25<sup>0</sup>/<sub>100</sub> въ кассу), и такимъ образомъ изъ 16.000 всего на мою долю приходится 4.000—за годичный трудъ, и, послѣ года работы, немного болѣе 1.000 рублей въ остаткѣ. А, хорошъ? Не глупо это?“ Нѣтъ, не глупо это было, отвѣтили бы мы теперь; это свидѣтельствуетъ только, какъ тогда высоко настроена была артель, какой юношескій энтузіазмъ благородства и самоотверженія царствовалъ тогда среди этихъ юношей-

бднѣяковъ, и какимъ высокимъ полетомъ летѣла ихъ мысль. Много ли было тогда между ними такихъ Крамскихъ—не знаю. Но самъ онъ горѣлъ пламеннымъ огнемъ, онъ полною былъ силъ и надежды, онъ вѣрилъ въ себя, онъ надѣялся на несокрушимость свою, точно онъ былъ одѣтъ въ какую-то кольчугу, которую не беретъ ни штыкъ, ни пуля. „Я тотъ ли человекъ,—пишетъ онъ въ томъ же письмѣ къ П. М. Третьякову,—которому надо придти на помощь?.. отвѣчаю: нѣтъ! Я изъ породы Верещагинныхъ. Во мнѣ сидитъ великая гордость и самоувѣренность; я думалъ и (къ сожалѣнію) продолжаю думать, что я какъ-нибудь управлюсь самъ. А не управлюсь—туда и дорога! Еще будучи ученикомъ (это было въ 1863 году, незадолго до выхода изъ академіи), я не побоялся жениться, размышляя: человекъ выше обстоятельствъ! Человекъ самъ создаетъ себѣ обстоятельства! *Мнѣ*—надо учиться, *мнѣ*—надо еще работать какъ гимназисту, а я обзавожусь семьей, дѣтьми! Вы думаете, я все это продѣлывалъ безсознательно, не понимая, по глупости и молодости, что можетъ встрѣтиться? Нѣтъ, я гордо мечталъ, что я все сдѣлаю, что *все въ моей власти!*..“ По счастью, съ женитьбой Крамской не ошибся. „Не знаю отчего,—говоритъ онъ П. М. Третьякову въ письмѣ 12-го января 1883 года,—мнѣ тогда казалось, что, чтобы идти впередъ, нужно жениться. Кромѣ того, я и тогда понималъ, хотя мнѣ было всего 25 лѣтъ, что женитьба—это лотерейный билетъ (и одинъ) на выигрышъ въ 200.000, особенно художнику. Не знаю также отчего—я угадалъ человека, но угадалъ его. Потому что во всѣхъ критическихъ случаяхъ жизни, когда человекъ и сдается, этотъ человекъ *все* приносилъ въ жертву, если по моему мнѣнію мое искусство того требовало“...

Послѣ выхода изъ академіи, Крамской довольно долго ничѣмъ выдающимся не проявилъ себя для лассы публики. Его имя оставалось совершенно неизвѣстнымъ для всѣхъ до самаго почти конца 60-хъ годовъ. Хорошо знали его одни товарищи. Въ артели его глубоко уважали; тамъ онъ игралъ очень крупную, даже почти преобладающую роль, тамъ всѣ чувствовали его силу, способности, умъ, его характеръ вождя и направителя. Такого товарища всегда глубоко цѣнятъ и уважаютъ окружающая его молодежь. Въ артели, Крамской былъ извѣстенъ какъ одинъ изъ самыхъ отличныхъ нашихъ рисовальщиковъ, и когда, въ 1864 году, дѣло зашло о продолженіи изданія картинной галлерей графа С. Г. Строганова (начато было это изданіе еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія), то секретарь общества поощренія художниковъ, Д. В. Григоровичъ, указывалъ на Крамского какъ на того молодого худож-

ника, изъ начинающихъ, но вполнѣ уже надежнаго, которому надо поручить исполненіе, для гравера, рисунковъ съ самыхъ трудныхъ, самыхъ важныхъ и талантливыхъ картинъ галлерей. Такъ ему поручили знаменитую картину Леонардо Винчи и нѣсколько другихъ (см. „Отчетъ общества поощренія художниковъ“ за 1864 г.). Крамской участвовалъ въ это время также въ разныхъ „общественныхъ“ работахъ артели, но нигдѣ не выразилъ того выдающагося и самобытнаго дарованія, которое носилъ въ себѣ. Еще время не пришло, оно не опредѣлилось еще явственно для него самого.

Но онъ съ первыхъ же шаговъ предался съ жаромъ той дѣятельности, которая составляла глубокую потребность его натуры. Это была дѣятельность педагогическая. Я приводилъ уже слова одного его письма, гдѣ онъ говорилъ: „Мальчишка и щенокъ, я инстинктомъ чувствовалъ, какъ бы слѣдовало *учиться*, и какъ слѣдуетъ *учить*“. Пока онъ былъ въ академіи, онъ не переставалъ учить самъ себя, но также училъ и другихъ. По разсказу М. Б. Тулинова, Крамской, тотчасъ по полученіи 2-й серебряной медали, сталъ собирать у себя товарищей. „Началась новая жизнь, какъ для Ивана Николаевича, такъ и для многихъ изъ его товарищей. Собирались почти каждый день, послѣ вечернихъ классовъ академіи. Онъ установилъ программу. Одинъ изъ товарищей долженъ былъ, по очереди, читать что-либо изъ лучшихъ произведеній тогдашней литературы, другіе рисовали. На этихъ-то вечерахъ Крамской выработалъ своеобразный методъ работать портреты, въ натуральную величину, въ нѣсколько часовъ, карандашомъ, „соусомъ“<sup>1)</sup>, растушкой и бѣлилами. И въ академіи тоже появились рисунки, исполненные, вмѣсто прежняго рутиннаго „Жульеновскаго способа, по болѣе скорому и упрощенному способу Крамского“... Въ своихъ разговорахъ, спорахъ, Крамской многому другому еще училъ своихъ товарищей. „Въ маленькой квартирѣ Крамского,—прибавляетъ М. Б. Тулиновъ,—вырабатывалась какъ бы новая русская академія“...

Послѣ выхода изъ академіи, онъ съ жаромъ принялся учить и другихъ, кромѣ товарищей. Первую оказію къ тому представила ему школа общества поощренія художниковъ. Его, какъ отличнаго ученика академіи, пригласили туда съ нѣсколькими другими товарищами, еще въ то время, когда онъ не выходилъ изъ академіи, и въ этой школѣ онъ преподавалъ въ продолженіе

<sup>1)</sup> Мокрый соус—составъ изъ сажи и воды, которымъ, въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, Крамской любилъ исполнять свои рисунки.



почти всѣхъ 60-хъ годовъ, отъ 62-го по конецъ 68-го года. Но пова его товарищи вели дѣло, хотя, можетъ быть, и недурно, но ordinarily, Крамской повелъ его по-своему, по-новому, самостоятельно и оригинально, и потому тотчасъ же выдѣлился изъ среды всѣхъ остальныхъ преподавателей, своихъ товарищей и сверстниковъ. Онъ только къ одному стремился, только однимъ желаніемъ наполнялся: объяснять, растолковывать. И тотчасъ онъ привлекъ къ себѣ всю толпу учениковъ и ученицъ. Одна изъ этихъ послѣднихъ, Е. П. Михальцева, рассказываетъ: „Нѣкоторые изъ насъ, въ старшемъ женскомъ отдѣленіи, считали себя уже достаточно подготовленными, выставляли свои опыты на выставку. Но, со вступленіемъ Крамского, намъ пришлось горько разочароваться. Онъ принялъ подъ свое руководство натурный классъ въ школѣ. Первое, на что онъ обратилъ вниманіе, это было полное незнаніе нами рисунка. Подъ его строгимъ, дѣльнымъ и систематическимъ руководствомъ, мы принялись изучать рисунки; многія изъ насъ, позабывъ самолюбіе, спустились назадъ въ гипсовый классъ. Онъ прочелъ намъ краткій курсъ анатоміи: это было нововведеніе. Онъ трудился съ нами, не жалѣя силъ. Пока онъ поправлялъ рисунокъ одной ученицы, всѣ остальные стояли кругомъ, потому что каждой хотѣлось слышать любопытныя и важныя намъ всѣмъ поясненія его. Онъ всегда особенно интересовался нашими домашними и лѣтними работами. Въ классѣ онъ заставлялъ насъ отдавать себѣ ясный отчетъ въ каждой проведенной чертѣ, и наглядно объяснялъ формы, самъ ихъ рисуя тутъ же, отдѣльными частями. Иногда заставлялъ насъ рисовать головы въ контурахъ, наизусть, чтобъ укрѣплять ихъ въ памяти. Впослѣдствіи мы стали просить позволенія имѣть въ школѣ отдѣльные часы для рисованія полной человѣческой фигуры (женской) натуры. Крамской также очень этому сочувствовалъ. Но разрѣшенія намъ не вышло. Тогда онъ предложилъ намъ устроить этотъ классъ у нихъ въ артели—но мы не рѣшились. Въ это же время бывали въ нашемъ кружкѣ домашніе рисовальныя вечера, у каждой изъ насъ по очереди. Тутъ мы или сами позировали въ разныхъ костюмахъ, или приглашали постороннихъ, взрослыхъ и дѣтей. Къ намъ пріѣзжали на такіе вечера и наши учителя, Бейдеманъ, Кѣлеръ, Морозовъ, позже М. П. Клодтъ, Корзухинъ и Крамской. Послѣдніе двое рисовали между нами. Крамской, по-товарищески, самъ оживленно бесѣдовалъ съ нами. Мы готовили также небольшіе переводы изъ иностранныхъ статей о живописи, у насъ происходили оживлен-

ные споры. Вечера эти возбуждали въ насъ энергію и сильное желаніе заниматься“.

Нѣсколько другихъ чертъ еще прибавляютъ къ этой картинѣ воспоминанія о Крамскомъ другой его ученицы той же школы и того же времени, Э. К. Гаугеръ. Она считаетъ истинно счастливымъ временемъ въ рисовальной школѣ тѣ годы, когда Крамской былъ ихъ учителемъ. „Кромѣ классныхъ дней, мы еще одинъ годъ собирались въ рисовальной школѣ по воскресеньямъ, здѣсь устраивались для насъ художественные вечера. Приглашались да- ровитые художники, которые рисовали при насъ, а И. Н. Крамской сидѣлъ между нами и рисовалъ „мокрымъ соусомъ“ съ красиво освѣщенной натуры... Мы также дѣлали переводы съ иностранныхъ языковъ художественныхъ статей и извлеченія изъ сочиненій. Когда они читались при всѣхъ, я помню, Крамской внимательнѣе всѣхъ прислушивался къ тому, что читалось. А когда мы просили Ив. Ник. пріѣхать посмотрѣть наши домашнія работы, то онъ никогда не отказывался и всегда такъ умно и краснорѣчиво разъяснялъ намъ всѣ наши художественныя сомнѣнія! Когда въ артели художниковъ устроились четверговыя собранія, мы тоже стали бывать тамъ. Художники приносили чудные альбомы и рисунки; мы всѣ вмѣстѣ разбирали ихъ. Крамской былъ и тутъ всегда для насъ добрымъ товарищемъ и учителемъ“... Женское художественное образованіе было еще новостью въ Россіи, и, само собою разумѣется, нельзя было бы ожидать, чтобы изъ числа этихъ 40 женщинъ, начавшихъ еще такъ недавно учиться живописи и скульптурѣ, тотчасъ стали выходить крупныя таланты, высокіе художники—вспомнимъ, сколько времени прошло у насъ раньше, чѣмъ изъ числа многихъ сотенъ русскихъ мужчинъ, занимавшихся искусствомъ, безъ всякихъ ограниченій, безъ всякихъ помѣхъ и, напротивъ, при всевозможной помощи и льготахъ, стали являться истинные крупныя таланты. Въ остальной Европѣ примѣры великихъ женскихъ талантовъ по части искусства даже и до сихъ поръ рѣдки—такъ еще туго уничтожаются прежнія привычки и привилегированное положеніе мужчинъ—насколько же уничтоженіе предрасудковъ труднѣе у насъ? И все-таки изъ школы общества поощренія художествъ вышло не мало женщинъ, полныхъ истинныхъ понятій о художествѣ, иногда становившихся хорошими, почтенными художественными дѣятелями, а иногда дѣлавшихся хорошими учительницами рисованія въ гимназіяхъ и школахъ,—пропагандистками добрыхъ началъ искусства. Въ образованіи этихъ почтенныхъ, бесконечно полезныхъ дѣятелей всего болѣе участвовалъ Крам-

свой. Но изъ числа молодыхъ женщинъ, на которыхъ онъ оказалъ такое благодѣтельное вліяніе, выходили иногда и художницы, которыхъ произведенія занимаютъ видное мѣсто въ ряду созданий новаго русскаго искусства. Такова, наприм., Е. М. Бемъ, пользующаяся широкою извѣстностью не только у насъ, но и въ остальной Европѣ и даже въ Америкѣ, за свои граціозныя и изящныя серіи картинокъ-силуэтовъ. Она говоритъ: „Самыя отрадныя воспоминанія останутся у меня навсегда о Крамскомъ, и глубокая благодарность за ту пользу, которую онъ мнѣ принесъ. Если я хоть малость чтò понимаю въ рисункѣ, то обязана этимъ исключительно Крамскому. Послѣ же школы, когда я начала заниматься изданіемъ моихъ композицій, онъ всегда относился къ нимъ необыкновенно сочувственно, и всѣ онѣ прошли черезъ его цензуру“...

Въ мужскомъ отдѣленіи школы общества поощренія художниковъ Крамской велъ преподаваніе свое, конечно, на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, т.-е. болѣе всего исхвалъ просвѣтить голову учащагося, все ему растолковывать, объяснять, безъ высокомерія, безъ чванства, безъ недоступности, безъ „элевзинскихъ таинствъ“ (какъ съ нимъ самимъ было въ академіи). Значить, тотчасъ же плоды стали появляться самые благодатныя. Какъ училъ Крамской, какъ онъ воспитывалъ художественное чувство ученика, какъ онъ старался просвѣтить его и воспитать въ немъ разумъ, а не одну руку— всѣ узнаютъ, когда напечатываются воспоминанія Рѣпина, ученика Крамского въ той же школѣ. Рѣпину, пріѣхавшему въ Петербургъ какъ разъ въ 1864 году, было слишкомъ мало одного ученья въ академіи. Онъ сталъ ходить по воскресеньямъ въ классы рисовальной школы на биржѣ, скоро познакомился тутъ съ Крамскимъ и учился у него не только въ школѣ формальнымъ порядкомъ, но и въ частыхъ бесѣдахъ, разговорахъ на дому. Крамской отличилъ его тотчасъ же со всегдашнимъ проницательнымъ взглядомъ, приблизилъ его къ себѣ, словно товарища, а не ученика, и—былъ ему безконечно полезенъ. Рѣпинъ показывалъ ему не только всѣ свои рисунки, но всѣ первыя пробы своихъ композицій, и Крамской обсуждалъ въ нихъ тутъ, и каждую подробность, и все общее, съ такимъ тщаніемъ, съ такою любовью, какъ будто дѣло шло о созданіяхъ зрѣлаго мастера. Простота и душевность его обращенія дѣйствовали обаятельно. Рѣпинъ и любилъ, и уважалъ его отъ всей души. Онъ въ него вѣровалъ какъ въ истиннаго, единственнаго, самаго коренного своего художественнаго воспитателя. Крамской же ввелъ его почти тотчасъ же, даромъ что онъ былъ только ученикъ, и на четверговыя собранія

артели. Здѣсь было много талантливой, живой, умной молодежи, стремящейся къ свѣту, къ правдѣ въ искусствѣ, къ національности, къ обновленію искусства отъ прежней рутинѣ и преданія, но выше и свѣтлѣе всѣхъ сіялъ Крамской, какъ главный центръ, какъ самый глубокій и смѣлый мыслью. „Я не могу не уважать глубоко Крамского, — пишетъ мнѣ Рѣпинъ, — не только какъ чловека вообще и какъ художника, но и какъ учителя, принесшаго мнѣ громадную пользу и имѣвшаго большое вліяніе на мое развитіе“. Другой ученикъ Крамского, по рисовальной школѣ, былъ Н. А. Ярошенко, поступившій въ эту школу въ 1868 году. Онъ и на этого отличнаго художника повліялъ сильно. „Крамской былъ учитель истинно необыкновенный, — рассказывалъ мнѣ Н. А. Ярошенко: — его преподаваніе было не механическое, не шаблонное. Онъ болѣе всего старался проникнуть въ натуру каждаго отдѣльнаго ученика, и проникнуть, чего именно требовала натура каждаго“ ...

Какъ такое преподаваніе, какъ такое отношеніе къ учащейся молодежи было непохоже на то, какое до тѣхъ поръ получали наши художники въ первые годы своей юности! Крамской началъ новую эру художественной педагогики. Онъ былъ истинный сѣятель новаго художественнаго міра, онъ былъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ благотворныхъ дѣятелей великихъ 60-хъ годовъ Россіи. Онъ для нашего отечества — чловекъ истинно-историческій.

### III.

Съ 1868—9 годовъ начинается новый періодъ въ жизни Крамского. Въ 1868 году онъ выступаетъ передъ публикою съ самостоятельною художественною дѣятельностью — и тотчасъ становится извѣстенъ; въ этомъ же году онъ покидаетъ учительство въ рисовальной школѣ; въ этомъ то же году онъ знакомится съ пейзажистомъ Васильевымъ, еще юношей, но уже высовимъ художникомъ; въ 1869 году онъ совершаетъ первое путешествіе свое за границу; наконецъ, съ этого же года начинается тотъ громадный рядъ его писемъ, которыя имѣютъ такое глубокое, такое на вѣки великое, ни съ чѣмъ несравненное значеніе для русскаго художника и русскаго искусства.

На академической выставкѣ 1868 года появилось нѣсколько портретовъ Крамского: Н. И. Второва и г-жи Шпереръ; на выставкѣ слѣдующаго года выставлены были портреты каранда-

помъ: К. К. Ланца, художниковъ И. И. Шишкина, А. И. Морозова; масляными красками портреты: М. Б. Тулинова (фотографа), жены кievскаго генераль-губернатора Е. Л. Васильчиковой, министра народнаго просвѣщенія Д. А. Толстого. За послѣдніе два портрета, уже сильно замѣчательные, академія художествъ предложила Крамскому званіе академика, и онъ его принялъ. Что лица высшей аристократіи заказывали ему тогда свои портреты, доказываетъ, что онъ уже входилъ въ моду и пользовался не малою репутаціею. Годы исканія, трудовъ, усилій, со времени выхода изъ академіи—не пропали даромъ.

Начинающаяся извѣстность сдѣлала то, что на Крамского посыпались работы; заниматься художественной педагогикой въ рисовальной школѣ не было уже времени, какъ она ни дорога была сердцу Крамского. Но, вмѣстѣ, начали понемножку увеличиваться и его матеріальныя средства, настолько, что ему сдѣлалось возможно предпринять путешествіе за границу. Итакъ, тотъ авантажъ, который могла дать большая золотая медаль въ 1863 году, осуществился 6 лѣтъ позже, въ 1869 году. Что-жъ! Отъ этого никакого проигрыша не произошло. Крамской не поѣхалъ на казенный счетъ за границу, а на свой собственный, и то же самое случилось съ большинствомъ его товарищей по „протестантству“ 1863 года. Отсрочка не имѣла никакихъ дурныхъ послѣдствій. И, наконецъ, не лучше ли всегда, для какаго бы то ни было своего собственнаго дѣла, заработать свои собственные деньги, чѣмъ ожидать ихъ со стороны, быть кому-то обязаннымъ, а значить, и въ зависимости?

Но прежде, чѣмъ говорить о путешествіи и заграничныхъ впечатлѣніяхъ Крамского, мнѣ надо остановиться на одномъ событіи того времени, игравшемъ въ жизни Крамского огромную роль. Это—знакомство его съ пейзажистомъ Фед. Алекс. Васильевымъ. „Я познакомился съ нимъ,—писалъ мнѣ Крамской черезъ нѣсколько дней послѣ его смерти, въ 1873 году,—въ исходѣ 1868 года, когда онъ только-что начиналъ заниматься искусствомъ. Съ первыхъ же дней нашего знакомства я убѣдился, что имѣю дѣло съ человѣкомъ крупнаго таланта. Въ продолженіе трехъ лѣтъ онъ успѣлъ, на моихъ глазахъ, развиться до той высоты, на которой онъ не только соперничалъ, но и превосходилъ многихъ опытныхъ художниковъ“... Васильевъ не былъ ни съ какой стороны обязанъ въ своемъ развитіи Крамскому. Но странно сказать: несмотря на большое разстояніе лѣтъ, младшій художникъ оказалъ вліяніе на старшаго, а не старшій на младшаго, какъ можно было бы ожидать и по всегдашнему порядку вещей

и судя по самостоятельной, уже прочно сложившейся (повидимому), независимой ни отъ кого натурѣ Крамского. И вотъ, именно невѣроятное-то и произошло. Молодой мальчикъ Васильевъ наложилъ глубокую свою печать на 30-лѣтняго Крамского.

„Чѣмъ больше я думаю о нашемъ сближеніи, — пишетъ Крамской Васильеву за немного недѣль до его смерти, 10 сентября 1873 года, — странности нашихъ встрѣчъ, о ихъ кратковременности, о силѣ впечатлѣнія, мною испытываемой, и, наконецъ, о глубокой чертѣ, которую вы успѣли провести въ моей жизни, тѣмъ болѣе я удивляюсь...“ Это относится не только къ художественному дѣлу, къ собственно-художественной teknikѣ, гдѣ Крамской, съ благороднымъ самоотверженіемъ, постоянно признавалъ гораздо болѣе таланта и способности у Васильева, чѣмъ у себя, но относится также и къ дѣятельности мысли, къ художественному интеллекту, пониманію, критикѣ.

„Въ 1870 году, — пишетъ Крамской Н. А. Александрову въ 1877 году, — Васильевъ съ Рѣпинымъ и Макаровымъ былъ на Волгѣ; по возвращеніи, я его почти не узналъ, до того въ какіе-нибудь 4 мѣсяца онъ выросъ и сложился, и лицомъ, и характеромъ. Успѣхи его въ это время были громадны... Въ рисованіи и живописи съ натуры онъ чрезвычайно быстро ориентировался; онъ почти сразу угадывалъ, какъ надо подойти къ предмету, что несущественно, и съ чего слѣдуетъ начать. Учился онъ такъ, что казалось, будто онъ живетъ въ другой разъ, и что ему остается что-то давно забытое только припоминать. Работалъ онъ страстно. Апатичность и разсѣянность не врывались къ нему въ то время, когда въ рукахъ былъ карандашъ, или вѣрнѣе — механически, безъ участія сердца, онъ работать не могъ. Васильевъ безъискусственно и просто подчинялся требованіямъ своей натуры. Это былъ чудесный аппаратъ — и только... Я думаю, Васильеву было суждено внести въ русскій пейзажъ то, чего этому послѣднему недоставало и недостаетъ: поэзии при натуральности исполненія...“ Самому Васильеву Крамской писала 28-го марта 1873 года: „Ваша картина „Оттепель“ — такая горячая, сильная, дерзкая, съ большимъ поэтическимъ содержаніемъ, и въ то же время юная, пробудившаяся къ жизни, требующая себѣ права гражданства между другими! И хотя она рѣшительно новая, но имѣетъ корни гдѣ-то далеко, на что-то похожа и, я готовъ былъ бы сказать, заимствованная, еслибы это была правда, но все-таки картина въ русскомъ искусствѣ имѣетъ видъ задатка. Настоящая картина („Крымскій берегъ“) — ни на что

уже не похожа, никому не подражаетъ, не имѣетъ ни малѣйшаго, даже отдаленнаго, сходства ни съ однимъ художникомъ, ни съ какой школой. Это что-то до такой степени самобытное и изолированное отъ всякихъ вліяній, стоящее внѣ всего теперешняго движенія искусства, что я могу только сказать одно: это еще не хорошо, т.-е. не вполне хорошо, даже мѣстами плохо, но это—геніально. Постойте, дайте мнѣ все сказать, выслушайте спокойно, не смѣйтесь надъ этимъ словомъ. Я знаю, что я говорю. Подумайте только, что я говорю подъ страшной отвѣтственностью и своей, и вашей совѣсти. Я могу увлекаться, мнѣ скажутъ. Нѣтъ, я уже выросъ, я уже могу себя отдавать отчетъ во всемъ, что я говорю, и если я что-либо рѣшаюсь говорить серьезно, то я имѣю причины въ тому. Кто изъ насъ ошибается—это покажетъ время...“ Вотъ какимъ художникомъ признавалъ Васильева Крамской. Но мало того, онъ какъ бы считалъ себя его ученикомъ. Въ томъ же письмѣ онъ ему говоритъ: „Ваша теперешняя картина меня раздавила окончательно. Я увидалъ, какъ надо писать. Какъ писать не надо, я давно зналъ, но еще собственно серьезно не работалъ до сихъ поръ. Но какъ писать надо — вы мнѣ открыли. Это такая страшная и изумительная техника на горахъ, на небѣ, на соснахъ и кое-гдѣ ближе, что я стыжусь, что мнѣ иногда нравилось. Да-съ, я теперь иначе примусь, и полагаю, что я васъ понялъ. Замѣчаете ли вы, что я ни слова не говорю о вашихъ краскахъ? Это потому, что ихъ нѣтъ въ картинѣ. Совсѣмъ, понимаете ли, совсѣмъ. Передо мной величественный видъ природы; я вижу лѣса, деревья, вижу облака, вижу камни, да еще не просто, а по нимъ ходитъ поэзія свѣта, какая-то торжественная тишина, что-то глубоко задумчивое, таинственное. Ну, кто же изъ смертныхъ можетъ видѣть какую-либо краску, какой-либо тонъ при этихъ условіяхъ?..“ Три года спустя, Крамской писалъ мнѣ изъ Парижа (9 іюля 1876 года): „...Сначала, давно, я думалъ формою, и только одною формою, все хотѣлось понять ее. Потомъ, недавно, сравнительно, началъ обращать вниманіе на краски, и теперь, только теперь, начинаю смеяться немножко, что за штука такая — живопись...“ Вотъ какое огромное вліяніе имѣлъ Васильевъ на Крамского. Ниже мы увидимъ, что, впоследствии, подобное же, но только еще болѣе сильное и глубокое впечатлѣніе произвелъ на него своею кистью, но вмѣстѣ и творчествомъ — Рѣпинъ.

Что касается художественнаго образа мыслей, взгляда на существующія художественныя произведенія, то и здѣсь Васильевъ оказалъ на Крамского большое вліяніе. Онъ научилъ его смѣлости

мысли, неробѣнію передъ авторитетами. Крамской и самъ по себѣ былъ къ этому расположенъ, но Васильевъ повелъ его еще дальше. „Съ перваго шага, когда я познакомился съ Васильевымъ,—пишетъ Крамской Н. А. Александрову 12-го августа 1877 года,—онъ меня поразилъ—и непріятно. Его манеры были самоувѣренны, безцеремонны и почти нахальны. Въ 17 лѣтъ онъ не отличался молчаливостью и скромностью. Это бѣда не большая, т.-е. это слишкомъ часто случается, чтобы на этомъ останавливаться; но у него эти манеры и тонъ лежали въ самой натурѣ. Первое впечатлѣніе быстро изгладилось, такъ какъ все это было чрезвычайно наивно, и показывало только, что у него были замашки, хватавшія очень далеко... Какъ-то въ обществѣ художниковъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ, шла рѣчь объ искусствѣ, разбирали русскихъ, хвалили иностранныхъ, а нѣкоторыхъ даже превозносили; передъ именами же Ахенбаха, Кнауса и нѣкоторыхъ другихъ, чуть не всѣ складывали оружіе. Одинъ Васильевъ не унимался; видно было, что грубыя его замѣчанія, какъ всѣмъ неизвѣстнаго выскочки, висѣли на волоскѣ; но это его ни капли не смущало, и онъ кончилъ тѣмъ, что обозвалъ всѣ свѣтила ни болѣе, ни менѣе, какъ рутинной. Сенсация полная“... Въ приведенномъ уже выше письмѣ 28-го марта 1873 года, Крамской говоритъ самому Васильеву въ глаза: „Я помню одинъ разговоръ, не помню лицъ, кто тутъ былъ, но ваши слова мнѣ памяты: говорили, разбирали и спорили о пейзажистахъ. Вы, со свойственною вамъ дерзостью, всѣхъ русскихъ пейзажистовъ услали въ каторгу, а объ Ахенбахѣ сказали, что только онъ одинъ еще какъ будто чего-то стоитъ, да и то, впрочемъ, ни онъ и никто другой изъ пейзажистовъ передъ натурой ни къ чорту не годятся. Умри вы на другой день послѣ того, что вы сказали, и никому бы не пришло въ голову, что вы правы“. Сильныя, самостоятельныя мысли, оригинальныя взгляды Васильева вначалѣ поразили Крамского, какъ дерзость, но потомъ онъ долженъ былъ признаться, что Васильевъ былъ—„правъ“. И почему онъ въ этомъ убѣдился? Потому, что сталъ сравнивать то, что исполняютъ художники, съ самою природою. При этомъ, вонечно, ему сильно помогли созданія самого Васильева, стремившіяся гораздо болѣе предшествовавшихъ ему пейзажистовъ приблизиться къ настоящей натурѣ. Такъ и во всемъ остальномъ въ дѣлѣ искусства. Крамской не остановился на безпощадно-строгомъ взглядѣ на однихъ только Ахенбаха, Кнауса и нѣкоторыхъ другихъ, немногихъ. Онъ сталъ вглядываться во *всѣхъ* художниковъ, во *всѣ* произведенія, не боясь уже никакихъ именъ и автори-



тетовъ, онъ сталъ смѣль, какъ самъ Васильевъ, который еще такъ недавно казался ему „дерзкимъ“, и уже немного лѣтъ спустя Крамской объявлялъ, что надо „пересмотрѣть“ всѣ прежнія художественныя мнѣнія и приговоры. Мы къ этому еще воротимся.

Крамской страстно любилъ Васильева, восхищался его созданиями и его натурой, какъ, можетъ быть, никто другой въ цѣлой Россіи, и вся обширная его переписка съ этимъ талантливымъ юношей свидѣтельствуетъ, какъ тотъ ему былъ дорогъ и незамѣнимъ. Онъ былъ неизсякаемъ въ нѣжныхъ заботахъ обо всемъ, что могло принести ему отраду, успокоеніе, что могло его развлечь или развеселить. Заботы эти, глубоко сердечныя, шли точно къ страстно любимому сыну и товарищу, въ минуты ужаса отъ приближающейся вѣчной разлуки. Незадолго до смерти Васильева, когда Крамскому, вмѣстѣ со всѣми было ясно, что трагическая катастрофа (отъ чахотки) неизбежна, гибель близка, онъ ему писалъ: „Мы недаромъ встрѣтились съ вами... За личной жизнью человѣка, какъ бы она ни была счастлива, начинается необозримое, безбрежное пространство жизни общечеловѣческой, и тамъ есть интересы, способные волновать сердце, кромѣ семейныхъ радостей и печалей, печальми и радостями гораздо болѣе глубокими, нежели обыкновенно думаютъ. Вы представляете для меня частичку этого необозримаго пространства, на васъ отдыхалъ мой мозгъ, когда я мысленно выпрывался за черту личной жизни; въ вашемъ умѣ, въ вашемъ сердцѣ, въ вашемъ талантѣ я видѣлъ присутствіе паэоса высокаго поэта, и, несмотря на молодость, встрѣчался съ задатками рѣшенія всѣхъ или по крайней мѣрѣ многихъ вопросовъ общечеловѣческаго интереса. Какъ мнѣ выразить печаль свою о судьбѣ нашихъ жизней!..“

Между тѣмъ какъ завязывалась и скрѣплялась такими неразрывными узами связь Крамского съ Васильевымъ,—онъ совершилъ первое свое путешествіе за границу. Это было лѣтомъ 1869 года. Путешествіе произвело на Крамского громадное впечатлѣніе, именно потому, что онъ былъ не начинающій юноша, робѣющій передъ знаменитостями и слѣпо покоряющійся авторитетамъ, а твердо сложившійся художникъ, много самъ работавшій, много видѣвшій, много мыслившій. Таковы бы, мнѣ кажется, должны были быть всѣ путешествія художниковъ. Посылать за границу незрѣлыхъ юношей, еще не думавшихъ или неспособныхъ размышлять и взвѣшивать—напрасный трудъ. Ихъ пребываніе за границей безцѣльно, а иногда и вредно. Исторія большинства русскихъ художниковъ это доказываетъ. Почти всѣ такъ-называемые „лучшіе“ между ними перебивали за границей, жили

тамъ по 5, по 6 лѣтъ, иногда и дольше, но изъ этого мало еще вышло и для нихъ, и для русскаго художества. Большинство ихъ только—обезличилось и обывностранилось. Лучшіе же, дѣйствительно „лучшіе“, тѣ, у которыхъ кромѣ таланта, есть еще и голова, способная размышлять (таковы, наприм., Перовъ, Рѣпинъ и другіе), скоро почувствовали, что ихъ напрасно посылали за границу на долгое постоянное житье — и скоро воротились назадъ.

Въ это первое свое путешествіе, Крамской могъ побывать только въ Берлинѣ, Дрезденѣ, Парижѣ и Вѣнѣ. Всѣ тогдашнія впечатлѣнія были таковы, что никогда потомъ не могли быть забыты, и Крамской постоянно ссылался на нихъ, въ продолженіе всей послѣдующей жизни своей. Спустя 7 лѣтъ, онъ мнѣ писалъ, по поводу моихъ статей: „Столицы Европы и ихъ архитектура“: „...Будучи за границей въ 1869 году, въ первый разъ, я вынесъ извѣстное впечатлѣніе и составилъ себѣ понятіе о Берлинѣ, Вѣнѣ и Парижѣ. О нѣкоторыхъ зданіяхъ мнѣ потомъ приходилось самому говорить и слышать чужія мнѣнія, а потомъ это нѣсколько забылось. Но вотъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, я встрѣчаю статьи: читаю первую, о Берлинѣ, и мнѣ стало просто смѣшно, до чего каждое ваше мнѣніе какъ будто подстроено воспроизводить въ моей памяти тѣ впечатлѣнія, которыя я когда-то испытывалъ, до мелочей! Напримѣръ, Берлинъ. Иду по одной улицѣ—скука, странно, не нужно... И вдругъ, около Тиръ-Гартена, направо и налево, вижу что-то интересное, какой-то новый мотивъ, что-то будто живое... но... при внимательномъ разсматриваніи, это почти живое остановилось на первой фразѣ, на одномъ узорѣ, и дальше не пошло. Потомъ читаю дальше, удивляюсь еще больше... да чтѣ же это значить? Неужели я понимаю архитектуру? Вѣдь вотъ, человѣкъ... говорить точь-въ-точь я... Мнѣ стало до крайности интересно знать, чтѣ же вы скажете о новой парижской Оперѣ, о которой такъ много говорено было когда-то. Когда я былъ въ Парижѣ, то мнѣ самому приходилось спорить и говорить и получить на свою долю нѣсколько снисходительныхъ улыбокъ—въ моему невѣжеству. Наконецъ, читаю о Парижѣ, и, о ужасъ! Точь-въ-точь. Даже именно я спорилъ тогда, что если откуда это зданіе имѣеть что-то оригинальное и интересное, то съ боковъ, если посмотрѣть нѣсколько сзади. А почему? Архитекторъ вынужденъ былъ принять въ своихъ расчетахъ законъ необходимости, и отсюда, независимо отъ его воли, можетъ быть, вышло зданіе, имѣющее характеръ и красоту...“ (Письмо изъ Рима, 4-го мая 1876 г.).

Въ Дрезденѣ произвела на Крамского потрясающее впечатлѣніе „Сивестинская Мадонна“ Рафаэля. Онъ написалъ о ней большое письмо въ женѣ своей. „Я ее, разумѣется, зналъ по копіямъ, фотографіямъ, гравюрамъ, какъ и весь свѣтъ ее знаетъ,— писалъ онъ 19-го ноября 1869 года,—и, несмотря на это, я ее видѣлъ въ первый разъ, т.-е. въ первый разъ въ томъ смыслѣ, что ни въ одной изъ копій нѣтъ ничего того, что есть въ подлинникѣ. Это, дѣйствительно, что-то почти невозможное... Мадонна Рафаэля—дѣйствительно произведеніе великое и дѣйствительно вѣчное, даже и тогда, когда человѣчество перестало бы вѣрить, когда научныя изысканія (насколько наука это сдѣлать въ силахъ) открываютъ дѣйствительныя историческія черты обоихъ этихъ лицъ (Матери и Сына). И тогда картина эта не потеряетъ цѣны... Тотъ же Рафаэль часто изображалъ Христа и изображалъ Его, пожалуй, не дурно, но онъ Его изображалъ со стороны миѣической, а потому всѣ его изображенія Христа нигуда не годятся теперь, когда фізіономія Христа становится человѣчеству понятна“... Впослѣдствіи, Крамской много разъ вспоминалъ свое первое впечатлѣніе, и всегда оставался ему вѣренъ.

Парижъ мало понравился Крамскому, хотя и поражалъ колоссальностью размѣровъ, жизни, содержанія. „Вотъ онъ, думалъ я (глядя съ высоты Триумфальной арки de l'Etoile), городъ въ 1½ милліона жителей народа, городъ славный настолько же великими дѣлами, насколько и развратомъ, и въ настоящее время не производящій ничего, по крайней мѣрѣ въ живописи, великаго. Правда, много вещей замѣчательныхъ по живописи, по колориту, но мало, почти совсѣмъ нѣтъ вещей, трогających сердце. Однимъ словомъ, городъ шумный, веселый, трескучій, городъ вина и женщинъ, вотъ онъ лежитъ у моихъ ногъ... И мнѣ такъ стало грустно, такая тоска на меня напала“... (Письмо въ женѣ изъ Парижа 4-го декабря 1869 года). Эти самыя мысли и ощущенія много разъ потомъ высказаны, иногда съ еще большей силой, съ несравненно болѣе многочисленными подробностями, въ письмахъ Крамского послѣдующихъ годовъ (о нихъ будетъ у меня еще рѣчь ниже), но главное впечатлѣніе осталось навсегда то же самое.

Но самое глубокое впечатлѣніе, произведенное на Крамского въ эту поѣздку, было впечатлѣніе отъ знаменитой древней статуи „Венера Милосская“, въ Парижѣ. Въ письмѣ къ И. Е. Рѣпину, тогда находившемуся въ Парижѣ, Крамской пишетъ, 15-го ноября 1873 года: „Мнѣ бы хотѣлось услышать отъ васъ кое-что о Венерѣ Милосской. Вѣдь вотъ какъ странно выходитъ: тутъ щемитъ сердце отъ разныхъ проклятыхъ современныхъ вопросовъ,

отъ самыхъ свѣжихъ жизненныхъ волненій сегодняшняго дня, а онъ — о Венерѣ Милосской!.. Дѣло въ томъ, что мнѣ сдается, будто особа эта есть нѣчто такое, чему равнаго я указать не могу ни на что. Это—богиня настоящая, и въ то же время реальнѣйшая женщина. Не знаю, что вы скажете, и такъ ли это, но впечатлѣнїе этой статуи лежитъ у меня такъ глубоко, такъ покойно, такъ успокоительно свѣтитъ черезъ всѣ томительныя и безотрадныя наслоенія моей жизни, что всякій разъ, какъ образъ ея встанетъ передо мной, я начинаю опять юношески вѣрить въ счастливый исходъ судьбы человѣчества. Вотъ какой высокій слогъ! А вѣдь я, право, старался связать, что думаю и чувствую. Не шутя, ни одно произведеніе такъ высоко на меня не дѣйствовало, а оно, какъ вамъ извѣстно, только *красота*, и ничего больше, да еще женская красота; а вѣдь у меня относительно этого кровь рыба... Я многое почти забылъ уже, что видѣлъ, а эта—какъ теперь стоитъ передо мною живая, и я смотрю на нее, вижу всю до мельчайшихъ подробностей, вижу даже, какъ она дышетъ. Впечатлѣнїе не потускло и не ослабло. Любопытно...”

Наконецъ, еще одно поразительное и неизгладимое впечатлѣнїе первой поѣздки Крамского—это картины Веласкеца. По его словамъ, онъ — „идолопоклонничаетъ передъ Веласкецомъ“, ему онъ посвящаетъ много мѣста въ своихъ письмахъ. „Все передъ нимъ и мелко, и блѣдно, и ничтожно,—писалъ мнѣ Крамской 9-го іюля 1876 года изъ Парижа:—Этотъ человѣкъ работалъ не красками и кистями, а нервами. Для меня никакихъ объясненій не нужно, я слышу говорящаго Веласкеца, и самымъ краснорѣчивымъ языкомъ; это — уничтожающее, другихъ выраженій не знаю. Это перестаетъ быть возможнымъ. Давно уже, еще въ 69-мъ году, въ бытность свою за границей, я его особенно полюбилъ и выдѣлилъ изъ всѣхъ“...

Таковы были главныя впечатлѣнїя путешествія. Крамской вѣздилъ въ чужіе края не понапрасну.

В. Стасовъ.



---

# СТИХОТВОРЕНІЯ

---

## I.

Другъ мой! прежде, какъ и нынѣ,  
Адониса отпѣвали.  
Стонъ и вопль стоялъ въ пустынѣ,  
Жены скорбныя рыдали.

Другъ мой! прежде, какъ и нынѣ,  
Адонисъ вставалъ изъ гроба,  
Не страшна его святынѣ  
Вражыхъ силъ слѣпая злоба.

Другъ мой! нынѣ, какъ бывало,  
Мы любовь свою отпѣли,  
А вдали зарею алой  
Вновь лучи ея зардѣли.

---

## II.

Бѣдный другъ, истомилъ тебя путь,  
И усталыя ноги болятъ.  
Ты войди же ко мнѣ отдохнуть.  
Потускнѣль, догорая, закатъ.

Гдѣ была и отбуда идешь,  
Бѣдный другъ, не спрошу я, любя;  
Только имя мое назовешь—  
Молча къ сердцу прижму я тебя.

Смерть и Время царятъ на землѣ,—  
Ты владыками ихъ не зови;  
Все, кружась, исчезаетъ во мглѣ,  
Неподвижно лишь солнце любви.

Владимиръ Соловьевъ.



---

# АНГЛИЧАНЕ ВЪ БИРМѢ

Изъ путевыхъ впечатлѣній.

---

Soulst damn your souls!  
Make tobacco.

## I.

Отъ Лондона до Рангуна много тысячъ верстъ... Путь, безъ сомнѣнія, далекій; но по торной дорогѣ; еженедѣльно по ней ѣздятъ сотни и тысячи людей; путешествіе—въ наши дни самое ординарное и даже скучное, безъ всякихъ опасностей и сенсационныхъ происшествій; путешественнику не приходится даже рассчитывать на развлечения въ видѣ разныхъ неожиданностей, хотя бы, напр., запаздыванія или какихъ-нибудь фантастическихъ путевыхъ приключеній, знакомыхъ русскому у себя дома. Почтовый пароходъ доставитъ его въ обѣщанный день и часъ, нигдѣ не запоздаетъ; путникъ знаетъ это заранѣе, и, уже садясь въ вагонъ на чарингъ-кросской станціи или, вступая на пароходъ въ Бриндизи, онъ можетъ назначать день и часъ свиданія, гдѣ-нибудь въ Молмейнѣ, Гонгъ-Конгѣ, или даже, пожалуй, въ портѣ Гамильтонѣ.

Путь отъ Лондона черезъ Средиземное море, на Гибралтаръ и Мальту до Александріи, оттуда на Суэцъ, Аденъ, Коломбо Сингапуръ, Гонгъ-Конгъ и т. д. до порта Гамильтонъ, по преимуществу, англійскій. На всемъ этомъ пути англичанинъ чувствуетъ себя дома: онъ всюду въ мѣстахъ остановокъ слышитъ родную рѣчь, живетъ тамъ по народному обычаю, читаетъ свои газеты, находитъ свои книги, встрѣчаетъ даже своихъ клержимэновъ, и если онъ религіозенъ, то можетъ и помолиться въ

воскресный день въ своей церкви. Когда подумать, что не только на пути въ Азію, но и въ Канадѣ, въ Австрали, въ Океаніи, на югѣ Африки, британца встрѣчаютъ тѣ же явленія, то дѣйствительно придется сознаться, что исторія не запомнить такого міровластительства, и никто не удивится, что на этой міровой большой дорогѣ онъ встрѣчаетъ англичанъ, объѣхавшихъ полъ-міра и ни разу не переступавшихъ за предѣлы того громаднаго пространства, которое не безъ гордости и нѣкотораго самохвальства называется ими British Realm или Pax Britannica. Тамъ еще попадаются, и они любопытны. Они поражаютъ всѣмъ: своеобразнымъ костюмомъ и ясно-выраженнымъ сознаниемъ національнаго достоинства и превосходства. Обыкновенно они не говорятъ ни на одномъ чужеземномъ языкѣ, и удивляются, если гдѣ-нибудь на перепутьи ихъ рѣчи туземцы не понимаютъ; они способны негодовать, и совершенно искренно, если какой-нибудь французскій пароходъ обгонитъ британскій почтовый. Многие изъ нихъ съ дѣтства ѣзжали по этому пути и отъ молодыхъ ногтей привыкли смотрѣть на свою націю какъ на властительницу міра; обыкновенно они твердо знаютъ родную старину, и хорошо помнятъ, какъ въ послѣднія сорокъ лѣтъ росла и ползла во всѣ стороны Великая Британія.

Да! это курьезный людъ, и знакомиться съ этою британскою „солю земли“ приходится на порогѣ въ тотъ старый міръ, гдѣ теперь царства рассыпаются, вѣковыя основы прежней жизни распатываются и колеблются, и горсть европейцевъ расчищаетъ почву подъ рассаду западной цивилизаціи.

Или же ихъ встрѣчаешь на чужбинѣ, когда они ѣдутъ изъ метрополи съ особеннымъ поѣздомъ—въ Бриндизи, откуда еже-недѣльно отходить британскій караванъ на востокъ.

„Les voyageurs des Indes“—такъ ихъ именуютъ; но они ѣдутъ не только въ Индію, а во всѣ страны и углы, гдѣ развѣвается флагъ ея британскаго величества. Это ѣдутъ власти мировой торговли, тѣ, чьи интересы всюду, гдѣ золото и добыча.

Англичане бываютъ учтивы, но почти всегда жестки въ обращеніи; на этомъ же пути, особенно въ Италиі, они въ своемъ величіи, въ сознаниі своего матеріальнаго господства—нестерпимы. Для нихъ все устроено на этомъ пути, и за все они платятъ въ три-дорога, но не даютъ деньги, а швыряютъ ихъ. И кондукторъ для нихъ выучился по-англійски, и трактирщикъ для нихъ изготовилъ ростбифъ и сдѣлалъ запасъ элю... Но ихъ не ублаговторишь; вмѣсто спасибо, при общемъ хохотѣ, въ видѣ остроты



кто-нибудь крикнетъ кондуктору: „бабу!“ — а для всѣхъ трактирщиковъ одна кличка: „damned beggars“.

Да, англичане бывають вѣжливы, но весьма рѣдко любезны къ иностранцамъ. Англичане, мало образованные, худо воспитанные, въ сношеніяхъ съ чужеземцами просто невыносимы. И такихъ англичанъ — и въ Индіи, и всюду въ колоніяхъ, многое множество: молодые военные, *le bétail de l'administration*, кочующій и торгующій людъ и т. д. Весь этотъ худовоспитанный народъ преисполненъ самыхъ преувеличенныхъ мнѣній о силѣ и доблестяхъ Великой Британіи, а потому самому въ сильной степени зараженъ шовинизмомъ, конечно болѣе на словахъ. Практическій англичанинъ не прочь забирать страны, но безъ тратъ и новыхъ налоговъ. Это — смѣльчаки изъ того класса міродержавнаго народа, который всюду, гдѣ пускаетъ корни, съ неподражаемымъ мастерствомъ въ короткое время своимъ обращеніемъ умѣетъ вселять въ туземномъ населеніи непримиримую къ себѣ ненависть. Это — тѣ люди, что строятъ дороги, заводятъ правый судъ, бани и т. д., быстро создадутъ обстановку цивилизованной жизни, все то, что пужно имъ самимъ, а не туземцу, и затѣмъ, устроивъ все это, они наивно убѣждены, что ихъ обязанности къ забранному краю исчерпаны; они полагаютъ, что сдѣлали все, и считаютъ, что видѣть въ покоренномъ равнаго себѣ, быть съ нимъ на равной ногѣ — просто-на-просто глупая сентиментальность. Многіе изъ нихъ и не догадываются о томъ, что никакія блага культуры не искупаютъ соціальной неправды.

## II.

Я поѣхалъ въ Бирму до присоединенія ея сѣверной независимой части къ британской имперіи; но война тамъ уже началась, и грядущія судьбы независимаго царства уже были предопредѣлены въ совѣтѣ власть имущихъ въ Калькуттѣ и въ Лондонѣ. Дни независимости Бирмы были сочтены; никто и въ Индіи, и въ Англіи въ томъ не сомнѣвался!

На четвертый день послѣ того, какъ я оставилъ старый арійскій міръ въ Калькуттѣ, почтовый пароходъ достигъ своего назначенія, т. е. Рангуна.

Рангунъ — это врата въ иной міръ, не-арійскій. Здѣсь и рѣчь у людей иная, не-родственная индійской, и обликъ другой, и нарядъ свой; даже природа кругомъ напоминаетъ Индію развѣ только температурою... Это тотъ міръ, которому европейскіе этно-

графы придумали особливую и не совсѣмъ понятную кличку — Индо-Китай. Здѣсь, въ этихъ плодородныхъ дельтахъ, въ цѣв-тущихъ долинахъ великихъ рѣкъ, задолго до появленія запад-ныхъ авантюристовъ и культуртрегеровъ, дѣйствительно, сходи-лись двѣ старинныя культуры: китайская и индійская. Какъ только вступишь на берегъ, эта двойственная старина страны прямо бросается въ глаза: дома и храмы, всѣ постройки, эти высокія, пестро разукрашенные рѣзбою, раскрашенные и раззолоченныя крыши напоминаютъ ящики китайской работы; но въ этихъ хра-махъ молятся индійскому мудрецу, и народъ по сіе время твер-дить молитвы на индійскомъ языкѣ.

Но все это остатки и слѣды старины давней, а Рангунъ — городъ новый, и своими новшествами онъ всего болѣе поражаетъ. Онъ поражаетъ тѣмъ же, что бьетъ и бросается въ глаза во всѣхъ большихъ азіатскихъ и въ особенности индійскихъ горо-дахъ, выросшихъ въ пунятахъ, гдѣ скрещиваются нѣсколько мі-ровыхъ путей и гдѣ, кромѣ того, крѣпко засѣлъ хозяинъ-англи-чанинъ. Новый Рангунъ, по своему характеру, напоминаетъ Бомбей или Галле на Цейлонѣ. Здѣсь приходится узнавать страну съ казо-выхъ концовъ, и первое впечатлѣніе обыкновенно бываетъ сильно, но не вполне вѣрно. Первое впечатлѣніе говорить о мощи евро-пейскаго вліянія на туземную жизнь и людей; взоръ всюду встрѣчаетъ не только вторженіе, но какъ будто и владительство европейской цивилизаціи: въ европейскихъ караванъ-сараяхъ путе-шественникъ находитъ комфортъ и всѣ условія цивилизованной жизни. Кругомъ—дома европейской архитектуры, лавки съ при-возными, европейскими товарами. На сотни или даже тысячи миль, какъ въ Индіи, тянутся усовершенствованные пути сообще-нія. Въ самомъ городѣ конныя или паровыя ж. д., какъ въ Рангунѣ, связываютъ окраины съ центромъ; на улицахъ, про-даются №№ мѣстныхъ газетъ на языкахъ туземныхъ и на англий-скомъ. Среди туземцевъ вы слышите только английскую рѣчь; весьма часто они говорятъ по-английски не только съ европей-цами, но и между собою; вамъ попадаются воспитанники школъ и колледжей съ английскими книжками и газетами въ рукахъ; заговорите съ ними—они вамъ сообщать послѣднія новости о вопросахъ дня въ Европѣ; они читаютъ „Times“, а всего чаще радикальныя английскія газеты. Словомъ, на каждомъ шагу взору путешественника представляются проявленія западной, цивилизо-ванной жизни; ему остается только удивляться тому, какъ это все быстро здѣсь привилось... Да, именно, привилось, но не успѣло еще пустить корней. Все это только казовое, привнесено на

востокъ и пока существуетъ исключительно для тѣхъ, кто здѣсь властвуетъ теперь. Сущности восточной жизни всѣ новшества западнаго человѣка пока лишь коснулись, но не успѣли еще ее измѣнить. Взгляните туда, гдѣ народъ предоставленъ самъ себѣ, и вы убѣдитесь, что онъ живетъ своею жизнью бокъ-о-бокъ съ жизнью цивилизованною своихъ властителей. Пойдемте къ святынь рангунской, пойдемте поглядѣть на вѣрующій людъ, кругомъ золотого храма. А культурный человѣкъ съ запада—заводить здѣсь желѣзныя дороги, строить мосты, проводить каналы и т. д. Правда, все это создается на деньги туземца, и туземецъ всѣмъ этимъ пользуется; онъ даетъ деньги на это, если хозяинъ прикажетъ, но добровольно раскошелявается совсѣмъ на другое... Культурный человѣкъ не отнял у него еще вполне вѣры; онъ еще умѣетъ молиться съ вѣрою, съ дѣтскимъ простодушіемъ расцѣловать святыя слова, и свои деньги добровольно, не по принужденію, несутъ въ храмъ. Въ годы бѣдствій, войны, разбойничьихъ злыхъ продѣлокъ, частными лицами въ одинъ мѣсяцъ, въ одномъ Рангунѣ, было выдано на построение храмовъ, часовенъ, пятьдесятъ слишкомъ тысячъ рупій. Эти цифры несомнѣнно вѣрны, потому что были опубликованы въ официальной газетѣ.

Итакъ, пойдемте къ святынь, посмотримъ, опустѣла ли она? Паровикъ подвезетъ къ самымъ предверіямъ храма. Золотая макушка высоко, высоко сіяетъ надъ городомъ; съ какой бы стороны ни подѣзжали къ Рангуну, золотой ступы нельзя не замѣтить: она имѣетъ въ высоту триста-двадцать-одинъ футъ и стоитъ на холмѣ (166 ф.). Высокая каменная лѣстница подъ рѣзною и разукрашенною крышею проводитъ васъ на верхнюю площадку холма, и здѣсь, среди массы часовенъ, страннопримныхъ домовъ, колоколовъ, знаменъ и т. д., вы увидите все, чѣмъ буддистъ чтитъ свою святыню; но рядомъ съ этими необходимыми для культа предметами вы увидите и другое: лавки и лавочки со всякими товарами, и вся эта лѣстница и обширная площадь святого мѣста похожи на какое-то торжище; но вѣрующая совѣсть буддиста не смущается базарнымъ видомъ молитвеннаго мѣста. Толпы молельщиковъ съ восковыми свѣчами и цвѣтами спѣшатъ наверхъ; тутъ собрались всѣ народности дальней Азіи. Вслѣдъ за китайцемъ съ предлинною косою шагаетъ верзило-сипай изъ Пенджаба; за англійскими матросами, съ-пьяну забредшими сюда, тянется вереница желтыхъ ризъ, то-есть буддійскихъ монаховъ, а за ними, въ бѣлыхъ покрывахъ, мягко выступаютъ, скромно опустивъ глаза, буддійскія монахини. На смѣну молещикамъ являются торгаши, съ замор-

скою водою или лимонадомъ, нищіе, слѣпые, калѣки, музыканты, — шумъ и всеобщее галдѣніе въ „мѣстѣ святѣ“; но не спѣшите вы-  
 водомъ, ступайте навѣрхъ, къ самой ступѣ и къ часовнямъ вкругомъ нея, и взгляните, сколько здѣсь колѣнопреклоненныхъ муж-  
 чинъ и женщинъ, и откуда только они ни набрались сюда: вы  
 можете увидѣть здѣсь представителей всѣхъ народностей Индо-  
 Китая, монаховъ съ Цейлона, китайцевъ, индійцевъ изъ Мадраса,  
 изъ Пенджаба и т. д. Когда поднимаешься навѣрхъ по лѣст-  
 ницѣ, то, глядя на эти столбы, обглоданные временемъ, на полу-  
 разрушенную рѣзбу на крышѣ, на каменные ступени, истертые  
 и оббитые, начинаешь думать, что вѣра въ народѣ изсякаетъ,  
 и святое мѣсто приходитъ въ запустѣніе; но чѣмъ выше, тѣмъ  
 слабѣе становится это впечатлѣніе; на верхней площадкѣ, на  
 пространствѣ въ девятьсотъ ф. длиною и почти семьсотъ ф. шири-  
 ною — столько новыхъ часовенъ, страннопріимныхъ домовъ, такая  
 масса новой, совершенно свѣтлой позолоты на статуяхъ и сту-  
 пахъ! И всего этого мало вѣрующимъ: новые часовни, громад-  
 ные статуи великаго учителя постоянно воздвигаются. Эта верхняя  
 площадка съ своими часовнями, золочеными статуями, маленькими  
 ступами, страннопріимными домами, чертогами богатыхъ моле-  
 щиковъ и съ блестящею ступою Шведагонъ, въ видѣ золоченаго  
 волокола, не только любопытна какъ своего рода кунстъ-камера  
 и этнологическая выставка, но есть въ то же время знаменіе  
 того, что западъ и христіанство еще не властвуютъ на далекомъ  
 востоцѣ. Они подошли близко; у самаго Шведагона высятся укрѣп-  
 ленія, торчатъ пушки, по аллеямъ роскошныхъ Cantonements  
 Gardens катаются чины христіанской державы, епископы и клерд-  
 жиманы, а буддисты, все-таки, изъ года въ годъ строятъ новые  
 монастыри и золотятъ своихъ идоловъ. Одно изъ послѣднихъ  
 украшеній Шведагона, золоченый зонть, высачійся на макушкѣ,  
 стоилъ болѣе шестисотъ тысячъ рупій. И куда бы вы ни вы-  
 ѣхали изъ Рангуна, всюду по дорогѣ вы увидите, почти-что на  
 каждомъ шагу, монастыри и золоченые макушки ступъ; но въ  
 особенности это обиліе монастырей и ступъ поражаетъ во все  
 время плаванія по Ирравади. Фактъ большой важности: онъ сви-  
 дѣтельствуешь не только о религіозности населенія, но и рисуешь  
 весь оригинальный складъ мѣстной жизни, передѣлывать и совер-  
 шенствовать которую пришелъ европейскій челоуѣкъ. Кто строитъ  
 эти монастыри? И для чего они существуютъ? Монастыри строили  
 и строятъ понынѣ достаточные бирманцы. Въ Бирмѣ нѣтъ чрез-  
 мѣрнаго накопленія богатствъ въ однѣхъ рукахъ, нѣтъ той не-  
 равномѣрности въ распредѣленіи благъ міра, чѣмъ отличается за-

падный міръ. Бирманецъ, если разбогатеетъ, то непременно удѣляетъ часть, часто весьма значительную, своего избытка на дѣло благотворительности, то-есть на постройку монастыря или на воздвиженіе ступы при монастырѣ. Монастырь—это страннопріимный домъ для всѣхъ обдѣленныхъ судьбою, богадельня, двери которой широко раскрыты для всѣхъ нуждающихся. И такъ какъ монастырей въ Бирмѣ много, очень много, то безпомощныхъ бѣдняковъ тамъ нѣтъ; имъ нѣтъ мѣста въ странѣ, усѣянной такими широко-благотворительными учрежденіями, какъ буддійскіе монастыри. Кто бѣденъ, страждущъ, немощенъ—тотъ идетъ подъ кровъ монастыря. Здѣсь его не спрашиваютъ о томъ, кто онъ или какъ дошелъ до жалкаго положенія. Онъ нуждается въ помощи, онъ голоденъ — и ему протягивается неоскудѣвающая въ даяніяхъ рука... Да и можетъ ли быть бѣднякъ среди простого бирманскаго люда, некультивированнаго западнымъ торгашемъ? Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Бирмы семья изъ пяти человекъ еще очень недавно могла просуществовать цѣлую недѣлю на четыре анна, то-есть, на наши деньги, на двадцать-пять копѣекъ. Бирманецъ любить только франтить, онъ пристрастенъ къ яркимъ цвѣтамъ. Но много ли ему нужно, чтобы быть безупречнымъ щеголемъ? Одно полотнище вокругъ ногъ, да платокъ на голову. Монастыри, укрывая и питая нуждающихся, сослужили и другую великую службу странѣ: они—разсадники грамотности и мѣстной учености. Едва ли на всемъ азіатскомъ востокѣ есть другая страна, въ которой было бы такъ трудно встрѣтить безграмотнаго, какъ въ Бирмѣ. Большинство бирманцевъ перебивало въ томъ или другомъ монастырѣ, ради собственнаго душевнаго спасенія; каждый бирманецъ долженъ, хотя бы на короткое время, облачиться въ желтую ризу, а каждый побывавшій въ монастырѣ непременно выучился молитвамъ на языкѣ пали, читать и писать.

### III.

И вотъ этой-то страной, съ ея оригинальнымъ складомъ жизни, гдѣ тридцать съ небольшимъ тому назадъ окончательно завладѣлъ западный человекъ.

Восточныя царства быстро растутъ, но и такъ же скоростижно рассыпаются; они уже въ зародышѣ носятъ въ себѣ зачатки разложенія. Все здѣсь подчиняется деспотической волѣ правителя, но неограниченный правитель самъ безпомощенъ и безсиленъ, пока не удалить съ лица земли всѣхъ своихъ соперниковъ, то-есть, по

обыкновенію, самыхъ близкихъ родственниковъ; потоки крови возносятъ баловня судьбы на престоль; и онъ держится тамъ до тѣхъ поръ, пока умѣетъ сдерживать самолюбіе братьевъ, дядей, племянниковъ... Умеръ царь, и всѣ родичи устремляются къ престолу...

Такъ было и въ Бирмѣ; бирманцы имѣютъ собственныя историческія записи, въ которыхъ перечисляются цари съ глубокой древности и рассказывается объ ихъ дѣяніяхъ. Интереснаго вообще для читателя въ этой повѣсти, конечно, весьма мало. Царей было много, но всѣ они какъ будто дѣлали одно и то же: рѣзали своихъ братьевъ, родичей, воевали съ сосѣдями, строили храмы и монастыри. У каждаго была одна и та же программа дѣйствія: въ началѣ царствованія онъ не спускалъ своихъ глазъ съ многочисленныхъ братьевъ и кузеновъ, и весьма скоро усматривалъ настоятельную необходимость вытравить изъ страны крамолу. Такъ какъ у отца каждаго царя было по нѣскольку женъ, а у каждой жены по нѣскольку дѣтей, то оказывалось, что у каждаго новоцарившагося братьевъ и кузеновъ болѣе, нежели нужно, и уничтоженіе крамолы, а главное крамольниковъ, продолжалось нѣсколько лѣтъ. Перерѣзавъ братьевъ и заведя такимъ образомъ внутренней порядокъ, царь начиналъ думать о величій своей державы: наступалъ періодъ войнъ. Бирманцы воевали съ пегуанцами, съ шанами, съ Сіамомъ, съ Китаемъ. Войны были частыя и продолжительныя. Въ промежуткѣ между войнами цари успѣвали строить храмы и дворцы, ступы и монастыри.

Такъ дѣла шли въ Бирмѣ вплоть до появленія здѣсь европейскихъ интересовъ.

Въ половинѣ прошлаго столѣтія вся Бирма принадлежала Аломпрѣ, родоначальнику той династіи, послѣдній представитель которой нынѣ томится въ плѣну, въ Индіи. Бирма при немъ и при ближайшихъ его наслѣдникахъ была обширною странюю и сильнымъ царствомъ на восточномъ берегу Бенгальскаго залива, отъ Даккаи до Сіамскаго залива.

Европейцы явились здѣсь еще въ XVII ст. Первыми были португальцы, за ними голландцы, послѣ нихъ англичане стали заводить здѣсь факторіи. Во все продолженіе XVIII-го вѣка и въ началѣ настоящаго, европейцы не имѣли большого значенія въ Бирмѣ; они соперничали между собою, заискивали у бирманскаго правительства, выпрашивали себѣ привилегіи, и потому были неопасны для бирманскаго могущества. Бирманскій властитель и его богатства внушали европейцамъ страхъ и зависть. Страхъ, по ближайшемъ знакомствѣ, прошелъ; осталась зависть и духъ стяжательности, а затѣмъ, натурально, начи-

вается періодъ обирания и урѣзыванія Бирмы. Въ какихъ-нибудь тридцать лѣтъ, послѣ двухъ войнъ съ англичанами, Бирма лишилась всѣхъ своихъ береговыхъ владѣній и изъ могущественнаго царства превратилась въ ничтожное владѣніе, съ большими естественными богатствами, но повсюду отрѣзанное отъ моря. Бирманскіе цари никогда не могли помириться съ этими тяжелыми для нихъ лишеніями. Послѣ второй войны условія мира не были ратификованы: англичане овладѣли Пегу, провели границу безъ согласія законнаго владѣтеля, но онъ все же не соглашался ни на какія уступки и не хотѣлъ слышать о трактатѣ.

Упорство бирманскаго властителя не помѣшало англичанамъ, однакоже, фактически владѣть провинціей, равной Франціи. И какою провинціей!

Нижняя Бирма — страна благодатная: она не знаетъ и не знала голодовокъ; питаетъ и своихъ, и чужихъ пришельцевъ. Это чудный и роскошный край, и чѣмъ онъ еще станетъ, когда развернетъ во всю ширь и глубь свои естественныя богатства! Теперь одинъ поземельный налогъ доставляетъ въ казну свыше двухъ милліоновъ ф. с.; въ 1884—85 г. онъ равнялся 2.191.269 ф. с. И при этомъ воздѣлывается не вся земля, способная питать человѣка и давать доходъ казнѣ. Плодородной земли считается двадцать-четыре слишкомъ милліона акровъ (24.017.083), а воздѣлывается и обложено налогомъ четыре милліона акровъ (4.300.356).

Но не одна земля питаетъ британскую казну: если счесть все, получаемое изъ другихъ источниковъ, съ акциза, съ опиума, съ соли, лѣса и т. д., то окажется, что одна эта индійская провинція приноситъ доходу въ двадцать-одинъ милліонъ съ половиною фунтовъ (21.513.760 ф. с.).

#### IV.

Рангунъ — главный городъ и административный центръ Нижней Бирмы — достался англичанамъ въ 1852 г., послѣ второй бирманской войны. Живы люди, которые помнятъ городъ, какимъ онъ былъ тогда: грязные дома и еще болѣе грязныя улицы; ничтожное населеніе, но масса собакъ и свиней. Теперь все это измѣнилось: Рангунъ быстро выросъ, украсился величественными зданіями, вилами, роскошными скверами, садами, прямыми улицами, словомъ, сталъ городомъ со всѣми европейскими затѣями среди тропической растительности и ориентальной обстановки. Въ немъ

теперь болѣе ста тысячъ жителей (134.176); здѣсь есть и китайцы, и персы, и индійцы; всего больше, конечно, бирманцевъ и вообще туземцевъ-буддистовъ (61.131), всего меньше европейцевъ; европейцевъ вообще немного во всей Бирмѣ (7.866), и около половины ихъ обитаетъ въ Рангунѣ (3.366). Еще меньше остъ-индійцевъ, полу-темныхъ людей, съ испанскими и португальскими именами, одѣтыхъ по-европейски и говорящихъ по-англійски бѣгло и правильно, но съ своимъ собственнымъ акцентомъ. Ихъ насчитываютъ около пяти тысячъ въ Нижней Бирмѣ, и половина этого люда живетъ въ Рангунѣ. Индусовъ живетъ въ Рангунѣ тридцать-пять с лишкомъ тысячъ.

Бирма—богатая страна; ежегодно сюда являются массы пришельцевъ изъ Индіи на заработки. Рису заѣвается много, и убирать его безъ чужой помощи не подъ силу мѣстному населенію; рисъ поспѣваетъ въ Нижней Бирмѣ всюду въ одно время и долженъ быть убранъ въ какихъ-нибудь двадцать дней. И въ это время Нижняя Бирма наводняется пришельцами: приходятъ въ дельту Ирравади съ сѣвера, изъ Верхней Бирмы, являются батраки изъ-за моря, изъ Мадраса. Мадрасцы—работники на всѣхъ подѣлкахъ: это тѣ *кули*, что и рисъ убираютъ, и тяжести таскаютъ, всѣхъ подѣлкахъ справляютъ на мельницахъ, пароходахъ, довахъ. Многие изъ мадрасцевъ поселяются въ странѣ; кромѣ Мадраса, еще Нижняя Бенгалія доставляетъ сюда рабочія руки. Приходятъ также сюда шаны съ своими конями и разнаго рода товарами; но это не работники, это мѣновщики; распродавъ свой товаръ и накупивъ шелку и англійскихъ товаровъ, они идутъ къ себѣ домой.

Въ большихъ городахъ, какъ напр. Рангунъ, или вообще въ портовыхъ, индійцы монополизировали многіе промыслы и совершенно вытѣснили бирманцевъ. Всѣ ростовщики, т. е. чегги — изъ Мадраса; вся мелочная торговля въ рукахъ или суратцевъ, или китайцевъ; витайцы прибрали къ своимъ рукамъ торговлю спиртными напитками. Всѣ рабочіе по дорогамъ, на довахъ, верфяхъ — индійцы, даже всѣ извозчики въ Рангунѣ — мадрасцы. Многие индійцы въ послѣднее время стали заниматься рисовыми посѣвами и навсегда поселились въ Нижней Бирмѣ.

Но, кромѣ того, и въ Рангунѣ, конечно, какъ и всюду, гдѣ правитъ англичанинъ, есть въ достаточномъ количествѣ бенгальскіе „бабу“.

Нижняя Бирма расположена на восточномъ берегу Бенгальскаго залива и раздѣляется на три области: Арраканъ, Пегу и Тенассеримъ.

Въ Рангунѣ—центръ управленія. Здѣсь же живетъ chief com-



missioner: хозяинъ всей области. Хозяинъ съ такими правами и полномочіями, о которыхъ едва ли грезилъ какой-нибудь изъ нашихъ генераловъ штатскихъ по профессіи.

Chief commissioner стоитъ въ главѣ всего въ Бирмѣ: ему до всего есть дѣло, онъ всѣмъ руководитъ и распоряжается; словомъ, полный хозяинъ. Судьба и благосостояніе туземнаго населенія исполнѣ отъ него зависятъ. Онъ опредѣляетъ размѣры поземельнаго налога, и онъ же его можетъ измѣнить; онъ можетъ осво-бодить землю отъ этого налога; онъ можетъ отчуждать казенную землю, нарѣзывать пастбища деревнямъ, устанавливаетъ подушный сборъ и освобождаетъ отъ него. Онъ опредѣляетъ размѣры соляного акциза, и имъ же разрѣшается разработка и торговля солью частнымъ лицамъ. Городское управленіе также въ его рукахъ. Въ члены муниципальнаго комитета онъ назначаетъ; онъ же разрѣшаетъ производить выборы, сохраняя за собою право опредѣлять—кто можетъ быть избирателемъ и какъ выборы должны производиться. Мало членовъ въ муниципальномъ совѣтѣ—хозяинъ можетъ увеличить ихъ число. Предсѣдательствующаго онъ же назначаетъ, или же, если пожелаетъ, дозволяетъ его избраніе.

Все, что затѣетъ муниципалитетъ, идетъ на утвержденіе хозяина и можетъ быть имъ отмѣнено. Муниципалитетъ состоитъ изъ двадцати-пяти членовъ: въ этомъ числѣ 11 членовъ европейцевъ и 14 не-европейцевъ; 19 выборныхъ и 6 назначенныхъ бара-саабомъ, т.-е. хозяиномъ. Рангунъ—городъ богатый, и членамъ приходится вѣдать и распоряжаться ежегоднымъ городскимъ доходомъ въ сто слишкомъ тысячъ ф. с. (109.063), т.-е. въ миллионъ слишкомъ руб. сер. Но городъ богатый имѣетъ и большой долгъ; въ 1885 г. этотъ долгъ достигъ почтенной цифры въ 127.641 ф. ст. Каждый житель платитъ городского сбора 6 шил. 8<sup>1</sup>/<sub>4</sub> пенс. Городъ на эти деньги содержитъ школы, больницы, построилъ желѣзную дорогу по главнымъ улицамъ, и теперь паровозъ подвозитъ богомольцевъ прямо къ Шведагону.

И не перескажешь всего того, что можетъ надѣлать британскій хозяинъ. Но что особенно удивительно и даже, быть можетъ, непохвально, съ иной точки зрѣнія, этотъ наибольшій въ странѣ, въ своемъ родѣ, генералъ терпитъ, выслушиваетъ и даже спрашиваетъ чужія мнѣнія. Захочетъ ли онъ, напр.; учредить городское управленіе въ какомъ-нибудь городѣ—объ этомъ объявляется во всеобщее свѣденіе въ Gazette, и въ теченіе шести мѣсяцевъ всякій обыватель этого города, всякая, такъ сказать, ничего не стоящая мелюзга смѣетъ свое мнѣніе имѣть объ этомъ вопросѣ,

и писать это мнѣніе или въ газетахъ, или же высказывать прямо его хозяину. Конечно, хозяинъ можетъ и не обратить вниманія на мнѣніе обывателя. Это онъ въ правѣ сдѣлать. Но обыватель, въ свою очередь, можетъ обидѣться и, что называется, „пробрать“ наибольшаго въ какомъ-нибудь мѣстномъ листкѣ, даже, чего добраго, на туземномъ языкѣ... И чтѣ же хозяинъ? Ему остается смолчать... Какъ бы яры и рѣзки ни были на него нападки въ туземныхъ листкахъ на мѣстныхъ языкахъ, законъ воспрещаетъ ему, какъ должностному лицу, преслѣдованіе этихъ листовъ за личные нападки. Какіе порядки сочинилъ „просвѣщенный мореплаватель“ въ своихъ владѣніяхъ!.. Подъ бокомъ этого наибольшаго, „большаго барина“, барра-сааба, какъ его называютъ въ Индіи, можетъ собраться самая безобразная сходка, гдѣ будутъ безтолково галдѣть, поносить его распоряженія, сочинять резолюціи и писать петиціи. А онъ и глазомъ не моргнетъ, смолчить и въ тотъ же день величественно, съ толпою слугъ въ красныхъ ливреяхъ, поѣдетъ съ супругой мамъ-саабъ вататься по улицамъ своей резиденціи.

Коммиссіонеръ-большакъ и главный хозяинъ сидитъ въ Рангунѣ и оттуда зорко за всѣмъ слѣдитъ; но непосредственно на мѣстѣ вѣдаетъ дѣло и сносится прямо съ населеніемъ—*deputy commissioner*, судья и сборщикъ податей, *magistrate* и *revenue officer*,—словомъ, тотъ, на чьихъ плечахъ и головѣ вѣждется все обаяніе британской власти на востокѣ.

Это любопытный субъектъ для наблюденія. Застать его дома, впрочемъ, не легко; онъ или сидитъ въ своемъ судѣ (*court*), или разъѣзжаетъ по округу; онъ и дома живетъ какъ бы на бивуакахъ: сегодня здѣсь, а на завтра—гдѣ-нибудь верстъ за сто, и стоитъ ли при такой жизни устроить домъ на прочную ногу, да къ тому же очень часто жена и дѣти не съ нимъ, а—*at home*... *Deputy commissioner*—это мѣстный тузъ и занимаетъ, конечно, самый большой домъ въ городѣ; въ домѣ у него есть *drawing room* и обширная столовая; то и другое убрано на обыкновенный англійскій образецъ европейскою мебелью и разными европейскими *bric-à-brac*; но не въ этомъ оригинальность его житія: здѣсь вы на каждомъ шагѣ наталкиваетесь на ясные признаки бродячей жизни хозяина: складные стулья и столы, путешествующіе съ нимъ по дебрямъ, на верандѣ гигантскій погребецъ съ посудой, на дворѣ—одна, двѣ палатки. Если онъ дома, то только-что вернулся откуда-нибудь и накануне новой поѣздки въ округъ.

Его главное дѣло, какъ финансоваго чиновника или *revenue*

officer, блюсти за правильностью сбора поземельнаго налога. Дѣло сложное и не легкое.

Поземельный налогъ собирается съ cadaго акра, по опредѣленіи производительности почвы; онъ утверждается на нѣсколько лѣтъ, но затѣмъ ежегодно все-таки много новаго дѣла по сбору налога: нужно снова опредѣлить размѣры обработанной земли; не одно и то же количество акровъ воздѣлывается изъ году въ годъ земледѣльцемъ, а потому не одну и ту же сумму налога можно съ него требовать. Съ земли необработанной взимается три пенса съ акра; но изъ этой суммы земледѣлецъ можетъ требовать скидвн, если земля осталась невоздѣланною, вслѣдствіе падежа скота, или если его жатва погибла отъ наводненія.

Въ Бирмѣ, впрочемъ, вопросы о поземельной собственности не представляютъ такой сложности и запутанности, какъ въ Индіи.

Теоретическія представленія бирманцевъ объ отношеніи государства къ поземельной собственности не отличаются оригинальностью. Все, что они говорятъ о происхожденіи поземельной собственности, въ сущности, есть повтореніе толковъ въ Индіи; жизнь и мѣстные условія, однакоже, выработали своеобразныя воззрѣнія на землю, которыя отчасти только вошли въ туземные кодексы.

Бирманскіе кодексы признаютъ семь источниковъ поземельной собственности, и они знаютъ два рода правъ на землю—*полное* и *слорное*. Полноправнымъ собственникомъ считается тотъ, кто получить землю по дарственной отъ царя, или же законнымъ порядкомъ наслѣдовать отъ отца, либо отъ предковъ; права такого рода землевладѣльцевъ—внѣ всякаго спора и сомнѣнія. Такими полноправными собственниками въ былые годы были солдаты, областные начальники, деревенскіе старшины и вообще правительственные чиновники.

Права на землю уже въ глубокую старину возникали иначе, и эти второго рода права называются у бирманцевъ, въ ихъ книгахъ закона, спорными; это тѣ права, которыя приобрѣтаются или черезъ куплю, или черезъ даръ отъ частнаго лица, или черезъ расчистку лѣса, по нарѣзкѣ правительственными чинами, или, наконецъ, черезъ захватъ чужой собственности.

Бирманецъ, какъ въ Нижней, такъ и въ Верхней Бирмѣ, до сихъ поръ думаетъ, что законно земля не можетъ быть отчуждаема. То, что у нихъ въ старые годы и согласно съ ихъ книгами закона, называлось продажею, на самомъ дѣлѣ было своего рода залогомъ земли. Собственникъ уступалъ свои права временно и всегда могъ вернуть себѣ обратно такимъ образомъ

отчужденную землю. Приобрѣвшій землю черезъ такого рода куплю не могъ перепродавать ее третьему лицу безъ согласія перваго владѣльца. Земли было много и цѣнилась она невысоко, а потому захватъ чужой земли и безпрепятственное пользованіе ею въ продолженіе десяти лѣтъ устанавливали особый видъ поземельной собственности, которая и отмѣчена какъ легальная въ бирманскихъ книгахъ закона.

Въ настоящее время большинство собственниковъ приобрѣли свои земли черезъ расчистку лѣса: тотъ, кто первый вырубилъ лѣсъ, сжегъ деревья и вспахалъ землю, тотъ и считается ея полноправнымъ собственникомъ. Онъ можетъ ее продавать, дарить, завѣщать въ наслѣдство. При бирманскихъ царяхъ онъ могъ покидать дѣло своихъ рукъ, не воздѣлывать захваченной земли, уходить на сторону и возвращаться къ ней вновь и сгонять оттуда того, кто вздумалъ бы въ его отсутствіе воспользоваться расчищенною землею. Такъ было въ старые годы. Британское правительство регулировало отношенія къ землѣ не совсѣмъ согласно съ обычнымъ бирманскимъ правомъ. Абсентеизмъ лишь въ продолженіе неполныхъ двѣнадцати лѣтъ не уничтожаетъ первоначальныя права перваго собственника на расчищенную землю. Если онъ ушелъ и въ его отсутствіе другой владѣль оставленную землю въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ, права послѣдняго становятся безспорными. Это законоположеніе было вызвано измѣненіемъ экономическихъ условій: земли попрежнему много въ Бирмѣ, но земля воздѣланная поднялась страшно въ цѣнѣ. Въ концѣ 50-хъ годовъ, одинъ акръ рисовой земли давалъ доходу четыре рупіи; въ 70-хъ, тотъ же акръ приносилъ 25 рупій, а теперь чуть ли не вдвое. Понятно, что захваченную землю уступить, сообразно съ обычнымъ правомъ, тому, кто первый срубилъ лѣсъ, очень невыгодно...

## V.

Главный коммиссіонеръ—не только глава всей администраціи, но и political agent, то-есть дипломатическій агентъ, аккредитованный вице-королемъ къ независимымъ владѣтелямъ на полуостровѣ. Онъ сносился, въ былое время, съ бирманскимъ королемъ, что, между прочимъ, очень обижало бирманскихъ владыкъ, помышлявшихъ о непосредственныхъ сношеніяхъ съ ея британскимъ величествомъ.

Какъ главѣ администраціи, главному коммиссіонеру подчинены 20 deputy commissioners, 35 assistant comm., 119 extra-assis-

tant commissioners и столько же старшинъ (myooks), и такъ далѣе всѣ чины до деревенскаго старосты и урядника, или yazawat young.

Административная единица въ Бирмѣ есть округъ (circle), во главѣ котораго стоитъ сборщикъ податей, или thugyi. Нѣсколько округовъ составляютъ township; изъ послѣднихъ образуется district; изъ нѣсколькихъ district, или уѣздовъ, образуется division, или область.

Главный комиссіонеръ, вѣдающій администраціею всѣхъ областей, уѣздовъ и т. д., есть въ то же время источникъ судебной власти. Каждый его помощникъ, то-есть deputy commissioner, есть въ одно и то же время судья и сборщикъ податей; но границы юрисдикціи каждаго суда опредѣляются наибольшимъ: онъ можетъ передавать для разбирательства любой искъ изъ одного суда въ другой; требовать его для разсмотрѣнія въ себѣ или передавать judicial commissioner'у, судъ котораго есть нѣчто равное нашей судебной палатѣ.

Всѣ предсѣдательствующіе въ судахъ, за исключеніемъ extra-assistant commissioner'a, назначаются вице-королемъ, и никого изъ нихъ, безъ санкціи вице-короля, главный комиссіонеръ не можетъ смѣнить, но ему, однакожь, предоставляется право временно, въ видѣ дисциплинарной мѣры, отлучать этихъ должностныхъ лицъ отъ исполненія ихъ обязанностей.

Отдѣльныя отрасли управленія, но подчиненныя также главному комиссіонеру, составляютъ: департаментъ путей сообщенія; имъ завѣдуетъ главный инженеръ (chief engineer), который въ то же время занимаетъ должность одного изъ секретарей главнаго комиссіонера; департаментъ полиціи подчиненъ главному инспектору полиціи (inspector general). Въ его вѣденіи состоятъ 18 district superintendents, 22 assistant superintendents и цѣлый штабъ инспекторовъ. Народнымъ просвѣщеніемъ завѣдуетъ director of public instruction; ему подчинены 2 инспектора и 17 ихъ помощниковъ (deputy inspectors of schools).

Вся эта сложная машина усовершенствованнаго управленія европейскими силами—управленія странюю богатою, но дикою, и ресурсы которой далеко не вполне развиты—стѣдитъ громаднхъ денегъ. Въ 1885 г. на этотъ конецъ расходовалось 1129.362 ф. с. Цифра дѣйствительно громадная. Читатель еще болѣе изумится, если пробѣжитъ глазами цифры, которыми опредѣляются вознагражденія за труды. Главный комиссіонеръ получаетъ около четырехъ тысячъ руб. въ мѣсяць, и весьма немногіе изъ его помощниковъ—менѣе тысячи, нѣкоторые болѣе и нѣкто менѣе семисотъ руб. сер.

Живетъ хозяинъ большимъ бариномъ; такъ его и зовутъ: *баара саабъ*. Чертогъ у него казенный, выстроенный на деньги туземца ниггера. Въ немъ время отъ времени онъ задаетъ пиршества, на которыхъ толпы босоногихъ чернокожихъ, въ чалмахъ и красныхъ ливреяхъ, разносятъ гостямъ дорогія европейскія блюда, нѣсколько попорченныя усердіемъ и руководѣиємъ чернокожаго повара; онъ поитъ своихъ гостей сквернымъ шампанскимъ, но всегда въ обиліи... Его лэди имѣютъ свои дни приѣма, на которыхъ другіе лэди жеманно и скудно перекидываются полувыговоренными словечками... Все, что въ Калькуттѣ установлено для представителя ея британскаго величества — церемонно, хотя и въ меньшемъ масштабѣ, повторяется его делегатами по провинціямъ...

Высокое содержаніе англійскихъ чиновниковъ есть излюбленная тема для протестовъ и всякаго рода нареканія въ средѣ туземцевъ. Они кричатъ, что управленіе дорого стоитъ, что часть индійскихъ денегъ уходитъ въ Европу и т. д. Но, что всего страннѣе, тѣ же туземцы требуютъ для себя лично такого же высокаго содержанія; ихъ патриотизмъ не подсказываетъ имъ очень простой мѣры, то-есть удешевленія администраціи. Они какъ будто не хотятъ догадываться, что въ этомъ вся сила ихъ протеста, и что если они добьются того, что чиновничій трудъ въ Индіи станетъ дешевле оплачиваться, тогда британское правительство необходимо должно будетъ раздавать мѣста туземцамъ. Европейскій же трудъ, въ силу климатическихъ условій и другихъ причинъ, дорого цѣнится и въ Индіи, да и на всемъ востоцѣ.

## VI.

Въ Бирмѣ, въ странѣ все-таки, на европейскій взглядъ, полудикой, есть мѣстная пресса, частью на англійскомъ, частью на различныхъ туземныхъ нарѣчіяхъ. Прессу эту, конечно, завели англичане; они не могутъ жить безъ ежедневнаго листка. Въ Индіи безъ листка, передающаго своимъ читателямъ всю безтолковую ежедневную сутолоку, не можетъ жить и туземецъ; онъ ему сталъ также необходимъ; листки тамъ читаются и въ большихъ городахъ, и по деревнямъ... Въ Бирмѣ ежедневная пресса далеко не такъ развита, какъ въ Индіи, но и здѣсь, однакоже, издается 17 газетъ и пять ежемѣсячныхъ журналовъ. Число подписчиковъ на эти листки и тощія книжечки не велико и колеблется между 520 и 75. Но на востокѣ по этимъ цифрамъ нельзя составлять себѣ представленіе о распространенности листка; на газету под-

писываются немногіе, но многіе ее читаютъ: газета обходитъ нѣсколько домовъ, побываетъ въ нѣсколькихъ рукахъ, прочитывается однимъ вслухъ для многихъ, и обыкновенно въ конецъ истреплется любознательными и внимательными читателями. Въ Рангунѣ издаются двѣ большія англійскія газеты: „Rangoon Times“ и „British Birmah Gazette“. Первая имѣетъ 400 подписчиковъ, вторая—500. Наибольшее число подписчиковъ имѣетъ періодическое изданіе на каренскомъ языкѣ съ англійскимъ заглавіемъ: „Karen Morning Star“; на него подписывалось въ 1885 году до 1.150 человекъ каренновъ. Вообще же всего менѣе подписчиковъ на туземныя газеты, но онѣ-то всего болѣе читаются. Европейское населеніе, какъ здѣсь, такъ и въ Индіи, главнымъ образомъ, читаетъ европейскія газеты; въ мѣстныхъ же заглядываютъ ради разныхъ мелочей или извѣстій о мѣстныхъ происшествіяхъ и скандалахъ.

Эта пресса, въ союзѣ съ новой школой, грозитъ великой ломкой старой жизни.

Народныхъ школъ много въ Бирмѣ; тамъ неграмотный человекъ на рѣдкость. И такъ было издавна, до пришествія европейцевъ въ Бирму; не англичане завели тамъ первыя школы; они нашли ихъ тамъ и воспользовались ими для своихъ цѣлей. Уже встарь въ Бирмѣ были школы въ монастыряхъ, были и мірскія. Обученіе было даровое; научить мальчика или дѣвочку читать св. слово почиталось великимъ религіознымъ подвигомъ; брать за это деньги или вообще какое-нибудь вознагражденіе — было грѣхомъ, уничтожавшимъ всѣ добрыя послѣдствія религіознаго подвига. И это воззрѣніе до сихъ поръ существуетъ въ массѣ народа, хотя не всѣ учатся теперь даромъ и не всѣ монахи такъ же безворыстны, какъ въ старину.

Статистическія данныя имѣются только о правительственныхъ школахъ и о тѣхъ частныхъ мірскихъ и монастырскихъ, которыя подлежатъ контролю правительственному. О другихъ, стараго образца, извѣстно только, что ихъ много, но онѣ уменьшаются съ каждымъ годомъ, уступая мѣсто новой школѣ; число этихъ послѣднихъ растетъ съ каждымъ годомъ. Въ 1884—85 г. въ Нижней Бирмѣ, въ странѣ съ населеніемъ въ три съ половиною милліона, число начальныхъ школъ выросло почти до пяти тысячъ (4 946), а число учащихся равнялось 130.511. Въ этомъ числѣ 325 школъ частныхъ туземныхъ, то-есть такихъ школъ, которыя приняли на извѣстныхъ условіяхъ правительственныхъ учителей и, кромѣ того, признали за необходимое не только чтеніе религіозныхъ книгъ, но и обученіе другимъ предметамъ; эти

школы инспектируются чинами вѣдомства народнаго просвѣщенія нѣсколько разъ въ годъ, и число ихъ растетъ съ каждымъ годомъ.

Старая монастырская школа, нынѣ отживающая свой вѣкъ, явленіе прелюбопытное. Такихъ старыхъ, туземныхъ школъ все-таки пока много; въ каждой деревнѣ есть непременно гдѣ-нибудь по близости монастырь, и въ каждомъ монастырѣ обязательно идетъ обученіе малолѣтковъ.

Монастырь рѣдко воздвигается среди жилого мѣста; онъ хоронится отъ житейской суеты и прячется гдѣ-нибудь въ сторонѣ, въ тиши, среди цѣлой рощи густолиственныхъ деревьевъ, тамариндовъ, манго, пальмъ и т. д. Если гдѣ-нибудь въ сторонѣ отъ дороги завидится тѣнь или листва, то навѣрное можно сказать, что скоро увидишь и золотую макушку ступы, а рядомъ и монастырскія кельи. Въ Мандалаѣ есть роскошные монастыри, золоченые чертоги; но и тѣ, которые разбѣяны въ глуши, по деревьямъ, въ большей части случаевъ красуются тонкою рѣзью высокыхъ крышъ. Самый бѣдный обставленъ великою роскошью природы. Столько тѣни, пролады и приволья въ этихъ обителяхъ! У монаха нѣтъ „злости дня“. Все ему готово; все, что ему нужно, нанесутъ добротные датели; вѣрующихъ еще много; нанесутъ даже больше, нежели нужно. У большинства монаховъ одна печаль, одна забота—какъ бы день скоротать.

Большинство монастырей выстроены изъ прочнаго тика. Всѣ они строятся по мѣстному архитектурному образцу, на сваяхъ. По деревянной или, чаще, каменной лѣстницѣ поднимаешься на веранду; въ большей части случаевъ она идетъ кругомъ всего зданія. Если лѣстница деревянная, то непременно вся въ рѣзбѣ; и обыкновенно фигуры мифическихъ существъ или разныхъ звѣрей исполнены очень тонко и тщательно. Крыша надъ монастыремъ многоэтажная. Эти крыши китайскаго образца встрѣчаются только въ царскихъ дворцахъ да въ монастыряхъ. Внутри монастырь не богатъ мебелью; монахи сидятъ на циновкахъ; у каждаго, впрочемъ, есть подушка и плевальница. Въ центральномъ покоѣ, вокругъ котораго тянется крытая веранда, обыкновенно помѣщается школа, и тутъ же гдѣ-нибудь въ углу выставлены большія и малыя статуи Великаго Учителя. Иногда тутъ же хранятся рукописи. Въ богатыхъ монастыряхъ для храненія рукописей бываетъ особое зданіе, гдѣ рукописи берегутся въ сундукахъ подъ замками.

Въ монастырскихъ школахъ число учениковъ рѣдко превышаетъ 20. Въ Мандалаѣ, говорятъ, были именитые ученые мо-



нахи, которые собирали около себя до пятисотъ слушателей. Теперь такихъ школъ уже нѣтъ, и врядъ ли онѣ опять народятся, даже по усмирении всѣхъ дакойтовъ. Обыкновенно, однакожь, въ классѣ не застаешь болѣе двадцати учениковъ. Они полулежатъ, съ книжками и досками, на циновкахъ, вокругъ наставника, который нерѣдко совсѣмъ лежитъ и покоится сномъ праведнаго, прикрывъ желтою ризою свою бритую голову. И крѣпко ему спится подъ голосистыя выкрикиванія юныхъ и здоровыхъ глотокъ.

Учатъ не многому: читаютъ всюду одни и тѣже палийскіе священные тексты съ бирманскимъ переводомъ; ни ариметики, ни географіи, ни исторіи, ничего мірскаго не допускаютъ монахи въ программы своихъ школъ. На что все это? — Читать нужно только то, что ведетъ къ спасенію, то-есть святое слово. Мальчишка выучать сначала азбуку и затѣмъ засаживаютъ за мангала-сутта, или изученіе буддійской нагорной проповѣди. Онъ затверживаетъ наизусть сначала палийскій текстъ, затѣмъ переходитъ къ переводу этого текста на родной языкъ, и родное слово раскрываетъ ему глубокія истины, заключенныя въ непонятныхъ святыхъ текстахъ; онъ узнаетъ рядъ простыхъ нравственныхъ истинъ и нѣсколько правилъ житейской мудрости. Онъ запоминаетъ, что нужно чтить отца и мать и любить дѣтей и жену, не дружить съ глупцомъ и общаться съ мудрымъ, давать милостыню и ходить въ монастырь, слушать законъ, и т. д., все въ этомъ же родѣ. Способный мальчишка затверживаетъ все это дней въ десять. Это самый коротенькій и какъ бы основной текстъ; другіе тексты подлиннѣе, и на изученіе, то-есть на затверживаніе, потребно въ бирманской школѣ больше времени. Не всѣ мальчишки затверживаютъ, однакоже, другіе тексты, хотя и пребываютъ въ школѣ по нѣскольку лѣтъ, ежедневно ходятъ туда и остаются въ монастырѣ съ утра до поздняго вечера; дѣло въ томъ, что мальчишка въ школѣ—не только ученикъ, но и слуга монаха: монахъ за обученіе денегъ не беретъ, даже кормитъ питомца, и за это требуетъ, чтобы питомецъ готовъ былъ на услуги, побѣгушки и подѣлки. Бываютъ, впрочемъ, случаи, когда обыкновенная школьная программа расширяется, и подъ руководствомъ какого-нибудь ученаго монаха способный ученикъ изучаетъ буддійскую философію. Случаи эти не часты въ Бирмѣ, и обыкновенно въ бездну премудрости стараются заглянуть привѣщіе посвященіе, то-есть монахи. Я видѣлъ нѣсколько такихъ монаховъ въ Нижней Бирмѣ; одинъ изъ нихъ написалъ мнѣ свою автобіографію на палийскомъ языкѣ. Онъ слылъ за очень уче-

наго, читалъ много, самъ сочинялъ, и въ своей автобіографіи перечисляетъ тѣ книги, которыя онъ изучалъ въ разныхъ монастыряхъ, подъ руководствомъ разныхъ старцевъ. Изученіе канона началось съ одиннадцати-лѣтняго возраста, на четырнадцатомъ году онъ сдѣлался послушникомъ, и съ этого времени начинается его паломничество по разнымъ монастырямъ: всюду онъ изучаетъ, подъ руководствомъ ученыхъ старцевъ, разные каноническія книги, буддійскую философію, каноническое право, въ особенности послѣднее. У этого монаха есть двѣ школы: въ одной—низшей—мальчишки изучаютъ то же, что и въ другихъ начальныхъ монастырскихъ; въ другой—такъ сказать, высшей—учатся одни монахи и читаютъ рядъ книгъ, излагающихъ дисциплину монашеской жизни.

Таковы монастырскія школы, расадники грамотности среди народа; ими-то воспользовалось британское правительство для устройства своей собственной системы народнаго просвѣщенія. Когда англичане заняли, въ началѣ пятидесятихъ годовъ, Нижнюю Бирму, они нашли, что въ каждомъ городѣ, въ каждой деревушкѣ есть монастырь, а всего чаще даже нѣсколько обителей; въ каждомъ монастырѣ есть школа, гдѣ даромъ дѣти учатся читать и писать; въ монастырскую школу допускаются одни мальчишки; но рядомъ съ монастыремъ существовали и мірскія, куда ходили дѣвочки учиться тому же самому. Во всѣхъ этихъ школахъ обученіе было даровое: и монахи, и міряне за дѣло, почитавшееся религіознымъ подвигомъ, денегъ брать не хотѣли.

Британскому правительству въ то время прежде всего нужны были толковые и грамотные туземцы на разные мелкія должности. Очевидно, монастырская школа, въ которой арифметикѣ не учатъ и твердятъ одни палійскіе тексты, не могла доставлять въ обиліи такой персоналъ; но, реформируя эту школу, и безъ большихъ сравнительно затратъ, можно было бы достигнуть черезъ эту самую туземную школу великихъ результатовъ въ дѣлѣ народнаго образованія. Понять это не трудно было. Задача была, однакожъ, не изъ легкихъ. Иноземному правительству приходилось имѣть дѣло съ монахами. Они не фанатики, но въ каждомъ европейцѣ способны усмотрѣть разрушителя своей вѣры и ученія.

Но купить многое можно! И британское правительство купило право вмѣшательства въ дѣла туземной школы; заручившись этимъ, оно построило свою оригинальную систему народнаго просвѣщенія.

Мы,—говорили англичане монахамъ и мірскимъ учителямъ,—не хотимъ уничтожать вашихъ школъ. Эти школы прекрасны,

ваше дѣло великое и святое дѣло; но примите только наши программы; учите и пали, и чему хотите, но возьмите также нашихъ учителей; они станутъ учить мальчиковъ ариѳметикѣ, географіи и исторіи Индіи и Бирмы; станутъ читать съ ними вотъ эту книжку о гигиенѣ. Позвольте намъ также время отъ времени присылать къ вамъ нашихъ экзаменаторовъ, а за это мы вамъ дадимъ, во-первыхъ, денегъ на наемъ дома для школы и на меблирование его; во-вторыхъ, пришлемъ вамъ учителей и станемъ имъ платить жалованье; въ-третьихъ, станемъ выдавать награды учителямъ за всякаго ученика, выдержавшаго экзаменъ по нашей программѣ. А вы, если хотите, берите съ учениковъ плату за ученіе.

И что же? Не всѣ монахи поддались пока на эти посулы, но уже многіе подчинились западному контролю. Родители шлютъ дѣтей въ тѣ школы, куда является школьный инспекторъ, и охотно вносятъ деньги за обученіе; а даровая школа монаха пустѣетъ, хотя онъ и денегъ не беретъ съ учениковъ, да еще кормить ихъ, и учить одному святому, да еще на святомъ языкѣ. Не везетъ этому святому языку теперь у молодого поволенія въ Бирмѣ, и святымъ изреченіямъ оно предпочитаетъ чтеніе мірской книжки о гигиенѣ. Цифры въ отчетахъ о народномъ просвѣщеніи за послѣдніе годы краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о значительныхъ успѣхахъ западной школы. Число учениковъ и начальныхъ школъ растетъ съ каждымъ годомъ, и большинство учениковъ здѣсь, какъ и слѣдуетъ ожидать, буддисты по вѣрѣ; но эти буддисты, тѣмъ не менѣе, бѣгутъ изъ старыхъ монастырскихъ или въ правительственныя школы, или хотя въ монастырскія, да контролируются и ревизуемыя правительствомъ; хотятъ учиться ариѳметикѣ и геометріи, географіи и исторіи, даже исторіи Англии, и толкуютъ, что и мангала-сутта да и вся святая мудрость ни къ чему негодны въ теперешней, новой жизни. Въ какихъ-нибудь пять лѣтъ цифра расходовъ на туземныя школы съ 27.723 рупій поднялась до 121.774 рупій; да, кромѣ того, ежегодно расходуется 36.600 рупій на персоналъ deputy inspectors, то-есть школьныхъ ревизоровъ. Возросли расходы и поднялся уровень благосостоянія туземныхъ школъ, благодаря results-grants. Results-grants есть плата учащему лицу за cadaго ученика, выдержавшаго установленный экзаменъ; гонораръ этотъ не превышаетъ четырехъ рупій за каждый предметъ и cadaго ученика; есть начальныя школы, въ которыхъ учитель, такимъ образомъ, получаетъ до 1.000 рупій; такихъ, впрочемъ, очень немного; въ большинствѣ же случаевъ его доходъ не превышаетъ 100 рупій. Рупія по теперешнему курсу равняется рублю. Жалованье учителямъ начальныхъ школъ

не одинаковое, отъ 30 до 60 рупій въ мѣсяцъ. И отсюда только не набираютъ этихъ учителей! какой только національности они не бываютъ. Въ рангунской Normal School, гдѣ они готовятся, я слышалъ китайцевъ, талаинцевъ, шановъ, каренновъ, бирманцевъ, читающихъ по-англійски, а въ Даржелингѣ былъ знакомъ съ тибетцемъ, обучавшимъ своихъ сородичей англійскому языку.

Въ Бирмѣ настоящая система народнаго просвѣщенія—дѣло новое; начало ей положено лѣтъ двадцать тому назадъ; правда, европейскія школы явились здѣсь гораздо раньше; католическіе миссіонеры имѣли свои школы въ Пегу уже въ шестнадцатомъ столѣтіи; съ начала настоящаго вѣка въ Нижней Бирмѣ стали заводить школы американскіе миссіонеры-баптисты. Но успѣхи какъ тѣхъ, такъ и другихъ, были незначительны: въ христіанство обращались единицы, да и то рѣдкія. Миссіонеры утѣшаются несбыточною надеждою на то, что они расчищаютъ почву для будущихъ всходовъ, разрушая туземное суевѣріе. Но туземецъ, отказавшись отъ своей религіи, не становится христіаниномъ. Онъ почитаетъ и библію, и евангеліе, иногда умѣетъ складно распѣвать гимны и молитвы—а христіаниномъ все-таки не дѣлается. Онъ всего скорѣе становится religionsloss. Люди старые, особенно въ Индіи, утверждаютъ, что британская школа, какъ миссіонерская, такъ и правительственная, ничему не научаетъ; они увѣряютъ, что въ этихъ разсадникахъ просвѣщенія знанія не приобрѣтаются; выучиваются одному англійскому языку, да и то съ грѣхомъ пополамъ. Оттуда, говорятъ они, выходятъ люди безъ религіи и безъ всякихъ принциповъ. Само правительство спохватилось и задумало теперь создать какое-то руководство къ нравственности и катехизисъ естественной религіи.

Британскій сборщикъ податей явится скоро въ новой роли апостола „новѣйшаго слова“. Несомнѣнно, что это пессимистическое воззрѣніе на британскую школу впадаетъ въ крайность и потому не вполне вѣрно. Пока дѣйствительно, какъ въ Бирмѣ, такъ и въ Индіи, оно дало одни отрицательные результаты: разрушило религію и убило старое знаніе. Изъ школы выходитъ человекъ—способный на одно: занять мѣсто мелкаго чиновника британской службы. Самые выдающіеся люди изъ новой индійской интеллигенціи отличаются замѣчательнымъ отсутствіемъ оригинальности мысли. Они утратили всѣ хорошія стороны старо-индійскаго народнаго генія и въ своемъ умственномъ безсиліи, неумѣло, какъ-то по-младенчески, усвоили себѣ западные образцы и въ сферѣ политическихъ стремленій, и въ религіи. Какая это индійская церковь подъ именемъ Брахма-Самажъ? Или богослуже-

не по воскресеньямъ, то-есть въ день, для индуса не имѣющій никакого особеннаго смысла, подъ звуки индійскихъ гитаръ, вмѣсто европейскаго органа—распѣванія гимновъ, волѣнопреклоненія, молитвенное склоненіе головъ и т. п. продѣлываніе всего того, что у англичанъ, у бѣлыхъ саабъ-локъ, бываетъ, по воскресеньямъ же, въ church? Или эти царьки, питомцы царственныхъ коллегій—ража-колледжей, птенцы, взлетѣнные храбрыми капитанами и майорами британской службы,—узнавшіе изъ западной цивилизаціи brandy and soda, да manly sports?

Туземецъ поддается вліянію западной культуры, но не ищите, однакожь, довольства ею въ туземномъ обществѣ. Этого нѣтъ! Своихъ властителей туземецъ не любитъ, но, что всего поразительнѣе, онъ предпочитаетъ англійскимъ, дѣйствительно честнымъ судьямъ, дѣловитымъ администраторамъ, всей новой усовершенствованной машинѣ управленія—свои старые порядки, своихъ старыхъ судей-взятчиковъ, своихъ старыхъ правителей, которые не управляли городами, а, по мѣстному выраженію, „ѣли города“. Есть что-то стихійное и безпощадное въ этомъ поступательномъ движеніи цивилизаціи: она несется, словно волны рѣки, выступившей изъ своихъ береговъ, сметаетъ все старое, не разбирая, ломаетъ и худое, и то, что вовсе не дурно, а даже подчасъ очень хорошо и очень дорого народу. На мѣстѣ стараго водворяется новое и лучшее, но лучшее съ точки зрѣнія не того, для кого, повидимому, это лучшее заводится, а лучшее по мнѣнію культуртрегера; онъ дѣлаетъ опытъ, не сразу попадаетъ въ цѣль и мѣняетъ. А эта мѣна новаго на новѣйшее ставить въ совершенный тупикъ восточнаго человѣка; повсюду онъ привыкъ жить по старинному, и для европейскаго мудренаго слова „прогрессъ“ не имѣетъ въ своемъ распоряженіи удобопонятныхъ реченій.

Этотъ разладъ между желаніями народа и вчинаніями западныхъ правителей сказывается всюду, гдѣ жизнь ломается и передѣлывается на новые образцы, невѣдомые или немилые самому народу; онъ не вѣритъ въ тѣ блага, что ему сулятъ,—и косно стоитъ за свое старое. Въ британской Бирмѣ судъ правый, усовершенствованные пути сообщенія, народъ не обирается и не голодаетъ, онъ богатѣетъ съ каждымъ годомъ, и уже теперь, какъ доподлинно высчитали британскіе купцы, въ четыре раза болѣе индїецъ тратитъ на покупку англійскихъ мануфактуръ. Онъ не терпитъ отъ притѣсненій властей, давно уже не слышитъ, что такое систематическій разбой. Въ Верхней, независимой Бирмѣ бывало всего: городами и областями вуну (т.-е. губернаторы) не управляли, а „ѣли“ ихъ; о правомъ судѣ нието и не слыхивалъ, народъ обирался и

властями, и грабился самъ разбойниками; если и не царь, то, несомнѣнно, возлюбленная его супруга звѣрствовала; налоги были тяжелыя. Пришли англичане заводить хорошіе порядки; плѣнили царя и засѣли въ его стольномъ городѣ. Народъ былъ ошеломленъ: онъ долго не хотѣлъ вѣрить, что во дворцѣ нѣтъ владѣтеля Бѣлаго Слона; когда же истина обнаружилась во всей печальной очевидности и стало ясно, что старое приговорено на сломку, народъ выслалъ отъ себя дакойтовъ.

Разсказываютъ, что недавно умершій Синдіа, на замѣчаніе британскаго резидента о томъ, что народъ его терпитъ отъ притѣсненій, отвѣтилъ: „Мой народъ вытерпитъ отъ меня много такого, о чемъ вы у себя и подумать не посмѣете, а все-таки меня они любятъ, а васъ нѣтъ!“ И совершенно понятно: жестокости и притѣсненія туземныхъ владѣтелей не вытравливаютъ въ народѣ его преданности къ идеѣ властителя и даже личной любви къ нему. Туземное восточное правленіе во всемъ своемъ, дѣйствительно, безобразіи совершенно понятно восточному человѣку. Ему милы даже фантастическіе капризы своего родного владыки: онъ всеиленъ, захочетъ — щедро наградить, а не то и въ тюрьму засадить; восточному народу какъ будто мало одного формальнаго права; онъ даже предпочитаетъ ему произволь; англійскій сборщикъ поземельнаго налога требуетъ только того, что разъ для всѣхъ одинаково установлено; онъ не притѣсняетъ, не вымогаетъ лишняго, но и неумолимъ къ несостоятельному плательщику; кто не заплатилъ закономъ установленнаго, для того пощады уже нѣтъ. При туземномъ же правленіи есть и притѣсненія, и вымогательство, но есть также вполнѣ основательная надежда, что недоймку простятъ: властителя можно попросить; онъ можетъ и простить, если захочетъ. Онъ и вѣруеть, и молится такъ же, какъ и весь народъ; онъ ѣстъ, пьетъ, по праздникамъ веселится такъ же точно, какъ и всѣ его подданные. Онъ на ихъ глаза такой же, какъ и они, но неизмѣримо сильнѣе всѣхъ своихъ подданныхъ, а потому ему прощается многое; онъ — источникъ и зла, и всѣхъ благъ жизни; онъ произволенъ и щедръ одинаково на то и другое.

## VII.

Изъ Рангуна въ Мандалай можно доѣхать или прямо на пароходѣ, по Ирравади, или же сократить на нѣсколько дней перѣздъ по рѣкѣ и, доѣхавъ по желѣзной дорогѣ до Проме, тамъ пересѣсть на пароходъ.

Ирравади беретъ начало въ Тибетскомъ плато и впадаетъ въ Бенгальскій заливъ; круглый годъ рѣка судоходна на протяженіи 840 миль; круглый годъ по ней могутъ подниматься пароходы до Бхамо, на юго-западной границѣ Китая. Это большая дорога въ Мандалай, Верхнюю Бирму и даже южный Китай, главный путь для внутренней торговли. Все, чѣмъ богата Верхняя Бирма, сплавляется внизъ, къ Рангуну, по Ирравади. Везутъ отсюда шанскихъ пони, козъ, пшеницу и чай, строевой лѣсъ, хлопковъ, бумажныя и шелковыя ткани. Ввозъ бумажныхъ и шелковыхъ тканей, не выдерживая конкуренціи съ европейскими товарами, уменьшается ежегодно. Въ 1884—85 г. ввозъ по этому пути былъ на сумму въ 1.708.716 ф. с. По Ирравади же вверхъ сплавляются европейскіе товары на сумму до двухъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ (1.993.669). По Ирравади бирманецъ получаетъ пищу, рисъ, соль и рыбу соленую, и всѣ тѣ европейскія ткани, радиться въ которыя онъ такъ любитъ.

И весь этотъ путь, связывающій богатые и мало извѣстные, мало-эксплуатированные края съ остальнымъ міромъ, теперь въ рукахъ англичанъ.

Вся иностранная торговля сосредоточена, главнымъ образомъ, въ четырехъ портахъ: въ Рангунѣ, Аньябѣ, Бассейнѣ и Маулменнѣ. Рангунъ—центральный пунктъ для ввоза. Отсюда ввозные товары на береговыхъ, плоскодонныхъ пароходахъ, а также на лодкахъ, развозятся по всей провинціи. Изъ Рангуна же исходитъ до 68% всего вывоза, то-есть рисъ, тикъ, хлопковъ и другія мѣстныя произведенія. Рисъ, кромѣ того, вывозится изъ Аньяба и Бассейна, а изъ Маулмена и тикъ. Сумма вывоза и ввоза за послѣднія пятнадцать лѣтъ равнялась среднимъ числомъ пятнадцати милліонамъ фунтовъ ст. Ввознаго товару было приблизительно на сумму около семи милліоновъ. Ввозится, главнымъ образомъ, хлопковъ, шолкъ, машины, строительный матеріалъ, уголь, соль, металлы, крѣпкіе напитки и т. д. Весь этотъ товаръ идетъ изъ Европы. Главный предметъ вывоза—рисъ. Но въ послѣдніе годы у Бирмы оказались два опасныхъ соперника: Банкокъ и Сайгонъ. Въ 1884—85 г. изъ Бирмы было вывезено свыше милліона тоннъ рису. Но въ слѣдующемъ цифра того же вывоза значительно понизилась. Когда къ 1886 г. Рангунъ посѣтилъ лордъ Дефферинъ, рангунская *chamber of commerce*, подавая петицію объ уничтоженіи рисовой пошлины, поставила на видъ, что Сайгонъ ежегодно все болѣе и болѣе рису высылаетъ въ Китай; Бирма вытѣснена съ этого рынка. Такъ какъ, кромѣ того, производительность французской колоніи увеличивается съ каждымъ годомъ, то

несомнѣнно это можетъ отозваться неблагоприятно для Бирмы и на европейскихъ рынкахъ.

Что за красота эти берега Ирравади, то плоскіе, то гористые, что за роскошь растительнаго міра, во всемъ ея разнообразіи во все продолженіе пути! Берега густо заселены на всемъ протяженіи отъ Проме до Мандалая; на каждомъ шагѣ встрѣчаются деревушки и деревни съ красивыми домиками на сваяхъ, бѣглются ступы и монастыри въ кущахъ пальмъ... День ясный, солнце палитъ, и на сушѣ жара невыносимая, а на пароходѣ, отъ вѣтра съ сѣвера, такая прохлада, какъ у насъ въ ясный весенній день... По рѣкѣ сильное движеніе; плоскодонные пароходы, лодки встрѣчаются во множествѣ; на каждой остановкѣ видишь британскихъ офицеровъ и сипаевъ. Страна была только-что занята и, начиная отъ Таегъ-мьо до Бхамо разставлены были военные посты. Въ это время въ Верхней Бирмѣ у англичанъ не было и десяти тысячъ войскъ, и они были расквартированы мелкими эшалонами на всемъ пути отъ бывшей границы британской Бирмы до столицы уничтоженной независимой Бирмы и далѣе къ сѣверу.

Я ѣхалъ въ Мандалай въ январѣ 1886 г., вскорѣ послѣ того, какъ британскія войска заняли его. Тзи-бау былъ увезенъ изъ Бирмы, его царство перешло въ британскія руки безъ борьбы и сопротивленія. Но мира еще не было въ странѣ и тишь не наступала: появились разбойники, жгли деревни, подстрѣливали офицеровъ, распинали тѣхъ, кто попадался имъ въ плѣнъ. По дорогѣ, въ двухъ-трехъ мѣстахъ намъ встрѣчались эти сооруженія для оригинальной бирманской казни. Но вообще плаваніе обошлось безъ всякихъ приключеній. Мнѣ казалось даже, что здѣсь, на мѣстѣ разбойничьихъ безчинствъ, о дакойтахъ говорятъ меньше, нежели въ Рангунѣ или въ Калькуттѣ. Въ Рангунѣ слуховъ о разбойникахъ было многое множество, и одинъ слухъ страшнѣе другого; было даже объявлено малое осадное положеніе: по вечерамъ туземцы не смѣли показываться на улицахъ безъ фонарей, и волонтеры сторожили по ночамъ дома европейцевъ; но въ самомъ Рангунѣ въ то время никто ни единого дакойта не видѣлъ. Въ Калькуттѣ страхи, по рассказамъ, еще болѣе увеличивались; тамъ уже говорили, что не безопасно ходить по улицамъ Рангуна.

На пароходѣ часто появлялись англійскіе офицеры; нѣкоторые изъ нихъ ѣхали въ Сагаинъ, въ Мандалай; другіе переѣзжали отъ стоянки къ стоянкѣ. Разсказовъ о недавней кампаніи, о занятіи Мандалая приходилось слышать много, и всѣ они были болѣе или менѣе любопытны и характерны. Одинъ рассказывалъ, какъ



онъ съ товарищами охотился на бирманскихъ собакъ и поросятъ. Другой сообщалъ, какъ онъ на охотѣ нечаянно подстрѣлилъ старуху и отдѣлался штрафомъ въ 15 рупій (рупія—почти что рубль по курсу) и т. д. Говорили и о дакойтахъ; въ то время ихъ безчинства не доходили до грандіозныхъ размѣровъ, чѣмъ бирманцы ознаменовали себя впоследствии. Но уже въ то время туземцы втихомолку качали головами и исподтишка спрашивали себя: „что-то будетъ, когда наступятъ жары, а затѣмъ дожди?“

Дакойтовъ, какъ кажется, никто не ждалъ; они появились, и англичане начали соображать о томъ, откуда они могли взяться, и вспомнили тогда только, что солдаты Тзи-боу, со взѣмъ ихъ вооруженіемъ, были распущены, что въ Верхней Бирмѣ всегда было много всякой сволочи, готовой заняться этимъ доходнымъ промысломъ; что у всякаго бирманскаго царя много родичей, а потому всегда можетъ выискаться какой-нибудь царственный кузень на ампула претендента. О томъ, что народъ хотя мирно и тихо покорился, но властительства британскаго не желаетъ, объ этомъ много не раздумывали. А между тѣмъ присоединенія Верхней Бирмы къ британскимъ владѣніямъ никто изъ туземцевъ не хотѣлъ; туземцы и въ Нижней, и въ Верхней Бирмѣ были противъ присоединенія. Противъ поглощенія Бирмы раздавался стонъ и вопль въ индійской туземной прессѣ. Бабу кричали, но тѣ болѣе съ отвлеченной точки зрѣнія. Покореніе Бирмы!—да это просто-на-просто захватъ, которому нѣтъ никакого оправданія; это непростительное нарушеніе международнаго права. Вотъ, говорилъ одинъ изъ калькуттскихъ бабу, Россія заняла Мервъ, — Англія протестуетъ, подговариваетъ афганскаго эмира объявить чуть ли не половину мервской территоріи своею собственностью. Возникаютъ пререванія; они тянутся чуть ли не цѣлый годъ и едва не привели къ войнѣ. Уничтоженіе разбойничьяго гнѣзда ставится въ вину, объявляется недобросовѣстнымъ дѣйствіемъ,—а что же такое этотъ захватъ Бирмы? Чѣмъ повиненъ передъ вами этотъ мирный, культурный народъ; за что онъ лишается самостоятельности? Не за то ли, что оказался безпомощенъ передъ врагомъ, вооруженнымъ всѣми успѣхами современнаго знанія? И что его ждетъ теперь? Ломка и передѣлка! Англичане никогда не хотѣли признавать, что у туземцевъ можетъ быть собственная, и при томъ хорошая, система администраціи и юстиціи. Обыкновенно они начинаютъ свое правленіе уничтоженіемъ всѣхъ важнѣйшихъ туземныхъ институтовъ, и затѣмъ, вмѣсто нихъ, учреждаютъ свои, дорого оплачиваемые. Вотъ что говорилось въ Индіи, и говорилось громко. Вице-король

стель нужнымъ даже, въ своей рѣчи въ новый годъ, обратить вниманіе на мнѣніе туземной прессы и полемизировать съ нею.

Въ Бирмѣ въ то время врядъ ли можно было бы найти хотя бы одного туземца, который искренно радовался или одобрялъ присоединеніе. Большинство и не скрывало своего недовольства; сами англичане знали, что всѣ министры, всѣ состоявшіе на службѣ у низложеннаго царя, съ новымъ порядкомъ оставшіеся за штатомъ, не у дѣлъ, настроены враждебно къ британской власти. Монахи, конечно, были противъ новой власти; они чувствовали, что ихъ часть пробилъ, и того значенія, каковымъ они пользовались при прежнихъ владѣтеляхъ, имъ не удержать при англичанахъ. Напрасно англичане увѣряли ихъ, что буддизмъ не будетъ преслѣдуемъ, станеть пользоваться покровительствомъ. Но при переводѣ этихъ словъ на простой языкъ и на практикѣ обѣщанія обращались въ ничто, и это оказалось весьма скоро, почти тотчасъ же по присоединеніи Верхней Бирмы. Буддисты пожелали имѣть духовнаго главу своей общины, или такое лицо по назначенію отъ правительства, котораго англичане, по невѣденію, называли архіепископомъ; на самомъ дѣлѣ, онъ назывался царскимъ наставникомъ и назначался царемъ. Буддисты говорили, что со смѣною царя мѣнялся и „ражагуру“, или царскій наставникъ. Царь ушелъ. Кто же теперь станеть вѣдать дѣла религіи? Англо-индійское правительство пришло въ недоумѣніе: какъ христіанину вице-королю назначать языческаго епископа? Буддистамъ предложили обратиться съ петиціей къ китайскому императору!—и думали задобрить монаховъ, отдавая имъ нѣсколькихъ изъ награбленныхъ солдатами истукановъ. Монахи молча приняли этотъ милостивый даръ и, какъ говорятъ, изумили и вице-короля, и весь его штатъ своею угрюмостью и тупою неблагодарностью. О томъ содержаніи, которымъ пользовались монахи при старыхъ царяхъ, теперь имъ и думать нельзя было. А тутъ еще въ виду британская школа—разсадникъ невѣрія, питомникъ поколѣній, которыя знать не хотять ни св. писанія, ни священнаго языка и выучиваются одному англійскому языку. Неизвѣстно, насколько всѣ монахи активно содѣйствовали дакойтамъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что во главѣ бандъ были монахи, и въ монастыряхъ дакойты находили временный пріютъ. За всѣмъ тѣмъ дакойтовъ нельзя считать патріотами; они, дѣйствительно, подстрѣливали англійскихъ офицеровъ, и процентъ убитыхъ и раненыхъ офицеровъ былъ очень высокъ, говорятъ—значительнѣе, нежели въ послѣднюю афганскую кампанію. Но дакойты въ то же время и своихъ грабили; жгли и уничтожали все, что попадалось подъ

руку, словомъ—безчинствовали всюду, гдѣ могли это творить безъ помѣхи. Мало они убивали сипаевъ; да мадрасскіе сипаи благо-разумно укрывались за спиною своихъ офицеровъ. Объ этомъ ходило много разказовъ. А дѣло при Минклѣ ознаменовалось такимъ скандаломъ, разказъ о которомъ, конечно, не прибавить блестящей страницы къ боевой исторіи мадрасской арміи. Не имѣя на своей сторонѣ ни монаховъ, ни какого другого вліятельнаго класса, ибо такого и нѣтъ въ Бирмѣ, такъ какъ тамъ нѣтъ высшихъ и низшихъ сословій, англичане очутились лицомъ къ лицу съ бирманскимъ народомъ. Народъ недоумѣвалъ о томъ, какъ это такъ безъ борьбы взяли да увезли его царя Богъ вѣсть куда. Простой народъ въ Верхней Бирмѣ, даже въ Мандалаѣ, мѣсяца два по отъѣздѣ Тзи-бау твердо убѣжденъ былъ, что царь спрятанъ во дворцѣ. Простой людъ увѣренъ былъ также, что англичане возьмутъ да обратятъ всѣхъ въ рабовъ, а вѣру уничтожатъ. На царя у народа и въ особенности у монаховъ было свое собственное воззрѣніе; объ этомъ, по словамъ англичанъ, извергъ всѣ говорили съ любовью и сожалѣніемъ: обвиняли жену, тещу, министра, но нигдѣ мнѣ не пришлось услышать ни одной хулы царю. Монахи всюду восхваляли его ученость и его добродѣтели.

### VIII.

Мандалаѣ—богатый городъ, хотя въ немъ, говорятъ, не болѣе десяти тысячъ жителей; его предмѣстья, сады, монастыри, ступы и всякія другія святыни раскинулись и распозлились по всей равнинѣ между Ирравади и Шанскими горами, и на всемъ этомъ пространствѣ около десяти верстъ въ ширину и столько же въ длину, всюду, куда ни кинешь взглядъ, зелень и зелень, тѣнистая буши деревъ и кустовъ, и тамъ, гдѣ садъ, густая листва тамариндовъ, пальмъ, гдѣ зрѣетъ манго и горделиво висится пальмира, тамъ навѣрное въ тѣни и прохладѣ ютится обитель святыхъ мужей въ желтыхъ ривахъ, стоятъ кельи и изъ-за деревьевъ высовывается золотая маковка ступы.

Несмотря на зелень и на близость рѣки и горъ, въ Мандалаѣ жарко, пыльно, зловонно; вмѣсто дорогъ, отъ пристани къ городу танутся какія-то глубокія борозды; во весь путь—псовъ, худыхъ и грязныхъ, свиней и поросятъ видишь больше, нежели людей!

Городъ восточный и оригинальный въ своей самобытности: по пыльнымъ дорогамъ—борозды и рытвины; вмѣсто всякихъ эки-

пажей—какіе-то ящички, запряженные волами; пыль и вонь во всю дорогу отъ рѣки до царскаго дворца.

Отецъ Тзи-бау не любилъ англичанъ; онъ не выносилъ даже свиста англійскихъ пароходовъ. Этотъ визгъ смущалъ его душевный покой. Фантастъ и деспотъ въ одинъ прекрасный день взялъ да и рѣшилъ перенести свою столицу изъ стараго, насиженаго мѣста въ новое, подальше отъ западныхъ пришельцевъ. Случилось это лѣтъ тридцать тому назадъ.

По велѣнію царя, выстроился крѣпкій фортъ, а въ срединѣ воздвигли пышный чертогъ съ высокими крышами, шпицами, золочеными колоннами, кружевными стѣнами, садами, водоемами и т. д., словомъ—соорудили дворецъ изъ волшебной сказки. Позолота и мишура на крышахъ и столбахъ, зеркала и разноцвѣтныя стекла по стѣнамъ, кругомъ—вся роскошь тропической растительности, и все это блеститъ и сіяетъ при жаркихъ лучахъ полуденнаго солнца.

Но до дворца отъ пристани далеко; нужно проѣхать предмѣстья, въѣхать за городскія стѣны, добраться до палисада, и за ними предстанетъ изумленному взору это созданіе восточной фантазіи. Городъ обнесенъ ровомъ, высокими кирпичными стѣнами и выстроенъ квадратомъ. Съ каждой стороны въ городъ ведутъ трое воротъ. Городскія улицы расположены параллельно стѣнамъ; онѣ пошире и немноже почище дорогъ предмѣстья, но также не мощены, а потому пыльны до нельзя.

Садовъ, зелени и здѣсь такъ же обильно, какъ и за городомъ. Дома какъ будто побольше и попадаются каменные постройки, но всего болѣе и здѣсь деревянныхъ домиковъ на сваяхъ и съ крытыми верандами. Чѣмъ ближе къ дворцовымъ палисадамъ, тѣмъ, конечно, значительнѣе и лучше дома.

За палисадами или внутреннею стѣною видъ открывается иной: вы прямо передъ дворцомъ. Отъ воротъ вплоть до Хлотъ-доу, или зданія, гдѣ засѣдалъ государственный совѣтъ, все пространство занято было въ январѣ 1886 г. офицерскими палатками; параллельно имъ, на открытомъ воздухѣ, расположились чернокожіе сипай съ своими припасами, у разведенныхъ костровъ. Дворецъ занятъ былъ англійскими войсками и принялъ видъ лагеря: солдаты попадались на каждомъ шагѣ: солдаты на часахъ въ боевой амуниціи, солдаты безъ всякаго дѣла, офицеры съ озабоченнымъ видомъ и съ какими-то бумагами въ рукахъ... Подъ тѣнью пальмъ полковой оркестръ разыгрывалъ какой-то бравурный маршъ; полунагая толпа кули съ крикомъ тащила какія-то бревна; ссрипучія телѣги везли куда-то булыжники. Шумъ и гамъ повсемѣстные.

Такимъ я видѣлъ дворець бирманскаго царя, куда на дворъ въ бывшее время, но очень недавно, никто изъ смертныхъ не смѣлъ вступать въ башмакахъ и съ зонтикомъ въ рукахъ.

Хлотъ-доу съ своею многоэтажною крышкою и на половину вызолоченною колоннадою, съ облупившимися ступенями, производитъ впечатлѣніе мѣста, доживающаго печально свой вѣкъ. Царскій тронъ еще стоялъ на прежнемъ мѣстѣ; во всякое время дня можно было найти толпы туземцевъ на верандѣ; въ боковомъ помѣщеніи пока еще ежедневно засѣдали бывшіе вуны, или царскіе министры, но прежней власти уже не было у вуновъ; и настоящій хозяинъ Бирмы былъ не съ ними,—они лишь исполняли его приказанія...

Налъво отъ Хлотъ-доу, черезъ ворота, входилъ во внутренней дворъ, прямо къ зданію аудіенцій, на которомъ также красуется надпись: „Army head Quarters“.

Здѣсь центръ военно-административной дѣятельности. Направо возвышается на бамбуковыхъ сваяхъ какое-то походное зданіе съ надписью „Auction“.

Четыре громадныхъ пушки, изъ которыхъ никогда никто не палилъ, сторожатъ входъ въ залу аудіенціи. Сюда, по этимъ ступенямъ босикомъ и далѣе чуть ли не ползкомъ, являлись еще очень недавно разные европейскіе проходимцы лицезрѣть бирманскаго властителя; здѣсь, сидя на корточкахъ, умиленно складывая по восточному руки, они выпрашивали концессіи и монополіи.

Теперь золотой вѣкъ легкой наживы для мелкихъ проходимцевъ миновалъ. Новый хозяинъ поведетъ дѣло иначе... Очевидно, сюда нужно народъ покрунѣе! За залою аудіенціи начинаются царскіе покои, золоченные, съ прозрачными стѣнами; все—приютъ вѣги и праздности. Ихъ не описать словами! Какъ передать впечатлѣніе полуденнаго яркаго солнца, зелени тропической растительности и всю эту обстановку, среди которой раскинулся волшебный чертогъ, съ его крытыми переходами, галереями, садами, цѣбниками и т. д.? Вотъ, напр., опочивальня царя, обширный залъ, въ которомъ готовится drowing room для лэди Дефферинъ; вотъ тутъ же рядомъ—другой золоченный чертогъ, гдѣ нѣкогда была царская бібліотека, а теперь складъ Prize Committee, дрянъ и рухлядъ изъ Пале-Рояля и Риджентъ-Стритъ, вся та рухлядъ, чѣмъ теперь торгуютъ побѣдители невоевавшаго народа.

Но чтобы видѣть Мандалай во всей его оригинальной красѣ, со всеми его храмами, монастырями, нужно подняться на Мандалайскій холмъ и оттуда бросить взглядъ на низменную болотистую равнину, обстроившуюся въ какія-нибудь тридцать лѣтъ

по волѣ и прихоти восточнаго деспота, и всѣ эти монастыри, съ высокими крышами, съ золочеными стѣнами, съ зеркальными и стеклянными украшеніями, покажутся гигантскими китайскими ящичками тщательной работы, разставленными и разбросанными живописно по громадному столу.

Новымъ духомъ вѣетъ теперь всюду въ этомъ богоспасаемомъ нѣбогда городѣ; во дворцѣ, за высокими стѣнами, среди тѣнистыхъ пальмъ и банановъ, въ золоченыхъ чертогахъ восточнаго potentата, низложеннаго за то, что былъ слабъ, слишкомъ много любилъ строптивую жену и много вѣрилъ ей, живетъ теперь офицерство. Всюду здѣсь роскошь, ковры, диваны слоновой кости, золоченныя кресла, просторъ и прохлада.

Да, кто здѣсь живетъ, обѣдаетъ въ здѣшней mess-room, у того не много лишній!.. За дворцомъ—рядъ монастырей и храмовъ. Вотъ аумаши, вотъ другой—зеркальный. Не ищите здѣсь монаховъ, не спрашивайте ихъ: они ушли, но ихъ покои, гдѣ нищія въ желтыхъ ризахъ читали свои книги и размышляли о пути, выводящемъ за предѣлы скорби, заняты теперь британскимъ воинствомъ; по садамъ бѣлѣютъ солдатскія палатки, на верандахъ разложены и развѣшены разныя боевыя и другія принадлежности офицерскаго костюма.

„Конецъ ученію!“ втихомолку твердятъ бѣжавшія желтыя ризы.

## IX.

Независимая Бирма послѣ двухъ войнъ съ англичанами, лишившаяся естественнаго выхода къ морю и заграждавшая англичанамъ путь въ южный Китай, страна богатая, не могла долго просуществовать самостоятельно; она естественно должна была утратить свою независимость: подпасть или подъ опеку какой-нибудь европейской державы, или же, что еще гораздо проще, превратиться въ богатую провинцію ближайшей имперіи. Такъ и случилось. Можно подивиться, что превращеніе независимой Бирмы въ британскую провинцію случилось такъ поздно... Англичане, какъ кажется, медлили захватомъ, пока не видѣли соперниковъ. Явились соперники... и правительство рѣшило, что пора... Началась агитація противъ Тзи-бау.

Вѣроятно, современемъ сами бирманцы поразскажутъ правдивую исторію Тзи-бау и разъяснятъ, что это былъ за человекъ, почему о немъ англичане говорятъ одно, а туземцы другое; по-

чему, наконецъ, пока онъ, слѣдуя рассказамъ англичанъ, упражнялся въ разныхъ жестокостяхъ и душегубствахъ, въ Бирмѣ было больше порядка, нежели теперь. Пришли освободители, заняли столицу безъ выстрѣла, не тратя пороха и не проливая крови, плѣнили жестокаго царя; тутъ-то, казалось бы, и слѣдовало начаться царству благодати; случилось, однакоже, совершенно противоположное: народъ разбойничаетъ и разоряется. Тзи-бау, рассказывали, тиранъ, даже не царскій сынъ, а сынъ какого-то монаха; а между тѣмъ народъ о немъ говоритъ иное и жалѣетъ своего царя.

Восточный человѣкъ, — что, казалось, должно было бы быть извѣстно англичанамъ, — не хочетъ перемѣнъ, ибо не любитъ ихъ. Присоединеніе же Бирмы грозитъ населенію именно этимъ; восточный человѣкъ — по природѣ вѣрноподанный своего властителя, и британская политика не щадитъ этихъ основныхъ чертъ народнаго характера. Случилось, притомъ, такъ: народная самостоятельность и народное благосостояніе были приносимы въ жертву самымъ несимпатичнымъ сторонамъ западнаго культуртрегера. Дѣло было такъ просто и ясно, но оно обставлялось безъ нужды и безъ всякой пользы какимъ-то неумѣлымъ лицемѣріемъ.

Бирму нужно было присоединить, во-первыхъ, потому, что эта страна богатая, откуда кратчайшій путь въ Китай; во-вторыхъ, потому, что бирманецъ — отличный покупатель британскихъ мануфактуръ; въ-третьихъ, еслибы англичане не захватили Бирмы, тамъ явились бы французы изъ Тонкина, вооружили бы бирманское войско, и въ случаѣ какихъ-нибудь конфликтовъ Тзи-бау или другой бирманскій царь могъ бы надѣлать много хлопотъ.

Резоновъ этихъ, казалось бы, совершенно достаточно; но совѣсть говорила, что они недостаточно благовидны. И вотъ, вмѣсто этихъ настоящихъ поводовъ и причинъ, выдвигается на видъ, для успокоенія политической совѣсти, рядъ благообразныхъ, но фиктивныхъ причинъ войны.

Прежде всего досталось самому Тзи-бау. „Онъ, — кричали на всѣхъ перекресткахъ и во всѣхъ листьяхъ, — пьяница и тиранъ. Онъ душегубецъ!“

Торгаши и аршинники собираютъ громадный митингъ въ Рангунъ и вопіютъ къ правительству: имъ нужны новые рынки, хочется подобраться къ рубиновымъ копамъ, къ бирманскому петролею, шанскому чаю, и т. д., къ дорогимъ товарамъ и новымъ рынкамъ; но, какъ истые христіане и цивилизованные люди, они заводятъ рѣчь издалека: вспоминаютъ гугенотовъ и великія дѣянія queen Bess блаженной памяти! Проповѣдникъ и миссіонеръ

изъ крещеныхъ евреевъ, бывшій нѣкогда на содержаніи у отца Тзи-бау и обучавшій самого Тзи-бау, патетически разглагольствуетъ о христіанскихъ добродѣтеляхъ. Двинулся вопросъ!

Случилось затѣмъ, что одна британская компанія, арендовавшая лѣса у бирманскаго царя, повела себя не такъ, какъ бы слѣдовало. Бирманскіе чиновники увѣряли, что накрыли компанію въ плутняхъ. Бирманское правительство приняло тогда сторону компаніи и стало ее защищать, но только до завоеванія Бирмы; когда же лѣса Тзи-бау перешли во владѣніе англичанъ, то они стали говорить, что компанія неправа и дѣйствительно плутовала. До войны же ихъ инцидентъ съ лѣсопромышленниками, при помощи газетъ, крикуновъ и митинговъ, разросся въ международный вопросъ первостепенной важности. Войны, однакожь, изъ этого все-таки бы не вышло, и Бирма, быть можетъ, еще нѣсколько лѣтъ существовала бы какъ независимое царство. Но въ Мандалаѣ нашелся услужливый человѣкъ; въ чаяніи награды изъ фондовъ за таинственныя услуги, онъ овладѣлъ черною франко-бирманскаго трактата. Овладѣлъ и, конечно, не спряталъ его въ свой столъ!

Бирманскіе цари относились къ англичанамъ недружелюбно; но едва ли была у нихъ ненависть вообще къ европейцамъ. Въ Мандалаѣ всегда бывали европейцы, и нѣкоторые изъ французовъ и итальянцевъ имѣли значеніе при бирманскомъ дворѣ, вліяли сильно на дѣла. Такимъ вліятельнымъ лицомъ былъ, напр., Андреино, итальянскій консуль, недавно награжденный британскимъ правительствомъ подаркомъ въ пять тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Въ Мандалаѣ въ началѣ нынѣшняго года ходили слухи, что Андреино получить или уже получилъ двадцать тысячъ фунтовъ изъ капиталовъ Secret Service Fund. Ловкимъ людямъ легко было выдвигаться при мандалайскомъ дворѣ. Рассказываютъ, напр., какъ одинъ ловкій европеецъ добился царской милости, поставляя царевичамъ и царевнамъ забавныя игрушки и своимъ умѣньемъ передавать европейскую рѣчь въ бирманскомъ одѣяніи, то-есть съ грубою лестью и прикрасами; изъ бѣдныхъ приказчиковъ онъ преобразился въ царскаго совѣтника и довѣреннаго лица, а когда понадобилось, то выгодно продалъ тайну своего довѣрителя. Народъ, рассказываютъ, за это хотѣлъ его убить. Авантюристовъ всегда было много при восточныхъ дворахъ; добра они мало дѣлали странѣ, но нерѣдко наживались. При дворѣ отца Тзи-бау, Менъ-дунъ-мина, былъ нѣкто Д'Оргони или, по настоящему, Жирондонъ. Ловкій человѣкъ, обѣгавшій весь міръ: служилъ онъ и въ Америкѣ, и въ Африкѣ, пробовалъ пристроиться



гдѣ-нибудь въ Индіи, и оттуда попать къ мандалайскому двору. Менгъ-дунъ-минъ не терпѣлъ англичанъ и задумалъ отыскать себѣ союзниковъ въ Европѣ; говорятъ, онъ помышлялъ даже о союзѣ съ Россіей. Черезъ Д'Оргони онъ рѣшился войти въ прямыя сношенія съ Франціей. Д'Оргони съ этою цѣлью ѣздилъ въ Парижъ, но правительство Наполеона III-го отклонило бирманскія предложенія, и бирманскій повѣренный уѣхалъ ни съ чѣмъ. Бирманскій вопросъ или, вѣрнѣе, индо-китайскій, привлекалъ, однакоже, вниманіе нѣкоторой части французовъ. Въствѣ съ грѣзами о созданіи великой французской имперіи на этомъ полуостровѣ, въ французскихъ головахъ зарождались грандіозныя планы, создавались проекты о прорытіи перешейка Кра и открытіи новаго французскаго пути на дальній востокъ въ Китай и Японію, Юннанъ. Богатства южнаго Китая соблазняли не только англичанъ — и французы мечтали открыть торговый путь по рѣкѣ Красной, добраться отъ Меконга, изъ Кохинъ-Хины, въ шаньскія страны. Въ 1883 году въ Парижѣ появляется бирманское посольство; англичане весьма скоро догадались, что затѣвается что-то враждебное для ихъ интересовъ. Бирманцы, дѣйствительно, захотѣли эмансипироваться отъ британскаго вліянія: они спѣшили заключить трактатъ съ Франціей, Германіей и Италіей; предоставляли французамъ разныя монополіи и концессіи, договаривались о провозѣ оружія изъ Тонкина, понизили пошлину на французскіе товары и приняли въ Мандалаѣ французскаго политическаго агента. Въ іюль 1885 года англичане стали толковать, что Франція добивается такого положенія въ Бирмѣ, которое можетъ быть опасно даже для Индіи. Главный комиссіонеръ сообщалъ въ Калькутту, что весьма вѣроятно, еслибы англичане стали воевать съ Россіей, изъ Верхней Бирмы появились бы шайки разбойниковъ; царскіе совѣтники, утверждали онъ, увѣрены въ томъ, что Россія побѣдитъ и династія Аломпра вновь овладѣетъ всѣмъ тѣмъ, что было у нея незаконно отнято. Слухи о французскихъ начинаніяхъ получали какой-то зловѣщій характеръ для англичанъ: толковали о французскомъ банкѣ въ Мандалаѣ, объ арендѣ рубиновыхъ копей, золотыхъ прискобовъ. „The British Commercial Community“ волновалась. Да и было отчего. Дѣло шло чуть ли не объ утратѣ рынка, да еще какого! „Мы владемъ Бирмой, — говорила община коммерсантовъ, — не болѣе тридцати лѣтъ, а посмотрите, какого потребителя британскихъ мануфактуръ мы воспитали въ бирманцѣ. Индіецъ покупаетъ нѣсколько ярдовъ бумажной ткани, а бирманецъ расточаетъ всѣ свои сбереженія на покупку ввозной роскоши. И это не благодать!“ — „Насъ хотятъ, —

вричали въ Рангунѣ, —отстранить отъ неисчислимыхъ богатствъ Верхней Бирмы и южнаго Китая, Шанскихъ владѣній и Каррени“.

Необходимость положить конецъ независимости Бирмы вполне выяснилась, и сипай пошли освобождать себѣ подобныхъ ниггировъ отъ кровожаднаго тирана. Выкраденная черновая трактата рѣшила дѣло: терпѣть долѣе было бы политическимъ безуміемъ. Для видимости послали ультиматумъ, а затѣмъ, въ скорости, двинули и войска въ Мандалаю. Пошли и застигли врасплохъ тирана. Онъ сдался весьма скоро, такъ скоро, что послѣ его плѣна англичане цѣлую недѣлю не могли придумать, куда его слѣдуетъ спроводить, и, наконецъ, рѣшили его увезти въ Мадрасъ. Царя плѣнили, и его народъ покорился безъ боя.

Мѣсяца черезъ два въ ново-забранный край явился вице-король.

Лояльные вѣрноподданные ея британскаго величества заликовали въ присутствіи ея представителя. „Да будетъ мой лордъ благословенъ, —привѣтствовалъ благороднаго лорда одинъ изъ вѣчно алчущихъ новыхъ рынковъ купцовъ, —въ сознаніи того, что цѣлая страна имъ спасена и народъ искупленъ“. А дакойты изъ искупленнаго народа, между тѣмъ, не переставали подстрѣливать спасителей изъ-за кустовъ.

Въ то время, какъ въ Рангунѣ, въ школахъ усердныхъ и христіанскихъ миссіонеровъ, бирманскіе и всякихъ другихъ индо-вѣтскихъ народностей мальчики младенческими голосами распѣвали новосочиненный гимнъ о дарованіи побѣды, генераль Прендергастъ—дней новѣйшихъ Исусъ Навинъ, какъ его называлъ въ Рангунѣ одинъ миссіонеръ изъ „божьяго народа“—занялъ Мандалай. Іерихономъ, по всей вѣроятности, нужно считать Минхлу, гдѣ стѣны не разваливались отъ трубнаго гласа, но мадрасскіе полки побѣждали отъ супостата.

Заняли Мандалай! „Grant Thy blessing that this nation may be glad and rejoice!..“—распѣвали юные голоса.

Молимъ Тебя, —взывали они: — „that truth and justice, righteousness and peace may be established throughout the whole of this country...“

И Господь Богъ, въ великой благодати своей, внялъ мольбамъ невинныхъ. Заняли Мандалай, и въ первую ночь былъ „the loot“. Возвеселились сердца побѣдителей: потащилъ себѣ кто что могъ. Тащить было что! Золото и рубины, всюду блескъ, наряды. Солдаты и офицеры—все двинулись ко дворцу на рекогносцировку: закладывались первые камни величественнаго зданія, именуемаго „Rax Britannica“. Грабили и искали скрытыхъ богатствъ. Грабили и обыскивали. Грабилъ сипай и обыватель, придворныя особы, бирман-

скія статсъ-дамы и даже принцессы крови... Но власть бодрствовала... Хищенію былъ положенъ своевременно конецъ. Хищниковъ перехватывали. У однихъ отобрали добро, почему-то почитавшееся казеннымъ британскимъ; другихъ, не разбирая пола, отечески посябли; третьихъ отправили въ ссылку за море и, во вниманіе къ ихъ высокому происхожденію, предосудительное поведеніе было забыто, а принцессамъ крови назначали приличное содержаніе, въ размѣрѣ отъ 10 до 15 руб. въ мѣсяцъ. Принцессъ оказалось очень много.

„Prosper them,—молили дѣти,—in the maintenance of our country's honour!“...

И золота было много: попадались истуканы, чаши, даже ванны изъ золота. Было чему ликовать! Но не живетъ тотъ, кто успокоился и удовлетворился. Живому все мало; отъ хорошаго онъ ищетъ лучшаго. Осмотрѣли дворецъ, утащили оттуда что можно—стали искать кладовъ.

На помощь искателямъ кладовъ пришли знающіе ихъ.

— Къ С.,—разсказывалъ британскій офицеръ,—явился одинъ господинъ съ предложеніемъ указать кладъ.

— Ну, что же?

— Да просилъ онъ 20<sup>0</sup>/<sub>0</sub>. С. обѣщала 5<sup>0</sup>/<sub>0</sub>. Не согласился и ушелъ.

— Я высѣкъ бы его,—замѣтилъ другой собесѣдникъ, также военный,—да въ тюрьму... Онъ и даромъ указалъ бы...

— А газеты? Какой шумъ онѣ подняли бы!..

— Точно онѣ все знаютъ!

## Х.

Бирма — страна любопытная и мало изслѣдованная. Индію она вовсе не напоминаетъ: здѣсь нѣтъ ни обширныхъ индійскихъ равнинъ, нѣтъ ни большихъ плоскихъ возвышенностей. Вся страна пересѣкается параллельными широкими рѣчными долинами между горными кряжами, которые тянутся съ сѣвера отъ Гималаевъ на югъ. Это обширное пространство, доходящее почти-что до экватора, на сѣверѣ упирается въ Китай; кромѣ Бирмы, на полуостровѣ есть и другія царства, независимыя или полузависимыя: Сіамъ, Аннамъ, Камбожа и Тонкинъ. Британскія владѣнія на сѣверо-востокѣ упираются въ китайскую провинцію Юннанъ; на юго-востокѣ они граничатъ съ Сіамомъ; шанскія земли отдѣляютъ ихъ отъ Тонкина. На сѣверѣ отсюда между горъ вьется

тотъ старинный золотой путь въ Китай, объ открытіи котораго давно уже мечтають тѣ, кому постоянно необходимы все новыя и новыя рынки. Кто завладѣетъ золотою дорогою?—куда направятся рельсы?—Объ этомъ пока трудно сказать что-либо положительное. Вѣрно одно—Китай долженъ будетъ въ ближайшемъ грядущемъ отворить ворота: съ двухъ сторонъ къ нему лѣзетъ торгашъ съ товаромъ; изъ Бхамо по Ирравади и изъ Тонкина по Красной рѣчкѣ; къ нему просятся въ гости и изъ Индіи, изъ Ассама—высматриваютъ путь къ порогу его дома, посягаютъ проникнуть въ загадочный міръ буддизма, въ Тибетъ. Эпоха географическихъ открытій на азіатскомъ материкѣ отходитъ въ область исторіи: съ каждымъ годомъ исчезаютъ съ нашихъ географическихъ картъ пробѣлы знаній, и число странъ, заповѣдныхъ для европейскихъ изслѣдователей, уменьшается. Мы живемъ наканунѣ великихъ событій въ Азіи: западный торгашъ, съ своими товарами, съ своими идеями, со всѣмъ своимъ добромъ и багажемъ своей цивилизаціи, просится за „Великую стѣну“. Ристалище уже началось: миллиардами соблазняютъ нѣмцы неподатливаго на новыя выдумки Джона Чайнамена. Быстрый на всякія начинанія французъ раскрываетъ передъ нимъ грандіозныя прожекты; явился и американецъ, всегда чуткій къ зарожденію выгодныхъ спекуляцій. Сосѣдъ съ юга давно уже заявилъ свои притязанія, и онъ, какъ окажется, всего ближе къ большому призу.—Да, не только въ Турціи,—и въ Левантѣ западные люди отнынѣ станутъ соперничать и солить другъ другу. Имъ открывается новая орбита дѣйствій, затмѣвающая своимъ историческимъ значеніемъ жгучіе, но не всякому понятныя вопросы, нарождающіеся время отъ времени у бесплодныхъ скалистыхъ вершинъ Афганистана: дѣло идетъ объ экономическомъ преобладаніи въ странѣ съ четырехсотъ-милліоннымъ населеніемъ, объ открытіи западной предприимчивости обширнаго новаго поприща, о новомъ владѣтельствѣ во всей сердцевиנѣ Азіи, начиная отъ Памира, на востокѣ, между Алтаемъ и Гималаями, о нравственномъ господствѣ надъ народомъ, который помнитъ, или воображаетъ, что помнитъ, свою исторію на протяженіи тысячелѣтій, чуть ли не цикловъ и эоновъ.

А Россія? Самый крупный землевладѣлецъ Азіи и ближайшій самый старый сосѣдъ Китая,—какова же ея роль въ этомъ новомъ международномъ столеновеніи?

Въ англо-индійской литературѣ есть прелюбопытный памятникъ оффиціального краснорѣчія; это прощальное слово къ Индіи великаго проконсула лорда Далгаузи. На нѣсколькихъ страницъ

какъ какимъ-то лапидарнымъ слогомъ повѣдана міру исторія того, какъ въ восемь лѣтъ росла и ширилась во всѣ стороны власть Великой Британіи: передъ взоромъ британца проносятся картины плодородныхъ пенджабскихъ равнинъ, дѣвственныхъ лѣсовъ, цвѣтущихъ роцъ магноліи и рододендроновъ, рисовыхъ, чайныхъ и всякихъ другихъ плантацій, громадныхъ полей, засѣянныхъ опиумомъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ послѣ отъѣзда лорда Далгаузи изъ Индіи; настало какъ бы затишье въ приобрѣтательной дѣятельности Британіи; во все это время англичане и часто, и много толковали о нашихъ захватахъ и завоеваніяхъ, и мы имъ повѣрили; даже не безъ гордости стали считать милліоны верстъ песку и солончаковъ, которые дорогою цѣною русской крови достались намъ на долю... А повѣда мы самоутѣшались и дѣйствительно отличились у Кушки—британецъ овладѣлъ великолѣпною странною дѣвственныхъ лѣсовъ, рубиновыхъ и золотыхъ копей, золотоносныхъ рѣкъ—и сталъ на стражѣ у золотого пути!

И. Минаевъ.

Іюль, 1886 г.



---

# ПОШЕХОНСКАЯ СТАРИНА

Жизнь и приключенія Никанора Затрапезнаго.

IV.— День въ помѣщичьей усадьбѣ \*).

(1834—1836 гг.).

Іюнь въ началѣ; шестой часъ утра. Окно въ дѣвичьей поднято, и въ комнату со двора врывается свѣжая струя воздуха. Рои мухъ такъ и кишатъ въ воздухѣ, и въ особенности скучиваются подѣ потолокомъ, откуда слышится неистовое гудѣніе. Женская прислуга уже встала, убрала съ полу войлоки, собралась около стола и завтракаетъ. На этотъ разъ на столѣ стоитъ чашка съ толокномъ, и деревянныя ложки усиленно работаютъ. Черезъ десять минутъ завтракъ конченъ; дѣвицы скрываются въ рабочую комнату, гдѣ разставлены пяльцы и подушки для кружевъ. Въ дѣвичьей остается одна деньщица, обыкновенно изъ подростковъ, которая убираетъ посуду, мететъ комнату и принимается вязать чулокъ, чутко прислушиваясь, не раздадутся ли въ барыниной спальнѣ шаги Анны Павловны Затрапезной.

Рабочій день начался, но работа, покуда, идетъ вяло. До тѣхъ поръ, пока не слышится грозный барынинъ голосъ, у нѣкоторыхъ дѣвушекъ слипаются глаза, другія ведутъ праздные разговоры. И иглы, и коклюшки двигаются медленно.

Хотя время еще раннее, но въ рабочей комнатѣ солнечныя лучи уже начинаютъ исподоволь нагрѣвать воздухъ. Впереди предвидится жаркій и душный день. Бесѣда идетъ о томъ, какое барыня сдѣлаетъ распоряженіе. Хорошо, ежели пошлютъ въ лѣсъ

---

\*) См. выше: окт., 599 стр.

за грибами или за ягодами, или нарядятъ въ саду ягоды обирать; но буда ежели на цѣлый день за пяльцы да за коклюшки за-сидятъ; хоть умирай отъ жары и духоты.

— Сказываютъ, во ржахъ солдатъ бѣглый притаился, — сообщаютъ другъ другу дѣвушки: — наместись Дашутка, съ села, въ лѣсъ по грибы ходила, такъ онъ какъ прыснетъ изъ-за ржи, да на нее. Хлѣбъ съ ней былъ, молочка малость — отнялъ и отпу-стилъ.

— Смотри, не съзориичаль ли?

— Нѣтъ, говорить, ничего не сдѣлалъ; только, что взяла съ собой поѣсть, то отнялъ. Да и солдатъ-то, слышь, здѣшній, изъ Великановской усадьбы Сережка фалетуръ.

— А въ Лому медвѣдь проявился. Вотъ коли туда пошлютъ, да онъ въ гости къ себѣ позоветъ!

— Меня онъ въ одинъ глотокъ съѣстъ! — отзывается карлица Польша.

Это — несчастная и вѣчно-больная дѣвушка, лѣтъ двадцати-пяти, ростомъ аршинъ съ четвертью, съ кошачьими глазами и выпятившимся клиномъ животомъ. Однакожъ, ее заставляютъ работать наравнѣ съ большими, только пяльцы устроили низенькія и дали низенькую сямеечку.

— А правда ли, — повѣствуетъ одна изъ собесѣдницъ: — въ Москалевѣ одну бабу медвѣдь въ берлогу увелъ да цѣлую зиму у себя тамъ и держалъ?

— Какъ же! въ кухаркахъ она у него жила! — смѣются другія.

Въ эту минуту, въ рабочую комнату, какъ угорѣлая, вбѣгаетъ деньщица и шопотомъ возглашаетъ:

— Барыня! барыня идетъ!

Дѣвичій гомонъ мгновенно стихаетъ; головы наклоняются къ работѣ, иглы проворно мелькаютъ, коклюшки стучатъ. Въ дверяхъ показывается заспанная фигура барыни, нечесанной, немытой, въ засаленной блузѣ. Она зѣваетъ и креститъ ротъ; иногда, такъ постоятъ и уйдетъ, но въ иной день заглянетъ и въ работы. Въ послѣднемъ случаѣ, рѣдко проходитъ, чтобы не раздалось, для начала дня, двухъ-трехъ пощечинъ. Въ особенности достается подросткамъ, которые еще учатся и очень часто портятъ работу.

На этотъ разъ, однакожъ, все обходится благополучно. Анна Павловна, постоявъ нѣсколько секундъ, грузными шагами направляется въ дѣвичью, гдѣ, заложивъ руки за спину, ее ожидаетъ старикъ-поваръ въ рваной курткѣ и засаленномъ передникѣ. Тутъ же, въ глубинѣ комнаты, притулилась ключница. Барыня садится на ларь къ столу, на которомъ разложены на

блюдахъ остатки „вчерашняго“, и между прочимъ, въ кастрюлькѣ, вчерашняя похлебка. Сбоку лежитъ немного свѣжей провизіи: солонина, гусиный полотокъ, телячья головка, коровье масло, яйца, нѣсколько кусковъ сахару, пшеничная мука и т. п. Барыня начинаетъ приказывать.

— Супецъ-то у насъ, кажется, ужъ третій день? — спрашиваетъ она, заглядывая въ кастрюлю.

— Да, ужъ третій денекъ-съ. Прокись-съ.

— Ну, такъ и быть, сегодня новый завари. Говядина-то есть ли?

— Говядину послѣднюю извели.

— Какъ? кусочекъ, кажется, остался? Еще ты говорилъ: старому барину на котлетки будетъ.

— Третьяго-дня они двѣ котлетки и скушали.

— И куда такая пропасть выходитъ говядины? Покупаешь-покупаешь, а какъ ни спросишь—все нѣтъ да нѣтъ... Дѣлать нечего, курицу зарѣжь... Или лучше вотъ что: щецъ съ солониной свари, а курица-то пускай походитъ... Да за говядиной въ Мялово сегодня же пошлите, чтобы пуда два... Ты смотри у меня, старый хрычъ. Говядинка-то нынче кусается... четыре рублика (ассигнаціями) за пудъ... Поберегай, не швырай зря! Ну, горячее готово; на холодное что?

— Вчерашняго галантиру малость осталось, да тоже одно званіе...

Анна Павловна рассматриваетъ остатки галантира. Клейкая масса расплзлась по блюду, и изъ нея торчатъ обрывки мозговъ и телячьей головки.

— А ты съумѣй подправить; на то ты поваръ. Старый-то галантиръ въ формочки влей, а изъ новой головки свѣжаго галантирцу сдѣлай.

Барыня отглядываетъ въ сторону телячью голову и продолжаетъ.

— Соусу вчерашняго тоже, кажется, не осталось... или нѣтъ, стой! печонка, что ли, вчера была?

— Печонка-съ.

— Сама собственными глазами видѣла, что два куска на блюдѣ остались! Куда они дѣвались?

— Не знакъ-съ.

Барыня вскакиваетъ и приближается къ самому лицу повара.

— Сказывай! куда печонку дѣвалъ?

— Виновать-съ.

— Куда дѣвалъ? сказывай!



— Собака съѣла... не досмотрѣть-съ...

— Собака! Васялисушкѣ своей любезной скормить? Хоть роди да подай мнѣ вчерашнюю печонку!

— Воля ваша-съ.

Поварь стоитъ и смотритъ барынѣ въ глаза. Анна Павловна съ минуту колеблется, но, наконецъ, примирается съ совершившимся фактомъ.

— Ну, такъ соусу у насъ нынче не будетъ, — рѣшаетъ она. — Такъ и скажу всѣмъ: старый хрѣнь любовницѣ соусъ скормить. Вотъ ужъ баринъ за это тебя на колѣнки поставитъ.

Очередь доходить до жаркого. Передъ барыней лежитъ на блюдѣ баранья нога, до такой степени изскобленная, что даже намекъ на мякоть нѣтъ.

— Ну, на нѣтъ и суда нѣтъ. Вчера Андриушка изъ Москалева зайца привезъ; видно, его придется изжарить.

— Позвольте, сударыня, вамъ посовѣтовать. На погребѣ ужъ пять дней жареная телячья нога, на случай приѣзда гостей, лежитъ, такъ вотъ ее бы сегодня подать. А зайцъ и повисѣть можетъ.

Анна Павловна облизываетъ указательный палецъ и показываетъ повару шишъ.

— Натко!

— Помилуйте, сударыня, отъ телятины-то ужъ запашокъ пошелъ.

— Какъ, запашокъ! На льду стоитъ всего пятый день, и ужъ запашокъ! Льду, что ли, у тебя нѣтъ? — строго обращается барыня къ ключницѣ.

— Ледъ есть, да сами изволите знать, какая на дворѣ жарынь, — оправдывается ключница.

— Жарынь да теплынь... только и словъ отъ васъ! Вотъ я тебя, старая псовка, за индѣйками ходить поплю, такъ ты и будешь знать, какъ барское добро гноить! Ну, инъ быть такъ: телячью ногу разогрѣть на сегодняшнее жаркое. Такъ оно и будетъ: посидимъ безъ соуса, за то телятинки побольше поѣдимъ. А на случай гостей, новую ногу зажарить. Ахъ, ужъ эти мнѣ гости! обопьютъ, объѣдятъ, да тебя же и обругаютъ! Да еще хамовъ да хамовъ съ собой навезутъ — всѣхъ-то напой, всѣхъ-то наорми! А что добра на лошадей ихнихъ изойдетъ! Приѣдутъ шестерикомъ... И сѣна-то имъ, и овса-то!

— Это ужъ извѣстно...

— Да ты смотри, Тимошка, старую баранью ногу все-таки не бросай. Еще найдутся обрѣзочки, на винегретъ пригодятся. А хлѣбнаго (пирожнаго) ничего отъ вчерашняго не осталось?

— Ничего-съ.

— Ну, бабу изъ клубники сдѣлай. И то сказать, безъ пути на погребѣ ягода плѣсневеть. Сахару кусочка три возьми да яичекъ парочку... Ну-ну, не ворчи! будетъ съ тебя!

Анна Павловна велитъ отрубить кусокъ солонины, отдѣлаетъ два яйца, три куска сахару, проводитъ пальцемъ черту на комкѣ масла и долго споритъ изъ-за лишняго золотника, который выпрашиваетъ поваръ.

По уходѣ повара, она направляется къ мѣдному тазу, надъ которымъ утверждено мѣдный же рукомойникъ съ подвижнымъ стержнемъ. Ключница стоитъ сзади, нокуда барыня умывается. Мыло, которое она при этомъ употребляетъ, пахнетъ прокислымъ; полотенце простое, изъ домашняго холста.

— Что? Какъ оказалось? Лица тяжела?—спрашиваетъ барыня.

— Не могу еще навѣрно сказать,—отвѣчаетъ ключница:— должно быть, по видимостямъ, что такъ.

— Ужъ если... ужъ если она... ну, за самаго что ни на есть нищаго ее отдамъ! Съ Прошвой связалась, что ли?

— Видали ихъ вмѣстѣ. Да что, сударыня, вчерась бѣглого солдата во ржахъ запримѣтили.

При словахъ: „бѣглый солдатъ“—Анна Павловна блѣднѣетъ. Она прекращаетъ умыванье и съ мокрымъ лицомъ обращается къ ключницѣ:

— Солдатъ? гдѣ? когда? отчего мнѣ не доложили?

— Да тутъ недалечко, во ржахъ. Сельская Дашутка по грибы въ Лисьи-Ямы шла, такъ онъ ее ограбилъ, хлѣбъ, слышь, отнял. Дашутка-то его привнала. Бывшій великановскій Серезжа—фалетуръ... помните, еще старосту ихнаго убить грозился.

— Что жъ ты мнѣ не доложила? Кругомъ бѣгле солдаты бродятъ, всѣ знаютъ, я одна вѣдать не вѣдаю...

Барыня съ простертыми дланями подступаетъ къ ключницѣ.

— Что-жъ мнѣ докладывать—это старостино дѣло! Я и то ему говорила: доложи, говорю, барынь. А онъ: что зря барынь докладывать. Стало-быть, обезпоздить васъ поопасился.

— Безповонты! безповонты! ахъ, нѣжности какія! А ежели солдатъ усадьбу сожжетъ—это тогда отвѣчать будетъ? Сказать старостѣ, чтобъ непременно его изловить! чтобъ къ вечеру же былъ представленъ! Взять Дашутку и все поле осмотрѣть, гдѣ она его видѣла!

— Народъ на сѣнокосѣ, кто же ловить будетъ?

— Сегодня братъ на брата работаютъ. Своихъ, которые на барщинѣ, не трогать, а которые на себя сѣнокосничаютъ— пусть ужъ не прогнѣваются. Зачѣмъ бѣглыхъ разводять!

Анна Павловна на-скоро вытирается полотенцемъ и, слегка усложившая, вновь начинаетъ бесѣду съ Авулиной.

— Куда сегодня кобыль-то наряжать? или дома оставить?— спрашиваетъ она.

— Малина, сказываютъ, поспѣвать начала.

— Ну, такъ въ лѣсъ за малиной. Вотъ въ Лисьи-Лыи и пошли; пускай солдата по дорогѣ ловятъ.

— Пообѣдавши идти?

— Дай имъ по ломтю хлѣба съ солью, да фунта три толкуна на всѣхъ—будетъ съ нихъ. Воротятся ужъ, уживать будутъ... усгѣютъ налопаться! Да за Липкой слѣди... ты мнѣ отвѣтишь, ежели что...

Покуда въ дѣвичьей происходятъ эти сцены, Василій Порфирьчъ Затрапезный заперся въ кабинетъ и возится съ просвирами. Онъ совершаетъ проскомидію, какъ настоящій іерей; шепчетъ молитвы, воздѣваетъ руки, кладетъ земные поклоны. Но это не мѣшаетъ ему, отъ времени до времени, поглядывать въ окна, не прошелъ ли кто по двору и чего-нибудь не пронесъ ли. Въ особенности зорко слѣдитъ его глазъ за воротами, которыя ведутъ въ плодовитый садъ. Теперь время ягодное, какъ разъ кто-нибудь проползетъ.

— Куда, куда, шельмецъ, пробираешься?—раздается черезъ открытое окно его окрикъ на мальчишку, который больше чѣмъ положено приблизился къ тыну, защищающему садъ отъ хищниковъ.—Вотъ я тебя! чей ты? сказывай, чей?

Но мальчишка, при первомъ же окрикѣ, исчезъ, словно сквозь землю провалился.

Баринъ дѣлаетъ полуоборотъ, чтобы снова стать на молитву, какъ взоръ его встрѣчаетъ жену старшаго садовника, которая выходитъ изъ садовыхъ воротъ. Руки у нея заложены подъ фартукъ, значить, навѣрное, что-нибудь несетъ. Баринъ ужъ готовъ испустить крикъ, но садовница въ-время замѣтила его въ окнѣ и высвобождаетъ руки изъ-подъ фартука; оказывается, что онѣ пусты.

Василій Порфирьчъ слыветъ въ околотеѣ умнымъ и образованнымъ. Онъ знаетъ по-французски и по-нѣмецки, хотя многое позабылъ. У него есть библіотека, въ которой на первомъ шагѣ красуется старый нѣмецкій „Conversations Lexicon“, цѣлая серія академическихъ календарей, Брюсовъ календарь, „Часы

благоговѣнія“ и, наконецъ, „Тайны природы“, Экартсгаузена. Послѣднія составляютъ его любимое чтеніе, и знакомство съ этой книгой въ особенности ставится ему въ заслугу. Сверхъ того, онъ слыветъ набожнымъ человѣкомъ, заправляетъ всѣми церковными службами, знаетъ, когда нужно класть земные поклоны и умиляться сердцемъ, и усердно подтягиваетъ дьячку за обѣдней.

Бьетъ восемь; на дворѣ начинается чувствоваться зной. Дѣти собрались въ столовой, размѣстились на опредѣленныхъ мѣстахъ и пьютъ чай. Передъ каждымъ стоитъ чашка жидкаго чая, предварительно подслащеннаго и подбѣленнаго снятымъ молокомъ, и тоненькій ломоть бѣлаго хлѣба. Разумѣется, у любимчиковъ и чай послаще, и молоко погуще. За столомъ предсѣдательствуетъ гувернантка, Марья Андреевна, и уже спозаранку выискиваетъ, кого бы ей наказать.

— У меня, Марья Андреевна, совсѣмъ сахару нѣтъ, — объявляетъ Степка-балбесъ, несмотря на то, что впередъ знаетъ, что голосъ его будетъ голосомъ вопіющимъ въ пустынѣ.

— Въ такомъ случаѣ оставайся совсѣмъ безъ чаю, — холодно отрѣзываетъ Марья Андреевна.

— Да вы попробуйте! вы не затѣмъ къ намъ наняты, чтобы оставлять безъ чая, а затѣмъ, чтобы выслушивать насъ! — протестуетъ Степанъ сивозъ слезы.

— А! такъ я „нанята“! еще грубить смѣетъ!.. безъ чаю!

— Безъ чаю да безъ чаю! только вы и знаете! А я вотъ возьму да и выпью!

— Не смѣешь! Еслибы ты попросилъ прощенія, я, можетъ быть, простила бы, а теперь... безъ чаю!

Степанъ отодвигаетъ чашку и смиряется.

— Позвольте хоть хлѣбъ съѣсть! — проситъ онъ.

— Хлѣбъ... можешь!

Такимъ образомъ, день только что начался, а жертва уже найдена.

Выпивши чай, дѣти скрываются въ классную и садятся за ученье. Имъ и въ лѣтніе жары не дается отдыха.

Анна Павловна, между тѣмъ, въ той же замасленной блузѣ, нечесанная, сидитъ въ своей спальнѣ и тоже кушаетъ чай. Она любитъ пить чай одна, потому что кладетъ сахару вдоволь, и при этомъ ей подается горшочекъ съ густыми топлеными сливками, на поверхности которыхъ запекалась румяная пѣнка. Комната еще не выметена, горничная взбиваетъ пуховики; въ воздухъ летаютъ перья, пухъ; мухи не даютъ покоя; но барыня привыкла къ духотѣ, ей и теперь не душно, хотя на лбу и

на открытой груди выступили капли пота. Перестилая постель, горничная рапортуетъ:—Что Липка съ кузовкомъ — это вѣрно; и про солдата правду говорили: Сережка отъ Великановыхъ. Кириушка столяръ вчера ночью именины справлялъ, пьянъ напился и Марѳу кухарку напоилъ. Пѣсни пѣли, барыню толстомясой честили...

— Гдѣ водку взяли? кто принесъ? откуда? сейчасъ же поиди, призови обоихъ: и Кириушку, и Марѳушку!

Горничная удаляется; Анна Павловна остается одна и предается размышлениямъ. Всѣ-то живутъ въ покоѣ да въ холѣ, она одна цѣлый день какъ въ котлѣ кипитъ. За всѣмъ-то она присмотри! всѣмъ-то припаси, обо всемъ-то подумай! Еще восемь часовъ только, а ужъ какою пропасть она дѣлъ придѣлала! И кушанье заказала, и насчетъ дѣвокъ распоряженіе сдѣлала, всѣхъ выслушала, всѣмъ отвѣтъ дала! Даже хамкамъ — и тѣмъ не въ примѣръ вольнѣе! Вотъ хоть бы Авулька-ключница, чѣмъ ей не житье? Сбѣгала на погребъ, въ кладовую, что слѣдуетъ — выдала, что слѣдуетъ — приняла... Потомъ опять сбѣгала. Или дѣвки опять... Убѣжали теперь въ лѣсъ по-малину, деруть тамъ пѣсни, да аукаются, или съ солдатомъ амурничаютъ... и горюшка мало! Въ лѣсу имъ прохладно, ни вѣтерокъ не вѣнетъ, ни мушка не тронетъ... словно въ раю! А устанутъ — садутъ и отдохнутъ! Хлѣбца поѣдятъ, толоконца разведутъ... сытехоньки! А она цѣлый день все на ногахъ, да на ногахъ. И туда поиди, и тамъ побывай, и того выслушай, и тѣмъ распорядись! И все одна, все одна. У другихъ хоть мужъ помѣга — вотъ у Александры Федоровны — а у нея только слово, что мужъ! Сидитъ запершись въ кабинетѣ или бродитъ по корридору да по лажкамъ себя хлопаетъ! Глядитъ-те, солдатъ бѣглый проявился, а имъ никому и горя нѣтъ! А что, ежели онъ въ усадьбу заберется, да подожжетъ или убьетъ... вѣдь на то онъ солдатъ! Или опять Кириушка — подлець! Пьянъ напитокъ изволилъ! И гдѣ они вино достаютъ? Безпремѣнно это раскрыть надо.

Сидитъ Анна Павловна и все больше и больше проникается сожалѣніемъ къ самой себѣ и, наконецъ, начинаетъ даже разсуждать вслухъ.

— И добро бы я кого-нибудь обидѣла, — говорить она: — кого бы нибудь обокрала, наказала бы занапрасно или изувѣчила, убила... ничего за мной этакого нѣтъ! За что только Богъ забылъ меня — ума приложить не могу! Родителей я завсегда чтла, а кто чтитъ родителей — тому это въ заслугу ставится. Только мнѣ одной — шпикъ вмѣсто награды! Что чтл, что не

что—все одно! Получила я отъ нихъ, какъ замужь выдавали, грошъ мѣдный, а теперь, смотри, какое имѣннѣе взбодрила! А все какъ?—все шей, да грудью, да хребтомъ! Сюда забѣжишь, тамъ хвостомъ вильнешь... въ опекуновомъ-то совѣтѣ со сторожами табакъ нюхивала! передъ какимъ-нибудь ледащимъ приказнымъ чуть не въ присядку плясала: „только справочку, голубчикъ, достань!“ Вотъ какъ я имѣнья-то приобрѣтала! И кому все это я припасую? Кто меня за мои труды отблагодарить? Такъ, прахомъ, всё хлопоты пойдутъ... послѣ смерти и помянуть-то никто не вздумаетъ! И умру я одна-одинешенька, и похоронять меня... гроба-то, пожалуй, настоящаго не сдѣлаютъ, такъ, володу какую-нибудь... Намеднись спрашиваю Стѣпу: радъ будешь, Стѣпка, ежели я умру?.. Смѣется... Такъ-то и всё. Иной, пожалуй, и скажетъ: я, маменька, плакать буду... а кто его знаетъ, что у него на душѣ!..

Неизвѣстно, куда бы завели Анну Павловну эти горькія мысли, еслибы не воротилась горничная и не доложила, что Кирюшка съ Марешкой дожидаются въ дѣвичьей.

Черезъ минуту въ дѣвичьей происходитъ обмѣнъ мыслей.

Прежде всего, Анна Павловна начинаетъ иронизировать.

— Такъ вотъ вы какъ, Кирилль Филиатычъ! вино покушиваете?—говоритъ она, держась, впрочемъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ обвиняемаго.

Но Кирюшка не изъ робкихъ. Онъ принадлежитъ къ числу „закошнѣлыхъ“, и знаетъ, что барыня давно уже готовить его подъ красную шапку.

— Пиль-съ,—спокойно отвѣчаетъ онъ, какъ будто это такъ и быть должно.

— Именины изволили справлять?

— Такъ точно, былъ именинникъ.

— И Марешъ Васильевнѣ поднесли?

— И ей поднесъ. Тетка она мнѣ...

— А гдѣ, позвольте узнать, вы вина достали?

— Стало-быть, сорбка на хвостѣ принесла.

Лицо Анны Павловны мгновенно зеленѣетъ; губы дрожатъ, грудь тяжело дышетъ, руки трясутся. Въ одинъ прыжокъ она подскакиваетъ къ Кирюшкѣ.

— Не извольте драться, сударыня!—твердо предупреждаетъ послѣдній, отстраняя барынины руки.

— Сказывай, подлець, гдѣ вино взялъ?—кричитъ она на весь домъ.

— Гдѣ взялъ, тамъ его ужъ нѣтъ.

Съ минуту Анна Павловна стоитъ, словно ошеломленная. Ки-

рюшка, напротивъ, не только не изъявляетъ намѣренія попросить прощенья, но продолжаетъ смотрѣть ей прямо въ глаза.

— Хорошо, я съ тобой справлюсь! — наконецъ изрекаетъ барыня. — Иди съ моихъ глазъ долой! А съ тобой, — обращается она къ Марѣ, — расправа короткая! Сейчасъ же собирайся на скотную, индѣекъ пасти! Тамъ тебѣ вольготнѣе будетъ съ именниками вино распивать...

Аудіенція кончена. Дѣловой день въ самомъ разгарѣ, весь домъ приходитъ въ обычный порядокъ. Василій Порфирьичъ раздалъ дѣтамъ по микроскопическому кусочку просфоры, напился чаю и засѣлъ въ кабинетъ. Дѣти зубрятъ уроки. Анна Павловна тоже удалилась въ спальню, забывъ, что голова у нея осталась нечесанною.

Она запираетъ дверь на ключъ, присаживается къ большому письменному столу и придвигаетъ денежный ящикъ, который постоянно стоитъ на столѣ, противъ изголовья барыниной постели, такъ, чтобы всегда имѣть его въ глазахъ. Въ денежномъ ящикѣ, кромѣ денегъ, хранится и дѣловая корреспонденція, которая содержится Анной Павловной въ большемъ порядкѣ. Переписка съ каждой вотчиной завязана въ особенную пачку; такія же особыя пачки посвящены перепискѣ съ судами, съ опекунскимъ совѣтомъ, съ старшими дѣтьми, и т. д.

Прежде всего, Анна Павловна пересчитываетъ кассу и убѣждается, что вся сумма на лицо. Потомъ начинаетъ развязывать пачки съ перепискою. Провѣряется, не забыто ли что, не требуется ли на что-нибудь отвѣтъ или приказъ. Все это занимаетъ много времени и выполняется безъ задержки. Въ этомъ отношеніи Анна Павловна смѣло можетъ поставить себя въ образецъ. У нея день очищается днемъ, и независимо отъ громадной памяти, сохраняющей всякую мелочь, на всякое распоряженіе имѣется оправдательный документъ. И старосты, и приказчики знаютъ это, и никогда не осмѣливаются опровергать то, что она утверждаетъ. Весь ходъ тяжбныхъ дѣлъ, которыхъ у нея достаточно, она помнить такъ твердо, что даже повѣренный ея сутяжныхъ тайнъ, Петръ Дормидонтычъ Могильцевъ, приказный изъ мѣстнаго уѣзднаго суда, ни разу не рѣшался продать ее противной сторонѣ, зная, что она чутьемъ угадаетъ предательство.

Вообще, Могильцевъ не столько руководитъ ее въ дѣлахъ, сколько выслушиваетъ ея внушенія, облекаетъ ихъ въ законную форму и указываетъ, гдѣ, кому и въ какомъ размѣрѣ слѣдуетъ вручить взятку. Въ послѣднемъ отношеніи она слѣпо ему пови-

нуется, сознавая, что въ тяжёбныхъ дѣлахъ лучше переложить, чѣмъ не доложить.

На этотъ разъ дѣль оказывается достаточно, такъ какъ имѣются въ виду „окази“ и въ Москву, и въ одну изъ вотчинъ.

Анна Павловна беретъ листъ сѣро-желтой бумаги и разрѣзываетъ его на четвертушки. Бумагу она жалѣетъ, и всю корреспонденцію ведетъ, по возможности, на лоскуткахъ. Избѣгаетъ она и почтовыхъ расходовъ, предпочитая отправлять письма съ оказіей. И тутъ, какъ вездѣ, наблюдается самая строгая экономія.

Перо ея быстро бѣгаетъ по четвертушкѣ. Лишнихъ словъ не допускается; всякая мысль выражена въ приказательной формѣ, кратко и опредѣленно, такъ, чтобы все нужное умѣстилось на лицевой сторонѣ четвертушки. Затѣмъ письмо складывается на манеръ узелка и въ свое время отправляется по назначенію, незапечатанное. Сургучъ, какъ вещь покупная, употребляется только въ крайнихъ случаяхъ. Ухитряются даже свой собственный сургучъ готовить, вырѣзывая сургучныя печати изъ получаемыхъ писемъ и перетапливая ихъ; но вѣдь и его не наготовишься, если зря тратить.

— Состоянія-то и все такъ составляются, — проповѣдуетъ Анна Павловна: — тутъ копѣчку сбережешь, въ другомъ мѣстѣ урвешь — смотришь, и гривенничекъ!

А Василій Порфирычъ идетъ даже дальше; онъ не только вырѣзываетъ сургучныя печати, но и самые конверты сберегаетъ: можетъ быть, внутренняя, чистая сторона еще пригодится коротенькое письмецо написать.

Наконецъ, всѣ нужныя дѣла прикончены. Анна Павловна припоминаетъ, что она еще что-то хотѣла сдѣлать, да не сдѣлала, и наконецъ догадывается, что до сихъ поръ сидитъ нечесанная. Но въ эту минуту за дверьми раздается голосъ садовника:

— Скоро ли персиви собирать будете? Сегодня падапцевъ два горшка набралъ.

При этомъ напоминаніи, мелькнувшая на мгновение мысль о необходимости причесаться — вновь оставляетъ Анну Павловну.

— Фу ты прѣпасть! — восклицаетъ она: — то туда, то сюда! вздохнуть не дадутъ! Ступай, Сергѣичъ; сейчасъ, слѣдомъ же за тобой иду.

Садовникомъ Анна Павловна дорожитъ и обращается съ нимъ мягче, чѣмъ съ другими дворовыми. Во-первыхъ, онъ — хранитель



всей барской сласти, а во-вторыхъ, она его *купила* и заплатила довольно дорого. Поэтому, ей не расчесть, ради минутнаго каприза, „ухлопать“ затраченный капиталъ.

Выше уже было упомянуто, что Анна Павловна, отправляясь въ оранжерею для сбора фруктовъ, почти всегда беретъ съ собой кого-нибудь изъ любимчиковъ. Такъ поступаетъ она и теперь.

— Ну чтѣ, Марья Андреевна, какъ сегодня у васъ Гриша? — спрашиваетъ она, входя въ классъ.

Дѣти шумно отодвигаютъ табуретки и наперерывъ другъ передъ другомъ спѣшатъ подойти къ маменькиной ручкѣ.

— Сегодня мы похвастаться не можемъ, — жеманится Марья Андреевна: — изъ катехизиса — слабо, а изъ „Поэзiи“ <sup>1)</sup> — даже очень...

— Ну, вотъ видишь, а я иду въ оранжерею, и тебя хотѣла взять. А теперь...

— О, нѣтъ! — поправляется Марья Андреевна, видя, что аттестация ея не понравилась Аннѣ Павловнѣ: — я надѣюсь, что мы исправимся. Гриша! вѣдь ты къ вечеру съвѣжешь мнѣ свой урокъ изъ „Поэзiи“?

— Съвѣжу-сь, — весь красный и съ глазами, полными слезъ, бормочетъ Гриша.

— Въ такомъ случаѣ можешь отправиться съ мамашей.

Гриша бросаетъ на мамашу умоляющій взглядъ.

— Что-жъ, ежели Марья Андреевна... встань и поцѣлуй у нея ручку! скажи: мерси, Марья Андреевна, что вы такъ милостивы... вотъ такъ!

И черезъ двѣ минуты балбесы и постылые уже видятъ въ окно, какъ Гриша, подсакивая на одной ножкѣ, спѣшитъ за маменькой черезъ красный дворъ въ обѣтованную землю.

Оранжереи довольно обширны. Два корпуса и въ каждомъ нѣсколько отдѣленій, по сортамъ фруктовъ: персики, абрикосы, сливы, ренклоды (по тогдашнему „венгерки“). Теплица и грунтовые сараи стоятъ особнякомъ. Сверхъ того, при оранжереѣ имѣется обширное и плотно обгороженное подстриженными елами пространство, называемое „выставкой“ и наполненное рядами горшковъ, тоже съ фруктами всѣхъ сортовъ. Рамы въ оранжереяхъ сняты и воздухъ пропитанъ теплымъ, душистымъ паромъ созрѣвающихъ плодовъ. Отъ этого пара занимается духъ. А солнце такъ и обливаетъ сверху лучами, словно огнемъ. Сердце Анны Павловны играетъ; фруктовъ уродилось множество, и все отличные.

<sup>1)</sup> Былъ особый предметъ преподаванiя, „Поэзiей“ называемый,

Садовникъ подаетъ ей два горшка съ паданцами, которые она пересчитываетъ и перекладываетъ въ другіе порожніе горшки. Фруктамъ въ Малиновцѣ ведется строгій счетъ. Какъ только персики начнутъ выходить „въ косточку“, такъ ихъ тщательно пересчитываютъ, и затѣмъ уже всякій плодъ, хотя бы и не успѣвшій дозрѣть, долженъ быть сохраненъ садовникомъ и поданъ барынѣ для учета. При этомъ, конечно, допускается и уронъ, но самый незначительный.

Отдѣливъ помятые паданцы, Анна Павловна даетъ одинъ персикъ Гришѣ, который не ѣстъ его, а въ одинъ мигъ всасываетъ въ себя и выплевываетъ косточку.

— Ахъ, маменька, какъ вкусно!—воскликаетъ онъ въ упоеніи, цѣлуя у маменьки ручку:—какъ эти персики называются?

— Это персикъ ранжевый, а вотъ по отдѣленіямъ пойдѣмъ, тамъ и другихъ персиковъ поѣдимъ. Кто меня любитъ—и я тѣхъ люблю; а кто не любитъ—и я тѣхъ не люблю.

— Ахъ, маменька, васъ всѣ любятъ!

— Я знаю, что ты добрый мальчишъ, и готовъ за всѣхъ заступаться. Но не увлекайся, мой другъ! впоследствии, ой-ой, какъ можешь раскаяться!

Къ шпалерамъ съ задней стороны приставляются лѣстницы, и садовникъ съ двумя помощниками влѣзаютъ наверхъ, гдѣ персики зрѣлѣе, чѣмъ внизу. Начинается сборъ. Анна Павловна, сопровождаемая ключницей и горничной, съ горшками въ рукахъ, переходитъ изъ отдѣленія въ отдѣленіе; совсѣмъ спѣлые фрукты кладетъ особо; посырѣе (для варенья) особо. Работа идетъ медленно, зато фруктовъ набирается масса.

— Вотъ это бѣлобокіе съ кваскомъ, а эти, съ крапинками, я въ Отрадѣ прививочковъ достала, да развела,—поучаетъ Анна Павловна Гришу.

Сборъ кончился. Нѣсколько лотковъ и горшковъ нагружено верхомъ румяными, сочными и ароматическими плодами. Процессія изъ пяти человѣкъ возвращается во-свояси, и у каждого подъ мышками и на головѣ драгоценная ноша. Но Анна Павловна не спѣшитъ; она заглядываетъ и въ малинникъ, и въ гряды клубники, и въ смородину. Все уже созрѣваетъ, а клубника даже въ концѣ приходитъ.

— Малину-то хоть завтра обирай!—говоритъ она, всплескивая руками.

— Сегодня бы надо, а вы въ лѣсъ дѣвокъ угнали!—отвѣчаетъ садовникъ.

— Какъ мы со всей этой прорвой управимся? — тоскуетъ она. — И обирать, и чистить, и варить, и солить!

— Богъ милостивъ, сударыня; дѣвокъ побольше нагоните, разомъ очистятъ.

— Хорошо тебѣ, старшій хрѣнъ, говорить: у тебя одно дѣло, а я цѣлый день и туда, и сюда! Нѣтъ! силъ моихъ нѣтъ! Брошу все и уѣду въ Хотьковъ, Богу молиться!

— Ахъ, маменька! — восклицаетъ Гриша, и двѣ слезинки навертываются на его глазахъ.

Но Анна Павловна уже вступила въ колею чувствительности и продолжаетъ роптать. Непремѣнно она броситъ все и уѣдетъ въ Хотьковъ. Построить себѣ великую, огородецъ разведетъ, коровушку купить, и будетъ жить да поживать. Смирнехонько, тихохонько; ни она никого не тронетъ, ни ее никто не тронетъ. А то нѣтко! такая прорва всего уродилась, что и въ два мѣсяца врядъ справиться, а у нея всего недѣли двѣ впереди. А кромѣ того, сколько еще другихъ дѣлъ — и вездѣ она поспѣвай, всѣ въ ней за приказаніями бѣгутъ! Нѣтъ, будетъ съ нею! надо и объ душѣ подумать, уѣдетъ она въ Хотьковъ...

Все это она объясняетъ вслухъ и съ удовольствіемъ убѣждается, что даже купленный садовникъ Сергѣичъ сочувствуетъ ей. Но въ самомъ разгарѣ сѣтованій въ воротахъ сада показывается запыхавшаяся дѣвчонка, и объявляетъ, что баринъ „гнѣваются“, потому что два часа ужъ пробило, а обѣдъ еще не поданъ.

Анна Павловна ускоряетъ шагъ, потому что Василий Порфиритъ на этотъ счетъ очень пунктуаленъ. Онъ ѣстъ всего одинъ разъ въ сутки и требуетъ, чтобы обѣдъ былъ поданъ ровно въ два часа. По настоящему, слѣдовало бы ожидать съ его стороны цѣлой бури (такъ какъ четверть часа уже перешло за положенный срокъ), но при видѣ массы благоухающихъ плодовъ сердце стараго барина растворяется. Онъ стоитъ на балконѣ и издали крестить приближающуюся процессію; наконецъ, сходитъ на крыльцо и встрѣчаетъ жену тамъ. Да, это все она завела! Когда онъ былъ холостой, у него былъ крохотный садъ, съ нѣсколькими десятками ягодныхъ кустовъ, между которыми были разсажены яблони самыхъ незатѣйливыхъ сортовъ. Теперь, „заведеніе“ господъ Заграпезныхъ чуть не первое въ уѣздѣ, и онъ совершенно законно гордится имъ. Поэтому, онъ не только не встрѣчаетъ Анну Павловну словами: „купчиха“, „вѣдьма“, „чортъ“ и проч., но, напротивъ, ласково креститъ ее и прикладываетъ щечой къ ея щекѣ.

— Этакую ты, матушка, махину набрала! — говоритъ онъ, похлопывая себя по ляжкамъ:—ну, и урожай же нынче! Такъ и быть, и я передъ чаемъ полавожусь, и мнѣ удѣлите персичекъ... вонъ хоть этотъ!

Онъ выбираетъ самый помятый персикъ, изъ числа паданцевъ, и бережно кладетъ его на порожній поддонникъ.

— Да возьми получше персикъ, — убѣждаетъ его Анна Павловна:—этотъ до вечера на половину сгниетъ!

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, будетъ съ меня! А ежели и попортится, такъ я порченное мѣстечко вырѣжу... Хорошіе-то и на варенье пригодятся.

Обѣдъ, сверхъ обыкновенія, проходитъ благополучно. И повару, и прислугѣ какъ-то удается не прогнѣвить господъ; даже Степанъ-балбесъ ускользаетъ отъ наказанія, хотя отсутствіе соуса вызываетъ съ его стороны проницательное замѣчаніе:— „соусъ-то нынче, видно, курица украла“..—Легкомысленное это изреченіе сопровождается не наказаніемъ, а сравнительно мягкой угрозой:

— Только ружь сегодня марать не хочется, — говоритъ Анна Павловна: — а ужъ когда-нибудь я тебя, балбесъ, за такія слова отшлепаю!

И только.

Послѣ обѣда, Василій Порфиричъ ложится отдохнуть до шести часовъ вечера; дѣти бѣгутъ въ садъ, но не надолго: черезъ часъ они опять засядутъ за книжки, и будутъ учиться до шести часовъ. Сама Анна Павловна удаляется въ спальню и, усталая, грузно валится на постель. Но нынѣшній день ужъ такой выдался, что видно ей и отдохнуть не придется. Не прошло часу, какъ чуткое ея ухо уже слышало шумъ, и она, какъ встрепанная, вынырнула изъ пуховиковъ. Отъ села шла цѣлая толпа народа, впереди которой вели связаннаго человѣка. Это былъ пойманный бѣглый солдатъ. Анна Павловна проворно вскочила на дѣвичье крыльцо.

Солдатъ изможденъ и озлобленъ. На немъ пестрядинные, до ключевъ истрепанные портки и почти истлѣвшая рубашка, изъза которой виднѣется черное, какъ голенище, тѣло. Блѣдное лицо блеститъ крупными каплями пота; впальце глаза безповойно бѣгаютъ; связанные сзади въ локтяхъ руки безсилно сжимаются въ кулаки. Онъ идетъ, понуждаемый толчками, и кричитъ:

— Я казенный человѣкъ — не смѣете вы меня бить!.. Я самъ, коли захочу, до начальства дойду... Не смѣете вы! и безъ васъ есть кому меня бить!

Но провожатые, озлобленные, что у нихъ пропала, благодаря бѣглецу, лучшая часть дня для сѣнокоса, не убѣждаются его воплями и продолжаютъ награждать его тумаками.

— Добро, добро!—раздается въ толпѣ: — ужь барыня тебя на всѣ четыре стороны пустить, а теперь пошевеливайся-ко, поспѣвай!

Барыня, между тѣмъ, уже вышла на крыльцо и ждетъ. Всѣ наличные домочадцы высыпали на дворъ; даже дѣти выглядываютъ изъ окна дѣвичьей. Вдали, по направленію къ конюшнямъ, бѣжитъ дѣвчонка съ приказаніемъ нести скорѣе колодки.

— Ну-ка, иди, казенный человѣкъ!—по обыкновенію начинаетъ иронизировать Анна Павловна: — Фу ты, какой франтъ! да никакъ и впрямь это великановскій Сережка... извините, не знаю, какъ васъ по отчеству звать... Поверните-ка его... вотъ такъ! какъ разъ по послѣдней модѣ одѣтъ!

— Я казенный человѣкъ!—продолжаетъ бессмысленно орать солдатъ:—не смѣете вы меня...

— Знаемъ мы, что ты казенный человѣкъ, затѣмъ и сторожу къ тебѣ приставили, что казенное добро беречь велѣно. Ужь, одѣнемъ мы тебя какъ слѣдуетъ въ колодки, нарядимъ подводу, да и отправимъ въ городъ по холодеу. А отсюда тебя въ полкъ... да сквозь строй... да ровочками, да палочками... какъ это въ пѣснѣхъ у васъ поется?..

— „Пройдись, пройдись, молодецъ, сквозь зеленые лѣса“!—отвѣчаетъ изъ толпы голосъ отставного солдата.

— Слышишь? Ну, вотъ, мы такъ и сдѣлаемъ: нарядимъ тебя, милый дружокъ, въ колодки, да вечеромъ по холодеу...

— Я казен...—начинаетъ опять солдатъ, но голосъ его внезапно прерывается. Напоминаніе о „сквозь строй“, повидимому, вносить въ его сердце нѣкоторое смущеніе. Быть можетъ, онъ уже имѣетъ довольно основательное понятіе объ этомъ угощеніи, и повтореніе его (въ усиленной пропорціи за вторичный нобѣгъ) не представляетъ въ будущемъ ничего особенно лестнаго.

— Матушка ты моя! заступница! — не кричить, а какъ-то безобразно мычать онъ, рухнувшись на волѣни:—смылуйся ты надъ солдатомъ! Вѣдь я... вѣдь мнѣ... ахъ, Господи! да что-жъ это будетъ! Матушка! да ты посмотри! ты на спину-то мою посмотри! вотъ онѣ, скулы-то мои... Ахъ ты, Господи милосливый!

Но Анна Павловна не разъ уже была участницей подобныхъ сценъ, и знаетъ, что онѣ представляютъ собой одну формальность, въ концѣ которой стоитъ неизбѣжная развязка.

— Не властна я, голубчикъ, и не проси! — резонно гово-

рить она:—кабы ты самъ во мнѣ не пожаловалъ, и я бы тебя не ловила. И жилъ бы ты поживалъ тихохонько да смирнехонько въ другомъ мѣстѣ... вотъ хоть бы ты у экономическихъ... Тебѣ бы тамъ и хлѣбца, и молочка, и яшенки... Они люди вольные, сами себѣ господа, чтó хотятъ, то и дѣлаютъ! А я, мой другъ, не властна! я себя помню, и знаю, что я тоже слуга! И ты слуга, и я слуга, только ты невѣрный слуга, а я—вѣрная.

— Матушка! да взгляни ты...

— Нѣтъ, ты пойми, чтó ты сдѣлалъ! Вѣдь ты, легко сказать, съ царской службы бѣжалъ! Съ царской! Чтó ежели въ всѣ разбѣжались, а тутъ вдругъ французъ или турокъ... глядь-поглядь, а солдатунки-то у насъ въ бѣгахъ! Съ кѣмъ мы тогда на встрѣчу лиходѣямъ нашимъ пойдемъ?

— Заступница!

— Нѣтъ-нѣтъ-нѣтъ... Или, опять, тó возьми: видишь, сколько мужичковъ тебя ловить согнали, а вѣдь они черезъ это цѣлый день работы потеряли! А время теперь горячее, сѣнохось! Цѣлый день ловили тебя, а вечеромъ еще подводу подъ тебя нарядить надо, да двоихъ провожатыхъ... Опять у мужичковъ цѣлыя сутки пропали, а не то такъ и двое! Какое ты, подлецъ ты этакой, право имѣлъ всю эту кутерьму затѣвать?—вдругъ раздражается она гнѣвно:—Эй! чтó тамъ копаются! забить ему руки-ноги въ колодки! Ишь мерзавецъ! на спину его взгляни! Да коли ты казенный человѣкъ — стало-быть, и спина у тебя казенная, вотъ и вся недолга!

Подбѣгаютъ два конюха, валиятъ солдата на землю и начинаютъ набивать ему колодки на руки и на ноги! Колодки разохлись и мучительно сжимаютъ солдату кости.

— Колодки! колодки забиваютъ!—раздаются изъ оконъ дѣтскіе голоса.

— Ишь печальникъ нашелся!—продолжаетъ поучать Анна Павловна:—ужъ не на всѣ ли четыре стороны тебя отпустить? Сдѣлай милость, воруй, голубчикъ, поджигай, грабь! Вотъ ужъ въ городѣ тебѣ покажутъ... Скажите на милость! цѣлое утро словно въ котлѣ кипѣла, только что отдохнуть собралась—не тутъ-то было! солдата нелегкая принесла, съ нимъ валандаться изволь! Прочь съ моихъ глазъ... поганецъ! Уведите его, да накормите, а не то еще издохнетъ, чего добраго! А часамъ еъ девяти приготовить подводу и съ Богомъ!

Сдѣлавши это распоряженіе, Анна Павловна возвращается во-свояси, въ надеждѣ хоть на короткое время юркнуть въ пуховики; но часы уже показываютъ половину шестого; черезъ пол-

часа воротятся изъ лѣсу „дѣвки“, а тамъ чай, потомъ староста... Не до спанья!

— Брысь, пострѣлята! Еще ученье не кончилось, а они натеко куда забрались! вотъ я васъ!—кричитъ она на дѣтей, все еще скучившихся у окна въ дѣвичьей и смотрящихъ, какъ солдата, едва ступающаго въ колодезяхъ, ведутъ по направленію къ застойной.

Она уходитъ въ спальню и садится къ окну. Ей предстоитъ дѣльныхъ полчаса праздныхъ, но на этотъ разъ ее выручаетъ котъ Васька. Онъ тихо-тихо подкрадывается по двору за какой-то добычей, и затѣмъ въ одинъ прыжокъ настигаетъ ее. Въ зубахъ у него замерла крохотная птица.

— Ишь вѣдь, мерзавецъ, все птиць ловить—нѣтъ чтобы мышъ!—ропщеть Анна Павловна.—Отъ мышей спасенья нѣтъ, и въ амбарахъ, и въ погребѣ и въ кладовыхъ тучами ходять, а онъ все птиць да птиць. Нѣтъ, надо другого кота завести!

Несмотря, однакожь, на негодованіе, которое возбуждаетъ въ ней Васька своимъ поведеніемъ, она не безъ интереса смотреть на игру, которую котъ заводитъ съ изловленной птицей. Онъ несетъ свою жертву въ зубахъ на край дороги и выпускаетъ ее изо рта. Птица еще жива, но уже совсѣмъ безнадежно киваетъ головой и еле-еле шевелитъ помятыми крылышками. Васька то отбѣжить въ сторону, и начинаетъ умищать себѣ морду лапкой, то опять подскочить къ своей жертвѣ, какъ только она сдѣлаетъ какое-нибудь движеніе, куснетъ ее слегка за крыло и опять отбѣжить. Маневръ этотъ повторяется нѣсколько разъ сряду, пока Васька, какъ бы изъ опасенія, чтобы птица въ самомъ дѣлѣ не издохла, не рѣшается перекусить ей горло. Начинается процессъ ощипыванія.

— Ахъ, злець! ахъ, подлець!—шепчетъ Анна Павловна,—ишь вѣдь чтѣ дѣлаетъ... мучитель! А чтѣ вы думаете, вѣдь и въ людей такіе же подлецы бываютъ! То подскочить, то отбѣжить; то куснетъ, то отдохнуть дастъ. Я помню, одинъ палатскій секретарь со мной вотъ этакъ же игралъ.—„Вы, говоритъ, полагаете, что ваше дѣло правое, сударыня?“ — Правое, говорю.—„Такъ вы не безпокойтесь; коли ваше дѣло правое, мы его въ вашу пользу и рѣшимъ. Навѣдайтесь черезъ недѣлку!“ А черезъ недѣлку опять:—„Такъ вы думаете“... Третъ да мнетъ. Водилъ онъ меня, водилъ, сколько деньжищъ изъ меня въ ту пору выудилъ... Я было къ столоначальнику: чтѣ, молъ, это за игра такая? А онъ въ отвѣтъ: „да ужъ потерпите; это у него характеръ такой!.. не можете безъ того, чтобъ спервоначалу не измучить, а потомъ

вдругъ возьметъ да въ одночасье и рѣшить ваше дѣло“. — И точно, рѣшилъ... въ пользу противной стороны! Я еъ нему. — Чтѣ же вы, Иванъ Ивановичъ, со мной сдѣлали? — А онъ только хохочетъ... наглець! — „Успокойтесь, сударыня, говорить, я такое рѣшеніе написалъ, что сенатъ безпремѣнно его отмѣнитъ!“ — Такъ вотъ какіе люди бываютъ! Свяжутъ тебя по рукамъ, по ногамъ, да и бьютъ сколько вздумается!

Наконецъ, Васья оципалъ птицу и съѣлъ. Вдали показываются дѣвушки съ лукошками въ рукахъ. Онѣ поютъ пѣсни, а нѣкоторыя, не подозрѣвая, что глазъ барыни уже запримѣтилъ ихъ, черпаютъ въ лукошкахъ и ѣдятъ ягоды.

— Ишь жрутъ! — ворчитъ Анна Павловна. — Кто бы это такая? Аришка долговязая — такъ и есть. А вотъ и другая! такъ и уписывается за обѣ щеки, такъ и уписывается!.. безпремѣнно это Наташка... Вотъ я васъ ужѣ... опшарю!

Черезъ десять минутъ, дѣвичья полна, и производится приѣмъ ягодъ. Принесено немного; кто принесъ полъ-лукошка, а кто и совсѣмъ на доньшѣ. Только карлица Польша принесла полное лукошко.

— Чтѣ такъ, красавицы? Всего-на-все только десять часовъ по лѣсу бродили, а какую пропасть принесли?

— Совсѣмъ еще ягоды мало поспѣло, — оправдываются дѣвушки.

— Такъ. А Польша отчего же полное лукошко набрала?

— Стало-быть, ей посчастливилось.

— Такъ, такъ. А нутко, дохни на меня, долговязая!

Аришка подходит къ барынѣ и дышетъ ей въ лицо.

— Чтѣ-то малиной пахиваетъ! Нутко, и ты, Наташка! Подходи, голубушка, подходи!

Наташка дѣлаетъ то же, чтѣ и Аришка.

— Чудо! Для господъ ягода не поспѣла, а отъ нихъ малиной такъ и разить!

— Ей Богу, сударыня...

— Не божитесь. Сама изъ окна видѣла. Видѣла собственными глазами, какъ вы, идучи по мосту, въ хайло себѣ ягоды пихали! Вы думаете, что барыня далеко, анъ она — вотъ она! Вотъ вамъ за это! вотъ вамъ! Завтра цѣлый день за пальцами сидѣть!

Раздается трескъ пощечинъ. Затѣмъ, малина высыпается въ одно лукошко и сдается на погребъ, а часть отдѣляется для дѣтей, которыя уже отгучились и бѣгаютъ по длинной террасѣ, выстроенной вдоль всей лицевой стороны дома.

Бьетъ семь часовъ. Дѣтей одѣлили лакомствомъ. Василію



Порфирычу тоже поставили на чайный столъ давешній персикъ и немножко малины на блюдечкѣ. Въ столовой кипитъ самоваръ; начинается чаепитіе тѣмъ же порядкомъ, какъ и утромъ, съ тою разницей, что при этомъ присутствуютъ и баринъ съ барыней. Анна Павловна освѣдомляется, хорошо ли учились дѣти.

— Сегодня у насъ счастливый день выдался, — аттестуетъ Марья Андреевна: — даже Степанъ Васильичъ, и тотъ хорошо уроки отвѣчалъ.

— Ну, пей чай! — обращается Анна Павловна къ балбесу: — пейте чай всѣ... живо! Надо васъ за прилежаніе побаловать; сходите съ ними, голубушка Марья Андреевна, погуляйте по селу! Пуская деревенскимъ воздухомъ подышутъ!

Анна Павловна и Василій Порфирычъ остаются съ глазу на глазъ. Онъ медленно проглатываетъ малинку за малинкой и приговариваетъ: — „новая новинка, въ первый разъ въ нынѣшнемъ году! раненько поспѣла!“ — Потомъ такъ же медленно берется за персикъ, вырѣзываетъ загнившій бокъ и, разрѣзавъ остальное на четыре части, не торопясь кушаетъ ихъ одну за другой, приговаривая: — „вотъ хоть и подгнилъ маленько, а сколько еще хорошаго мѣста осталось!“ — У Анны Павловны сердце такъ и кипитъ, видя, какъ онъ копается.

Старикъ, очевидно, въ духѣ, и собирается покалякать о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ. Но Анну Павловну такъ и подмигиваетъ уйти. Она не любитъ празднословія мужа, да ей и некогда. Того гляди, староста придетъ, надо докладъ принять, на завтра распоряженіе сдѣлать. Поэтому, она сидитъ какъ на иголкахъ, и въ ту минуту, какъ Василій Порфирычъ произноситъ:

— Разно бываетъ: иной годъ на малину урожай, иной на клубнику. А иногда яблочковъ уродится столько, что обору нѣтъ... какъ Богу угодно...

Она грузно встаетъ съ кресла, чтобъ удалиться.

— Чтò, ужъ и поговорить-то со мной не хочешь! — обижается старикъ: — ахъ, дьяволь! именно дьяволь!

— Некогда мнѣ тебя слушать! — равнодушно отвѣчаетъ Анна Павловна, уходя: — у меня дѣловъ по горло, не время съ тобой на бобахъ разводить!

— Чортъ! дьяволь! — гремитъ ей вслѣдъ Василій Порфирычъ, но сейчасъ же стихаетъ и обращается уже къ лакею Конашикѣ, который стоитъ за его стуломъ въ ожиданіи привазаній.

— Такъ-то, братъ! — говоритъ онъ ему: — прошлаго года рожь хорошо родилась, а нынче рожь похуже, зато на овесъ уро-

жай. Конечно, овесъ не рожь, а все-таки лучше, что хоть что-нибудь есть, нежели ничего. Такъ ли я говорю?

— Точно такъ, сударь!

Василій Порфирычъ самъ завариваетъ чай въ особливомъ чайникѣ, и начинаетъ пить, переговариваясь съ Коняшкой, за отсутствіемъ другихъ собесѣдниковъ.

Дѣти, тѣмъ временемъ, сгруппировавшись около гувернантки, степенно и чинно бредутъ по поселку. Поселокъ пустыненъ, рабочий день еще не кончился; за молодыми барами издали слѣдуется толпа деревенскихъ ребятишекъ.

Дѣти перекидываются замѣчаніями.

— Вонъ Антипка какую избу взбодрилъ, а теперь она пустая стоитъ!—рассказываетъ Степанъ:—бѣдный былъ и пить здорово, да икону откуда-то добылъ,—съ тѣхъ поръ и пошелъ разживаться. И пить пересталъ, и деньги прозявились. Шире да шире, четверку лошадей завелъ, одна другой лучше, коровъ, овецъ, избу эту самую выстроилъ... Наконецъ, на обривъ выпросился, торговать сталъ... Мать только дивилась: откуда на Антипку пошло-поѣхало? Вотъ и скажи ей кто-то: такая, молъ, у Антипки икона есть, которая ему счастье приноситъ. Она взяла да и отняла. Антипка-то въ ту пору въ ногахъ валялся, деньги предлагалъ, а она одно твердитъ: „тебѣ все равно, какой иконѣ Богу ни молиться“... Такъ и не отдала. Съ тѣхъ поръ Антипка опять захудалъ. Сталъ пить, тосковать, день ото дня хуже да хуже... Теперь, хорошій-то домъ пустуетъ, а онъ съ семействомъ сзади въ хибаркѣ живетъ. Съ нынѣшняго года опять на барщину посадили, а съ недѣлю тому назадъ ужъ и на конюшнѣ наказывали...

— А вотъ Катькина изба!—отзывается Любочка:—я вчера ее изъ-за садовой рѣшетки видѣла, съ сѣнокоса идетъ: черная, худая.—Что, Катька, спрашиваю: сладко за мужикомъ жить?— „Ничего, говорить, буду-таки за вашу маменьку Бога молить. По смерти ласки ея не забуду!“

— Изба-то у нея... посмотрите! бревна живого нѣтъ!

— И подѣломъ ей, — рѣшаетъ Соничка:—ежели бы всѣ дѣвушки...

Въ такихъ разговорахъ проходитъ вся прогулка. Нѣтъ ни одной избы, которая не вызвала бы замѣчанія, потому что за всякой числится какая-нибудь исторія. Дѣти не сочувствуютъ мужичку и признаютъ за нимъ только право терпѣть обиду, а не роптать на нее. Напротивъ, поступки мамыши, по отношенію къ крестьянамъ, встрѣчаютъ ихъ безусловное одобреніе. Они называютъ ее „молодцомъ“, говорятъ, что у нея „губа не дура,“

и что, еслибы не она, сидѣли бы они теперь при отцовскихъ трехстахъ-шестидесяти душахъ. Даже голосъ постылаго „балбеса“ сливается въ общемъ хвалебномъ хорѣ—до такой степени всѣ поражены цифрою три тысячи душъ, которыми теперь владѣютъ Затрапезные.

— Этакую махиницу соорудила!—восторженно восклицаетъ Степанъ.

— И мы должны вѣчно ее за это благодарить!—отзывается Гриша.

— Что бы мы безъ нея были! — продолжаетъ восторгаться балбесъ: — такъ, какіе-то Затрапезные! „Сколько у васъ душъ, господинъ, Затрапезный?“ — Триста шестьдесятъ-съ... Ахъ, ты!

— Вотъ теперь вы правильно разсуждаете,—одобряетъ дѣтей Марья Андреевна: — я и маменькѣ про ваши добрыя чувства расскажу. Ваша маменька—мученица. Папенька у васъ старшій, ничего не дѣлаетъ, а она съ утра до вечера о васъ думаетъ, чтобъ вамъ лучше было, чтобъ будущее ваше было обезпечено. И, можетъ быть, скоро Богъ увѣнчаетъ ея старанія новымъ успѣхомъ. Я слышала, что продается Нивитское, и маменька уже начала по этому поводу переговоры.

Извѣстіе это производитъ фуроръ. Дѣти прыгаютъ, бьютъ въ ладоши, визжать.

— Вѣдь въ Нивитскомъ-то съ деревнями пятьсотъ душъ! — восклицаетъ Степанъ.—Ай да мамахенъ!

— Четыреста-восемьдесятъ-три,—поправляетъ брата Гриша, которому уже нѣчто извѣстно объ этихъ переговорахъ, но который, повуда, еще никому не выдавалъ своего секрета.

Солнце уже догорѣло; въ домъ проникаютъ сумерки, а въ дѣвичьей даже порядочно темно. Дѣвушки сошлись около стола и хлебаютъ пустыя щи. Тутъ же, на ларѣ, поджавши ноги, присѣла Анна Павловна и бесѣдуетъ со старостой Фодотомъ. Фодоту уже лѣтъ подь-семьдесятъ, но онъ еще бодръ, и ежели вѣрить мужичкамъ, то рука у него порядочно-таки тяжела. Онъ чинно стоитъ передъ барыней, опершись на клюку, и неторопливо отвѣчаетъ на ея вопросы. Анна Павловна любитъ старосту; она знаетъ, что онъ не потатчикъ, и что клюка въ его рукахъ не бездѣйствуетъ. Сверхъ того, она знаетъ, что онъ изъ немногихъ, которые сознаютъ себя во истину крѣпостными, не только за страхъ, но и за совѣсть. Въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ она уважаетъ его опытность и нерѣдко измѣняетъ свои распоряженія, согласно съ его совѣтами. Короче сказать, это два существа,

которыя вполне сошлись сердцами, и между которыми очень рѣдко встрѣчаются недоумѣнія.

— Что, кончили въ Шиловѣ? — спрашиваетъ Анна Павловна.

— Остатній стогъ дometывали, какъ я уходилъ. Наказалъ, безъ того не расходиться, чтобы не кончить.

— Хорошо сѣно-то?

— Сѣно нынче за рѣдкость: сухое, звонкое. Не слышимъ только много его, а ужъ уборка такая — изъ годовъ вонъ!

— Боюсь, достанетъ ли до весны?

— Какъ сказать, сударыня... какъ будемъ кормить... Ежели зря будемъ скотинѣ кормъ бросать — мало будетъ, а ежели съ расчетомъ, такъ достанетъ. Коровамъ-то можно и яровой соломки подѣвывать, благо нынче урожай на овесъ хорошъ. Упреждай а васъ въ ту пору съ пустошами погодить, не всѣ въ коротку сдавать...

— Ну, ужъ прости, Христа ради! Какъ-нибудь обойдемся... На завтра какое распоряженіе сдѣлаешь?

— Мужиковъ-то во Владыкино бы косить надо нарядить, а бабъ безпрѣменно въ Игумново рожь жать послать.

— Жать? что больно рано?

— Годъ нонѣ ранній. Все сразу. Прежде объ эту пору еще и званія малины не бывало, а нонче всѣ малинники усыпаны спѣлой ягодой.

— А мнѣ мои фрелины на доньшвѣ въ лукошкахъ принесли.

— Не знаю; нужно бы по цѣлому, да и то не убрать.

— Слышите? — обращается Анна Павловна къ дѣвицамъ. — Стало-бытъ, мужикамъ завтра — косить, а бабамъ — жать? все, что ли?

Староста мнется, словно не рѣшается говорить.

— Еще что-нибудь есть? — встревоженно спрашиваетъ барыня.

— Есть дѣльце... да нужно бы его промежь себя разсудить...

Анна Павловна заранѣе блѣднѣетъ и чуть не бѣгомъ направляется въ спальню.

— Что тамъ еще? сказывай! говори!

— Да мертвое тѣло на нашей землѣ проявилось. — неохотно докладываетъ Федотъ.

— Вотъ такъ денегъ выбрался! Давеча бѣглый солдатъ, теперь мертвое тѣло... Кто видѣлъ? гдѣ? когда?

— Да Антошъ мяловскій видѣлъ. — Иду я, говорить, — ужъ солнышко книзу пошло — лѣсомъ около великановской межи, а „онъ“ на березовомъ суку висить.

— Висѣльникъ?

— Стало-быть, висѣльникъ.

— А другіе знаютъ объ этомъ?

— Зачѣмъ другимъ сказывать! Я Антону строго-на-строго наказывалъ, чтобъ никому ни-гугу. Да не угодно ли самимъ Антона разспросить. Я на всякій случай его съ собой захватилъ...

— Не нужно. Такъ вотъ что ты сдѣлай. Ты говоришь, что мертвое тѣло въ лѣсу около великановской межи виситъ, а лѣсъ тутъ одинаковый, что у насъ, что у Великановыхъ. Такъ возьми сейчасъ Антошку, да еще на подмогу ему Михайлу сельсваго, да сейчасъ же встроимъ этого висѣльника съ нашей березы снимите да и перевѣсьте за великановскую межу, на ихнюю березу. А завтра, чуть свѣтъ, опять сходите, и ежели окажутся слѣды ногъ, то все какъ слѣдуетъ сдѣлайте, чтобъ не было замѣтно. Да и днемъ посматривайте: пожалуй, великановскіе замѣтятъ, да и опять на нашу березу перенесутъ. Да смотри у меня: ежели кто-нибудь провѣдаетъ, ты въ отвѣтъ! Усталъ ты, поди, старикъ, день-то маявшись—пу, да ужъ нечего дѣлать, постарайся!

— Ничего, сударыня, день работали, и ночью поработаемъ! Съ устатку-то любѣхонько!

Докладъ вончень; ключница подаетъ старостѣ рюмку водки и кусокъ хлѣба съ солью. Анна Павловна нѣсколько времени стоитъ у окна спальни и вперяетъ взоръ въ ступившіяся сумерки. Черезъ полчаса она убѣждается, что приказъ ея отчасти уже выполненъ, и что съ села пробираются три тѣни по направленію въ великановской межѣ.

Наконецъ, въ столовой раздается лязганье тарелокъ и ложекъ.

Докладываютъ, что ужинъ готовъ. Ужинъ представляетъ собой повтореніе обѣда, за исключеніемъ пирожного, которое не подается. Анна Павловна зорко слѣдитъ за каждымъ блюдомъ и замѣчаетъ, сколько уцѣлѣло кусковъ. Къ великому ея удовольствію, телятины хватить на весь завтрашній день, щецъ тоже порядочно осталось, но съ галантиромъ придется проститься. Ну, да вѣдь и то сказать—третій день галантирь да галантирь! можно и полоточкомъ позакомиться, покуда не испортились.

Рабочій день кончился. Дѣти дѣлуютъ у родителей ручки и проворно взбѣгаютъ на мезонинъ въ дѣтскую. Но въ дѣвичьей еще слышно движеніе. Дѣвушки, словно заколдованныя, сидятъ въ темнотѣ и не ложатся спать, повуда голосъ Анны Павловны не сниметъ съ нихъ чары.

— Ложитесь!—кричитъ она имъ, проходя въ спальню.

На сонъ грядущій, она отпираетъ денежный ящикъ и удостоверяется, все ли въ немъ лежитъ въ томъ порядкѣ, въ кото-

ромъ она всегда привыкла улаживать. Потомъ она припоминаетъ, не забыла ли чего

— Никакъ я сегодня не причесывалась?—спрашиваетъ она горничную.

— Не причесывались и есть...

— Вотъ такъ оказія! А впрочемъ, и то сказать, цѣлый день туда да сюда. Поневолѣ замотаешься! Какъ бы и завтра не забыть! Напомни.

Она снимаетъ съ себя блузу, чехоль и исчезаетъ въ пуховикахъ. Но тутъ ее настигаетъ еще одно воспоминаніе:

— Ахъ, да вѣдь я и лба-то сегодня не перекрестила... ахъ, грѣхъ какой! ну, на этотъ разъ Богъ проститъ! Сашка! подтычь одѣяло-то... плотиѣе... вотъ такъ!

Черезъ четверть часа весь домъ спитъ мертвымъ сномъ.

Такъ проходитъ лѣтній день въ господской усадьбѣ. Зимой, подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій, картина видоизмѣняется, но, въ сущности, крѣпостная страда не облегчается, а, напротивъ, даже усиливается. Краски сгущаются, мракъ и духота доходятъ до крайнихъ предѣловъ.

Кто повѣритъ, что было время, когда вся эта смѣсь алчности, лжи, произвола и бессмысленной жестокости, съ одной стороны, и придавленности, доведенной до поруганія человѣческаго образа, — съ другой, называлась... жизнью?!

#### V.— ПЕРВЫЕ ШАГИ НА ПУТИ КЪ ПРОСВѢЩЕНІЮ.

Какъ начали ученіе старшіе братья и сестры—я не помню. Въ то время, когда наша домашняя школа была уже въ полномъ ходу, между мною и непосредственно предшествовавшей мнѣ сестрой было разницы четыре года, такъ что, волей-неволей, пришлось воспитывать меня особо.

Дѣти въ нашей семьѣ раздѣлялись на три группы. Старшіе братъ и сестра составляли первую группу и были уже отданы въ казенныя заведенія. Вторую группу составляли два брата и три сестры погодеи, и хотя старшему брату, Степану, было уже четырнадцать лѣтъ въ то время, когда сестрѣ Софьѣ минуло только девять, но и первый, и послѣдняя учились у однихъ и тѣхъ же гувернантокъ. Несомнѣнно, что предметы преподаванія были у нихъ разные, но какъ ухитрились согласовать эту разно-

голосицу за однимъ и тѣмъ же класснымъ столомъ—рѣшительно не понимаю.

Братъ Степанъ былъ чѣмъ-то въ родѣ изгоя въ нашемъ обществѣ. Съ нимъ не только обращались сурово, но даже не торопились отдать въ заведеніе (старшаго брата отдали въ московскій университетскій пансіонъ по двѣнадцатому году), чтобъ не платить лишнихъ денегъ за его воспитаніе. Къ счастью, у него были отличныя способности, такъ что, когда матушка, наконецъ, рѣшилась везти его въ Москву, то онъ выдержалъ экзаменъ въ четвертый классъ того же пансіона. Съ нимъ вмѣстѣ отдали въ одинъ изъ московскихъ институтовъ и двухъ сестеръ постарше: Вѣрочку и Любочку. Затѣмъ, черезъ годъ, тѣмъ же порядкомъ исчезли изъ дома Григорій и Софья.

Осталась дома третья группа, или, собственно говоря, двое одиночекъ: я—да младшій братъ Николай, который былъ совсѣмъ еще малъ, и на котораго матушка, съ отъѣздомъ Гриши, перенесла всю свою нѣжность. Что же касается до меня лично, то я, не будучи „постылымъ“, не состоялъ и въ числѣ любимчиковъ, а былъ, какъ говорится, ни въ тѣхъ, ни въ сѣхъ. Вообще, я прожилъ дѣтство какъ-то незамѣтно, и не любилъ попадаться на глаза, такъ что, когда матушка случайно встрѣчала меня, то и она словно недоумѣвала, какимъ образомъ я очутился у нея на дорогѣ.

Я помню, что когда уѣхали послѣднія старшія дѣти, отъѣздъ этотъ произвелъ на меня гнетущее впечатлѣніе. Домъ вдругъ словно помертвѣлъ. Прежде хотъ плачь слышался, а иногда и дѣтская возня; мелькали дѣтскія лица, происходили судьбища, расправы—и вдругъ все разомъ опустѣло, замолчало и, что еще хуже, наполнилось какими-то таинственными шопотами. Даже для обѣда не раздвигали стола, потому что собиралось всего пять человѣкъ: отецъ, мать, двѣ тети и я.

Нѣсколько дней сряду я ходилъ по опустѣлымъ комнатамъ, гдѣ прежде ютились братья и сестры, и заглядывалъ во всѣ углы. И долго мнѣ чудилось, что кто-то меня зоветъ, и я озирался кругомъ, въ надеждѣ встрѣтить знакомое лицо. Но это было своего рода марево, которое только увеличивало тоску одиночества. Становилось жутко въ этихъ замолчавшихъ комнатахъ, потому что безмолвіе распространилось не только на дѣтскія помѣщенія, но и на весь домъ. Не говоря объ отцѣ, который продолжалъ вести свою обычную заменутую жизнь, даже матушка какъ-то утомилась съ отъѣздомъ дѣтей и, затворившись въ спальнѣ, или щелкала на счетахъ и писала, или раскладывала гран-пасьянсъ.

Тѣмъ не менѣе, такъ какъ я былъ дворянскій сынъ и притомъ мнѣ минуло уже семь лѣтъ, то, волей-неволей, приходилось подумать о моемъ ученѣи.

Но я росъ одинъ, а для одного матушкѣ изъясниться не хотѣлось. Поэтому, она рѣшилась не нанимать гувернантки, а, въ ожиданіи выхода изъ института старшей сестры, начать мое обученіе съ помощью домашнихъ средствъ.

Считаю, впрочемъ, не лишнимъ оговориться. Болтать по-французски и по-нѣмецки я выучился довольно рано, около старшихъ братьевъ и сестеръ и, помнится, гувернантки; въ дни именинъ и рожденій родителей, заставляли меня говорить поздравительныя стихи; одни изъ этихъ стиховъ и теперь сохранились въ моей памяти. Вотъ они:

On dit assez communément  
Qu'en parlant de ce que l'on aime,  
Toujours on parle éloquemment.  
Je n'approuve point ce système;  
Car moi qui voudrai en ce jour  
Vous prouver ma reconnaissance,  
Mon cœur est tout brûlant d'amour,  
Et ma bouche est sans éloquence.

Но ни читать, ни писать, ни по-кавовски, даже по-русски, я не умѣлъ.

И вотъ, вскорѣ послѣ отъѣзда старшихъ дѣтей, часовъ въ десять утра, отслужили молебень и приказали мнѣ идти въ класную. Тамъ меня ждалъ нашъ крѣпостной живописецъ Павелъ, которому и поручили обучить меня азбукѣ.

Какъ сейчасъ вижу я передъ собой этого Павла. То былъ высокій, худой и, кажется, чахоточный человекъ, съ блѣднымъ, осунувшимся лицомъ и свѣтлыми, желтоватыми волосами на головѣ. Ступалъ онъ бережно, говорилъ чуть слышно, никогда никому не преословилъ и отличался чрезвычайною набожностью. Обучался онъ живописи въ Суздаль, потомъ ходилъ нѣкоторое время по оброку и работалъ по монастырямъ; наконецъ, матушка разсудила, что въ четырехъ-пяти церквахъ, которыя находились въ разныхъ ея имѣніяхъ, и своей работы достаточно. Вслѣдствіе этого, Павелъ былъ взятъ въ домъ, гдѣ постоянно писалъ образа, а по временамъ ему поручали писать и домашніе портреты, которые онъ, впрочемъ, потрафлялъ очень неудачно. Отецъ любилъ его чрезвычайно, частенько захаживалъ къ нему въ мастерскую и руководилъ его работами. Матушка тоже его „не трогала“. Жена его, происхожденіемъ изъ мѣщановъ (рѣшилась закрѣпо-



ститься ради Павла), была тоже добрая, кроткая и хворая женщина. И ее „не трогали“ и не угнетали работой, но такъ какъ она умѣла печь бѣлый хлѣбъ, то опредѣлили пекаршей при домѣ и протвирной при церкви. Вообще, имъ жилось легче, чѣмъ другимъ; даже когда мѣсячина была нарушена, за ними сохранили ее и отвели имъ особую комнату въ нижнемъ этажѣ дома:

Павелъ явился въ классъ приодѣтый, въ желтомъ фризомъ сюртукѣ и въ бѣломъ галстукѣ на шеѣ. Въ рукахъ у него была азбука и красная „указка“. Училъ онъ меня по-старинному: „азами“. На первой страницѣ „азы“ были напечатаны крупнымъ шрифтомъ, и каждая буква была снабжена соотвѣтствующей картинкой: Азь—арбузь, Буки—баринъ, Вѣди—Вавило, и т. д. На слѣдующихъ страницахъ буквы были напечатаны все болѣе и болѣе мелкимъ шрифтомъ; за буквами слѣдовали склады, одногласные, двугласные, трехгласные, потомъ слова и, наконецъ, цѣлыя изреченія правоучительнаго свойства. Этимъ азбука оканчивалась, а вмѣстѣ съ нею оканчивалась и Павлова „наука“.

Азбуку я усвоилъ быстро; отчетливо произносилъ склады даже въ такомъ родѣ, какъ *мря, нря, цря, чря* и т. д., а недѣли черезъ три уже бойко читалъ правоученія.

Павелъ доложилъ матушкѣ, что я готовъ, и я въ ея присутствіи съ честью выдержалъ свой первый экзаменъ. Матушка осталась довольна, но затѣмъ послѣдовалъ вопросъ:

- А дальше какъ?
- Дальше ужъ какъ угодно.
- Да вѣдь писать, чай, надо?

Оказалось, что Павелъ хоть и зналъ гражданскую печать, но писать по-гражданскому не разумѣлъ. Онъ могъ писать лишь полууставомъ, насколько это требовалось для надписей къ образамъ...

Весь этотъ день я былъ радостенъ и гордъ. Не сидѣлъ, по обыкновенію, притаившись въ углу, а бѣгалъ по комнатамъ и громко выкрикивалъ: „мря, нря, цря, чря!“ За обѣдомъ, матушка давала мнѣ лакомые куски, отецъ погладилъ по головѣ, а тетьки—сестрицы, гостившія въ то время у насъ, подарили цѣлую тарелку съ яблоками, турецкими розжками и пряниками. Обыкновенно, онѣ дѣливали это только въ дни именинъ.

Но матушка задумалась. Она мечтала, что приставить ко мнѣ Павла, дать книгу въ руки, и ученье пойдетъ само собой—и вдругъ, на первомъ же шагѣ, расчеты ея рушились...

Тѣмъ не менѣе, какъ женщина изобрѣтательная, она нашла и тутъ. Вспомнила, что отъ старшихъ дѣтей остались книжки,

тетрадки, а въ томъ числѣ и прописи, и немедленно перебрала весь учебный хламъ. Отыскавъ прописи, она сама разлиновала тетрадку и, усадивъ меня за столъ въ смежной комнатѣ съ своей спальней, указала, насколько могла, какъ слѣдуетъ держать въ рукахъ перо.

— Видишь, вотъ палки... съ нихъ и копируй! Сначала по палкамъ выучись, а потомъ и дальше пойдешь, — сказала она, уходя.

Я помню, что этотъ первый опытъ писанія самоучкой былъ очень для меня мучителенъ. Перо вертѣлось между пальцами, а по временамъ и вовсе выскользало изъ нихъ; чернилъ зачерпывалось больше, чѣмъ нужно; не прошло четверти часа, какъ разлинованная четвертушка уже была усѣяна кляксами, даже верхняя часть моего тѣла какъ-то неестественно выгнулась отъ напряженія. Сверхъ того, я слышалъ по близости шорохъ, который производила матушка, продолжая рыться въ учебныхъ программахъ, и—при одной мысли, что вотъ-вотъ она сейчасъ нагрянетъ и увидитъ мои проказы, у меня душа уходила въ пятки.

Цѣлый часъ я проработалъ такимъ образомъ, стараясь утвердить пальцы и вывести хоть что-нибудь похожее на палку, изображенную въ лежавшей передо мною прописи; но пальцы отъ чрезмѣрныхъ усилій, все меньше и меньше овладѣвали перомъ. Наконецъ, матушка вышла изъ своего убѣжища, взглянула на мою работу, и, сверхъ ожиданія, не разсердилась, а только сказала:

— Вотъ такъ огородъ нагородилъ! Ну, ничего, и всегда такъ начинаютъ. Вотъ она палочка-то! кажется, мудрено ли ее черкнуть, а выходитъ, что привычка да привычка нужна! Главное, старайся не тискать перо между пальцами, держи руку вольно, да и самъ сиди вольнѣе, не пригибайся. Ну, ничего, ничего, не конфузься! Богъ милостивъ! ступай, побѣгай!

Недѣли съ три каждый день я, не разгибая спины, мучился часа по два сряду, покуда, наконецъ, не достигъ кой-какихъ результатовъ. Перо вертѣлось уже не такъ сильно; рука почти не ёрзала по столу; кляксъ становилось меньше; рядъ палокъ уже не представлялъ собой распатавшейся изгороди, а шелъ довольно ровно. Словомъ сказать, я уже началъ мечтать о копированіи палокъ съ закругленными концами.

Какъ и прочихъ братьевъ, матушка предположила помѣстить меня въ московскій университетскій пансіонъ, состоявшій изъ восьми классовъ и одного приготовительнаго. Требованія для поступающихъ въ приготовительный классъ были самыя ограничен-

ныя. Изъ закона Божія—ветхій завѣтъ до „царей“ и знаніе главнѣйшихъ молитвъ; изъ русскаго языка—правильно читать и писать и элементарныя понятія о частяхъ рѣчи; изъ ариѳметики—первыя четыре правила. Ни географіи, ни исторіи, ни иностранныхъ языковъ при испытаніи не требовалось. Въ головѣ матушки мелькнула мысль, не отдать ли меня въ приготовительный классъ? Для этого слѣдовало только пригласить изъ сосѣднаго села Рябова священника, который, въ теченіе времени, оставшагося до приемныхъ экзаменовъ, конечно, успеетъ приготовить меня.

Но когда она вспомнила, что при такомъ оборотѣ дѣла ей придется платить за меня, въ теченіе девяти лѣтъ, по шестисотъ рублей ассигнаціями въ годъ, то испугалась. Высчитавши, что платежи эти составятъ, въ общей сложности, круглую сумму въ пять тысячъ четыреста рублей, она гнѣвно щелкнула счетами и даже съ недоумѣніемъ отодвинула ихъ отъ себя.

— Держи карманъ!—крикнула она:—и безъ того семь балбесовъ на шеѣ сидятъ, каждый годъ за нихъ слишкомъ четыре тысячи рубликовъ вынь да положи, а тутъ еще восьмой явится!

Руководясь этимъ соображеніемъ, она рѣшилась до времени ничего окончательнаго не предпринимать, а ограничиться, въ ожиданіи пріѣзда старшей сестры, приглашеніемъ рябовскаго священника. А тамъ—что будетъ.

— Вотъ добѣ книжка,—сказала она мнѣ однажды, кладя на столъ „Сто-двадцать-четыре исторіи изъ ветхаго завѣта“:—завтра рябовскій повъ придетъ, я съ нимъ переговорю. Онъ съ тобой займется, а ты все-таки и самъ просматривай книжки, по которымъ старшіе учились. Можетъ быть, и пригодятся.

Рябовскій священникъ пріѣхалъ. Довольно долго онъ совѣщался съ матушкой, и результатомъ этого совѣщанія было слѣдующее: три раза въ недѣлю онъ будетъ наѣзжать къ намъ (Рябово отстояло отъ насъ въ шести верстахъ) и посвящать мнѣ по два часа. Плата за ученіе была условлена въ такомъ размѣрѣ: деньгами восемь рублей въ мѣсяцъ, да два пуда муки, да въ дни уроковъ обѣдать за господскимъ столомъ.

Опять отслужили молебенъ и принялись уже за настоящую науку.

Отецъ Василій слѣдовалъ въ обученіи той же методѣ, какъ и всѣ педагоги того времени. Въ концѣ урока онъ задавалъ двѣ-три страницы изъ ветхаго завѣта, два-три параграфа изъ краткой русской грамматики, и, по пріѣздѣ черезъ день, „спрашивалъ“ заданное. Толковать приходилось только ариѳметическія правила. Оказалось, впрочемъ, что я многое уже зналъ, прислушиваясь, въ

классные часы, къ ученью старшихъ братьевъ и сестеръ, а молитвы и заповѣди съ малолѣтства заставляли меня учить наизусть. Поэтому, двухъ часовъ, въ продолженіе которыхъ, по условію, батюшка долженъ былъ „просидѣть“ со мною, было даже черезчуръ много, такъ что послѣдній часъ обыкновенно посвящался разговорамъ. Преимущественно шли разспросы о томъ, сколько у отца Василя въ приходѣ душъ, деревень, какъ послѣднія называются, сколько онъ получаетъ за требы, за славленіе въ Рождество Христово, на Святой и въ престольные праздники, часто ли служить сорокоусты, какъ дѣлятся доходы между священникомъ, дьякономъ и причетниками, и т. п. Почему все это меня интересовало, объяснить не могу, но, вѣроятно, тутъ обазывало свое дѣйствіе общее скопидомческое направленіе семьи.

Отецъ Василій былъ доволенъ своимъ приходомъ: онъ получалъ съ него до пяти сотъ рублей въ годъ и, кромѣ того, обрабатывалъ свою часть церковной земли. На эти средства въ то время можно было прожить хорошо, тѣмъ больше, что у него было всего двое дѣтей-сыновей, изъ которыхъ старшій уже кончалъ курсъ въ семинаріи. Но были въ уѣздѣ и лучше приходы, и онъ не безъ зависти указывалъ мнѣ на нихъ.

— Вонъ, у Николы-на-Воплѣ, отецъ Семенъ однѣхъ свадебъ до пятидесяти въ прошломъ году повѣнчалъ. Сочти-ко, ежели по пяти рублей за свадьбу, сколько тутъ денегъ будетъ! Приходъ у него тысяча-двѣсти душъ въ одномъ клину, да все экономическіе. Народъ исправный, вольный; да и земли у причта, кромѣ указной, жертвованной много; озеро рыбное есть, щуки вотъ экія водятся. Волостной голова, писарь, сельскій старшина—все пріятели. Это, чтобъ онъ самъ въ поле съ сохой выѣхалъ—ни въ жизнь никогда! Шепнетъ старшинѣ наканунѣ, а на другой день къ вечеру готово. Развѣ что по чарочкѣ обнесетъ, такъ и вино у него не купленное, а откупщиково положеніе, потому у Николы кабакъ. Конечно, иной разъ, и онъ съ косой позабавиться выйдетъ, два-три прокоса сдѣлаетъ, для примѣра, да и домой. А сверхъ того, пчель водить, лошадыми торгуетъ, деньги подъ проценты даетъ. Въ прошломъ году пятую дочь замужъ выдалъ, однѣми деньгами пятьсотъ рублей въ приданое далъ, да корову, да разнаго тряпья женскаго. Да въ губернію съѣздили, тамъ рублей двѣсти истрася, чтобъ зятя въ городъ въ священники опредѣлили. Вотъ онъ, отецъ Семенъ, какъ живетъ!

— За то у васъ помѣщиковъ восемь семействъ въ приходѣ считается!—возразилъ я.

— Чтò помѣщики! помѣщики-помѣщики, а какой въ нихъ

пробь? Твоя маменька и богатая, а много ли она на попа расщедрится. За всюнощную двугривенный, а не то и весь пятиалтынный. А попъ, между тѣмъ, отягощается, часа полтора на ногахъ стоитъ. Придетъ усталый съ работы, — цѣлый день либо пахаль, либо косиль, — а тутъ опять полтора часа стой да пой! Нѣтъ, я отъ своихъ помѣщиковъ подальше. Первое дѣло, прибытокъ отъ нихъ пустой, а во-вторыхъ, онъ же тебя жеребцомъ или шалыганомъ обозвать норовить.

Такимъ образомъ, я мало-по-малу узналъ подробности церковно-служительскаго быта того времени. Какъ обучались въ семинаріяхъ, какъ доставались священническія и дьяконскія мѣста, какъ происходило посвященіе въ попы, что представлялъ собой благочинный, духовное правленіе, консисторія, и т. д.

— Чтобъ мѣсто-то получить, надо либо на отцово мѣсто проситься, или въ домъ къ старому попу, у котораго дочь-невѣста, войти, — повѣствоваль отецъ Василій. — Въ консисторіи и списки приходамъ ведутся, въ которыхъ у поповъ-стариковъ невѣсты есть. Мой-то отецъ причетникомъ былъ, онъ бы хоть сейчасъ мнѣ свое мѣсто предоставилъ, такъ я изъ первенскихъ въ семинаріи курсъ кончилъ, въ причетники-то идти не хотѣлось. Года четыре я по губерніи шатался, все невѣсты искалъ. Что я тутъ нужды натерпѣлся, этого и въ сказкахъ не сказать. У самого грошъ въ карманѣ, а вездѣ, что ни шагъ, деньги подавай. Народъ все завистливый, жадный. Заплатишь въ консисторіи что требуется, поѣдешь къ невѣстѣ, анъ либо она съ зьяномъ, либо приходъ такой, что и старики-то еле-еле около него пропитываются. Наконецъ ужъ Богъ въ Рябово привелъ. Ничего, живемъ съ женой согласно, не нуждаемся.

— Сыну, что ли, вы мѣсто свое передать хотите?

— Покуда еще намѣренія такого не имѣю. Я еще и самъ, слава Богу... Развѣ лѣтъ черезъ десять что будетъ. Да старшій-то сынъ у меня и пристрастія къ духовному званію не имѣетъ, хочеть по гражданской части идти. Урокъ, вишь, у какаго-то начальнига нашель, такъ тотъ его обладеживаетъ.

— А меньшей сынъ?

— Меньшой — въ монахи ладить. Не всякому монахомъ быть лестно, однако, ежели это можетъ вмѣстить, такъ и тамъ не безъ пользы. Коли черезъ академію пройдетъ, такъ либо въ профессора, а не то такъ въ ректоры въ семинарію попадетъ. А бываетъ, что и въ архіереи, яко велбудъ сквозь игольное ушко, просочить.

— Вотъ кабы къ намъ въ губернію!

— Что-жь, милости просимъ! буду сына съ колокольнымъ звономъ встрѣчать!

— А правда ли, батюшка, что когда посвящаютъ въ архіереи, то они отца съ матерью проклинаютъ?

— Ну, ужъ и проклинаютъ! Таеъ, малую толику... всѣхъ партикулярныхъ вообще...

На одномъ изъ подобныхъ собесѣдованій насъ застала однажды матушка и порядочно-таки разсердилась на отца Василя. Но когда послѣдній объяснилъ, что я ужъ почти всю науку произвошелъ, а вслѣдъ затѣмъ неожиданно предложилъ, не угодно ли, молъ, по-латыни немножеко барчука подъучить, то гнѣвъ ея смягчился.

— Ахъ, вотъ это неподобно!—воскликнула она:—по программѣ хоть въ приготовительный классъ и не требуется, а все-таки...

— А мы его въ первый классъ подготовимъ; пожалуй, и въ другихъ предметахъ дальше пойдемъ. Напримѣръ, дроби и все такое...

— Безподобно! неподобно!

Отецъ Василій надѣялся на меня, и, нужно сказать правду, не ошибался въ своихъ ожиданіяхъ. Я дѣйствительно былъ прилеженъ. Кромѣ урочныхъ занятій, которыя мнѣ почти никакихъ усилій не стоили, я, по собственному почину, перечитывалъ оставшіеся послѣ старшихъ дѣтей учебники, и скоро почти зналъ наизусть „Краткую всеобщую исторію“, Кайданова, „Краткую Географію“, Иванскаго, и проч. Даже въ синтаксисъ заглядывалъ и не чуждался риторики. Все это, конечно, усваивалось мною беспорядочно, безъ всякой системы, тѣмъ не менѣе, запасъ фактовъ накоплялся, и я не разъ удивлялъ родителей, рассказывая за обѣдомъ такіе историческіе эпизоды, о которыхъ они и понятія не имѣли. Только ариметика давалась плохо, потому что тутъ я самъ себѣ помочь не могъ, а отецъ Василій по части дробей тоже былъ не особенно силенъ. Зато латынь пошла отлично, и я черезъ три-четыре недѣли такъ отчетливо склонялъ „mensa“, что отецъ Василій въ восторгѣ хлопалъ меня по лбу ладонью и восклицалъ:

— Башка!

Замѣчу здѣсь мимоходомъ: несмотря на обиліе книгъ и тетрадей, которыя я перечиталъ, я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о существованіи русской литературы. По части русскаго языка у насъ были только учебники, т.-е. грамматика, синтаксисъ и риторика. Ни христоматіи, ни даже басенъ Кры-

лова не существовало, такъ что я, въ буквальный смыслъ слова, почти до самаго поступленія въ казенное заведеніе не зналъ ни одного русскаго стиха, кромѣ тѣхъ немногихъ обрывковъ, безъ начала и конца, которые были помѣщены въ учебникѣ риторики, въ качествѣ примѣровъ фигуръ и троповъ...

Матушка видѣла мою ретивость и радовалась. Въ головѣ ея зрѣла коварная мысль, что я и безъ посторонней помощи, руководствуясь только программой, съумѣю приготовить себя, года въ два, въ одному изъ среднихъ классовъ пансіона. И мысль, что я *одинъ* изъ всѣхъ дѣтей почти ничего не буду стоять подготовкою, даже сдѣлала ее нѣжною.

Такимъ образомъ прошелъ цѣлый годъ, въ продолженіе котораго я всѣхъ поражалъ своими успѣхами. Но не были ли эти успѣхи только кажущимися—это еще вопросъ. Настоящаго руководителя у меня не было, системы въ усвоеніи знаній — тоже. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, какъ я сейчасъ упомянулъ, вмѣсто всякой системы, у меня была программа для поступленія въ пансіонъ. Матушка дала мнѣ ее, сказавъ:

— Вотъ, смотри! тутъ все написано, въ какой классъ что требуется. Такъ и приготовляйся.

Такъ я и приготовлялся; но, будучи предоставленъ самому себѣ, переходилъ отъ одного предмета къ другому, смотря по тому, что меня въ данную минуту интересовало. Я быстро усваивалъ, но усваиваемое навоплялось безъ связи, въ формѣ одиночныхъ фактовъ, не вытекавшихъ одинъ изъ другого. Само собой разумѣется, что такого рода работа, какъ бы она, по наружности, ни казалась успѣшною, не представляла устойчивыхъ элементовъ, изъ которыхъ могла бы выработаться способность къ логическому мышленію. Къ концу года, у меня образовалось такое смѣшеніе въ головѣ, что я съ невольнымъ страхомъ заглядывалъ въ программу, не имѣя возможности опредѣлить, въ состояніи ли я выдержать серьезное испытаніе въ другой классъ, кромѣ приготовительнаго. Я чувствовалъ, что мнѣ недостаетъ чего-то *средняго*, какого-то связующаго звена, и что, благодаря этому недостатку, самое умѣренное требованіе объясненія, самый легкій вопросъ въ сторону отъ текста учебника поставить меня въ тупикъ.

Въ этомъ смыслѣ, ученіе мое шло даже хуже, нежели ученіе старшихъ братьевъ и сестеръ. Тѣхъ мучили, но въ ученіи ихъ все-таки присутствовала хоть кабая-нибудь послѣдовательность, а кромѣ того, ихъ было пятеро, и они имѣли возможность провѣрять другъ друга. Эта провѣрка устанавливалась сама собою, по

естественному ходу вещей, и несомнѣнно помогала имъ. Меня не мучили, но за то и помощи я ни откуда не имѣлъ.

Вообще, одиночество и отсутствіе надзора предоставляли мнѣ, сравнительно, большую сумму свободы, нежели старшимъ дѣтямъ, но эта свобода не привела за собой ничего похожего на самостоятельность. По наружности, я дѣлалъ все, что хотѣлъ, но, въ дѣйствительности, надо мной тяготѣла та же невидимая сила, которая тяготѣла надъ всѣми домочадцами, и которой я, въ свою очередь, подчинялся безусловно. Этой силой была не чья-нибудь рука, непосредственно придавливающая человѣка, но вообще весь домашній укладъ. Весь онъ такъ плотно сложился и до того пропиталъ атмосферу, что невозможно было, при такой силѣ давленія, выработать что-нибудь свое. Предстояло жить, какъ живутъ всѣ, дышать, какъ всѣ дышутъ, идти по той же стезѣ, по какой всѣ идутъ. Только внезапное появленіе сильнаго и горячаго луча можетъ, при подобныхъ условіяхъ, разбудить человѣческую совѣсть и разорвать цѣпи той вѣковѣчной неволи, въ которой обязательно вращалась цѣлая масса людей, начиная съ всевластныхъ господъ и кончая какимъ-нибудь постылымъ Кирюшкой, которого не нынче — завтра ожидала „красная шапка“.

Такимъ животворнымъ лучомъ было для меня Евангеліе.

Роясь въ учебникахъ, я отыскалъ „Чтеніе изъ четырехъ евангелистовъ“; а такъ какъ книга эта была въ числѣ учебныхъ руководствъ, и знакомство съ ней требовалось для экзаменовъ, то я принялся и за нее наравнѣ съ другими учебниками.

Выказывалъ ли я до тѣхъ поръ задатки религіозности—это вопросъ, на который я могу отвѣтить скорѣе отрицательно, нежели утвердительно.

Я понимаю, что религіозность самая горячая можетъ быть доступна не только начетчикамъ и богословамъ, но и людямъ, не имѣющимъ яснаго понятія о значеніи слова: „религія“. Я понимаю, что самый неразвитый, задавленный ярмомъ простолудинъ имѣетъ полное право называть себя религіознымъ, несмотря на то, что приносить въ храмъ, вмѣсто формулированной молитвы, только измученное сердце, слезы и переполненную вздохами грудь. Эти слезы и вздыханія представляютъ собой безсловную молитву, которая облегчаетъ его душу и просвѣтляетъ его существо. Подъ наитіемъ ея, онъ искренно и горячо вѣритъ. Онъ вѣритъ, что въ мірѣ есть нѣчто высшее, нежели дивій произволъ, которому онъ отъ рожденія отданъ въ жертву по волѣ рокового, ничѣмъ не объяснимаго колдовства; что есть въ мірѣ Правда, и что въ нѣдрахъ ея кроется Чудо, кото-



рое придетъ къ нему на помощь и изведетъ его изъ тьмы. Пускай каждый новый день удостовѣряетъ его, что колдовству нѣтъ конца; пускай вериги рабства съ каждымъ часомъ все глубже и глубже впиваются въ его изможденное тѣло—онъ вѣрить, что злосчастіе его не безсрочно, и что наступитъ минута, когда Правда осіяетъ его, наравнѣ съ другими алчущими и жаждущими. И вѣра его будетъ жить до тѣхъ поръ, пока въ глазахъ не изсякнетъ источникъ слезъ и не замретъ въ груди послѣдній вздохъ. Да! колдовство рухнетъ, цѣпи рабства падутъ, явится свѣтъ, котораго не побѣдитъ тьма! Ежели не жизнь, то смерть совершить это чудо. Недаромъ, у подножія храма, въ которомъ онъ молится, находится сельское кладбище, гдѣ сложили кости его отцы. И они молились тою же безусловной молитвой, и они вѣрили въ то же чудо. И чудо совершилось: пришла смерть и возвѣстила имъ свободу. Въ свою очередь, она придетъ и къ нему, вѣрующему сыну вѣровавшихъ отцовъ, и, свободному, дастъ крылья, чтобы летѣть въ царство свободы, на встрѣчу свободнымъ отцамъ...

Въ этомъ горячемъ душевномъ настроеніи замыкается весь смыслъ, вся сила молитвы; но—увы!—ничего подобнаго я, лично, за собою не помнилъ. Я зналъ очень много молитвъ, отчетливо произносилъ ихъ въ урочные часы, молился и стоя, и на колѣняхъ, но не чувствовалъ себя ни умиленнымъ, ни умиротвореннымъ. Я поступалъ въ этомъ случаѣ, какъ поступали всѣ въ нашемъ домѣ, то-есть совершалъ извѣстный обрядъ. Всѣ въ домѣ усердно молились, но главное значеніе молитвы полагалось не въ сердечномъ просвѣтлѣніи, а въ тѣхъ вещественныхъ результатахъ, которые она, по общему корыстному убѣжденію, приносила за собой. Говорили: будешь молиться — и дастся тебѣ все, о чемъ просишь; не будешь молиться — насидишься безо всего. Самое Евангеліе вовсе не считалось краеугольнымъ камнемъ, на которомъ созданъ храмъ, въ которомъ крестились и клали земные поклоны, — а немногимъ чѣмъ выше всякой другой книги церковно-служебнаго круга. Большинство даже разумѣло подъ этимъ словомъ извѣстный церковно-служебный моментъ. Говорилось: „мы пришли къ обѣднѣ, когда еще Евангеліе не отошло“; или: „это случилось, когда звонили ко второму Евангелію“, и т. д. Внутреннее содержаніе книги оставалось закрытымъ и для наиболѣе культурныхъ людей. И не потому, чтобы это содержаніе представляло собой обличеніе, а просто влѣдствіе общей низменности жизненнаго строя, который весь сосредоточивался около запросовъ утробы...

Когда я въ первый разъ ознакомился съ Евангелиемъ, это чтеніе пробудило во мнѣ тревожное чувство. Мнѣ было не по себѣ. Прежде всего, меня поразили не столько новыя мысли, сколько новыя слова, которыхъ я никогда ни отъ кого не слышалъ. И только повторительное, все болѣе и болѣе страстное чтеніе объяснило мнѣ дѣйствительный смыслъ этихъ новыхъ словъ и сняло темную завѣсу съ того міра, который скрывался за ними.

Все это очень встати случилось какъ разъ во время великаго поста, и хотя великопостные дни, въ смыслѣ крѣпостной страды и заведенныхъ порядковъ, ничѣмъ не отличались въ нашемъ домѣ отъ обыкновенныхъ дней, кромѣ того, что господа кушали „грибное“, но все-таки какъ будто становилось помирнѣе. Ради говѣльщико-крестьянъ (господа и вся дворня говѣли на страстной недѣлѣ, а отецъ съ тетками, сверхъ того, на первой и на четвертой) въ церкви каждый день совершались службы, а это, въ свою очередь, тоже напоминало ежели не о покаяніи, то о сдержанности. Даже матушка, какъ бы сознавая потребность тишины, сидѣла, затворившись въ спальнѣ, и только въ крайнихъ случаяхъ выходила изъ нея творить судъ и расправу.

Для меня эти дни принесли полный жизненный переворотъ. Я не говорю ни о той восторженности, которая переполнила мое сердце, ни о тѣхъ совсѣмъ новыхъ образахъ, которые вереницами проходили передъ моимъ умственнымъ взоромъ — все это было въ порядкѣ вещей, но въ то же время играло второстепенную роль. Главное, что я почерпнулъ изъ чтенія Евангелія, заключалось въ томъ, что оно посвяало въ моемъ сердцѣ зачатки общечеловѣческой совѣсти и вызвало изъ нѣдръ моего существа нѣчто устойчивое, *свое*, благодаря которому господствующій жизненный укладъ уже не такъ легко поработалъ меня. При содѣйствіи этихъ новыхъ элементовъ я приобрѣлъ болѣе или менѣе твердое основаніе для оцѣнки какъ собственныхъ дѣйствій, такъ и явленій и поступковъ, совершавшихся въ окружавшей меня средѣ. Словомъ сказать, я уже вышелъ изъ состоянія прозябанія и началъ сознавать себя человѣкомъ. Мало того: право на это сознаніе я переносилъ и на другихъ. Доселѣ, я ничего не зналъ ни объ алчущихъ, ни о жаждущихъ и обремененныхъ, а видѣлъ только людскія особи, сложившіяся подъ влияніемъ несокрушимаго порядка вещей; теперь, эти униженные и оскорбленные встали передо мной, осіянные свѣтомъ, и громко вопіяли противъ природенной несправедливости, которая ничего не дала имъ, кромѣ оковъ. То „свое“, которое внезапно

заговорило во мнѣ, напоминало мнѣ, что и *другіе* обладают такимъ же, равносильнымъ „своимъ“. И возбужденная мысль невольно переносилась въ конкретную дѣйствительности, въ дѣвичью, въ застольную, гдѣ задыхались десятки поруганныхъ и замученныхъ человѣческихъ существъ.

Я не хочу сказать этимъ, что сердце мое сдѣлалось очагомъ любви къ человѣчеству, но несомнѣнно, что съ этихъ поръ обращеніе мое съ домашней прислугой глубоко измѣнилось, и что подлая крѣпостная номенклатура, которая дотогѣ оскверняла мой языкъ, исчезла навсегда. Я даже могу съ увѣренностью утверждать, что моментъ этотъ имѣлъ несомнѣнное вліяніе на весь позднѣйшій складъ моего міросозерцанія.

Въ этомъ признаніи человѣческаго образа тамъ, гдѣ, по силѣ общеустановившагося убѣжденія, существовалъ только поруганный образъ раба, состоялъ главный и существенный результатъ, вынесенный мной изъ тѣхъ попытокъ самообученія, которымъ я предавался въ теченіе года.

Весной (мнѣ былъ ужъ девятый годъ) пріѣхала изъ Москвы сестра, и я поступилъ въ ея распоряженіе. Она привезла изъ института множество тетрадокъ, и принялась за меня очень строго. Надежды матушки, что подъ ея руководствомъ я буду въ состояніи, въ теченіе года, приготовиться ко второму или третьему классу пансіона, и что, слѣдовательно, за меня не придется платить лишнихъ денегъ, — оживились. Но я не считаю себя въ правѣ сказать, что педагогическіе приемы сестры были только-тѣ, нежели тѣ, которые я выработалъ для себя самъ. Одинъ только приемъ былъ для меня вполне оцутителенъ, а именно тотъ, что отнынѣ знанія усваивались мною не столько при помощи толкованій и объясненій, сколько при помощи побоевъ и тѣлесныхъ истязаній. Однимъ словомъ, для меня возобновилась та же ученическая страда, которая таготѣла и надъ старшими братьями и сестрами.

Н. Щедринъ.



---

# ВОЛОКИТСТВО ПРОФЕССОРА

Сцены изъ жизни туристовъ.

Соч. Эльзы д'Эстеръ Клилингъ.

---

## I.

ЖЕНЕВА.—ЛЮБОПЫТНАЯ ЗАПИСНАЯ КНИЖКА.—ПЕССИМИСТЪ.

Не могу думать о Женевѣ, не вспомнивъ ея дымовыхъ трубъ. Цѣлые ряды длинныхъ, тонкихъ и черныхъ трубъ встаютъ въ воображеніи, точно какія-то вытянутыя шеи или протянутыя руки! Удивительно, удивительно, удивительно! и вмѣстѣ съ тѣмъ что-жъ это такое? однѣ трубы—вѣдь это скучно, наконецъ! Вы, конечно, всего лучше можете созерцать ихъ съ улицы Круа-д'Орь, и здѣсь-то въ № 29 обитаетъ monsieur Лами, внѣ панорамы озера и горъ, въ самомъ центрѣ города. Философъ (а такимъ былъ monsieur Лами) не нуждается въ озерѣ и горахъ. Мишлэ сказалъ передъ лицомъ этихъ самыхъ Альпъ, что у нихъ такой видъ, какъ будто бы онѣ величественно и, можно сказать, дерзко равнодушны къ намъ, бѣднымъ смертнымъ. Гете произнесъ передъ лицомъ этихъ же самыхъ Альпъ, что онѣ ничего не говорятъ ни его уму, ни его чувству. Поэтому—кто же осудить моего героя за то, что онъ бѣжалъ отъ лица этихъ самыхъ Альпъ и схоронился за дымовыми трубами?

Въ то время, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, monsieur Лами былъ однимъ изъ женеvскихъ „львовъ“—и по праву, ибо, какъ раньше было заявлено, онъ былъ философъ. Новая религія, какую онъ проповѣдывалъ, нравилась женеvцамъ, какъ нравятся имъ всякія религіи вообще, проповѣдуетъ ли ихъ мірянинъ, или духовное

лицо — это безразлично, почему Женева всегда была и будет городомъ проповѣдниковъ. Здѣсь проповѣдывалъ Кальвинъ; здѣсь же проповѣдывали: Руссо, m-me де-Сталь и, въ наше время, „армія спасенія“.

Женева гордилась monsieur Лами, послѣднею изъ ея проповѣдническихъ пассій, и по многимъ причинамъ. Онъ не только былъ философъ на словахъ, но и писалъ книги. Его личныя достоинства были велики и разнообразны; упомянемъ хотя бы два главныхъ: онъ былъ хорошъ собой и холостъ. Наконецъ, — неслыханный казусъ въ анналахъ философіи — этотъ человекъ мысли и ученый, этотъ новый философъ — былъ (такъ гласила молва) постоянно влюбленъ.

— Ну, вотъ еще! такъ гласила молва! — скажутъ нѣкоторые. — Кто же вѣритъ тому, что гласитъ молва?

Я отвѣчу на это, что почти всѣ вѣрятъ. Къ тѣмъ немногимъ избранникамъ, которые не вѣрятъ, не могу причислить себя. Убѣдившись, что изъ ста случаевъ въ девяносто-девяти молва говорить правду, я ей непремѣнно вѣрю. Но не какъ слухъ, а какъ положительный фактъ, прибавимъ, что въ тотъ вечеръ, какъ начинается нашъ разговоръ, monsieur Лами улыбаясь, думалъ о женщинѣ.

А затѣмъ приступимъ къ разсказу.

Monsieur Лами былъ пессимистъ, не изъ неприятныхъ пессимистовъ, а изъ пріятнѣйшихъ и вротчайшихъ послѣдователей Шопенгауэра, которые съ улыбающеюся покорностью взираютъ на человечество вообще и на насъ съ вами въ частности, какъ на прискорбное, но не безынтересное явленіе.

По всей вѣроятности, для того, чтобы противоудѣйствовать случайнымъ припадкамъ меланхоліи, которымъ онъ былъ подверженъ, подобно многимъ другимъ приверженцамъ этой невеселой философіи, monsieur Лами разрѣшалъ себѣ маленькую слабость — периодически влюбляться. Онъ самъ объяснялъ, что причина, по которой онъ поддавался этой кажущейся слабости, заключалась въ томъ, что въ своихъ собственныхъ глазахъ онъ никогда не бывалъ столь любопытнымъ, можно даже сказать, обаятельнымъ предметомъ для изученія, какъ тогда, когда бывалъ влюбленъ. Въ виду этого заявленія, поскорѣе скажемъ, какимъ образомъ скazyвалась въ немъ любовь.

Убѣдившись, что онъ *épris*, или, какъ онъ выражался, *éperduement épris*, — monsieur Лами имѣлъ обыкновеніе заносить въ свою записную книжку имя своего предмета рядомъ съ своимъ соб-

ственнымъ, причемъ первое—въ измѣненномъ видѣ. Такъ, напримеръ, миссъ Смитъ юмористически писалась: „Симсъ Тимсъ“. Безпристрастный чужестранецъ согласится, что это—деликатная черта французской вѣжливости.

Подъ меморандумомъ такого рода monsieur Лами обыкновенно писалъ:

„Предположимъ, что я женюсь на ней“ (его собственными словами: *si je l'épousais*).

Затѣмъ наступало то, что музыканты называютъ органнымъ пунктомъ.

Кто хорошо зналъ monsieur Лами, тотъ увѣрялъ,—и я думаю, что это вѣрно—что органные пункты, счетомъ до двадцати-одного, обозначали двадцать-одну причину, по которымъ monsieur Лами находилъ неудобнымъ жениться на Симсъ Тимсъ—или какъ тамъ ее звали. Къ тому времени, какъ начинается нашъ рассказъ, причины, по которымъ не слѣдовало жениться, взяли верхъ надъ остальными,—и это доказывается тѣмъ фактомъ, что подъ органными пунктами стояли слова:—„я на ней не женюсь“.

## II.

### М-месь Лами и Минаръ.—Овѣнъ дочерей.

Давно замѣчено, что нѣтъ въ мірѣ чуднѣе вещи, какъ та, которую намъ ежедневно приходится наблюдать, а именно: тупоуміе сосѣдей, благодаря которому они носятъ съ *своимъ* домомъ, съ *своей* женой, и не замѣчаютъ, что ни то, ни другое въ подметки не годится *нашему* дому и *нашей* женѣ, а потому они невольно внушаютъ намъ мысль, что было бы просто милосердіемъ съ нашей стороны просвѣтить ихъ на этотъ счетъ.

Подобныя чувства существовали между м-ше Лами, матерью нашего профессора, и м-ше Минаръ, ея знакомой дамой и матерью кого-то другого. „Нелѣпо видѣть,—утверждала м-ше Минаръ,—какъ гордится своимъ сыномъ м-ше Лами“,—и это было вѣрно. По правдѣ сказать, это было самое забавное въ мірѣ, за исключеніемъ развѣ того, какъ гордилась своей дочерью м-ше Минаръ.

М-ше Лами казалось, что сынъ ея, Франсуа, не только звезда первой величины, но она утверждала, что онъ затмѣваетъ сыновей и дочерей всѣхъ остальныхъ отцовъ и матушекъ. Ну, а такого рода претензію можно терпѣть нѣкоторое время, но не вѣчно. Тѣмъ

болѣе, что нѣкоторое время и въ средѣ самихъ женевскихъ матерей не было человѣка популярнѣе этого самаго Франсуа Лами, что, впрочемъ, и естественно, такъ какъ никто не умѣлъ говорить такихъ комплиментовъ молодымъ дѣвушкамъ, а браки всегда вѣдь начинаются съ комплиментовъ. Дѣйствительно, никто не умѣлъ быть такимъ любезнымъ, какъ онъ, и вдобавокъ каждой матери казалось, что онъ оказываетъ тайное предпочтеніе ея дочери.

Другое дѣло—м-ше Лами. Вы можете въ душѣ отличать холостого сына какой-нибудь дамы и признавать всѣ его совершенства, но когда его мать начинаетъ превозносить сына надо всѣмъ челоуѣчествомъ вообще и надъ *вашей дочерью* въ частности, то, понятно, вамъ будетъ досадно это слушать; и хотя можно было удивляться, но нельзя было и не восхититься смѣлостью м-ше Минаръ, съ какой она заявила, за ужиномъ у Ролановъ, что не видитъ „ничего особеннаго въ Франсуа Лами; въ сущности, все, что можно о немъ сказать, это, что онъ очень милъ—и больше ничего“ (*fort gentil et voilà tout!*). Конечно, жаль, что это было сказано, потому что къ тому времени, какъ эти слова достигли ушей м-ше Лами, они разрослись въ неслыханное оскорбленіе. М-ше Лами улыбнулась, потирая руки, и замѣтила, что такія вещи особенно забавно слышать отъ м-ше Минаръ, и желала бы она знать, какъ отнеслись къ этому Роланы, и неужели они не умерли отъ смѣха? Это ужасно, ужасно смѣшно!

И, сказавъ это, она ушла домой и тамъ расплакалась навзрыдъ.

По правдѣ сказать, она была осаждаема непріятностями въ это время. И это только прибавило новое горе къ длинному списку ея бѣдствій.

На всемъ континентѣ, но преимущественно въ Германіи и въ Швейцаріи, существуетъ обычай у семей временно обмѣниваться дочерьми. Представьте, что вы — мать нѣсколькихъ дочерей, и представьте, что вы — нѣмка, и ваша дочь окончила школьное образованіе десяти лѣтъ отъ роду. Вы продержали ее годъ или два дома и посвятили во всѣ таинства кулинарнаго искусства. Въ пяти случаяхъ изъ десяти герръ Гутманъ сдѣлаетъ ей въ это время предложеніе, и вотъ Гретхенъ невѣста, не проживъ еще второго десятка. Тогда начинается счастье и ликованіе. Но увы! какъ могутъ счесть математики, въ пяти другихъ случаяхъ герръ Гутманъ не является, и Гретхенъ, какъ выражаются нѣмцы, „bleibt sitzen“, и второй десятокъ быстро смѣняется третьимъ.

Тогда поднимается стонъ и скрежетъ зубовъ, и большою

частью въ этихъ-то случаяхъ нѣмецкая маменька прибѣгаетъ въ вышеупомянутому обычаю, то-есть обмѣнивается дочерью съ швейцарской маменькой, послѣ предварительнаго объявленія, напечатаннаго съ такой патриархальной цѣлью въ швейцарской газетѣ:

„Требуется тихій, спокойный домашній очагъ въ Швейцаріи для нѣмецкой дѣвушки, которая беретса помогать по хозяйству, и взамѣнь предлагается тихій, спокойный домашній очагъ въ Германіи для швейцарской дѣвушки, которая была бы согласна помогать по хозяйству“.

Затѣмъ слѣдуетъ обширная корреспонденція между обѣими матерями, послѣ чего швейцарская дѣвушка отправляется въ нѣмецкое семейство, а нѣмецкая—въ швейцарское, и каждой представляется случай выучить иностранный языкъ безъ всякихъ издержекъ, такъ какъ, вы понимаете, она помогаетъ по хозяйству.

Я не стала бы такъ подробно описывать этого обычая, еслибы, благодаря ему, Маргарита Винкельридь не сдѣлалась членомъ домашняго очага м-ше Лами, и... Но я предчувствую вашу просьбу.

Не она ли, спросите вы, дама, занимавшая мысли м-г Лами, какъ было показано выше? не она ли причиной улыбки, тоже вышеупомянутой, которая играла на лицѣ профессора? Увы! я не смѣю этого сказать. Какъ это ни жестоко, но я должна воздержаться отъ наименованія дамы сердца... и тѣмъ болѣе не могу объяснить улыбки профессора. Еслибы у авторовъ было въ обычаѣ сознаваться въ своихъ погрѣшностяхъ, то я должна была бы допустить, что съ моей стороны неразумно было изобразить своего героя думающимъ о какой-либо женщинѣ, кромѣ музы; и еще неразумнѣе упоминать объ улыбкѣ, когда я знала, что мнѣ придется пока оставить моего героя въ сторонѣ и заняться его сестрой.

Сестру м-г Лами звали Ниволеттой, и если, какъ сказалъ одинъ умный французъ, первая обязанность молодой женщины—быть здоровой, то м-ше Лами заслуживала всяческихъ похвалъ. Въ ней не было ни эстетической блѣдности, ни отпечатка тягостныхъ думъ на челѣ. У нея было сіяющее здоровьемъ и весельемъ лицо, и походка и смѣхъ ребенка. Она была не красавица, но изумительно хорошенькая дѣвушка, такая хорошенькая, что смогла заставить одного знакомаго намъ веселаго, беззаботнаго и празднаго молодого англичанина внезапно превратиться въ ненормально трудолюбиваго, бросить всякія пустыя забавы, въ родѣ воекета, тенниса и гребли, и уткнуть носъ во французскія вокабулы и твердить фразы, въ родѣ слѣдующихъ:— „Не угодно



ли вамъ, миссъ, пойти со мною гулять?—Нѣтъ, сэръ, я предпочитаю гулять съ бабушкой“. —Обстоятельство, невольно возбуждившее тревогу въ его матери, тѣмъ болѣе, что на ея заботливый вопросъ: —„кто даетъ тебѣ уроки французскаго языка, Нэдъ?..“ —Нэдъ неопредѣленно помычалъ въ отвѣтъ.

Нашего молодого человѣка звали Нэдъ Пигготъ или, если вамъ лучше нравится, Тедъ Пигготъ. Одни звали его такъ, а другіе этакъ. Однѣ сестры величали его Нэдди, а другія—Тэдди. Все это молодой человѣкъ переносилъ съ ангельскимъ терпѣніемъ, хотя непостижимо, почему именно на одномъ островѣ Джона Буля изъ всѣхъ странъ земного шара существуетъ такой кавардакъ въ христіанскихъ именахъ.

Но вернемся къ нашему молодому человѣку; нужно ли называть имя французскаго профессора Нэда? быть можетъ, достаточно будетъ сказать, что послѣ восьмого урока Нэдъ спросилъ этого джентльмена:

— Достаточно ли я хорошо говорю по-французски?

— Достаточно ли хорошо?.. гм!

И профессоръ улыбнулся.

Нэдъ Пигготъ не былъ особенно тщеславнымъ молодымъ человѣкомъ, но онъ былъ бы уже черезъ-чуръ скромнымъ молодымъ человѣкомъ—чего также нельзя было о немъ сказать—еслибы принялъ улыбку профессора не за комплиментъ.

— Дѣло въ томъ, профессоръ, что я... я влюбленъ въ одну вашу соотечественницу и...

Его красивое лицо засіяло счастіемъ и надеждой.

— И больше мнѣ нечего прибавить, — досказалъ онъ: — я влюбленъ въ одну вашу соотечественницу.

— И желаете высказать ей это по-французски?

— Нѣтъ, не ей, но ея матери.

— Гм!

Профессоръ Лами нѣсколько разъ откашлянулся, точно поперхнулся.

— Гм! если мать вашей дамы не говоритъ по-англійски, то я бы посоветовалъ вамъ еще немного поучиться французскому языку, прежде нежели предложить ей себя въ зятя...

Молодой человѣкъ совсѣмъ опѣшилъ.

— Какой странный молодой человѣкъ! — замѣтилъ профессоръ, передавая повдѣе этотъ разговоръ матери.

А она погладила свой подбородокъ. Ей показалось еще

страннѣе, что Франсуа, повидимому, не догадывался, что дама, очаровавшая молодого англичанина, была не кто иная, какъ Николетта. М-ше Лами давно уже подозрѣвала это, а теперь увѣрилась, и была очень этимъ недовольна.

### III.

ЖЕНЕВСКАЯ АРИСТОКРАТІЯ. — НИКОЛЕТТА ДАЕТЪ СЕБЯ ЗНАТЬ.

У м-ше Лами были свои планы насчетъ Николетты. Последняя должна была выйти замужъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ за нѣкоего Бернара Борегаръ де-Белантруа. Если вы хоть сколько-нибудь знакомы съ женевскимъ обществомъ, то должны были слышать это имя, столь громкое, и существованіе котораго, подобно многимъ другимъ такимъ же, кажется нѣкотораго рода мистификаціей въ странѣ, именующей себя республикой, пока вы не откроете, что это простая комбинація фамиліи съ названіемъ провинціальной фамильной резиденціи. Борегары де-Белантруа претендуютъ на двѣ вещи: во-первыхъ, на то, что они непоколебимые демократы, чѣмъ они хотятъ выразить только то, что придерживаются добрыхъ старинныхъ обычаевъ и доброй старинной крови; во-вторыхъ, что они ведутъ и всегда вели то, чтѣ въ городѣ Женевѣ называется *vie anglaise*. Относительно этого термина и другого, ему подобнаго (*vie parisienne*), я не могу не замѣтить, что мнѣ всего больше нравится въ женевцахъ юмористическій умъ, заставляющій ихъ смѣшивать французскихъ и англійскихъ туристовъ съ карриатурами, и воображать, что счастливѣйшая въ мірѣ жизнь—это та, какую ведутъ во Франціи и въ Англіи. То, чтѣ имъ угодно называть „англійской жизнью“—безпечное и праздное существованіе, какое ведутъ ихъ собственныя десять тысячъ избранныхъ высшаго общества,—есть забавная карриатура на жизнь, которую ведутъ въ нѣкоторыхъ злополучныхъ домахъ Англіи. А то, чтѣ они называютъ *vie parisienne*—это такая же карриатура на „*monde où l'on s'ennuie*“ города Парижа.

Фамилія Борегаръ де-Белантруа была, какъ выше сказано, изъ числа избранныхъ, ведущихъ англійскую жизнь. Въ ту эпоху, о которой я пишу, и когда Бернаръ Борегаръ удивилъ и осчастливилъ м-ше Лами, предложивъ Николеттѣ руку и сердце, ему было сорокъ-три года. Этотъ возрастъ имѣетъ свои достоинства, но чтѣ не говорило въ пользу Бернара, это то, что у него была

некрасивая внѣшность, и даже мало того: что-то невыразимо противное и отталкивающее въ лицѣ.

Хотя м-ше Лами и считала это пустяками, въ виду его аристократической фамиліи, но нельзя было ожидать, что и Николетта отнесется къ этому точно такъ же. И такъ оно и вышло.

Дѣло было утромъ, на другой день послѣ вышеупомянутаго разговора м-ше Лами съ сыномъ, подтвердившаго подозрѣнія первой насчетъ прилежнаго англичанина. М-ше Лами обратилась къ дочери:

— Мнѣ надо поговорить съ тобою, Николетта.

— Что прикажете, мамà?

— Я дала разрѣшеніе Бернару Борегару де-Белантруа прѣхать къ тебѣ съ визитомъ сегодня въ часъ пополудни, — сказала мать такъ спойно, какъ еслибы дѣло шло о самой пустой вещи. — Онъ прѣдетъ, чтобы просить твоей руки.

— Что вы, мамà! — воскликнула Николетта: — вы вѣрно шутите!

Лицо м-ше Лами было столь же загадочно, какъ лицо сфинкса. Она отвѣчала ледянымъ тономъ:

— Я не знала, что я шутиха, Николетта. Теперь буду знать. Если мнѣ позволено сказать еще нѣсколько словъ, не будучи обвиненной въ томъ, что я играю роль клоуна, то я бы посоветовала тебѣ...

— Что такое? въ чемъ дѣло?

Лицо Николетты нѣсколько разъ измѣнялось, пока мать ея говорила. Сначала нѣчто въ родѣ улыбки заиграло на ея лицѣ, затѣмъ это выраженіе исчезло, и глаза какъ бы отуманились. Потомъ лицо ея вспыхнуло и, наконецъ, поблѣднѣло и стало жалкимъ. Мать готова продать ее тому, кто дастъ дороже. Рука ея сжалась въ кулакъ.

— Затѣмъ я выйду замужъ за этого Бернара Борегара де-Белантруа? Затѣмъ, что вамъ хочется, чтобы сестра Франсуа Лами была знатной дамой? Не хочу! Я всегда была на заднемъ шагѣ. Я не могу быть его женой.

Она встала, говоря это, и выпрямилась передъ матерью, дрожа отъ негодованія.

— Никто не смѣетъ располагать мной, — прибавила она. — Я сама себѣ госпожа.

— Такъ дѣвушки всегда говорятъ, когда нашли себѣ господина, — отвѣтила мать съ усиленной холодностью. — Молчать! — остановила она Николетту, хотѣвшую что-то сказать. — У меня есть глаза, и я знаю вашъ секретъ. Увольте меня отъ трагедіи и

будьте такъ добры, скажите мнѣ: почему вы не хотите выходить замужъ за Борегара де-Белантруа?

— Почему? потому что мнѣ не нужно ни его самого, ни его положенія, ни его богатства! Какъ онъ смѣетъ думать, что я выйду за него ради него самого! Какъ онъ смѣетъ думать, что я выйду ради его денегъ или ради его имени?

— Фуй! англійская драма! Могу я спросить, вслѣдствіе чего же вы выйдете замужъ?

Николетта отвѣчала смѣло и просто:

— Вслѣдствіе любви... и чтобы имѣть опору въ мужѣ. Пусть это англійская драма по вашему, но я считаю, что женщина нуждается въ любви и въ опорѣ...

— Здравствуйте, шатап!

То былъ голосъ Франсуа.

— Здравствуй, Николетта.

Онъ поцѣловалъ ихъ обѣихъ въ щеку.

— Ахъ! сестрица, ты съ каждымъ днемъ хорошѣешь. Когда ты стоишь противъ свѣта, твои волосы похожи на ореолъ.

— Франсуа, Франсуа! ты готовъ даже сестрѣ говорить комплименты! Пойдемте завтракать.

Вскорѣ семья уже сидѣла за завтракомъ. Вопреки своему обыкновенію, такъ какъ Николетта не была изъ тѣхъ, которыя аккуратно читаютъ газеты, она въ это утро утонулась въ „Journal de Genève“, и спрятала за нимъ разгорѣвшееся лицо и заплаканные глаза. Если правда, что есть судьба, то можно было бы объяснить судьбой то обстоятельство, что какъ разъ въ это утро заплаканные глазки дѣвушки остановились на объявленіи, подобномъ, если не тождественномъ съ приведеннымъ выше—объявленіи, предлагавшемъ швейцарской дѣвушкѣ пріютъ въ нѣмецкой семьѣ, взамѣнъ швейцарскаго пріюта для нѣмецкой дѣвушки. Николетта перечитала его разъ, два, три раза... машинально, какъ читаютъ люди съ заплаканными глазами, какъ читаютъ мужчины и женщины съ разбитыми горемъ сердцами, объявления на станціи желѣзной дороги, складывая слова, но не понимая ихъ смысла...

Когда она прочитала объявленіе въ четвертый разъ, смыслъ внезапно сталъ ей понятенъ. Отеревъ слезы, она указала на объявленіе, передавая газету матери, и спокойно сказала, но не безъ рѣшимости, проявившейся у нея въ манерахъ и голосѣ въ послѣднее время:

— Прочтите это, шатап.

М-ше Лами сняла очки. Иные люди надѣваютъ очки, когда хотятъ лучше видѣть; м-ше Лами была не изъ такихъ. Только

прочитавъ объявленіе, она опять надѣла очки, и, откусивъ большой кусокъ хлѣба — иные люди не набиваютъ рта передъ тѣмъ какъ говорить: м-ше Лами тоже была не изъ такихъ — проговорила, не безъ труда:

— Ну, что же далѣе, Николетта? — Франсуа, прочитавшій объявленіе черезъ столъ, спросилъ то же самое почти въ голосъ съ матерью; затѣмъ, въ разсѣянности, намазалъ вторично хлѣбъ масломъ.

Дѣвушка, повидимому, никогда до сихъ поръ не пользовалась вниманіемъ, какъ собесѣдница, ни матери, ни брата. На лицѣ ея появилась не то усмѣшка, не то досада на эффектъ, какой произвело ея необычное поведеніе. Она сказала:

— Я бы желала занять мѣсто этой нѣмецкой дѣвушки; нельзя ли ей занять мое?

#### IV.

Отвѣтъ м-ше Лами Николеттѣ. — Ея братъ, какъ мыслитель и писатель.

М-ше Лами пила чай съ ложечки, когда дочь говорила это. Мать опустила ложечку въ чашку, а чашку съ блюдечкомъ поставила на подносъ; затѣмъ отодвинула подносъ, прежде чѣмъ отвѣтить. Много есть людей, которые не умѣютъ говорить за ѣдой, не расчистивъ себѣ мѣсто за столомъ.

— Ты хочешь оставить насъ, Николетта, — сказала она. — Скажи, пожалуйста, почему? Я очень довольна тѣмъ, какъ ты мнѣ помогаешь по хозяйству.

Николетта покраснѣла и объявила, что желала бы „еще усовершенствоваться“.

М-ше Лами опять сняла очки и оглядѣла дочь съ головы до ногъ. М-г Лами, съ кусочкомъ масла на кончикѣ ножа, тоже задумчиво уставился на Николетту. Очевидно, она предстала передъ ними въ новомъ и любопытномъ свѣтѣ.

Оглядѣвъ дочь внимательно, м-ше Лами отвѣтила, наконецъ, на ея вопросъ:

— Мнѣ кажется, что я поняла тебя, Николетта. Ты желаешь разстаться съ нами. Дѣлай, какъ хочешь. Ты можешь преслѣдовать свои личные интересы, когда, гдѣ, и какъ тебѣ угодно...

Все это предшествовало появленію Маргариты Винельридь, и воспоминаніе объ этой сценѣ, если хотите знать, вызвало

улыбку на лицѣ м-г Лами въ тотъ вечеръ, съ котораго мы начали нашъ разговоръ.

Въ то время, пока она будетъ сидѣть за письменнымъ столомъ, я успѣю представить вамъ м-г Лами, какъ писателя. Скажемъ мимоходомъ, что, какъ писатель, онъ никогда не пользовался внѣ Женевы славой. Людямъ, спрашивавшимъ его о причинахъ такого явленія, онъ обыкновенно отвѣчалъ съ тѣмъ *sans-gêne*, который французы выказываютъ въ такого рода вопросахъ, именно: онъ можетъ объяснить это только одной простой причиною—его талантъ не равенъ его гению. М-г Лами составилъ теорію, по которой человѣкъ, обладая талантомъ и гениемъ, достигаетъ величія; обладая только талантомъ—популярности, но, обладая однимъ гениемъ, онъ ровно ничего не достигаетъ. Въ подтвержденіе послѣдней истины, онъ приводитъ самого себя, не оцѣненнаго внѣ узкаго круга критиковъ *d'un goût exquis*. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ спрашиваетъ собесѣдника: не поражаетъ ли его мысль о значеніи гения и таланта своей оригинальностью, какъ *une belle pensée*?

У м-г Лами было въ обычаѣ, когда онъ высказывалъ подобныя мысли, становиться въ позу и восклицать: „*Joli ça!*“ И не одна только грудь м-г Лами волновалась въ такихъ случаяхъ; извѣстное восклицаніе фрау Гёте можетъ быть названо общимъ мѣстомъ, сравнительно съ тѣмъ, до чего доходила материнская гордость м-ше Лами. Долгіе годы эта дама пребывала въ несокрушимомъ убѣжденіи, что всякая книга, производившая сенсацию и изданная подъ псевдонимомъ, написана ея сыномъ. Долгое время не могли ее заставить повѣрить въ существованіе одного поэта, нынѣ всѣмъ извѣстнаго, до того она была увѣрена, что его имя не что иное какъ псевдонимъ ея сына, Франсуа. Ее убѣждаетъ въ этомъ, объявляла она, то, что чувства, выражаемыя поэтомъ, точь-въ-точь чувства ея сына, высказанныя его неподражаемымъ языкомъ. Какъ будто бы она — *je vous en prie*—не узнаетъ языка сына, гдѣ бы его ни встрѣтила!

Когда она вынуждена была, наконецъ, разстаться съ этой иллюзіей, это не помѣшало ей отождествлять Франсуа съ каждымъ восходящимъ литературнымъ свѣтиломъ.

Незадолго до пріѣзда Маргариты, онъ собиралъ матеріалы для своего „*Magnus opus*“: будетъ ли оно въ прозѣ, или въ стихахъ, созданіе фантазіи или гигантскій трудъ мысли, будетъ ли оно коротко, или длинно — этого м-ше Лами не знала, но была увѣрена въ одномъ только, что это произведеніе составитъ эпоху въ современной литературѣ.

Это и многое другое повѣрила она Маргаритѣ, прежде чѣмъ эта молодая особа пребыла одинъ часъ въ ея домѣ. Она желала, чтобы дочь скромнаго пастора на первыхъ же порахъ прониклась мыслью о высокомъ положеніи ея сына, съ цѣлью съ самаго начала предупредить возможность надежды въ этой нѣмецкой дѣвушкѣ сдѣлать свое пребываніе въ домѣ подѣ № 29 въ улицѣ Круа-д'Оръ постояннымъ. Она желала сразу дать ей почувствовать, что у нея уже составлены другіе и гораздо болѣе честолюбивые матримональные планы для сына Франсуа.

## V.

М-ме Лами встревожена, а м-р Лами теряетъ самообладаніе.—Первая встрѣча профессора съ Маргаритой.

Всѣ похвалы сыну Маргарита Винбельридь выслушивала съ улыбкой на губахъ, истиннаго значенія которой м-ме Лами такъ и не угадала,—до того она была поглощена своимъ предметомъ. Но когда она кончила краснорѣчивыя разглагольствованія и разсмотрѣла Маргариту такъ, какъ женщины умѣютъ разсматривать другъ друга (для этого осмотра требуется всего одна какая-нибудь секунда, какъ и для того, чтобы вырвать зубъ, и большею частію этотъ осмотръ такъ же неприятенъ, какъ и послѣдняя операція), ее поразилъ одинъ фактъ, а именно, что дѣвушка несомненно хороша собой, хороша съ головы до ногъ, и просто до нестерпимости близка къ идеальному типу нѣмецкой дѣвушки.

М-ме Лами сейчасъ же сообразила, чтѣ дѣлать. Она поступалась въ дверь кабинета сына.

— Ты здѣсь, mon ami?

Франсуа поднялъ голову надъ письменнымъ столомъ, всталъ и подоудвинулъ кресло матери.

— Чѣмъ ты занятъ въ настоящую минуту?

— Ma foi!

Профессоръ улыбнулся.

— Ничѣмъ особеннымъ; я составляю указатель къ своей коллекціи belles pensées. И сознаюсь...—и улыбка на лицѣ обозначилась явственнѣе...—что мнѣ попадаются мысли, которыя мнѣ нравятся. Возьмемъ для примѣра вотъ хоть эту—о слогѣ: „Искусство,—говоритъ Бэконъ,—это человѣкъ, предающій свою душу природѣ“. Теперь замѣйте: я слегка измѣняю эту метафору и дѣлаю такое опредѣленіе слога: „человѣкъ, предающій свою

индивидуальность искусству". *Par bleu!* Надѣюсь, что Бюффонъ по-срамленъ.

И профессоръ занялся указателемъ этой счастливой мысли, красовавшейся подъ четырьмя литерами, подъ которыми занесены были: Бэконъ, Искусство, Бюффонъ и Слогъ.

— Ну, ужъ куда же Бюффону до тебя!—М-те Лами скривила губы.—*Mon ami*, ты просто ослѣпительнъ!

„И подумать, что этотъ мощный умъ можетъ достаться красавицѣ-безприданницѣ!“

— Франсуа,—начала она,—ты найдешь эту нѣмецкую дѣвушку хорошенькой.

— Я всегда раздѣляю вашъ вкусъ, *maman*.

— Лыстецъ!..

И м-те Лами погрозила пальцемъ, какъ только умбютъ однѣ французенки.

— Смотри, береги свое сердце. *Point de bêtises*, Франсуа!

Если есть французское слово, не передаваемое никакимъ инымъ, такъ это слово: *bêtises*.

— Сважи мнѣ, сколько еще именъ занесено въ твою книгу?

— Въ мое сердце, хотите вы сказать,—поправилъ сынъ, прикладывая драматическимъ жестомъ руку къ резиденціи его чувствъ.

Затѣмъ, прибѣгая къ помощи пальцевъ для перечисленія именъ, занесенныхъ въ эту оригинальную записную книжку, онъ прибавилъ:

— Люсиль (имя, которымъ я ее окрестилъ)—англичанка: я ее встрѣтилъ разъ на набережной. Глаза какъ море (ахъ! эти англійскіе глаза!); ротъ англійскій во всѣхъ отношеніяхъ (немного черезъ-чуръ высокомеренъ этотъ англійскій ротъ!); зубы мелкіе, ровные, какіе я люблю; уши очаровательныя; носъ пикантный, и все лицо залито розовой краской, даже носъ—англійскій носъ всегда бываетъ красенъ (*dommage ça*).

Здѣсь м-г Лами задумался.

— Но все-таки англійскія личики очаровательны.

— Довольно, Франсуа. Кто еще?

Франсуа приложилъ указательный палецъ правой руки къ указательному лѣвой и умолялъ, соображая, чье имя занимаетъ второй рангъ въ его поклоненіи.

— Второй номеръ—парижанка. Вы развѣ не знаете мою Жанету? Собственно, дурна собой, какъ всѣ парижанки. Глаза маленькіе, ротъ большой, носъ кривой (почему въ Парижѣ носы



кривые?), цвѣтъ лица грязный; бороче сказать — некрасивое лицо, но... ручки и ножки!

И м-г Лами восторженно заватилъ глаза.

— Парижская мечта! Кстати, это мнѣ напоминаетъ одну англичанку. У ея ногъ — я сказалъ: я не женюсь на васъ!

— Смѣшной ты человекъ!

И м-ше Лами не могла удержаться отъ смѣху, но смѣхъ ея не былъ похожъ на смѣхъ другихъ дамъ. Она смѣялась неслышно, и только вздымающаяся и опускающаяся грудь выдавала его.

— Ну, а еще кто-нибудь есть?

— Да, конечно.

И профессоръ, привидываясь безучастнымъ, уградкой взглянулъ на мать, чтобы видѣть, какое дѣйствіе произведутъ на ту его слова.

— Есть еще m-lle Минаръ, въ которую я влюбленъ по наслышкѣ, и которой меня, кстати, обѣщали представить.

Грудь не вздымалась и не поднималась больше.

— Voilà une bêtise! А что же ты ничего не скажешь объ Евгениі Роланъ? — спросила мать, хмура брови.

— Евгениі Роланъ!

И профессоръ нахмурился, въ свою очередь, и даже прибавилъ: — que diable l'emporte! — съ галльской невоздержанностью и той запальчивостью, которая всегда служитъ признакомъ поэтическаго темперамента. Затѣмъ, сразу мѣняя тонъ и сюжетъ, прибавилъ заискивающимъ голосомъ:

— Скажите мнѣ, какова собой ваша нѣмецкая дѣвушка? Краснощекая и съ льняными волосами?

Но м-ше Лами продолжала хмуриться.

— Я бы желала знать, — сказала она: — почему ты не терпишь, чтобы при тебѣ упоминали про Евгению Роланъ?

— Потому что...

И, за неимѣніемъ словъ, м-г Лами громко хлопнулъ по письменному столу.

Этого не выдержала даже такая нѣжная маменька, какъ м-ше Лами. Она вышла изъ комнаты, а м-г Лами опять взялся за перо. Но этотъ разъ онъ не продолжалъ указателя; съ перомъ въ рукѣ, онъ размышлялъ о разговорѣ, только-что происходившемъ между нимъ и матерью, и его поразилъ не совсѣмъ приличный способъ, какимъ онъ заставилъ ее замолчать. Теперь, когда ему было время взвѣсить это обстоятельство, онъ не могъ не пожалѣть о томъ, что до того увлекся, что хлопнулъ по столу,

вмѣсто того, чтобы высказаться въ нѣсколькихъ спокойныхъ, избранныхъ выраженіяхъ. Que faire? Чтобы возстановить самоуваженіе, онъ набросать не совсѣмъ правдивый отчетъ о томъ, что произошло, подъ заглавіемъ:

*„Разговоръ—моя мать и я—по поводу благоразумнаго съ свѣтской точки зрѣнія брака“.*

Когда онъ окончилъ это сочиненіе, то былъ пораженъ тѣмъ, какъ удивительно скрасилось подъ перомъ то, что происходило въ дѣйствительности. Всѣ мы, я думаю, испытывали нѣчто подобное, перечитывая разговоры, въ которыхъ мы участвовали и затѣмъ излагали въ формѣ письма къ другу. Эти разговоры, и въ особенности то, что мы говорили, вдругъ пріобрѣтали, черезъ передачу перомъ, удивительную пластичность, законченность, не говоря уже объ остроуміи, какихъ далеко не имѣли, когда выражались живымъ словомъ.

„Желалъ бы я, однако, знать!“ — вышелъ, наконецъ, изъ задумчивости профессоръ: — „какова собой эта нѣмка?“

На слѣдующее утро, за утреннимъ завтракомъ, любопытство его было удовлетворено.

Я должна извиниться, что вторично ввожу завтракъ на страницѣ этого разсказа. Общераспространенное предубѣжденіе насчетъ романическаго элемента въ жизни считаетъ эту утреннюю трапезу не достаточно поэтической. Я спорить не буду, но замѣчу только, что съ своей, весьма ошибочной, быть можетъ, точки зрѣнія, нахожу, напротивъ того, настолько заманчивой эту раннюю трапезу, когда мы меланхолично и безмолвно пьемъ кофе, что удивляюсь, почему она такъ рѣдко фигурируетъ въ лучшихъ изъ нашихъ романовъ.

Отчего, позвольте васъ спросить, полдникъ не считается прозаическимъ? и отчего въ такой славѣ передобѣденный чай? Въ чемъ заключается поэзія позднихъ обѣдовъ, и что придаетъ такой ореолъ ужину?

Скажутъ, быть можетъ, что на всѣхъ вышеприведенныхъ трапезахъ кавалерамъ легче встрѣчаться съ дамами. Но развѣ за утреннимъ завтракомъ они не встрѣчаются? Нѣтъ, ужъ если говорить правду, то сфера встрѣчъ кавалеровъ съ дамами почти безгранична.

Итакъ, за раннимъ завтракомъ, въ восемь часовъ утра, произошло первое свиданіе между м-г Лами и Маргаритой Винкельридь, и излишне прибавлять, что тутъ повторилась вѣчная исторія про то, какъ „онъ увидѣлъ“, и какъ „она увидѣла“.

„Она увидѣла“ чловѣка рѣшительно недурного собой. Желаете подробности? Оригинальная голова: темные волосы, коротко

остриженные съ затылка, но длинныя на лбу, раздѣленные по срединѣ пробороми и зачесанныя назадъ, съ клочкомъ сѣдыхъ волосъ, удивительнымъ для такого молодого человѣка и старательно выставленнымъ на показъ; лобъ небольшой, женственный; глаза темныя, выпуклыя; носъ широкій; ротъ, какъ и глаза, выпуклый, словно у лягушки; подбородокъ слабый, но съ ямочкой; лицо тщательно выбритое.

Вотъ что она увидѣла. И сказала:

— Совсѣмъ не въ моемъ вкусѣ; онъ мнѣ не можетъ понравиться.

Это, конечно, про себя, а громко:

— Очень хорошо, благодарю васъ, — въ отвѣтъ на его вопросъ, какъ она себя чувствуетъ послѣ путешествія.

„Онъ увидѣлъ“ замѣчательно красивую дѣвушку. Въ общихъ чертахъ скажемъ такъ: безукоризненный профиль, безукоризненный цвѣтъ лица, безукоризненная фигура.

Онъ сказалъ: — Я непремѣнно въ нее влюблюсь. — Но это про себя. А громко: — Благодарю васъ! — когда она подала ему хлѣбъ.

Вотъ содержаніе ихъ бесѣды. Будь не такой ранній часъ, они бы могли сказать и больше. Какъ бы то ни было, нельзя было связать и меньше. Но даже и эти немногія слова произвели впечатлѣніе на чувствительное сердце профессора; даже эти простыя слова внушили м-г Лами слѣдующій афоризмъ, занесенный въ его книгу *belles pensées*:

„Пошлость есть мать возвышеннаго. Сегодня она передала мнѣ хлѣбъ. Я сказалъ простыя слова: — благодарю васъ! Завтра она опять передастъ мнѣ хлѣбъ. Передъ нами цѣлый міръ положеній. Она снова передастъ мнѣ хлѣбъ, и я скажу“ ...

Тутъ опять слѣдовали несносныя органныя пункты...

## VI.

Чортова дюжина. — Пансионъ м-ме Морель. — Первое знакомство Марк Минаръ.

Представьте себѣ, что вы попали въ Пленпалѣ — есть такое предмѣстье Женевы — въ девять часовъ утра, и представьте, что вы слышите слова:

— Опять за то же самое: тринадцать благородныхъ дѣвицъ прыгаютъ на одной ногѣ. Это чистый срамъ!

Говорить это миссъ Скэлонъ, великовозрастная дочь Альбіона. Сознательно или нѣтъ, она представляетъ собой любопытную

иллюстрацію наблюденія, сдѣланнаго однимъ шотландскимъ писателемъ:—есть одна красивая поза, выражающая негодованіе на порокъ, которая всегда производитъ наилучшее дѣйствіе. Она стоитъ, прислонясь спиной къ стѣнѣ покоя, похожаго съ виду на классную комнату, и съ энергіей, удвоенной бѣшенствомъ, стаскиваетъ съ ноги галошу. Ея двѣнадцать товаровъ всѣ заняты тѣмъ же, чѣмъ и она; всѣ прислонились къ стѣнамъ и стаскиваютъ галоши, такъ какъ стулья—такая роскошь, какая имъ не полагается. Но восклицаніе миссъ Скалонъ о тринадцати благородныхъ дѣвицахъ, прыгающихъ на одной ногѣ, такъ поражаетъ ихъ воображеніе, что онѣ раздражаются хохотомъ, послѣ чего англійская лэди, бросивъ на нихъ молніеносный, по ея мнѣнію, взглядъ, величественно удаляется изъ комнаты.

Женщины, занимающіяся преподаваніемъ, всѣ похожи между собой во всемъ мірѣ, и въ любой группѣ тринадцати учительницъ мы встрѣтимъ одни и тѣ же типы. Было время, когда, несмотря на одну веселую пѣсню про британцевъ, онѣ, среди британцевъ, будучи сестрами и дочерьми британцевъ, были невольницами. Но это давно отошло къ худымъ прошлымъ временамъ, и міръ съ тѣхъ поръ перемѣнился. Поглядите на современную учительницу. Она молода, умна и горда,—горда сознаниемъ того, какъ превосходно быть молодой и умной. Она очень мила, хотя и не представляетъ собою совершенства (да вѣдь много ли совершенныхъ людей!). Часто слышится ворчаніе нѣкоторыхъ людей на то, что она коротко стрижетъ волосы, не умѣетъ одѣваться къ лицу и о!—такъ мало женственна!

Конечно, это жалко, хотя врядъ ли преступно. Перестаньте же ворчать, добрые люди!

Мари Минаръ была изъ такихъ учительницъ. Она не принадлежала къ совершенному меньшинству. Она была очень умна; коротко стригла волосы, и нѣкоторые люди утверждали, что она старалась быть неженственной.

Не слыхала я только, чтобы кто-нибудь говорилъ, что она въ этомъ успѣвала.

Можете ли вы себѣ представить пятьсотъ-восемьдесятъ-пять унцій женскаго мозга перетянутыми на вѣсахъ пятидесятью унціями мужскаго мозга? А вѣдь это было такъ.

Само собою разумѣется, что я предполагаю, что тринадцать женщинъ, изъ которыхъ состоялъ штабъ академіи m-me Морель, были надѣлены на одну унцію больше тѣхъ сорока-четырехъ унцій мозга, отпущенныхъ природой, какъ намъ говорятъ ученые, дюжипнымъ женщинамъ. Одного взгляда на школьную про-

грамму для меня достаточно, чтобы убѣдиться, что я не преувеличиваю. Съ другой стороны, что касается м-г Лами, то уваженіе къ генію заставляетъ меня округлить сорокъ-девять съ половиной унцій мозгу, отличающихъ дюжиннаго человѣка.

Въ продолженіе многихъ лѣтъ, предшествовавшихъ той эпохѣ, когда происходили тѣ событія, которыя здѣсь излагаются, среди тринадцати особъ, составлявшихъ школьный штабъ м-ше Морель, царствовала мода быть по уши влюбленными въ м-г Лами. Такое положеніе дѣлъ показываетъ, какъ мнѣ кажется, большую женственность въ тринадцати женскихъ профессорахъ. Къ чему же, — спрашиваю я, какъ женщина, — этотъ негодующій вопль противъ высшаго женскаго образованія? Позвольте шепнуть вамъ на ухо, народы: женщины всего міра, какъ бы ни работали тѣ сорокъ съ чѣмъ-то унцій мозга, которыя имъ отпущены природой, всегда и вопреки всякой внѣшности и какія бы онѣ на себя ни напускали мужественныя манеры, останутся тѣмъ, что вамъ такъ нравится, а именно — женщинами. Нечего вамъ, значить, опасаться, что онѣ обратятся въ мужчинъ.

Представимъ себѣ, что мы съ вами подслушиваемъ то, что говорится въ учительской комнатѣ, — но вы должны сначала понять, что теперь уже не девять часовъ утра.

— Для меня ясно, — говоритъ одна изъ Сивиллъ, стягивая ремнемъ грудь книгъ, — что она его избѣгаетъ.

— Ну, вотъ еще! она всего еще три мѣсяца, какъ поступила къ намъ. Но — когда говорятъ про солнце, то... вотъ и она сама!

„Солнце“ и „она“ была не кто иной, какъ Мари Минаръ, которая входила, напѣвая безопасно:

Les Portugais  
Sont toujours gais,  
Toujours gais!

— Какъ я рада, что конецъ занятіямъ! Киньте мнѣ мою шляпу кто-нибудь изъ васъ, пожалуйста!

И, говоря это, она подхватила названный предметъ, въ то время, какъ онъ неся по воздуху, надвинула его на свою коротко остриженную голову и, продолжая напѣвать: „Toujours gais!“ — вышла, какъ и пришла:

Мы скоро съ ней увидимся.

## VII.

## ЗНАКОМСТВО И УЛЫБКА.

Еслибы м-г Лами былъ поэтомъ свайнаго періода, то онъ непременно обезсмертилъ бы свою встрѣчу съ Мари Минаръ извѣстнымъ четверостишіемъ, въ которомъ говорится, что „она не красавица, какъ другія дѣвушки, и, пока она не улыбнулась, я не понималъ ея прелести“; но для м-г Лами, хотя онъ и былъ поэтъ, выразить *belle pensée* такъ же мудрено, какъ войти на Монбланъ, не позавтракавши.

Между тѣмъ встрѣча съ Мари Минаръ произошла при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Это было за нѣсколько дней до лѣтнихъ каникулъ. Мари Минаръ и Франсуа Лами, учительствовавшіе въ одномъ и томъ же учебномъ заведеніи въ продолженіе слишкомъ трехъ мѣсяцевъ, были впервые формально представлены другъ другу м-ше Морель. Послѣдняя была болѣзненно бѣлокурая, блѣдная женщина, одна изъ тѣхъ старозавѣтныхъ наставницъ, у которыхъ застыла на губахъ бессмысленная, ничего не говорящая улыбка. Кромѣ того, природа надѣлила ее размѣрами, наименѣе уживающимися съ величественнымъ видомъ, такъ какъ она была ниже средняго роста и шире средняго объема. Ея волосы, гармонировавшіе съ цвѣтомъ лица—желтые, съ красными прядями—имѣли тотъ яркій отливъ, котораго прихотливый Тэнъ такъ не одобряетъ въ женщинѣ; ея длинныя, выдающіеся зубы заставили бы этого самаго эхиднаго писателя заподозрить въ ней дочь Альбіона. Будучи въ отличномъ расположеніи духа, она хихикала и потирала съ удовольствіемъ руки, представляя своихъ преподавателей другъ другу. Мари Минаръ отвела глаза отъ груди книгъ и поклонилась. Она не улыбнулась.

Ну, а когда дѣвушка некрасива, то для того, чтобы быть сносною, она должна улыбаться. Такъ, по крайней мѣрѣ, подумалъ м-г Лами, и въ эту минуту ему ничего такъ не захотѣлось, какъ увидѣть, какое дѣйствіе произведутъ искорки смѣха въ глазахъ этой черезъ-чуръ серьезной дѣвицы.

Ему суждено было увидѣть свое желаніе исполненнымъ. Въ ту минуту, какъ онъ выходилъ изъ комнаты, онъ—такая бѣда можетъ случиться со всякимъ, но согласитесь, что это особенная неудача для гениальнаго человѣка, отвѣщающаго свой самый граціозный поклонъ—запнулся о порогъ и упалъ.

Приподнимаясь съ полу, онъ увидѣлъ, какой эффектъ производитъ смѣхъ въ глазахъ черезъ-чуръ серьезной дѣвицы. Онъ сверкнулъ, какъ молнія, и потухъ, какъ молнія же.

— Клянусь всѣмъ, что есть нелѣпаго, эта дѣвушка прехорошенькая! — размышлялъ злополучный профессоръ въ то время, какъ м-ше Морель, съ отчаяннымъ: „Mon Dieu!“, отряхала носовымъ платкомъ пыль съ его сюртука.

— Ну, чтожь! — воскликнете вы: — человекъ долженъ быть истиннымъ философомъ, если онъ можетъ замѣтить красоту, придаваемую лицу улыбкой, вызванной имъ самимъ, при вышеописанныхъ обстоятельствахъ. Или же, — прибавите вы, — онъ долженъ быть французомъ.

Monsieur Лами былъ тѣмъ и другимъ.

Когда дверь за нимъ и м-ше Морель затворилась, черезъ-чуръ серьезная дѣвица положила свою коротко остриженную голову на пюпитръ и залилась неудержимымъ смѣхомъ.

Стыдно, стыдно, m-lle Мари!

## VIII.

Учительская передъ каникулами.—Любопытное единодушье.

Снова мы среди чортовой дюжины.

Последняя недѣля учебнаго семестра — и такъ много работы, такъ много работы! — Составили вы аттестаты, Gendarme?

Особа, къ которой обращались съ такимъ прозвищемъ, — высокая, молодая женщина, — обладала однимъ изъ тѣхъ лицъ, которыя природа оставляетъ какъ бы вчера, неотдѣланными; некрасивое лицо, однако съ отпечаткомъ чего-то лучшаго и болѣе необыкновеннаго, чѣмъ красота, а именно: юмора.

— Развѣ вы не видите, что я ихъ пишу? — отвѣчала она удивительно низкимъ голосомъ, который вмѣстѣ съ ея удивительно плотной фигурой, не говоря уже о манерѣ поднимать вверхъ плечи, навлекъ на нее ея прозвище. — Вотъ ребенокъ, который заслужилъ троевратный выговоръ:

„За хлопанье дверями.

„За то, что рѣзала перочиннымъ ножомъ свой пюпитръ.

„За то, что болтала въ классѣ“.

— Это, друзья мои, печально, очень печально! — и дѣвица съ баскомъ покачала головой съ унылымъ взглядомъ, крайне забавнымъ, затѣмъ сложила руки и завертѣла большими пальцами — привычка,

которой предавалась m-me Морель, когда ее что-нибудь очень допекало.

— Будьте такъ добры, mademoiselle, — проговорила другая особа съ очень звонкимъ голосомъ, — не поднимать на смѣхъ того, что составляетъ одно изъ лучшихъ украшеній этого заведенія.

И говорившая совсѣмъ задохлась, такъ какъ старалась произнести этотъ спичъ безъ всякихъ знаковъ препинанія, и, переводя духъ, сжала губы, чмокнувши ими *morgue scientifique*. — Книга съ аттестатами...

— Юмористична мѣстами, а мѣстами не лишена паэоса, — договорила третья юная особа, склонившаяся надъ грудой тетрадей. — Не бей меня въ спину, Gendarme: это мнѣ вредно, — прибавила она, не поднимая головы и по предчувствію предупредая намѣреніе своей товарки.

Дѣвица, которая уже занесла съ драматическимъ жестомъ руку надъ спиной подруги, собираясь ее хлопнуть въ видѣ поощренія, опустила руку съ забавнымъ жестомъ.

— У Луизы Ренекъ три дурныя отмѣтки:

„За хихиканіе.

„За хихиканіе.

„За хихиканіе“.

— Довольно монотонный аттестатъ у этой Луизы, не правда ли?

Вопросъ этотъ былъ заданъ съ тѣмъ якобы наивнымъ взглядомъ, который имѣлъ способность вызывать неудержимый хохотъ у подругъ.

Звонкоголосая особа съ трудомъ удержала серьезное выраженіе на лицѣ, глядя на красное лицо и подергивающіяся губы Gendarme. Но тѣмъ не менѣе повторила свое первое замѣчаніе объ уваженіи къ учрежденіямъ заведенія и сложила губы по прежнему.

— Robert, Robert, toi que j'aime! — воскликнула Мари Минаръ. (Robert было прозвищемъ особы съ звонкимъ голосомъ). — Полно, мы всѣ признаемъ, что ты одной силы съ Gendarme. Но послушайся дружескаго совѣта. Ты будешь выгнана изъ заведенія, если будешь продолжать такъ безсовѣстно передразнивать его главу или, хуже того — я этого опасаюсь еще больше — такъ привыкнешь къ ея манерѣ, что она станетъ у тебя второй природой. Берегись! мы всѣ и безъ того становимся ужасно похожи на m-me Морель. Намедни я поймала себя на томъ, что довела ребенка до истерики нотацией насчетъ того, какъ безнравственно чихать за урокомъ чистописанія. Вспоминая впослѣдствіи объ этой сценѣ, я должна была сознаться, что была похожа какъ



двѣ капли воды на нашу начальницу. — Что подумаютъ о ней ея учителя? — съ этого я начала свою нотацію. Затѣмъ: что подумаютъ о ней ея родные? И наконецъ: что подумаетъ о ней общество? Но тутъ несчастная крошка затряслась и залилась горячими слезами... Что только въ моихъ словахъ уморительнаго, Гендагше?

„Жандармъ“ закрылъ лицо платкомъ и покатывался отъ разсказа Мари.

— Я чувствую, — продолжала послѣдняя, что насъ ждетъ впереди повышение; бываютъ минуты, когда мнѣ кажется, что вся Женева указываетъ на насъ пальцами, говоря: неужели у насъ цѣлыхъ четырнадцать m-me Морель? и неужели это онѣ? Школа всѣхъ насъ превращаетъ въ шарлатановъ, вотъ почему я люблю праздники. Кстати, гдѣ вы всѣ проведете ваникулы? Роберъ и я — мы отправляемся въ Лепланъ.

— Неужели, Мари Минарь? Вы ѣдете въ Лепланъ? Не можетъ быть!

Говорившая была брюнетка, съ личикомъ, которое восхитило бы живописца своими правильными чертами, великолѣпными черными глазами, серьезнымъ лбомъ и гладкими волосами. Поэтъ назвалъ бы ее Еленой; но звали ее (о, матери и бабушки!) Миной.

— Вѣрно.

И m-me Минарь улыбнулась въ отвѣтъ на улыбку большихъ, яркихъ глазъ. Они были особенно ярки въ эту послѣднюю неделю учебнаго семестра, можетъ быть отъ усталости.

— Если такъ, то знайте, г-жа Любопытная, что и мы съ миссъ Скалонъ думаемъ провести ваникулы въ Лепланъ.

— Неужели! не можетъ быть! — передразнила ее Мари Минарь. — А вы? — повернулась она къ единственному предмету роскоши въ учительской комнатѣ: схоластическаго вида софѣ, на которой лежала молодая женщина, желтая кожа и толстыя губы которой обличали не-европейское происхожденіе, почему она и была прозвана Ориенталкой. Ея лобъ былъ широкъ, а подбородокъ узокъ, но маленькія, худенькія ноги и тонкія, худыя руки говорили о слабости сложенія, о чемъ показывали также и большіе, усталые глаза.

— Я? — лѣниво отозвалась она. — Конечно, я поѣду въ Лепланъ, если только переживу эту утомительную послѣднюю неделю учебнаго семестра.

И она выронила изъ рукъ книжку въ подозрительной желтой оберткѣ и закрыла глаза.

Мари засмѣялась, глядя, какъ она задремала, и затѣмъ съ

французскою настойчивостью, спокойно продолжая свой допросъ, обратилась въ остальные восьмерымъ учительницамъ коллективно.

— А вы?

За всѣхъ восьмерыхъ отвѣчала одна.

Весело взгромоздившись на стулъ и ставъ въ позу, одна учительница изъ разряда бѣдовыхъ, которыхъ можно найти въ каждой школѣ, объявила:

— Мы, то-есть я и остальные семь женщинъ швольнаго штаба m-me Морель, располагаемъ провести каникулы въ...

— Не найдется ли у васъ, mesdames, англійскаго словаря? — сказала голосъ изъ-за дверей, и „madame“ появилась довольно некстати въ комнатѣ.

Словарь нашелся, и учительница, стоявшая на стулѣ, воспользовалась своимъ возвышеннымъ положеніемъ, чтобы снять его съ полки, послѣ чего подала его своей начальницѣ съ такимъ невиннымъ видомъ, какъ будто бы она только затѣмъ и влѣзала на стулъ.

— Благодарю васъ, благодарю васъ; не хочу болѣе мѣшать вамъ, mesdames; я вижу, что вы очень заняты.

И, бросивъ выразительный взглядъ на спящую дѣвушку на диванѣ, „madame“, подхвативъ словарь подъ мышку, ушла обратно въ дверь, растворенную передъ нею бѣдовой учительницей.

Общее чувство унынія послѣдовало за этимъ неожиданнымъ визитомъ, и въ продолженіе цѣлыхъ получаса ничего не было слышно, кромѣ скрипа перьевъ въ перемежку съ разрываемою бумагой. Этимъ приливомъ трудолюбія слѣдуетъ объяснить то, что на этотъ разъ такъ и не объяснилось, гдѣ намѣревались провести каникулы восемь остальныхъ учительницъ пансіона m-me Морель, съ бѣдовой молодой особой во главѣ.

## IX.

Смѣхъ въ учительской комнатѣ и великодушіе поэта.

Было уже далеко за полдень. Изъ тринадцати учительницъ, занимавшихся съ такимъ усердіемъ, оставалась одна только Мари Минарь. Два цѣлыхъ часа не поднимала она головы надъ пюпитромъ, на которомъ все росла гряда отмѣченныхъ книгъ и исправленныхъ тетрадей.

— Кончено!

И, говоря это, она встала и съ простительною гордостью взглянула на оконченный трудъ. Но вдругъ лицо ея измѣнилось. Она наклонилась. Да! въ глаза ей бросились собственный почеркъ и собственная подпись.

Что она надѣлала!

Слова, поразившія ее, были слѣдующія:

*„Почеркъ отвратительный! Диктантъ испещренъ ошибками. Мари Минаръ“.*

То было мягкое сужденіе, сравнительно со многими другими, написанными на другихъ тетрадахъ. Но какъ попала сюда эта тетрадь? Она протерла себѣ глаза, и сдѣлала рукой жестъ отчаянія. То былъ текстъ лекціи, прочитанной м-г Лами въ школьѣ, текстъ, въ которомъ она уже исправила сорокъ ошибокъ. Но почеркъ рукописи былъ самого профессора. Что она—ослѣпла или помѣшалась? Его краткія сентенціи à la Hugo она развила и дополнила. За отсутствіе знаковь препинанія она поставила ему нуль и, въ концѣ концовъ, подписала:

*„Почеркъ отвратительный! Диктантъ испещренъ ошибками. М. Минаръ“.*

Ну, что если онъ видѣлъ это? И при этой мысли Мари Минаръ разразилась неудержимымъ хохотомъ и бросилась вонъ изъ комнаты въ дверь, которую отворилъ ей... м-г Лами.

— Вы вторично смѣтаетесь надо мной, — сказалъ поэтъ сухо. — Позвольте мнѣ эту рукопись.

Она передала ему ее. Веселость быстро слетѣла съ ея лица, и на минуту она наклонила голову и съежилась, какъ ребенокъ, пойманный на мѣстѣ преступленія, и при этомъ нечаянно повернула голову такъ, какъ было наиболѣе выгодно для ея правильного классическаго профиля. Но только на минуту; затѣмъ она снова выпрямилась, и темные глаза стали опять серьезны.

Онъ взглянулъ на рукопись, и на лицѣ его противъ воли появилась усмѣшка.

— *„Почеркъ отвратительный! Диктантъ испещренъ ошибками. М. Минаръ“*, — прочиталъ онъ вслухъ и взглянулъ на Мари, которая пристально глядѣла въ пространство неулыбающимися глазами.

— Я буду цѣнить этотъ автографъ больше всего, что у меня есть, — прибавилъ онъ и замолчалъ.

Что она сдѣлаетъ? будетъ ли извиняться?

Она не стала извиняться. И что бы она сказала?

Профессоръ сложилъ медленно тетрадь и положилъ ее въ

карманъ. И такъ какъ дѣвушка продолжала молчать, онъ пожелалъ ей добраго вечера. Вернувшись домой, онъ разложилъ тетрадь на конторкѣ, и съ самыми противоположными чувствами глядѣлъ на этотъ документъ.

Затѣмъ, вспомнилъ наклоненную голову съ красивымъ профилемъ, и, вынувъ записную книжку, по своему обыкновению внесъ туда измѣненное имя: „Рама Марденъ“—съ обычнымъ припѣвомъ:—„предположимъ, что я женюсь на ней“.

— Какая жалость, что наши матери въ ссорѣ!—пробормоталъ онъ.—А впрочемъ, нѣтъ.—Онъ улыбнулся.—Это только инкантие.

## Х.

Евгенія Роланъ.

— Неужели ты хочешь сказать, что мы опять нынѣшній годъ поѣдемъ въ это старомодное гнѣздо Лепланъ, Евгенія?—спросила м-ше Роланъ у дочери, той самой дѣвушки, каковую м-ше Лами всего охотнѣе выбрала бы въ жены сыну, по причинамъ, о которыхъ читатель легко догадается.

— Я по крайней мѣрѣ туда поѣду,—былъ отвѣтъ.

Отвѣтъ дала молодая особа лѣтъ девятнадцати, усѣвшаяся на ручку кресла, съ очень хорошенькимъ, но незначительнымъ, какъ у модной картинки, личикомъ.

— Вы имѣете еще что сказать, мамъ?—дерзко спросила она, и, бросившись въ кресло, растянулась на немъ.

Мать поглядѣла на нее.

— Нѣтъ... да. Выслушай меня, мой ангелъ!

И мать подошла къ ней. Она не была изъ экспансивныхъ женщинъ; но когда ея хорошенькая дочь бывала особенно дерзка, сердце матери таяло, какъ воскъ.

Евгенія вскочила съ кресла.

— Зачѣмъ вы меня цѣлуете?—поймите разъ навсегда, что я не хочу, чтобы вы меня цѣловали!

— Почему же?

— Потому что...

Она снова бросилась въ кресло, и, говоря это, глядѣла прямо въ лицо матери...

— Потому что... ну да, въ сущности, я не люблю васъ.

— Ты... не любишь меня?

И м-ше Роланъ поблѣднѣла при такомъ категорическомъ заявленіи своей единственной дочери.

— То-есть, не то, что не люблю...—поправилась дѣвушка, выпрямляясь въ креслѣ и какъ будто смущенная блѣдностью матери, —но...— снова набираясь храбрости:—я люблю другихъ людей, другія вещи больше, и не хочу, чтобы вы меня цѣловали. Вы мнѣ надоѣдаете.

Для девятнадцатилѣтняго существа и съ лицомъ, не изобличившимъ особой оригинальности, все это было довольно странно. Лицомъ къ лицу съ матерью, она высказывала свои чувства такъ непринужденно, какъ только можно. Она любила другихъ людей, другія вещи—больше матери.

— Впрочемъ, главное, что я хотѣла сказать, это, что я ѣду въ Лепланъ,—заклучила она и перешла въ сосѣдную комнату...

— Вы здѣсь уже, профессоръ?

М-г Лами поклонился.

— Я жду уже минутъ десять.

— Въ самомъ дѣлѣ?

И легкій смѣхъ раздвинулъ ея прямыя губы и выказалъ свирѣпыя зубы... блестящія и мелкія спереди, какъ у кошки.

— Значитъ, вы подслушивали. Не извиняйтесь. Мнѣ все равно. Только избавьте меня на сегодня отъ уроковъ и будемъ болтать. Какъ я ненавижу книги! Я, должно быть, очень глупа. Отчего я родилась глупой на свѣтѣ?

Она усѣлась и оперлась головой на руку, машинально отбросивъ густые волосы съ узкаго лба. Рука была безукоризненна, но лобъ безобразно низкій портилъ—на прихотливый взглядъ м-г Лами—всю красоту лица.

Она повторила вопросъ:—Почему я родилась глупой на свѣтѣ?

Она пожала плечами.

— Это не отвѣтъ,—замѣтила Евгенія. Затѣмъ, сверкнувъ глазами изъ-подъ золотистыхъ рѣсницъ, она прибавила съ непередаваемымъ кокетствомъ:

— Вы, кажется, не терпите глухихъ женщинъ?

Новое пожатіе плечъ и новое замѣчаніе.

— Полноте, это не отвѣтъ.

— Вы желаете, чтобы я вамъ отвѣтилъ, mademoiselle Роланъ?

Чувствительный профессоръ могъ говорить тономъ холоднымъ какъ ледь.

Золотистыя рѣсницы опустились въ то время, какъ Евгенія отвѣчала:—да.

— Я, конечно, не люблю глухихъ женщинъ. Говоря правду, mademoiselle, я люблю другихъ людей, другія вещи—больше.

Какъ она поблѣднѣла!

Профессоръ глядѣлъ на нее.—Послушаться матери и жениться на этой дѣвушкѣ съ зубами какъ у тигра? Нѣтъ, нѣтъ, ни за что на свѣтѣ!

Такія и подобныя мысли пронеслись у него въ головѣ, когда въ комнату вошла м-ше Роланъ и заняла обычное мѣсто на диванѣ.

Часомъ позже, когда м-г Лами выходилъ изъ дому, дѣвушка съ блѣднымъ, вытянутымъ личикомъ провожала его глазами въ окно. То была Евгенія Роланъ. Недѣлю спустя, она съ матерью отправилась въ „старомодное гнѣздо Лепланъ“.

## XI.

Пансіонъ Эдельвейсъ и его содержательница.

Нужно ли говорить, что м-г Лами возвѣстилъ о своемъ намѣреніи провести каникулы въ Лепланѣ.

Онъ написалъ, въ виду этого, фрау Мецле, содержательницѣ пансіона Эдельвейсъ. То было первое извѣщеніе, полученное этой дамой, о пріѣздѣ жильца, и, по своей привычкѣ, она прочитала его вслухъ, вставляя свои замѣчанія.

„*Ждите меня (слава тебѣ, Господи!),—читала фрау Мецле,—и двухъ дамъ (пари держу, что это его матушка и мамзель Винкельридь) въ понедѣльникъ*“.

— Въ понедѣльникъ! ай-ай! да это послѣ-завтра. Слышите, Бабетта? въ понедѣльнику, то-есть къ послѣ-завтра, приготовить двадцать постелей!

Бабетта была служанка фрау Мецле. Она отъ природы надѣлена была большими, удивленными глазами, но когда она ихъ тарачила, какъ въ настоящую минуту, то ее нельзя было безъ смѣха видѣть.

— Двадцать постелей! для одного джентльмена и его двухъ дамъ!

— Боже мой, Бабетта, вы такъ же глупы, какъ и толсты! —съ негодованіемъ воскликнула фрау Мецле.—Для одного джентльмена и его двухъ дамъ! Можно подумать, что вы только вчера на свѣтѣ родились. Для одного джентльмена и его двадцати дамъ: его матери и мамзели, и половины дѣвицъ изъ пан-

сіона Морель, да еще мамзель Роланъ вдобавоетъ! Для его двухъ дамъ, скажите!

И фрау Мецле бросила уничтожающій взглядъ на служанку, слушавшую этотъ спечъ, вытянувъ голыя красныя руки по швамъ, раскрывъ ротъ и вытаращивъ болѣе обыкновеннаго глаза.

Фрау Мецле была изъ Штуттгарта. Ея мать, фрау Спетле, была камеръ-фрау одной камеръ-фрейлины королевы, жившей въ этой столицѣ, и содержательница пансіона Эдельвейсъ была воспитанъ, такъ сказать, при дворѣ. Въ Штуттгартѣ она оставалась въ дѣвцахъ до двадцати-девятилѣтняго возраста и вела, такъ сказать, благородную жизнь въ различныхъ дворянскихъ домахъ этого города. Она занимала должность такъ-называемой „мамзели“, — титуль, который во всей Германіи присвоивается экономкамъ и любопытно иллюстрируетъ взаимную вѣжливость пограничныхъ націй, занимающихъ другъ у друга термины, когда хотятъ выразить что-нибудь низменное. Одинъ великій французскій лингвистъ научилъ насъ, что „hablador“ — слово, означающее по-испански „ораторъ“, превратилось на французскомъ языкѣ въ „hableur“, то-есть „хвастунъ или пустомеля“. Но вотъ что пикантно, — прибавляетъ онъ: слово „parleur“, значащее по-французски „ораторъ“, на испанскомъ превращается въ „parlador“, то-есть „хвастунъ или пустомеля. Очень пикантно — дѣйствительно. Не столь пикантнымъ, быть можетъ, но тоже не лишенымъ своего рода соли считаю я фактъ, что „mademoiselle“ — титуль, какъ всѣмъ извѣстно, незамужней дворянки во Франціи — превратился въ Германіи въ „mamsell“ — названіе, которымъ обозначаютъ домохадца, если не вполне чернорабочаго, то ни въ какомъ случаѣ не равнаго остальной „фамиліи“.

Но вернемся къ фрау Мецле. Говоря о той части своей жизни, которую она провела въ Германіи „въ мамзеляхъ“, эта достойная особа обыкновенно особенно напирала на тотъ фактъ, что она — слава тебѣ, Господи! — рѣдко унижала себя до роли экономки иначе, какъ въ домѣ графини или баронессы. Двадцати-девяти лѣтъ отъ роду — возрастъ, когда дѣвица въ Германіи, въ особенности же въ Швабіи, становится вольнодумкой — герръ Мецле изъ Женевы попался ей на пути, и тутъ пусть сама фрау Мецле говорить за себя.

— Зачѣмъ онъ на мнѣ женился, понять не могу. Ни красоты, ни приданаго за мной не было. Я думаю, что самъ лукавый подшутилъ надъ бѣднягой. Ну, однако, не долго мы съ нимъ пожили: мы и мѣсяца не были женаты, какъ онъ схватилъ

горячку. Я ходила за нимъ, но все напрасно... онъ взялъ, да умеръ. Ну, и слава тебѣ, Господи!

Этотъ любопытный финалъ обыкновенно вызывалъ неприятное удивленіе въ слушателяхъ фрау Мецле; но эта дама была большая оригиналка.

Вдовой она уѣхала изъ Штуттгарта въ Les Plaps-sur-Bex и тамъ, вмѣстѣ съ матерью, фрау Спецле, приняла на себя управление пансіономъ Эдельвейсъ, за смертью хозяина, скончавшагося почти въ одно время съ ея мужемъ, герромъ Мецле.

Собственное имя фрау Мецле было Берта, или, какъ мать ея произносила по-швабски: Берда. Она была высокая, смуглая женщина, съ лошадиными глазами такого устройства, что вамъ казалось, что она все видитъ по сторонамъ, съ большимъ носомъ и выдающейся нижней губой. При этомъ и въ глазахъ ея, и въ носу, и въ постановкѣ шеи было нѣчто такое, чему я не нахожу названія, но чего если вы никогда не замѣчали, то не заслуживаете названія путешественника.

Въ этотъ разъ фрау Мецле была въ особенно хорошемъ расположеніи духа.

— Передайте матушкѣ, что м-г Лами къ намъ ѣдетъ, — сказала она Бабеттѣ;—и если вамъ хочется развонить объ этомъ по всему Лепланъ, то я вамъ не препятствую. Имъ полезно будетъ узнать, что м-г Лами останавливается у насъ, а не у нихъ, несмотря на ихъ зеленныя ставни,—прибавила она съ саркастическимъ взглядомъ на противоположный домъ, гдѣ помѣщался пансіонъ „Альпійская роза“.—Вотъ еще, очень нужны кому-нибудь ихъ зеленныя ставни!

И фрау Мецле, для которой новыя зеленныя ставни въ пансіонѣ „Альпійской розы“ были настоящимъ бѣльмомъ на глазу въ продолженіе всей прошлой недѣли, бросила на нихъ послѣдній взглядъ, выразившій въ равной степени сожалѣніе и отвращеніе. Затѣмъ она тихонько вытолкнула Бабетту за дверь, повторяя, что ей лучше идти и облегчить свою душу, разгласивъ вездѣ только-что полученное извѣстіе, что Бабетта и сдѣлала.

А теперь вернемся назадъ въ Женеву.



## XII.

## НЕУДАЧНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ.

Профессоръ съ матерью и фрейлейнъ Винкельридь сѣли на пароходъ „Гельвеція“, долженствующій доставить ихъ къ мѣсту назначенія.

Прелестная нѣмочка—свѣжа, какъ роза, и улыбается м-г Лами такъ обворожительно, что у его матери невольно хмурятся брови и сердце начинаетъ безпокойно колотиться въ груди.

Рagbleu! мать вѣдь не пустое слово. М-ше Лами не можетъ долге оставаться безмолвнымъ свидѣтелемъ этихъ взглядовъ и улыбокъ. Вставъ съ мѣста, она подходитъ къ фрейлейнъ Винкельридь, намѣреваясь занять эту молодую особу разговоромъ и отвлечь такимъ образомъ отъ сына.

Но мѣръ того, какъ м-ше Лами приближается къ Маргаритѣ Винкельридь, м-г Лами отъ нея отдаляется. И вотъ, въ тотъ моментъ, какъ м-ше Лами опускается на скамью возлѣ Маргариты, чуть-чуть ей не на колѣни, такъ какъ скамья тѣсна, а м-ше Лами дама обширныхъ размѣровъ, м-г Лами оказывается на противоположномъ концѣ парохода и опирается о паранетъ въ безутѣшной, но граціозной позѣ. М-ше Лами съ улыбкой обращается къ Маргаритѣ:

— Вамъ нравится видъ?

Всякій, кто читалъ произведенія Люиса Карроля, припомнитъ поэму, въ которой описывается прогулка по морскому берегу моржа и плотника въ сопровожденіи нѣсколькихъ устриць. Онъ припомнитъ также, что этотъ самый вопросъ задаетъ моржъ устрицамъ, собираясь проглотить ихъ:

— Вамъ нравится видъ?

Бѣдная Маргарита не отвѣчала и была похожа на устрицу, насколько только это возможно для дѣвицы. Тѣмъ временемъ м-ше Лами, почувствовавъ, что побѣда на ея сторонѣ, съ торжествомъ и громогласно обошлась посредствомъ носового платка. Затѣмъ стала вытирать лицо и шею, такъ какъ было очень жарко. Маргарита поглядѣла на нее, и въ умѣ ея мелькнула мысль.

— Извините,—кротко сказала она,—вы сидите на моемъ платьѣ. Благодарю васъ,—и высвободила свое платье, говоря:— Ахъ! мы плывемъ мимо шильонскаго замка.

Сказавъ это, дѣвушка оглядѣлась кругомъ себя, улыбаясь, а

затѣмъ... просто чуть не побѣжала по палубѣ, кинувъ черезъ плечо м-ше Лами:

— Мнѣ очень нравится видъ. Я попрошу м-г Лами рассказать мнѣ про шильонскій замокъ.

Положительно такъ. Можетъ ли простираться дальше нахальство? И черезъ секунду она уже стояла передъ профессоромъ, всплеснувъ руками, какъ только умѣютъ нѣмки, и со взорами, обращенными на Шильонъ, говорила:

— Пожалуйста расскажите мнѣ про замокъ!

Онъ долженъ былъ бы тоже, конечно, глядѣть на Шильонъ; но онъ глядѣлъ на нее; глядѣлъ на нѣжный профиль, вырѣзавшійся на ясномъ небѣ, на розовую щечку, на золотистыя волны, которыми игралъ вѣтерокъ.

— Ангель! — пробормоталъ онъ. — Что еслибы я на ней женился?

И затѣмъ рассказалъ ей исторію шильонскаго замка.

### ХІІІ.

М-ше Лами была женщина полнокровная; полнокровныя женщины склонны къ апоплексіи; люди, склонные къ апоплексіи, багровѣютъ отъ волненія и задыхаются. М-ше Лами побагровѣла и задохлась, и глядѣла на сына и на дерзкую дѣвушку, стоявшую рядомъ съ нимъ, съ ужасомъ и съ сознаниемъ безсилія борьбы такой тучной женщины, какъ она, съ юркой и тоненькой дѣвушкой.

Такимъ образомъ компанія проплыла Шильонъ, и какъ ни соблазнительно было бы описать пейзажи, чередовавшіеся передъ ихъ глазами, но мы воздержимся отъ соблазна и поскорѣе перенесемъ на оконечность озера — въ Вильнѣвъ. Тутъ наше трио сошло съ парохода, такъ какъ ему предстояло вѣхать въ экипажѣ на Бэ. Экипажъ былъ такой же оригинальный, какъ и его возница, и лошадь. Экипажъ, то-есть по просту телѣжка, заставилъ м-ше Лами призадуматься. Что касается Маргариты, то она подбѣжала къ телѣжкѣ, поставила ногу на колесо и съ колеса — прыгъ въ телѣжку, — поступокъ, заставившій м-ше Лами всплеснуть руками и закрыть глаза, а м-г Лами — всплеснуть руками и пошире ихъ раскрыть, такъ какъ всѣмъ извѣстный фактъ, что видъ хорошенькой дѣвушки, со скатившейся на плечи шляпой, перепрыгивающей съ колеса въ телѣжку съ безумнымъ рискомъ показать полоску бѣлаго чулка, можетъ, конечно, сканда-

лизировать пожилую даму, но нивогда еще не скандализировалъ сына этой дамы съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ—за исключеніемъ развѣ Джона Нокса. Я полагаю, что Джонъ Ноксъ не перешелъ бы этого зрѣлища.

— Если ты еще не забылъ о моемъ существованіи, Франсуа, то будь такъ добръ, помоги тво-ей ма-те-ри, — сказала м-ше Лами ледянымъ тономъ.

Послѣ чего м-г Лами галантно подвелъ ее къ телѣжкѣ. Тогда эта дама съ большимъ чувствомъ собственного достоинства поставила ногу на подножку и попросила сына посадить ее, что тотъ осторожно и сдѣлалъ, одобряемый возницей, м-г Мённе, наблюдавшимъ за восхожденіемъ тучной дамы съ веселымъ видомъ и поощрявшимъ ее благонамѣреннымъ, но не совсемъ удачно выброшеннымъ восклицаніемъ: „ну и полѣзай себѣ съ Богомъ!“

М-ше Лами добралась съ подножки до оси колеса. Затѣмъ произошла остановка. Поставивъ ногу на ось, тучная дама призвала небо и землю въ свидѣтели, что дальше она не можетъ сдѣлать ни шагу, ни вверхъ, ни внизъ.

— Влѣзайте въ телѣжку, маман!—просилъ поэтъ.

М-ше Лами ничего не отвѣчала.

— Ну, такъ слѣзайте на землю.

М-ше Лами продолжала молчать. Маргарита улыбалась, поэтъ охалъ, а возница подмигивалъ глазомъ. Женщина упряма, говорилъ онъ себѣ, но не можетъ же она всю жизнь простоять на оси; а если такъ, то должна влѣзть или слѣзть, одно изъ двухъ. Рѣшивъ это, м-г Мённе заложилъ руки въ карманы и ждалъ.

Но когда прошло еще минуты двѣ, а тучная дама не шевелилась, онъ вскочилъ на кучерское мѣсто и взялъ возжи въ руки.

— Чудовище!—возопила м-ше Лами.

— Неужели вы думали, сударыня, что я тронусь съ мѣста и подвергну васъ опасности расшибиться, — сказалъ этотъ архилецмѣръ, обращаясь къ матронѣ, живо соскочившей на землю.

— А теперь не угодно ли вамъ сѣсть около меня рядомъ на возлы. Мнѣ кажется, вамъ сюда будетъ гораздо легче взобраться.

О, хитрый возница! но дѣлать было нечего. М-ше Лами пришла совѣтъ и черезъ секунду уже сидѣла рядомъ съ м-г Мённе.

— А мой сынъ?

— Въ телѣжкѣ, съ мамзелью...

Но этой повѣздѣ не суждено было обойтись безъ новаго при-

включенія болѣе серьезнаго характера, чѣмъ эпизодъ съ подножкой. Лошадь у м-г Мёнье, Ами, оказалась съ норовомъ. Она, какъ объяснилъ ея достойный хозяинъ, не терпѣла чужихъ, а потому на всѣхъ трудныхъ пунктахъ возница приглашала сѣдоковъ сойти съ телѣжки; а такъ какъ дорога шла косогоромъ, то сѣдоки принуждены были почти все время идти за телѣжкой пѣшкомъ. А возница приговаривалъ:—Не правда ли, какая чудная лошадь? терпѣть не можетъ чужихъ; а вѣдь меня какъ хорошо везетъ, видите!—Когда пансіонъ находился отъ нихъ всего въ какихъ-нибудь пятидесяти шагахъ разстоянія, м-г Мёнье объявилъ сѣдокамъ, что такъ какъ дорога ровная, то онъ ручается, что Ами не закапризничаетъ. Это приглашеніе было весело принято профессоромъ и Маргаритой, но м-ше Лами отклонила его съ иронической благодарностью. Ей не пришлось пожалѣть объ этомъ, такъ какъ когда телѣжка подъѣзжала ко двору пансіона Эдельвейсъ, то севозъ ворота виднѣлись различныя части сбруи. Они принимали въ вечернемъ полусвѣтѣ какія-то фантастическія очертанія, и Ами при видѣ ихъ вдругъ охватила фантазія стать на дыбы, и, приводя это въ исполненіе, она такъ безцеремонно высадила профессора и Маргариту, что глазамъ ховяйки пансіона „Альпійской розы“, когда она приложила ихъ къ досаднымъ зеленымъ ставнямъ, предстала слѣдующая картина: профессоръ входилъ въ соперничающій съ ея заведеніемъ пансіонъ въ сопровожденіи матери и неся на рукахъ очень хорошенькую, очень блѣдную и безчувственную дѣвушку.

Такъ окончилось путешествіе на телѣжкѣ.

#### XIV.

Новые посѣтители пансіона Эдельвейсъ.

Когда Маргарита пришла въ себя, то ея первыми словами было:

— Францъ! Францъ!—Затѣмъ, закрывъ лицо руками, она зарыдала.

Профессоръ стоялъ въ головахъ софы. Онъ не былъ ни обрубкомъ, ни камнемъ, и, не будь тутъ матери, сталъ бы на колѣни передъ милой дѣвушкой и сказалъ бы ей все, что мужчина можетъ сказать женщинѣ, чтобы убѣдить ее въ томъ, что онъ не камень.

Но мать стояла между ними, и кромѣ того Маргарита была

не въ такомъ состояніи, чтобы понять такого рода признанія. Когда она пошевелила ногой, острая боль заставила ее снова лишиться чувствъ.

— Вывихъ или переломъ кости, — сказала м-ше Лами сердито, но мягкимъ движеніемъ пододвинула дѣвушку къ открытому окну. Сердитыя женщины — странно сказать! — бывають часто очень нѣжными сидѣлками, и со многими Ксантишсами жизнь была бы совершенно сносна, еслибы ухитриться постоянно хворать.

— Позови доктора, — обратилась м-ше Лами къ сыну, который, какъ и подобаетъ поэту, стоялъ посреди комнаты, съ изображеніемъ безпомощнаго, но интереснаго страданія, драматически приложивъ руку ко лбу.

— Я уложу ее въ постель.

И м-ше Лами откинула волосы со лба дѣвушки, прибавивъ: — *Raurez petite!*

Профессоръ пошелъ исполнить порученіе, и когда вернулся, то нашелъ Маргариту лежащей въ темной комнатѣ. Докторъ громко сожалѣлъ о томъ, что его раньше не позвали, но его никто не слушалъ, потому что всему свѣту извѣстно, что это обычная манера у докторовъ во всѣхъ маленькихъ мѣстечкахъ. Затѣмъ онъ принялся терзать ногу какъ только могъ; затѣмъ покачалъ головой надъ разгорѣвшимся лицомъ и свергающими глазами пациентки. Наконецъ, повозившись порядкомъ съ масломъ и бинтами и оставивъ длинное предписаніе съ инструкціями, еще длиннѣйшими, онъ взялъ шляпу изъ-подъ стула и откланялся, шопотомъ пообѣщавъ придти завтра какъ можно раньше.

Тѣмъ временемъ Маргарита держала крѣпко руку м-ше Лами въ своихъ рукахъ и толковала этой почтенной дамѣ на своемъ родномъ языкѣ о своемъ „*lieber Franz*“, вслѣдствіе чего м-ше Лами, понимавшая нѣмецкій языкъ такъ же хорошо, какъ и ея сынъ, убѣдилась, что бѣдная дѣвушка по уши влюблена. Дочь сельскаго пастора, безприданница, задумала быть женой ея сына. М-ше Лами приложила руку къ горячему лбу дѣвушки: — *Drôle de petite! quelle bêtise!*

Тѣмъ не менѣе она нѣжно ухаживала за дѣвушкой. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней Маргаритѣ нисколько не было лучше; затѣмъ она начала медленно поправляться. Тѣмъ временемъ событія показали, что предвидѣнія фрау Мецле были вѣрны. Не прошло и недѣли со времени прибытія нашего тріо, какъ посѣтители нахлынули въ пансіонъ Эдельвейсъ изъ Женевы, и когда, наконецъ, докторъ объявилъ, что пациентка его внѣ опасности,

порядочная компанія собралась подъ однимъ кровомъ съ Маргаритой.

Начнемъ съ капитана Вальтера Макнабъ, про котораго вы, можетъ быть, слышали въ Женевѣ, гдѣ онъ поддерживаетъ репутацію англичанъ, какъ самой положительной націи въ Европѣ.

Капитанъ Макнабъ — пожилой человекъ и одинъ изъ тѣхъ господъ, насчетъ которыхъ женщины довольно единодушно рѣшаютъ, что законы цивилизованныхъ странъ должны что-нибудь предпринять для ограниченія — если не полного истребленія — господъ, которые, будучи во всѣхъ другихъ отношеніяхъ безвредными и даже достойными людьми, имѣютъ несносную привычку рассказывать нескончаемыя исторіи, остроуміе которыхъ понятно только имъ самимъ, — господъ, которымъ когда-то удалось сказать острогу, и они всю жизнь потомъ сожалѣютъ о томъ, что никакъ не могутъ ее припомнить.

Таковъ былъ капитанъ Макнабъ, а теперь займемся его сестрицей.

## XV.

### Новая повѣда м-в Лами.

Миссъ Макнабъ принадлежала къ тому типу особъ, которыхъ молодые люди немного безцеремонно величаютъ „старыми дѣвами“. Она носила необыкновенно высокую прическу, потому что ни одна женщина, — говорила она, — кромѣ Венеры, не можетъ носить низкой прически, и прибавляла обыкновенно: — А мы, изъ фамиліи Макнабъ, не претендуемъ на то, чтобъ быть Венерой.

Принимая во вниманіе, что волосы Олимпіи были того цвѣта, для котораго мольеровскія *Précieuses* изобрѣли остроумное прозвище: *blond hardi* (сама миссъ Макнабъ величала свои волосы „ярко-каштановыми“ или „густо-золотистыми“), и въдобавокъ съ сильною просѣдью; принимая во вниманіе, что глаза у миссъ Макнабъ были маленькіе, блѣдноглубые, отличающіеся обыкновенно отсутствіемъ рѣсницъ и бровей, что всегда придаетъ особенно забавное выраженіе лицу; что у нея былъ очень длинный носъ, очень длинная верхняя губа, очень длинная шея и необыкновенно длинная спина, и принимая во вниманіе, что все это были черты, родственныя членамъ фамиліи Макнабъ, — всякій согласится, что было бы очень хитро, еслибы которая-нибудь изъ нихъ претендовала на наружность Венеры.

Такова была Олимпія, и въ довершенію всего она была влюб-

лена въ м-г Лами. Болѣе того: она была увѣрена, что м-г Лами влюбленъ въ нее, что было большимъ для него несчастіемъ, такъ какъ она по секрету сообщала всѣмъ, кого удостоивала своимъ доверіемъ, что дала обѣтъ не выходить замужъ „ни за кого“ до тѣхъ поръ, пока ея братъ Вальтеръ не женится.

Но, быть можетъ, вы пожелаете узнать, какимъ образомъ она узнала навѣрное, что м-г Лами влюбленъ въ нее. Это случилось такимъ образомъ.

Въ числѣ резидентовъ пансіона Эдельвейсъ находилось американское семейство Пекумъ, состоявшее изъ трехъ особъ: миссисъ Пекумъ, барыни съ рѣзкими чертами лица, рѣзкимъ голосомъ; мисъ Пекумъ, ея золовки, тоже съ рѣзкими чертами и рѣзкимъ голосомъ, и маленькой дѣвочки, Дэй, воплощенной рѣзости, нравственной и физической. Чтобы упомянуть объ одной изъ ребячестихъ привычекъ Дэй, скажемъ, что она имѣла обыкновеніе духомъ выговаривать слѣдующія три фразы, если ей что-нибудь понравится:—Мнѣ это нравится! я хочу! подавайте!

И, какъ можно себя представить, большею частію добивалась своего. Когда же нѣтъ, то бросалась на полъ, вытягивала ноги и орала во все горло. Когда дѣло доходило до этого, миссисъ Пекумъ имѣла обыкновеніе разсуждать о томъ, какъ курьезно, что дѣти наследуютъ, какъ она выражалась, „температуры“ своихъ отцовъ: такъ и Дэй.—Да, да, именно такъ, прибавляла американская дама, указывая драматически на интересную отроковицу.—Вы можете видѣть, какъ поступаетъ ея папаша; точь-въ-точь какъ она—точь-въ-точь.

Однако, вернемся къ миссъ Макнабъ и миссъ Пекумъ senior, такъ какъ эта леди тѣсно связана съ любовнымъ эпизодомъ въ жизни сестры капитана.

Знаменательный разговоръ, приведшій къ тому, что миссъ Макнабъ убѣдилась, что м-г Лами влюбленъ въ нее, происходилъ въ саду пансіона Эдельвейсъ. Здѣсь миссъ Макнабъ и миссъ Пекумъ сидѣли рядомъ въ бесѣдкѣ.

Часто говорятъ, что природа никогда не повторяется, и что двѣ былинки травы не бываютъ схожи между собой. А между тѣмъ несомнѣнно попадаютъ иногда существа, до того сходныя между собой, что по-неволѣ скажешь, что природа повторяется. Миссъ Макнабъ и миссъ Пекумъ могли служить курьезнымъ доказательствомъ этого, такъ какъ, не будучи связаны кровнымъ родствомъ, обѣ дѣвицы были какъ двѣ капли воды похожи другъ на друга: того же цвѣта волосы съ просѣдью, тѣ же маленькіе

безбровые голубые глазки; тѣ же длинные носы, длинныя шея, длинныя спины, словомъ—все то же самое.

Миссъ Пекумъ говорила:

— Я не лъстецъ, Олимпія, и не стану утверждать, что мнѣ понятно, что онъ такъ влюбился въ васъ. Вы уже не такъ молоды, милая, какъ были...

Миссъ Макнабъ не могла выпрямиться, ибо и безъ того держала себя такъ, точно аршинъ проглотила, но она немедленно отвѣчала, что знаетъ, что она уже не младенецъ.

— Ну, вотъ видите. Я не могу не быть откровенной, Олимпія, и когда я говорю, что профессоръ влюбленъ въ васъ, то не стану врать, утверждая, что ваша юная красота такъ его очаровала. Мы съ вами, милочка, не шестнадцатилѣтнія дѣвочки, также какъ и не младенцы, и, сознаюсь, что еслибы я не слышала этого отъ него самого, то удивилась бы, что изъ всѣхъ здѣшнихъ хорошенькихъ дѣвушекъ онъ выбралъ именно васъ; да, моя душа!

Говоря это, миссъ Пекумъ встала, а за ней встала и миссъ Макнабъ, причемъ обнаружилась разница между обѣими дѣвицами, которой не было замѣтно, пока онѣ сидѣли; а именно: миссъ Пекумъ былъ гораздо ниже ростомъ миссъ Макнабъ, такъ какъ у послѣдней была длинная шея, длинная талія и длинныя ноги, а миссъ Пекумъ, при длинной таліи и длинной шеѣ, была коротконожка.

— Да, вы откровенны, Мильдредъ,—сказала миссъ Макнабъ, спустя нѣкоторое время, когда онѣ прохаживались по саду,—но самая ваша откровенность...

Тутъ миссъ Макнабъ покраснѣла до ушей и рѣзво побѣжала по дорожкѣ своими длинными ногами. Солнце садилось въ эту минуту, и послѣдніе лучи его одѣли царскимъ пурпуромъ снѣжныя вершины горъ. Коротконогая миссъ, съ длинной таліей, осталась позади и, озаренная яркими лучами заходящаго солнца, рѣзво и ѣдко засмѣялась.

## XVI.

Олимпія одѣвается. — Два цѣломудренныхъ бутона розы. — Рисунки сенивъ. — Олимпія краснѣетъ.

Миссъ Макнабъ, когда мы съ ней разстались, бѣжала опретью по дорожкѣ сада. Теперь она въ своей спальнѣ. Будучи безплотными, мы можемъ, не нарушая приличій, послѣдовать туда за ней.



Заразившись романичностью въ тридцать-девять лѣтъ, увя! наша бѣдная Олимпія влюбилась тридцати-девяти лѣтъ отъ роду впервые въ жизни. Она стоитъ передъ зеркаломъ. Боже, этотъ проклятый румянецъ! Зачѣмъ онъ вѣчно пристаётъ къ кончику носа? Гдѣ ея рисовая пудра? ничто не можетъ сравниться съ рисовой пудрой. Сдѣлать небольшую манипуляцію надъ носомъ, затѣмъ осмотрѣть его сначала en face, затѣмъ въ профиль, при помощи ручного зеркала, затѣмъ пригладить волосы и невидимыя брови, перемѣнить фрезу и замѣнить голубую ленту вокругъ горла розовой; воткнуть два бутона бѣлой розы между третьей и четвертой пуговицей платья, чуть-чуть стянуть талію... и Олимпія съ удовольствіемъ оглядываетъ свою длинную, тонкую фигуру. Нѣтъ, Мильдредъ права, она уже не младенецъ и не шестнадцатилѣтняя дѣвочка, но сегодня она болѣе чѣмъ когда-либо убѣждается, что у нея изящная „фигура“, а Макнабы, знаете, никогда въ грошъ не ставили хорошенькія личики.

На лѣстницѣ миссъ Макнабъ сталкивается съ миссъ Пекумъ.

— Вы, Милли? Зайдите ко мнѣ въ комнату, пожалуйста. Еслибы вы знали, какъ у меня бьется сердце! Я должна опять съ вами поговорить; садитесь на стулъ.

И сама миссъ Макнабъ садится рядомъ на постель, такъ какъ единственный стулъ она уступила подругѣ.

— Скажите мнѣ... но не глядите на меня такъ пристально, Мильдредъ, вы меня конфузите.

Миссъ Пекумъ, подобно многимъ лгунамъ и лгуньямъ, хватается тѣмъ, что всегда смотритъ людямъ прямо въ глаза. Она смѣется и поворачивается спиной къ бѣдной, сконфуженной Олимпіи.

— Я хочу спросить васъ, Мильдредъ, почему—если его чувства ко мнѣ таковы, какъ вы говорите—онъ никогда мнѣ ни словечка не сказалъ о любви?

Миссъ Пекумъ заливается веселымъ смѣхомъ, какъ будто бы мысль, что влюбленный человѣкъ долженъ говорить о своей любви, кажется ей самой забавной въ мірѣ.

— Помилуйте, Олимпія! — восклицаетъ она: — можно подумать, что вы никогда въ жизни не имѣли дѣла съ влюбленнымъ въ васъ мужчиной.

Хотя это была чистѣйшая правда, но миссъ Макнабъ ни за что въ свѣтъ не призналась бы въ этомъ миссъ Пекумъ.

— Мнѣ... мнѣ кажется странно, что онъ говоритъ со мною только объ Англіи, Англіи и Англіи.

— Развѣ этого мало?—восклицаетъ американская дѣвица.—

Помилуйте, Олимпія! да вы такъ же мало знаете мужчинъ, какъ новорожденный младенецъ...

Олимпія, краснѣя, объявляетъ, что она гордится тѣмъ, что такъ мало ихъ знаетъ...

— Вы должны, однако, знать, что человѣкъ его лѣтъ не терпитъ общества женщины вашего сорта и не говоритъ съ ней на ея языкѣ, объ ея языкѣ и объ ея странѣ, если только онъ...

— Но его манеры, моя дорогая,—перебиваетъ миссъ Макнабъ.

Ей необыкновенно пріятно, что ея откровенная подруга разгоняетъ ея опасенія.

— Мнѣ иногда казалось, что его манера...

— Фи, Олимпія! Никогда не видавъ его съ вами, я знаю, каковы его манеры. Вы не первая англичанка, въ которую влюбленъ французъ.

Бѣдная Олимпія! еслибы она была дальновзоркой, то увидѣла бы, какъ трясутся плечи миссъ Пекумъ отъ внутренняго смѣха. Но она была близорука и ничего не замѣтила.

— Какая вы смѣшная, Олимпія! но вѣдь вы знаете, что говорите противъ собственныхъ убѣжденій. А ргорос, къ вамъ очень идетъ розовая лента. Но почему вы не надѣнете такихъ же цвѣтовъ? Возьмите мои, хотите?.. Нѣтъ? Почему?

— Нѣтъ, Мильдредъ, не надо розовыхъ цвѣтовъ сегодня. Я хочу сохранить эти два цѣломудренныхъ бутона бѣлой розы.

Снова плечи миссъ Пекумъ незамѣтно затряслись. Затѣмъ обѣ леди сошли внизъ въ гостиную, гдѣ миссъ Макнабъ занялась рисованіемъ, если можно называть этимъ именемъ извѣстную деградацію искусства, весьма обычную между англичанами. Безъ сомнѣнія, наша національная боязнь праздности имѣла однимъ изъ бѣдственныхъ послѣдствій занятіе музыкой и живописью, помимо всякаго таланта и безъ всякаго уваженія къ чужимъ ушамъ и глазамъ. Опредѣлить же, которое изъ этихъ упражненій хуже, такъ же невозможно, какъ сказать, что хуже—зубная или головная боль. Быть можетъ, зубная—чуть-чуть похуже головной, и плохая игра на фортепіано хуже плохихъ рисунковъ. Но не могу не замѣтить, что довольно печальная судьба того, кто осужденъ созерцать альпійскіе виды, изображенные сепіей миссъ Макнабъ, и которые она фабриковала по шести штукъ въ день и прищипливала къ стѣнамъ своей и братиной комнаты. Миссъ Макнабъ—моя фаворитка. Я люблю ея длинную талію, ея вѣру въ Милли и дѣвическое предпочтеніе цѣломудренныхъ бѣлыхъ бутоновъ, ея презрительную улыбку уголкумъ губъ и ея имя—

Олимпія. Единственное, говоря откровенно, чего я не люблю въ ней, это ея страсти къ рисованію. Воспоминаніе объ ея пейзажахъ сепіей и теперь бросаетъ меня въ дрожь.

— Доброе утро, миссъ Макнабъ!

Голось принадлежалъ ш-г Лами.

— Правъ я или нѣтъ, что вы, англичане, цѣлый день присутствуете другъ друга съ „добрымъ утромъ“?

— Конечно, нѣтъ. Какія забавныя понятія вы, иностранцы, имѣете о насъ!—отвѣчаетъ миссъ Макнабъ, такъ ревностно расправляя сепію, что брызги летятъ во всѣ стороны.

Какъ нарочно, ш-г Лами особенно любезенъ съ ней въ этотъ вечеръ, и никогда, вѣроятно, сердце не билось сильнѣе подъ двумя цѣломудренными бутонами бѣлой розы. Ихъ разговоръ въ сотый разъ вертѣлся на англійскомъ языкѣ, на томъ, какъ и когда слѣдуетъ говорить „will“ и „shall“, и въ сотый разъ миссъ Макнабъ отвѣчала, что это тайна, сокрытая отъ всѣхъ.

Но почему профессоръ изъ всѣхъ присутствующихъ англійскихъ лэди выбралъ какъ разъ миссъ Макнабъ для своего посвященія насчетъ англійскаго языка, и почему въ этотъ самый вечеръ его угораздило спросить у нея съ своей неотразимой улыбкой:

— Я бы желать, миссъ Макнабъ, чтобы вы объяснили мнѣ разницу между словами: „like“ и „love“.

Не слишкомъ ли рискованно задавать такіе вопросы особѣ съ романтическимъ образомъ мыслей и ожидать, что она увидитъ въ нихъ только любознательность лингвиста? Не естественно ли, что миссъ Макнабъ потеряла голову при этомъ вопросѣ и, притворившись, что слышитъ, будто ее кто-то зоветъ, поспѣшно оставила профессора и, бросившись въ объятія дорогой Милли, прошептала:

— Скажите мнѣ, Мильдредъ, я вѣрно похожа на піонъ? Въ жизни своей я такъ не краснѣла!

## XVII.

МАРГАРИТА ВИНКЕЛЬРИДЪ ПИШЕТЪ ПИСЬМО.

Но что же подѣлываетъ тѣмъ временемъ Маргарита Винкельридъ? Руки, которыя внесли ее въ пансіонъ Эдельвейсъ, свесли ее также въ первый день, какъ она вышла изъ своей комнаты, внизъ по узкой винтовой лѣстницѣ, которая вела въ общій салонъ.

Когда профессоръ вошелъ въ комнату съ своей красивой, блѣдной ношей, всѣ взоры обратились на него. Положивъ дѣвушку на диванъ, онъ сѣлъ около нея. Тогда всѣ взоры — можетъ быть, случайно — обратились къ Евгениіи Роланъ, которая сидѣла съ матерью у окна на противоположномъ концѣ комнаты.

— Подумать, что и вы тоже сидѣли въ этой телѣжкѣ! — сказала Маргарита профессору. — Эта поѣздка въ Лепланъ представляется мнѣ какимъ-то страшнымъ сномъ. Мало-по-малу она вся припоминается мнѣ вплоть до того страшнаго момента, когда Ами сталъ лягаться. Мнѣ казалось, что онъ превратился въ какое-то чудовище, и затѣмъ...

— Затѣмъ?..

— Затѣмъ все стало темно и тихо.

Говоря это, дѣвушка закрыла лицо руками, съ непринужденностью выздоравливающей. Развѣ она не видѣла, что они не одни въ комнатѣ? По всей вѣроятности, нѣтъ.

— Я думала, что это смерть, — прибавила она шопотомъ, наклоняясь къ профессору. Вы знаете, что было дальше, расскажите мнѣ.

Голосъ ея сталъ такъ тихъ, что ея словъ не было почти слышно; лицо раскраснѣлось. Профессоръ оглянулся на дверь, какъ бы желая, чтобы мать пришла, затѣмъ поправилъ подушки и самъ положилъ на нихъ голову дѣвушки.

— Не уходите! — воскликнула она, говоря съ закрытыми глазами, точно съ наемной сидѣлкой.

— Нѣтъ, не уйду.

Онъ понизилъ голосъ и шепнулъ ей что-то, заставившее ее улыбнуться.

Въ этотъ моментъ послышался голосъ Евгениіи Роланъ, прозвучавшій на весь салонъ.

— Не держите меня, папа. Я такъ хочу! Я могла бы выскочить изъ болѣе высокаго окна и не свихнуть ноги.

И со смѣхомъ, не заглушившимъ испуганнаго крика матери, безразсудная дѣвушка выскочила въ окно.

Всѣ побѣжали къ дверямъ и къ окнамъ съ различными восклицаніями, и среди этой суматохи молчаніе и равнодушіе профессора были тѣмъ поразительнѣе. Онъ заговорилъ съ Маргаритой небрежно и пожимая плечами:

— Что значить показать примѣръ! М-ше Роланъ желаетъ свихнуть себѣ ногу, какъ и вы.

— Вы думаете, что она хочетъ повредить себѣ?

— Думаю ли?!

Профессоръ поднялъ брови чуть не до волосъ. — Вы видите высоту окна.

Сидите здѣсь.

— *Ma foi!*—и онъ опять пожалъ плечами. — Другіе побѣжали къ ней на помощь.

Его тонъ заставилъ Маргариту поднять на него глаза. Что за великолѣпные глаза! Въ одну секунду всё ея сомнѣнія разсѣялись. Конечно, онъ ненавидитъ Евгению Роланъ и, конечно, да, конечно, онъ любитъ Маргариту Винкельридь.

Онъ вскочилъ съ мѣста.

— Маргарита. — началъ онъ.

Она перебила его: — Я больна; я устала, окажите мнѣ услугу. Онъ побѣжить въ Женеву по ея приказанію, въ Германію, на конецъ свѣта... Онъ...

— Нѣтъ, я прошу менѣе трудной вещи. Она улыбнулась и произнесла съ отголоскомъ прежней шаловливости: — Позвоните за меня въ колокольчикъ.

Онъ позвонилъ; пришла Бабетта, и Маргарита приказала ей принести бумаги и чернилъ.

— Благодарю васъ... нѣтъ, подождите, не уходите, я напишу всего нѣсколько словъ и попрошу васъ опустить письмо въ почтовый ящикъ.

Выглянувъ въ окно на другое утро, профессоръ былъ приятно удивленъ тѣмъ, что увидѣлъ.

Коляска съ туристами была всегда интересною вещью въ Лепланѣ, въ началѣ сезона. Но двѣ коляски могли даже и удивить въ такомъ старомодномъ лечебномъ мѣстечкѣ. Что же сказать о трехъ коляскахъ, набитыхъ дамами? Зрѣлище было, конечно, удивительное и забавное.

Вы знаете видъ, какой принимаютъ на себя люди, желающіе, чтобы считали, что они всё „сами по себѣ“ и ничего общаго другъ съ другомъ не имѣютъ. Такой именно видъ былъ у нашей чортовой дюжины, потому что тѣ была она, а не кто иной.

Изъ первой коляски выпрыгнули Мари Минаръ, миссъ Скалонъ, брюнетка, ошибочно нареченная Миной, Ориенталка — уже представленныя читателю раньше.

Изъ второй коляски выскочили m-lle Робенъ, болѣе извѣстная подъ названіемъ Gendarme; бѣдовая молодая особа и еще не менѣе шести особъ женскаго пола, что и составитъ тринадцать, то-есть весь учительскій женскій штабъ академіи Морель.

Изъ третьей коляски вышла сама m-me Морель.

Въ этотъ-то моментъ какъ разъ и появилось вышеупомянутое выраженіе на лицѣ четырнадцати госпожъ.

М-ше Морель первая нарушила молчаніе. Приподнявъ брови выше обыкновеннаго, она уставилась безцвѣтными глазами въ группу и воскликнула съ своимъ обычнымъ слезливымъ смѣхомъ:

— Какъ странно, mesdames, не правда ли, что мы всѣ точно сговорились провести каникулы въ Лепланъ?

Сказала и направилась въ пансіонъ „Альпійской розы“.

— Нѣтъ, это ужасно!—проговорила Мари Минаръ, озираясь кругомъ.— Не остановится ли намъ въ противоположной гостиницѣ! Но нѣтъ, развѣ вы не видите, что м-г Лами выглядываетъ изъ окошка? Вотъ любонитное совпаденіе обстоятельствъ! Чему вы смѣетесь, миссъ Скалонъ?

Съ раздраженіемъ и гнѣвомъ:

— Развѣ вы не понимаете, что мы попали въ нелѣпное положеніе?!

Миссъ Скалонъ спокойно отвѣчала, съ британскою эксцентричностью, что именно нелѣпное положеніе, въ какое онѣ попали, и вызываетъ улыбку.

Этотъ отвѣтъ заставилъ Мари Минаръ отвернуться и призвать на помощь терпѣніе, такъ какъ британское качество, проявившееся здѣсь, имѣетъ даръ выводить нашихъ французскихъ сосѣдей изъ себя. Какъ замѣчаетъ и Тэнъ о нашей литературѣ:— „У нихъ есть своего рода доморощенное остроуміе, которое далеко не пріятно, но за то вполне оригинально. Они зовутъ его юморомъ“.

## XVIII.

М-н Лами приподнимаетъ шляпу.—Семейство Люскомъ-Бинсъ.

— Какъ поживаете, миссъ Люскомъ-Бинсъ?

Говоря это, профессоръ приподнимаетъ шляпу. Упомянемъ здѣсь мимоходомъ, что французамъ кажется курьезною и непонятною вещью то, какъ мало англичанъ, которые бы понимали, что искусствомъ снимать шляпу, подобно всякому другому, можно владѣть двумя способами: какъ виртуозъ и какъ любитель—первый практикуется во Франціи и во всей остальной Европѣ, послѣдній—на британскихъ островахъ. Секретъ этого, какъ однажды объяснялъ мнѣ одинъ французъ, заключается въ томъ, что англичане en masse (онѣ были такъ добры, что допускали исключенія) не понимаютъ, каковаго глубокаго изученія, каковаго неутомимаго упраж-

ненія требуетъ это искусство. Еслибы они въ состояніи были разсудить, какъ другія націи, что каждый разъ, какъ они кланяются, они должны управлять плечомъ, сгибать локоть, округлять кисть руки и сжимать пальцы, отъ сколькихъ упрековъ была бы избавлена Великобританія!

Этотъ французъ былъ м-г Лами. И онъ могъ съ авторитетомъ говорить объ этомъ. Я присоединю нѣсколько дамскихъ замчаній, свидѣтельствующихъ о томъ же.

Миссъ Пекумъ:—Видѣть, какъ м-г Лами приподнимаетъ шляпу—просто очарованіе!

Миссъ Макнабъ:—Настоящая поэма!

Миссъ Люскомбъ-Бинсъ:—Милый! я не могу удержаться отъ слезъ.

Сказать, что въ настоящемъ случаѣ миссъ Люскомбъ-Бинсъ глядѣла на м-г Лами съ восхищеніемъ, значило бы зайти слишкомъ далеко. Миссъ Люскомбъ-Бинсъ была слишкомъ скромная дѣвица, чтобы позволить себѣ это. Она застѣнчиво взглянула на профессора и покраснѣла.

А теперь, безъ всякаго сомнѣнія, читатель пожелаетъ узнать, кто такая миссъ Люскомбъ-Бинсъ? Миссъ Люскомбъ-Бинсъ, иначе Оттилія Люскомбъ-Бинсъ—членъ фамиліи изъ шестерыхъ особъ, остановившейся въ пансіонѣ Эдельвейсъ, и такъ какъ она и ея семейство играютъ нѣкоторую роль въ этой пестрой компаніи, то ихъ и нельзя обойти молчаніемъ.

Во-первыхъ, назовемъ м-ра Люскомба-Бинса, маленькаго, худенькаго человѣчка съ такимъ взглядомъ, который какъ будто молилъ:—я буду пай; не бейте меня!—Онъ всегда какъ будто бы извинялся передъ вами за то, что существуетъ на свѣтѣ, и, входя въ комнату, говорилъ большею частію некстати, но съ безконечнымъ паэосомъ:—„простите, я васъ, кажется, обезпokoилъ!“ Когда васъ познакомили съ нимъ и его женой, вы съ одного взгляда могли рѣшить, кто изъ нихъ голова.

Этого мало: съ ранней молодости Джонъ Бинсъ подверженъ былъ странной болѣзни, называемой *amnesia*, которая заставляетъ человѣка говорить совсѣмъ не то, что онъ хочетъ сказать, и просить того, чего ему совсѣмъ не нужно. Такимъ образомъ, за обѣдомъ, когда онъ хотѣлъ соли, онъ просилъ передать его тросточку, и вотъ разъ, провожая случайно миссъ Люскомбъ домой изъ концерта и желая просто-на-просто предложить ей руку, онъ вмѣсто того (это самый странный припадокъ болѣзни, о какомъ я слышала) предложилъ ей сердце.

Миссъ Люскомбъ немедленно отвѣтила: — „согласна, если дорогой папá позволить“.

И дорогй папа не только позволилъ, но и настоялъ на бракѣ.

И вотъ какимъ образомъ они поженились. Я никогда не слыживала о подобномъ сватовствѣ, но будьте увѣрены, что оно не единственное въ своемъ родѣ.

Странно сказать: какъ ни хотѣлось м-съ Бинсъ, будучи миссъ Люскомбъ, переимѣнить фамилію, она, выйдя замужъ, особенно усердно заявляла міру, что она урожденная Люскомбъ, и мужъ виноватъ въ томъ, что она стала Бинсъ.

Дочь ея Оттилія или, какъ ее называли въ семьѣ, Отти, была очень некрасива собой и вдобавокъ совсѣмъ не умѣла одѣваться въ лицу.

Четвертымъ членомъ семьи былъ старшій сынъ, тоже Джонъ, но въ отличіе отъ отца называвшійся Жуаномъ. Про него можно только сказать, что у него былъ такой страчный голосъ, что всѣ постоянно думали, будто у него насморкъ.

Если красота не была отличительной чертой старшихъ членовъ фамиліи, то меньшіе два — еще дѣти, мальчикъ восьми и дѣвочка шести лѣтъ — были такіе хорошенькіе, что неизбѣжно вызывали во всѣхъ, кто ихъ видѣлъ, мысль, иногда выражавшуюся даже вслухъ неосторожными на языкѣ людьми:

— И въ кого только они уродились такими красавчиками! Ужъ, конечно, не въ папа и не въ мама.

Дѣти Люскомбъ-Бинсъ не принадлежали въ тому типу дѣтей, которыхъ называютъ „непослушными“. Напротивъ того, они были изумительно, ненормально примѣрныя дѣти. И при этомъ всегда ходили, держа другъ друга за руку, чѣмъ очень удивляли м-г Лами и восхищали его мамашу. Они учили тексты изъ св. писанія и, въ великому удивленію м-г Лами, говорили ихъ наизусть за завтракомъ; причемъ мальчикъ выказывалъ предпочтеніе въ текстамъ подлиннѣе и часто говорилъ даже два, чѣмъ поражалъ м-г Лами и восхищала его мамашу. При этомъ онъ говорилъ тексты съ такой вѣрной интонаціей, и затѣмъ съ такимъ неземнымъ, ангельскимъ выраженіемъ принимался за завтракъ (мамаша всегда накладывала ему самага лучшаго кушанья и приберегала всѣ лучшіе кусочки для него, за то, что онъ такой „умный“ мальчикъ), что нечего было при этомъ особенно насиловать воображеніе, чтобы представить себѣ его будущую карьеру. Что касается маленькой дѣвочки, его сестры, то нужно сказать, что она



была изъ болѣе грѣшнаго тѣста, и еслибы, по причинамъ, коренившимся въ разумной осторожности и въ примѣрѣ, подаваемомъ ангеломъ-братомъ, она не разыгрывала изъ себя неестественно примѣрнаго ребенка, то можно было бы думать, что она способна на тѣ дѣтскія беззаконія, которыя характеризуются общимъ терминомъ „шалости“. Меня наводитъ на эту мысль, во-первыхъ, то, что она учила возможно кратчайшіе тексты и, во-вторыхъ, то, что въ ея дѣтскихъ голубыхъ глазахъ мелькало порой такое выраженіе, которое говорило, что она не одобряетъ того, что ангелу-братцу всегда и неизмѣнно достаются лучшіе кусочки за то, что онъ учитъ болѣе длинные тексты, чѣмъ она.

А теперь, познакомивъ васъ со всѣми членами семьи Люскомъ-Бинсъ, позвольте объяснить вамъ, почему они всѣ въ глубокомъ траурѣ. Это обстоятельство почти такъ же оригинально, какъ и сватовство бѣднаго Джона Бинса.

## XIX.

Почему Люскомъ-Бинсъ были въ глубокомъ траурѣ. — Маленькая лицемерка.

Много есть людей, выходящихъ на улицу съ дождевыми зонтиками, когда свѣтитъ солнце, и въ предвидѣніи дождя, который совсѣмъ и не пойдетъ, можетъ быть. Но слышали ли вы про людей, надѣвающихъ заблаговременно траурныя одежды? А это самое сдѣлала м-съ Люскомъ, и вотъ почему она и вся ея семья облечены въ глубокой траурѣ. За двѣ недѣли до отъѣзда въ Лепланъ м-ръ Бинсъ senior былъ боленъ, и доктора отчаявались спасти его. Три доктора единодушно согласились на этотъ счетъ, и одинъ изъ нихъ, взявшій на себя сообщить печальную вѣсть женѣ, умолялъ ее пойти на воздухъ и провѣтриться, такъ какъ эта дама, надо ей отдать справедливость, ухаживала за мужемъ и три ночи не отходила отъ его постели.

М-съ Бинсъ послушалась доктора и пошла погулять. Быть можетъ, вы знаете улицу Роны въ Женевѣ. Въ витринахъ магазина траурныхъ вещей, находящагося въ этой улицѣ, огорченная дама увидѣла надпись:

„Послѣдній день распродажи. Цѣны баснословно дешевыя“. Вы угадываете остальное.

Я, съ своей стороны, не вижу большой бѣды въ томъ фактѣ,

что къ м-съ Бинсъ можно примѣнить слова поэта, связанныя о другой женѣ:

Хотя была она огорчена,  
Но помнила и бережливость.

Съ другой стороны, нельзя и не пожалѣть бѣднаго больного человѣка, который, выздоровѣвъ, вопреки тремъ докторамъ (единственный случай непокорности и бунта, которые проявилъ въ своей жизни Бинсъ-отецъ), напелъ всю свою семью облеченную въ глубокой трауръ: скоропалительность была одной изъ чертъ характера м-съ Люскомбъ-Бинсъ, и, закупивъ дешевый матеріалъ, она немедленно отдала его спать.

Оставалось теперь только придумать приличное объясненіе, а потому и былъ пущенъ слухъ о смерти близкаго родственника въ Америкѣ. Увы! бѣдный м-ръ Бинсъ зналъ, въ чемъ дѣло. Съ врепомъ вокругъ шляпы (—не будешь же ты, надѣюсь, одинъ безъ траура, когда вся семья въ траурѣ!—рѣзко объявила ему жена), онъ рискнулъ слабо подшутить надъ этимъ обстоятельствомъ, но долженъ былъ немедленно прикусить языкъ, такъ какъ жена не терпѣла никакихъ вольностей.

Кромѣ этой странности, семья отличалась еще и другой: никогда не разставалась съ альпійскими палками и таскала ихъ за собой къ завтраку, обѣду, ужину; словомъ, не выпускала ихъ изъ рукъ цѣлый день и, какъ гласила молва, даже клала ихъ съ собой на ночь въ постель.

У миссъ Люскомбъ-Бинсъ была въ рукахъ альпійская палка, когда она встрѣтилась съ м-г Лами, и это возвращаетъ насъ къ тому пункту, на которомъ мы съ ними разстались. М-г Лами приподнял шляпу; а миссъ Люскомбъ-Бинсъ покрасѣла.

Послѣ краткой бесѣды, темой которой послужила ея фамилія, которую профессоръ произносилъ такъ, что слышалось не *Binn*, а *beans*, что значитъ по-англійски „бобы“,—миссъ Бинсъ шутливо замѣтила ему, что она не „овощи“, и не менѣе шутливо объявила ему, что и безъ того ненавидитъ свою фамилію.

— Право, право же, я такъ ненавижу свою фамилію, еслибы вы только это знали! Она отравляетъ всѣ удовольствія моей жизни. Мнѣ стоитъ только вспомнить: моя фамилія Бинсъ, и мнѣ сейчасъ станетъ скучно. Что бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ?

Профессоръ улыбнулся:—Я прибѣгнулъ бы къ *ultima ratio* и вышелъ бы замужъ.

— Ахъ, профессоръ, я не говорю по-французски. Пожалуйста подержите мою палку. Я иду на почту. А вы?

— Къ несчастію, нѣтъ. Мамап дожидается меня. Au revoir.  
И добродѣтельный профессоръ, не соблазнившись перспективой прогулки съ некрасивой дѣвицей, приподнял шляпу и направился къ дому.

Но, проходя мимо бесѣдки въ саду, онъ услышалъ дѣтскіе голоса.

— Еще Люскомбы-Бинсы!—вслухъ подумалъ онъ.

Онъ былъ правъ. Вотъ что говорилось въ бесѣдѣ.

— Ты читалъ молитвы прошлую ночью въ постели, Мерви!

— Неправда!

— Читалъ.

— Не-прав-да!

— Чи-талъ; я скажу мамѣ.

— Не говори!

— Скажу...

— Ты...

Остальное было заглушено стукомъ альпійскихъ палокъ. Да, положительно, маленькіе святыя, Мервигъ и Марджери, побивали другъ друга во славу религіи. Профессоръ, скрытый зеленью, ждалъ, что будетъ дальше.

Мальчигъ первый опомнился и бросилъ палку.

— Ну, Марджери, будь доброй дѣвочкой, не говори!

Бѣдный ангелъ!—онъ говорилъ это жалобно, севозъ слезы. Подумайте! репутація его, какъ феноменальнаго ребенка, стояла на картѣ! Каково это лишиться сразу плодовъ столькихъ благочестивыхъ усилій!

— Ну, пожалуйста, не говори!

Марджери объявила, что она и сама любитъ читать молитвы въ постели, и не скажетъ, если онъ общается ей тоже не говорить, что она будетъ читать молитвы въ постели *цѣлый мѣсяцъ*.

Ангелъ просто задохся. Предложеніе, кромѣ того, что обличало бездну нечестія въ его сестрѣ, было еще такъ ужасно выгодно для нея. Представьте, какое благополучіе: цѣлый мѣсяцъ читать молитвы въ постели! Но такъ какъ ему хотѣлось удержать за собой репутацію святости, то и пришлось согласиться на сдѣлку. Марджери неумолимо требовала должнаго ей „фунта мяса“ и была похожа на Шейлока, какъ только можетъ походить маленькая и хорошенькая голубоглазая дѣвочка. Если ей обѣщаютъ не выдавать ея и позволять цѣлый мѣсяцъ читать молитвы въ постели, она откажется отъ наслажденія донести на своего добродѣтельнаго брата.

И когда дѣти вышли изъ бесѣды, она добилась своего. Профессоръ съ новымъ интересомъ глядѣлъ имъ вслѣдъ, какъ вдругъ голосъ, раздавшійся за его спиной, заставилъ его пожалѣть, что онъ не ушелъ домой.

Лэди, увѣрявшая, что она не *овоци*, улыбалась ему свѣтлѣйшей изъ улыбокъ.

— Побывали дома и такъ скоро опять вышли изъ дому, профессоръ? Чтò вы скажете про это небо?

— У насъ будетъ завтра дождь.

Онъ былъ правъ. На завтра пошелъ дождь.

А. Э.



---

# НОВЫЯ ОБЪЯСНЕНІЯ ПУШКИНА

---

## II \*).

Изъ приведенныхъ образцовъ новѣйшей критики можно видѣть, что сужденія о Пушкинѣ до сихъ поръ остаются весьма разнообразны и притомъ не только вслѣдствіе различія основныхъ взглядовъ критики, но и вслѣдствіе того, что въ дѣятельности Пушкина дѣлается удареніе на той или на другой ея сторонѣ. Если къ этимъ новѣйшимъ сужденіямъ о Пушкинѣ прибавимъ болѣе ранніе, но также недавніе труды, ему посвященные, какъ на-примѣръ труды Анненкова, Стоюнина и другихъ, это разнообразіе будетъ еще значительнѣе. Едва ли сомнительно, что различныя сужденія о Пушкинѣ будутъ раздаваться и впредь; мудро предположить, чтобы сгладились скоро тѣ разнорѣчія, которыя дѣлаютъ однимъ болѣе сочувственными однѣ стороны Пушкина, другимъ другія: люди консервативнаго образа мыслей всегда будутъ осуждать либеральныя заявленія Пушкина; люди другого взгляда на вещи будутъ обращать свои сочувствія къ тѣмъ мотивамъ пушкинской поэзіи, гдѣ сказывалось стремленіе къ просвѣщенію и общественной свободѣ. Примирить эти точки зрѣнія невозможно, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока Пушкинъ не отступитъ въ гораздо болѣе давнее прошедшее, тѣмъ теперь, пока общество наше не вступитъ въ иной періодъ своего развитія, гдѣ самый вопросъ просвѣщенія перестанетъ быть спорнымъ, какимъ онъ, къ удивленію, снова сдѣлался въ послѣднее время.

Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы вопросъ о Пушкинѣ для нашего времени долженъ былъ остаться нерѣшеннымъ. Если

---

\*) См. выше: октябрь, стр. 632.

(какъ это вѣроятно) нельзя примирить противорѣчій, примѣры которыхъ мы видѣли въ прошлой статьѣ, и если надо предоставить различнымъ сторонамъ выбирать себѣ предметы сочувствій въ тѣхъ или другихъ произведеніяхъ Пушкина, то существуютъ историческія стороны предмета, которыя допускаютъ объясненіе, и оно становится необходимымъ, если Пушкину принадлежит то значеніе въ развитіи нашей литературы, о какомъ всѣ говорятъ единогласно.

Пушкинъ несомнѣнно оставилъ въ нашей литературѣ глубокой слѣдъ: остается возможнымъ разысканіе—въ чемъ именно состояло его вліяніе; какая черта его дѣятельности оказывала то сильное дѣйствіе на его современниковъ и преемниковъ, которое составляетъ именно его историческую силу; какое мѣсто имѣла здѣсь чисто-художественная сторона его труда и какое принадлежало его теоретическимъ, литературнымъ и общественнымъ, идеямъ; наконецъ, въ чемъ заключалось содержаніе этихъ идей, какія ступени проходилъ Пушкинъ въ ихъ развитіи и какая была ихъ реальная цѣнность? Большинство критиковъ или панегиристовъ Пушкина съ той или другой точки зрѣнія довольствовались обыкновенно подборомъ мнѣній, отдѣльныхъ мыслей и поэтическихъ картинъ въ подкрѣпленіе той или другой характеристики его содержанія; очевидно, что подобное соединеніе отрывочно набираемыхъ подробностей хотя и дастъ образчики пушкинскаго содержанія, но не сообщитъ точнаго представленія объ исторической послѣдовательности взглядовъ и поэтическихъ мечтаній Пушкина. Дѣло въ томъ, что Пушкинъ далеко не всегда былъ равенъ самому себѣ; онъ не однажды отвергалъ то, чѣмъ прежде увлекался, свергалъ старыхъ идоловъ и воздвигалъ новыхъ... Нужно, наконецъ, съ точностію опредѣлить, почему и какъ совершались эти повороты его мысли, насколько и чѣмъ его взгляды въ ту или другую эпоху были мотивированы, и какая сторона ихъ, отразившись въ его произведеніяхъ, оказалась наиболее плодотворной въ его современномъ и послѣдующемъ историческомъ вліяніи. Многіе изъ прежнихъ и новѣйшихъ критиковъ Пушкина видѣли важность этихъ вопросовъ. Уже современники Пушкина, критики двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, отличали въ его дѣятельности нѣсколько различныхъ періодовъ. Бѣлинскій, имѣвшій въ виду всего болѣе чисто-художественную сторону его творчества, давалъ указанія и о характерѣ его теоретическихъ и общественныхъ мнѣній. Анненковъ впервые отыскивалъ біографическій ключъ въ объясненію его внутренняго развитія, и критика 50-хъ годовъ

уже настаивала на необходимости болѣе полного историческаго комментарія...

Новѣйшіе историки Пушкина, какъ видно изъ многихъ приведенныхъ выше цитатъ; относятся вообще съ недоувѣріемъ къ прежнимъ оцѣнкамъ Пушкина. Не говоря о мнѣніяхъ современной Пушкину литературы, о которой принято думать какъ о ребяческомъ непониманіи поэта, критика Бѣлинскаго кажется односторонней и недостаточной, критика 60-хъ годовъ (т.-е. собственно статьи Писарева) приравнивается къ злобнымъ выходкамъ гонителей Пушкина при его жизни, и т. д. Но эти осужденія, какъ мы частью замѣчали прежде, не совсѣмъ основательны. Понятно само собою, что современникамъ Пушкинъ никакъ не могъ представляться во всей той полнотѣ его дѣятельности, какую мы знаемъ теперь; въ этой полнотѣ созданія Пушкина не были знакомы даже ближайшему послѣ него литературному поколѣнію, которому была недоступна и біографическая исторія его развитія. Прошло нѣсколько лѣтъ по смерти поэта, когда явились извѣстные дополнительные томы, съ рядомъ новыхъ замѣчательныхъ его произведеній, и лишь отъ изданія Анненкова началась реставрація Пушкина во всемъ объемѣ его поэтическихъ замысловъ и дѣятельности. Только съ теченіемъ времени, когда шло впередъ развитіе литературы, расширялся опытъ, накоплялись данныя о самой біографіи Пушкина, становилось возможнымъ опредѣленіе его историческаго вліянія. Но уже давно замѣчено было, что не только критика Бѣлинскаго была гораздо шире, яснѣе и многозначительнѣе, чѣмъ о ней начинали думать впослѣдствіи, но что даже критика, современная самому Пушкину, не была настолько лишена значенія, чтобы ее можно было обойти съ пренебреженіемъ или думать, что Пушкинъ оставался въ свое время непонятымъ. Значеніе Пушкина для общества его времени остается еще не вполне выясненнымъ; но критика 50-хъ годовъ уже обратила вниманіе на эту историческую черту и указала рядомъ эпизодическихъ примѣровъ, что современники Пушкина, видѣвшіе самое начало его дѣятельности и слѣдившіе за каждымъ новымъ ея фактомъ, хорошо видѣли всю великость совершавшагося на ихъ глазахъ литературнаго явленія, отдавали ему самое восторженное сочувствіе и возлагали на него самыя широкія надежды для будущаго русской литературы. Таково было отношеніе къ Пушкину „Московскаго Телеграфа“, издававшагося Полевымъ, и „Телескопа“, издававшагося Надеждинымъ, не говоря о тѣхъ восторгахъ, съ каковыми встрѣчались произведенія Пушкина въ кругу его друзей. Шумная слава, окружившая Пушкина съ его первыхъ юныхъ шаговъ

и какой не имѣлъ ни одинъ изъ нашихъ поэтовъ ни прежде, ни послѣ, показываетъ, что вся масса общества поддалась увлекающей прелести его поэзіи... Полевой и Надеждинъ не были друзьями Пушкина: въ свое время эти недружелюбныя отношенія были извѣстны (въ открывшихся позднѣе письмахъ и замѣткахъ Пушкина нашлись новыя ихъ подробности), но даже въ самомъ ихъ разгарѣ оба эти критика высказывали искренно свое удивленіе великому таланту, а если выступали противъ него, то имѣли на это свои большія или меньшія основанія... Въ этомъ не трудно убѣдиться, обратившись къ литературнымъ фактамъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, и то, что мы узнаемъ теперь изъ біографіи Пушкина, объясняетъ между прочимъ и эти полемическіе раздоры, которые не лишены значенія въ литературной судьбѣ Пушкина. Въ томъ отдаленіи, въ какомъ мы рассматриваемъ теперь великаго писателя, отъ насъ вѣроятно ускользаютъ многіе отѣнки старыхъ отношеній. Распространено мнѣніе, что Пушкинъ не былъ достаточно оцѣненъ современниками; приводится въ доказательство, напримѣръ, то, что ими не было понято одно изъ величайшихъ произведеній Пушкина, „Борисъ Годуновъ“; что въ послѣдніе годы жизни поэта шли толки объ упадкѣ его таланта, которые однако прекратились сами собой, когда, по смерти Пушкина, явились его неизданныя и неизвѣстныя раньше созданія. Но „Борисъ Годуновъ“ былъ очень высоко (хотя не безусловно) оцѣненъ Полевымъ и особливо Надеждинымъ; толки объ упадкѣ Пушкина объяснялись, во-первыхъ, тѣмъ простымъ фактомъ, что въ тѣ годы не являлось въ печати такихъ произведеній Пушкина, которыя своими достоинствами отвѣчали бы оживленному интересу, возбужденному его прежними созданіями; прибавлялось, вѣроятно, и то, что слышалось тогда о новыхъ свѣтскихъ и официальныхъ связяхъ Пушкина; безъ сомнѣнія, жадно ловились всѣ извѣстія о подобныхъ отношеніяхъ поэта, и, повидимому, эти извѣстія не всегда оставляли благопріятное впечатлѣніе. Едва ли не самымъ строгимъ критикомъ Пушкина былъ Надеждинъ; не всегда былъ онъ правъ въ своихъ нападеніяхъ, часто бывалъ рѣзокъ въ способѣ выраженія, но критика 50-хъ годовъ уже объяснила, что въ основѣ суровости лежали высокія требованія отъ литературы и отъ самого Пушкина, или что въ лицѣ Пушкина „Телескопъ“ говорилъ собирательно о цѣломъ характерѣ и судьбѣ тогдашней литературы <sup>1)</sup>... Что касается тѣхъ нападеній, какія шли противъ Пушкина изъ лагера псевдо-классическихъ старовѣ-

<sup>1)</sup> См. „Современникъ“, 1855, февраль, мартъ, іюль, августъ.



ровъ, дѣйствительно его не понимавшихъ, то эта категорія судей дѣликомъ принадлежала къ старому, отживавшему поколѣнію и еще раньше Пушкина (напр. у Батюшкова, въ первыхъ собраніяхъ „Арзамаса“ и проч.) становилась только предметомъ шутокъ и насмѣшекъ. Въ свое время нападенія съ этой стороны были съ избыткомъ вознаграждены успѣхомъ Пушкина въ молодомъ кругу.

Новѣйшія сужденія о Пушкинѣ утверждаютъ, съ двухъ разныхъ сторонъ <sup>1)</sup>, что эстетическая критика Бѣлинскаго (которую, впрочемъ, и Никольскій не усомнился назвать вдохновенной) не вполне обнимала значеніе Пушкина, что Бѣлинскій слишкомъ односторонне видѣлъ въ немъ только великаго художника и не видѣлъ поэта-гражданина; но точка зрѣнія Бѣлинскаго была объяснена критикой 50-хъ годовъ, и въ нареканіяхъ противъ Бѣлинскаго надо видѣть долю недоразумѣнія. Извѣстныя стороны Пушкина Бѣлинскій указать не могъ; но то, что указано, недостаточно оцѣнивается новѣйшими историками.

Что Пушкинъ прежде всего и сильнѣе всего дѣйствовалъ именно какъ художникъ, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія: „прелесть стиховъ“ была та первая могущественная сила, которая очаровала первыхъ поклонниковъ Пушкина; она множество разъ указывалась тогдашними критиками, даже тѣми, которые не были друзьями Пушкина, и эту „прелесть стиховъ“ самъ Пушкинъ въ знаменитомъ „Памятникѣ“ считалъ однимъ изъ главныхъ своихъ правъ на бессмертіе.

Было бы долго и почти излишне приводить примѣры того очарованія, какое производили первыя стихотворенія и поэмы Пушкина на тогдашнихъ читателей. Это слишкомъ извѣстно <sup>2)</sup>. Бѣлинскій объяснялъ, что величайшей заслугой Пушкина было именно то, что онъ впервые создалъ настоящую русскую литературу и массу русскихъ читателей. Въ самомъ дѣлѣ, до тѣхъ поръ литература была дѣломъ небольшого круга любителей; интересъ къ ней былъ случайный; она была „пріятнымъ и полезнымъ препровожденіемъ времени“, „лекарствомъ отъ скуки и задумчивости“, была „пріятна какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ“; торжественная ода старыхъ временъ имѣла какъ будто характеръ официальной бумаги, — словомъ, истинный литературный интересъ былъ дѣломъ тѣснаго круга людей, а для большинства тѣхъ,

<sup>1)</sup> Статьи г. Морозова; рѣчь В. Никольскаго.

<sup>2)</sup> Напомнимъ хоть одинъ примѣръ. Дельвигъ писалъ къ Пушкину въ Михайловское: „Никто изъ писателей русскихъ не поворачивалъ такъ каменными сердцами ланники, какъ ты“...

кто что-нибудь читалъ, былъ только пріятнымъ развлеченіемъ въ досужную минуту, безъ котораго въ крайнемъ случаѣ можно было совсѣмъ обойтись. Дѣятельность Карамзина дала первый намекъ на дѣйствительное значеніе литературы, какъ органа нравственной и художественной жизни общества, но настоящій переворотъ совершился съ появленіемъ Пушкина: его стихи встрѣчены были съ настоящимъ энтузіазмомъ; поэзія его не искала читателей, — напротивъ, они наперерывъ торопились прочесть каждую новую пьесу; кругъ читателей расширился вдругъ небывалымъ образомъ; въ первый разъ явилось настоящее наслажденіе поэзіей, которое сознательно или полусознательно ощущали и люди образованные, и люди едва книжные: — тѣхъ и другихъ подкупала красота и легкость родного языка, котораго они еще не знали въ такой изящной, роскошной формѣ. Мы скажемъ дальше, что Пушкинъ въ эту первую пору привлекалъ своихъ поклонниковъ и другими чертами своей поэзіи, тѣми легкими эпиграмматическими пьесами, которыя направлены были на интересъ минуты; но эти стихотворенія частію не всей массѣ были понятны, частію слишкомъ случайны; — но главнымъ образомъ дѣйствовали его общеизвѣстныя стихотворенія и поэмы, привлекательная сила которыхъ была вовсе не въ политическомъ намекѣ, а въ поэтической красотѣ. Первое значительное произведеніе Пушкина, которое было и первымъ большимъ успѣхомъ, была легкая романтическая поэма на сюжетъ народной сказки, который былъ здѣсь переработанъ со всей свободой поэтическаго каприза, обставленъ множествомъ легкихъ фантастическихъ украшеній, пересыпанъ слегка фривольными картинками — и въ цѣломъ поэма не представляла ни малѣйшаго общественнаго намека, ничего кромѣ поэтической игры воображенія. Успѣхъ „Руслана и Людмилы“ былъ исключительно успѣхъ чистой поэзіи, довольно слабо привязанной къ народному сюжету, который въ ту пору былъ и мало замѣченъ, за прелестью стиха и изяществомъ отдѣльныхъ подробностей. Слѣдующія поэмы, до самаго „Онѣгина“ были, правда, окрашены извѣстной тенденціей, отголосками байроническаго недовольства и скептицизма, но для массы читателей главную привлекательность ихъ составляла не общая мысль, а опять рядъ поэтическихъ картинъ, нанизанныхъ на романическую нить. Такъ и до конца: люди наиболѣе образованные (какъ лучшіе изъ тогдашнихъ критиковъ Пушкина) умѣли понять процессъ мысли Пушкина, угадывали тѣ колебанія его идей, какія мы ближе ихъ узнаемъ теперь изъ его оставшихся бумагъ, переписки, біографическихъ рассказовъ; — но для огромнаго большинства, можно сказать, для всей массы

его читателей Пушкинъ являлся всего больше, если не исключительно, поэтомъ, поражающимъ фантазію и чувство богатствомъ своихъ картинъ, возвышенностью поэтическаго настроенія, красотой образовъ, задушевностью чувства, остроуміемъ и изяществомъ стиха.

Бѣлинскій и за нимъ критика 50-хъ годовъ справедливо видѣли въ этомъ дѣйствіи Пушкина его первую и величайшую заслугу. Онъ твердо водворилъ поэзію въ нашей литературѣ; первый сдѣлалъ ее потребностью общества, необходимой стихіей его внутренней жизни. Онъ могъ совершить это дѣло прежде всего и выше всего какъ великій художникъ. Чтобы убѣдиться въ вѣрности этого сужденія, довольно оглянуться на то состояніе, въ какомъ находилась литература до Пушкина, какіе элементы ея доживали свой вѣкъ въ теченіе самой его дѣятельности. Предъ самымъ его появленіемъ шла борьба между „Бесѣдой“ и „Арзамасомъ“; нужно было еще защищать тѣ легкія и неглубокія нововведенія въ языкѣ и литературѣ, какія были сдѣланы Карамзиннымъ; первое произведеніе Пушкина, рядомъ съ восторгами новыхъ поколѣній, встрѣчено было злобнымъ шипѣніемъ поклонниковъ дряхлой псевдо-классической старины и ея напыщеннаго, тяжелаго полурусскаго языка. Пушкинъ не защищался отъ этихъ нападеній; они падали сами собой, и каждое новое произведеніе его было новымъ шагомъ въ будущую литературу. Сравненіе той почвы, какую онъ встрѣтилъ, съ его собственнымъ дѣломъ достаточно указываетъ его первую отличительную черту.

Но несправедливо думать, что въ упомянутой характеристикѣ Пушкина, какъ художника, разумѣлось только высокое формальное достоинство его произведеній. Съ понятіемъ художества соединялось понятіе о высшей дѣятельности человѣческаго духа; художникъ обладаетъ не только изящной формой, но и высокимъ настроеніемъ мысли, глубиной и тонкостью чувства; онъ обращается въ области идеала. Пушкинъ, какъ художникъ, былъ носителемъ идеи о достоинствѣ человѣческой личности, проникнуть былъ стремленіемъ къ правдѣ, глубокимъ гуманнымъ чувствомъ, убѣжденіемъ въ необходимости просвѣщенія и въ свободномъ дѣйствіи человѣческой мысли; наконецъ, онъ проникнуть былъ горячей любовью къ своему народу, къ его славѣ и величію... Новѣйшіе критики полагаютъ, что они дѣлаютъ открытіе, изображая въ Пушкинѣ пламеннаго патріота, защитника просвѣщенія, ревнителя общественныхъ успѣховъ, словомъ „поэта-гражданина“. Эти черты Пушкина вовсе не были неизвѣстны, и, сличивъ выводы, едва ли не придется отдать преимущество взглядамъ критика

40-хъ годовъ. Дѣло въ томъ, что Бѣлинскій отличалъ общее широкое настроеніе Пушкина, человѣчный характеръ его идей и поэзія, отъ его мнѣній по частнымъ реальнымъ вопросамъ; разница лишь въ томъ, что о нѣкоторыхъ чертахъ взглядовъ Пушкина Бѣлинскій въ свое время не могъ говорить, а другія раскрылись только позднѣе изъ новѣйшихъ біографическихъ изысканій; но тамъ, гдѣ Бѣлинскій имѣлъ передъ собою болѣе или менѣе ясныя обнаруженія частныхъ взглядовъ Пушкина по нѣкоторымъ общественнымъ вопросамъ, онъ не усомнился отвергать ихъ, если они казались ему невѣрны (напр. по поводу его аристократическихъ и консервативныхъ тенденцій), и тѣмъ больше убѣждался, что главное значеніе Пушкина для своего и позднѣйшаго времени есть его значеніе какъ художника, а не какъ общественнаго теоретика. Здѣсь, по его убѣжденію, Пушкинъ нерѣдко заблуждался, и это убѣжденіе было, безъ всякаго сомнѣнія, справедливо <sup>1)</sup>).

Современные панегиристы, полагая, что Пушкинъ недостаточно оцѣненъ былъ критикою 40-хъ и 50-хъ годовъ, обвиняютъ ее въ односторонности, въ непониманіи и недогадливости. Въ доказательство новѣйшаго пониманія ссылаются на чествованіе памяти Пушкина 1880 и 1887 годовъ, ссылаются даже на рѣчь Достоевскаго. Тутъ есть нѣкоторое недоразумѣніе. Сравнивъ тѣ нравственно-общественные выводы, какіе дѣлались въ эти послѣдніе годы изъ дѣятельности Пушкина, съ тѣми, какіе дѣлались въ сороковыхъ годахъ, мы едва ли не должны отдать предпочтеніе рѣшеніямъ Бѣлинскаго (съ упомянутыми выше оговорками): Пушкинъ здѣсь явится едва ли не въ болѣе точной оцѣнкѣ его историческаго вліянія и его художественнаго величія. Вспомнимъ, что въ эти послѣдніе годы Пушкинъ оказался героемъ для двухъ весьма несходныхъ сторонъ общественной мысли: въ немъ нашли своего человѣка, своего пророка — и тѣ, кто находилъ спасеніе Россіи въ неуклонномъ консерватизмѣ, и тѣ, для кого Пушкинъ былъ дорогъ именно какъ гениальный провозвѣстникъ народнаго просвѣщенія, прогресса и свободы. Въ самую минуту новѣйшихъ торжествъ чувствовалось, что здѣсь срывается какое-то противорѣчіе, и до сихъ поръ мы не видѣли попытки выяснить его, хотя оно несомнѣнно. Всматриваясь

<sup>1)</sup> Намъ случалось говорить прежде объ этомъ двойственномъ значеніи Пушкина („Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ“. Спб., 1873, гл. I, и „Новѣйшія изслѣдованія русской народности“, В. Европы 1883, февраль); намъ взглядъ, въ сущности, не измѣнился, и къ прежнимъ соображеніямъ мы прибавляемъ нѣкоторые новые факты.

безпристрастно въ эти двусторонніе панегирики, надо согласиться, что обѣ стороны имѣютъ свое основаніе: Пушкинъ даетъ свои волшебныя слова и тѣмъ, кто думаетъ, что формы нашей жизни закончены, что намъ остается только двигаться въ тѣхъ предѣлахъ, какіе поставлены прошедшимъ; но онъ даетъ ихъ и тѣмъ, кто убѣжденъ, что жизнь не можетъ стоять на мѣстѣ, что ей предстоитъ, напротивъ, работа развитія, отрицанія, исканія новыхъ идеаловъ для личнаго и для народнаго бытія. Увѣрившись въ этомъ, мы должны будемъ признать въ Пушкинѣ извѣстную двойственность, другими словами, извѣстное разнорѣчіе, и чтобы опредѣлить его, должно будетъ признать именно то различіе между Пушкинымъ-художникомъ и общественнымъ человекомъ, которое было видно Бѣлинскому и которое новѣйшіе критики хотятъ слить въ представленіи Пушкина какъ поэта-гражданина... Если мы спросимъ себя: какъ могли, однаго, эти разнородные элементы новѣйшаго общества соединиться въ единопдушномъ чествованіи Пушкина, объясненіе найдется именно въ этой высшей чертѣ личности Пушкина, въ этой необычайной художественности, которая нѣкогда увлекала его первыхъ, полусознательныхъ читателей, которая сдѣлала его могущественнымъ двигателемъ послѣдующей литературы, и которая продолжала теперь неодолимо властвовать надо всѣми, кто только поддается поэтическому очарованію, безъ различія „направленій“. Что касается, въ частности, общественныхъ идей Пушкина, одни, какъ мы видѣли, могли искренно и не безъ основанія считать его защитникомъ общественнаго status quo; другіе съ такимъ же правомъ увлекались общимъ гуманнымъ и просвѣтительнымъ настроеніемъ Пушкина; а то сильное возбужденіе, какимъ сопровождено было воспоминаніе о Пушкинѣ въ послѣдніе годы, имѣло, кажется, еще одно, довольно существенное, хотя только немногими сознаваемое, основаніе: въ предшествовавшія десятилѣтія мы пережили глубокой кризисъ, кризисъ исторической, затрогивавшій самыя капитальныя вопросы нашего просвѣщенія и народнаго развитія; въ теченіе его мы пережили много тяжелыхъ испытаній, много восторженныхъ надеждъ, кончившихся разочарованіями и часто равнодушіемъ; въ эту минуту воспоминаніе о Пушкинѣ, за которымъ исторія уже неопровержимо утвердила фактъ животворнаго вліянія на судьбу нашей литературы, т.-е. нашего самосознанія, это воспоминаніе являлось отвлеченной, но несокрушимой надеждой на будущее. Если разъ былъ Пушкинъ, если не подлежалъ сомнѣнію фактъ обширныхъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ литературой по его инициативѣ, то историческая

вѣроятность побуждала думать, что „благое дѣло“ не будетъ потеряно, являлась увѣренность, что оно будетъ совершаться и преодолѣть тѣ испытанія, какія ставитъ ему тяжелая дѣйствительность. Это нравственное убѣжденіе было нашимъ субъективнымъ мотивомъ, но, съ другой стороны, само оно принадлежитъ къ числу результатовъ вліяній Пушкина—какъ поэта-художника.

Переходя отъ чисто художественной стороны Пушкина, много разъ и единодушно оцѣненной, къ его теоретическимъ взглядамъ въ области нравственно-религіозной и общественно-бытовой, мы встрѣчаемся съ такимъ разнообразіемъ идей, не только мало сходныхъ, но прямо исключаютъ другъ друга, идей, частію принадлежавшихъ разнымъ эпохамъ его развитія, частію уживавшихся въ немъ въ одно и то же время, что опредѣлить ихъ одной системой очень трудно, вслѣдствіе чего и біографическая оцѣнка ихъ остается до сихъ поръ весьма различна. Новѣйшіе историки, которые хотя и видѣтъ въ Пушкинѣ поэта-гражданина, слѣдовательно поэта опредѣленныхъ общественныхъ идей, невольно сознаются въ этой трудности уловить его идейный характеръ <sup>1)</sup>. Остается изображать этотъ характеръ біографически. „Приливы и отливы“, „противорѣчія“, совершались не только въ душевныхъ настроеніяхъ, исходившихъ отъ опытовъ жизни, удачъ или невзгодъ, но происходили и въ самомъ существѣ его теоретическихъ понятій и общественныхъ взглядовъ.

Укажемъ вкратцѣ судьбу этихъ настроеній Пушкина и ту оцѣнку, которую находили они у его историковъ.

<sup>1)</sup> У одного изъ новѣйшихъ историковъ мы читаемъ:.. „По свойствамъ своего характера, Пушкинъ далеко не былъ тѣмъ, что называется „цѣльной натурой“: русская жизнь вообще, а въ его время въ особенности, вовсе не благоприятствовала выработкѣ такихъ цѣльныхъ натуръ, людей aus einem Guss (много ли подобныхъ типовъ представляетъ и теперь наша литература?). Оттого-то, въ минуты вдохновеннаго творчества, въ немъ часто пробуждались прежнія сомнѣнія, вносили въ его душу разладъ, приводили къ разочарованію, заставляли замкнуться въ самомъ себѣ, и съ презрѣніемъ, подобно Алеко, отвертываться отъ толпы, равнодушной къ усліямъ литературы:

Къ чему стадамъ дары свободы?  
Ихъ должно рѣзать или стричь... (1823).

Въ развратѣ каменѣете смѣло,  
Не оживитъ васъ лярнъ гласъ (1828).

„Затѣмъ въ поэтѣ снова воскресала вѣра и снова звала его „въ набѣги просвѣщенія, на приступы образованности“, къ борьбѣ на литературной аренѣ, которую онъ такъ сильно желалъ и такъ тщетно пытался расширить. Такихъ противорѣчій, приливовъ и отливовъ, у Пушкина было не мало“ (Морозовъ: „Пушкинъ въ русской литературѣ“, „Дѣло“, 1887, февраль, стр. 91).

Въ общемъ ходѣ литературнаго развитія, Пушкинъ, какъ извѣстно, тѣсно примыкаетъ къ своимъ ближайшимъ предшественникамъ — и къ Карамзину, который былъ его учителемъ въ исторіи, и къ Жуковскому и Батюшкову, которые только передъ тѣмъ на мѣсто окончательно вымиравшаго псевдо-классицизма ставили впервые новыя романтическія вѣянія, и рядомъ начинали реформу въ поэтическомъ языкѣ. Юноша-Пушкинъ сразу становился равнымъ товарищемъ съ авторитетными писателями и занялъ мѣсто въ пресловутомъ „Арзамасѣ“... Въ развитіи своихъ общественныхъ понятій онъ въ эту пору расходился, однако, съ своими литературными учителями и друзьями, и поддавался инымъ вліяніямъ, и именно въ кружкѣ молодыхъ, свѣтскихъ и военныхъ друзей воспринялъ тѣ впечатлѣнія политическихъ событій, которыя развили либерализмъ молодыхъ поколѣній второго и начала третьяго десятилѣтія. Юношескій умъ и чувство были увлечены великодушными мечтами о народной свободѣ, которыя тѣмъ сильнѣе овладѣвали молодыми умами, что казались естественнымъ результатомъ и дополненіемъ великаго подвига двѣнадцатаго года и „освобожденія Европы“, совершеннаго Россіей. Старшіе литературные друзья не только не могли раздѣлять либеральныхъ увлеченій, но, какъ Карамзинъ, сурово осуждали проявленія вольнодумства, къ каемъ приводилъ Пушкина молодой задоръ таланта и характера. Оказались двойственныя отношенія: старшіе друзья высоко цѣнили поэтическую гениальность юноши, не одобряли ни его либерализма, ни той молодой распущенности, въ какую онъ вдавался въ кругу своего офицерскаго пріятельства, но въ крайнихъ случаяхъ спасали Пушкина отъ большихъ бѣдъ. Пушкинъ былъ очень къ нимъ привязанъ, но его не меньше, если не больше, привлекалъ другой кружокъ: въ средѣ военной и свѣтской молодежи было не одно общество „зеленой лампы“, но и кружки людей иного характера, задавшихся общественными вопросами, мечтавшихъ о политическихъ преобразованіяхъ. Пушкинъ сначала въ Петербургѣ, т.-е. еще до 1820 года, потомъ на югѣ Россіи, встрѣчался съ цѣлымъ рядомъ лицъ, принадлежавшихъ къ тайному обществу и получившихъ потомъ извѣстность, нерѣдко трагическую. Онъ былъ въ тѣсныхъ дружескихъ связяхъ съ И. И. Пущинымъ, Чаадаевымъ, М. Ѳ. Орловымъ; болѣе или менѣе былъ близокъ съ Ник. Муравьевымъ, Раевскими А. Н. и В. Ѳ., Рылѣвымъ, А. Бестужевымъ, Охотниковымъ, В. Л. Давыдовымъ, Пестелемъ и др. Извѣстно, какъ привлекали Пушкина бесѣды съ этими людьми, которые потомъ почти поголовно стали „декабристами“; какъ

Пушкинъ подозрѣвалъ заговоръ, стремился самъ въ среду тайнаго общества; какъ прочны остались въ послѣдствіи его сочувствія къ этимъ людямъ, хотя онъ давно пересталъ сочувствовать ихъ политическимъ идеямъ, — какъ посылалъ онъ имъ привѣты въ „мрачныя пропасти земли“. Какъ ни положительно онъ осудилъ уже вскорѣ ихъ безразсудные планы, и сколько ни настаивали на этомъ нѣкоторые біографы, остается несомнѣннымъ, что именно въ средѣ этихъ отношеній воспитались тѣ благородныя общественныя идеи Пушкина, въ которыхъ указывается его высокое гражданское значеніе и которымъ, при всѣхъ послѣдующихъ колебаніяхъ и за нѣкоторыми изъятіями, онъ остался вѣренъ до конца <sup>1)</sup>. Въ этихъ идеяхъ заключалось иное пониманіе общественныхъ отношеній, чѣмъ то, какое господствовало въ правахъ: было здѣсь стремленіе къ самодѣятельности общественной и охранѣ личнаго достоинства, къ освобожденію крѣпостнаго народа, къ широкому просвѣщенію, къ свободѣ мысли и поэтическаго творчества.

Писатель, который съ наибольшимъ вниманіемъ старался изучить исторію внутренняго развитія Пушкина, Анненковъ, относится весьма недружелюбно къ эпохѣ, о которой мы говоримъ: ея умственныя движенія и политическіе запросы кажутся ему столь поверхностными, столь младенческими, что онъ рассказываетъ о нихъ, и въ томъ числѣ о тогдашнихъ, да и много позднѣйшихъ порывахъ Пушкина, если не въ тонѣ строгаго осужденія, то въ тонѣ нѣкотораго, иногда едва не пренебрежительнаго снисхожденія. Умственные интересы, увлекавшіе тогда молодой кружокъ, представляются Анненкову только какъ „необычайная и страстная влюбчивость въ идеи и представленія, попадавшія на глаза“, которая „сдѣлалась господствующей чертой нашего общества послѣ заграничныхъ войнъ и замѣняла ему настоящее образованіе“. Понятно, что европейская мысль, приходя къ намъ этимъ путемъ, „теряла на новосельѣ свои природныя формы и краски“, и что наши ея приверженцы принимали европейскія явленія „безъ всякаго масштаба для опредѣленія относительной ихъ величины и размѣра“, такъ что „идеи являлись тогда какъ кумиры, съ затерянной генеалогіей, но требовавшіе безусловнаго поклоненія“. Такимъ же образомъ не имѣли генеалогіи и общественныя идеи, взволновавшія тогдашніе умы, въ томъ числѣ и Пушкина... Говоря безотносительно, это было дѣйствительно такъ: эти идеи не имѣли источника въ самой русской

<sup>1)</sup> Ср. замѣчанія В. Якушкина въ статьѣ: „Радищевъ и Пушкинъ“.



жизни, принимались какъ готовые плоды чужой мысли, чужого труда—можно было думать, что если онѣ были восприняты такимъ внѣшнимъ образомъ, то и влияние ихъ должно было быть эфемерно и поверхностно. Но въ томъ и дѣло, что безотносительная точка зрѣнія совершенно непримѣнима здѣсь, какъ вообще въ исторіи всего новѣйшаго русскаго просвѣщенія: въ дѣйствительности идеи просвѣщенія не могли заимствоваться иначе, и это вовсе не осуждало ихъ на бесплодность. Съ тѣхъ поръ, какъ Россія стала на свою новую дорогу, вся исторія нашей образованности была примѣромъ безчисленныхъ проявленій этой самой „влюбчивости“; если науки не было и хотѣлось ее имѣть, если не было знакомства съ созданіями общечеловѣческой мысли и поэзіи отъ древнихъ до новѣйшихъ временъ и была потребность приобрѣсть его,—что оставалось дѣлать, какъ не обращаться къ чужому источнику; и удивительно ли, что на первый разъ усвоеніе было неполное, потому что въ своей средѣ и на своей почвѣ не къ чему пока было привить новыя знанія или новыя поэтическія идеи? Тѣмъ не менѣе, однако, трудъ не остался, въ концѣ концовъ, бесплоднымъ: рядъ частичныхъ, но ревностныхъ усвоеній создавалъ извѣстную наслѣдственность, и они бросали, наконецъ, зерна въ почву русскаго общества, и въ самомъ дѣлѣ, съ первыхъ десятилѣтій Петровской реформы мы встрѣчаемъ несомнѣнное свидѣтельство фактовъ, что едва усвоиваемыя знанія приносили свой результатъ, приносившіяся къ русскимъ условіямъ: весь ходъ нашей литературы прошлаго вѣка былъ рядомъ несомнѣнныхъ успѣховъ, мало-по-малу увѣщавшихъ дѣло литературы, расширявшихъ и ея содержаніе, и ея распространеніе въ обществѣ. Въ Александровскую эпоху совершалось то же самое: не такую ли „влюбчивостью“ въ идеи, попадавшія на глаза, была литературная дѣятельность Карамзина, Жуковскаго, Батюшкова, и никто, однако, не спорить, что она имѣла свои весьма полезныя слѣдствія. Надо прибавить, что „попадало на глаза“ часто именно то, къ чему стремились умственные и нравственные инстинкты самого русскаго общества. Подобнымъ образомъ увлеченія политическими идеями въ тогдашнихъ молодыхъ поволеніяхъ были естественнымъ явленіемъ нашей умственной жизни. Время, переживавшееся тогда въ самой Европѣ, было смутнымъ временемъ переворотовъ политическихъ, общественныхъ, умственныхъ и художественныхъ; само европейское общество, выбитое изъ колеи съ конца прошлаго вѣка, нѣкоторое время не могло отдать себѣ отчета въ происходившемъ; старый порядокъ вещей и старый складъ понятій видимо отходилъ въ прошедшее, но что должно

было замѣнить его, это было неясно и для самыхъ свѣтлыхъ умовъ, а тѣмъ болѣе для возбужденныхъ умовъ молодыхъ поколѣній. Первые два десятилѣтія въ самой Европѣ наполнены были броженіемъ идей политическихъ и культурныхъ, искавшимъ исцѣленія и въ крайнемъ либерализмѣ, и въ возвращеніи къ среднимъ вѣкамъ (они казались завидной эпохой!), и доходившимъ до размѣровъ фантастическихъ. Россія, удивительнымъ образомъ, тѣсно связалась тогда съ дѣлами западными; она была „освободительницей Европы“; русскій императоръ поочередно самъ увлекался то въ *европейскій* либерализмъ, то въ *европейскую* реакцію; Россія, зятая въ „Священный Союзъ“ съ Пруссіей и Австріей (собственно говоря, съ ихъ реакціонными элементами), вступала въ солидарность съ ходомъ внутренней жизни Европы; мудро ли, что образованнѣйшее русское молодое поколѣніе также подумало о своей солидарности съ другою стороною европейскаго движенія, именно прогрессивной? Извѣстно (и самъ Анненковъ это рассказываетъ), что наша реакція, начавшаяся вмѣстѣ съ европейскою, въ одно и то же время считала себя защитой чисто русскихъ началъ и охраной народныхъ преданій и руководилась чужими образцами <sup>1)</sup>. Анненкову надо было нѣсколько больше обратить вниманіе на это обстоятельство, чтобы видѣть, что „влюбчивость въ идеи, попадавшія на глаза“, не была недостаткомъ одного легковѣрнаго молодого поколѣнія, но практиковалась и признанными *тогда* столпами порядка, или, еще больше, что это была неизбѣжная черта нашей образованности, живущая—въ другихъ, конечно, размѣрахъ—и до настоящей минуты... Точно также Анненковъ только мимоходомъ, въ сноскѣ, дѣлаетъ признаніе, что среди слабыхъ и младенческихъ явленій тогдашней литературы были, однако, труды серьезные <sup>2)</sup>, „составлявшіе славу эпохи“. Писатели, какъ Н. Тургеневъ, Куницынъ, Велланскій, которыхъ вспоминаетъ Анненковъ, не подпадаютъ въ категорію легкомысленной молодежи того времени, но ихъ труды именно показываютъ, что въ основѣ и въ результатѣ „влюбчивости“ могли бывать и бывали очень серьезныя и жизненныя стремленія.

<sup>1)</sup> „Замѣчательно,—говоритъ Анненковъ,—что подъ псевдо-русскую народную охрану становились и реакціонныя ученія, поражающія своимъ чужевиднымъ, экзотическимъ характеромъ. Такъ, ультра-мистическое направленіе, водворившееся въ самомъ министерствѣ народнаго просвѣщенія, еще думало, что исполняетъ задачу, указанную ему всей старой русской исторіей“, и пр. „Пушкинъ въ Александровскую эпоху“, Спб. 1874, стр. 95.

<sup>2)</sup> Тамъ же, стр. 100, сноска.

Осудить политическія увлеченія первыхъ двадцатыхъ годовъ, осужденныя событіями, не составляетъ большого труда; происхождение и судьба ихъ были не разъ объясняемы; въ настоящемъ случаѣ довольно замѣтить лишь то первоначальное настроеніе, изъ котораго выходили либералы двадцатыхъ годовъ и которое одно, безъ его дальнѣйшихъ развитій, имѣло свое вліяніе на Пушкина. Либеральный кругъ, въ которомъ онъ бывалъ и которымъ увлекался, довольствовался тогда лишь теоретическими разсужденіями о положеніи вещей въ Россіи; онъ не шелъ далѣе критики и далѣе отвлеченныхъ предположеній о томъ, какія нужны были бы преобразованія для улучшенія нашего порядка вещей. Въ этихъ толкахъ былъ зародышъ общественнаго мнѣнія, и разъ сознательная мысль людей образованныхъ направлялась на предметы нашего внутренняго быта, то не требовалось особенной „влюбчивости въ идеи“, чтобы видѣть вошіющіе недостатки этого быта, и не далеко было искать средствъ исцѣленія, потому что они указывались уже съ конца XVIII вѣка; напр., какъ необходимость устраненія произвола и поднятія чувства человѣческаго достоинства и права указывалась въ „Наказѣ“ самой Екатерины, какъ необходимость освобожденія крестьянъ указывалась Радищевымъ. Въ сочувствіяхъ Пушкина этому либерализму не было ничего предосудительнаго; біографы Пушкина обыкновенно осуждаютъ памфлетическія стихотворенія и эпиграммы изъ этой поры какъ увлеченія молодости, отъ которыхъ онъ послѣ самъ отревался. Но они составляютъ, тѣмъ не менѣе, любопытную черту тогдашней общественной жизни и развитія самого Пушкина; за двумя-тремя исключеніями, дѣйствительно излишне необузданными и объясняемыми увлеченіемъ крайней и притомъ пылкой молодости, эти произведенія вовсе не служатъ къ ущербу его достоинства. Это были порывы сказать правду при безсиліи общественнаго мнѣнія, язвительное обличеніе людей и вещей, которые дѣйствительно наносили вредъ обществу: Аракчеевъ, кн. Голицынъ, Фотій и пр. — вотъ были люди, противъ которыхъ направлялось остроуміе его эпиграммъ. Нѣкоторые изъ біографовъ оплакиваютъ эпиграмму противъ „Исторіи“ Карамзина; это была, конечно, шутка, не исключавшая уваженія въ великому труду, но отмѣчавшая тенденцію, которая дѣйствительно присутствуетъ въ „Исторіи“... Надо вспомнить существовавшіе нравы <sup>1)</sup>, чтобы не возставать противъ памфлетическихъ стихотвореній, которыя

<sup>1)</sup> Имъ ужасается иногда самъ біографъ Пушкина; см. Анненкова, въ той же книгѣ, стр. 144; онъ „не безъ стыда за свое довольно давнее прошлое“ говоритъ объ одной чертѣ тогдашняго общественнаго положенія.

оставались единственнымъ удовлетвореніемъ общества за совершавшіеся безобразные факты; возможно ли было иначе подать голосъ противъ нихъ, или нужно было принимать ихъ молча?

Эти легкія произведенія быстро распространялись въ обществѣ; скоро явились и подражанія, иногда столь удачныя, что ихъ приписывали тому же Пушкину. Это было взаимное пониманіе, которое въ такой степени явилось едва ли не въ первый разъ въ нашей литературѣ.

Сохранились современные свидѣтельства, указывающія, какое значеніе имѣла эта легкая, почти устная, памфлетическая литература въ свое время. Одинъ современникъ рассказываетъ, что Пушкинъ удивился однажды, услышавъ отъ него одно изъ своихъ стихотвореній этого рода („Ура! въ Россію скачетъ“), которое считалъ неизвѣстнымъ публикѣ. „А между тѣмъ, всѣ его ненапечатанныя стихотворенія: *Деревня*, *Кимжаль*, *Четырехстишіе Аракчееву*, *Посланіе къ Петру Чаадаеву* и много другихъ, были не только всѣмъ извѣстны, но въ то время не было сколько-нибудь грамотнаго прапорщика въ арміи, который не зналъ бы ихъ наизусть“. Тотъ же авторъ пишетъ: „Вообще Пушкинъ былъ отголосокъ своего поколѣнія, со всѣми его недостатками и со всѣми добродѣтелями. И вотъ, можетъ быть, почему онъ былъ поэтъ истинно народный, какихъ не бывало прежде въ Россіи“. Это было писано долго спустя послѣ событій. Гораздо раньше этихъ воспоминаній, въ концѣ двадцатыхъ годовъ, говорилъ о томъ же другой современникъ, Полевой, который, объясняя тогдашнее увлеченіе молодыхъ поколѣній Пушкинымъ, писалъ: „Не разнообразный геній его, не прелесть картинъ увлекали современную молодежь, а звучные стихи, изображавшіе *ихъ мысль*. Можно утвердительно сказать, что имя Пушкина всего болѣе сдѣлалось извѣстно въ Россіи по нѣкоторымъ его мелкимъ стихотвореніямъ, нынѣ забытымъ, но въ свое время ходившимъ по рукамъ во множествѣ списковъ“<sup>1)</sup>.

Правда, эта памфлетическая литература была слишкомъ случайна и отрывочна, такъ что легко поддается осужденіямъ біографовъ въ легкомысленной шалости; но какъ иначе можно было передать (не говоримъ о томъ, чтобы передать въ какомъ-либо произведеніи, доступномъ для печати) то настроеніе, какое тутъ предполагается? Вообще отъ той эпохи осталось немного произведеній, которыя съ нѣкоторой полнотой и точностью выдавали бы тогдашнія общественныя мысли Пушкина; но остатки

<sup>1)</sup> „Московскій Телеграфъ“, 1829, т. 27, стр. 227.

тогдашней переписки, немногія сохранившіяся замѣтки даютъ намеки на то, что его взгляды общественные и историческіе отвѣчали его критическому отношенію къ упомянутымъ современнымъ фактамъ и дѣятелямъ, и не были похожи на то, чѣмъ стали впоследствии. Въ этомъ отношеніи наиболѣе любопытна не разъ цитированная въ послѣдніе годы такъ-называемая кипиневская замѣтка Пушкина 1822 года, гдѣ онъ набросалъ свои мысли о ходѣ русской исторіи <sup>1)</sup>. Анненковъ, который былъ вообще строгимъ судьей Пушкина за время его молодости, подвергъ сомнѣнію его правоспособность судить о предметѣ, какъ сомнѣвался вообще въ компетентности тогдашнихъ либераловъ по этому вопросу. Онъ замѣчаетъ не безъ основанія, что тогдашняя точка зрѣнія на русскую исторію была слишкомъ априористическая и не опиралась на точномъ изученіи русскихъ фактовъ, основанномъ не на вычитанныхъ теоріяхъ, а на собственномъ смыслѣ этихъ фактовъ. Замѣчаніе справедливо, но относится не къ извѣстнымъ лицамъ, а къ цѣлой эпохѣ, ко всему положенію нашей исторіографіи въ тѣ времена, и можетъ быть отнесено къ самому Карамзину. Наша исторіографія развѣ только въ послѣдніе годы начинаетъ приобретать ту теоретическую самостоятельность, о которой говоритъ біографъ Пушкина. Въ то время историческое изученіе вообще было слишкомъ скудно; едва начиналась предварительная разработка данныхъ, которая должна составлять первый шагъ исторіографіи; отъ упрека въ построеніи исторіи а priori не свободенъ самъ Карамзинъ, основная мысль котораго о значеніи древняго періода была ошибочна,—и либералы двадцатыхъ годовъ догадались объ этомъ при самомъ появленіи „Исторіи государства російскаго“. Они не были, конечно, судьями въ спеціальной исторической критикѣ; но книга Карамзина была и публицистическимъ поученіемъ, которое адресовано было къ современникамъ, и у этихъ послѣднихъ едва ли можно было бы отрицать право высказаться относительно значенія проповѣди, въ нимъ обращенной... Итакъ, сужденія не иначе, какъ а priori, были неизбѣжны по всему положенію дѣла, а съ другой стороны, нѣкоторыя существенныя черты историческаго прошлаго, особливо не очень тогда давняго, могли быть понятны по близкому преданію и по фактамъ современнымъ. Кипиневская замѣтка дѣйствительно вовсе не такъ легкомысленна, какъ это можетъ казаться по отзывамъ біографовъ объ этомъ періодѣ жизни Пушкина. Замѣтка посвящена нашей исторіи

<sup>1)</sup> Сочиненія Пушкина, въ изданіи Лѣт. Фонда, т. V, стр. 10—14.

XVIII-го вѣка, — той исторіи, которую въ то время можно было наблюдать еще по живымъ слѣдамъ. Замѣтка представляетъ рядъ любопытныхъ сужденій о герояхъ и героиняхъ нашего XVIII-го вѣка, сужденій замѣчательныхъ уже тѣмъ, что онѣ замѣняли критикой тотъ панегирический тонъ, который господствовалъ въ нашей литературѣ безраздѣльно по этому предмету и частію господствуетъ до сихъ поръ. Мысли Пушкина по всей вѣроятности вызваны были бесѣдами въ кружкѣ его либеральныхъ друзей, и если впоследствии сложилась у него политическая теорія съ явнымъ аристократическимъ отбѣнкомъ и вмѣстѣ сильно консервативная, то въ эту раннюю пору мы находимъ, напротивъ, отношеніе къ аристократіи весьма неблагопріятное. Въ теченіе XVIII-го вѣка Пушкинъ видитъ попытки аристократіи ограничить самодержавіе въ свою пользу: „къ счастью, хитрость государей торжествовала надъ честолюбіемъ вельможъ, и образъ правленія остался непривосновеннымъ. Это спасло насъ отъ *чудовищнаго феодализма* и существованіе народа не отдѣлилось вѣчною чертою отъ существованія дворянъ. Если бы гордые замыслы Долгорукихъ и пр. совершились, то владѣльцы душъ, сильные своими правами, всѣми силами затруднили бы или даже вовсе уничтожили способы освобожденія людей крѣпостнаго состоянія, ограничили бы число дворянъ и заградили бы для прочихъ сословій путь къ достиженію должностей и почестей государственныхъ. Одно только страшное потрясеніе могло бы уничтожить въ Россіи закоренѣлое рабство; нынче же политическая наша свобода неразлучна съ освобожденіемъ крестьянъ; желаніе лучшаго соединяетъ всѣ состоянія противу общаго зла, а твердое, мирное единодушіе можетъ скоро поставить насъ на ряду съ просвѣщенными народами Европы“. Дальше онъ замѣчаетъ, что памятниками неудачной борьбы „аристократіи съ деспотизмомъ“ остались два указа Петра III о вольности дворянъ, „указы, коими предки наши столько гордились и коихъ, справедливѣе, должны были бы стыдиться“. Не приводимъ дальнѣйшихъ мнѣній Пушкина о временахъ Екатерины — о жестокости правленія „подъ личиною кротости и терпимости“, о всеобщей продажности, о закрѣпощеніи милліона свободныхъ людей, о преслѣдованіяхъ литературы, о „непристойной фарсѣ депутатовъ“, о „лицемѣрномъ“ Наказѣ и т. д., — мнѣній, представляющихъ весьма ясное пониманіе вещей и до сихъ поръ еще не развитое въ нашихъ изученіяхъ той эпохи... Тому взгляду біографовъ, который осуждаетъ идеи Пушкина двадцатыхъ годовъ, можно противопоставить впечатлѣніе современнаго ученаго историка. „Наша исторіо-

графія ничего не выиграла ни въ *правдивости*, ни въ занимательности, долго развивая взглядъ на нашъ XVIII вѣкъ, противоположный высказанному Пушкинымъ въ одной кишиневской замѣткѣ 1822 г.“<sup>1)</sup>

Во время пребыванія на югѣ Россіи, Пушкинъ продолжалъ встрѣчаться съ кругомъ людей, въ средѣ которыхъ образовались указанныя сейчасъ его мнѣнія. Къ этому времени относится и вліяніе Байрона. Много разъ было объяснено, что хотя одно время великій англійскій поэтъ имѣлъ сильное вліяніе на Пушкина, но что, собственно говоря, это были двѣ природы и два настроенія слишкомъ различныя, чтобы можно было ожидать у Пушкина дѣйствительныхъ отголосковъ байроновскихъ идей. Ни складъ понятій Пушкина, ни характеръ общества, въ которомъ онъ жилъ и къ которому обращался, не давали мѣста байроновскому отрицанію, но въ извѣстномъ отношеніи оно совпадало съ характеромъ нашего поэта; байронизмъ укрѣплялъ въ Пушкинѣ сознаніе личнаго достоинства и поэтической свободы, и съ другой стороны поддерживалъ отрицательное отношеніе къ условнымъ понятіямъ и требованіямъ пустаго и испорченнаго общества. Вліяніе Байрона было кратковременно, — но оно не случайно совпадало съ особымъ подъемомъ критическихъ запросовъ Пушкина въ исторіи и общественной дѣятельности, хотя въ „русскомъ байронизмѣ“ была и та обратная сторона, на которой особенно настаиваетъ Анненковъ<sup>2)</sup>. Новая ступень развитія Пушкина совпадаетъ съ двухлѣтнимъ пребываніемъ въ Михайловскомъ. Больше чѣмъ когда-нибудь предоставленный самому себѣ въ невольномъ уединеніи, Пушкинъ обдумалъ вновь многое изъ прежняго содержанія своихъ идей и нашелъ новые интересы, которымъ прежде еще никогда не посвящалъ столько вниманія. Это въ особенности интересы исторіи и народности. Извѣстны результаты этого новаго направленія его мысли и поэзіи, главнымъ изъ которыхъ было на первый разъ созданіе „Бориса Годунова“. Тогда же готовился и большой поворотъ въ его понятіяхъ общественныхъ. Извѣстенъ рассказъ о томъ, какъ одна случайность удержала его отъ поѣздки въ Петербургъ въ концѣ 1825 года, которая, вѣроятно, сопровождалась бы печальными осложненіями; но въ сущности онъ въ это время былъ уже далекъ отъ настроенія прежнихъ друзей, — съ планами которыхъ, впрочемъ, никогда не былъ вполне солида-

<sup>1)</sup> Рѣчь В. О. Ключевского на Пушкинскомъ торжествѣ 1880 года, въ московскомъ университетѣ.

<sup>2)</sup> „Пушкинъ въ Александровскую эпоху“, гл. V.

рентъ. Въ его письмахъ отъ 1825—1826 года видно высокое понятіе о самомъ себѣ, сильное чувство своей независимости, но видно также, что мысли его идутъ въ болѣе спокойномъ направленіи. Событія 1825—1826 года должны были поразить Пушкина, но едва ли онѣ произвели какія-нибудь личныя соображенія: онѣ подѣйствовали на него общимъ характеромъ историческаго факта. Трезвый умъ Пушкина не могъ остановиться на фантастическихъ ожиданіяхъ; нѣкоторые изъ его новѣйшихъ критиковъ вѣрно подмѣтили ту черту его дѣятельной и подвижной натуры, которая заставляла его искать выхода изъ неопредѣленныхъ положеній и находить новую дѣятельность въ измѣнявшихся условіяхъ, — черта, которую назвали оппортунизмомъ. Нѣтъ сомнѣнія, это былъ не узкій оппортунизмъ личнаго честолюбія, но потребность дѣятельности, заставлявшая приноравливаться къ тѣмъ неодолимымъ условіямъ, какія давались всѣмъ ходомъ событій и внѣ которыхъ она была немислима. До извѣстной амністіи, Пушкинъ выражалъ уже въ письмахъ къ Жуковскому готовность „примириться съ правительствомъ“, — но условіемъ была личная независимость; онъ желалъ только простора для своей собственной дѣятельности, для которой намѣчалась уже другая дорога. Высокое вниманіе императора Николая окончательно утвердило его въ его новомъ направленіи; онъ мечталъ въ ту пору, что предстоитъ порядоѣ вещей, съ которыми могутъ вполне совпасть его собственные стремленія. Отъ своего стараго либерализма онъ отказывался; онъ оставался вѣренъ только прежнимъ убѣжденіямъ въ необходимости просвѣщенія и полагалъ, что въ новомъ порядоѣ вещей найдетъ просторъ и для своей литературной дѣятельности. Въ первую минуту, когда положеніе еще не выяснилось, эти предположенія были возможны; но при извѣстномъ характерѣ второй четверти столѣтія довольно трудно представить себѣ, какимъ образомъ Пушкинъ могъ питать эти надежды и тогда, когда уже вскорѣ ему пришлось испытать крайнее стѣсненіе для своей собственной дѣятельности и пренебрежительное недовѣріе исполнителей, несмотря на покровительство и довѣріе самого императора. Надо было обманывать себя иллюзіями, и Пушкинъ не разъ отдавался ожиданіямъ, которыя были мало основательны и въ ту пору дѣйствительно никогда не были осуществлены. Между тѣмъ онъ входилъ въ свою новую роль — просвѣщеннаго консерватизма, который считалъ тогда существующимъ и признаннымъ. Въ своей запискѣ о „народномъ воспитаніи“ (ноябрь, 1826), составленной по официальному приглашенію и только недавно сдѣланшейся извѣстною, Пушкинъ говоритъ на подобіе того, какъ го-



ворилъ бы оффиціозный публицистъ понимающій или угадывающій виды правительства. Впослѣдствіи онъ дѣйствительно надѣялся (хотя планъ не осуществился) стать такимъ публицистомъ, дѣйствующимъ для выясненія видовъ власти въ обществѣ и вмѣстѣ для выраженія лучшей части общественнаго мнѣнія. Само собою разумѣется, что въ этихъ планахъ онъ былъ совершенно искрененъ; онъ убѣждалъ себя, что могутъ нуждаться въ томъ содѣйствіи, которое онъ предлагалъ,—онъ ошибся въ этомъ: въ глазахъ людей, отъ которыхъ ближайшимъ образомъ зависѣло дѣло, онъ все еще былъ опасный либераль, хотя на дѣлѣ онъ въ это время уже высказывалъ мнѣнія, которыя далеко не были похожи на либеральныя; да вообще въ этомъ и не нуждались.

И теперь, какъ въ прежнее время, въ его умѣ и чувствахъ сталкивались противорѣчивыя стремленія. Передъ нимъ неизмѣнно держался возвышенный, нѣсколько отвлеченный идеалъ свободнаго поэта-проповѣдника; онъ стремился служить просвѣщенію, добру и правдѣ, но въ практическихъ примѣненіяхъ его не разъ оставляла эта широта его идеаловъ, и въ усердіи неофита онъ становился на защиту консерватизма даже тамъ, гдѣ не дѣлали этого прямые его органы. Его мнѣнія совпадали не разъ съ извѣстнымъ настроеніемъ второй четверти столѣтія. Таковы разные факты его дѣятельности за послѣдніе годы его жизни: записка о воспитаніи, участіе въ запискѣ князя Вяземскаго по поводу Устрялова и Полевого, отзывы о якобинизмѣ того же Полевого <sup>1)</sup>, статьи о Радищевѣ и т. п.

Въ нѣкоторыхъ его стихотвореніяхъ изъ той поры, въ его перепискѣ и отрывкахъ изъ дневника можно не разъ наблюдать это настроеніе. Правда, рядомъ съ этимъ и въ то время высказываются опять идеальныя представленія о значеніи литературы, о достоинствѣ поэзіи, о долгѣ писателя, но практическія примѣненія не отвѣчали возвышенному тону идеала. Многіе изъ тѣхъ фактовъ, на которые мы указываемъ, стали извѣстны только биографически, но настроеніе Пушкина было замѣчено въ свое время и подавало поводъ въ тѣмъ холоднымъ отзывамъ, какіе не разъ повторялись въ тогдашней литературѣ въ послѣдніе годы его жизни <sup>2)</sup>.

Почти странно, что эта внутренняя исторія Пушкина до сихъ поръ не была изложена со всей полнотой и послѣдовательностью,

<sup>1)</sup> Сочиненія Пушкина, изд. Литер. Фонда, т. V, стр. 204.

<sup>2)</sup> См., напр., лодовитую пародію на стихотвореніе Пушкина „Чернь“—подъ заглавіемъ „Поэтъ“,—въ „Телеграфѣ“, 1882 г. 44, № 8, камеръ-обскура, стр. 158, перепечатанную въ „Современникѣ“, 1855, № 7, стр. 6—7.

какихъ требовала бы. Наиболѣе труда положилъ на это Анненковъ, но въ старыхъ „Матеріалахъ“ онъ былъ до того стѣсненъ въ своемъ изложеніи, что нѣкоторыхъ фактовъ не могъ воснутья вовсе, о другихъ вынужденъ былъ говорить такъ темно, что его собственныя „объясненія“ требовали со стороны читателя работы надъ разрѣшеніемъ намековъ и умолчаній; затѣмъ безъ этихъ стѣсненій онъ разсказалъ снова жизнь Пушкина въ Александровскую эпоху и наконецъ, обратившись еще разъ къ источникамъ, которыхъ не могъ излагать сполна въ „Матеріалахъ“, далъ ихъ въ видѣ комментарія къ отдѣльнымъ документамъ<sup>1)</sup>. Къ этому прибавились потомъ лишь немногія другія розысканія объ отдѣльныхъ произведеніяхъ Пушкина, новые отрывки изъ его бумагъ, новыя дополненія къ его перепискѣ и т. д., но все это до сихъ поръ не завершено дѣльнымъ изслѣдованіемъ. Остановимся здѣсь на нѣкоторыхъ частностяхъ.

Тотъ консервативный характеръ, какой приняли мысли Пушкина во времени новаго царствованія, обнаружился какъ въ его литературныхъ представленіяхъ, такъ и въ теоріяхъ политическихъ. Самыхъ давнихъ источниковъ того и другого надо искать еще въ Александровскую эпоху. Анненковъ, у котораго вообще разбросано много тонкихъ историческихъ и психологическихъ наблюдений, доказываетъ, съ одной стороны, сильное вліяніе „Арзамаса“ на складъ литературныхъ понятій Пушкина, оставшееся на всю его жизнь, съ другой—въ вольнолюбивыхъ мечтахъ Пушкина отмѣчаетъ уже за то время „аристократическій радикализмъ“, который путемъ легкой переработки могъ превратиться въ его позднѣйшія теоріи желаемого возстановленія роли стараго боярства и дворянства на службѣ самодержавія.

И въ старыхъ „Матеріалахъ“, и въ появившейся черезъ двадцать лѣтъ біографіи Пушкина за Александровское время, Анненковъ одинаково придаетъ большое значеніе упомянутому „Арзамасу“. Сказавъ о дружескихъ собраніяхъ „Арзамаса“, въ которомъ „веселое направленіе не мѣшало весьма строго цѣнить произведенія въ отношеніи правильности выраженія, вѣрности образовъ и выбора предметов“ и члены котораго вмѣшались потомъ въ споры, возникшіе по поводу первыхъ произведеній Пушкина, и въ ихъ защиту, Анненковъ говоритъ: „Такъ важно было вліяніе „Арзамаса“ на литературу нашу, и надо прибавить къ этому, что Пушкинъ уже сохранилъ навсегда уваженіе какъ къ лицамъ,

<sup>1)</sup> Въ статьяхъ: „Общественные идеалы Пушкина“, „Литературные проекты Пушкина“.

признаннымъ авторитетами въ средѣ его, такъ и къ самому способу дѣйствованія во имя идей, осужденныхъ цѣлымъ обществомъ. Онъ сильно порицалъ у друзей своихъ попытки разьединенія, проявившіяся одно время въ видѣ нападокъ на произведенія Жуковскаго и вообще всѣ такого же рода попытки, да и къ одному личному мнѣнію, становившемуся напереворъ мнѣнію общему, уже никогда не имѣлъ уваженія“<sup>1)</sup>. Въ біографіи Анненковъ подробно развилъ свое понятіе объ „Арзамасѣ“, который онъ ставитъ очень высоко въ ходѣ нашего общественнаго сознанія. „Арзамасъ,—говоритъ онъ,—представлялъ собственно партію молодыхъ людей, которые, опираясь на примѣръ Карамзина, отстаивали право каждаго человѣка, сознающаго въ себѣ нравственныя силы, отерывать для себя новыя дороги въ жизни и литературѣ. „Арзамасъ“ ставилъ ни во что напыщенность и торжественность выраженія, которыми многіе тогда удовлетворялись, и ненавидѣлъ пустую, трескучую фразу во всякомъ ея видѣ — либеральномъ или консервативномъ. Болѣе всего сопротивлялся онъ намѣренію водворить обязательныя правила для умственной и общественной дѣятельности своего времени, подозрѣвая тутъ замыселъ управлять нравственными стремленіями эпохи, не справляясь съ ней, и утвердить за нѣсколькими личностями право безапелляціоннаго суда надъ всѣми мнѣніями и начинаніями ея“<sup>2)</sup>... Подобно тому, какъ на литературной почвѣ чувство изящнаго, пониманіе таланта и силы въ изображеніяхъ замѣняло „Арзамасу“ эстетическія теоріи, такъ на политической, вмѣсто обдуманной программы, онъ обладалъ только живыми *инстинктами* свободы, стремленіями къ образованію и крѣпкими надеждами на общечеловѣческую, европейскую *науку*, какъ на лучшую исправительницу народныхъ и государственныхъ недостатковъ, а главное — онъ отличался непоколебимой вѣрой въ возможность соединенія коренныхъ основъ русской жизни и русскаго законодательства — монархизма и православія съ свободой лицъ, сословія и учреждений. Проводя эти убѣжденія, „Арзамасъ“ выражалъ истинную мысль своей эпохи, или, по крайней мѣрѣ, огромнаго большинства ея людей, между которыми были и руководители ея судьбы... Вообще „Арзамасъ“ представляетъ въ исторіи нашей общественности поучительный примѣръ собранія съ одними нравственными и образовательными цѣлями, формально просуществовавшаго ме-

<sup>1)</sup> Сочиненія Пушкина, Сиб. 1855, т. I, „Матеріалы для біографіи“, стр. 53.

<sup>2)</sup> Сказано нѣсколько неясно и противорѣчиво съ приведенными выше словами изъ „Матеріаловъ“.

нѣе трехъ лѣтъ, но оставившаго послѣ себя долгій слѣдъ и живую мысль, которая питала людей его, когда они уже были разсѣяны по свѣту. Долго сохраняли они свою либеральную окраску, одинаковое пониманіе европейскихъ идей и неотлагательныхъ нуждъ русскаго общества. Только гораздо позднѣе, въ половинѣ слѣдующаго царствованія, начинаетъ тускнѣть и загрубѣвать между ними единившая ихъ мысль; люди „Арзамаса“ називаютъ себѣ противоположныя цѣли, расходятся въ разныя стороны, и даже становятся отъявленными врагами другъ друга. Что касается Пушкина, онъ остался ему вѣренъ всю жизнь“<sup>1)</sup>.

Новѣйшіе историки литературы, какъ мы упоминали недавно по поводу Батюшкова<sup>2)</sup>, очень усомнились въ подобномъ значеніи „Арзамаса“, который дѣйствительно почти не обнаруживалъ своей коллективной дѣятельности, да едва ли и имѣлъ такіе опредѣленные взгляды, какіе приписываетъ ему Анненковъ. Проще, это былъ кружокъ людей, которые разъ сошлись въ это общество, но уже вскорѣ дѣйствовали разъединенно, безъ солидарности, приписанной имъ Анненковымъ, а въ концѣ концовъ оказались даже враждебными дѣятельности Пушкина. Идеи „Арзамаса“ не были затѣмъ и такъ широки и благотворны, какъ это кажется біографу Пушкина. Если дѣйствительно онъ имѣлъ на Пушкина такое вліяніе, то историческая роль „Арзамаса“ можетъ возбудить не мало недоумѣній, и не всегда вызоветъ сочувствіе. Практическія приложенія теоріи „Арзамаса“ не способствовали развитію „инстинктовъ свободы“ и уваженія къ общечеловѣческой наукѣ. — Одно изъ такихъ приложеній указываетъ самъ Анненковъ по поводу отношенія Пушкина къ „Московскому Телеграфу“. Вотъ слова Анненкова: „Въ холодности Пушкина къ этому изданію открываются, между прочимъ, черты характера, не лишеныя своего значенія и занимательности. Пушкинъ находилъ въ немъ болѣе хлопотливости вокругъ современной науки, чѣмъ изученія какой-либо части ея, и не одобрялъ хвастовства всякой чужой системой при первомъ ея появленіи, не позволявшемъ еще зрѣлаго обсужденія. По существу своему, журналъ вообще представляетъ болѣе наружный видъ всякаго дѣла, чѣмъ настоящій, истинный его смыслъ, и преслѣдовать это — значило именно отвергать жизненное условіе журнала. Всего же болѣе оскорбляло Пушкина то уничтоженіе авторитетовъ и литературныхъ репутацій, которое происходило отъ немедленнаго приложенія вычитан-

<sup>1)</sup> „А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху“, стр. 108 и слѣд.

<sup>2)</sup> „Названіе Пушкина“, „Вѣсти. Европы“ 1887, сентябрь.

ныхъ идей къ явленіямъ отечественной словесности. Несмотря на ловкость и остроуміе, съ какими иногда производились эти опыты, Пушкинъ не имѣлъ къ нимъ ни малѣйшаго сочувствія. При томъ не должно упускать изъ вида и весьма важнаго обстоятельства. Журналъ „Московскій Телеграфъ“ былъ совершенною противоположностію духу, господствовавшему у насъ въ эпоху литературныхъ обществъ; онъ ихъ замѣстилъ, образовавъ новое направление въ словесности и критикѣ. Съ его появленія, журналъ вообще приобрѣлъ свой голосъ въ дѣлѣ литературы, вмѣсто прежняго назначенія: быть открытой ареной для всѣхъ писателей, поприщемъ для людей съ самыми различными мнѣніями объ искусствѣ. Расположеніе литературныхъ обществъ къ своимъ сочленамъ, прямое участіе, такъ сказать, въ ихъ замыслахъ, близкое знакомство съ существенными качествами и недостатками ихъ таланта, отъ чего похвала и осужденіе принимаемы были добродушно и покорно самими подсудимыми—все это уже сдѣлалось тогда достояніемъ Исторіи нашей литературы. Пушкинъ, можно сказать, сохранялъ, долѣе многихъ своихъ товарищей, основныя убѣжденія стараго члена литературныхъ обществъ. Къ новому порядку вещей, гдѣ личное мнѣніе играло такую роль, онъ уже не могъ привыкнуть всю свою жизнь. Съ первыхъ же признаковъ его появленія, онъ началъ свою систему разсчитаннаго противодѣйствія, забывая иногда и то, что высказывалось по временамъ дѣльнаго и существеннаго противниками и постоянно имѣя въ виду только одно: возвратитъ критику въ руки малаго, избраннаго круга писателей, уже облеченнаго уваженіемъ и довѣренностію публики“<sup>1)</sup>.

Въ свое время это объясненіе Анненкова вызвало нѣкоторыя поправки. Критика 50-хъ годовъ по поводу приведенной цитаты находила, что объясненіе можетъ быть поставлено иначе: уничтожаемыя „литературныя репутаціи“ бывали незаслуженныя; „вычитанныя идеи“ болѣею частію были справедливы; „расположеніе литературныхъ обществъ къ своимъ сочленамъ“ равнялось превозношенію похвалами всѣхъ бездарныхъ знакомыхъ; „личное мнѣніе“, которое предполагалось Пушкинымъ въ журналѣ, по словамъ Анненкова, было, напротивъ, общественное мнѣніе, которымъ только и поддерживается журналъ, а не пересуды и похвалы тѣснаго кружка пріятелей, какъ прежде; дѣльное и существенное высказывалось въ журналѣ не „по временамъ“, а очень часто; „избранный кругъ писателей, облеченный уваженіемъ и

<sup>1)</sup> Соч. Пушкина, 1855, т. I, „Матеріалы“, стр. 182—184.

довѣренностью публики“ — напротивъ, довѣріемъ пользовались тогда его противники, и скорѣе можно бы сказать: „писателей, составившихъ между собою общество взаимнаго застрахованія отъ критики, какъ это бывало въ старину“. Критика 50-хъ годовъ объясняла вражду Пушкина къ Полевому враждою „Московского Телеграфа“ къ Дельвигу, къ князю Вяземскому, Катенину (на что „Телеграфъ“ имѣлъ свои основанія), интересы которыхъ Пушкинъ принялъ къ сердцу. „Это объясненіе, оправдывая Полевого, обнаруживаетъ съ тѣмъ вмѣстѣ и въ самыхъ увлеченіяхъ его великаго противника благородныя побужденія безграничной, безкорыстной преданности друзьямъ“. Но тѣ побужденія, какія выставляетъ Анненковъ, походили на стѣсненіе свободы критики, на нетерпимость въ пользу какой-то монополіи. Рассказывая позднѣе о публицистическихъ планахъ, занимавшихъ Пушкина въ послѣдніе годы его жизни, Анненковъ говоритъ, что для проведенія его идей (въ основѣ консервативныхъ) „требовался нѣкоторый просторъ мысли, нѣкоторая свобода въ оцѣнкѣ явленій“: „нельзя же было, въ самомъ дѣлѣ, призывать публику къ лучшему пониманію своего быта, хлопотать о поднятіи уровня политическихъ идей въ обществѣ, проповѣдывать спасительныя, ободряющія и укрѣпляющія истины, употребляя то же самое, полувнятное, пошлое бормотанье, которое служило тогдашней печати при передачѣ ея внутреннихъ и внѣшнихъ событій. Для успѣха распространенія новыхъ философско-политическихъ началъ между образованными людьми эпохи все-таки требовалось хотя бы подобіе мужественной рѣчи, нѣчто похожее на одушевленіе человека, проникнутаго своимъ предметомъ“ <sup>1)</sup>. Между тѣмъ вотъ въ какихъ выраженіяхъ Пушкинъ говоритъ въ своемъ дневникѣ о запрещеніи журнала Полевого: „Телеграфъ запрещенъ. Уваровъ представилъ государю выписки, веденныя нѣсколько мѣсяцевъ и обнаруживающія неблагонамѣренное направленіе, данное Полевымъ его журналу (выписки ведены Бруновымъ, по совѣту Блудова). Жуковский говоритъ: „Я радъ, что „Телеграфъ“ запрещенъ, хотя жалѣю, что запретили“. „Телеграфъ“ достоинъ былъ участи своей. Мудрено съ большею наглостью проповѣдывать яacobинизмъ (!) передъ носомъ правительства; но Полевой былъ баловень полиціи“. Характеристика направленія „Телеграфа“ какъ яacobинизма въ устахъ Пушкина не можетъ не произвести страннаго впечатлѣнія. И писавшій эти строки, и Жуковский, и Блу-

<sup>1)</sup> „Воспоминанія и критическіе очерки“, III, стр. 255.

довъ, и Уваровъ—все были арзамасцы <sup>1)</sup>. Нѣсколько позднѣе самъ Пушкинъ, разбирая „Мнѣніе Лобанова о духѣ словесности“ и пр. (1836), считалъ нужнымъ опровергать слова этого писателя о необходимости искоренять множество безнравственныхъ книгъ и разоблачать „ухищренія пишущихъ“, и говорилъ: „Но гдѣ же у насъ это множество безнравственныхъ книгъ? Кто сіи дерзкіе, злонамѣренные писатели, ухищрающіеся ниспровергать законы, на коихъ основано благоденствіе общества? И можно ли уворять у насъ цензуру въ неосмотрительности и послабленіи?“ <sup>2)</sup> Но, увѣ, за два года передъ тѣмъ самъ Пушкинъ говорилъ въ своемъ интимномъ дневникѣ о якобинизмѣ Полевого, нагло распростра-няемомъ передъ носомъ правительства.

Къ какимъ взглядамъ приходили арзамасцы относительно самой литературы, есть еще документъ того же времени—письмо князя Вяземскаго къ министру народнаго просвѣщенія графу Уварову, который былъ и начальникомъ цензуры, по поводу того, что цензура допускала въ печать всякія вольнодумныя мысли и особливо неуважительныя отзывы объ „Исторіи“ Карамзина. Обвиненіе указывало на „Телеграфъ“, тогда уже не существовавшій, на „Телескопъ“, тогда же запрещенный, и—на Устрялова! Князь Вяземскій жалуется, что цензура пропускаетъ статьи, критикующія „твореніе Карамзина, эту единственную въ Россіи книгу, истинно государственную и народную, и монархическую, и чрезъ то самое поощряетъ черную шайку разрушителей или ломщиковъ, которые только того и добиваются, чтобы можно было провозгласить: у насъ нѣтъ исторіи“. „И самое 14 декабря не было ли въ послѣдствіи времени, такъ сказать, критика вооруженною рукою на мнѣніе, исповѣдуемое Карамзинымъ, то-есть *Исторію Государства Россійскаго*, хотя, конечно, участвующіе въ немъ тогда не думали ни о Карамзинѣ, ни о трудѣ его“ <sup>3)</sup>. Пушкинъ одобрилъ содержаніе этого письма и только противъ послѣднихъ словъ о 14-мъ декабря замѣтилъ: „не лишнее ли?“ Указаніе на неблагонамѣренность Устрялова есть высоко-комическая черта. Если припомнить, что князь Вяземскій былъ человѣкъ весьма просвѣщенный, считавшій себя либеральнымъ, то это письмо становится чрезвычайно характернымъ. „Документъ въ родѣ вышеприведеннаго, — говоритъ г. Спасовичъ объ этой запискѣ, — и

<sup>1)</sup> Въ явившихся недавно воспоминаніяхъ К. Полевого разсказывается, что когда шла рѣчь о запрещеніи журнала, то защитникомъ Полевого противъ обвиненій Уварова явился самъ А. Х. Бенкендорфъ. Журналъ, однако, былъ все-таки запрещенъ.

<sup>2)</sup> Сочиненія, изд. Лит. Фонда, V, стр. 305.

<sup>3)</sup> Полное собраніе сочиненій князя Вяземскаго, т. II, стр. 211—226.

притомъ исходящій отъ столь хорошаго вообще и передоваго челоуѣка, какимъ былъ кн. Вяземскій, болѣе поучителенъ, нежели цѣлые томы, и превосходно освѣщаетъ и духъ тогдашняго времени, и настроеніе общества“.

И въ другихъ случаяхъ мы нерѣдко встрѣтимся у Пушкина съ мнѣніями, возбуждающими недоумѣніе. Своимъ консервативнымъ характеромъ онѣ совпадаютъ даже съ обычнымъ тогда въ официальныхъ сферахъ предубѣжденіемъ противъ литературы. Онъ, быть можетъ, слишкомъ много говоритъ о „вредныхъ мечтаніяхъ“, существовавшихъ или существующихъ въ нашемъ обществѣ, потому что подъ этотъ терминъ въ обычномъ употребленіи подводились и самыя высокія интересы науки и поэзіи, которые именно были движущей нравственной силой русскаго общества и безъ которыхъ оно осталось бы грубой и безпомощной жертвой обскурантизма. Пушкинъ съ пренебреженіемъ говоритъ о „жалкихъ скептическихъ умствованіяхъ прошлаго вѣка“, которыя были, однако, могущественнымъ толчкомъ въ развитіи новой умственной жизни Европы; не совсѣмъ сочувствуетъ тому, что новая нѣмецкая философія, хотя имѣвшая благотворное вліяніе, „нашла, можетъ быть, слишкомъ много молодыхъ послѣдователей“; но ихъ можно было бы тогда пересчитать по пальцамъ и они явились, въ то время и послѣ, одушевленными дѣятелями нашей литературы; онъ неловко защищаетъ цензурное повровительство въ литературѣ, неловко защищаетъ цензуру, предостерегая — въ тогдашнихъ условіяхъ русской литературы! — противъ опасной аристократіи писателей: „Аристократія самая мощная, самая *отасная* (!) есть аристократія людей, которые на цѣлыя поволѣнія, на цѣлыя столѣтія налагаютъ свой образъ мыслей, свои страсти, свои предразсудки. Что значить аристократія породы и богатства въ сравненіи съ аристократіей пишущихъ талантовъ? (!) Никакое богатство не можетъ перекупить вліяніе обнародованной мысли. Никакая власть, никакое правленіе не можетъ устоять противу всеразрушительнаго дѣйствія типографскаго снаряда (!!). Уважайте классъ писателей, но не допускайте же его овладѣть вами совершенно... Дѣйствіе челоуѣка мгновенно и одно (*isolé*), дѣйствіе книги множественно и повсемѣстно. Законы противу злоупотребленій книгопечатанія не достигаютъ цѣли закона (!): не предупреждаютъ зла, рѣдко его пресѣкая. Одна цензура можетъ исполнить то и другое“.

Довольно трудно объяснить себѣ, какое отношеніе могли имѣть эти предостереженія къ русской литературѣ, бѣдность и беззащитность которой были извѣстны Пушкину очень хорошо, и послѣд-



нее по собственному опыту. Надо думать, что эти и подобныя мѣтнія были у него именно слѣдствіемъ двухъ вліяній; во-первыхъ, дѣйствительнаго вліянія людей „Арзамаса“, котораго либерализмъ слишкомъ легко переходилъ въ бюрократическую нетерпимость ко всякому нѣсколько свободному движенію общественной мысли; во-вторыхъ, того оппортунизма, который побуждалъ его думать, что, признавши извѣстную систему (и даже искренно увѣривъ себя въ ея разумности и необходимости), онъ пріобрѣтаетъ возможность свободно обсуждать положеніе вещей и достигать, въ ея предѣлахъ, извѣстныхъ улучшеній, внушать правительству расположеніе и довѣріе къ просвѣщенію.

Послѣднія изслѣдованія Анненкова дали нѣсколько любопытныхъ разъясненій тѣхъ плановъ дѣятельности, которые занимали Пушкина въ послѣдніе годы его жизни. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ носился съ мыслию основанія газеты, потомъ журнала. Цѣли его были, съ одной стороны, литературныя, съ другой — политическія. Онъ хотѣлъ противодѣйствовать той монополіи, какою владѣли тогда издатели „Сѣверной Пчелы“ и которая приводила къ униженію литературы и къ безнравственнымъ общественнымъ явленіямъ. Съ другой стороны, онъ желалъ основать такой органъ, который былъ бы истолкователемъ для общества правительственныхъ идей, и въ то же время открывалъ извѣстный просторъ для сужденій о политическихъ предметахъ. Говоря о вліяніи „Арзамаса“, Анненковъ замѣчалъ, что этотъ кружокъ, сильно подѣйствовавшій на Пушкина (хотя это дѣйствіе въ полной мѣрѣ оказалось только повдѣе), „отличался непоколебимой вѣрой въ возможность соединенія коренныхъ основъ русской жизни и русскаго законодательства — монархизма и православія съ свободой лицъ, сословій и учреждений“, и что онъ научилъ Пушкина „свободно, самостоятельно и независимо подчиняться условіямъ русскаго быта, желать имъ наиболѣе разумнаго содержанія, исвать для этихъ условій основъ въ мысли, философской поддержки, теоретическаго оправданія и въ то же время сохранять за собой право судить отдѣльныя явленія самаго быта по своему разумѣнію“<sup>1)</sup>. Теперь Пушкинъ дѣйствительно имѣетъ въ виду нѣчто подобное, и слова Анненкова о „самостоятельномъ и независимомъ подчиненіи“ приблизительно передаютъ то положеніе, каковое хотѣлъ себѣ создать Пушкинъ. Правда, сомнительно было то „право судить явленія быта по своему разумѣнію“, которое Анненковъ приписывалъ „Арзамасу“ — члены его въ новое царствованіе мало

<sup>1)</sup> „Пушкинъ въ Александровскую эпоху“, стр. 114, 118.

заявляли это право, напротивъ—шли положительно въ унисонъ съ „явленіями быта“, и если Пушкинъ дѣйствительно желалъ себѣ усвоить подобное право, то, чтобы исполнять его, ему едва ли не чаще приходилось дѣлать уступки господствовавшей системѣ, чтобы, заявляя свою солидарность съ нею, эту цѣною купить себѣ право говорить объ отдѣльныхъ подробностяхъ. Состояніе мыслей Пушкина, когда онъ задумывалъ это предпріятіе и хотѣлъ стать публицистомъ, вѣрно изображаетъ Анненковъ въ слѣдующихъ словахъ: „Въ разные эпохи нашей жизни и многими даровитыми нашими людьми давно уже сознавалась необходимость выйти изъ тяжелаго положенія, какое всегда выпадаетъ на долю общества и частныхъ лицъ, которымъ приходится стыдиться тѣхъ самыхъ основъ существованія, которымъ они поворачуются. Весьма честные и благородные умы, съ самаго начала столѣтія, заняты были у насъ постоянно отысканіемъ нравственнаго смысла въ коренныхъ учрежденіяхъ государства—думали о реформѣ, преобразованіи тѣхъ изъ нихъ, которыя почему-либо утерали прежній смыслъ. Либеральный консерватизмъ не былъ новостію на Руси—и причина понятна: съ осмысленнымъ и поясненнымъ фактомъ современнаго политическаго быта Россіи, какъ будто становилось легче для совѣсти подчиниться всѣмъ его требованіямъ и естественнымъ послѣдствіямъ. Той же работѣ разъясненія, оправданія историческаго положенія государства и дополненія его, по возможности, новыми элементами нравственнаго содержанія, Пушкинъ намѣревался посвятить, вслѣдъ за нѣкоторыми своими предшественниками, и новую политическую газету. Здѣсь не мѣшаетъ замѣтить, что мысли, которыя онъ собирался проводить въ ней, были ему самому нужны, можетъ быть, еще болѣе, чѣмъ его будущимъ слушателямъ и читателямъ: онѣ, эти мысли, возстановляли его морально въ собственныхъ его глазахъ, разрѣшали тѣ *болѣзнь совѣсти*, которыя сопровождаютъ обыкновенно всякія перемѣны направленій и убѣжденій. Мало того—онъ питалъ еще надежду, что идеальнымъ представленіемъ обязанностей, лежащихъ на тѣхъ, которые занимаютъ важнѣйшія функціи въ государствѣ, онъ привлечетъ ихъ къ высшему пониманію своего призванія и долга, чѣмъ и окажетъ немаловажную услугу современникамъ“<sup>1)</sup>. Положеніе было чрезвычайно тяжелое; въ то время, когда Пушкинъ стремился создать себѣ теоретическое и нравственное успокоеніе въ признаніи господствующей системы, приносилъ ей на служеніе и свой умъ, и свой талантъ, бюрокра-

<sup>1)</sup> „Воспоминанія и критическіе очерки“, т. III, стр. 251—252.

тичскіе представители системы не думали признавать его. Не разъ увавано было то странное, двусмысленное и нравственно невыносимое положеніе, какое создавали тогда Пушкину: покровительство императора не спасало Пушкина отъ подозрительнаго надзора Бенкендорфа, для котораго, по старой памяти о либеральной молодости поэта, Пушкинъ былъ не поэтъ, а человѣкъ политическій, опасный вольнодумецъ. Пушкину приходилось выносить навойливныя придирки, выслушивать выговоры, которые заставляли его терять терпѣніе; извѣстны вспышки его гнѣва въ интимной бесѣдѣ и перепискѣ, — напр., въ то самое время, когда онъ обдумывалъ свою газету, долженствовавшую, по его мнѣнію, служить интересамъ самого правительства, онъ писалъ: „У меня душа въ пятки уходитъ, какъ вспомню, что я журналистъ. Будучи еще порядочнымъ человѣкомъ, я получалъ уже полицейскіе выговоры, и мнѣ говорили: *vous avez trop ré* и тому подобное. Что же теперь со мною будетъ? Мордвиновъ будетъ на меня смотрѣть, какъ на Фаддея Булгарина и Николая Полевого, какъ на шпиона: *chortъ догадавъ меня* родиться въ Россіи съ душою и талантомъ!“<sup>1)</sup> Въ то же время онъ старается отыскивать хорошія стороны въ оружающемъ порядкѣ вещей, съ жадностью ловить пріятныя ему политическіе слухи и возлагаетъ на нихъ свои надежды; во время польскаго возстанія онъ вмѣстѣ съ Жуковскимъ издаетъ книжечку стихотвореній на этотъ случай, родъ національно-поэтическаго манифеста, который произвелъ пріятное впечатлѣніе, но нисколько не помогъ публицистическимъ планамъ поэта; онъ то надѣется на амнистію для его друзей-декабристовъ<sup>2)</sup>, — и надѣется совершенно напрасно, то ждетъ отъ императора Николая какой-то „контръ-революціи“ противъ „революціи“ Петра Великаго, и убѣждаетъ себя, что „правительство дѣйствуетъ или намѣрено дѣйствовать въ смыслѣ европейскаго просвѣщенія“<sup>3)</sup> и т. д.

Точка зрѣнія Пушкина была теперь извѣстная точка зрѣнія Карамзина и вмѣстѣ Жуковскаго; Пушкинъ, можно сказать, принялъ ее готовою, и всѣми силами старался оберечь ее отъ противорѣчій, представляемыхъ фактами дѣйствительности; но увидимъ, что онъ не могъ уберечь новую систему отъ противорѣчій съ порывами своей собственной мысли и поэтическаго творчества... Къ основному побужденію найти теоретическое оправданіе для даннаго положенія общества, и для себя найти возможность

<sup>1)</sup> Сочиненія, изд. Литер. Фонда, т. VII, стр. 404.

<sup>2)</sup> Тамъ же, VII, стр. 244.

<sup>3)</sup> Тамъ же, стр. 218.

нормальной дѣятельности—присоединилась чисто личная особенность, известная теорія Пушкина о политической роли, желательной для дворянства. Исторія этой пушкинской теоріи была достаточно разобрана Анненковымъ. Теперь едва ли можно сомнѣваться, что „генеалогическіе предрасудки“ Пушкина восходятъ очень далеко въ первымъ впечатлѣніямъ его круга и воспитанія: заслоненные въ первыхъ двадцатыхъ годахъ тогдашнимъ либеральнымъ образомъ мыслей, теперь они выступаютъ опять въ полной силѣ не только какъ тщеславіе древностью своего дворянскаго рода, но какъ цѣлая общественная и историческая теорія. По теперешнему мнѣнію Пушкина, въ государственномъ строѣ необходима была сильная наследственная аристократія, которая заключала бы въ себѣ ручательства государственнаго благосостоянія, прочности учрежденій и заботы о народѣ. Съ этой теоріей измѣнились и историческія понятія. Если прежде Пушкинъ радовался, что старое боярство не успѣло сплотиться въ сильное сословіе, которое безвыходно поработило бы народъ, то теперь, напротивъ, онъ сожалѣлъ, что этого не было („феодализма у насъ не было—и тѣмъ хуже“), потому что въ этомъ было бы ручательство политическаго блага. Въ старину „аристократія была наследственна“, откуда и происходило мѣстничество, „на которое до сихъ поръ привыкли смотрѣть самымъ дѣтскимъ образомъ“. Цари Федоръ и Петръ, вмѣстѣ съ меньшимъ дворянствомъ, уничтожили мѣстничество и боярство. „Съ Федора и Петра начинается революція въ Россіи, которая продолжается и до сегодня“. Петръ Великій, нѣвогда предметъ безусловнаго поклоненія, есть теперь какая-то разрушительная революціонная сила: это „вмѣстѣ Робеспьеръ и Наполеонъ—воплощенная революція“. Когда наследственная аристократія, родовое боярство, была намѣренно истреблена, ее могла замѣнить только аристократія случайная, пожизненная, которая и явилась послѣ Петра, какъ его созданіе. Оно кажется Пушкину только „средствомъ окружить деспотизмъ преданными наемниками и задушить всякую оппозицію и всякую независимость“. „Наследственность высшей аристократіи есть гарантія ея независимости. Противное есть по необходимости средство тиранніи или скорѣе низкаго (lâche) деспотизма и пр.“... Потомственное дворянство, по взгляду Пушкина, есть высшее сословіе народа, награжденное большими преимуществами касательно собственности и личной свободы—съ цѣлью имѣть мощныхъ защитниковъ (народа) или близкихъ къ властямъ представителей. Богатство доставляетъ этимъ людямъ возможность не трудиться и быть всегда готовымъ

по первому призыву государя; дворянство должно учиться независимости, храбрости, благородству, вообще чести предпочтительно предъ другими сословіями, потому что дворянство есть охрана трудящагося класса, которому некогда развивать эти качества. Далѣе и въ республикѣ дворянство составляютъ „богатые люди, которыми народъ кормится“ (1) и т. д. Такимъ образомъ, передъ нами цѣлая теорія, похожая на ту англomanскую теорію, которая стала развиваться у насъ, послѣ освобожденія крестьянъ, въ средѣ крупныхъ землевладѣльцевъ и до сихъ поръ занимаетъ многіе умы; въ связи съ ней была у Пушкина его родословная гордость; онъ множество разъ возвращался въ старинѣ своего рода—и въ бесѣдахъ, и въ письмахъ, и въ статьяхъ, и въ поэтическихъ произведеніяхъ говорилъ объ упадкѣ старыхъ славныхъ родовъ и распространеніи вчера основанной аристократіи; въ своихъ свѣтскихъ отношеніяхъ онъ поддавался желанію получить мѣсто въ кругу аристократіи и съ высокоумнымъ пренебреженіемъ относился къ людямъ невысокаго происхожденія<sup>1)</sup>.

Цѣлый рядъ его замѣтокъ на эти темы идетъ особенно отъ 1830 года, когда онъ съ особымъ оживленіемъ занятъ былъ своей политической теоріей и публицистическими планами<sup>2)</sup>, но генеалогическіе предрасудки, какъ мы замѣтили, высказываются и гораздо раньше. Въ письмѣ къ Бестужеву 1825 года, Пушкинъ говоритъ о своихъ отношеніяхъ къ Воронцову: „онъ воображаетъ, что русскій поэтъ явится въ его передней съ посвященіемъ или съ одою, а тотъ является съ требованіемъ на уваженіе, какъ шестисотлѣтній дворянинъ. Дьявольская разница!..“<sup>3)</sup> Дѣйствительно, была громадная разница, только совсѣмъ въ другую сторону: одно отвлеченное шестисотлѣтнее дворянство въ ту пору, и для высшаго круга, и для массы общества, значило гораздо меньше, чѣмъ служебное положеніе, — у Пушкина послѣднее было очень скромно, — и Воронцовъ здѣсь ни въ чемъ не былъ виноватъ. Бѣлинскій, по поводу поэтическихъ изложеній той же темы въ „Родословной моего героя“, говорилъ уже о томъ, какъ

<sup>1)</sup> Напр., слова о Сперанскомъ: „Speransky, porovitch turbulent et ignorant“. Замѣтки изъ бумагъ Пушкина, „Русск. Архивъ“, 1881, III; оба эпитета по справедливости могли бы отсутствовать. Надеждинъ показался ему „весьма простолюдинъ, vulgar, смущенъ, заносчивъ и безъ всякаго приличія. Критики его были очень грубо написаны“ и т. д. (Соч., изд. Литер. Фонда, V, стр. 276). Послѣднее также сомнительно.

<sup>2)</sup> Его замѣчанія о боярствѣ и дворянствѣ см. вообще въ Сочиненіяхъ, т. III, стр. 550—551, 554; т. IV, стр. 356; V, стр. 11, 79, 82, 94—100, 104, 115—118; VI, стр. 326 и др.

<sup>3)</sup> Сочиненія, VII, стр. 128.

странно было у Пушкина это предпочтеніе своего дворянства высочайшему чувству своего достоинства, какъ поэта <sup>1)</sup>. Нѣкоторые мысли Пушкина въ поэтическихъ изложеніяхъ этого предмета казались Бѣлинскому изумительными по своей наивности.

Виною порядка вещей, въ которомъ исчезло окончательно старое боярство, идеализированное Пушкинымъ, былъ Петръ Великій, и на него обрушивается теперь недобѣріе и осужденіе Пушкина. Известно, что перемена взглядовъ на Петра произошла у Пушкина въ послѣдніе годы, между прочимъ отъ ближайшаго изученія Петровскихъ временъ, когда Пушкинъ хотѣлъ быть ихъ историкомъ. Его поражали примѣры жестокости и варварства, которыми исполнена эпоха, поражали иные указы, точно „писанные кнутомъ“; но главной причиной, почему Петръ Великій сталъ для него Робеспьеромъ и Наполеономъ и воплощенной революціей, было уничтоженіе того стараго порядка, гдѣ мечтались Пушкину задатки независимой аристократіи. Этотъ историческій взглядъ былъ ошибоченъ: такъ, самъ Пушкинъ упоминаетъ, что для уничтоженія мѣстничества, или боярской традиціи, достаточно было царя Федора и Языкова, то-есть не требовалось таковой силы, какъ Петръ; послѣдній нашелъ боярство почти разрушеннымъ и не придавалъ ему политическаго значенія: вокругъ него дѣйствительно собрались одинаково и старые родовитые бояре, Голицыны, Апраксины, Долгоруки, Шереметевы, Ромодановскіе, и люди новые съ Меншиковымъ во главѣ. Старое боярство было подорвано въ сущности еще Иваномъ Грознымъ. Отраженіе этого новаго, враждебнаго къ Петру, взгляда, повидимому, должно было найти мѣсто въ „Мѣдномъ Всадникѣ“; но Пушкинъ какъ будто не выработалъ достаточно теоретическихъ основаній противъ прежнихъ возвеличеній Петра, чтобы замѣнить ихъ новымъ отрицательнымъ взглядомъ въ поэтическомъ произведеніи. Оно осталось незавершеннымъ. Анненкову казалось, что поэма, послѣ странныхъ угрозъ Мѣдному Всаднику отъ обезумѣвшаго мелкаго чиновника, потомка древняго боярскаго рода, должна была закончиться апоэозой Петра; но въ высшей степени интересно упоминаніе князя П. П. Вяземскаго о томъ исчезнувшемъ эпизодѣ поэмы, гдѣ, на-

<sup>1)</sup> „Какъ потомка старинной фамиліи, Пушкина зналъ бы только его кругъ знакомыхъ, а не Россія, для которой въ этомъ обстоятельствѣ не было ничего интереснаго; но какъ поэта, Пушкина узнала вся Россія и теперь гордится имъ, какъ сыномъ, дѣлающимъ честь своей матери... Кому нужно знать, что бѣднѣй дворянствъ, существующій своими литературными трудами. богатъ длиннымъ рядомъ предковъ, мало извѣстныхъ въ исторіи? Гораздо интереснѣе было знать, что пишетъ новаго этотъ гениальный поэтъ?“ Сочин. Бѣлинскаго, т. VIII, изд. 2-е, стр. 654 и далѣе.

противъ, вмѣсто апофеоза „энергически звучала ненависть къ европейской цивилизаціи“.

Въ связи съ новой теоріей, какую строилъ Пушкинъ для нашего общественнаго быта, стоялъ у него и значительно измѣнившійся взглядъ на крѣпостной вопросъ. Нѣкогда онъ мечталъ о томъ, увидитъ ли когда-нибудь народъ, освобожденный по манію царя; теперь, налагая на себя тенденціозно-охранительныя теоріи, онъ и въ этомъ вопросѣ старался подерасить для другихъ и, главное, можетъ быть, для самого себя дѣйствительное положеніе вещей и находилъ возможность относиться гораздо хладнокровнѣе къ освобожденію крестьянъ: — оно не такъ спѣшно; положеніе крестьянъ вовсе не такъ тяжело, какъ говорятъ, и напр. гораздо лучше, чѣмъ положеніе англійскихъ рабочихъ; власть помѣщиковъ нужна какъ помощь администраціи, и т. д. Г. Спасовичъ, говоря о „Разговорѣ съ англичаниномъ“, затѣмъ объ отношеніи Пушкина къ Радищеву въ извѣстныхъ статьяхъ и о томъ объясненіи, какое хотѣтъ дать имъ теперь (именно видя въ нихъ желаніе напомнить о Радищевѣ и его заслугахъ, насколько можно было сдѣлать это съ уступками цензурѣ), замѣчаетъ: „Такое резонирующее укрѣпленіе крѣпостничества свискивало Пушкину сторонниковъ, конечно, помимо вѣдома его и воли, между столбами консерватизма и рабовладѣльчества, но точно холодною водою оканивало прогрессистовъ, у которыхъ оно отнимало всеую надежду на измѣненіе правоотношенія. Такою цѣною едва ли стоило оплачивать даже и распространеніе свѣдѣній о Радищевѣ. Всякія возможныя попытки истолковать загадочную рукопись въ смыслѣ благопріятномъ Пушкину, въ концѣ концовъ требуютъ новыхъ объясненій. Либо приходится признать, что онъ въ болѣе зрѣлыхъ лѣтахъ въ меньшей уже степени представлялъ собою типъ гуманнаго развитія; что въ теоріяхъ его уже замѣчалось меньше горячей политической струи; что по мѣрѣ того, какъ улечивалась юность, ослаблялось и то, что было только внушеніемъ духа времени, за то съ другой стороны усиливались и оплотнялись прежнія наклонности и привычки самаго ранняго дѣтства. Его увлеченіе идеею освобожденія крестьянъ, быть можетъ, было отвлеченное, теоретическое; къ тому же онъ по природѣ былъ неизмѣнно добрымъ для всѣхъ, даже для тѣхъ, кого называли „хамми“ (VII, № 178). Либо придется допустить, что опроверженіе Радищева было только преувеличеннымъ „оппортунизмомъ“, доведеннымъ до того, что надѣтая маска могла плотно пристать къ лицу, и въ сознаніи и совѣсти начали совершаться трудно объясняемыя сдѣлки

между добрыми пожеланіями и невольнымъ преклоненіемъ предъ признаваемымъ за непреодолимое господствомъ зла“<sup>1)</sup>.

Возвращаясь къ Бѣлинскому, мы находимъ опять, что для него не остались скрыты эти черты интимныхъ мыслей Пушкина. Съ одной стороны, въ обществѣ и особенно въ томъ кружкѣ энтузіастовъ искусства, въ которомъ вращался Бѣлинскій, личность Пушкина была предметомъ живѣйшаго интереса: о немъ дошли слухи, самые легкіе намеки истолковывались; съ другой стороны, проникательный взглядъ Бѣлинскаго и безъ того угадывалъ по самымъ произведеніямъ процессъ мысли, лежавшей въ ихъ подкладѣ. Онъ былъ восторженнымъ почитателемъ Пушкина, иногда даже пристрастнымъ толкователемъ его поэзіи, но отъ него не укрылось нѣсколько тѣсное возрѣніе поэта на нѣкоторыя отношенія русской жизни. Вотъ, напр., какъ говоритъ онъ объ этомъ предметѣ по поводу „Бориса Годунова“: „Вообще надобно замѣтить, что чѣмъ больше понималъ Пушкинъ тайну русскаго духа и русской жизни, тѣмъ больше иногда и заблуждался въ этомъ отношеніи. Пушкинъ былъ слишкомъ русскій человѣкъ и потому не всегда вѣрно судилъ обо всемъ русскомъ: чтобы что-нибудь вѣрно оцѣнить разсудкомъ, необходимо это что-нибудь отдѣлить отъ себя и хладнокровно посмотреть на него какъ на что-то чуждое себѣ, внѣ себя находящееся, а Пушкинъ не всегда могъ дѣлать это, потому именно, что все русское слинкомъ срослось съ нимъ. Такъ, напр., онъ въ душѣ былъ больше помѣщикомъ и дворяниномъ, нежели сколько можно ожидать этого отъ поэта“<sup>2)</sup>.

Бѣлинскій, всегда строго выставлявшій требованія художества и высоко цѣнившій его присутствіе въ поэтическихъ произведеніяхъ, не шелъ также безусловно за Пушкинымъ въ его слишкомъ абсолютной постановкѣ искусства, когда Пушкинъ хотѣлъ отогнать чернь отъ алтара поэзіи. Бѣлинскій понималъ побужденія поэта, признавалъ его творческое право, — потому что поэтъ не обязанъ идти за духовно-малолѣтними, — „но каждый умный человѣкъ въ правѣ требовать, чтобы поэзія поэта или давала ему отвѣты на вопросы времени, или по крайней мѣрѣ исполнена была скорбью этихъ тяжелыхъ, неразрѣшимыхъ вопросовъ. Кто поетъ про себя и для себя, презирая толпу, тотъ рискуетъ быть единственнымъ читателемъ своихъ произведеній“... И вообще опредѣленіе всего характера Пушкинской поэзіи — характера возвышен-

<sup>1)</sup> „В. Европа“ 1887, апрѣль, стр. 785.

<sup>2)</sup> Сочиненія Бѣлинскаго, т. VIII, стр. 688.



наго и человѣчнаго, — и теоретическаго міровоззрѣнія, не умѣвшаго справиться съ задачами дѣйствительности, — это опредѣленіе у Бѣлинскаго остается глубоко вѣрнымъ и доннынѣ заслуживающимъ изученія <sup>1)</sup>.

Какой же выводъ изъ тѣхъ противорѣчій, какія представляетъ самъ Пушкинъ въ своемъ высокомъ пониманіи искусства и своихъ разнорѣчивыхъ гражданскихъ понятій, и тѣхъ противорѣчій, въ какихъ приходятъ толковники, принимающіе его то за исключительнаго художника, то за поэта-гражданина, то наконецъ за какаго-то „все-человѣка“? — Это послѣднее выраженіе, съ которымъ у насъ до сихъ поръ носятъ, должно быть отброшено прежде всего: оно предполагаетъ человѣка, живущаго внѣ пространства и времени или желающаго „обнять необъятное“. Отзывчивость Пушкина, умѣнье усвоивать характеръ далекихъ временъ и народовъ, настроеніе людей различныхъ историческихъ эпохъ и степеней развитія, есть рѣдкая, но вовсе не единственная у Пушкина черта сильной творческой фантазіи. Это — та же черта, какая, напримѣръ, существовала (въ гораздо меньшей только степени) у его поэтическихъ предшественниковъ, Жуковскаго — умѣвшаго повторять нѣмецкую романтику, Батюшкова — въ которомъ восхищались его стихотвореніями на античныя и итальянскія темы, даже у Дельвига — въ которомъ самъ Пушкинъ удивлялся мастерству антологическаго стиля и т. д. Эта черта сильно развита въ нѣмецкой поэзіи, которая со временъ романтизма много работала надъ усвоеніемъ чужихъ національныхъ стилей; та же черта является даже у того Меримэ, который — при всемъ громадномъ отдаленіи французской литературы отъ народныхъ и особливо чужихъ стихій — могъ создать извѣстныя нѣсни западныхъ славянъ, обманувшія самого Пушкина... У Пушкина эта черта развилась сильнѣе по самымъ условіямъ нашей литературы: въ теченіе полутора вѣка она направляла свой трудъ на изученіе и усвоеніе европейскаго содержанія и литературныхъ формъ, и Пушкинъ, которымъ завершился ея старый періодъ и начался новый, работалъ въ томъ же смыслѣ своими художественными воспроизведеніями...

Эта поэтическая отзывчивость Пушкина указываетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что господствующая, основною чертою его гениальнаго таланта было именно художественное творчество. Много разъ его біографы и критики объясняли, какъ его поэзія, исходя изъ жизненныхъ данныхъ, преображала ихъ въ прекрасныя художественныя

<sup>1)</sup> Соч. Бѣлинскаго, т. VIII, стр. 402—408 и др

созданія, гдѣ на реальной простой основѣ создавались изящные образы — но уже съ гораздо болѣе глубокимъ значеніемъ; какъ особенно въ первую пору, среди буйныхъ увлеченій молодости, съ ихъ иногда некрасивой обстановкой, его вдругъ осыпало творческое вдохновеніе и у него выливались задушевные, глубокія, изящныя произведенія. Одинъ изъ лучшихъ критиковъ Пушкина, Анненковъ, находилъ, что эти произведенія бывали даже такъ далеки отъ дѣйствительной жизни поэта, что между ними напрасно было бы искать какого-либо соответствія и связи <sup>1)</sup>.

Это художественное настроеніе, которое самъ Пушкинъ ощущалъ въ себѣ, какъ таинственную силу, и которое онъ воспринималъ разнообразными изученіями, и составляло основу того возвышеннаго образа мыслей, по которому хотятъ видѣть въ Пушкинѣ по преимуществу поэта-гражданина. Геніальный поэтъ высоко ставилъ значеніе искусства: оно представлялось ему независимой свободною дѣятельностью; личность поэта казалась чѣмъ-то жреческимъ и пророческимъ, — отсюда, быть можетъ, гораздо больше, чѣмъ изъ его аристократическихъ пристрастій или предразсудковъ, исходило его сильно развитое чувство личной независимости и достоинства; отсюда же, вѣроятно, также какъ изъ врожденнаго добраго характера, происходило его мягкое, гуманное чувство, которое кажется особеннымъ свойствомъ его поэзіи. Это сознаніе своего высокаго достоинства, какъ поэта, много разъ было высказано Пушкинымъ въ его произведеніяхъ. Оно было исполнено гордости, почти высокомерія:

„Ты—царь; живи одинъ“...

Поэтическое творчество есть возвышенное служеніе—чему? На это самъ Пушкинъ отвѣчалъ различно. Съ одной стороны, поэзія довлѣетъ самой себѣ; поэтъ рожденъ для вдохновенія,

<sup>1)</sup> Вотъ, напр., что говоритъ Анненковъ по поводу известнаго посланія къ Чаадаеву изъ Кишинева, въ апрѣлѣ 1821 года:

„Стихотвореніе написано... въ самомъ разгарѣ политическихъ страстей и байроническаго броженія у Пушкина. Спокойный, мудро-эпическій тонъ пьесы находится въ совершенномъ противорѣчій со всѣмъ, что мы знаемъ о бѣшеной жизни Пушкина въ эту эпоху, и еще разъ показываетъ, какъ заблуждаются биографы и въ какое заблужденіе вводятъ читателей, когда на основаніи стихотвореній, въ которыхъ личность поэта является преобразованною поэзіей и творчествомъ, вздумаютъ судить о дѣйствительномъ реальномъ ея видѣ, въ известный моментъ. Правда, что они могутъ сказать: въ поэтическомъ отраженіи писатель болѣе походить на самого себя, чѣмъ въ дрязгахъ и тревоженіяхъ жизни, но тогда уже не слѣдуетъ вовсе и заниматься послѣдней, а довольствоваться только однимъ художественнымъ ея обликомъ“. („Пушкинъ въ Александровскую эпоху“, стр. 156).

дѣя сладкихъ звуковъ и молитвъ; живя въ сферѣ возвышенныхъ думъ, онъ презираетъ чернь... Пушкинъ держался этого взгляда отчасти по унаслѣдованнымъ, между прочимъ, еще отъ классической древности, представленіямъ о служеніи „Аполлону“, или чистому искусству, отчасти отвѣчалъ этимъ презрѣніемъ къ (свѣтской или мелкой литературной) черни на то непониманіе или на тѣ злостныя нападенія разнаго рода, съ какими встрѣчался на своемъ поприщѣ. Но, съ другой стороны, поэтическое творчество имѣетъ свои болѣе реальныя цѣли: вдохновеніе и сладкіе звуки не могутъ быть безсодержательны; они должны имѣть какое-нибудь отношеніе къ людямъ, къ обществу, — и самъ Пушкинъ даетъ понять, въ чемъ должна быть цѣль поэзіи и тѣмъ самъ онъ воздвигъ себѣ нерукотворный памятникъ. Въ знаменитомъ, почти предсмертномъ стихотвореніи онъ указываетъ, что его поэзія не была однимъ витаніемъ въ чистой области фантазіи, что въ ней онъ служилъ своему обществу: онъ убѣжденъ, что былъ полезенъ „прелестью стиховъ“ (которая дѣйствительно довершила формальное образованіе нашей литературы), что онъ пробуждалъ добрыя чувства и призывалъ милость къ падшимъ; наконецъ, онъ думалъ, что возславилъ свободу „въ жестокой вѣкѣ“. Все это было естественнымъ слѣдствіемъ его поэтического склада. Истинное поэтическое одушевленіе, широкій провицающій взглядъ на жизнь и человѣка сами собою сливаются съ возвышеннымъ настроеніемъ нравственнымъ, — и это указывалъ Бѣлинскій, какъ черту его личнаго и поэтического характера, объясняющую его высокія идеи объ искусствѣ и его требованія общественныя. Этимъ поэзія Пушкина достигала своей нравственной цѣли, и какъ прелесть стиховъ, то-есть чисто художественная сторона его произведеній, впервые приобщала цѣлую массу общества къ наслажденію чистой поэзіей и уже тѣмъ оказывала великую услугу внутреннему развитію общества, такъ и его высокія нравственныя идеи, идеи чистой человѣчности, благотворно вліяли на воспитаніе общества. Въ этомъ смыслѣ Пушкинъ былъ поэтомъ-гражданиномъ точно такъ же, какъ бываетъ имъ каждый поэтъ съ истиннымъ художественнымъ и человѣчнымъ настроеніемъ. Этого довольно для его славы, и напрасно было бы искать для Пушкина славы поэта-гражданина, въ смыслѣ соціального поэта, поэта-публициста, какъ это, повидимому, желаютъ теперь утверждать. Роль соціального поэта въ этомъ смыслѣ гораздо тѣснѣе, тѣмъ роль поэта-гуманиста, какимъ былъ Пушкинъ, и если хотятъ непремѣнно настаивать на подобномъ взглядѣ, то историческая критика встрѣчается съ цѣлымъ рядомъ недоумѣній. Пушкинъ-

политикъ (какимъ онъ желалъ иногда быть) безъ сравненія ниже Пушкина-поэта. Можно объяснить тогдашними условіями русской жизни вообще, и въ частности личными обстоятельствами поэта, почему онъ вѣншивался или былъ вовлекаемъ въ текущую злобу дня, почему, оставляя область поэтическаго творчества, онъ строилъ себѣ общественныя и политическія теоріи; но нельзя всегда сочувствовать этимъ послѣднимъ, нельзя не видѣть, что поэтъ не только противорѣчилъ самому себѣ въ равныя эпохи своей жизни, но противорѣчилъ нерѣдко въ одно и то же время. То, чему онъ вѣрилъ раньше и что отвергалъ потомъ, не всегда было ошибкой, и то, къ чему онъ приходилъ позднѣе, не всегда было поправкой: выше мы приводили примѣры его понятій историческихъ и политическихъ. Та общественная тенденція, каковой онъ хотѣлъ служить въ тридцатыхъ годахъ, была слишкомъ очевидно несостоятельна: въ основѣ лежали, конечно, наилучшія побужденія; послѣднею его цѣлью было извѣстное обезпеченіе свободы, личной и общественной, но средства были проблематическія; онъ думалъ, что эти средства приносятся къ данному порядку вещей, но заблуждался и въ этомъ. Отсюда рядъ колебаній, которыхъ все больше раскрываются намъ въ его біографіи, но были замѣтны и для болѣе проницательныхъ современниковъ. Онъ дѣлалъ уступки даннымъ условіямъ, чтобы имѣть возможность провести долю своей идеи, но уступки принимаются лишь какъ должное, и онъ все-таки не можетъ сказать и сдѣлать того, что желалъ. Нерѣдко онъ вполне искренно мирится съ тѣми условіями, даже увлекается различными лицами и фактами тѣхъ временъ, но затѣмъ приходитъ въ отчаяніе, потому что не можетъ разрѣшить ложнаго круга, въ которомъ находился. Не все, что онъ воспѣвалъ иногда, было сочувственно для живыхъ умовъ, ставившихъ себѣ такой же вопросъ общественнаго успѣха; по нѣкоторымъ его произведеніямъ можно было думать, что онъ является пѣвцомъ своего времени, которое, въ концѣ концовъ, было одной изъ тягостныхъ эпохъ русской исторіи... Но внутреннее чувство указывало ему противорѣчія, и онъ то питалъ себя иллюзіями, создавая надежды, которыя вовсе не осуществились въ теченіе второй четверти столѣтія, то наконецъ вспоминалъ, что онъ прославилъ свободу „въ жестокой вѣкѣ“. Было не мало частныхъ случаевъ, гдѣ онъ, высказываясь въ строго-консервативномъ смыслѣ, потомъ поправлялъ себя въ иномъ стихотвореніи, интимномъ письмѣ, эпиграммѣ. Напримѣръ, онъ ставилъ свою поэзію то какъ личное служеніе искусству для искусства, то дѣлалъ ее выраженіемъ общественнаго долга, гражданскимъ подвигомъ; во

вторую эпоху своей жизни онъ возводилъ „Исторію“ Карамзина въ свой историческій и политическій кодексъ и дѣлаетъ даже прискорбныя ошибки въ способъ защиты этого кодекса, но „Исторія Села Горохина“ была несомнѣннымъ отголоскомъ другого взгляда на историческій вопросъ; онъ ревностно защищалъ свои генеалогическія идеи, но самъ же находилъ, что „имена Минина и Ломоносова вдвоемъ перевѣсятъ, можетъ быть, *ось* наши старинныя родословныя“; онъ мирится частію тенденціозно, частію искренно съ существующими условіями и не находитъ словъ своему негодованію противъ иныхъ фактовъ, которые были только прямыми послѣдствіями тѣхъ условій, и т. д.

Опредѣляя характеръ Пушкинской поэзіи и ея историческое значеніе, Бѣлинскій считаетъ ее болѣе созерцательной, нежели рефлектирующей; муза Пушкина насквозь проникнута гуманностію, и хотя умѣетъ страдать отъ диссонансовъ и противорѣчій жизни, но смотритъ на нихъ какъ на роковую неизбежность — „ненося въ душѣ своей идеала лучшей дѣйствительности и вѣры въ возможность его осуществленія“. Этотъ взглядъ вытекалъ изъ самой природы Пушкина, и ему былъ обязанъ Пушкинъ изящною кротостію, глубиной и возвышенностію своей поэзіи; но отсюда же происходятъ и ея недостатки. „По своему воззрѣнію, Пушкинъ принадлежитъ къ той школѣ искусства, которой пора уже миновала совершенно въ Европѣ, и которая даже у насъ не можетъ произвести ни одного великаго поэта. Духъ анализа, неукротимое стремленіе изслѣдованія, страстное, полное вражды и любви мышленіе сдѣлались теперь жизнію всякой истинной поэзіи. Вотъ въ чемъ время опередило поэзію Пушкина и большую часть его произведеній лишило того животрепещущаго интереса, который возможенъ только какъ удовлетворительный отвѣтъ на тревожныя, болѣзненные вопросы настоящаго“<sup>1)</sup>.

Критика 50-хъ годовъ, которая черезъ нѣсколько лѣтъ вынужденнаго молчанія впервые возстановила традицію значенія Бѣлинскаго, принимала всѣ основныя положенія Бѣлинскаго и также видѣла въ Пушкинѣ не поэта-мыслителя, а художника по преимуществу. „Пушкинъ не былъ поэтомъ какого-нибудь опредѣленнаго воззрѣнія на жизнь, какъ Байронъ, не былъ даже поэтомъ мысли вообще, какъ, напримѣръ, Гёте и Шиллеръ. Художественная форма „Фауста“, „Валленштейна“, „Чайльдъ-Гарольда“ возникла для того, чтобы въ ней выразилось глубокое воззрѣніе на жизнь; въ произведеніяхъ Пушкина мы не найдемъ

<sup>1)</sup> Сочин. Бѣл., т. VIII, изд. 2-е, стр. 402.

этого“. Но тѣмъ болѣе критика возвышала чисто-поэтическій характеръ Пушкина. „Онъ, по особенноти своего поэтическаго настроенія, именно соотвѣтствовалъ если не всѣмъ, то по крайней мѣрѣ одной изъ важнѣйшихъ потребностей своего времени, которое, впрочемъ, едва ли не должно еще назвать и нашимъ временемъ. Его произведенія могущественно дѣйствовали на пробужденіе сочувствія къ поэзіи въ массѣ русскаго общества; они умножили въ десять разъ число людей, интересующихся литературою и черезъ то дѣлающихся способными къ воспринятію высшаго нравственнаго развитія. Онъ самъ прекрасно очертилъ это достоинство литературныхъ произведеній, говоря:

Плодять читателей они;  
Гдѣ есть повѣтріе на чтенье,  
Тамъ просвѣщенье, тамъ добро...

„Говоря о значеніи Пушкина въ исторіи развитія нашей литературы и общества, должно смотрѣть не на то, до какой степени выразились въ его произведеніяхъ различныя стремленія, встрѣчаемыя на другихъ ступеняхъ развитія общества, а принимать въ соображеніе настоятельнѣйшую потребность и тогдашняго, и даже нынѣшняго времени—потребность литературныхъ и гуманитарныхъ интересовъ вообще. Въ этомъ отношеніи значеніе Пушкина неизмѣримо велико. Черезъ него разлилось литературное образованіе на десятки тысячъ людей, между тѣмъ какъ до него литературныя интересы занимали немногихъ. Онъ первый возвелъ у насъ литературу въ достоинство національнаго дѣла... Онъ былъ первымъ поэтомъ, который сталъ въ глазахъ всей русскои публики на то высокое мѣсто, какое долженъ занимать въ своей странѣ великій писатель. Вся возможность дальнѣйшаго развитія русскои литературы была приготовлена и отчасти еще готовится Пушкинымъ“<sup>1)</sup>.

Тѣ и другія истолкованія Пушкина дѣлались въ то время, когда еще не было собрано столько біографическихъ и литературныхъ данныхъ, какими пользуемся мы теперь; но дальнѣйшія изысканія не измѣнили въ существѣ положеній, поставленныхъ этою критикою. Указанныя здѣсь свойства Пушкинскои поэзіи и послужили основаніемъ ея вліянія на дальнѣйшее развитіе литературы. Его произведенія дали никогда прежде недостигнутый образецъ совершенства формы, художественной цѣльности, тонко выработаннаго языка: съ Пушкинымъ былъ завершенъ періодъ формальнаго развитія нашей литературы, стоявшей прежде въ постоян-

<sup>1)</sup> „Современникъ“, 1855, мартъ, стр. 30—32.

ной зависимости отъ чужого образца, съ непобѣжденною условностью языка, съ неумѣньемъ изображать подлинныя черты русской жизни. Художественная высота Пушкинской поэзіи, кромѣ изумительныхъ по красотѣ произведеній личной лирики, выразилась первымъ установленіемъ того глубокаго реализма въ изображеніяхъ русской дѣйствительности, который сталъ съ тѣхъ поръ господствующей чертой нашей литературы и источникомъ ея дальнѣйшаго успѣха и современнаго европейскаго значенія. Пушкинъ самъ не довершилъ всего, что было имъ намѣчено,—какъ остались только въ зачатѣи его опыты современнаго соціальнаго романа, — но и то, что было имъ сдѣлано, его повѣсть, драма, историческій романъ, указало эту дорогу. Трезвое чутье дѣйствительности, кроткое, гуманное чувство, запечатлѣнные въ его произведеніяхъ, классическая форма,—остались его художественнымъ завѣтомъ, который остался памятенъ для его преемниковъ, ощущавшихъ на себѣ его вліяніе. Это чувство ученичества и преемства было сильно въ Гоголь, которымъ было воспринято непосредственно, и затѣмъ чувствовалось его послѣдователями въ соціальномъ романѣ, той славной плеядой, которая начала дѣйствовать въ сороковыхъ годахъ и которой послѣднія произведенія доходятъ до нашихъ дней.—Въ этомъ, а не въ какой-либо общественно-политической доктринѣ, заключается историческое значеніе Пушкина и великое наслѣдіе, оставленное имъ дальнѣйшему развитію литературы.

А. Пыпинъ.



---

# ЧЕТЫРЕ ЛЕКЦІИ ГЕОРГА БРАНДЕСА

ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ И МОСКВЪ \*).

---

## III.

РУССКІЙ РОМАНЪ \*).

Мнѣ приходится говорить о такомъ предметѣ, который моимъ слушателямъ знакомъ лучше, чѣмъ мнѣ—о русскомъ романѣ. Но, быть можетъ, для нихъ не безынтересно познакомиться со взглядами на русскую литературу иностранца, читавшаго произведенія русскихъ авторовъ въ переводѣ. Во всякомъ случаѣ, прошу смотрѣть на высказываемое мною не какъ на лекцію въ строгомъ смыслѣ этого слова, а какъ на легкую и безпритязательную бесѣду.

Въ послѣднія десять лѣтъ европейская беллетристика, можно сказать, была подновлена произведеніями русской литературы. Въ настоящую минуту русскіе романисты насчитываютъ въ Европѣ если не самый обширный, зато самый избранный кругъ читателей.

Въ первой половинѣ текущаго столѣтія Пушкинъ произвелъ наиболѣе сильное впечатлѣніе за предѣлами Россіи. Въ немъ поражали сила и величіе, и удивилъ вполне европейскій складъ ума. Но естественно, что нѣмецкіе стихотворные и французскіе

---

\*) См. выше окт., стр. 733.



прозаическіе переводы весьма слабо передавали глубокую оригинальность поэта и роскошную красоту его слога.

Переводы сравнительно менѣе исказили оригинальность замѣчательнаго романа Лермонтова: „Герой нашего времени“. Проза не столько проиграла отъ перевода, сколько стихи, въ „Евгеніѣ Онегинѣ“, и я могу личнымъ опытомъ засвидѣтельствовать о сильномъ и даже неизгладимомъ впечатлѣніи, произведенномъ на м-ня романомъ Лермонтова.

Впервые я прочиталъ его 17-ти лѣтъ отъ роду, и никакая другая книга, попадавшая мнѣ съ тѣхъ поръ въ руки, не овладѣвала мною такъ беззавѣтно: она отвѣчала какъ разъ тому, что, казалось мнѣ, я самъ пережилъ, и особенно тому, что я дѣйствительно пережилъ въ мечтахъ. Печоринъ, быть можетъ, совершеннѣйшій изъ типовъ, созданныхъ умственнымъ главенствомъ Байрона, виѣ предѣловъ Англіи.

Тонъ свѣтскаго человѣка, царствующій въ этомъ романѣ, вполне созданъ для того, чтобы повліять на молодого человѣка, а мужество, простота, холодность и скептицизмъ героя, возвели его въ моихъ глазахъ, въ то время, на степень меланхолическаго и обольстительнаго идеала.

Немного спустя, мы, иностранцы, познакомились съ Гоголемъ, благодаря, главнымъ образомъ, Меримэ. Съ нимъ къ намъ принеслось новое вѣяніе, и онъ далъ намъ первое мощное впечатлѣніе національной оригинальности русскихъ сюжетовъ и авторовъ. У него поэтъ уже болѣе не описываетъ себя: онъ вполне сливается съ своимъ произведеніемъ.

Но небольшія фантастическія повѣсти на манеръ Гофмана, равно какъ и знаменитый романъ „Тарасъ Бульба“, несмотря на сознаніе реальной дѣйствительности, съ какимъ авторъ изобразилъ намъ въ немъ картину дикаго и исчезнувшаго прошлаго, не показали еще намъ, какое высокое мѣсто занимаетъ Гоголь, какъ современный поэтъ.

Только кровавая сатира и грубая, но грандіозная вѣрность природѣ, въ „Мертвыхъ Душахъ“ и въ „Ревизорѣ“, открыли намъ, что русская литература готовится пробить себѣ совсѣмъ новый путь,—путь, требовавшій въ ту эпоху столько же мужества, какъ и оригинальности. На этотъ путь она безсознательно указывала различнымъ странамъ, заблудившимся въ романтизмъ, какъ на единственный, который выводитъ изъ міра грѣзъ.

Какъ ни изумительна сатира „Мертвыхъ Душъ“, эта комическая эпопея основана на такихъ специальныхъ данныхъ, что иностранному читателю она представляется рассказомъ изъ дру-

гой части свѣта и изъ другого вѣка. Напротивъ того, „Ревизоръ“ вполне ясенъ, и его языкъ такъ же живъ, какъ планъ—простъ.

Для скандинавской литературы потребовалось сорокъ лѣтъ, чтобы достичь, въ лицѣ Генриха Ибсена, высоты Гоголя, а нѣмецкая драма еще не доросла до него и по сіе время.

Несмотря на различіе художественной формы, эти два великихъ современныхъ творенія Гоголя: „Мертвыя Души“ и „Ревизоръ“, въ существенныхъ своихъ чертахъ, мнѣ представляются построенными одинаковымъ образомъ.

Основные пороки различныхъ классовъ и различныхъ типовъ цѣлаго общества разоблачаются въ нихъ посредствомъ испытанія, которому подвергаются всѣ эти люди относительно одного лица. Этотъ послѣдній, дюжинный, но нахальный человекъ, и представляется имъ таинственнымъ незнакомцемъ, котораго они никакъ не могутъ раскусить.

Въ комедіи это лицо прямо или косвенно высказываетъ чрезвычайныя требованія, и всѣ видятъ въ немъ ревизора, присланнаго правительствомъ. Въ поэмѣ онъ предлагаетъ сдѣлку неслыханнаго рода. Въ обоихъ случаяхъ авторъ принуждаетъ общество раскрыть свой истинный характеръ и выдать слабыя стороны.

Поэма въ томъ отношеніи превосходитъ комедію, что изображеніе пошлости и плутовства прерывается въ первой, время отъ времени, чудными лирическими взрывами. Поэтъ, написавшій „Тараса Бульбу“, и котораго мы совсѣмъ не видимъ въ „Ревизорѣ“, свободно изливается въ „Мертвыхъ Душахъ“ и даетъ себя въ нихъ узнать.

Эта книга не только неумолимая сатира, — въ ней звучитъ печаль объ испорченности людей и страстное состраданіе къ несчастнымъ, жизнь которыхъ — одно нескончаемое рабство, и которые даже по смерти своей становятся предметомъ торга.

Это состраданіе, косвенно выраженное — то же самое, что позднѣе мы встрѣчаемъ въ „Запискахъ Охотника“, Тургенева. И въ другихъ своихъ разсказахъ, болѣе трогательныхъ, нежели комическихъ, какъ напримѣръ „Шинель“, Гоголь, по своей художественной формѣ, служитъ переходомъ къ новѣйшимъ русскимъ романистамъ. Произведенія Достоевскаго происходятъ по прямой линіи отъ „Шинели“ Гоголя.

Обширность и глубина русской оригинальности, насколько онѣ выражаются въ литературѣ, открылись Европѣ въ трехъ главныхъ романистахъ: Тургеневѣ, Достоевскомъ и Толстомъ. Что касается Гончарова, во многихъ отношеніяхъ всѣмъ имъ равнаго,

я знаю всего только одинъ его крупный романъ „Обломовъ“, а потому не могу говорить о немъ.

Тургеневъ первый населилъ для насъ обширную русскую землю современными людьми. Хотя онъ оставилъ Россію уже тридцати-пяти лѣтъ отъ роду, съ тѣмъ, чтобы появляться въ ней на короткое время, но онъ описывалъ всегда только соотечественниковъ; нѣмцы и французы въ его романахъ русифицированы на половину, и появляются только въ сношеніяхъ съ русскими. Онъ хотѣлъ изображать только людей, съ оригинальностью которыхъ онъ познакомился съ дѣтства.

Иностранцу невозможно судить, ослабило ли долгое пребываніе на чужбинѣ его знаніе родины. Объ этомъ пусть рѣшаютъ его соотечественники. Но иностранецъ можетъ утвердительно сказать, что никогда Тургеневъ не проникъ бы такъ глубоко во весь цивилизованный міръ, будь онъ на одну іоту менѣе западникъ.

Онъ развернулъ передъ нами картину лѣсовъ и степей, весны и осени, всѣхъ классовъ общества и всѣхъ ступеней умственного развитія въ Россіи. Онъ далъ намъ богатую психологию цѣлой расы людей, и сдѣлалъ это съ глубоко-прочувствованной душой, хотя это чувство никогда не затемняло ясности разсказа.

Какъ ни объективенъ разсказъ Тургенева, и хотя онъ почти никогда не вводитъ поэмъ въ свои повѣсти и романы, однако всѣ его произведенія производятъ лирическое впечатлѣніе. Въ нихъ столько чувства! И это чувство всегда чувство тихой грусти, странной грусти, совсѣмъ особенной и безъ всякой примѣси сентиментальности.

Великіе меланхолики латинской расы, какъ на примѣръ Леопарди и Флоберъ, проявляютъ опредѣленные и рѣзкіе черты въ своемъ слогѣ; нѣмецкая грусть чисто юмористическая или сентиментальная. Меланхолія Тургенева (этотъ широкій и глубокій потокъ грусти, который проносится въ его твореніяхъ), по своей сущности, является меланхоліей славянской расы. Она прямо вытекаетъ изъ печальныхъ народныхъ славянскихъ пѣсень.

Всѣ новѣйшіе выдающіеся русскіе писатели—меланхолики. Но меланхолія Тургенева—меланхолія мыслителя, который понялъ, что всякій идеалъ гуманности и справедливости, разума, доброты и общаго блага безразличенъ для природы и не проявляется присущей ей божественной силой.

Въ „Senilia“<sup>1)</sup> Тургеневъ даетъ намъ картину природы, замышляющей средства расширить силу мускуловъ блохи. На во-

<sup>1)</sup> „Стихотворенія въ прозѣ“.

прось, который ей ставят: не суть ли люди ея любимыя дѣти? природа отвѣчаетъ:—всѣ животныя мои дѣти. Я о всѣхъ нихъ равно забочусь и всѣхъ истребляю равнымъ образомъ.

Здѣсь проявляется характеръ его меланхолии. Если Гоголь печаленъ, то потому, что онъ негодуетъ; если Достоевскій груститъ, то потому, что онъ весь одно состраданіе; меланхолія Толстого коренится въ его религіозномъ фатализмѣ. Одинъ Тургеневъ—философъ.

Надо замѣтить, что въ жизни всѣхъ другихъ великихъ поэтовъ наступаетъ критическій моментъ, когда всѣ они увлекаются религіознымъ движеніемъ, и оно придаетъ ихъ существованію новый свѣтъ и новую важность, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ослабляетъ ихъ производительныя силы и рано или поздно заставляетъ измѣнить поэзіи. Пороку этотъ кризисъ наступаетъ въ такой моментъ, когда они переживаютъ чисто религіозное настроеніе, въ другой разъ—въ такую эпоху, когда они захвачены національнымъ мистицизмомъ. Кажется, что въ нашъ вѣкъ склонность къ такого рода мистицизму—одна изъ чертъ, общихъ всѣмъ славянамъ. Въ 1840 г. она овладѣла польскою литературою въ лицѣ Мицкевича, Словацкаго, Красинскаго и другихъ писателей, въ тотъ моментъ, когда Товіанскій и нѣсколько другихъ мечтателей приобрѣли на нихъ вліяніе. Въ русской литературѣ она подчинила въ различной формѣ такіе великіе умы, какъ Гоголь (въ 1846 г.), Достоевскій (въ концѣ 1860 г.) и, наконецъ, въ послѣднія десять лѣтъ—Толстой.

Тургеневъ, съ его спокойной созерцательной натурою, единственный изъ нихъ, для котораго религіозный восторгъ—такой же сюжетъ, какъ и всякій другой. Онъ разбираетъ его, не теряя своего равновѣсія: припомнимъ героиню въ „Странной Исторіи“.

Поэтому его меланхолія менѣе религіознаго, чѣмъ философскаго характера, но она, вмѣстѣ съ тѣмъ, меланхолія патріота, ставшаго пессимистомъ.

Несмотря на свой кажущійся космополитизмъ, Тургеневъ былъ патріотъ, но патріотъ, сомнѣвавшійся въ своемъ отечествѣ. Это подвергало его большимъ нападкамъ. Достоевскій старался указать его смѣшныя стороны въ образѣ Кармазинова въ „Бѣсахъ“. Тургеневъ не терялъ вѣры въ будущее своей страны; онъ такъ восхищался ея языкомъ и литературою, что ждалъ великихъ дѣлъ отъ народа, создавшаго ихъ. Но онъ видѣлъ столько неудавшихся попытокъ и начинаній въ Россіи, что могъ повѣствовать только происшествія съ печальной и грустной развязкой.

Для него любовная исторія не будетъ вполнѣ русской, если

не окончится разладомъ, вызваннымъ холодною женщиною или непостоянствомъ мужчины. Для него всякое усиліе не кажется русскимъ, если оно не превышаетъ силъ того, кто его предпринимаетъ, и не разобьется о равнодушіе тѣхъ, для блага которыхъ оно предпринимается. И Тургеневъ не можетъ удержаться, чтобы не описывать непостоянной любви и бесплодныхъ усилій въ Россіи.

Основное чувство у Тургенева—это чувство грустнаго волненія, очень сложное чувство зрителя, присутствующаго при кораблекрушеніи и вынужденнаго свалить большую часть вины на самихъ потерпѣвшихъ. Это чувство спокойное и сильное, постоянно умѣренное въ своихъ выраженіяхъ. Никогда еще великій и плодovitый писатель не былъ такъ мало шумливъ, какъ онъ.

Есть нѣчто аристократическое въ этомъ простомъ и благородномъ отношеніи; умственное изящество было ему прирождено. Это свѣтскій человекъ, и въ немъ мы находимъ тотъ типъ свѣжаго человека, котораго недоставало нѣмецкимъ поэтамъ. Но этотъ опытъ не сдѣлалъ его ни холоднымъ и циничнымъ, какъ нѣкоторыхъ французскихъ писателей, ни моралистомъ, какъ столькихъ англійскихъ. Хотя онъ никогда не измѣняетъ хорошему тону въ своихъ повѣствованіяхъ, но его тонъ—не свѣтскій тонъ. Самое презрѣніе его—не холодное презрѣніе. Его тонъ всегда задушевный.

Трудно вкратцѣ пересказать причины, создавшія изъ Тургенева первокласснаго художника. Быть можетъ, слѣдуетъ, главнымъ образомъ, приписать это великой правдѣ его картинъ. Но и самое слово это требуетъ поясненія. Не одно только это качество истиннаго поэта, и которымъ онъ обладаетъ въ высшей степени—способность создавать живыхъ людей—ставить его въ первый разрядъ. Его художественное превосходство въ глазахъ читателя обуславливается той гармоніей, какая царствуетъ между тѣмъ, какъ смотритъ поэтъ на описываемое имъ лицо, и тѣмъ впечатлѣніемъ, какое оно производитъ на читателя, такъ какъ на этомъ пунктѣ, а именно, въ отношеніи автора къ собственнымъ героямъ, и проявляются необходимо всѣ его слабости, какъ человека и какъ художника.

Поэтъ можетъ обладать многими рѣдкими качествами; но если онъ требуетъ отъ насъ восхищенія предъ чѣмъ-нибудь, то этого недостаточно; если онъ хочетъ вырвать у насъ одобреніе къ мужчине, состраданіе къ женщине, восторгъ предъ дѣйствіемъ, когда сами мы не чувствуемъ охоты подчиниться его волѣ, онъ ослаб-

леть впечатлѣніе, производимое его произведеніемъ, и вредитъ самому себѣ.

Когда романистъ, за которымъ мы охотно шли нѣкоторое время, вдругъ начинаетъ менѣе критически и болѣе сантиментально относиться въ своему произведенію, чѣмъ мы, его произведеніе кажется намъ неудачнымъ. Если онъ хочетъ выставить неотразимымъ лицо, которое мы не находимъ привлекательнымъ, если онъ описываетъ его болѣе даровитымъ, чѣмъ намъ онъ кажется, если онъ объясняетъ его поступки великодушіемъ, котораго мы не видимъ и въ которое мы не вѣримъ, если онъ досаждаетъ намъ произвольными сужденіями, приводитъ насъ въ негодованіе своей холодностью или сердитъ своею моралью, то читатель (очень часто или иногда) испытываетъ такое чувство, какъ будто искусство измѣняетъ писателю. Это производитъ на насъ впечатлѣніе фальшивой ноты, и даже еслибы вѣрность тона возстановилась позднѣе, недовольство остается, какъ смутное воспоминаніе.

Гдѣ найдется читатель Бальзака, Диккенса, Ауэрбаха — не говоря уже о великихъ классикахъ — который бы не испытывалъ такого недовольства?

Когда Бальзакъ плаваетъ въ глубокомъ восторгѣ, когда Диккенсъ ребячески чувствителенъ, а Ауэрбахъ притворно наивенъ, читатель приходитъ въ ужасъ и пятится назадъ, какъ передъ чѣмъ-то фальшивымъ и неудачнымъ.

Никогда не встрѣтишь у Тургенева неудачнаго эффекта. Ничтожныя и слабыя, непостоянныя, бесполезныя и заброшенныя люди — такова главная сфера его авторскихъ наблюдений. Онъ не описываетъ, какъ Достоевскій, вѣшнее и видимое несчастіе: бѣдность, грубость среды, развратъ, преступленіе, словомъ, онъ не занимается несчастіемъ, которое видно издали. Онъ развертываетъ передъ нами несчастіе, таящееся отъ глазъ; онъ прежде всего поэтъ людей, покорныхъ судьбѣ. Онъ описываетъ внутреннюю жизнь скрытаго несчастія, безмолвное и горькое существованіе. Припомнимъ: „Переписку“, „Дневникъ лишняго человѣка“ или „Живыя мощи“.

Какъ у писателя, у него больше изящества, чѣмъ силы. Но однако онъ возвышался до грандіознаго въ типахъ Рудина и Базарова.

Рудинъ — это отсутствіе настойчивости въ его спеціальной, чисто-русской, формѣ, и написанъ онъ мощнымъ языкомъ.

Изображая самые значительныя людскія характеры, Тургеневъ, благодаря сущности предмета, былъ вынужденъ обставить свою

работу особенными трудностями. Обязанность поэта вообще—выдержать характер своего героя и избѣжать противорѣчій. Но у Тургенева большинство характеровъ состоитъ изъ противорѣчій. Онъ сумѣлъ изобразить непоследовательность, какъ основную черту характера, не нарушивъ при этомъ его цѣльности.

Въ Рудинѣ изображеніе слабости такъ глубоко, такъ полно, что слабость этого дряблага характера открываетъ намъ слабохарактерность въ ея спеціальной русской формѣ.

Мы не находимъ людей съ непоколебимымъ духомъ, съ сильной волей въ первыхъ опытахъ Тургенева. Если онъ описываетъ настоящаго мужчину, то избираетъ, какъ въ „Наканунѣ“, иностранца, болгарина. Впрочемъ, люди, которыми восхищается самъ поэтъ, очерчены лишь мелькомъ и служатъ только для контраста или какъ второстепенныя лица, напримѣръ Покорскій въ „Рудинѣ“.

Хотя въ Базаровѣ Тургеневъ хотѣлъ прежде всего разоблачить идолопоклонство передъ утилитаризмомъ, но онъ сумѣлъ изобразить въ немъ человѣка, который своимъ постоянствомъ, мужествомъ и исключительной точкой зрѣнія стоитъ высоко въ современной европейской литературѣ, не особенно богатой истинно мужественными типами.

Всѣ герои нашихъ романовъ ничтожны и немужественны и, по-моему, слишкомъ ничтожны и слишкомъ немужественны. Понятіе о мужествѣ исчезло. Мужчина, способный до конца довести свое дѣло, умѣющій выполнить задуманное, быть вѣрнымъ своей идеѣ, остаться вѣрнымъ женщинѣ, наказать и истребить своихъ враговъ, мужчина, умѣющій гнѣваться и пускать въ ходъ оружіе гнѣва—такой мужчина встрѣчается теперь только какъ каррикатура, наивно изображенная въ нѣкоторыхъ романахъ, написанныхъ женщинами.

Съ невыразимой тонкостью рисовалъ Тургеневъ молодыхъ дѣвушекъ, какъ Елена и Джемма, которыя пользуются его полной симпатіей. Каждое слово, сказанное о нихъ, опредѣлительно и рельефно. Джемма—полнѣ итальянка по своему смѣху, движеніямъ, любви и характеру мышленія; другая запечатлѣвается въ умѣ читателей и остается въ немъ, какъ самое чудное изображеніе русской женщины.

Культъ красоты, выражающійся здѣсь, нисколько не повреждаетъ изученію природы. Это не идеальныя фигуры, но этюды, исполненные съ тонкимъ пониманіемъ правды. Они тѣмъ сильнѣе дѣйствуютъ на иностраннаго читателя, что не появляются (подобно замѣчательнымъ женскимъ фигурамъ Толстого) во всякихъ и весьма различныхъ положеніяхъ, но показываются лишь въ нѣ-

сколькихъ главныхъ. Характеры Тургенева легче схватить сразу, чѣмъ характеры всѣхъ другихъ великихъ русскихъ писателей нашего времени.

Національный оптимизмъ Достоевскаго представляетъ разительный контрастъ съ національнымъ пессимизмомъ Тургенева. Великій скептикъ, Тургеневъ, вѣрившій въ очень немногое, былъ настолько добръ и догматиченъ, чтобы вѣрить въ культуру западной Европы. Достоевскій пренебрегалъ Западомъ и вѣрилъ въ Россію, пренебрегалъ наукой и вѣрилъ въ религію.

Если произведенія Тургенева представляли собой въ нѣкоторомъ родѣ литературу какъ будто эмигранта, то съ Достоевскимъ мы стоимъ на чисто-русской почвѣ. Онъ былъ доморощеннымъ писателемъ.

Изъ всѣхъ иностранныхъ писателей онъ въ слабой степени напоминаетъ только одного—Диккенса.

Страстная вѣра въ могущество и будущность русской націи, равно какъ и его любовь къ простому народу, обезпечили за нимъ популярность даже среди тѣхъ, кто не вполне признавалъ въ немъ великій поэтический талантъ. Онъ филантропъ между русскими писателями, поэтъ обездоленныхъ.

Ни одинъ русскій романистъ такъ не зналъ и не понималъ пролетаріатъ своей страны, интеллигентный, равно какъ и небѣжественный пролетаріатъ. Онъ настолько любитъ истину, чтобы не прикрашивать этотъ пролетаріатъ, но, тѣмъ не менѣе, настолько мечтатель, чтобы вѣрить въ исеру божію даже у человѣка павшаго очень низко.

Онъ поэтъ въ высшей степени и въ значительно меньшей—художникъ. Онъ печаталъ свои произведенія по мѣрѣ того, какъ писалъ ихъ, никогда не передѣлывая и даже не исправляя.

Онъ не гонялся за тѣмъ, чтобы, посредствомъ купюръ и сокращеній, придать имъ возможную степень совершенства.

Несмотря на свой поэтический талантъ, онъ писалъ какъ обыкновенный публицистъ; оттого его произведенія очень растянуты.

Его главнымъ достоинствомъ является нѣкотораго рода психологическое ясновидѣніе, сила и значеніе котораго особенно видны тамъ, гдѣ здоровое состояніе души граничитъ съ областью безумія. Относительно состоянія человѣческой души, у него былъ вѣрный взглядъ медика-психіатра; но съ нимъ случилось то, что иногда бываетъ съ психіатрами: привычка имѣть вѣчно на глазахъ душевныя аномаліи заставляетъ его видѣть вездѣ ненормальное и мало-по-малу нарушаетъ равновѣсіе въ его собственномъ умѣ.



Достоевскій охотно занимается той тонкой демаркаціонной линіей, которая отдѣляетъ логическое разсужденіе отъ экзальтаціи, преступленіе отъ законнаго поступка. Съ этой узкой и мелкой линіи онъ бросаетъ взгляды по обѣимъ сторонамъ и никогда не забываетъ указать вниманію читателя на узкость и мелкость этой линіи, отдѣляющей въ дѣйствительности здоровье отъ болѣзни, добро отъ зла.

Онъ съ необычайной виртуозностью описываетъ ту душевную одурь, которая заставляетъ людей бросаться въ омутъ преступленія или самоотверженія. Никто лучше его не знаетъ притягательную силу омота.

Въ произведеніяхъ Достоевскаго находимъ слѣды его болѣзненнаго состоянія, его галлюцинацій и его эпилептической натуры. Но эта крайняя чувствительность, вмѣстѣ съ тѣмъ, составляетъ его силу.

Какъ знатокъ душевной жизни—онъ настоящій патологъ. Поэтому его самыя замѣчательныя произведенія: „Преступленіе и Наказаніе“ и „Записки изъ Мертваго Дома“,—посвящены описанію преступныхъ людей.

Въ „Преступленіи и Наказаніи“ мы находимъ самый типичскій примѣръ превосходства его психологическаго анализа. Онъ показываетъ въ немъ преступленіе во всѣхъ фазисахъ его развитія, начиная съ перваго зародыша и кончая тѣмъ моментомъ, когда онъ приноситъ свой плодъ.

Вотъ первая задача, занимавшая автора и его героя: жизнь человѣческая имѣетъ ли абсолютную цѣну? Онъ созналъ, что современное общество отвѣчаетъ на этотъ вопросъ противорѣчиво. Оно строго наказываетъ мать, убивающую свое новорожденное дитя, не принимая во вниманіе, что эта мать, движимая страхомъ передъ людьми и нищетой, часто причиняетъ себѣ самой гораздо болѣе сильное горе и потерю, чѣмъ тѣ, какія она наноситъ обществу. Да даже и въ томъ случаѣ, еслибы цѣлью матери было спасти своего младенца отъ нищеты, которая его ждетъ, общество требуетъ, чтобы вся чаша людскихъ бѣдствій была пролита на голову младенца.

Возьмемъ другой примѣръ. Въ какой-нибудь мѣстности строятъ фабрику и даже не полезныхъ вещей, но предметовъ роскоши, фабрику, устроенную такъ, что рабочіе на ней заболѣваютъ и, какъ показываетъ опытъ, умираютъ въ молодыхъ лѣтахъ. Общество прикладываетъ ли здѣсь ту же мѣрку цѣнности жизни человѣческой? Нѣтъ, оно съ величайшимъ хладнокровіемъ констатируетъ, что, среднимъ числомъ, рабочіе въ той или иной отрасли

промышленности умирають 25-ти лѣтъ отъ роду. И мало того: общество считаетъ благодѣтелемъ того, кто выстроитъ такую фабрику въ странѣ, гдѣ не существуетъ промышленности; здѣсь прямо бросается въ глаза, что въ данномъ случаѣ признается лишь относительная цѣна человѣческой жизни, и что того, кто потребовалъ бы упраздненія фабрики, обвинять въ глупой сентиментальности.

Я принципиально коснулся противорѣчія во взглядѣ общества на вещи, но въ книгѣ Достоевскаго критика ведется съ точки зрѣнія частнаго лица.

Природа создала его меланхоликомъ мрачнымъ и запальчивымъ, убивающимся надъ бѣдствіями людей и проникнутаго страстной жаждой быть спасителемъ рода человѣческаго. Уже по природѣ своей меланхоликъ, онъ по бѣдности впадаетъ въ усиленную меланхолю и предается мечтамъ, непрерывнымъ мечтамъ...

Онъ размышляетъ о старой, богатой и отвратительной ростовщицѣ. Съ одной стороны, онъ видитъ это негодное и злое созданіе, которое никому не дѣлаетъ добра и распространяетъ кругомъ себя зло и нищету; съ другой стороны, ему мерещится все то добро, какое можно было бы сдѣлать на ея деньги. Его старуха-мать въ отдаленномъ провинціальномъ городѣ слѣпнетъ надъ работой; его единственная сестра, чистая и изящная дѣвушка, готова принести себя въ жертву, выйдя за ненавистнаго человѣка замужъ, чтобы только помочь брату докончить образованіе и обезпечить старуху-мать, а онъ даже не имѣетъ права запретить ей эту ужасную жертву.

Онъ съ раннихъ поръ составилъ собственную теорію о преступленіи и пришелъ къ заключенію, что человѣкъ, выходящій изъ ряда вонъ, имѣетъ право перешагнуть за ту черту, которая удерживаетъ другихъ людей. Опытъ и исторія учатъ его, что почти всѣ преобразователи рода человѣческаго были преступники, потому что они создавали новые законы и разрушали старые, считавшіеся обществомъ святыми. Онъ видитъ, что они не отступали передъ необходимостью проливать кровь, очень часто даже невинную, приносимую въ жертву защиты старыхъ законовъ. Самъ онъ не изъ этихъ ли необыкновенныхъ людей?

Правда, что вся его природа возмущается противъ поступка, который ему кажется отвратительнымъ: все, что есть въ немъ благороднаго и изящнаго, отвертывается отъ такого поступка. Но мало-по-малу онъ свыкается съ этой идеей, и поступокъ совершается, не принеся пользы ни ему и ни кому другому.

Онъ не былъ на высотѣ своего преступленія, или же у него

слишкомъ благородная натура, чтобы его совершить. Убийство, совершенное имъ, не вызываетъ въ немъ раскаянія, но уничтожаетъ его, обособляетъ отъ другихъ людей, осуждаетъ на вѣчное безмолвіе, на вѣчную тревогу быть изблеченнымъ, на вѣчное самоосужденіе въ загадочныхъ выраженіяхъ и, наконецъ, на ненависть ко всѣмъ и вся.

Точкой отправленія Раскольникова была основная аксіома: цѣль оправдываетъ средства. Она не названа въ книгѣ, но служитъ основаніемъ для его дѣйствій. Эта фраза, смыслъ которой былъ извращенъ глупцами и которою злоупотребляли іезуиты, вѣрна въ своемъ настоящемъ значеніи. Слово „освящаетъ“ показываетъ, что дѣло идетъ о законной цѣли, съ точки зрѣнія нравственности. Только тотъ человѣкъ, который желаетъ блага людямъ, преслѣдуетъ такую цѣль. Представимъ теперь, что ему невозможно будетъ ее достигъ, не причинивъ страданія, но что это страданіе меньше, чѣмъ то, какое произойдетъ, если онъ воздержится отъ этого средства. Его поступокъ, значитъ, похваленъ, такъ какъ изъ двухъ золъ онъ избираетъ меньшее. Возраженія, которыхъ онъ не можетъ предвидѣть, послѣдствія его поступка—ничего не значать, потому что для нравственности важно намѣреніе, а не результатъ.

Въ повседневной жизни никто не отвергаетъ истинности этой фразы; всѣ давно свыклись съ мыслью, что нѣтъ абсолютныхъ обязанностей. Общество говоритъ намъ: не убей, но прибавляетъ: кромѣ тѣхъ случаевъ, когда отечество (то-есть добрая цѣль) потребуетъ того. Въ этомъ случаѣ, долгъ заключается какъ разъ въ томъ, чтобы убить возможно больше враговъ. Общество учитъ насъ, что дурное дѣло—отрѣзать руку или ногу человѣку, но прибавляетъ, что если врачъ отниметъ членъ, чтобы спасти жизнь больному или раненому, то его цѣль освящаетъ средство. Поэтому, чтобы эта фраза была годна, необходимо, чтобы выполнены были слѣдующія условія: 1) цѣль должна быть хороша; 2) надо, чтобы было невозможно достигнуть ее другими безвредными или хотя бы только менѣе безвредными средствами, чѣмъ избранное; 3) зло причиненное должно быть менѣе того, какое произошло бы, еслибы не употребили этого средства.

Почему же Раскольниковъ не чувствуетъ себя покойнымъ послѣ своего поступка? Здѣсь поэтъ выказалъ великую психологическую тонкость. Раскольниковъ не увѣренъ въ своей цѣли; онъ не убѣжденъ въ томъ, что эта цѣль хороша. Мѣсяць спустя послѣ убійства онъ говоритъ съ отчаяніемъ, что всегда былъ неуѣренъ. Разбирая себя, онъ приходитъ къ убѣжденію, что, въ

сущности, онъ совершилъ убійство не съ цѣлью облагодѣтельствовать другихъ, но чтобы узнать, дѣйствительно ли онъ самъ необыкновенный человѣкъ и можетъ ли перешагнуть за черту. Поэтому онъ не увѣренъ въ цѣли, онъ не знаетъ, имѣеть ли право преслѣдовать эту невѣрную цѣль, такъ какъ, по его собственной теоріи, только избранные имѣютъ право становиться выше закона.

Вотъ почему онъ совсѣмъ раздавленъ послѣдствіями своего поступка. Не одна только тревога быть изобличеннымъ терзаетъ его; его всего болѣе терзаетъ система обмана и лжи, въ которую онъ запутался. До того момента, какъ онъ самъ показываетъ на себя, Раскольниковъ находится на границѣ съ помѣшательствомъ.

Онъ очищается сношеніями съ Соней, молодой дѣвушкой, изъ любви къ маленькимъ братьямъ и сестрамъ ставшей проституткой. Состраданіе сближаетъ его съ нею, уваженіе и восхищеніе передъ чистотой и благородствомъ ея нравственнаго существа, — такъ какъ ни одной капли истиннаго разврата не проникло въ ея сердце, — заставляютъ его искать ея общества. Онъ уважаетъ ту, которую свѣтъ презираетъ. Она также „переступила за черту“ и подняла руку на человѣческое существо, на самое себя. Она принесла себя въ жертву и безъ всякаго проку. Но Соня выше его. Мало-по-малу эта дѣвушка становится его совѣстью. Однажды, послѣ того, какъ онъ долго и молча глядѣлъ на ея заплаканное лицо, онъ бросается передъ нею на колѣни и цѣлуетъ ея ноги.

— Чтѣ вы дѣлаете? чтѣ вы дѣлаете? — восклицаетъ она: — какъ? на колѣняхъ? передо мной!.. — И онъ отвѣчаетъ ей: — Я не тебѣ поклонился, я всему страданію человѣческому поклонился!

Эта сцена, быть можетъ, всего характеристичнѣе у Достоевскаго. Состраданіе — вотъ муза этого поэта.

Соня постоянно требуетъ, чтобы Раскольниковъ самъ донесъ на себя, чтобы онъ „пострадалъ“. Она видитъ въ этомъ единственное для него спасеніе.

Высказывая такую идею, она становится голосомъ самого автора. Въ Достоевскомъ есть частица національнаго мистицизма, видящаго благо въ страданіи. Мы находимъ ту же идею въ словахъ, сказанныхъ другимъ дѣйствующимъ лицомъ Достоевскаго: — „я боюсь, что буду недостойнъ своего страданія“. Страданіе признается какимъ-то отличіемъ. Оно всегда искушаетъ кого-нибудь или что-нибудь.

Рамки природы не играютъ почти никакой роли у этого поэта. Въ дѣлѣ пейзажа онъ довольствуется тѣмъ, какой могутъ

дать предѣстья большого города, или уголомъ горизонта, влючкомъ голубого неба. У него все проходить въ репликахъ и разговорахъ, въ драматическомъ дѣйствіи, въ живой психологіи. Его пристрастіе къ характерамъ и положеніямъ ненормальнымъ дѣлаетъ то, что эта психологія не всегда достовѣрна. Соня, падшая дѣвушка, отдающаяся первому встрѣчному и, тѣмъ не менѣе, сіяющая чистотой души—это скорѣе антитеза на манеръ Виктора Гюго, чѣмъ настоящій человекъ. Но вообще талантъ Достоевскаго до того убѣдителенъ, что читатель вѣритъ даже въ такія душевныя состоянія, какихъ никогда не встрѣчалъ.

Изъ всѣхъ поэтовъ Россіи, Достоевскій—самый великій диалектикъ. Его сила и заключается, главнымъ образомъ, въ этой удивительной діалектикѣ. Его разговоръ часто бываетъ нѣкотораго рода инквизиціей, непрерывной борьбой между людьми, пытающимися взаимно вырвать секреты другъ у друга. Въ его монологахъ (а онъ любитъ безконечные монологи), онъ анализируетъ дѣло со всѣхъ сторонъ и въ мельчайшихъ подробностяхъ.

Какъ знатокъ болѣзненныхъ состояній души, какъ поэтъ нравственной горячки, Достоевскій не имѣетъ равнаго; но его взглядъ на жизнь менѣе оригиналенъ и менѣе субъективенъ, чѣмъ его психологія. Пороку его религіозныя убѣжденія кажутся доктринерскими и традиционными. Время отъ времени думается, что лица, создаваемые имъ, глубже смотрятъ на вещи, чѣмъ самъ авторъ.

Послѣдній великій реалистъ въ Россіи—Толстой сильнѣе Тургенева и здоровѣе Достоевскаго. Его пессимизмъ сближаетъ его съ Тургеневымъ, а вѣра въ русскаго простолюдина—съ Достоевскимъ. У него есть еще одна, общая съ этимъ послѣднимъ, черта: его недовѣріе къ культурѣ западной Европы, съ тою только разницей, что Толстой распространяетъ его на всю цивилизацію вообще.

Воображеніе у него всемірное, эпическое. Къ нему въ особенности можно приложить слова, что романъ есть новѣйшая эпопея. Онъ не только, подобно многимъ другимъ, изображаетъ извѣстную степень культуры и жизнь, которую все то общество, какое зовется свѣтомъ, ведетъ въ столицахъ Россіи и внѣ ихъ. Онъ даетъ намъ въ своемъ главномъ произведеніи картину цѣлой эпохи, арміи, народа и исторической и всемірной войны.

Тотъ фактъ, что онъ дебютировалъ съ наблюденій надъ самимъ собой и съ автобіографіи—весьма знаменателенъ для Толстого, такъ какъ опредѣляетъ характеръ его реализма. Тургеневъ безусловно ступеневывается въ своихъ произведеніяхъ. У Достоевскаго поэтъ смутно выдаетъ себя въ лицахъ, сотканныхъ

изъ самоотверженія и преданности къ другимъ, за что обыкновенно имъ отплачиваютъ пренебреженіемъ, потому что они не обладаютъ тѣми плѣнительными качествами, которыя заставляютъ блистать другихъ, болѣе дюжинныхъ людей. Таковъ Иванъ Петровичъ, отъ лица котораго ведется разсказъ въ „Униженныхъ и Оскорбленныхъ“. Въ старичкѣ „Бѣдныхъ Людей“ встрѣчаемъ ту же черту.

Описаніе авторомъ самого себя въ „Мертвомъ Домѣ“ трогательно по своей скромности, смиренію даже, хотя онъ и даетъ намъ понять, что другіе смотрятъ на него какъ на особенное существо. Но каждый разъ, какъ Достоевскій даетъ намъ описаніе самого себя, онъ рисуетъ существо исключительной доброты. Онъ себя изобразилъ въ героѣ романа „Идіотъ“. Онъ—взрослый человѣкъ по своему крупному уму, и ребенокъ—по простотѣ и чистотѣ своего сердца. Его болѣзненное состояніе—эпилепсія, которой страдалъ самъ поэтъ—исторгло у него всѣ тѣ стороны ума, въ которыхъ коренятся наши недостатки: иронія, высокомеріе, эгоизмъ, алчность,—и развило только благородныя стороны.

Если Толстой начинаетъ съ описанія самого себя, то потому, что хочетъ описывать только то, что знаетъ. Онъ намъ рассказываетъ свое дѣтство и юность, затѣмъ косвенно, но довольно прозрачно, свою жизнь офицеромъ на Кавказѣ (въ „Казакахъ“), свои воспоминанія о Севастополѣ и многое другое. Ироническое и критическое отношеніе къ самому себѣ вездѣ явственно, гдѣ только онъ рисуетъ самого себя. Онъ разоблачаетъ свои слабости и показываетъ свои ошибки. Онъ никогда не производитъ впечатлѣнія идеальной фигуры. Толстой такъ же правдивъ, когда описываетъ обыденную жизнь и другихъ дѣйствующихъ лицъ. Возьмемъ, на примѣръ, великолѣпную повѣсть „Семейное счастье“. Она производитъ сильное впечатлѣніе картиной зарожденія, развитія и утраты иллюзій жизни. Авторъ намъ представляетъ сначала пробужденіе любви и ея расцвѣтъ, затѣмъ медленное превращеніе, низводящее любовь обоихъ супруговъ на степень дружбы, и, наконецъ, любовь къ дѣтямъ, смѣняющую всѣ другія страсти.

Наряду съ реализмомъ, Толстой обладаетъ еще даромъ замѣчательнаго провидѣнія. Онъ одаренъ тѣмъ историческимъ воображеніемъ, которое такъ рѣдко встрѣчается. Онъ, конечно, настолько современный человѣкъ, что не пытается воссоздавать отдаленныя времена. Онъ не заходитъ далѣе тѣхъ эпохъ, относительно которыхъ можетъ опереться на устные преданія. Во всякомъ случаѣ, картина, которую онъ набросалъ передъ нами—вѣкъ

Александра I—изумительна. Историческіе портреты производят такое впечатлѣніе, какъ будто бы въ основу ихъ легли личныя воспоминанія. Наполеонъ и Кутузовъ могутъ служить примѣрами. Сцена аудіенціи, которую даетъ Наполеонъ русскому посланнику, написана такъ, какъ еслибы авторъ при ней присутствовалъ. Какъ краснорѣчивъ, напримѣръ, этотъ маленький фактъ: „Его бѣлая и толстая шея рѣзко выдѣлялась на черномъ воротникѣ мундира, отъ котораго несло сильнымъ запахомъ одеколона“. Какъ видѣтъ выскочка въ этой мелкой подробности,—въ слишкомъ сильномъ запахѣ.

Портретъ Кутузова такъ же удивителенъ, какъ и портретъ Наполеона; онъ порожденъ жизненной правдой, хотя читатель остается при убѣжденіи, что авторъ слишкомъ превознесъ Кутузова и слишкомъ унижилъ Наполеона. Мы ни въ чемъ не видимъ генія этого послѣдняго, а только его высокоуміе и безуміе, непосредственно увлекшія его на гибель.

Напротивъ того, у Кутузова бездѣйствіе, даже апатія превозносятся авторомъ, потому что доказываютъ ему какъ будто, что тотъ понимаетъ, до какой степени событія чередуются съ правильной послѣдовательностью, и что отдѣльная личность ничего не можетъ въ нихъ ни убавить, ни прибавить.

Это пристрастіе основано на совсѣмъ особенномъ взглядѣ на жизнь у Толстого. Чуждый нервозности и экзальтаціи Достоевскаго, онъ такъ же мало, какъ и этотъ послѣдній, уважаетъ умъ, такъ же мало преклоняется передъ людскимъ величіемъ.

Въ Германіи писатели вѣрятъ въ разумъ и въ культуру, въ Скандинавіи и въ Англии—въ независимую силу личности; Толстой и русскіе вообще поражаются только однимъ ничтожествомъ человѣка передъ вселенной.

Онъ питаетъ уваженіе къ вселенной, къ судьбѣ, но ровно никакого—къ наукѣ, искусству, культурѣ.

Для него важны не искусство и наука, но жизнь и смерть—двѣ серьезныя, непостижимыя вещи. Великій урокъ, который ежедневно преподаетъ жизнь и смерть поэту, заглушаетъ для него весь шумъ земной жизни. Разумъ человѣческой кажется ему такимъ слабымъ, сравнительно съ тайной жизни, что въ этомъ отношеніи онъ считаетъ самый скромный умъ на одномъ уровнѣ съ самымъ крупнымъ. А личная воля ничто передъ неотразимымъ потокомъ историческихъ событій. Въ дѣйствительности не полководецъ ведетъ армію, а судьба толкаетъ ее впередъ. Не главнокомандующій руководитъ ходомъ сраженія. Оно выигрывается или

проигрывается безъ его содѣйствія, въ силу таинственныхъ импульсовъ.

Сцена, характеризующая Толстого, это когда князь Андрей лежитъ раненый на полѣ битвы, и находитъ даже Наполеона маленькимъ и ничтожнымъ сравнительно съ тѣмъ, что происходитъ въ его душѣ подъ необъятнымъ небомъ.

Знаменательно также, что ни одинъ авторъ не изображалъ такъ часто смерти съ такою правдою и такимъ разнообразіемъ. Онъ такъ же хорошо знаетъ настроеніе, предшествующее самоубійству (какъ у мужчины, такъ и у женщины), какъ и чувства, съ какими природы мужественныя или слабыя видятъ приближеніе смерти во время болѣзни, и ужасъ или освобожденіе, какое смерть приноситъ съ собою на полѣ сраженія.

Идеаль, создавшійся у Толстого о возвратѣ къ природному состоянію, происходитъ отъ его недовѣрія къ уму человѣческому. Этотъ идеаль совсѣмъ не подходитъ къ идеалу Руссѣ, потому что имѣетъ религіозный характеръ, совершенно отсутствующій у французскаго философа, хотя и напоминаетъ его.

Каратаевъ, въ „Войнѣ и Мирѣ“, производитъ такое сильное впечатлѣніе на Безухова не только потому, что онъ существо первобытное, но и потому, что въ немъ онъ видитъ то смиреніе и ту христіанскую любовь, какихъ лишень цивилизованный человѣкъ.

Толстой—чистый романтикъ въ томъ смыслѣ, что ищетъ идеала не въ будущемъ, но въ прошломъ. Онъ не чистый пессимистъ, потому что не только не отказался отъ стремленія къ этому идеалу, но постоянно пытался его осуществить и другимъ проповѣдуетъ его осуществленіе.

Этой стороной его пессимизмъ отличается отъ пессимизма, достигшаго своего апогея во французской современной литературѣ. Для французскихъ пессимистовъ жизнь—вещь ничего не стоящая, и надъ ея тайной не стоитъ задумываться. Единственное, что они любятъ и цѣнятъ—это искусство. И все, что они ненавидятъ и презираютъ въ дѣйствительности, они цѣнятъ въ искусствѣ. Когда художественное произведеніе представляетъ единственно лишь то, что само по себѣ гадко и пошло, только тогда мы можемъ быть увѣрены, что любимъ въ художественномъ произведеніи только само искусство. Чтобы вполне наслаждаться искусствомъ, аристократъ искусства даже требуетъ, чтобы грязь и низость составляли его сущность.

Напротивъ того, для Толстого жизнь—вещь такая серьезная и такая неистощимая, что его интересъ къ искусству ступеневается передъ тѣмъ, какою ему внушаетъ загадка жизни. Искус-



ство для него не имѣетъ независимаго интереса. Одно ясно видно во всѣхъ его произведеніяхъ: онъ придаетъ значеніе искусству только какъ орудію истиннаго познанія жизни и только тогда, когда оно передаетъ предметы, достойные познанія, не останавливаясь подолгу на тѣхъ, которые этого недостойны.

Можно сомнѣваться въ вѣрности его воззрѣній на искусство. Что же касается меня, то я не могу одобрить искусства, презирающаго форму, слогъ, то-есть тотъ элементъ, который и составляетъ искусство. Но я согласенъ съ Толстымъ, что слѣдуетъ смотрѣть на литературу какъ на орудіе идей.

Школа писателей, ограничивающаяся тѣмъ, что воспроизводить жизнь, какъ она ее видитъ вокругъ себя, не думая, можно ли и какимъ образомъ ее исправить,—писатель-натуралистъ, который нападаетъ на мораль Жоржъ-Занда, потому что находитъ безнравственнымъ то, что всѣ называютъ безнравственнымъ,—такая школа имѣетъ силу только съ формальной стороны искусства. Но единственно лишь тамъ, гдѣ есть великія надежды и великія идеи, великія мысли о будущемъ, тамъ только и есть въ умахъ тотъ принципъ литературной жизни, который помѣшаетъ имъ окаменѣть и не допустить литературу до истощенія.

Въ наше время въ модѣ удалять радость изъ всякаго разсказа. Наше время печально, а писатели выражаютъ чувства избранныхъ. Но это не долго продлится: во всякомъ случаѣ, это не послѣднее слово человѣчества въ дѣлѣ поэзіи и искусства, потому что это противорѣчитъ психологическому закону, по которому память уклоняется отъ печальныхъ воспоминаній и такъ часто, какъ только можно, возвращается къ счастливымъ моментамъ. Придетъ время, когда въ поэзію снова станутъ заносить неопѣненные моменты радости, часы счастья. Когда пройдетъ тсперешная мода, родится искусство, которое будетъ служить оправой для этихъ моментовъ, какъ для брилліантовъ, и тогда они будутъ издали, но ярко свергать, какъ въ книгахъ, такъ и въ жизни.

Я нисколько не осуждаю того, что поэзія перестала изображать идеальныя фигуры. Но послѣдствіемъ этого стало то, что человѣческой уровень понизился въ современныхъ романахъ. Слишкомъ часто характеры такъ незначительны, что наилучшее описаніе не можетъ ихъ сдѣлать интересными.

Въ настоящее время почти всѣ соглашаются, что въ художественномъ отношеніи умственное значеніе изображаемыхъ лицъ совершенно безразлично. Это вѣрно лишь до извѣстной степени,

потому что высшіе умы всегда будутъ привлечены болѣе возвышенными и болѣе трудными задачами.

А поэтическому таланту свойственно чувствовать все значеніе и всѣ движенія современной души (см. Шекспира и Гёте).

Великій поэтъ не откажется всходить на какую угодно высоту, до которой поднимались его современники. Онъ захватитъ въ свою сѣть всѣ сокровища души и ума.

Въ настоящее время въ литературѣ *отъноженственное* переходитъ въ стоны и плачъ по человѣку, а *мужественное* представляетъ или то, что грубо, или то, что жалко.

Съ новымъ развитіемъ европейской литературы, сила и величіе, которыхъ старый романтизмъ представилъ намъ только призраки, снова торжественно вступаютъ въ литературу, въ рную дѣйствительной жизни.

#### IV. ДАТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ ДЕВЯТНАДЦАТОМЪ ВѢКѢ.

Исторія Даніи въ XIX вѣкѣ представляетъ рядъ ошибокъ и катастрофъ. Это — исторія слабости, исторія осуществленія закона, по которому тотъ, кто разъ ослабѣлъ, становится все слабѣе и слабѣе.

Первымъ врагомъ ея была Англія.

Такъ какъ въ 1800 г. Данія присоединилась къ вооруженному нейтралитету, основанному Россіей для противодѣйствія англійскому преобладанію, то послѣдствіемъ этого было морское сраженіе подъ Копенгагеномъ, которое пришлось выдержать датчанамъ противъ англійскаго флота, гораздо болѣе значительнаго. Хотя исходъ этого сраженія и былъ сомнителенъ, но съ этой битвы ведетъ начало пробужденіе національнаго духа у датчанъ. Отвага, съ какой старыя датскіе плоты, давно уже вышедшіе изъ употребленія, бились съ линейными англійскими кораблями, командуемыми Нельсономъ, оживили въ этомъ народѣ воспоминаніе о его быломъ величіи.

Между тѣмъ, такъ какъ Россія заключила съ Англіей особую конвенцію, то Даніи пришлось одной заключить очень невыгодный миръ, нарушенный въ 1807 г. безъ объявленія войны Англіей, боявшейся, какъ бы Наполеонъ не завладѣлъ и не воспользовался датскимъ флотомъ.

Послѣ трехдневной бомбардировки Копенгагена, англичане захватили датскій флотъ въ качествѣ военной добычи.

Негодованіе, произведенное этимъ неожиданнымъ нападеніемъ,

а также, надо сознаться, очень плохая политика—заставили Данию связать свою судьбу съ судьбой Наполеона, и результатомъ этого было расчлененіе Даниі въ 1814 г., вслѣдствіе пораженія, понесеннаго Наполеономъ подъ Лейпцигомъ. Большая половина, хотя и наименѣ населенная, королевства была отдѣлена отъ Даниі и, послѣ нѣсколькихъ битвъ, присоединена личнымъ союзомъ къ Швеціи Бернадотта.

Почти въ то же самое время обѣднѣніе, произведенное продолжительной войной, и жалкая администрація финансовъ вызвали государственное банкротство, и потребовалось много труда и усилій, чтобы вывести страну изъ этого затруднительнаго положенія. Въ промежутокъ между 1840 и 1850 гг., національное движеніе, охватившее почти всѣ европейскія государства, и неизбежное пресѣченіе ольденбургской династіи въ Даниі вызвали расколъ между тѣми подданными короны, природный языкъ которыхъ былъ датскій, и тѣми, которые говорили по-нѣмецки. Этотъ расколъ мало-по-малу привелъ къ ссорѣ съ германскимъ союзомъ. Какъ Англія въ былое время и какъ Швеція въ 1814 г., врагомъ стала теперь Германія. Въ 1848 г. началась первая война Даниі съ Германіей изъ-за Шлезвига, и Даниа, въ продолженіе 3-хъ лѣтъ, вела ее со славой и, въ концѣ концовъ, одержала побѣду. Однако миръ длился не болѣе 12 — 13 лѣтъ; всѣмъ извѣстенъ исходъ второй датско-нѣмецкой войны, окончившейся въ 1864 г. присоединеніемъ къ Пруссіи одной трети королевства южной и самой плодородной его части.

Каждому изъ этихъ событій, каждой эпохѣ, которой они служатъ рамками, соответствуетъ специальный періодъ умственной жизни Даниі.

Сраженіе подъ Копенгагеномъ пробудило и оживило національный духъ. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ были разбиты вѣковыя оковы крестьянъ, что превратило крѣпостного, прикрѣпленнаго къ землѣ—въ свободнаго человѣка. Крестьянинъ, который до тѣхъ поръ охотно калѣчилъ самого себя, только бы избавиться отъ военной службы, тутъ по доброй волѣ шелъ на войну. Въ 1801 г. фуры слѣдовали одна за другой, отвозя въ городъ крестьянъ-волонтеровъ.

Почти всѣ поэты, почти всѣ писатели этой эпохи были свидѣтелями битвы подъ Копенгагеномъ, и въ числѣ ихъ Оленшлегеръ, которому битва внушила его первую значительную поэму.

Каноннада Нельсона породила датскую поэзію XIX вѣка.

Поэзія, пренебрегавшая во время классическаго періода національными преданіями и мифами, обратилась къ героическимъ вре-

менамъ и рыцарской эпохѣ, — въ миеологіи предковъ. Оленшлегеръ написалъ свои первыя трагедіи, военныя и любовныя, свой большой циклъ поэмъ: „Боги сѣвера“, гдѣ изображается борьба силы сознательной и бессознательной съ хитростью и лукавой осмотрительностью.

Страна наивной и благородной силы — вотъ точка зрѣнія, съ которой смотрѣли на родную страну.

Но не въ этомъ самое существенное. Новый взглядъ на міръ вообще и на человѣческую душу (взглядъ, явившійся подъ влияніемъ европейскаго романтизма, но, тѣмъ не менѣе, отмѣченный національнымъ духомъ) представляетъ еще больше психологическаго интереса. Идеаломъ прошлаго вѣка былъ добрый буржуа, добродѣтельный гражданинъ. Даже геніи, даже великіе поэты: Гольбергъ, основатель новѣйшей датско-норвежской литературы, Эвальдъ, восторженнѣйшій изъ лириковъ — не знаютъ большей похвалы, какъ титулъ добраго гражданина. Теперь, когда государство распадается и, кромѣ того, когда романтизмъ ввелъ культъ генія, зарождается новая національная идея о геніѣ. Представляютъ себѣ геній одареннымъ особой индивидуальностью, помимо государства. Понятіе о немъ становится болѣе трансцендентальнымъ, хотя и болѣе глубокимъ, и, наконецъ, геній олицетворяется въ Аладдинѣ, Оленшлегера (его самомъ широкомъ и блестящемъ твореніи), какъ любимецъ фортуны.

Въ промежуткѣ между Гольбергомъ и Оленшлегеромъ стоитъ молодость и зрѣлость Гёте и его главное произведеніе, его опредѣленіе генія, которое называется *Фаустъ* и долго останется послѣднимъ словомъ человѣчества объ этомъ предметѣ. Фаустъ — это геній, изображенный какъ проникательный и любознательный умъ, стремящійся къ знанію безъ пробѣловъ, обнимающій въ своей универсальности все, что существуетъ, желающій такой полной и мощной жизни, чтобы она могла остановить и задержать настоящій моментъ, и такого же безграничнаго могущества надъ прошлымъ и надъ настоящимъ.

Изобразить въ поэмѣ, послѣ „Фауста“, геній — стало дѣломъ очень труднымъ. Поэты только развивали намѣченный типъ; напримеръ, Байронъ такъ сильно подчеркнулъ его болѣзненныя, сладострастныя и меланхолическія черты, что создалъ искусственную меланхолію.

Перевернуть типъ наизнанку, опредѣлить геній совсѣмъ по новому и съ гордой наивною — такая мысль могла придти только датчанину начала нынѣшняго столѣтія.

„Нѣтъ, — сказалъ себѣ Оленшлегеръ, — не трудъ, не умственная

борьба образуютъ гений. Усидчивость въ трудѣ, пытливость, усиліе, знаніе тутъ ровно, ничего не значать. Любимцу счастья, на слѣднику произвольныхъ качествъ ума—ему принадлежить вся радость жизни“.

Онъ не нуждается въ усиліи. Онъ, какъ Аладдинъ восточной сказки, котораго Оленшлегеръ избралъ героемъ своей юношеской драматической поэмы, ловить всѣ апельсины, брошенные изъ окна торговцемъ ему и товарищамъ. Сцена эта знаменита. Юноши, разсерженные его постоянной удачей, связываютъ ему за спиной руки. Аладдинъ стоитъ спокойно, а апельсины сами падаютъ ему въ чалму.

Пытливый умъ, который обезсмертилъ Гёте—это Нуррединъ, блѣдный и ученый волшебникъ, открывающій, благодаря изученію африканскихъ фоліантовъ, мѣсто въ персидской землѣ, гдѣ зарыта волшебная лампа. Но самъ волшебникъ не въ состояніи захватить эту лампу, символъ всемогущества: это можетъ сдѣлать только безпечный и лѣнивый мальчикъ, презираемый волшебникомъ и, въ концѣ концовъ, берущій надъ нимъ верхъ.

Въ идею, которую составилъ себѣ Оленшлегеръ о гениѣ, вошло нѣсколько разнообразныхъ элементовъ. Онъ былъ современникомъ метаморфозы, которая за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ превратила артиллерійскаго поручика въ властелина міра. Онъ видѣлъ нѣсколькихъ маршаловъ Наполеона, на которыхъ тоже пролились дары фортуны въ великой эпопеѣ тогдашняго времени.

Въ 1807 г. Наполеонъ былъ провозглашенъ императоромъ, а въ 1805 г. изданъ былъ „Аладдинъ“. Но характерныя черты героя заимствованы имъ въ своей собственной душѣ. Истинною его моделью послужила личность самого поэта. Онъ по собственному творческому оригинальному уму составилъ себѣ понятіе о гениѣ вообще.

Подобно Аладдину, быстро нашедшему лампу, Оленшлегеръ, послѣ суточной бесѣды съ Генрихомъ Стефеніемъ, вернувшимся изъ Европы и усвоившимъ себѣ идеи новаго вѣка, былъ увлеченъ и захваченъ могуществомъ своего таланта и въ одну ночь написалъ свою первую большую поэму, составившую эпоху въ датской литературѣ: „Золотые рога“.

Возстановивъ забытую древность, эта поэма произвела настоящее возрожденіе стараго сѣвера и своей прелестью охватила Норвегію, только-что отторгнутую отъ Даніи политикой великихъ державъ, и даже привлекла на ея сторону исконнаго врага, Швецію, и ея величайшій поэтъ, Тегнеръ, отдалъ дань уваженія Оленшлегеру, возложивъ ему торжественно на голову лавровый

вѣнокъ передъ главнымъ алтаремъ собора въ Лундѣ, при звукахъ органа и громъ пушешъ.

Въ „Аладдинѣ“ есть поразительная картина: Нуррединъ только-что укралъ лампу, похитилъ дворецъ и молодую жену героя. Ограбленный, разоренный, присужденный къ смерти, Аладдинъ получилъ отсрочку съ обязательствомъ вернуть султану похищенную дочь. Несчастія лишаютъ его разсудка. Онъ входитъ помѣшаннымъ въ хижину матери покойницы и протягиваетъ руку, чтобы снять волшебную лампу съ гвоздя, на которомъ она когда-то висѣла, и воображаетъ, что держитъ ее въ рукѣ.

Онъ становится передъ домомъ, окруженный чернью, которая надъ нимъ насмѣхается и оскорбляетъ его. — Не смѣйтесь! — восклицаетъ онъ грознымъ голосомъ: — лучше уходите поскорѣе. Видите вы лампу, которую я держу за пазухой? Мнѣ стоитъ ее только потерять, и появится демонъ и тотчасъ же вернетъ мнѣ мой дворецъ, а замокъ раздавитъ васъ, если вы не разбѣжитесь. — Ему отвѣчаетъ громкій хохотъ.

Вотъ судьба самого Оленшлегера. Въ зрѣломъ возрастѣ онъ все еще воображаетъ, что владѣетъ лампой юности, и все еще надѣется властвовать надъ умами: въ нему поворачиваются спиной, а онъ не понимаетъ невѣрія насмѣшливаго юношества.

Между тѣмъ таковой взглядъ на геній принадлежитъ не поэту, въ немъ отражаются взгляды и понятія его современниковъ; позволю даже себѣ замѣтить, что въ немъ отражается извѣстная сторона характера всего датскаго народа. Сила этого народа всегда была наивной силой. Ея первобытный типъ — легендарный герой, сынъ короля, слышущій за дурачка и чуть не за нѣмого до того дня, какъ спасаетъ отечество, убивая на поединкѣ двухъ высокомѣрныхъ саксонскихъ королей двумя ударами шпаги. Онъ прокалываетъ одного и разрушаетъ другого. Даже когда онъ говоритъ какъ мудрецъ, его мудрость отличается наивною національнаго генія. Всѣ брони, которыя хотятъ на него надѣть, лопаются, потому что у него слишкомъ широки плечи. Первую и вторую шпагу, которыя ему подають, онъ ломаетъ о древесный пень, испытывая ихъ. Когда слѣпой старикъ отецъ велитъ принести ему лучшую изъ существующихъ шпагъ, долго зарытую въ землѣ, и проситъ испытать ее, онъ съ наивною мудростью отвѣчаетъ:

— О, нѣтъ! я лучше подожду дня битвы, не пробуя ее заранее.

Кому приходилось прибѣгать къ помощи друзей въ день бѣды, тотъ оцѣнитъ мудрость отвѣта.

Такимъ образомъ, Аладдинъ отвѣчаетъ древнему и вполнѣ національному типу. И величайшіе умы, современные Оленшлегеру, всѣ были большими дѣтьми, также какъ и великими талантами.

Какъ бы въ вознагражденіе матеріальныхъ потерь, Данія, въ началѣ текущаго столѣтія, произвела цѣлую плеяду знаменитыхъ талантовъ: кромѣ Оленшлегера и Торвальдсена, признаннаго первымъ скульпторомъ своего времени, — Ганса-Христіана Андерсена, волшебныя сказки котораго очаровали публику Америки и Азіи, также какъ и Европы. Всѣ они отличаются качествами, наименованными Аладдина дѣтской простотой, искренностью и непринужденностью манеръ, внезапнымъ и поразительнымъ развитіемъ ума и воображенія и полнымъ отсутствіемъ постепеннаго развитія.

Даже въ политикѣ, гдѣ, казалось бы, не мѣсто Аладдинамъ, мы встрѣчаемъ эту черту характера у всѣхъ вліятельныхъ людей.

Таковъ Леманъ, самый извѣстный изъ датскихъ либераловъ 1848 г. Красавецъ собой, природенный ораторъ, хотя краснорѣчію его не доставало глубины, какъ красотѣ выраженія, его карьера похожа на карьеру триумфатора. Чуть не отрокомъ, онъ, такъ сказать, волею цѣлаго народа, возведенъ въ санъ министра въ маѣ 1848 г. Но онъ не умѣлъ считаться съ фактами. Онъ пренебрегалъ, также какъ Оленшлегеръ и Андерсенъ, пытливой школой Нурредина. Дитя милое, любимое, балованное, краснорѣчивое, остроумное — такимъ онъ былъ, такимъ и остался. Фантазеръ, мечтавшій, посредствомъ краснорѣчивыхъ рѣчей, удалить серьезныя препятствія въ политикѣ, онъ видѣлъ въ 1864 г., какъ разсѣялись всѣ его надежды, и, утративъ въ 1870 г. послѣднія иллюзіи, умеръ немедленно вслѣдъ затѣмъ.

Эта идея, эта ложная антитеза генія и труда упорнаго и усиленнаго, этотъ контрастъ, неразумно установленный между умомъ и усидчивостью, были характеристичны и пагубны для Даніи.

Это мнѣніе мы находимъ у величайшаго мыслителя, какъ и у величайшаго религіознаго и педагогическаго генія страны: у Кьеркегаарда и у Грундвига.

Кьеркегаардъ, плодовитѣйшій и оригинальный мыслитель, какового только производили скандинавскія страны, никогда не хотѣлъ участвовать въ коллективномъ трудѣ какой-либо науки. Какъ религіозный мыслитель, онъ собственно не признавалъ значенія науки. Какъ поэтъ, онъ гордился быстротой своего творческаго производства. Онъ одинъ и самъ по себѣ — и не хотеть

имѣть ничего общаго съ трудомъ другихъ. Онъ избранникъ Бога, и мысли ежедневно приливаютъ въ нему потокомъ, такъ что ему приходится скорѣе обороняться отъ нихъ, нежели звать ихъ. Его обширная система — въ нѣсколько лѣтъ онъ написалъ столько, что самъ по справедливости величаетъ это „цѣлой литературой“ — остается его личнымъ дѣломъ вѣтъ всякой другой правобѣрной науки, единственной, какъ произведение художника или волшебника, хотя она и обогатила психологію и нравственность.

Въ то время какъ Кьеркегаардъ всю свою жизнь прославлялъ мученичество и самъ умеръ мученикомъ, его современникъ Грундвигъ, болѣе счастливый, чѣмъ онъ, имѣлъ счастье до осуществленія болѣе части своихъ идей. Его цѣлью было естественное воспитаніе, въ противоположность латинскому воспитанію лицеевъ, и уже при жизни его страна успѣлась крестьянскими школами, организованными по его образцу. Цѣль, преслѣдуемую въ этихъ школахъ, можно выразить въ двухъ словахъ: разбудить умъ въ юныхъ крестьянахъ и крестьянкахъ, уже получившихъ довольно хорошее образованіе въ элементарныхъ школахъ. Этого достигаютъ, собирая толпы въ крестьянскіе университеты, довольно хорошо устроенные, и читая имъ лекціи по отечественной исторіи, преподавая имъ скандинавскую мѣологію и объясняя — довольно, впрочемъ, произвольно — древнія народныя сказанія, но главнымъ образомъ заставляя ихъ пѣть и пѣть: сѣверныя пѣсни, гимны и свѣтскія аріи, чтобы научить художественному выраженію счастья жизни, которое желаютъ въ нихъ оживить, и преподаваемое имъ христіанское ученіе — такъ-называемое радостное ученіе, т.-е. ученіе вѣры, надежды и ума, а не труда и самоотреченія. Вотъ почему въ высшихъ школахъ не требуютъ никакихъ скучныхъ и правильныхъ занятій. Умъ дѣйствуетъ помимо того, такъ какъ талантъ въ трудѣ не нуждается.

Представьте себѣ народъ съ такимъ первобытнымъ характеромъ и съ такимъ развитіемъ, — вѣрнѣе, народецъ въ какихъ-нибудь два милліона душъ — въ то время было даже и того меньше, — приученный очень высоко думать о себѣ и съ самыми наивными взглядами на міръ, — представьте себѣ такой народъ лицомъ въ лицу съ многочисленнымъ нѣмецкимъ народомъ, въ десять разъ превосходящимъ въ численности, и представьте, какое впечатлѣніе должно было произвести счастливое окончаніе почти трехлѣтней войны съ германскимъ союзомъ этой горсти людей, неспособныхъ, само собой разумѣется, отвести чисто-политическимъ причинамъ подобающее имъ вліяніе. Можетъ ли этотъ народъ не объяснить своимъ здоровымъ и сильнымъ національнымъ духомъ, своимъ



превосходствомъ надъ лукавою хитростью шлезвигъ-голландскихъ инсургентовъ и ихъ союзниковъ эту блестящую побѣду?

Представьте себѣ впечатлѣніе, произведенное національной и столь удивительной побѣдой, на народъ, достигшій апогея своей культуры съ Торвальдсеномъ въ искусствѣ, съ Оленшлегеромъ и Андерсеномъ и другими, которые всѣ достигали совершенства въ своемъ родѣ безъ усиленнаго и кропотливаго труда, благодаря таланту и счастливому случаю—и вы поймете, что эти полтора или два милліона людей вообразили себя не только непобѣдимымъ, храбрѣйшимъ народомъ въ мірѣ, но и по умственнымъ качествамъ превосходящимъ всѣ остальные народы.

Когда же въ 1849 г. народу удалось добиться конституціи и сохранить ее во время великой европейской реакціи, онъ вообразилъ себя также и свободнѣйшимъ народомъ міра,—народомъ, долженствующимъ служить образцомъ по своей внутренней политикѣ.

Двѣнадцать лѣтъ, протекшихъ между двумя шлезвигскими войнами, были однимъ непрерывнымъ сномъ счастья и силы. Свободный, исполненный чувства собственного достоинства, возрожденный какъ Аладдинъ, народъ не видѣлъ близившейся бѣды.

Что касается Германіи, то на нее не обращали особеннаго вниманія и не понимали ея! Ее представляли себѣ въ карикатурномъ образѣ ученаго педанта и волдуна, Нурредина. Конечно, онъ ученъ и расчетливъ; у него пытливый и терпѣливый умъ. Но все это не исправитъ его существеннаго недостатка. То, чего ему не хватаетъ, важнѣе всего того, что у него есть: та простота вдохновеннаго ребенка, передъ которымъ двери сами собой растворяются, та таинственная и простая сила, прирожденная и присущая только сѣвернымъ народамъ и блистающая подобно сѣверному сіянію, неизмѣнная, какъ полярная звѣзда.

Датчанинъ чувствовалъ себя не только датчаниномъ, но и скандинавомъ, жителемъ сѣвера.

Эти чувства поощрялись частыми собраніями студентовъ всѣхъ университетовъ, собраній, устраиваемыхъ то въ Даніи, то въ Норвегіи или Швеціи. Около 1864 г. въ вліятельныхъ кружкахъ Даніи шведскіе обычаи были почти популярнѣе мѣстныхъ, а норвежская поэзія привѣтствовалась и изучалась съ такимъ восторгомъ, что туземные поэты могли позавидовать.

То было время Бьёрнсена и Ибсена. Бьёрнсень писалъ повѣсти изъ крестьянскаго быта, а Ибсень—свои первыя героическія драмы; крестьяне были принаряжены, а герои театральны, но то и другое соотвѣтствовало тенденціямъ датской публики.

Интересъ къ Норвегіи и Швеціи былъ, впрочемъ, не только что поэтический, но и платоническій. Данія хлопотала о союзѣ, направленномъ противъ Германіи; мечта будущаго была—королевство Маргариты, три скандинавскихъ страны, возсоединенныхъ подъ однимъ скипетромъ.

Невозможность для трехъ небольшихъ скандинавскихъ странъ противостоятъ даже соединенными силами прусской и австрійской арміямъ—это и въ голову не приходило. Объ этомъ никогда и не говорилось даже.

Поэтому легко себѣ представить, какое сокрушающее дѣйствіе произвела война 1864 г. Союзъ съ Швеціей и Норвегіей разсѣялся, какъ миражъ; священные обѣты скандинавскихъ братьевъ были нарушены. Англія спрятала въ карманъ кулакъ, которымъ грозила Пруссіи и Австріи. Дѣйствительная жизнь взяла верхъ надъ романтической балладой и, наконецъ, что всего удивительнѣе—храбрость и простота сѣвера спасовали передъ игольчатыми ружьями съ дальнимъ боемъ и раскатами баллистики и тактики. Нуррединъ побѣдилъ Аладдина. Холодная мудрость восторжествовала надъ гениемъ датскаго народа; дисциплина—надъ отвагой свободныхъ людей; вѣра въ успѣхъ праваго дѣла поклеблена мелочными расчетами военной науки.

Миръ, который принуждены были заключить, разрѣзалъ живое тѣло Даніи. Вѣковая граница страны была утрачена. Первый министръ эмигрировалъ въ Новую-Зеландію.

И со всѣмъ тѣмъ 1864—70 гг. не могли разсѣять иллюзіи датскаго народа. Хотя и оглушенный ударомъ, онъ не понялъ его значенія.

Эти годы неизгладимо запечатлѣлись въ моемъ умѣ. Когда я настолько развился, чтобы постановить діагнозь умственнаго состоянія Даніи, я испыталъ мучительную и постоянно возрастающую боль. Я видѣлъ болѣзнь, и спрашивалъ себя, какъ ее вылечить. Я испытывалъ чувство челоуѣка, исключеннаго изъ европейской цивилизаціи, —челоуѣка, стоящаго передъ запертою дверью и ломающаго себѣ голову, какъ въ нее пройти. Дверь отворилась наружу, надо было изнутри снять съ нея запоръ.

Надо было внушить народу новыя и болѣе правильныя понятія, раскрыть ему глаза. Надо было измѣнить его взгляды на умъ и гений. Онъ долженъ узнать, что гений не стоитъ въ противоположности съ методическимъ усидчивымъ трудомъ. Онъ долженъ узнать, что сознаніе дѣйствительности—неотъемлемая и отнюдь не ничтожная часть даровъ генія.

Кромѣ того, нужно было познакомить народъ съ Европой.

Нужно было изменить его понятія о великихъ державахъ, чтобы онъ не думалъ, что несправедливость и безнравственность — единственные и неотъемлемыя свойства ихъ политики.

Вотъ какую задачу приняла на себя новая литература, возникшая послѣ 1870 г., основанная сначала кружкомъ шести-семи молодыхъ людей, а въ настоящее время преобладающая въ Даніи и въ Норвегіи.

Такъ какъ народныя бѣдствія необходимо было частію приписать умственной лѣни и непривычѣ разсуждать, то прежде всего провозглашенъ былъ принципъ свободы мышленія и критики. Потребовали, чтобы литература занималась всѣми общественными вопросами. Затѣмъ съ успѣхомъ сдѣлана была попытка воскресить духъ народной поэзіи, совсѣмъ ослабѣвшей и почти умиравшей.

Прежней точкой зрѣнія былъ поэтический идеализмъ, утверждавшій, что не дѣло поэзіи подражать дѣйствительности. Тому, что этотъ идеализмъ называлъ подражаніемъ природѣ, онъ противопоставлялъ съ кажущейся справедливостью и здравымъ смысломъ слѣдующее разсужденіе.

Искусство, — говорилось, — способное только подражать дѣйствительности — лишнее. Къ чему повторять въ искусствѣ то, что мы имѣемъ въ превосходной степени въ жизни. Напротивъ того, задачей поэзіи должно быть отвлеченіе насъ отъ дѣйствительной жизни съ ея заботами, пошлостью, безобразіемъ и страданіями, чтобы мы могли забыть объ этомъ, переносясь въ лучшей міръ.

Въ силу этого литература прославляла крестьянина и рабочаго. Но эти идеализированные крестьяне и рабочіе были невѣрны дѣйствительности. Они изображались такими, какими ихъ представляли себѣ образованные люди, надѣлившіе ихъ въ 1849 г. общей подачей голоса. Когда въ Даніи и Норвегіи образовались партіи крестьянъ и простолюдиновъ, называвшіяся „лѣвыми“, образованные люди, чиновники и крупные землевладѣльцы скоро утратили свои симпатіи къ крестьянамъ и стали бороться съ ними безпощадно, такъ же страстно, какъ прежде лѣстили имъ.

Съ другой стороны, новая школа писателей, принявшая названіе „литературной лѣвой“, вступила въ союзъ съ партіей крестьянъ и простолюдиновъ. Эта школа, доставляя образованнымъ вождямъ крестьянамъ для борьбы съ бюрократіей, вмѣстѣ съ тѣмъ изображала въ своихъ книгахъ простолюдиновъ и рабочихъ таковыми, какъ они есть, не отвращаясь отъ ихъ недостатковъ, но стараясь возвысить ихъ умъ. Мало того, въ столицѣ общество молодыхъ литераторовъ (принадлежавшихъ къ новой школѣ)

организовало въ 1882 г. школы для рабочихъ. Преподаватели учатъ даромъ, ученики ничего не платятъ. Въ настоящее время школа эта посѣщается пятью тысячами работниковъ и работницъ. Три года спустя, тѣ же молодые люди учредили большую постоянную контору юридической консультаціи и помощи, тоже бесплатную.

Въ періодъ 1870—1880 гг. писатели новой школы еще были неизвѣстны. Всего болѣе затруднило ихъ дѣятельность то, что самые талантливые изъ скандинавскихъ писателей: Бьёрнсень и Ибсень, все еще принадлежали къ прежней школѣ, хотя Ибсень уже вступилъ въ новый періодъ развитія. Что касается Бьёрнсена, то онъ объявлялъ себя до тѣхъ поръ врагомъ новаго направленія по причинамъ религіознымъ. Но съ теченіемъ времени молодая школа имѣла счастье видѣть, какъ два великихъ поэта усвоили себѣ ея идеи. Бьёрнсень предпринялъ даже политическую и религіозную агитацію, сильно взволновавшую умы, тогда какъ Ибсень, до сихъ поръ прославлявшійся столпами стариннаго общества, навлекъ на себя новой серіей драматическихъ произведеній нападки буржуазной прессы.

Борьба велась ожесточенная съ обѣихъ сторонъ, но новая школа, часто распадавшаяся, снова смыкала свои ряды. Главный характеръ этой литературы, съ сильными развѣтвленіями, это—глубокая и непрерывная критика общественнаго положенія современнаго сѣвера, тѣсная связь книги съ жизнью. Поэтому самому она, пожалуй, стоитъ выше литературъ иныхъ болѣе значительныхъ европейскихъ странъ, напр. современной Германіи, которая не имѣетъ связи съ дѣйствительною нѣмецкою жизнью. Литература въ Германіи—и не сила, и не авторитетъ; она не имѣетъ воспитательнаго значенія, ни противъ чего не борется и ничего не поощряетъ. Поэты любятъ переносить ихъ въ своихъ повѣстяхъ въ Италію, въ своихъ романахъ въ древній Египетъ; сцены въ ихъ драмахъ происходятъ скорѣе въ отвлеченномъ мірѣ, нежели въ современной германской имперіи. Поэты составляютъ украшенія нѣмецкой жизни, а не ея силу. Вотъ почему ихъ вліяніе ничтожно.

Къ тому же обширные предѣлы имперіи и промышленная организація всего, что относится къ литературѣ, подвергаютъ писателей опасности, которая незнакома въ маленькихъ странахъ сѣвера. Издатель, редакторъ журнала, словомъ, литературный финансистъ все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ значеніе въ Германіи, становится литературной особой, съ которой нужно считаться. Черезъ него толпа заявляетъ свой дурной вкусъ. Каждый мѣ-

сацѣ толстые журналы даютъ повѣсти по вкусу журнала и публики. Въ Скандинавіи лучшіе писатели не подчиняются издателю и денежной выгодѣ. Становясь выше вкуса публики или бравлируя имъ, они не позволяютъ руководить собой. Многіе изъ нихъ охотнѣе терпятъ бѣдность, довольствуются ничтожнымъ числомъ печатаемыхъ экземпляровъ своихъ сочиненій, переносятъ отказы со стороны театровъ, получающихъ субсидіи или пользующихся монополіей, и не дѣлаютъ ни малѣйшей уступки вкусамъ публики.

И съ истиннымъ любопытствомъ всѣ ждутъ всякаго новаго произведенія истинно великихъ людей. Каждый годъ или черезъ годъ, два, выходитъ драма Ибсена. Публика видитъ, что у него нѣтъ другой цѣли, какъ описать жизнь сѣвера, крайне тяжелую, и однако книга обыкновенно расходится въ первый же день въ количествѣ 10.000 экземпляровъ. Публика знаетъ, что Ибсенъ пишетъ не по привычкѣ, не изъ виртуозности или по рутинѣ, и публика радуется, что онъ говоритъ только тогда, когда ему есть что сказать, и что каждая его новая книга раздвигаетъ рамки искусства.

Вотъ почему эта новая литература находится въ такой тѣсной связи съ національной цивилизаціей; она не выше ея, какъ была нѣмецкая поэзія во времена Гёте, и не ниже, какъ современная нѣмецкая поэзія; она можетъ считаться ея самымъ вѣрнымъ органомъ.

И только вслѣдствіе того датская литература, сама по себѣ не особенно обширная, можно сказать, приближается къ такимъ крупнымъ литературамъ, какъ французская и русская.



---

## ПОСМЕРТНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ НАДСОНА

---

Менѣ года тому назадъ, мы имѣли случай констатировать по истинѣ „необыкновенный“ успѣхъ стихотвореній Надсона. Четыре изданія, слѣдующія одно за другимъ въ теченіе полутора года и все еще не исчерпывающія требованій публики—это былъ фактъ до крайности рѣдкій въ исторіи нашей поэтической литературы. Съ тѣхъ поръ мы стали свидѣтелями явленія еще болѣе замѣчательнаго. Въ самое короткое время распроданы еще два изданія стихотвореній Надсона: одно—повторявшее прежнія, другое—болѣе объемистое, болѣе дорогое и напечатанное въ значительно болѣешемъ числѣ экземпляровъ. А между тѣмъ это послѣднее изданіе вышло въ свѣтъ полгода спустя послѣ смерти Надсона, когда успѣло уже ослабѣть впечатлѣніе, ею вызванное. Дѣло идетъ, очевидно, не о мимолетномъ увлеченіи личностью поэта, а о глубокомъ и широко распространенномъ сочувствіи къ его поэзіи. Всякая критическая оцѣнка Надсона становится, при такихъ условіяхъ, попыткой опредѣлить источникъ этого сочувствія. Возвращеніе къ поэту, котораго мы касались уже два раза <sup>1)</sup>, оправдывается и массой новаго матеріала. Посмертныхъ стихотвореній послѣднее изданіе содержитъ въ себѣ гораздо больше, чѣмъ напечатанныхъ при жизни Надсона; и тѣ, и другія расположены, притомъ, въ хронологическомъ порядкѣ. Все это, въ связи съ біографическими

---

<sup>1)</sup> См. № 10 „Вѣстника Европы“ за 1885 и № 1 за 1887 г.

данными, бросаетъ яркій свѣтъ на внутреннюю жизнь поэта и на развитіе его таланта.

Поразительна, прежде всего, та строгость, съ которою Надсонъ относился въ самому себѣ. Посмертныя его стихотворенія восходятъ до 1879 года, т.-е. почти до самаго начала его поэтической дѣятельности (онъ сталъ писать въ 1878 г.). Юноша, почти ребенокъ—ему было тогда только шестнадцать лѣтъ—не увлекается ни быстро достигнутою извѣстностью, ни одобреніемъ компетентныхъ судей; онъ отдаетъ въ печать только меньшую часть написаннаго, и сохраняетъ эту сдержанность даже тогда, когда получаетъ возможность приступить къ отдѣльному изданію своихъ сочиненій. Совершенно слабыхъ пьесъ между посмертными стихотвореніями Надсона весьма немного, гораздо меньше, чѣмъ такихъ, которыя могли бы послужить украшеніемъ любого журнала, любого сборника—и въ этой послѣдней категоріи относятся нѣкоторыя изъ самыхъ раннихъ произведеній поэта (напр., „Въ альбомъ“—1879, „Облака“—1880 года), много лѣтъ не выходяшія изъ его портфеля. Казались ли они ему неудачными, незаконченными, мечталъ ли онъ о другой формѣ для той же идеи—не знаемъ; несомнѣнно только одно—что онъ предъявлялъ къ себѣ такія требованія, о которыхъ не подумали бы весьма многіе молодые и даже немолодые поэты. Особенно ревниво, повидимому, Надсонъ оберегалъ отъ постороннихъ глазъ выраженія своей личной, интимной жизни. Онъ точно боялся вопроса: „какое дѣло намъ, страдалъ ты или нѣтъ?“—и не хотѣлъ выносить на рынокъ всѣ свои задушевные чувства и мысли. Совершенно ихъ скрыть онъ не могъ, онъ былъ для этого слишкомъ субъективенъ, слишкомъ лириченъ; но дѣлился онъ ими съ публикой преимущественно тогда, когда угадывалъ въ нихъ отголосокъ настроенія, свойственнаго далеко не ему одному, или тогда, когда переполнялась чаша страданія и горя. Громкій крикъ облегчаетъ вѣдь иногда не одну только физическую боль.

Въ болѣзненно-впечатлительной натурѣ Надсона все оставляло слѣдъ особенно глубокой. Потери, скоро забываемыя другими, оставались для него вѣчно-свѣжими, легко излечимыя раны—вѣчно-открытыми; примиреніе съ совершившимся фактомъ давалось ему до крайности трудно. Отсюда громадная роль, принадлежащая въ его жизни ранней любви и ранней потерѣ. Н. М. Д., памяти которой Надсонъ посвятилъ свои стихотворенія, промелькнула передъ нимъ какъ тѣнь, но воспоминаніе о ней осталось господствующимъ чувствомъ въ душѣ поэта. О силѣ и устойчивости этого чувства можно судить только теперь, по выходѣ въ

свѣтъ посмертныхъ стихотвореній Надсона. При жизни онъ напечаталъ только двѣ или три пьесы, проникнутыя сознаниемъ невознаградивой утраты; написано ихъ было несравненно больше—и ни одна изъ нихъ не прозвучала бы фальшивой нотой среди другихъ произведеній поэта. Онъ не хотѣлъ, однако, кокетничать своей печалью, гордиться своимъ постоянствомъ; онъ былъ скорѣе расположенъ къ самообвиненію, когда любимый образъ заслонялся на время наплывомъ новыхъ впечатлѣній. „Есть что-то подлое и низкое, — пишетъ Надсонъ А. Н. Плещееву черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Н. М. Д. (она умерла въ 1879 г.), — въ способности забвенія, вложенной въ душу человѣка. Забвеніе, въ сущности говоря, та же измѣна, и даже хуже измѣны, такъ какъ лицо страдательное изъ могилы не въ силахъ поднять свой голосъ; и вмѣстѣ съ тѣмъ это неизбежно, это человѣчно, это одна сторона стараго разлада между идеаломъ и жизнью... Помните, еще не такъ давно мы съ вами говорили на эту тему, и я, на основанія того, что есть забвеніе, отрицалъ любовь, такъ какъ любовь на время кажется мнѣ жалкой, ничтожной, земной любовью, а сердце проситъ, требуетъ вѣчности и чистоты идеала“. Къ одному времени съ этимъ письмомъ относится, по всей вѣроятности, посмертное стихотвореніе: „Все это было — но было какъ будто во снѣ“, помѣченное 1882 годомъ. „Нѣту любви, — восклицаетъ Надсонъ, обращаясь къ дорогой умершей, — если годы похитить могли чистый твой образъ изъ сердца... Безъ вѣчности чувства смысла въ немъ нѣтъ! Если жъ нѣту любви, — нѣтъ искусства, правды, добра, красоты, — нѣтъ души у земли!“ Упреки совѣсти и опасенія были напрасны; „холодный ключъ забвенья“ только касался, по временамъ, устъ поэта, но не „утолялъ жаръ его сердца“. Въ одномъ изъ посмертныхъ стихотвореній 1883 г. („Для отдыха отъ бурь“) Надсонъ жалѣетъ о томъ, что „прекрасныя черты, любимыя когда-то, затупевала жизнь чертами чуждыхъ лицъ“...

„Но я безплотная, — ты все еще со мною  
И все еще сквозь даль безжалостныхъ годовъ,  
Изъ тайника души ты свѣтишь мнѣ звѣздой  
И говоришь изъ строкъ завѣтныхъ дневниковъ.  
Пусть я твой взоръ забылъ, — но ласки, въ немъ сіявшей,  
И чистыхъ слезъ его не могъ я позабыть;  
Пусть смолкнулъ голосъ твой, любовью мнѣ звучавшій,  
Но смыслъ рѣчей твоихъ не перестанетъ жить“..

„Порыванья къ былымъ годамъ, къ любви пережитой“ („Все та же мысль“, 1885 г.) не оставляли поэта до самой могилы;



они воспитали въ немъ твердую вѣру, что „только утро любви хорошо, хороши только первые, робкія рѣчи, трепеть дѣвственно-чистой, стыдливой души“. Въ искренности чувства, проходящаго красною нитью черезъ всю поэзію Надсона, не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Дѣтство и отрочество поэта, послѣ того какъ умерла его мать, были крайне бѣдны любовью; неудивительно, что первые ея лучи, проникнувъ въ его душу, овладѣли ею всецѣло. Въ шестнадцать лѣтъ онъ былъ уже взрослымъ человѣкомъ; чтó для другого было бы забавой или мимолетной вспышкой, то сдѣлалось для него рѣшающимъ событіемъ, исходной точкой цѣлой жизни. Съ любовью къ Н. М. Д.—это еще важнѣе—слилась въ Надсонѣ любовь ко всему тому, чтó было для него дорого и свято. „Я совсѣмъ не боюсь смерти,—читаемъ мы въ его дневникѣ вслѣдъ за кончиной Н. М. Д.,—но умирать не хотѣлъ бы изъ принципа. Во-первыхъ, мнѣ еще сильно нужно работать надъ собой, для того чтобы сдѣлаться достойнымъ ея; во-вторыхъ, нужно работать для другихъ, нужно постараться одному сдѣлать то, чтó мы собирались сдѣлать съ нею вмѣстѣ... Ея именемъ я обѣщаю не допускать ни одного фальшиваго и неискренняго звука въ моихъ пѣсняхъ“. Мы находимъ здѣсь ключъ къ извѣстному посвященію, стоящему во главѣ стихотвореній Надсона: „Не я пишу,—рукой моею, какъ встарь, владѣешь ты, любя, и каждый живой звукъ подъ нею въ могилѣ мучилъ бы тебя“. Это—свидѣтельство объ исполненіи обѣта, даннаго въ торжественную, вѣчно памятную минуту. Поэтъ имѣлъ право поставить себя подъ покровъ любимаго имени, потому что остался вѣрнымъ завѣту, соединенному для него съ этимъ именемъ. „Живыхъ звуковъ“—живыхъ въ смыслѣ уклоненія отъ рано намѣченныхъ идеальныхъ цѣлей—поэзія Надсона дѣйствительно не представляетъ.

Говоря въ первый разъ о стихотвореніяхъ Надсона, мы замѣтили въ нихъ одну характеристическую черту: неизмѣчивость настроенія, идущую рука объ руку съ постоянствомъ главнаго мотива. Тогда это была съ нашей стороны только догадка; мы не знали времени, къ которому относится каждое стихотвореніе, и не могли рѣшить, имѣемъ ли мы дѣло съ отдѣльными полосами душевной жизни, слѣдующими одна за другою, не повторяясь и не возвращаясь, или съ непрерывною смѣною впечатлѣній, словно замкнутыхъ въ заволованномъ кругѣ. Теперь мы видимъ совершенно ясно, что въ внутренней борьбѣ, наполнявшей жизнь Надсона, не было законченныхъ фазисовъ. Первый ея отголосокъ мы встрѣчаемъ весьма рано, въ замѣткахъ, относящихся къ 1876 г. „Нечего обманывать себя и другихъ,—за-

писано въ дневникѣ четырнадцати-лѣтняго мальчиwa, — говоря, что мы живемъ для того, чтобы приносить пользу. *Мы должны жить для этого*, но гдѣ же тѣ идеальныя Лео, которыхъ выставилъ Шпильгагенъ въ своемъ романѣ?.. Мнѣ досадно на себя, что я не сильный, не могучій Лео, а такъ же, какъ и всѣ прочіе въ мои лѣта — бесплодный мечтатель“. И все-таки онъ хочетъ „мечтать, пока мечтается, вѣрить, пока вѣрится, любить, пока можно любить“. Итакъ, разладъ между лучшими задачами жизни и жизнью какъ она есть — вотъ тема, съ самаго начала остававшаяся на себѣ вниманіе юноши. Любовь къ Н. М. Д. укрѣпляетъ въ немъ рѣшимость не сдаваться, не поступать въ послушаніе къ низменнымъ сторонамъ дѣйствительности; но противорѣчіе между стремленіями и силами, между идеальнымъ и реальнымъ остается непримиреннымъ и непримиримымъ. Откуда исканіе выхода, исканіе пути, наполняющее собою всю поэзію Надсона и объясняющее всѣ господствующія ея краски. Страстная жажда знанія — и сомнѣніе въ его дѣлительной мощи; страстная жажда дѣла, подвига, борьбы — и болѣзненное ощущеніе бессилія; порывы отчаянія — и проблески вѣры: вотъ противоположныя полюсы, между которыми вращается мысль поэта. Мракъ перемежается съ свѣтомъ; отъ глубокаго унынія („И крики оргіи, и гимны ликованья“, 1881 г.) близокъ переходъ къ упоенію и утѣшенію („Другъ мой, братъ мой“, того же года), отъ безнадежности, грозящей самоубійствомъ („Завѣса сброшена“ и „Чуть останусь одинъ“, 1882 г.) — къ мирнымъ мечтамъ „Весенней сказки“ (также 1882 г.). Такіе же контрасты встрѣчаются и въ стихотвореніяхъ позднѣйшаго времени („Опять вокругъ меня ночная тишина“ и „Грезы“ — 1883 г., „Червякъ, раздавленный судьбой“ и „Бываютъ дни“ — 1884 г., „Мнѣ кажется, что я схожу съ ума“ и „Когда въ вечерній часъ“ — 1885 г., „Гнетущая скорбь“ и „Наперекоръ грозѣ сомнѣній“ — 1886 г.). И вотъ, въ этихъ колебаніяхъ, исходящихъ изъ одного центра и постоянно къ нему возвращающихся, мы еще съ болѣею увѣренностью, чѣмъ прежде, продолжаемъ видѣть разгадку внутренней связи, такъ быстро установившейся между Надсономъ и громаднымъ большинствомъ его читателей. Чрезвычайно знаменательнымъ, съ этой точки зрѣнія, кажется намъ одно изъ самыхъ послѣднихъ стихотвореній поэта (не напечатанное при его жизни): „Въ отвѣтъ“.

„Намъ часто говорятъ, родная сторона,  
Что въ наши дни, когда отъ края и до края

Тобой владѣть гнетъ бевсилія и сна,  
 Подъ тяжкое ярмо чело твое склоняя,—  
 Что въ эти дни рыдать постыдно и грѣшно;  
 Что наша пѣснь должна звучать тебѣ призывомъ,  
 Должна святыхъ надеждъ бросать въ тебя верно,  
 Быть яркимъ маякомъ во мракѣ молчаливомъ.  
 Слова, слова, слова!.. Не требуй отъ пѣвцовъ  
 Величія души героевъ и пророковъ!  
 Въ узорахъ вымысла, въ созвучьяхъ звонкихъ строфъ  
 Разгадокъ не ищи и не ищи уроковъ!  
*Мы только голосъ твой*; и если ты больна—  
 И наша пѣснь больна!.. Въ ней—воплъ твоихъ страданій,  
 Видѣнья твоего болѣзненного сна,  
 Кровь тяжкихъ ранъ твоихъ, тоска твоихъ желаній...  
 Учить не властны мы... Учись у мудрецовъ;  
 На жадный твой запросъ у нихъ ищи отвѣта,  
 Имъ повторай свой крикъ голодныхъ и рабовъ —  
 Свободы, воздуха и свѣта!.. Больше свѣта!  
 Мы наши голоса съ твоимъ тогда сольемъ;  
 Какъ мѣдный благовѣсть, какъ мощный Божій громъ,  
 Широко пронесемъ тотъ крикъ мы надъ тобою!  
 Мы каждую твою побѣду воспоемъ,  
 На каждую слезу отклинимся слезою,—  
 Но указать тебѣ спасительный исходъ  
 Не намъ, о, родина!.. Исхода мы не знаемъ:  
 Ночь жизни, какъ тебя, и насъ собой гнететь,  
 Недугомъ роковымъ, какъ ты, и мы страдаемъ!\*"

*Мы только голосъ твой*—въ этихъ словахъ выразился, какъ намъ кажется, весь Надсонъ. Непримѣнимыя ко многимъ другимъ современнымъ поэтамъ, они мѣтко опредѣляютъ собою того изъ нихъ, который „болѣлъ каждой пѣснью, какъ недугомъ, терзался каждой творческой думой“. Въ его поэзіи дѣйствительно чувствуется „тоска желаній“, многимъ знакомыхъ, слышится крикъ душевной пытки, многими пережитой. Это—зеркало, но зеркало, увеличивающее рельефность и яркость отражаемаго. Отсюда близость между поэтомъ и его публикой. Въ однихъ онъ пробуждалъ полу-угасшія, полу-забытыя чувства; другіе узнавали въ немъ самихъ себя; третьихъ онъ ставилъ лицомъ къ лицу съ вопросами, существованіе которыхъ они до тѣхъ поръ только смутно подозрѣвали. Въ нашемъ обществѣ — да и не въ немъ одномъ—скрециваются, въ послѣднее время, два противоположныя теченія. Одно изъ нихъ, исходя изъ массы накопившихся неудачъ, несбывшихся надеждъ и ожиданій, складываетъ оружие передъ жизнью, провозглашаетъ непобѣдимость зла и бесполезность борьбы. Сюда относятся всѣ разновидности пессимизма, принимающаго то аскетическій, то эпикурейскій характеръ, при-

водящаго то къ бѣгству отъ міра, то къ беззавѣтному погруженію въ его „минутныя блага“. Политика провозглашается удѣломъ простаковъ и шарлатановъ, обманываемыхъ и обманщиковъ; искусство признается достояніемъ немногихъ избранныхъ, рѣдкимъ цвѣткомъ, тонкій запахъ котораго созданъ не для толпы. Другое теченіе отрицаетъ покорность судьбѣ, не допускаетъ капитуляцій, не знаетъ золь непоправимыхъ и неустрашимыхъ. Его девизъ — активное стремленіе къ лучшему, не останавливающееся передъ препятствіями и не смущаемое разочарованіями. Оттѣнковъ и здѣсь чрезвычайно много; они обуславливаются разнообразіемъ средствъ, разнообразіемъ цѣлей, но, отчасти, и неизбѣжнымъ взаимодействіемъ теченій, давно существующихъ одно возлѣ другого. Даже торжествуя надъ первымъ, послѣднее часто заимствуетъ тѣ или другія его черты, облекается, мимоходомъ, въ его формы и краски. Сомнѣнія не берутъ верхъ надъ вѣрой, но и не уничтожаются ею всецѣло и безслѣдно; отчаяніе не становится господствующимъ настроеніемъ, но по временамъ испытывается во всей его горечи. Въ концѣ прошлаго, даже въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, увлеченіе давалось гораздо легче, чѣмъ въ наше время; легче было ухватиться за какую-нибудь спасительную панацею и ждать отъ нея скорого исцѣленія всѣхъ личныхъ и общественныхъ недуговъ. Преувеличивалось значеніе политическаго устройства, преувеличивалось цѣлебное дѣйствіе переворотовъ, преувеличивалось всемогущество науки; одна иллюзія смѣнялась другою — но ни одна не выдерживала повѣрки. Это еще не значить, чтобы иллюзіямъ насталь конецъ; ихъ запасъ еще не исчерпанъ, ихъ сила и теперь еще часто оказывается непреодолимой — но отдаться въ ихъ власть труднѣе, чѣмъ прежде, а безъ нихъ почти невозможно избѣжать минутъ унынія и маловѣрія. Такія минуты наступали и для Надсона, хотя онъ принадлежалъ всей душой второму изъ названныхъ нами теченій. Его окружала, порою, „мгла безнадежности“, его манилъ къ себѣ „покой оправданныхъ и сбывшихся сомнѣній“. Манилъ — но не покорялъ, не удерживалъ въ своихъ объятіяхъ. Въ „способности забвенія“ судьба отказала Надсону не только по отношенію къ его первой любви. Онъ не могъ отрѣшиться отъ роковыхъ вопросовъ, рано вставшихъ передъ нимъ во всей ихъ неотразимой силѣ. Его духъ „не хотѣлъ преградъ и завѣсъ“; „онъ не жилъ — онъ горѣлъ, порываясь обнять весь міръ и мыслью, и любовью“. „Не тому, — говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ молодыхъ стихотвореній („И крики оргіи, и гимны ликованья“) — не тому сложить трудящіяся руки и дать бездѣйствовать тревожному

уму, кто понималъ, что борьба, проклятія и муки — не бредъ безумныхъ книгъ, не грезятся ему“. Онъ не могъ молчать „подъ грозой борьбы и предъ лицомъ страданья“ („Милый другъ, я знаю“); онъ переживалъ всю тяжесть дня, потому что переживалъ ее вмѣстѣ со всѣми другими — а короткій день, выпавшій ему на долю, былъ особенно тяжелъ, особенно мраченъ. Эти *друиэ*, съ которыми сомнѣвался и вѣрилъ, страдалъ и надѣялся Надсонъ, и образуютъ толпу, сплотившуюся вокругъ него при его жизни и еще разросшуюся послѣ его смерти.

Въ посмертныхъ стихотвореніяхъ, составляющихъ какъ бы интимную бесѣду поэта съ самимъ собою или съ небольшимъ кружкомъ друзей, симпатичный образъ Надсона обрисовывается еще яснѣе. „Трудись съ землею и страдай съ землею“, восклицаетъ поэтъ въ „Облакахъ“ (1880). „Знайте, — говоритъ онъ, обращаясь къ „братьямъ“, — пѣвецъ „страдаетъ за васъ, когда страдаетъ за себя... Какъ волны рѣвъ, въ сѣдое море сойдясь, сплотились и слились, такъ ваша боль и ваше горе въ его душѣ отовалились“. „Путь суровъ, — шепчетъ ласковый голосъ роскошной рощи („Пѣвецъ“, 1881), — раскаленное солнце палитъ раскаленные камни дороги; о горючій песокъ и объ острый гранитъ ты изранилъ усталыя ноги. А подъ сводами дѣвственной листвы моей бьется съ тихимъ журчаньемъ холодный ручей, серебристая струйка за струйкой бѣжитъ, догоняетъ, цѣлуетъ и тихо звенитъ“. Но молодой пѣвецъ не поддается „словамъ искушенія“; его „томить и жжетъ пѣсня, неустанно зовущая его все впередъ и впередъ“. Основной мотивъ пѣсни — любовь. „Въ этомъ мірѣ, подъ вѣчнымъ ненастьемъ, въ морѣ слезъ, въ нищетѣ и въ крови, всѣхъ бѣднѣе — кто бѣденъ участьемъ, всѣхъ несчастнѣе — нищій любви“ („Ты дитя... жизнь еще не успѣла“, 1880). „И счастливъ тотъ, кто могъ и кто умѣлъ любить: печальный тернъ его прочнѣй, чѣмъ лавръ героя; святого подвига его не позабыть толпѣ, исторгнутой изъ мрака и застоя“ („Памяти Ѳ. М. Достоевскаго“, 1881).

„Съ тѣхъ поръ, какъ, оттолкнувъ соблазны наслажденья,  
Мой стихъ я посвятилъ страданью и борьбѣ,  
Не разъ переживалъ я тяжкія сомнѣнья —  
Сомнѣнья въ будущемъ, и въ братьяхъ, и въ себѣ.  
Я говорилъ себѣ: не обольщайся снами;  
Что дашь ты родинѣ, что въ силахъ ты ей дать?  
Твоей ли пѣсней, твоими ли слезами  
Разсвѣтъ ночь надъ ней и скорбь ея унять?..

... И понималъ я душою,

Что мысль не прояснитъ мучительный хаосъ,

И что порывъ ея мнѣ принесеть съ собою  
 Лишь мракъ унынія, да злобу жгучихъ слезъ...  
 И проклялъ я тогда безплодна сомнѣнья,  
 И сердце я спросилъ, и сердцемъ я рѣшилъ,  
 Услышавъ братскій стонъ, безъ думъ и размышленья,  
 Идти и помогать, насколько станетъ смѣлъ.  
 Я божествомъ избралъ любовь и всепрощенье,  
 Святымъ ея огнемъ я каждый стихъ зажегъ,  
 И ту же пѣснь любви, печали и забвенья  
 Съ собою я принесъ въ нашъ дружескій кружокъ".  
 („Съ тѣхъ поръ, какъ я прозрѣлъ“, 1884).

Та же нота звучитъ въ одномъ изъ предсмертныхъ стихотвореній 1886 г.

„Наперекоръ грозѣ сомнѣній  
 И тяжкимъ ранамъ безъ числа,  
 Жизнь пестрой смѣной впечатлѣній  
 Еще куда мнѣ мила;  
 Еще съ любовью безконечной  
 Я рвусь изъ душевной тьмы  
 На каждый обликъ человѣчный,  
 На каждый проблескъ красоты.  
 Чужие стоны, скорбь чужая  
 Еще мнѣ близки, какъ свои“...

Любовь, торжествующая въ душѣ поэта, выдерживаетъ самыя тяжелыя испытанія; она не гаснетъ даже тогда, когда все, по-видимому, возстаетъ противъ нея и стремится замѣнить ее негодваніемъ и злобой.

„Когда вокругъ меня сдвигается тѣнь  
 Гнетущій кругъ борьбы, сомнѣній и невзгодъ,  
 И громче слышится мнѣ голосъ фарисея,  
 И стонъ страдающихъ внятнѣй меня зоветъ:  
 Когда съ смиреніемъ, какъ нищій подающа,  
 Я о любви молю—и нахожу кругомъ  
 Злорадный смѣхъ слѣнца надъ святостью страданья,  
 Глуменье пошлости надъ свѣтомъ и добромъ,—  
 Я миръ вдвойнѣ люблю; и не огонь презрѣнья,  
 Не малодушный гнѣвъ мою волнуетъ кровь,  
 А пламенный порывъ святого сожалѣнья,  
 Святая, чистая, прекрасная любовь.  
 Мнѣ жалко ихъ, больныхъ, окованныхъ цѣпями,  
 Враждой бессмысленной озлобленныхъ людей!..“ (1884 г.).

Отсюда и отношеніе поэта къ толпѣ, не имѣющее ничего общаго съ обычнымъ высокомеріемъ утонченнаго вкуса и самоувѣреннаго таланта.

„Не презирай толпы: лускай она порою  
 Пуста и мелочна, бездушна и слѣпа—  
 Но есть мгновенія, когда передъ тобою  
 Не жалкая раба съ продажною душою,  
 А божество-толпа, Титанъ-толпа!..  
 Приди же слиться съ ней; не упуская мгновенья,  
 Когда болѣзненно-отзывчива она,  
 Когда отъ пошлыхъ дѣлъ и пошлаго забвенья  
 Утратой тажею она потрясена!“ (1881 г.).

Само собою разумѣется, что этотъ взглядъ на толпу не включаетъ сознанія пропасти, лежащей, въ обыкновенное время, между поэтомъ и массой. „Какъ долго длился день, — восклицаетъ Надсонъ въ одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ стихотвореній (1885 г.), — какъ долго я не могъ уйти отъ глазъ толпы, въ мой уголь одинокій!“ Утѣшеніемъ въ такія минуты служатъ для него даже испытываемыя имъ страданія. „Они мнѣ не дадутъ смириться предъ судьбой, они отъ сна мой умъ ревниво охраняютъ, и надъ довольною и сытою толпой какъ взмахъ могучихъ крылъ меня приподымаютъ“. Въ томъ-то и дѣло, что толпа безконечно различна по своему составу, подвижна и измѣнчива по настроенію. Толпа „довольная и сытая“ не можетъ быть Титаномъ — да и сегодняшній Титанъ завтра, сплошь и рядомъ, является слабымъ или капризнымъ ребенкомъ. Довольно уже и того, что поэтъ не отвернулся отъ толпы и узналъ сокрытыя въ ней сокровища любви и силы. Одобреніе массы онъ цѣнилъ невысоко; это чувствуется уже въ недоконченномъ стихотвореніи, относящемся къ 1883 г. („Какъ совы таятся отъ свѣта и шума“) и выражается совершенно ясно въ другой, позднѣйшей пьесѣ („Видишь, вотъ онъ“, 1885). Безсильной доставить ему счастье была, впрочемъ, не одна только слава. „Слишкомъ много любви, дорогие друзья, слишкомъ много горячихъ заботъ!.. Непривычно участие тому, кто, какъ я, съ дѣтскихъ дней одиноко бредеть“ (1884).

„Я долго счастья ждалъ—и лучъ его желанный  
 Блеснулъ мнѣ въ сумеркахъ: я счастливъ и любимъ;  
 Къ чему жъ на рубежѣ земли обѣтованной  
 Остановился я, какъ робкій пилигримъ?  
 За мной—глухая ночь и годы испытаній,  
 Передо мной—весна, и ласка, и привѣтъ,  
 А я... мнѣ точно жаль умчавшихся страданій,  
 И съ грустью я смотрю минувшему во слѣдъ“... (1884).

А между тѣмъ немногимъ раньше поэтъ желалъ „ласки болѣе беззащитной и нѣжной“, чѣмъ ласка брата; онъ просилъ

любви, „какъ нищій — подающа, какъ странникъ, на пути застигнутый грозой, у крова чуждаго молящій состраданья“. Любовь, очевидно, пришла къ нему слишкомъ поздно; къ тому же, 1884-му, году относится первый крикъ, вызванный у поэта ожиданіемъ смерти („Какъ каторжникъ влечить оковы за собой“). Смерть снилась ему уже раньше, пророчески снилась „въ сѣяньи и въ цвѣтахъ, съ улыбкой молодой“; но все же онъ былъ смущенъ сознаніемъ ея грозной близости. Мы знаемъ, чѣмъ она была для него въ особенности страшна. Онъ хотѣлъ жить для родины, „дышать ея дыханьемъ, горѣть ея стыдомъ, болѣть ея тоской“ („Нѣтъ, муза, не зови“); но ему не было и не могло быть чуждо стремленіе къ личному счастью—а оно также встрѣтилось съ призракoмъ неминуемаго и быстро наступающаго конца. „Въ такіе дни, — пишетъ онъ за годъ до смерти, — и пѣсня не поется, и дѣло валится изъ рукъ; и только чувствуешь, что грудь на части рвется отъ тяжелыхъ думъ и тяжелыхъ мукъ!..“ „Ты угадала: страдаетъ твой другъ, тяжело, глубоко страдаетъ. Есть у него безысходный недугъ—сердце его умираетъ“...

Какая мысль всего чаще посѣщала поэта въ послѣдніе годы его жизни? Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что это была мысль о „пророкѣ“. Въ стихотвореніяхъ, напечатанныхъ при жизни Надсона, мы встрѣчаемся съ нею только одинъ разъ: „гдѣ жъ ты, вождь и пророкъ?.. О, приди и страхни эту тяжесть удушья и сна! Дай мнѣ загучія муки принять, брось меня на страданье, на смерть, на позоръ, только-бъ полною грудью дышать, только-бъ вспыхнулъ отвагою взоръ“ („Безпокойной душевною жаждой томимъ“, 1884). Въ посмертныхъ стихотвореніяхъ она появляется раньше и повторяется гораздо чаще. „Изнемогаетъ грудь въ безплодномъ ожиданьи, отбою нѣтъ отъ думъ, и скорби, и тревогъ... О, въ этотъ мигъ я весь живу въ одномъ желаньи, я весь — безумный вопль: приди, приди, пророкъ!“ (1883).

„Напрасно я ищу могучаго пророка,  
 Чтобъ онъ увлекъ меня—куда-нибудь увлекъ,  
 Какъ опѣненный валъ гремучаго потока,  
 Крутясь, уносить въ даль подмытый имъ цвѣтокъ...  
 На что бъ ни бросить жизньъ, мнѣ все равно... Безъ слова  
 Я тяжелѣйшій крестъ безропотно приму,  
 Но лишь бы стихла боль сомнѣнья ровогого,  
 И смогъ на днѣ души безумный вопль: къ чему?  
 Напрасная мечта! Пророковъ нѣтъ... Мельчя,  
 Не въ силахъ ихъ создать ничтожная среда...  
 А кто и держитъ стягъ высокихъ убѣжденій,  
 Тотъ такъ усталъ отъ думъ, гоненія и мукъ“



Что не узнаешь ты, кто говоритъ въ немъ — геній,  
Или ослобленный, мучительный недугъ!“ (1885).

Тотъ же призывъ раздается въ предпоследнемъ изъ посмертныхъ стихотвореній Надсона.

„Пора, явись, пророкъ! Всей силою печали,  
Всей силою любви вызваю я къ тебѣ!  
Взгляни, какъ дряхлы мы, взгляни, какъ мы устали,  
Какъ мы безпомощны въ мучительной борьбѣ!  
Теперь, мы никогда!.. Сознанье умираетъ,  
Стыдъ гаснетъ, совѣсть спитъ. Ни проблеска кругомъ,  
Одно ничтожество свой голосъ возвышаетъ“...

Чтобы понять эту тоску, съ которою поэтъ такъ и сошелъ въ могилу, намъ нужно сдѣлать шагъ назадъ и привести еще два стихотворенія 1883 года. „Нѣтъ, я больше не вѣрую въ вашъ идеалъ,—говорится въ одномъ изъ нихъ;—еслибъ мнѣ въ вашихъ грѣзъ, наконецъ, и настала, мнѣ-бъ въ немъ было мучительно-душно. Сколько праведной крови погибшихъ бойцовъ, сколько свѣтлыхъ созданій искусства, сколько подвиговъ мысли, и мукъ, и трудовъ,—и итогъ этихъ трудныхъ, рабочихъ вѣковъ — ширь животнаго, сытаго чувства!“ Нѣсколькими страницами дальше мы читаемъ: „Быть можетъ, ихъ мечты — безумный, смутный бредъ, и пылъ ихъ — пылъ дѣтей, не знающихъ сомнѣній; но въ наши дни молчи, невѣрующій поэтъ, и не осмѣивай ихъ чистыхъ заблужденій. Молчи, или даже лги: соврѣвъ, ихъ мысль найдетъ и сквозь ошибки путь въ сияющей святынѣ, какъ путь найдетъ ручей съ оттаявшихъ высотъ къ цвѣтущей, солнечной, полуденной долинь!“ О какихъ грезахъ, о какихъ заблужденіяхъ идетъ здѣсь рѣчь—это можетъ разъяснить вполне только будущая біографія Надсона. Весьма вѣроятно, что въ первомъ изъ приведенныхъ нами стихотвореній поэтъ отрекается отъ крайностей доктрины, увлекавшей его молодое сердце, а во второмъ стремится поддержать колеблющуюся вѣру въ лучшіе завѣты той же доктрины. Какъ Беранже, въ пѣснѣ о „безумцахъ“ („quand en vain notre sphère du bonheur cherche le chemin, honneur au fou qui ferait faire un rêve heureux au genre humain“), Надсонъ цѣпляется даже за сновидѣнья, лишь бы только они сулили счастье чело-вѣческому роду. Нѣсколько времени спустя онъ еще разъ повторять отчаянную попытку. „Въ больные наши дни,—говоритъ онъ въ одномъ изъ посмертныхъ стихотвореній 1884 г.,—не нуженъ ты толпѣ, невѣрующій геній, пророкъ гибели, грозящей впереди. Пусть истина тебѣ слова твои внушаетъ, пусть намъ исхода нѣтъ,—не вѣруй, но молчи... Пускай иной про-

рокъ, пророкъ, быть можетъ, живой, но только върящій—намъ пѣснями гремитъ, пускай его обманъ, нарядный и красивый, хотя на краткій мигъ намъ сердце оживить“...

Не странны ли эти слова въ устахъ поэта, который восклицалъ, еще юношей: „какъ жалкій трусь, я жизнь не пряталъ за обманъ и не радилъ ее въ поддѣльные цвѣты“, который не хотѣлъ „лгать самому себѣ изъ страха истины“, не хотѣлъ „жить въ жалкомъ опьянѣннѣ“, боясь „пытливыхъ вопросовъ“? Намъ кажется, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ переходящимъ, но весьма характеристичнымъ моментомъ въ жизни Надсона. Въ то самое время, когда недугъ начиналъ обрекать его на томительное бездѣйствіе и рисовать передъ нимъ картину близкаго конца, для него наступилъ и другой, внутренней кризисъ: онъ потерялъ вѣру—не въ идеалы, которымъ онъ былъ издавна преданъ, а въ способъ ихъ осуществленія, который онъ до тѣхъ поръ, повидимому, считалъ возможнымъ. Отсюда болѣе, чѣмъ когда-нибудь, ощущеніе безвыходности, отсюда потребность въ „красивомъ обманѣ“, лишь бы только онъ помогъ удержать ускользающую надежду. Эта потребность скоро миновала; Надсонъ былъ слишкомъ правдивъ, слишкомъ честенъ, чтобы тѣшить себя хотя бы и „возвышающимъ обманомъ“. Осталась только жажда знать, откуда, наконецъ, придетъ свѣтъ, осталось страстное ожиданіе носителя истины. Это—то же самое чувство, которымъ было вызвано, полъ-столѣтія тому назадъ, знаменитое восклицаніе Мюссе: „qui de nous, qui de nous va devenir un dieu?“ Разница между нашимъ поэтомъ и французскимъ заключается въ томъ, что послѣдній хотѣлъ новаго откровенія въ особенности для себя, для личнаго своего покоя, а въ глазахъ Надсона ожидаемый пророкъ быть, вмѣстѣ съ тѣмъ и прежде всего, избавителемъ всѣхъ страждущихъ и угнетенныхъ. Конечно, поэтъ могъ бы сказать себѣ, что истина не открывается сразу, не вносится въ міръ цѣльной и готовой; но это было бы плохимъ утѣшеніемъ для больного, томившагося желаніемъ увидѣть хотя зарю возрожденія и общаго счастья. Въ предсмертныхъ грѣзахъ Надсона не случайно мелькалъ образъ Ивара; стихотвореніе, озаглавленное этимъ именемъ, не случайно должно было заканчиваться слѣдующими стихами:

„Пусть это только мигъ, короткій, бѣглый мигъ  
И послѣ—гибель безъ возврата,  
Но за него—такъ былъ онъ чудень и великъ,—  
И смерть—недорогая плата“.

Таковъ, въ нашихъ глазахъ, Надсонъ, завоевавшій сердца молодежи—и не одной только молодежи. Само собою разумѣется,

что его поэзія не исчерпывается указанными нами чертами. Область его творчества всегда была широка и расширялась, съ теченіемъ времени, все больше и больше. Правда, ему думалось иногда, что „прошло владычество безжизненной природы“, что источникомъ вдохновенія не можетъ болѣе служить „дыханіе цвѣтовъ, мерцанье яркихъ звѣздъ“, что поэзія живетъ теперь только „въ стѣнахъ кипучихъ городовъ, въ трудѣ за лампою nocturnoю“. Ему казалась необходимой обстановка, возбуждающая къ борьбѣ, постоянно затрогивающая за живое. „Да, только здѣсь, среди столичнаго смятенія“—говоритъ онъ въ одномъ изъ посмертныхъ стихотвореній 1885 г. —

„Гдѣ что ни мигъ—то боль, гдѣ что ни шагъ—то зло,  
Звучать въ моей груди призывы вдохновенья...  
Въ глуши, передъ лицомъ сіяющей природы,  
Мой богъ безмолвствовалъ... Дубравы тихій шумъ,  
И птицъ веселый хоръ, и плещущія воды  
Не пробуждали грудь, не волновали умъ...  
Я только нѣжилъ безопасно, безотчетно,  
Пилъ ароматы цвѣтовъ, бродилъ среди полей,  
Да въ зной мечталъ въ лѣсу, гдѣ тихо и дремотно  
Журчалъ въ тѣни кустовъ серебряный ручей“...

Но эта исключительность не могла быть нормальнымъ настроеніемъ того, кто еще въ ранней молодости такъ вѣрно понималъ призваніе поэта <sup>1)</sup>. Надсонъ несправедливъ къ самому себѣ; его богъ не „безмолвствовалъ“ ни въ бѣдной сѣверно-русской деревнѣ, ни среди „украинскихъ полей“, ни на берегахъ Средиземнаго или Чернаго моря. Природа не всегда вызывала въ немъ одну „неясную печаль“, выразившуюся въ превосходномъ стихотвореніи: „Не знаю, отчего“; она успокоивала, убаюкивала его и внушала ему страницы, полныя задумчивой нѣги („Въ глуши“, „Я приглядѣлся къ ней“, „Отрывокъ“, „Долго въ ясную ночь“, „Омывшись на зарѣ душистою росой“, „Облако“, „Въ лунную ночь“).

„Луннымъ блескомъ озаренная,  
Синихъ водъ равнина сонная  
Далеко ушла въ туманъ...  
Дремлетъ, дышетъ, колыхается,  
И блеститъ, и разгорается  
Неоглядный океанъ“...

<sup>1)</sup> Стихотвореніе: „Поэтъ“, провозглашающее равенство поэзія негодующей и мечтательной, тенденціозной и не-тенденціозной, написано въ 1879 г., когда автору было только семнадцать лѣтъ.

Въ немногихъ строкахъ нарисована здѣсь цѣлая картина, отличающаяся притомъ удивительною музыкальностью стиха. Удастся поэту и воспроизведеніе другихъ впечатлѣній, не имѣющихъ ничего общаго съ злобой дня. Между неоконченными его стихотвореніями мы находимъ слѣдующій отрывокъ: „Не налагай оковъ на вдохновенье, свободный смѣхъ не сдерживай въ устахъ; что скорбь родить, что будить восхищенье,—пусть все звенитъ на искреннихъ струнахъ. Нѣтъ старыхъ пѣсень“ ... Выраженному здѣсь взгляду Надсонъ остался вѣренъ; онъ никогда не замыкался въ одну идею, какъ бы велика ни была ея власть надъ нимъ. Вотъ, напримѣръ, одно изъ послѣднихъ его стихотвореній:

„Въ саду, куда люблю спастись я порой  
Отъ вѣчной суеты и грохота столицы,  
Чтобъ шопотъ пышныхъ лигъ услышать надъ собой,  
Да мирно помечтать, о чемъ щебечуть птицы,  
Нерѣдко въ зелени густыхъ его аллей,  
Вкругъ берега пруда идущихъ полукругомъ,  
Встрѣчаю я толпу играющихъ дѣтей,  
И кое съ кѣмъ изъ нихъ ужъ сталъ горячимъ другомъ.  
Межъ нихъ есть у меня любимица одна,  
Подростокъ-дѣвочка; мы съ ней толкуемъ много...  
Боюсь, что бѣдная едва ли не больна,—  
Ужъ слишкомъ взглядъ ея горитъ не дѣтски строго,  
И слишкомъ грустенъ онъ. Задумчива, блѣдна,  
Она веселыхъ игръ и шума избѣгаетъ“...

Именно въ подобныхъ пьесахъ, не увлекающихъ читателя глубиною содержанія и страстностью тона, особенно замѣтна красота формы, которой часто достигалъ Надсонъ. Ею запечатлѣны и многіе изъ самыхъ горячихъ его порывовъ—но тамъ она меньше бросается въ глаза, меньше привлекаетъ къ себѣ вниманіе. Мы уже говорили о строгости Надсона къ самому себѣ, доказательствомъ которой служить масса стихотвореній, не напечатанныхъ имъ при жизни; а эта строгость—первое, хотя, конечно, не единственное условіе поэтическаго мастерства. „Мысль у Надсона—читаемъ мы въ біографіи, приложенной къ послѣднему изданію,—долго бродила въ головѣ, и только совершенно выносишь ее тутъ, усаживался онъ за бумагу. Хотя стихи выливались у него сразу, такъ что нигдѣ въ черновыхъ тетрадахъ не найдется двухъ строкъ безъ рима, но онъ усидчиво, долго и добросовѣстно работалъ надъ отдѣлкою своихъ стихотвореній, помня изреченіе поэта, которое любилъ приводить (правилу слѣдуй

упорно: чтобы словамъ было тѣсно, мыслямъ просторно). Онъ не довольствовался первою вылившеюся формою стиха, перерабатывалъ ее или вовсе отбрасывалъ, и снова писалъ, пока стихотвореніе не приобрѣтало глѣбучести и, главное, сжатости. Эти данныя о процессѣ работы, свойственномъ Надсону, подтверждаются на каждомъ шагѣ его посмертными стихотвореніями. Мы находимъ между ними первоначальные наброски произведеній, напечатанныхъ потомъ въ совершенно иномъ видѣ; такъ наиримѣръ, „Царство сна“ (1881) является первообразомъ „Весенней сказки“ (1882). Иногда поэта долго и сильно занимаетъ какая-нибудь тема, онъ подходитъ къ ней нѣсколько разъ, съ разныхъ сторонъ, но не удовлетворяется ни одной попыткой и вовсе отказывается отъ своего намѣренія. Таковы три варианта легенды о „Святителѣ“ (1882 и 1883), два отрывка, озаглавленные: „Дурнушка“ (1883 и 1885), три варианта „Ночей“ или „Встрѣчь“ Будды (1885 и 1886). Весьма любопытно, съ занимающей насъ точки зрѣнія, переложеніе стихами одного мѣста изъ „Первой любви“ Тургенева („Мечты королевы“). Надсонъ задумалъ здѣсь нѣчто въ родѣ того, что сдѣлалъ г. Андреевскій по отношенію къ тургеневскому „Довольно“; но преимущество поэтическаго чутка остается, какъ намъ кажется, на сторонѣ умершаго поэта. Г. Андреевскій идетъ за Тургеневымъ шагъ за шагомъ, стремясь къ возможно-болѣе близкой и полной его передачѣ, и вызываетъ этимъ сравненія, невыгодныя для подражателя; Надсонъ беретъ только *мотивы* изъ Тургенева — и остается свободнымъ въ его развитіи. Конечно, мы не промѣняемъ на стихи Надсона, нѣсколько растянутые, хотя и красивые, удивительный въ своей сжатости рассказъ Тургенева; но не слѣдуетъ забывать, что „Мечты королевы“, написанныя еще въ 1881 г., не предназначались поэтомъ для печати и появились въ свѣтъ лишь послѣ его смерти. Серьезнаго значенія состязанію своему съ Тургеневымъ Надсонъ, очевидно, не придавалъ.

Одно изъ стихотвореній, написанныхъ по поводу смерти Некрасова, оканчивалось слѣдующими строками: „О, долговѣчны вы, пѣсни, поющія муки народныя, по сердцу бьющія! Пѣсни твоей, о страданій пѣвецъ, будетъ не скоро желанный конецъ: тамъ онъ, гдѣ горе людское кончается, тамъ онъ, гдѣ счастья заря занимается“. Мы не хотимъ сравнивать обоихъ поэтовъ, но намъ думается, что кое-что изъ сказаннаго о Некрасовѣ примѣнимо и

къ Надсону. Его пѣсни также „ударяли по сердцамъ“, и *ко-  
нечъ*, т.-е. забвеніе, едва ли настанетъ для нихъ раньше пре-  
ращенія тѣхъ мукъ, которыми онѣ вдохновлялись. Эти муки  
заключены въ болѣе тѣсныя предѣлы, онѣ не могутъ быть на-  
званы муками *народными*; но все-таки имъ не предвидится еще  
исхода, ихъ источникъ долго еще будетъ казаться неистощимымъ.  
Эпитафіей Надсона можетъ служить одно изъ его посмертныхъ  
стихотвореній, недаромъ поставленное во главѣ послѣдняго изданія.

„Не говорите мнѣ: онъ умеръ,—онъ живетъ,  
Пусть жертвенникъ разбитъ,—огонь еще пылаетъ,  
Пусть роза сорвана,—она еще цвѣтетъ,  
Пусть арфа сломана,—аккордъ еще рыдаетъ“.

К. Арсеньевъ.



---

# СПИНОЗА

ВЪ

## РУССКОМЪ ПЕРЕВОДЪ

— Этника Бенедикта Спинозы. Переводъ съ латинскаго подъ редакцію профессора  
В. И. Модестова. Спб. 1886 г.

---

Лѣтъ двѣсти слишкомъ тому назадъ, 21 февраля 1677 года, въ одной изъ отдаленныхъ улицъ города Гаги, въ семействѣ живописца ванъ-деръ-Спика случилось большое горе: придя съ женою отъ вечерни, скромный художникъ нашелъ мертвымъ своего давнишняго постояльца, человѣка тихаго и безобиднаго, болѣвшаго довольно давно, но еще въ этотъ день благодушно бесѣдовавшаго съ хозяевами по поводу проповѣди, слышанной ими утромъ. Постоялецъ этотъ — человѣкъ еще не старій, съ задумчивымъ лицомъ и внимательнымъ взоромъ — совсѣмъ сроднился съ хозяевами, которые любили слушать его спокойныя и успокоительныя разсужденія о жизни. Но отъ тогдашней тревожной и бурной жизни онъ держался далеко. Да въ ней онъ никакой роли играть и не могъ, добывая скудныя средства шлифованьемъ оптическихъ стеколъ и сидя по цѣлымъ часамъ надъ рукописями, отъ которыхъ отвлекался лишь чтобы покурить трубку или устроить борьбу пауковъ, вызывавшую въ немъ дѣтски-задушевный смѣхъ. Незамѣтно, казалось, жилъ онъ, — безъ шума сошелъ онъ и въ могилу. Ей, конечно, скоро предстояло быть забытою, и самая память о постояльцѣ ванъ-деръ-Спиковѣ должна была исчезнуть вмѣстѣ съ ними...

Но тихая могила не была забыта... Вскорѣ надъ нею загудѣла непогода ненависти и провлятій, потому что въ ней овалась кость зловреднаго атеиста, на лицѣ котораго и при жизни лежалъ *signum perprobationis*, замѣченный благочестивыми людьми. Безобидный, повидимому, человѣкъ съялъ пагубное сѣмя! Онъ осмѣлился, принадлежа къ „избранному народу“, трагтовать не о мстительномъ и грозномъ библейскомъ Богѣ, а о вѣчной мудрости, которая избрала себѣ сосудомъ душу человѣка и проявилась съ небывалой силой и глубиной въ томъ, кого христіане именуютъ Сыномъ Божиимъ. Но въ то же время онъ не сдѣлался сопричастнымъ господствующей церкви. Онъ осмѣлился утверждать, что вѣрѣ его отцовъ чуждо понятіе о будущей жизни, что эта вѣра обѣщаетъ *земную* награду пребывшимъ вѣрными до конца — и всей своею жизнью, отвергая выгодныя и почетныя предложенія университетовъ и государей, доказалъ, что въ вѣчной жизни разума, а не въ бренномъ существованіи тѣла — цѣль и удовлетвореніе мыслящаго существа. Въ эпоху сильныхъ страстей, рѣзкихъ и неумолимыхъ враждованій, — когда въ области мысли авторитетъ требовалъ безусловной покорности, а въ обыденной жизни господствовало начало: „кто не за насъ, тотъ противъ насъ“ — онъ съ гордымъ спокойствіемъ, не подчиняясь никакому предвзятому авторитету, — съ одинаковою критикою относился и къ Аристотелю, и къ синагогѣ, и къ церкви — и доказывалъ, что прежде, чѣмъ клеймить влеченія человѣческой природы, называя ихъ пороками, необходимо ихъ безпристрастно изслѣдовать, безъ гнѣва и злобы, какъ изслѣдуютъ проявленія стихій, не сердясь на нихъ, даже когда приходится отъ нихъ страдать. Одинаково отвергнутый и единовѣрцами, и иновѣрцами, испытавшій на себѣ грозную и мрачную „*anathema maledicta*“ разъяренной синагоги и едва не павшій, послѣ отказа продать свое молчаніе, подъ ударами тайныхъ убійць, молчаливый постоялецъ ванъ-деръ-Спиковъ не былъ пощаженъ загробною клеветою даже въ своей частной жизни, чистой, какъ тѣ стекла, которыя онъ шлифовалъ. И долгіе годы имя его произносилось съ злобнымъ чувствомъ и подвергалось поруганію.

Но „*il tempo è galant'uomo*“, — говорятъ итальянцы. Прошло сто лѣтъ, и исторія вступила въ свои права. Для Спинозы она оправдала изреченіе Цицерона и оказалась не только „*vita mentis*“, но и „*lux veritatis*“. А черезъ сто лѣтъ еще — надъ могилою „атеиста“ воздвигся памятникъ, и въ присутствіи избранной публики одинъ изъ самыхъ глубокихъ и блестящихъ мыслителей нашего времени — Ренанъ, резюмируя жизнь и значеніе



того, кто упокоился въ этой могилѣ, сказалъ: „Est Deus in nobis! Есть Богъ, господа,—Онъ живетъ въ насъ! и пока не настанетъ день черстваго эгоизма, сердечной пошлости, презрѣнія къ разуму, наукѣ и правамъ человѣка,—пока забвеніе всего великаго и благороднаго не наполнить міръ—Богъ не оставитъ чело­вѣчества! Горе тому, кто отнесется съ незаслуженнымъ упрекомъ къ задумчивому и доброму образу того, кто изображенъ на этомъ памятникѣ! Съ высоты своего гранитнаго пьедестала указываетъ онъ путь истиннаго счастья, имъ найденный, и въ теченіе вѣковъ развитые люди, проходя мимо, будутъ признавать, что Богъ ему былъ, быть можетъ, ближе всего доступенъ и понятенъ“ ...

Кому изъ образованныхъ людей не знакомо и у насъ имя Спинозы, и кто не знаетъ, что онъ былъ однимъ изъ чистѣйшихъ свѣтильниковъ на благородномъ пути чело­вѣческаго разума къ отысканію истины. Куно-Фишеръ и Льюсъ давно познакомили своихъ читателей, въ общихъ чертахъ, съ ученіемъ Спинозы и мѣстомъ, которое оно занимаетъ по отношенію къ развитію сопре­дѣльной съ нимъ картезіанской (Декарта) философіи. Лекціи гг. Чичерина и Рѣдина выяснили русскимъ слушателямъ взгляды Спинозы на начала государственнаго устройства, которыя онъ изучалъ „съ такою же свободою души, какъ математику“. Наконецъ, нѣкоторыя части ученія Спинозы изложены, по первоисточнику, въ разборѣ, которому харьковскій профессоръ Владиміровъ подвергъ, въ „Сборникѣ государственныхъ знаній“, за 1878 г., диссертацию К. Яроша: „Спиноза и его ученіе о правѣ“.

Но едва ли, однако, даже и немногіе знакомы съ оригинальными сочиненіями великаго мыслителя, со стройною, математическою системою его изложенія. Есть философы, съ которыми читающій людъ знакомится одновременно и по произведеніямъ, и по біографическимъ даннымъ, имѣя возможность провѣрить по подлинному труду автора степень основательности удивленія и уваженія, внушаемаго этимъ трудомъ. Таковъ, напр., Шопенгауэръ. Слава о немъ пришла къ намъ почти одновременно съ его сочиненіями. Иначе было со Спинозою,—и, если можно такъ выразиться, его значеніе и глубина его твореній приняты большинствомъ образованныхъ русскихъ людей, такъ сказать, *сз кредитъ*, безъ провѣрки и даже безъ личнаго ознакомленія. А между тѣмъ никогда и никакое изложеніе своеобразнаго ученія не можетъ замѣнить собою подлинника, ибо для изученія мыслителя важно знать не только *что* онъ говоритъ, но и *какъ* онъ это говорить.

Поэтому нельзя не приветствовать появленія на русскомъ языкѣ „Этики“ Спинозы въ переводѣ съ латинскаго подлинника, предпринятомъ подъ редакцію профессора Модестова. Этотъ переводъ — безукоризненный и доведенный до крайней степени совершенства въ смыслѣ удобопонятности — представляетъ собою цѣнное приобрѣтеніе для нашего образованнаго міра. Теперь мы имѣемъ *настоящаго*, подлиннаго Спинозу — и притомъ въ его лучшемъ, нетронутомъ опытомъ лѣтъ и политическихъ переломовъ, трудѣ. *Этика*, изложенная геометрическимъ методомъ и раздѣленная на пять частей, въ коихъ разсуждается о Богѣ, о природѣ и началѣ души, о началѣ и природѣ аффектовъ, о рабствѣ человеческомъ, или о силѣ аффектовъ, и о власти разума, или о человеческой свободѣ — таково подробное заглавіе труда Спинозы. Изъ этого заглавія видно и содержаніе труда, который требуетъ для знакомства съ собою спокойнаго и вдумчиваго чтенія. Геометрической способъ изложенія придаетъ всей „Этикѣ“ Спинозы необыкновенную стройность и строгость, — но этотъ же методъ можетъ и затруднить, на первыхъ порахъ, непривычнаго читателя, особенно если онъ захочетъ читать эту книгу между дѣломъ, урывками, отыскивая въ ней матеріалъ, который не требуетъ никакихъ напряженій ума и особаго вниманія. Каждый отдѣлъ книги начинается съ опредѣленій и аксіомъ. Затѣмъ идетъ рядъ *положеній* (теоремъ) и *доказательствъ*, сопровождаемыхъ *словами* (объясненіями) и *королларіями*, которые сведены, съ математической точностью, къ первоначальнымъ опредѣленіямъ и аксіомамъ. Здѣсь не мѣсто намѣчать хотя бы самыми слабыми штрихами содержаніе трактата Спинозы. Это требовало бы особаго — и въ виду того, что подлинный Спиноза теперь на лицо — довольно бесплоднаго труда. Но нельзя не порадоваться возможности для русскаго читателя въ подробности ознакомиться съ высокимъ ученіемъ, прежде всего рекомендующимъ развитіе разума, въ совершенствованіи котораго состоитъ „высшее счастье или блаженство человѣка, такъ какъ блаженство есть не что иное, какъ довольство души, проистекающее изъ интуитивнаго познанія Бога, а это познаніе состоитъ въ пониманіи всѣхъ его атрибутовъ и всѣхъ дѣйствій, вытекающихъ изъ необходимости его природы“. Вооруженный познаніемъ Бога, которое есть въ то же время познаніе природы, человѣкъ не долженъ смотрѣть на себя какъ на нѣчто независимое отъ законовъ этой природы, какъ на „государство въ государствѣ“. „Напрасно думаютъ, — говоритъ Спиноза, разбирая происхожденіе аффектовъ, — что человѣкъ скорѣе возмущаетъ порядокъ природы, чѣмъ слѣдуетъ ему, что онъ

имѣть въ своихъ дѣйствіяхъ неограниченную свободу и опредѣляется только самъ собою и ничѣмъ инымъ. Напрасно причину человѣческаго безсилія и непостоянства приписывать не общему свойству природы, а какому-то поврежденію специальной человѣческой природы, которую за это оплачиваютъ, осмѣиваютъ, презираютъ "... Обращаясь къ людямъ, умѣющимъ возмущаться и негодовать, но не понимать и объяснять, Спиноза, начиная свое великолѣпное, вѣющее успокоительное мудростью, ученіе о страстяхъ, собирается удивить этихъ людей тѣмъ, что будетъ трактовать о порокахъ и безразсудствахъ людей геометрическимъ способомъ, рассматривая человѣческія стремленія и дѣйствія такъ, какъ еслибы дѣло шло о линіяхъ, плоскостяхъ или о тѣлахъ. „Въ природѣ,—говоритъ онъ,—нѣтъ ничего, что можно бы приписать ея несовершенству: она всегда и вездѣ одна и та же, и ея сила и способность дѣйствія вездѣ одинаковы. Поэтому существуетъ только одинъ способъ понять природу всякихъ вещей,—именно, посредствомъ общихъ законовъ и правилъ природы. Такимъ образомъ, аффекты ненависти, гнѣва, зависти и пр., рассматриваемые сами въ себѣ, вытекаютъ изъ таковой же необходимости и силы природы, какъ и всѣ остальные вещи. Они указываютъ на причины, при помощи которыхъ могутъ быть поняты, и имѣютъ извѣстные свойства, столь же достойныя нашего познанія, какъ и свойства всякой другой вещи“. Изученіе этихъ свойствъ и причинъ послѣдовательно приводитъ Спинозу къ выводу, что человѣкъ подчиняется дурному, т.-е. *среднему*—только при отсутствіи духовной свободы, состоящей въ имѣніи обо всемъ адекватныхъ или полныхъ идей. Чѣмъ полнѣе, шире, глубже познаніе человѣкомъ окружающей его природы, тѣмъ болѣе онъ свободенъ отъ страстей, которыя подчиняются ясно-сознающему уму и затихаютъ въ могучихъ рукахъ знанія. Вотъ почему, гдѣ идетъ дѣло о *силѣ аффектовъ*, мы имѣемъ дѣло съ *человѣческимъ рабствомъ*—и, наоборотъ, *человѣческая свобода* идетъ рука объ руку съ *властью разума*. Отдавшись этой власти, понявъ, что онъ составляетъ частицу единого высшаго цѣлаго, сознавъ внутреннюю связь своей души со всѣмъ существующимъ въ мірѣ и съ самимъ міромъ, человѣкъ торжествуетъ надъ страстями и, ставъ свободнымъ въ высшемъ смыслѣ этого слова, начинаетъ чувствовать любовь во всему и къ причинѣ и существу этого всего, т.-е. къ Богу. Эта любовь разумная—*amor Dei intellectualis*, и составляетъ высшую и чистѣйшую душевную радость для мыслящаго существа. Съ нею, съ этимъ чувствомъ *verum bonum et communicabile*—ему легко отрѣшиться отъ трехъ обычныхъ житейскихъ стремленій: къ

богатству, къ чести и къ наслаженію, понять ихъ тщету и взглянуть благодушно на причиненное ему лично вѣтъ-либо зло, какъ умѣлъ глядѣть на него и въ жизни, и въ трудахъ своихъ Спиноза. Слѣдуя его ученію, человѣкъ не долженъ забывать, что онъ есть лишь одинъ изъ „модусовъ“ безконечно великой субстанціи божества. „Модусъ“ измѣнчивъ, переходящъ, — субстанція вѣчна и неизмѣнна, какъ неизмѣнна по своему существу вода, одинъ изъ „модусовъ“ которой составляетъ волна. Человѣкъ, какъ „модусъ“, можетъ исчезнуть, но субстанція, его проникавшая, вѣчна и неизмѣнна, и, какъ „модусъ“ этой субстанціи, онъ безсмертенъ. Натуралистическій пантеизмъ сказалъ въ ученіи Спинозы свое вполне законченное слово — и сказалъ съ такою точностью и глубиной, что дальше идти въ этомъ направленіи было нечего. Вотъ почему Спиноза, затмившій въ этой области всѣхъ предшественниковъ своихъ, стоитъ съ тѣхъ поръ въ одинокомъ величіи. Его ученіе было окончательнымъ шагомъ впередъ и къ цѣли по тому пути, на который вступили въ древности элеаты, а въ началѣ новаго времени Джіордано Бруно, сожженный въ Римѣ, за 33 года до рожденія Спинозы, между прочимъ, за тотъ взглядъ на божество, который, только въ болѣе категорической и выработанной формѣ, проводилъ послѣдній. Вліяніе Спинозы на многіе лучшіе умы было громадно. Лессингъ, Шлейермахеръ и Шеллингъ находились подъ его обаяніемъ, и цѣлый періодъ жизни Гёте отмѣченъ несомнѣннымъ вліяніемъ на его гениальную натуру образа и философіи великаго мыслителя. Чтеніе злобнаго и пошлаго памфлета на Спинозу побудило Гёте прочесть его сочиненія и познакомиться съ его жизнью. Уравновѣшенное и невсзмутимое спокойствіе Спинозы представило поразительный контрастъ съ неугомонными, порывистыми его стремленіями, — математическій методъ изложенія былъ въ такомъ противорѣчій съ его поэтическими приѣмами, что Гёте, пораженный Спинозою, философію котораго находилъ столь же чистою, какъ и его жизнь, съ энтузіазмомъ принялся за изученіе „Tractatus theologico-politicus“ и „Этики“. Поэтъ и мыслитель, несмотря на разность темпераментовъ и отношеній къ жизни, сошлись на оцѣнкѣ задачъ человѣка и на представленіи о божествѣ. Въ письмахъ Гёте къ Францу Якоби встрѣчаются мѣста, составляющія перифразы изъ „Этики“, и въ позднѣйшихъ его произведеніяхъ то тутъ, то тамъ сказывается вліяніе взглядовъ Спинозы. Не говоря уже о „Фаустѣ“, который не безъ основанія считается нѣкоторыми изслѣдователями поэтическимъ и образнымъ воспроизведеніемъ спинозизма (вышедшее въ настоящемъ году интересное и оригинальное изслѣдованіе Рувье

о „Фаустѣ“ Гёте, подъ названіемъ „Sphinx locuta est“, снова укзываетъ на отголоски спинозизма въ великой трагедіи), есть и отдѣльныя стихотворенія, проникнутыя тѣмъ же направленіемъ, напр. „Gott und Welt“ или „Eins und Alles“:

„Im grenzenlosen sich zu finden  
Wird gern der Einzelne verschwinden.  
Da löst sich aller Ueberdruss;  
Statt heitzen Wünschen, wildem Wollen  
Statt last'gem Fordern, strengem Sollen  
Sich aufzugeben ist Genuss“.

Замѣчательно, что за нѣсколько лѣтъ до рожденія Спинозы, скончался одинъ изъ величайшихъ поэтовъ, безъ сомнѣнія невѣдомый философу, воплощавшій въ живыхъ типахъ то, что было предметомъ теоремъ и схолій „Этики“. Шекспиръ по справедливости можетъ быть названъ Спинозою поэтического творчества. Его герои—не типы и не нравоучительные примѣры, а живое, конкретное воплощеніе той или другой страсти. Ихъ судьба—не таинственное дѣйствіе невѣдомаго правосудія,—она и не поученіе: „дабы другимъ, на то гляючи, неповадно было“—она неизбѣжный, неотвратимый результатъ страсти въ ея послѣдовательномъ, рововомъ развитіи. Одинъ изъ глубокихъ изслѣдователей шекспировскаго творчества, Крейзигъ, совершенно вѣрно говоритъ: „природа не тиранъ, но и не покровитель; ей равно чужды гнѣвъ, месть и милость; таковъ смыслъ трагедій Шекспира“. „Seine Helden tragen ihr Schicksal in sich“,—замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ. Такой взглядъ Шекспира, безсознательно проникнутый тѣмъ, что получило названіе спинозизма, чувствуется во всѣхъ его главнѣйшихъ произведеніяхъ, но съ особою силою отражается въ „Бурѣ“. Неудачная борьба представителя грубой чувственности, злобнаго раба Калибана—этого, по выраженію Зиллига, „Thiemench“—съ представителемъ мудрости Просперо, которому покоренъ чистый и лучезарный Ариель—не есть ли, въ сущности, противоположеніе человѣческаго рабства подъ игомъ аффектовъ—человѣческой свободѣ подъ властью разума, о которыхъ говорить „Этика“ Спинозы?..

А. К—н—



---

\* \* \*

Подъ дыханіемъ первымъ мороза  
Пожелтели въ саду цвѣтники,  
И послѣдняя бѣлая роза  
Ужъ роняетъ свои лепестки...

Такъ—убиты заботой холодной—  
Въ сердцѣ лучшія вянутъ мечты,—  
Догивай же, въ тоскѣ безысходной,  
Лебединую пѣсню и ты!..

О. М—л.



## ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1887 г.

Городскія, уѣздныя, сельскія двухклассныя и начальныя училища, по свѣдѣніямъ отчета министра народнаго просвѣщенія за 1884 г. — Еще къ вопросу о сліяніи свѣтской и церковной начальной школы. — Правила объ испытаніяхъ на стипендіи. — Берлинскій институтъ римскаго права. — Инструкція полицейскимъ урядникамъ. — Отчетъ почтоваго управленія за 1885 г. — Проекты-руемыя финансовыя мѣры.

Въ предыдущемъ обзорѣни мы познакомили нашихъ читателей съ тою частью отчета министра народнаго просвѣщенія (за 1884 г.), которая касается университетовъ, гимназій и реальныхъ училищъ; намъ остается разсмотрѣть данныя, относящіяся къ низшимъ учебнымъ заведеніямъ. Первое мѣсто занимаютъ здѣсь городскія и уѣздныя училища. Къ учрежденію городскихъ училищъ приступлено пятнадцать лѣтъ тому назадъ, на основаніи положенія 31-го мая 1872 г.; они должны были повсемѣстно замѣнить уѣздныя училища, давно признанныя недостигающими своей цѣли. Реформа осуществилась, однако, далеко не вездѣ и подвигается впередъ крайне медленно. Къ 1 января 1885 г. изъ числа 402 уѣздныхъ училищъ, подлежащихъ обращенію въ городскія, преобразованы на самомъ дѣлѣ были только 186. Къ этой послѣдней цифрѣ слѣдуетъ прибавить еще 144 городскихъ училища, вновь открытыхъ, независимо отъ уѣздныхъ, а къ 216 уѣзднымъ училищамъ—еще 52 школы разныхъ наименованій <sup>1)</sup>, организованныхъ по образцу уѣздныхъ, такъ что всѣхъ городскихъ училищъ насчитывается 330, а уѣздныхъ и имъ равныхъ—301. Въ теченіе 1884 года преобразовано въ городскія только *два* уѣздныхъ училища. Такое положеніе дѣла должно быть признано крайне ненормальнымъ. Не говоря уже о томъ, что преподаваніе въ городскихъ

<sup>1)</sup> Въ отчетѣ такихъ школъ показано 85, но мы вычитаемъ изъ этой цифры 33 женскія училища, которыя не могутъ идти въ параллель съ городскими, учреждаемыми исключительно для мальчиковъ.

училищахъ устроено на болѣе разумныхъ началахъ, уѣздныя училища испытываютъ на себѣ всѣ неудобства переходнаго порядка; осужденныя на смерть, они не столько живутъ, сколько прозябаютъ. „Находясь постоянно подъ гнетомъ мысли,—читаемъ мы въ отчетѣ.— что рано или поздно придется остаться за штатомъ, учителя уѣздныхъ училищъ смотрятъ на свою должность какъ на что-то временное, и потому, при первой возможности, стараются перемѣнить свое положеніе на другое, если не лучшее, то болѣе прочное. Само собою разумѣется, что замѣна выбывающаго учителя новымъ не можетъ совершиться тотчасъ, и потому неизбѣжно сопряжена съ потерей учебного времени и упущеніемъ въ преподаваніи“. Многого ли можно ожидать отъ училищъ, остающихся въ такихъ условіяхъ не одинъ годъ, не два, а больше десяти лѣтъ? А между тѣмъ въ этихъ училищахъ учатся болѣе двадцати-двухъ тысячъ мальчиковъ, и улучшеніе ихъ отнюдь нельзя считать вопросомъ маловажнымъ. Задержку въ преобразованіи отчетъ объясняетъ „невозможностью обременять государственное казначейство новыми на этотъ предметъ расходами“. Посмотримъ, какъ велики были бы эти расходы. Въ 1884 г. содержаніе каждаго уѣзднаго училища обходилось, среднимъ числомъ, въ 3.210, содержаніе каждаго городского училища—въ 4.406 рублей. Разница, на каждое училище, составляетъ 1.196 рублей, а на всѣ двѣсти-шестнадцать уѣздныхъ училищъ—258.336 руб. Эта послѣдняя цифра вовсе не такъ велика, чтобы изъ-за нея можно было откладывать на неопредѣленное время необходимую реформу; но, сверхъ того, нужно еще имѣть въ виду, что она понадобилась бы не вдругъ—для внезапнаго преобразованія всѣхъ уѣздныхъ училищъ въ городскія не хватило бы учителей.— и что нѣкоторая ея часть несомнѣнно была бы пополнена изъ земскихъ и городскихъ средствъ. Мы узнаемъ изъ отчета, что въ содержаніи уѣздныхъ училищъ города участвуютъ въ гораздо меньшей мѣрѣ, чѣмъ въ содержаніи городскихъ; изъ расходовъ по уѣзднымъ училищамъ городскими взносами покрывается только одна двадцать-пятая, изъ расходовъ по городскимъ училищамъ—почти одна шестая часть. Земство также тратитъ на городскія училища сравнительно больше, чѣмъ на уѣздныя. Съ финансовой точки зрѣнія, преобразование представляется, слѣдовательно, не особенно тяжелымъ, а въ пользу его неотложности можно привести еще одно серьезное соображеніе. Для приготовленія учителей въ городскія училища у насъ существуютъ особыя учебныя заведенія—учительскіе институты, числомъ девять. Въ послѣднее время представленіе молодымъ людямъ, окончившимъ курсъ въ учительскомъ институтѣ, соответствующихъ учительскихъ мѣстъ сдѣлалось довольно затруднительнымъ, влѣдствіе чего, со стороны нѣкоторыхъ попечи-



телей учебных округовъ, стали возникать предположенія о сокращеніи числа воспитанниковъ въ учительскихъ институтахъ или даже о сокращеніи числа самыхъ институтовъ. Предположенія эти были отвергнуты министерствомъ народнаго просвѣщенія, признавшимъ—и совершенно основательно,—что избытокъ числа воспитанниковъ, окончившихъ курсъ въ учительскихъ институтахъ, сравнительно съ числомъ учительскихъ вакансій въ городскихъ училищахъ, объясняется именно замедленіемъ въ преобразованіи уѣздныхъ училищъ. Заботясь объ участи бывшихъ учениковъ учительскаго института, не находящихъ мѣста на своей настоящей дорогѣ, министерство распорядилось опредѣленіемъ ихъ на должности учителей въ уѣздныхъ училищахъ, въ приготовительныхъ классахъ гимназій и прогимназій, въ двухклассныхъ сельскихъ училищахъ; но эта мѣра имѣетъ, очевидно, лишь палліативное значеніе, и устранить явную аномалію можетъ только продолженіе и окончаніе реформы, въ виду которой были учреждены учительскіе институты. Въ настоящую минуту положеніе воспитанниковъ учительскихъ институтовъ еще больше, по всей вѣроятности, измѣнилось къ худшему, въ виду закрытія приготовительныхъ классовъ гимназій и прогимназій.

Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ преобразованіе уѣзднаго училища въ городское обусловливается, отчасти, готовностью мѣстнаго городского общества—а иногда и уѣзднаго земства—принять на себя часть расходовъ по содержанію городского училища. Степень этой готовности зависитъ, въ свою очередь, отъ довѣрія населенія къ результатамъ преобразованія, т. е. къ превосходству новаго школьнаго типа надъ старымъ. Въ теоріи оно несомнѣнно; за него ручается и значительное расширеніе учебнаго курса, и спеціальная подготовка преподавателей. Другое дѣло—практика; она не всегда оправдываетъ ожиданія, возбужденныя реформой 1872 г. Чрезвычайно значительнымъ оказывается, напримѣръ, число учениковъ, оставляющихъ городскія училища до окончанія курса: въ 1884 г. ихъ было 8.097 (изъ тридцати-девяти тысячъ, т. е. болѣе 20%), а окончило курсъ только 2.234 (менѣе 6%). Для уѣздныхъ училищъ соответствующія цифры, за тотъ же періодъ времени, составляютъ 21 1/2 и 15%. Конечно, это не доказываетъ преимуществъ уѣздныхъ училищъ передъ городскими: нижшіе классы городского училища исполняютъ роль начальной школы, въ которой всегда высокъ процентъ не оканчивающихъ ученья, да и весь курсъ въ городскомъ училищѣ вдвое продолжительнѣе и гораздо труднѣе, чѣмъ въ уѣздномъ. Поразительнымъ, все-таки, остается тотъ фактъ, что въ уѣздныхъ училищахъ, при 17.000 учащихся, оканчиваютъ курсъ 2.524 мальчика, а въ городскихъ, при 39 тысячахъ учащихся—только 2.234. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ,

что одною изъ главныхъ причинъ сравнительной малоуспѣшности городскихъ училищъ является такъ-называемая классная система, установленная положеніемъ 1872 г. Она заключается въ томъ, что въ каждомъ классѣ всѣ предметы—кромѣ закона Божія, пѣнія и гимнастики—преподаютъ однимъ и тѣмъ же учителемъ. Чтобы понять значеніе этого порядка, необходимо имѣть въ виду, что городскія училища—при шести-лѣтнемъ учебномъ курсѣ—раздѣляются на одноклассныя, двухклассныя, трехклассныя, четырехклассныя, пятиклассныя и шестиклассныя; первыхъ, въ 1884 г., было 4, вторыхъ—111, третьихъ—153, четвертыхъ—50, пятыхъ—2, шестое—только одно. Не касаясь одноклассныхъ, пятиклассныхъ и шестиклассныхъ училищъ, существующихъ лишь въ видѣ исключеній, остановимся только на трехъ остальныхъ категоріяхъ. Учителей въ каждомъ городскомъ училищѣ полагается столько, сколько въ немъ классовъ. Въ двухклассномъ училищѣ, такимъ образомъ, два учителя; одинъ завѣдуетъ первымъ, младшимъ классомъ, раздѣленнымъ на два отдѣленія (курсъ ученія въ каждомъ изъ нихъ продолжается по два года), другой—вторымъ, старшимъ классомъ. Положеніе перваго учителя существенно затруднено разнородностью занятій, которыя ему приходится вести одновременно и параллельно. По отношенію къ начинающимъ ученикамъ онъ долженъ играть роль начальнаго учителя, а во второмъ отдѣленіи—систематически преподавать нѣкоторые предметы гимназическаго курса. Второму учителю приходится имѣть дѣло только съ одной группой учениковъ, но за то серьезность курса постоянно растетъ и требуетъ такихъ разностороннихъ знаній, которыми рѣдко обладаетъ, въ надлежащей мѣрѣ, одно и то же лицо. Въ самомъ дѣлѣ, легко ли преподавать съ одинаковымъ искусствомъ и одинаковымъ успѣхомъ наиболѣе трудныя отдѣлы русской грамматики—и высшую арифметику, геометрію, начальную алгебру, исторію и географію—и физіку, естествовѣденіе? Нѣкоторыя части преподаванія почти неизбежно, при такихъ условіяхъ, должны быть слабы и, сообразно съ этимъ, неудовлетворительны должны быть и успѣхи учениковъ. Трехклассное училище отличается отъ двухкласснаго только тѣмъ, что курсъ cadaго класса двухгодичный, безъ раздѣленія на отдѣленія. Это облегчаетъ занятія съ учениками младшаго возраста, но положеніе учителя въ старшемъ классѣ остается неизмѣненнымъ. Нѣсколько лучше оно въ четырехклассныхъ училищахъ, такъ какъ здѣсь курсъ ученія въ каждомъ изъ двухъ старшихъ классовъ продолжается только по одному году, и слѣдовательно меньше объемъ свѣденій, передача которыхъ лежитъ на обязанности cadaго учителя; но это—разница не существенная, потому что нельзя же хорошо вести дѣло въ старшемъ классѣ, не обладая вполне раньше пройденными

отдѣлами преподаваемыхъ предметовъ. Четырехклассныхъ училищъ, притомъ, сравнительно немного, между тѣмъ какъ двухклассныя училища, самыя неудобныя, составляютъ цѣлую треть общаго числа городскихъ училищъ. Классная система имѣетъ еще другой недостатокъ, одинаково чувствительный при всякомъ числѣ классовъ. Она дѣлаетъ учителя не только энциклопедистомъ по-неволѣ, но *единственнымъ* руководителемъ учениковъ, всецѣло подчиняющихся его вліянію. Хорошо, если учитель — прекрасный человекъ и отличный педагогъ; но выдающихся дѣятелей вездѣ и всегда мало, а при обычномъ уровнѣ преподавателей весьма полезно, чтобы вліяніе одного изъ нихъ восполнялось вліяніемъ другихъ. Всего лучше, конечно, было бы обратить всѣ городскія училища по меньшей мѣрѣ въ четырехклассныя и замѣнить классную систему предметною, т.-е. распределить преподаваніе между учителями не по классамъ, а по предметамъ; но первое было бы сопряжено съ значительнымъ увеличеніемъ расходовъ, и потому можно было бы ограничиться хоть послѣднимъ, что не потребовало бы ни одной лишней копѣйки. Весьма полезно было бы также выдѣлить изъ городскихъ училищъ курсы начальной школы, т.-е. принимать въ городскія училища дѣтей, окончившихъ ученіе въ начальной школѣ или выдержавшихъ соотвѣтствующее испытаніе. Продолжительность ученія въ городскомъ училищѣ уменьшилась бы тогда по крайней мѣрѣ на два года, и отъ учителей не требовалось бы совмѣщенія занятій существенно различныхъ. Поднять значеніе городскихъ училищъ, а слѣдовательно и облегчить ихъ учрежденіе, могло бы, наконецъ, увеличеніе числа ремесленныхъ классовъ, въ настоящее время существующихъ только при тридцати-семи училищахъ. Отмѣтимъ, въ заключеніе, одну мѣру министерства народнаго просвѣщенія, къ которой нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ: это введеніе въ учительскіе институты обученія ручному труду или производству нѣкоторыхъ домашнихъ издѣлій, доступныхъ ученикамъ городскихъ, уѣздныхъ и вообще низшихъ училищъ. О значеніи этого нововведенія мы поговоримъ въ другой разъ, такъ какъ оно играетъ большую роль въ проектѣ организаціи промышленнаго образованія.

Между училищами, устроенными по образцу уѣздныхъ, числятся, какъ мы уже видимъ, тридцать-три женскія двухклассныя школы. По словамъ отчета, онѣ существуютъ только въ городахъ юго-западныхъ губерній; но намъ случилось познакомиться съ училищемъ такого типа въ одномъ изъ большихъ городовъ Поволжья. Весьма вѣроятно, что официально оно считается начальной школой, и что это — не единственный случай своего рода. Какъ бы то ни было, потребность въ женскихъ училищахъ, болѣе или менѣе соотвѣтствующимъ

щихъ городскимъ, не подлежитъ никакому сомнѣнiю, и нельзя не пожалѣть, что она не была предусмотрѣна положенiемъ 31-го мая 1872 г. Въ послѣднее время въ Петербургѣ открыто нѣсколько такъ-называемыхъ марiинскихъ женскихъ училищъ <sup>1)</sup>, подходящихъ, до извѣстной степени, именно къ желанному типу, но о распространенiи ихъ въ другихъ мѣстностяхъ Россiи что-то не слышно (въ вѣденiи министерства народнаго просвѣщенiя они не состоятъ, вслѣдствiе чего о нихъ и не упомянуто въ отчетѣ). А между тѣмъ доступъ въ женскiя гимназiи и прогимназiи затрудняется все больше и больше, повышенiемъ платы за ученiе; если вѣрить слухамъ, къ нимъ предполагается примѣнить или примѣняется, на практикѣ, уже теперь основное начало извѣстнаго министерскаго распоряженiя 18-го iюня. Съ бoльшимъ еще правомъ, чѣмъ по отношенiю къ мальчикамъ, можетъ быть поставленъ вопросъ: куда же направить дѣвочекъ, передъ которыми затворяются двери среднихъ учебныхъ заведенiй? Разрѣшенiе этого вопроса кажется намъ безотлагательно необходимымъ.

Почти на одномъ уровнѣ съ городскими училищами стоятъ двухклассныя сельскiя училища, съ пятилѣтнимъ курсомъ ученiя вмѣсто шестилѣтняго. Ихъ было въ 1884 г. 805, съ 94.589 учащимися. Первый классъ двухкласснаго сельскаго училища ничѣмъ не отличается отъ обыкновенной начальной школы; судить о специальномъ значенiи двухклассныхъ училищъ можно было бы только на основанiи данныхъ, относящихся къ второму классу—а такихъ данныхъ, какъ и вообще подробныхъ свѣденiй о двухклассныхъ училищахъ, отчетъ, къ сожалѣнiю, не представляетъ. Мы не узнаемъ ни общаго числа учениковъ второго класса, ни числа выбывшихъ изъ него до окончанiя курса, ни числа окончившихъ курсъ, ни распредѣленiя двухклассныхъ училищъ между различными мѣстностями Россiи, ни степени участiя разныхъ обществъ и учрежденiй въ ихъ содержанiи. Есть уѣзды, въ которыхъ двухклассныхъ училищъ нѣтъ вовсе; сколько такихъ уѣздовъ—отчетъ не сообщаетъ. Во многихъ ли двухклассныхъ училищахъ введено обученiе ремесламъ, сколько двухклассныхъ училищъ, въ которыхъ принимаются только однѣ дѣвочки, и сколько такихъ, въ которыхъ дѣвочекъ нѣтъ вовсе, сколько дѣвочекъ учатся во второмъ классѣ остальныхъ двухклассныхъ училищъ—все это остается неизвѣстнымъ. Не видно, наконецъ, и того, имѣются ли въ министерствѣ народнаго просвѣщенiя свѣденiя о дальнѣйшей судьбѣ учениковъ, окончившихъ курсъ въ двухклассныхъ сельскихъ

<sup>1)</sup> См. Внутреннее Обзорiе въ № 10 „Вѣстника Европы“ за 1882 г.

училищахъ — свѣденія столь необходимы для правильной оцѣнки дѣятельности этихъ училищъ.

Переходимъ къ начальнымъ училищамъ. Въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія ихъ состояло, въ 1884 г., 23.404, съ 1.372.324 учащимися. Какъ распределяется эта цифра между мальчиками и дѣвочками — этого мы съ точностью не узнаемъ, потому что отчетъ соединяетъ здѣсь въ одно цѣлое учащихся въ двухклассныхъ и въ одноклассныхъ училищахъ; въ тѣхъ и другихъ было, въ 1884 г., 1.152.516 мальчиковъ и 314.397 дѣвочекъ (около 21½%). Сравнительно съ тѣмъ, что было лѣтъ двадцать—или даже меньше — тому назадъ, эта послѣдняя цифра можетъ быть названа довольно благоприятной. Окончило курсъ въ начальныхъ школахъ 118.829 человекъ (около 8%); вышло до окончанія курса—296.709 (около 20%). По словамъ отчета, оставленіе школы прежде окончанія курса слѣдуетъ объяснить „не столько равнодушіемъ населенія къ образованію, сколько условіями хозяйственнаго его быта, по которымъ крестьяне затрудняются держать своихъ дѣтей въ школѣ въ теченіе трехъ и болѣе лѣтъ, требующихся для прохожденія курса“. Самый большой пробѣлъ отчета—это неотдѣленіе сельскихъ начальныхъ училищъ отъ городскихъ, а между сельскими—министерскихъ отъ земскихъ, общественныхъ и частныхъ. До извѣстной степени, но не вполне, онъ пополняется свѣденіями о томъ, какъ и между тѣмъ распределены расходы на начальныя училища (двухклассныя и здѣсь недостаточно обособлены отъ одноклассныхъ; отдѣльно показана только общая ихъ стоимость—1.351.243 рубля изъ 12.764.496, расходуемыхъ вообще на начальныя училища). Отъ казны поступаетъ 9,2% всей суммы, идущей на начальныя училища, отъ городовъ—17,9%, отъ сельскихъ обществъ—24,6%, отъ земскихъ учрежденій—35,8%, отъ дворянства—0,004%, отъ разныхъ обществъ и частныхъ лицъ—7,6%, изъ специальныхъ средствъ училищъ и другихъ источниковъ—около 5%. Если принять во вниманіе, что значительно болѣе большая часть—1.175.279 рублей, расходуемыхъ на начальныя училища изъ средствъ государственнаго казначейства, идетъ на содержаніе дирекціи и инспекціи начальныхъ училищъ и на двухклассныя училища, то придется признать, что начальныя училища—въ тѣсномъ смыслѣ этого слова—содержатся почти всецѣло на счетъ земства, городовъ и крестьянскихъ обществъ, съ небольшимъ только пособіемъ отъ казны и частныхъ лицъ, и безъ всякой поддержки со стороны дворянства, какъ *сословія*; 500 рублей изъ 12¾ милліоновъ—все равно что ничего (само собою разумѣется, что *отдѣльные* дворяне-землевладѣльцы, какъ плательщики земскаго сбора, несутъ на себѣ немалую часть расходовъ по содержанію народныхъ школъ).

На самомъ дѣлѣ, участіе органовъ самоуправленія въ содержаніи народныхъ школъ еще гораздо больше, потому что отъ нихъ же идетъ значительная часть суммъ, затрачиваемыхъ на церковно-приходскія школы.

О распредѣленіи начальныхъ школъ между различными мѣстностями Россіи отчетъ даетъ понятіе крайне недостаточное; онъ приурочиваетъ ихъ къ учебнымъ округамъ, т.-е. въ такому территориальному дѣленію, подробности котораго мало кому извѣстны, и не указываетъ отношенія между числомъ учащихся и населенностью губерній. Тѣмъ не менѣе, не трудно замѣтить громадное преимущество губерній земскихъ передъ не-земскими. Казанскій округъ, на примѣръ, поставленъ въ условія гораздо менѣе благоприятныя, чѣмъ округа виленскій и кievскій — и все-таки значительно превосходитъ и тотъ, и другой какъ числомъ училищъ, такъ и числомъ учащихся. Первыхъ въ казанскомъ округѣ 2.829, въ кievскомъ—1.629, въ виленскомъ — 1.684; послѣднихъ въ казанскомъ округѣ 220.408, въ кievскомъ—103.926, въ виленскомъ—78.720. Объяснить эту разницу можно только существованіемъ въ казанскомъ учебномъ округѣ земскихъ учреждений. Въ среднемъ выводѣ, на одного учащагося приходится слишкомъ *десять* не-учащихся дѣтей школьнаго возраста; но въ округахъ петербургскомъ и харьковскомъ послѣдняя цифра падаетъ до *девяти*, въ округахъ московскомъ и казанскомъ—до *семи*, въ округѣ одесскомъ — до *шести*. Для округовъ виленскаго и кievскаго отношеніе между учащимися и не-учащимися въ отчетѣ не указано; отсюда слѣдуетъ заключить, что число не-учащихся здѣсь выше средняго—а между тѣмъ именно въ сѣверо-западномъ и юго-западномъ краѣ особенно важно было бы широкое развитіе начальной школы.

Признавая, что правильная постановка начального обученія была бы возможна только при безусловной его обязательности, министерство народнаго просвѣщенія находитъ эту мѣру преждевременной, въ виду экономическаго положенія крестьянства. Отсюда необходимость другихъ, болѣе доступныхъ способовъ распространенія начального обученія въ народѣ. Главнымъ изъ нихъ министерство считаетъ практикуемое у крестьянъ домашнее обученіе, т.-е. такъ-называемую школу грамотности. „Этотъ видъ обученія,—читаемъ мы въ отчетѣ,—очень любимъ народомъ, распространенъ во многихъ мѣстахъ, и въ послѣдніе годы обратилъ на себя серьезное вниманіе со стороны мѣстныхъ дѣятелей по народному образованію... Наиболѣе удобный для народа и менѣе отяготительный для его средствъ, способъ домашняго обученія тѣмъ болѣе заслуживаетъ поддержки, что при его помощи готовится мало-по-малу почва для устройства правиль-

ныхъ училищъ. По этимъ соображеніямъ весьма желательно, чтобы православное духовенство, ближайшему попеченію котораго, по приказу 13-го іюня (1884 г.), подлежатъ школы грамотности, обратило вниманіе на распространеніе въ народѣ этого вида обученія<sup>а</sup>.

Преподаваніемъ въ начальныхъ училищахъ занималось, въ 1884 г. — не считая законоучителей, — 29.829 лицъ, въ томъ числѣ 19.646 учителей (почти 66%) и 10.183 учительницы (болѣе 34%). Отношеніе между этими обѣими цифрами оказалось бы, безъ сомнѣнія, еще болѣе благопріятнымъ для учительницъ, еслибы изъ числа начальныхъ училищъ были исключены двухклассныя, въ которыхъ женщины допускаются къ преподаванію весьма рѣдко. Число учительницъ, сравнительно съ числомъ учителей, постоянно растетъ; въ предшествовавшемъ году ихъ было только 32%. По степени образованія, всѣ учителя и учительницы раздѣляются отчетомъ на пять разрядовъ: 1) окончившіе курсъ въ высшемъ учебномъ заведеніи; 2) въ среднемъ; 3) въ низшемъ; 4) получившіе спеціальную подготовку въ учительскихъ семинаріяхъ и соответствующихъ имъ учебныхъ заведеніяхъ, и 5) неимѣющіе установленнаго образовательнаго ценза. Къ первому разряду изъ 28.934 учителей и учительницъ принадлежало 32 (0,1%), къ второму—7.340 (25,4%), къ третьему—5.806 (20%), къ четвертому — 13.523 (46,7%), къ пятому—2.233 (7,7%). Во всѣхъ этихъ разрядахъ число учителей преобладаетъ надъ числомъ учительницъ, кромѣ второго; здѣсь на 3.018 учителей приходилось 4.322 учительницы. Уже это одно обстоятельство говорить въ пользу возможно большаго привлеченія женщинъ къ дѣлу начального обученія. По удостовѣренію нѣкоторыхъ попечителей учебныхъ округовъ, учительницы, отличаясь болѣею выносливостію, болѣшимъ терпѣніемъ, болѣею умѣренностію требованій, болѣе, чѣмъ учителя, вліяютъ на учащихся въ воспитательномъ отношеніи и составляютъ болѣе прочный контингентъ преподавателей. Если учителя преобладаютъ надъ учительницами въ четвертомъ разрядѣ — т.е. между лицами, получившими спеціальную подготовку — то это объясняется крайне небольшимъ числомъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ такая подготовка можетъ быть приобретаема женщинами. Въ 1884 г. женскихъ учительскихъ школъ было только *шесть*, между тѣмъ какъ число мужскихъ учительскихъ школъ и семинарій простиралось до *шестидесяти-трехъ*; учащихся мужчинъ было 4.231, учащихся женщинъ—315. *Правительственныхъ* школъ этого рода для женщинъ не существуетъ вовсе, между тѣмъ какъ для мужчинъ ихъ *пятьдесятъ-девять*. Правда, между народными учительницами довольно много бывшихъ воспитанницъ женскихъ духовныхъ (епархіальныхъ) училищъ, не подвѣдомственныхъ министерству народнаго

просвѣщенія; но эти училища наполняются, преимущественно, дочерьми священно- и церковно-служителей, да и самое преподаваніе не въ такой степени приспособлено здѣсь къ подготовкѣ народныхъ учительницъ, какъ въ спеціально-учительскихъ школахъ. Если въ области народной школы учительницы, даже по официальнымъ даннымъ, стоятъ выше учителей, то почему бы не приступить теперь же къ устройству *правительственныхъ* женскихъ учительскихъ семинарій? Мы рѣшительно не въ состояніи себѣ представить, что могло бы помѣшать осуществленію столь полезнаго дѣла. Для сбереженія средствъ можно было бы обратить въ женскія нѣкоторыя изъ существующихъ мужскихъ учительскихъ школъ.

Чрезвычайно печальны свѣденія, сообщаемыя отчетомъ о матеріальномъ положеніи народныхъ учителей и учительницъ. Изъ числа 28.710 преподавателей 200 рублей въ годъ и болѣе получали только 17.961, отъ 150 до 200 рублей — 5.982, отъ 100 до 150 рублей — 3.300, отъ 50 до 100 рублей—1.140, *менѣе 50 рублей*—327. Нельзя не пожалѣть, что отчетъ соединилъ въ одну рубрику всѣхъ получающихъ 200 рублей и болѣе. Достаточнымъ вознагражденіемъ за трудъ учителя двѣсти рублей можно признать развѣ въ немногихъ мѣстностяхъ, отличающихся исключительною дешевизною жизни; въ огромномъ большинствѣ случаевъ трудно прожить безбѣдно, получая менѣе трехсотъ рублей, и вотъ эту послѣднюю цифру и слѣдовало бы поставить на рубежѣ между учителями сколько-нибудь обезпеченными и всѣми остальными. Категория счастливецевъ оказалась бы, по всей вѣроятности, до крайности малочисленной, въ особенности еслибы она была показана отдѣльно для одноклассныхъ сельскихъ школъ; всѣ двухклассныя школы и болѣшая часть городскихъ находятся въ условіяхъ сравнительно благопріятныхъ. Намъ думается, что однимъ констатированіемъ зла ограничиться здѣсь нельзя, и что улучшение участи народныхъ учителей, прослужившихъ въ этомъ званіи известное число лѣтъ, должно сдѣлаться предметомъ особыхъ заботъ со стороны правительственной власти. Въ отчетѣ указывается на скудное содержаніе законоучителей, большинство которыхъ (82%) получаетъ менѣе ста рублей въ годъ; но сто рублей—даже пятьдесятъ, даже тридцать—гораздо лучшее вознагражденіе для священника, посвящающаго школѣ часа четыре въ недѣлю и пользующагося доходами отъ своей главной должности, чѣмъ двѣсти рублей—для учителя, восемь мѣсяцевъ въ году отдающаго школѣ весь свой трудъ, все свое время, и не имѣющаго, болѣею частью, никакихъ другихъ средствъ къ жизни. Желательно было бы, конечно, лучше оплачивать занятія законоучителя, но это, очевидно, вопросъ второстепенной важности, пока чуть не половина учителей начальныхъ школъ



получаетъ менѣе двухсотъ рублей. Положеніе учителей ухудшается дурнымъ, въ большинствѣ случаевъ, состояніемъ школьныхъ зданій, въ которыхъ, за рѣдкими исключеніями, находится и квартира учителя. Изъ 23.860 училищъ 6.421 помѣщалось въ наемныхъ домахъ; но и изъ собственныхъ помѣщеній цѣлая половина признавалась неудовлетворительной и неприспособленной къ потребностямъ школы. Такова матеріальная обстановка начальной школы — и все-таки, по словамъ отчета, положеніе учебной части въ большинствѣ училищъ постепенно улучшается. Въ весьма многихъ училищахъ процвѣтаетъ, между прочимъ, и церковное пѣніе, хотя оно и не принадлежитъ къ числу обязательныхъ предметовъ.

Всѣ, рѣшительно всѣ данныя о начальныхъ школахъ, заимствованныя нами изъ отчета министерства народнаго просвѣщенія, приводятъ къ одному несомнѣнному выводу: дѣло начального обученія поставлено на настоящую дорогу, развивается правильно и требуетъ только бѣльшей поддержки, но отнюдь не радикальныхъ измѣненій. Другими словами, министерскій отчетъ представляется краснорѣчивѣйшимъ аргументомъ противъ поглощенія министерской, земской и крестьянской начальной школы—школою церковно-приходскою. Всѣ обычные доводы противъ свѣтскаго начального обученія разбиваются о факты и цифры, за достовѣрность которыхъ ручается официальный ихъ источникъ. Говорятъ, что народъ не имѣетъ довѣрія къ свѣтской начальной школѣ; на это отвѣчаетъ, съ одной стороны, переполненіе училищъ (въ среднемъ выводѣ, на каждое изъ нихъ приходится по 58 учениковъ, что чрезвычайно много, если принять во вниманіе разбросанность населенія и тѣсноту школьныхъ помѣщеній), съ другой стороны—покрытіе *цѣлой четверти* расходовъ на начальную школу *добровольными* взносами сельскихъ обществъ. Говорятъ, что свѣтская школа не идетъ впередъ и не обращаетъ достаточнаго вниманія на предметы, особенно цѣнные народомъ, напр. на церковное пѣніе; отчетъ министра прямо доказываетъ противное. Говорятъ, что свѣтская школа не имѣетъ *воспитательнаго* вліянія на учениковъ; наличность такого вліянія констатируется отчетомъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло обученія находится въ рукахъ учительницъ — а ничто не мѣшаетъ принять мѣры къ возможно большому увеличенію числа послѣднихъ, сравнительно съ числомъ учителей. Постоянно растущій процентъ учителей и учительницъ, получившихъ специальную подготовку, свидѣтельствуетъ о признаніи ея пользы для школьнаго дѣла—а въ церковно-приходской школѣ такая подготовка считается несущественной или даже излишней. Самымъ сильнымъ возраженіемъ противъ проегируемаго сліянія является то мѣсто отчета, которое касается школъ грамотности. Да,

школа грамотности—незамѣнимое средство распространенія первоначальныхъ званій, отличная почва для развитія школьнаго дѣла, неизбѣжный шагъ на пути къ обязательному начальному обученію; но кому же принадлежитъ честь раскрытія этой истины? По свидѣтельству отчета—*мстными дѣятелями* по народному образованію, т.-е. правительственной инспекціи, гласнымъ земскихъ собраній, членамъ земскихъ управъ и училищныхъ совѣтовъ. И дѣйствительно, официально признанная и разрѣшенная только въ 1882 г., школа грамотности, два года спустя, т.-е. во времени изданія правилъ 13 іюня 1884 г., была уже во многихъ мѣстахъ предметомъ особыхъ заботъ со стороны инспекціи и земства <sup>1)</sup>. Нужно было только предоставить дѣло естественному его теченію — и результаты получились бы, въ скоромъ времени, весьма большіе. Ничто не мѣшало бы духовенству принять участіе въ общей работѣ; конкурируя съ земствомъ и съ учебнымъ вѣдомствомъ, оно сдѣлало бы, по всей вѣроятности, гораздо больше, чѣмъ дѣлаеть теперь, въ силу предоставленной ему исключительной власти. Общихъ свѣденій о положеніи школъ грамотности, при дѣйствіи правилъ 1884 г., мы еще не имѣемъ; но мы едва ли ошибемся, если будемъ судить о немъ по примѣру петербургской епархіи. Здѣсь, столь близко отъ центра управленія, можно ожидать наибольшей энергіи въ веденіи дѣла—а между тѣмъ, какъ мы видѣли еще недавно <sup>2)</sup>, петербургскій епархіальный совѣтъ не успѣлъ, въ продолженіе трехъ лѣтъ, даже собрать подробныхъ и точныхъ свѣденій о ввѣренныхъ ему школахъ грамотности. Учащихся въ этихъ школахъ, *по всей губерніи*, показывается за 1885—учебный годъ, *шестьсотъ-двадцать*, между тѣмъ какъ по отчету одного изъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ ихъ числилось, въ томъ же учебномъ году, *девятьсотъ-восемьдесятъ-четыре по одному только уѣзду* той же губерніи. И это противорѣчіе совершенно естественно. Чѣмъ больше въ приходѣ официально зарегистрированныхъ школъ грамотности, тѣмъ больше отчетность и отвѣтственность священника, облеченнаго, по отношенію къ нимъ, не только всѣми правами *наблюдателя* (какъ это было въ періодъ времени между 1882 и 1884 г.), но и всѣми обязанностями *начальника*. Отсюда, быть можетъ, проистекаетъ иногда нежеланіе способствовать размноженію школъ грамотности или даже

<sup>1)</sup> См. Внутреннія Обзоренія въ №№ 5 и 9 за 1884 г., № 8 за 1885 и № 3 за 1886 г. Отрывочна, но, тѣмъ не менѣе, цѣнныя свѣденія о положеніи школъ грамотности до введенія въ дѣйствіе правилъ 13-го іюня можно найти въ „Земскомъ Ежегодникѣ“ за 1884 г. Въ вологодской губерніи, напримѣръ, была 81 школа грамотности, въ томъ числѣ земскихъ—69; царевкокшайское земство приняло цѣлый рядъ мѣръ къ развитію этого способа обученія.

<sup>2)</sup> См. Обществ. Хронику въ № 9 „Вѣстн. Европы“ за текущій годъ.

нежеланіе видѣть ихъ тамъ, гдѣ онѣ уже существуютъ. Совсѣмъ иначе стояло бы дѣло, еслибы школы грамотности могли открываться и дѣйствовать независимо отъ мѣстнаго священника, хотя и подъ его надзоромъ; тогда у духовенства могло бы явиться стремленіе не отставать отъ другихъ и противопоставить школамъ грамотности, связаннымъ съ земскимъ или министерскимъ училищемъ, школы грамотности, связанныя съ церковно-приходской школой. Подъ именемъ этой связи мы понимаемъ веденіе школъ грамотности молодыми крестьянами или крестьянками, незадолго передъ тѣмъ окончившими курсъ въ одномъ изъ мѣстныхъ правильно-организованныхъ училищъ и приступающими къ своей новой дѣятельности подъ непосредственнымъ руководствомъ своего бывшаго преподавателя. Ничего болѣе нормальнаго и плодотворнаго, чѣмъ такое отношеніе школы-матери къ школамъ-дочерямъ, нельзя себѣ и представить—и оно начинало устанавливаться на практикѣ, пока не было порвано въ самомъ корнѣ правилами 13-го іюня. Церковно-приходской школѣ трудно замѣнить, съ этой точки зрѣнія, школу министерскую или земскую, по двумъ главнымъ причинамъ. Во-первыхъ, курсъ ученія въ церковно-приходской школѣ продолжается, большею частью, только два года, вмѣсто трехъ, составляющихъ общее правило въ свѣтской школѣ, — и слѣдовательно бывшему ученику церковно-приходской школы гораздо труднѣе сдѣлаться учителемъ въ школѣ грамотности. Во-вторыхъ, священникъ обремененъ массой занятій и не такъ легко, какъ учитель, можетъ принять на себя активное руководство новичкомъ, только что вступающимъ на преподавательское поприще. А между тѣмъ, чѣмъ полнѣе внутреннее, духовное единеніе между высшимъ и низшимъ типомъ начальной школы, тѣмъ ближе послѣдній можетъ подходить къ первому, тѣмъ больше можетъ восполнять недостатокъ правильно-организованныхъ училищъ. Мы твердо вѣримъ, что будущность школы грамотности — а слѣдовательно и начальной школы вообще — зависитъ отъ возвращенія къ порядку, существовавшему до 1884 г. Для этого необходима, въ свою очередь, раздѣльность свѣтской и церковно-приходской школы, свободное и самостоятельное развитіе той и другой. *Взаимодѣйствіе, а не смятене* — вотъ тезисъ, въ правильности котораго насъ еще больше прежняго убѣдилъ отчетъ министерства народнаго просвѣщенія.

Есть, повидимому, одна мѣра, съ помощью которой отдача школъ грамотности во власть духовенства можетъ сдѣлаться могучимъ двигателемъ начального обученія; это — *обязательное* для духовенства открытіе подобныхъ школъ, и притомъ повсемѣстно и немедленно, подъ строгою отвѣтственностью въ случаѣ неисполненія. Съ такимъ именно предложеніемъ мы встрѣтились въ газетѣ, вовсе не принад-

лежащей къ сонму безусловныхъ сторонниковъ церковно-приходской школы. Заманчивое съ перваго взгляда, оно оказывается, при ближайшемъ разсмотрѣніи, крайне непрактичнымъ. Принудительно-открытыя школы грамотности существовали бы, сплошь и рядомъ, только на бумагѣ, и убѣдиться въ ихъ фактивности, при контролѣ исключительно товарищескомъ, корпоративномъ, было бы совершенно невозможно. Кромѣ того, откуда взялись бы преподаватели для цѣлой массы одновременно отрываемыхъ школъ, откуда взялись бы средства для ихъ содержанія? Когда крестьяне добровольно приглашаютъ въ учителя отставнаго солдата или полу-грамотнаго самоучку, противъ этого нельзя сказать ни слова, въ силу правила: лучше что-нибудь, чѣмъ ничего,—но *навязывать* крестьянамъ подобныхъ учителей было бы болѣе чѣмъ странно; а другихъ, лучшихъ преподавателей во многихъ мѣстахъ не нашлось бы вовсе. Теперь, по крайней мѣрѣ, мы знаемъ, что у насъ мало школъ, что отношеніе учащихся къ не-учащимся чрезвычайно неблагоприятно; тогда можно было бы тѣшиться мнимымъ обиліемъ школъ и учениковъ и забывать, изъ-за него, о необходимости реальныхъ улучшеній.

Въ подтвержденіе нашихъ возраженій противъ сосредоточенія начальной школы въ рукахъ духовнаго вѣдомства мы можемъ сослаться на два отзыва, недавно появившіеся въ печати; одинъ изъ нихъ замѣчательнъ по своей неожиданности, другой—по авторитетности лица, отъ котораго онъ исходитъ. Первый принадлежитъ „Кіевлянину“, т.-е. газетѣ, часто вторившей „Московскимъ Вѣдомостямъ“. Указывая на массу занятій, которою обременено духовенство, на характеръ начальной школы, гораздо болѣе государственный, земскій, общинный, чѣмъ церковный, на сочувствіе земства и сельскихъ обществъ къ свѣтской школѣ, кіевская газета высказывается противъ ломки существующаго порядка, противъ изытія начальной школы изъ вѣденія министерства народнаго просвѣщенія. Второй отзывъ, напечатанный въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“ (и это уже само по себѣ довольно характеристично, въ виду сочувствія покойнаго Гилярова-Платонова ко всему церковному), принадлежитъ Д. Д. Дашкову, одному изъ самыхъ почтенныхъ дѣятелей на поприщѣ народнаго образованія. „Земская школа,—говоритъ г. Дашковъ,—получила передъ церковной два преимущества: матеріальныя средства и постоянный контроль, одновременно инспекціи, училищныхъ совѣтовъ и общественный. Этими двумя условіямъ земская школа обязана своимъ развитіемъ. Достанутся ли они на долю новой церковно-приходской школы? Въ контролѣ можно сомнѣваться; найдутъ ли она средства? Кто дастъ ихъ?“... Въ сочувствіи крестьянъ къ земской школѣ, по мнѣнію г. Дашкова, нельзя сомнѣваться. „Помимо

земскихъ ассигновокъ, сколько домовъ училищныхъ выстроено обществами (сельскими) на свои средства! А земскія смѣты! Много развѣ уѣздовъ, гдѣ расходы на школы проводились интеллигенціей наперекоръ гласнымъ отъ крестьянъ? Я о такихъ не слыхалъ, а слыхалъ я жалобы дворянъ на тягость этой статьи смѣты. Даже теперь, при дѣйствительной тяжести многихъ земскихъ смѣтъ, уменьшеніе расходовъ на школьное дѣло проходить въ собраніяхъ не иначе, какъ по организованной въ интеллигентныхъ кружкахъ агитаціи. Самая передача земскихъ училищъ духовенству въ нѣкоторыхъ уѣздахъ проводится всякій разъ какъ мѣра бережливости, съ уменьшеніемъ смѣты, а не какъ протестъ противъ земской школы". Дальше г. Дашковъ обращаетъ вниманіе на то, что правильно опредѣлить значеніе школы можно только путемъ сравненія числа учащихся съ числомъ дѣтей школьнаго возраста, *живущихъ въ районѣ дѣйствія школы*— а этотъ районъ не идетъ дальше 3—5 верстъ. При такомъ сравненіи окажется, что въ земскихъ школахъ учится 40, 50, 70, даже 80% наличныхъ дѣтей школьнаго возраста. „Это ли,—восклицаетъ авторъ,—равнодушіе или нерасположеніе къ земской школѣ?" Выводы г. Дашкова построены преимущественно на наблюденіяхъ, относящихся къ рязанской губерніи; но мы можемъ удостовѣрять, на основаніи личнаго опыта, что они вполне оправдываются положеніемъ школьнаго дѣла въ петербургской губерніи—да едва ли и найдется такая земская губернія, къ которой они были бы непримѣнимы. Намъ хорошо извѣстна школа, которая посѣщается *половину всеми мальчиками школьнаго возраста*, живущими въ ближайшей деревнѣ—и недалеко уже то время, когда можно будетъ сказать то же самое о дѣвочкахъ школьнаго возраста. Само собою разумѣется, что это—фактъ не единичный, и что во многихъ мѣстахъ достиженію того же результата препятствуетъ *только* недостаточная вмѣстимость школьныхъ зданій.

Дополненія къ университетскому уставу, издаваемые министерствомъ народнаго просвѣщенія, быстро слѣдуютъ одно за другимъ. Послѣ положенія о государственныхъ экзаменахъ обнародованы правила о состязательныхъ испытаніяхъ на стипендіи и пособія и о наблюденіи за занятіями стипендіатовъ. Въ этихъ правилахъ насъ особенно навливаетъ, прежде всего, та же самая черта, о которой мы говорили въ прошедшій разъ, по поводу государственныхъ экзаменовъ: выдвиганіе на первый планъ классической филологіи. Однимъ изъ условій для полученія стипендіи признается удачное исполненіе письменной работы, на тему, заданную факультетомъ. Для студентовъ-юристовъ темы могутъ быть выбраны изъ области правъ римскаго, гражданскаго, уго-

ловнаго и исторіи русскаго права; для студентовъ-математиковъ—изъ области чистой или прикладной математики. Еще больше просторъ, предоставляемый студентамъ-естественникамъ и медикамъ; здѣсь темы могутъ быть назначаемы по усмотрѣнію факультета, лишь бы только онѣ соотвѣтствовали количеству полугодій, зачтенныхъ каждой группѣ студентовъ, т.-е. касались такихъ предметовъ, которыми испытуемые уже занимались. Въ одномъ только историко-филологическомъ факультетѣ темы обязательно должны принадлежать къ области классической филологіи. Этого мало. При назначеніи пособій (замѣняющихъ собою стипендіи для студентовъ первыхъ двухъ семестровъ) принимается въ расчетъ успѣшность окончанія гимназическаго курса, но при равныхъ условіяхъ предпочтеніе отдается тѣмъ, которые имѣютъ въ аттестатѣ зрѣлости высшія отмѣтки по обоимъ древнимъ языкамъ. Противъ этого правила нельзя было бы возразить ни слова, еслибы оно касалось только студентовъ историко-филологическаго, пожалуй даже юридическаго факультета; но оно имѣетъ безусловную силу для всѣхъ факультетовъ. Довольно трудно понять, почему студентъ-медикъ или математикъ, получившій на экзаменѣ зрѣлости отличныя отмѣтки по математикѣ, имѣетъ меньше правъ на пособіе, чѣмъ знатокъ древнихъ языковъ, отказавшійся отъ дальнѣйшаго ихъ изученія. Видѣ главную роль на физико-математическомъ факультетѣ математика и родственныя съ нею науки продолжаютъ играть и при дѣйствіи новаго университетскаго устава.

Мы уже сказали, что студенты первыхъ двухъ семестровъ не имѣютъ права на стипендіи, а могутъ получать только пособія, въ размѣрѣ не свыше пятнадцати рублей въ мѣсяцъ, и притомъ лишь по мѣрѣ имѣющихся на лицо свободныхъ средствъ. Въ цѣлесообразности этого правила позволительно усомниться. Если отзывъ гимназическаго начальства признается достаточнымъ доказательствомъ права на пособіе, то нѣтъ, повидимому, причины, по которой нельзя было бы основать на немъ и назначеніе стипендіи, по крайней мѣрѣ на первый семестръ; для второго семестра имѣлись бы въ виду и болѣе осязательныя данныя, добытыя при зачетѣ перваго полугодія. Между тѣмъ положеніе бѣдняка-студента сплошь и рядомъ особенно трудно именно въ продолженіе перваго учебнаго года, когда онъ только что прибылъ въ университетскій городъ и не успѣлъ ни приспособиться къ условіямъ его жизни, ни приобрести оплачиваемыхъ занятій. Пятнадцать рублей въ мѣсяцъ спасутъ его только отъ голода, но не дадутъ ему безбѣднаго существованія, не дадутъ возможности всецѣло посвятить себя научному труду; ему будетъ до крайности тяжело исполнить всѣ требованія, которыми обусловливается полученіе стипендіи (отъ успѣшности занятій въ продолженіе первыхъ двухъ полугодій зави-

снѣтъ, между прочимъ, допущеніе въ состязательному испытанію на стипендію, а письменная работа, составляющая первую часть испытанія, должна быть представлена къ 31 мая, т.-е. исполнена въ теченіе второго полугодія). Положимъ, однако, что трудности начала превзойдены, и что студенту, вступившему въ третій семестръ, назначена стипендія, достаточно его обезпечивающая. Этимъ не всегда еще и не все оканчивается для него. Отъ дальнѣйшихъ состязательныхъ испытаній онъ свободенъ лишь тогда, если стипендія, доставляемая на его долю, соединена съ обязательствомъ государственной службы; въ противномъ случаѣ стипендія можетъ быть продолжена, безъ новаго испытанія, только на одно полугодіе, а затѣмъ стипендіатъ долженъ вновь продѣлать всю процедуру, однажды имъ исполненную. То же самое положеніе наступаетъ для него и по окончаніи шестого полугодія, а если онъ медикъ, то и по окончаніи восьмого, такъ что всѣхъ состязательныхъ испытаній для студентовъ-медиковъ насчитывается четыре, для остальныхъ—три. Намъ кажется, что если продолженіе стипендій, безъ новаго испытанія, допущено въ однихъ случаяхъ, то нѣтъ препятствія къ допущенію ихъ и въ другихъ, пока стипендіатъ работаетъ успѣшно и усердно. Это освободило бы стипендіатовъ отъ тревогъ и волненій, сопряженныхъ съ ожиданіемъ, съ неизвѣстностью, и едва ли благоприятныхъ для занятій; уменьшилось бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, и бремя, возлагаемое на профессоровъ въ видѣ просмотра письменныхъ работъ и участія въ коллоквиумахъ и устныхъ испытаніяхъ <sup>1)</sup>).

Совершенно естественнымъ и неизбѣжнымъ представляется подчиненіе стипендіатовъ, во все время полученія ими стипендій, особому наблюденію факультета. И здѣсь, однако, строгость правилъ кажется намъ иногда чрезмѣрной. „Отъ получающихъ стипендіи и пособія,—читаемъ мы въ § 16-мъ, — требуется самое точное соблюденіе всѣхъ условій зачета полугодій. Нарушеніе какаго-либо изъ сихъ условій влечетъ за собою лишеніе стипендіи даже ранѣе истеченія того полугодія, на которое она назначена, *хотя бы нарушеніе сіе, по незначительности своей, и не могло быть причиною незачета полугодія*“. Нѣтъ ли тутъ несоотвѣтствія между причиною и послѣдствіемъ? Достаточно ли *незначительнаго* нарушенія правилъ, чтобы лишить студента столь значительной льготы, какъ полученіе стипендіи? Пояснимъ нашу мысль примѣромъ. Въ приведенномъ нами пунктѣ правилъ о стипендіяхъ есть ссылка на пунктъ 8-ой правилъ о зачетѣ полугодій, въ которомъ, между прочимъ, сказано: „прилеж-

<sup>1)</sup> Коллоквиумы и устныя испытанія производятся комиссіями, состоящими не меньше какъ изъ трехъ членовъ.

ный студентъ не ограничивается пассивнымъ слушаніемъ лекціи, но записываетъ, по крайней мѣрѣ, наиболѣе существенные моменты ея содержанія и *составляетъ послѣдовательно, изо дня въ день, конспекты слушанія лекцій*. Допустимъ, что стипендіатъ не исполнитъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней, этой послѣдней обязанности или запишетъ не всѣ „существенные моменты“ двухъ-трехъ изъ числа прослушанныхъ имъ лекцій. Это будетъ, безспорно, „нарушеніемъ условій“, установленныхъ для зачета полугодій—но неужели оно можетъ служить поводомъ къ лишенію стипендіи?.. Тотъ же 16-ый пунктъ разбираемыхъ нами правилъ требуетъ отъ стипендіатовъ и пользующихся пособіями *безукоризненнаго* (курсивъ въ подлинникѣ) поведенія, и прибавляетъ, что неудовлетворяющіе этому требованію лишаются стипендіи ранѣе срока. Слово: *безукоризненное*—понимается здѣсь, по видимому, въ самомъ тѣсномъ его смыслѣ; подъ одинъ уровень подводятся всѣ нарушенія дисциплины, мелкія и крупныя, незначительныя и серьезныя. Такое уравненіе едва ли справедливо; едва ли и желательно, въ интересахъ самого университета, чтобы право, заработанное тяжелымъ и упорнымъ трудомъ, могло быть утрачено вслѣдствіе случайной, ничтожной причины. Мы узнаемъ изъ газетъ, что въ петербургскомъ университетѣ учрежденъ, въ текущемъ году, надзоръ за посѣщеніемъ студентами лекцій. Слѣдить за этимъ возложено на служителей инспекціи, которые въ особыхъ книжкахъ отмѣчаютъ число пропущенныхъ студентомъ учебныхъ дней. Не вдаваясь въ общую оцѣнку этой мѣры, посмотримъ на нее только съ точки зрѣнія, теперь насъ занимающей; представимъ себѣ, что между служителемъ инспекціи и студентомъ-стипендіатомъ произошло недоразумѣніе относительно числа учебныхъ дней, пропущенныхъ послѣднимъ, и что студентъ нѣсколько повысилъ голосъ, оспаривая мнѣніе служителя. По жалобѣ служителя, студентъ подвергается легкому дисциплинарному взысканію. Неужели необходимо присоединить къ этому взысканію такую тяжкую кару, какъ потеря стипендіи, на томъ лишь основаніи, что поведение стипендіата перестало быть „безукоризненнымъ“?

Въ одномъ отношеніи правила о стипендіяхъ расходятся довольно рѣзко съ правилами о зачетѣ полугодій. Послѣднія предписываютъ профессорамъ обращать вниманіе *только на прилежаніе* студентовъ, такъ какъ оцѣнка *результата* занятій принадлежитъ исключительно правительственнымъ испытательнымъ комиссіямъ. Совсѣмъ другое устанавливаютъ правила о стипендіяхъ. Уже самыя темы для письменныхъ работъ избираются „съ такимъ расчетомъ“, чтобы соискатели стипендій могли обнаружить не только „мѣру пріобрѣтенныхъ познаній“, но и „степень даровитости и умственной самодѣятельности“. Устный экзаменъ



имѣть цѣлью окончательно опредѣлить, кто изъ соискателей заслуживаетъ стипендіи „по своимъ *познаніямъ* и *способностямъ*“. Въ примѣненіи къ стипендіатамъ измѣняется даже характеръ повѣрочныхъ испытаній, производимыхъ для зачета полугодій; отъ испытующихъ прямо ожидается здѣсь оцѣнка не одного только прилежанія испытуемыхъ, но и результата ихъ занятій. Такая двойственность испытаній для насъ не совсѣмъ понятна. Трудно требовать отъ профессора-экзаменатора, чтобы онъ постоянно измѣнялъ приемы и задачи испытанія, смотря по тому, стоитъ ли передъ нимъ стипендіатъ или обыкновенный студентъ. Разбирая, въ свое время, правила о зачетѣ полугодій <sup>1)</sup>, мы старались доказать, что принимать въ соображеніе *одно* прилежаніе совершенно невозможно — невозможно уже потому, что единственнымъ выраженіемъ его является, болѣею частью, именно „результатъ занятій“. Теперь профессора признаны компетентными судьями этого результата, разъ что идетъ рѣчь о стипендіатахъ; послѣдовательнѣе было бы признать ихъ компетентность безъ всякихъ ограниченій, для всякаго рода испытаній. Экзаменныя требованія могутъ быть нѣсколько болѣе строги по отношенію къ стипендіатамъ, но въ самомъ существѣ своемъ они должны быть одинаковы для всѣхъ студентовъ. Главнымъ мѣриломъ успѣшности слѣдовало бы, кажется, считать *познанія*, какъ нѣчто болѣе опредѣленное и легче опредѣлимое, чѣмъ способность или даровитость.

Мы только что сказали, что по отношенію къ стипендіатамъ повѣрочныя испытанія могутъ быть нѣсколько болѣе строги, чѣмъ по отношенію къ другимъ студентамъ. Извѣстная степень строгости необходима, безъ сомнѣнія, и при состязательныхъ испытаніяхъ; иначе они обратились бы въ пустую формальность. Чрезвычайно важно, однако, соблюденіе мѣры, т.-е. устраненіе всего того, что могло бы до крайности затруднить полученіе стипендій, сдѣлать ихъ достояніемъ однихъ только выдающихся, рѣдко встрѣчающихся дарованій. Стипендіи учреждены не для того, чтобы числиться по спискамъ, а для того, чтобы служить дѣйствительною помощію на пути къ образованію. Вотъ почему нельзя не признать весьма печальнымъ извѣстіе о громадномъ числѣ стипендій, оставшихся свободными, въ настоящемъ учебномъ году, въ петербургскомъ университетѣ. Если вѣрять газетнымъ слухамъ, такихъ стипендій до семидесяти—около тридцати императорскихъ (по 300 руб.) и около сорока университетскихъ (по 180 руб.). Другими словами, семьдесятъ студентовъ принуждены либо оставить университетъ, за неимѣніемъ средствъ къ продолженію ученія, либо искать постороннихъ занятій, трудно совмѣстимыхъ съ успѣшной работой надъ университетскими предме-

<sup>1)</sup> См. Общественную Хронику въ № 10 „В. Европа“ за 1886 г.

тами. Особенно благоприятнымъ предзнаменованіемъ такое положеніе дѣль, совпадая съ введеніемъ въ дѣйствіе новыхъ правилъ о стипендіяхъ, признано быть не можетъ. Остается только надѣяться, что это—случайность, которая болѣе не повторится.

Прежде, чѣмъ разстаться съ учебнымъ міромъ, скажемъ еще нѣсколько словъ о двухъ явленіяхъ, относящихся къ той же сферѣ. Первое—это открытіе при берлинскомъ университетѣ особаго института римскаго права, для приготовленія будущихъ русскихъ профессоровъ этого предмета. Выдвиганіе римскаго права на первое мѣсто между юридическими дисциплинами началось у насъ въ то же самое время, какъ и безусловное господство классической филологіи—и отчасти по тѣмъ же самымъ причинамъ; не даромъ же правила 1885 года предписываютъ принимать въ основаніе устныхъ и письменныхъ испытаній по римскому праву *подлинный текстъ* институцій Гая и Юстиніана. Римское право—единственный предметъ, по которому знанія экзаменуемыхъ въ юридической испытательной комиссіи оцѣняются *двумя* отмітками; по всѣмъ остальнымъ предметамъ—даже по гражданскому и уголовному праву, даже по исторіи русскаго права—достаточной признается *одна* отмітка. Въ виду всего этого неудивительна и особая заботливость о подготовкѣ преподавателей римскаго права; вновь образуемый берлинскій институтъ является естественнымъ дополненіемъ къ лейпцигской филологической семинаріи. Весьма возможно также, что мысль о первомъ, какъ и о послѣдней, принадлежитъ покойному редактору „Московскихъ Вѣдомостей“, проектъ котораго, если вѣрить „National-Zeitung“, „вполнѣ усвоило себѣ вѣдомство народнаго просвѣщенія“. Очевидно ошибочными представляются только соображенія, которыми берлинская газета объясняетъ учрежденіе новаго института. „Русское право, — говоритъ она, — лишено теперь всякой исторической подкладки. Основаніемъ ему служатъ безчисленные указы, а дополненіемъ—такъ-называемое естественное право. Обоснованіе естественнаго права искони развиваетъ крайнія стремленія, абсолютно-авторитетныя или радикально-нигилистическія. Съ учрежденіемъ каведры римскаго права имѣется въ виду доставить русскому праву болѣе прямую и болѣе научную основу“. Съ обычнымъ у нашихъ сосѣдей незнаніемъ русской дѣйствительности (каедра римскаго права, объ *учрежденіи* которой будто бы идетъ рѣчь, существуетъ въ нашихъ университетахъ чуть ли не съ самаго ихъ основанія) соединяется здѣсь и явное непониманіе вопроса. Между „безчисленными указами“, составляющими основу нашего гражданскаго права, есть, конечно, много такихъ, происхожденіе которыхъ объясняется только случаемъ — но есть же и дру-

гіе, несомнѣнно выросшіе на исторической почвѣ, есть же, наконецъ, цѣлая область народнаго, обычнаго права, которая не оставалась безъ вліянія на развитіе писаннаго законодательства и значеніе которой должно расти все больше и больше, по мѣрѣ ея изслѣдованія и изученія. Создать „историческую подкладку“ для нашего права, еслибы такой подкладки и не было вовсе, римское право было бы безсильно; прошедшаго не передѣлать, „рецепцію“ римскаго права, пережитую западною Европой въ средніе вѣка, не внести искусственно въ нашу современную жизнь. *Научной* основой нашего права римское право можетъ служить лишь вмѣстѣ съ другими законодательствами, съ философіей, съ исторіей, съ политической экономіей, съ наличными условіями нашей дѣйствительности. Нельзя видѣть въ римскомъ правѣ и гарантіи противъ „крайнихъ стремленій“. Возврѣнія „абсолютно-авторитетныя“ находятъ въ немъ даже точку опоры, въ особенности когда въ составъ его входитъ и государственное право, „съ тѣми отличительными чертами, которыми оно характеризуется въ восточной половинѣ имперіи“, т.-е. въ Византіи. „Радикально-нигилистическіе“ взгляды выросли въ западной Европѣ на почвѣ, пропитанной завѣтами римскаго права. Вопреки мнѣнію берлинской газеты, мы видимъ въ новомъ „институтѣ“ только знаменіе времени, а отнюдь не исходную точку новой эры въ исторіи нашего юридическаго образованія и нашего гражданскаго законодательства. Мы думаемъ, что достигнуть той же цѣли можно было бы гораздо проще, съ помощью наличныхъ русскихъ силъ, еслибы только каждая изъ нихъ цѣнилась по достоинству, еслибы не происходило, отъ времени до времени, искусственнаго разобщенія между этими силами и тѣмъ попріщемъ, на которомъ онѣ сложились и окрѣпли.

Открытіе берлинскаго института—совершившійся фактъ; дальнѣйшая судьба лицея цесаревича Николая—извѣстнаго подъ именемъ Катковскаго лицея—остается, повидимому, еще нерѣшенной и сильно занимаетъ московское общество. Вотъ чтò мы читаемъ, по этому поводу, въ московской корреспонденціи „Новаго Времени“ (№ 4171): „Лицей цесаревича Николая представляетъ много особенностей. Это—полу-частное, полу-казенное учебное заведеніе, подчиненное не попечителю учебнаго округа, а самому министру народнаго просвѣщенія; оно соединяетъ въ себѣ университетское и гимназическое отдѣленія, имѣетъ титорскую систему, служитъ мѣстомъ воспитанія, по преимуществу, дѣтей лицъ высшаго общества. Такимъ создали лицей его основатели; такимъ ли онъ останется или обратится въ седьмую гимназію?“ Вотъ вопросъ, разрѣшеніе котораго, по словамъ корреспондента, отложено до конца учебнаго года; временно завѣдывать лицеемъ будетъ особая комиссія, подъ предсѣдательствомъ ректора университета, Г. А. Иванова. Мы считаемъ весьма вѣроятнымъ, что

исключительное положеніе лица не переживетъ его основателя. Теперь, при новыхъ университетскихъ порядкахъ, менѣе чѣмъ когда-либо справедливы изъятія и льготы въ пользу одной привилегированной группы. Въ особенности ненормальнымъ кажется намъ сокращеніе университетскаго курса, для студентовъ Катковскаго лица, съ четырехъ лѣтъ на три года. Нѣтъ такой „тutorской системы“, которая могла бы съ успѣхомъ играть роль парника, т.-е. искусственно ускорять воспріятіе и усвоеніе высшаго образованія.

Новая инструкція полицейскимъ урядникамъ, утвержденная недавно министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, можетъ служить примѣромъ той медленности, съ которою совершаются у насъ иногда самыя необходимыя и самыя легкія перемены. „Свѣденія, собранныя сенаторскими ревизіями 1880—81 г., и поступавшіе разновременно въ министерство внутреннихъ дѣлъ отъ многихъ губернаторовъ, а также различныхъ должностныхъ лицъ и мѣстныхъ дѣятелей,—читаемъ мы въ министерскомъ циркулярѣ, при которомъ опубликована новая инструкція,—указываютъ, что дѣятельность урядниковъ не соответствуетъ ихъ первоначальному назначенію, не вполне удовлетворяетъ общимъ потребностямъ охраненія порядка и безопасности и вызываетъ нерѣдко справедливыя нареканія со стороны мѣстнаго населенія“. Итакъ, несостоятельность учрежденія урядниковъ—въ томъ видѣ, какой былъ данъ ему правилами 1878 г.—обнаружена, по меньшей мѣрѣ, пять лѣтъ тому назадъ (отчеты сенаторовъ-ревизоровъ были представлены въ 1882 г.),—а преобразование, не требовавшее ни законодательнаго утвержденія, ни новыхъ расходовъ, состоялось только лѣтомъ нынѣшняго года. Правда, вопросъ объ урядникахъ находился, вмѣстѣ со всѣми другими, касающимися мѣстнаго управленія, на рассмотрѣніи Кахановской комиссіи; но эта комиссія закрыта весной 1885 г., и притомъ ничто не мѣшало измѣнить и раньше *характеръ дѣятельности* урядниковъ, ничего не ломая въ *устройствѣ* мѣстной полиціи. Вѣдь административная реформа стоитъ на очереди и теперь—а это не остановило изданія инструкціи, въ разборѣ которой мы теперь переходимъ.

Главный недостатокъ дѣятельности урядниковъ, высненннй сенаторскими ревизіями и признанный Кахановскою комиссіею, заключался въ томъ, что они гораздо менѣе заботились о предупрежденіи и раскрытіи преступленій, чѣмъ о наблюденіи за благочиніемъ и благоустройствомъ. Между тѣмъ въ этой послѣдней сферѣ урядники оказывались, сплошь и рядомъ, несвѣдущими и неумѣлыми, настаивали на мелочахъ, предъявляли несвоевременныя или неисполнимыя требованія и являлись не столько охранителями порядка, сколько

притѣснителями—иногда съ корыстною цѣлью—крестьянскаго населенія. Облеченные правомъ вмѣшательства въ самыя различныя отрасли мѣстной жизни, они считали себя „чиновниками“, помощниками становыхъ приставовъ, начальниками сотскихъ и десятскихъ, слишкомъ важными для черной работы, для исполнительныхъ дѣйствій въ узкомъ смыслѣ этого слова. Новая инструкція уменьшаетъ кругъ вѣдомства урядниковъ и выдвигаетъ на первый планъ именно тѣ обязанности, которыя имъ всего больше подъ силу. Они не должны болѣе составлять протоколы, возбуждать преслѣдованіе и поддерживать обвиненіе по нарушеніямъ пожарныхъ, строительныхъ, питейныхъ, дорожныхъ, торговыхъ, санитарныхъ правилъ; во всѣхъ подобныхъ случаяхъ отъ нихъ требуется только сообщеніе становому приставу. Вниманіе ихъ сосредоточивается, затѣмъ, въ особенности на охраненіи благочинія и безопасности, причѣмъ и здѣсь они освобождаются, по возможности, отъ переписки, отъ составленія актовъ и протоколовъ. Все это вполнѣ разумно и цѣлесообразно; намъ кажется только, что по этому пути можно и должно было пойти еще дальше. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что на мѣста урядниковъ министерскій циркуляръ предписываетъ опредѣлять преимущественно грамотныхъ и развитыхъ нижнихъ чиновъ запаса, по указанію полковыхъ командировъ и начальниковъ отдѣльныхъ частей. Безспорно, это лучшіе кандидаты въ урядники—но лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы урядники были *только* низшими полицейскими чинами и не имѣли никакой самостоятельной власти. Между тѣмъ инструкція прямо *подчиняетъ* урядникамъ сотскихъ и десятскихъ, т.-е. дѣлаетъ ихъ не только исполнителями, но и распорядителями, не только подчиненными, но и начальниками. Конечно, сотскимъ и десятскимъ нельзя было не вмѣнить въ обязанность *содѣйствіе* уряднику, участіе въ производимыхъ имъ розыскахъ—но это было бы возможно и безъ подчиненія ихъ его власти. Наложеніе взысканій на сотскихъ и десятскихъ предоставлено, правда, становому приставу, но поводомъ къ взысканію признано, между прочимъ, неисполненіе *приказаній* урядника... За урядниками сохранены, далѣе, такія права, которыя легко могутъ сдѣлаться источникомъ злоупотребленій. Имъ предоставлено, напримѣръ, воспрепятствовать и прекращать не только драки, но и *ссоры*, не дозволить *шумныхъ скотницъ народа*. Отсюда только одинъ шагъ до преслѣдованія гармоній и балалаекъ, до регулированія плясокъ и хороводовъ—однимъ словомъ, до той опеки надъ народными увеселеніями, которая уже много разъ служила источникомъ недоразумѣній между урядниками и крестьянами. Слишкомъ обширной, наконецъ, кажется намъ власть, которою облечены урядники въ сферѣ уголовного процесса. Мы понимаемъ, что при нашихъ громадныхъ разстояніяхъ, при отдаленности полиціи и суда, трудно обой-

тись безъ предоставленія не только урядникамъ, но даже сотскимъ, даже волостнымъ старшинамъ и сельскимъ старостамъ—права задерживать подозрѣваемыхъ въ преступленіи, впредь до прибытія подлежащей власти; но это право должно быть заключено въ возможно тѣсныя границы—а инструкція разрѣшаетъ уряднику арестовать заподозрѣннаго не только когда онъ застигнутъ при самомъ совершеніи преступленія или указанъ очевидцами событія, но и когда на немъ самомъ или въ его жилищѣ найдены явные слѣды преступленія. Здѣсь урядникъ призывается къ опѣнкѣ косвенныхъ уликъ, т.-е. къ дѣлу до крайности трудному и ббльшею частью для него непосильному. Во многихъ случаяхъ было бы достаточно учреждать за подозрѣваемымъ надзоръ, не лишая его свободы.

Одинъ изъ параграфовъ инструкціи обязываетъ урядника сообщать волостному старшинѣ о маловажныхъ проступкахъ, подсудныхъ волостному суду и перечисленныхъ въ особомъ приложеніи къ инструкціи. По справедливому указанію „Русскихъ Вѣдомостей“, въ перечень этихъ проступковъ вкралась существенно-важная ошибка. Составители его упустили изъ виду, что сельскій судебный уставъ для государственныхъ крестьянъ, изданный въ 1839 г., не имѣетъ, со времени освобожденія крестьянъ, силы закона и служить для волостныхъ судовъ только *пособіемъ* при опредѣленіи мѣры наказаній. Въ списокъ проступковъ, подсудныхъ волостному суду, попали, вслѣдствіе этого, дѣянія, въ настоящее время вовсе не навазуемая—отдача въ наймы или въ залогъ надѣльной земли безъ разрѣшенія начальства, подача несправедливыхъ жалобъ, самовольный семейный раздѣлъ. Конечно, приложение къ инструкціи не можетъ измѣнить или отмѣнить дѣйствіе закона—но „Русскія Вѣдомости“ совершенно правы, опасаясь недоразумѣній со стороны волостныхъ судовъ и даже крестьянскихъ присутствій. Они могутъ признать для себя обязательнымъ разъясненіе, данное министромъ внутреннихъ дѣлъ, хотя бы въ основаніи его и лежала явная ошибка. Исправленіе ея представляется, поэтому, крайне необходимымъ.

Въ инструкціи урядникамъ мы желали бы видѣть не окончательную, а только временную мѣру, принимаемую впредь до коренной административной реформы. Кахановская комиссія признавала возможнымъ совершенно обойтись безъ урядниковъ, упорядочивъ и улучшивъ сельскую полицію—и этотъ способъ разрѣшенія вопроса кажется намъ единственнымъ вполнѣ цѣлесообразнымъ. Учрежденіе урядниковъ, созданное съ большою поспѣшностью и недостаточною обдуманностью, съ самаго начала встало на ложную дорогу; исправить его чрезвычайно трудно, сколько бы къ тому ни было прилагаемо стараній—и притомъ урядники всегда останутся слишкомъ малочисленными и слишкомъ отдаленными отъ населенія, нуждаю-

цагося въ близкой и постоянной охранѣ. Такую охрану оно можетъ найти только въ крестьянской полиціи, преобразованной изъ селовнаго учрежденія—какимъ она давно уже перестала быть на самомъ дѣлѣ—въ безусловное и общегосударственное.

Напечатанный недавно краткій обзоръ дѣятельности главнаго управленія почтъ и телеграфовъ за 1885 г. даетъ возможность утверждать, что настало время для новаго пониженія платы за пересылку внутренней корреспонденціи. Въ прежніе годы почтовый расходъ превышалъ почтовый доходъ милліона на полтора; въ 1885 г. первый былъ больше послѣдняго только на  $\frac{3}{4}$  милліона, да и это цифра только кажущаяся. Въ самомъ отчетѣ мы находимъ указаніе на то, что почтовое вѣдомство обязано пересылать бесплатно корреспонденцію всѣхъ правительственныхъ и многихъ общественныхъ и частныхъ учрежденій, составляющую, по вѣсу, почти половину всей внутренней корреспонденціи. Если допустить, что оплата корреспонденціи, теперь пересылаемой безвозмездно, увеличила бы почтовый доходъ хотя бы только на одну треть, то вмѣсто перевѣса расходовъ надъ доходами получился бы излишекъ послѣднихъ, въ нѣсколько милліоновъ рублей. А между тѣмъ услуга, оказываемая почтовымъ вѣдомствомъ всѣмъ остальнымъ, не теряетъ своего значенія въ силу того, что она оказывается безплатно; она представляетъ собою многомилліонное сбереженіе казенныхъ средствъ. Если припомнить, съ другой стороны, что мы оплачиваемъ одинаково письмо, идущее изъ Петербурга въ Царское-Село или Петергофъ, и письмо, идущее въ Парижъ или Лондонъ, то нельзя не придти къ заключенію, что семь копѣекъ за простое внутреннее письмо—плата несоразмѣрно высокая. Въ Германіи пересылка письма внутри имперіи стѣитъ вдвое дешевле, чѣмъ пересылка письма за границу; у насъ плата за единицу вѣса простой внутренней корреспонденціи могла бы быть понижена, по меньшей мѣрѣ, до пяти копѣекъ <sup>1)</sup>, послѣдствіемъ чего, чрезъ нѣсколько времени, было бы, по всей вѣроятности, новое усиленіе корреспонденціи и новое повышеніе почтоваго дохода. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно замѣтить, что послѣднее пониженіе почтоваго тарифа—съ восьми копѣекъ на семь, въ концѣ семидесятыхъ годовъ—понизило цифру, вырученную за продажу марокъ и штемпельныхъ конвертовъ, только на одинъ годъ и на незначительную сумму (менѣе 65 тысячъ), а на слѣдующій же

<sup>1)</sup> Само собой разумѣется, что сообразно съ этимъ слѣдовало бы понизить плату за пересылку закрытыхъ писемъ по городской почтѣ, теперь несоразмѣрно высокую.

годъ начался быстрый и сильный ростъ дохода. Въ 1880 г. марокъ и штемпельныхъ конвертовъ было продано почти на 5.900.000, въ 1885 г.—слишкомъ на 7.800.000 рублей. Ничто не мѣшало бы, по-видимому, уменьшить и плату за страхованіе корреспонденціи. Она дада, въ 1885 г., болѣе  $3\frac{1}{2}$  милліоновъ рублей, между тѣмъ какъ стоимость утраченныхъ въ томъ же году цѣнныхъ пакетовъ и посылокъ не превышаетъ 132 тысячъ рублей.

Изъ числа новыхъ мѣръ, принятыхъ на международномъ почтовомъ конгрессѣ 1885 г., отмѣтимъ предоставленіе отправителю корреспонденціи права требовать возвращенія ея или перемѣны адреса. Право собственности на корреспонденцію, до ея отправки, признано, такимъ образомъ, за отправителемъ, что, по нашему мнѣнію, совершенно цѣлесообразно и справедливо. Проектируется у насъ, по словамъ отчета, введеніе перевода денегъ по почтѣ, давно уже существующаго за границей.

Бывшаго министра финансовъ обвиняли иногда въ томъ, что онъ слишкомъ много вводитъ новыхъ налоговъ и слишкомъ быстро повышаетъ существующіе. Его преемникъ не опасается, по-видимому, навлечь на себя тотъ же самый упрекъ. Никогда еще, кажется, не было рѣчи о такомъ общемъ движеніи впередъ по всей линіи налоговъ, какое предполагается въ настоящее время. Проектируется, если вѣрить слухамъ, повышеніе поземельнаго налога, раскладочнаго сбора, питейнаго акциза въ городахъ, многихъ таможенныхъ сборовъ, а съ другой стороны—обложеніе пошлиною освѣтительныхъ матеріаловъ, товаровъ малой скорости, перевозимыхъ по желѣзнымъ дорогамъ, и даже... свидѣтельство объ освобожденіи отъ воинской повинности. Во всемъ этомъ покажутся очень еще мало похожаго на тѣ чудеса, которыя намъ обѣщали панегиристы „національной“ финансовой политики. Единственная мѣра, несомнѣнно имѣющая интересъ новизны—это опытъ казенной продажи вина, предпринимаемый въ пермской губерніи. Каковъ бы ни былъ, впрочемъ, ея исходъ, онъ не предрѣшитъ общаго вопроса о казенной питейной монополіи, потому что продажа вина за счетъ казны проектируется только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ пермской губерніи, и безъ устраненія частныхъ торговцевъ, а лишь въ видѣ противодѣйствія состоявшейся между ними стачкѣ.



## ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го ноября 1887.

Особенности современной германской политики. — Боязнь войны, какъ основа коалицій. — Союзъ съ Италіею и его значеніе. — Французскія внутреннія дѣла. — Непріятныя разоблаченія и дѣлаемые изъ нихъ выводы. — Успѣхи министерства и приготовленія орлеанистовъ. — Парламентскій кризисъ въ Австріи. — Болгарское народное собраніе и сербская скупщина. — Что такое „русская партія“ въ Сербіи? — Мнѣніе „Московскихъ Вѣдомостей“ о самихъ себѣ.

Когда князь Бисмаркъ праздновалъ двадцати-пятилѣтній юбилей своей министерской дѣятельности (23-го сентября текущаго года), то главнѣйшей его заслугою выставлялось въ Германіи — твердое сохраненіе мира въ теченіе послѣднихъ шестнадцати лѣтъ. Нѣмецкія газеты повторяли много разъ, что могущественная германская имперія служить оплотомъ спокойствія и безопасности въ Европѣ, такъ какъ она употребляетъ свою силу и вліяніе только для цѣлей культурныхъ, избѣгая всякаго вмѣшательства въ чужія дѣла и заботясь о полюбовномъ разрѣшеніи возникающихъ международныхъ вопросовъ, хотя бы самыхъ щекотливыхъ и запутанныхъ. И дѣйствительно, Германія не вела ни одной войны съ 1871 года; она удовлетворилась своимъ національнымъ объединеніемъ и не обнаружила тѣхъ завоевательныхъ инстинктовъ, которые приписывались пруссакамъ послѣ Седана. Дипломатія князя Бисмарка имѣетъ, дѣйствительно, мало общаго съ безпокойною политикою Наполеона III. Въ Берлинѣ не озабочены ни округленіемъ границъ на счетъ Бельгіи или Голландіи, ни поддержаніемъ „престижа“ посредствомъ шумныхъ вѣнскихъ предпріятій. Честолюбивые планы, которые постоянно выдвигались наполеоновскою Франціею, не возрождаются на нѣмецкой почвѣ. Никто не скажетъ, что германскіе государственные люди поражаютъ Европу какими-либо неожиданностями, или что они замышляютъ раздѣлъ небольшихъ сосѣднихъ государствъ, чтобы „увѣнчать зданіе“ нѣмецкаго единства. Самая терминологія, въ которую облеклись политическіе виды императора французовъ, утратила свой прежній смыслъ; такія выраженія, какъ „округленіе границъ“, „поддержаніе престижа“ и „увѣнчаніе зданія“, почти совершенно исчезли изъ обращенія въ европейской журналистикѣ, и вмѣстѣ съ ними исчезла цѣлая область политическихъ понятій и стремленій, наиболѣе опасныхъ для мирнаго развитія народовъ. Тронныя рѣчи

императора Вильгельма и парламентскія заявленія его канцлера не ожидаются съ тою тревогою, какую вызывали, каждый новый годъ, рѣчи и намеки „тюльерійскаго оракула“. Если политика князя Бисмарка пронизана спокойнымъ сознаниемъ національной силы и дипломатическаго превосходства, то, съ другой стороны, она не имѣетъ въ себѣ ничего воинственнаго, неугомоннаго и назойливаго, отличающаго въ этомъ отношеніи—нельзя въ томъ не сознаться—весьма выгодно отъ приемовъ и дѣйствій Наполеона III. Мы говоримъ, конечно, объ официальной политикѣ, а не объ офиціозной узко-патріотической печати.

Германія не только не предпринимаетъ ненужныхъ войнъ и не стремится къ увеличенію своей территоріи, но она, напротивъ, какъ бы боится войны, и эта боязнь руководитъ всѣми ея международными усиліями. Она больше всего опасается враждебной коалиціи, которую могла бы устроить Франція, и все искусство германской дипломатіи направлено было къ тому, чтобы сдѣлать подобную коалицію невозможною. Для этой цѣли образовался тройственный союзъ съ Австріею и Россіею, который долго принимался за существенную основу европейскаго мира. Пока этотъ союзъ сохранялъ свою силу, и Германія неуклонно занималась своими внутренними дѣлами: вопросы социальной реформы и промышленнаго законодательства поглощали собою общественное вниманіе и составляли главный предметъ борьбы между княземъ Бисмаркомъ и парламентомъ. Положеніе сразу измѣнилось, когда прежняя близкая дружба съ Россіею охладѣла и уступила мѣсто взаимному недоувѣрью и безпокойству. На первыхъ порахъ Германіею какъ будто овладѣла паника; она стала волноваться по поводу вооруженій Франціи, начала отыскивать симптомы грозы въ такихъ фактахъ, которыми раньше не придавала значенія, и проявляла даже готовность расправиться съ французами, прежде чѣмъ русская неприязнь успѣетъ созрѣть до степени активной вражды. Подъ вліяніемъ такого страха, нѣмецкіе патріоты видѣли повсюду нарушителей общаго мира, и въ генералѣ Буланже, и въ поэтѣ Деруадѣ, и въ статьяхъ мало въ чемъ повинныхъ русскихъ публицистовъ; въ этому времени относятся горячіе газетные нападки на Францію и отчасти на Россію, пограничныя столкновенія въ Эльзасѣ-Лотарингіи и, наконецъ, непріятные дипломатическіе инциденты, которые могли быть объяснены только раздраженіемъ и недовольствомъ мѣстныхъ германскихъ властей. Призракъ франко-русскаго союза тревожилъ нѣмецкую печать въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ слѣдовало бы ожидать отъ темперамента и здраваго смысла нѣмцевъ. Повидимому, Германія не чувствовала себя вполне безопасною, оставшись съ одною лишь союзницею—Австро-Венгріею,—потому ли,

что считаетъ послѣднюю недостаточно сильною, или потому, что не полагается на ея дѣйствительную помощь въ случаѣ надобности. На Италію мало рассчитывали въ Германіи въ послѣднее время: паденіе графа Робилана и смерть Депретиса были событіями неблагоприятными для берлинскаго кабинета, тѣмъ болѣе, что новый итальянскій прѣмьеръ и министръ иностранныхъ дѣлъ, Криспи, имѣлъ репутацію рѣшительнаго радикала и даже франкофила. Съ этой точки зрѣнія охарактеризовала его офиціозная „Сѣверо-германская Газета“, съ обычными ей намеками насчетъ опасности подобныхъ людей вообще для монархическихъ интересовъ въ Европѣ и въ самой Италіи. Но именно этому бывшему гарибальдійцу и радикалу суждено было доставить величайшую радость нѣмецкимъ патріотамъ. Поѣздка Криспи въ резиденцію князя Бисмарка, Фридрихсруэ, произвела быстрый поворотъ въ настроеніи германскаго общества и печати. Торжественная, офиціальная обстановка, при которой состоялось свиданіе итальянскаго министра-президента съ германскимъ канцлеромъ, указывала наглядно, что дѣло идетъ не о простомъ актѣ вѣжливости, а о чемъ-то болѣе серьезномъ. Криспи имѣлъ съ собою двухъ секретарей; одновременно съ нимъ прибыли въ Фридрихсруэ итальянскій посолъ при берлинскомъ дворѣ, графъ Лоней, и сынъ канцлера, замѣститель его по министерству иностранныхъ дѣлъ, графъ Гербертъ Висмаркъ. Италія формально присоединилась въ австро-германскому союзу, и этотъ немаловажный фактъ значительно успокоилъ взволнованное общественное мнѣніе Германіи. Имѣя за собою не только Австро-Венгрію, но и Италію, при несомнѣнномъ сочувствіи Англіи, берлинскій кабинетъ болѣе не можетъ бояться непріязненной коалиціи. Недавнія опасенія разсѣялись какъ дымъ, и въ нѣмецкой прессѣ опять господствуетъ оптимистическій взглядъ на международное положеніе имперіи. Если нѣмецкіе публицисты радуются теперь, что европейскій миръ упроченъ, то это происходитъ только вслѣдствіе искренняго убѣжденія, что опасность для мира существовала будто бы со стороны Россіи и Франціи. „Свобода дѣйствій“, сдѣлавшаяся девизомъ нашей политики, сначала страшила нѣмцевъ своею неопредѣленностью, а ошибочное представленіе о стремленіяхъ русскаго народа создавало почву для безпокойства, которое въ сущности должно быть признано совершенно неосновательнымъ.

Оборонительный характеръ соглашенія, состоявшагося 2-го октября въ Фридрихсруэ, освѣщается довольно ярко въ офиціозной объяснительной статьѣ „Сѣверо-германской Газеты“. „Поѣздка Криспи,—говоритъ газета, еще недавно нападавшая на радикальное прошлое итальянскаго прѣмьера,—имѣла своимъ результатомъ полное согласіе обомъ государственныхъ людей въ ихъ рѣшимости охранять миръ

въ союзѣ съ Австро-Венгрією, предупредить по возможности европейскую войну и, въ случаѣ необходимости, дать ей совмѣстный отпоръ. Эта задача не подчинена какому-нибудь текущему второстепенному вопросу; она также не вытекаетъ изъ преходящихъ личныхъ настроеній, а основывается на общихъ интересахъ обоихъ народовъ, которые желаютъ, по восстановленіи своего національнаго единства, посвятить себя *охранѣ* достигнутыхъ благъ. Миротлюбивый гражданинъ, радостно привѣтствующій всякій новый залогъ упроченія европейскаго мира, съ удовлетвореніемъ отнесется къ побѣдкѣ Криспи, также какъ и къ посѣщенію графа Кальноки. Въ этомъ смыслѣ высказалось общественное мнѣніе Европы, черезъ посредство преобладающаго большинства газетъ. Тѣ заграничныя голоса, которые отозвались объ этомъ свиданіи несочувственно, показываютъ лишь, что эти противники принадлежатъ не къ великому большинству европейскаго населенія, желающему мира, а къ малому числу людей, стремящихся подвергнуть Европу бѣдствіямъ великихъ войнъ". Такимъ образомъ, цѣль союза—не только предупрежденіе войны, но и совмѣстная оборона, въ случаѣ надобности. Отъ кого обороняться—это понятно само собою, въ виду участія Австріи въ задачѣ защиты. Газета прямо объявляетъ врагами европейскаго мира всѣхъ тѣхъ, кто недоволенъ новымъ тройственнымъ союзомъ. А могутъ ли быть имъ довольны державы, противъ которыхъ союзъ этотъ косвенно или непосредственно направленъ? Италія соперничаетъ съ Францією на Средиземномъ морѣ, старается приобрѣсть извѣстныя выгоды на счетъ могущественной западной сосѣдки, а также не забываетъ отнять у нея наполеоновскую Францію Ниццы и Савойи; поэтому нѣмецко-итальянская сдѣлка, какъ заключенная въ ущербъ французскимъ интересамъ, должна вызывать непріятное чувство даже среди самыхъ миротлюбивѣйшихъ французовъ. Съ другой стороны, Италія имѣетъ свою политику на Востокѣ, и эта политика рѣшительно враждебна русской политикѣ на Балканскомъ полуостровѣ; естественно поэтому, что поддержка итальянскихъ тенденцій Германією не можетъ быть принята сочувственно и въ Россіи, хотя никто у насъ не стремится къ войнѣ. Весьма нелогично, разумѣется, обвинять людей въ воинственности за то, что они не радуются сдѣлкамъ, нарушающимъ ихъ интересы; но рѣзкое обвиненіе, брошенное въ лицо всѣмъ недовольнымъ берлинскою дипломатією, даетъ намъ ясно понять, въ кого именно мѣтитъ „Сѣверо-германская Газета". Что въ совѣщаніяхъ между Криспи и Бисмаркомъ были затронуты и балканскія дѣла, и притомъ въ духѣ не особенно для насъ благоприятномъ,—въ этомъ убѣждаетъ насъ появившійся въ газетахъ отчетъ о разговорѣ одного изъ нѣмецкихъ журналистовъ съ итальян-

скимъ министромъ-президентомъ. Разговоръ этотъ имѣеть нѣкоторое значеніе уже потому, что содержаніе его было воспроизведено въ упомянутомъ выше оффиціозномъ берлинскомъ органѣ. „Не можетъ быть никакого сомнѣнія, — заявилъ будто-бы Криспи, — что Италия, подобно всѣмъ другимъ европейскимъ державамъ, имѣеть полное основаніе опасаться приближенія Россіи къ Константинополю. Мы не можемъ допустить, чтобы Средиземное море превратилось въ русское озеро. Что касается нашихъ симпатій къ болгарамъ и къ ихъ независимости, то будьте увѣрены, что итальянцы желаютъ добра всѣмъ народамъ, въ томъ числѣ и болгарамъ, въ силу природныхъ свойствъ свободной націи, какова наша“. Правда, газета Криспи, „Riforma“, отрицала *точность* этого сообщенія, и нѣмецкій репортеръ, быть можетъ, позволилъ себѣ нѣкоторыя прикрасы; но сущность отзыва о Россіи едва ли выдумана случайнымъ собесѣдникомъ итальянскаго премьера. Криспи не сталъ бы высказываться противъ русской политики, послѣ свиданія въ Фридрихсруэ, и приписываемыя ему слова не были бы перепечатаны въ „Сѣверо-германской Всеобщей Газетѣ“, еслибы въ переговорахъ съ княземъ Бисмаркомъ не упоминалось въ извѣстномъ смыслѣ о Россіи. Въ Италиі и Германіи одинаково господствуетъ увѣренность, что соглашеніе 2-го октября устранило возможность анти-нѣмецкой коалиціи, такъ какъ три союзныя государства располагаютъ достаточными силами для противодѣйствія мнимымъ, конечно, франко-русскимъ планамъ. Итальянскій министр-президентъ подтвердилъ этотъ взглядъ въ произнесенной имъ рѣчи на банкетѣ въ Туринѣ, 25-го (13-го) октября. Какъ видно изъ телеграфныхъ резюмѣ этой рѣчи, Криспи заявилъ, что Италия вступила въ тѣсный союзъ съ Германією и Австро-Венгрією, въ видахъ упроченія мира, и что въ этомъ заключалась цѣль поѣздки въ Фридрихсруэ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ привелъ многозначительныя слова, сказанныя ему княземъ Бисмаркомъ: „мы опять оказали услугу Европѣ“. Услуга состояла, безъ сомнѣнія, въ томъ, что Европа (т.-е. прежде всего Германія) избавлена на время отъ кошмара франко-русскаго союза, при помощи внушительной комбинаціи, закрѣпленной княземъ Бисмаркомъ, графомъ Кальноки и Криспи.

Итальянскіе патріоты чувствуютъ себя, быть можетъ, не совсѣмъ ловко, въ этомъ новомъ тройственномъ союзѣ: они не могли еще забыть ни старыхъ, незаконченныхъ еще счетовъ съ Австрією, ни значительныхъ услугъ Франціи въ дѣлѣ національнаго объединенія Италиі. Вѣковая ненависть къ австрійской монархіи настолько еще сохранилась у итальянцевъ, что заключеніе съ нею союза было бы немислимо безъ могущественнаго посредничества Берлина: выгоды этого союза должны быть весьма убѣдительны, если министры ри-

скують своею популярностію и вступаютъ въ секретныя сдѣлки, въ которыхъ участвуетъ Австро-Венгрія. Что касается неблагодарности итальянцевъ относительно Франціи, то по этому поводу возможны различныя мнѣнія. Не слѣдуетъ забывать, что французы, освободивъ часть Италіи отъ австрійскаго владычества въ 1859 году, взяли на себя невыгодную для нихъ же роль защитниковъ дальнѣйшаго status-quo и подавляли всякія естественныя попытки воссоединенія королевства съ Папскою Областью. Итальянская кровь, напрасно пролитая при Ментанѣ и Аспромонте, оставила свои слѣды въ чувствахъ народа, который не можетъ не помнить, что „ружья Шасспо дѣлали чудеса“ —надъ патріотами Италіи. Венеція была добыта уже благодаря союзу съ Пруссіею въ 1866 году; такъ же точно и римская область была занята противъ воли Франціи, по соглашенію съ Берлиномъ, въ тяжелую для французовъ эпоху седанскаго разгрома. Солидарность новой Италіи съ Пруссіею существуетъ, такимъ образомъ, болѣе двадцати лѣтъ, и обѣ націи добивались національнаго единства не только одновременно, но и совмѣстно, рука объ руку, имѣя предъ собою одного и того же противника—явнаго или скрытаго—въ лицѣ наполеоновскаго правительства. За французскія жертвы на пользу Италіи оказана была добровольная помощь французамъ, въ видѣ многочисленныхъ партизанскихъ отрядовъ, организованныхъ въ Вогезахъ Гарибальди, во время франко-прусской войны, и итальянцы еще не забыли той грубой неблагодарности, какою оплатило ихъ народному герою версальское національное собраніе 1871 года. Легенда объ обязательномъ чувствѣ признательности итальянцевъ относительно Франціи можетъ быть отвергнута безъ нарушенія исторической справедливости. Кто освобождаетъ родственную и единовѣрную народность, какъ Франція освобождала Италію, только для того, чтобы потомъ мѣшать ей жить и устроиться по своему, тотъ, конечно, не можетъ рассчитывать на благодарность населенія: чрезмѣрное усердіе бросаетъ сѣмена раздора тамъ, гдѣ была почва для близкаго взаимнаго общенія. Послѣ побѣды надъ Австріею въ 1859 г., Франція сознательно и систематически отталкивала отъ себя Италію, и, начиная съ 1866 года, она пожинала плоды того, что сѣяла съ слѣпымъ упорствомъ. Французскія газеты напоминаютъ теперь, что самъ Криспи провелъ десять лѣтъ во Франціи и явился на родину вмѣстѣ съ французскою арміею; но это обстоятельство могло въ дѣйствительности дать ему матеріалъ для непріятныхъ личныхъ разочарованій насчетъ закулисныхъ особенностей французской дружбы и французскаго покровительства. Не нужно также особенно удивляться готовности итальянцевъ дѣйствовать противъ Россіи: русскія войска посылались когда-то для защиты австрійскаго господства надъ

Италию, какъ позже мы наказали венгровъ за ихъ возстаніе противъ Австріи; и сардинская армія, въ свою очередь, сражалась въ рядахъ нашихъ непріятелей, во время крымской войны. И въ отношеніи Франціи только очень наивные люди могутъ придавать серьезное значеніе нынѣшней популярности нашего имени во Франціи: французы первые отвернутся отъ насъ, когда минуетъ для нихъ надобность въ политической или военной поддержкѣ Россіи.

Не полагаясь на миролюбивыя увѣренія дипломатіи, западно-европейскіе кабинеты принимаютъ на всякій случай необходимыя мѣры предосторожности, направленныя, между прочимъ, и противъ Россіи. По поводу заграничныхъ толковъ объ „упроченіи мира“, наша дипломатическая газета выразила мнѣніе, что общій миръ обезпечивается точнымъ соблюденіемъ трактатовъ, и что поэтому слѣдовало бы прежде всего позаботиться о восстановленіи силы берлинскаго договора, нарушеннаго событіями въ Болгаріи. Но именно изъ-за примѣненія и охраны трактатовъ могутъ возникать кровопролитныя войны; иногда нѣтъ даже возможности держаться буквы договора, такъ какъ формальное право находится въ вопіющемъ противорѣчій съ дѣйствительностью. Военная экзекуція, необходимая для фактическаго восстановленія права, приводитъ нерѣдко къ послѣдствіямъ гораздо болѣе тягостнымъ и опаснымъ, чѣмъ самое нарушеніе, о которомъ идетъ дѣло. Никто не возбуждаетъ теперь вопроса объ исполненіи V-ой статьи пражскаго договора, въ силу которой судьба сѣверной части Шлезвига должна быть рѣшена мѣстнымъ народнымъ голосованіемъ. И, безъ сомнѣнія, европейскій миръ былъ бы нарушенъ, еслибы требовалось во что бы то ни стало соблюсти указанную статью трактата. Можно было бы привести не мало такихъ случаевъ, когда безспорное международное право остается безъ примѣненія, ради предпочтенія „дурного мира доброй брани“. Хозяйничанье англичанъ въ Египтѣ противорѣчитъ правамъ турецкаго султана и нѣкоторыхъ великихъ державъ, и однако оно продолжается уже болѣе пяти лѣтъ, не вызывая никакихъ энергическихъ мѣръ противодѣйствія. Возвращаясь къ тѣмъ нарушеніямъ, которыя имѣетъ въ виду „Journal de St.-Petersbourg“, нельзя не спросить: желательно ли и возможно ли, по мнѣнію этой газеты, восстановить, напри- мѣръ, раздѣленіе Болгаріи на двѣ половины, согласно 13-ой статьи берлинскаго трактата? Если неуклонно стоять на почвѣ буквального смысла договоровъ, то необходимо прежде всего насильственно разрушить дѣло объединенія княжества съ Восточною Румелією, вопреки желанію европеекихъ кабинетовъ и непосредственно заинтересованной Турціи, безъ всякой пользы для кого бы то ни было. Мыслимо ли домогаться подобнаго восстановленія *status quo ante*?

А оставить въ силѣ такое дѣйствительно важное нарушение и упреждать только на предписанныя трактатомъ условія внутренняго порядка въ странѣ—значить, очевидно, признать, что насъ заботить въ дѣйствительности охрана не трактатовъ, а интересовъ, хотя и справедливыхъ, но во всякомъ случаѣ—нашихъ; послѣдняя же задача, очевидно, не можетъ быть возложена на всѣ государства, подписавшія берлинскій договоръ. Въ этомъ случаѣ нужно было одно изъ двухъ: или дѣйствовать въ свое время самостоятельно, во имя опредѣленныхъ и точно понимаемыхъ цѣлей, или устроить надлежащее соглашеніе съ тѣми или другими державами, путемъ взаимныхъ уступокъ и компромиссовъ. Въ политикѣ ничто не достигается отвлеченными смыслами на формальное право или постояннымъ повтореніемъ разъ усвоенной точки зрѣнія. Приноравливаться къ обстоятельствамъ и пользоваться ими, не придавать значенія личностямъ, уступать въ мелочахъ и заботиться только о существенномъ—таковы необходимыя условія успѣха въ международныхъ дѣлахъ. Блестящія дипломатическія удачи князя Бисмарка объясняются, между прочимъ, необычайною гибкостью его приемовъ, расчитанностью и цѣлесообразностью его способовъ дѣйствія. Германскій канцлеръ, строгій консерваторъ, могъ лично съ неудовольствіемъ смотрѣть на Криспи, какъ на бывшаго гарибальдійца-радикала, и мы видѣли—этотъ взглядъ почти на дняхъ былъ даже высказанъ въ „Сѣверо-германской Газетѣ“; но тотъ же Криспи сдѣлался для него великимъ и дорогимъ лицомъ, „однимъ изъ достойнѣйшихъ государственныхъ людей Италіи“,—когда явилась возможность вступить съ нимъ въ полезную политическую сдѣлку: личные вкусы и антипатіи были подчинены идеѣ государственной пользы. Голая, безосодержательная формула, которую на разные лады пережевываютъ наши газетные охранители берлинскаго трактата, свидѣтельствуетъ лишь о бѣдности и односторонности ихъ политическаго кругозора.

---

Старанія князя Бисмарка изолировать Францію и подорвать ея международное положеніе были значительно облегчены нѣкоторыми внутренними обстоятельствами французской политической жизни. Счастье несомнѣнно улыбается берлинскому кабинету: какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Франція становилась опасною для спокойствія Германіи, въ Парижѣ разыгралась темная исторія, могущая пошатнуть довѣріе къ французской республикѣ и даже къ французской арміи. Одинъ изъ представителей высшей военной іерархіи, занимавшій важный постъ помощника начальника штаба, былъ арестованъ по обвиненію въ продажности и въ торговлѣ орденами почет-



наго легіона; въ это дѣло оказались замѣшанными многія вліятельныя лица, въ томъ числѣ сенаторъ графъ д'Андло и зять президента Гриви, Вильсонъ. Торговля орденами производилась черезъ посредство женщины, у которой найдены были компрометирующія письма и карточки такихъ людей, какъ генералы Тибодэнъ и Буланжэ. Такъ какъ главный виновникъ, генераль Каффарель, получилъ свой видный постъ при бывшемъ военномъ министрѣ, то нѣкоторая тѣнь падала и на этого послѣдняго. Очевидно, любимецъ толпы, генераль Буланжэ, обнаружилъ не болѣе какъ легкомысліе, довѣривъ одну изъ вліятельнѣйшихъ должностей въ арміи челоуѣку, способному продавать свое вліяніе за деньги. Но вмѣсто того, чтобы признать свою ошибку, бывшій министръ счелъ удобнымъ разъяснить газетнымъ корреспондентамъ, что вся эта исторія есть не что иное какъ интрига, направленная противъ него, Буланжэ, преемникомъ его въ министерствѣ, генераломъ Феррономъ. За подобное обвиненіе, введеное противъ своего начальника, генераль Буланжэ подвергнутъ на мѣсяцъ домашнему аресту. Французская печать всѣхъ отгѣнковъ получила богатый матеріалъ для неприятныхъ разсужденій и отчетовъ; общественное вниманіе поглощено неожиданными фактами, которые смѣло и безжалостно раскрыты республиканскими властями, судебными и административными.

Нѣмецкія газеты говорятъ по этому поводу о внутреннемъ упадкѣ и разложеніи Франціи; онѣ осмѣиваютъ мысль о союзѣ какой-либо изъ европейскихъ монархій съ державою, гдѣ правительство не имѣетъ авторитета, гдѣ борьба партій захватываетъ важнѣйшіе интересы государства и гдѣ нравственная порча проникла въ высшія сферы арміи и парламента. Но для всякаго ясна и другая, свѣтлая сторона этого дѣла, а именно: та безпощадная рѣшимость, съ какою французскія власти поступили въ данномъ случаѣ, указываетъ на здоровую силу республики, на способность ея справиться съ появившимся недугомъ. Гораздо хуже было бы, еслибы печальные подвиги французскихъ генераловъ и сенаторовъ были скрываемы отъ публичнаго контроля и осужденія, еслибы правительство старалось замать дѣло и прикрыть виновныхъ своимъ авторитетомъ. Именно то обстоятельство, что безчестные поступки вліятельныхъ лицъ становятся предметомъ гласнаго разслѣдованія и шумныхъ газетныхъ толковъ, служитъ лучшимъ опроверженіемъ комментаріевъ и выводовъ нѣмецкой печати. Зло, развивающееся въ тиши, подъ охраною неприкосновенности властнаго чиновничества, при обязательномъ безмолвіи печати, подвергало бы Францію дѣйствительной опасности внутренняго разложенія и банкротства; но болѣзнь, не загоняемая внутрь, а выеидываемая наружу энергическими и своевременными средствами, не мо-

жегъ представлять серьезной опасности для организма. Внѣшній шумъ, вызываемый скандальными разоблаченіями, не даетъ мѣрилы для вѣрной оцѣнки недуга; громкіе крики не всегда свидѣтельствуютъ о трудномъ положеніи больного. Еще недавно англійскія газеты печатали подробныя свѣденія о злоупотребленіяхъ и недосмотрахъ въ военномъ вѣдомствѣ; большія суммы тратились на покупку негоднаго оружія нѣмецкой фабрикаціи, и однако изъ этого не дѣлалось заключенія о несостоятельности англійскихъ порядковъ и англійскаго режима. Офицеръ прусской арміи продавалъ иностраннымъ правительствамъ секретныя документы и планы крѣпостей; такого случая не было еще во Франціи, и, тѣмъ не менѣе, репутація прусскаго военнаго сословія не пострадала отъ позора отдѣльныхъ его членовъ. Несправедливо было бы прилагать къ французскому режиму такую мѣрку, которая не примѣняется къ другимъ государствамъ. Никто не думаетъ серьезно, что отсутствіе разоблаченій знаменуетъ собою отсутствіе грѣховъ, достойныхъ разоблаченія. Не всегда благополучно тамъ, гдѣ тихо: наибольшія беззаконія совершаются и пускаютъ корни подъ покровомъ тайны. Не ограниченная ничѣмъ, кромѣ судебной отвѣтственности, публичность государственныхъ дѣлъ во Франціи имѣетъ, правда, свои неудобства, которыя съ избыткомъ и испытываетъ на себѣ республиканское правительство; но эти неудобства выкупаются сознаніемъ, что польза государства должна стоять впереди личныхъ интересовъ правящаго класса, и что ни одно патно не скроется отъ безпощаднаго общественнаго контроля въ области управленія и политики.

Положеніе министерства Рувѣ отчасти пошатнулось, подъ вліаніемъ указанныхъ обстоятельствъ. Тотчасъ по открытіи парламентской сессіи, 25-го (13) октября, палата депутатовъ занялась щекотливымъ вопросомъ о преступномъ торгѣ орденами. Бонапартистъ Кюнео д'Орнано предложилъ назначить парламентскую комиссію изъ 22 членовъ для всесторонняго изслѣдованія дѣла. Палата, большинствомъ двухъ третей голосовъ, признала предложеніе неотложнымъ, хотя противъ этого возражали министры. Умѣренно-республиканскія и консервативныя группы не желали колебать министерство; онѣ считали только необходимымъ показать, что дѣло идетъ о предметѣ исключительной важности, и что нельзя поэтому ограничиться обычными карательными и административными мѣрами. Слухи о кабинетномъ кризисѣ поддерживаются, правда, въ радикальныхъ газетахъ, для которыхъ вообще министерство, существующее болѣе мѣсяца, кажется уже слишкомъ скучнымъ и отсталымъ. Много неприятностей и обидъ обрушилось также на престарѣлаго президента, личность котораго до сихъ поръ не затрогивалась борьбою партій.

Президентъ Гриви имѣеть явля, засѣдающаго въ палатѣ депутатовъ и, повидимому, не особенно разборчиваго въ средствахъ наживы; имя его фигурируетъ даже и въ печальной исторіи съ продажей орденовъ. Противъ Вильсона ведется систематическая газетная травля; на него сыплются разнообразныя обвиненія, подрѣпляемые фактическими подробностями, которыхъ не удалось еще провѣрить. Раздраженіе противъ этого злополучнаго депутата объясняется тѣмъ, что онъ впутывалъ въ свои дѣла елисейскій дворець, гдѣ онъ жилъ вмѣстѣ съ семьей президента. Говорятъ, что Вильсонъ устроилъ будто бы настоящую агентуру для исходатайствованія правительственныхъ милостей, концессій и орденовъ, причемъ вознагражденіе взималось по особой таксѣ. Неизвѣстно, насколько основательны или преувеличены эти толки; но они косвенно задѣваютъ и президента Гриви, уличая его въ слабomъ надзорѣ за дѣятельностью близкихъ ему лицъ. Вильсонъ долженъ былъ очистить себя предъ своими избирателями въ Турѣ, гдѣ состоялась по этому поводу шумная сходка, въ самый день открытія палаты; однако попытка не имѣла успѣха, и большинство собранія рѣшило потребовать отъ него сложенія депутатскихъ полномочій. Вильсонъ рассчитываетъ еще оправдаться передъ парламентскою комиссіею; но, вѣроятно, политическая карьера его кончена. Судьба Каффареля, д'Андло и ихъ соучастниковъ послужитъ поучительнымъ примѣромъ для любителей незаконнаго обогащенія, которыхъ, впрочемъ, очень много не въ одной Франціи.

Но министерство серьезно взялось за улучшеніе финансовъ, заботясь больше о сокращеніи государственныхъ расходовъ, чѣмъ объ изобрѣтеніи новыхъ источниковъ дохода. Военный министръ, генераль Ферронъ, выказавшій вообще большую энергію и настойчивость, достигъ уменьшенія своего бюджета на крупную сумму 28 милліоновъ, сравнительно съ бюджетомъ генерала Буланжѣ. Парламентская бюджетная комиссія соперничаетъ съ кабинетомъ въ дѣлѣ экономіи; она предлагаетъ упразднить секретныя фонды, даваемые въ распоряженіе правительства, и отказывается въ содержаніи французскаго посольства при папскомъ дворѣ. Въ палату внесенъ проектъ превращенія 4<sup>1</sup>/<sub>2</sub>-процентной государственной ренты въ трехпроцентную; объ увеличеніи существующихъ налоговъ или объ установленіи новыхъ нѣтъ уже и рѣчи. Французскіе радикалы крайне недовольны такою скромною программой кабинета; они требуютъ реформъ политическихъ и социальныхъ, а не финансовыхъ и административныхъ. Въ этомъ смыслѣ говорилъ недавно Клемансо въ Тулонѣ; но рѣчь его казалась повтореніемъ избыткихъ общихъ мѣстъ и не произвела впечатлѣнія на публику. Трудно убѣдить французское общество, что самый насущный для него вопросъ въ настоящее время — отдѣленіе церкви отъ

государства. Разсужденія о какихъ-то отвлеченныхъ реформахъ не могутъ отклонить общественное вниманіе отъ настоятельныхъ заботъ и потребностей, выдвигаемыхъ дѣйствительною жизнью.

Нынѣшнее правительство Франціи добилось нѣкоторыхъ успѣховъ и въ области внѣшней политики. Оно съ достоинствомъ и самообладаніемъ довело до конца пограничный споръ съ Германіею; оно закончило также старые счеты съ Англіею изъ-за Суэскаго канала, нейтрализація котораго признана теперь конвенціею 24-го (12) октября. Англія должна была сдѣлать существенныя уступки французамъ; каналъ и прилегающее къ нему пространство земли объявлены нейтральными, доступными одинаково для всѣхъ и закрытыми для военныхъ силъ какой-либо отдѣльной державы, какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Въ свою очередь, Франція отказалась отъ нѣкоторыхъ своихъ притязаній по спорному вопросу о Ново-Гебридскихъ островахъ, который также разрѣшенъ окончательно особою конвенціею, подписанною одновременно съ соглашеніемъ о Суэскомъ каналѣ.

Монархисты сочли настоящій моментъ удобнымъ для усиленной пропаганды своихъ идей; будущій король, графъ Парижскій, устроилъ даже съѣздъ въ бельгійскомъ городѣ, Дортрехтѣ, для тайнственныхъ совѣщаній и приготовленій, смыслъ которыхъ не совсѣмъ ясенъ. Если предстоитъ какая-либо правительственная перемѣна во Франціи, то ужъ нивакъ не въ сторону орлеанской династіи, которая вообще не пользуется популярностью въ народѣ. Консервативные элементы французскаго общества будутъ весьма довольны, если соединенныя группы умѣренныхъ республиканцевъ будутъ по прежнему сдерживать порывы крайнихъ партій, заправляя дѣлами въ духѣ бережливости и осторожности.

Въ Австро-Венгріи разыгрался небольшой кризисъ изъ-за министерскаго циркуляра, закрывающаго извѣстное количество учебныхъ заведеній, по неизмѣннѣ въ нихъ достаточнаго числа учащихся. Подъ влияніемъ борьбы національностей, въ мѣстностяхъ съ смѣшаннымъ населеніемъ создана была двойная система школъ, нѣмецкихъ и славянскихъ, и казна отпускала средства на содержаніе двухъ заведеній въ такихъ пунктахъ, гдѣ требовалось не больше одного. Министръ народнаго просвѣщенія Гаучъ рѣшился, въ видахъ экономіи, упразднить излишнія параллельныя школы; а такъ какъ эта мѣра воснулася главнымъ образомъ чешскихъ школъ, то чехи протестовали и грозили разстроить большинство, поддерживающее кабинетъ графа Таафе въ палатѣ депутатовъ. Конечно, циркуляръ австрійскаго министра не имѣетъ ничего общаго съ стремленіемъ ограничить доступъ

въ образованію бѣднымъ и сократить число гимназій тамъ, гдѣ въ нихъ не чувствуется избытокъ; въ этомъ отношеніи, ссылая нѣкоторыхъ газетъ должны быть признаны ошибочными. Между министерствомъ и чехами возникъ споръ на почвѣ національной, а не сословной: у нихъ не возбуждается сомнѣнія, нужно ли учиться народу, или нѣтъ, а разногласіе касалось вопроса о племенной обособленности школъ, ведущей къ увеличенію ихъ числа безъ дѣйствительной въ томъ надобности. Наконецъ, правительство отказало только въ дальнѣйшихъ казенныхъ субсидіяхъ на содержаніе спорныхъ учебныхъ заведеній; за мѣстнымъ населеніемъ остается право взять эти расходы на свой счетъ. Чехи требуютъ отміны циркуляра; министры, по необходимости, отстаиваютъ разъ сдѣланный шагъ, обѣщая уступки въ частностяхъ. Тотчасъ по открытіи австрійскаго парламента, 11-го октября, вождь старочешской партіи, Ригеръ, внесъ подробный запросъ по поводу мѣры, принятой Гаучемъ. Переговоры между партіями и министерствомъ ведутся весьма дѣятельно, при участіи самого императора Франца-Иосифа; всѣ желаютъ соглашенія, которое, вѣроятно, и состоится безъ ущерба для заинтересованныхъ сторонъ. Министерство графа Таафе выдерживало уже не такіе кризисы, въ теченіе восьмилѣтняго своего существованія; оно привыкло лавировать съ искусствомъ между разнообразными національными теченіями, преобладающими въ цислейтанской половинѣ Габсбургской монархіи.

Заботы внѣшней политики обходятся дорого Австріи, какъ и другимъ державамъ. Въ делегаціи, открывшей свои засѣданія въ Вѣнѣ 27-го (15-го) октября, заявлено имперскимъ правительствомъ требованіе кредита въ 15 милліоновъ на чрезвычайныя военныя надобности; эти милліоны пойдутъ на какое-то дальнѣйшее усовершенствованіе магазинныхъ ружей, только недавно введенныхъ въ австрійской арміи. При такомъ непрерывномъ ростѣ военныхъ затратъ, не могутъ процвѣтать финансы. Венгерскій парламентъ, открытый тронною рѣчью 29-го сентября, по-неволѣ одобрилъ бюджетъ съ 18-милліоннымъ дефицитомъ, и долженъ былъ еще утѣшиться тѣмъ, что дефицитъ прошлаго года былъ больше на три милліона. Интересы самосохраненія заставляютъ Австрію нести тяжелое бремя; впрочемъ австрійскіе гульдены не упали въ цѣнѣ и общее государственное хозяйство не обнаруживаетъ рѣзкихъ недостатковъ или непорядковъ. Такая сравнительная прочность австрійскаго кредита, несмотря на всѣ финансовыя невзгоды, находится, конечно, въ связи съ общемъ системомъ управленія и съ публичностью контроля.

Дѣлая значительныя затраты на военныя и политическія нужды, Австро-Венгрія — нельзя не признать того, — достигаетъ, по крайней мѣрѣ, замѣтныхъ успѣховъ въ международной политикѣ, безъ особен-

наго риска и безъ излишнихъ жертвъ. Въ Болгаріи все болѣе укрѣпляется экономическое австрійское вліяніе, и принцъ Кобургскій держится тамъ крѣпче, чѣмъ можно было думать сначала. Выборы 9-го октября дали громадное правительственное большинство, отчасти благодаря и оригинальной обстановкѣ, при которой они состоялись: избиратели двухъ враждебныхъ лагерей вступали между собою въ рукопашный бой, который иногда кончался кровопролитіемъ, вслѣдствіе вѣдѣтельности военной силы. Такимъ образомъ, при выборахъ въ Болгаріи убито было 24 человѣка и ранено 30, по официальнымъ свѣдѣніямъ. Это уже чисто-мѣстная, восточная форма избирательной борьбы; она практикуется въ княжествѣ не въ первый разъ и грозитъ превратиться въ обычай. Толпы обывателей нападаютъ на помѣщенія, гдѣ происходятъ выборы, опрокидываютъ избирательныя урны и торжествуютъ побѣду, если не встрѣчаютъ надлежащаго противодѣйствія; такъ дѣлали въ Софіи окрестные поселеніе два года тому назадъ, и это же повторилось теперь, съ тою лишь разницею, что прежде употреблялось болѣе невинное оружіе—палки. Почему совершаются эти нападенія на выборныя бюро—въ точности неизвѣстно. Попытки разстроить выборы и сдѣлать ихъ невозможными собственно не имѣютъ смысла со стороны людей, могущихъ участвовать въ выборахъ для защиты своихъ интересовъ и убѣжденій. Говорятъ, что агенты правительства нарочно устроивали эти свалки, прогоняя оппозиціонныхъ избирателей; но послѣдніе едва ли сообщали властямъ заранѣе, за кого думаютъ подать голосъ, и власти не могли бы отличить своихъ противниковъ отъ приверженцевъ среди разбросаннаго населенія болгарскихъ селъ и городовъ. Правительство ожидало беспорядковъ и приняло свои предупредительныя мѣры, которыя также характеризуютъ современное внутреннее состояніе княжества. Даже вѣнская „Neue Freie Presse“, безусловно сочувствующая бывшимъ регентамъ, находитъ нѣчто самобытное въ этихъ мѣрахъ. „Нѣкоторые изъ главныхъ агитаторовъ оппозиціи,—говоритъ газета,—были сдѣланы безвредными тѣмъ, что ихъ арестовали или перевезли въ другія мѣста, подъ полицейскимъ прикрытіемъ. Въ виду этихъ распоряженій звучитъ нѣсколько странно заявленіе Стамбулова, что свобода выборовъ вполне обезпечена“.

Какъ бы то ни было, въ новомъ болгарскомъ собраніи, созванномъ въ Софію на 27-е (15-е) октября, оказывается болѣе 250 сторонниковъ правительства, а оппозиція располагаетъ лишь 40 голосами. Но и эта ничтожная оппозиція распадается еще на двѣ партіи: послѣдователи бывшаго министра Радославова признаютъ принца Кобургскаго своимъ княземъ и встаютъ только противъ Стамбулова; а приверженцы Цанкова и Славейкова отвергаютъ принца Фердинанда,

за-одно съ его нынѣшними совѣтниками. Престарѣлый писатель и заслуженный болгарскій патриотъ Славейковъ обратился къ народу съ весьма рѣшительнымъ избирательнымъ манифестомъ, въ которомъ безпощадно бичуетъ „измѣнниковъ, составляющихъ несчастіе и позоръ Болгаріи“, и особенно „перваго изъ этихъ измѣнниковъ, совершеннѣйшаго тирана, главнаго врага народа, Стамбулова“. Что эти страшныя слова не должны быть понимаемы буквально— видно уже изъ того, что составитель манифеста находится еще на свободѣ, и только его горячее воззваніе изъято было изъ обращенія. Несмотря на краснорѣчивыя усилія Славейкова и его союзниковъ, наиболѣе видныя оппозиціонныя дѣятели не попали въ собраніе: ни Цанковъ, ни Радославовъ, ни Каравеловъ не были выбраны, что едва ли было бы возможно, еслибы ихъ идеи пользовались особенною популярностью въ массахъ болгарскаго населенія. Что касается принца Кобургскаго, то положеніе его зависитъ всецѣло отъ избравшей и поддерживающей его такъ-называемой національной или скорѣе анти-русской партіи. Въ данное время эта партія распоряжается дѣлами Болгаріи, и господство ея окончится или приметъ болѣе мягкія формы, когда исчезнутъ тѣ исключительныя обстоятельства, въ которыхъ находится княжество.

Въ Сербіи не замѣтно еще того оживленія русскихъ симпатій, о которомъ столько писалось у насъ при переходѣ власти въ руки Ристича. Выборы въ народную скупштину, происходившіе 29-го (17-го) сентября, дали въ общемъ результатъ, благопріятный для министерства; но побѣдителями оказались вовсе не сторонники Ристича, а радикалы, дѣйствующіе съ ними согласно только въ извѣстномъ отношеніи и на извѣстныхъ условіяхъ. Изъ 156 депутатовъ избрано 85 радикаловъ, 44 либерала и 10 нейтральныхъ, не считая еще 17 перебаллотировокъ, результаты которыхъ пока неизвѣстны. Король имѣетъ еще съ своей стороны назначить 52 членовъ скупщины, и радикалы хотѣли бы не безъ основанія, чтобы половина этого числа была взята изъ ихъ среды. Даже если Ристичъ поставитъ на своемъ и искусственно увеличить ряды своей партіи при помощи королевской прерогативы, то, во всякомъ случаѣ, остается въ силѣ фактъ сравнительной неудачи его на выборахъ. А между тѣмъ эти выборы производились уже безъ всякаго давленія руссофобовъ, которому приписывали прежде упадокъ русскаго вліянія въ Сербіи. Напротивъ, правительство Ристича старалось, по мѣрѣ возможности, содѣйствовать успѣху кандидатовъ, имѣющихъ репутацію приверженцевъ Россіи. Выборы доказали только одно — крайнюю непопулярность австрофиловъ, которые не провели ни одного своего представителя въ скупштину; но они не подтвердили того предположенія, которое ошибочно

высказывалось въ нѣкоторыхъ русскихъ газетахъ, что будто бы назначеніе Ристича на постъ министра-президента равносильно возвращенію Сербіи въ сферу русскаго вліянія и русскихъ интересовъ. Самое раздѣленіе сербскаго общества на русскую и австрійскую партіи вовсе не означаетъ, какъ то думаютъ наши газеты, будто все дѣло состоитъ въ томъ, что тамъ одна партія желаетъ усиленія вліянія на внутреннія сербскія дѣла русскихъ, а другая — австрійцевъ; вѣрно одно, что и та, и другая партія, одинаково стоитъ за внутреннюю независимость Сербіи отъ кого бы то ни было, а потому русской партіи, въ смыслѣ стремленія подчинить Сербію русскому вліянію, вовсе не существуетъ въ Сербіи. Тому, кто нынѣ бывалъ въ Сербіи и имѣлъ случай говорить съ лицами, принадлежащими къ такъ-называемой „русской партіи“,—все это очень хорошо извѣстно; если же наши газеты думаютъ иначе, то имъ придется современемъ обвинять и сербовъ въ неблагодарности; „русская партія“ въ Сербіи весьма искренно желала бы, при помощи именно Россіи, сохранить свою независимость, но далѣе этого нейдутъ желанія и „русской партіи“. Ожидать чего-нибудь другого—значило бы впадать сознательно въ заблужденіе и добровольно готовить себѣ соотвѣтственное тому разочарованіе.

Есть еще одно заблужденіе, которое тяготѣетъ не только надъ иностранною печатью, но какъ будто раздѣляется и нашею. Въ иностранной печати, если говорить о той или другой политикѣ, о тѣхъ или другихъ политическихъ планахъ „Россіи“ или „Императорскаго русскаго правительства“,—то при этомъ обыкновенно ссылаются очень часто, и даже всего чаще, не на „Правительственный Вѣстникъ“, гдѣ помѣщаются правительственные акты и правительственные сообщенія, и не на „Journal de St.-Petersbourg“, признаваемый органомъ спеціального министерства, а просто приводится въ доказательство какая-нибудь передовая статья, напримѣръ, „Московскихъ Вѣдомостей“ или другой какой петербургской газеты, и затѣмъ—все это признается голосомъ „Россіи“, мыслью „Императорскаго русскаго правительства“. Всякія „неотвѣтственныя“, въ полномъ смыслѣ этого слова, разсужденія и соображенія московской газеты и иныхъ разсматриваются за границей по меньшей мѣрѣ такъ, какъ будто эта газета и ей подобныя занимаютъ у насъ то же мѣсто, какое принадлежитъ, напримѣръ, „Сѣверо-германской Газетѣ“. Говорить въ Германіи что-нибудь противъ этой послѣдней—значить, дѣйствительно, стать въ оппозицію господствующей политикѣ императорскаго германскаго правительства, но въ Россіи утверждать что-нибудь подобное по отношенію „Московскихъ Вѣдомостей“ или какой бы то ни было другой газеты—не приходило



въ голову никогда и никому, кромѣ, однако, самой редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“. Вѣроятно, отъ частаго повторенія своей ошибки, находящей, какъ мы видѣли, эхо для себя и въ заграничной печати, она дошла до самообольщенія, будто ея органъ есть въ своемъ родѣ „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“; быть несогласнымъ съ „политикою“ московской газеты, въ ея глазахъ, тождественно съ измѣною Россіи, такъ какъ она говоритъ всюду не иначе, какъ отъ имени всей Россіи, и противорѣчіе какой-нибудь передовой статьѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ есть, по ихъ убѣжденію, оппозиція „Императорскому русскому правительству“. Никогда еще „Московскія Вѣдомости“ не представляли таксму самообольщенію столь нагляднаго доказательства, какъ въ той передовой статьѣ, которую онѣ почтили въ истекшемъ мѣсяцѣ (№ 275) наше послѣднее иностранное обозрѣніе, именно по поводу болгарскихъ дѣлъ.

У насъ говорилось въ октябрѣ:

„Повидимому, болгарскій вопросъ утратилъ значительную долю интереса для европейской дипломатіи съ тѣхъ поръ, какъ Болгарія фактически вышла изъ сферы нашего вліянія. Дипломатическая переписка еще продолжается, но она ведется вяло и безъ особенныхъ шансовъ на успѣхъ; *въ газетахъ* (и во главѣ ихъ стоятъ именно эти „Московскія Вѣдомости“) прекратился воинственный шумъ, и болгарамъ предоставлено вѣдаться самимъ съ своими правителями, безъ непосредственнаго вмѣшательства опекающихъ ее державъ. Проекты разрѣшенія кризиса въ духѣ берлинскаго трактата или, вѣрнѣе, въ духѣ интересовъ того или другого могущественнаго государства—оказались несостоятельными и оставлены, одинъ за другимъ, безъ послѣдствій. И нужно признать, что авторы этихъ проектовъ какъ будто сознательно стремились къ такому результату: для умиротворенія Болгаріи предлагалось именно то, что наиболѣе способно было вызывать раздраженіе болгаръ и неудовольствіе западныхъ кабинетовъ. Даже имена кандидатовъ, выставлявшихся *въ печати* на должность умиротворителей Болгаріи, выбирались какъ бы умышленно такія, противъ которыхъ заранѣе могли ожидать сильнѣйшіе протесты болгарскаго населенія и болгарскихъ политическихъ партій. Пожиная теперь то, что сами сѣяли, *наши близорукіе газетные „патріоты“* не имѣютъ теперь основанія жаловаться на кого бы то ни было по поводу нынѣшней вражды болгаръ къ *русской газетной политикѣ*“, и т. д.

Повидимому, все вышесказанное не подаетъ повода ни къ какому сомнѣнію или недоумѣнію, о комъ или о чемъ идетъ дѣло въ томъ вступленіи, которымъ начиналось наше послѣднее иностранное обозрѣніе, и съ кѣмъ именно нашъ журналъ не только не согласенъ, но и позволяетъ себѣ стать въ оппозицію. Мы обращались къ „газетамъ“, къ „печати“, къ „нашимъ близорукимъ газетнымъ патріотамъ“, къ „русской газетной политикѣ“. Не иначе, какъ только подъ вліяніемъ какой-то „магніи величія“, „Московскія Вѣдомости“ усмо-

трѣли, однако, какъ въ вышеприведенномъ вступленіи, такъ и по всемъ обзорѣни, которое служило дальнѣйшимъ его развитіемъ, измѣну „Россіи“, вслѣдствіе презумпціи: Россія—это „Московскія Вѣдомости“, и „оппозицію Императорскому правительству“, между тѣмъ какъ мы думали имѣть дѣло только съ почтенною московскою редакціей и ей подобными. И вотъ къ какому оригинальному заключенію пришла газета, на основаніи вышеприведенныхъ словъ нашего обзорѣнія:

„Оказывается,—говоритъ газета,—что и въ самой Россіи имѣются публицисты, нисколько не уступающіе своимъ заграничнымъ коллегамъ въ извращеніи фактовъ, направленныхъ противъ Россіи и несчастной, опутанной австро-венгерскою интригою, Болгаріи и въ пользу хищнической затѣи вѣнскихъ и пештскихъ дипломатовъ. Эти изумительные публицисты проповѣдуютъ свои теоріи на страницахъ „Вѣстника Европы“, этого послѣдняго убѣжища тѣхъ допотопныхъ „либераловъ“, которые и до сихъ поръ все еще питаются отжившими и давно уже сданными въ архивъ доктринами конституціонализма, называемаго ими, ради приличія, „правовымъ порядкомъ“. Этотъ „порядокъ“ такъ дорогъ этимъ господамъ, что они восторгаются имъ, даже если онъ принимаетъ форму дѣйствующаго нынѣ въ Болгаріи террора. Всѣ дѣйствія Императорскаго *русскаго правительства* въ глазахъ публицистовъ „Вѣстника Европы“ предосудительны (!), такъ какъ они не нравятся гг. Стамбуловымъ и Муткуровымъ, которые, по конституціонной фикціи, являются-де истинными представителями болгарскаго народа и выразителями его желаній... Они (т.-е. публицисты „Вѣстника Европы“) принадлежатъ къ тѣмъ доктринерамъ, которые никогда и ничему научиться не могутъ. Они и теперь все по прежнему повторяютъ свои тирады *противъ* (!!) политики Императорскаго *правительства*“, и т. д.

Но—довольно. Читатель самъ можетъ, сравнивая эту тираду съ тѣмъ, что приведено выше изъ нашего обзорѣнія, видѣть, что вся эта тирада есть миражъ, внушенный „Московскимъ Вѣдомостямъ“ одною „манією величія“, приведшею ихъ къ отождествленію себя съ такимъ предметомъ, съ которымъ онѣ ничего общаго не имѣютъ. При такомъ душевномъ настроеніи московской газеты трудно требовать отъ нея еще отчета въ томъ, почему у насъ „допотопные либералы“ сочувствуютъ будто бы тому, что совершается въ Болгаріи, да и вообще что можетъ быть общаго между настоящимъ положеніемъ Болгаріи и допотопнымъ или какимъ-либо другимъ современнымъ „либерализмомъ“? Весьма сочувственный „Московскимъ Вѣдомостямъ“ публицистъ г. Дерульдъ, не можетъ быть названъ консерваторомъ или монархистомъ, но вѣдь онъ раздѣляетъ взгляды московской газеты на болгарскія дѣла: изъ этого „Московскія Вѣдомости“ должны были бы заключить, что можно быть либераломъ, и даже болѣе, чѣмъ либераломъ, и въ то же время одобрять политику „Московскихъ Вѣдомостей“ по болгарскому во-

просу; очевидно, либерализмъ тутъ не при чемъ. Но такое согласіе московской газеты съ г. Дерулядомъ не можетъ ли, по ея же логикѣ, служить поводомъ къ какому-нибудь заключеніямъ относительно ея сочувствія и къ другимъ принципамъ того же г. Деруляда, и вообще къ какому-нибудь „восклицательнымъ знакамъ“, направленнымъ по адресу „Московскихъ Вѣдомостей“, съ цѣлью поколебать ихъ репутацію благонамѣренности? Еслибы нами овладѣла „манія величія“ или просто какое-нибудь дрянное чувство, то, конечно, мы могли бы также позволить себѣ какіе-нибудь „восклицательные знаки“ по поводу трогательнаго согласія московской газеты съ г-мъ Дерулядомъ; но, конечно, московская газета знала бы, что намъ отвѣчать на это; вотъ это самое и мы можемъ послать ей въ отвѣтъ на обвиненіе насъ въ томъ, будто мы идемъ рука объ руку съ „вѣнскими и пештскими“ политиками. Впрочемъ на это есть у насъ и болѣе прямой отвѣтъ въ томъ же обзорѣни, гдѣ нами сказано: „болгарскіе дѣятели совершили крупную ошибку, избравъ на княжескій постъ лицо, состоящее въ подданствѣ Австро-Венгріи“; „болгарамъ нуженъ былъ бы правитель болѣе испытанный и надежный, ближе связанный съ народомъ, съ его потребностями и стремленіями, чѣмъ молодой принцъ Кобургскій“. Всему этому, высказанному нами, недостаетъ, правда, грубой формы и „словечекъ“ въ родѣ: „проходимецъ“ и т. п.,—но форма выраженія есть уже результатъ приобрѣтенной привычки и нѣкотораго уваженія къ самому себѣ...

Еще одно и послѣднее замѣчаніе.

Оказывается, что не только отъ великаго, но также и отъ серьезнаго къ смѣшному—однакъ шагъ, и этотъ шагъ „Московскія Вѣдомости“ сдѣлали въ той же своей статьѣ съ свойственною имъ легкостью, но на этотъ разъ, надобно думать, онѣ преслѣдовали болѣе невинную цѣль—а именно, позабавить своего читателя. При помощи очень простыхъ приемовъ „умолчанія“, „сокращенія“, „пропуска“ въ словахъ своего противника, онѣ оповѣстили читателей о „безкорыстномъ самопожертвованіи“ съ нашей стороны; при этомъ газета вырвала у насъ нѣсколько строкъ и пришла къ заключенію, будто „либералы „Вѣстника Европы“ для стамбуловскихъ палочниковъ нашли оправданіе, до котораго еще не додумались австро-мадьярскіе софисты“, и задалась такимъ остроумнымъ вопросомъ: не потому ли нашъ журналъ и „хлопочетъ (?)“ объ уничтоженіи различія сословій и у насъ въ Россіи, что предвидитъ столь же благотѣльные послѣдствія этого уничтоженія и въ нашемъ отечествѣ“ (т.-е. хлопочетъ о распространеніи тѣлеснаго наказанія на всѣ сословія)? Мысль, дѣйствительно, забавная, но получилась она вслѣдствіе того, что „Московскія Вѣдомости“, разумѣется, не довели до свѣденія своихъ читателей всего,

что нашъ журналъ высказалъ по поводу „болгарскихъ экзекуцій“, а не довели потому, что тогда исчезъ бы элементъ забавнаго. Указавъ на то, что „расправа“ въ Болгаріи, и при этомъ безъ суда, есть знакъ того, что страна не находится въ нормальномъ положеніи, какъ другіе, мы прибавили: „это очень плачевное явленіе, но не забудемъ, что Болгарія недавно только вышла изъ-подъ турецкаго ига; она не могла еще вполне освободиться отъ дурныхъ турецкихъ традицій и привычекъ, — и по-неволѣ приходится отнестись къ ней снисходительно и не судить слишкомъ строго мало-похвальные поступки ея администраціи“. Въ этихъ словахъ нѣтъ уже ничего забавнаго, а потому они и выпущены московскою газетою; газета, очевидно, хотѣла посмѣшить легковѣрнаго читателя, стараясь увѣрить его, будто „Вѣстникъ Европы“ хлопочетъ о распространеніи у насъ тѣлеснаго наказанія на всѣ сословія; это столько же забавно и правдоподобно, сколько забавно было читать на дняхъ въ „Figaro“ серьезное оповѣщеніе о томъ, будто покойный Катковъ обнаруживалъ такую необыкновенную дѣятельность, что, издавая „Русскій Вѣстникъ“, находилъ время писать еще обзорѣнія въ „Вѣстникѣ Европы“, какъ въ единственномъ журналѣ, защищающемъ традиціи николаевскаго времени. Утвержденіе „Figaro“ ничѣмъ не хуже вышеупомянутой „шутки“ московской газеты. Вотъ, мы имѣли бы болѣе права пошутить, въ свою очередь, надъ московскою газетою, еслибы только обладали склонностью къ шуткамъ. „Московскія Вѣдомости“ напали на мысль о томъ, будто мы „хлопочемъ“ о распространеніи тѣлеснаго наказанія у насъ на всѣ сословія, и обнаруживаемъ тѣмъ „безкорыстное самопожертвованіе“; а мы могли бы гораздо болѣе справедливо замѣтить, что „Московскія Вѣдомости“ хотя сами собственно ничего не имѣютъ противъ тѣлеснаго наказанія, но—съ исключеніемъ нѣкоторыхъ сословій, и если возстаютъ противъ всесословности этой мѣры, то только вслѣдствіе дурнаго предчувствія по отношенію самихъ себя.



---

## ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го ноября 1887.

— *Воспоминанія* графа Владіміра Александровича *Сологуба*. Съ портретомъ. Спб. 1887.

Имя графа Сологуба (почему не „Соллогуба“, по прежнему написанію этого имени?) было очень популярно въ сороковых годахъ, когда онъ пріобрѣлъ большую извѣстность своими повѣстями и разсказами и когда предметомъ особенно оживленныхъ толковъ былъ его „Тарантасъ“. Повѣсти гр. Сологуба не отличались глубокимъ содержаніемъ, но разсказаны были съ легкостью и остроуміемъ, которыя не были тогда часто встрѣчающимся качествомъ нашей беллетристики; „Тарантасъ“, явившійся въ свое время въ красивомъ иллюстрированномъ изданіи, заинтересовалъ еще тѣмъ, что въ немъ затронуты были вопросы общественнаго свойства, хотя затронуты опять слегка и вмѣстѣ тенденціозно,—но въ то время любопытно было и то, что наконецъ заходила рѣчь о предметахъ подобнаго рода: это было еще до появленія повѣстей Тургенева, Гончарова, Григоровича, Достоевскаго и пр. Конецъ сороковыхъ годовъ, ознаменованный этими именами, затмилъ память о графѣ Сологубѣ, какъ по силѣ новыхъ талантовъ, такъ и по характеру содержанія, пріобрѣтавшаго серьезный общественный интересъ. Графъ Сологубъ, вращавшійся въ прежнихъ литературныхъ кругахъ, уже не присоединялся къ новому литературному движенію съ конца сороковыхъ годовъ и дальше, сталъ особнякомъ или псевдился въ томъ лагерѣ, который относился не совсѣмъ дружелюбно къ новымъ стремленіямъ общества, отражавшимся въ тогдашней литературѣ. Его имя рѣдко появлялось въ печати, и только въ послѣдніе годы онъ снова обращался къ беллетристичѣ, въ консервативно-аристократическомъ духѣ; въ 1870-хъ годахъ онъ явился также и официальнымъ хронистомъ... Такимъ образомъ, въ сложности его литературная роль не была крупная и

серьезныя стороны нашей внутренней жизни за послѣднія десятилѣтія остались ему довольно чужды. Поэтому отъ его воспоминаній трудно было бы ожидать большого интереса для внутренней исторіи общества; и дѣйствительно, этотъ интересъ отсутствуетъ въ нихъ; тѣмъ не менѣе книга можетъ доставить любопытное чтеніе: авторъ на своемъ долгомъ вѣку много видѣлъ и былъ умѣлый рассказчикъ; читатель не найдетъ здѣсь характеристики эпохъ, какія онъ пережилъ, не найдетъ широкихъ картинъ и того круга, которому онъ принадлежалъ, но встрѣтитъ не мало подробностей, которыя не лишены будутъ значенія въ будущей картинѣ русскаго общества. Воспоминанія гр. Сологуба представляютъ родъ автобіографіи; они начинаются съ ближайшихъ предковъ автора, рассказываютъ о его дѣтствѣ и юности, и затѣмъ, лишь слегка касаясь его біографіи, передаютъ много случайныхъ анекдотическихкихъ подробностей о лицахъ, съ которыми онъ встрѣчался, и событіяхъ, которыя онъ болѣе или менѣе близко видѣлъ. Такъ авторъ видѣлъ (въ александровскія времена) послѣдніе годы людей екатерининской эпохи, видѣлъ дѣятелей царствованія Александра I-го; рассказываетъ черты стараго барскаго быта, приводитъ рядъ анекдотовъ изъ жизни высшаго круга 30-хъ и 40-хъ годовъ и о разныхъ извѣстныхъ людяхъ позднѣйшаго времени, съ которыми встрѣчался въ Россіи и за границей. Правда, ни одно изъ упоминаемыхъ лицъ не нарисовано вполне; все это легкіе очерки, которые иногда ограничиваются двумя, тремя анекдотами; но лица, съ которыми встрѣчался графъ Сологубъ, бывали иногда лица очень знаменитыя: это были, напр., Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, кн. Одоевскій, Тютчевъ, Достоевскій, Тургеневъ и др., не говоря о разныхъ высокопоставленныхъ государственныхъ людяхъ. Графъ Сологубъ былъ, напр., довольно близкимъ свидѣтелемъ той интриги противъ Пушкина, которая повела къ трагической дуэли (стр. 173—188). Хотя рассказъ Сологуба о документахъ, объясняющихъ смерть Пушкина и хранившихся еще двадцать-пять лѣтъ спустя у Дантеса-Гекерна, подвергнуть былъ сомнѣнію, но графъ Сологубъ намекаетъ, однако, что имя главнаго зачинщика интриги ему было извѣстно: стоитъ изслѣдовать эти бумаги,—говоритъ онъ,—и имя настоящаго убійцы Пушкина сдѣлается извѣстнымъ на вѣчное прервѣніе всему русскому народу. Это имя вертится у меня на языкѣ, но пусть его отыщеть и назоветъ не достойная догадка, а Божіе правосудіе!“ Графъ Сологубъ былъ также близокъ съ Гоголемъ и рассказываетъ нѣкоторыя любопытныя черты его страннаго характера (стр. 112—115, 138—141, 189—191) и, между прочимъ, мало извѣстный эпизодъ пребыванія Гоголя въ роли гувернера въ домѣ Васильчиковыхъ въ первое время его петербургской жизни. Курьез-

ный и характерный анекдотъ онъ рассказываетъ о Тургеневѣ, анекдотъ, переданный съ его словъ и весьма на него похожій (стр. 236—240), и т. д. Отметимъ еще нѣсколько словъ объ известной баронессѣ Вревской, женѣ и потомъ вдовѣ известнаго на Кавказѣ генерала, которая славилась нѣкогда своей красотой и умерла въ Болгаріи жертвой своего самоотверженнаго человѣколюбія (стр. 281—282)— ея памяти посвящено одно изъ „стихотвореній въ прозѣ“ Тургенева.

Разбросанные въ книгѣ графа Сологуба отдѣльные факты и анекдоты, повидимому болѣе или менѣе достовѣрные, дѣлаютъ ее довольно занимательной, и у нея нѣтъ другого значенія; впрочемъ, и самъ авторъ не имѣлъ большихъ притязаній, какъ въ теченіе разсказа не скрывалъ и нѣкоторыхъ своихъ слабыхъ сторонъ и ошибокъ. По своимъ общественнымъ взглядамъ онъ остался человѣкомъ своего давняго круга и не умѣлъ отдать себѣ отчета въ томъ, что творилось кругомъ въ общественной и даже государственной жизни. Рассказывая о своемъ тестѣ по первой женѣ, известномъ графѣ М. Ю. Вильгорскомъ, который былъ важнымъ придворнымъ лицомъ, любителемъ и покровителемъ искусствъ, а въ александровское время— ревностнымъ мистикомъ и масономъ, графъ Сологубъ говоритъ: „послѣ гр. Вильгорскаго осталось нѣсколько тысячъ книгъ герметическаго содержанія. Большая часть этой драгоценной библіотеки поступила въ императорскую публичную библіотеку, гдѣ, рассыпавшись по отдѣленіямъ, утратила свою цѣнность“ (—сколько мы знаемъ, это не точно: „герметическая“ коллекція Вильгорскаго въ публичной библіотекѣ не разрознена и хранится вмѣстѣ; отдѣлены только рукописи отъ печатныхъ книгъ). „Нѣкоторую часть я имѣлъ случай отыскать въ амбарѣ курскаго имѣнія вмѣстѣ съ разными кабалистическими латинскими рукописями и частными письмами масонскаго содержанія. Это собраніе, по возможности приведенное въ порядокъ, пополняется сочиненіями теологическими и указываетъ на переходъ герметизма къ иллюминизму, къ мистицизму, къ піетизму, а впоследствии довели (?) къ скептицизму, къ либерализму, къ коммунизму и къ нигилизму, уже мечтающему о терроризмѣ. Любопытно было бы прослѣдить, какъ каждый новый токъ мышленія возбуждалъ восторгъ и казался послѣднимъ словомъ отвлеченной мудрости“ и т. д. (стр. 27—28). Эта небольшая тирада, чуть ли не единственная, гдѣ авторъ коснулся разныхъ умственныхъ направленій общества, выражаетъ, очевидно, весьма смутное понятіе объ отношеніяхъ этихъ направленій: что и какъ довело отъ „герметизма“ къ „иллюминизму“ (и въ чемъ состоитъ тотъ и другой?) и откуда потомъ брался „скептицизмъ“, „либерализмъ“ и пр., остается неизвѣстнымъ. Исторія „токовъ мышленія“ въ нашемъ обществѣ довольно известна, и появленіе ихъ

было вовсе не такъ случайно, какъ это видимо представлялось автору... Къ счастью, впрочемъ, онъ оставилъ эти предметы внѣ своего разсказа.

— *Расколъ-сектанство*. Матеріалы для изученія религіозно-бытовыхъ движеній русскаго народа, собранные А. С. Пругавинымъ. Выпускъ первый. Библиографія старообрядчества и его развѣтлений. Москва, 1887.

Научное изслѣдованіе раскола началось, въ сущности, очень недавно. Въ эпоху своего появленія онъ вызвалъ полемическую литературу, гдѣ, съ одной стороны, расколъ излагалъ свои ученія, а съ другой—представители господствующей церкви противопоставляли имъ свои обличенія и опроверженія. Эта литература разрослась потомъ до обширныхъ размѣровъ, сохраняя свой специально церковный характеръ. Попытки исторіи раскола начинаются еще съ „Розыска о брынской вѣрѣ“, Димитрія Ростовскаго; въ концѣ прошлаго столѣтія явилось сочиненіе Іоаннова; затѣмъ исторіей раскола занялись историки русской церкви, до Макарія Булгакова и т. д. Изслѣдованія свѣтскія, кажется, впервые возникаютъ во второй четверти нашего столѣтія, въ видѣ административныхъ изысканій, которыя должны были служить справочными данными для большей успѣшности правительственныхъ мѣропріятій противъ раскола. Эти изысканія, обыкновенно „секретныя“ (какъ, напр., Надеждина, Даля, Мельникова), были собственно уголовными слѣдствіями; для обыкновенной литературы, исторической и этнографической, расколъ былъ недоступенъ. Новый періодъ изслѣдованій начинается съ прошлаго царствованія, когда вообще предѣлы литературы сильно раздвинулись сравнительно съ прежнимъ: вмѣстѣ съ тѣмъ какъ отпали запрещенія, дѣлавшія невозможнымъ для литературы изложеніе цѣлыхъ историческихъ эпохъ и различныхъ явленій народной жизни, между прочимъ, стали предметомъ ревностныхъ изслѣдованій исторія и современное состояніе раскола. Съ тѣхъ поръ въ особенности, о расколѣ составила богатая литература, гдѣ найдутся и обширныя изысканія объ его историческомъ развитіи, о содержаніи раскольничьихъ вѣроученій и ихъ отраженіяхъ въ бытѣ, и множество частныхъ сообщеній о разныхъ частныхъ вопросахъ и мѣстныхъ особенностяхъ, обзорнія и тексты раскольничьей литературы (или письменности), и беллетристическіе очерки изъ раскольничьяго быта, и, наконецъ, произведенія шантажнаго характера. Къ сожалѣнію, эта литература, при массѣ частныхъ, представляетъ до сихъ поръ мало общихъ обзорній какъ исторіи, такъ и современныхъ бытовыхъ явленій раскола: недостатокъ подобныхъ обзорній отчасти происходитъ, безъ сомнѣнія, отъ



чрезвычайной разбросанности фактических свѣденій, которую не легко одолѣть самому усердному библіофилу. Поэтому, чрезвычайно важной услугой для изучающихъ расколъ является предпріятіе г. Пругавина—составить полный и притомъ систематическій указатель литературы предмета.

Настоящая книга—около 500 довольно плотныхъ страницъ—должна составлять только первый выпускъ цѣлаго, рассчитаннаго на четыре книги. Первая заключаетъ библіографію старообрядчества и его развѣтвленій; вторая должна дать классификацію и характеристику всѣхъ сектъ и толковъ, изъ которыхъ состоитъ собственно старообрядчество и которые возникли на почвѣ раскола; третья—библіографію сектантства мистическаго (хлысты, скопцы и т. д.) и рационалистическаго (духоборцы, молокане, штундисты и пр.), и, наконецъ, четвертая—классификацію и характеристику всѣхъ мистико-рационалистическихъ сектъ (ересей).—Составитель предвидитъ самъ возможность пробѣловъ въ своемъ указателѣ и объясняетъ ихъ условіями своей работы: по словамъ его, подобный трудъ возможенъ собственно только въ Петербургѣ, въ публичной библіотекѣ: г. Пругавинъ работалъ въ Москвѣ, гдѣ пользовался всѣми главными библіотеками—Румянцовской, Чертевской, епархіальной и университетской, и тѣмъ не менѣе не находилъ тамъ многихъ важныхъ, даже очень извѣстныхъ изданій, — и особенно изданій провинціальныхъ; недостающее онъ пополнялъ изъ библіографическихъ трудовъ гг. Межова и Ламбинныхъ.

При многихъ книгахъ и статьяхъ дано указаніе ихъ содержанія; изъ нѣкоторыхъ, мало доступныхъ по рѣдкости изданій сдѣланы извлеченія, а иныя краткія статьи подобнаго рода приведены цѣлкомъ. Это, безъ сомнѣнія, очень полезно, и можно бы желать даже, чтобы это дѣлалось въ большемъ количествѣ, чѣмъ теперь,—еслибы только это не слишкомъ увеличило объема изданія.

Особенное достоинство настоящаго указателя заключается въ томъ, что онъ расположенъ въ систематическомъ порядкѣ. Первый выпускъ дѣлится на двѣ части: „старообрядчество вообще“ и „секты и толки старообрядчества“. Въ первой части указаніе книгъ и статей расположено по такимъ рубрикамъ: общее значеніе раскола, изученіе вопроса, программы; исторія старообрядчества; соборы, имѣвшіе связь съ исторіей старообрядчества; статистика раскола; догматика и полемика; бытовая сторона старообрядчества; общественное положеніе старообрядчества, вѣротерпимость и наши законы о расколѣ, борьба съ расколомъ; единовѣріе, и проч. Удачное опредѣленіе рубрикъ облегчаетъ обзоръ матеріала; но мы не находимъ удобнѣе того порядка, какой принять г. Пругавинимъ въ самомъ раз-

мѣщеніи библиографическаго матеріала. Онъ помѣщаетъ указанія книгъ и статей въ алфавитномъ порядкѣ ихъ заглавій,—это дѣлается въ каталогахъ, гдѣ алфавитъ заглавій облегчаетъ отыскиваніе болѣе или менѣе извѣстныхъ книгъ, располагаемыхъ въ *крупныхъ* рубрикахъ, но едва ли умѣстно въ указателѣ спеціальному, имѣющему дѣло гораздо меньше съ книгами и гораздо больше—съ мелкими статьями, которыхъ не придетъ въ голову, да и невозможно, искать по алфавиту ихъ заглавій. Гораздо цѣлесообразнѣе было бы размѣщать книги и статьи въ хронологическомъ порядкѣ ихъ появленія: это давало бы вмѣстѣ историческую картину развитія литературы о расколѣ, а кромѣ того давало бы возможность видѣть рядомъ книги и статьи, въ которыхъ велась полемика по какому-либо вопросу, которыя доставляли дополненія и разъясненія по какому-либо вновь затронутому факту въ исторіи и бытѣ раскола и т. п. Теперь, отысканіе подобныхъ связанныхъ другъ съ другомъ статей и книгъ довольно затруднительно; теперь, старая книга, напр. „Розыскъ“, стоитъ рядомъ съ какой-нибудь современной газетной статьей—съ которой не имѣетъ ничего общаго; между тѣмъ при хронологическомъ размѣщеніи читателю наглядно было бы самое развитіе различныхъ вопросовъ о расколѣ въ нашей литературѣ и было бы гораздо больше упрощено ознакомленіе съ громаднымъ литературнымъ матеріаломъ.—А. П.

---

— Этюдъ о Ж.-Ж. Руссо. Связь политической доктрины Ж.-Ж. Руссо съ государственнымъ бытомъ Женевы. А. С. Алексѣева, проф. Моск. университета. Москва, 1887.

Подъ скромнымъ названіемъ этюдовъ о Руссо появился теперь второй и, повидимому, не послѣдній томъ обширнаго историко-политическаго трактата, посвященнаго знаменитому женеvскому философу. Этотъ трудъ отличается такими же достоинствами, такимъ же богатствомъ и интересомъ содержанія, какъ и предшествующая работа профессора Алексѣева—о Макиавелли. Почтенный авторъ даетъ намъ не только подробную исторію литературной дѣятельности Руссо, но и возможно-полную картину тѣхъ общественныхъ и частныхъ вліяній, которыя отразились въ его сочиненіяхъ; онъ объясняетъ особенности политическаго устройства и быта Женевы въ эпоху творчества Руссо, указываетъ на отношеніе послѣдняго къ современнымъ партіямъ и движеніямъ въ женеvской республикѣ, приводитъ по этому предмету много новыхъ свѣденій и документовъ, заимствованныхъ впервые изъ швейцарскихъ библиотекъ, и такимъ образомъ

дѣлаетъ цѣнный вкладъ въ общую научную литературу. Исслѣдованіе о Руссо, задуманное по такому широкому плану, имѣло бы безспорно гораздо больше значенія для французовъ, чѣмъ для русскихъ читателей; но, въ сожалѣнію, на французскій языкъ съ особенною охотою переводятся сочиненія, рассчитанныя на сенсацію или на легкой успѣхъ, въ родѣ книги г. Ратова, а капитальные труды, подобныя „этюдамъ“ проф. Алексѣева, остаются неизвѣстными французскимъ ученымъ и публицистамъ. Подобныя работы какъ будто не доходятъ по адресу и, слѣдовательно, не достигаютъ вполне своей цѣли.

Съ наибольшимъ интересомъ читаются главы, разъясняющія происхожденіе „Contrat social“ и мѣсто, занимаемое этимъ трактатомъ въ ряду сочиненій Руссо. Какъ это часто бываетъ въ исторіи, самъ авторъ „Contrat social“ не сознавалъ всей важности своего труда и не предвидѣлъ его блестящей политической роли; онъ забросилъ готовую уже рукопись и переработалъ ее позднѣе, не придавая ей особеннаго значенія. Руссо не считалъ себя призваннымъ заниматься специально политическими вопросами; онъ занимался ими между прочимъ, имѣя въ виду другія литературныя задачи. На составленіе „Общественнаго договора“, — говоритъ г. Алексѣевъ, — Руссо употребилъ не болѣе трехъ лѣтъ. „Часть этого времени относится къ парижскому періоду, когда еще не успѣли созрѣть ни его таланты, ни его доктрина. Остальная часть времени, посвященная „Общественному договору“, обнимаетъ тѣ года его жизни, когда онъ былъ весь поглощенъ окончаніемъ своего лучшаго и важнѣйшаго труда — „Эмиля“, и когда онъ, усталый и утомленный, жаждалъ покоя и отдыха... А между тѣмъ, года, посвященные труду надъ „Общественнымъ договоромъ“, и были только тѣмъ временемъ, когда онъ серьезно и самостоятельно вдумывался въ политическія проблемы. Въ остальные же годы своей литературной дѣятельности Руссо жилъ жизнью отвлеченнаго мыслителя, занятаго по преимуществу философскими и моральными проблемами. Если Руссо, тѣмъ не менѣе, сказалъ своимъ политическимъ трактатомъ новое и сильное слово, то онъ былъ обязанъ этимъ тому, что, руководимый своими политическими симпатіями, нашелъ въ государственномъ строѣ своего отечества готовый политическій идеалъ, который, сочетавшись съ тенденціями его философской и моральной доктрины, и составляетъ характерное зерно ученія Руссо о государствѣ“. Но, въ сущности, работая надъ „Contrat social“, Руссо „имѣлъ довольно смутное представленіе объ исторіи и современномъ ему положеніи политическаго быта Женевы“. Сойдясь ближе съ политическими дѣятелями Женевы въ 1754 году, онъ уже „измѣняетъ свой оптимистическій взглядъ на условія поли-

тической жизни своего отечества, и научается иными глазами смотреть на намерения и тенденции женеваго правительства. Эта перемена и отразилась на тѣхъ поправкахъ и добавленіяхъ, которыя Руссо внесъ въ первоначальную редакцію „Общественнаго договора“. Но еще рѣзче сказывается измѣнившееся отношеніе Руссо къ женевакому правительству въ его „Письмахъ съ горы“, въ которыхъ онъ беспощадно изобличаетъ это правительство въ стремленіи захватить всю власть въ свои руки и приписываетъ ему явную тенденцію низвести гражданъ на степень безправныхъ и безгласныхъ подданныхъ“. Относясь отрицательно къ притязаніямъ олигархической партіи, Руссо—какъ показываетъ г. Алексѣевъ—не одобряетъ и учений женевакихъ радикаловъ; онъ всего ближе стоитъ къ тенденціямъ умѣренной партіи гражданъ (стр. 310—315). Женевакое правительство усмотрѣло нѣчто революціонное въ сочиненіяхъ Руссо; оно рѣшило „сжечь рукою палача и „Эмиля“ и „Общественный договоръ“, и арестовать автора, если онъ явится въ Женеву“,—что и побудило Руссо отказаться отъ званія женеваго гражданина.

Въ примѣчаніяхъ къ книгѣ изложено, между прочимъ, содержаніе двухъ первыхъ диссертаций Руссо—о вліяніи наукъ и искусствъ на нравы и о причинахъ неравенства между людьми, причемъ приведена сущность полемики, вызванной обѣими диссертациями. Въ приложеніяхъ напечатанъ первоначальный текстъ „Contrat social“ по рукописи, хранящейся въ женевакой публичной библиотекѣ; сверхъ того помѣщены также письма нѣкоторыхъ женевакихъ гражданъ къ Руссо и одно любопытное политическое стихотвореніе 1734 года, развивающее тѣ идеи, которыя повдѣе были съ такимъ блескомъ развиты въ „Разсужденіи о неравенствѣ“ и въ „Contrat social“.—Л. С.

---

— *Земскій Ежегодникъ* за 1884 годъ. Изданіе вольно-экономическаго общества, под редакціей Л. В. Ходскаго. Спб., 1887.

Мы давно уже не говорили объ этомъ полезномъ изданіи, принятомъ еще въ концѣ семидесятыхъ годовъ. Вновь вышедшій томъ—шестой; первые пять обнимаютъ собою пятилѣтіе съ 1876 по 1880 г. Послѣ перерыва, вызваннаго недостаткомъ средствъ, редакція Ежегодника признала полезнымъ прямо перейти къ періоду времени болѣе къ намъ близкому, предоставляя себѣ издать, вполнѣдствіи, сводъ земскихъ постановленій за 1881-3 г. Этотъ способъ дѣйствій кажется намъ совершенно правильнымъ. Еслибы вмѣсто 1884 года былъ избранъ 1881, свѣденія получились бы слишкомъ запоздалыя, и практическое значеніе сборника уменьшилось бы весьма значи-

тельно. Необходимо, однако, обезпечить продолженіе изданія на будущее время, а этого можно достигнуть двоякимъ путемъ: увеличеніемъ средствъ, которыми располагаетъ редакція, и уменьшеніемъ расходовъ, которыхъ требуетъ изданіе. Первое зависитъ отъ редакціи только отчасти; она можетъ ходатайствовать о продолженіи правительственной субсидіи, благодаря которой вышли въ свѣтъ послѣдніе четыре тома Ежегодника, можетъ хлопотать о поддержкѣ изданія земскими учрежденіями,—но не можетъ ручаться за успѣхъ этихъ усилій. Сократить расходы на изданіе для редакціи гораздо легче; нужно только уменьшить объемъ, а слѣдовательно и стоимость ежегодниковъ, чтобъ, въ свою очередь, понизить продажную ихъ цѣну, ускорить ихъ сбытъ и позволить печатать ихъ въ ббльшемъ числѣ экземпляровъ. Разбирая, семь лѣтъ тому назадъ, Ежегодникъ за 1877 годъ <sup>1)</sup>, мы указали на излишнюю его подробность, на множество статей, которыя могли бы быть исключены изъ него безъ всякой потери для полноты изданія. Замѣчаніе это примѣнимо, до известной степени, и къ Ежегоднику за 1884 г. Возьмемъ хотя бы три первые его пункта. Изъ перваго пункта мы узнаемъ, что передъ открытіемъ бердянскаго уѣзднаго собранія были приведены къ присягѣ гласные православнаго исповѣданія, а менониты дали установленную подписку; гласный же караимскаго исповѣданія Помпуловъ, въ виду наступленія субботы, не могъ принять присяги и удалился изъ засѣданія. Во второмъ пунктѣ говорится о томъ, что предсѣдатель рязанскаго губернскаго собранія убѣдительно просилъ гласныхъ являться въ собраніе во-время, для предоставленія ему возможности открывать засѣданіе, по крайней мѣрѣ, не позже 12½ ч. Третій пунктъ посвященъ такой же, только обстоятельнѣе мотивированной, просьбѣ предсѣдателя херсонскаго губернскаго собранія. Очевидно, что все это не представляетъ никакого общаго интереса и не заслуживаетъ быть увѣковѣченными на страницахъ Ежегодника. То же самое можно сказать и о многихъ другихъ пунктахъ, разсѣянныхъ въ разныхъ отдѣлахъ сборника; чтобы не увеличивать числа цитатъ, сошлемся только, въ видѣ примѣра, на ст. 50, 53, 127, 140, 190, 208, 221, 523, 525, 637, 639 и др. Еще больше насчитывается такихъ статей, изложеніе которыхъ могло бы быть значительно сокращено, путемъ исключенія мелкихъ деталей (напр. ст. 1533, 1536, 1538, 1540). Другой недостатокъ, замѣченный нами при разборѣ Ежегодника за 1877 г.—соединеніе разнородныхъ статей въ одну, слишкомъ обширную, группу—устраненъ, по возможности, новою редакціею; въ каждой большой группѣ сдѣлано еще нѣсколько подраздѣленій, сообразно съ которыми

<sup>1)</sup> См. Литературное Обозрѣніе въ № 5 „Вѣстника Европы“ за 1880 г.

и расположены отдѣльныя статьи. Алфавитный порядокъ, прежде господствовавшій надъ цѣлой группой, теперь опредѣляетъ послѣдовательность статей только внутри cadaго подраздѣленія. Пожалѣть можно лишь о томъ, что внѣшнимъ образомъ подраздѣленія не отграничены одно отъ другого; отмѣтка на поляхъ, обозначающая конецъ одного подраздѣленія и начало слѣдующаго, облегчила бы еще больше пользованіе сборникомъ. Какія бы улучшенія, впрочемъ, ни были введены въ будущемъ, земскій Ежегодникъ представляется и теперь изданіемъ въ высшей степени почтеннымъ и полезнымъ; остается пожелать, чтобы онъ получилъ широкое распространеніе и чтобы данныя, въ немъ заключающіяся, сдѣлались предметомъ разносторонней систематической разработки. Хорошо было бы также, еслибы вольно-экономическое общество нашло возможность осуществить свою первоначальную мысль и издать, въ видѣ предисловія къ ежегодникамъ, общее обзорнѣе дѣятельности земскихъ учреждений за первое десятилѣтіе ихъ существованія (1865—75).

---

— *П. И. Георгіевскій*. Финансовыя отношенія государства и частныхъ желѣзно-дорожныхъ обществъ въ Россіи и западно-европейскихъ государствахъ. Спб., 1887.

Соединяя въ себѣ историческій очеркъ роли, принадлежавшей государству въ развитіи русской желѣзно-дорожной сѣти, и обзоръ настоящаго финансоваго положенія русскихъ желѣзныхъ дорогъ съ соотвѣтствующими этюдами по шести западно-европейскимъ государствамъ (Бельгіи, Голландіи, Франціи, Италіи, Австріи и Пруссіи), книга г. Георгіевскаго является весьма цѣннымъ приобрѣтеніемъ именно въ настоящую минуту, когда отчасти состоялся, отчасти ожидается цѣлый рядъ важныхъ правительственныхъ мѣръ по отношенію къ желѣзнымъ дорогамъ. Исходная точка автора заслуживаетъ полнѣйшаго сочувствія; онъ настаиваетъ вездѣ и всегда на такой постановкѣ желѣзно-дорожнаго дѣла, при которой обезпечивались бы всего больше интересы *массы*. Онъ протестуетъ противъ всякаго снисхожденія къ желѣзно-дорожнымъ обществамъ, потому что оно „оказывается на счетъ общегосударственныхъ средствъ“, т.-е. на счетъ народа. „При такихъ обстоятельствахъ, какъ выкупъ задолжавшей дороги, — читаемъ мы на стр. 319, — недостаточно оставаться на томъ соображеніи, что предприниматели не виноваты, и потому справедливо выдать имъ то и то; надо еще спросить: а виноваты ли чѣмъ-нибудь податныя силы государства, справедливо ли *относительно ихъ* возлагать на нихъ новое бремя? Еслибы предпріятіе удалось, то вѣдь предприниматели не позволили бы свой барышъ

взять, да отдать плательщикамъ податей и налоговъ; почему же послѣдніе должны расплачиваться въ томъ случаѣ, когда предпріятіе не удалось?" Все это разумѣется, повидимому, само собою, но въ дѣйствительности часто упускаются изъ виду самыя простыя и ясныя истины, такъ что повтореніе ихъ далеко не излишне, особенно въ связи съ той убѣдительною мотивировкой, каковую мы находимъ у г. Георгіевскаго. Весьма любопытную часть книги образуютъ таблицы, наглядно рисующія финансовое положеніе нашихъ желѣзно-дорожныхъ обществъ. Не характеристично ли, что изъ числа тридцати-трехъ обществъ только у одиннадцати сумма долговъ не превышаетъ акціонернаго капитала, а у двадцати-двухъ составляетъ, по отношенію къ послѣднему, отъ 104 до 392%? Не характеристично ли, что только въ девяти обществахъ доходы 1885 года превышали (на девять милліоновъ) сумму, необходимую для избѣжанія дальнѣйшаго увеличенія лежащихъ на нихъ долговъ, а въ тридцати остальныхъ оказывался, съ этой точки зрѣнія, недочетъ въ *пятьдесятъ-восемь* милліоновъ или даже—при другомъ, болѣе точномъ способѣ исчисленія—въ *семьдесятъ-семь* милліоновъ рублей? Тотъ же самый выводъ выражень г. Георгіевскимъ еще въ другой формѣ; авторъ показываетъ, что для достиженія только что упомянутой цѣли, т.-е. для избѣжанія увеличенія долговъ, чистый доходъ съ версты долженъ былъ бы возрасти, въ сравненіи съ дѣйствительнымъ доходомъ, полученнымъ въ 1884 или 1885 г., у восьми обществъ—болѣе чѣмъ вдвое, у четырехъ — болѣе чѣмъ втрое, у семи—болѣе чѣмъ въ пять, у четырехъ — болѣе чѣмъ въ десять разъ. Въ особенности поразительны цифры, относящіяся къ послѣднимъ четыремъ обществамъ. Чистый доходъ общества уральской желѣзной дороги не превышалъ 842 рублей съ версты, а нужно было для исправной уплаты по всѣмъ обязательствамъ—8.943 рубля съ версты; для общества лозово-севастопольской желѣзной дороги соответствующія цифры—526 и 10.765 рублей; для общества донецкой жел. дороги—44 рубля и 5.559 рублей; для общества ряжско-вяземской жел. дороги—*два рубля* и слишкомъ *восемь тысячъ* рублей!.. Между данными, заимствуемыми г. Георгіевскимъ изъ опыта иностранныхъ государствъ, есть такія, которыя имѣютъ значеніе образца, есть и такія, которыя должны служить предостереженіемъ; первыхъ особенно много даетъ Пруссія, вторыхъ—Австрія, отчасти и Франція. „Не безъ грустнаго чувства,—говоритъ авторъ,—слѣдили мы за развитіемъ желѣзно-дорожной политики въ Пруссіи, сравнивая прошлое желѣзно-дорожнаго дѣла у насъ въ Россіи. Почему у насъ не позаимствовались у Пруссіи, а брали примѣръ съ Франціи, съ Австріи, да и то болѣе въ интересахъ частныхъ обществъ, чѣмъ государства, какъ будто болѣе

сходства было въ развитіи желѣзныхъ дорогъ у Россіи съ Франціей, чѣмъ съ Пруссіей?.. Отвѣта на этотъ вопросъ мы у г. Георгіевскаго не находимъ; для него, должно быть, еще не настало время. Къ практическимъ мѣрамъ, поддерживаемымъ г. Георгіевскимъ, мы, по всей вѣроятности, будемъ еще имѣть случай возвратиться.

---

— *М. Н. Катковъ*, 1863 годъ. Собраніе статей по польскому вопросу, помѣщавшихся въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, „Русскомъ Вѣстникѣ“ и „Современной Лѣтописи“. Выпускъ второй. Москва, 1887.

Ко второму выпуску этого изданія вполне примѣнимо все сказанное нами, въ предыдущемъ обзорѣ, о первомъ. Тотъ же недостатокъ оглавленія, то же отсутствіе предисловія, въ которомъ былъ бы установленъ планъ изданія; та же смѣсь статей, написанныхъ самимъ Катковымъ, съ официальными актами и письмами корреспондентовъ, наполняющими безъ малаго половину всего тома (315 страницъ изъ 767); та же неразборчивость въ выборѣ матеріала, вслѣдствіе которой нельзя и предвидѣть конца изданію. Два тома, почти полторы тысячи страницъ—и не вполне исчерпанъ даже первый годъ совмѣстнаго существованія „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Русскаго Вѣстника“! Продолжаясь въ тѣхъ же размѣрахъ и имѣя впереди еще двадцать-три года дѣятельности М. Н. Каткова, изданіе легко можетъ дойти до пятидесяти томовъ—и оставить незатронутыми еще цѣлыхъ семь лѣтъ жизни одного „Русскаго Вѣстника“ (1856 — 62). Гдѣ найдутся читатели, имѣющіе достаточно терпѣнія и досуга, чтобы одолѣть тысячи двѣ печатныхъ листовъ, и достаточно средствъ, чтобы заплатить за нихъ около 150 рублей? Между тѣмъ, не слишкомъ объемистое и не слишкомъ дорогое, общедоступное собраніе статей М. Н. Каткова было бы весьма желательно не для однихъ только его поклонниковъ. Дѣятельность покойнаго писателя составляетъ, во всякомъ случаѣ, крупное, выдающееся явленіе, мимо котораго нельзя пройти, изучая любой моментъ или любую сторону минувшаго тридцатилѣтія. Облегчить изслѣдованіе этого явленія можно лишь однимъ путемъ: извлеченіемъ изъ массы написаннаго Катковымъ всего того—и *только* того,—что характерно для его стремленій и взглядовъ, въ ихъ послѣдовательномъ развитіи и видоизмѣненіи. Кто пишетъ, изо дня въ день, въ теченіе многихъ лѣтъ, тотъ не можетъ не повторять самого себя. До известной степени это даже необходимо; въ этомъ заключается, отчасти, источникъ вліянія, принадлежащаго ежедневной прессѣ. Читателю газеты нѣтъ времени вспомнить, говорилось ли въ ней прежде, и что именно, о данномъ вопросѣ; ему можно объяснять одно и то же



по нѣскольку разъ, лишь бы только мѣнялась форма объясненія и промежутки времени между повтореніями не были уже слишкомъ непродолжительными. Къ предмету, составляющему злобу дня, газета неизбѣжно должна возвращаться неоднократно, освѣщая то одну, то другую его сторону, дополняя сказанное раньше, наизывая одну вариацию на другую. Совершенно инымъ является впечатлѣніе отъ тѣхъ же газетныхъ статей, если онѣ читаются подрядъ, много лѣтъ спустя послѣ ихъ напечатанія. Повторенія тотчасъ же бросаются въ глаза и скоро становятся нестерпимыми, масса деталей кажется ненужной, скучной, разбросанность изложенія утомляетъ вниманіе и раздражаетъ нервы. Все это испытывается уже при чтеніи статей И. С. Аксакова, въ посмертномъ ихъ изданіи—но неприятное ощущеніе здѣсь не такъ сильно, потому что гораздо меньше количество статей и онѣ слѣдуютъ одна за другой не такъ быстро, трактуютъ не столь сходные между собою фазисы вопроса. Каково же положеніе читателя, передъ которымъ развертываются, на цѣлой тысячѣ страницъ, безконечныя разсужденія на одну и ту же тему, замкнутую въ предѣлы одного года? Какой страхъ долженъ овладѣть имъ при одной мысли, что ему еще предстоитъ впереди, если онъ захочетъ прослѣдить всю дѣятельность Каткова?... Несравненно лучше, поэтому, было бы дать читателямъ *non multa, sed multum*, т.-е. предложить имъ *избранныя статьи* Каткова, сгруппированныя, по предметамъ, въ хронологическомъ порядкѣ и дополненныя, въ случаѣ надобности, отрывками изъ другихъ статей, менѣе важныхъ. *Вся* статьи по польскому вопросу, съ 1856 по 1887 г., заняли бы въ такомъ сборникѣ, безъ сомнѣнія, меньше мѣста, чѣмъ въ настоящемъ изданіи однѣ статьи, посвященныя этому вопросу въ 1863 году.

При самомъ бѣгломъ просмотрѣ второго тома не трудно найти мѣста, подтверждающія сказанное нашимъ журналомъ <sup>1)</sup> о нѣкоторыхъ особенностяхъ Каткова, какъ писателя. Вотъ, на примѣръ, образецъ той роли, которую играетъ у него фигура повторенія или распространенія. „Странныя существа—люди! Древняя мудрость назвала человѣка ложью; новѣйшія наблюденія не опровергли этой истины. И ложь человѣческая состоитъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что человѣкъ никогда въ дѣйствительности не бываетъ тѣмъ, чѣмъ хочетъ казаться въ своихъ ли, въ чужихъ ли глазахъ. Какъ скоро человѣкъ хочетъ тѣмъ-нибудь казаться, будьте увѣрены—въ немъ именно того-то и нѣтъ, что выставляется имъ на видъ. Выставляемое людьми на видъ, въ усладу себѣ или другимъ, болѣею частью служитъ обозначеніемъ

<sup>1)</sup> См. Общественную Хронику въ предидущей книгѣ „Вѣстника Европы“.

того, чего въ дѣйствительности у людей не имѣется“ (стр. 744). Одна и та же мысль повторена здѣсь три раза; два выраженія ея (второе и третье) почти ничѣмъ не отличаются одно отъ другого. Затѣмъ идетъ распространеніе мысли путемъ примѣровъ. „Кто щеголяетъ своимъ образованіемъ, у того, повѣрьте, неглубоки корни образованія, у того только доскъ, прикрывающій варварство. Кто красуется либерализмомъ, тотъ, повѣрьте, по большей части, бываетъ деспотъ въ душѣ“ и т. д., и т. д. И противъ кого направлена вся эта тирада? Противъ... И. С. Аксакова! Редакторъ „Дня“ выставляется человѣкомъ, хотѣвшимъ не быть, а казаться! Это—хорошая иллюстрація другой черты Каткова: неуваженія его къ личности противника. А вотъ какъ онъ отзывался о Костомаровѣ: „Мы не имѣемъ внезапой надобности спорить съ г. Костомаровымъ и еще менѣе имѣемъ надобности въ его уваженія... Намъ кажется, что г. Костомаровъ сдѣлалъ бы лучше, еслибы безъ всякихъ протестовъ и объясненій просто бросилъ дѣло, изъ котораго не можетъ выйти ничего хорошаго“ (стр. 676, 691).

Изъ среды всѣхъ статей второго тома особенно выдается одна, посвященная, собственно говоря, вовсе не польскому вопросу, а внутреннимъ реформамъ и той роли, которую должно играть въ нихъ общественное мнѣніе (стр. 817—826). Подъ нѣкоторыми мѣстами этой статьи могли бы и теперь подписаться лица, далеко не раздѣляющія взглядовъ покойнаго редактора „Московскихъ Вѣдомостей“, но едва ли, въ послѣднемъ періодѣ своей дѣятельности, могъ бы подписаться подъ своими словами самъ Катковъ: „Неужели политическая жизнь общества, общественное мнѣніе по законодательнымъ и административнымъ вопросамъ должны быть исключительнымъ удѣломъ редакторовъ газетъ? Почему на нихъ должна пасть забота объ общественныхъ интересахъ? Неужели заявленіе желаній и потребностей страны можетъ быть привилегіей людей, которымъ случайно выпалъ жребій издавать газету или писать въ газетахъ? Печать становится полезною силой въ обсужденіи общественныхъ вопросовъ не иначе, какъ служа непосредственнымъ отраженіемъ мнѣній и желаній самого общества. Только примыкая къ чему-либо, печать можетъ нормально способствовать ходу важныхъ дѣлъ, которыми занимается правительство“. Отрицая, дальше, необходимость „импровизацій и фабрикованныхъ учреждений“, авторъ статьи рекомендуетъ пользованіе наличными силами. „Что, напримѣръ, у насъ есть?“—спрашиваетъ онъ. „У насъ есть государственные люди, члены государственнаго совѣта, сената, синода и т. д. Голосъ всякаго журнальнаго крикуна раздается на весь народъ, а голосъ этихъ лицъ никому не слышенъ; изъ голоса, который могъ бы направлять общественное житіе и политически вос-

*митавать ума, пропадаетъ для общества*". Двадцать лѣтъ спустя для этого „голоса“ придумывается, какъ извѣстно, другая, пренебрежительная, кличка; онъ именуется „изволеніемъ неизвѣстныхъ народу генераловъ“... „Что еще есть у насъ?—читаемъ мы дальше.— У насъ есть многія сотни людей выборныхъ, уже занимавшихся дѣлами и пользующихся довѣріемъ какъ правительства, такъ и общества. Взятые вмѣстѣ, эти люди, конечно, представляютъ собою вѣрную характеристику нынѣшняго общества; они представляютъ собою духъ страны“. То же самое часто говорилось позже, въ эпоху „диктатуры сердца“ — только говорилось уже не на страницахъ „Московскихъ Вѣдомостей“. — К. К.

— *Акціонерные коммерческіе банки, ихъ операціи и балансы.* А. А. Рафаловича. Спб. 1887. 127 т. 8°.

Несмотря на огромную роль, которую въ послѣднее время играютъ въ нашей экономической жизни коммерческіе банки, значеніе и сущность ихъ операцій не только мало понятны, но даже и вовсе неизвѣстны большинству читающей публики. Банковая дѣятельность для этого большинства представляется какою-то пучиною, въ которую надо бросаться, если имѣешь смѣлость и довѣріе, зажмура глаза. Пучина эта иногда освѣщается зловѣщимъ, но неяснымъ свѣтомъ столь частыхъ въ послѣднее время уголовныхъ процессовъ, изъ которыхъ въ памяти удерживаются обыкновенно лишь „страшныя“ слова, въ родѣ „Logo“, „Nostro“, „трансфертъ“, „акцептъ“ „on call“ и т. п. Точно также смутны и понятія о дѣятельности фондовой биржи, причѣмъ подъ общимъ заманчиво-тревожнымъ названіемъ биржевой игры разумѣются и вполне правильныя, вытекающія изъ распоряженія прочнымъ кредитомъ, операціи, и азартная игра спекуляціи на повышеніе и пониженіе. Поэтому общедоступное и ясное изложеніе сущности и характера операцій коммерческихъ банковъ и дѣятельности биржи — удовлетворяетъ серьезной потребности бросить для публики „un raso più di luce“ въ ту область, съ которою, несмотря на ея кажущуюся темноту, она постоянно входитъ въ соприкосновеніе. Книга г. Рафаловича какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ этой цѣли. Богатая примѣрами и интересными историческими справками и цитатами, — она въ самой популярной формѣ знакомитъ читателя съ назначеніемъ коммерческихъ банковъ, съ ихъ отношеніемъ къ частному и общественному кредиту, съ ихъ связью съ дѣятельностью биржи, — и хотя подробно, но всегда живо и интересно разбираетъ всѣ виды и роды банковыхъ счетовъ и операцій по пассиву и активу баланса. Въ нашей литературѣ существуетъ сомнительный трудъ г. Кауф-

мана „О кредитѣ и о банкахъ“,—но и по своему объему, и по теоретическому характеру онъ недоступенъ большинству публики, въ рукахъ которой книга г. Рафаловича составить весьма полезный *va-de-shesim* по отношенію къ коммерческимъ банкамъ. Книга допущена ученымъ комитетомъ мин. народн. просв., какъ пособіе для преподаванія въ реальныхъ и коммерческихъ училищахъ. Но, помимо этого назначенія, она можетъ быть весьма пригодна и для юристовъ. Процессы о безпорядкахъ и хищеніяхъ въ акціонерныхъ коммерческихъ банкахъ сдѣлались хроническимъ явленіемъ въ нашихъ судахъ. Всмотриваясь въ отчеты объ этихъ процессахъ, нельзя не видѣть, какъ много лишняго времени тратится и судомъ, и сторонами, для уясненія такихъ техническихъ особенностей дѣла, которыя нерѣдко не имѣютъ никакого значенія для его исхода, а лишь затуманиваютъ дѣла цѣлымъ лабиринтомъ терминовъ и цифръ, среди которыхъ оцупью или на безусловномъ буксирѣ у экспертовъ движутся представители правосудія. Въ послѣднее время стали возникать и процессы о злоупотребленіяхъ въ земельныхъ банкахъ, причемъ эти злоупотребленія опираются уже не только на свободное и беззастѣнчивое обращеніе съ бухгалтеріею, но и на лживыя и фиктивные оцѣнки закладываемыхъ недвижимыхъ имуществъ. Было бы весьма желательно встрѣтить трудъ, подобный сдѣланному г. Рафаловичемъ, и по отношенію къ ипотечнымъ банкамъ, въ которомъ также определенно и ясно была бы нарисована картина ихъ дѣятельности, какъ это сдѣлано имъ для банковъ коммерческихъ.—А. К.



## ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-го ноября 1887.

Наша печать, ея разсужденія и выводы по поводу пензенскаго процесса. — Изреченіе азбучныхъ понятій о правосудіи и послѣдствія того. — Нашъ отвѣтъ на возразеніе. — Московское общество для защиты дѣтей. — Извѣстія изъ провинціи. — Н. П. Гиляровъ-Шатоновъ †.

Когда, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, современное намъ общество, его нравы и идеи сдѣлаются предметомъ всесторонняго изученія, отъ глазъ изслѣдователя не ускользнетъ, по всей вѣроятности, одна черта, довольно характеристичная для цѣлой эпохи. Его поразитъ контрастъ между просторомъ, предоставленнымъ, по видимому, періодической прессѣ, и тѣми границами, въ которыя она

какъ будто сама себя заключаетъ на самомъ дѣлѣ. Широко пользуясь другими источниками, кромѣ газетъ и журналовъ, онъ замѣтитъ, что печать нашего десятилѣтія многого не затрогивала вовсе, многого другого касалась только слегка, останавливаясь на полусловѣ. Онъ замѣтитъ, далѣе, что степень вниманія, удѣляемаго каждому событію, далеко не всегда соотвѣтствовала его дѣйствительному значенію, не всегда росла или понижалась вмѣстѣ съ важностью предмета — а иногда бывала ей обратно пропорціональной. Уловить общій законъ этихъ колебаній будетъ довольно трудно, да едва ли они и могутъ быть сведены къ одной причинѣ. Препятствія, раскрытіе которыхъ принадлежитъ исторіи, окажутся, быть можетъ, отчасти реальными, отчасти воображаемыми, — отчасти непобѣдимыми, отчасти только непобѣжденными. Какъ бы то ни было, самый фактъ неравномѣрнаго распредѣленія свѣта и тѣней не подлежитъ никакому сомнѣнію. Существуютъ цѣлыя области, какъ будто закрытыя или едва доступныя для печати; существуютъ цѣлыя серіи явленій, о которыхъ она не говоритъ вовсе, или говоритъ очень мало, или говоритъ только устами нѣкоторыхъ своихъ органовъ. Есть извѣстія, которыя могутъ быть оглашены только въ видѣ не для всѣхъ понятнаго намека; есть другія, доходящія до всеобщаго свѣденія не иначе какъ въ официальной формѣ. Иногда отдѣльный фактъ изъ категоріи тѣхъ, о которыхъ принято умалчивать, неожиданно проникаетъ въ печать, но подробности или послѣдствія его и тогда остаются только предметомъ догадокъ и слуховъ. При такомъ положеніи дѣлъ можетъ притупиться впечатлительность общества къ самымъ вопіющимъ аномаліямъ. Невѣрно или неполно освѣщенные предметы принимаютъ несвойственные имъ размѣры, кажутся слишкомъ большими или слишкомъ мелкими, легко преувеличиваются и еще легче игнорируются или забываются. Изъятіе уголовныхъ преступленій изъ общей подсудности и передача ихъ на разсмотрѣніе военнаго суда, съ примѣненіемъ законовъ военнаго времени, сдѣлались у насъ, съ нѣкоторыхъ поръ, явленіемъ довольно обычнымъ — а между тѣмъ обстоятельства дѣлъ, выведенныхъ изъ нормальной колеи, остаются почти всегда мало извѣстными или недостаточно разъясненными. Примѣромъ этому можетъ служить дѣло объ убійствѣ управляющаго Станиславскаго, недавно рѣшенное въ Пензѣ казанскимъ военно-окружнымъ судомъ. Во всѣхъ столичныхъ газетахъ была напечатана телеграмма о приговорѣ суда, присудившаго четырнадцать крестьянъ (изъ числа тридцати обвиняемыхъ) къ смертной казни; но подробнаго изложенія процесса мы нигдѣ не нашли; кое-какія свѣденія о немъ попались намъ на глаза только въ „Саратовскомъ Листѣ“.

*Мнѣніе* свое о процессѣ выразили, сколько намъ извѣстно, лишь

двѣ газеты. Это — именно тѣ газеты, которыя съ самаго начала стояли за отступленіе по этому дѣлу отъ общаго порядка, съ самаго начала требовали не столько разслѣдованія истины, сколько быстрой и суровой расправы.

Оба изданія — и московское, и его петербургское эхо — говорятъ о дѣлѣ устами своихъ мѣстныхъ корреспондентовъ; но это, очевидно, не что иное какъ отъликъ, повторяющій давно прозвучавшую ноту. Любопытны, однако, и варіаціи на знакомую тему. Одинъ изъ корреспондентовъ приписываетъ изъятіе дѣла изъ вѣденія общихъ судовъ всецѣло „разумному и энергичному вмѣшательству административной власти“; другой сообщаетъ, что „назначеніе военнаго суда состоялось лишь подъ впечатлѣніемъ *настойчивыхъ мѣстныхъ ходатайствъ*, поддержанныхъ губернаторомъ“. „Мѣра эта, — прибавляетъ корреспондентъ отъ себя, — произвела, *конечно*, въ высшей степени благопріятное впечатлѣніе“. Послѣднія слова насъ не удивляютъ; газеты извѣстнаго пошиба систематически и постоянно смѣшиваютъ свои собственные взгляды съ мнѣніемъ массы или большинства, постоянно говорятъ отъ имени общества, ничуть не повиннаго въ солидарности съ своими самозванными глашатаями. Иное дѣло — указаніе на „мѣстныя ходатайства“, вдобавокъ еще „настойчивыя“; здѣсь идетъ рѣчь уже о фактѣ, подлежащемъ повѣрѣ. При другихъ условіяхъ такая повѣрка явилась бы сама собою; мѣстныя газеты или корреспонденты столичныхъ изданій не замедлили бы подтвердить или опровергнуть слухъ, далеко не безразличный для тѣхъ, кого онъ задѣваетъ. Мы узнали бы, отъ кого именно шли „мѣстныя ходатайства“ — если они не принадлежать къ области вымысла, — чье мнѣніе они выражали, чѣмъ была мотивирована ихъ „настойчивость“. Теперь мы стоимъ лицомъ къ лицу съ недоумѣніемъ, конецъ которому трудно предвидѣть. Слово принадлежитъ только одной сторонѣ, или она одна считаетъ возможнымъ имъ пользоваться; правило: *audiatur et altera pars* — остается неисполненнымъ или неисполнимымъ.

Корреспондентъ московской газеты жалѣетъ о томъ, что назначеніе военнаго суда состоялось слишкомъ поздно (въ іюлѣ мѣсяцѣ, тогда какъ преступленіе было совершено 14-го апрѣля). Онъ думаетъ, что „своевременное принятіе болѣе простыхъ мѣръ: военный постой и немедленное наказаніе всѣхъ виновныхъ — принесло бы гораздо болѣе пользы, чѣмъ военный судъ черезъ пять мѣсяцевъ по совершеніи преступленія. Дѣло въ томъ, что преступленіе это совершено, вѣроятно, вслѣдствіе подстрекательства людей, которымъ выгодна была неурядица въ имѣніи двухъ старухъ. Но оно доказало страшное зѣвство толпы и нуждалось въ быстромъ возмездіи. Нужно было предупредить панику въ окружающей мѣстности, а главное, въ самомъ

имѣніи настоятъ на томъ, чтобы преступники не достигли своей цѣли, т.-е. не добились тѣхъ порядковъ, которые были имъ желательны. Въ сожалѣнію, на дѣлѣ вышло совершенно противоположное. Послѣ убитаго Станиславскаго никто не рѣшился поступить на столь опасное мѣсто, и *убійцы, повидимому, хозяйничали на всей своей вомѣ съ теченіемъ всего мѣсяца*.—Какъ! Развѣ убійцы Станиславскаго оставались на свободѣ во все время предварительнаго слѣдствія? Конечно, нѣтъ; можетъ быть, не всѣ обвиняемые были арестованы въ одно и то же время, но содержаніе ихъ подѣ стражей, развѣ что на нихъ пало основательное подозрѣніе, не подлежитъ никакому сомнѣнію и удостовѣряется даже одною изъ разбираемыхъ нами корреспонденцій. Что же значать, въ такомъ случаѣ, подчеркнутыя нами слова корреспондента?—А вотъ что: „на судѣ свидѣтели и обвиняемые держали себя вполне солидарно; *дѣло очевидно шло объ исполненіи мірскаго приговора*. Отдѣльные осужденные въ этомъ случаѣ являются случайными жертвами за мірское дѣло“. То же самое утверждаетъ и корреспондентъ петербургской газеты. Онъ говоритъ, что „преступленіе было обдуманно и совершено *міромъ*, по заранѣ установленному плану“; что „Станиславскій былъ убитъ и растерзанъ на клочья толпою крестьянъ, *по мірскому приговору*“. Мыслимы ли были бы подобныя увѣренія, еслибы на этомъ пунктѣ, какъ и на многихъ другихъ, не происходила борьба тѣни съ свѣтомъ, борьба, въ которой всѣ шансы успѣха на сторонѣ тѣни? Какъ ни скудны данныя о судебномъ слѣдствіи, сообщенныя въ „Саратовскомъ Листѣ“, даже онѣ достаточны для опроверженія клеветы на міръ, съ такимъ апломбомъ выдаваемой за истину. Когда крестьяне пришли за скотомъ, задержаннымъ на помѣщичьемъ полѣ, ихъ было человекъ пятнадцать, но они стали расходиться, какъ только вышелъ къ нимъ на встрѣчу Станиславскій, и остановились лишь по уговору одного изъ нихъ, Денисова. Денисовъ вступилъ въ споръ съ Станиславскимъ; Станиславскій схватилъ его за бороду, бросилъ на землю и нанесъ ему нѣсколько ударовъ ружейной ложей. Денисовъ закричалъ крестьянамъ, чтобы бѣжали звонить набать; это было исполнено крестьяниномъ Данильцинымъ, кричавшимъ, на пути, что управляющій убилъ двухъ крестьянъ. Колокольный звонъ привлекъ къ барскому двору цѣлую деревню, человекъ триста; но рѣшительное нападеніе на Станиславскаго было сдѣлано не тотчасъ же, а послѣ того какъ былъ убитъ выстрѣломъ изъ ружья одинъ изъ крестьянъ. Не ясно ли, что въ этой картинѣ нѣтъ ни одной черты, которая указывала бы на „обдуманный, заранѣе установленный планъ“, на „мірскаго приговоръ“, состоявшійся надъ несчастнымъ Станиславскимъ и исполненный нѣсколькими отъ лица всѣхъ? И дѣйствительно, подсудимые были преданы суду по обви-

ненію въ непредумышленномъ убійствѣ, т.-е. въ преступленіи, совершенномъ по внезапному побужденію, безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія. Другими словами, предварительное слѣдствіе не дало никакихъ матеріаловъ для предположенія, такъ рѣшительно высказываемаго газетными витіями. Правда, на судѣ прокуроръ—если вѣрить „Саратовскому Листку“—сошелъ съ почвы обвинительнаго акта и сталъ обвинять всѣхъ подсудимыхъ въ предумышленномъ убійствѣ; но его мнѣніе не было принято военнымъ судомъ, признавшимъ убійство Станиславскаго умышленнымъ (т.-е. намѣреннымъ), но не заранѣе обдуманнымъ. Если обвиненные подсудимые присуждены, тѣмъ не менѣе, къ смертной казни, то это объясняется строгостью законовъ военного времени, карающихъ смертью всякое *умышленное* убійство, все равно, было ли оно предумышленнымъ или непредумышленнымъ. Допустивъ существованіе „плана“ или „мірскаго приговора“, судъ не могъ бы *оправдать* четырнадцать подсудимыхъ, присужденія которыхъ къ смертной казни, наравнѣ съ остальными, требовала обвинительная власть; ему слѣдовало бы признать ихъ если не активными участниками, то нравственными виновниками убійства. Не могъ бы онъ также обвинить волостного старшину и сельскаго старосту *только* въ бездѣйствіи власти, безъ намѣренія допустить убійство. Одного разрѣшенія на звонъ набата, даннаго сельскимъ старостой, было бы достаточно для обвиненія его въ подстрекательствѣ къ убійству, еслибы судъ нашелъ доказаннымъ хотя что-либо похожее на „мірскаго приговоръ“, заранѣе осудившій Станиславскаго. Слѣшимъ прибавить, что не предполагаетъ вѣры въ этотъ приговоръ и та формулировка обвиненія, на которой, въ заключительныхъ преніяхъ, остановился прокуроръ. Чтобы признать предумышленіе или заранѣе обдуманное намѣреніе, достаточно установить, что исполненіе не тотчасъ слѣдовало за умысломъ, что между ними прошелъ промежутокъ времени, въ теченіе котораго виновный могъ дать себѣ ясный отчетъ въ значеніи замышляемаго дѣйствія. Наличие этого условія прокуроръ могъ усмотрѣть въ обстоятельствахъ даннаго случая, вовсе не увѣровавъ въ „мірскаго приговоръ“ надъ Станиславскимъ; онъ могъ найти, что обдуманность преступленія вытекаетъ изъ самой продолжительности нападеній на Станиславскаго, нѣсколько разъ прерывавшихся и возобновлявшихся. Правильенъ ли такой выводъ—это другой вопросъ, въ разсмотрѣніе котораго мы не входимъ; намъ нужно только показать, что предположеніе о „мірскомъ приговорѣ“ не имѣетъ подъ собою никакой реальной почвы. Откуда же смѣлость, съ которою говорятъ о немъ гг. корреспонденты? Не объясняется ли она увѣренностью въ отсутствіи возраженій—и вмѣстѣ съ тѣмъ желаніемъ эксплуатировать несчастный случай, извлечь изъ него мораль,



выгодную для извѣстныхъ поползновеній? Мы думаемъ, что послѣднее объясненіе всего ближе къ истинѣ; не даромъ же корреспонденція московской газеты заключается слѣдующими словами: „отдѣльныя, самыя крутыя мѣры не принесутъ пользы, не положить конца нашей сельской неурядицѣ, пока не будетъ принято болѣе серьезныхъ мѣръ для возстановленія порядка на мѣстахъ“. Корреспондентъ петербургской газеты пользуется случаемъ, чтобы бросить камень въ главную мишень извѣстнаго рода застрѣльщиковъ—въ судебныя порядки; онъ утверждаетъ, что до самаго суда существовала между крестьянами полная увѣренность въ безнаказанности преступленія, основанная на томъ, что „всякій судъ, каковъ бы онъ ни былъ (значить—и военный?!), всегда и во всякомъ случаѣ станетъ на сторону мужика противъ помѣщика“. Это убѣжденіе является, въ свою очередь, плодомъ „воспитательной дѣятельности судебной республики“, плодомъ „пропаганды безвластія и безправія, пустившей глубокіе корни въ народное сознание“.

Что же, однако, дѣлать въ ожиданіи той вожделѣнной минуты, когда „судебная республика“ будетъ замѣнена „судебной канцеляріей“, а „на мѣстахъ“, т.-е. и тамъ, гдѣ все спокойно, будетъ возстановленъ до-реформенный строй, слегка видоизмѣненный? Корреспондентъ московской газеты не оставляетъ безъ отвѣта и этого вопроса. Мы слышали уже сѣтованія его о томъ, что, вслѣдъ за убійствомъ Станиславскаго, не были приняты *простыя* мѣры: военный постой, немедленное наказаніе всѣхъ виновныхъ и устройство въ имѣніи такихъ порядковъ, которые шли бы прямо въ разрѣзъ съ желаніями крестьянъ. Не слишкомъ ли уже „проста“ эта программа? *Наказанію* виновныхъ должно же было, во всякомъ случаѣ, предшествовать приведеніе въ извѣстность, кто именно виновенъ, т.-е. хоть какое-нибудь разслѣдованіе, несовмѣстимое съ *немедленными* мѣропріятіями. Или, можетъ быть, виновность *всѣхъ* долгоруковскихъ крестьянъ нужно было признать за нѣчто данное, не требующее доказательствъ, и прямо приступить къ наказаніямъ? Но гдѣ же найти судъ, который согласился бы постановить приговоръ, не разсматривая дѣла? Развѣ обойтись вовсе безъ суда? Но въ такомъ случаѣ какія же назначить наказанія? Нельзя же казнить смертью триста человѣкъ, взрослое населеніе цѣлой деревни; нельзя и сослать его въ каторгу или на поселеніе, примѣнивъ къ нему обыкновенный законъ о непредумышленномъ убійствѣ. Оставалось бы только прибѣгнуть къ „наказанію десятиго“, къ случайному выбору жертвъ, подъ опасеніемъ безнаказанности виновныхъ и гибели невинныхъ. Вотъ въ какомъ логическомъ выводѣ приводитъ слѣпая жажда *немедленной*, жестокой кары. Справедливость, соразмѣрность между

преступленіемъ и наказаніемъ, отвѣтственность каждаго только за собственную вину, а не за чужую—все это становится пустымъ звукомъ; золотыя слова о „десяти виновныхъ и одномъ невинномъ“ ступшевываются передъ давно забытой формулой до-петровской эпохи: „дабы не повадно было другимъ тако творити“. Система устрашенія выступаетъ здѣсь на сцену въ самой грубой, самой беззащѣтливой своей формѣ; на мѣсто правосудія расхолодившаяся печать ставитъ ничего не разбирающую, ничѣмъ не стѣсняющуюся расправу. Этого мало: къ мѣрамъ, направленнымъ противъ *возможныхъ* виновниковъ преступленія, предлагается присоединить мѣры, всею тяжестью своей упадающія на завѣдомо-невинныхъ. Рекомендуются „военный постой“, т.-е. разореніе семействъ, наказаніе жены за вину—*возможную* вину—мужа, дѣтей—за вину отца. И въ основаніи всѣхъ этихъ предложеній лежитъ—повторяемъ еще разъ—одна только догадка газеты о существованіи „мірскаго приговора“, догадка, ничѣмъ не доказанная и отвергнутая самимъ военнымъ судомъ! Дальше идти, повидимому, нельзя; но корреспонденція петербургской газеты доказываетъ противное. Нарисовавъ самую мрачную картину самовольства крестьянъ и угнетеннаго состоянія помѣщиковъ (въ пензенской губерніи, послѣ убійства Станиславскаго), корреспондентъ восклицаетъ: „отношенія болѣе чѣмъ странныя, а въ случаѣ—*чего Боже сохрани*—оправданія или *помилванія* подсудимыхъ, грозящія стать совершенно невозможными“. Прочитавъ эту невѣроятную тираду, мы невольно вспомнили слова нашего великаго поэта, обращенныя къ „лукавому льстецу“:

„Онъ въ Его державныхъ правъ  
Одну лишь милость ограничить“<sup>1)</sup>.

Всѣ подобныя галлюцинаціи и попятыванія корреспондентовъ газетъ не имѣютъ, конечно, никакого отношенія къ самому факту преданія долгоруковскихъ крестьянъ спеціальному суду и отступленію въ этомъ случаѣ отъ общей подсудности. Но непрощенные газетные комментаторы поняли это такъ, какъ будто отступленіе сдѣлано съ цѣлью неминутаго осужденія или особенно строгаго наказанія обвиняемыхъ, и тѣмъ, конечно, старались поколебать въ обществѣ самую идею о правосудіи, какъ о воздаяніи каждому по дѣламъ его, не зависящемъ ни отъ какихъ постороннихъ, случайныхъ обстоятельствъ. Всего менѣе поводовъ къ подобнымъ комментаріямъ представляютъ такія извѣтія изъ общаго закона, которыя устанавливаются для цѣлой мѣстности или для цѣлаго рода дѣлъ и не имѣютъ, притомъ, обратной силы.

<sup>1)</sup> Въ примѣчаніи къ извѣстному стихотворенію Пушкина, откуда мы заимствуемъ эти слова, сказано, что оно было представлено поэтомъ, черезъ гр. Бенкендорфа, государю Николаю Павловичу, который остался „совершенно доволенъ этимъ стихотвореніемъ“ (Изд. Литератур. Фонда, т. II, стр. 80).

Смыслъ этихъ изытій заключается въ томъ, что извѣстное преступленіе, совершенное въ извѣстномъ мѣстѣ, признается *заранѣе* особенно опаснымъ для общества или государства. Нарушитель закона, кто бы онъ ни былъ, знаетъ—или, по крайней мѣрѣ, предполагается знающимъ—послѣдствія своего дѣянія; онъ знаетъ, что ему предстоитъ чрезвычайная отвѣтственность, назначаемая въ чрезвычайномъ порядкѣ. Иное дѣло — отдѣльные процессы, направляемые, *post factum*, на путь исключительнаго порядка. По основному принципу права, наказуемость преступленія опредѣляется закономъ, предусматривавшимъ его въ самый моментъ его совершенія (развѣ еслибы законъ былъ измѣненъ, до суда, въ смыслѣ благопріятномъ для обвиняемаго); здѣсь, наоборотъ, приходится примѣнять законъ, въ сферу котораго дѣяніе, когда оно было совершено, не входило вовсе — и законъ несравненно болѣе суровый. Въ первомъ случаѣ, т.-е. при изытіяхъ общихъ, существуетъ, по крайней мѣрѣ, равенство между однородными преступленіями, совершенными, въ данное время, въ данной мѣстности; въ послѣднемъ случаѣ, т.-е. при изытіяхъ частныхъ, нѣтъ на лицо и этого вида равенства. Изъ двухъ убійствъ, отдѣленныхъ одно отъ другого нѣсколькими днями и нѣсколькими десятками верстъ, одно разсматривается въ одномъ порядкѣ, другое — въ другомъ, одно карается смертью, другое — ваторжной работой. И это различіе обусловливается вовсе не тѣмъ, что первое преступленіе безнравственнѣе, отвратительнѣе второго. Какъ ни ужасно убійство Станиславскаго, но есть много другихъ, ничуть не менѣе ужасныхъ, и все-таки судимыхъ общимъ судомъ, на основаніи общихъ законовъ. Обвиняемые несутъ усиленную кару не потому, что они болѣе виновны, а потому, что къ ихъ винѣ признано нужнымъ, по соображеніямъ политическаго свойства, отнестись особенно строго. Гдѣ пріостановлено дѣйствіе общихъ законовъ, тамъ все-таки существуетъ нѣкоторое основаніе предполагать и болѣшую виновность преступника; отъ него — хотя бы въ силу юридической фикціи — можно требовать пониманія, что при данныхъ условіяхъ задуманное имъ преступленіе представлялось особенно опаснымъ, а слѣдовательно и особенно тяжкимъ. При частныхъ изытіяхъ, слѣдующихъ за преступленіемъ, а не предшествующихъ ему, нѣтъ мѣста даже для такого предположенія. Квалифицированное наказаніе преступника является здѣсь, исключительно и всецѣло, результатомъ условій, лежащихъ внѣ его преступной воли. Вотъ почему съ такою легкостью могли явиться тѣ газетныя заключенія, съ которыми мы познакомились выше. Въ обвиняемыхъ, участь которыхъ должна служить не столько возмездіемъ за вину, сколько источникомъ страха и залогомъ порядка, усердіе газетныхъ прокуроровъ перестало

видѣть живыхъ людей, имѣющихъ право на справедливость и могущихъ быть предметомъ милосердія; они разсматриваются только какъ *anima vilis*, какъ объектъ для мѣропріятій, долженствующихъ возбудить спасительный трепетъ. Корреспонденціи, вызванныя пензенскимъ дѣломъ, доказываютъ прямо противоположное тому, что хотѣли доказать ихъ авторы. Уваженіе къ закону, къ порядку, къ чужому праву, къ человѣческой жизни воспитывается не тѣми чувствами, къ которымъ апеллируютъ „Московскія Вѣдомости“ и петербургскій ихъ оруженосецъ.

По поводу послѣдней нашей хроники, въ „Новомъ Времени“ появилась статья, которая вынуждаетъ насъ возвратиться еще разъ къ вопросу о различіи между „военною честью“ и „честью военного мундира“. Намъ тѣмъ легче дать отвѣтъ на сдѣланныя возраженія, что въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, когда наша предъидущая хроника была уже въ печати, появился отчетъ о другомъ однородномъ дѣлѣ, въ Харьковѣ, подтверждающемъ все высказанное нами прежде. Не входя и на этотъ разъ, какъ и по дѣлу Шмидта, въ оцѣнку судебного приговора, мы остановимся только на тѣхъ подробностяхъ процесса, которыя прямо относятся къ занимающей насъ темѣ. Сценою происшествія былъ городской садъ въ Ромнахъ, время — ночное. Крестьянинъ Мосаловъ (содержатель ломовыхъ извозчиковъ) сидѣлъ за однимъ столомъ съ нѣсколькими офицерами, въ числѣ которыхъ былъ корнетъ Гогель. Между офицерами шелъ разговоръ, прерванный словами Мосалова: „полно вамъ брехать“. Гогель обратился къ нему съ просьбой не вмѣшиваться въ чужую бесѣду, но это не остановило Мосалова. На вторичное замѣчаніе Гогеля Мосаловъ отвѣчалъ: „ишь какой, назначили адъютантомъ, такъ и заважничалъ“. Гогель приказалъ Мосалову „убираться“; Мосаловъ послалъ ему въ отвѣтъ площадное ругательство, послѣ чего Гогель дважды ударилъ Мосалова хлыстомъ, кажется — по лицу. Во время происшедшей свалки — причемъ Мосаловъ только порывался къ Гогелю, но не былъ къ нему подпущенъ — Мосаловъ кричалъ, чтобы позвали къ нему на помощь ломовыхъ извозчиковъ. „Будучи въ раздраженіи — читаемъ мы въ отчетѣ — и имѣя въ виду, что если лягутся рабочіе Мосалова, то онъ, Гогель, можетъ быть побитымъ, Гогель поѣхалъ взять свой револьверъ, съ которымъ и возвратился въ садъ“. Мосаловъ, увидѣвъ Гогеля, сталъ бранить его и другого офицера, Тарновскаго, а также весь ихъ полкъ. Тарновскій ударилъ Мосалова хлыстомъ по лицу; Мосаловъ старался схватить или ударить Тарновскаго. Въ это время Гогель два раза выстрѣлилъ въ Мосалова, причемъ послѣдній выстрѣлъ

попалъ въ него сзади; Мосаловъ упалъ мертвымъ. Совершенно ясными являются, такимъ образомъ, слѣдующія обстоятельства: ссора между Гогелемъ и Мосаловымъ началась при такихъ обстоятельствахъ, при которыхъ всегда можно ожидать скандала. Мосаловъ велъ себя неприлично, но инициатива оскорбленія принадлежитъ Гогелю. Обиду дѣйствиємъ претерпѣлъ одинъ Мосаловъ; никого изъ офицеровъ онъ не задѣлъ даже пальцемъ, а самъ нѣсколько разъ подвергся побоямъ. Угроза Мосалова осталась неисполненною; изъ отчета не видно, чтобы ломовые извозчики появились на мѣстѣ происшествія или даже чтобы за ними дѣйствительно было послано. Послѣ того какъ Гогель, вооружившись револьверомъ, возвратился въ городской садъ, Мосаловъ ничѣмъ Гогелю не угрожалъ, да и товарищу Гогеля, только что ударившему Мосалова, принадлежала скорѣе роль наступающаго, чѣмъ обороняющагося. Не слѣдуетъ ли заключить изъ всего этого, что главной причиной несчастья, разразившагося надъ Мосаловымъ и Гогелемъ — положеніе убитшаго мы считаемъ не менѣе несчастнымъ, чѣмъ положеніе убитаго — были невѣрныя представленія о „чести мундира“? Первая ошибка заключалась въ томъ, что словамъ неблаговоспитаннаго, по всей вѣроятности нетрезваго человѣка было дано значеніе, которое имъ ни въ какомъ случаѣ не принадлежало и принадлежать не могло: значеніе обиды для военнаго мундира. Мы слишкомъ высокого мнѣнія о воинской чести — въ истинномъ смыслѣ этого слова — чтобы допустить возможность ея униженія путемъ площадныхъ ругательствъ, произносимыхъ въ силу привычки, безъ яснаго сознанія ихъ смысла, безъ настоящаго *animus injuriendi*. Второй ошибкой кажется намъ продолженіе тяжелой сцены, которая могла быть прервана въ самомъ началѣ, простымъ уходомъ офицеровъ изъ городского сада. Третьей и самой существенной ошибкой было возвращеніе Гогеля въ городской садъ, съ револьверомъ въ рукахъ или въ карманѣ. Оно можетъ быть объяснено только однимъ: убѣжденіемъ, что для защиты „чести мундира“ или для ея восстановленія позволительно — если не обязательно — пустить въ ходъ оружіе, даже противъ безоружнаго, даже съ рискомъ убійства. Вотъ противъ этого-то убѣжденія мы и считаемъ долгомъ возставать, ни мало не касаясь вопроса о винѣ и отвѣтственности отдѣльныхъ лицъ. Мы никакъ не можемъ примириться съ мыслью, чтобы фикція могла быть дороже человѣческой жизни, чтобы лицамъ одного сословія принадлежало право произносить и исполнять смертные приговоры надъ представителями другихъ сословій, недостаточно усвоившими себѣ условное понятіе о „вышнемъ выраженіи“ специальной чести. Намъ возражаютъ, что убійство, совершенное въ видахъ „защиты мундира“, преслѣдуется, какъ пре-

ступленіе, передъ военно-окружнымъ судомъ<sup>1)</sup>; но для насъ важны вовсе не строгія кары за дѣйствія уже совершенныя—для насъ важно распространеніе здравыхъ понятій, могущихъ предупредить совершеніе преступленій. Безспорно, „овеществленіе чести“, соединеніе ея съ извѣстнымъ виѣшнимъ символомъ имѣетъ за собою длинную исторію и не можетъ сразу потерять всякую власть надъ мнѣніемъ общества или корпораціи. На искорененіе вѣковыхъ предразсудковъ или хотя бы на выдѣленіе изъ нихъ того зерна истины, которое они въ себѣ заключаютъ, мы не посягаемъ и не претендуемъ. Наша задача гораздо скромнѣе. Всякій взглядъ, основанный не столько на разсужденіи, сколько на традиціи, на привычкѣ, подвергается періодическимъ колебаніямъ, понижается и повышается, какъ всякая цѣнность. Эту судьбу раздѣляетъ и представленіе о „чести мундира“; его интенсивность не всегда одинакова; на него, если можно такъ выразиться, наступаетъ и проходитъ мода. Въ Пруссіи, напримѣръ, оно играло гораздо болѣе важную роль въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, въ эпоху „реорганизаціи“ войска и вызваннаго ею „конфликта“, чѣмъ нѣсколькими годами позже, послѣ побѣды надъ Австріей и Франціей. У насъ оно переживаетъ теперь эпоху прилива; умножается число виѣшнихъ его проявленій, учащаются попытки найти для него теоретическое оправданіе. Этому стремленію, безъ сомнѣнія временному, мы и хотѣли дать посильный отпоръ, не накликая ни на кого строгостей закона. Мы продолжаемъ думать, что различіе между „воинскою честью“ и „честью мундира“ вполне реально и серьезно. Первая коренится въ самомъ назначеніи войска, вторая связана съ нимъ искусственною связью. Первая никогда не можетъ привести къ вооруженному нападенію на безоружныхъ, вторая приводитъ къ нему слишкомъ часто. Подъ вліяніемъ первой никогда не могли бы погибнуть буфетчикъ Гутовскій, крестьянинъ Мосаловъ, уличный крикунъ, заколотый деньщикомъ<sup>2)</sup>; они принесены въ жертву второй, безъ всякой пользы для первой. Кумиръ „чести мундира“, какъ и всякій другой, можетъ создать своихъ фанатиковъ; наше осужденіе обращено не противъ послѣднихъ, а противъ тѣхъ, кто хладнокровно и спокойно поддерживаетъ обаяніе кумира.

---

<sup>1)</sup> Газета, изъ которой мы заимствуемъ это возраженіе, утверждаетъ, что мы допускаемъ необходимость усиленной защиты закона для нѣкоторыхъ видовъ особой чести. Это совершенно невѣрно; мы не сказали ни одного слова, которое могло бы быть истолковано въ этомъ смыслѣ.

<sup>2)</sup> См. Обществ. Хронику въ предидущей книгѣ нашего журнала.

Въ Москвѣ открыто недавно общество попеченія о немощныхъ и нуждающихся въ защитѣ дѣтяхъ. Трудно представить себѣ задачу болѣе симпатичную и, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе важную, особенно въ большихъ городахъ, гдѣ сосредоточена масса дѣтей безпомощныхъ, эксплуатируемыхъ на всѣ лады, гибнущихъ физически или нравственно и являющихся, сплошь и рядомъ, сначала жертвами, потомъ виновниками преступленій. У насъ существуетъ нѣсколько колоній и пріютовъ для малолѣтнихъ преступниковъ — но для устраненія тѣхъ условий, въ силу которыхъ малолѣтніе становятся преступниками, сдѣлано еще до крайности мало. Отъ дѣятельности московскаго общества слѣдуетъ ожидать крупныхъ результатовъ не для одной только Москвы; судя по началу, оно можетъ дать толчокъ къ учрежденію цѣлаго ряда подобныхъ обществъ и стать для нихъ образцомъ, руководящимъ примѣромъ. Инструкція комитету и членамъ общества, составленная предсѣдателемъ его, П. Н. Обнинскимъ <sup>1)</sup>, и напечатанная, съ разъясненіями, сначала въ малоизвѣстномъ журналѣ „Дѣтская Помощь“, потомъ въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ (№ 10), заключаетъ въ себѣ цѣлую массу полезныхъ указаній. Въ нашемъ сводѣ законовъ найдется довольно много статей, направленныхъ къ защитѣ малолѣтнихъ; но онѣ помѣщены, болѣею частью, въ такихъ уставахъ (напр. ремесленномъ), которые никогда не имѣли серьезнаго практическаго значенія, а теперь совершенно антиквированы и мало кому извѣстны. Между тѣмъ формальной своей силы онѣ не потеряли и могутъ служить законной почвой для должностныхъ и частныхъ лицъ, призванныхъ къ охранѣ малолѣтнихъ. Въ инструкціи, о которой мы упомянули, разбросанныя и забытыя постановленія сгруппированы въ одно цѣлое и освѣщены комментаріями, заимствованными, отчасти, изъ оффиціального источника—изъ кассационныхъ рѣшеній. Само собою разумѣется, что чѣмъ дальше будетъ идти, въ ширь и въ глубь, дѣятельность общества, тѣмъ больше обнаружится въ нашемъ законодательствѣ пробѣловъ, требующихъ пополненія; но кое-чего, даже многого окажется возможнымъ достигнуть и въ настоящее время, лишь бы только продолженіе дѣла соответствовало его первоначальной организаціи. Одинъ ремесленный уставъ обезпечить за обществомъ право охранять воскресный отдыхъ малолѣтнихъ рабочихъ и доставлять имъ, въ это время, средства къ умственному и нравственному развитію; одинъ ремесленный уставъ позволить обществу ограничить карательную власть, которою теперь такъ широко и не-

<sup>1)</sup> П. Н. Обнинскому принадлежитъ рядъ замѣчательныхъ статей о фабричномъ надзорѣ (Юрид. Вѣстникъ 1886 и 1887 г.), на которыя намъ нѣсколько разъ приходилось ссылаться въ нашихъ Внутреннихъ Обозрѣніяхъ.

рѣдко такъ безобразно пользуются содержатели мастерскихъ. Членамъ общества предстоитъ явиться ходатаями за малолѣтнихъ передъ судебною и полицейскою властью. О важности этой обязанности можно судить по слѣдующимъ словамъ г. Обнинскаго: „составитель инструкціи, вспоминая безвѣчную вереницу всевозможныхъ потерпѣвшихъ типовъ, прошедшую передъ нимъ въ теченіе двадцатилѣтней судебной дѣятельности въ разныхъ должностяхъ и въ разныхъ мѣстностяхъ <sup>1)</sup>, не помнитъ между ними ни одного малолѣтняго, который смогъ бы безъ посторонней помощи повѣдать суду свое горе“. Въ концѣ своей работы г. Обнинскій выражаетъ надежду, что часто обращаться къ суду членамъ общества придется только на первое время. „Преступленіе,—говоритъ онъ,—всегда ищетъ мрака и безгласности; разъ въ его излюбленную область проникаетъ свѣтъ, оно исчезаетъ оттуда, исчезаетъ главнымъ образомъ потому, что возсіялъ свѣтъ, явилась возможность огласки, пресѣченія и возмездія. Такимъ свѣтомъ возсіявшимъ и будетъ общество... Важно, конечно, чтобы преступленія раскрывались,—но еще важнѣе, чтобы ихъ вовсе не было“. Совершенно соглашаясь съ этими прекрасными словами, мы прибавимъ къ нимъ только одно замѣчаніе. Одной стороною своей задачи новое общество соприкасается съ фабричною инспекціей, которой, какъ извѣстно, ввѣряется, въ иныхъ случаяхъ, и надзоръ за ремесленными мастерскими. Никто, конечно, не станетъ утверждать, что дѣятельность общества въ этомъ направленіи будетъ излишней, что фабричная инспекція и одна можетъ справиться съ своимъ дѣломъ. Напротивъ того, всякій пойметъ, что одной инспекціи это дѣло не по силамъ, что оно можетъ быть исполнено какъ слѣдуетъ только съ помощью общества и частныхъ лицъ. Не въ такомъ ли точно положеніи, однако, находится фабричная инспекція и по отношенію къ фабрикамъ и заводамъ? Не встрѣчаетъ ли она, при надзорѣ за ними, еще большихъ затрудненій, обуславливаемыхъ громадностью фабричныхъ округовъ, неудовлетворительностью путей сообщенія, разбросанностью фабрикъ? Не ясно ли, что для успѣшнаго исполненія этого главнаго ея призванія также необходимо общественное содѣйствіе? Та форма содѣйствія, которая возможна въ Москвѣ, едва ли примѣнима къ глухой провинціи; объ организаціи общества здѣсь трудно думать, а нужно обратиться, какъ мы уже говорили много разъ, къ наличнымъ силамъ, единичнымъ и коллективнымъ—къ земскимъ и городскимъ управамъ, гласнымъ думъ и земскихъ собраній, земскимъ врачамъ и т. п. Конечно, такое усиленіе фабричнаго надзора предполагаетъ, прежде всего, прочность самого учреж-

<sup>1)</sup> П. Н. Обнинскій занимаетъ теперь должность прокурора московскаго окружнаго суда.



денія, теперь—судя по извѣстной нижегородской рѣчи—нѣсколько поколебленную; но мы продолжаемъ вѣрить, что одно изъ лучшихъ созданій настоящаго царствованія выйдетъ невредимымъ изъ переживаемой имъ критической эпохи.

Занесемъ въ нашу хронику два факта изъ жизни провинціи, тѣсно связанные съ двумя важнѣйшими вопросами современной дѣятельности. По словамъ нижегородскаго корреспондента „Русскихъ Вѣдомостей“ (№ 289), нижегородская городская дума, въ первомъ осеннемъ засѣданіи своемъ (16-го октября), постановила ходатайствовать передъ правительствомъ о расширеніи возможности и для лицъ небогатыхъ, *безъ различія сословій*, поступать въ среднія учебныя заведенія Нижняго-Новгорода. Во время обсужденія этого ходатайства было выяснено, что число лицъ, желающихъ поступить въ нижегородскія среднія учебныя заведенія, ежегодно доходитъ до трехсотъ, тогда какъ двѣ гимназій и реальное училище принимаютъ не болѣе ста.

Николаевскій корреспондентъ „Саратовскаго Листка“ сообщаетъ этой газетѣ, что одинъ изъ гласныхъ николаевскаго (самарской губерніи) уѣзднаго земскаго собранія—дворянинъ и членъ мѣстнаго уѣзднаго училищнаго совѣта—предложилъ собранію упразднить всѣ существующія въ уѣздѣ земскія начальныя школы (ихъ должно быть много, потому что на народное образованіе тратится всего 31 тысяча рублей), а помощь оказывать только церковно-приходскимъ школамъ, да и то только тѣмъ изъ нихъ, „которыя будутъ находиться подъ руководствомъ бдительныхъ, рачительныхъ священниковъ, такъ какъ изъ опыта извѣстно, что многіе священники относятся къ своимъ обязанностямъ по школѣ небрежно, нерадиво“. Предложеніе это, названное однимъ изъ гласныхъ „непостижимымъ въ устахъ члена земскаго собранія“, было отвергнуто значительнымъ большинствомъ голосовъ.

Не знаемъ, можно ли вѣрить сообщенію „Русскаго Курьера“, что въ непродолжительномъ времени будетъ внесенъ въ государственный совѣтъ проектъ преобразованія высшихъ женскихъ курсовъ, допускающій учрежденіе въ Петербургѣ женскаго университета, съ факультетами историко-филологическимъ и естественно-математическимъ, а также высшаго женскаго медицинскаго института. Нельзя не пожелать осуществленія этого проекта, даже если для вступленія на курсы будетъ требоваться—какъ утверждаетъ „Русскій Курьеръ“—аттестатъ зрѣлости. Нашъ взглядъ на это требованіе извѣстенъ нашимъ читателямъ <sup>1)</sup>—но затрудненіе доступа къ высшему женскому

<sup>1)</sup> См. Общественную Хронику въ № 6 „В. Европы“. за 1886 г.

образованію все же несравненно лучше, чѣмъ совершенное его закрытіе. Съ однимъ лишь трудно было бы помириться: съ разрѣшеніемъ высшихъ женскихъ курсовъ *только* въ Петербургѣ. Неужели шестнадцатому году существованія московскихъ высшихъ женскихъ курсовъ (профессора Герье) въ самомъ дѣлѣ суждено быть „последнимъ“, какъ онъ именуется въ газетныхъ объявленіяхъ? Заслуженъ ли такой конецъ учрежденіямъ, проложившимъ отрываемую теперь дорогу и честно сдержавшимъ всѣ свои обѣщанія? Цѣлесообразно ли, наконецъ, вызывать искусственный приливъ учащихъ женщинъ въ Петербургѣ, въ то самое время, когда петербургскій университетъ остается открытымъ почти исключительно для окончившихъ гимназическій курсъ въ предѣлахъ петербургскаго учебнаго округа? Почему бы не разрѣшить устройство женскихъ высшихъ курсовъ во всѣхъ или хотя въ нѣсколькихъ университетскихъ городахъ?

Скончавшійся 13-го октября, въ Петербургѣ, Н. П. Гиляровъ-Платоновъ несомнѣнно принадлежалъ къ числу даровитыхъ представителей московской ежедневной прессы. Его газета—„Современныя Извѣстія“—имѣла мало читателей въ Петербургѣ; но кому случилось слѣдить за нею, тотъ всегда находилъ въ ней больше практическаго смысла, чѣмъ въ „Руси“, больше безпристрастія и уваженія къ противникамъ, чѣмъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (мы называемъ только тѣ изданія, съ которыми всего ближе соприкасались „Современныя Извѣстія“). Недавній автобіографическій трудъ Гилярова-Платонова: „Изъ прожитаго“ обнаружилъ въ немъ способность бытописателя и бросилъ яркій свѣтъ на цѣлую область русской жизни, въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ нынѣшняго вѣка. Напрасно только надъ гробомъ усопшаго была сдѣлана попытка связать его дарованіе со школой, изъ которой онъ вышелъ; судя по его воспоминаніямъ, его дарованіе развилось скорѣе вопреки, чѣмъ благодаря условіямъ этой школы.

## БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Учебный атлас по русской исторіи и „Объясненій“ къ нему; п. р. проф. Е. Замисловскаго. Изданіе третье. Г. Сиб. 1887. Ц. 5 руб.

Первое изданіе этого Атласа являлось еще въ половинѣ 60-хъ годовъ; во 2-мъ изданіи, 1869, онъ былъ исправленъ и дополненъ, и теперь, въ 3-мъ изданіи, слова подвергся пересмотру и расширенію: объяснительный текстъ къ картамъ выдѣленъ здѣсь въ особую книгу и дополненъ свѣдѣніями изъ новейшихъ трудовъ по географіи и исторіи Россіи. Авторы смотрятъ на свою книгу какъ на „первый опытъ руководства по русской исторической географіи“, и дѣйствительно она можетъ служить такимъ руководствомъ; въ объясненіи картъ отъ IX до XIX столѣтія авторы сообщаютъ довольно подробныя свѣдѣнія въ географическомъ положеніи русскихъ земель въ разное время, даютъ объясненія къ старымъ планамъ Кіева, Новгородъ, Москвы и Петербурга, планы исторически знаменитыхъ сраженій—при Полтавѣ и Вороднѣи, и т. д.

Н. В. Ремезовъ. Очерки изъ жизни дикой Башкири. Быль въ сказочной странѣ. Москва, 1887. 8° 196 стр. Ц. 1 р.

Очерки г. Ремезова частью помѣщены были въ „Казанскомъ Вѣстникѣ“ 1881—84; частью напечатаны вновь и называются теперь въ первый разъ. Они посвящены исключительно вопросу о земледѣльчествѣ въ башкирскомъ краѣ, которое представляется рядъ „хищеній“ въ различныхъ формахъ съ обходомъ закона и обманомъ правительства, съ насильств. надъ несчастными башкирами и съ хищническимъ хозяйствомъ новѣйшихъ землевладельцевъ—кулаковъ. Факты, разсказываемые г. Ремезовымъ, рисуютъ вообще ужасную картину; правда, нѣкоторые мѣстныя дѣятели попадали и подъ судъ за свои подвиги,—но въ общемъ законъ оказывается почти безразличнымъ противъ стечекъ между кулаками и низкими административными чинами. Авторы указываютъ нѣсколько случаевъ, гдѣ мѣстныя безобразія бывали превращены покойными сенаторами Ковалевскими, во время извѣстной репозіи. Лишь въ самые послѣдніе годы измѣнительство высшей власти положило фактически границу бѣдственному положенію башкирскаго населенія, которому, впрочемъ, авторы не пророчатъ счастливаго будущаго. Въ предисловіи авторы дѣлаютъ любознательное замѣчаніе: „Противъ моихъ очерковъ (они помѣщались въ упомянутыхъ газетахъ съ сохраненіемъ подлинныхъ именъ лицъ и лицъ) не было ни одного опроверженія ни въ одной газетѣ, а тѣмъ паче какого-либо процесса. Вражда въ Уфѣ 11 лѣтъ среди лицъ, живыхъ описанныхъ, и не скрывавшихъ въ составленіи очерковъ, и ни разу не подвергавшихся со стороны моихъ героевъ, не только какому-либо преслѣдованію, но даже дерзкому слову. Такое отношеніе мѣстнаго общества къ провинціальному лабудателю—большая рѣдкость и указывать, насколько очерки истинны и факты несомнѣны“. Это—такъ, тѣмъ болѣе, что нѣрѣдко въ очеркахъ прямо цитируются официальные бумаги по номерамъ; но, съ другой стороны, можно думать и то, что описанные дѣятели чувствуютъ себя такъ спокойно, что въ

считать нужнымъ смущаться обличеній притомъ, въ числѣ описанныхъ дѣятелей, нѣтъ кулаковъ, есть просто люди безприморы. Книга написана живо, но жалъ, что авторы не воздержались отъ повѣйнаго фельетоннаго стиля, частью грубоватаго, частью свещрвелаго насильственнымъ остроуміемъ. Жаль и то, что книжка состоитъ изъ ряда частныхъ случаевъ, безъ всякаго общаго обзора положенія вещей, который былъ бы весьма полезнымъ для читателей не-мѣстныхъ.

Стихотворенія Н. М. Минскаго. С.-Петербургъ, 1887. Стр. 246. Ц. 1 р. 50 коп.

Стихотворенія Н. М. Минскаго, появившіяся въ періодическихъ изданіяхъ и собранія теперь изданы, отчасти уже извѣстны читателямъ нашего журнала, который еще недавно помѣстилъ у себя и особый вступъ съ общемъ ихъ оцѣнкою, а потому въ настоящемъ случаѣ ограничимся указаніемъ на то, что это собраніе дополнено отчасти еще не бывшими въ печати пьесами.

С. Я. Надсонъ. Сборникъ журнальныхъ и газетныхъ статей, посвященныхъ памяти поэта, съ приложеніемъ портрета. Сиб. 1887. Мал. 8°. II и 170 стр. Ц. 1 руб.

Цѣль этого изданія, какъ сказано въ предисловіи—„доставить почитателямъ истиннаго поэта случай пріобрѣсти сборникъ некрологовъ, воспоминаній, характеристикъ С. Я., съ приложеніемъ портрета его (въ гробу), и одновременно дать имъ возможность внести и свои скромную лепту на постанову надгробнаго памятника Надсону,—памятника, художественное исполненіе котораго съ теплою отзывчивостію принялъ на себя знаменитый нашъ скульпторъ, М. М. Антокольскій“. Собранія здѣсь статьи и стихотворенія пьесы расположены въ изданіи въ хронологическомъ порядкѣ ихъ появленія, и если, какъ замѣчено въ предисловіи, не дадутъ еще новой оцѣнки поэта, то ясно доказываютъ общественное вниманіе къ покойному писателю, его живую связь съ обществомъ и, наконецъ, быть можетъ, пригодятся, какъ матеріалъ для будущей болѣе обстоятельной біографіи нашего поэта“.

А. Мичуринъ. По поводу книги: „Что читать народу?“ Тифань, 1887. Стр. 41. Цѣна 20 коп.

Защитая извѣстное изданіе харьковскихъ учителей, авторъ возмизируетъ въ особенности противъ статьи покойнаго Водовозова, напечатанной въ нашемъ журналѣ (1-86 г., № 7). По этому поводу мы должны напомнить, что „Вѣстникъ Европы“ вовсе не признавалъ себя созданнымъ со всѣми взглядами, выраженными въ этой статьѣ; равнѣе, въ Литературномъ Обзорѣ (1884 г., № 7), мы отнеслись вполне сочувственно къ книгѣ: „Что читать народу?“ и продолжамъ считать ее однимъ изъ лучшихъ произведеній современной педагогической литературы. Мнѣніе Водовозова было такъ интересно само по себѣ, что его слѣдовало сдѣлать предметомъ гласнаго обсужденія. Въ брошюрѣ г. Мичурина встрѣчается много дальнихъ замѣчаній; она вполне заслуживаетъ вниманія всѣхъ заинтересованныхъ въ вопросахъ начальнаго обученія.



# ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

НА 1888 Г.

## „ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЛЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

Годъ:	Полгода:	Четверть:	Годъ:	Полгода:	Четверть:
Безъ доставки 15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	Съ пересылкою 17 р.	8 р. 50 к.	4 р. 25 к.
Съ доставкою 16 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	За границей . .	19 „ 10 „ — „	5 „ — „

Номеръ журнала, съ доставкою и пересылкою въ Россіи и за границей — 1 р. 50 к.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ Петербургѣ: 1) въ Главной Конторѣ журнала „Вѣстникъ Европы“ въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 2-я лин., 7; 2) въ ея Отдѣленіи, при книжномъ магазинѣ Э. Мелле, на Невскомъ проспектѣ; — въ Москвѣ: 1) при книжныхъ магазинахъ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; 2) Н. П. Карбасникова, на Моховой, д. Коха, и 3) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи. — Иногородные обращаются по почтѣ въ Редацію журнала: Сиб., Галерная, 20, а лично — въ Главную Контору. Тамъ же принимаются частныя извѣщенія и ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ журналѣ.

### ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редація отвѣчаетъ извѣстія за точную и своевременную доставку городскихъ подписчиковъ Главной Конторы и ея Отдѣленій, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почтѣ* въ Редацію „Вѣстника Европы“, въ Сиб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (№) *допущена* выдача журналовъ.

*О перемѣнѣ адреса* просить извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе — 40 коп.; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранныя — недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ за границей.

*Жалобы* принимаются исключительно въ Редацію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже какъ въ полученіи слѣдующаго номера журнала.

*Билеты* на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, которымъ принадлежатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Сиб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Авадем. пер., 7.



ВЪСТЪЖЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

UNIVERSITY LIBRARY  
JAN 2 1888

ИСТОРИИ И ПОЛИТИКИ.

ЛЮБИНЪ.

ДВАДЦАТЬ-ВТОРОЙ ГОДЪ.—КНИГА 12-я.

23 ДЕКАБРЬ, 1887.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Издатель: ШЛЕЙСМАНЪ

Digitized by Google



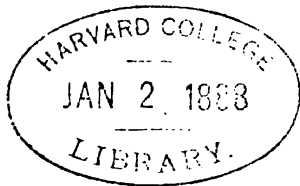
КНИГА 12-я. — ДЕКАБРЬ, 1887.

Стр.

I.—ПУШКИНЪ И КРИВЦОВЪ.—По изданнымъ матеріаламъ.—В. П. Гаевского.	453
II.—ВЪ КНИГОХРАНИЛИЩЪ.—Стих. С. Г. Фруга	464
III.—Н. Н. КРАМСКОЙ, по письмамъ его и статьямъ.—IV-VII.—Окончаніе.—В. В. Стасова	460
IV.—СТАРЫЙ ДРУГЪ.—Романъ.—LI-LXVI.—Окончаніе.—А. І. Ясненскаго	516
V.—В. П. ВОДОВОЗОВЪ.—Биографическій очеркъ.—VII-XII.—Окончаніе.—В. П. Семеновскаго	500
VI.—ПОШЕХОНСКАЯ СТАРИНА.—Жизнь и приключенія Никанора Затрапезнаго.—VI Дѣти. По поводу предъидущаго.—VII. Портретная галерея.—Тетенька-сестрица.—И. Щедрина	689
VII.—НОВЫЕ МЕМУАРЫ ОБЪ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ ЭПОХѢ.—А. В. Пыпина	668
VIII.—ВОЛОКИТСТВО ПРОФЕССОРА — Сцены изъ жизни туристов.—Соч. Элли д'Эстеръ Кьявингъ.—XX-XXXIX.—Окончаніе.—А. Э.	715
IX.—ВЕЛЕТРИСТЫ ПОСЛѢДНЯГО ВРЕМЕНИ.—А. П. Чеховъ —К. С. Баранцевичъ.—Ив. Щегловъ.—К. К. Арсеньева	766
X.—ХРОНИКА.—Сельская община и ея современное положеніе.—Ир. Кейслера	785
XI.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Вторая половина восьмидесятихъ годовъ, балъ эпоха „проектонъ“.—Проекты „фантастичные“ (г. Кашкаронъ) и „дѣловые“ (гг. Баратынскій и Вл. Г.).—Обязательные мэюраты и обусловливаемая ими необходимость „жerie“ или „воспособленій“.—Проектируемое введеніе квартирнаго сбора въ обѣихъ столицахъ; вопросы объ избирательномъ правѣ квартиранципателей и о прогрессивности квартирнаго сбора.—Общій результатъ по исполненію государственной росписи за 1886 г.	807
XII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Свиданіе двухъ императоровъ въ Берлинѣ.—Разоблаченіе „Кельскаго Газета“.—Разумная свобода дѣйствій и газетные споры.—Политика нѣкоторыхъ газетъ по болгарскому вопросу.—Программа и значеніе новаго тройственнаго союза.—Триналъ рѣчь императора Вилгельма и вызвавшая ея недоумія.—Возможная перемена царствованія въ Германіи.—Правительственный кризисъ во Франціи.—Отставка президента Греки.—Участіе печати и общества въ жирномъ разрѣшеніи кризиса.—Внутреннія дѣла въ Англіи	828
XIII.—ПИСЬМА ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ.—I.—Л. С.	840
XIV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Вильсий округъ Ляутской области, Р. Маака.—Пушкинъ, его лядейскіе товарищи и пастаепака, Ян. Гротъ.—Бумаги В. А. Жуковскаго, Ив. Вычкова.—Описаніе книгъ и актовъ Ляутской Метрики, Пташицкаго.—А. П.—Конституція Финляндіи, Л. Мехеліна, въ переводѣ В. Ордава.—К. К.	864
XV.—ЗАМѢТКА.—РУССКО-ГЕРМАНСКІЯ ОТНОШЕНІЯ.—Bismarck und Russland. Enthüllungen über die Beziehungen Deutschlands und Russlands von 1857 bis heute. Berlin. 1887.—L.	882
XVI.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Впечатлѣнія уѣднаго гласнаго.—Глубокіе корни, пушеніе земской школой.—Новое распоряженіе относительно преподаванія древнихъ языковъ.—Слухи объ ограниченіи программы школьныхъ женскихъ курсовъ.—Отрывки изъ одной недавней рѣчи и изъ одного не совсѣмъ недавняго психологическаго изслѣдованія.—Опять вопросы о словѣ: „влянусь“	892
XVII.—МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ.—„Вѣстникъ Европы“ за 1887 г.	910
XVIII.—АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ „Вѣстникъ Европы“ за 1887 г.	912
XIX.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Матеріалы для исторіи язн. академіи наукъ, т. IV.—Братскій обзоръ исторіи и теоріи банкотъ, А. Вистофа, перев. съ нем., п. р. В. Левитскаго.—М. В. Ломоносовъ, К. Полевого.—Русскіе композиторы, В. С. Васильва.—Братскій курсъ пераныхъ и душевныхъ болѣзней, д-ра Б. Ловскаго.—По дальнему Востоку, М. Г. Гребенщикова.	

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: XXVIII стр.

Digitized by Google



# ПУШКИНЪ И КРИВЦОВЪ

По неизданнымъ материаламъ.

Въ числѣ лицъ, съ которыми былъ друженъ Пушкинъ въ молодые годы, видное мѣсто занимаетъ Николай Ивановичъ Кривцовъ. Имя его часто встрѣчается въ произведеніяхъ великаго поэта, и потому свѣденія объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ заслуживаютъ вниманія, тѣмъ болѣе, что они довольно рѣдко появлялись въ печати. О Кривцовѣ находимъ отрывочныя извѣстія въ воспоминаніяхъ гравера Фр. Вендрамини и запискахъ князя П. А. Вяземскаго, — краткія, но не вполне точныя біографическія свѣденія въ „Русскомъ Архивѣ“ 1864 г., по поводу двухъ писемъ Пушкина, и нѣсколько словъ въ замѣткѣ князя П. П. Вяземскаго о Пушкинѣ и Свобельцынѣ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1880 г. Этими источниками исчерпываются печатныя извѣстія о Кривцовѣ. Между тѣмъ существуетъ богатый неизданный матеріалъ для его біографіи: записки, которыя онъ велъ, его переписка и біографическій очеркъ, написанный лично знавшимъ его Б. Н. Чичеринымъ, сосѣдомъ по имѣнію въ тамбовской губерніи. Бумаги эти принадлежатъ извѣстному любителю литературы П. Н. Батюшкову, который женатъ на единственной дочери Н. И. Кривцова, Софіи Николаевнѣ. Быть можетъ, современемъ, онѣ будутъ напечатаны; теперь же П. Н. Батюш-, съ свойственною ему любезностью, предоставилъ мнѣ ими пользоваться и дополнилъ ихъ своими воспоминаніями. Оставьте сторонѣ, какъ несоотвѣтствующія моему цѣли, біографію подробности, касающіяся лично Кривцова, расскажу главчерты его жизни и въ особенности его отношенія къ Пуш-

Кривцовъ родился въ 1791 г., въ орловской губерніи, болховскаго уѣзда, въ родовомъ имѣніи Тимоѣевскомъ (а не „въ деревнѣ подь Орломъ“, какъ сказано въ „Русскомъ Архивѣ“). У него было три брата: Владиміръ, Сергій (декабристъ) и Павелъ,—всѣ моложе его. Первоначальное образованіе онъ получилъ дома, въ духѣ того времени, подь вліяніемъ французскихъ воспитателей, и, по словамъ князя П. А. Вяземскаго (*Старая Записная книжка*, стр. 267), слабое и поверхностное. Родственникъ Кривцовыхъ, Сергій Николаевичъ Тургеневъ,—отецъ Ивана Сергѣевича,—отвезъ Кривцова въ Петербургъ и опредѣлилъ юнкеромъ въ полкъ. Нѣсколько позже, другой Тургеневъ, Александръ Ивановичъ, привезъ въ Петербургъ Пушкина. Произведенный въ офицеры лейбъ-егерскаго полка, Кривцовъ участвовалъ въ войнѣ 1812 года, и подь Бородинымъ раненъ въ руку. Оставшись въ живыхъ одинъ изъ всѣхъ офицеровъ своей роты, онъ былъ взятъ въ плѣнъ и привезенъ въ Москву. Вмѣстѣ съ больными французскими офицерами Кривцовъ былъ помѣщенъ въ лазаретъ воспитательнаго дома. „Тамъ узналъ о немъ Коленкуръ, встрѣчавшійся съ нимъ еще во время своего посольства въ Петербургѣ. Онъ доложилъ о немъ Наполеону. На предложеніе Коленкура представиться императору, Кривцовъ долго не соглашался, ссылаясь на свою рану; но Коленкуръ далъ ему понять, что такова рѣшительная воля Наполеона... Наполеону въ Москвѣ нужны были образованные русскіе офицеры: посредствомъ ихъ онъ пытался снова войти въ переговоры съ императоромъ Александромъ, дабы еще разъ обольстить его. Москва горѣла. „Какъ не стыдно русскимъ жечь такой прекрасный городъ!“—сказалъ Кривцову Наполеонъ. Кривцовъ возразилъ, что „русскіе очень благоразумно жертвуютъ частію для спасенія цѣлаго...“ — „Все это фразы!“ — воскликнулъ Наполеонъ, убѣждаясь, что Кривцовъ не будетъ удачнымъ посланцемъ“. („Русскій Архивъ“ 1864 г., изд. 2, стр. 974). Этотъ же эпизодъ рассказанъ, хотя нѣсколько иначе, въ воспоминаніяхъ Вендрамини о московскомъ пожарѣ 1812 года, напечатанныхъ въ „Economiste Belge“ 1864 г. и переведенныхъ въ „Еженедѣльныхъ Прибавленіяхъ въ Русскому Инвалиду“ 1864 г., №№ 28 — 31. По словамъ Вендрамини, Кривцовъ очень боялся, чтобы французы не увели его съ собою. На вопросъ объ этомъ графа Бенкендорфа, занявшаго Москву по выходѣ непріятели, Кривцовъ отвѣчалъ, что оставленъ въ Москвѣ только благодаря заступничеству Вендрамини. По выступленіи французовъ изъ Москвы 11-го октября 1812 года, казаки, занявшіе гауптвахту воспитательнаго дома,



ворвались въ лазаретъ и бросились на остававшихся тамъ больныхъ французовъ. Имъ всѣмъ угрожала гибель, еслибы за нихъ не вступился Кривцовъ, которому удалось выгнать казаковъ изъ лазарета („Еженедѣльное Прибавленіе къ Русскому Инвалиду“ 1864 г., № 31, стр. 9). Императоръ Александръ впоследствии лично благодарилъ Кривцова за этотъ поступокъ, а воцарившійся Людовіеъ XVIII прислалъ ему орденъ почетнаго легіона и бриллиантовый перстень съ своимъ вензелемъ.

„Послѣднее французское ядро подъ Кульмомъ оторвало Кривцову ногу. Это произошло на глазахъ государей, участвовавшихъ въ битвѣ, и они осыпали его наградами. Императоръ Александръ Павловичъ пожаловалъ ему значительную сумму на излеченіе, для котораго онъ и оставался нѣсколько времени въ Прагѣ. Тамъ ходила за нимъ какая-то знатная дама изъ сестеръ милосердія и познакомила его со многими нѣмецкими и англійскими аристократическими семействами“ („Русскій Архивъ“ 1864 г., стр. 975). Оставивъ военную службу, Кривцовъ провелъ нѣсколько лѣтъ за границею. 16 августа 1814 г. онъ началъ вести по-французски дневникъ, который назвалъ „Le procès verbal de ma vie“, и который, продолжаясь изо дня въ день въ теченіе почти трехъ лѣтъ, прервался 2-го іюля 1817 года. Кривцовъ объѣхалъ Германію, Австрію, Швейцарію, Бельгію, Англію, Францію и Италію, оставаясь въ большихъ городахъ по нѣскольку мѣсяцевъ, вездѣ заводилъ знакомства съ замѣчательными людьми, и, соединяя удовольствіе съ пользою, дополнилъ продолжительнымъ путешествіемъ свое образованіе. Въ Парижѣ онъ близко познакомился съ воспитателемъ императора Александра, Лагарпомъ, и, возвратясь въ Россію, содѣйствовалъ осуществленію его мысли о введеніи у насъ ланкастерской системы взаимнаго обученія. „Въ Лондонѣ сдѣлали Кривцову искусственную ногу, и когда потомъ онъ пріѣхалъ въ Парижъ, въ 1815 г., имп. Александру показалось, что онъ видитъ его двойника; онъ никакъ не хотѣлъ вѣрить глазамъ своимъ, встрѣтя его не только ходящимъ, но даже танцующимъ. Второй экземпляръ удивительной ноги Кривцовъ подарилъ парижскому Инвалидному дому“ (тамъ же). Въ 1817 г. Кривцовъ возвратился въ Москву, и въ томъ же году былъ въ Петербургѣ. Въ дневникѣ его находимъ довольно длинный списокъ его знакомыхъ. Въ числѣ московскихъ онъ называетъ: „m-r Sontzoff et sa femme <sup>1)</sup>), V. L. Pouchkine, le p-ce Viazemsky, S. L. Pouchkine et sa femme, née Annibal, m-r

<sup>1)</sup> Елизавета Львовна, сестра Василія Львовича Пушкина.

Dmitrieff, ex-ministre“; а въ числѣ петербургскихъ: „M-r Karamzine et sa femme, m-r Tourguéneff, Michel et Alexis Orloff, S. L. Pouchkine et sa famille, m-r Ouvaroff Serge Sem., le prince Boris Ioussouppoff, le comte Sologoub, M-r Chering, m-r Joukovsky“. Въ этомъ же кружкѣ вращался тогда и Пушкинъ, вышедшій 9-го іюня 1817 г. изъ лица. Въ дневникѣ Кривцова 28-го іюня 1817 г. находимъ слѣдующую замѣтку: „Le soir je fus chez les Tourguéneff où il y avait le jeune Pouchkine rempli d'esprit et promettant encore plus qu'il ne fait tenir en ce moment“. Это было, вѣроятно, первое ихъ знакомство. Кривцову исполнилось тогда 26 лѣтъ, а Пушкину 18. Часто встрѣчаясь на вечерахъ у Карамзинныхъ и Тургеневыхъ, молодые люди скоро подружились. Сближенію ихъ содѣйствовали нѣкоторыя общія черты характера: живость, любознательность, литературныя наклонности, любовь къ свѣтскимъ удовольствіямъ. Притомъ Кривцовъ былъ пріятный собесѣдникъ, много уже видѣвшій, всегда веселый и счастливый, вполне оправдывавшій девизъ своего герба: „*Semper felix*“, а по знанію свѣта и обширному кругу знакомства казался авторитетомъ для Пушкина, только-что выпущеннаго изъ закрытаго учебнаго заведенія.

Въ декабрѣ того же 1817 г. Пушкинъ написалъ Кривцову первое посланіе подъ заглавіемъ: *Къ Анаксагору*. Уже одно это сопоставленіе Кривцова съ знаменитымъ греческимъ философомъ, который провелъ молодость въ продолжительномъ путешествіи съ цѣлью самообразованія, доказываетъ, какъ высоко ставилъ Пушкинъ своего новаго пріятеля. Въ собраніяхъ сочиненій Пушкина посланіе это озаглавлено: *Н. И. Кривцову*, и отнесено къ 1819 г., но въ автографѣ, хранящемся у П. Н. Батюшкова, помѣчено 1817 г. Оно напечатано съ поправками въ 7, 8, 10 и 14-мъ стихахъ, сдѣланными, вѣроятно, самимъ Пушкинымъ при изданіи его стихотвореній въ 1826 г. Вотъ по автографу, полученному Кривцовымъ, первоначальная редакція посланія

#### КЪ АНАКСАГОРУ.

Не пугай насъ, милый другъ,  
Гроба близкимъ новосельемъ.  
Право, намъ такимъ бездѣльемъ  
Заниматься недосугъ.  
Пусть остылой жизни чашу  
Тянетъ медленно другой:  
Лучше вдругъ зарю мы нашу  
Смѣнимъ ночью гробовой;  
Каждый у своей гробницы

Мы приляжемъ на порогъ,  
 У паескія царицы  
 Свѣжій выпросимъ вѣнокъ,  
 Лишній мигъ у вѣрной гѣни,  
 Лишній осушимъ сосудъ —  
 И толпою наши гѣни  
 Къ тихой Летѣ убѣгутъ.  
 Смертный мигъ нашъ будетъ свѣтель,  
 И подруги шалуновъ  
 Соберутъ ихъ легкій пепель  
 Въ урны празднаго пировъ.

1817,  
 дек.

Въ изданіи сочиненій Пушкина 1855 г. (т. 11, стр. 264) Анненковъ сопровождаетъ это стихотвореніе слѣдующимъ, не вполне понятнымъ примѣчаніемъ: „Посланіе особенно замѣчательное тѣмъ, что одна случайная замѣтка товарища (?) подала поводъ къ такому поэтическому возраженію со стороны Пушкина.“ Въ февралѣ слѣдующаго 1818 г. Пушкинъ опасно заболѣлъ горячкою. Въ это же время, т.-е. въ началѣ 1818 г., Кривцовъ былъ опредѣленъ въ русское посольство въ Лондонъ. Выздоровлившій Пушкинъ подарилъ ему на дорогу маленькое изящное изданіе *La Pucelle*, Вольтера, при посланіи, которое постоянно печаталось съ пропусками или искаженіями, неустраненными даже во всѣхъ безъ исключенія послѣднихъ изданіяхъ. Возстановляемъ его по рукописи, полученной Кривцовымъ:

#### ДРУГУ ОТЪ ДРУГА.

Когда сожмешь ты снова руку,  
 Которая тебѣ дарить  
 На скучный путь и на разлуку  
 Святую библію Харить?  
 Амуръ нашель ее въ Цитерѣ  
 Въ архивѣ шалости молодой.  
 По ней молись своей Венерѣ  
 Благочестивою душой.  
 Прости, эпикуреецъ мой!  
 Останься вѣкъ, каковъ ты нынѣ!  
 Лети во мрачный Альбіонъ!  
 Да сохранятьъ тебя въ чужбинѣ  
 Христось и вѣрный Купидонъ!  
 Неси въ чужой предѣлъ пената,  
 Но, помня прежни дни свои,  
 Люби недѣвственнаго брата  
 Страдальца чувственной любви...

1818,  
 марта 2.

Автографъ посланія, бережно сохраненный Кривцовымъ и переплетенный вмѣстѣ съ упомянутою книжкою, подаренъ въ этомъ году П. Н. Батюшковымъ Публичной Библіотекѣ, и хранится въ одной изъ витринъ отдѣленія рукописей. Вотъ подробное заглавіе книжки: *La Pucelle, poëme en vingt-un chants, avec les notes, par Voltaire. Edition stéréotype, d'après le procédé de Firmin Didot. A Paris, de l'imprimerie et de la fonderie stéréotypes de Pierre Didot l'aîné, et de Firmin Didot. An X (1801).* Въ 32 долю листа.

Къ тому же періоду выздоровленія Пушкина относятся его стихотворенія: *Выздоровленіе* и посланіе *В. В. Эмелгардту*, имѣющія, по тону и содержанію, нѣкоторыя общія черты съ обоими посланіями къ Кривцову.

Нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ Кривцовымъ за границею, а Пушкинымъ въ ссылкѣ, сначала въ Кишиневѣ и Одессѣ, а потомъ въ Михайловскомъ, отдалили ихъ другъ отъ друга; но они вели переписку, изъ которой сохранились только три письма Пушкина, напечатанные въ собраніи его писемъ. Въ письмѣ изъ Одессы отъ 20-го декабря 1823 г. Пушкинъ спрашиваетъ князя Вяземскаго: „Что Кривцовъ? Его превосходительство могъ бы мнѣ аукнуть“. (*Сочиненія А. С. Пушкина*, изданіе Литерат. Фонда, т. VII, стр. 63). Въ томъ же декабрѣ Пушкинъ посылаетъ ему изъ Одессы слѣдующее письмо, хранящееся у П. Н. Батюшкова:

„Милый мой Кривцовъ, помнишь Пушкина? Не думай, что онъ впервые послѣ разлуки пишетъ къ тебѣ. Но Богъ знаетъ, почему письма мои къ тебѣ не доходили. О тебѣ доходятъ до меня только темные слухи. А ты ни строчкой не порадовалъ изгнанника! Правда ли, что ты сталъ аристократомъ? Это дѣло. Но не забывай демократическихъ друзей 1818 года. Всѣ мы разбрелись. Всѣ мы пережънились. О, дружба, дружба!“ (Тамъ же, стр. 66).

Пушкинъ вспоминаетъ о Кривцовѣ и въ Михайловскомъ. „Помнишь ли ты, житель свободной Англіи,—пишетъ ему Пушкинъ въ концѣ 1824 года,—что есть на свѣтѣ псковская губернія, откуда пишетъ тебѣ твой лѣнивонецъ, котораго ты вѣрно помнишь и любишь, который о тебѣ каждый день груститъ, на котораго ты можешь и долженъ бы сердиться, но не знаю, сердился ли?.. Я не люблю писать: языкъ и голосъ едва достаточны для выраженія нашихъ мыслей и чувствъ, а перо еще глупѣе,—такъ глупо, такъ медленно; письмо не можетъ замѣнить разговора. Какъ бы то ни было, я виноватъ, зная, что мое

письмо можетъ на минуту напомнить тебѣ объ нашей Россіи, о вечерахъ у Тургенева и Карамзина, и не исполнивъ дружескаго долга". (Тамъ же, стр. 102).

Въ Лондонѣ Кривцовъ не поладилъ съ нашимъ посломъ, княземъ Ливеномъ, и долженъ былъ выйти въ отставку. Переселившись въ Парижъ, онъ прожилъ тамъ около двухъ лѣтъ и, возвращаясь въ большомъ свѣтѣ, познакомился съ Вильмэномъ, Гизо, гр. Каподистриа, Андриѣ и многими другими замѣчательными людьми. Изъ нихъ Кривцовъ наиболѣе сблизился съ извѣстнымъ епископомъ Грегуаромъ, провозгласившимъ въ 1792 г. низверженіе королевской власти („l'histoire des rois est le martyrologe des nations"), и однимъ изъ главныхъ дѣятелей въ низложеніи Людовика XVI. Въ книгахъ Кривцова сохранился экземпляръ посланнаго ему въ Россію сочиненія: *Manuel de piété, à l'usage des hommes de couleur et des noirs, par M. Grégoire, ancien évêque de Blois* (1822 г.), съ надписью автора: „Au savant et aimable m-r Kriwzof, souvenir d'estime et d'affection de la part de l'auteur qui désire savoir si cet envoi est parvenu à son adresse". Дружескія сношенія съ республиканцемъ-епископомъ составили Кривцову въ Россіи репутацію „якобинца". По возвращеніи въ Россію, Кривцовъ женился на Екаторинѣ Ѳеодоровнѣ Вадковской, внучкѣ графа И. Г. Чернышева, бывшаго морского министра, одного изъ дѣятельныхъ сподвижниковъ царствованія Екаторины, и сталъ хлопотать о губернаторскомъ мѣстѣ. Князь В. П. Кочубей, бывший тогда министръ внутреннихъ дѣлъ, предложилъ ему должность таврическаго губернатора, но Кривцовъ отказался. По настоятельному ходатайству Карамзина предъ императоромъ Александромъ, который зналъ Кривцова, какъ героя отечественной войны, и еще болѣе какъ человѣка, заслужившаго расположеніе Лагарпа, Кривцовъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Тулу, откуда переведенъ въ Воронежъ. Князь П. А. Вяземскій въ своей „*Старой Записной Книжкѣ*" даетъ въ нѣсколькихъ чертахъ вѣрную характеристику Кривцова и нѣкоторыя подробности его тогдашней жизни:

„Туда перевезъ онъ и свою англійскую обстановку. Тулякамъ это не нравилось. Они, то-есть привычки и желудки ихъ, не могли переваривать поздніе обѣды его, и у себя дома, и въ частныхъ домахъ, гдѣ давались обѣды въ честь его. Туляки мало обращали вниманія на то, что онъ былъ дѣятельнъ, правосуденъ, само собою разумѣется, и безкорыстенъ: въ небрежности въ дѣлахъ они приглядѣлись; въ взяткамъ они, по прежнимъ порядкамъ, успѣли попривыкнуть. Все это дѣло житейское и обыкно-

венное; но объѣдать въ шестомъ часу, но смотрѣть, какъ г. губернаторъ въ концѣ объѣда прохлаждается изюмомъ, орѣхами и медленно запиваетъ ихъ рюмкою портъ-вейна, вотъ уже чего никакъ не могла спокойно вынести ихъ домашняя и гражданская натура. Послѣ Тулы перешелъ онъ въ Воронежъ, изъ Воронежа поступилъ онъ губернаторомъ въ Нижній-Новгородъ. Внѣшняя англоманія его, а можетъ быть и нѣкоторая внутренняя неуступчивость и особливость въ нравѣ, попробуемъ сказать — *особнячество* (жить особнякомъ) въ провинціальной средѣ, вездѣ вредили ему. Пошли служебныя пререканія, жалобы, доносы. Наконецъ, долженъ онъ былъ сойти съ губернаторскаго поприща. Жаль, что гражданская дѣятельность его не долѣе продолжалась. Онъ могъ сначала, по неопытности, по малому знакомству съ административными русскими порядками, иногда ошибаться и дѣлать легкіе промахи; но въ немъ были всѣ залого хорошаго хозяина губерніи. Нѣтъ сомнѣнія, что современемъ вышелъ бы изъ него образцовый губернаторъ. Онъ часто говаривалъ: „когда сузу себя, бываю собою недоволенъ; когда себя сравниваю со многими другими, я примираюсь съ собою...“ Между привычками, вывезенными имъ изъ Англии, была и та, что за завтракомъ его стояла на столѣ хрустальная чаша съ вареньемъ. Когда онъ до нея дотрогивался, Голицынъ <sup>1)</sup> говорилъ ему: „Сдѣлай милость, не принуждай себя, не неволь себя; я и такъ буду всѣхъ увѣрять, что видѣлъ собственными глазами, какъ ты ѣшь варенье послѣ утренняго чая“. („Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго“, т. VIII, стр. 265).

По свѣденіямъ, сообщеннымъ въ „Русскомъ Архивѣ“, губернаторство Кривцова кончилось тѣмъ, что въ Воронежѣ онъ разорвалъ подписанный имъ журналъ присутствія, узнавъ, что чиновники переменяли при перепискѣ утвержденное имъ въ черновомъ журналѣ рѣшеніе. „Члены присутствія тутъ же составили донесеніе въ сенатъ, что губернаторъ ихъ помѣшался“ („Русскій Архивъ“ 1864 г., стр. 976). Кривцовъ поѣхалъ въ Петербургъ, былъ оправданъ и переведенъ губернаторомъ въ Нижній-Новгородъ. Вскорѣ скончался императоръ Александръ Павловичъ. Лишившись въ немъ покровителя въ неравной борьбѣ съ генералъ-губернаторомъ Балашовымъ и опасаясь новыхъ, усиленныхъ съ его стороны преслѣдованій, Кривцовъ вышелъ въ отставку. По словамъ князя П. А. Вяземскаго, „послѣ своихъ губернаторскихъ неудачъ, Кривцовъ поселился въ тамбовской деревнѣ Любичи.

<sup>1)</sup> Князь Владиміръ, извѣстный въ то время остракъ.

Рѣдко выѣзжалъ онъ изъ нея въ Москву на нѣсколько недѣль; еще рѣже являлся въ Петербургъ, и то на время, еще короче. Разумѣется, построилъ онъ въ деревнѣ каменную готическую англійскую башню. Но вмѣстѣ съ тѣмъ построилъ и большой деревянный домъ, красивый, хорошо расположенный и со всѣми возможными удобствами, какъ для себя и для своихъ, такъ и для гостей, навѣщавшихъ его. Изъ сосѣдей своихъ преимущественно сблизился онъ съ семействомъ князя Григорія Сергѣевича Голицына (котораго помѣщичья жизнь и домашняя обстановка ожидаютъ живописца для вѣрной и достойной обрисовки всей ея своеобразности), съ Баратынскими, съ Чичериными. Отъ другихъ сосѣдей онъ уклонялся... Не знаю, былъ ли онъ способенъ къ дружбѣ въ полномъ значеніи этого слова, то-есть съ ея откровенностью, горячностью, самопожертвованіями; но онъ питалъ въ себѣ чувства искренней пріязни и уваженія къ нѣкоторымъ исключительнымъ лицамъ и остался имъ вѣренъ до конца. Онъ не былъ записанъ въ арзамасскомъ штатѣ, но былъ пріятелемъ почти всѣхъ арзамасцевъ... Деревенская жизнь, съ своимъ спокойствіемъ, съ независимостью своею, годъ отъ году все болѣе привязывала его къ себѣ". („Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго“, т. VIII, стр. 266). Въ деревнѣ получались изъ столицъ всѣ новости дня. Пушкинъ, по словамъ Б. Н. Чичерина, присылалъ Кривцову въ рукописи свои неизданныя стихотворенія.

Къ этому времени деревенской жизни Кривцова относится письмо къ нему Пушкина изъ Москвы отъ 10 февраля 1831 г. Въ началѣ января того же года выпелъ въ свѣтъ *Борисъ Годуновъ*. „Это любимое произведеніе поэта,—по словамъ Анненкова, — составляло, такъ сказать, часть его самого, зерно, изъ котораго выросли почти всѣ его историческія и большая часть литературныхъ убѣжденій“ (*Материалы*, изд. 2, стр. 125). Пушкинъ послалъ эту книгу Кривцову при слѣдующемъ письмѣ, исполненномъ грусти и глубокаго раздумья:

„Посылаю тебѣ, милый другъ, любимое мое сочиненіе. Ты вѣкогда баловалъ перыше мои опыты, будь благосклоненъ и къ произведеніямъ болѣе зрѣлымъ. Чтѣ ты дѣлаешь въ своемъ уединеніи? Нынѣшнюю осенью былъ я недалеко отъ тебя <sup>1)</sup>. Мнѣ брюхомъ захотѣлось съ тобою увидѣться и поболтать о старинѣ.

<sup>1)</sup> Въ селѣ Болдино, лукояновскаго уѣзда нижегородской губерніи, гдѣ Пушкинъ пробылъ съ начала сентября до конца ноября 1830 года.

Карантины мнѣ помѣшали <sup>1)</sup>. Такимъ образомъ, Богъ вѣдаетъ, когда и гдѣ судьба сведетъ насъ опять. Мы не такъ-то легки на подъемъ. Ты безъ ноги, а я женатъ, или почти <sup>2)</sup>. Все, что бы ты могъ сказать мнѣ въ пользу холостой жизни и противу женитьбы, все уже мною передумано. Я хладнокровно взвѣсилъ выгоды и невыгоды состоянія, мною избираемаго. Молодость моя прошла шумно и бесплодно. До сихъ поръ я жилъ иначе, какъ обыкновенно живутъ. Счастья мнѣ не было. Il n'est de bonheur que dans les voies communes. Мнѣ за 30 лѣтъ. Въ тридцать лѣтъ люди обыкновенно женятся. Я поступаю какъ люди, и вѣроятно не буду въ томъ раскаиваться. Къ тому же, я женюсь безъ упоенія, безъ ребяческаго очарованія. Будущность является мнѣ не на розахъ, но въ строгой наготѣ своей. Горести не удивятъ меня. Онѣ входятъ въ мои домашніе расчеты. Всякая радость будетъ мнѣ неожиданностью <sup>3)</sup>. У меня сегодня spleen. Прерываю письмо мое, чтобы тебѣ не передать моей тоски. Тебѣ и своей довольно. Пиши мнѣ на Арбатъ, въ д. Хитровой. На дняхъ получилъ я чрезъ Вяземскаго твое письмо, писанное въ 1824 г. Благодарю, но не отвѣчаю“ (*Сочиненія А. С. Пушкина*, изданіе Литер. Фонда, т. VII, стр. 260).

Это письмо, подлинникъ котораго также хранится у П. Н. Батюшкова, остается послѣднимъ памятникомъ отношеній Пушкина и Кривцова. Они встрѣчались потомъ въ Петербургѣ, куда, по словамъ князя П. П. Вяземскаго („Историческій Вѣстникъ“ 1880 г., № 6, замѣтка: *Пушкинъ и Скобелыцынъ*), Кривцовъ прїѣзжалъ около 1834 г. для исходатайствованія продолженія пожалованной ему императоромъ Александромъ аренды. Кривцовъ поселился на Гагаринской набережной, въ домѣ Баташева (третій отъ Прачешнаго моста, теперь № 32), въ нижнемъ этажѣ. Въ томъ же домѣ второй этажъ занималъ князь П. А. Вяземскій, а третій—Пушкинъ; а когда кн. Вяземскій, по случаю болѣзни дочери, уѣхалъ съ семействомъ за границу, то въ августѣ 1834 года квартиру его занялъ Пушкинъ, и жилъ въ ней два года, до переѣзда осенью 1836 г. въ домъ княгини Волконской, въ

<sup>1)</sup> Пушкинъ былъ остановленъ въ послѣднихъ числахъ ноября, по случаю холеры, въ карантинѣ Платова, и лишь 5-го декабря прїѣхалъ въ Москву (письма его къ Н. Н. Гончаровой въ концѣ ноября и 2-го декабря, и къ Плетневу 9-го декабря 1830 г.).

<sup>2)</sup> Свадьба была въ Москвѣ 18-го февраля 1831 года.

<sup>3)</sup> Мрачное настроеніе Пушкина въ этотъ періодъ жизни выразилось и въ *Элегіи* 8-го сентября 1830 г.:

Мой путь унылъ. Сулитъ мнѣ трудъ и горе  
Грядущаго волнуемое море.



которомъ скончался. Въ августѣ же 1834 г. Пушкинъ уѣхалъ изъ Петербурга, и въ письмѣ изъ Москвы къ К. Я. Булгакову отъ 31-го августа (2-е и 3-е изданіе Суворина, т. 8, стр. 553) упоминаетъ о „другѣ братѣ безногомъ воинѣ“, который о немъ „болѣе печется, нежели о себѣ“. Въ позднѣйшихъ письмахъ и произведеніяхъ Пушкина имя Кривцова болѣе не встрѣчается.

Послѣдніе годы жизни Кривцовъ провелъ безвыѣздно въ своемъ тамбовскомъ имѣніи Любичи, занимаясь хозяйствомъ, разными проектами и вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ. Въ бумагахъ его остался проектъ освобожденія посредствомъ выкупа, сходный въ существенныхъ чертахъ съ главными основаніями положенія 19-го февраля 1861 г., и проектъ направленія желѣзной дороги изъ Москвы черезъ Тамбовъ въ Саратовъ, которая впоследствии проведена по указаннымъ пунктамъ.

Въ 1842 г. Кривцовъ началъ чувствовать боль въ оторванной ногѣ, такъ что не могъ надѣвать пробочной ноги, и долженъ былъ ходить на костыляхъ. Лѣтомъ 1843 г. онъ внезапно заболѣлъ, и 31-го іюля скончался. Кривцовъ погребенъ въ своемъ имѣніи, въ построенной имъ среди чистаго поля часовнѣ. На его могильной плитѣ вырѣзана найденная въ его бумагахъ надгробная надпись: *Nec timeo, nec spero*. Черезъ годъ пріѣхалъ въ Любичи изъ Рима любимый братъ его, Павелъ Ивановичъ, со-вѣтникъ посольства въ Римѣ, занимавшій тамъ должность попечителя русскихъ художниковъ, и скоропостижно умеръ въ той же комнатѣ. Вдова Н. И. Кривцова, Екатерина Ѳедоровна, скончалась въ Петербургѣ въ 1861 г. и похоронена возлѣ мужа въ той же уединенной часовнѣ.

В. ГЛЕВСКІЙ.



---

## ВЪ КНИГОХРАНИЛИЩѢ

---

Съ душевнымъ трепетомъ и медленной стопой,  
Какъ робкій селянинъ или ратникъ молодой,  
Вступаю въ уголокъ, гдѣ долгими годами  
Достѣховъ славныхъ рядъ ревниво я собралъ.  
Какими стрѣлами, какими лезвеями,  
Какими грозными мечами-кладенцами  
Сверкаетъ вокругъ меня мой милый арсеналъ!..

Ко мнѣ, волшебница Энъ-Дора! Изъ могилы,  
Изъ мрака вѣчности съдой,  
Всесильной властью чаръ ты вызови чредой  
Тѣхъ гордыхъ витязей, мужей безсмертной силы,  
Которыхъ нѣкогда мой славный арсеналъ  
На битву ополчалъ!..

И вотъ—какъ вѣтерка ночного дуновенья,  
Какъ тихій, легкій звонъ струи, объятой сномъ,  
Пронесся крыльевъ шумъ въ безмолвіи ночномъ...  
Таинственныхъ тѣней я чувствую движенье,  
И призраковъ толпа передо мной встаетъ:  
Вотъ стройный трубадуръ со звучной мандолиной...  
Вотъ бѣлой тогою укутанный рапсодъ...  
Вотъ вдохновенный бардъ предъ шумною дружиной...  
Тевтонскій менестрель, литовскій вайделоть,  
И ты, слѣпой кобзарь, пѣвецъ Украйны милой,  
Подъ грустнымъ яворомъ, надъ старою могилой,  
И ты, баянъ, дубравъ завѣтныхъ соловей,  
Ровесникъ витязей, пѣвецъ богатырей!..

Съ задумчивыхъ лагунъ сіяющаго юга,  
 Изъ гротовъ голубыхъ, изъ пальмовыхъ лѣсовъ,  
 Изъ мрачныхъ ледниковъ, гдѣ вѣчно стонетъ вьюга  
 И мечется буранъ по розсыпямъ снѣговъ,  
 Съ излучинъ Нѣмана и синяго Дуная,  
 Со святовъ и низинъ днѣпровскихъ береговъ  
 Вновь льется вѣщихъ струнъ гармонія живая —

И мѣрно, тихо былъ сѣдая

Встаетъ изъ сумрака вѣковъ...

Въ лѣсахъ зажглись огни... Вѣтрила надъ волнами  
 Бѣлѣютъ въ полумглѣ... Сквозь красный дымъ востровъ  
 Мельзаютъ очерки кольчугъ и бунчуковъ...

Густой, волнистый гулъ несется надъ полями,  
 И будить лѣсъ, и долъ размѣренной чредой  
 Свержающихъ подковъ звенящій перебой...

Встаютъ и движутся торжественно-сурово,  
 Ростутъ, спибаются и падаютъ, и снова  
 Встаютъ, бѣгутъ, шумятъ, какъ за волной волна,

За племенами племена...

Знамена, посохи, жрецы, кумиры, боги,  
 И троны, и вѣнцы, и храмы, и чертоги...

А въ кельѣ Нестора, спокойна и ясна,  
 Души возвышенной и свѣточъ, и отрада,

Горитъ завѣтная лампада,

Бросая нитью золотой

Сквозь сумракъ вѣчности угрюмой

Свой лучъ, зажженный свѣтлой думой,

Животворящій и святой...

Привѣтъ вамъ, славные богатыри искусства,  
 Воители сердець, борцы за мысль и чувство!  
 На вашихъ лезвяхъ ни капли крови нѣтъ,  
 А сколько между тѣмъ одержано побѣдъ,  
 Съ какою добычею познанья и свободы  
 Кончали вы свои безкровные походы  
 И сколько плѣнниковъ со всѣхъ концовъ земли  
 Въ свои предѣлы привели!...

С. Фругъ.



# И. Н. КРАМСКОЙ

по

## ПИСЬМАМЪ ЕГО И СТАТЬЯМЪ.

IV \*).

Переходя къ письмамъ и статьямъ Крамского, я сначала останавлиюсь на его собственной личности. Мнѣ прежде всего хочется показать, какъ онъ смотрѣлъ самъ на себя—и какъ на художника, и на публичнаго дѣятеля, и на писателя, и вмѣстѣ показать, на что онъ въ себѣ надѣялся и чего отъ себя ожидалъ, а потомъ, въ какой мѣрѣ его ожиданія осуществились въ каждой области его дѣятельности. Затѣмъ уже я обращусь и къ его художественно-критической дѣятельности.

Итакъ, сначала самъ человекъ, а потомъ—его дѣло.

Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ искусство было страстью Крамского. Еще 16-лѣтнимъ юношею онъ писалъ въ своемъ „Дневникѣ“: „О, какъ я люблю живопись! Милая живопись! Я умру, если не постигну тебя хоть столько, сколько доступно моимъ способностямъ... Живопись! Это слово—моя электрическая искра... Въ разговорѣ о ней я воспламеняюсь до послѣдней степени. Она занимаетъ въ это время все мое внутреннее существо, всё мои умственныя способности, всего меня“... До 20-лѣтняго возраста, однако же, онъ искусствомъ мало занимался, и, какъ мы видѣли, четыре года проѣздилъ по Россіи ретушѣромъ при странствующей

\*) См. выше: ноябрь, 118 стр.

щемъ фотографѣ. Приѣхавъ въ Петербургъ, онъ не довѣрялъ своимъ силамъ и продолжалъ заниматься ретушёрствомъ у фотографовъ Александровскаго и Денъера, во-первыхъ, потому, что надо же было тѣмъ-нибудь существовать, а, во-вторыхъ, еще болѣе потому, что поступленіе въ академію художествъ казалось ему тѣмъ-то недосыгаемымъ, при его неумѣніи даже рисовать съ гипсовыхъ головъ. Конечно, еще въ Острогжскѣ, раньше 16-ти лѣтъ, онъ уже рисовалъ и писалъ картины, самоучкой, на примѣръ: „Сусанина съ поляками“ (можетъ быть, впрочемъ, это была только копія); но рисованію, по правиламъ, онъ до Петербурга не учился, и долго не смѣлъ даже подумать о поступленіи въ академію. Только друзьямъ его, М. Б. Туликову и А. Д. Литовченко, удалось уговорить его попробовать поступить въ академію. Дѣло удалось, и въ академическихъ классахъ Крамской пошелъ отлично; первая его картина появилась на выставкѣ очень скоро, уже черезъ три года (это былъ: „Смертельно раненый Ленскій“). Но тотчасъ потомъ пошли казенныя программы, потому, по его собственному выраженію, „портреты, портреты и портреты“, и тутъ же, въ видѣ антрактовъ, расписываніе купола собора Спаса, въ Москвѣ, по заказу и по эскизамъ профессора Маркова. Такъ прошло время до 1871 года, т.-е. цѣлыхъ 18 лѣтъ, безъ творчества, безъ собственнаго созданія. Но вся эта работа изъ-за денегъ, эта необходимость быстро, немедленно добывать себѣ и своей семьѣ средства для существованія и не заниматься тѣмъ, тѣмъ хочется, къ чему стремишься,—сильно мучили и угнетали Крамского. Деньги добывались, жить можно было, но собственныхъ картинъ не было. „Завтра или послѣ-завтра я кончу проклятыхъ великихъ людей. Одурачъ! По три портрета въ день!“ пишетъ онъ въ письмѣ 11-го іюня 1871 года про коллекцію портретовъ русскихъ знаменитостей, написанную имъ, по заказу, для московскаго публичнаго музея. Кончилъ, вырвался изъ Петербурга и стремглавъ поскакалъ въ Малороссію, душу отвести отъ столько лѣтъ продолжавшагося гнета, писать картину „Майская ночь“, по Гоголю. И все, что осталось въ немъ, отъ поры отрочества и юношества, поэтическихъ впечатлѣній отъ малороссійской природы, малороссійскихъ весеннихъ и лѣтнихъ ночей, тѣ онъ попробовалъ теперь перенести на холстъ, выразить красками. Еще въ „Дневникѣ“ 1853 года онъ писалъ: „какъ часто я дѣлаюсь задумчивъ, взглянувъ нѣсколько разъ на какой-нибудь ландшафтъ, а въ особенности если онъ представляетъ ночь, вечеръ“... Вотъ эти впечатлѣнія остались въ немъ живы и сильны навсегда, они понадобились ему впоследствии для картины. Восемнадцать лѣтъ

спустя, они для него возобновились, когда онъ увидалъ снова собственными глазами мѣста, когда-то сильно нравившіяся ему. И этому впечатлѣнію придавали новую силу восторженные рассказы пейзажиста Васильева, проѣхавшаго черезъ Малороссію, по дорогѣ въ Крымъ. Онъ пишетъ этому пейзажисту Васильеву (1-го августа 1871) изъ путешествія: „Ночью пріѣхалъ я въ Хотень. Когда садомъ подъѣзжалъ къ дому, все провѣрялъ ваши рассказы; дѣйствительно, ночь дѣлаетъ впечатлѣніе сказочное“... Это „сказочное впечатлѣніе“ онъ, въ самомъ дѣлѣ, воспроизвелъ съ большимъ талантомъ въ „Майской ночи“. Быть можетъ, мало удачны тутъ въ картинѣ русалки—онѣ слишкомъ прозаичны и даже ordinарны, но впечатлѣніе ландшафта, луннаго меланхолическаго освѣщенія включаетъ много поэзіи. Впрочемъ, Крамской не остался вполне доволенъ картиной своей и въ октябрѣ того же 1871 года писалъ тому же Васильеву: „говорятъ, что частица лунной ночи попала—таки въ мою картину—но не вся. Трудная штука луна“. Когда картина появилась на передвижной выставкѣ того года, Крамской писалъ опять Васильеву: „Гѣ рѣшительно царить на выставкѣ (картина: „Петръ съ сыномъ, царевичемъ Алексѣемъ“), затѣмъ Перовъ, и даже называютъ вашего покорнѣйшаго слугу, и я радъ, что съ такимъ сюжетомъ окончательно не сломилъ себѣ шею, и если не поймалъ луны, то все-таки нѣчто фантастическое вышло“...

Скоро послѣ того, Крамской принялся за новый сюжетъ: „Христость въ пустынь“. Принимался онъ за него безъ большой увѣренности: „Чудное дѣло, а страшно за такой сюжетъ приниматься; не знаю, что будетъ“, пишетъ онъ Васильеву 15-го марта 1872 года. Полгода спустя, онъ опять говоритъ Васильеву: „Да, дорогой мой, кончилъ, или почти кончилъ „Христа“. И потащутъ его на всенародный судъ, и всѣ слюнявыя мартышки будутъ тыкать пальцемъ въ него и критику свою разводять. Вы въ самое сердце попали, говоря, что его надобно дѣлать безъ малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что думаешь и изображаешь. Это я зналъ. И вотъ уже пять лѣтъ неотступно онъ стоялъ передо мною; я долженъ былъ написать его, чтобы отдѣлаться, и я ни разу не колебался въ томъ, что онъ дѣйствительно не имѣлъ въ себѣ „ничего земного“. И это слово взято вами вѣрно, т.-е. у него только и было земного, что форма. Но развѣ же форма не есть доказательство присутствія августѣйшей мысли (вона какъ! иногда и я вамъ не уступаю въ высокопарности)? Во время работы за нимъ, много я думалъ, молился и страдалъ (будемте ужъ говорить высокимъ слогомъ). Бывало, вечеромъ уйдешь гулять и

долго по полямъ бродишь, до ужаса дойдешь,—и вотъ, видишь фигуру, статую. На утрѣ, усталый, измученный, изстрадавшійся, сидитъ одинъ, между камнями,—печальными, холодными камнями. Руки судорожно и крѣпко-крѣпко сжаты, пальцы впились, ноги поранены и голова опущена. Онъ крѣпко задумался, давно молчитъ, такъ давно, что губы даже какъ будто запеклись, глаза не замѣчаютъ предметовъ, и только время отъ времени брови шевелятся, повинуваясь законамъ мускульнаго движенія. Ничего онъ не чувствуетъ; не чувствуетъ, что холодно немножко, не чувствуетъ, что у него всѣ члены уже какъ будто ооченѣли отъ продолжительнаго и неподвижнаго сидѣнья. Нигдѣ и ничего не шевелится, только у горизонта черныя облака плывутъ отъ Востока, да нѣсколько волосковъ по воздуху стоятъ горизонтально отъ вѣтерка. И онъ все думаетъ, все думаетъ. Страшно станеть, сколько разъ плакалъ я передъ этой фигурой. Ну, что-жъ послѣ этого? Развѣ-жъ можно это написать? И вы спрашиваете себя, и справедливо спрашиваете: могу ли я написать Христа? Нѣтъ, дорогой мой, не могу и не могъ написать до той поры, пока не вставилъ въ раму, до тѣхъ поръ писалъ, пока его и другіе не увидели. Словомъ, совершилъ, быть можетъ, профанацію, но не могъ не писать. Долженъ былъ написать. Ужъ какъ хотите, а не могъ я обойтись безъ этого. Я могу сказать, что писалъ его слезами и кровью. Но, вѣроятно, какъ слезы мои, такъ и кровь, должно быть, были не совсѣмъ доброкачественны, потому что мнѣ иногда то кажется, что это какъ будто и похоже на ту фигуру, которую я по ночамъ видѣлъ, то вдругъ—никакого сходства. Словомъ, грустное сознание, что мнѣ нѣтъ другого удѣла, какъ изображать самые тривиальные портреты съ самыхъ обыденныхъ личностей—это не ложное смиреніе, а вы понимаете и, надѣюсь, поймете, какъ я это говорю... Рафаэль нашелъ истину и выразилъ, но съ тѣхъ поръ тѣ же истины иначе для насъ освѣтились... Я, по силѣ возможности, мазалъ красками такое лицо, которое, быть можетъ, никто не согласится признать за схожее съ тѣмъ, какое каждый себѣ составилъ. Да это и невозможно. Дѣло сдѣлано. Я написалъ своего собственнаго Христа, только мнѣ принадлежащаго "... Годъ спустя, въ письмѣ къ А. Д. Чиркину, отъ 27-го декабря 1873 года, Крамской разсказывалъ приблизительно то же самое, но еще съ новыми, болѣе точными и характерными подробностями: „Фигура Христа меня очень долго преслѣдовала... Странное дѣло, я видѣлъ эту думающую, тоскующую, плачущую фигуру“,—говоритъ онъ.— „Я видѣлъ ее какъ живу. Однажды, слѣдя за нею, я вдругъ почти наткнулся на нее, именно на разсвѣтѣ;

именно она такъ сидѣла, сложивши руки, опустивши голову; ротъ, отъ долгаго молчанія, почти помертвѣлъ. Онъ меня не замѣтилъ. Я тихонько, на ципочкахъ, удалился, чтобы не мѣшать, и затѣмъ ужъ я забыть не могъ. Я долженъ былъ ее попытаться сдѣлать, я, наконецъ, обязанъ былъ ее сдѣлать; мнѣ надо было сдѣлать, чтобы хотя сколько-нибудь подѣлаться впечатлѣніемъ. Все это тамъ есть, не выдуманно, я все такъ видѣлъ. Случайно, вся обстановка была именно такова "... Спусти еще 5 лѣтъ, отвѣчая В. М. Гаршину и одному его пріятелю (вовсе еще не знавшимъ лично Крамского) на вопросы, предложенные ему насчетъ этой самой картины, Крамской еще новый разъ разсказалъ (въ письмѣ отъ 16-го февраля 1878), какъ возникла картина, и это опять съ новыми подробностями: „Подъ вліяніемъ ряда впечатлѣній, у меня осяло очень тяжелое ощущеніе отъ жизни. Я вижу ясно, что есть одинъ моментъ въ жизни каждаго человѣка, мало-мальски созданнаго по образу и подобию божію, когда на него находитъ раздумье: пойти ли направо, или налево? Я, по собственному опыту, по моему маленькому, могу догадываться о той страшной драмѣ, какая разыгрывалась во время историческихъ кризисовъ. И вотъ, у меня является страшная потребность разсказать другимъ то, что я думаю. Но какъ разсказать? Чѣмъ, какимъ способомъ я могу быть понятъ? По свойству природы, языкъ іероглифа для меня доступнѣе всего. И вотъ я, однажды, когда особенно былъ этимъ занятъ, гуляя, работая, лежа, и проч. и проч., вдругъ увидалъ фигуру, сидящую въ глубокомъ раздумьѣ. Я очень осторожно началъ всматриваться, ходить около нея, и во время моего наблюденія, очень долгаго, она не пошевелилась, меня не замѣчала. Его дума была такъ серьезна и глубока, что я заставлялъ его постоянно въ одномъ положеніи. Онъ сѣлъ такъ, когда солнце было еще передъ нимъ, сѣлъ усталый, измученный, сначала проводилъ глазами солнце, затѣмъ не замѣтилъ ночи, и на зарѣ уже, когда солнце должно было подняться сзади его, онъ все продолжалъ сидѣть неподвижно... Мнѣ стало ясно, что онъ занятъ важнымъ для него вопросомъ, настолько важнымъ, что къ страшной физической усталости онъ нечувствителенъ. Онъ точно постарѣлъ на 10 лѣтъ. Но все же я догадывался, что это такого рода характеръ, который, имѣя силу все сокрушить, одаренный талантами поворить себѣ весь міръ, рѣшается не сдѣлать того, куда влекутъ его наклонности. Кто это былъ? Я не знаю; по всей вѣроятности, это была галлюцинація; я въ дѣйствительности, надо думать, не видалъ его. Мнѣ показалось, что это всего лучше подходить къ тому, что мнѣ хотѣлось разсказать. Тутъ мнѣ даже



ничего не нужно было придумывать, я только старался сфокусировать. И когда кончилъ, то далъ ему дерзкое названіе... Я знаю только, что утромъ, съ восходомъ солнца, человекъ этотъ исчезъ. И я отдѣлялся отъ постоянного его преслѣдованія. И такъ, это не Христосъ. То-есть, я не знаю, кто это. Это есть выраженіе моихъ личныхъ мыслей“...

Какъ надо понимать все это? Что значать эти иносказанія, это невѣроятное событіе явленія „неизвѣстнаго человека“, начавшееся около времени заката и длившееся до восхода солнечнаго—эта истинная галлюцинація? Наконецъ, какъ надо понимать утвержденіе Крамского, въ 1878 году, что картина названа „Христомъ“ только по окончаніи ея, между тѣмъ какъ изъ письма еще 1872 года мы знаемъ, что картина носила именно это названіе и имѣла именно эту задачу еще до приступа къ писанію ея? Кажется, все это произошло изъ желанія сдѣлать не картину, а (говоря словами самого Крамского)—*іеролима*, т.-е. произошло отъ того, что художественныя цѣли были тутъ второстепенны, а на мѣсто ихъ на-лицо была лишь задача разсудочная, заимствовавшая отъ искусства лишь форму. Тѣмъ не менѣе, въ картинѣ было не мало достоинствъ истинно художественныхъ. Общее расположеніе, поза, освѣщеніе, драпировка, даже отчасти типъ—были прекрасны и дѣлали картину однимъ изъ замѣчательныхъ произведеній русской школы. Былъ у нея одинъ сильный недостатокъ, много портившій все дѣло: это элегическое, меланхолическое выраженіе, приданное лицу Христа. Всѣмъ дорогъ, важенъ и нуженъ въ картинѣ Христосъ дѣйствующій, проповѣдующій, совершающій великія дѣла, произносящій великія слова, какимъ изображаетъ его евангеліе, а не сомнѣвающимся и разслабленный, затрудненный и нерѣшительный, какимъ вздумали его представить Гѣ и Крамской. Это была жестокая ошибка съ ихъ стороны. Они не выразили ни сущности, ни натуры, ни глубокаго нравственнаго облика Христа. Это было только слѣдствіе ихъ личнаго настроенія и характера. Еще въ „Дневникѣ“ 1853 года Крамской называетъ свой характеръ „меланхолическимъ“. Въ письмѣ къ П. М. Третьякову, отъ 10-го ноября 1876 году, онъ говоритъ: „Васильевъ часто меня (въ 1871 году) спрашивалъ: зачѣмъ у меня въ большинствѣ случаевъ такое горестное выраженіе, когда я счастливъ? Онъ того не могъ понять, что личное счастье еще не наполняетъ жизни“. Какая разница Ивановъ съ его „Явленіемъ Христа народу“! Здѣсь Христосъ является твердымъ, рѣшительнымъ, увѣреннымъ въ себя и въ своемъ дѣлѣ, идущимъ мужественно на встрѣчу великимъ

событіямъ. У Гё и Крамского все ограничивалось пассивностью и безсиліемъ; у Иванова вся фигура посвящена была выраженію активной мощи и рѣшимости. Но тѣмъ не менѣе, какъ „Тайная Вечера“, Гё, такъ и „Христосъ въ пустынь“, Крамского — двѣ лучшія русскія картины съ религіознымъ содержаніемъ — послѣ Иванова.

Едва кончивъ своего „Христа въ пустынь“, Крамской принялся за другую картину религіознаго содержанія. Уже 30-го ноября 1872 года онъ писалъ Васильеву: „Надо написать еще „Христа“, непременно надо, т.-е. не собственно его, а ту толпу, которая хохочетъ во все горло, всѣми силами своихъ громадныхъ животныхъ легкихъ. Въ самомъ дѣлѣ, вообразите: нашелся чудакъ:—Я, говорить, знаю одинъ, гдѣ спасеніе; Меня послалъ Онъ, и Я его Сынъ. Я знаю, что Онъ хочетъ; идите за мной, раздайте свои сокровища и ступайте за мной.—Его схватили: „Попался! Ага! Вотъ онъ!“ — Пойдите—геніальная мысль! Знаете что,—говорятъ солдаты,—онъ царь, говорить? Ну, хорошо, нарядимъ его шуткомъ-царемъ, не правда ли — хорошо? — Сказано, сдѣлано. Нарядили и оповѣстили о своей выдумкѣ синедрионъ; весь бомондъ высыпалъ на дворъ, на площадку, и, увидѣвши такой спектакль, всѣ, сколько было народу—покатались со смѣху. И пошла гулять по-свѣту слава о бѣдныхъ сумасшедшихъ, захотѣвшихъ указать дорогу въ рай. И такъ это понравилось, что вотъ до сихъ поръ все еще покатываются со смѣху, и никакъ успокоиться не могутъ. Этотъ хохотъ вотъ уже сколько лѣтъ меня преслѣдуетъ. Не то тяжело, что тяжело, а то тяжело, что смѣются“ ... Годомъ позже, Крамской писалъ 30-го ноября 1873 г. А. Д. Чиркину: „Я еще разъ ворочусь въ Христу, если проживу, разумѣется. Теперь я написалъ: „Быть или не быть“ (картина „Христосъ въ пустынь“), а потомъ будетъ Онъ же, въ терновомъ вѣнцѣ, но не передъ народомъ, а во дворѣ Каиафы, когда войны всячески надъ Нимъ насмѣхались, и вдругъ имъ пришла геніальная мысль: одѣть Его царемъ. Чудесно! Нарядили. Зовутъ всю аристократію. И все, что есть во дворѣ, на крыльцѣ, на галереяхъ, заливаема хохотомъ. Теперь (въ картинѣ „Христосъ въ пустынь“) Онъ у меня одинъ, и тутъ Онъ со всѣми признаками человѣческой слабости, но такъ какъ Онъ знаетъ, на что Онъ идетъ, то въ минуту передъ казнью Онъ спокоенъ какъ статуя, блѣденъ какъ полотно, и кровавая пятерня горитъ на щекѣ. Пока мы не въ серъвъз болтаемъ о добрѣ, о честности,—мы со всѣми въ ладу. Попробуйте серьезно проводить христіанскія идеи въ жизни,—посмотрите, какой подымется

хохоть кругомъ! Этотъ хохоть всюду меня преслѣдуетъ. Куда я ни пойду, всюду его слышу"... Въ письмѣ къ Рѣшину Крамской, отъ 6-го января 1874 года, еще подробнѣе и точнѣе рассказываетъ цѣль, содержаніе и составъ своей будущей картины: „Хочется мнѣ повѣдать вамъ о своихъ намѣреніяхъ и планахъ, авось-либо и вы со своей стороны сообщите. Говорять: когда скажешь впередъ — не сдѣлаешь. Оно, пожалуй, и такъ, да все какъ-то хочется, чтобы укрѣпили въ мысляхъ. Вѣдь я *долженъ* еще разъ вернуться къ Христу, прежде чѣмъ перейти къ болѣе близкому времени, а затѣмъ и къ современности. Какъ видите, я разговариваю, точно у меня 50 лѣтъ вперед! Это всегда такъ болные чахоткой полагають, что вотъ завтра они будутъ здоровы. Дѣло въ томъ, что Антокольскій взялъ (статуя „Христось передъ Пилатомъ“) почти то же, что и я, т. е. сходный сюжетъ, хотя, какъ вы увидите, содержаніе другое, совсѣмъ другое. Когда я писалъ свою картину на первомъ холстѣ („Христось въ пустынѣ“), то даже я имѣлъ въ виду продолженіе, и только теперь надо приниматься, а то не совсѣмъ будетъ понятно. Такъ оставить нельзя. Ночь, передъ разсвѣтомъ. Дворъ, то-есть внутренность двора, потухающіе костры. Римскіе солдаты, всячески надругавшись надъ Христомъ, думаютъ, какъ бы еще убить время; судьи долго что-то совѣщаются. Какъ вдругъ... гениальная мысль! Вѣдь онъ называлъ себя царемъ, такъ надо нарядить его шутомъ гороховымъ! Чудесно! Сейчасъ все готово, и господамъ докладываютъ. И вотъ, все высыпало на крыльцо, на дворъ, и все что есть — поватывается со смѣху. На важныхъ лицахъ благосклонная улыбка, сдержанная, легкая; тихонько хлопають въ ладоши; чѣмъ дальше отъ интеллигенціи, тѣмъ шумнѣе веселость, и на низменныхъ ступеняхъ развитія — гомерическій хохоть. Христось блѣденъ какъ полотно, прямъ и спокоенъ, только кровавая пятёрня отъ пощечины горитъ на щекѣ. Не знаю, какъ вы, а я вотъ уже который годъ слышу всюду этотъ хохоть. Куда я ни пойду, непременно его услышу. Я долженъ это сдѣлать, не могу перейти къ тому, что стоитъ на очереди, не развязавшись съ этимъ. А много, много, охъ, какъ много дѣла! Еслибы Богъ далъ лѣтъ десятокъ еще, можетъ что-нибудь можно еще успѣть. Сколько времени потрачено! Но, добрый мой Илья Ефимовичъ, вѣдь не могъ же я! Я ужъ очень трудно и медленно развиваюсь. Надо опять бы за границу поѣхать, да не знаю, удастся ли. Думаю на будущій годъ посмотрѣть развалины Помпеи, поѣхать и на Востокъ"... Нѣсколько дней спустя, въ письмѣ отъ 23-го февраля 1874 года къ Рѣшину же, Крамской говоритъ: „О моемъ

сюжетъ вы такого мнѣнія, что даже чистое дѣтство встало передъ вами, точно подарокъ. Ну, какъ же мнѣ не послать вамъ самое искреннее, сердечное спасибо? Несомнѣнно одно, что картину свою я буду писать дѣйствительно слезами и кровью, и если будетъ не то, что нужно, то уже тутъ, значить, слезы и кровь будутъ недоброкачественны. Картина вся готова, и давно готова; появленіе ея—вопросъ времени. Мнѣнать, передѣлывать нечего, то-есть не буду, да и не умѣю, она давно стоитъ передо мною готовая“... Мы здѣсь встрѣчаемъ тѣ самыя слова: „слезами и кровью“, которыя Крамской написалъ, говоря о первой своей картинѣ. Но вѣдь картины были однородны, въ мысли Крамского составляли одно цѣлое, вторая должна была служить продолженіемъ первой,—значить, и авторъ относился къ нимъ обѣимъ съ однимъ и тѣмъ же своимъ настроеніемъ, восторженнымъ и немножко элегическимъ. Что жъ, если для иныхъ людей, людей насилія и свирѣпости, все должно совершаться „мечомъ и кровью“, —что мудренаго, если у другихъ людей, людей добра и творчества, дѣло ихъ иногда совершается „слезами и кровью“? Одна крайность стоитъ другой. Но, какъ бы то ни было, въ этомъ Крамской близко сходился съ Ивановымъ. По словамъ одного великаго русскаго писателя, Ивановъ „молился кистью“ на своей картинѣ.

Въ 1874 году, принимаясь за картину, Крамской думалъ, что не будетъ дѣлать въ ней никакихъ переменъ; однако же, въ три года сдѣлалъ одну, очень важную. 30-го августа 1877 года онъ писалъ П. М. Третьякову: „Въ настоящую пору у меня идетъ жаркое дѣло: изъ ночи передѣлывается на утро, когда уже совсѣмъ свѣтло, и даже взошло солнце. Такъ необходимо. Я разстался съ огнемъ (вострами) потому, что именно эта сцена не могла происходить ночью. Да я и не жалѣю“.

Работалась картина съ напряженіемъ всѣхъ силъ Крамского. Онъ долго къ ней приготавлился. Онъ писалъ Рѣпину 6-го января 1874 года: „Я много потратилъ времени на рисунокъ, я лишался аппетита, когда носъ оказывался не на своемъ мѣстѣ, или глазъ сидитъ недостаточно глубоко: это было сущее несчастье! Но, наконецъ, я овладѣлъ матеріаломъ и достигъ до извѣстной степени согласія между внутреннимъ огнемъ, который тамъ клочечетъ, и рукою, работающею хладнокровно и спокойно, какъ будто нѣтъ никакой лихорадки... И я вотъ только теперь догадываюсь, что когда я буду съ красками хозяиномъ, какъ съ „соусомъ“, когда мнѣ удастся мѣсить ихъ, зачерпнувши во всю мочь, и, схвативши умомъ, чувствомъ, глазами, голову всю за-

разъ, заставить руку ходить тихо, но рѣшительно, и какъ бы не думая. тогда... легко сказать!...“ Поѣздка за границу въ 1876 г. придала ему новыя крылья. Для изученія мѣстнаго колорита, онъ побывалъ въ Помпей (на Востокъ ѣхать помѣшали политическія обстоятельства); близкое же знакомство съ высшими созданіями живописи въ музеяхъ Германіи, Италіи и Франціи дало ему новую бодрость и силы. Въ Парижѣ онъ даже устроилъ себѣ мастерскую и началъ тамъ работать, но смерть страстно любимаго маленькаго сына Марка заставила его все бросить и воротиться въ Петербургъ. Но когда, послѣ перваго пароксизма отчаянія и унынія, онъ снова принялся за свою картину, въ ту минуту главную цѣль жизни,—работа пошла у него съ необыкновенною горячностью: „Работаю страшно, — писалъ онъ П. М. Третьякову 30-го августа 1877 года, — работаю какъ никогда еще, съ 7-8 часовъ утра вплоть до 6-ти вечера. Такое усиленное занятіе не только не заставляетъ меня откладывать дѣла, а, напротивъ, часто испытываю минуты высокаго наслажденія. Можетъ быть, результатъ и не оправдаетъ моихъ ожиданій, но уже процессъ работъ художественныхъ таковъ. Уже 3 мѣсяца, какъ я работаю, но съ особеннымъ напряженіемъ и наслаженіемъ— $1\frac{1}{2}$ “... И однако же, не смотря ни на что, картина осталась далеко не оконченною.

Много причинъ тому мѣшали: недостатокъ и времени, и спокойствія. вѣчная небезопасность существованія для себя и для своего семейства, необходимость работать за деньги, не откладывая заказовъ, но за то складывая все самое для себя дорогое. Положеніе—истинно ужасное, во многомъ сходное съ положеніемъ Иванова. И у него тоже—картина, цѣль всей его жизни, осталась неконченною и почти что по тѣмъ же самымъ причинамъ. Но разница была въ томъ, что Ивановъ усомнился только въ самой живописи, въ самомъ искусствѣ, считалъ, что искусство нашего времени должно пойти по новой дорогѣ, и онъ остановился передъ этою дорогою, но онъ при этомъ никогда не сомнѣвался въ своей собственной личности и талантѣ, въ пригодности своей создавать, въ своей способности творить. Брамской, напротивъ, находилъ, что искусство его времени (по крайней мѣрѣ, искусство кругомъ него, въ его отечествѣ) стоитъ на настоящемъ своемъ рельсѣ, но въ самую рѣшительную минуту пришелъ къ заключенію, что самъ-то онъ со своею картиною ошибся въ системѣ и направленіи, а по настоящему надо было дѣлать что-то другое.

Въ 1878 году Крамской писалъ В. М. Гаршину: „худож-

никовъ существуетъ двѣ категоріи, рѣдко встрѣчающихся въ чистомъ типѣ, но все же до нѣкоторой степени различныхъ. Одни—объективные, такъ сказать, наблюдающіе жизненные явленія и ихъ воспроизводящіе добросовѣстно, точно; другіе—субъективные. Эти послѣдніе формулируютъ свои симпатіи и антипатіи, вѣрше осѣвшія на дно человѣческаго сердца, подъ впечатлѣніями жизни и опыта. Вы видите, что это изъ прописей даже—но это ничего. Я, вѣроятно, принадлежу къ послѣднимъ“... И такъ, онъ полагалъ еще въ это время, что понятіе „субъективный живописецъ“ все исчерпываетъ, все оправдываетъ, все дѣлаетъ законнымъ и нужнымъ. Но, нѣсколько лѣтъ спустя, онъ вдругъ съ ужасомъ нашелъ, что ошибался жестоко во всей своей дѣятельности. Когда появилась картина Рѣпина „Иванъ Грозный съ сыномъ“, Крамской пришелъ отъ нея въ безпредѣльный восторгъ, и 21 января 1885 года писалъ А. С. Суворину: „Рѣпинъ поступилъ, по отношенію къ огромному числу и художниковъ, и прочихъ людей, даже неделикатно. А именно: умные люди всегда имѣютъ теоріи, и теоріи, иногда все столь разрывашія, что это удивительно! Странно, конечно, только одно, что плоды теоріи всегда тощи, но это теоретика ни на волосъ не смущаетъ. Напримѣръ, скажу о себѣ. Я былъ очень благополученъ, придумавъ теорію, что историческая картина постольку интересна, нужна и должна останавливать современнаго художника, поскольку она параллельна, такъ сказать, современности и поскольку можно предложить зрителю намотать себѣ что-нибудь на-усть! Серьезно говоря, чѣмъ не теорія? Въ ней есть и глубина, и... ну, словомъ, только умный человѣкъ можетъ дойти до такихъ выводовъ... Вѣдь искусство должно возвышать, влить въ человѣка силу подняться, высоко держать душевный строй и, такъ сказать, идти въ ногу съ религіей. Да, конечно, да! Ну, а эта картина возвышаетъ?.. не знаю. Къ чорту полетѣли всѣ теоріи!..“ И такъ, вотъ что случилось съ Крамскимъ. Почти подъ самый конецъ его жизни, онъ вдругъ увидалъ, что всѣ его теоріи полетѣли къ чорту! И дѣйствительно, въ обѣихъ его картинахъ, гдѣ являлся на сцену Христосъ, не самое событіе, не самъ Христосъ были ему важны и нужны, а та отвлеченная идея, которая была у него въ головѣ. Въ первой картинѣ—вѣчный трагическій вопросъ всякой высоко-интеллигентной природы: „Быть или не быть?“ въ трудную, историческую минуту жизни; во второй картинѣ—тотъ хохотъ грубыхъ людей, та насмѣшка, то непониманіе, тотъ поворъ, которыми всегда и вездѣ толпа преслѣдовала и казнила

мысль и дѣятельность великихъ начинателей, истинныхъ благодѣтелей рода человѣческаго. У Крамского въ эту минуту были въ головѣ: примѣръ, доказательство, указаніе, выводъ, и онъ употреблялъ искусство (по собственнымъ его словамъ), какъ іероглифъ, какъ полезную формулу. Свой тезисъ, свою мысль, свое убѣжденіе онъ могъ бы доказать и показать на сто разныхъ другихъ манеровъ, посредствомъ какой-нибудь другой сцены и личности. Совершенно другое было всегда въ созданіяхъ великихъ живописцевъ, не задававшихся мыслью поучать картинами: они ничего не хотѣли ни доказывать, ни указывать; имъ былъ важенъ и дорогъ самъ изображаемый фактъ, именно вотъ этотъ самый, и никакой другой, имъ нужна была именно вотъ эта самая изображаемая личность, и никакая другая. Для ихъ чувства и представленія, въ эту минуту, не существовало никакой другой сцены и личности, не было возможности замѣнить ихъ какою-то другою сценою и личностью. Такова, въ числѣ многихъ другихъ, и картина Иванова: „Явленіе Христа народу“. Тутъ нѣтъ никакой разсудочной подкладки, никакого намѣренія что бы то ни было доказать. Иванову страстно хотѣлось только изобразить дорогое и высокое для него событіе, какъ оно въ самомъ дѣлѣ было, или, по крайней мѣрѣ, такъ, какъ только Ивановъ способенъ былъ его схватить и выразить во всей его правдѣ. Такъ точно было всегда и со всѣми другими историческими картинами и историческими живописцами. И это стало ясно Крамскому только очень поздно, уже тогда, когда картина его была давнымъ-давно рѣшена и написана во всемъ главномъ, когда оставалось только кончать ее. Ударъ былъ, конечно, ужасный, особенно для такого робкаго, давно переставшаго вѣрить въ себя человѣка, какъ Крамской. Еще будучи 35 лѣтъ, онъ начинаетъ говорить: „Мнѣ больше одной упряжки уже не сдѣлать“ (письмо къ Васильеву 15-го марта 1872); потомъ, два года спустя: „Господи, да что жъ это такое! Прозѣваль жизнь. Не успѣешь оглануться, какъ пошелъ и подъ гору...“ „Мнѣ уже пошелъ 38-й годъ; ой-ой, ей-Богу, подумаешь, жизнь какъ будто кѣмъ-то украдена, или я ее самъ проспалъ. Не видалъ я ее, право, не видалъ. Странные мы, русскіе люди. Все у насъ какъ-то „успѣемъ“, да „еще сдѣлаю“, а смотришь, время и ушло, и ушло безвозвратно. Я теперь начинаю, точно передъ смертью, дорожить днями. Самъ на себя дивуюсь, немножко поздно только, но лучше поздно, чѣмъ никогда. Подумайте только: не сегодня — завтра, человѣку 40 лѣтъ, а онъ еще въ пеленкахъ. Такъ ли нужно работать? Передо мною открываются

горизонты, я начинаю кое-что понимать, и даже овладѣть бы, если бы имѣть еще вѣрныхъ лѣтъ 15..." (Письма въ Рѣпину 7 мая и 26 августа 1874 года). Девять лѣтъ еще позже, Крамской пишетъ П. М. Третьякову: „Я сломенъ жизнью и далеко не сдѣлалъ того, что хотѣлъ и что былъ долженъ. Еще 6 лѣтъ тому назадъ, я смотрѣлъ бодро, и хладнокровно выжидалъ времени, когда можно будетъ приняться за трудъ, но... время шло, а планы мои все откладывались... Я за картину, въ сущности, не принимался, съ тѣхъ поръ, когда, помните, я работалъ въ кадетскомъ корпусѣ, въ своемъ досчатомъ баракѣ<sup>1)</sup>. Въ 1884 г. онъ писалъ П. О. Ковалевскому: „Я уже самъ отъ себя пересталъ ждать. Мнѣ минуло 47 лѣтъ; это бы еще ничего, но худо то, что у меня нѣтъ больше силъ, я... старикъ! Всю жизнь, и еще 5 — 6 лѣтъ тому назадъ, я все думалъ: вотъ, не сегодня — завтра, удивлю мѣръ, — т.-е. не сегодня, завтра, буду имѣть возможность писать то, что нужно, что хочется. Но годъ за годомъ уходить, а я только и занятъ, какъ бы окупить квартиру и какъ бы достало на текущую жизнь. И всю жизнь такъ, начиная съ 17 лѣтъ..." Прибавимъ въ этому нужду, которая всегда существовала, но еще только усилилась во времени 80-хъ годовъ. Въ послѣднія 7 лѣтъ жизни, Крамской находился больше, чѣмъ когда-нибудь, подъ гнетомъ матеріальныхъ недостатковъ (хотя и много зарабатывалъ). Поэтому онъ адресовался, въ одному за другимъ, во многимъ лицамъ, предлагая имъ, какъ онъ называлъ, продать себя, кто купить, т.-е. получать ежегодно известную сумму съ тѣмъ, чтобы всѣ его работы за это время, все, что онъ ни напишетъ и ни нарисуетъ, дѣлалось собственностью того „купившаго его лица“. Но это не состоялось.

Несмотря, однако же, ни на что, Крамской судорожно схватывался, отъ времени до времени, и за другія еще задачи и бодро начиналъ ихъ. Еще въ 1873 году онъ вздумалъ написать картины: „Божій человекъ“, „Продажа стараго дома“, и подробно описывалъ сюжетъ второй Васильеву: „Сюжетъ заключается въ томъ, что старый породистый баринъ, холостякъ, пріѣзжаетъ въ свое родовое имѣніе, послѣ долгаго, очень долгаго времени, и находитъ усадьбу въ развалинахъ: потолокъ обрушился въ одномъ

<sup>1)</sup> Въ 1877 году у Крамского была деревянная мастерская, на дворѣ 1-го кадетскаго корпуса; осенью того же года ему дано было помѣщеніе для мастерской въ Михайловскомъ дворѣ, такъ какъ онъ давалъ уроки рисованія великой княгинѣ Елизаветѣ Михайловнѣ; позже, въ 1884 году, онъ построилъ себѣ собственную мастерскую близъ Сиверской станицы.



мѣстѣ, вездѣ паутина и плѣсень, по стѣнамъ рядъ портретовъ предковъ. Ведутъ его подъ руки двѣ личности женскаго пола, иностранки сомнительнаго вида. За нимъ покупатель — толстый купецъ, которому развалина-дворецкій сообщаетъ, что вотъ-мошь это дѣдушка его сѣтльства, вотъ это — бабушка, а это та-кой-то, и т. д., — а тотъ его и не слушаетъ, и занятъ, напротивъ, разсматриваніемъ потолка, зрѣлища гораздо болѣе интереснаго. Вся процессія остановилась, потому что сельскій староста никакъ не можетъ отпереть слѣдующую комнату...“ (Письмо къ Васильеву 18 августа 1873 г.). Сюжетъ былъ богатый, великолѣпный, совершенно подъ пару всему тому, чтò у насъ сочинялось и писалось въ этомъ родѣ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, даже больше того, — совершенно достойный Перова и Федотова. Но Крамской все-таки не кончилъ начатой картины. Она была ему вовсе не по натурѣ. Ему нужны были сцены тяжелыя, горькія, моменты мучительные, трагическіе, моменты удрученія и гибели. Но, подъ влияніемъ томившаго его безпокойства, подъ гнетомъ ежедневныхъ заботъ, онъ не всегда овладѣвалъ, со спокойнымъ духомъ, своимъ сюжетомъ. Казалось бы, какой сюжетъ могъ больше ему идти, какъ „Иродіада, разсматривающая отрубленную голову Іоанна Крестителя“. Эту картину онъ началъ писать въ 1883 году. Тутъ былъ весь тотъ трагизмъ, вся та тягостная мысль, которая были нужны его натурѣ. И картина начата была великолѣпная. Мертвая голова Іоанна, лежащая на столѣ, была даже совершенно окончена — величавая, благородная, полная силы и въ смерти, написанная чудесно, но все остальное — прекрасная фигура сидящей Иродіады, все вокругъ нея — все это осталось почти нетронутымъ, и Крамской, послѣ первыхъ работъ, къ холсту больше и не прикасался. Наконецъ, еще одна картина, „Неутѣшное горе“, была начата Крамскимъ въ антрактахъ между писаньемъ большой, главной его картины. Сюжетъ былъ въ высшей степени свойственъ и близокъ Крамскому: тутъ были мука, страданіе, погибель — всѣ элементы, близкіе его духу. „Если картина никому не будетъ нужна теперь, — писалъ онъ 19 апрѣля 1884 года П. М. Третьякову: — если эта картина никому не будетъ нужна теперь, она не лишняя въ школѣ русской живописи вообще. Это не самообольщеніе, потому что я искренно сочувствовалъ материнскому горю и искалъ долго чистой формы, и остановился, наконецъ, на *этой* формѣ, потому что больше двухъ лѣтъ эта форма не возбуждала во мнѣ критики. Если эта картина не будетъ продана, я ее самымъ спокойнымъ образомъ поворачиваю въ стѣнѣ, и забываю о ней, я свое дѣло сдѣлалъ.

Все равно—или она *еще*, и тогда она стѣдитъ того, по крайней мѣрѣ, чего стѣдитъ въ жизни кровь и нервы художника, которому надобно еще родиться, расти и развиваться;—или она *не еще*, и тогда ее надобно поупать и пристраивать для поощренія, изъ милости. Кто бы я ни былъ, въ какомъ бы положеніи я ни очутился, я не хочу и не желаю поощренія; мало того, не прошу его, когда оно ко мнѣ постучится...“ Крамской говорилъ тутъ истинную правду: эта картина писана кровью и нервами. Это, безъ сомнѣнія, та картина Крамского, гдѣ у него выразилось самое глубокое, самое трогательное, самое трагическое выраженіе, какое только когда-либо ему удавалось въ его произведеніяхъ. Чтѣ значить писать кистью дѣйствительно видѣнное, испытанное, рисовать уголокъ истинной правды изъ того, чтѣ, въ самомъ дѣлѣ, совершилось передъ глазами!

И такъ, человекѣ, и всегда-то мало вѣровавшій въ себя, долженъ былъ, подѣ конецъ жизни, бороться со множествомъ тяжелыхъ препятствій, мѣшавшихъ ему кончать свою главную картину: и нужда, и казавшійся ему упадокъ силъ, и казавшаяся ему понапрасну растроченною жизнь, и полный недостатокъ времени, и срочная заказная работа, и вновь представлявшіеся его воображенію сюжеты, которые ему хотѣлось испробовать—и, какъ послѣдній, громовой тормазъ, овладѣвшее имъ вдругъ убѣжденіе, что и то, чтѣ онъ до сихъ поръ сдѣлалъ въ своей картинѣ, была одна сплошная ошибка, фальшиво придуманная система. Какое ужасное убѣжденіе, каковой трагическій моментъ! Какъ тутъ было продолжать картину, какъ не опустить въ безсилія руки!

Но теперь, когда передъ нашими глазами не одни письма Крамского, но и самая картина его „Хохоть“, каждый изъ насъ долженъ, мнѣ кажется, сказать, что Крамской былъ совершенно неправъ къ самому себѣ и только понапрасну мучилъ себя самоубичеваніемъ и опасеніями тысячи разныхъ сортовъ. Пускай, дѣйствительно, картина не должна быть ни доказательствомъ, ни выкладкой, и это, въ самомъ дѣлѣ, ошибка, когда ее назначаютъ быть доказательствомъ и выкладкой. Но, несмотря ни на чтѣ, „Хохоть“ Крамского есть картина превосходная, полная первостепенныхъ достоинствъ, назначенная занять крупнѣйшее мѣсто въ исторіи русской живописи. Глубокая историческая мысль, ее проникающая, то, какъ она задумана, какую она представляетъ величественную и оригинальную массу, какія группы ее наполняютъ, какіе характеры въ ней представлены, какія выраженія каждаго человекѣа, отдѣльно взятаго, какія звѣринныя чувства невѣжества и непониманія въ толпѣ, каковой смѣхъ тупости и зложелатель-

ства—все это такъ глубоко и правдиво у Крамского, что картина его становится однимъ изъ самыхъ великихъ фактовъ русскаго искусства. Одинъ Христосъ остался едва намѣченнымъ въ картинѣ: ни фигура его, ни типъ, ни выраженіе, ни даже самая поза не опредѣлены еще въ полной точности, а между тѣмъ—это должна была быть самая главная фигура во всей картинѣ. Но, мнѣ кажется, нельзя сомнѣваться въ томъ, что при послѣдней обработкѣ картины и эта фигура удалась бы Крамскому: онъ слишкомъ долго о ней думалъ и мечталъ, слишкомъ долго въ ней приготавливался, и его этюды, живописные и даже и скульптурные, доказываютъ, какую великолѣпную голову Христа готовился онъ представить въ своей картинѣ. Красокъ въ картинѣ почти еще вовсе нѣтъ, едва онѣ тронуты кое-гдѣ сверхъ общаго первоначальнаго тона сепіи. Но смѣло можно было бы предвидѣть, что и по краскамъ картина, когда докончится, будетъ превосходна. Недаромъ онъ такъ пристально учился надъ картинами Васильева и надъ картинами Рѣпина. Относительно перваго, я привелъ уже выше его отзывъ; про ученье надъ Рѣпинскими картинами мы узнаемъ изъ одного его письма 1874 года: „Съ тѣхъ поръ какъ вы начали писать „Іова“,—говоритъ онъ ему,—вы мнѣ много добра сдѣлали. Живопись ваша до такой степени существенно разнится отъ моего взгляда на природу, что я только съ тѣхъ поръ понималъ, куда мнѣ надо идти“... Точно также и позже, Крамской не переставалъ учиться надъ Рѣпиннымъ, но, конечно, также и надъ другими крупными художниками, которыхъ глубоко уважалъ. Изъ этого ученья выпли чудесные результаты, талантъ Крамского громадно выигралъ, картины его послѣднихъ лѣтъ получили новый характеръ колоритности и жизненности, и, безъ сомнѣнія, его картина еще больше, чѣмъ лучшіе его портреты конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ, выразила бы ту высокую степень техники, которой онъ достигъ.

И такъ, все теперь было у него въ рукахъ. Чего же онъ боялся, на чтѣ жаловался? Онъ напрасно себя мучилъ недоумѣріемъ.

Но одно изъ самыхъ тяжелыхъ мученій всей жизни Крамского—это была необходимость писать весь свой вѣкъ портреты. „Творчество—такая штука,—писалъ онъ Васильеву 29-го августа 1872 года,—что, вкусивши его, потомъ всякая другая работа—ваторжная работа“. Это же онъ повторялъ и въ письмахъ къ другимъ близкимъ людямъ. „Думаютъ, что я портретистъ по призванію,—говоритъ онъ П. М. Третьякову, 29-го декабря 1879 г.,—но,—прибавляетъ онъ,—мнѣ надоѣло до тошноты писать пор-

третей, да еще съ фотографій“. „Портреты, въ сущности, я никогда не любилъ,—говорить онъ еще П. М. Третьякову 15-го января 1883 г.,—и если дѣлалъ сносно, то только потому, что любилъ и люблю человѣческую фізіономію; но вѣдь мы понимаемъ, что человѣческое лицо и фигура не суть портреты, потребныя публикѣ. Я ее слишкомъ хорошо знаю. Дѣло у меня дошло до того, что я готовъ кричать:—помогите!“ „Я сдѣлался портретистомъ по необходимости,—пишетъ онъ ему же, 20-го января 1883 г.;—быть можетъ, я и въ самомъ дѣлѣ ничего больше, какъ портретистъ, но я пробовалъ раза два-три того, что называютъ творчествомъ, а вслѣдствіе того попорченъ, и потому не хочу умирать, не попробовавъ еще разъ того же“... Вдобавокъ ко всему этому, надо сказать еще, что къ портретамъ своей работы Крамской былъ необыкновенно строгъ. Его письма къ ближайшимъ ему людямъ наполнены только порицаніями самому себѣ; рѣдко онъ хоть сколько-нибудь хвалитъ тотъ или другой портретъ, и чаще находитъ его посредственнымъ, а то и совершенно неудачнымъ, ординарнымъ, рутиннымъ. Примѣровъ — безчисленное множество въ его перепискѣ. Вотъ два разительнѣйшихъ примѣра. Про свой портретъ П. М. Ковалевскаго, писанный имъ въ началѣ 1886 года, онъ говоритъ оригиналу портрета: „Портретъ вашъ окончательно мнѣ не удастся,—пишетъ онъ 11-го марта,—это мнѣ стало уже давно ясно. Ошибка лежала въ началѣ. Я его сдѣлалъ больше натуры. На четвертый разъ онъ былъ готовъ и конченъ въ своемъ родѣ, но ...такъ какъ оставить его въ такомъ видѣ не было возможности (хотя и была горячая и сильная живопись), а необходимо было ввести въ границы нормальныя, то и начались путаница, мелочи, палліативы, энергія первоначальная потухла и осталось на холстѣ нѣчто плоское, хилое и крайне ординарное...“ Про одинъ женскій свой портретъ онъ писалъ А. С. Суворину въ 1885 году: „Вы ясно увидите, что это только художникъ притворяется, будто бы онъ написалъ это за границей, среди мрамора и розъ, а въ сущности все это сдѣлано въ комнатѣ и, главное, въ Петербургѣ; да и то невѣрно въ краскахъ, а такъ, какъ по рутинѣ выходитъ. Вотъ что значитъ писать 20 лѣтъ для публики...“ И при этомъ ничьи постороннія слова и рѣчи не имѣли уже на Крамского вліянія,—такова была его художественная честность и неподкупность. Друзья или добрые знакомые могли его сколько угодно хвалить на словахъ или въ печати — онъ никому не вѣрилъ и никого не слушался. Но Крамской слишкомъ часто бывалъ въ высшей степени неправъ въ отношеніи къ самому себѣ и очень часто напрасно мучилъ себя недоувѣріемъ, напрасно биче-

валъ самъ себя. Конечно, въ огромной массѣ его портретовъ есть извѣстное количество неудачныхъ. Но за то какая же масса и портретовъ истинно чудесныхъ, такихъ, гдѣ не только внѣшнее сходство передано съ необычайною вѣрностью, но гдѣ выражены и фізіономія, и натура, и типъ, и характеръ, и всѣ душевныя способности той или другой личности! Въ письмѣ къ мнѣ, отъ 19-го іюля 1876 года, онъ говоритъ: „Теперь надобно лицо написать такъ, что — смотрите—оно какъ будто не то улыбается, не то нѣтъ, то вдругъ какъ будто губы дрогнули, словомъ, чортъ знаетъ что, дышетъ—и это можно!.. Я всегда любилъ человѣческую голову и всматривался въ нее, и когда не работаю, гораздо больше занятъ ею, и, чувствую, наступаетъ время, что я понимаю, изъ чего это Господь Богъ складываетъ то, что мы называемъ душою, выраженіемъ... я, кажется, понимаю страсти и характеръ чело-вѣка...“ Вотъ это-то глубокое вниканіе и результатъ его—та-лантливая передача увидѣннаго и понятаго—дѣлали портреты Крамского въ высокой степени значительными. Такихъ портре-товъ у Крамского много. И если бы даже онъ во весь свой вѣкъ ничего не написалъ, кромѣ портретовъ Шевченки, Д. В. Григоровича, Шишенина, министра графа Д. А. Толстого, а между женскими—своей тещи, жены, дочери,—то уже одни эти произ-веденія дали бы ему высокое мѣсто въ ряду портретныхъ живо-писцевъ всѣхъ вѣковъ. Но, кромѣ того, имъ написанъ велико-лѣпнѣйшій портретъ графа Льва Толстого, въ 1873 году, въ пору полного расцвѣта великаго русскаго писателя, и онъ написалъ его съ изумительно выраженной характеристикой его личности, потому что сознавалъ всю великость этой личности, глубоко преклонялся передъ нею. „Графъ Толстой, — писалъ онъ Рѣпину, 23-го февраля 1874 г.,—интересный чело-вѣкъ, даже удивительный. Я провелъ съ нимъ нѣсколько дней, и, признаюсь, былъ все время въ воз-бужденномъ состояніи даже. На генія смахиваетъ“. Какъ Крам-ской былъ проникнуть великостью души и необычайною талантливостью художественной природы графа Толстого, онъ высказалъ это кистью въ своемъ портретѣ. Всѣ тѣ высокіе и своеобразные эле-менты, которые образуютъ личность графа Толстого: оригиналь-ность, глубина ума, феноменальная сила творческаго дара, доб-рота, простота, непреклонность воли—все это съ великимъ та-лантомъ нарисовано Крамскимъ на лицѣ графа Толстого (чита-тель будетъ пораженъ, узнавъ, что даже этотъ превосходный портретъ Крамской называлъ, въ одномъ письмѣ къ Рѣпину, только „честнымъ“—и не болѣе того!). Но еще выше всѣхъ осталь-ныхъ портретовъ вышли у Крамского еще два портрета: А. Д.

Литовченки и А. С. Суворина. Огонь и порывъ, правда и искренность, съ которыми написанъ первый изъ нихъ, таковы, что составляютъ необычайное исключеніе даже въ ряду всѣхъ созданій Крамского, а мастерство письма, глубокая характеристика многочисленныхъ и противорѣчивыхъ сторонъ натуры, рельефъ и сила изображенія — дѣлаютъ и второй портретъ высшимъ художественнымъ созданіемъ. Вспоминаешь, послѣ этого, все то, что Крамской говоритъ про свою нелюбовь къ писанію портретовъ, про крайнюю необходимость, которая одна заставляла его заниматься ими, и думаешь: „Нѣтъ, это не такъ! Кто столько силъ души и жизни положилъ на то, чтобъ вотъ такъ понимать человѣческую голову, человѣческую натуру и выраженіе, кто достигалъ такъ часто высокаго совершенства въ передачѣ понятаго—тотъ не могъ чувствовать только одно каторжное принужденіе, одну безвѣчную муку въ писаніи портретовъ. Нѣтъ, онъ долженъ былъ испытывать при этомъ и радость высокихъ наслажденій. Онъ, навѣрное, часто бывалъ и счастливъ въ тѣ часы. Онъ долженъ былъ любить это дѣло!“

## V.

Въ январѣ 1874 года, Крамской писалъ Рѣпину въ Парижъ, въ нѣсколькихъ письмахъ: „Вы очень мѣтко опредѣлили мою дѣятельность, говоря, что она болѣе политическая. Я никогда объ этомъ не думалъ, т.-е. въ этой формѣ не думалъ, и когда вы сказали, я просто удивился, до чего это вѣрно... Я все кричу: „впередъ!“, самъ себя ободряю крикомъ, потому что еслибы я не говорилъ этого себѣ, то другимъ у меня духу бы не достало... Съ тѣхъ поръ, какъ себя помню, я всегда старался найти тѣхъ, быть можетъ, немногихъ, съ которыми всякое дѣло, намъ общее, будетъ легче и прочтѣе сдѣлано. Часто я оставался одинокимъ, да и теперь не скажу, чтобы былъ счастливѣе; но внутри продолжаетъ всякій разъ шевелиться надежда на лучшее будущее... Очень возможно пройти всю жизнь, не применивъ ни къ какому движенію, не идя ни съ кѣмъ въ ногу, но только потому, что или не встрѣтишь товарища, или нѣтъ еще достаточно опредѣлившихся цѣлей. Но когда цѣли видны, когда истиннѣе развился до сознанія, нельзя желать остаться одному. Это, какъ религія, требуетъ адентовъ, сотрудниковъ. Это, по моему—законъ... Партія, даже каждый человѣкъ партіи, нѣсколько партій въ одномъ человѣкѣ—все это уже нѣчто, уже движеніе, уже по-

бужденіе къ жизни. Изъ чего же, наконецъ, и выходятъ какіе-нибудь результаты и частная инициатива, и чѣмъ же она начинается?.. Человѣкъ, какъ животное, все способенъ опоплять, а стало быть, и борьбу партій низвести на степень простого грабежа и мошенничества. Но развѣ оттого самый законъ подлежать осужденію, и люди, цѣлко хватающіеся за всякую социальную задачу, суть не больше, какъ даромъ тратящіе свое время на пустяки? Вы, конечно, чувствуете, что во мнѣ сидитъ сектантъ, фанатикъ, нѣчто нетерпимое, отъ чего надо поскорѣе отдѣлаться? Очень больно мнѣ, если вы правы, а не я. Это значитъ прожить до сѣдинъ, ошибаясь,—это значитъ, что вся жизнь моя не болѣе какъ ошибка! Но я чувствую, что я неисправимъ, я не рисуюсь, и если все будущее, молодое, сильное и талантливое осудитъ меня, я останусь калѣбой, правда, но упорно продолжая отстаивать свои положенія... Вѣроятно, правду говорятъ, что у всякаго поколѣнія, какъ при новомъ химическомъ смѣшеніи, появляется новое тѣло, не похожее ни на одно изъ предыдущихъ... Вѣдь именно моя специальность, мое дѣло настоящее — и есть борьба съ партіей мнѣ противной. Чѣмъ же мнѣ бороться? Чѣмъ больше я улучшаю себя и совершенствую, тѣмъ болѣшія наношу поражения—это-то и есть борьба партій“...

Здѣсь Крамской нарисовалъ съ самого себя, какъ художественнаго общественнаго дѣятеля, такой великолѣпный, по правдѣ и вѣрности, портретъ, котораго не превзошелъ ни одинъ изъ самыхъ высокихъ портретовъ, написанныхъ его кистью и красками. Здѣсь онъ проникнулъ въ самую глубину своей природы и нарисовалъ ее съ поразительной истиной. Да, Крамской былъ тотъ челоѣкъ, которому надо было оставаться не одному, а быть вмѣстѣ съ другими, собирать вокругъ себя единомышленниковъ, адентовъ, воспитывать, возвышать и просвѣтлять ихъ, а потомъ устремлять ихъ на общее, для всѣхъ благодѣтельное, необходимое дѣло. И когда его не понимали близкіе ему, дорожащіе русскимъ искусствомъ, люди, онъ приходилъ въ негодованіе и досаду. Въ 1881 году онъ писалъ П. М. Третьякову: „Что касается осужденія вами товарищества (передвижныхъ выставокъ) за обособленіе, то я увидалъ еще въ сентябрѣ, когда былъ въ Москвѣ, что многое въ жизни искусства вамъ или непонятно, или чуждо. Извините за рѣзкость. Но сердце, истекающее кровью, сердце бойца, понимающаго современные вопросы, пока инстинктомъ, не можетъ оцѣнивать жизненные впечатлѣнія иначе, какъ оно оцѣниваетъ“...

Крамской проникнуть былъ мыслью, что въ нынѣшнее время

художнику мало еще быть талантливымъ человекомъ и, запершись въ своей мастерской, писать свои картины, ничего не зная и не желая знать, что кругомъ него дѣлается. Онъ понималъ, что есть еще интересы, общіе многимъ художникамъ, вмѣстѣ взятымъ, что на художникѣ лежитъ обязанность выступать и бороться за эти интересы, не давать ихъ топтать невѣжеству, глупости или хищному эгоизму, что для этого онъ долженъ собираться и вооружаться съ товарищами. На это Крамской посвятилъ всю свою жизнь. Онъ, начиная еще съ годовъ юношества, сдѣлался центромъ молодыхъ художниковъ, которыхъ училъ и которымъ давалъ направленіе. Выше мы видѣли уже это; еще будучи въ академическихъ классахъ, онъ завелъ у себя, дома, въ маленькой своей квартирѣ на Васильевскомъ Острове, нѣчто въ родѣ художественной школы. Тутъ его товарищи, вмѣстѣ съ нимъ, занимались не однимъ карандашомъ и кистью, не однимъ только тѣмъ, чтобы набить руку и усовершенствовать технику, но и возвысить умъ и развить понятія. „Въ 1857 году, — писалъ онъ мнѣ 27-го іюля 1856 года, — я пріѣхалъ въ Петербургъ слѣпымъ щенкомъ. Въ 1863 году я уже настолько подросъ, что искренно пожелалъ свободы, настолько искренно, что готовъ былъ употреблять всѣ средства, чтобы и другіе были свободны. Я думалъ, что въ этомъ заключается разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ художественныхъ, устраненіе аномалій и здоровый ростъ свободы. Отъ чего? Конечно, отъ административной опеки“.

Между молодыми товарищами Крамской игралъ уже такую выдающуюся роль, что именно онъ писалъ то прошеніе отъ всѣхъ ихъ въ совѣтъ академіи художествъ, которое имѣло послѣдствіемъ добровольный выходъ изъ академіи 13 молодыхъ художниковъ, отказавшихся отъ конкурса и рѣшившихся попытать всѣ случайности необезпеченной ничѣмъ жизни. Система „программъ“ уже сотни лѣтъ существовала вездѣ, въ академіяхъ всей Европы, и никто никогда и нигдѣ противъ нея не протестовалъ. Протестъ явился въ первый разъ въ Россіи, въ 1863 году. Маленькая горсточка молодыхъ русскихъ художниковъ, съ Крамскимъ во главѣ, первая ясно увидала, что это система — нераціональная и вредная; въ бумагахъ Крамского уцѣлѣлъ черновой набросокъ этой бумаги, писанный его рукою. Мотивы и основанія возраженій молодыхъ русскихъ художниковъ (если не все, то, по крайней мѣрѣ, все главное исходило изъ мысли Крамского) — это верхъ ума и художественнаго пониманія. „Мы, конкуренты на большую золотую медаль, — сказано тутъ, — въ настоящемъ нашемъ положеніи принужденные заглянуть поглубже въ самихъ себя, отдѣльно, и потомъ



сравнить насъ всѣхъ вмѣстѣ, увидали громадную разницу нашихъ художественныхъ наклонностей. Одни изъ насъ—люди спокойные, сочувствующіе всему тихому, грустному; другіе—люди живые, страстные, художественное творчество которыхъ можетъ достойно проявляться только въ выраженіи сильныхъ, крутыхъ движеній души человѣческой. При темѣ: „грусть по родинѣ“, способности первыхъ, людей тихаго характера, еще могутъ высказаться въ своей силѣ; за то вторые положительно пропадаютъ. При темѣ: „гнѣвъ“, наоборотъ, первые пропадаютъ, не будучи въ силахъ представить то, къ чему они неспособны, а вторые (натуры живыя и страстныя) вынырываютъ, напавъ на тему въ ихъ родѣ. Скажемъ болѣе: люди, одаренные сильною фантазіею, пропадаютъ при темѣ реальной, реальныя—при темѣ фантастической; люди со способностями саркастическими и комическими, гибнутъ при темѣ грустной; люди съ меланхолическими способностями оказываются бездарными при темѣ веселой. Поэтому одна, какаѣ бы то ни была, тема, заданная всѣмъ безраздѣльно, вывозя людей, способности которыхъ соотвѣтствуютъ этой темѣ, губить другихъ, которые могли бы высказаться при свободномъ выборѣ сюжетовъ. Итакъ, экзамень теряетъ свой, равно для всѣхъ, оцѣночный характеръ и принимаетъ характеръ лотерейный. Дойдя до такого убѣжденія, мы рѣшились обратиться съ покорнѣйшею просьбою въ совѣтъ академіи, дозволить намъ свободный выборъ сюжетовъ каждому по своимъ наклонностямъ“... Такія слова впервые раздавались въ стѣнахъ какой бы то ни было художественной академіи въ Европѣ. Правда, время начала 60-хъ годовъ было вообще у насъ эпохой свѣжести мысли и просвѣтлѣнія всаческихъ понятій. Самъ тогдашній моментъ поднималъ и несъ этихъ юностей. Но сколько же они всѣ были обязаны специально Крамскому, его сильной индивидуальной мысли, его глубокому внутреннему образованію, возросшему на неустанномъ чтеніи всего лучшаго, выдающагося, сколько они были обязаны его пчнину, его бесѣдамъ, его разъясненіямъ и уговариваніямъ! Онъ тутъ впервые являлся въ настоящей, коренной своей роли—*трибуна* новыхъ русскихъ художниковъ. И эту роль онъ уже нѣкогда болѣе не повидалъ. Спустя немного дней послѣ этой просьбы, наступилъ моментъ послѣдняго, рѣшительнаго оффиціального объясненія съ художественнымъ начальствомъ, день 9-го ноября 1863 г., и тутъ, передъ лицомъ совѣта, и опять какъ представитель товарищей, выступилъ съ рѣчью—Крамской же. Тогда же, 13-го ноября, онъ писалъ своему пріятелю, М. Б. Тулинову: „Послѣ прочтенія намъ программы профессоромъ Бруни, одинъ изъ насъ, именно Крамской,

отдѣляется и произноситъ слѣдующее: „Просимъ передъ лицомъ совѣта сказать нѣсколько словъ (молчаніе, и взоры всѣхъ впились въ говорящаго). Мы два раза подавали прошеніе, но совѣтъ не нашель возможнымъ исполнить нашу просьбу; потому мы, не считая себя въ правѣ больше настаивать и не смѣя думать объ измѣненіи академическихъ постановленій, просимъ поворнѣйше освободить насъ отъ участія въ конкурсѣ и выдать намъ дипломы на званіе художниковъ“. Этотъ фактъ самоуничтоженія передъ сильнѣйшимъ, неодолимымъ врагомъ проявляетъ въ высшей степени характеръ національный, русскій. Онъ является тутъ въ миниатюрѣ, въ крошечныхъ размѣрахъ, для русскихъ художниковъ и русскаго искусства, тѣмъ же, тѣмъ были, въ громаднхъ и величавыхъ размѣрахъ, для всего русскаго народа, пожаръ Москвы въ 1812 году, затопленіе севастопольскихъ кораблей въ 1853 году.

Тотчасъ послѣ катастрофы, Крамской написалъ небольшую статью: „Событіе въ академіи художествъ“. Это была первая статья, назначенная имъ для печати. Это было (какъ онъ самъ называетъ) почти одно „голое изложеніе фактовъ“. Только въ концѣ, послѣ словъ одного члена совѣта: „Прекрасно! прекрасно!“ — Крамской воскликнулъ: — „Прекрасно! какъ много говорить это слово, какъ много въ немъ теплоты и участія въ этимъ оставляющимъ академію молодымъ людямъ, напутствуемымъ своими наставниками при началѣ другого новаго поприща!.. Вотъ голый фактъ, съ признаками самаго упорнаго поддерживанія порядка, ни въ какомъ случаѣ не могущаго служить залогомъ здраваго развитія искусства“... Но статья осталась ненапечатанною.

Образовалась „артель“. Но „составъ ея былъ случайный“, — писалъ мнѣ впослѣдствіи, въ 1882 году, Крамской. — „Члены ея не всѣ были люди убѣжденных. Малая стойкость, недостаточная сила нравственная обнаружилась у нѣкоторыхъ между ними“... „Я понималъ отлично и тогда, — писалъ онъ мнѣ 21-го іюля 1886 года, — что то, чтѣ возникаетъ, не даетъ художнику возможности развитія. Но тогда необходимо было прежде всего ѣсть, питаться. Тѣ, у кого хоть что-нибудь было, сейчасъ же отпали. Когда мы получили возможность наѣдаться до-сыта не въ праздники только, а и въ будни, явилась у нѣкоторыхъ жажда духа, у другихъ — полное довольство и ожирѣніе“... Мало того, стали появляться измѣнники, перебѣжчики. И тутъ-то Крамской снова являлся въ своей роли трибуна. Однихъ изъ товарищей онъ обличалъ въ ихъ дѣяніяхъ, противорѣчащихъ духу ихъ сообщества, другихъ старался поднять на прежнюю, первоначальную высоту и напомнить имъ же самимъ первоначальную ихъ задачу и обязанности.

Стали происходить враждебныя столкновенія. Последнее между ними рисуется и тогдашнее положеніе „артели“, и роль Крамской. Въ 1870 году одинъ изъ членовъ артели, секретно отъ всѣхъ товарищей, сталъ добиваться посылки своей за границу, на казенный счетъ, академію художествъ. Узнавъ это случайно, Крамской напалъ на него публично, въ общемъ собраніи, уличалъ его въ перебѣжничество, въ измѣнѣ, а потомъ 19-го октября подалъ въ общее собраніе артели письменное заявленіе, гдѣ говорилъ: „Артели извѣстно, что я нѣсколько разъ настаивалъ на томъ, чтобы артель, въ важныхъ случаяхъ, если она себя уважаетъ, выражала бы свое мнѣніе опредѣленно и рѣшительно. Еслибы это было, то многое, чтѣ уже случилось вреднаго для артели, не могло бы случиться, развитіе ея было бы правильнѣе и положеніе прочнѣе. Въ настоящее время есть такой важности вопросъ, на которомъ я желаю остановить вниманіе артели, съ цѣлью добиться прямого и яснаго отвѣта... Семь лѣтъ тому назадъ, мы отказались отъ поѣздки на казенный счетъ за границу, и отказались безповоротно. Когда же одинъ оказался нежелающимъ отказываться, то его поступокъ показался намъ тогда дурнымъ поступкомъ“<sup>1)</sup>. Далѣе Крамской входилъ въ подробныя доказательства и говорилъ: „Я не могу сказать другимъ, что это до меня не касается, потому что если *это* не касается, другое не касается, третье не касается и т. д., то я и другіе могутъ спросить, чтѣ же до насъ касается, и чтѣ же остается въ артели прочнаго, если все—ничего, и никому ни до чего нѣтъ дѣла? Тогда, я полагаю, артели не существуетъ. Мнѣ могутъ сказать, пожалуй, что артель, въ которой я взываю и постоянно обращаюсь, давно умерла, или, еще хуже, что все это есть только плодъ моего воображенія, что я создаю дѣтскія, а не существующія въ дѣйствительности обязанности, горячусь и навязываю такіе взгляды, которые всѣ осуждаютъ. Но, господа, я еще разъ обращаюсь къ нашему прошлому, и, на этотъ разъ, въ послѣдній. Несмотря на многія наши ошибки и внутреннія потрясенія, оставалась еще область неприкосновенная, составлявшая для насъ источникъ гордости: это пора честнаго и молодого поступка, — выхода изъ академіи. Это давало намъ право на сочувствіе и уваженіе къ нашему характеру. Но вотъ и это послѣднее уничтожено однимъ ударомъ, тихо и незамѣтно. Значеніе наше, какъ кружка, подрывается въ самомъ чувствительномъ его мѣстѣ, въ его корни, и наше лучшее преданіе не существуетъ. Никто еще не оскорблялъ

<sup>1)</sup> Въ черновомъ было написано: „глупымъ поступкомъ“.

такъ артели и никто не наносилъ ей болѣе чувствительнаго удара. Неужели же и это не существовало, неужели и это создано моимъ воображеніемъ? Въ такомъ случаѣ, господа, прошу васъ заставить меня одуматься, убѣдить меня и заставить замолчать передъ вами; объявите мнѣ, что вы совершенно отказываетесь отъ своего прошлаго, что вы сожалѣете о немъ, что все прошлое не болѣе какъ ошибка. Будьте искренни. Вы видите, что для меня все это не шутка "... Общее собраніе нашло это заявленіе „нелогичнымъ“ и не дало Крамскому отвѣтовъ на предложенные имъ вопросы (одобряетъ ли артель поѣздку Х. за границу на казенный счетъ, признаетъ ли необходимость высказываться коллективно во всѣхъ щекотливыхъ случаяхъ, и т. д.). Главнымъ предлогомъ, видимымъ и внѣшнимъ, было то, что, дескать, Крамской и самъ пользовался отъ академіи мастерскою (не обращалось вниманія на то, что эту мастерскую онъ принялъ для *продолженія* прежней работы, исполненія картоновъ профессора Маркова въ храмѣ Спаса въ Москвѣ); настоящимъ же поводомъ было то, что многие и другіе члены артели помышляли воротиться на лоно того самаго учрежденія, откуда стораяча, по молодости, ушли въ 1863 году; прежніе товарищи уходили, одинъ за другимъ, туда, куда манила добыча. Тогда Крамской написалъ въ общее собраніе, 24-го ноября 1870 г., послѣднее свое заявленіе: „Такъ какъ общее собраніе уклонилось отвѣчать на мои вопросы, а товарищи въ личныхъ разговорахъ выразили, большинствомъ, осужденіе моего поступка вообще, а нѣкоторые сочли себя даже оскорбленными въ лицѣ Х., я же считаю себя совершенно правымъ, и по совѣсти такъ долженъ былъ поступить, — въ виду такихъ обстоятельствъ, находя свое положеніе между членами измѣнившимся до того, что, оставаясь между вами, долженъ буду лицемерить, я вынужденъ нахожусь выйти изъ артели“. Скоро послѣ того артель сама собою заглохла.

Въ это время, съ 1868 на 69-й годъ, по инициативѣ и предложенію Мясоѣдова, возникла мысль о товариществѣ передвижныхъ выставокъ. „Это былъ,—писалъ мнѣ въ 1882 году Крамской,—не только настоящій выходъ изъ тогдашняго отчаяннаго положенія артели, но еще громадный шагъ впередъ для еоренной могучей идеи... Когда, въ концѣ 1869 года, на одномъ изъ четверговыхъ собраній артели, гдѣ бывало много и постороннихъ, предложили на обсужденіе мысль о соединеніи художниковъ петербургскихъ и московскихъ вмѣстѣ и образованіи новаго общества, какихъ комплиментовъ наслушались мы, какія восторженные рѣчи были произнесены и, наконецъ, какія подписи были даны тутъ

же, и какими личностями!.. Я призывалъ товарищей разстаться съ душевно курной избой, и построить новый домъ, свѣтлый и просторный“... Желанія Крамского и достойныхъ его товарищей осуществились. Товарищество образовалось; въ 1871 году утвержденъ былъ его уставъ, начались его выставки.

Въ продолженіе 16 лѣтъ, прошедшихъ съ тѣхъ поръ, Крамской не переставалъ быть горячимъ бойцомъ за товарищество. Судьбы его занимали его до глубины души; онъ принималъ самое пламенное участіе во всѣхъ касавшихся до него событіяхъ, и то недоброжелательство, которое часто оказываемо было ему старой художественной школой, художниками стараго и рутиннаго склада мысли, извѣстною частью публики и значительною долею печати, волновало его до корней души. Вездѣ, гдѣ только возможно было, въ частныхъ бесѣдахъ, въ собраніяхъ художниковъ, въ безчисленныхъ письмахъ, онъ выступалъ за товарищество и доказывалъ его необходимость и благотворную дѣятельность. Когда учредилось въ Петербургѣ, въ 1874 году, общество выставокъ, Крамской писалъ Рѣпину, 16-го ноября 1874 года: „Несомнѣнная заслуга товарищества—передача выставки академіи въ завѣдываніе самихъ художниковъ. Это своего рода освобожденіе крестьянъ. Худо ли, хорошо ли, но уже воротиться назадъ, въ прежней системѣ, будетъ невозможно... Странное дѣло, вѣдь вотъ, случись что-либо подобное 5 лѣтъ тому назадъ, быть можетъ, я нашелъ бы все это хорошимъ, а теперь—не нравится. Почему? Мудрый Эдипъ, разрѣши! Правъ ли я? Не становлюсь ли я сектантомъ, и слишкомъ узкимъ партизаномъ? Невольно задаешь себѣ этотъ вопросъ... Я ли ошибаюсь, или другіе? Вотъ проклятое положеніе. А между тѣмъ, я чувствую, отступленія (мнѣ, по крайней мѣрѣ) сдѣлать не придется—не смогу“... До конца своей жизни Крамской ни единой іоты не сдалъ изъ своего символа вѣры, изъ своей проповѣди, и — какъ долженъ быть всякій истинный общественный свѣтель—остался упоренъ и не отступалъ.

Въ продолженіе своего существованія, товарищество только однажды, во всемъ своемъ составѣ, высказалось, печатно, по художественному вопросу. Это было въ 1874 году, когда художникъ Тютрюмовъ, частью по собственной неразумности, частью по внушенію другихъ личностей, въ которыхъ онъ могъ нуждаться, напечаталъ въ „Русскомъ Мирѣ“ статью, гдѣ обвинялъ В. В. Верещагина въ подлогѣ—въ писаніи коллекціи своихъ средне-азиатскихъ картинъ чужими, наемными руками въ Мюнхенѣ. Едва только началась художественная расправа надъ Тютрюмовымъ, художественное слѣдствіе и судъ, товарищество выступило съ не-

чатнымъ протестомъ и со своей стороны. Едва ли не самымъ главнымъ двигателемъ и руководителемъ былъ при этомъ Крамской. Даже имъ былъ написанъ самый проектъ протеста. Черновой набросокъ сохранился въ его бумагахъ. „Г. Тютрюмовъ, — сказано здѣсь, — съ изумительнѣйшею смѣлостью обвиняетъ В. В. Верещагина въ томъ, что его картины изъ туркестанскаго края, имѣющія извѣстность за границей и у насъ, писаны не имъ, и тутъ же, отъ лица русскихъ художниковъ, позволяетъ себѣ отстранять Верещагина отъ ихъ семьи. Болѣе тяжелаго и возмутительнаго обвиненія никому еще изъ русскихъ художниковъ не было сдѣлано въ печатномъ словѣ. Вполнѣ убѣжденные, что дѣло обвиненія Верещагина въ подлогѣ не можетъ кончиться нигдѣ, кромѣ суда <sup>1)</sup>, мы оставляемъ эту часть его статьи на его личной отвѣтственности и касаться не будемъ. Все, что мы имѣемъ сказать теперь, заключается пока въ слѣдующемъ: кто далъ г. Тютрюмову полномочіе говорить отъ лица русскихъ художниковъ? Критическія замѣчанія его о картинахъ Верещагина настолько безграмотны, въ смыслѣ искусства, что нижеподписавшіеся не могутъ признать за ними никакого значенія и отказываются считать ихъ принадлежащими не только какому-нибудь серьезному и уважающему себя художнику, но даже просто развитому дилеттанту. Исключать же В. В. Верещагина изъ семьи русскихъ художниковъ г. Тютрюмовъ, или его довѣрители, если таковые есть на самомъ дѣлѣ, имѣетъ еще меньше основанія. Что касается В. В. Верещагина, какъ художника, то мы заявляемъ, что значеніе его въ искусствѣ настолько серьезно, что не только семья русскихъ художниковъ, но и художники иностранные сочли бы за особое удовольствіе и гордость считать его въ числѣ своихъ представителей“. Эта редакція не была одобрена „товарищами“ цѣликомъ, какъ есть; основу текста приняли, но смагчили въ немъ нѣкоторыя, слишкомъ жесткія выраженія. Жаль только одного: это, что „товарищи“ не рѣшились прямо заявить, какъ предлагалъ Крамской, что только, по совершенному дилеттантству или невѣжеству, можно приписывать картины Верещагина разнымъ рукамъ. Не знаю, почему это произошло, по робости, или по скромности, но только „товарищи“ добровольно уступили часть такого рѣшительнаго слова въ печати — мюнхенскимъ художникамъ. Тѣ были менѣе робки, и прямо заявили (черезъ мое посредство), что „высокая оригинальность этихъ созданій рѣшительно исключаетъ

<sup>1)</sup> Объ этомъ въ то время мною было объявлено, отъ лица Верещагина, печатно.

участіе всякой другой руки, кромѣ руки одного, единственнаго мастера“.

Послѣ того, когда Перовъ, сильно измѣнившійся во второй половинѣ 70-хъ годовъ противъ того, чѣмъ былъ прежде, задумалъ выйти изъ товарищества, котораго онъ былъ однимъ изъ краеугольныхъ столповъ, Крамской сталъ употреблять всѣ усилія, чтобъ возвратить его къ прежнему образу мыслей и удержать въ товариществѣ. Но все было напрасно: никакія самыя убѣдительныя и горячія письма не помогли, и Перовъ вышелъ <sup>1)</sup>.

Въ 1882 году, во время всероссійской московской выставки, въ средѣ товарищества возникла мысль устроить въ Москвѣ, въ связи съ выставкою, съѣздъ русскихъ художниковъ (живописцевъ и скульпторовъ), для рѣшенія главнѣйшихъ художественныхъ вопросовъ, стоявшихъ на очереди и не получавшихъ разрѣшенія. За 8 лѣтъ передъ тѣмъ, Крамской съ горестью видѣлъ, что ни къ чему не привела коммиссія пересмотра академическаго устава, которой онъ былъ дѣятельнѣйшимъ членомъ, и потому теперь онъ съ жаромъ схватился за новую окказію улучшить положеніе художественнаго дѣла въ Россіи. Онъ писалъ доклады, записки, программы съѣзда; здѣсь должна была рѣчь идти и о художественномъ образованіи, и о выставкахъ, и о провинціальныхъ музеяхъ, и о провинціальныхъ художественныхъ школахъ, и т. д. Крамской старался исчерпать въ своихъ запискахъ всѣ необходимѣйшіе вопросы и предметы. Въ письмѣ къ П. М. Третьякову, отъ 27-го іюня 1882 года, онъ говорилъ: „какъ хотите, а первое, чтѣ необходимо въ Россіи теперь (по части искусства)—это присутствіе частнаго почина въ дѣлѣ, для котораго не существуетъ оффиціалнаго учрежденія... Теперь назрѣло время, когда обнаружится необходимость образованія какого-нибудь нозаго и объединяющаго принципа или общества, и, быть можетъ, наступилъ моментъ, когда товарищество способно переформироваться... Какъ мы ни слабы, и какъ ни мало значеніе товарищества въ русскомъ обществѣ, но мы попытаемъ дѣло. Очень будетъ жаль, если Москва отстранится отъ такого хорошаго начала или движенія“... Однакомъ, не взирая на всѣ усилія и ходатайства какъ Крамского, такъ и его товарищей, художественный съѣздъ не состоялся.

Ранѣе того, въ 1877 году, въ письмѣ къ Рѣпину, отъ 26-го декабря, онъ говорилъ о необходимости интеллектуальнаго центра для русскихъ новыхъ художниковъ. „Хорошо бы, — связано тутъ, —

<sup>1)</sup> Письма Крамского къ Перову сожжены этимъ послѣднимъ, но приводимые факты извѣстны намъ изъ отъѣтныхъ писемъ Перова, по счастью уцѣлѣвшихъ въ бумагахъ у Крамского.

еслибъ былъ, знаете, этакой центръ, т.-е. не центръ, куда сходить, а центръ умственный, въ родѣ какихъ-либо очень широкихъ принциповъ, которые бы всѣ признавали, прилагать которые на практикѣ въ творествѣ было бы сердечною потребностью каждаго изъ насъ, — словомъ, нѣчто въ родѣ философской системы въ искусствѣ, религій тамъ, что ли, ясно и талантливо формулированной какимъ-нибудь писателемъ, и чтобы каждый изъ насъ, гдѣ бы ни находился, какія бы рожи его ни окружали, — но чтобы онъ чувствовалъ, что гдѣ-то тамъ, въ другомъ мѣстѣ, другой такой же, какъ и я, стремится къ тому же, работаетъ въ томъ же направленіи, хотя и всѣ розно: это удесатряетъ силы человѣка и держитъ постоянно на высотѣ тѣхъ задачъ, которыя однѣ оправдываютъ специальность. Ну, словомъ, эта штука вамъ во мнѣ уже знакома, а на этомъ коньѣ могу забраться очень далеко “... — Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, въ письмѣ къ П. М. Третьякову, отъ 15-го апрѣля, онъ поднимаетъ еще другой вопросъ: вопросъ о необходимости для нашихъ художниковъ „мастерскихъ и школъ“. Это казалось ему дѣломъ первостепенной, настоятельной надобности. „Мастерскія нужны намъ потому, что ихъ нѣтъ вовсе, — говорилъ онъ, — а между тѣмъ есть 3, 4, 5 человекъ, которые уже что-нибудь знаютъ и могутъ кое-чему научить молодые побѣги. Но чтобы научить молодежь, нужна безусловная свобода преподаванія. Молодежь теперь опять ничается чортъ знаетъ чѣмъ, и она рѣшительно не будетъ способна продолжать традиціи народившагося русскаго искусства. Со смертію теперешнихъ представителей русскаго искусства, самостоятельное развитие замретъ опять, и надолго... Если мои мысли догазаны, то необходимо слѣдующее: *домъ*. Чей это домъ — все равно. Въ этомъ домѣ верхній этажъ — мастерскія и выставкн. Какъ сдѣлать, чтобы капиталъ не былъ брошенъ за окно, а возвратился бы детально, я не знаю, но убѣжденъ, что возвращаться онъ будетъ... Всѣ (пріѣзжіе) платятъ за мастерскія, и никто не имѣетъ пристанища. Потомъ, въ Крамскому пристають уже нѣсколько лѣтъ: нельзя ли у васъ заниматься? Нельзя ли брать уроки? Нельзя ли прийти за совѣтомъ, хотя разъ въ недѣлю? Къ Н. Н. Гѣ — тоже, и всюду одна пѣсня: нельзя, негдѣ, я не могу!.. Самое товарищество не имѣетъ пристанища... Оно обновилось новыми членами, къ нему примкнули такія силы, какъ Рѣпинъ, у него въ средѣ выросъ такой, какъ Ярошенко, къ нему готовы примкнуть левторы по наукѣ и исторіи искусства, а также художественные критики, и нѣтъ мѣста живому слову... Вы спросите: неужели я готовъ сдѣлаться учителемъ? Я отвѣчаю: готовъ. Возьмите Шишкина. Это



ли не учитель? Онъ способенъ забрать 5 - 6 штукъ молодежи, уѣхать съ ними въ деревню и ходить на этюды, т.-е. работать съ ними вмѣстѣ... На горизонтѣ вѣтъ даже просвѣта. Теперь время къ полночи, но ужь никакъ не къ утру... Если, по зрѣломъ размышленіи, все это слѣдуетъ сдѣлать лучше въ Москвѣ, то мы произведемъ эмиграцію изъ П-тербурга"... Но эти предположенія никакого осуществленія не получили.

Другихъ еще фактовъ, доказывающихъ, какое горячее участіе принималъ всегда въ „товариществѣ“ Крамской, и какое онъ въ немъ имѣлъ постоянно крупное значеніе, много. Если мы не привели ихъ здѣсь изъ его писемъ, то единственно только по недостатку мѣста. Письма надо читать во всей ихъ полнотѣ. Въ этой „политической“ дѣятельности Крамской стоялъ гораздо выше Иванова. И обстоятельства, и положеніе его среди русскихъ художниковъ его времени не дали Иванову играть роль „трибуна“, въ которой онъ столько былъ способенъ и по уму, и по глубокому убѣжденію, и по свѣтлымъ понятіямъ: это мы можемъ заключать по множеству мѣстъ въ его письмахъ. Но Крамскому время и обстоятельства поблагопріятствовали—и онъ счастливаго случая не пропустилъ понапрасну. Онъ положилъ неизгладимую печать на свое художественное время и на жившихъ въ его время русскихъ художниковъ,—если не на всѣхъ, то на очень многихъ. Онъ всю свою жизнь помогаль имъ идти въ гору. Конечно, и сами „товарищи“ Крамского были часто люди замѣчательные, иногда люди высокаго историческаго значенія, и Крамской не даромъ говорилъ про нихъ однажды, въ письмѣ въ П. М. Третьякову (отъ 7-го марта 1879 г.): „Мы бойцы. Но насъ немного настоящихъ“. И вотъ, вмѣстѣ съ лучшими изъ товарищей, Крамской дѣлалъ то, что какъ ни слабо, какъ ни малочисленно было товарищество, а дѣлало такое дѣло, которое было бы подъ силу художественному сообществу самому сильному и многочисленному. Оно въ продолженіе многихъ лѣтъ выносило на своихъ плечахъ дѣло русскаго національнаго искусства.

## VI.

Какія были у Крамского требованія отъ художественной критики и художественныхъ критиковъ? Онъ не разъ высказывалъ это въ своихъ письмахъ. Въ письмѣ въ живописцу П. О. Ковалевскому, отъ 1-го января 1885 года, онъ говоритъ: „Вы желаете

знать, можно ли Тальмѣ <sup>1)</sup> продолжать писать объ искусствѣ? Какой это вопросъ? кровный, или вопросъ любопытства? Если кровный, то надо прежде всего сурово взглянуть на дѣло. У критика одна мѣрка—идеаль, и идеаль, захватывающій дальше всего, куда художникъ достигалъ когда-либо. И потомъ—приложить этотъ размѣръ къ нашимъ дѣлишкамъ, и посмотреть, что выходитъ. И что выходитъ по сравненію, то и слѣдуетъ сказать рѣзко, сурово и безъ цвѣтовъ. Оно немножко похоже на холодный душъ, но здорово для художника. И потомъ, о разныхъ художникахъ можно и слѣдуетъ поговорить различно. Чѣмъ выше художникъ, тѣмъ суровѣе тонъ, тѣмъ беспощаднѣе критика. А впрочемъ—можетъ, и не такъ. Можетъ быть, художникъ нуждается не въ такой критикѣ. Не знаю, я говорю о себѣ, или, лучше, я говорю не выполнѣ то, что думаю. Мнѣ бы хотѣлось (да, вѣроятно, и вамъ тоже), чтобы критика *понимала* художника и *любила бы* его; обладая двумя этими качествами, критика будетъ имѣть въ виду только пользу и одну пользу искусства. И тогда—знаніе и пониманіе дѣла не позволятъ спускать уровень требований, а любовь смягчить суровость, оправдываетъ художника и найдетъ настоящую причину недочетовъ. Но гдѣ такая критика?”

Въ письмѣ къ мнѣ, отъ 30-го апрѣля 1884 года, высказывая свое восхищеніе Веласкесомъ, Рембрандтомъ, Тиціаномъ и другими великими мастерами, Крамской писалъ: „Не пристало теперь намъ говорить: „Осанна и ликуй!“ Нуженъ другой, рѣзкій, дерзкій, все ниспровергающій критическій голосъ, который бы постоянно и не скучая твердилъ бы: „Плохо, господа, ей-Богу плохо!“ А почему плохо, доказалъ бы нашему брату, какъ дважды-два четыре,—по отношенію къ природѣ. Нуженъ голосъ, громко, какъ труба, провозглашающій, что безъ идеи — нѣтъ искусства, но въ то же время, и еще болѣе того, безъ живописи живой и разительной—нѣтъ картинъ, а есть благія намѣренія,—и только. Вотъ что намъ теперь нужнѣе всего... О „критическомъ духѣ“ вы вѣрно и хорошо говорите. Онъ у насъ есть дѣйствительно, и это одна изъ свѣтлыхъ точекъ, особенно потому, что онъ „неумытный“ и „беспощадный“, и къ своимъ, и къ чужимъ. Это я признаю, и съ этимъ согласенъ“...

Именно всю эту чудесную программу Крамской постоянно исполнялъ, въ продолженіе всѣй своей жизни, и отъ этого-то его письма и статьи—суровы, рѣзки, неумолимы, во всемъ, что ка-

<sup>1)</sup> Молодой человекъ, пробовавшій въ 1884 году писать о новомъ русскомъ искусствѣ, по поводу передвижной выставки въ Варшавѣ.

сается художниковъ и искусства, но приносили и будутъ всегда приносить глубокую, истинную пользу художнику.

Но что при этомъ особенно поражаетъ, это—что Крамской считалъ свой критическій даръ чѣмъ-то самымъ обыкновеннымъ, вовсе не принадлежащимъ ему исключительно, чѣмъ-то такимъ, что легко можно встрѣтить у множества другихъ нынѣшнихъ людей. Когда я старался выразить ему все мое восхищеніе отъ тѣхъ великолѣпныхъ мыслей его о художествѣ, которыя были высказаны имъ въ письмѣ къ „Незнакомцу“ въ 1884 году („Новое Время“, № 2883), онъ мнѣ отвѣчалъ изъ Ментоны, 30-го апрѣля: „Вы меня хвалите за такія, съ позволенія связать, посредственности, что я просто удивляюсь. Вы говорите, что кто же изъ русскихъ художниковъ такъ думаетъ и пишетъ, и проч. и проч. Господи Боже мой, да кто же изъ русскихъ челоуѣковъ можетъ такъ не думать, послѣ Бѣлинскаго, Гоголя, Федотова, Иванова, Чернышевскаго, Добролюбова, Перова?... Слава Богу! За то, что я кое-что понимаю—я особа! Благодарю за то, что я не тупица, а замѣтный карась между вовсе пискарями. Вѣдь есть рыбы куда крупнѣе карася!.. То, что я говорилъ, не считаю вовсе чѣмъ-нибудь особеннымъ,—это просто самая простая и обыкновенная мысль, возникающая у всякаго, кто что-нибудь искренно и честно любилъ или ненавидѣлъ“...

Въ другой разъ (въ письмѣ отъ 19-го іюня 1876 года) онъ мнѣ писалъ: „Вы говорите: думающіе и понимающіе художники—рѣдкость. Я съ этимъ несогласенъ. Посмотрите поближе каждаго художника, имѣющаго хоть крупницу дѣйствительнаго дарованія—вѣдь онъ непременно уменъ“... Но при этомъ Крамской какъ будто забывалъ, какимъ тяжелымъ жизненнымъ процессомъ онъ дошелъ до своей критики. Въ письмѣ къ Рѣпину, отъ 6-го января 1874 года, онъ рассказывалъ время своей юности, время своего самовоспитанія: „Всякій сюжетъ, всякая мысль, всякая картина разлагалась безъ остатка отъ безпощаднаго анализа. Какъ кислота всерастворяющая, такъ анализъ проснущагося ума все во мнѣ растворялъ... и растворилъ, кажется, совсѣмъ“... Неужели у всѣхъ нашихъ художественныхъ писателей происходилъ, въ юности, такой же глубокой процессъ? Ахъ, нѣтъ, къ несчастію, далеко не у всѣхъ! И какъ удалено большинство отъ всякаго „разъѣдающаго“, самовоспитательнаго процесса, какъ всѣмъ имъ ни до чего нѣтъ дѣла! Но если такъ, то какъ же у многихъ могли бы существовать тѣ самыя результаты крѣпко осѣвшея, сложившейся, много поработавшей мысли какіе возможны были Крамскому? Нѣтъ, онъ понапрасну старался убавить, сту-

шевать свое рѣдкое, выходящее изъ ряду вонъ достоинство — оригинальную силу.

Одна изъ величайшихъ, самыхъ коренныхъ заслугъ Крамского та, что для него искусство — не блестящая и праздная игрушка, какъ для большинства публики, не арена для выказыванія мастерства и виртуозности, какъ для большинства художниковъ и для всѣхъ сплошь художественныхъ школъ, какъ при нихъ началъ, гдѣ 300 тому назадъ, такъ и теперь, а лишь средство для выраженія того, что лежитъ въ интеллектѣ, въ чувствѣ и умѣ художника. „Не техническія задачи двигаютъ технику, — пишетъ онъ Рѣшину 10-го сентября 1875 года, — а преслѣдованіе олицетворенія представленій“... „Мысль, одна мысль создаетъ технику, — говоритъ онъ ему же 23-го февраля 1874 года. Говорятъ: „Побѣду, поучусь техникѣ“. Господи твоя воля! Они думаютъ, что техника виситъ гдѣ-то, у кого-то, на гвоздикѣ въ шкапу, и стѣитъ только подсмотрѣть, гдѣ ключикъ, чтобы раздобыться техникой; что ее можно положить въ карманъ, и, по мѣрѣ надобности, взять, да и вытащить. А того не поймутъ, что великіе живописцы меньше всего объ этомъ думали, что муку ихъ составляло вѣчное желаніе *только* (только!) передать ту сумму впечатлѣній, которая у каждаго была своя, особенная. И когда это удавалось, когда на полотнѣ добивались сходства съ тѣмъ, что они видѣли умственнымъ взглядомъ, техника выходила сама собой. Оттого-то ни одинъ великій человекъ не былъ похожъ на другого, и оттого часто художникъ, не выѣзжавшій ни разу за околицу своего города, производилъ вещи, черезъ 300 лѣтъ поразяющія. Тогда вѣдь не было „салонныхъ“, выставочныхъ, онъ не сравнивалъ себя рядомъ, изъ году въ годъ, что теперь считается такимъ великимъ подспорьемъ, въ чемъ я, однакоже, сильно сомнѣваюсь!..“

Про положеніе новаго искусства Крамской вотъ что думалъ: „Нынѣшнее искусство не свободно. Всюду, во всемъ свѣтѣ есть академіи, званія, чины, кресты, пенсіи и тому подобное. Если искусство станетъ свободно, такъ число адептовъ его неминуемо должно будетъ понизиться до того процента, каковымъ извѣстное племя обладаетъ. Контингентъ не будетъ переполняться пришлымъ, чуждымъ элементомъ“ (письмо ко мнѣ 21-го іюля 1876 года). Что онъ проповѣдывалъ, то онъ исполнялъ, въ отношеніи самого себя, на дѣлѣ. Послѣ его картины „Христосъ въ пустынѣ“, академія рѣшила дать ему званіе профессора. „Когда я узналъ объ этомъ, — пишетъ онъ Васильеву 13-го февраля 1873 года, — я написалъ письмо къ конференцъ-секретарю, гдѣ просилъ его передать

членамъ совѣта, внесшимъ это предложеніе, чтобы они взяли это предложеніе обратно; въ противномъ случаѣ, я принужденъ буду отказаться"... Итакъ, Крамской за цѣлыхъ 1½ года до В. В. Верещагина отказался отъ профессорства. Впослѣдствіи онъ говорилъ, по поводу отказа Верещагина, въ письмѣ къ П. М. Третьякову отъ 5-го октября 1874 года: „Вѣдь чтѣ сдѣлалъ, въ сущности, Верещагинъ? Только то, чтѣ мы всѣ знаемъ, думаемъ и даже, можетъ быть, желаемъ, но у насъ не хватаетъ смѣлости, характера, а иногда и честности, поступать такъ же. А между тѣмъ всякій, имѣющій крестъ, отличіе, коварду или иное вещественное доказательство своихъ, часто мнимыхъ, заслугъ, чувствуетъ себя уничтоженнымъ и обвиненнымъ. Какъ же ему отдать справедливость (Верещагину)? Вѣдь это значитъ осудить себя, публично признаться, что вся жизнь наша есть одна сплошная ложь"... Какъ и Верещагину, всѣ знаки отличія, званія и проч. казались ему вредными для искусства, и въ приведенномъ уже выше письмѣ во мнѣ, отъ 21-го іюля 1876 г., онъ говорилъ: „Завѣщаніе мое будетъ въ двухъ словахъ: уничтожить институтъ и всѣ его прерогативы, чтобы спасти искусство... Надо оставить художниковъ на произволъ общества, какъ сапожниковъ и мастеровыхъ, — пусть ихъ кормятся, какъ знаютъ... Несправедливо было бы говорить, что академіи никакой пользы не принесли совсѣмъ: нѣтъ, онѣ принесли ее, какъ сторожъ, дожившій до глубокой старости при пустомъ храмѣ, не имѣя въ тому же капитала на ремонтъ. Къ сожалѣнію, мы даже не обязаны ему и благодарностью за то, что уцѣлѣли самыя созданія искусства. Ихъ сохранили: народъ и государство. Въ высшей степени забавна боязнь хранителей академическихъ традицій, чтобы не понизился уровень техническихъ достоинствъ, если уничтожить академіи. Я убѣжденъ, что еслибы возможно было убѣдить Іордана <sup>1)</sup>, напримѣръ, въ томъ, что ни благородство рисунка, ни смѣлость колорита, ни композиція отъ этого не пострадаютъ, то даю вамъ честное слово, что онъ сказалъ бы мнѣ: „Хорошо, батенька, я согласенъ, совсѣмъ согласенъ, только вотъ насчетъ жалованья-то какъ-же?...“ И еслибы жалованье не пострадало, онъ бы согласился. Честное слово, они любятъ и понимаютъ искусство. До того, что если гдѣ встрѣтять настоящее, неподдѣльное чувство, они таютъ, совсѣмъ таютъ. (Примѣры: Іорданъ, — „Грачи прилетѣли“, Саврасова; Марковъ, — „Первый чинъ“ или „Учитель рисованія“, Перова)... Еслибъ это были злобные люди, не было бы у насъ ни Перова, ни Шин-

<sup>1)</sup> Профессоръ Іорданъ, гравёръ, въ то время одинъ изъ ректоровъ академіи.

ина, ни другихъ... Ахъ, еслибъ поняли, что безъ академіи искусство будетъ лучше: мы такъ далеки отъ раскопокъ (какъ во времена ренессанса) и традицій, ахъ какъ далеко! Какъ это было бы чудесно: одинъ посидѣлъ чуточку на Волгѣ, другой гдѣ-то въ Ладогѣ, третій тамъ еще гдѣ-нибудь, одному ужъ очень понравился мужикъ съ большой рыжей бородой и сверкающими глазами, другому деревня вся въ пару, подъ солнцемъ, третьему... Господи! всѣ они валяютъ, какъ Богъ на душу положить, только и думаютъ о томъ, какъ бы это повѣрнѣе сдѣлать!.. Потомъ всѣ они съѣдутся, смотрятъ другъ у друга, толкуютъ, спорятъ, хвалятъ одно, порицаютъ другое, пойдутъ посмотреть, какъ работали старички лѣтъ за 300, и что такое дѣлаютъ сосѣди: кое-что хорошее и отъ этого бываетъ. Глядишь, дѣло-то и подвинулось, даже лѣтъ этакъ черезъ 10... А тутъ! спасите, ради Бога, спасите! задушатъ они этого ребенка, ей-Богу задушатъ!! Господи, задушатъ! Поймите, что вѣдь это не мать ему, а кормилица и нянька! Вѣдь она-жъ за деньги служить.... Они даже пеленать не умѣютъ!!! .. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не язычники въ академіи? Они именно думаютъ, что если не дуть постоянно въ ротъ, то человѣкъ дышать перестанетъ, совсѣмъ не соображая, что какъ же это онъ дышалъ-то, до учрежденія академіи?"

Въ замѣну всего этого, Крамской выдвигалъ свой новый кодексъ. „Я говорю художнику: „Чувствуй, пой какъ птица небесная, только, ради Бога, *своими голосомъ*“ (письмо къ Рѣпину отъ 29-го октября 1874 года). Всѣмъ непременно нужно двинуться къ свѣту, краскамъ и воздуху, но какъ сдѣлать, чтобы не растерять по дорогѣ драгоцѣннѣйшее качество художника — сердце?..“ Съ парижской всемірной выставки 1878 года Крамской мнѣ писалъ: „Меня теперь очень занимаетъ вопросъ: гдѣ зерно настоящаго, серьезнаго искусства? Какая нація стоитъ на здоровой почвѣ? У кого мы, русскіе, должны учиться? Не правда ли, нелѣпые вопросы! Вы скажете: „Какъ, у кого учиться? Да ни у кого! Работайте сами, живите собственнымъ умомъ“ и т. д. Но въ томъ-то и дѣло, что собственно намъ (я говорю о современномъ мнѣ поколѣніи) жизнь совершенно испорчена. Мы до такой степени забыты, такъ съ нами дурно обращались и обращаются, такъ давно держатъ насъ въ передней, что мы чуть не всѣ начинаемъ и сами принимать себя за лакеевъ...“ Далѣе, пересмотрѣвъ одну за другою всѣ главнѣйшія картины всемірной выставки (къ нимъ мы еще возвратимся ниже), Крамской говорилъ: „Вижу, что много намъ надобно работать надъ техникой и учиться у иностранцевъ, но въ главныхъ вопросахъ искусства

мы беспомощны, и предоставлены только своимъ собственнымъ силамъ, окруженные самыми неблагоприятными условіями..." И такъ, результатъ былъ тотъ самый, который самъ же Крамской въ началѣ письма владывалъ въ мои уста: „учиться — ни у кого въ особенности, и у всѣхъ вообще. Работать — самимъ, жить — собственнымъ умомъ“. Такія правила художественной жизни — самое противоположное, что только можно представить, учению всѣхъ, какія только существуютъ, художественныхъ школъ въ мірѣ.

## VII.

Крамской высоко цтилъ искусство древняго міра, искусство новой Европы XVI и XVII вѣва, и много разъ отзывался про то и про другое, въ письмахъ и статьяхъ своихъ, съ великимъ энтузіазмомъ, почти обожаніемъ, однимъ словомъ, такъ, какъ лучшія изъ этихъ созданій дѣйствительно того стдять. Но считалъ, что и то и другое нашему времени уже непригодны.

Правда, въ статьѣ своей: „За отсутствіемъ критики“ („Новое Время“ 1879 года, № 1052), онъ говорилъ: „Переберемъ мысленно извѣстныя, какъ самыя высокія, до сихъ поръ, человѣческія головы, созданныя талантомъ художниковъ. Въ головѣ Аполлона Бельведерскаго такая ниспровергающая сила выраженія, что становятся понятными рассказы о томъ, что когда статуя была найдена, то передъ нею служили мессы. Куда идти дальше?... За то же этого образъ и черезъ 2000 лѣтъ такъ же дорогъ намъ, какъ былъ онъ дорогъ грекамъ. А голова Юпитера Олимпійскаго? Изученія ея не миновать и теперь никому изъ художниковъ, кому нужно будетъ рѣшать подобную же задачу... Ни одной неестественной черты"... Но когда я, впоследствии, въ одномъ письмѣ къ нему, напалъ на него за высказываніе такихъ мыслей, которыя совершенно совпадаютъ съ академическими, онъ отвѣчалъ мнѣ 30-го апрѣля 1884 года изъ Менгоны: „Вы говорите, что мнѣ все что-то мѣшаетъ совлечь съ себя ветхаго человѣка; что я входилъ въ компромиссы, что, высказывая новое, въ то же время оглядываюсь и т. д. Вы упрекаете меня, что я говорилъ (въ статьѣ по поводу Макса и его „Христа“) объ Юпитерахъ, Аполлонахъ и прочей ветоши. Да, я говорилъ, и теперь не отступаю ни отъ одной мысли, тогда высказанной, но только то, что я говорилъ, было не все, что я думаю; да всего, что я думаю, и говорить тогда было нехстати... Я былъ въ правѣ говорить такъ въ аудитори, такъ какъ я говорилъ, чтобы меня поняли, я говорилъ

только на языкѣ понятномъ, брать примѣры изъ міра всѣмъ знакомаго, и указывалъ на идеи, въ существѣ своемъ справедливыя, но сдѣлавшіяся отъ времени затасканными“ ...

Въ 1874 году Крамской писалъ Рѣпину, по поводу Тиціанова „Христа“ дрезденской галлерей (письмо 6-го января): „Тиціанъ? Хорошо. Но развѣ позволительно въ наше время, развѣ возможно быть Тиціаномъ? Я тоже смеаю, что *онъ писалъ какъ никто*, да только теперь одного этого мало. Вѣдь, ей-Богу, эти итальянцы были пренаивный народъ. Написалъ итальянскаго дипломата, тонкаго, хитраго, проникательнаго и сухого эгоиста — такихъ много въ натурѣ — поставилъ возлѣ него типъ изъ простого народа, и тоже изъ продувныхъ, далъ ему въ руки динарій, превосходно передалъ тѣло, необыкновенно тонко кончилъ и сказалъ: „Это Христось!“ Всѣ и повѣрили. Но это неудивительно, что тогда повѣрили—до сихъ поръ вѣрять!... Христось Тиціана сповоенъ, изященъ, богатъ, но... король и — Богъ!...“

Мнѣ, въ 1876 году, Крамской писалъ (письмо 19-го іюля): „Теперь трудно быть художникомъ! Еслибъ вы знали, какъ трудно! Теперь даже мало таланта, какъ бы онъ ни былъ великъ! Еще такъ недавно его было достаточно... Натура живая отерывається для насъ съ новой точки, нельзя уже смотрѣть теперь тѣми глазами, какъ смотрѣли эти наивные великаны (Тиціанъ, Веласкесъ, Рембрандтъ и т. д.)... Задовъ повторять, очевидно, уже не приходится, потому что ни одна манера изъ прежнихъ мастеровъ не подходитъ къ новымъ задачамъ. Можно только съ завистью смотрѣть на нихъ, а самому разыскивать новыя. Съ новыми понятіями должны народиться новыя слова“ ...

Спустя восемь лѣтъ, Крамской повторилъ это въ письмѣ къ А. С. Суворину отъ 4-го марта 1884 года <sup>1)</sup>: „Легко взять готовое, открытое, добытое уже человечествомъ, тѣмъ болѣе, что такіе люди, какъ Тиціанъ, Рибейра, Веласкесъ, Мурильо, Рубенсъ, Вандейкъ, Рембрандтъ, и еще много можно найти, показали, какъ надо писать. Да, они показали, и я не *менше* васъ понимаю, что они писать умѣли, да только... ни одно слово, ни одинъ оборотъ рѣчи ихъ, ни одинъ приемъ мнѣ *не пригоденъ*. Не знаю, есть ли для васъ тутъ какой-нибудь смыслъ, или нѣтъ, но для русскаго, истиннаго и искреннаго художника, тутъ смыслъ огромный и мучительный. Скажите откровенно: реаленъ ли Мурильо? Тиціанъ? Такъ ли оно въ натурѣ, т.-е. вы, именно вы, такъ ли видите живое тѣло, когда на него смотрите? Или Рембрандтъ?...

<sup>1)</sup> Часть этого письма была напечатана въ „Новомъ Времени“ 1884 г., № 2883.



Когда вы смотрите на живое человеческое лицо, вспоминаете ли вы Тициана, Рембрандта, Рубенса? Я за васъ отвѣчаю весьма храбро: „Нѣтъ!..“ Русскій художникъ видитъ не такъ, какъ художники другихъ племенъ, и если онъ художникъ, то ему нѣтъ другого выхода, какъ создать свой собственный языкъ. И чѣмъ онъ оригинальнѣе и независимѣе, чѣмъ честнѣе и талантливѣе, тѣмъ ему труднѣе. А труднѣе вотъ почему. Потому, что русскаго художника никто не учитъ. У него нѣтъ учителей, и не было. Вотъ почему русское искусство такъ медленно поднимается въ ростъ. Точно времена до-рафаэлистовъ, времена Луки Кранаха, Мемлинга, Альбрехта Дюрера, т.-е. времена, когда въ цѣлыя столѣтiя были сдѣланы успѣхи въ живописи въ вершокъ величиною и долго рисовали одной желтой глиной... Гольбейнъ, запуская свой щупъ до dna души человѣка, этотъ ужасающій аналитикъ и философъ, далъ такіе портреты, которые и теперь останавливаютъ вниманіе всякаго наблюдательнаго человѣка. Думаю, что люди, съ которыхъ онъ писалъ, могли желать чего-нибудь другого, но человѣческой родъ всегда будетъ благодаренъ за его изслѣдованiя, и всегда предпочтетъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, опираться на его свидѣтельство, нежели на свидѣтельство Рубенса. Потому что Гольбейнъ — сама природа, открытая уму человѣка. Чтo тутъ художественнаго — я не знаю, но что это необыкновенно интересно, сомнѣнію не подлежитъ“...

Коль скоро Крамской такъ былъ смѣлъ даже въ отношеніи самыхъ высокихъ художественныхъ талантовъ, сравнивая ихъ лицомъ къ лицу съ тѣмъ, чего требуетъ настоящее и будущее искусство, то легко себѣ представить, какъ онъ былъ строгъ, рѣшительнъ и неумолимъ въ отношеніи къ талантамъ меньшаго объема и меньшаго значенiя, тамъ, гдѣ находилъ въ нихъ самихъ недочеты коренные, и въ общественномъ мнѣніи о нихъ—преувеличенную, фальшивую репутацію. Въ 1876 году (въ письмѣ отъ 19-го іюля) онъ мнѣ писалъ: „Многіе изъ авторитетовъ, быть можетъ, самыхъ громкихъ, рѣшительно окажутся передъ судомъ новой критики нигуда негодными, наприм. Гвидо Рени, Дольчи, Грѣвъ. Я бы спустился еще, или, пожалуй, поднялся бы—да не стѣдить“.

Новымъ искусствомъ Европы Крамской началъ оставаться недоволенъ еще съ первой своей поѣздки за границу. Въ 1869 г. онъ писалъ своей женѣ, Софiѣ Николаевнѣ Крамской: „Вотъ городъ, по меньшей мѣрѣ, въ 1½ милліона народу, въ настоящее время не производящій ничего, по крайней мѣрѣ въ живописи, великаго. Правда, много вещей замѣчательныхъ по живописи,

по колориту, но мало, почти совсѣмъ нѣтъ, вещей, трогających сердце...”

О новомъ искусствѣ вообще онъ мнѣ писалъ 28-го августа 1876 года: „Что такое французское искусство? Есть ли оно выразитель художественныхъ потребностей народовъ Европы, наиболѣе полный и желательный? И потому, что обязательно для насъ, русскихъ, усвоить себѣ изъ того художественнаго капитала, который накопился въ западной Европѣ? Все это вопросы, на разрѣшеніе которыхъ у насъ, въ Россіи, такая настоятельная необходимость, что мы, если желаемъ сдѣлать слѣдующіе шаги, обязаны ихъ разрѣшить самымъ серьезнымъ образомъ. Конечно, по дорогѣ придется коснуться пересмотра всѣхъ теорій и взглядовъ, существовавшихъ и существующихъ, а также и переоцѣнку коллекцій и галерей старыхъ мастеровъ“.

Въ 1875 году, Крамской писалъ Рѣпину (20-го августа): „Фортуни—на Западѣ явленіе совершенно нормальное, понятное, хотя и не величественное, а потому и мало достойное подражанія. Вѣдь Фортуни есть послѣднее слово, но чего? Наклонностей и вкусовъ денежной буржуазіи. Какіе у буржуазіи идеалы? Что она любитъ? Къ чему стремится? О чемъ болѣе всего хлопочетъ? Награбивъ съ народа денегъ, она хочетъ наслаждаться—это понятно. Ну, подавай мнѣ такую и музыку, такое искусство, такую политику и такую религію (если безъ нея уже нельзя)—вотъ откуда эти баснословныя деньги за картины. Развѣ ей понятны другіе инстинкты? Развѣ вы не видите, что вещи гораздо болѣе капитальныя оплачиваются дешевле? Оно и быть иначе не можетъ. Развѣ Патти—сердце? Да и зачѣмъ ей это, когда искусство буржуазіи заключается именно въ отрицаніи этого комочка мяса: оно мѣшаетъ сколачивать деньги; при немъ неудобно снимать рубашку съ бѣдняка, посредствомъ биржевыхъ продѣлокъ. Долой его, къ чорту! Давайте мнѣ виртуоза, чтобы кисть его изгибалась какъ змѣя и всегда готова была догадаться, въ какомъ настроеніи повелитель...” „Неужели вы полагаете,—пишетъ онъ ему же 28-го сентября 1874 года,—что художнику хорошо имѣть взглядъ тельца невиннаго? Или вы думаете, во Франціи нѣтъ глухихъ, подземельныхъ раскатовъ, которыхъ бы люди не чувствовали? Вотъ въ такія-то времена, подлое искусство и замазываетъ щели, убаюкиваетъ стадо, отвращаетъ вниманіе и притушаетъ зоркость, присущую человѣку“...

Профессору Э. Э. Петрушевскому Крамской писалъ 17-го іюня 1876 года, по поводу тогдашней годичной парижской художественной выставки („Салонъ“): „Я только-что проѣхалъ Ита-

лю, видѣлъ древнее греческое искусство въ остаткахъ и обломкахъ, видѣлъ искусство Возрожденія въ богатыхъ собраніяхъ, и въ обѣихъ группахъ — присутствіе общей руководящей идеи... Во всѣхъ родахъ есть вершины, способныя отшибить охоту къ безплодному занятію, потому что теперь центръ тяжести уже передвинулся, и то, что было хорошо и необходимо тогда, не годится теперь, а вслѣдствіе этого и дорожка, по которой шли тѣ люди, окончательно заросла, и всѣ традиціи утрачены за ненужностью. Что-жь нужно и куда идти теперь? Кто это знаетъ! А если кто и знаетъ, или хотя догадывается, — какъ устоять въ общемъ теченіи, гулѣ и рукоплесканіяхъ, которыя сыплются на него со всѣхъ сторонъ? Какъ не свихнуться, когда весь свѣтъ кричитъ: „Подай мнѣ то или вотъ это, и вотъ тебѣ за это 200—300 тысячъ, только ублажи, не умничай!“ Въ самомъ дѣлѣ, возьмите что хотите: такъ-называемый „высокій родъ“ — историческій или религіозный родъ — это какія-то жалкія лохмотья, подобранныя въ академическихъ корридорахъ; портретъ — позировка, туалетъ, шумъ, блескъ и, завѣдомо для обѣихъ сторонъ, самое скромное сходство; „жанръ“ — женщины, женщины и женщины, во всѣхъ видахъ, исключая настоящаго. Думаешь себѣ: что же, хотя пейзажъ? Этотъ нейтральный, безобидный родъ никому не нужно и искажать, и здѣсь должно встрѣтить наиболѣе простыя отношенія къ дѣлу? Къ сожалѣнію, и здѣсь есть признаки, что растенія зачахнуть, чего добраго, такъ какъ сосѣди неблагоприятны. Скульптура — на высокой степени техники, не больше, но содержанія — немного... Совсѣмъ нѣтъ, я готовъ сказать... Что касается техники живописи вообще, то въ этотъ разъ я очень радъ, что засталъ „Салонъ“. Онъ наполнилъ пробѣлъ въ моихъ понятіяхъ о французской школѣ, какія я вывезъ изъ-за границы еще въ 1869 году. Вся школа какъ-то окрашена однимъ тономъ, такъ что попадающіяся картины изъ Мюнхена, напримѣръ, сейчасъ выдѣляются. А въ Мюнхенѣ болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, сидитъ школа. И такъ, качество оригинальности такъ же рѣдко въ Парижѣ, какъ и въ другомъ мѣстѣ“...

Со всемірной парижской выставки 1878 года Крамской писалъ мнѣ (15-го октября): „Если теперь и наслаждаешься въ искусствѣ, то совсѣмъ не тѣмъ, что такъ щедро награждено и прославлено. Что это такое? Съ чьей стороны ошибка? Я ли глупъ и завистливъ, и, въ качествѣ непризнаннаго таланта или, еще лучше, русскаго человѣка, готовъ сказать: „Западъ гниетъ“, или... или и въ самомъ дѣлѣ во всемъ этомъ шумѣ есть колоссальное недоразумѣніе?! Что это такое, какъ не насмѣшка надъ

потребностью человека въ искусствѣ, этотъ Макартъ, этотъ холстъ, равный площади какого-нибудь германскаго городка? <sup>1)</sup> Вѣдь знаете что? Вѣдь Семирадскій и умнѣе, и добросовѣстнѣе!! Я говорю это серьезно. Что это такое, всѣ эти колоссальныя картины французскаго отдѣла? Стоитъ пройти только  $\frac{1}{2}$  часа и взглянуть въ Лувръ, гдѣ есть тѣ же самыя сюжеты, трактованные 100 лѣтъ тому назадъ Давидомъ, Грѣ, Жерикѣ и другими. Какая, все-таки, тамъ искренность и серьезность, и какое притворство на всемирной выставкѣ! Куда же перемѣстилось истинное чувство? Въ „жанръ“? Иду, смотрю „жанръ“, и вижу: французы всѣ счастливы, потому что никто не позволяетъ себѣ подымать завѣсу надъ дѣйствительностью. Къ чему? Всѣ мы знаемъ, что не такъ живемъ, не такъ дѣлаемъ, какъ говоримъ, не того дѣйствительно желаемъ, о чемъ съ каеэды такъ краснорѣчиво распинаемся. Испанцы—еще тѣ счастливѣе: тѣ только и дѣлаютъ, что брилліанты пересыпаютъ. Итальянцы... то же самое! Словомъ, куда ни повернись, вездѣ блескъ, роскошь, веселіе! Даже тѣ немногіе, взятые изъ дѣйствительности и некрасивой жизни, сюжеты (какъ будто изъ приличія, для комплекта, и подъ сурдинкой показываемыя дѣйствительныя событія жизни), даже и тѣ такъ мягко трогаютъ ваши нервы, такъ деликатно умалчиваютъ объ извѣстныхъ вещахъ, что я, простой смертный, чувствую себя въ обществѣ, по крайней мѣрѣ, принцевъ крови. Да, вотъ оно, торжество техники! И какое это торжество—свергающая краска у Мадрацо! Глубина, гармонія и воздухъ у французовъ и бельгійцевъ, нахальный рельефъ портретовъ Бона и Рихтера, никуда негодное чванство и деревянность Ангели, — все это торжествуетъ и раскланивается на рукоплесканія. И во всемъ этомъ гамѣ проходятъ почти незамѣченными мистическіе глубокіе глаза въ одномъ портретѣ старика—Лембаха; живая, милая голова старушки (забылъ художника) въ германскомъ отдѣлѣ, серьезность отношенія къ искусству нѣкоторыхъ англичанъ, поразительные пейзажи въ Норвегій: Мундта, Нормана. И, что всего удивительнѣе, никто какъ будто и не смотритъ на Матейко, на единственнаго человека, у котораго внутри горитъ дѣйствительный огонь, у котораго чувствуешь дѣйствительное убѣжденіе. А между тѣмъ что же такое Матейко? Вѣдь у него есть много условнаго въ композиціи, много академическаго въ живописи, словомъ — это хорошая программа. Но между тѣмъ насолько же головъ онъ выше всѣхъ на выставкѣ, страхъ! Вотъ что дѣлаетъ настоящая

<sup>1)</sup> Картина Макарта на всемирной выставкѣ: „Въѣздъ Карла V въ Антверпенъ“.

вѣра и любовь къ своему дѣлу! Словомъ, пока вижу полное торжество буржуазныхъ вкусовъ въ искусствѣ, и ничего больше“.

Съ этой же всемірной выставки 1878 года, Крамской писалъ П. М. Третьякову: „Что за счастливый народъ испанцы! Стоить только, хотя мелькомъ, взглянуть, чтобы не сомнѣваться. Даже нѣмцы, и тѣ дѣлаются счастливыми, по крайней мѣрѣ мнѣ такъ показалось. Что я называю счастливыми? Я разумѣю тотъ ядъ индифферентизма къ изображаемымъ предметамъ, который вездѣ (за малымъ исключеніемъ въ Англіи) господствуетъ въ европейскомъ искусствѣ. Я говорю вообще, а объ исключеніяхъ сейчасъ упомяну. Первое и самое крупное — Матейко. Вотъ человекъ, который, вы чувствуете, не шутитъ искусствомъ, но онъ же и послѣдній. Нѣтъ другого такого же серьезнаго ума и сердца, — я не говорю таланта, потому что такихъ видимо-невидимо — но всѣ они продали себя за чечевичную похлебку. Кромѣ его укажу и на Мункачи. Его „Мильтонъ“ — вещь чарующая, хотя идея картины довольно безразличная. Говорить ли о Прадилла, о его „Сумасшедшей королевѣ“, которая возитъ своего мужа въ гробу? Картина дѣлаетъ впечатлѣніе, или, лучше, главнымъ образомъ — своимъ сюжетомъ. Теперь, если прибавить Кнауза и Вотье, да 2-3 вещи, разбросанныхъ во французскомъ отдѣлѣ, то вотъ почти всѣ исключенія. Остаются англичане, очень серьезный народъ, у которыхъ много мысли, но они, въ большинствѣ случаевъ, такъ грубо пишутъ, какъ, напримѣръ, Геркомеръ (его „Въ послѣднемъ засѣданіи“), что не знаю, какъ къ этому и отнестись. Давно я уже замѣтилъ, что новѣйшая живопись приближается къ декорации, но нигдѣ это такъ ясно нельзя замѣтить, какъ на такомъ громадномъ ристалищѣ... Все это я говорю со стороны принципиальной. Если же оставить эти тонкости, то придется сознаться, что много, даже слишкомъ много, есть вещей высокаго исполненія. Что, напримѣръ, можетъ быть лучше (въ извѣстномъ родѣ) Альмы Тадемы? У кого такъ много ума и образованности? Или кто такъ вѣрно, тонко и окончательно пишетъ „жанръ“, какъ Фирментъ-Жиранъ, въ его „Свадебной процессіи“, ѣдущей изъ церкви по аллеѣ, усыпанной осенней листвою? Это вещь, я готовъ сказать — совершенство въ своемъ родѣ. Или у кого когда-нибудь такъ сверкали краски, какъ у Мадрацо? Но за то какая же чепуха, по мысли, Мавартъ! Или совершенный дуракъ Бонна, въ его послѣднихъ произведеніяхъ... Впрочемъ, вы уже знаете мою личную антипатію къ этому господину, и потому, вѣроятно, я несправедливъ... Скульптура, хочешь-не-хочешь, а у итальянцевъ лучшая. Монтверде — „Оспопрививатель“ — вещь серьезная,

хотя и немножечко слащавая. Потомъ два бюста изъ терракотты: „негръ“ и „негрятянка“. Кроме того, два мальчика-англичанина, продающіе газеты, очень выразительны! Смѣло и недурно также: „Паразиты“. Да всего не перечтешь...“

Со всемірной художественной выставкѣ въ Ниццѣ, въ 1884 г., Крамской писалъ опять Ѳ. Ѳ. Петрушевскому: „Искусство въ Европѣ идетъ къ вырожденію. Выставка высказываетъ отсутствіе (и полное) простоты всяческой: простоты замысла и простоты средствъ. Все исковеркано, все вычурно, все бьетъ на то, чтобы чѣмъ-нибудь отличиться. Ни рисунокъ, ни краска (не говоря о выраженіи) уже не преслѣдуются. Въмѣсто этого — вымыслы. А скульптура! Боже мой! Подожду „Салона“ (парижскаго). Не можетъ быть, чтобы такой радикальный поворотъ былъ господствующимъ... Скульптура (и французская съ прекрасной техникой, и особенно итальянская) до такой степени напоминаетъ „барбекъ“, что удивительно, какъ художникамъ самимъ до сихъ поръ это въ глаза не бросается. Да чего! Если взять только и сравнить любую итальянскую статую на этой выставкѣ, — ну, съ чѣмъ бы, напримеръ? положимъ, съ какой-нибудь статуей нашего Лѣтняго сада (вы думаете—я шучу?),—то сходство въ пріемахъ удивительное. Тѣ же глубокія дыры, чтобы больше отбѣнялось, тѣ же вывернутыя детали, чтобы придать „грацію“ даже вончикамъ пальцевъ ноги, тѣ же ничѣмъ неоправдываемые повороты головы, чтобы фигуры, такъ сказать, казались живыми. Словомъ, извращеніе художественнаго смысла полное...“

Таковы были взгляды Крамского на новое европейское искусство (конечно, я привожу здѣсь одни только главныя положенія, — для большихъ выписокъ и подробностей, которыя бы обнимали всѣ стороны предмета, я не имѣю здѣсь мѣста). Но еще болѣе посвящено у него страницъ — въ его письмахъ и статьяхъ — новому русскому искусству. Здѣсь уже лежали наибольшія, главнѣйшія его симпатіи и антипатіи, и потому онъ о русскомъ искусствѣ и русскихъ художникахъ былъ, можно сказать, неизсягаемъ. Поэтому-то я здѣсь, еще больше, чѣмъ въ предыдущихъ пунктахъ, лишень возможности дать въ настоящей статьѣ полное понятіе о всѣхъ мнѣніяхъ и опредѣленіяхъ Крамского. Наврядъ ли есть изъ числа произведеній новой русской живописи и скульптуры, за послѣднія 15 лѣтъ, такое, о которомъ Крамской не далъ бы своего отзыва въ своихъ письмахъ къ близкимъ людямъ. Привести ихъ всѣ — немыслимо здѣсь. Это можетъ составить предметъ особой статьи. Въ настоящую минуту я попробую только указать главные его убѣжденія, мысли и выводы.

Недовольный тѣмъ, что Рѣпинъ писалъ въ Парижѣ картину изъ французской жизни („Кафе на парижскомъ бульварѣ“), онъ обратился къ нему 20-го августа 1875 года: „Я думалъ, что у васъ сидитъ совершенно окрѣпшее убѣжденіе относительно главныхъ положеній искусства, его средствъ, и специально-народная струна. Чтѣ ни говорите, а искусство не наука. Оно только тогда сильно, когда національно. Вы скажете: а общечеловѣческое? Да, но вѣдь оно, это общечеловѣческое, пробивается въ искусствѣ только сквозъ національную форму, а если и есть космополитическіе, народные мотивы, то они всѣ лежатъ далеко въ древности, отъ которой всѣ народы одинаково далеко отстоятъ. Что касается теперь текущей жизни, то человекъ, у котораго течетъ въ жилахъ хохляцкая кровь, наиболѣе способенъ (потому что понимаетъ это безъ усилій) изобразить тяжелый, крѣпкій и почти дикій организмъ, а ужъ никакъ не коботокъ. Я не скажу, чтобы это не былъ сюжетъ. Еще какой! Только не для насъ. Надо быть французомъ“...

Н. А. Александрову Крамской писалъ въ августѣ 1877 года: „Несомнѣнно, что въ послѣднее 25-лѣтіе появились существенные признаки самостоятельнаго отношенія русскихъ художниковъ, еп пассае, въ дѣйствительности, сравнительно съ прежнимъ временемъ, когда движеніе это было только единичнымъ. Теперь мы имѣемъ группу людей, дѣйствующихъ одновременно и исповѣдующихъ, приблизительно, одни и тѣ же принципы, такъ какъ въ то время одинъ отъ другого отдѣлялись, часто, большими промежутками“.

Рѣпину Крамской писалъ 10-го сентября 1875 года: „Я думаю, что русскіе внесутъ нѣкоторую долю въ общее достояніе, и что теперь очередь за ними. Вы видите изъ этого, что я принадлежу къ партіи славянофиловъ, блаженной памяти; но это не бѣда. До сихъ поръ это не мѣшало еще мнѣ смотрѣть въ оба и не спать... На одного мысли эти (о крупномъ значеніи русской народности въ настоящемъ и будущемъ искусства) дѣйствуютъ усыпляющимъ образомъ, на другого—обратно: онъ становится еще внимательнѣе, сознавая отвѣтственность передъ самимъ собою, еще строже онъ работаетъ и думаетъ... Увѣряю васъ, я не святоша, самодовольное невѣжество мнѣ не знакомо, и думаю, что уподобится особѣ, отыскивающей только навозъ да соръ всюду—время для меня еще не наступило. Мнѣнія мои <sup>1)</sup> могутъ вазаться провинціальными, и даже быть ими (отно-

<sup>1)</sup> Рѣчь шла въ настоящемъ мѣстѣ письма о Невиллѣ, котораго Крамской не признавалъ, въ предъидущемъ своемъ письмѣ, такою крупною художественною величиною. Какимъ признавалъ его Парижъ.

сительно искусства) — это меня нисколько не сокрушаетъ. Мнѣнія и симпатіи провинціаловъ рѣшительно здоровѣе и даже прогрессивнѣе столичныхъ, во всемъ, что касается главныхъ сторонъ народной жизни. Да и кто же двигаетъ дѣло? Столицы? Ошибаетесь: провинціалы, попавшіе въ столицу. Они носятъ въ себѣ сознательныя требованія, что и какъ должно быть сдѣлано. И только такіе реальныя люди, какъ провинціалы, и могутъ что-нибудь сдѣлать путное... Въ столицахъ плетутъ кружева художественныя, да и только...“

Крамской писалъ Рѣшину же 16-го мая 1875 года: „Кого всего труднѣе удовлетворить? Людей, стоящихъ на двухъ полюсахъ развитія: простого, но умнаго мужика, и человѣка высокопросвѣщеннаго. Вотъ, когда мы станемъ, вмѣсто сотенъ, имѣть миллионы зрителей, когда эти миллионы свиней и пошляковъ внесутъ свои вкусы, понятія, желанія въ искусство, тогда, и только тогда, каждая сторона искусства найдетъ свою публику... Вѣдь у насъ нельзя тянуть (какъ въ Парижѣ) одну ноту вѣчно, нельзя Петра и Вавилу писать однѣми красками; намъ таковой художникъ скоро надобѣтъ. У насъ еще нѣтъ публики, настолько воспитанной, чтобы давать славу за „свою манеру“, за одну спеціальность. Мы хотимъ, чтобы художникъ, претендующій на первенство, писалъ одного такъ, другого иначе, третьяго опять иначе“...

„Всѣ говорятъ, — писалъ Крамской А. С. Суворину 4-го марта 1884 года, — что русскіе художники пишутъ сухо, слишкомъ детально, рука ихъ чѣмъ-то скована, они рѣшительно неспособны къ колориту, концепціи ихъ несоразмѣрны, темны, мысли ихъ направляются все въ сторону мрака, печали и всяческихъ отрицаній. Ну, такъ я вамъ говорю, что если это вѣрно (а давай Богъ, чтобы это было вѣрно), такъ это голосъ Божій, указывающій, что юноша ищетъ только правды, желаетъ только добра и улучшенія. Вы скажете: да художника нѣтъ, но есть тѣ, изъ чего только и можетъ быть художникъ... Русскій художникъ видитъ не такъ, какъ художники другихъ племенъ. Ему нѣтъ другого выхода, какъ создать свой собственный языкъ... Русскаго художника никто не учитъ, и ему учиться не у кого. Сколько разъ ему приходится стоять съ разинутымъ ртомъ, отъ изумленія, передъ Вандейкомъ, Веласкесомъ и Рембрандтомъ, и чувствовать, что сошли со сцены и умерли уже и эти цѣльныя натуры, и эти связные характеры; что, наконецъ, человѣческое лицо, какимъ мы его видимъ теперь въ городахъ и всюду, гдѣ есть газеты и вопросы, требуетъ другихъ приемовъ выраженія. И вотъ, художникъ пробуетъ, думаетъ: вотъ какъ надобно. Попробовалъ — провалился. Всталъ, пробуетъ



иначе—опять не такъ. И никакія справки съ Эрмитажемъ не помогаютъ. И потомъ 200—300 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ не даромъ. Мозгъ и воспримчивость художника иные, даже краски уже не тѣ. Извольте всѣмъ этимъ овладѣть собственными усилиями, безъ поддержки, безъ руководства и безъ атмосферы“...

„Русская живопись, — писалъ онъ ему же 12-го февраля 1885 года, — такъ же существенно отличается отъ европейской, какъ и литература. Точка зрѣнія нашихъ художниковъ, все равно литераторовъ или живописцевъ, на міръ—тенденціозная по преимуществу. Онъ смотритъ съ добродушной ироніей на маленькихъ людей, выставляетъ все смѣшное, т.-е. человѣкъ-то, съ котораго художникъ работаетъ, дѣлаетъ свое дѣло серьезно, а художникъ такъ умѣетъ распорядиться, что зритель ясно чувствуетъ: пустяки! Но никогда талантливый художникъ русскій не смѣялся еще надъ вещами серьезными: рожденіемъ, смертью, любовью... Всѣ наши большіе писатели тенденціозны, и всѣ художники тоже...“

При такомъ самостоятельномъ, глубоко правдивомъ взглядѣ, Крамской не могъ, конечно, не возмущаться глубоко тѣмъ, какъ мало сочувствія находила новая русская школа среди своихъ соотечественниковъ. Еще въ 1876 году онъ писалъ мнѣ (письмо изъ Парижа отъ 21-го іюля): „Знаете, чтó меня больше всего здѣсь интересуешь? Это, что здѣсь, во Франціи, такъ усердно занимаются искусствомъ. Посмотрите, какая честь: Прудонъ пишетъ трактатъ цѣлый—этотъ человѣкъ, который никогда не занимался побрякушками. За то-жъ ему этого грѣха люди извѣстнаго толка и не прощаютъ. Зола, одинъ изъ самыхъ крупныхъ писателей, изучаетъ живопись, интересуется ею, очевидно, посвященъ даже въ закулисныя тайны. Когда же у насъ было что-нибудь? Да, мы не избалованы... И слава Богу. Каждый день я молюсъ Богу и благодарю Его, что насъ этакъ стегаютъ легонькой плеточкой... Хорошо это, очень хорошо, здоровые ребята вырастутъ, не капризные! Вѣдь вотъ, напримѣръ, какъ это хорошо и одобрительно дѣйствуетъ, когда писатель такого крупнаго таланта, какъ Достоевскій, въ своемъ „Дневникѣ“, толкуя о дѣлахъ общественныхъ, скажетъ: „Вѣдь это важно, наконецъ, вѣдь это не кака-нибудь картина передвижной выставки!“ Положимъ, дѣло общественное—важное дѣло, и какой такой идиотъ найдетъ у насъ между художниками, который бы сталъ говорить: „Дѣло земства—пустяки, или тамъ—правосудія, а вотъ искусство!“ Не знаю, не видалъ такихъ. Но все-таки и искусство (если оно искусство, творчество) слѣдуетъ того, чтобы его хоть сапогомъ-то въ носъ не

били, оставили бы хоть въ покоѣ! Вѣдь еще вопросъ: что важнѣе, и что менѣе важно? Даже вопросъ: какія вещи важны вообще, и какія нѣтъ?..“

Но, не смотря на печальное еще часто положеніе искусства у насъ, не смотря на тучу невѣждъ, со злобою вѣчно лающихъ у насъ на новое русское искусство, Крамской мужественно и бодро стоялъ за дорогое ему, чуть не болѣе самой жизни, дѣло. И личныя его бесѣды, и безчисленныя письма его во всѣ стороны, куда только могъ достигать его голосъ, полны были критическихъ мыслей, одобренія, похвалы, порицанія, старанія повысить уровень, духъ, подробныя техническія замѣтки. Въ его письмахъ и статьяхъ (особенно въ первыхъ) проходитъ галерея всѣхъ новыхъ нашихъ художниковъ. Каждого онъ привѣтствовалъ, при первомъ его появленіи, или при каждомъ изъ новыхъ его. хоть сколько-нибудь значительныхъ, созданій, съ безконечной симпатіей, любовью, вниманіемъ. Правда, онъ не разъ говорилъ: „Вѣдь мы лепечемъ! Вотъ старыя мастера—говорили! Веласкесъ, Рембрандтъ, особенно послѣдній, воспитанный республиканскимъ обществомъ, но мрачный въ своемъ настоящемъ; онъ, какъ всѣ тогдашніе честные граждане, носилъ въ сердцѣ какой-то ужасъ за будущее, и эта жгучая нервная вистъ какъ-будто отвѣчала общему настроенію. А Тиціанъ? Этотъ праздничный и торжествующій венеціанецъ! Чортъ знаетъ, какъ это было хорошо, и все это воскреснуть не можетъ теперь...“ (письмо во мѣсь 30-го апрѣля 1884 года). Да, все это Крамской думалъ и говорилъ, но рядомъ съ этимъ ему на горизонтѣ видѣлась и величественная заря новаго русскаго искусства, идущаго быть наслѣдникомъ и продолжателемъ прежняго европейскаго искусства. И краеугольнымъ камнемъ его вѣры въ новое русское искусство было его убѣжденіе въ томъ, что у насъ начинаютъ уже появляться художники, у которыхъ „талантъ соединяется съ головою“, а „это теперь на очереди, это ближайшая историческая задача искусства...“

Однажды въ письмѣ къ Рѣшину (29-го октября 1877 года) Крамской писалъ, будто это вѣчная его „муза, что онъ видитъ, какъ другіе, позже его вступившіе на дорогу, пошли дальше, а у него самого либо крылья обрѣзаны, или загло его что-то (анализъ, изученіе, или чортъ знаетъ что еще!)“... Нѣтъ, это была одна изъ вѣчныхъ клеветъ Крамского на самого себя. Его, то восторженные, то глубоко-симпатичные отзывы, искренній интересъ, высказанные при появленіи крупнѣйшихъ созданій пейзажиста Васильева, Перова, В. В. Верещагина, Гѣ, Рѣшина, Кундзя, Влад. Маковскаго, Прянишникова, Мясоѣдова, Антокольскаго и

многихъ другихъ, ярко свидѣлствуютъ, какъ его сердце было чисто, честно и безпристрастно, какъ онъ былъ глубоко счастливъ всякимъ истинно крупнымъ, талантливымъ и правдивымъ созданіемъ новаго нашего искусства.

Кто пристально будетъ изучать письма и статьи Крамского, найдетъ, что онъ не всегда и не вездѣ былъ правъ въ своихъ сужденіяхъ, мысляхъ и художественныхъ оцѣнкахъ. Для примѣра я укажу на нѣсколько крупнѣйшихъ. Когда явилась картина Рѣпина — „Царевна Софія“, онъ писалъ автору, что новая картина еще лучше „Бурлаковъ“ того же автора (онъ говоритъ тутъ не про технику, а про выраженіе и содержаніе). Этюдъ Ярошенко: „Кочегаръ“, онъ признавалъ гораздо выше и значительнѣе его картины „Заключенный“. Картину Прянишникова: „Плѣнные французы“, онъ находилъ равною его „Гостиному Двору“. Онъ не признавалъ всего значенія великолѣпной картины Владиміра Маковского: „Осужденіе“, только потому (!), что находилъ невѣрно нарисованною, по перспективѣ, голову главнаго дѣйствующаго лица. Проектъ памятника Пушкину скульптора Забѣлло онъ ставилъ выше проекта того же памятника — Антокольскаго, главнѣйшимъ образомъ, потому, что въ дѣйствующихъ лицахъ (впрочемъ, превосходно исполненныхъ) „проглядываетъ личное воззрѣніе Антокольскаго на Пушкина“, что „не даромъ греки и римляне оставили намъ образцы памятниковъ великимъ людямъ“, и что невозможно „видѣніе, мистицизмъ и спиритизмъ“ поставить въ Москвѣ, на площади, днемъ, на Тверской площади“. Про „Явленіе Христа народу“, Иванова, Крамской доказывалъ (въ обширной статьѣ), что эта картина не имѣла успѣха у русской публики только потому, что была лишена „обворожительной внѣшности“, и ни почему больше. Про Федотова Крамской высказывался такъ, что онъ выросъ на гоголевской почвѣ (тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, Федотовъ очень мало зналъ и вовсе не любилъ сочиненій Гоголя). Про публику (впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ мало имъ уважаемую) Крамской, уже съ середины 70-хъ годовъ, началъ говорить, что художнику надо соображаться съ понятіями „простого, безхитростнаго человѣка, котораго оно до сихъ поръ не удовлетворяетъ“, что „никого Господь не обидѣлъ изъ тѣхъ, кто простъ и не глупъ“, и что отъ массы публики художникъ долженъ ждать рѣшающаго указанія, что ему дѣлать и куда идти — точка зрѣнія истинно ужасная, потому что она повела бы не къ повышенію уровня толпы, обыкновенно низменнаго, случайнаго и грубаго, а только къ пониженію и деморализаціи художника и художества. Наконецъ, въ послѣдніе годы жизни пейзажиста Васильева, въ 72-мъ

и 73-мъ годахъ, Крамской очень несправедливо и жестоко нападалъ на всѣ дѣйствія Д. В. Григоровича (тогдашняго секретаря Общества поощренія художниковъ), тогда какъ, по фактамъ, приводимымъ у него же самого, видно ясно, что никто столько не сдѣлалъ хорошаго для бѣднаго, погибающаго отъ болѣзни и бѣдности Васильева, какъ именно Д. В. Григоровичъ. Точно также, подъ конецъ своей жизни, онъ нерѣдко бывалъ слишкомъ несправедливъ въ оцѣнѣ В. В. Верещагина, какъ человѣка и какъ художника, тогда какъ въ началѣ его появленія, въ 74-мъ году, относился къ нему съ безпредѣльнымъ энтузіазмомъ и вѣрою.

Но, вообще, подобнаго рода невѣрныхъ мыслей, сужденій и приговоровъ у Крамского встрѣчается немного. Они составляютъ лишь рѣдкія исключенія. Громадное, преобладающее большинство и мыслей, и сужденій, и приговоровъ Крамского отличаются необыкновенной правдивостью, истиной, глубиною и неподкупною безпристрастностью, начиная съ его же собственной личности.

Укажу еще, что не одни интересы художества вообще, и живописи въ особенности, наполняли мысль и чувство Крамского. Онъ необыкновенно былъ отзывчивъ ко всему, вокругъ него совершавшемуся. Его глубоко занимали общественные вопросы, внутренніе и внѣшніе (такъ, въ письмѣ къ профессору Н. П. Вагнеру онъ съ большою горячностью говорить, въ 1883 году, объ университетскомъ преподаваніи, по поводу одной статьи Н. П. Вагнера въ „Новомъ Времени“, а въ письмахъ къ Рѣшину и къ А. С. Суворину съ высокимъ одушевленіемъ распространяется о болгарской войнѣ 1877-го года, о статьяхъ Ивана Аксакова); Н. Щедрина онъ пишетъ съ великимъ восхищеніемъ о его сатирѣ, П. М. Ковалевскому, съ пламеннымъ восторгомъ, о „Смерти Ивана Ильича“, графа Льва Толстого, А. С. Суворину о „Братьяхъ Карамазовыхъ“, Достоевскаго, о „Горѣ отъ ума“, и т. д. Все, что онъ говоритъ о всѣхъ этихъ личностяхъ и предметахъ, полно величайшаго интереса.

Послѣдніе годы жизни Крамского были, можно сказать, обезображены тою болѣзью въ груди, которая и свела его въ могилу. Обезображены потому, что въ послѣднія 5—6 лѣтъ онъ не только чувствовалъ себя физически слабымъ, опустившимся, вѣчно мучимымъ, но и въ интеллектуальномъ и моральномъ отношеніи — сломленнымъ, далеко не прежнимъ героемъ духа и мысли. Много разъ онъ повторялъ, въ эти годы, что онъ „ничего болѣе уже отъ себя не ожидаетъ“, что у него уже „нѣтъ болѣе никакихъ плановъ“, и что ему — недалеко до конца. Нельзя не вѣрить такимъ заявленіямъ самого пациента, человѣка, такъ давно привыкшаго

наблюдать и анатомировать не только всѣхъ окружающихъ, но и самого себя. Притомъ, значительное измѣненіе въ настроеніи сказалось и въ отношеніяхъ Крамского послѣднихъ лѣтъ къ товарищамъ и „товариществу“. Ему стало казаться, что „товарищество“ уже изжило всю свою жизнь, исполнило всю свою задачу, и что теперь оно обязано искать новой формы для своего существованія. То, что онъ сталъ проповѣдывать подъ вліяніемъ такого убѣжденія, было такъ неожиданно, такъ непохоже на прежняго Крамского, что легко могло казаться, будто съ нимъ послѣдовало какое-то невообразимое превращеніе, и будто могучій паровозъ, стремительно несшійся все только впередъ, началъ вдругъ давать задній ходъ. Убѣжденіе—убійственное для всѣхъ искреннихъ друзей и почитателей Крамского. Прежнія отношенія между нимъ и его товарищами частью охладѣли, частью измѣнились до неузнаваемой степени. „Товариществу“, идущему на всѣхъ парахъ, съ полной, все только возрастающей, силой, не могла не казаться странной, изумительной, проповѣди о необходимости смерти, самоуничтоженія „товарищества“. И недоразумѣнія съ обѣихъ сторонъ все только росли. Къ счастью, незадолго до смерти Крамского, они во многомъ сгладились, во многомъ и вовсе исчезли, и въ послѣдніе 2—3 мѣсяца жизни его, Крамской сталъ опять прежнимъ Крамскимъ, блестящая выставка нынѣшняго года снова оживила его, придала ему новую силу и бодрость. Ясно было, что все, удивлявшее въ образѣ мыслей Крамского, было только слѣдствіемъ злой, мучительной болѣзни, искажавшей его умъ и интеллектуальную мощь.

Лучшимъ доказательствомъ того, сколько въ немъ еще было жизни и творческой силы—это его великолѣпный предсмертный проектъ памятника имп. Александру, его портретъ доктора Раухфуса, писанный въ послѣдній день и часъ его жизни, до самой той минуты, когда смерть свалила его, съ палитрой и кистью въ рукахъ, передъ послѣднимъ его холстомъ. Казалось, еще многого можно было ожидать, вопреки его собственному разочарованію и безотрадному приговору, отъ этого наслѣдника, продолжателя и истиннаго товарища, по художеству и мысли, великаго нашего Иванова.

В. С т а с о в ъ.



---

# СТАРЫЙ ДРУГЪ

РОМАНЪ.

---

Окончаніе.

ЛП \*).

Утромъ Фѳедоръ Игнатъичъ отправился къ Ворошилину и досталь у него десять тысячъ. Если Раиса имѣеть свои тайны, то почему же и Фѳедору Игнатъичу не имѣть своихъ тайнъ. Деньги Ворошилинъ ссудилъ охотно, и Фѳедоръ Игнатъичъ тотчасъ же поѣхаль, чтобы повидаться съ Прягинымъ.

— Никодимъ Павловичъ,—сказаль онъ, оставшись съ Прягинымъ одинъ-на-одинъ:—будьте такъ любезны, выведите меня изъ чрезвычайно затруднительнаго положенія.

Онъ вынулъ изъ кармана тетрадку и, раскрывши ее, подаль Никодиму Павловичу.

— Скажите, пожалуйста, что означаютъ эти строки?

Никодимъ Павловичъ взялъ тетрадку и два раза прочиталь то мѣсто, гдѣ Варвара Тихоновна упоминала о его добротѣ. Прочитавши, онъ сложилъ тетрадку и сталъ смотрѣть на Фѳедора Игнатъича быстро мигающими глазами.

— Никодимъ Павловичъ,—съ холодной улыбкой началъ Фѳедоръ Игнатъичъ:—я придаю этимъ строкамъ особенное значеніе. Варвара Тихоновна, какъ я сообщилъ вамъ вчера,—при смерти, а Раиса Николаевна—въ такомъ состояніи, что нѣтъ возможности говорить съ нею о дѣлѣ, и еще такомъ деликатномъ. Вѣдь не

---

\*) См. выше: ноябрь, 79 стр

правда ли, Никодимъ Павловичъ, позвольте мнѣ сказать это прямо—вы готовили Раису Николаевну себѣ въ жены? Дурного въ этомъ ничего нѣтъ, и было бы странно, если бы Раиса Николаевна правилась мнѣ только одному. Но разъ Раиса Николаевна предпочла меня и вышла за меня замужъ, вы должны были спрятать подальше ваше чувство. Любовь опекуна и ваша любовь—двѣ огромныя разницы. Я не понимаю, какъ вы могли рѣшиться, конечно, тайно отъ Раисы, дать ей приданое, пользуясь скарденничествомъ Варвары Тихоновны? Вы страшно оскорбили меня!

Никодимъ Павловичъ былъ красенъ и нѣсколько разъ соби-  
рался говорить, но сдерживалъ себя. Когда Федоръ Игнатьичъ замолчалъ, онъ началъ взволнованнымъ голосомъ:

— Федоръ Игнатьичъ, вы дурно толкуете мое чувство къ Раисѣ Николаевнѣ и придаете невѣрный смыслъ словамъ Варвары Тихоновны. Я очень хорошо помню, что ревность двигала вами, когда вы изволили потребовать отъ меня, чтобы я не смѣлъ называть свою питомицу...

— Пчелкой!—подхватилъ Гранковскій.

— Именно. Не знаю, какъ далеко проникли вы въ мои бывшія намѣренія относительно Раисы Николаевны, но, клянусь вамъ, съ тѣхъ поръ, какъ она вышла замужъ, я отношусь только съ уваженіемъ къ Раисѣ Николаевнѣ... Душевно желаю, чтобы она всегда была такъ же счастлива, какъ въ этомъ году, и чтобы вѣчно любили вы другъ друга... Ради Бога, вѣрьте моей искренности, Федоръ Игнатьичъ! Вѣрьте также, что привязанность... что это чувство, безъ котораго было бы холодно моему старому сердцу, распространяется не только на Раису Николаевну, но и на ея мужа...

Федоръ Игнатьичъ почувствовалъ, что Никодимъ Павловичъ говорить правду. Душа его смягчилась, помимо его воли, а Никодимъ Павловичъ продолжалъ все тѣмъ же тихимъ, взволнованнымъ голосомъ.

— По поводу приданого объясню слѣдующее. Разумѣется, Раиса Николаевна не могла знать, что приданое дано, какъ вамъ угодно было выразиться, мною, ужъ просто на томъ основаніи, что оно было дано самою Варварой Тихоновной, которая, дѣйствительно, взяла у меня десять тысячъ. Изъ этихъ десяти тысячъ, пять тысячъ она употребила на уплату долговъ, въ которые ввела ее свадьба Раисы Николаевны, а пять тысячъ прислала черезъ меня Раисѣ Николаевнѣ... У насъ съ Варварой Тихоновной старыя счеты... Васъ удовлетворяетъ мое объясненіе?

Федоръ Игнатьичъ пристально посматрѣлъ въ глаза Никодиму Павловичу и сказалъ:

— Да, удовлетворяетъ. Но будьте такъ добры, чтобы ужъ не поднимать этого вопроса, позвольте мнѣ сейчасъ потушить долгъ. Вотъ деньги. Распишитесь на тетрадеѣ, что получили сполна.

— Федоръ Игнатьичъ!

— Прошу васъ.

Никодимъ Павловичъ взялъ перо, обмакнулъ его въ чернила и былъ такъ озадаченъ, что долго не могъ ничего написать. Наконецъ, онъ машинально расписался.

— Можетъ быть, я наговорилъ вамъ рѣзкостей, Никодимъ Павловичъ, но очень трудно соблюсти тактъ въ подобныхъ случаяхъ. Такъ вы меня ужъ извините!

— Я не сержусь на васъ. Могла бы разсердиться одна Раиса Николаевна. Но она не будетъ знать.

— Да, она не должна знать.

— А у васъ много щепетильности и гордости, Федоръ Игнатьичъ. Мало ли сколько должна мнѣ Варвара Тихоновна, и платить за нея только потому, что она мачиха Раисы Николаевны, черезъ-чуръ непрактично.

— Согласенъ. Но я просилъ не поднимать больше этого вопроса... Ахъ, какая басистая ваша крестница, Никодимъ Павловичъ! Сегодня утромъ ревѣла какъ тигрица... Такъ вотъ я теперь совершенно спокоенъ. Хотя наше объясненіе походило на маленькую сцену, но, мнѣ вѣжеться, сейчасъ мы сблизились съ вами гораздо больше, чѣмъ въ теченіе всего этого года.

Никодимъ Павловичъ молча пожалъ руку Граневскому и проводилъ его до дверей.

Пріѣхавши домой, Федоръ Игнатьичъ засталъ сидѣлку Петрову, которая явилась съ письмомъ отъ Бояринова; отъ письма несло мускусомъ. Бояриновъ извѣщалъ, что Варварѣ Тихоновнѣ стало легче, кризисъ миновалъ благополучно, и есть большая надежда на выздоровленіе.

### ЛІІІ.

Крестины младенца Софіи произошли въ одинъ прекрасный лѣтній день. Съ утра грѣлась вода, и въ такомъ большомъ количествѣ, какъ будто предполагалось крестить цѣлый народъ, а не одну эту крошечную безпомощную кривлиую Сонечку. Раиса



Николаевна давно уже покинула постель. Она была блѣдна, ея талія опять приняла юныя формы, и только измѣнились плечи, сдѣлавшись женственнѣе. Когда принесли цинковую приходскую купель стараго и почтеннаго вида и поставили въ залѣ, Жюли убрала купель плуцомъ, а кругомъ нея велѣла постлатъ нѣсколько ковриковъ. Няня, среднихъ лѣтъ женщина, съ красивымъ великорусскимъ говоромъ, носила ребеночка по спальнѣ. Жюли и Раиса не разставались другъ съ другомъ все это время. Стоя передъ купелью, онѣ бесѣдовали о томъ, что дѣвочка можетъ простудиться.

Принесли воду и, подъ наблюденіемъ Раисы, налили ея купель.

Пріѣхалъ кумъ. Онъ былъ во фракѣ, въ бѣломъ галстухѣ и только-что выбрить. Никодимъ Павловичъ поцѣловалъ у Раисы руку и сталъ разговаривать съ Жюли. Дѣвушка стояла у окна вся на свѣту, и была не только интересна, но даже красива. Ей, брюнеткѣ, очень шли блѣдно-красныя ленты, и на ея бѣлой открытой шеѣ блестѣла тоненькая золотая цѣпочка. По настоянію Раисы, она перестала складывать волосы на затылѣ корзинкой и заплетала ихъ въ двѣ косы, что къ ней тоже шло.

Варвара Тихоновна похудѣла послѣ болѣзни. Она явилась въ дорогой шали и въ богатомъ чепчикѣ, который прикрывалъ собою ея подъ гребенку остриженную голову.

— Раиса, ты нисколько не измѣнилась!—кратко сказала она, прослезившись и цѣлуя падчерицу. — Юлія Петровна! Никодимъ Павловичъ, батюшка!

Она сейчасъ же сѣла, дѣлая видъ, что слабость была теперь свойствомъ ея натуры.

— Вотъ привелъ Богъ!—сказала она Никодиму Павловичу, избѣгая его взгляда. — А гдѣ же, Раечка, твоя наслѣдница? Пойти посмотрѣть, что ли!

Федоръ Игнатьичъ только-что пріѣхалъ изъ больницы и весело поздоровался съ женою и гостями. Вслѣдъ за нимъ вошелъ, съ чернымъ валенковымъ мѣшкомъ подъ мышкой, дьячокъ и, поклонившись, облѣпилъ купель восковыми свѣчками. Черезъ пять минутъ у крыльца остановилась лошадка отца Платона, того самаго священника, который вѣнчалъ Гранковскихъ.

Отецъ Платонъ облекся въ свѣтлыя ризы, и начался обрядъ крещенія. Раиса Николаевна сидѣла въ спальнѣ, и до ея ушей долетали отрывки молитвъ, читаемыхъ священникомъ, и тревожный крикъ Сонечки.

Вскорѣ, напряженно улыбающейся матери, которая ждала

конца обряда съ радостнымъ трепетомъ сердца, Ѳеодоръ Игнатьичъ подавъ Сонечку, съ золотымъ вѣрстомъ на груди. Раиса разсмѣялась, подставила мужу лобъ для поцѣлуя и, приготовляясь дать крикунѣ грудь, сказала въ-полголоса:

— Кажется, въ столовой все въ порядкѣ. Пожалуйста, угости священника... Я люблю отца Платона...

За завтракомъ Варвара Тихоновна сѣла подальше отъ кума. Ей было неловко также чувствовать на себѣ по временамъ взглядъ зятя, ласковый и немного насмѣшливый. Никодимъ Павловичъ сидѣлъ подлѣ Жюли. Онъ посмотрѣлъ на ея руки и подумалъ: „а у нея недурныя руки“.

Варвара Тихоновна ѣла съ большимъ аппетитомъ. „Они хорошо живутъ,—думала она о Гранковскихъ.—Но я боюсь одного, что десять тысячъ, которыя Ѳеодоръ Игнатьичъ заплатилъ Никодиму Павловичу, подсѣкутъ ихъ; онъ поставилъ меня въ самое ложное положеніе... Потомъ будутъ всѣ говорить, будто я надула падчерицу“.

По мѣрѣ того, какъ засыпалъ аппетитъ Варвары Тихоновны, у нея просыпалась совѣсть. Въ этомъ миломъ домѣ, гдѣ вѣяло такимъ желаньемъ жить и наслаждаться жизнью, и гдѣ свила себѣ гнѣздо честная и чистая любовь, Варвара Тихоновна была лишняя съ своимъ эгоизмомъ... Она лишняя, а все-таки отъ нея не отвернулись и ее пригласили войти въ этотъ свѣтлый и радостный домъ и духовно вторично породнились съ нею.

Она послѣ завтрака ушла въ спальню и долго сидѣла съ падчерицей, собираясь ей что-то сказать. Она боролась съ собою, хотѣла быть доброй и великодушной, представляла себѣ слезы умиленія и благодарности на глазахъ Раисы, горячіе поцѣлуи, которыми осыплетъ ея руки Ѳеодоръ Игнатьичъ, расчувствовалась и два раза принималась сама плакать, и все-таки ничего не сказала. „Я—потомъ“,—рѣшила она и уѣхала домой вмѣстѣ со своимъ бесплоднымъ раскаяніемъ и пустыми угрызениями совѣсти.

#### LIV.

Гранковскіе переехали въ Буду, какъ только совершенно поправилась Раиса Николаевна. Это случилось въ началѣ августа. Старый молчаливый домъ огласился крикомъ здороваго ребенка и вдругъ повеселѣлъ. Скоро исчезъ его нежилой запахъ, и потѣла въ немъ правильная ровная жизнь.

Стояла темная ночь. Звѣздъ не было видно, и черное небо

низко нависло надъ землею. Жюли сидѣла въ гостиной въ старинномъ креслѣ и читала какой-то нѣмецкій философскій журналъ, а Ѳеодоръ Игнатьичъ и Раиса ходили объ-руку по аллеѣ. Они издали, въ раскрытую дверь, видѣли, какъ Жюли, освѣщенная лампой, хмурила брови и по временамъ широко раскрытыми глазами глядѣла въ неопредѣленное пространство, очевидно вдумываясь въ прочитанное. Въ воздухѣ проносились рѣзвыя струйки вѣтра, иногда шумѣли листья и гдѣ-то вздрагивали блѣдныя, тихія зарницы.

— Будетъ гроза, — сказалъ Ѳеодоръ Игнатьичъ.

— Я не боюсь грозы, — отвѣчала Раиса, прижимаясь къ мужу. — Ты знаешь, Ѳеда, что давно, давно, еще когда мнѣ было восемь лѣтъ, мамѣ наказала меня за то, что я... ужъ не помню, за что — потомъ схватила за руку, вывела въ садъ и толкнула такъ, что я упала. Вотъ какъ разъ была такая погода. Еще не было грозы, но сейчасъ будетъ. Я плакала, плакала, но гордость не позволила мнѣ постучаться въ дверь. Я забрела куда-то въ чащу и, уставши плакать, легла на землѣ, и вдругъ мнѣ страшно стало. Но я не смѣла поднять головы, и все ѣжились и прятала голову, чтобъ не слышать шумящихъ деревьевъ, воображала себя самой несчастной въ мѣрѣ дѣвочкой и заснула. Просыпаюсь — деревья стонуть, молнія блещетъ... Я давай кричать. Крикну, а въ отвѣтъ громъ каждый разъ какъ грянетъ! Мнѣ представилось, ужъ я не знаю почему, что это голосъ моего отца... Я стала сильнѣе плакать и звать: „папа, папа, защити меня!“ А тутъ пришелъ Никодимъ Павловичъ съ фонаремъ и приласкалъ меня... Если я умру, Ѳеда, никогда не женись на другой!

Молодая женщина положила голову на плечо мужу. Такъ какъ онъ не могъ себѣ представить смерти Раисы, то ничего не отвѣтилъ ей. Они прошли нѣсколько шаговъ по темной аллеѣ и приблизились къ виноградной бесѣдѣ.

— Помнишь, Раиса, какъ въ прошломъ году мы сладко поцѣловались на этомъ мѣстѣ, и какъ тебя испугалъ крикъ: „Мери!“? Вѣдь наша любовь не ослабѣла съ тѣхъ поръ?

Въ тихомъ сумрачѣ ночи прозвучалъ въ отвѣтъ поцѣлуй и потомъ раздался ласковый смѣхъ молодой женщины.

— Послушай, Раекъ, отчего ты какъ будто охладѣла ко мнѣ.

— Я?

— Можетъ быть, тебѣ самой трудно замѣтить это, но почему мнѣ кажется?

— Неправда...

— Послушай, Раекъ, я тебя такъ рѣдко теперь вижу... Вѣчно ты занята Сонечкой!

— Нельзя иначе, Одея. Сонечка требуетъ постояннаго ухода. Если я сама не выкупаю ее и не досмотрю, я буду мучиться. На няньку я никогда не могу положиться, хоть будь она золотая.

— А Жюли?

— Жюли гостить у насъ. Она очень милая и добрая, но она чужая. Мать сама должна нянчить своего ребенка.

Ночь, казалось, стала еще чернѣе. Было душно; поднимался раздражающій запахъ отъ цвѣтниковъ, разбитыхъ передъ домомъ, и въ тяжеломъ воздухѣ грудь дышала съ томной медлительностью.

Грозовая туча, бывшая за секунду передъ тѣмъ далеко отъ нихъ, теперь летѣла надъ самой ихъ головой. Гранковскій увидѣлъ Раису, облитую блѣдно-голубымъ свѣтомъ... Но потухъ свѣтъ, все погрузилось въ темноту, громъ потрясъ небеса и землю...

Раиса вскочила и убѣжала изъ бесѣдки. Онъ пошелъ вслѣдъ за нею съ сердцемъ, переполненнымъ любовью. Тамъ и сямъ падали, прорываясь сквозъ темный сводъ липъ, капли дождя. Едва Оедоръ Игнатьичъ вступилъ на балконъ, какъ подулъ вѣтеръ съ силой урагана, деревья угрюмо зароптали со всѣхъ сторонъ, и дождь сталъ барабанить въ окна.

Жюли положила на колѣни книжку философскаго журнала и испуганно смотрѣла на Оедора Игнатьича, который торопливо заперъ балконъ. Она не замѣтила, какъ набѣжала гроза.

Гроза бушевала далеко за полночь. Въ комнатѣ Оедора Игнатьича горѣла лампа. То была небольшая комната, оклеенная обоями, на которыхъ множество разъ была изображена сцена свиданія рыцаря, въ шляпѣ съ перомъ, съ какой-то восхитительной дамой, тоже съ перомъ, въ амазонкѣ и на гордомъ конѣ. Диванъ съ прямой спинкой и золочеными шпильками по угламъ спинки и такія же полукресла стояли вдоль стѣнъ, а возлѣ высокой кровати помѣщалось бюро со шкафикомъ и откидной доской. Надъ постелью висѣлъ миниатюрный портретъ дѣда Оедора Игнатьича въ черной рамкѣ съ бронзовымъ горошкомъ въ видѣ украшенія. Здѣсь, въ этихъ стѣнахъ, уже давно жили Гранковскіе, протекая свое житейское поприще мирнымъ и неуклоннымъ путемъ по торной стезѣ закона и общепринятой добродѣтели. Дѣды и прадѣды, оставившіе отпечатокъ своей личности на почтенномъ убранствѣ этой комнаты, передали своему потомку ту же любовь къ жизни, которая одушевляла ихъ, и ту же потребность наслажденія мирнымъ счастьемъ. Гранковскій ходилъ по комнатѣ и думалъ о томъ, что и прадѣдъ его, и дѣдъ, и отецъ не разъ

испытывали въ своемъ сердцѣ такую же тоску желаній и жажду тихаго, ничѣмъ не возмущаемаго блаженства, какую онъ испытываетъ теперь: въ этой самой комнатѣ, въ этой наслѣдственной спальнѣ, прожили всю свою жизнь влюбленные другъ въ друга супруги. Иначе отъ кого же онъ унаслѣдовалъ эту наклонность къ семейной жизни и эту страстную любовь къ своей женѣ?

— „Чище и выше жены нѣтъ женщины!“ — такъ рассуждалъ Федоръ Игнатьичъ и все ходилъ по комнатѣ. Буря ватихала, и громъ гремѣлъ протяжно и негромко, какъ бы утомленный своимъ стихійнымъ бесплоднымъ гнѣвомъ.

Дверь отворилась — вошла Раиса въ бѣлой кофтѣ съ плюющимъ воротникомъ. Она, улыбаясь, подошла къ мужу. Онъ обнялъ ее и посадилъ возлѣ себя. Раиса смотрѣла ему въ глаза и продолжала смѣяться, но тихимъ, прерывистымъ смѣхомъ...

Но за стѣной послышался крикъ Сонечки. Молодая женщина вскочила, тревожно улыбулась мужу и убѣжала.

Она долго не приходила. Онъ задремалъ, уставъ ожидать Раису...

#### LV.

Гранковскій получилъ въ это время изъ-за границы ворохъ книгъ и хирургическихъ журналовъ. Цѣлую недѣлю занятъ онъ былъ изученіемъ этого матеріала и, наконецъ, съ удовольствіемъ увидѣлъ, что ни одинъ заграничный ученый не подходилъ къ вопросу о голено-таранномъ сочлененіи съ той точки зрѣнія, съ какою подошелъ онъ. Онъ заключилъ свой ученый трудъ скромнымъ выраженіемъ надежды, что если специалисты не признаютъ за его способомъ резекціи выдающагося значенія, то, во всякомъ случаѣ, обратятъ вниманіе на его клиническую пригодность, въ виду его простоты и несложности.

— „Вотъ теперь я съ легкимъ сердцемъ готовъ приступить къ докторскому экзамену, — думалъ Федоръ Игнатьичъ, — съ гордостью поглядывая на тетрадь, которая заключала въ себѣ диссертацию о голенотаранномъ сочлененіи. Больница измучила меня; я до сихъ поръ не могу добиться устройства рациональныхъ вентиляторовъ въ моей палатѣ; слишкомъ много тратится силъ на борьбу съ дрянными мелочами! Въ этомъ году непременно поѣду въ Петербургъ. Но какъ оставить Раису и какъ ей сказать объ этомъ? А можетъ быть, взять семью съ собой? Тогда придется опять задолжать кому-нибудь, а у меня и безъ того пятнадцать тысячъ на шеѣ“.

Онъ нѣсколько дней пытливыми глазами смотрѣлъ на жену, — за обѣдомъ, чаемъ, во время прогулокъ. Она чувствовала, что Ѳедоръ Игнатьичъ хочетъ о чемъ-то поговорить съ нею. Наконецъ, она спросила:

— О чемъ ты думаешь все это время, Ѳеда?

Онъ улыбнулся.

— Хочу бросить тебя.

— Чтò за шутка! — со смѣхомъ произнесла Раиса, но сердце ея утѣшенно забилось.

— Въ самомъ дѣлѣ, я не шучу, Раиса...

Онъ рассказалъ женѣ, какъ опротивѣла ему больница и какъ ему надо получить докторскій дипломъ.

— Рѣзниковъ уже профессоръ! — сказалъ онъ.

— Рѣзниковъ — другое дѣло: у него протекція, — замѣтила Раиса.

— Это все равно, — возразилъ мужъ: — въ наукѣ не можетъ быть протекціи.

— Онъ профессоръ, а не ученый, — сказала Раиса; она разграничивала эти два понятія. — Да, снес Ѳеда, тебѣ слѣдуетъ устроить свои дѣла. У тебя будутъ развязаны руки. Я буду очень рада, у тебя будетъ своя клиника...

— О, дитя мое, еще не скоро, если и поспастливится! А не правда ли, лучше сначала отзвонить все, чтò надо, въ Петербургѣ, а потомъ ужъ за границу... Не правда ли? Хорошо я придумалъ?

Раиса вспомнила, что ей первой принадлежитъ эта мысль; она улыбнулась и сказала:

— Поѣзжай, Ѳеда. Ты хорошо придумалъ.

Супруги сидѣли на балконѣ, подъ парусиннымъ навѣсомъ. Въ элегантной колясочкѣ, на высокихъ тонкихъ колесахъ, няня катала по дорожкамъ Сонечку. Дѣвочка веселыми глазами, изрѣдка хмурясь, смотрѣла на міръ Божій. Темные волосы лѣзли ей на лобикъ, и она махала въ воздухъ розовыми кулачками.

— Мнѣ скучно будетъ безъ тебя и безъ Сонечки, — сказалъ Ѳедоръ Игнатьичъ.

У Раисы навернулись на глаза слезы.

— А ты не скучай, Ѳеда, — произнесла она, беря его за руку. — Мы тебѣ только мѣшали бы. Мы поѣхали бы, впрочемъ, съ тобой, но нѣтъ денегъ.

— Да, нѣтъ денегъ, — повторилъ Гранковскій и позавидовалъ богатымъ людямъ.

Съ этихъ поръ Раиса не отходила отъ мужа. Она осыпала

его ласками. И по мѣрѣ того, какъ бѣжало время и сентябрскіе прохладные дни смѣняли жаркій августъ, грусть все чаще и чаще туманила свѣтлые глаза Раисы, и сосредоточеннѣе становился Федоръ Игнатьичъ.

Но наканунѣ его отъѣзда въ Петербургъ въ домѣ было необыкновенное оживленіе. Пятаго сентября праздновались именины Раисы Николаевны. Изъ города пріѣхалъ Никодимъ Павловичъ съ букетомъ азалий.

— Боже! Вы напомнили мнѣ азалии, которыя я уронила тогда изъ окна вагона. Боже, еслибы вы знали, какъ я жалѣла! Прягнѣ улынулся широкой улыбкой.

Изъ Гонтовки пріѣхала Анна Николаевна Ворошилина.

— Душечка! Да васъ узнать нельзя! Чтѣ съ вами? Вы на себя не похожи! Вы такъ пополнили! Нѣтъ, вамъ гораздо лучше шло, когда вы были дѣвочкой! И, кромѣ того, вы страшно загорѣли!

Послѣ этого залпа откровенныхъ замѣчаній, Анна Николаевна расцѣловала Раису и сѣла на диванъ.

— А мы съ мужемъ никакъ не состарѣмся. Онъ такой же, какъ и былъ, и вотъ теперь жить безъ меня не можетъ, хотя я всего три дня какъ въ Гонтовѣ.

Сельскій священникъ, между тѣмъ, отслужилъ молебень. Барышни-сосѣдки щебетали какъ ласточки, молодые кавалеры улаживали за ними; садъ оживился: опять, какъ когда-то, наполнили его беззаботные голоса. На крошечную Сонечку со смѣхомъ накидывались восторженные гости и цѣловали ее, или принимались нянчить, пова не вмѣшивалась Раиса Николаевна и не отнимала ребенка съ ласковымъ выговоромъ.

Кузьмичъ отличился, и былъ поданъ за обѣдомъ колоссальный пирогъ съ вензелемъ Раисы Николаевны. Хозяйка посадила Никодима Павловича подлѣ Жюли. Когда стали пить здоровье именинницы, Раиса въ-полголоса сказала Никодиму Павловичу.

— А чего желали вы мнѣ въ тотъ день, помните?.. Вы говорили тогда рѣчь и сравнивали меня съ розой... Помните? Ваше желаніе сбылось скорѣе, чѣмъ вы сами хотѣли.

Раиса покраснѣла и продолжала:

— У Сонечки и пухлые ручки, и кудрявая голова... Ну, такъ желаю же и я вамъ... Скажите, Никодимъ Павловичъ: пожелаете вы себѣ того же, чего я вамъ сейчасъ пожелаю?

— Желаю, — сказалъ Никодимъ Павловичъ съ задумчивой улыбкой.

Послѣ десерта гости танцовали. Раиса кружилась съ Федоромъ Игнатьичемъ, и онъ разсмѣшилъ ее, повлонившись ей по

военному—съ высоко приподнятыми плечами и выразительнымъ, исполненнымъ чарующей неотразимости взглядомъ.

Быль тихій и теплый вечеръ. Едва стемнѣло, какъ съ шумомъ взвилось надъ садомъ нѣсколько ракетъ. Онѣ лопнули, рассыпались пестрыми искрами и потухли одна за другою въ высокомъ небѣ.

Опять весь вечеръ, подъ звуки фортепіано, танцовали гости и, наконецъ, стали разъѣзжаться. Старыя люстры и лампы весело горѣли въ старомъ домѣ. Пыль стояла въ большой залѣ и улетала легкимъ, чуть замѣтнымъ облакомъ въ раскрытыя окна. Никодимъ Павловичъ поѣхалъ съ Анной Николаевной на станцію. Обнявши другъ друга за талію, какъ братъ и сестра, ходили Гранковскіе по своему дому и молчали.

Почти всю ночь не ложились они. Небо было усѣяно звѣздами. Невозмутимымъ сномъ спала деревня и спалъ садъ.

Утромъ уѣхалъ Федоръ Игнатьичъ. Было рѣшено, что, во избѣжаніе лишнихъ расходовъ, Раиса Николаевна останется жить въ деревнѣ вмѣстѣ съ Жюли. Для Жюли это было тѣмъ удобнѣе, что въ этомъ году въ городъ пріѣхалъ ея женатый братъ и взялъ на себя заботу о младшихъ членахъ семьи. Раиса Николаевна съ большимъ спокойствіемъ и душевной твердостью проводила мужа. Но когда тарантасъ исчезъ изъ виду, она не могла противиться горю и зарыдала.

## LVI.

— „Отчего Федя не взялъ меня съ собой?—съ упрекомъ и тоской думала Раиса.—Разумѣется, еслибы я настояла на этомъ, онъ предложилъ бы мнѣ ѣхать вмѣстѣ. Но отчего же онъ самъ былъ такъ холоденъ?.. Намъ многого не нужно было бы. Двухъ комнатокъ достаточно... Онъ даже не поднималъ вопроса объ этомъ. А мы вѣдь мужъ и жена—мы все должны дѣлать вмѣстѣ, и радость, и горе“...

Стоя у окна, смотрѣла Раиса заплаканными глазами вдаль, на пустынную дорогу, которая, пересѣкая деревню, поднималась по противоположному склону яра сѣрой вьющейся полоской. По небу бѣжали мелкія облака, и солнце нежарко свѣтило севозъ прозрачныя тучки. Чуть слышный, раздался вдали свистокъ поѣзда.

— „Вотъ ужъ Федя поѣхалъ... Вотъ ужъ мчится онъ въ *своей* противный Петербургъ. Онъ думаетъ теперь обо мнѣ, а потомъ



пойдутъ новыя встрѣчи, и новыя впечатлѣнія изгладятъ меня изъ его души. Ахъ, зачѣмъ мы не вмѣстѣ? Отчего я раньше не попросила его взять меня съ собой? что за глупое самолюбіе! Но что если Федя заболѣетъ—кто досмотритъ его?.. Ему будетъ скучно—кто подойдетъ и пожметъ ему руку?..“

Няня поднесла Сонечку. Раиса Николаевна обернулась, горячо поцѣловала ребенка и сказала:

— Папа уѣхалъ, Сонечка! Надолго, надолго уѣхалъ! Далеко, Сонечка!

Сонечка, которой шелъ уже четвертый мѣсяцъ, была румяная, полная дѣвочка, съ алымъ сочнымъ ртомъ. Молодая мать думала, что на свѣтѣ нѣтъ красивѣе ея дѣвочки. Сонечка, несмотря на свой возрастъ, обладала уже весьма опредѣленнымъ характеромъ: по крайней мѣрѣ, въ этомъ не сомнѣвалась Раиса Николаевна. Сонечка была прелесть какая умненькая, веселенькая и добренькая. Теперь она улыбнулась матери и обѣими руками схватила ея руку, украшенную обручальнымъ кольцомъ.

— Няня, правда—Сонечка все понимаетъ?

— Понимаетъ! Гдѣ-жѣ понимать такой крошкѣ! — съ усмѣшкой сказала няня. — А ты не грусти, барыня. Горе не великое, что мужъ на сколько тамъ мѣсяцевъ уѣхалъ. Опъ же тебя любить! А вотъ кабы померъ — ну, это точно, можно убиваться, или ежели бы совсѣмъ бросилъ...

Няня стала рассказывать о себѣ и о своей дочери, и хотъ Раиса почти не слушала ея, но дѣлала видъ, что слушаетъ. Это ее развлекло, она перестала плакать.

Жюли не могла видѣть слезъ. Чтобъ самой не разрыдаться, она ушла въ садъ. Кутаясь въ красный полосатый платокъ, ходила она по аллеямъ, иногда останавливалась передъ просвѣтами и задумчиво устремляла глаза вдаль. Вчера, въ припадкѣ веселой откровенности, Раиса сказала ей:—Жюли, я знаю одного чудеснаго человѣка, который равнодушенъ къ тебѣ. Угадай, кто это? — Сказавши это, она поцѣловала Жюли и убѣжала. Сочувствіе горю Раисы не мѣшало Жюли думать объ этой фразѣ все утро; она ходила по саду и, перебирая въ головѣ всѣ признаки, по которымъ можно было бы опредѣлить, кто этотъ чудесный человѣкъ, никакъ не могла разрѣшить загадки. Она пожимала плечами, улыбалась, а потомъ, вспомнивъ, что Раиса груститъ и плачетъ, сама дѣлала скорбные глаза.

— „Однако, какая я эгоистка!—сказала про себя Жюли:—я берегу себя и оставила Раису въ слезахъ. Она подумаетъ, что я плохая подруга“.

Жюли вернулась въ домъ и нашла Раису въ кабинетѣ Федора Игнатьича.

— Мнѣ очень нравится эта комната, Жюли, — сказала молодая женщина.

На другой день утромъ была получена телеграмма изъ Москвы: „Я въ Москвѣ. Здоровъ. Буду телеграфировать изъ Петербурга“. Телеграмма успокоила Раису. Еще черезъ день пришла телеграмма изъ Петербурга. Федоръ Игнатьичъ опять увѣдомлялъ о своемъ здоровьѣ и общалъ, что подробности — письмомъ. Раиса Николаевна такъ обрадовалась, что обняла Жюли и стала съ нею вальсировать по залѣ.

Черезъ нѣсколько дней, за обѣдомъ, Раисѣ было подано, наконецъ, и самое письмо. Молодая женщина вскочила изъ-за стола, покраснѣвши отъ радостнаго волненія, и убѣжала въ Фединъ кабинетъ.

Федоръ Игнатьичъ писалъ своимъ крупнымъ, острымъ почеркомъ, безъ утолщений и крючковаго:

„Дорогая Раиса!

„Не повѣришь, съ какою несказанной тоской я уѣзжалъ изъ дома. Я все оглядывался и былъ увѣренъ, что ты стоишь у окна и смотришь на дорогу. На станціи меня брало раздумье: ужъ не вернуться ли, и непременно вернулся бы, еслибы, съ одной стороны, не ложный стыдъ, а съ другой — не увѣренность въ крайней необходимости этой поѣздки. Поѣздъ тронулся, ты должна была услышать свистокъ, и эта ничтожная вещественная связь между нами принесла мнѣ на минуту нѣкоторое утѣшеніе — точно я крикнулъ тебѣ еще разъ: „до свиданья, Раиса!“ Въ вагонѣ было много народу. Пассажиры уже успѣли познакомиться и продолжали начатый разговоръ. Какой-то купецъ рассказывалъ простуженнымъ голосомъ о рыбныхъ промыслахъ на Каспійскомъ морѣ, и толстая, румяная московская дама спрашивала на-распѣвъ: „А бѣлугу у васъ ловятъ?“ „А бѣлуги ревутъ?“ „А постныхъ коровъ вы лавливали?“ „А морскихъ пѣтуховъ? а чертей?“ Обстановка была комическая, но я, несмотря на врожденную смѣшливость, даже не улыбнулся. Мнѣ все мерещился нашъ домъ, и въ моемъ сердцѣ такъ ясно стоялъ твой нѣжный образъ! Поѣздъ мчался, дымъ разстилался по землѣ, тусклое солнышко свѣтило, но не грѣло, и впереди — безконечный рядъ станцій, долгіе мѣсяцы разлуки и борьба за успѣхъ, а позади — родное гнѣздо, ты, Сонечка, годъ свѣтлой жизни съ тобой. Мнѣ было больно и странно, что мы не вмѣстѣ“...

Раиса поцѣловала тутъ письмо. Федоръ Игнатьичъ описывалъ дальше мимолетное впечатлѣніе отъ Москвы, какъ онъ познакомился на николаевской дорогѣ съ знаменитымъ хирургомъ Томилинымъ, и какъ этотъ хирургъ свѣтически отнесся къ хирургическимъ новшествамъ Федора Игнатьича. Въ Петербургѣ Федоръ Игнатьичъ уже успѣлъ побывать въ академіи, кому слѣдуетъ представиться и подать бумаги.

„Петербургъ—чудесный большой городъ и отъ него вкружится голова. Но намъ, провинціаламъ, онъ не по сердцу. Не знаю почему, но мнѣ кажется, что Петербургъ измучить меня еще сильнѣе, чѣмъ разлука съ тобой. Здѣсь царство развинченныхъ нервовъ и какого-то глубокаго верхоглядства. Предчувствую, судя по первымъ встрѣчамъ, что мнѣ предстоитъ серьезная борьба съ Петербургомъ. Безъ протекціи нельзя ступить шагу; никто не вѣритъ въ возможность сдѣлать въ наукѣ что-нибудь свое, здѣсь закрываютъ глаза, вмѣсто возраженій, и въ то же время пусть кто-нибудь одинъ станетъ кричать: „вотъ новое слово!“ какъ всѣ подхватываютъ хоромъ: „новое слово, новое слово!“ Боюсь, что я слишкомъ поспѣшно берусь судить о Петербургѣ. Но таково, во всякомъ случаѣ, первое впечатлѣніе, полученное мною отъ этого города. Я былъ здѣсь въ засѣданіи общества врачей и слышалъ, какъ хвалили банальныя работы и молча улыбались надъ оригинальными...

„Прости меня, что я такъ распространился о петербургскихъ нервахъ. Что у кого болитъ, тотъ о томъ и говорить. Мой первый экзаменъ назначенъ. Я надѣюсь сдать къ Рождеству всю теорію. Теперь я сижу въ своемъ номерѣ, и когда подойду къ окну, то, вмѣсто нашихъ чудесныхъ липъ, вижу темныя массы домовъ, а вмѣсто яркихъ звѣздъ южнаго неба—блестятъ безконечные огни въ туманной мглѣ, окутывающей городъ... Какъ-то ты поживаешь въ Будѣ?.. Здорова ли Сонечка? Что Жюли?..“

— Жюли, Жюли! Вотъ письмо Федора Игнатьича! Какъ онъ интересно пишетъ! Мы вмѣстѣ прочитаемъ его?.. Еще!.. Хочешь?

Пришла Жюли, и подружки стали читать письмо. Разговоръ о письмѣ наполнилъ собою не только этотъ день, но и слѣдующіе. Наконецъ, Раиса принялась за отвѣтное письмо. Вечеромъ она зажгла въ кабинетѣ всѣ свѣчи и вооружилась перомъ. На большомъ листѣ почтовой бумаги она вывела дамскимъ почеркомъ:

„Милый Федя“...

Она долго сидѣла надъ бумагой и не знала, что дальше

писать. Мыслей было много, но она терялась среди ихъ множества. Къ тому же, почти всѣ ея мысли прямо выливались изъ сердца, а какъ писать то, что чувствуешь? Стыдливость мѣшала ей быть откровенной и горячей, и она не находила словъ.

Письмо вышло холоднѣе, чѣмъ могло быть, и все было посвящено Сонечкѣ. Мать описывала, какъ Сонечка любитъ, когда надъ нею поютъ, какіе у нея глаза — „положительно какъ у тебя, одинъ карій, а другой какъ будто сѣроватый, но тоже карій“ — и какъ вчера у нея болѣлъ животикъ. „Мы съ Жюли здѣсь благоденствуемъ я, положивши Сонечку въ колясочку, изъ сада отправляемся далеко въ поле по сжатымъ нивамъ. Осень у насъ чудесная. Жюли говоритъ, что она такой осени не запомнить, точно она старуха, а между тѣмъ, милый Оеда, ей всего двадцать-четыре года, и въ послѣднее время, не знаю отчего, она страшно похорошѣла. Я упростила ее не носить полосатаго краснаго платка и перчатокъ безъ пальцевъ. Сонечка очень любить Жюли — она всегда славно улыбается ребенку. Вчера у насъ были съ визитомъ молодые Багрѣльскіе-Голынцевы. Желаю тебѣ здоровья и полнаго успѣха въ твоемъ противномъ Петербургѣ“... Раиса Николаевна долго колебалась прежде, чѣмъ рѣшила ничего больше не приписывать къ этимъ строкамъ, хотъ и хотѣлось ей поставить въ концѣ письма нѣсколько нѣжныхъ словечекъ. Но она только подумала объ этихъ словечкахъ...

Едва утромъ письмо было отправлено на станцію, какъ отъ Оедора Игнатьича пришло второе посланіе. На другой день было получено еще письмо. Письма приходили одно за другимъ почти ежедневно до конца сентября.

Оедоръ Игнатьичъ былъ здоровъ, занятъ, тосковалъ, ссорился съ Петербургомъ. Онъ никакъ не могъ отдѣлаться отъ разъ усвоенной имъ точки зрѣнія на Петербургъ. „Милая Раиса, я бываю у Томина, и онъ ласково относится ко мнѣ. Вообще народъ тутъ гостепріимный, хотя подкладка этого петербургскаго радушія — любопытство, скука и жажда хотъ какой-нибудь новизны. Провинціальный врачъ, который воображаетъ, что сдѣлалъ открытіе тамъ, гдѣ безраздѣльно царилъ до сихъ поръ Фольеманъ или Вильротъ (это такіа хирургическія звѣзды, Раиса), представляетъ нѣчто пикантное для столичнаго хирурга. Томинонъ не читалъ моей диссертаци, но улыбается каждый разъ, какъ видить меня, и его улыбка меня злитъ. Я прочитаю въ слѣдующемъ мѣсяцѣ въ обществѣ врачей предварительное сообщеніе о моемъ открытіи. Не знаю, что выйдетъ, но хочется пробить стѣну. Здѣсь принято на все смотрѣть свысока. Здѣсь всѣ — боги,

простыхъ смертныхъ нѣтъ. Кто страшно трудится, дѣлаетъ видъ, будто это ему ничего не стоитъ. Торопятся жить, глотаютъ бездну впечатлѣній, и ничѣмъ нивого не удивишь. Я не вѣрю въ успѣхъ своего сообщенія, но все же пріятно побороться съ столицей, и если не побороться, то хоть вызвать ее на борьбу\*.

Въ другой разъ онъ писалъ: „Все больше и больше при-сматриваясь къ Петербургу, я прихожу, Раиса, къ заключенію, что этотъ городъ оказываетъ удивительно освѣжающее вліяніе на пріѣзжаго человѣка. Кажущееся или дѣйствительное легкомысліе Петербурга происходитъ отъ того, что городъ этотъ живетъ какою-то тревожною, гордою жизнью. Здѣсь, въ концѣ концовъ, научаешься знать себѣ истинную цѣну. Ты хватаешь звѣзды съ неба, пока въ провинціи, и презираешь играющихъ въ винтъ коллегъ и больничнаго эконома, а пріѣдешь въ Петербургъ, и тебя самого презираютъ. Конечно, ты сначала думаешь, что тебя презираетъ какой-нибудь ничтожный Иванъ Ивановичъ, но вскорѣ ты убѣждаешься, что нѣтъ, это презираетъ тебя и твои провинціальныя планы самъ бездушный и величавый Петербургъ, который, повѣрь, еще больше презираетъ своихъ Ивановъ Ивановичей. Петербургъ, Раиса, это мѣрка, передъ колоссальностью которой кажутся малыми даже дѣйствительно великіе люди. Я не хотѣлъ бы слиться съ Петербургомъ и превратиться въ какого-нибудь петербургскаго Ивана Ивановича; но я очень радъ, что пребываніе въ Петербургѣ научить меня терпимѣе относиться къ нашей бѣдной, захолустной жизни“.

Прошелъ сентябрь. Федоръ Игнатьичъ долго не писалъ. Этотъ перерывъ очень тревожилъ Раису. Однажды, въ ясный осенній день, она вдвоемъ съ Жюли сама поѣхала на станцію справиться, нѣтъ ли письма. Поѣздъ только-что пришелъ. Изъ вагона второго класса вышелъ, съ пледомъ въ ремнѣ, Никодимъ Павловичъ. Раиса Богъ знаетъ какъ обрадовалась ему. Лицо Жюли покрылось неровнымъ румянцемъ. Кое-какъ сѣли они въ пролетку, и безъ письма, но съ Никодимомъ Павловичемъ поѣхали изъ Сосновки обратно въ Буду.

## LVII.

— Чтò у васъ новаго, Никодимъ Павловичъ, въ городѣ?

— А ничего. Былъ пожаръ... Мой Подвидышъ дѣлается псомъ и умѣнь не по лѣтамъ. Въ газетахъ хотъ шаромъ повати. Люди гдѣ-то живутъ, но гдѣ?

— Оеда пишетъ, что въ Петербургѣ живутъ.

Она привела наизусть нѣсколько выдержекъ изъ писемъ Оедора Игнатьича.

— Не правда ли, Никодимъ Павловичъ, что тамъ, должно быть, всѣ недовольны собою и другъ другомъ? Меня просто ужащаетъ, Никодимъ Павловичъ, что Оедѣ приходится жить среди такихъ людей. Онъ говоритъ, что это освѣжаетъ, а мнѣ кажется, Оедѣ не зачѣмъ мѣняться. Пускай онъ останется, какимъ былъ. Его тамъ разозлятъ... Ахъ, я боюсь Петербурга!

— Не бойтесь, Раиса Николаевна, Оедоръ Игнатьичъ не такой человекъ. Конечно, новыя впечатлѣнія, новые люди, новыя мысли... Ну, конечно, борьба... Да гдѣ же нѣтъ борьбы? Вернется Оедоръ Игнатьичъ, и вы увидите, что страхъ вашъ былъ напрасенъ.

— Оедя сдѣлалъ важное что-то въ хирургіи, и такимъ врачомъ слѣдуетъ дорожить и ухаживать за нимъ, а, я вижу, тамъ отдаютъ предпочтеніе бездарностямъ... Оедя пишетъ, надѣ всѣмъ оригинальнымъ тамъ смѣются! Вотъ какой Петербургъ!

— То-есть, народъ тамъ скептикъ и не сразу признаетъ человека съ талантомъ. Я жила въ Петербургѣ... Но, знаете, въ концѣ концовъ, Петербургъ справедливъ. Я не сомнѣваюсь, что Оедора Игнатьича ожидаетъ большой успѣхъ. Вотъ посмотрите, что напишетъ онъ вамъ о своемъ сообщеніи...

— Да не пишетъ!.. Скоро ли я получу отъ него письмо?

— Весьма скоро!

— Мнѣ стыдно признаться вамъ, Никодимъ Павловичъ: ужъ десятый день, какъ я не получаю отъ него ни строчки.

— Занятъ, да и десять дней—это небольшой срокъ.

Крикъ Сонечки заставилъ Раису Николаевну прервать разговоръ. Она торопливо сказала:

— Поболтайте съ Жюли, Никодимъ Павловичъ... Можетъ быть, вы прогуляетесь съ нею по саду. Я на время исчезну.

Она ушла, улыбнувшись гостю.

Никодимъ Павловичъ посмотрѣлъ на Жюли. У нея были большіе глаза, но съ длинными рѣсницами. Нѣсколько мелкихъ черты выигрывали отъ прекраснаго цвѣта лица. На волѣняхъ у нея лежалъ котенокъ, и она играла съ нимъ. Она повернула голову и встрѣтилась съ ласково-устраемленнымъ на нее взглядомъ Никодима Павловича.

— Вышла новая критика на Гартмана, профессора Ховрева, —громко сказалъ Никодимъ Павловичъ.

— Очень интересно! — произнесла Жюли. — Что же онъ пишетъ о Гартманъ? — продолжала она. — Онъ согласенъ съ нимъ?

Никодимъ Павловичъ потрясъ головой.

— Онъ находитъ, что должна быть философія любви, а пессимизмъ есть философія ненависти.

— Вы согласны съ нимъ?

— Его книга очень симпатична. Еще вышла книга въ Москвѣ: „Физиологія духа“.

— Вы слѣдите за философскими новостями?

— Да, съ нѣкоторыхъ поръ, я слѣжу за философскими новостями. Философія въ своемъ родѣ поэзія. Въ молодости зачитываешься стихами, на старости лѣтъ слѣдуетъ погружаться въ философскіе трактаты.

— Вы хотите сказать, что я уже старуха?

Никодимъ Павловичъ разсмѣялся.

— Если вы начали съ философіи, то за то кончите стихами. Вы представляете собою обратное явленіе... Вы приятное исключеніе, — прибавилъ Никодимъ Павловичъ.

Жюли покраснѣла. Въ словахъ Никодима Павловича ей слышался комплиментъ.

— Пойдемте въ садъ, — предложила она.

— Я тоже думалъ объ этомъ, тѣмъ болѣе, что такова была воля Раисы Николаевны. Не свѣжо ли вамъ будетъ въ одномъ платьѣ?

— Нѣтъ, ничего. У меня есть платокъ, но я боюсь носить его, потому что онъ не нравится Раисѣ.

— Я позволилъ бы себѣ предложить вамъ мой плащъ.

Жюли надѣла плащъ Никодима Павловича, и они пошли по липовой аллеѣ. Земля была усыяна желтыми листьями. Еще недавно густой древесный сводъ пропускалъ сквозъ оголенные теперь вѣтки яркій свѣтъ, падавшій съ блѣдно-голубого, безоблачнаго неба. Хрипло и протяжно каркали вороны. Пахло осенью, и въ воздухъ было разлито холодное дыханіе приближающейся зимы. Вдали, межъ черныхъ кустовъ, порхалъ запоздалый мотылекъ, садясь на полузасохшіе цвѣты... Никодимъ Павловичъ задумчивымъ взглядомъ слѣдилъ за этимъ одинокимъ мотылькомъ.

Раиса сидѣла въ гостиной съ Анной Николаевной, когда Никодимъ Павловичъ и Жюли вернулись съ прогулки. Анна Николаевна была въ своемъ имѣніи и пріѣхала на полчаса навѣстить сосѣдку.

— Не вѣрьте, не вѣрьте, не вѣрьте! — повторяла Анна Николаевна. — Всегда можно найти время написать женѣ хоть

пять строчекъ. Ему просто весело живется; вы успокойтесь: еслибы былъ боленъ, написалъ бы. Ужъ на что мой мужъ: онъ безъ меня буквально жить не можетъ. А поѣхалъ въ Вѣну и вдругъ засѣлъ. Я терзаюсь, я думаю то, я думаю это—ни слуху, ни духу. Буквально ни слуху, ни духу! Я письма, я ему телеграммы...

— Анна Николаевна, вы разстроите Раису Николаевну, — сказалъ Никодимъ Павловичъ.—Вы не знаете Федора Игнатьича...

— Никодимъ Павловичъ, вы всё хороши!—возразила Анна Николаевна съ любезной улыбкой:—знаю васъ, знаю!

— Я думаю, что разговоръ этотъ...

— О, нѣтъ! — подхватила Раиса: — меня все это занимаетъ...

Она при этомъ вспомнила Васю Рѣзникова, и ее разсердило, что Анна Николаевна, можетъ быть, считаетъ всѣхъ мужчинъ и, слѣдовательно, Федю похожими на этого молодого профессора. Она хотѣла еще что-то возразить Аннѣ Николаевнѣ...

Споръ продолжался еще нѣсколько минутъ и кончился тѣмъ, что Раиса вдругъ зарыдала и ушла въ спальню, оставивъ гостей.

### LVIII.

Утромъ Никодимъ Павловичъ поѣхалъ на станцію и вернулся къ чаю. Раиса взглянула на него, прочла радость на его лицѣ и закричала:

— Письмо, письмо!

Никодимъ Павловичъ подалъ письмо. Раиса тутъ же сорвала конвертъ и стала читать. Федоръ Игнатьичъ писалъ, что ему совсѣмъ некогда, что онъ все время просиживаетъ въ клиникѣ и въ мастерской одного молодого художника, который, подъ его наблюденіемъ, приготовляетъ въ большомъ масштабѣ рисунки хирургическихкихъ случаевъ, приведшихъ Федора Игнатьича къ его открытію. Федоръ Игнатьичъ готовился къ докладу, и ему хотѣлось блеснуть своимъ сообщеніемъ. „Надо обратить на себя вниманіе Петербурга“. Онъ торопливо справлялся о здоровьѣ Раисы и Сонечки, и письмо, начинавшееся съ половины почтоваго листка кончалось на второй страницѣ. Раиса была огорчена. Тогда Никодимъ Павловичъ подалъ ей второе письмо.

— Ахъ, Никодимъ Павловичъ, какъ вамъ не совѣстно!

Второе письмо было посвящено описанію доклада:

„Я провалился, даже безъ большой торжественности; ни одинъ хирургъ не пріѣхалъ къ докладу. Я развѣсилъ свои рисунки и фотографіи передъ пустою аудиторіею. Явилось нѣсколько тера-



певтовъ, и то не ради меня. Публики тоже было мало. Мнѣ вообразилось Богъ знаетъ что, что будто бы это заговоръ противъ меня, между тѣмъ какъ никакого заговора не было, а было только равнодушіе. Съ стѣсненнымъ сердцемъ сталъ я читать свое сообщеніе. Я комкалъ самыя интересныя мѣста и рассчитывалъ читать полчаса, а кончилъ въ десять минутъ. Представь, никто не сдѣлалъ даже возраженія. Щеголеватый господинъ досталъ изъ кармана часы и, глядя на нихъ, сказалъ: „однако, какъ публика чутка: смотрите, почти никого нѣтъ“. Еще кто-то, весь въ золотушныхъ рубцахъ, что-то мнѣ сказалъ, но ужъ я не захотѣлъ ему отвѣчать“.

Раиса съ тоской дочитала письмо и сказала:

— Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ онъ поѣхалъ въ Петербургъ!

Никодимъ Павловичъ сталъ описывать какой-то пожаръ, чтобы тѣмъ-нибудь развлечь Раису Николаевну. Онъ рассказалъ нѣсколько анекдотовъ. Раиса Николаевна все думала о Фодѣ, и ея мысли все уносили ее на сѣверъ: она представляла себѣ Петербургъ какой-то хаотической громадой гранитныхъ дворцовъ, общественныхъ зданій и памятниковъ; тамъ ходитъ Федоръ Игнатьичъ, во мглѣ туманнаго дня, угрюмый и раздраженный; его тянетъ домой, но онъ не вернется, не успѣвъ совершить того, чего хотѣлъ. Новая страсть поселилась теперь въ его груди: честолюбіе грызетъ его... съ ужасомъ и ревностью и въ то же время съ гордостью думала Раиса о своемъ мужѣ. Она не понимала, какъ могъ бы Федоръ Игнатьичъ забыть ее для кого бы то ни было. Но все-таки по временамъ, хотя бы для того, чтобы подразнить ее, онъ высказывалъ неопредѣленные подозрѣнія, или многозначительно молчалъ. Никодимъ Павловичъ затѣялъ прогулку. Раиса сидѣла въ экипажѣ и продолжала думать свою думу. Ея глаза устремлялись вдаль, и сѣверъ сосредоточивалъ на себѣ ея вниманіе съ неодолимой силой.

— Раиса Николаевна, вы похожи теперь на магнитную стрѣлку, — сказалъ ей Никодимъ Павловичъ.

Она улыбнулась, но по прежнему не спускала глазъ съ сѣвера.

## LIX.

Пягинъ возвратился въ городъ черезъ два дня. Онъ засталъ Подкидыша въ добромъ здоровьѣ. Подкидышъ былъ уже изряднымъ подросткомъ и выказывалъ солидность поступковъ, не всегда

свойственную молодому собачьему возрасту. Когда Никодимъ Павловичъ усаживался возлѣ одного окна и погружался въ созерцаніе лѣваго неизменнаго берега Днѣпра, Подвидышъ подходилъ къ другому окну, вскакивалъ на подоконникъ и тоже глядѣлъ вдаль съ задумчивостью меланхолика.

Обыкновенно лѣвый берегъ Днѣпра, даже лѣтомъ, представлялся Никодиму Павловичу скучнымъ и печальнымъ. Теперь, по возвращеніи изъ Буды, этотъ берегъ далъ Никодиму Павловичу болѣе утѣшительное зрѣлище. Можетъ быть, этому въ нѣкоторой степени способствовали чудесныя краски блѣдно-багрянаго заката. Старый холостякъ курилъ сигару и думалъ.

„Идеаль—это значить что-нибудь недостижимое. Для одного идеаль десять милліоновъ, для другого — трехсаженный осетръ, для третьяго—каменный домъ, полный жильцовъ, для Рѣзникова—женщина со множествомъ туловищъ и съ одной головой, а мнѣ хотѣлось бы семейныхъ радостей“.

Онъ вспомнилъ родимый домъ въ уѣздномъ заброшенномъ городкѣ. Домъ стоялъ на горѣ, окруженный службами. Около дома ни одного деревца. По небольшимъ комнатамъ, съ некрашенными полами и пузатенькой берестовой мебелью, ходить, въ халатѣ и съ трубкой въ зубахъ, его отецъ и соннымъ взглядомъ смотреть вокругъ себя. На тусклыхъ окнахъ жужжать рои мухъ. Мать, блѣдная женщина, съ красивыми черными глазами, въ мантильѣ, навиннутой на рубашку, раскладываетъ оплывшими голыми руками пасьянсъ. Маленькій Ника, въ ситцевой сорочкѣ, схваченной резиновымъ поясомъ съ какой-то затѣвливой пряжкой, сидитъ поодаль и глядитъ въ окно, болтая ногой. Передъ нимъ на подоконникѣ лежитъ раскрытая книжка—ариметика Меморсаго. Лѣнь и бездѣлье живутъ въ этомъ раскаленномъ солнцемъ домѣ. Если отецъ надѣвалъ скюртукъ и принаряжалась мать, Ника смотрѣлъ на нихъ съ изумленіемъ: въ домѣ праздникъ! По вечерамъ, бывало, пріѣзжаютъ гости, играютъ въ карты и въ шашки, много ѣдятъ и пьютъ и поднимается столько дыму отъ трубокъ и папиросъ, что слипаются глаза у Ники, онъ засыпаетъ гдѣ-нибудь на диванѣ, и когда просыпается, то видитъ уже лишь мутныя пятна оконъ, изъ которыхъ льется въ дремлющую комнату сумрачный свѣтъ лунной ночи.

— Да, дѣтство мое было довольно однообразно,—проворчалъ Прягинъ.

И опять вспомнился ему тотъ же родимый домъ, но охваченный пламенемъ. Въ ночномъ сумракѣ разливалось красной волной зловѣщее зарево, трещало дерево, рушилась крыша. Ника

стоять и плавать, держась за полу отцовскаго халата, а отецъ все съ тѣмъ же соннымъ выраженіемъ курить трубку. Мать растерянно металась по двору... Послѣ пожара Прягины стали жить въ гостинницѣ, сначала широко, потомъ все бѣднѣе и бѣднѣе. Одна за другою воскресали въ памяти Никодима Павловича картины разоренія и нужды. Онъ ходилъ въ училище, зарабатывалъ гроши уроками и бѣгалъ по лавочкамъ, вымаливая для отца кредитъ. Ему было восемнадцать лѣтъ, когда схоронилъ онъ отца, умершаго отъ удара. Мать, которая при жизни мужа, повидимому, равнодушно относилась къ нему, выдвела отъ горя свои прекрасные глаза. Никодимъ Павловичъ не кончилъ курса гимназіи и отправился искать счастья въ Петербургъ, а мать осталась у лужихъ людей.

— Это все невесело было, — опять проворчалъ Прягинъ, стряхивая пепель.

До послѣдняго времени онъ не встрѣчалъ ни въ комъ дружескаго участія къ себѣ. Вся его жизнь сложилась такъ, чтобъ воспитать въ немъ брезгливаго холостяка. Семейная жизнь, какую видѣлъ онъ дома, была ему противна. А между тѣмъ сердце его замирало отъ жажды испытать ласку преданной женщины, и его терзало, что онъ живетъ безцѣльно, никому, въ сущности, ненужный.

Онъ подумалъ о Жюли и улыбнулся. У Пчелки чуткое сердечко, и кидъ за что-нибудь привязалась она къ Юліи Петровнѣ. Что дѣлать — физическій недостатокъ Юліи Петровны съ избыткомъ искупается ея нравственными качествами. Дѣвушка несомнѣнной доброты и вполне женственная душа. Она еще молода, хороша собой...

Вдали потухали на песчаномъ берегу послѣдніе лучи заходящаго солнца. Дѣбрирь катилъ свои темныя тяжелыя волны, и въ ясномъ небѣ таяли мелкія сизыя тучки. Потянуло рѣзвой свѣжестію глубокой осени. Никодимъ Павловичъ затворилъ окно и сталъ ходить по комнатѣ. Ему мерещился старый четырехугольный садъ, облитый вротымъ сіяніемъ вечерней зари... Дорожки желтѣютъ отъ опавшихъ листьевъ. Прекрасная молодая женщина медленно идетъ по аллеѣ; шуршать подъ ея ногами сухіе листья, чуть-чуть развѣваетъ вѣтеръ ея золотистые мягкіе волосы. Ея глубокіе глаза устремлены вдаль... Она вся ожиданіе, она вся грусть. Счастливецъ тотъ, кому принадлежитъ это чудесное, нѣжное сердце!

— Ахъ, еслибъ! — вслухъ сказалъ Никодимъ Павловичъ, и рядомъ съ той женщиной, о которой онъ сейчасъ грезилъ, ему

представилась другая — съ добрымъ, вдумчивымъ взглядомъ и дружелюбнымъ выраженіемъ алыхъ губъ.

— Ну, что жъ, — продолжалъ онъ: — Жюли достойная, вполне достойная дѣвушка.

## LX.

Съ утра падалъ снѣгъ. Старыя безлистные липы были имъ обременены. Снѣгъ покрылъ собою аллеи и цвѣтники и скользилъ по наружной сторонѣ оконъ, словно назойливый рой какихъ-то бѣлыхъ упрямыхъ мухъ. Балконъ давно былъ наглухо заколоченъ и заклеенъ, и въ гостиную проникалъ бѣлесоватый свѣтъ зимняго дня. Двери въ залъ были заперты: въ огромной комнатѣ было холодно.

Жюли сидѣла за палцами и вышивала цвѣтными шелками по золотистому атласу. Раиса лежала въ качалкѣ и утомленнымъ взглядомъ смотрѣла на окна. Она была блѣдна. Нѣсколько ночей не спала она, ухаживая за больной Сонечкой: у дѣвочки вдругъ стала распухать щечка, начался жаръ, ей было больно глотать, она стала плавать пискливымъ, жалобнымъ голосомъ и съ ея личика сошелъ румянецъ. Опухоль увеличивалась поминутно и разрослась до зловѣщихъ размѣровъ. Сонечка стала хрипѣть, жаръ усилился, и, пока пріѣхали доктора, Раиса Николаевна пережила не мало мучительныхъ часовъ. Наконецъ, слава Богу, Сонечка выздоравливаетъ. Ей гораздо лучше, она охотно ѣсть и уже улыбается. Раиса Николаевна, на время болѣзни Сонечки, забыла о Федорѣ Игнатьичѣ; но теперь мысль о мужѣ опять овладѣла ею.

Уже больше двухъ недѣль, какъ не получалось писемъ отъ Федора Игнатьича. Молчаніе мужа страшно обижало молодую женщину. Ее сердило, что она все чаще и чаще стала мысленно упрекать мужа въ равнодушіи къ семьѣ. Она ревновала его къ Петербургу, къ медицинѣ и къ какой-то, неясно рисовавшейся ей, дѣвушкѣ...

Эту дѣвушку она стала воображать послѣ прочтенія одного современнаго романа. Содержаніе романа было слѣдующее. Молодой мужъ, страстно влюбленный въ свою жену, сталъ скучать, потому что жизнь тихая, счастливая и скромная не удовлетворяла его. Въ душѣ Бураева жила потребность открытой борьбы со зломъ, и ему хотѣлось беззавѣтнаго служенія высокому какому-то идеалу; Бураева же была милая, но недалекая дама: всѣ ея по-

мысли были сосредоточены на дѣтской, на хозяйствѣ, на томъ, чтобъ все въ домѣ было прилично; ее волновала малѣйшая болѣзнь мужа, но она равнодушно или, что еще хуже, съ улыбкой выслушивала его вдохновенныя мечтанія; ей нравился блескъ его глазъ, но она не понимала блеска его ума. Буреавъ встрѣтился однажды съ дѣвушкой—Еленой Свѣтловой. У Свѣтловой на энергичномъ открытомъ лицѣ горѣла пара идеальныхъ глазъ, большой лобъ ея обличалъ глубокой и недюжинный умъ. На ней не было никакихъ украшеній, и ея воздушную талію стягивалъ широкій кожаный поясъ, а волосы граціозными локонами развѣвались по плечамъ. Она сострадательно улыбнулась, когда Буреавъ сказалъ, что у него уже двое дѣтей, и подала ему руку. Мало-по-малу Буреавъ и Свѣтлова соплились, и однажды они очнулись, соединенные узми, порвать которыя имъ ужъ было невозможно. Они уѣхали... Тогда Буреава приняла ядъ, чтобъ дать мужу возможность жениться на ней законнымъ бракомъ. „Она была честная женщина“, сказалъ Буреавъ, придя на могилу жены вмѣстѣ съ Свѣтловой, и оба они заплакали и молча пожали другъ другу руки...

Этотъ изумительный романъ, во все время чтенія, сильно волновалъ Раису Николаевну. Она находила большое сходство между собою и Буреавой. Буреавъ оказывался похожимъ на Ѳедора Игнатьича, только казался ей глупымъ, а идеальная дѣвушка Свѣтлова дала ей матеріалъ, изъ котораго она создала свою воображаемую разлучницу.

— Жюли, какіе, ты думаешь, у нея волосы?—спросила Раиса.

— У кого?

— Мнѣ кажется, у нея должны быть волосы въ родѣ моихъ—русые. Ѳедѣ нравились мои волосы. Глаза тоже въ родѣ моихъ. Она должна быть такого же роста, какъ я, такъ же говорить и такъ же одѣвается. Но она, Жюли, вѣрно, очень образована... Жюли, а сошла съ ума!—заклчила Раиса со смѣхомъ.

Но хотя ей была смѣшна ревность къ этой несуществующей дѣвушкѣ, однако она скоро опять погрузилась въ скорбное раздумье: что значитъ молчаніе Ѳеди, и чѣмъ другимъ оно можетъ быть объяснено, какъ не его охлажденіемъ къ дому? Ей вспоминались шутки Анны Николаевны насчетъ легкомыслія мужчинъ; она вскакивала, ходила по комнатѣ, потомъ останавливалась передъ окномъ и, глядя на массу снѣга, говорила:

— Уже декабрь! Время летить! Я состарѣюсь — Ѳедя придетъ и не узнаетъ меня.

Раиса Николаевна все смотрѣла въ окно на однообразно бѣ-

лѣй змблющійся зимній день, и ждала его конца, чтобы завтра утромъ, чуть свѣтъ, послать на станцію за письмомъ, которое должно же придти, наконецъ.

Съ слабой надеждой на это письмо легла спать Раиса Николаевна. Едва она забылась первымъ сномъ, какъ ей послышался голосъ Ѳедора Игнатьича, который весело сказалъ: „Здравствуй, Раиса!“ Съ нею сдѣлалась лихорадка, она стала звать Жюли...

— Жюли, онъ прѣехалъ! Я знаю, знаю!

Но все было тихо въ домѣ. Жюли старалась успокоить Раису Николаевну.

— Тебѣ представилось!

— Нѣтъ, нѣтъ!—говорила Раиса.

Однако она должна была согласиться, что Ѳедоръ Игнатьичъ, дѣйствительно, не прѣзжалъ. Среди ночной тишины слышалось только пыхтѣніе далекаго паровоза... Раиса ушла въ спальню и цѣлый часъ просидѣла на постели. Горѣлъ ночникъ; по угламъ вставали и чуть-чуть шевелились легкія тѣни. Молодая женщина тревожно смотрѣла въ прозрачный сумракъ, и сердце ея неровно билось, а глаза были широко раскрыты... Несмотря на все, она была увѣрена, что Ѳедоръ Игнатьичъ гдѣ-то очень близко. То была упрямая вѣра, которая нисколько не ослабѣла отъ времени, а, напротивъ, выростала съ каждой минутой. Машинально надѣла Раиса Николаевна свой халатъ, какъ бы для того, чтобы согрѣться, и положила рядомъ съ своими подушками двѣ другія. На этотъ разъ она ясно услышала, что во дворъ вѣхали сани. Тогда, захлебываясь отъ счастья, наружно спокойная, она произнесла шопотомъ:

— Конечно, онъ!

Торопливо, со свѣчей въ рукѣ, вышла она въ переднюю, и только сняла съ петли тяжелый желѣзный крюкъ, какъ, смѣясь, вошелъ, весь занесенный снѣгомъ, въ медвѣжьей шубѣ и съ заиндевѣлыми усами, Ѳедоръ Игнатьичъ. Раиса обняла его шею обѣими руками и, цѣлуя въ холодныя щеки, заплакала отъ радости.

## LXI.

На третій день Рождества у Копѣчкина былъ вечеръ, на которомъ предполагалось объявить женихомъ и невѣстой Николая Сидоровича Канталупова (чиновника съ рыжими волосами) и Пашеньку. У Копѣчкина подростали другія дочери, и онъ продолжалъ собирать на свои праздники холостыхъ людей. Ниво-

днѣ Павловичъ получилъ личное приглашеніе отъ Копѣчкина и далъ слово, что будетъ.

Онъ напился дома чаю, переодѣлся и поѣхалъ въ Копѣчкины.

Покосевшійся домикъ былъ ярко освѣщенъ, и изъ оконъ на свѣтъ падали снопы красныхъ лучей. Мелькали за намерзлыми стеклами фигуры; слышался веселый шумъ, и кто-то брелъ на фортепіано.

„Имъ весело живется, — подумалъ Прягинъ: — а все оттого, что семья. Пошлость жизни скрашивается, и Копѣчкину нельзя предложить вопроса: какое право имѣешь ты существовать?“

Съ этимъ философскимъ разсужденіемъ вошелъ Никодимъ Павловичъ въ домъ и былъ радушно встрѣченъ Аеанасіемъ Максимычемъ.

— Я доволенъ собою! Я самый счастливый отецъ въ мірѣ! — сказалъ бухгалтеръ своему патрону и потрясъ ему руку: — Пашенька несравненная дѣвушка, и, конечно, жалко объ одномъ только, о томъ, что не могу выдать ее за человека вполне основательнаго и просвѣщеннаго. Прошу васъ пожаловать въ залу!

Онъ ввелъ Никодима Павловича въ залу и сталъ представлять ему гостей, которые уже однажды были имъ же представлены Прягину. Взявъ Прягина подъ руку, Аеанасій Максимычъ повелъ его въ свою крошечную гостиную, гдѣ вокругъ стола, прикрытаго красной шерстяной салфеткой, сидѣли дамы.

— Познакомьтесь, господа! — проговорилъ Копѣчкинъ, подводя Никодима Павловича къ черноволосому румяному красавцу: — вы у меня самые почетные гости.

— Мы знакомы, — сказалъ Прягинъ.

— Да, кажется, знакомы, — отвѣчалъ Рѣзниковъ.

Молодой профессоръ сидѣлъ возлѣ Пашеньки, которая весело приветствовала Никодима Павловича. Ея женихъ самоувѣренной развинченной походкой переходилъ съ мѣста на мѣсто, отъ однихъ гостей къ другимъ, и велъ себя какъ младшій хозяинъ дома.

— Кто въ карты? Кто винтить? Сейчасъ будемъ пѣть!

— А можетъ, въ некоторымъ гостямъ пѣніе будетъ неприятно? — замѣтила Копѣчкина, глянувъ на Прягина.

— Напротавъ.

— Такъ у насъ сегодня музыкально-карточный вечеръ... Люблю, когда весело! — закричалъ Копѣчкинъ.

— А танцы?

— Будуть, будутъ!

Къ концу вечера домъ Копѣчкина потрясали смѣлыя па

танцоровъ. Молодые люди ухитрились въ маленькой залѣ кружиться въ нѣсколько паръ. Пары сталкивались,—это порождало хохотъ. Канталуповъ, танцуя вадриль, въ пятой фигурѣ выебдывалъ изумительныя выерутасы: сложивъ на груди руки по-наполеоновски и устремивъ на свою даму ясный взглядъ, онъ скакалъ на одной ногѣ, потомъ вдругъ пускался въ присядку, и золотая цѣпочка прыгала на его шеѣ. Онъ вертѣлся какъ волчокъ, и огромные волосы его придавали его головѣ видъ небольшого распущенного зонтика. Совершенно выбившись изъ силъ, онъ все-таки продолжалъ плясать и притопывалъ каблучкомъ, изнемогая отъ усталости. Однако онъ поберегъ на самый конецъ еще столько энергіи, что, подавая своей дамѣ руку, могъ подпрыгнуть какъ мячикъ. И только тогда онъ вынулъ платокъ изъ кармана, оберъ имъ свою длинную шею и умирающимъ голосомъ произнесъ: „ухъ!“ Всѣ подумали: „Ай да женихъ! Неутомимый женихъ!“

Никодимъ Павловичъ проигралъ въ карты нѣсколько рублей и всталъ изъ-за ломбернаго стола какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Аѳанасій Максимычъ тащилъ гостей ужинать.

— Ахъ, нѣтъ, помилуйте, нельзя, нельзя! Вы должны покушать! У меня коза, рябчики! Милости просимъ!

Тѣмъ временемъ Копѣечкина распускала въ общество пріятный слухъ, что будетъ мороженое и, кажется, удачное.

Странное чувство неприязни и даже ненависти вызывалъ въ Никодимѣ Павловичѣ Рѣзниковъ. Никодимъ Павловичъ, главнымъ образомъ, оттого и за карты сѣлъ, чтобъ уйти подальше отъ него. Бояринова осенью умерла неожиданно для всѣхъ, какъ рассказывали, отъ преждевременныхъ родовъ. Хотя Рѣзниковъ былъ, разумѣется, прямо неповиненъ въ этой смерти, но Прягинъ почему-то былъ убѣжденъ, что, веди себя Бояринова благоразумно, она была бы жива и здорова. Теперь, при взглядѣ на выраженіе лица, съ какимъ Рѣзниковъ смотрѣлъ на Пашеньку, Никодимъ Павловичъ весь загорѣлся отъ гнѣва. Онъ не могъ ѣсть и пристально слѣдилъ за Рѣзниковымъ. Какъ на зло, ему вспомнился зимній день, когда онъ встрѣтилъ Рѣзникова и Раису Николаевну вмѣстѣ на бульварѣ... Какъ!? Да, да, разумѣется, дерзость его безгранична... Вся злоба, которая накопилась въ душѣ стараго холостяка противъ своей одинокой неудачной жизни, сосредоточилась вдругъ на этомъ румянномъ счастливецѣ. „Вотъ женись и заводи семью! думалъ Прягинъ. Какъ снѣгъ на голову, авится этакой франтъ, тронетъ какую-то дурную струну въ сердцѣ женщины и посмѣется надъ твоимъ счастьемъ, а ты потомъ всю



жизнь соскребай съ сердца грязь и дрянь"... Никодимъ Павловичъ негодовалъ и хотѣлъ потушить свою злость въ винѣ. Онъ много пилъ и раздражался все сильнѣе съ каждой минутой.

Рѣзниковъ сталъ себя чувствовать неловко подъ взглядами Никодима Павловича. Онъ что-то прошепталъ Пашеньгѣ, та разсмѣялась, взглянула на Прягина и, въ свою очередь, что-то сказала Рѣзникову, послѣ чего они оба громко захохотали. Никодимъ Павловичъ ужъ изрядно охмѣлѣлъ и подумалъ, что дѣло идетъ о немъ и надъ нимъ подшучиваютъ. Онъ поблѣднѣлъ, но сдержалъ себя и съ улыбкой обратился къ Копѣечкину:

— Аеанасій Максимычъ, у васъ очень весело

— Это моя стихія, — съ чувствомъ заявилъ Копѣечкинъ. — Выкушайте еще стаканчикъ мадерцы, дорогой Никодимъ Павловичъ!

Послѣ ужина гости стали расходиться. Никодимъ Павловичъ любезно предоставилъ свои санки двумъ дамамъ, а самъ пошелъ пѣшкомъ. За нимъ и впереди шли группами молодые и пожилые люди и пьяными, веселыми голосами вели холостые разговоры. Морозная ночь была тиха, на небѣ горѣли звѣзды, и бѣлая отъ снѣга улица чуть освѣщалась тамъ и сямъ тусклыми желтыми огнями фонарей.

— Она глупа, какъ пробка, но за то хорошенькая... Знаете, господа, что я сказалъ ей?..

— Даю вамъ слово... Честное и благородное слово!

— Оставьте! Я понимаю, можно болтать языкомъ, но рукамъ волю...

— Безразлично.

Среди этихъ восклицаній Никодимъ Павловичъ подслушалъ нѣсколько фразъ, сказанныхъ Рѣзниковымъ. Рѣзниковъ говорилъ тихимъ, насмѣшливымъ голосомъ. По его мнѣнiю, всѣ женщины, и такъ-называемыя порядочныя, и тѣ, которыхъ не принято называть, одинаково ничтожны.

Никодимъ Павловичъ замедлилъ шагъ и пошелъ рядомъ съ Рѣзниковымъ, который все продолжалъ:

— Женщины—моя специальность. Каждый день я имѣю дѣло съ ними и ихъ недугами. Есть дураки, которые возводятъ женщинъ въ идеалъ. Ха-ха! Я не встрѣчалъ ни одной, которая бы...

— Неправда! — сказалъ Прягинъ и схватилъ Рѣзникова за руку. — Надѣюсь, вы возьмете свои слова назадъ.

— Послушайте, что съ вами? — сердито вскричалъ Рѣзниковъ, вырывая руку.

Но Никодимъ Павловичъ не выпустилъ его руки. Злоба, на-

выпавшая въ его душѣ весь вечеръ, требовала выхода. Ему хотѣлось придратъ къ Рѣзникову и какъ-нибудь безконечно унизить его и отмстить ему за то, что онъ такъ нахаленъ и безсердеченъ.

— Да, да, вы чрезвычайно низки, если позволяете себѣ говорить такія вещи о всѣхъ женщинахъ!

— Г-нъ Прагинъ!

— Точно такъ, г. Рѣзниковъ, вы чрезвычайно низки и должны сейчасъ же взять назадъ сказанныя вами слова.

— Послушайте, убирайтесь...

Всѣ остановились и съ любопытствомъ смотрѣли на эту внезапную ссору; никто пока не вмешивался. Свѣтъ фонаря надалъ на лицо Рѣзникова, и Прагинъ привело въ бѣшенство насмѣшливое выраженіе глазъ легкомысленнаго противника. Ему показалось, что Рѣзниковъ скажетъ сейчасъ новую пошлость и страшно оскорбить его; вотъ уже его пухлыя губы сложились, чтобы тутъ, на улицѣ, въ этой полупьяной компаніи, произнести имена Раяси и Жюли... Прагинъ замаяхнулся и ударилъ Рѣзникова.

Тогда только всѣ бросились между ними.

— Господа, нельзя же такъ! помилуйте, что это! Зачѣмъ драться! Ну, поговорили и довольно... Извозчикъ, извозчикъ!

Лошадь Никодима Павловича отвезла дамъ и возвращалась, чтобы забрать его по дорогѣ... Въ то время какъ раздраженнаго Рѣзникова всѣ держали за локти, Никодимъ Павловичъ угрюмо запахнулъ шубу, сѣлъ въ санки, и его увезли домой. На душѣ у него было легко; онъ легъ и проспалъ до поздняго утра.

Захаровна подала ему записку. Онъ прочиталъ, поморщился, изорвалъ записку въ мелкіе клочки, сѣлъ къ письменному столу и написалъ слѣдующій отвѣтъ:

„М. г.! Я согласенъ— въ данномъ случаѣ вамъ нельзя иначе поступить. Сегодня въ два часа я къ вашимъ услугамъ. Прошу васъ не опоздать“.

Прагинъ запечаталъ письмо и немедленно послалъ его съ кучеромъ къ Рѣзникову, а самъ заперъ свой кабинетъ на ключъ, написалъ нѣсколько писемъ и распоряженій, но нетвердымъ почеркомъ, и это обстоятельство раздражало его и обижало. Онъ торопился, перерывалъ бумаги въ бюро, нѣкоторые сжегъ, и такъ былъ занятъ, что не замѣтилъ, какъ пробилъ часъ. Пальцы его рукъ чуть-чуть дрожали, въ груди застыло ожиданіе чего-то роковаго и мучительнаго, но ни разу не упрекнулъ онъ себя за вчерашнюю сцену и только все сердился на себя за неумѣнье владѣть собой теперь, когда ему даже некогда все хорошенько

обдумать. „Хотѣлось бы повидаться съ Гранковскими и съ этой... съ Жюли“, — мелькнуло у него въ головѣ, а больше ему не о чемъ было жалѣть.

Когда онъ одѣлся и вышелъ въ библіотеку, куда приказалъ подать себѣ стаканъ теплаго лафита, Подвидышъ подошелъ къ хозяину и тенуль его въ руку своимъ влажнымъ носомъ. Никодимъ Павловичъ приласкалъ Подвидыша.

— Да, да, ты поѣдешь со мной, — сказалъ онъ ему, прилебявая лафитъ.

Револьверъ былъ заряженъ. Никодимъ Павловичъ положилъ его въ карманъ своего широкаго мѣховаго пальто и поѣхалъ съ Подвидышемъ за-городъ, въ боръ, который росъ недалеко отъ больницы, въ полу-верстѣ разстоянія отъ усадьбы Варвары Тихоновны.

Какъ только онъ очутился за городомъ, волненіе его прекратилось. Онъ сталъ съ нетерпѣніемъ ждать встрѣчи съ Рѣзниковымъ.

День былъ бѣлый, морозный, и солнце горѣло въ безоблачномъ небѣ.

## LXII.

Рѣзниковъ былъ уже на мѣстѣ. Лицо его было румянѣе обыкновеннаго. Онъ насмѣшливо глянулъ на Никодима Павловича и его пса и сказалъ:

— У меня Смита и Виссона.

— У меня тоже, — отвѣчалъ Никодимъ Павловичъ, привязывая лошадь къ соснѣ.

Подвидышъ сталъ рѣзвиться и лаять, описывая круги; на него ободрительно подѣйствовалъ, должно быть, красивый перестрый полусумракъ, который наполнялъ собою дремлющій сосновый боръ. Свѣтъ былъ твердый, и нога въ немъ не топула; онъ только слегка поскрипывалъ подъ ногой.

— А записка при васъ?

— Какая?

— Какая! Съ жалобой на пустоту жизни и съ заключительной строчкой, въ которой выражается просьба никого не винить!

— А! Благоразумно. Я напишу карандашомъ въ своей книжкѣ.

Онъ вынулъ книжку и написалъ нѣсколько фразъ. Рѣзниковъ прочиталъ и остался доволенъ.

— Вотъ такая же, но только болѣе краснорѣчивая записка... въ этомъ карманѣ. Угодно взглянуть?

— Не будемъ терять времени.

Рѣзниковъ поклонился. Никодиму Павловичу показалось, что Рѣзниковъ шутить—такъ все ненатурально было въ его голосѣ, походкѣ и манерѣ держать себя. Глаза его смотрѣли черезчуръ насмѣшливо, онъ былъ черезчуръ хладнокровенъ. Можетъ быть, онъ, въ самомъ дѣлѣ, не вѣрилъ въ кровавый исходъ этого поединка.

— Вы хорошо стрѣляете?—спросилъ онъ, сбрасывая съ себя пальто и кидая его на снѣгъ. — Предупреждаю, что я стрѣляю скверно.

— Я тоже,—отвѣчалъ Прягинъ.

— Ну что, если мы не уѣдемъ другъ друга?

— Этого не можетъ случиться.

— Вы думаете? Бросьте ваше пальто вотъ здѣсь. Барьеръ десять шаговъ. Теперь отсчитаемъ по пятнадцати шаговъ, вы въ эту сторону, а я въ эту... Разъ, два, три, четыре...

Рѣзниковъ широко шагаль и удалялся отъ барьера. Подозрѣнiе, что Рѣзниковъ шутить, стало особенно сильно беспокоить Никодима Павловича. Онъ, отсчитывая свои шаги, оглянулся. Рѣзниковъ тоже оглянулся и, увидѣвъ лицо Никодима Павловича, беззвучно засмѣялся. „Не понимаю, какъ можно шутить, съѣвши оплеуху“,—проворчалъ Прягинъ и пошелъ дальше.

— Ну! — закричалъ Рѣзниковъ. — Стопъ! Приступимъ къ воровпролитiю!

Никодимъ Павловичъ вынулъ изъ кармана револьверъ. Подвидышъ, бѣгавшій кругомъ, остано­вился и посмотрѣлъ на хозяина.

— Стойте! Можетъ быть, г. Прягинъ желаетъ собраться съ мыслями и вспомнить образы дорогихъ существъ?! Я вѣдь знаю вашу тайну... Ха, ха, ха!

Смѣхъ Рѣзникова гулко прозвучалъ въ сосновомъ лѣсу. Никодимъ Павловичъ нахмурился и съ револьверомъ въ рукахъ скорымъ шагомъ пошелъ къ барьеру. Онъ былъ въ черномъ скротукѣ и въ мѣховой шапкѣ; противникъ же его былъ въ свѣтлосѣрой парѣ и теплой свѣтлой шапочкѣ. Ни одной пуговицы не было на пиджакѣ Рѣзникова. Въ бѣломъ полу-сумрагѣ зимняго дня его фигура была совсѣмъ неудобна для прицѣла. Никодимъ Павловичъ сталъ цѣлить ему въ голову. Рѣзниковъ шелъ все время улыбаясь, съ опущеннымъ револьверомъ. Вдругъ, не доходя трехъ шаговъ до барьера, онъ поднялъ внезапнымъ дви-

женіемъ руки револьверъ, пересталъ улыбаться и, застывъ на одномъ мѣстѣ, полный ужаса или рѣшимости, выстрѣлилъ.

Когда дымокъ разсѣялся, онъ увидѣлъ, что Никодимъ Павловичъ все продолжаетъ идти и цѣлить ему въ голову. У Рѣзникова лицо исказилось отъ ненависти и страха. Онъ сдѣлалъ прыжокъ по направленію къ противнику, и на его лицѣ тоже прочиталъ звѣрское чувство. Обоиъ показалось, что барьеръ не-обязателенъ. Наступивъ на свое пальто, Рѣзниковъ выстрѣлилъ второй разъ, и Прягинъ упалъ.

Подкидышъ подбѣжалъ къ хозяину и сталъ лизать ему лицо.

Никодимъ Павловичъ хотѣлъ встать, но голова его кружилась. Напрасно рука его искала опоры—холодный снѣгъ скользилъ подъ ней, набиваясь въ рукавъ. Никодимъ Павловичъ уронилъ голову и потерялъ сознание.

Рѣзниковъ пощупалъ его пульсъ, увидѣлъ, что рана не смертельная—пуля, должно быть, прострѣлила бедро, — пожалуй съ раздробленіемъ кости, перебилъ револьверъ, отвязалъ лошадь и подкатилъ санки къ раненому. Съ трудомъ взвалилъ онъ Никодима Павловича на санки. Потомъ ударилъ по лошади, и она понеслась назадъ по свѣже-проторенной дорогѣ.

Когда лошадь скрылась изъ виду, Рѣзниковъ натянулъ перчатки, закурилъ папиросу и пошелъ въ больницу, гдѣ его ждалъ извозчикъ.

### LXIII.

Въ этотъ день еще съ утреннимъ поѣздомъ пріѣхали изъ деревни Гранковскіе и остановились въ гостинницѣ Жюли отправилась къ брату, а Раиса Николаевна съ Варей и няней хлопотала въ номерѣ: надо было сварить на канфоркѣ манную кашку, которою съ недавняго времени стали прикармливать Сонечку, разглядить платье — вечеромъ балъ въ дворянскомъ собраніи, и вообще сдѣлать много мелкихъ дѣлъ, безъ которыхъ не обходится ни одна семья. Федоръ Игнатьичъ поѣхалъ съ визитомъ къ доктору Дерингу, къ которому онъ относился съ уваженіемъ еще съ университетской скамьи, и затѣмъ посѣтилъ Ворошилина. Послѣдній встрѣтилъ его очень любезно.

Отъ Ворошилина Гранковскій поѣхалъ къ Прягину, повидать его и сообщить ему свой временный городской адресъ. Онъ удивился, увидѣвъ, что лошадь Никодима Павловича стоитъ, упершись головой въ ворота, а самъ Никодимъ Павловичъ, должно быть пьяный, спитъ поперекъ саноевъ. Онъ остановилъ извозчика

и съ недоумѣніемъ подбѣжалъ къ Прягину. Еще болѣе поразило его, что Прягинъ былъ страшно блѣденъ.

Онъ нагнулся къ Никодиму Павловичу — Подвидышъ зарычалъ. Сердце у Ѳедора Игнатьича неровно забилося; онъ испугался, замѣтивъ кровь на мордѣ Подвидыша. Пульсъ Никодима Павловича бился, но былъ слабъ. Въ санкахъ застыла черная кровь — она облѣпила сплошною корою всю лѣвую ногу Никодима Павловича.

— Чтò это значить? Эй, ты, извозчикъ! Послушай! Поди-ка сюда! Барину плохо; возьмемъ, братецъ, снесемъ его!

Пока извозчикъ, не торопясь и соображая по пути, удрать ему или не удирать отъ грѣха, потому что, неровень часъ, просидишь ни за что въ кутузѣ, подошелъ къ Никодиму Павловичу, Гранковскій повзвонилъ, и на звонокъ выбѣжалъ, красный и пьяный ради праздника, кучеръ Никодима Павловича, Францъ.

— Боже! — вскричалъ онъ съ ужасомъ выдвываясь къ Никодиму Павловичу.

— Ну, ну, не разговаривай! — сказалъ Гранковскій: — бери за плечи, вотъ такъ. Тише!

Много труда было взвести по лѣстницѣ Никодима Павловича. Онъ очнулся отъ страшной боли и сталъ стонать. Его положили на диванъ. Никодимъ Павловичъ узналъ Гранковского и произнесъ:

— Вы пріѣхали? Раиса Николаевна будетъ вамъ ужасно рада... Благодарю васъ... Какимъ образомъ я здѣсь?

Не ожидая отвѣта, онъ опять началъ стонать.

— Вы ранены въ бедро или выше? — спросилъ Гранковскій.

— Не знаю.

Ѳедоръ Игнатьичъ разрѣзалъ платье на Никодимѣ Павловичѣ. Кровь потекла. Захаровна стояла въ углу и голосила. Ѳедоръ Игнатьичъ прогналъ ее и послалъ Франца въ больницу за инструментами — ему нужно было изслѣдовать рану. Никодимъ Павловичъ тѣмъ временемъ снова потерялъ сознаніе.

Ѳедоръ Игнатьичъ поздно вернулся домой. Сонечка спала. Жюли, въ бѣломъ бальномъ платьѣ, сидѣла въ крестѣ и смотрѣла на Раису, которая надѣвала цвѣты передъ ярко-освѣщеннымъ зеркаломъ.

На подзеркальничкѣ стояла коробка съ цвѣтами. Раиса вынимала оттуда цвѣтовъ за цвѣткомъ, подносила къ головѣ и все оставалась недовольна.

— Ѳеда, достань мнѣ, откуда хочешь, чайную розу! — произнесла Раиса, съ улыбкой протягивая свои руки вошедшему мужу.

Ее поразило блуждающее, тревожное выраженіе его глазъ и насильственная улыбка губъ.

— Что? Что?

— Ничего, Раекъ, — отвѣчалъ Ѳеодоръ Игнатьичъ, цѣлуя обѣ руки жены. — Я просто усталъ.

— Но гдѣ ты былъ такъ долго?

— Ъздилъ... Какое великолѣпіе! — шутливо вскричалъ онъ, глядя на нарядную Жюли.

Она навинула бархатную пелеринку на свои плечи.

— А вы рано стали собираться, mesdames...

— Рано? Отправляйся къ себѣ въ комнату и возвращайся черезъ десять минутъ безукоризненнымъ кавалеромъ!

Раиса была весело возбуждена; она смѣялась, торопилась, роняла на полъ булавки и шпильки и не спускала сверкающихъ глазъ съ своего отраженія въ зеркалѣ.

— Идите же къ себѣ, милостивый государь! — вскричала Раиса. — Не думайте, что ужъ такъ необыкновенно рано. Если мы будемъ слѣпить, то все-таки не выйдемъ раньше половины одиннадцатаго!

— Ты непременно хочешь, чтобы я... Разумѣется, мнѣ тоже надо ѣхать!

— А тебѣ не хочется ѣхать?

Ѳеодоръ Игнатьичъ промолчалъ и вышелъ изъ комнаты. Онъ сталъ ходить взадъ и впередъ по своему номеру и не зналъ, какъ сообщить женѣ страшную новость. Ему жаль было нарушить это веселье молодого сердца, которое всѣми своими фибрами жаждало этого бала. Раиса столько времени жила одна, почти безъ общества, никуда не выѣзжала, — конечно, балъ оживить ее. Можетъ быть, нѣтъ на свѣтѣ такой женщины, которая не ѣздилъ бы отъ времени до времени на балы, чтобы сравнить себя съ другими женщинами и увидѣть, чѣмъ она лучше ихъ. А у Раисы эта потребность должна быть особенно сильна, потому что съ тѣхъ поръ, какъ она вышла замужъ, она еще не имѣла ни одного случая убѣдиться въ своемъ превосходствѣ надъ другими молодыми женщинами. Ѳеодоръ Игнатьичъ подумалъ, что первая помощь Никодиму Павловичу подана, что возлѣ него, кромѣ Захаровны, опытная сидѣлка и фельдшеръ, что окончательное мнѣніе о ранѣ можно составить только завтра, и рѣшилъ скрыть отъ Раисы случай съ Никодимомъ Павловичемъ и рассказать о немъ только Жюли.

Онъ одѣлся и вернулся въ комнату жены. Раиса стояла передъ зеркаломъ; въ ея волосахъ была чайная роза.

— Ты видишь?—съ торжествомъ сказала она мужу.

— Очень мило.

— А у тебя не старомодный фракъ? — спросила Раиса съ безпокойствомъ.

Быль одиннадцатый часъ въ началѣ. Раиса ушла на минуту въ спальню къ Сонечкѣ. Ѳедоръ Игнатьичъ ожидалъ ее съ ротондой въ рукахъ. Она возвратилась, онъ одѣлъ жену и подаль ротонду Жюли. Вмѣстѣ съ своими дамами онъ сѣлъ въ наемную карету, и заскрипѣлъ сѣтѣкъ подъ колесами... Проѣхавъ двѣ улицы, карета остановилась у ярево освѣщеннаго подѣзда.

На этомъ балу долженъ былъ быть цвѣтъ губернской знати. Залы были залиты свѣтомъ и убраны оранжерейными растеніями. Народу было еще не много. Но уже танцовали. Пожилыя дамы надолго усѣлись вдоль стѣнъ и бесѣдовали между собою или смотрѣли на своихъ разряженныхъ дочерей. Мужчины кучкой стояли въ глубинѣ залы, и каждый искалъ глазами даму по своему вкусу. Раиса почувствовала, что, когда она вошла подъ руку съ мужемъ въ этотъ сверхающий и завистливый залъ, всѣ невольно обратили на нее вниманіе.

Баль разгорѣлся только черезъ часъ. Появились высокія блѣдныя дѣвушки, три граціи, какъ ихъ называли въ городѣ, и всюду видался въ глаза вездѣсущій любезный сорокалѣтній молодой человекъ — графъ Шпильманъ, сначала ополячившійся нѣмецъ, а потомъ обрусѣвшій полякъ. О немъ ходили въ городѣ нехорошіе анекдоты, но его принимали вездѣ, потому что онъ еще не совсѣмъ разорился и не былъ скученъ въ обществѣ. Одинъ извѣстный адвокатъ, зѣвая, смотрѣлъ съвозъ моноэль на хорошенъкихъ дамъ: онъ былъ, какъ всѣмъ извѣстно, разочарованнымъ человекомъ и дьявольски скучалъ. Какой-то адъютантъ прошелъ подъ руку съ своей задумчивой женой. А вотъ и Вася Рѣзниковъ...

Увидя друга, Ѳедоръ Игнатьичъ чуть не кинулся къ нему. Рѣзниковъ стоялъ недалеко отъ дверей, красивый, ожирѣлый съ туго накрахмаленной бѣлой грудью, въ шиварномъ фракѣ, и разсѣянно смотрѣлъ на балъ. Онъ узналъ Гранковскаго и чуть-чуть улыбнулся ему. „Неужели онъ не сердится на меня?“ подумалъ Гранковскій. И какъ бы въ отвѣтъ на его мысль, Рѣзниковъ кивнулъ ему головой.

Раиса пошла танцовать кадрили. Рѣзниковъ приблизился къ Гранковскому.

— Послушай, — началъ онъ шопотомъ: — ты ничего не знаешь о Прагинѣ?

— А тебѣ ужъ извѣстно?



— Да... Что онъ, опасенъ?..

— Въ сущности, опасенъ.. Высокій переломъ бедра.

— Ногу, значить?..

— Не знаю... Да, Вася, это какая-то таинственная исторія.

— Мы съ тобой впрочемъ теперь не въ такихъ отноше-  
ніяхъ, чтобы бесѣдовать о таинственномъ. Прощай.

Онъ отошелъ отъ Гранковскаго и занялъ свое прежнее мѣсто. Ѳедоръ Игнатьичъ почувствовалъ себя обиженнымъ. „Вѣдь и я его обидѣлъ, да еще какъ! Но онъ долженъ былъ понять изъ того письма, что не я, а Раиса... Но, впрочемъ, это все равно... Откуда онъ узналъ о Прагинѣ?“

У Жюли не было кавалера. Ѳедоръ Игнатьичъ повелъ ее въ гостиную. Разговаривать съ Жюли было затруднительно среди бальнаго шума и гула.

— Какая Раиса милочка!—сказала Жюли.

Гранковскій кивнулъ головой.

— Вы не находите?

Гранковскій улыбнулся и произнесъ:

— Нѣтъ, не нахожу.

Жюли поняла, что Гранковскій шутить, а все-таки стала защищать Раису: тамъ, гдѣ всѣ что-нибудь да говорятъ, тоже хочется болтать. Ѳедоръ Игнатьичъ прервалъ болтовню Жюли:

— Послушайте, Юлія Петровна, надо будетъ приготовить Раису въ неприятной вѣсти.

— А что?

— Можетъ быть, завтра я отрѣжу ногу Никодиму Павловичу.

Жюли поблѣднѣла и широко раскрыла глаза.

— Да, да, онъ прострѣлилъ себѣ ногу; хотя ужасно странно, какъ можно въ этомъ мѣстѣ нанести себѣ рану...

У Ѳедора Игнатьича мелькнула мысль о поединкѣ гораздо опредѣленнѣе, чѣмъ въ то время, когда онъ зондировалъ рану. Однако умъ его отказывался представить себѣ Прягина въ роли дуалиста. Ѳедоръ Игнатьичъ спросилъ:

— Что съ вами, Юлія Петровна?

Жюли слабо оттолкнула его руку и торопливо ушла. Она исчезла, и Гранковскій напрасно искалъ ее по заламъ: Жюли уѣхала изъ собранія.

Прямо съ бала явилась она въ квартиру Никодима Павловича и сѣла у изголовья больного. Свѣтъ ночника тускло освѣщаль лицо Никодима Павловича. Черезъ нѣсколько минутъ Прягинъ открылъ глаза и, увидѣвъ Жюли, сказалъ:

— Кто это? Неужели вы, Юлія Петровна?

Онъ говорилъ слабымъ голосомъ, и Жюли не разслышала его вопроса. Но чтобъ успокоить его и заставить замолчать, потому что ему вредно говорить, она протянула руку и дотронулась до его лба... Онъ закрылъ глаза.

#### LXIV.

Городъ говорилъ о поединкѣ. Рассказывали мельчайшія подробности ссоры Никодима Павловича съ Рѣзниковымъ, и такъ какъ Жюли постоянно бывала у Прягина во время его болѣзни, то скоро пришли къ заключенію, что дуэль возникла изъ-за Жюли. Всѣ осуждали Прягина, и Рѣзниковъ былъ героемъ дня. Много разговоровъ было въ городѣ и по поводу операціи, которую сдѣлалъ Гранковскій Никодиму Павловичу. На консилиумѣ было рѣшено отрѣзать ногу. Но Ѳедоръ Игнатьичъ, съ согласія Прягина, сдѣлалъ операцію по своему: онъ вырѣзалъ раздробленное мѣсто бедра и наложилъ повязку. Нога должна была стать короче, но за то она осталась. Врачи смѣялись, когда Ѳедоръ Игнатьичъ говорилъ: „Помилуйте, при теперешнихъ средствахъ, всякая рана заживетъ, и всегда надо стараться сдѣлать чудо“. Но фактъ былъ за Гранковскаго—заживленіе шло быстро, Никодимъ Павловичъ выздоравливалъ, и къ концу января, когда Ѳедоръ Игнатьичъ опять уѣхалъ въ Петербургъ додерживать свой экзаменъ, онъ могъ, сидя въ постели, заниматься дѣлами.

Жюли пріѣхала къ Прягину подь вечеръ. Уже смеркалось. Захаровна встрѣтила дѣвушку.

— Чтѣ Никодимъ Павловичъ?

— Кушалъ, а теперь книжку читаетъ, васъ вспоминалъ. Пожалуйте, пожалуйте!

— А! Юлія Петровна! Здравствуйте! Вчера вы не были, и сердце у меня болѣло... Чтѣ, думаю, съ вами?

Жюли сѣла на свое обычное мѣсто и покраснѣвши — она краснѣла каждый разъ—подала Никодиму Павловичу руку. Никодимъ Павловичъ поднесъ руку къ своимъ губамъ.

— Не правда ли, Юлія Петровна, что у меня довольно весело начинаютъ горѣть лампы въ домѣ?

Жюли взглянула на лампу и улыбнулась.

— Какъ вы себя чувствуете?

— Я себя чувствую превосходно—благодаря Гранковскому и въ особенностя вамъ. Чтѣ, онъ уѣхалъ?

— Вчера... и я проводила ихъ. Конечно, вамъ большой, большой поклонъ отъ обоихъ!

Никодимъ Павловичъ вспомнилъ, какъ, вскорѣ послѣ операціи, пріѣхала къ нему Раиса Николаевна и четверть часа провела возлѣ него и какъ при немъ она цѣловала Жюли, а та отвѣчала на ея поцѣлуй. У Жюли была какая-то милая манера цѣловаться. Она съ увлеченіемъ кинула на талию Раисы руки и, скрестивши ихъ за спиной, полураскрыла свои алыя, свѣжія губы. Такъ какъ она была немного выше ростомъ Раисы, то все ея тѣло граціозно изгибалось и, цѣлуя молодую женщину, она слегка подымала свой подбородокъ, потому что ей хотѣлось быть ниже Раисы. „Она прелесть какъ цѣлуется“, подумалъ Никодимъ Павловичъ.

— Знаете вы, какая это книга? Это „Исторія идеализма“.

— Вамъ нравится?

Жюли привстала и слегка наклонилась, чтобы посмотреть на „Исторію идеализма“. Но она въ смущеніи отшатнулась назадъ, потому что увидѣла два горячихъ глаза, ласково устремленныхъ на нее.

— Я люблю идеализмъ,—произнесла она.

— Мнѣ идеализмъ тоже нравится, но въ разумномъ соединеніи съ матеріализмомъ. „Нуменъ“ жены волнуетъ мое сердце, но наводитъ меня на мысль о „феноменѣ“.

Жюли вопросительно взглянула на Пягина, заставила его еще разъ повторить сказанное и сильно покраснѣла.

— Когда я встану и сдѣлаюсь опять человѣкомъ, то возобновлю этотъ философскій разговоръ, Юлія Петровна, и вы должны будете выслушать его до конца. Да?

Захаровна придвинула столикъ и принесла чай на подносѣ.

— Будьте хозяйкой! — сказала старуха. — Налейте Никодиму Павловичу сливокъ по вкусу, я ему никакъ не угрожу.

Подвидышъ пришелъ и положилъ свою красивую умную морду на колѣни Жюли. Она брала съ тарелки сухарики и клала въ ротъ Подвидышу. Все въ этомъ домѣ было дружелюбно расположено къ Жюли: и самъ Никодимъ Павловичъ, и его прислуга, и его собака, и лампы, по словамъ Никодима Павловича, горѣли свѣтлѣе, когда она являлась, и было много философскихъ книгъ, и надъ каминомъ висѣлъ портретъ Раисы... А длинныя ночи, которыя просиживала у постели раненаго Юлія Петровна! Онѣ оставили неизгладимый слѣдъ въ душѣ дѣвушки. Жюли слишкомъ много отдала сердца этому дому, и въ благодарность домъ настезъ растворялъ передъ нею свои двери...

Жюли задумчиво смотрѣла въ уголь комнаты, и улыбка застыла на ея губахъ. Одна рука ея лежала на головѣ Подкидыша, другая на ручкѣ кресла. Никодимъ Павловичъ взялъ ея руку съ кресла и держалъ въ своей.

— Или, можетъ быть, не откладывать разговора? — робко спросилъ Прагинъ.

Она молчала. Онъ пожалъ ей руку, а она слегка отвѣтила на пожатіе.

— Вотъ еще, скажите мнѣ, Юлія Петровна, отчего вы не уѣхали въ Буду?

— Я поѣду туда, какъ только вы встанете.

Никодимъ Павловичъ продолжалъ держать руку Юліи Петровны. Болѣзнь давала ему нѣкоторое право быть смѣлымъ. Онъ подумалъ и сказалъ:

— Вы любите меня?

Жюли кивнула головой.

— Не выйдете ли вы за меня замужъ?—спросилъ онъ.

Жюли вдругъ вся обернулась къ нему. Слезы текли изъ ея глазъ; она наклонилась и поцѣловала его.

## LXV.

Никодимъ Павловичъ женился на Жюли въ началѣ осени. Онъ оправился отъ раны, но все-таки, по временамъ, его нога сильно побаливала. Жюли ухаживала за нимъ съ удивительной старательностью. Прострѣленная нога была какимъ-то необходимымъ звеномъ этого супружества. Стоило Никодиму Павловичу слегка наморщить брови, какъ Жюли уже видалась къ нему, подкладывала подушку подъ колѣно и подставляла стулъ, чтобы Никодимъ Павловичъ могъ держать ногу въ вытянутомъ положеніи. Еслибы не эта нога, кто знаетъ, Никодимъ Павловичъ, можетъ быть, и не женился бы на Жюли. Жюли питала особенную нѣжность къ ранѣ Никодима Павловича, и когда мужъ чувствовалъ себя отлично, она все-таки съ тревогой смотрѣла на него.

Вскорѣ послѣ свадьбы, Жюли стала вязать колоссальный коверъ для мужа. Она сидѣла, окруженная мотками разноцвѣтной шерсти, и смотрѣла вдаль на Днѣпръ, ожидая мужа изъ конторы. Въ это время она о многомъ думала. Она любила Никодима Павловича уже за то, что онъ женился на ней. Всегда жила она заменутой жизнью, погруженная въ себя; и ей каза-

лось прежде, что она обречена самой судьбой состарѣться въ дѣвахъ. Несмотря на ея красивую наружность, мужчины не интересовались ею, и если ухаживали за нею, то шутя; иногда она глотала обиды, которыя не считались никѣмъ обидами только потому, что ужъ она была обижена Богомъ. Жюли взвѣшивала поведеніе своего мужа и все больше и больше приходила къ убѣжденію, что это удивительный человѣкъ. Она возводила его въ идеаль. А то, что онъ дрался на дуэли, придавало ему, въ ея глазахъ, характеръ рыцарскій и какъ бы демоническій. Возвращаясь изъ конторы, Никодимъ Павловичъ заставлялъ жену съ раскраснѣвшими щеками и блестящимъ взглядомъ. Она восторженно смотрѣла на него, и онъ не подозрѣвалъ, тѣмъ вызванъ этотъ восторгъ.

— Что, коверъ подвигается?—спрашивалъ онъ.

Она кивала головой, подходила къ нему, обнимала его и цѣловала своимъ институтскимъ поцѣлуемъ.

Въ столовой, между тѣмъ, уже былъ накрытъ столъ. Жюли доставала изъ буфета любимую водку Никодима Павловича и смотрѣла, какъ онъ пьетъ. Потомъ наливала ему супу и все не сводила съ него глазъ. Послѣ обѣда Никодимъ Павловичъ ложился на кушетку. Жюли становилась вовлѣ него на колѣни, жала ему руку,—и Никодимъ Павловичъ приходилъ еще разъ къ заключенію, что онъ хорошо сдѣлалъ, женившись на Жюли.

Дома у него былъ порядокъ, домъ былъ согрѣтъ женской лаской; одиночество, терзавшее его, уступило мѣсто тихому призраку счастья, котораго онъ такъ долго добивался. „Вотъ я всегда говорилъ: свѣтъ не клиномъ сошелся“, думалъ онъ, цѣлуя свою Жюли.

Войдя хозяйкой въ домъ стараго холостяка, Жюли не сдѣлала въ немъ никакихъ перемѣнъ. Вся мебель осталась на прежнемъ мѣстѣ. Малѣйшія привычки Никодима Павловича были изучены Жюли еще въ то время, когда она ухаживала за нимъ въ качествѣ сидѣлки. Даже постоянное молчаніе Жюли, которая боялась много говорить, чтобы не надоѣсть мужу, пришлось по нраву Никодиму Павловичу: онъ и безъ того дома всегда молчалъ.

По вечерамъ Прягины уѣзжали въ театръ, на концерты. По воскресеньямъ у нихъ обѣдалъ профессоръ Ховревъ, который утверждалъ, изъ любезности или искренно—неизвѣстно, что его всегда поражаетъ обширность не только свѣденій Жюли, но и ея философскихъ взглядовъ. Это льстило Никодиму Павловичу.

## LXVI.

Между тѣмъ Ѳеодоръ Игнатьичъ съ успѣхомъ защитилъ диссертацию, но все-таки никто въ Петербургѣ не обратилъ на его работу пристальнаго вниманія. Его хирургическій принципъ— „дѣлать операціи нѣсколькими способами, чтобы, въ случаѣ неудачи одного способа, браться за другой, оставляя на самый конецъ наиболѣе рискованный способъ“—ни одному хирургу не показался глубокимъ и новымъ. Томилинь пожалъ ему руку и поздравилъ съ дипломомъ. Черезъ мѣсяцъ Томилинь сдѣлалъ въ хирургическомъ обществѣ сообщеніе о работѣ Гранковскаго. Съ снисходительной улыбкой, иногда съ горячимъ одобреніемъ говорилъ онъ о молодомъ провинціальномъ хирургѣ и такъ часто употреблялъ слова: „по моему мнѣнію“, „я полагалъ бы“, „я совѣтовалъ бы“ и проч., что газетные репортеры перепутали и приписали открытіе Гранковскаго Томилину. Томилинь не опровергъ ложнаго извѣстія изъ презрѣнія къ газетамъ, а Гранковскій былъ въ это время уже въ деревнѣ, отдыхалъ и совсѣмъ не читалъ газетъ. Лавры, такимъ образомъ, прошли мимо Ѳеодора Игнатьича.

Кромѣ того, больница интриговала противъ него. Хирургическую палату, во время его отсутствія, начальство поручило другому врачу, а Гранковскому, когда онъ вернулся, предоставили вѣдать отдѣленіе душевно-больныхъ. Онъ отказался и вышелъ въ отставку.

Ѳеодоръ Игнатьичъ безповойными шагами ходилъ по террасѣ своего деревенскаго дома. Лѣто прошло; осыпались желтые листья, сѣренькое небо низко нависло надъ землею и вѣяло влажнымъ дыханіемъ приближающагося дождя. Раиса не знала о затруднительномъ денежномъ положеніи, въ какомъ находился ея мужъ. Она была увѣрена, что дѣла ихъ будутъ теперь хороши уже потому, что Ѳеодоръ Игнатьичъ постоянно съ нею. Она сидѣла въ залѣ и хохотала, глядя на Сонечку, которая шла по паркету своими толстыми ножками и заигрывала съ матерью, тряся восматенькой головою и жмуря глазки.

Это было послѣ обѣда. На время разорвались сѣрыя тучи, показалась лазурь, и желтыя липы освѣтило своими золотыми лучами осеннее солнце. Поднялся вѣтерокъ, нѣжныя пестрыя тѣни побѣжали по землѣ. Раиса взяла Сонечку на руки и вышла съ нею на балконъ.

— Чтѣ задумался, cher rara?—сказала Раиса.

— А вотъ думаю, Раиса, — отвѣтилъ онъ и улыбнулся: —

Знаешь что, Раиса, Богъ съ ними—я не хочу ни профессорства и ничего подобнаго... Отчего не жить скромно, въ деревнѣ? Буду деревенскимъ врачомъ, и практики будетъ по горло... Даже, если предположимъ, я продамъ на десять тысячъ земли, то все же у насъ еще останется двѣсти десятинъ.

— Зачѣмъ продавать, Одея?

— Я немного долженъ, Раиса.

— Старый долгъ?

— Не спрашивай.

— А, у тебя тайны отъ меня!

Онъ улыбнулся.

— У тебя тоже были свои тайны.

— Никогда не было у меня отъ тебя тайнъ!—горячо заговорила она.— Да! Мнѣ хотѣлось, чтобъ Никодимъ Павловичъ женился на Жюли. Ну, что-жъ, я добилась своего! А больше не было тайнъ.

Онъ подошелъ къ женѣ и поцѣловалъ ее и Сонечку. Она хотѣла рассказать еще, какъ Рѣзниковъ ухаживалъ за ней, но брезгливое чувство не позволило ей начать разговоръ объ этомъ человѣкѣ.

— Знаешь, Одея, я нашла въ кладовой въ сундукѣ, среди разныхъ бумагъ и писемъ, тетрадку со стихами покойнаго Еёима!

— Ахъ, покажи, сдѣлай милость!

— Изволь, покажу... Вотъ у него нѣжная была душа! Послушай, голубчикъ, я такъ рада, что тебѣ хочется жить въ деревнѣ. Мнѣ нашъ домъ безконечно дорогъ, и я за эту зиму привязалась къ нему. Но не будешь ли ты скучать въ деревнѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ. Я рѣшилъ. У меня будетъ много дѣла. Во флигелѣ я устрою себѣ хирургическую палату. Право, когда у меня мелькнула эта мысль, я сейчасъ почувствовалъ, какъ вся моя петербургская злость испарилась. Вѣдь есть же какая-то связь между этимъ домомъ и деревней!

Сонечка протянула ручку и вцѣпилась въ бороду отца. Оедоръ Игнатьичъ сталъ шалить съ дѣвочкой, а она весело кричала:

— Папа, папа!

Онъ взялъ ее на руки. У нея было крѣпкое бѣлое тѣлце—ручки и ножки были словно перетянуты нитками. На двойномъ подбородкѣ и яркихъ румяныхъ щекахъ играли ямочки. Ее смѣшило все: выраженіе глазъ отца, щелканье его пальцевъ, его часы и длинные волосы. Сонечка закидывала головку, и ея громкій смѣхъ серебрянымъ эхо раздавался подъ сводами старой липовой аллеи.

— Такъ покажи, пожалуйста, стихи Еёима!

— Сейчасъ.

Раиса ушла за тетрадкой. Фёдоръ Игнатьичъ возился съ дѣвочкой, кувырчалъ ее, цѣловалъ, кружился съ ней по террасѣ. „Нѣтъ,—думалъ онъ,—я преувеличилъ свои неудачи. Строго говоря, мнѣ не на что жаловаться. Лучше, если я не буду отрываться отъ родимой почвы!“

— Угадай, кто пріѣхалъ?— вскричала Раиса, показываясь въ дверяхъ.

Фёдоръ Игнатьичъ не успѣлъ собраться съ мыслями и отвѣтить, какъ ужъ Раиса винулась назадъ, и издали, изъ залы, стала долетать до него шумъ и звонъ поцѣлуевъ. Фёдоръ Игнатьичъ пошелъ съ Сонечкой туда и увидѣлъ счастливую, радостную Жюли. Никодимъ Павловичъ поцѣловался съ Гранковскимъ. Очень высокая подошва и огромный каблукъ дѣлали почти незамѣтною хромоту Никодима Павловича. Фёдоръ Игнатьичъ не былъ на его свадьбѣ—въ этотъ день онъ защищалъ въ Петербургѣ свою диссертацию, и съ удивленіемъ и радостью смотрѣлъ теперь на Никодима Павловича.

— Поздравляю васъ,—говорилъ онъ,—поздравляю.

Стали цѣловать Сонечку. Но въ качествѣ деревенской дѣвочки она раскричалась, и ее пришлось отдать нянѣ.

Послѣ обычныхъ разспросовъ, причемъ оживленнѣе всѣхъ вела себя Раиса, гости и хозяева усѣлись пить чай. Потухли послѣдніе лучи солнца, надвинулись темныя тучи и пошелъ дождь. Раиса приказала зажечь лампы.

Вечеромъ домъ ярко освѣтился. Фёдоръ Игнатьичъ сталъ читать стихи Еёима. Поэтъ всю свою недолгую жизнь мечталъ о счастіи любить и быть любимымъ. Въ одномъ его стихотвореніи описывалось, какъ онъ стоитъ передъ аналогомъ съ любимой дѣвочкой, въ другомъ — какъ онъ вводитъ ее въ свой дѣдовскій домъ; онъ описывалъ тихія радости, которыми окружаетъ его семейная жизнь; онъ не только счастливый мужъ, но и счастливый отецъ; безъ слезъ, безъ вздоховъ, безъ горя проходитъ его скромная жизнь; нѣтъ горя, потому что нѣтъ грѣха, а нѣтъ грѣха, потому что есть любовь. Въ послѣднемъ стихотвореніи онъ изображалъ уютную комнату, пылающій каминъ и передъ каминомъ чудесную женщину — Мэри, съ большими звѣздистыми глазами, съ лицомъ мадонны и парой длинныхъ непокорныхъ вѣсь. Мэри задумчиво глядитъ на пламя и прислушивается къ вою непогоды. Она ждетъ мужа, и замираетъ ея сердце отъ страха, что съ нимъ случилась въ дорогѣ бѣда, „что заблудился



онъ, быть можетъ“. Но вотъ залаяли псы, и входитъ поздно ночью мужъ, блѣдный, весь въ снѣгу. Она не вѣритъ, что это мужъ... Не милый ли призракъ? Ей начинается казаться, что „это снится только сонъ“. Какъ, неужто „возможно счастье на землѣ“? Неужели люди, эти жалкія, завистливыя и порочныя созданія, способны такъ горячо любить и „находить въ любви отраду“? „Какъ, развѣ можно слиться двумъ существамъ въ одно, и развѣ двѣ души, какъ два луча, способны порождать одинъ небесный пламень?“... Стихотвореніе кончалось картиной невѣроятнаго, нечеловѣчески-прекраснаго счастья, которое выпадаетъ на долю жены и мужа, влюбленныхъ другъ въ друга... Можетъ быть, это заблужденіе, игра благороднаго ума, можетъ быть, это сны незагрязненной души, но тогда—о, Боже мой!— „продлись восторгъ блаженныхъ сновъ!“

Никодимъ Павловичъ задумчиво глядѣлъ на Жюли. Федоръ Игнатьичъ припоминалъ прошлое... Вотъ въ этомъ самомъ домѣ бѣдный Еюимъ Гранковскій мечталъ, какъ о чемъ-то недостижимомъ, о томъ простомъ счастьѣ, которымъ они теперь всѣ наслаждаются. Пусть отнынѣ вѣчная дружба соединитъ эти обѣ семьи, и если есть судьба, пусть она благословитъ ихъ честный союзъ!

Черезъ полчаса всѣ разошлись. Дождь шумѣлъ и вѣтеръ завывалъ въ трубы. Но тихо и радостно было на душѣ у Гранковскихъ. Оставшись вдвоемъ, они сѣли по обѣимъ сторонамъ колыбельки маленькой Сонечки. При свѣтѣ ночника, заслоненномъ фарфоровой пластинкой, едва можно было различить очертанія розоваго личика. Сонечка чуть-чуть улыбалась. Раиса сама улыбнулась и молча взглянула на мужа. Глаза ихъ встрѣтились, и по выраженію ихъ они поняли, что оба они думаютъ объ одномъ: о своей жизни, о своемъ общемъ счастьѣ...

І. Ясинскій.



---

# В. И. ВОДОВОЗОВЪ

БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

---

Окончаніе.

VII \*).

**ЖЕНИТЪБА И ПУТШЕСТВІА ЗА ГРАНИЦУ ВЪ 1862 Г.—ВТОРНИКИ ВОДОВОЗОВА.—ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ ПРЕПОДАВАНІА ВЪ ГИМНАЗИИ И ВЫХОДЪ ВЪ ОСТАВКУ.—ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ВЪ 1866-70 ГГ.—ПУБЛИЧНЫЯ ЛЕКЦІИ О ДѢТСКИХЪ САДАХЪ.**

Въ апрѣлѣ 1862 г. Водовозовъ женился на своей ученицѣ по смольному институту, Е. Н. Цевловской, и весною, по окончаніи уроковъ въ гимназій, отправился съ женою за границу. Болѣе полутора мѣсяца Водовозовъ прожилъ въ Брюсселѣ: здѣсь онъ изучалъ бельгійскія школы, а ночью просиживалъ до поздняго часа, просматривая употребляемыя въ нихъ учебники; онъ посѣщалъ также и дѣтскіе сады. Потомъ они отправились въ Лондонъ, гдѣ въ это время была всемірная выставка; поселились тамъ въ частномъ домѣ далеко отъ выставки, чтобы было подешевле. Вставалъ Водовозовъ очень рано, и прежде всего отправлялся странствовать по базарамъ и улицамъ, прислушиваясь къ разговорной рѣчи и самъ заговаривая, съ кѣмъ придется. Хотя теоретически онъ хорошо зналъ англійскій языкъ, но такъ какъ прежде ему не приходилось на немъ объясняться, то его не только не понимали, но даже, случалось, — спрашивали, на какомъ языкѣ онъ говоритъ. Это, однако, его вовсе не смущало; всякое препятствіе вообще чрезвычайно возбуждало его энергію и упор-

---

\*) См. выше: ноябрь, 8 стр.

ство, и онъ дѣлалъ неимовѣрныя усилія, чтобы выучиться разговорному языку и правильному произношенію. Съ этою цѣлью онъ заговаривалъ и съ прохожими на улицѣ, и съ квартирной хозяйкой, и съ ея служанкой. Хозяйка познакомила его съ своей жилицей, знавшей французскій языкъ, и та предложила, чтобы ея дѣти приходили въ нему, когда онъ возвращался домой. Дѣти оказались самыми лучшими преподавателями: старшая, десятилѣтняя дѣвочка сейчасъ же вошла въ роль учительницы и болтала безъ конца; когда Водовозовъ дурно выговаривалъ, она заставляла его чуть не по двадцати разъ повторять каждое слово и, оглядывая комнату, отыскивала новый предметъ, чтобы назвать его по-англійски. По совѣту матери этихъ дѣвочекъ, Водовозовъ дѣлалъ также переводы съ англійскаго на французскій и нѣмецкій языки. Эти усидчивыя занятія привели къ тому, что къ концу третьей недѣли Водовозовъ порядочно объяснялся по-англійски и могъ уже вступать въ серьезные разговоры съ англичанами о литературѣ и политикѣ. Кромѣ упражненій въ языкѣ, много времени отнимали и посѣщенія выставки, такъ что не оказалось возможнымъ побывать въ англійскихъ школахъ. Проживъ въ Лондонѣ недѣли четыре, они отправились въ Швейцарію, и тамъ Водовозовъ, около мѣсяца, посѣщалъ элементарныя школы; отсюда съѣздили, ненадолго, въ Парижъ и затѣмъ возвратились въ Петербургъ <sup>1)</sup>.

Какъ прежде, такъ и теперь, Водовозовъ былъ всегда въ наилучшихъ отношеніяхъ со своими учениками и вообще съ молодежью. Онъ нерѣдко участвовалъ въ устройствѣ спектаклей и литературныхъ вечеровъ въ пользу бѣдныхъ студентовъ и воспитанниковъ первой гимназіи; на литературныхъ чтеніяхъ онъ всего чаще читалъ отрывки изъ своего перевода: „Германія“, Гейне. Литературные вечера вошли въ такой обычай, что иногда его приглашали въ одинъ день участвовать въ двухъ мѣстахъ.

Большинство выпускныхъ учениковъ первой гимназіи пришло къ Водовозову весной 1862 г. послѣ выпуска, и тутъ же онъ пригласилъ ихъ бывать у него съ осени по вторникамъ <sup>2)</sup>. На этихъ *jours-fixes* всегда было очень много молодежи. Квартирка въ Ивановской улицѣ была крошечная, въ 15 руб. въ мѣсяць; меблировка самая простая; для половины гостей не хватало

<sup>1)</sup> Результатомъ этой заграничной поѣздки были двѣ статьи: „Педагогическій отдѣлъ лондонской всемірной выставки“ („Ж. Мнв. Нар. Просв.“ 1862 г., № 10), и „Письма о народномъ образованіи въ Бельгіи“ (*ibid.* №№ 8 и 10).

<sup>2)</sup> Нѣкоторые изъ учениковъ Водовозова бывали у него и ранѣе на вечеринкахъ, посѣщаемыхъ литераторами и педагогами.

стульевъ, но никто не смущался: сидѣли на кроватяхъ, на под-  
 олонникахъ, на какой-нибудь шаткой табуреткѣ, вытащенной изъ  
 кухни, пѣли хоромъ, плясали, читали, импровизировали, болтали  
 о только-что вышедшей статьѣ, о новой повѣсти, о явленіяхъ  
 общественной жизни. За неизмѣнимъ средствъ, не было обильныхъ  
 угощеній, за то была задумчивость, господствовалъ искренній,  
 откровенный тонъ, и многіе сознавались, что они отводятъ здѣсь  
 душу и просили позволенія на слѣдующій разъ ввести пріятеля  
 или пріятельницу. Прибавленіе семейства <sup>1)</sup> заставило переимѣнить  
 эту квартиру на болѣе обширную, гдѣ была большая пріемная.  
 Здѣсь перебивало много людей, и вторники посѣщались очень  
 усердно. Нѣсколько разъ здѣсь устраивались почти формальныя  
 литературныя чтенія съ какою-нибудь благотворительною цѣлью.  
 Такъ какъ новая квартира только сравнительно со старою могла  
 назваться большою, то литературно-музыкальные вечера проис-  
 ходили въ ней такимъ образомъ: изъ пріемной выносились вся  
 мебель, кромѣ стульевъ, число которыхъ увеличивалось, благодаря  
 присылкѣ отъ знакомыхъ. Въ одной изъ маленькихъ комнатъ,  
 сосѣдней съ пріемною, отворяли дверь и ставили туда форте-  
 пьяно. Въ другой, также маленькой, комнатѣ собирався хоръ,  
 для котораго не было мѣста тамъ, гдѣ находился инструментъ,  
 и такимъ образомъ хоръ пѣлъ подъ аккомпаниментъ фортепьяно,  
 находившагося въ другой кануркѣ. Все это не мѣшало вечерамъ  
 у Водовозовыхъ быть очень многолюдными и оживленными, и  
 публика единодушно заявляла, что ей особенно пріятна такая  
 простота. Чтецы читали за столомъ, поставленнымъ на порогѣ.  
 причемъ хору приходилось отодвигаться въ третью комнату.  
 Чтецами бывали В. А. Стѣпцовъ, П. И. Якушкинъ, В. С. и  
 Н. С. Курочкины, М. И. Семеvскій, П. А. Гайдебуровъ и, на-  
 конецъ, самъ Водовозовъ. Всѣ эти литературно-музыкальные ве-  
 чера кончались танцами, и посѣтители обыкновенно просили, если  
 будетъ еще вечеръ, прислать поболѣе билетовъ, такъ-какъ желаю-  
 щихъ попасть на эти чтенія было чрезвычайно много.

Постоянныя сношенія Водовозова съ молодежью дали ему  
 возможность хорошо изучить, какъ отразилось въ ней движеніе  
 шестидесятыхъ годовъ. Въ одной своей статьѣ, написанной гѣ-  
 томъ 1885 г. и еще ненапечатанной, онъ сдѣлалъ въ высшей  
 степени удачную характеристику тогдашняго настроенія общества  
 въ лицѣ болѣе юныхъ его представителей, и эта характеристика  
 прекрасно показываетъ, какъ хорошо понималъ онъ молодежь,

<sup>1)</sup> Въ концѣ января 1863 г. у Водовозова родился сынъ Михайлгъ.

какъ умѣлъ ей симпатизировать, и какъ до конца жизни сохранилъ горячую любовь къ молодому поколѣнію.

Описанная въ предыдущихъ главахъ разносторонняя дѣятельность Водовозова не мѣшала ему продолжать съ величайшею добросовѣстностью преподаваніе русскаго языка и литературы въ первой гимназіи. Относительно первой половины пятидесятихъ годовъ мы привели свидѣтельство о преподаваніи Водовозова одного изъ его учениковъ, г. Авсѣенко; для рассматриваемой же эпохи мы имѣемъ воспоминанія В. Р. Щиглева, учившагося у Водовозова въ 1858—62 гг. Упомянувъ о преподаваніи Водовозовымъ русской и славянской грамматики въ IV-мъ классѣ, г. Щиглевъ продолжаетъ: „Начиная съ этого класса и благодаря В. И — чу, мы усвоивали характерныя стороны русской рѣчи, хотя никакого „руководства“, никакой *казенной* книги у насъ не было... Въ V-мъ классѣ, слѣдую программѣ, онъ долженъ былъ пройти съ нами риторику, — и онъ прошелъ ее довольно быстро, ознакомивъ насъ не безъ нѣкотораго юмора съ „источниками изобрѣтенія“, объяснивъ значеніе „фигуръ“... Перейдя къ всеобщей литературѣ, Водовозовъ показывалъ намъ на примѣрахъ сущность поэзіи, прочитывалъ кое-что изъ индійскаго эпоса и, послѣдовательно очертивъ Гомера, Геродота, Софокла, Эсхила, Аристофана, Виргилія, Овидія и др., останавливался долѣе на литературѣ среднихъ вѣковъ. Онъ приносилъ въ классъ соотвѣтствующіе уроку подлинники (латинскіе, греческіе, итальянскіе, французскіе и нѣмецкіе), и прямо, изустно, переводилъ тѣ мѣста, съ которыми ему нужно было насъ познакомить. Тутъ только мы узнали, какимъ лингвистомъ былъ нашъ... учитель. Уваженіе къ нему росло... Урокъ Водовозова всегда проходилъ безшумно. Не краснѣ говорилъ Водовозовъ, онъ и „мыкалъ“, и повторялся, и зачастую крикливо произносилъ: „понимаетъ?“... но его всё какъ-то совѣстились, именно *совѣстились*, а не боялись... У него не было между воспитанниками любимцевъ... онъ ко всемъ относился одинаково добродушно, справедливо и по чистотѣ своей души, важется, и не могъ знать, чтѣ значить „придираться“ къ ученику, зудить надъ нимъ, какъ дѣлали другіе педагоги, и этимъ сами развивали въ юношѣ скверное чувство мстительности... Понятно, почему всё гимназисты уважали Василія Ивановича... Сколько я помню, никому изъ самыхъ заядлыхъ Митрофановъ и въ голову не могло придти смѣшливо говорить о Водовозовѣ. Въ томъ-то и дѣло, что всё невольнo чуяли въ Водовозовѣ прежде всего *хорошаго человека* и потомъ — *хорошаго учителя*... Много запало тогда хорошаго, человѣческаго, въ молодую душу! А чтѣ еще

дремало изъ этого хорошаго-человѣческаго на днѣ души, то начинало пробуждаться и расти подъ животворными лучами свѣта, которымъ свѣтилось все существо Василя Ивановича" <sup>1)</sup>... Справедливость всего сказаннаго г. Щиглевымъ могу подтвердить и я, какъ ученикъ Водовозова въ 1863—66 гг. Останавливаться подробнѣе на его преподаваніи я не нахожу нужнымъ, такъ какъ онъ слѣдовалъ въ немъ тому плану и тѣмъ принципамъ, которые были изложены въ разсмотрѣнныхъ уже его педагогическихъ статьяхъ.

Въ февралѣ 1865 г. администрація с.-петербургскаго округа предписала произвести ревизію учебной части въ первой, второй, ларинской и седьмой гимназіяхъ, въ IV, V и VI мѣ классахъ. Ревизоры заставляли учениковъ IV-го класса писать подъ диктовку, въ V-мъ классѣ—излагать содержаніе выбраннаго реви́зорами стихотворенія, въ VI-мъ ученики представляли сочиненія на данныя темы, преимущественно на русскія пословицы. По окончаніи ревизіи была издана попечителемъ округа официальная брошюра, излагающая ея результаты. Изъ нея видно, что ревизоры остались, во-первыхъ, недовольны орфографіею учениковъ первой гимназіи (также какъ второй и седьмой, гдѣ производили ревизію по русскому языку тѣ же лица); что касается умѣнія перелагать стихи въ прозу и составлять самостоятельныя сочиненія, а также и устныхъ отвѣтовъ, то всѣмъ этимъ ревизоры указанныхъ трехъ гимназій были недовольствованы, но въ официальной брошюрѣ, изданной администраціею округа <sup>2)</sup>, мы находимъ лишь общую характеристику недостатковъ преподаванія, въ этомъ отношеніи, въ указанныхъ трехъ гимназіяхъ, а не въ каждой изъ нихъ отдѣльно; но что и первая гимназія вызвала недовольство ревизоровъ, видно изъ того, что она не выдѣлена изъ числа другихъ. Между тѣмъ отмѣтки, поставленныя всѣмъ воспитанникамъ первой гимназіи, спрошеннымъ ревизорами, приводятъ вовсе не къ такому печальному выводу. Изъ официальной исторіи первой гимназіи мы узнаемъ <sup>3)</sup>, что изъ всѣхъ учениковъ, спрошенныхъ во время ревизіи въ IV—VI классахъ по русскому языку и словесности, удовлетворительныя отмѣтки получили 73<sup>0</sup>/<sub>100</sub> и неудовлетворительныя 27<sup>0</sup>/<sub>100</sub>. Если принять во вниманіе, что ревизія произведена была внезапно, и что ученики вовсе не пригото-

<sup>1)</sup> „Русская Старина“ 1886 г., № 11, стр. 405—409.

<sup>2)</sup> „Ревизія с.-петербургскихъ гимназій первой, второй, ларинской и седьмой, произведенная въ 1865 г.“. Спб. 1865 г.

<sup>3)</sup> Д. Соловьевъ. „Пятидесятилѣтіе с.-петербургской первой гимназіи“. Спб. 1890 г., стр. 841—42.

лись въ устныхъ отвѣтахъ <sup>1)</sup>, то нельзя не признать результатъ ревизіи по русскому языку удовлетворительнымъ, а если сравнить отмѣтки по русскому языку и по другимъ предметамъ, то мы найдемъ этотъ результатъ еще болѣе утѣшительнымъ. Въ то время, какъ по русскому языку и словесности удовлетворительныя отмѣтки получили 73% опрошенныхъ учениковъ, только въ трехъ предметахъ количество удовлетворительно-отвѣчавшихъ было болѣе: по закону Божію 82%, по нѣмецкому языку 78 и по французскому—76%; по всѣмъ же остальнымъ предметамъ количество удовлетворительныхъ отмѣтокъ въ первой гимназіи менѣе чѣмъ по русскому языку и словесности, а именно: по математикѣ 71%, физикѣ 70, исторіи 64, географіи 47 и латинскому языку 46%. На основаніи этихъ цифръ, мы можемъ весьма скептически отнестись къ официальнымъ осужденіямъ гг. ревизоровъ и даже предполагать, что „умисель другой тутъ былъ“. На эту мысль наводятъ нѣкоторыя мѣста официального отчета администраціи округа, въ которомъ всего болѣе вниманія удѣлено преподаванію русскаго языка и словесности. Здѣсь мы читаемъ: „Просматривая классныя тетради одного ученика 5 класса 1 гимназіи, ревизоры нашли между прочимъ выписки изъ „Писемъ русскаго путешественника“, съ указаніемъ погрѣшностей въ мысляхъ, чувствахъ и рѣчи автора, т.-е. Карамзина. При сличеніи лѣтописи Нестора съ „Исторіей государства російскаго“, Карамзинъ снова критикуется и съ точки зрѣнія исторической, и съ точки зрѣнія стилистической. Такая оцѣнка, произносимая школьникомъ съ голоса ли учителя, или по своему собственному разумѣнію, слишкомъ преждевременна. Ему нужны не отрицательныя, а положительныя примѣры, не уклоненіе отъ законовъ и правилъ, а законныя правильныя образцы, не погрѣшности, а достоинства. Едва сдѣлавъ первые шаги въ науку, ничего почти не читавъ, слабый въ теоріи и практикѣ, онъ вдругъ пріучается судить и рѣшать о такомъ писателѣ, какъ Карамзинъ“... (стр. 37—38). Для объясненія этихъ словъ нужно замѣтить, что гг. ревизоры брали у нѣкоторыхъ воспитанниковъ ихъ черновыя замѣтки за учителемъ, этимъ послѣднимъ невыправленныя, и выбирали оттуда отдѣльныя мѣста, отмѣчая при этомъ и попадавшіяся орфографическія ошибки ученика. Критическія замѣчанія относительно „Писемъ русскаго путешественника“ и „Исторіи государства російскаго“ Карамзина были дѣйствительно сдѣланы Водо-

<sup>1)</sup> Мы помнимъ очень хорошо, что преподаваніе въ это время шло своимъ чередомъ, и приходилось не приготовляться къ отвѣту ревизорамъ по всему курсу, а учить текущіе уроки.

возовымъ, но вовсе не для того, разумѣется, чтобы умалить его великое значеніе, а чтобы указать на различіе современныхъ требованій относительно содержанія и формы сочиненій отъ тѣхъ, которыя предъявлялись писателямъ въ концѣ XVIII и первой четверти XIX вѣка. Въ курсѣ литературы Водовозовъ, конечно, воздавалъ Карамзину все должное, хотя и не сводилъ преподаванія исторіи русской литературы на изученіе только Карамзина и Жуковскаго, какъ это дѣлали нѣкоторые преподаватели русскаго языка и словесности во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ.

Послѣ изложенія тѣхъ выводовъ, къ которымъ пришли реви- зоры, авторъ официальной записки говоритъ: „Многіе преподаватели задаются слишкомъ обширными программами и планами. Они воображаютъ себѣ, что читаютъ лекціи въ университетѣ, совершенно забывая, что передъ ними молодые люди, плохо знающіе или почти вовсе не знающіе первыхъ основаній языка и науки. Это замѣчаніе болѣе всего относится къ преподавателямъ русской словесности. Передъ мальчиками, дѣлающими самыя грубыя ошибки въ правописаніи, не умѣющими правильно связать двѣ мысли, они толкуютъ о значеніи Маколея, Бокля, о недостаткахъ Карамзина, Пушкина, объ индуктивномъ и дедуктивномъ методахъ, о синтезѣ и анализѣ, обоюдной между ними зависимости и т. д. Эти господа весьма часто учатъ всему или очень многому, за исключеніемъ того, для чего они приглашены въ гимназію, т.-е. русскаго языка. Они въ особенности считаютъ себя обязанными налегать на развитіе въ ученикахъ критической способности и забываютъ при этомъ, что критика есть результатъ самаго обстоятельнаго знанія, и что образцы изящныхъ произведеній перво-классныхъ писателей не могутъ подлежать критической оцѣнѣ юношей, не достигшихъ 18 лѣтъ, неопытныхъ и не усвоившихъ себѣ даже этимологию... При томъ, критика въ томъ видѣ, въ какомъ она является въ урокахъ русской словесности, преимущественно и, такъ сказать, съ особенною любовью останавливается на произведеніяхъ современной литературы, которой преобладающее стремленіе состоитъ въ изображеніи отрицательной стороны человѣческой природы. Чего же ожидать отъ 17-ти-лѣтняго юноши, вскормленнаго, можетъ быть, въ чистой атмосферѣ нормальнаго семейнаго быта, если официально, подъ авторитетомъ училища, его заставляютъ знакомиться со всею грязью болѣзненной соціальной обстановки и съ отвратительными порожденіями развращенной нравственности?“

Преподаваніе Водовозова, какъ ни старались представить его въ ложномъ свѣтѣ, сопровождалось, какъ видно изъ отмѣтокъ



самихъ ревизоровъ, успѣхами вполне удовлетворительными, — очевидно, не нравилось одно направленіе этого преподаванія. Дѣйствительно, Водозову случалось говорить на лекціяхъ въ старшихъ классахъ объ индукціи и дедукціи, синтезѣ и анализѣ, — въ этомъ онъ повиненъ, хотя, казалось бы, учитель словесности обязанъ познакомить своихъ учениковъ съ этими терминами. Водозовъ заботился о томъ, чтобы ученики со смысломъ читали русскихъ авторовъ, а не заучивали только кратенькія характеристики, сдѣланныя учителемъ, какъ это практиковалось другими; но Водозовъ вовсе не превращалъ своихъ уроковъ въ университетскія лекціи, напротивъ, онъ много упражнялъ учениковъ и въ устныхъ отвѣтахъ, и въ письменныхъ работахъ (конспектахъ, сочиненіяхъ и проч.), и еще менѣе, конечно, думалъ знакомить учениковъ „съ отвратительными порожденіями современной нравственности“, если не разумѣть подъ этимъ какое-нибудь невинное стихотвореніе Некрасова; подробное же изученіе сочиненій Некрасова вовсе не входило въ его курсъ исторіи литературы (въ нашемъ VII-мъ классѣ онъ закончилъ свой курсъ Гоголемъ).

Читая всѣ эти обвиненія противъ учителей словесности въ четырехъ гимназіяхъ, невольно удивляешься всему этому. Тогда во главѣ министерства еще стоялъ А. В. Головинъ, отличавшійся, какъ мы уже видѣли, большою широтою взгляда, и пока онъ руководилъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, Водозову нечего было опасаться да и не въ его характерѣ было чего-нибудь бояться: онъ никогда не произносилъ на лекціяхъ никакихъ „либеральныхъ“ фразъ, онъ съ величайшею скромностью дѣлалъ свое дѣло, но за то ничто не могло бы заставить его вести это дѣло не такъ, какъ предписывала ему совѣсть. Лучшимъ доказательствомъ сказаннаго служить то, что въ концѣ того же 1865 г., когда произведена была ревизія и напечатана указанная записка попечителя, Водозовъ прочелъ въ педагогическомъ собраніи рефератъ противъ классической системы образованія, которая, хотя и не въ крайней ея формѣ, была принята, какъ мы видѣли, уставомъ 1864 г., но министерство народнаго просвѣщенія и не подумало удалять его изъ гимназіи.

Въ это время мы, воспитанники VII-го, тогда послѣдняго, класса первой гимназіи, сдавали выпускные экзамены. Разставаясь съ гимназіею, мы задумали почтить какимъ-либо знакомъ уваженія того единственнаго преподавателя, котораго мы не только считали прекраснымъ учителемъ, но и горячо любили, какъ чело-вѣка. У насъ были и другіе хорошіе или добросовѣстные преподаватели (напримѣръ, математики, латинскаго и нѣмецкаго язы-

ковъ), но мы знали, что вполне гуманно къ намъ относится только Водовозовъ, что только онъ одинъ замолвить слово въ педагогическомъ совѣтѣ за каждаго попавшаго въ бѣду, что онъ одинъ готовъ оказать намъ всевозможное содѣйствіе, какъ въ научныхъ занятіяхъ, такъ и въ разныхъ житейскихъ нуждахъ. И вотъ рѣшено было тѣмъ или инымъ способомъ выразить наше сочувствіе этому дорогому учителю. По подпискѣ между воспитанниками старшихъ классовъ собрана была значительная сумма, но мысль поднести какой-нибудь кубокъ или что-либо подобное была отвергнута, и рѣшено было составить маленькую библиотечку изъ книгъ, необходимыхъ для Водовозова и, какъ мы узнали, не имѣющихся въ его библиотекѣ. Книги уже были закуплены и даже переплетены, но Водовозовъ, услышавъ объ этомъ, сказалъ, что онъ достаточно вознагражденъ уже однимъ желаніемъ его учениковъ выразить ему свое расположеніе, и отъ подарка отказался. Книги были раздѣлены между участвовавшими въ подпискѣ.

Весною 1866 г. Водовозовъ и его жена твердо надѣялись на поправленіе своихъ средствъ, которыя все же были не въ особенно блистательномъ состояніи. Женѣ его было обѣщано съ осени мѣсто въ образцовомъ пріютѣ вел. кн. Александры Петровны. Они переѣхали даже на другую квартиру, въ Коломнѣ, чтобы было поближе ходить на службу. На лѣто Водовозовъ уѣхалъ съ женою въ деревню къ ея матери, съ надеждами на улучшеніе матеріальныхъ средствъ. Прожили въ деревнѣ до начала августа. На другой день по возвращеніи въ Петербургъ, Водовозовъ узналъ, что онъ уволенъ изъ гимназіи, а женѣ его объявили, что она не получитъ обѣщаннаго мѣста.

Водовозовъ, впрочемъ, не пришелъ еще въ отчаяніе, такъ какъ надѣялся на частные уроки; въ прежніе годы ему приходилось даже отъ нихъ отказываться, но въ эту зиму и частныхъ уроковъ было очень немного, а на слѣдующій годъ и еще того меньше. Приходилось, такимъ образомъ, все это время перебиваться съ большимъ трудомъ, тѣмъ болѣе, что второй сынъ Водовозова былъ крайне больной ребенокъ, и постоянно требовались деньги на докторовъ и дорогія лекарства, а платной работы было чрезвычайно мало. Все, что мало-мальски поцѣннѣе, небольшія золотыя и серебряныя вещицы,—все было продано; работа была чисто случайная: то Водовозовъ получитъ кое-что за статью въ „Учителѣ“, то жена принесетъ вознагражденіе за свой литературный трудъ, но всего этого было слишкомъ недостаточно. Когда попадалась работа на 150—200 рублей, эти деньги немедленно исчезали въ уплату по лавкамъ, и затѣмъ приходилось снова си-

дѣть безъ гроша до слѣдующей получки, до новой работы. Въ видѣ отдѣльныхъ книгъ до тѣхъ поръ Водовозовъ издалъ лишь „Разказы изъ русской исторіи“ (вып. 1 и 2), и затѣмъ весною 1866 г. вышла въ свѣтъ „Новая русская литература“. Всѣ эти книги, вслѣдствіе своей дешевизны, приносили самый ничтожный доходъ, который въ тому же приходилось получать по грошамъ. Изданіе „Новой русской литературы“ обременило Водовозова долгомъ въ 1.000 р. при самыхъ тяжелыхъ матеріальныхъ обстоятельствахъ. Къ счастью Водовозовъ встрѣтилъ въ типографѣ, Ф. С. Сущинскомъ, съ которымъ имѣлъ дѣла, самаго добраго и деликатнаго человѣка. Случилось такъ, что какъ разъ послѣ удаленія изъ гимназій, не зная, въ какомъ положеніи находится Водовозовъ, Сущинскій пришелъ къ нему получить деньги за печатавшуюся у него „Новую русскую литературу“. Водовозовъ откровенно сказалъ, что ему не только нечѣмъ расплатиться въ настоящую минуту, но что даже онъ не знаетъ, когда будетъ въ состояніи это сдѣлать. Ф. С. Сущинскій отнесся съ величайшимъ сочувствіемъ къ постигнутому Водовозова несчастію и сказалъ, чтобы онъ никогда не думалъ о долгѣ и выплатилъ его лишь тогда, когда будетъ въ лучшемъ положеніи. Понятно, что до самой смерти Водовозовъ печаталъ свои книги въ типографіи Ф. С. Сущинскаго <sup>1)</sup>

Такъ какъ частные уроки оказывались слишкомъ ненадежнымъ средствомъ для существованія, то главную надежду пришлось возложить на литературно-педагогическіе труды. Въ 1866 г., еще до выхода въ отставку, Водовозовъ издалъ „Новую русскую литературу (отъ Жуковскаго до Гоголя включительно)“. Книга эта содержитъ въ себѣ критическіе обзоры литературной дѣятельности Жуковскаго, Батюшкова, Крылова, Пушкина, Грибоѣдова, Лермонтова, Кольцова и Гоголя. Авторъ характеризуетъ этихъ писателей по ихъ сочиненіямъ, почему и рассказываетъ подробно, съ объясненіями, содержаніе всѣхъ главнѣйшихъ произведеній, чтобы приучить читать болѣе внимательно и останавливаться на самыхъ существенныхъ чертахъ того или другого сочиненія. Авторъ не предполагалъ написать научный трудъ; цѣлью его было критическое ознакомленіе, какъ учащихся, такъ и вообще людей, недостаточно еще изучившихъ новую литературу, съ классическими произведеніями названныхъ выше писателей. При составленіи

<sup>1)</sup> Насколько тяжело было матеріальное положеніе Водовозова въ эти годы, видно изъ слѣдующаго примѣра: когда В. Я. Стоунинъ, также вынужденный покинуть преподаваніе русской словесности въ третьей гимназій, переѣзжалъ въ Москву и петербургскіе педагоги устроивали ему прощальный обѣдъ, Водовозовъ не могъ принять въ немъ участія, потому что по дѣнѣ (10 руб.) онъ былъ для него недоступенъ.

„Новой русской литературы“ Водовозовъ не претендовалъ на то, чтобы сказать новое слово о разсматриваемыхъ имъ писателяхъ, но онъ стоялъ на высотѣ современной критики, и въ то же время трудъ его—не компиляція, а результатъ самостоятельнаго, добросовѣстнаго изученія. Книга его отвѣчала настоятельной потребности, такъ какъ въ ней можно было найти въ связномъ изложеніи то, что пришлось бы иначе разыскивать въ массѣ критическихъ трудовъ различныхъ авторовъ, начиная съ Бѣлинскаго. Публика съумѣла оцѣнить эту книгу, и въ 1886 г. появилось пятое ея изданіе <sup>1)</sup>).

Еще въ 1864—66 гг. въ „Педагогическомъ Сборникѣ“, издаваемомъ при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній, стали печататься статьи Водовозова, подъ заглавіемъ: „Занятія русскою словесностью съ воспитанниками средняго возраста“; въ 1868 г. онѣ вошли въ составъ отдѣльной книги, подъ заглавіемъ: „Словесность въ образцахъ и разборахъ съ объясненіемъ общихъ свойствъ сочиненія и главныхъ родовъ прозы и поэзіи“. Здѣсь Водовозовъ показываетъ, какъ слѣдуетъ практически примѣнять тѣ идеи о преподаваніи теории прозы и поэзіи, которыя онъ высказалъ еще въ 1859 г. въ „Русскомъ Словѣ“, въ статьѣ: „Существуетъ ли теорія словесности и при какихъ условіяхъ возможно ея существованіе“, и которыми онъ постоянно руководился въ своемъ преподаваніи въ первой гимназіи, въ смоленомъ институтѣ и на частныхъ урокахъ. Книга эта встрѣтила самый радушный приѣмъ со стороны лучшихъ органовъ русской журналистики. Въ „Отечественныхъ Запискахъ“ <sup>2)</sup> по поводу этой книги говорилось: „г. Водовозовъ давно уже приобрѣлъ себѣ почетную извѣстность въ нашемъ педагогическомъ мірѣ, а сочиненія его пользуются заслуженнымъ успѣхомъ въ нашей учебной литературѣ. По складу своего ума г. Водовозовъ болѣе аналитикъ, чѣмъ синтетикъ... Онъ любитъ нерѣдко останавливаться на мелочахъ, входитъ иногда въ подробности, повидимому, вовсе ненужныя. Это по мѣстамъ дѣлаетъ его сочиненія нѣсколько растянутыми и вялыми. Нельзя сказать, чтобы этого недостатка былъ

<sup>1)</sup> Во второй половинѣ шестидесятихъ годовъ Водовозовъ довольно много работалъ въ журналѣ „Учитель“, который тогда редактировалъ Резенеръ. Здѣсь появились слѣдующія статьи Водовозова: „Имена уменьшительныя и ласкательныя, увеличительныя и уничижительныя“, „Формы предложеній въ русскомъ народномъ языкѣ“, „Разборы для упражненія въ языкѣ въ младшемъ возрастѣ“ (1866 г.); довольно большая работа: „Поэтическіе образы въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ и пословицахъ“ (1867 г.) и проч.

<sup>2)</sup> Томъ 176, 1868 г., № 1.

вполнѣ чуждъ и новый его трудъ. Есть рѣзанности, есть подробности, на нашъ взглядъ вовсе ненужныя, особенно, если примемъ во вниманіе то, что этотъ трудъ назначается самимъ г. Водовозовымъ для преподавателей, а не для учениковъ. Но вообще слишкомъ дробный анализъ въ сочиненіяхъ г. Водовозова не только не недостатокъ, а положительное достоинство, имѣющее въ основѣ своей то весьма резонное убѣжденіе автора, что только самый строгій, отчетливый и по возможности всесторонній анализъ каждаго встрѣчающагося ученику новаго явленія можетъ развить и пробудить въ немъ самую самостоятельную мысль, вооружить эту мысль тонкою дистинокціе дурного и хорошаго, сдѣлать ее чуткою къ каждой фальши... Таковъ приемъ г. Водовозова есть истинный владъ для нашихъ учебныхъ заведеній, гдѣ, и у учителей, и у учениковъ, еще доселѣ царить прежнихъ временъ блаженная привычка познавать все гуртомъ, по верхамъ, кое-какъ, по-казацки. Другое неоспоримое достоинство сочиненій г. Водовозова, въ особенности тѣхъ, которыя относятся къ словесности и поэзіи, это трезвый взглядъ ихъ на словесныя и поэтическія произведенія и строгая выдержанность этого взгляда во всѣхъ его частныхъ примѣненіяхъ къ различнымъ явленіямъ прозы и поэзіи... Г. Водовозовъ и поэзію, и поэтовъ подчиняетъ тѣмъ же разумнымъ требованіямъ, которыя обязательны для всѣхъ простыхъ смертныхъ, и насчетъ исполненія ими этихъ требованій неумолимо строгъ. Для него ничего не значатъ ни авторитетъ, ни имя, ни слава. Въ каждомъ поэтическомъ произведеніи онъ ищетъ прежде всего мысли, достоинство же мысли оцѣниваетъ по мѣрѣ той или другой полезности ея въ дѣлѣ общаго развитія. Г. Водовозова ничѣмъ не подеушишь—ни легкимъ, плавнымъ стихомъ, ни звонкою римою, ни обиліемъ остроумія, ни игривостью и шаловливостью фантазіи; онъ остается ко всему безчувственъ, если въ стихахъ нѣтъ разумнаго содержанія". Въ журналѣ „Дѣло“ также очень сочувственно отнеслись къ „Словесности“ Водовозова: „г. Водовозовъ... составляетъ рѣшительное исключеніе изъ числа современныхъ педагоговъ. Онъ твердо вѣруетъ въ необходимость умственнаго развитія нашего юношества,—развитія, основаннаго не на внѣшнемъ благоправіи школы, а на свободномъ и рациональномъ ея устройствѣ, и работаетъ, не обращая вниманія ни на какія обстоятельства. Въ то время, когда мнѣнія педагоговъ рѣшительно склонялись на сторону классицизма, онъ въ педагогическомъ собраніи подымаетъ вопросъ о преимуществѣ реального направленія передъ классическимъ. Затѣмъ онъ издаетъ прекрасный курсъ русской

литературы отъ Жуковскаго до Гоголя; теперь выпустилъ въ свѣтъ: „Словесность въ образцахъ и разборахъ“, гдѣ требуетъ отъ поэта реальнаго направленія, и гдѣ художественное значеніе каждаго произведенія ставитъ въ зависимость отъ его нравственнаго и общественнаго смысла“<sup>1)</sup>. Эта книга также выдержала пять изданій<sup>2)</sup>.

Въ 1867 или въ 1868 г. нужда заставила Водовозова взяться за работу не только плохо вознаграждаемую, но не приносящую даже того утѣшенія, что всякое новое печатное произведеніе увеличиваетъ извѣстность автора. Дѣло въ томъ, что г. Паульсонъ, задумавъ изданіе своей „Первой учебной книжки“, предложилъ Водовозову написать для нея или передѣлать съ нѣмецкаго цѣлый рядъ стихотвореній. Водовозовъ доставилъ ему около 30 стихотвореній, болѣе двухъ третей которыхъ, безъ упоминанія его имени, было помѣщено въ „Первой учебной книжкѣ“ г. Паульсона (1-ое изданіе вышло въ 1868 г.), а остальные, нѣсколько позднѣе, во „Второй учебной книжкѣ“ (1-ое изд. 1876 г.). Сравнивая „Первую учебную книжку“ Паульсона съ черновыми рукописями стихотвореній Водовозова, мы насчитали принадлежащихъ его перу и сохранившихся въ рукописи 22<sup>3)</sup>. Если даже предположить, что это всѣ стихотворенія, написанныя для „Первой учебной книжки“ г. Паульсона, — а есть основаніе думать, что ихъ было нѣсколько болѣе, — то слѣдовательно изъ 34 стихотвореній, впервые напечатанныхъ въ этой книгѣ, *два трети* принадлежатъ перу Водовозова<sup>4)</sup>.

Въ „Народной Школѣ“ 1869 — 70 г. Водовозовъ напечаталъ: „Разказы о томъ, что у насъ сохранилось по народной памяти и по грамотѣ“, гдѣ, въ самомъ простомъ и удобопонятномъ изложеніи, авторъ представилъ очеркъ русской народной литературы, который въ 1870 году былъ изданъ и отдѣльною книжечкою.

Въ декабрѣ 1869 г. Водовозовъ былъ приглашенъ прочесть

<sup>1)</sup> „Дѣло“, 1868 г., № 3.

<sup>2)</sup> Въ томъ же 1868 г. появился новый трудъ Водовозова: „Практическая славянская грамматика съ примѣрами и упражненіями на правила древне-славянскаго языка, новаго, церковнаго и древне-русскаго лѣтописнаго“. Книга эта выдержала три изданія.

<sup>3)</sup> „Первая учебная книжка“ Паульсона, изд. 1868 г., №№ 17, 19, 30, 34, 35, 42, 69, 71, 75, 82, 85, 99, 100, 104, 105, 106, 108, 113, 122, 124, 128, 131. Во „Второй учебной книжкѣ“ №№ 67, 94, 103, 189.

<sup>4)</sup> Въ „Отечественныхъ Запискахъ“ (1869 г., № 1 и 1870 г., № 3) Водовозовъ напечаталъ „Обзоръ книгъ и руководствъ для общаго образованія“; здѣсь онъ успѣлъ сдѣлать обзоръ только сочиненій по естественной исторіи.

три публичныя лекціи о дѣтскихъ садахъ, въ залѣ русскаго купеческаго общества для взаимнаго вспоможенія. Предметомъ этимъ Водовозовъ занимался давно и изучалъ дѣтскіе сады на ихъ родинѣ, въ Германіи. Онъ первый заговорилъ объ этомъ предметѣ въ нашей литературѣ<sup>1)</sup>. Относясь въ принципѣ весьма сочувственно къ идеѣ дѣтскихъ садовъ, Водовозовъ еще тогда предостерегалъ противъ излишняго педантизма въ этомъ дѣлѣ<sup>2)</sup>. Дѣтскихъ садовъ Водовозовъ касался и въ другихъ статьяхъ, нѣсколько позднеѣ<sup>3)</sup>. Такимъ образомъ Водовозовъ имѣлъ полное право выступить передъ публикою лекторомъ по этому предмету. 9-го декабря было первое чтеніе, о которомъ въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ одинъ изъ присутствовавшихъ далъ слѣдующій отзывъ: „Вчера, 9-го декабря, въ залѣ прикащикьяго клуба, при собраніи многочисленной публики, В. И. Водовозовъ открылъ рядъ своихъ чтеній о педагогическомъ значеніи дѣтскихъ садовъ. Лекція имѣла положительный успѣхъ, и слушатели благодарили оратора громкими рукоплесканіями. Публика состояла едва-ли не на половину изъ дамъ. Ораторъ началъ съ того, что именно слѣдуетъ разумѣть подѣ словомъ „дѣтскій садъ“; привелъ тѣ нападки, которые у насъ обыкновенно дѣлаются на это учрежденіе со стороны лицъ, не имѣвшихъ случая ознакомились съ новѣйшею педагогическою литературою, и выяснилъ, что цѣлью своихъ чтеній онъ поставилъ: поколебать существующіе въ этомъ отношеніи предразсудки и возстановить довѣріе въ общественному „дѣтскому саду“; для той же массы слушателей, которая останется при своемъ прежнемъ убѣжденіи о неудобопримѣнимости этого нѣмецкаго учрежденія на петербургской почвѣ для бѣдныхъ дѣтей отъ 3 до 7-лѣтняго возраста, г. Водовозовъ указываетъ практическія мѣры возможно болѣе дешевой организаціи цѣлесообразныхъ дѣтскихъ игръ дома... Въ теченіе своей первой бесѣды онъ старался объяснить, что „сады“ явились за границей

<sup>1)</sup> Въ статьяхъ „Заграничныя письма“, въ „Журналѣ для воспитанія“ 1857 г., №№ 8 и 9; въ одномъ изъ „Писемъ изъ-за границы“ въ „Библи. для Чтен.“ 1857 г., т. 144, и „Дѣтскіе сады въ Германіи“ въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1857 г., № 10.

<sup>2)</sup> „Въ Германіи,—говоритъ онъ,—сколько могъ я замѣтить, соблюдаютъ слишкомъ уже строгую систему въ дѣтскихъ играхъ, заставляя малютокъ долго сидѣть и распѣвать все одиѣ и тѣ же пѣсни надъ какою-нибудь сложеною фигуркой. Мысль этого сидѣнія, кажется, состоитъ въ томъ, чтобы утвердить въ памяти урокъ; но оно видимо наскучаетъ дѣтямъ своимъ однообразіемъ, и при томъ дѣятельность ихъ развивается тутъ не свободно, а все съ логической указкой. Это... какъ мнѣ кажется, важный недостатокъ“.

<sup>3)</sup> См. „Письма о народномъ образованіи въ Бельгіи“ (Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1862 г., № 8) и „Педагогическій отдѣлъ лондонской всемірной выставки“ (ibid. № 10).

не случайно, но были лишь естественнымъ продуктомъ того движенія умовъ, которое въ прошломъ столѣтїи, послѣ продолжительнаго многовѣковаго сна, повело человѣчество въ пробужденію, въ обновленію жизни... Г. Водовозовъ остановилъ вниманіе аудиторїи на нѣсколькихъ подробностяхъ жизни Песталоцци и Фребеля (особенно мастерскою вышла у него біографія Песталоцци), подробно развилъ главнѣйшую сущность ихъ идей о воспитанїи и заключилъ свое интересное сообщеніе разборомъ вопроса: „слѣдуетъ ли „учить“ трехлѣтнихъ дѣтей?“ По окончанїи лекціи, ораторъ предложилъ вниманію собравшихся маленькую выставку различныхъ игрушекъ, сфабрикованныхъ пяти-семи-лѣтними дѣтми во время занятїй въ дѣтскомъ саду“. Въ другой газетѣ было сказано о лекціи Водовозова, что „выборъ предмета чтенїй заслуживаетъ полнаго одобренія и по важности, и по современности затрогиваемаго дѣла“, такъ какъ сознаніе полезности „этого прекраснаго учрежденія не проникло въ ту массу публики, для которой дѣтскіе сады могли бы быть особенно полезными“, т.-е. въ „классъ людей не настолькоъ достаточный, чтобы имѣть возможность обставить свое молодое поколѣніе хорошими домашними воспитательницами или воспитателями, а потому наиболѣе нуждающійся въ томъ именно важномъ подспорьѣ, которое и представляется дѣтскимъ садомъ“.

Около 1870 г. Водовозовъ читалъ также лекціи русской литературы на такъ-называемыхъ аларчинскихъ <sup>1)</sup> курсахъ, устроенныхъ кружкомъ педагоговъ, съ цѣлью готовить слушательницъ къ профессорскимъ лекціямъ. Курсами этими завѣдывалъ въ то время г. фанъ-деръ-Флитъ.

Съ преобразованіемъ въ 1869 г. педагогическаго собранія въ педагогическое общество, Водовозовъ сдѣлался его членомъ и постоянно участвовалъ въ занятїяхъ общества, будучи обыкновенно членомъ совѣта.

Въ 1870 г. небольшой кружокъ, задавшійся цѣлью издавать хорошія народныя книжки, обратился къ Водовозову съ предложеніемъ написать какую-либо историческую брошюру для народнаго чтенія. Результатомъ этого была книжечка: „О томъ, какъ сталъ Петербургъ, и откуда пошла русская наука“; здѣсь въ высшей степени просто и наглядно были описаны жизнь и дѣла Петра Великаго. Книжка встрѣтила въ печати весьма радушный прїемъ <sup>2)</sup>. Въ томъ же 1870 г. Водовозовъ издалъ

<sup>1)</sup> При пятой мужской гимназїи у Аларчина моста.

<sup>2)</sup> См. „Русскую Старину“ 1870 г., № 7, и „С.-Петербургскія Вѣдомости“, № 141.



небольшую книжку для дѣтей отъ восьми до двѣнадцати лѣтъ, подъ заглавіемъ: „Дѣтскіе рассказы и стихотворенія“ съ картинками и вопросами для бесѣдъ, которая вызвала также самыя лестныя отзывы въ лучшихъ журналахъ и газетахъ <sup>1)</sup>. Въ журналѣ „Дѣтскій Садъ“ было сказано: „За разсмотрѣніе книги г. Водовозова по-неволѣ берешься съ предвзятою мыслью: напередъ знаешь, что имѣешь дѣло съ человѣкомъ, который честно служить обществу какъ педагогъ“, и въ заключеніе указано на новый трудъ Водовозова, „какъ на одну изъ лучшихъ книгъ въ нашей бѣдной дѣтской литературѣ“. Въ „Отечественныхъ Запискахъ“ авторъ замѣтки прежде всего высказываетъ рѣзкое порицаніе современной педагогикѣ и педагогамъ вообще на томъ основаніи, что „не существуетъ еще науки, на основаніи которой педагогическое искусство можно бы было поставить безошибочно и твердо“, и потому „педагогика продолжаетъ идти ощупью“, но далѣе говоритъ: „Все сказанное относится, однакожь, только къ педагогикѣ и педагогамъ вообще, а никакъ не къ книгѣ, о которой мы говоримъ, и тѣмъ менѣе къ ея почтенному автору. Мы почитаемъ г. Водовозова однимъ изъ лучшихъ нашихъ педагоговъ, вполне компетентнымъ въ своемъ дѣлѣ, и о настоящемъ его сочиненіи можемъ сказать то же, что говорили и о прежнихъ его трудахъ, т.-е. оно составлено добросовѣстно и съ знаніемъ дѣла. Если г. Водовозовъ держится принятой нынѣ методы, то не его вина, что не придумано другой, лучшей. Къ тому же, пока это только одно наше предположеніе, что эта метода ошибочна... поэтому, смѣло рекомендуемъ всѣмъ родителямъ книгу г. Водовозова, какъ одну изъ лучшихъ дѣтскихъ книгъ“.

Кромѣ изданія отдѣльныхъ книгъ и указанныхъ выше журнальныхъ статей, Водовозовъ напечаталъ еще въ „Отечественныхъ Запискахъ“ большую статью: „О воспитательномъ значеніи русской литературы“. Тутъ онъ, между прочимъ, съ прискорбіемъ отмѣтилъ новое невыгодное теченіе въ преподаваніи русскаго языка и литературы въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. „Новая серія педагоговъ,—говоритъ авторъ,—налегла особенно на русскую грамматику и, допустивъ, въ видѣ уступки педагогамъ художественнаго направленія, нѣкоторыя поэтическіе образцы изъ новой литературы (главу „Максимъ Максимычъ“ изъ романа Лермонтова; „Что ты спишь, мужичекъ“, Кольцова, и

<sup>1)</sup> См. „Голось“ 1871 г. № 47, „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1871 г. № 13 „Дѣтскій Садъ“ 1871 г. № 2, „Педагогическій Листокъ“, составляющій приложение къ „Дѣтскому Чтенію“ 1871 г. стр. 46—48, „Отечественныя Записки“ 1871 г. № 2.

„Ревизоръ“, Гоголя, настояла, чтобы разбирать ихъ исключительно со стороны языка и слога, и для вѣщаго о томъ напоминанія, въ VII-й классъ внесенъ неудобомыслимый высшій курсъ русской грамматики<sup>1)</sup>.

Въ 1870 г. начальница василеостровской женской гимназiи выразила желанiе, чтобы Водовозовъ взялъ на себя въ этомъ заведенiи преподаванiе русской словесности, но это не могло быть осуществлено. Матерiальное положенiе Водовозова было болѣе чѣмъ плохо до изданiя въ 1871 г. первой части „Книги для первоначальнаго чтенiя въ народныхъ школахъ“.

### VIII.

Первая часть „Книги для первоначальнаго чтенiя“ и ея успѣхъ. — Другiе труды для народной школы въ 1872—74 гг. — Руководительство учительскими съѣздами. — Педагогическiя занятiя за границей и посѣщенiе нѣмецкихъ школъ въ 1873 г.

Въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ Водовозовъ много работалъ на пользу народнаго образованiя: и въ печати, и въ качествѣ руководителя воскресной школы и преподавателя въ педагогической семинарiи при таврической школѣ; въ концѣ шестидесятыхъ годовъ онъ участвовалъ, какъ мы видѣли, въ составленiи „Первой учебной книжки“ г. Паульсона. Все это должно было привести его, наконецъ, къ мысли, составить самому книгу для первоначальнаго чтенiя въ народныхъ школахъ. Такой трудъ (и подъ этимъ именно заглавiемъ) онъ и сталъ печатать въ 1870 г. въ видѣ приложенiя къ журналу „Народная Школа“, причемъ за каждымъ рядомъ упражненiй слѣдовали и весьма обстоятельныя объясненiя для преподавателя. Въ 1871 г. „Книга для первоначальнаго чтенiя“ (ч. I) появилась въ отдѣльномъ изданiи въ значительно измѣненномъ и дополненномъ видѣ<sup>2)</sup>, причемъ объясненiя къ ней составили особую „Книгу для учителей“. Въ предисловiи къ этой послѣдней авторъ говоритъ: „Тамъ, гдѣ дѣло касалось научныхъ свѣденiй, мы излагали предметъ въ извѣстной послѣдовательности и съ полнотою, какая необходима для элементарнаго курса; въ другихъ статьяхъ мы имѣли цѣлью правильное развитiе воображенiя, чувства пре-

<sup>1)</sup> „Отечественныя Записки“ 1870 г., № 5, стр. 16.

<sup>2)</sup> Около 80% статей, не исключая стихотворенiй, принадлежать ея составителю.

краснаго, или нравственнаго чувства“. Начиная ознакомленіемъ съ окружающимъ міромъ, авторъ переходитъ въ связнымъ разсказамъ о главнѣйшихъ животныхъ, потомъ постепенно приступаетъ къ изложенію самыхъ необходимыхъ свѣденій изъ ботаники, минералогіи и физики; рядомъ съ этимъ идутъ разсказы о производствахъ и промыслахъ, наиболѣе извѣстныхъ въ Россіи. Въ книгѣ есть еще статьи по географіи и исторіи Россіи, а также значительное число стихотвореній. „Книга для учителей“ заключаетъ въ себѣ толкованіе на каждую статью „Книги для чтенія“, которыя касаются какъ содержанія статей, такъ и ихъ языка и слога; тутъ же преподаватель можетъ найти и элементарный практическій курсъ русской грамматики.

Новая книга Водовозова встрѣтила самый лестный приемъ въ педагогической литературѣ. Въ засѣданіи педагогическаго общества (20-го ноября 1871 г.) извѣстный педагогъ С. Миропольскій читалъ статью: „Къ вопросу о книгѣ для чтенія въ нашей народной школѣ“ (по поводу книги для чтенія барона Н. А. Корфа: „Нашъ Другъ“. Спб. 1871 г.)<sup>1)</sup>. Здѣсь г. Миропольскій прямо признаетъ книгу Водовозова лучшею изъ всѣхъ, до тѣхъ поръ изданныхъ, книгъ для первоначальнаго чтенія. Не приводимъ словъ г. Миропольскаго, такъ какъ ниже намъ придется еще остановиться на подробномъ разборѣ этого труда Водовозова, сдѣланномъ тѣмъ же авторомъ.

Педагогическая критика признала книгу Водовозова полезною не только для народной школы, но и для первоначальнаго обученія въ семьѣ. Авторъ рецензіи на эту книгу въ „Педагогическомъ Листкѣ“, составлявшемъ приложение къ „Дѣтскому Чтенію“, лучшему журналу для юношества (подъ редакціею А. Н. Острогорскаго), говоритъ: „Съ особеннымъ удовольствіемъ привѣтствуемъ мы новый трудъ нашего почтеннаго педагога и, не касаясь значенія этой книги для нашихъ народныхъ школъ, смѣло рекомендуемъ ее каждой матери семейства и каждому начальному классу какой бы то ни было школы. По нашему мнѣнію, это едва ли не самое удачное произведеніе плодовитаго автора. Въ разбираемой нами книгѣ, если и не всѣ, то наибольшая часть разсказовъ подобрана весьма послѣдовательно; въ расположеніи ихъ мы видимъ строго обдуманную систему, основанную не на теоретическихъ только соображеніяхъ, а на дѣйствительномъ практическомъ пониманіи, что нужно дѣтямъ и въ какой именно формѣ

<sup>1)</sup> Она была помѣщена въ болѣе полномъ видѣ въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“, томъ 159, и затѣмъ перепечатана въ „Семь и Школѣ“, въ отдѣлѣ для родителей и воспитателей, 1872 г., томъ I.

предлагаемыя свѣденія могутъ быть легко, ясно и съ интересомъ ими усвоены... Вездѣ рѣчь г. Водовозова дышетъ безъискусственною простотою, строгою правильностью (за рѣдкими исключениями, на которыя мы считаемъ лишнимъ и указывать по изъ незначительности) и удивительною живостью и образностью, нерѣдко доходящею до поэтической красоты, и намъ кажется, что изъ всѣхъ подобныхъ книжекъ ребеночѣ охотнѣе всего будетъ читать именно эту, такъ какъ, кромѣ легкой и вполне доступной формы, она отличается разнообразіемъ и занимательностью содержанія, въ то же время обогащающаго дѣтскій умъ множествомъ практическихъ и развивающихъ свѣденій... Мы смѣло можемъ рекомендовать ее, какъ драгоценное приобрѣтеніе, для семьи и для первыхъ классовъ общеобразовательныхъ училищъ". Относительно „Книги для учителей“ критикъ говоритъ, что она „представляетъ весьма обильный источникъ, изъ котораго каждый можетъ почерпнуть столько, сколько кто можетъ взять; тутъ преподающій найдетъ и пространные образцы катехизаціи, и историческія объясненія статей и отдѣльныхъ предметовъ, и много грамматическихъ упражненій, и основныя правила стихосложенія... и т. д., и т. д.“<sup>1)</sup>

Въ томъ же 1871 г. „Книга для первоначальнаго чтенія“ и „Книга для учителей“ были одобрены особымъ отдѣломъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія „для начальныхъ народныхъ училищъ“. Затѣмъ с.-петербургское педагогическое общество увѣнчало обѣ эти книги денежною преміею имени К. Д. Ушинскаго<sup>2)</sup>. Въ 1872 г. вольно-экономическое общество, по единогласному присужденію комитета грамотности (на основаніи доклада Ѳ. Н. Мѣднѣзова), также единогласно почтило тѣ же сочиненія Водовозова золотою медалью.

Въ 1873 г. книги эти были одобрены учебнымъ комитетомъ при св. синодѣ, на основаніи рецензій г. Миропольскаго<sup>3)</sup>.

<sup>1)</sup> „Педагогическій Листокъ“ 1872 г., № 4, стр. 269—277.

<sup>2)</sup> „Семья и Школа“ 1873 г., № 3. Отдѣлъ для родителей и воспитателей, стр. 269.

<sup>3)</sup> Комитетъ постановилъ: „Книгу для первоначальнаго чтенія“ — „допустить къ употребленію въ духовныхъ училищахъ, въ воскресныхъ школахъ при духовныхъ семинаріяхъ и въ школахъ церковно-приходскихъ, въ качествѣ руководства при обученіи родному языку“, а „Книгу для учителей“ — „рекомендовать учителямъ русскаго языка въ означенныхъ училищахъ и школахъ, особенно же учителямъ приготовительныхъ классовъ при училищахъ, какъ полезное дидактическое руководство при употребленіи поименованной „Книги для первоначальнаго чтенія“ и вообще преподаваніи отечественнаго языка“. Св. синодъ утвердилъ это заключеніе учебнаго комитета и объявлялъ о томъ указами епархіальнымъ архіереямъ. По мнѣнію г. Миропольскаго, въ 157 статей „Книги для первоначальнаго чтенія“ приходится всего 10 рассказовъ

Подробный критическій обзоръ названныхъ сочиненій Водовозова, сдѣланный г. Миропольскимъ, былъ напечатанъ въ „Семьѣ и Школѣ“ 1873 года. Отсылая читателей къ этой статьѣ, гдѣ съ полнымъ безпристрастіемъ разобраны и достоинства, и недостатки „Книги для первоначальнаго чтенія“ и „Книги для учителей“, мы приведемъ изъ нея лишь нѣкоторыя мѣста. Достоинства „Книги для первоначальнаго чтенія“, по словамъ критика, даютъ ей „право на почетное мѣсто въ нашей педагогической литературѣ“. Относительно „богатства и разнообразія содержанія книги“, она „удовлетворяетъ самымъ строгимъ требованіямъ... Идея расположенія учебнаго матеріала... при нѣкоторыхъ недостаткахъ выполненія, представляется оригинальною и вполне педагогическою... Не ограничиваясь составленіемъ собственныхъ статей, вообще мастерски обработанныхъ, составитель даетъ прекрасный выборъ стихотвореній, вполне доступныхъ дѣтскому возрасту, содержательныхъ и потому могущихъ служить не только къ развитію вкуса, но и разумнаго нравственнаго чувства. Благодаря внутренней связи рассказовъ, передъ дѣтьми незамѣтно выясняется связь явленій природы; изучая въ живыхъ и полныхъ интереса рассказахъ трудъ человѣка, учащійся начинаетъ понимать достоинство и цѣль честнаго труда въ жизни... Особенно выдающуюся и вполне общеобразовательную черту книги г. Водовозова составляетъ неподдѣльная любовь къ природѣ, которая проникаетъ всю книгу и сообщаетъ ей привлекательный колоритъ. Что касается вообще концепціи, обработки... лучшихъ статей книги, то онѣ представляютъ замѣчательное явленіе въ литературномъ отношеніи... Вообще въ своихъ рассказахъ для дѣтей г. Водовозовъ необыкновенно мастерски владѣетъ русскою рѣчью, при томъ сохраняя всю мѣткость, силу и картинность чисто народныхъ оборотовъ; онъ пишетъ языкомъ вполне литературнымъ, чистымъ, правильнымъ, отнюдь не вдаваясь въ подражаніе дѣтскому лепету или идіомамъ вульгарной рѣчи поселанина. Читая лучшіе рассказы г. Водовозова..., невольно наслаждаешься ихъ художественной формой... Описанія животныхъ, вообще говоря, у г. Водовозова замѣчательно хороши... Матеріаломъ изъ естественной исторіи авторъ съ опытностью и мастерски пользуется для общаго развитія дитяти... Не вдаваясь въ мелочи и подробности, умѣстныя только въ специальныхъ трудахъ, авторъ въ то же время умѣетъ избѣгать и общихъ фразъ, которыми многіе педагоги и

неудачныхъ и 8 не вполне удачныхъ („Церковная лѣтопись духовной бесѣды“ 1884 г., № 5, стр. 79).

нынѣ еще любятъ набивать дѣтскія головы; составитель беретъ немного фактовъ, но интересныхъ и характеристическихъ, оттого статьи его занимательны, живы, картинны и читаются безъ всякаго утомленія: достоинства для первоначальнаго обученія столько же важныя, сколько и рѣдкія... Описанія мѣстностей и промысловъ у г. Водовозова также отличаются серьезными достоинствами <sup>1)</sup>... Что касается статей историческаго характера, то, за исключеніемъ статьи „Ломоносовъ“, всѣ онѣ прекрасно изложены и обработаны; жаль только, что ихъ сравнительно мало... Разказы общаго содержанія—повѣсти, описанія, игры, за показанными... исключеніями, интересны, живы, занимательны и проникнуты здоровымъ духомъ... Что же касается стихотвореній, то выборъ ихъ, за показанными исключеніями, замѣчательно хорошъ... Вообще книга для чтенія г. Водовозова составлена съ отличнымъ знаніемъ дѣла, опытностью и вполне педагогическимъ тактомъ, такъ что, не смотря на отмѣченные... промахи ея и недостатки, нельзя не пожелать, чтобы она широко привилась нашимъ школамъ...”

„Но книга г. Водовозова,—продолжаетъ г. Миропольскій,—приобрѣтаетъ особенную важность для школы тѣмъ, что въ ней еще приспособлено прекрасное дидактическое руководство для учителей съ подробнымъ изясненіемъ, какъ пользоваться статьями для чтенія цѣлесообразно, вполне педагогически. „Книга для учителей“ сама по себѣ составляетъ капитальное приобретеніе для нашей педагогической литературы. По богатству содержанія, по мастерской обработкѣ, по обилію упражненій, наконецъ по весьма удачной педагогической системѣ развитія даннаго матеріала, книга эта далеко превосходитъ всѣ опыты, предшествовавшіе ей, и бесконечно выше стоитъ книги, напримѣръ, Корфа. Видно, что авторъ не только воспользовался тѣмъ богатымъ матеріаломъ, каковой представляетъ для этой цѣли литература заграничная, но и самъ добросовѣстно работалъ надъ своею задачею... Г. Водовозовъ далекъ отъ мысли видѣть въ учителѣ механическаго подражателя даннымъ образцамъ приемовъ обученія въ книгѣ для учащихся, какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, баронъ Корфъ. Совершенно напротивъ, авторъ разбираемой книги прежде всего имѣетъ въ виду самодѣятельность учителя, и, давая послѣднему массу мате-

<sup>1)</sup> Относительно статей: „Сѣверная полоса“, „Средняя полоса“ и „Южная полоса Россіи и Сибирь“, авторъ критики замѣчаетъ, что въ нихъ „дано слишкомъ много матеріала, названій областей, городовъ и мѣстностей, вообще географической номенклатуры“. Это замѣчаніе не разъ дѣлалъ Водовозову, но онъ обыкновенно отвѣчалъ, что назначаетъ эти статьи не для простаго чтенія, а для изученія карты Россіи.

рѣла и образцы его обработки, онъ только освѣщаетъ тотъ путь, по которому долженъ идти дѣльный наставникъ... Особенно хорошо авторъ изъясняетъ требованія наглядности въ начальномъ обученіи, недостаткомъ чего вообще страдаютъ наши школы... Вообще въ отношеніяхъ своихъ къ учителю г. Водовозовъ является вполне опытнымъ руководителемъ, обладающимъ замѣчательнымъ педагогическимъ тактомъ... Авторъ вездѣ остался вѣренъ *практическому методу*—эта черта составляетъ лучшую сторону книги. При томъ способъ обученія родному языку, каковой разработанъ г. Водовозовымъ, никакое долбленіе, механическое затверживаніе правилъ невозможно. Это также заслуга для школы нашей, гдѣ до сихъ поръ еще гнѣздятся старыя схоластическія приемы. Объясненія автора живы, наглядны, просты, доступны для каждаго — условія, весьма важныя для руководства въ начальномъ обученіи. Наконецъ, что касается научной вѣрности грамматическихъ объясненій автора и правилъ, сообщаемыхъ имъ въ книгѣ для учителей, то въ этомъ отношеніи трудъ г. Водовозова слѣдуетъ признать безукоризненнымъ. Указавъ далѣе на нѣкоторые недостатки „Книги для учителей“, г. Миропольскій въ заключеніе говоритъ: „Итакъ, книги г. Водовозова, обладая несомнѣнно важными педагогическими достоинствами, въ то же время не свободны и отъ нѣкоторыхъ промаховъ, недостатковъ. Тѣмъ не менѣе, сравнивая эти труды съ тѣмъ, что есть у насъ по этой части, нельзя не признать, что они значительно превосходятъ все, что до сихъ поръ появлялось въ этой отрасли нашей педагогической литературы. Недостатки книгъ г. Водовозова легко исправимы и устранимы, а достоинства ихъ таковы, что введеніе сихъ книгъ въ наши школы весьма желательно... Но, во всякомъ случаѣ, и въ настоящемъ своемъ видѣ разсмотрѣнные труды уважаемаго В. И. Водовозова составляютъ весьма цѣнный вкладъ въ нашу педагогическую литературу и важную услугу для нашей начальной школы“<sup>1)</sup>.

Въ 1875 г. „Книга для первоначальнаго чтенія“ вызвала новое поощреніе ея автору: ученый комитетъ министерства государственныхъ имуществъ присудилъ ему золотую медаль въ 300 руб., установленную въ память гр. П. Д. Киселева этимъ министерствомъ. Это было для Водовозова такою же неожиданностью, какъ и медаль отъ вольнаго экономическаго общества, такъ какъ онъ вовсе не представлялъ своихъ книгъ на конурсы въ ученый ко-

<sup>1)</sup> „Семья и Школа“, Отдѣлъ для родителей и воспитателей, 1873 г., №№ 4 и 5, стр. 435—444, 452, 457.

митетъ министерства государственныхъ имуществъ, а на нихъ указали сами члены комитета.

Какъ внутреннія достоинства „Книги для первоначальнаго чтенія“, такъ и сочувственный приѣмъ, оказанный ей въ обществѣ и въ педагогической литературѣ, повели въ тому, что она стала быстро проникать въ народныя школы. Первое изданіе ея вышло въ свѣтъ въ 1871 г. въ 5.000 экз., второе въ 12.000, третье въ 30.000, четвертое изданіе въ 1873 г. уже въ 45.000 экземплярахъ. Послѣдующія изданія печатались по 45.000 экз., а такъ какъ всѣхъ изданій было 17, то, слѣдовательно, „Книга для первоначальнаго чтенія“ разошлась до сихъ поръ въ 677.000 экз. Среднимъ числомъ, это составитъ по 42.300 экз. въ годъ, но въ нѣкоторые годы расходъ книги значительно превысилъ этотъ средний уровень: такъ, въ 1876 г. разошлось 62.780 экз., въ 1877 г.—59.400 <sup>1)</sup>. Только съ появленіемъ этой книги прекратилось то бѣдственное матеріальное положеніе, въ которомъ находился Водовозовъ со времени удаленія его изъ гимназіи въ 1866 г. И послѣ того, какъ Водовозовымъ было издано очень много книгъ, дохода съ нихъ, вслѣдствіе ихъ крайней дешевизны, было бы недостаточно для безбѣднаго существованія съ семьей; извѣстное матеріальное довольство, хотя и далеко не въ томъ размѣрѣ, какъ это казалось нѣкоторымъ, доставилъ лишь значительный успѣхъ „Книги для первоначальнаго чтенія“. „Книга для учителей“ выдержала 5 изданій: въ 1876 году ее разошлось въ годъ 3.800 экз., въ 1877 г.—2.900 экз.

Сгруппировавъ въ одномъ мѣстѣ всѣ необходимыя данныя о „Книгѣ для первоначальнаго чтенія“, —этомъ самомъ выдающемся изъ произведеній Водовозова, котораго одного достаточно, чтобы его имя навсегда осталось въ исторіи русской народной школы, —возвращаемся къ обзору въ хронологическомъ порядкѣ его жизни и сочиненій. Въ 1872 году Водовозовъ издалъ книгу „Древняя русская литература“, отъ начала грамотности до Ломоносова, съ приложеніемъ „Очерка народной литературы“, подъ названіемъ: „По старой памяти, какъ по грамотѣ“ <sup>2)</sup>. Вотъ какой отзывъ объ этой книгѣ находимъ мы въ „Систематическомъ обзорѣ русской народно-учебной литературы“, составленномъ особою коммиссіею комитета грамотности, гдѣ отдѣлъ, посвященный литературѣ, редактировалъ извѣстный преподаватель словесности, В. П. Острогорскій: „Вполнѣ полезная и даже необходимая для вся-

<sup>1)</sup> Въ 1878 году, приготовляя къ печати 12-ое изданіе своей книги, Водовозовъ сдѣлалъ въ ней значительныя измѣненія и дополненія.

<sup>2)</sup> Послѣдній очеркъ, какъ мы уже упоминали, былъ изданъ отдѣльно въ 1870 г.



каго народнаго учителя книга эта назначена авторомъ для чтенія взрослымъ, еще мало подготовленнымъ въ серьезному чтенію, и написана просто и занимательно... Первая часть: „По старой памяти“... особенно отличается доступностью изложенія даже и для самого народа, которому поможетъ вполне осмыслить его собственную литературу въ связи съ жизнью. Вторая часть, по изложенію, нѣсколько серьезнѣе, почему вполне пригодна только для учителя, который можетъ ознакомить съ нею, однако, и народъ, но въ своихъ устныхъ разсказахъ, тѣмъ болѣе, что здѣсь указываются и важнѣйшія событія историческія... Этой книгѣ, какъ единственному и удачному опыту интереснаго изложенія для народныхъ учителей исторіи русской литературы съ обращеніемъ вниманія на бытовую сторону жизни и постепенные успѣхи образованности, желаемъ мы наибольшаго распространенія въ средѣ народныхъ учителей“ (стр. 211)... Однако „Древняя русская литература (также какъ и пользующаяся самою почетною извѣстностью „Новая литература“ и „Словесность въ образцахъ и разборахъ“) не была одобрена ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

Въ 1872 г., съ 15-го іюня по 1-ое августа, Водозовъ руководилъ педагогическими курсами въ Костромѣ. „Желающихъ слушать меня набралось болѣе ста человекъ, — писалъ Водозовъ женѣ, по приѣздѣ въ Кострому, — и будетъ выпускъ по билетамъ; тѣхъ же, которые обязательно слушаютъ курсы, т.е. сельскихъ учителей, не болѣе 45“. „У меня до семидесяти постоянныхъ слушателей, — писалъ Водозовъ опять черезъ нѣсколько дней, — и самъ не знаю, какъ справлюсь съ этой громадой: все прибываютъ еще новые. Слушающіе все почти изъ семинаріи, прошедшіе курсъ философіи и богословія, а также 10 женщинъ изъ монастырской школы, и, какъ водится, очень прилежны“. Скоро при курсахъ была устроена маленькая школа. „Сегодня въ первый разъ, — писалъ Вас. Ив. въ новомъ письмѣ, — преподавалъ образцовые уроки дѣтямъ отъ восьми до двѣнадцати лѣтъ, въ присутствіи около ста слушателей и слушательницъ... У меня лекціи: отъ 9 до 11½ съ дѣтьми, отъ 12 до 2 со взрослыми, а отъ 2 до 3 ч. я предложилъ еще желающимъ заниматься у меня въ комнатѣ опытами по элементарной физикѣ, и желающими озавались всѣ до одного, — однѣхъ дѣвицъ и дамъ, я думаю, человекъ съ тридцать; пришлось всѣхъ раздѣлить на партіи. Кромѣ этого, я читаю еще по четвергамъ публичныя лекціи по педагогикѣ, и уже читалъ одну лекцію о физическомъ воспитаніи; да приходится поправлять каждый день до двадцати и болѣе

сочиненій,—такъ время-то у меня разобрано по ниточкамъ. Мои педагоги все изъ семинаріи, все больше философы, норовятъ въ самыхъ простыхъ вопросахъ тѣнуть пальцемъ въ небо, да я ихъ свожу на землю; теперь всѣ сознаются въ своемъ малознаніи... впрочемъ между ними много очень смѣшленныхъ, и большинство кое-что знало о звуковомъ методѣ, хотя и смѣшивало его съ буквოსлагательнымъ“. Въ одномъ изъ писемъ Водовозовъ говорить: „Я работаю цѣлый день... Вчера, напримѣръ, до двухъ часовъ я занимался въ маленькой школкѣ и съ учителями, потомъ послѣ обѣда читалъ публичную лекцію, на которой было болѣе 200 человекъ народу, потомъ объяснялъ учителямъ магнетизмъ и устройство паровой машины, потомъ пошелъ по соудству въ монастырь показывать обращеніе земли около солнца. Я ввелъ письмо подъ тактъ, которое уже теперь идетъ очень успѣшно, ввелъ занятія ариметикой по методикѣ Евтушевскаго, звуковую методу, наглядное обученіе, отчизновѣденіе и экскурсіи. Послѣ уроковъ идутъ пренія, иногда очень оживленныя... Съ учителями я уже нѣсколько разъ ходилъ на экскурсіи и разъ пилъ съ ними чай въ загородномъ трактирѣ, гдѣ до 12 часовъ ночи они распѣвали мнѣ пѣсни... Они меня очень полюбили и хотятъ на разставаніѣ непременно сняться вмѣстѣ, жертвуя на это послѣдніе гроши (они получаютъ всего 15 руб. въ мѣсяцъ, а квартира и столъ здѣсь стоятъ, самое малое, 12 руб.). Они народъ добрый, все семейный и готовы все высказать нараспашку, но любознательность я замѣтилъ очень у немногихъ“. Въ другомъ письмѣ Водовозовъ писалъ относительно учителей: „У меня есть отъ каждаго подробныя описанія ихъ школъ и жизни... Всѣ ихъ личности на одинъ складъ, вылиты тѣмъ же семинарскимъ воспитаніемъ... Есть люди очень способные, но всѣ съ ограниченными знаніями и безъ особенной охоты научиться чему-нибудь новому. На мои физическія лекціи записались-было всѣ, какъ оказалось, изъ любопытства; но теперь число ихъ значительно поубавилось. Между тѣмъ женщинъ, здѣшнихъ семинаристокъ и учительницъ, все прибываетъ. Не мудрено: учителя забыты и школою, и жизнью“. 19-го іюля Водовозовъ писалъ женѣ: „Въ курсахъ теперь у меня дѣло идетъ довольно успѣшно: я отъ себя почти и не дѣлаю замѣчаній; сами учителя разбираютъ каждаго. Послѣдняя изъ моихъ публичныхъ лекцій будетъ о дѣтскихъ садахъ, и монастыри заготовили мнѣ плетеновъ, работъ изъ гороху и другіе предметы для выставки. Кромѣ того, я устрою выставку разныхъ самодѣльныхъ пособій для школы: тутъ будутъ и мои вещи, и нѣкоторыя, сдѣланныя учителями. Къ сожалѣнію,

учителя мало отъ меня перенимають, хотя и сочувствуютъ всему, что я имъ предлагаю. Я, напримѣръ, не могъ добиться, чтобы они гдѣ-нибудь добыли и приготовили челюсть лошади, коровы и кошки... Что и наготовлено, то сдѣлали учителя здѣшніе — костромскіе — и одинъ сынъ помѣщика, пріѣхавшій ко мнѣ на курсы изъ Чернигова и усердно занимающійся народнымъ образованіемъ“.

Въ предисловіи въ „Книгѣ для учителей“, Водовозовъ, указывая на необходимость для учителя сдѣлать свое преподаваніе возможно болѣе нагляднымъ, между прочимъ говоритъ: „вообще мы предполагаемъ въ преподавателѣ особую страсть чертить, рѣзать, клеить, основанную на постоянномъ стремленіи представить совершенно просто и понятно то, что въ наукѣ кажется хитрымъ и мудренымъ“. Самъ Вас. Иван. былъ въ высочайшей степени надѣленъ этой страстью и былъ чрезвычайно способенъ ко всѣмъ указаннымъ имъ занятіямъ. Но, зная, что далеко не всѣ народные учителя одарены этой способностью, онъ задумалъ придти имъ на помощь. Въ педагогическомъ обществѣ, въ засѣданіи 22-го апрѣля 1872 г., Водовозовъ прочелъ рефератъ „О дешевыхъ пособіяхъ для нагляднаго обученія“<sup>1)</sup>, въ заключеніе котораго предложилъ учредить комиссію, „чтобы пріискивать и обсуждать разные способы нагляднаго обученія, наиболѣе легкіе, наиболѣе дешевые, наименѣе сложные“, и „устроить складъ дешевыхъ пособій“. Хотя нѣсколько лицъ сочувственно отозвалось на это предложеніе, но, кромѣ Водовозова, попробовалъ работать въ этомъ направленіи лишь Е. С. Волковъ<sup>2)</sup>. Само собою разумѣется, что изготовленіе дешевыхъ пособій доставило Водовозову не мало хлопотъ и убытковъ; не для корысти, конечно, оно и было затѣяно.

Передъ курсами въ Костромѣ Водовозовъ основательно обдумывалъ свое будущее на нихъ преподаваніе; въ началѣ іюня

<sup>1)</sup> Стенографическій отчетъ о немъ см. въ „Семьѣ и Школѣ“ 1872 г., № 9, приложенія, стр. 65—76.

<sup>2)</sup> Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1872 г. (№ 141) мы находимъ слѣдующее извѣстіе: „Читателямъ извѣстно, что В. И. Водовозовъ, посвятившій свою дѣятельность на пользу народной школы, представилъ въ педагогическое общество рефератъ о дешевыхъ пособіяхъ. Въ настоящее время, какъ мы слышали, почтенный педагогъ изготовилъ нѣкоторыя изъ этихъ пособій: луну, микроскопъ и циркуль... Луна увеличиваетъ въ пять и болѣе разъ, и стоить 15 копѣекъ. Микроскопъ, изготовленный г. Водовозовымъ, увеличиваетъ въ 20—30 разъ, стоить 30 коп. Циркуль сдѣланъ изъ гусиныхъ перьевъ, весьма удобенъ и дешевъ (5 коп.)“. Затѣмъ Водовозовъ изготовилъ еще теллуриѣ—приборъ для объясненія обращенія земл. Г. Волковъ устроилъ астролябію въ 25 коп. и транспортиръ въ 6 коп.

1872 г., онъ писалъ женѣ изъ Москвы: „по утрамъ часовъ до двухъ przygotowляюсь къ курсамъ, подбираю слова для того, чтобы постепенно знакомить съ буквами: работа египетская... Тутъ я ясно увидѣлъ, какъ несостоятельны всѣ наши азбуки; нѣтъ въ нихъ никакой послѣдовательности, никакой системы, а прибраны буквы и слова на-удачу, какія кому казались вначалѣ болѣе легкими“. Въ томъ же году въ педагогическомъ обществѣ, въ за-сѣданіяхъ 18-го ноября и 2-го декабря, Водовозовъ прочелъ разборъ русскихъ народныхъ азбукъ <sup>1)</sup>. Это изученіе азбукъ, существующихъ въ нашей педагогической литературѣ, было подготовленіемъ къ составленію собственнаго труда, который и появился въ 1873 г. подъ заглавіемъ: „Русская азбука для дѣтей“. Книга эта была особымъ отдѣломъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія *рекомендована* для начальныхъ училищъ. Въ представленной въ комитетъ рецензій, на основаніи которой состоялось это постановленіе, было сказано, что „азбука г. Водовозова должна быть причислена къ числу лучшихъ нашихъ азбукъ какъ по мысли, такъ и по выполненію“. Азбука Водовозова, составленная по способу письмо-чтенія, не вызвала обстоятельнаго разбора въ педагогической литературѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ по выходѣ ея въ свѣтъ, въ коротенькомъ отзывѣ въ „Систематическомъ обзорѣ русской народно-учебной литературы“ было, м. яду прочимъ, сказано: „всматриваясь въ составъ и расположеніе матеріала азбуки г. Водовозова, нельзя не видѣть въ ней подражанія въ очень значительной степени „Родному Слову“ Ушинскаго“. Какъ бы предвидя подобный упрекъ, Водовозовъ въ изданной имъ въ 1875 г. книгѣ „Руководство къ русской азбукѣ“ поясняетъ, въ чемъ заключается отличіе его системы отъ системы упражненій въ наиболѣе употребительныхъ изъ сходныхъ съ его трудомъ азбукъ Ушинскаго, Паульсона и Бунакова. Не имѣя возможности останавливаться на этомъ вопросѣ, какъ слишкомъ спеціальному, мы отсылаемъ интересующихся имъ къ указанному сочиненію; здѣсь замѣтимъ только, что, по словамъ самого Водовозова, при составленіи его азбуки, онъ имѣлъ въ виду „рядомъ съ *заграничными руководствами этого рода* и прекрасный трудъ Ушинскаго“, который „много уяснилъ“ ему его задачу; авторъ признаетъ, что между его „Азбукою“ и „Роднымъ Словомъ“ есть сходство въ расположеніи частей, но, „что касается содержанія, — говоритъ онъ, — то въ нашей азбукѣ есть существенныя отличія“

<sup>1)</sup> См. протоколъ общества въ „Семьѣ и Школѣ“ 1873 г., № 3, Отдѣлъ для родителей и воспитателей.

(„Руководство въ азбуку“, стр. 14). Возвращаясь къ отзыву объ „Азбукѣ“ Водовозова въ „Систематическомъ обзорѣ народно-учебной литературы“, замѣтимъ, что, по словамъ автора рецензіи на эту книгу, выборъ матеріала въ ней „вообще сдѣланъ хорошо“, хотя „есть и промахи, неудачныя статейки“; бесѣдамъ и упражненіямъ недостаетъ, по мнѣнію рецензента, „единства, связности, цѣльности“. Однако общій выводъ тотъ, что „Азбука“ Водовозова, „хотя и не можетъ равняться съ „Роднымъ Словомъ“, однако, принадлежитъ къ дѣльнымъ учебникамъ по обученію чтенію и письму <sup>1)</sup>.

Въ томъ же 1873 г. Водовозовъ издалъ еще другую книгу: „Предметы обученія въ народной школѣ. Методика обученія грамотѣ, ариметикѣ и другимъ предметамъ“ <sup>2)</sup>. Она вызвала рецензію въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ (1873 г., № 246) П—ча, который не вполне сочувственно отнесся къ труду Водовозова, но однако призналъ, что его „книжка доказываетъ близкое знакомство автора съ нашею школою и заключаетъ въ себѣ много весьма полезныхъ педагогическихъ наставленій. У насъ, при теперешнемъ состояніи народной школы, случается не особенно часто видѣть, чтобы учитель ясно сознавалъ тѣ цѣли, которыя ему должно преслѣдовать при обученіи тому или другому предмету, а умѣніе выбрать необходимыя средства, подходящую систему, ведущую къ этой цѣли, встрѣчается еще рѣже. Вотъ съ какою стороны попытка г. Водовозова должна возбудить къ себѣ сочувствіе во всѣхъ интересующихся дѣломъ просвѣщенія въ народѣ“. Рецензентъ отдастъ „полную справедливость „Предметамъ обученія въ народной школѣ“, какъ своду, болѣе или менѣе полному, методическихъ положеній, „подкрѣпленныхъ нерѣдко весьма дѣльными практическими замѣчаніями“, признаетъ, что книга Водовозова „отличается весьма хорошимъ планомъ“, но при всемъ томъ обвиняетъ автора въ „небрежности къ своему произведенію“, полагая, что „иначе никакъ нельзя объяснить ни весьма чувствительныхъ пробѣловъ, встрѣчающихся въ книгѣ, ни нежеланіе автора доводить инныя мысли до конца“... Къ сожа-

<sup>1)</sup> Азбука имѣла три изданія: 1-ое въ 20.000 экз., 2-ое въ 10.000, 3-е въ 10.000.

<sup>2)</sup> Содержаніе этого сочиненія слѣдующее: общія понятія о физическомъ, умственномъ и нравственномъ развитіи ребенка; система бесѣдъ и нагляднаго обученія; общія правила первоначальнаго черченія и рисованія; система первоначальнаго обученія грамотѣ; письменныя упражненія и правописаніе; обученіе чтенію; обученіе славянскому языку; законъ Божій; ариметика; элементарныя свѣденія изъ географіи; пѣніе и гимнастика; классная дисциплина и распредѣленіе занятій (съ планами уроковъ для совмѣстнаго занятія въ трехъ отдѣленіяхъ); списокъ пособій и книгъ.

лѣнію, обвиненіе рецензента слишкомъ плохо подтверждено, и потому не можетъ не казаться голословнымъ. Впрочемъ, въ заключеніе рецензентъ повторяетъ, что книга Водовозова „далеко не бесполезна для народнаго учителя“. Въ „Систематическомъ обзорѣ народно-учебной литературы“ авторъ коротенькаго отзыва объ этой книгѣ признаетъ, что въ „предметахъ обученія“ заключается „много дѣльныхъ и практическихъ замѣтокъ, свойственныхъ талантливому автору, простой, образный языкъ, иногда мѣткія соображенія“, но, по его мнѣнію, „въ цѣломъ, этотъ трудъ далеко не удовлетворяетъ читателя“...

На лѣто 1873 г. Водовозовъ принялъ приглашеніе земства александровскаго уѣзда, владимірской губерніи, руководить педагогическими курсами для сельскихъ учителей. Предсѣдателемъ училищнаго совѣта въ этомъ уѣздѣ былъ богатый фабрикантъ Асафъ Ивановичъ Барановъ, который жертвовалъ значительныя деньги на дѣло народнаго образованія. Въ одномъ изъ писемъ женѣ Водовозовъ писалъ о немъ, что это миллионеръ фабрикантъ, у котораго на бумагопрядильной фабрикѣ близъ Александрова 5.000 рабочихъ. Онъ устроилъ здѣсь около шести школъ и платитъ учителю въ каждой школѣ по 800 руб. <sup>1)</sup> Веденіе курсовъ въ Александровѣ (которые начались, кажется, 20-го іюня) не обошлось безъ нѣкоторыхъ неприяностей для Водовозова, свидѣнія о которыхъ мы заимствуемъ изъ его писемъ женѣ: „Первый мой приступъ здѣсь, — писалъ онъ, — ознаменовался нѣкоторою исторіей. Я, на первой лекціи, желая разузнать учителей, сталъ имъ задавать тѣ и другіе вопросы. Вдругъ одна изъ учительницъ мнѣ замѣчаетъ: „Вы не научно ставите предметъ: человѣка нельзя отличать отъ природы, потому что онъ есть такой же продуктъ ея, какъ и всякое животное“, — а одинъ изъ учителей говоритъ: „Природа не помогаетъ человѣку, а она можетъ быть поставлена въ условія, при которыхъ ея силы дѣйствуютъ сообразно съ желаніемъ человѣка“, и со всѣхъ сторонъ закидали меня словами: природа, социальное-общественный элементъ, послѣдніе физиологическіе выводы, данныя строгой науки, и проч. и проч.“. Указавъ на то, что эти „мудрованія... покажутся здѣсь неумѣстны“, я, — продолжаетъ Водовозовъ, — обратился къ одному изъ учителей съ вопросомъ, какую цѣль онъ предполагаетъ въ объяснительномъ чтеніи. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что цѣль его можетъ состоять въ томъ, чтобы приготовить къ будущей жизни. Послѣ

<sup>1)</sup> Въ другомъ письмѣ Водовозовъ говоритъ о томъ же лицѣ: „во всѣхъ семи устроенныхъ имъ школахъ есть физическіе кабинеты рублей въ семьдесятъ сер. и много другихъ пособій, есть картины для нагляднаго обученія, и проч. и проч.“

лекціи узнаю, что противъ меня поднялась страшная буря, что учителя въ высшей степени недовольны, зачѣмъ я вздумалъ ихъ экзаменовать; мнѣ стороной объяснили, что я смотрю на нихъ какъ на школьниковъ и третирую какъ дѣтей, что они собрались слушать лекцію, какъ дѣльные студенты, а не подвергаться какому-то полицейскому осмотру и т. д. Вечеромъ я пошелъ гулять и, проходя мимо квартиры учителя, который здѣсь считается наиболѣе развитымъ изо всѣхъ и уже раза два заходилъ къ намъ, услышалъ множество голосовъ и не совсѣмъ лестные обо мнѣ толки. Я нисколько не смутился, вошелъ прямо въ квартиру и, встрѣтивъ здѣсь чуть не половину съѣзда, началъ болтать съ учителями, какъ ни въ чемъ не бывало; потомъ понемногу свелъ разговоръ на мою лекцію, выслушалъ нѣкоторыя, довольно рѣзкія, о ней сужденія, объяснился, поспорилъ съ ними, и кончилось тѣмъ, что мы разстались совершенными друзьями. Слѣдующая моя лекція уже была принята довольно сочувственно<sup>1)</sup>. Однако недоразумѣнія не прекратились; вотъ что писалъ по этому поводу Водовозовъ нѣсколько поздѣе: „здѣсь двѣ партіи: одну составляютъ учителя Асафа Ивановича, другую—земскіе. Ты вообрази себѣ, что на провинціи можетъ значить учитель, получающій 800 руб. сер., понюхавшій университетской науки<sup>1)</sup> и въ которомъ родѣ пріятель такого человѣка, какъ Асафъ Ивановичъ,—что онъ можетъ значить посреди другихъ своихъ собратій, имѣющихъ 100, 150 руб. содержанія? И вотъ я долженъ былъ исключительно угождать этимъ учителямъ-аристократамъ, исключительно ими заниматься, во всѣхъ своихъ объясненіяхъ исключительно къ нимъ обращаться, чтобы снискать ихъ благоволеніе. Такой уступки я не могъ сдѣлать ни въ какомъ случаѣ, и, чтобы сохранить свое достоинство, они должны были (по здѣшнимъ понятіямъ) нѣсколько мною negliжировать“. Упомянувъ о томъ, что часть такъ-называемыхъ „университетскихъ“ учителей посѣщала его лекціи и занятія, Водовозовъ продолжаетъ: „Слѣдовательно, ради двухъ-трехъ лицъ мнѣ нужно было себя коверкать. Надо замѣтить, что эти господа имѣютъ своихъ поклонни-

<sup>1)</sup> Въ другомъ письмѣ Водовозовъ упоминаетъ, что „трое изъ преподавателей Асафа Ивановича въ университетѣ были всего одинъ годъ, 4-й былъ одинъ годъ въ медико-хирургической академіи. Изъ кончившихъ курсъ въ университетѣ я здѣсь знаю только двухъ: самого Асафа Ивановича и предсѣдателя уѣздной земской управы, но они оба всегла, когда бываютъ въ Александровѣ, самые внимательные и пріятные слушатели моихъ лекцій... Но кромѣ нихъ („университетскихъ“ учителей, у меня есть еще до 20 слушателей. Это ужъ совсѣмъ простой народъ, скромный настолько, насколько скромны семинаристы, получающій 120 руб. въ годъ жалованья: это—земскіе“.

вовъ и между земскими; но теперь я все болѣе дружусь съ остальными учителями, и моя аудиторія постоянно полна, хотя трое изъ барановскихъ устраиваютъ дѣло такъ, что придуть на лекцію въ Гольденбергу <sup>1)</sup> и уходить, когда начнется моя лекція... Изъ женщинъ на курсахъ у меня теперь очень старательно занимаются нѣсколько учительницъ изъ здѣшняго пріюта. Есть и посторонніе слушатели... У меня опять много дѣла съ отъѣздомъ Гольденберга. Я буду заниматься уже по три часа въ день, и теперь по обычаю завелъ у себя мастерскую, приготовилъ очень удачно электрофоръ, призму и проч. Во всякомъ случаѣ я съ недѣлю здѣсь еще навѣрно останусь, а можетъ быть и болѣе“...

Около половины іюля Водозововъ оставилъ Александровъ. За руководство этими курсами Водозововъ взялъ только 200 р., т.-е. вѣроятно то, что онъ истратилъ на проѣздъ и житье въ Александровѣ.

Около 1-го сентября 1873 г. Водозововъ отправился за границу, и вернулся лишь въ половинѣ ноября. Прежде всего онъ проѣхалъ въ Вѣну на всемірную выставку, затѣмъ былъ въ Дрезденѣ, въ Гальберштадтѣ (у извѣстнаго педагога Кера); оттуда черезъ Вѣну онъ направился въ Италію: былъ въ Венеціи, Флоренціи, Римѣ и Неаполѣ. Посѣщая выставку въ Вѣнѣ, народныя гулянья, музеи, замѣчательныя зданія, Водозововъ большинство своего времени отдавалъ изученію педагогической литературы и посѣщенію школъ. Это вызвало множество интересныхъ замѣтокъ въ его нисѣмахъ въ женѣ, извлеченія изъ которыхъ мы считаемъ необходимымъ здѣсь привести: онѣ любопытны и сами по себѣ, и какъ матеріалъ для полной характеристики педагогическихъ взглядовъ Водозова.

Описывая вѣнскую всемірную выставку, Водозововъ говоритъ: „педагогическіе отдѣлы я осмотрѣлъ съ полнымъ вниманіемъ, и нашелъ кое-что замѣчательнаго въ американской и шведской школахъ: въ нѣмецкомъ отдѣлѣ тѣ же пособія, какія найдешь и у насъ въ военномъ музеѣ“ (въ Солянномъ-Городѣ). Въ другой разъ Водозововъ писалъ: „У меня теперь много работы: я пересматриваю и записываю книги, помѣщенные въ разныхъ германскихъ педагогическихъ отдѣлахъ... Книгъ по первоначальному обученію порядочное количество: въ каждомъ изъ отдѣленій есть особая маленькая бібліотека. Я уже пересмотрѣлъ ихъ до 200 и цѣлыя часы просидѣлъ въ американскомъ педагогическомъ отдѣлѣ... Ну, скажи на милость, гдѣ придется найти со-

<sup>1)</sup> Другой руководитель курсовъ—по математикѣ.



браніе американскихъ книгъ; нельзя же оставить ихъ безъ вниманія... Въ зданіи американской школы я нашелъ всего одну книгу— книгу для чтенія Франклина, употребляемую въ школахъ, принялся ее просматривать и прочиталъ одну книгу во все время выставки: такъ она любопытна и оригинальна. И еще зайду, чтобы сдѣлать изъ нея выписки. Нѣмецкія же книги для чтенія чрезвычайно плохи: право, наши несравненно лучше, не исключая Корфа. Системы въ нихъ никакой, Паульсоновская мораль и сентиментальность“ ... „Вчера и сегодня битыхъ пять часовъ, не сходя съ мѣста, работалъ я въ американскомъ отдѣлѣ,— читаемъ въ слѣдующемъ письмѣ: — ...Хороши особенно пособия по географіи и естественной исторіи, вездѣ картинки, сдѣланныя чрезвычайно отчетливо и красиво; есть и азбуки, хорошо приуроченныя къ дѣтскому возрасту... Замѣчательнѣе книги для болѣе старшаго возраста: въ нихъ искусно подобраны болѣею частью отрывки изъ ораторскихъ рѣчей, въ которыхъ разрабатываются всевозможные политическіе вопросы: тутъ есть рѣчи всѣхъ извѣстнѣйшихъ ораторовъ Англій и Америки. Отрывки взяты самыя простыя и удобопонятныя, и въ которыхъ сущность вопроса выясняется преимущественно съ общечеловѣческой точки зрѣнія, такъ что, помимо мѣстнаго интереса, они имѣютъ и общее воспитательное значеніе. Наглядность, отчетливость, простота въ научныхъ изданіяхъ удивительны“. Будучи въ Вѣнѣ нѣсколько позднѣе, проѣздомъ въ Италію, Водовозовъ занялся на выставкѣ преимущественно нѣмецкими учебными книгами. „Кромѣ того, что видѣлъ прежде, — писалъ онъ, — ничего не нашелъ. Есть 10 книгъ по моей части—дѣйствительно хорошихъ, остальное—хламъ... Самое богатое собраніе книгъ для чтенія— въ берлинскомъ отдѣлѣ; но что это за мизерность: такъ во всемъ и проглядываетъ, что составляли официальные педагоги. И замѣчательно, что во всѣхъ книгахъ одно и то же: заимствуютъ одинъ у другого—совершенно какъ у насъ. На первомъ мѣстѣ религія и нравовученіе, потомъ нравоучительныя повѣсти какого-нибудь Круммахера, далѣе статьи о Фридрихѣ Великомъ, о битвахъ съ французами, чувствительныя изображенія природы и нѣсколько тощихъ статей о слонѣ, о верблюдахъ — вотъ и все. Порядочныхъ хрестоматій найдется двѣ-три—не больше. По географіи, исторіи, естественной исторіи—болѣею частью самое мертвое и сухое изложеніе фактовъ, и притомъ иная крошечная книга такъ набита фактами, что развѣ одна нѣмецкая голова можетъ вмѣстить все это... Народная школа въ Германіи слиш-

вомъ долго находилась подъ вліяніемъ консерваторовъ и поповъ, чтобы избавиться отъ рутинны“.

Нѣмецкія школы произвели на Водовозова, въ большинствѣ случаевъ, неблагоприятное впечатлѣніе. Въ концѣ сентября онъ писалъ изъ Дрездена: „Исполняю свой долгъ, посѣщаю школы, а по правдѣ сказать и въ школахъ-то смотрѣть нечего. Я обратился къ извѣстному здѣшнему писателю и педагогу Петерману, директору одной изъ народныхъ пятиклассныхъ школъ... Былъ я на преподаваніи чтенія, письма, географіи. Дѣло шло не лучше, какъ и у насъ грѣшныхъ. Дѣти, правда, вымуштрованы и чрезвычайно внимательны, но что за жалкіе приемы у учителей, что за сущь смертная. Самъ директоръ велъ урокъ географіи, и представьте себѣ: въ продолженіе цѣлаго часа я ничего не слышалъ, кромѣ названій городовъ и чисель (числа жителей): все это дѣти задоубили безъ всякихъ статистическихъ сравненій и выводовъ — ну, географія Ободовскаго или еще хуже: во всемъ чистѣйшая, мертвая номенклатура. Только одно грѣніе поставлено превосходно, да уроки нѣмецкаго языка шли довольно живо“. На слѣдующій день Водовозовъ писалъ: „Видѣлъ я уже три школы: внѣшнее устройство отличное, учителя попадались очень хорошіе: по крайней мѣрѣ можно сказать, что всѣ они выведены въ одну струнку и всѣ добросовѣстно ведутъ свое дѣло. Но далеко не то, чего я ожидалъ. Методъ обученія грамотѣ устарѣлый: наши авбуки Главинскаго и Столпянскаго не хуже здѣшнихъ... Просто жалость смотрѣть, какъ тратятъ превосходныя педагогическія силы на одну пустую дрессировку. Здѣсь все вниманіе обращено не на содержаніе знанія, а на одну формальную сторону: и дѣйствительно, эта сторона доведена до необыкновеннаго совершенства. 60 человѣкъ дѣтей въ классѣ — и всѣ внимательны, всѣ заняты, всѣ каждую минуту готовы къ отвѣту... Нѣтъ, хорошаго и здѣсь надо искать и собирать по крупинкамъ. Что мнѣ особенно понравилось, такъ это здѣшняя гимнастика: особыя великолѣпныя залы, — и что только дѣти въ нихъ выдѣлываютъ — просто поразительно“. 2-го октября Водовозовъ писалъ: „Сегодня я ѣду въ Гальберштадтъ къ Керу... Отсюда, изъ Дрездена, я ничего не вынесъ, просидѣвъ цѣлую недѣлю въ школахъ: вездѣ одно и то же... Ну, хваленныя саксонскія школы!.. въ классѣ естественной исторіи учитель все толкуетъ и о составѣ соли, о сѣрной кислотѣ, и о различіи мѣди и золота. Дѣти отвѣчаютъ бойко, живо, но вижу, что все это дѣло памяти и необычайнаго вниманія, какія здѣсь найдешь у самаго неспособнаго. — „Я думаю, — замѣтилъ я, — что естественная исторія имѣетъ тогда значеніе,

когда приучаетъ дѣтей къ наблюденію, а учащіеся говорили только съ вашихъ словъ, вовсе не наблюдая предметовъ, о которыхъ шла рѣчь“. — „Это (т.-е. показываніе предметовъ) относится не сюда, а къ наглядному обученію, — отвѣчалъ учитель: — наглядное же обученіе проходятъ въ первомъ классѣ“.

Въ Гальберштадтѣ Водозовъ познакомился съ извѣстнымъ нѣмецкимъ педагогомъ Керомъ. „Добрый, дѣловой нѣмецъ, — писалъ о немъ Водозовъ; — просидѣлъ я утро въ школѣ и слушалъ его собственныя лекціи, читанныя учителямъ, а остальное время все перечитывалъ его книги... До сихъ поръ новаго нашелъ я мало. Школа при семинаріи устроена лучше, чѣмъ саксонскія; муштровка великолѣпная. Но въ преподаваніи не все мнѣ понравилось“. О методикѣ Кера Водозовъ отзывается неодобрительно: по его мнѣнію, „только отдѣлъ о классной дисциплинѣ превосходно разработанъ, а то всеобщія разсужденія безъ прямыхъ практическихъ указаній, — ученныя подраздѣленія, основанныя на отвлеченныхъ логическихъ категоріяхъ. Самыя важныя отдѣлы: о наглядномъ обученіи, о группировкѣ понятій, о системѣ при обученіи письму и чтенію — совсѣмъ schwach“. — „Ты спросишь: что же я вынесъ отъ Кера? — писалъ Водозовъ въ другомъ письмѣ. — Я познакомился здѣсь вполнѣ съ нѣмецкими классными порядками. Учитель не сходитъ съ мѣста, чтобы ученики могли прямо смотрѣть на него, не поворачивая глазъ изъ стороны въ сторону. Ноги у него ровно сложены, руки всегда на столѣ. Чуть учитель замѣтилъ малѣйшее колебаніе головы и туловища у нѣсколькихъ, какъ командуетъ: „Классъ! встать!“ — „Классъ! садитесь! Ноги вмѣстѣ, руки сложить на столѣ, смотрѣть на меня!“.. и глядишь, весь классъ опять выровнялся въ струнку. У Кера занятія идутъ довольно разнообразно: въ продолженіе часа и поютъ, и бесѣдуютъ о предметѣ, и разбираютъ звуки, и пишутъ, и учитель говоритъ по поводу того же предмета стихи или какую-нибудь маленькую повѣсть. Все распределено съ точностью, на каждое занятіе не бываетъ употреблено ни одной лишней минуты, и, пришедши въ классъ въ извѣстное время, уже знаешь, чѣмъ занимаются... Тамъ, гдѣ послѣ объясненій дается опредѣленное знаніе, напримѣръ: „Гуаны пришли изъ Азіи“, ученики очень согласно повторяютъ это хоромъ. При наглядномъ обученіи точно также учитель, показывая на картину, спроситъ: отвѣтитъ одинъ, другой, и потомъ при словѣ: „Classe!“ всѣ поютъ: „Это осель!“ Чтобы сократить время, большая часть обращеній къ цѣлому классу дѣлается безъ словъ, знаками. Работаютъ здѣсь учителя съ 7 утра до 6 вечера: пре-

подаваніе въ классахъ... уроки педагогики, уроки пѣнія, конференціи—все это повторяется ежедневно. И самъ Керъ работаетъ не меньше, получая лишь 1.500 талеровъ жалованья... Содержаніе преподаваемыхъ предметовъ и здѣсь довольно сухо. Иной разъ брала просто зѣвота: такъ и хотѣлось бы подсказать учителю, что дѣлать. Изобрѣтательности, самостоятельной силы никакой: все исправлено, выровнено, заучено. Азбука, какъ я уже говорилъ, преподается довольно разнообразно, но слушаешь разъ, другой — и слушать нечего: все идетъ не далѣе книги, хотя по книгѣ все исполняется превосходно. Зашелъ я въ классъ къ учителю естественной исторіи, который, по здѣшнему обычаю, даже безъ картинъ, объяснялъ различіе лошади и коровы. Дѣло шло вяло и несладко. Вслѣдъ за мной тотчасъ явился старшій изъ учителей, помощникъ Кера, постоялъ, послушалъ, сильно морща лобъ и сжимая губы, наконецъ, безъ церемоній, прогналъ учителя съ кафедрой и крикнулъ самъ: „Classe auf! живо!.. Classe sitzen! что ѣсть лошадь? Классъ живо! всѣ вмѣстѣ живо: „лошадь ѣсть сѣно“. Живо: что ѣсть собака? Собака ѣсть мясо. Всѣ разомъ живо: „Собака ѣсть мясо!“ Дѣло, въ самомъ дѣлѣ, пошло чрезвычайно живо, но послѣ этого урока я уже болѣе не заходилъ въ классъ естественной исторіи. Вотъ поэтому меня и теперь беретъ дрожь, когда подумаю, что и здѣсь придется слышать: „Classe auf! Classe sitzen!“ Результатъ—что для самаго метода преподаванія разныхъ предметовъ я до сихъ поръ не выкопалъ здѣсь ни крупинки“.

Поѣздка въ Бременъ къ Любену не состоялась, такъ какъ отъ Кера Водозововъ узналъ, что Любенъ боленъ и не занимается въ семинаріи. Керъ посоветовалъ Водозовову посмотреть школу въ Лейпцигѣ, и тамошнее преподаваніе произвело на него гораздо болѣе благопріятное впечатлѣніе; вотъ что писалъ онъ изъ этого города: „Я посѣтилъ нѣсколько школъ въ Лейпцигѣ, и, къ удивленію, не встрѣтилъ здѣсь той муштровки, какъ въ другихъ мѣстахъ, хотя въ классѣ вездѣ соблюдался отличный порядокъ. Учителя здѣсь очень развитые и порядочные люди... Здѣсь въ первый разъ встрѣтилъ я настоящее наглядное обученіе. Въ маленькомъ классѣ учитель такъ прелестно и свободно бесѣдовалъ съ дѣтьми, что нельзя было заслушаться. Бесѣда шла о бумажномъ змѣѣ, и цѣлыхъ три настоящихъ бумажныхъ змѣя были выставлены передъ классомъ. Толковали и объ устройствѣ змѣя, о частяхъ его, и о погодѣ, о разныхъ вѣтрахъ, причемъ учитель очень легко, часто съ помощью шутокъ, которыя чрезвычайно оживляли дѣтей, приводилъ къ серьезнымъ вопросамъ.“

При этомъ онъ говорилъ имъ стишки, пѣлъ съ ними хорошенькую пѣсню о змѣѣ, сравнивали змѣй съ воздушнымъ шаромъ, который за два дня передъ тѣмъ пускали въ Лейпцигъ, и проч. Учитель этотъ страстно любитъ дѣтей и изучилъ ихъ превосходно“. Онъ „получаетъ 600 талеровъ въ годъ, а частные уроки даетъ за 50, много за 75 коп., и между тѣмъ, сколько я могъ судить изъ разговора, по своему образованію и развитію не уступить первѣйшему изъ нашихъ записныхъ педагоговъ. Вообще въ этой школѣ учителя чрезвычайно самостоятельно работаютъ; въ третьемъ классѣ, при объясненіи отчизновѣденія, гдѣ рѣчь шла о Саксоніи, учитель показывалъ имъ самимъ превосходно нарисованную карту Саксоніи, въ саженъ величиною, и другое рельефное изображеніе страны, сдѣланное изъ глины. Онъ толковалъ не о рѣкахъ и мѣстечкахъ, а давалъ общія рѣзкія характеристики разныхъ мѣстностей и особенно указывалъ на то, какое вліяніе имѣетъ природа данной мѣстности на нравы и образъ жизни народа,—все это чрезвычайно просто и наглядно“.

Изъ Лейпцига Водовозовъ возвратился опять въ Вѣну и оттуда, между прочимъ, писалъ женѣ о тѣлесныхъ наказаніяхъ въ нѣмецкихъ школахъ: „Въ Германіи они (тѣлесныя наказанія) въ извѣстной мѣрѣ дозволены, но это дозволеніе, какъ я лично убѣдился, ведетъ къ тому, что учителя пользуются имъ безъ всякой мѣры. Однимъ изъ отличныхъ средствъ служить камышевка, которую всякій учитель имѣетъ въ рукахъ для указаній. Даже въ классахъ порядочнаго учителя постоянно встрѣчалъ я такую операцію: толкуетъ учитель о томъ и о другомъ, указывая на карты, на картины, вдругъ выдвинется и въ видѣ указанія хлещетъ невнимательнаго по руцѣ, и очень чувствительно. Такъ какъ учащіеся должны постоянно держать руки сложенными на столѣ, то это чрезвычайно удобно. Второе: учитель вдругъ останавливается, приближается къ виновному:—Was ist das?—затѣмъ краткая пауза.—Du, Dummkopf—и среди мертвой тишины слышится затрецина, которую учитель даетъ по затылку или по уху. Дранье за волосы, за уши также очень обыкновенно. А одинъ учитель даже оттаскалъ при мнѣ маленькую дѣвочку за щеку... Дѣвочка была прехорошенькая, и щечки были у нея такія полныя и румяныя; взялъ онъ двумя пальцами за щеку—и давай таскать во всю челюсть. Дѣти къ этому привычны, и реву я ни разу не слышалъ. Учителя не только не стыдятся такихъ операцій, но нѣкоторые при мнѣ даже съ особеннымъ рвеніемъ показывали, какъ они караютъ строптивыхъ. Одинъ добродушный толстякъ осматривалъ вмѣстѣ со мною на каедрѣ упражненія

въ письмѣ, которыя дѣти одинъ за другимъ приносили, и давалъ чуть не каждому, въ видѣ легкаго поощренія, хлопокъ по щекѣ или подшлепокъ по задней части головы... Но одинъ изъ учениковъ написалъ худо. Учитель вдругъ откинулъ голову, взглянулъ на него свирѣпо и грознымъ голосомъ сказалъ: „Хочешь ты, чтобы я показалъ господину гостю, какъ у насъ справляются съ такими лѣнивцами? А вотъ какъ!“—и началъ его усердно возить за ухо. Потомъ смягчился и, отдавая тетрадь, уже съ дружескимъ подшлепкомъ по затылку, сказалъ: „Ну, ступай на мѣсто“. Все это дѣлалось мимоходомъ, быстро, какъ по заведенному порядку. Кто не отвѣтитъ, заставляютъ также стоять въ классѣ или оставаться нѣсколько времени послѣ урока. Но у лейпцигскихъ учителей, о которыхъ я тебѣ писалъ, я ничего подобнаго не замѣтилъ“.

Пробывъ въ Вѣнѣ недолго, Водовозовъ отправился въ Италию; но его надежды узнать тамъ много любопытнаго не оправдались; напротивъ, то, что онъ видѣлъ во Флоренціи, оставило еще болѣе тяжелое впечатлѣніе, чѣмъ нѣмецкія школы. Водовозовъ имѣлъ рекомендательныя письма и въ Римъ, но наткнулся тамъ на такую массу формальностей для того, чтобы проникнуть въ школы, что, если не ошибаемся, оставилъ это намѣреніе; къ тому же флорентійскій опытъ и не позволялъ ожидать чего-нибудь добраго. Побывавъ въ Неаполѣ, онъ возвратился въ Россію.

Въ концѣ 1873 или въ началѣ 1874 г. Водовозовъ издалъ новую книгу, подъ заглавіемъ: „Элементарные рассказы изъ физики и химіи для народныхъ учителей“<sup>1)</sup>. Мы видѣли, что элементарною физикою авторъ занимался очень много и между прочимъ дѣлалъ рядъ опытовъ на руководимыхъ имъ съѣздахъ учителей. Онъ занимался и химическими опытами, но, не имѣя для этого настоящей лабораторіи, долженъ былъ ограничиваться почти исключительно книжнымъ изученіемъ этой науки, а это было нелегко для человѣка, не прошедшаго хорошей естественно-научной школы. Нельзя поэтому не признать неудачною мыслью взяться за рассказы по химіи, и къ книгѣ этой педагогическая критика имѣла основаніе отнести весьма строго. Недостатки книги Водовозова произошли не отъ небрежности съ его стороны, а, во-первыхъ, какъ уже было замѣчено, оттого, что ему не случилось пройти необходимой для этого школы, и, во-вторыхъ, отчасти оттого, что въ интересахъ возможно ббльшей популярности

<sup>1)</sup> Они первоначально печатались въ приложеніи къ „Народной Школѣ“ 1872—1873 годовъ.

заци онъ допускалъ иногда слишкѣмъ большія неточности. Вообще, въ концѣ концовъ, слѣдуетъ признать, что рассказы по физикѣ хотя и не чужды нѣкоторыхъ недостатковъ, но вообще составлены весьма недурно, рассказы же изъ химіи малоудовлетворительны.

Еще лѣтомъ 1873 г. атаманъ оренбургскаго казачьяго войска обратился къ Водовозову съ предложеніемъ, чтобы онъ пріѣхалъ въ Оренбургъ руководить учительскимъ съѣздомъ. „Школьное дѣло у насъ въ войскѣ,—писалъ г. Бобарыкинъ,—начато въ довольно широкомъ размѣрѣ... Въ войскѣ на 250.000 жителей обоего пола имѣется до 450 школъ (около 9—10 тысячъ учащихся)... Учителя наши частью свои казаки, частью семинаристы. Женскихъ школъ около четвертой части, и онѣ идутъ вообще лучше мужскихъ... Учительницы собираются вмѣстѣ съ учителями на съѣздахъ по своимъ отдѣламъ (отдѣлъ—это подраздѣленіе войска). Сборы, напр., въ этомъ году назначены въ шести различныхъ пунктахъ подѣ наблюдениемъ разныхъ лицъ“. Узнавъ, что Водовозовъ не можетъ пріѣхать въ Оренбургъ въ этомъ году, такъ какъ взялся руководить курсами въ Александровѣ, г. Бобарыкинъ просилъ его пріѣхать хотя бы въ будущемъ году, на что тотъ и согласился.

Курсы эти начались 16-го мая 1874 г. Пріѣхавъ въ Оренбургъ, Водовозовъ писалъ женѣ: „Здѣсь до 30-ти разныхъ училищъ, да народныхъ школъ въ оренбургской губерніи до 400; обучение обязательное: атаманъ приказалъ, и кончено. Здѣсь, вмѣсто попечителя или инспектора, атаманъ Мясоѣдовъ, добродушнѣйшій генералъ... а дѣйствуетъ чрезвычайно энергически. Мнѣ приводили образцы его увѣщаній къ казакамъ: „Стори ваше село, провались сквозь землю, а чтобъ ваша школа стояла на мѣстѣ“. Мнѣ здѣсь только читать лекціи,—продолжаетъ Водовозовъ,—и ни о чемъ больше не заботиться: къ моимъ услугамъ урядникъ, который вчера явился ко мнѣ на вытяжку и дрожащимъ голосомъ сказалъ: „честь имѣю явиться по приказу его превосходительства въ вашему превосходительству“; съ нимъ 4 казака, да „перламѣнтъ“ (какъ выразился Мясоѣдовъ) изъ трехъ дежурныхъ учителей. Учителя все казаки, есть одинъ татаринъ, два попа, и проч. Учительницъ очень много; нѣкоторыя пріѣхали изъ-за 1000 верстъ. Какъ мнѣ показалось, здѣсь все народъ очень добродушный и готовый къ услугамъ“. Черезъ недѣлю по открытіи курсовъ, Водовозовъ писалъ: „Дѣлъ у меня куча. Утромъ въ 9 часовъ ужъ я на лекціи, до 2 читаю, съ промежуткомъ 10—15 минутъ; потомъ, едва успѣю пообѣдать въ 5 часовъ, опять лекціи до 7. Слушателей и слушательницъ у меня до 200 человекъ;

зала всегда полна, и лекціи, при томъ вниманіи, какое мнѣ здѣсь оказываютъ, какъ мнѣ кажется, мнѣ удаются... Дѣвицъ набирается толпа... дамы устраиваютъ здѣсь школы, пріюты, и проч., и каждый день знакомятъ меня съ новыми лицами, требующими отъ меня наставленій, совѣтовъ и т. д. Но я все откладываю, потому что дѣла до варъзу. О лекціяхъ моихъ можно много бы писать, но скажу вкратцѣ. Начались онѣ довольно торжественно. Былъ Бобарыкинъ и всѣ власти. Священникъ служилъ молебень и говорилъ рѣчь. Онъ указалъ на заслуги губернатора, который двинулъ все это дѣло впередъ. „И вотъ, не довольствуясь попеченіемъ о ввѣренной ему дѣлѣ, устраиваетъ онъ педагогическіе курсы, призывая на служеніе благого дѣла почтеннѣйшаго инспектора школъ... И, наконецъ, нынѣ по его почину пріѣзжаетъ къ намъ изъ Петербурга знаменитѣйшій педагогъ“ и т. д. „Но,—заключилъ священникъ,—школа призвана на служеніе Господу, что выразилъ и Государь Императоръ въ своемъ рескриптѣ, поручивъ дворянству то дѣло, которое прежде было ввѣрено духовенству, и она должна опасаться гегелевской ереси, этого пагубнаго субтитанизма“ (sic)... Учителя подають мнѣ сочиненія, часто довольно безграмотныя, — продолжаетъ Водовозовъ,—но на первый разъ я имѣю цѣлью ближе съ ними ознакомиться. Есть, впрочемъ, между ними и довольно способные: изъ 45 человѣкъ съ десятокъ наберется даже отличныхъ“. Среди занятій по курсамъ Водовозовъ находилъ время посѣщать нѣкоторые пріюты и школы въ Оренбургѣ и вообще нашелъ, что тамъ „просвѣщеніе двигается довольно живо“. Черезъ двѣ недѣли послѣ открытія курсовъ онъ писалъ: „лекціи таки порядочно меня утомляютъ: вѣдь барабану семь часовъ въ день, да еще сколько приготовленій; одно дѣланье пособій чего стоитъ! Здѣсь, сверхъ ожиданія, работаютъ чрезвычайно прилежно. Семейство генеральши Н., сама съ тремя дочерьми завели у себя цѣлую мастерскую и подѣлали сами своими руками всѣ мои пособія... Зала у меня всегда такъ полна, что становится жарко какъ въ Сахарѣ. Это меня поощряетъ, и я обрѣлъ здѣсь такое краснорѣчіе, что иногда даже самъ удивляюсь. Но работы, работы куча.. Избранные мои учителя работаютъ, дѣзутъ вонъ изъ кожи, но, по правдѣ сказать, большая часть изъ нихъ крайне плохи: безграмотность страшная... Есть, однако, нѣсколько и очень способныхъ (между учительницами больше...) Теперь я началъ преподавать въ школѣ; дѣвочки попались очень способныя, и дѣло идетъ довольно живо“. Въ другомъ письмѣ Водовозовъ сообщаетъ: „Число посѣтителей у меня все увеличивается. Сегодня самъ



Бобарыкинъ съ женою принимали участіе въ преніяхъ вмѣстѣ съ учителями: обсуждались лекціи, данныя двумя учителями“. Нѣсколько позднѣе Водовозовъ писалъ, что начальство упрасиваетъ его пріѣхать и на слѣдующій годъ, и затѣмъ продолжаетъ: „Вчера я устроилъ прогулку за Ураломъ; собралось до ста человекъ, да много мѣшалъ намъ дождь и сильный порывистый вѣтеръ... Занимались мы ботаникой въ затѣ загороднаго гулянья. Н. опять сдѣлали отличную астролябію, и мы мѣрили ширину залы“. „Здѣсь вообще народъ славный, усердный, только, къ сожалѣнію, мало подготовленный. Школъ открыто множество, ученіе введено обязательное, а учителя какіе попали“. Этому, впрочемъ, нельзя и удивляться при томъ ничтожномъ вознагражденіи, которое они получаютъ: были учительницы, получавшія всего 30 руб. въ годъ. Жизнь въ Оренбургѣ, благодаря общему вниманію, радушію и любезности, а также и старательности учителей и учительницъ, оставила въ Водовозовѣ самое пріятное впечатлѣніе. Занятія съ учителями завершились въ концѣ іюня мѣсяца, и 1-го іюля онъ выѣхалъ изъ Оренбурга.

Доѣхавъ до Самары сухимъ путемъ, В. И. спустился на пароходъ внизъ по Волгѣ до Астрахани, причемъ не только успѣвалъ много бесѣдовать съ народомъ, но даже, со свойственнымъ ему умѣніемъ работать при всякой обстановкѣ, написалъ тутъ же на пароходѣ статью о Волгѣ для второй части своей „Книги для первоначальнаго чтенія“. Ради той же книги онъ задумалъ посѣтить Малороссію: 18-го іюля былъ уже въ Харьковѣ, затѣмъ въ Полтавѣ, и тутъ, живя на хуторѣ, успѣлъ написать нѣсколько статей для своего труда. Въ первыхъ числахъ августа Водовозовъ пріѣхалъ въ Кіевъ и присутствовалъ здѣсь на засѣданіяхъ археологическаго съѣзда, продолжая въ то же время работать надъ своею книгою.

## IX.

Рефератъ въ педагогическомъ обществѣ: „По поводу вліянія нѣмецкой педагогики на наши школы“. — „Руководство къ русской азбуцѣ“. — Вторая часть „Книги для первоначальнаго чтенія“ и послѣдніе литературно-педагогическіе труды.

Осенью 1874 г. въ „Отечественныхъ Запискахъ“ появилась извѣстная статья гр. Л. Н. Толстого „О народномъ образованіи“, составляющая посланіе автора къ предѣдателю московскаго комитета грамотности. Она вызвана была неудачнымъ исходомъ испытанія въ Москвѣ пріемовъ обученія грамотѣ гр. Толстого сравни-

тельно съ звуковымъ методомъ <sup>1)</sup>. Статья посвящена рѣзкой критикѣ новыхъ методовъ элементарнаго обученія, представителями которыхъ гр. Толстой избралъ для своихъ нападокъ Евтушевскаго и Бунакова. По мнѣнiю автора, курсъ народной школы долженъ ограничиваться обученiемъ счету и русской и славянской грамотѣ. Въ концѣ статьи авторъ рѣзко нападаетъ на земскія школы, обвиняетъ училищные совѣты въ томъ, что они не благоволятъ въ учителямъ изъ церковнослужителей, между тѣмъ какъ, по мнѣнiю автора, одно изъ главныхъ соображенiй, которыми слѣдуетъ руководствоваться въ этомъ случаѣ земству, должно состоять въ томъ, чтобы „учитель былъ какъ можно дешевле“. По проекту автора, въ большинствѣ школъ учителя могутъ быть таковы, что имъ возможно положить жалованья по 2 руб. въ мѣсяцъ, затѣмъ слѣдуютъ школы съ вознагражденiемъ учителю по 5 руб. и лишь незначительное количество—съ жалованьемъ по 20 руб. въ мѣсяцъ. Защищать эту положительную часть проекта гр. Толстого отказывались даже весьма усердные поклонники его педагогическихъ взглядовъ. Статья гр. Толстого уже принесла и, мы увѣрены, принесетъ еще впредь не мало вреда; она пришла очень на руку всѣмъ тѣмъ, кому не по душѣ новыя земскія школы, громадная заслуга которыхъ въ дѣлѣ народнаго образованiя вѣдъ всякихъ сомнѣнiй; а теперь, когда извѣстная партiя въ земствѣ стремится къ тому, чтобы земскія школы совершенно замѣнить церковно-приходскими, статья гр. Толстого, перепечатанная въ XII томѣ собранiя его сочиненiй, послужить оправдательнымъ документомъ.

Статья гр. Толстого вызвала большой шумъ и въ журналистикѣ, и въ педагогическомъ мiрѣ. Въ педагогическомъ собранiи противъ нея выступилъ г. Евтушевскiй <sup>2)</sup>, а противникомъ послѣдняго явился г. Страннолюбскiй. Водовозовъ не принималъ участiя въ этихъ пренiяхъ, но въ засѣданiи 21-го декабря 1874 г. онъ прочелъ рефератъ: „По поводу влiянiя нѣмецкой педагогики на наши школы“. Намъ не разъ приходилось указывать на то, что Водовозовъ никогда не былъ безусловнымъ поклонникомъ нѣмецкой педагогики, и никто лучше его не видѣлъ недостатковъ нѣмецкихъ школъ; онъ всегда настаивалъ на необходимости самостоятельно перерабатывать приемы западныхъ педагоговъ въ при-

<sup>1)</sup> Испытанiе производилось, съ одной стороны, по азбукѣ гр. Толстого, съ другой стороны, по книгѣ Бунакова, „Родному Слову“ Ушинскаго и „Русской азбукѣ“ Водовозова.

<sup>2)</sup> Отвѣтъ г. Евтушевскаго гр. Толстому напечатанъ отдѣльною брошюрою (С.-Петербургъ 1874 г.).

мѣненіи къ нашимъ потребностямъ; но когда начались рѣзкія нападенія на новые методы, когда дѣло дошло до того, что въ своей азбукѣ гр. Толстой преподносилъ ученикамъ чтеніе безконечнаго ряда слоговъ — „вдры, бстро, бзна, вздра, взгла“ и тому подобную бессмыслицу, то Водовозовъ нашелъ нужнымъ и съ своей стороны вступить за основные принципы новой педагогики, столь легкомысленно осмѣиваемой тѣми, дѣтей которыхъ она избавила отъ старой азбучной долбни.

Оговорившись вначалѣ, что по поводу избранной имъ темы онъ не думаетъ разбирать статьи гр. Толстого, Водовозовъ далѣе сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: „У насъ въ обществѣ господствуетъ сомнѣніе: дѣйствительно ли пригодны *вообще* эти новые методы? Не есть ли это только произведеніе нѣмецкаго хитроумія, — тотъ же мертвый формализмъ, но лишь подкрашенный въ свѣжій цвѣтъ самостоятельнаго развитія? И эти сомнѣнія имѣютъ свое основаніе... Если обратить вниманіе на сущность дѣла, новѣйшая нѣмецкая педагогика находится въ самой тѣсной связи съ остальной нѣмецкой наукой, и новые методы обученія представляютъ только примѣненіе къ дѣлу воспитанія того же индуктивнаго метода, которому такъ строго слѣдуетъ наука прежде чѣмъ начать строить дедуктивно“. Какія требованія современной науки? „Духъ свободнаго изслѣдованія, критики, взаимнѣй подчиненія авторитету, наблюденіе, изученіе фактовъ, матеріала науки, предшествующее всякому выводу и группировкѣ, строгая логическая послѣдовательность въ переходѣ отъ низшихъ ступеней системы на высшія и въ размѣщеніи фактовъ по рубрикамъ этой системы. Точно также и въ педагогикѣ рѣзко поставленъ вопросъ: учить ли въ томъ смыслѣ, чтобы дѣти, положимъ, сознательно усвоивали готовое, заданное учителемъ, безъ всякаго ихъ участія, или устроить дѣло обученія такъ, чтобы дѣти *путемъ наблюденій и размышленій сами доходили до известнаго знанія*, причемъ преподаватель только облегчалъ бы ихъ трудъ, предлагая факты для наблюденія и направляя вопросами къ общему выводу? Не трудно доказать, что новые методы стремятся удовлетворить этой послѣдней цѣли, согласной и съ требованіями научнаго изслѣдованія. Такъ, въ школы вводятъ наглядныя бесѣды, наглядное обученіе... Общая цѣль его совершенно разумная. Эта цѣль — провѣрить первыя дѣтскія наблюденія, уже сдѣланныя внѣ школы, дополнить и обобщить ихъ согласно первому развитію дѣтскихъ понятій, дать дѣтскимъ понятіямъ, такъ сказать, первую логическую научную установку. Люди, не видящіе этой цѣли въ наглядномъ обученіи (мы разумѣемъ здѣсь лишь начало курса, первый

годъ элементарнаго обученія), обыкновенно спрашиваютъ: зачѣмъ учить дѣтей тому, что они отлично знаютъ?.. Замѣтимъ, что здѣсь преподаватель ничему не учитъ, а только даетъ дѣтямъ случай высказывать свои сужденія, исправлять ихъ и приводить въ порядокъ, что важно и для упражненія въ языкѣ. Дѣти, конечно, судятъ логически, но ихъ сужденія отрывочны и безсвязны и вообще таковы, что на этихъ сужденіяхъ еще нельзя строить никакого прочнаго знанія. Безъ сомнѣнія сельскій мальчикъ можетъ знать о звѣряхъ, птицахъ и другихъ близкихъ ему предметахъ природы иногда болѣе, чѣмъ его учитель, даже прошедшій полный курсъ естественныхъ наукъ въ университетѣ. Но что-жъ изъ этого? Его знаніе все-таки остается бесплоднымъ и нисколько не избавляетъ его даже отъ самыхъ грубыхъ суевѣрій: значить, важно здѣсь не количество знаній, а важна ихъ внутренняя связь, и вся сила заключается въ томъ способѣ, въ методѣ, по которому мы ихъ усвоиваемъ и приводимъ въ порядокъ... Допустимъ даже, что по другому способу дѣти скорѣе научились бы грамотѣ, ариметикѣ и проч., но тутъ дѣло не въ скорости. Учасъ послѣдовательно, *дѣти незамѣтно усвоиваютъ самый методъ изученія*, а это и есть первое, главное, самое необходимое изъ всѣхъ приобретаемыхъ ими знаній. Ту же послѣдовательность находимъ мы и въ звуковомъ способѣ письмо-чтенія "...

„Но отчего же происходитъ, — спрашиваетъ Водовозовъ, — такое недовѣріе къ новымъ методамъ? Причиною этого, конечно, отчасти бессознательная привычка и приверженность къ старому, служащая помѣхой во всякомъ начинающемся дѣлѣ... Другая, и болѣе важная, причина заключается въ неудачномъ или непослѣдовательномъ примѣненіи новыхъ методовъ, и не только у насъ, но и въ самой Германіи, и не только въ Германіи, но и въ другихъ странахъ... Что касается собственно нѣмецкой педагогики, то дѣйствительно — въ ея примѣненіи можно найти много странностей и нелѣпостей... Недостатки собственно системы нѣмецкой вотъ въ чемъ заключаются: 1) въ неправильной индукціи; 2) въ искусственной, нѣсколько сложной систематикѣ; 3) въ искусственномъ соединеніи различныхъ частей обученія... Заботясь болѣе всего о внѣшней выправкѣ, многие германскіе педагоги, дѣйствующіе въ школахъ, обращаютъ все обученіе въ какую-то капральскую муштровку, причемъ уже нѣтъ и вопроса о томъ, чтобы известная система свободно развивалась въ дѣтскомъ сознаніи, — она разучивается по командамъ: *разъ, два*, какъ отличное средство для умственной дрессировки, направленной къ известнымъ, уже вовсе не-педагогическимъ цѣлямъ. Тутъ жизнь съ ея вѣяніемъ и зака-

ломъ кладесть свою печать на школы и калѣбчить науку. Но новыя методы въ этомъ, конечно, нисколько не виноваты...

„Намъ, однако, скажутъ: если въ самой Германіи есть столько недостатковъ въ примѣненіи новыхъ методовъ, то какъ примѣнить ихъ у насъ, при нашихъ болѣе бѣдныхъ средствахъ? Мнѣ кажется, что примѣнить ихъ у насъ легче, потому что мы такъ крѣпко не связаны старою рутинною системою... Говорятъ, что новыя способы болѣе сложны, что неподготовленнымъ преподавателямъ труднѣе ихъ усвоить. Эта сложность, я думаю, значительно уменьшилась бы, если бы у насъ болѣе обращали вниманія на ихъ сущность и строже ихъ держались... Да и чтѣ такое простота? Просты ли старыя методы? Безконечныя упражненія на слоги, механическое чтеніе и письмо, упражненія въ ариѳметическихкихъ дѣйствіяхъ по готовымъ правиламъ—не думаю, чтобы все это было просто, когда преподаватели и учащіеся нерѣдко бьются надъ этимъ цѣлыя годы безъ всякаго результата. Если *простымъ* считать то, чтѣ понятнѣе, логичнѣе, чтѣ болѣе согласно съ сущностью предмета, съ дѣтскою и съ человѣческою природою вообще, то, безъ всякаго сомнѣнія, лишь новыя методы можно назвать *простыми*. Въ нихъ, однако, надо отличать то, чтѣ принадлежитъ къ самому методу, отъ того, чтѣ относится къ его примѣненію,—отъ той сложности и искусственнаго дробленія, вводя которыя нѣмцы иногда умѣютъ и живую систему обратить въ мертвую логическую схему. Это должны всегда имѣть въ виду преподаватели по новымъ методамъ... Что касается того, что школа должна примѣняться къ условіямъ жизни, къ требованіямъ народа, то врядъ ли это можно понимать такъ, чтобы для этого искажалась основная научная истина. Я началъ учить по звуковому способу,—мнѣ говорятъ: народъ этимъ смущается,—учите по слогослагательному. Я уступилъ, началъ по слогослагательному,—мнѣ кричатъ: старики требуютъ *азъ, буки, вѣди*... Я начинаю *азъ, буки, вѣди*,—меня осуждаютъ: зачѣмъ я началъ съ русской, а не съ славянской азбуки. Потомъ отъ меня требуютъ, чтобы я съѣкъ дѣтей, отпускалъ во время ученія на домашніе праздники... Спрашивается: гдѣ предѣлъ подобнымъ уступкамъ?.. И чтѣ выйдетъ изъ школы, если она пойдетъ на подобныя соглашенія? Надо ужъ быть послѣдовательнымъ: становясь народнымъ въ этомъ смыслѣ, придется поддерживать вѣру въ домовыхъ, въ лѣпшихъ, въ кивиморъ. Нѣтъ, я думаю, преподаватель съ самаго начала долженъ оградить себя отъ всѣхъ подобныхъ вторженій... Когда же будутъ видны результаты его занятія, то и разсужденій никакихъ болѣе не будетъ нужно. Тогда довольно указывать на

эти результаты: народъ не такъ безсмысленъ, чтобы не понимать своей пользы... Примѣненіе къ жизни вовсе не заключается въ томъ, чтобы слѣдовать старымъ, общепринятымъ мнѣніямъ. Мнѣнія эти могутъ быть лишь случайными наростами, а вовсе не составлять чего-нибудь органическаго въ народной жизни. Съ незначительнымъ измѣненіемъ ея содержанія, они безслѣдно отпадаютъ“.

Когда во время преній было упомянуто имя гр. Л. Н. Толстого, то Водовозовъ, между прочимъ, замѣтилъ: „статья Толстого приноситъ вредъ тѣмъ, что не различаетъ двухъ вещей: плохого примѣненія и самого метода“<sup>1)</sup>.

Въ 1875 г. Водовозовъ издалъ книгу: „Руководство къ русской азбуцѣ. Практическіе уроки бесѣдъ, звукового разбора, черченія, письма и чтенія въ первый годъ занятій“. Во введеніи въ этому труду авторъ объясняетъ, что вся послѣдовательная система обученія грамотѣ по методу письмо-чтенія, которому онъ слѣдуетъ, изложены имъ въ книгѣ: „Предметы обученія въ народной школѣ“, а во вновь издаваемомъ сочиненіи онъ имѣлъ въ виду практическое примѣненіе этой системы для уясненія преподавателю, какъ руководствоваться его азбукой; здѣсь приводятся преимущественно образцы уроковъ бесѣдъ, звукового разбора, черченія, письма и чтенія въ первый годъ занятій.

„Руководство къ русской азбуцѣ“ вызвало рѣзкую критику въ журналѣ „Дѣло“, подписанную псевдонимомъ Н. Языкова, но принадлежащую, какъ это было скоро раскрыто самимъ авторомъ, Н. В. Шелгунову. Статья называется: „Впередъ или назадъ?“ и представляетъ разборъ „Новой азбуки“ гр. Л. Толстого и „Руководства къ русской азбуцѣ“ Водовозова. Азбука

<sup>1)</sup> Стенографическій отчетъ объ этомъ рефератѣ Водовозова см. въ журналѣ „Семья и Школа“ 1875 г., № 2 (Отд. для родителей и воспитателей), приложеніи, стр. 108—120; пренія по поводу реферата, *ibid*, стр. 120—127. Въ статьѣ, вызванной въ 1883 г. брошюрою г. Рачинскаго, „Замѣтки о сельскихъ школахъ“, Водовозовъ говоритъ: „г. Рачинскій, какъ самобитникъ, разумѣется не считаетъ полезными для школы какіе-либо нѣмецкіе методы; объ ученыхъ педагогахъ онъ отзывался съ насмѣшкою. Съ легкой руки гр. Л. Толстого, это у насъ вошло въ моду. Не учиться ницкиимъ методамъ,—чего же лучше! Этого намъ только и надо: мы все отлично производимъ сами изъ себя, безъ помощи скучной науки. Безъ сомнѣнія гр. Толстой былъ очень правъ въ отдѣльныхъ случаяхъ: много было смѣшныхъ и нелѣпныхъ крайностей въ примѣненіи методовъ. Но и въ этихъ крайностяхъ все-таки былъ же какой-нибудь смыслъ, а наши самобитники допускаютъ полный произволъ, и въ концѣ концовъ слѣдуютъ такимъ же „нѣмецкимъ“ методамъ, но которые зашии къ намъ лѣтъ 60 тому назадъ и потому считаются русскими“ („Вѣстникъ Европы“ 1883 г., № 8, стр. 851).

гр. Толстаго разобрана весьма мѣтко и остроумно<sup>1)</sup>; но въ то же время авторъ критики совершенно подпалъ влиянію извѣстной статьи гр. Толстаго и потому отнесся отрицательно и къ „Руководству къ русской азбукѣ“ Водовозова. „Главная ошибка нашихъ педагоговъ,—говоритъ онъ,—въ томъ, что они отнимаютъ отъ дѣтей всякую самостоятельность мысли, и переходъ отъ „извѣстнаго“ къ „неизвѣстному“ доводятъ до такого смѣшнаго педантизма, что лишаютъ ребенка всякой умственной самостоятельности... Главная ошибка г. Водовозова и подобныхъ ему развивателей—исключительно въ томъ, что они или объясняютъ восьмилѣтнимъ дѣтямъ то, чѣмъ знаетъ всякій четырехлѣтній ребенокъ, или же требуютъ того, чего не понимаетъ и учитель“. На главнѣйшія изъ этихъ обвиненій Водовозовъ уже отвѣчалъ въ указанномъ выше рефератѣ въ педагогическомъ обществѣ: „По поводу влияния нѣмецкой педагогики на наши школы“, а затѣмъ критикъ упускаетъ изъ виду, что если методическое руководство заключаетъ въ себѣ образцы уроковъ, изложенные приблизительно въ той формѣ, какъ они должны быть ведены въ классѣ, то это не болѣе, какъ *примѣры* примѣненія теоріи къ практикѣ; они служатъ автору руководства только средствомъ для болѣе нагляднаго выясненія его воззрѣній на способы преподаванія. Авторъ „Руководства“, разумѣется, не думалъ о томъ, чтобы они дословно повторялись въ классѣ; во время преній по его реферату въ педагогическомъ обществѣ, онъ самъ замѣтилъ: „Представьте себѣ, что учитель возьметъ „Предметные уроки“ Песталоцци и будетъ руководиться ими сплошь; онъ этимъ доведетъ дѣтей до одурѣнія“. Но если и допустить, что въ этой книгѣ Водовозова есть извѣстная доля увлеченія его системою упражненій, то, во всякомъ случаѣ, нельзя не пожалѣть (и къ этому сожалѣнію, вѣроятно, присоединится теперь и самъ уважаемый критикъ), что съ его пера сорвались такіа слова: „Те-

<sup>1)</sup> Отъ нея,—говоритъ г. Шелгуновъ,—вѣетъ какии-то классическимъ стоицизмомъ, сухостью и скукой... Гр. Толстой даже не хочетъ (въ этой книгѣ) писать простымъ народнымъ языкомъ, которымъ такъ хорошо владѣетъ. Гр. Толстой, отличившій педагоговъ и поднявшій ихъ на смѣхъ за нѣмецкій педантизмъ, самъ поступаетъ едва ли не хуже... Онъ даетъ не больше, какъ старинный букварь, необходимо монотонный и однообразный, надъ которымъ заснетъ всякій ребенокъ... Гр. Толстой ушелъ болѣе назадъ, чѣмъ впередъ,... онъ, не желая подражать ни Ушинскому, ни Бунакову, ни Водовозову и желая дать *свое*, въ сущности далъ то, что именно и вызвало протестъ противъ старой школы... Азбука гр. Толстаго не болѣе какъ... матеріалъ для механическаго чтенія“. Сравни отзывъ С. И. Миропольскаго объ азбукѣ гр. Толстаго въ „Руководствѣ къ преподаванію общеобразовательныхъ предметовъ“, т. II, стр. 491—493.

перешная школа съ ея потребностями—тотъ же былой откупъ. Явился Коворевъ школьнаго дѣла“ (Ушинскій!), „создалъ систему, за нимъ выступило еще три, четыре человѣка—и уловили въ свою сѣть почти всю Россію. Двадцать лѣтъ вы владѣете безраздѣльно своимъ педагогическимъ откупомъ и ведете войну съ здравымъ смысломъ. Но здравый смыслъ—сила непобѣдимая. Онъ можетъ замолчать на время, но потомъ скажется, и царство педагогическаго откупа рухнетъ, наконецъ, точно такъ же, какъ и виннаго. Пользуйтесь пока временемъ, спекуляторы-педагоги, печатайте въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ свои развивающія азбуки, заполняйте ими школы, спѣшите, спѣшите, потому что на горизонтѣ является уже легкое облачко, и скоро оно разрастется въ грозную тучу, и очнувшійся здравый русскій смыслъ и практическія требованія жизни сдуютъ васъ со всѣми вашими книжками, такъ что и слѣда вашего не останется“<sup>1)</sup>. Такія огульныя характеристики и обвиненія были совершенно во вкусѣ „Дѣла“.

На статью эту Водовозовъ отвѣчалъ въ „Биржев. Вѣдомостяхъ“ 1875 г. (№ 275); здѣсь онъ, между прочимъ, говоритъ: „Предположимъ, что указанныя мною упражненія были ошибкой, но какъ же изъ этой доли занятій лишь одного перваго года выводить и мою характеристику, и характеристику всей новой школы?.. Вездѣ заставляю я наблюдать самыя предметы и въ этихъ предметахъ указывать свойства, согласныя ихъ природѣ, назначенію и употребленію. Слѣдовательно, содержаніе моихъ бесѣдъ чисто реальное. Вопросъ „зачѣмъ?“ „почему?“ чаще всего въ нихъ встрѣчается, такъ какъ я болѣе всего желаю возбудить въ учащихся это сознаніе цѣли и смысла явленій.. Можетъ быть, многое тутъ нужно сократить, измѣнить, переставить, но за пользу представленныхъ мною упражненій я поспорю... Повѣрьте, общее развитіе понятій, которое вы считаете полезнымъ для литератора, для юриста, а не для сельскаго мальчика, болѣе всего и поможетъ успѣху защищаемыхъ вами сельско-хозяйственныхъ знаній... Какъ же вы не понимаете, что въ дѣлѣ воспитанія выборъ матеріала имѣетъ значеніе только въ связи съ *формальною его обработкой*? Можно выбрать много очень хорошихъ предметовъ, и все-таки они будутъ нигуда негодны, потому что не умѣстятся въ головѣ ребенка или произведутъ въ ней одинъ безпорядочный хаосъ.. “ „Ваше облачко,—говорить въ заключе-

<sup>1)</sup> „Дѣло“ 1875 г., № 9; сравн. „Отвѣтъ г. Водовозову“ Н. Шелгунов. Ibid., № 11.



ніе Водовозовъ, намекая на рѣзкую выходку критика противъ педагоговъ,—пожалуй, и разрастется въ бурю; но что же изъ этого выйдетъ? Подуетъ, поломаетъ кое-что, и опять останется пустота. Пустота, однако, имѣетъ то неудобство, что вмѣсто описываемыхъ вами посредственностей можетъ породить еще худшія“.

Предсказаніе Водовозова, въ сожалѣнію, сбылось: труды педагоговъ 60-хъ и 70-хъ годовъ по первоначальному обученію еще тогда желалъ разрушить гр. Л. Толстой и поставить на ихъ мѣсто свою „Новую азбуку“, такъ вѣрно одѣвленную и г. Шелгуновымъ; теперь же, что гораздо печальнѣе, желаютъ новыя земскія школы, основанныя на началахъ новой педагогики и уже принесли такъ много пользы, *замѣнить* церковно-приходскими школами, а не поставить эти послѣднія рядомъ съ земскими. Не поработали ли безсознательно для этого дѣла, рядомъ съ гр. Л. Толстымъ, и неумѣренные поклонники его педагогическихъ взглядовъ? Къ счастью, отрезвление отъ угара, причиненнаго статьею гр. Л. Толстого, уже начинаетъ сказываться, и тотъ же Н. В. Шелгуновъ теперь говоритъ: „Въ исторіи народной школы имена ея первоучителей и организаторовъ, какъ Ушинскій, Водовозовъ, Максимовичъ, Столпянскій, Золотовъ, баронъ Косинскій, баронъ Корфъ, Студитскій, Кочетовъ, Блиновъ, Тихомировъ—сохранятся навѣчно“<sup>1)</sup>. Относительно нѣкоторыхъ лицъ авторъ проявляетъ тутъ, быть можетъ, избытокъ снисходительности, какъ прежде, осуждая педагоговъ, обнаружилъ непоумѣрную строгость.

Лѣто 1875 г. Водовозовъ провелъ за границей, главнымъ образомъ въ Лондонѣ и Парижѣ. По обыкновенію, посѣщая музеи и разныя достопримѣчательности, большую часть времени онъ удѣлялъ педагогическимъ занятіямъ. 10-го іюля онъ писалъ женѣ изъ Лондона: „Сегодня я началъ перебирать англійскія педагогическія сочиненія въ кенсингтонскомъ музеѣ: замѣчательнаго въ педагогическомъ отношеніи очень мало, но много оригинальнаго“. Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ Водовозовъ сообщаетъ: „въ кенсингтонскомъ музеѣ я успѣлъ просмотрѣть до 500 книгъ по педагогикѣ, но остается еще огромное количество“.

Еще въ 1874 г., во время поѣздки въ Оренбургъ и южную Россію, Водовозовъ составлялъ статьи для второй части своей „Книги для первоначальнаго чтенія“; эта часть приняла очень обширные размѣры, и работа надъ нею заняла большую часть

<sup>1)</sup> „Очерки русской жизни“ въ „Русской Мысли“ 1886 г., № 12, стр. 142.

времени автора до 1878 г., когда она появилась въ свѣтъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Книга для первоначальнаго чтенія. Часть II. Для старшаго возраста и для взрослыхъ“. Она заключаетъ въ себѣ: естественно-историческіе рассказы, рассказы изъ физики, астрономической и физической географіи, рассказы изъ путешествій, описаніе различныхъ странъ и племенъ, ихъ населяющихъ; статьи по географіи и статистикѣ Россіи и по русской исторіи. Статьи по всѣмъ этимъ отдѣламъ, за исключеніемъ двухъ отрывковъ изъ „Фрегата-Паллады“ Гончарова, принадлежатъ автору. Затѣмъ въ книгѣ есть еще два отдѣла: 1) поэтическіе отрывки въ прозѣ изъ сочиненій Аксакова, Тургенева, Гоголя, Лермонтова, Печерскаго, Щедрина, Островскаго, Толстого, и 2) стихотворенія. Нужно замѣтить, что книга эта издана въ высшей степени дешево: несмотря на ея обширный размѣръ (608 стр. убористой печати) съ 5 рисунками Панова и Васнецова и таблицами чертежей, она стоитъ всего 80 коп., т.-е. по 2 коп. за печатный листъ. Издавая эту книгу, Водовозовъ не только не рассчитывалъ ни на какую выгоду, но даже прямо шелъ на убытокъ. Первое изданіе въ 10.000 экз. не покрыло даже расходовъ.

Когда книга эта была представлена авторомъ на разсмотрѣніе въ особый отдѣлъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, она первоначально встрѣтила тамъ радушный приѣмъ: „Выборъ статей,—сказано въ официальной бумагѣ, присланной автору,—можно считать хорошимъ, и развѣ только два стихотворенія: „Труженикъ“, Хомякова, и „На могилѣ матери“, Некрасова, страдаютъ тѣмъ, что въ нихъ изложены слишкомъ безотрадные взгляды на трудъ и на женскую долю въ нашемъ народномъ бытѣ. Статьи самого г. Водовозова изложены хорошимъ языкомъ и читаются легко, кромѣ тѣхъ статей, въ которыхъ слишкомъ много цифръ и разныхъ научныхъ свѣденій, изложенныхъ не для чтенія только, а для подробнаго изученія, напримѣръ: статьи о мануфактурной промышленности въ Россіи, кустарная промышленность, пути сообщенія, внутренняя и внѣшняя торговля Россіи. Эти послѣднія статьи могутъ быть полезны для преподаванія географіи въ народныхъ школахъ, гдѣ особыхъ учебниковъ на этотъ предметъ не полагается. Статьи по естественной исторіи, физикѣ, географіи и этнографіи написаны, вообще говоря, вполне удовлетворительно и содержатъ вѣрные научныя свѣденія“ (дальше сдѣлано нѣсколько частныхъ замѣчаній). Затѣмъ первая часть присланной автору выписки изъ журнала особаго отдѣла ученаго комитета заканчивается такимъ образомъ: „По мнѣнію ученаго комитета, несмотря на эти

частные недостатки, книга г. Водовозова можетъ быть одобрена, какъ книга для чтенія, въ двуклассныя и городскія училища и для библиотекъ всѣхъ другихъ начальныхъ училищъ. Къ достоинствамъ ея слѣдуетъ причислить и очень небольшую цѣну<sup>1)</sup>. Но вскорѣ ученый комитетъ, „въ засѣданіи своемъ 26-го февраля, встрѣтивъ нѣкоторыя затрудненія дозволить обращеніе въ народныхъ училищахъ статей по русской исторіи и словесности въ книгѣ г. Водовозова“, нашелъ нужнымъ разсмотрѣть ихъ подробно. Въ общемъ, историческія статьи не понравились особому отдѣлу ученаго комитета по своему направленію, и въ заключеніе отзыва о нихъ мы находимъ напоминовеніе, что въ программѣ на составленіе русской исторіи для народа на Петровскую премію ученымъ комитетомъ „категорически“ выражены требованія, которымъ должны удовлетворять сочиненія для народа по этому предмету. Общій смыслъ ихъ „сводится къ тому, чтобы отвѣчать простолудину не на вопросъ: какъ жили наши предки, а на вопросъ: какъ сложилось русское государство и достигло той высоты, на коей стоитъ нынѣ“.

Общее заключеніе, къ которому пришелъ особый отдѣлъ ученаго комитета, было слѣдующее: „Составленная г. Водовозовымъ „Книга для первоначальнаго чтенія“ (часть II) по отдѣлу естествознанія и географіи могла бы быть одобрена, но заключающіеся въ ней историческіе рассказы такого свойства, что одобренія заслужить не могутъ; посему особый отдѣлъ ученаго комитета полагалъ бы предложить составителю или исключить изъ нея означенные рассказы, или же замѣнить ихъ другими, принявъ въ соображеніе замѣчанія особаго отдѣла ученаго комитета“.

Въ 1883 г. вышло второе изданіе „Книги для первоначальнаго чтенія. Часть II“. Авторъ сдѣлалъ въ немъ нѣкоторыя измѣненія, сравнительно съ первымъ (напримѣръ, подновилъ статистическія данныя), но такъ какъ онъ не могъ согласиться съ мнѣніемъ особаго отдѣла ученаго комитета, что книги и статьи для народа по русской исторіи не должны отвѣчать на вопросъ: „какъ жили наши предки“, то онъ оставилъ историческія статьи своей книги безъ измѣненія<sup>1)</sup>; не замѣнены

<sup>1)</sup> Быть можетъ, требованія ученаго комитета, чтобы книги по русской исторіи для народнаго чтенія отвѣчали исключительно на вопросъ: „какъ сложилось русское государство и достигло той высоты, на коей стоитъ нынѣ“, вызвало слѣдующія сиромы въ статьѣ Водовозова „Что читать народу“: „У насъ объ исторіи для народа сложилось особенное понятіе. Многие считаютъ тутъ необходимымъ риторическія изобразженія и особенно псевдо-патріотическія разглагольствованія. Не намъ бы учить патриотизму народъ, который преимущественно на своихъ плечахъ вынесъ всю тягость нашего историческаго развитія“ („Вѣсти. Европа“ 1886 г., № 7, стр. 489).

также и непоравившія особому отдѣлу ученаго комитета стихотворенія, на одобреніе котораго Водовозовъ уже не представлялъ этого изданія.

Если никакъ нельзя согласиться съ мнѣніемъ особаго отдѣла ученаго комитета относительно историческаго и отчасти стихотворнаго отдѣла второй части „Книги для первоначальнаго чтенія“, то все-таки слѣдуетъ отдать ему справедливость, что онъ вполне оцѣнилъ всѣ другіе отдѣлы этой книги... Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать о нашей педагогической критикѣ. Она просто просмотрѣла этотъ новый и весьма замѣчательный трудъ Водовозова. Намъ помнится только, что гдѣ-то былъ помѣщенъ о немъ странный отзывъ, и въ вину автору умудрились поставить дешевизну книги: она названа была „барскою подачкою народу“! Впрочемъ, въ дополненіи къ „Систематическому обзору русской народно-учебной литературы“ (1882 г.) мы находимъ коротенькій отзывъ объ этой книгѣ, гдѣ указывается на разнообразіе въ ней матеріала и тщательную его отдѣлку. „Составитель задался мыслью, — говоритъ рецензентъ, — дать не только дѣтямъ, но и взрослымъ сельскимъ жителямъ, не имѣющимъ подъ руками соответствующихъ ихъ потребностямъ библиотекъ, книгу, въ которой они могли бы найти, по возможности, самыя разностороннія свѣденія по такимъ отраслямъ знаній, какъ естествознаніе, географія, исторія, и въ то же время — чтеніе художественныхъ произведеній въ прозѣ и стихахъ... Вообще, книга г. Водовозова весьма полезна не только для дѣтей, но и для взрослыхъ“. Вторая часть „Книги для первоначальнаго чтенія“, вслѣдствіе ея неодобренія ученымъ комитетомъ, не имѣла такого распространенія, какъ первая, но, по нашему мнѣнію, этому замѣчательному труду, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, предстоитъ блестящее будущее.

Въ 1882 году Водовозовъ издалъ „Очерки изъ русской исторіи XVIII-го вѣка, съ приложеніемъ очерковъ изъ древне-русской жизни и изъ исторіи до-петровскаго переходнаго времени“. Это сочиненіе, составленное весьма живо и талантливо, не только по лучшимъ историческимъ изслѣдованіямъ, но и по самимъ источникамъ, нашло справедливую оцѣнку въ печати. Вотъ какъ оно характеризуется въ „Русской Мысли“: „Не государство и его формы..., а положеніе народа въ широкомъ смыслѣ — вотъ предметъ „Очерковъ“... Г. Водовозовъ не утомляетъ читателя описаніемъ войнъ, годами, обиліемъ собственныхъ именъ и т. д. О войнахъ онъ передаетъ настолько, поскольку онѣ имѣли значенія для народной жизни и поскольку

на ней отражались... Желая, по силѣ возможности, перенести читателя въ изучаемое имъ время, г. Водовозовъ нерѣдко даетъ картину внѣшней и внутренней жизни общества въ описываемый моментъ". Въ заключеніе сказано: „Очерки“ представляютъ прекрасное чтеніе, какъ дополненіе школьнаго учебника, но навѣрно они найдутъ себѣ читателей и среди публики, интересующейся прошлою жизнью своего народа“. Къ сожалѣнію, эти ожиданія мало оправдались. На одобреніе ученаго комитета Водовозовъ своей книги не представлялъ, и потому въ среднія учебныя заведенія она не проникла, а публика, быть можетъ, привыкла соединять съ именемъ Водовозова труды болѣе элементарныя, чѣмъ данная книга. Между тѣмъ, повторяю, это одно изъ лучшихъ популярныхъ сочиненій по исторіи Россіи въ XVIII вѣкѣ; болѣе половины его посвящено царствованію Екатерины II, и здѣсь подробно описана коммиссія для составленія новаго уложенія, Пугачевскій бунтъ, дѣятельность Потемкина, паденіе Польши и проч.

Въ концѣ 1882 г. Водовозовъ напечаталъ „Русскія сказки въ стихахъ“, которыя были встрѣчены критикою не особенно дружелюбно. Стихъ сказокъ легокъ и гладокъ, но нѣсколько однообразенъ.

Съ 1883 г. Водовозовъ, если не считать повторенія изданій его прежнихъ сочиненій, не издавалъ уже болѣе отдѣльныхъ книгъ; мало появлялось и статей его. Время Водовозова было занято составленіемъ третьей части „Книги для первоначальнаго чтенія“, — которой ему не удалось докончить, — корректурую, а иногда и дополненіемъ прежнихъ трудовъ. Въ часы досуга Водовозовъ, съ 1879 г., очень нерѣдко набрасывалъ то или другое стихотвореніе. „Стихъ ему давался легко, — говоритъ г. Щиглевъ въ своихъ воспоминаніяхъ, — и многія изъ его стихотвореній, не говоря уже о переводныхъ, написанныя имъ за три-четыре года до смерти, положительно превосходны во всѣхъ отношеніяхъ: по силѣ чувства, образности, содержанію и формѣ“. Между прочимъ, онъ написалъ довольно большое произведеніе въ стихахъ („Сказка о старомъ и молодомъ Ильѣ“), съ намеками на многія явленія русской исторіи, и связку для дѣтей: „Нивита и его дочери“ (и то, и другое еще не напечатано). Лѣтомъ 1885 г. онъ написалъ статью: „Что читать народу“, по поводу книги, изданной подъ тѣмъ же заглавіемъ; статья эта появилась въ печати уже послѣ смерти автора.

## X.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВЗГЛЯДОВЪ В. И. ВОДОВОЗОВА.

Окончивъ подробный обзоръ всей литературной и педагогической дѣятельности Водозова, мы считаемъ необходимымъ представить въ заключеніе сжатую характеристику его взглядовъ и его личности.

Мы видѣли, какъ много поработалъ Водозовъ для дѣла народнаго образованія и теоретически, и практически. Напомнимъ, что онъ энергически протестовалъ въ свое время противъ излишней регламентаціи преподаванія въ народныхъ училищахъ и воскресныхъ школахъ; въ 1863 г. онъ также горячо возражалъ противъ мнѣнія о необходимости отдать народное образованіе въ руки духовенства; въ это же время онъ требовалъ, чтобы курсъ народныхъ школъ не ограничивался усвоеніемъ одного механизма чтенія и письма. Онъ считалъ необходимымъ, чтобы въ курсъ народной школы входили нѣкоторыя существенныя данныя изъ области естествознанія, географіи и исторіи, чтобы учащіеся знакомились съ мѣстными промыслами, давали имъ „лучшее понятіе о сельскомъ трудѣ“; для этого необходимою принадлежностью школы должны были быть, по его мнѣнію, садъ, огородъ и поле<sup>1)</sup>. Въ шестидесятыхъ годахъ, какъ и позднѣе, Водозовъ возражалъ противъ крайностей въ подражаніи нѣмецкимъ образцамъ. Указавъ, еще въ 1883 г., разумныя требованія отъ „Книги для первоначальнаго чтенія“ въ народныхъ школахъ, Водозовъ, семь лѣтъ позднѣе, самъ осуществилъ эти требованія, и его трудъ, какъ мы видѣли, былъ встрѣченъ всеобщимъ одобреніемъ. Протестуя какъ противъ мало содержательныхъ, отвлеченно-поучительныхъ рассказовъ въ „Книгѣ для первоначальнаго чтенія“, такъ и противъ отрывочнаго, бессистемнаго изложенія научныхъ свѣдѣній, Водозовъ далъ въ своемъ трудѣ строго обдуманнѣйшій циклъ элементарныхъ данныхъ изъ области естествознанія, исторіи и географіи; не было недостатка и въ статьяхъ, цѣлью которыхъ было „правильное развитіе воображенія, чувства прекраснаго, или нравственнаго чувства“. Дѣло учителя было облегчено превосходнымъ

<sup>1)</sup> Что касается собственно земледѣльческихъ и ремесленныхъ школъ, то въ 1883 г. Водозовъ высказался за то, чтобы онѣ были совершенно отдѣлены отъ школъ грамотности, и чтобы учащіеся вступали въ нихъ уже окончивъ элементарное образованіе („Новый планъ устройства народной школы“, „Вѣсти. Европы“ 1883 г. № 8, стр. 852).

руководствомъ съ самыми подробными указаніями, какъ вести преподаваніе. Черезъ 8 лѣтъ послѣ составленія первой части „Книги для первоначальнаго чтенія“, появилась ея вторая часть, предназначенная авторомъ для старшаго возраста и для взрослыхъ. Здѣсь авторъ поставилъ себѣ цѣлью охватить болѣе обширный кругъ знаній изъ области естественной исторіи, физики, астрономической и физической географіи, этнографіи и политической географіи; не мало мѣста отвелъ онъ также отрывкамъ изъ сочиненій нашихъ лучшихъ авторовъ. Такимъ образомъ, Водовозовъ и здѣсь преслѣдовалъ ту же цѣль, какъ въ первой книгѣ: съ одной стороны, сообщеніе научныхъ знаній въ извѣстной системѣ, съ другой—развитіе воображенія, чувства прекраснаго и нравственнаго чувства. Будучи всегда противникомъ слѣпого подражанія нѣмцамъ въ дѣлѣ народнаго образованія, Водовозовъ столь же энергически протестовалъ противъ тѣхъ нападокъ на основные принципы новой педагогикки, которыя начались съ 1874 г. съ легкой руки гр. Л. Толстого. Защищать эти принципы было тѣмъ необходимѣе, что наши школьные „клерикалы“ стали пропагандировать мысль о необходимости отдать всѣ народныя школы въ руки духовенства. Водовозовъ протестовалъ противъ этой мысли въ 1863 г. по поводу статьи Щербины; онъ остался при прежнемъ мнѣніи и 20 лѣтъ позднѣе, когда ревностнымъ ея защитникомъ явился г. Рачинскій <sup>1)</sup>. Затѣмъ черезъ два года Водовозовъ вновь возвратился къ этому вопросу въ статьѣ: „Что читать народу“, по поводу толковъ о церковно-приходскихъ школахъ. „Мы ничего не можемъ ни возражать, ни приводить въ защиту этихъ школъ,—говоритъ авторъ,—не зная, каковы онѣ

<sup>1)</sup> Немедленно по выходѣ брошюры г. Рачинскаго: „Замѣтки о сельскихъ школахъ“, Водовозовъ обстоятельно разобралъ ее въ особой статьѣ, подъ заглавіемъ: „Новый планъ устройства народной школы“ („Вѣсти. Европы“ 1883 г. № 8, стр. 843—854). Здѣсь онъ, между прочимъ, говоритъ: „Что наше духовенство отказывается отъ надзора за школой, въ этомъ нельзя видѣть только лѣнь и равнодушіе къ школѣ; въ этомъ есть и своя доля здраваго смысла. Въ самомъ дѣлѣ, какъ священнику, обремененному очень сложными обязанностями, взять на себя еще другія, не менѣе сложныя? И затѣмъ ему еще нужна школа, когда и безъ того онъ всегда можетъ обращаться съ поученіями и къ родителямъ, и къ дѣтямъ? Овладевъ школой духовенство стремилось лишь тамъ, гдѣ оно искало свѣтской власти. Клерикальный строй старинной католической да и протестантской школъ слишкомъ хорошо извѣстенъ. И вотъ, наши ревнители народа, осуждая Западъ и отыскивая исконныхъ русскихъ началъ, хотятъ навязать народу то, чего, по ихъ же словамъ, у насъ нѣтъ и что въ сильнѣйшей степени господствовало на Западѣ, т. е. полное подчиненіе школы духовенству. Но авторъ сильно ошибается, когда думаетъ, что этого требуетъ духъ православія. Православные пастыри всегда скромно ограничивали свою дѣятельность чисто религіозной сферой... нашихъ клерикаловъ надо искать не въ духовенствѣ“ (стр. 851).

будутъ. Намъ кажется, что онѣ не могутъ слишкомъ отличаться отъ обыкновенныхъ сельскихъ школъ. Священникъ, лишь потому, что онъ священникъ, не есть ни врачъ, ни педагогъ: для этого нужны и особое призваніе, и специальная подготовка. Съ другой стороны, его прямыя обязанности, особенно при разбросанности сельскаго прихода, должны сильно отвлекать его отъ дѣятельнаго участія въ школъ. Значить, все дѣло будетъ поручено, какъ и нынѣ, какому-нибудь воспитаннику духовной или учительской семинаріи <sup>1)</sup>, и дѣятельность священника противъ той, какую онъ и нынѣ можетъ проявить въ сельской школъ, увеличится развѣ писаніемъ отчетовъ. Собственно говоря, можно бы только радоваться, что число сельскихъ школъ умножится. Но очень жаль, что нѣкоторые ревнители уже съ самаго начала хотятъ по-сѣять какую-то рознь между этими будущими приходскими и нынѣ существующими свѣтскими школами, ожидая отъ первыхъ всякаго добра и взваливая на послѣднія всякое зло". Упомянувъ далѣе, что защитники церковно-приходскихъ школъ упрекаютъ школы, устроенныя на началахъ современной педагогики, въ томъ, что въ нихъ даютъ „все знаніе да знаніе, а ничего для сердца, для нравственности“, Водозовъ продолжаетъ: „Во-первыхъ, въ книгахъ для чтенія помѣщаются не одни же знанія, а во-вторыхъ, для развитія сердца и нравственности важнѣ всякой книги живой примѣръ, живое слово. Съ другой стороны, не давая умственнаго развитія чрезъ знакомство съ естественными законами, мы не приготовимъ настоящей почвы и для развитія религіозно-нравственныхъ началъ. Чтѣ же за религія, затемненная всевозможными суевѣріями! Мы даже не понимаемъ, какъ можно говорить о какой-то особой нравственно-поучительной книгѣ для чтенія, когда въ каждой школъ есть такая книга, какъ Евангеліе!“ <sup>2)</sup>.

Кромѣ литературно-педагогической дѣятельности, Водозовъ служилъ и практически дѣлу народнаго образованія: въ первой половинѣ 60-хъ годовъ — какъ руководитель воскресной школы при 1-ой гимназіи и преподаватель учительской семинаріи при таврической школъ, и въ первой половинѣ 70-хъ годовъ — въ качествѣ руководителя трехъ учительскихъ сѣздовъ: въ Костромѣ, Александровѣ и Оренбургѣ.

Что касается средняго образованія, то, какъ мы знаемъ, Во-

<sup>1)</sup> Слѣдуетъ замѣтить только, что образовательный цензъ преподавателей въ церковно-приходскихъ школахъ дѣйствительно оказывается ниже, чѣмъ въ земскихъ.

<sup>2)</sup> „Вѣстн. Европы“ 1886 г. № 7, стр. 435—436. Далѣе, въ той же статьѣ, Водозовъ отвѣчаетъ на вопросъ: какое чтеніе всего пригоднѣе для народа? см. стр. 438—440.



Водозовъ былъ энергическимъ противникомъ классицизма, который, по его словамъ, „сильно вредитъ своею односторонностью... Въ отношеніи грамматической логики и лингвистическихъ упражненій его съ избыткомъ замѣняютъ новые языки и знаніе родного слова; въ отношеніи содержанія науки, дающей матеріалъ для всесторонняго развитія, — общая литература съ исторіей и естествознаніемъ съ математикой“. Такимъ образомъ, по плану Водозова, въ составъ гимназическаго курса должны входить слѣдующіе предметы: русскій, французскій и англійскій языки, естественная исторія и физика, исторія, географія, чистописание и рисованіе <sup>1)</sup>. Относительно преподаванія словесности, Водозову принадлежитъ огромная заслуга: преимущественно благодаря его трудамъ, изъ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній было изгнано зазубриваніе опредѣленій, родовъ прозы и поэзіи по тетрадкѣ, продиктованной учителемъ, и замѣнено изученіемъ самихъ произведеній нашей и иностранной литературъ, что и приводитъ къ извѣстнымъ теоретическимъ выводамъ. Своими статьями, книгами и пятнадцатилѣтнею преподавательскою дѣятельностью Водозовъ содѣйствовалъ также установленію правильнаго преподаванія и исторіи литературы. При оцѣнкѣ поэтическихъ произведеній въ своей „Новой русской литературѣ“ и другихъ сочиненіяхъ, Водозовъ предъявлялъ къ нимъ не одни эстетическія требованія: онъ считалъ необходимымъ, чтобы поэтъ являлся носителемъ лучшихъ идей своего времени, чтобы, „привыкнувъ наблюдать стремленія, надежды, радость и горе своихъ ближнихъ, онъ естественно переносился чувствомъ въ эту общую жизнь“; чтобы „его личная радость, личное горе были невольно обращены къ тому, что способствуетъ или препятствуетъ общему благу“. Однимъ словомъ, по мнѣнію Водозова, поэтъ долженъ проникнуться сознаніемъ, что „его собственныя мечты о счастьѣ, его любовь къ прекрасному, могутъ осуществиться лишь при одномъ условіи: чтобы и счастье другихъ людей было возможно, чтобы и жизнь другихъ людей слагалась по идеѣ красоты и правды“. Уже вскорѣ по оставленіи Водозовымъ гимназіи, онъ отмѣтилъ въ печати грустный поворотъ въ направленіи преподаванія русскаго языка и словесности у многихъ официальныхъ педагоговъ, а именно усиленіе грамматическаго элемента на счетъ литературнаго. Впослѣдствіи онъ глубоко страдалъ и какъ бывшій преподаватель словесности, и какъ отецъ, видя, что его стар-

<sup>1)</sup> „Тезисы по русскому языку“. „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1861 г., томъ СІХ, стр. 31.

пій сынъ несетъ все непосильное бремя современной системы средняго образованія вообще и въ частности — странныхъ приемовъ преподаванія русскаго языка и словесности въ одной изъ наиболѣе рекомендуемыхъ гимназій. Схоластика въ преподаваніи этого предмета, которая, казалось, навсегда была изгнана, болѣе всего благодаря трудамъ Водовозова, мѣстами вновь возродилась. Въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ сдѣлались возможными такіа темы для сочиненій, какъ: „Соль и дружба“, „Тюльпанъ и гордецъ“ и т. п.; стали писать сочиненія по тѣмъ установленнымъ риторикою вопросамъ, надъ которыми такъ много смѣялся нѣкогда Водовозовъ; преподаваніе русскою литературою ограничивалось штудированіемъ Карамзина и Жуковскаго; однимъ словомъ, русская словесность, нѣкогда предметъ наиболѣе развивающей и самый любимый учениками, сдѣлался въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ столь же тяжелымъ, какъ и древніе языки <sup>1)</sup>. Въ стихотвореніи, написанномъ въ 1879 г., Водовозовъ, между прочимъ, говорить:

... „Всѣ твои бесполезны порывы,  
Бѣдный труженикъ мой, гимназистъ!  
Вотъ ужъ полночь. Не спишь ты. Въ печали  
Ты склонился къ тетрадѣ лицомъ:  
Упражненія Кюнера сжали  
Мозгъ усталый желѣзнымъ кольцомъ.  
Ты окончилъ урокъ свой латинскій;  
Но приходится, прежде тѣмъ спать,  
Сочинить періодъ Карамзинскій,  
Хрию въ Пушкинѣ нужно сыскать.  
Трудъ печальный, бесплодный, постылый,  
А сознанье щемитъ твою грудь,  
Что есть трудъ, обновляющій силы,  
Гдѣ ты могъ бы душой отдохнуть.  
Уже за полночь! Вотъ просвѣщенецъ!  
Кровь тревожно стучитъ на вискахъ;  
Ты встаешь: на лицѣ истощенье,  
Круги красные ходятъ въ глазахъ...“ <sup>2)</sup>

Тою же новѣйшею схоластикой въ преподаваніи словесности навѣяно извѣстное стихотвореніе Водовозова — „Къ Хриѣ“:

<sup>1)</sup> Во время преній въ Педагогическомъ Обществѣ по поводу реферата г. Сяновскаго, въ концѣ 1876 г., Водовозовъ замѣтилъ, что теперь „слишкомъ много обращаютъ вниманія на языкъ; постоянно слышатся мнѣнія такого рода, что вся цѣль преподаванія словесности заключается собственно въ языкѣ; и вотъ заставляютъ учениковъ составлять фразы по хриямъ, по разнымъ нѣмецкимъ учебникамъ съ цѣлью, какъ будто, довести языкъ до послѣдней степени безобразія, — научить говорить только фразы безъ всякаго содержанія. („Педагогич. Лѣтопись, издаваемая Петерб. Педагогич. Обществомъ“, 1876 г. № 4, декабрь, стр. 24).

<sup>2)</sup> „Русская Старина“ 1886 г. № 11, стр. 428.

„Сважи ты мнѣ, старушка Хрія,  
 Какъ ты воскресла и пришла,  
 Когда словесная Россія  
 Тебя давно ужъ погребла?  
 Тебя, бывало, съ злобой желчной  
 Изобрѣтали семинаристы.  
 Межъ тѣмъ, какъ передъ нимъ немолчно  
 Лишь розги раздавался свистъ.

. . . . .  
 . . . . .  
 . . . . .  
 . . . . .

Ты въ рѣчи, въ одѣ всѣ удобства  
 Давала людямъ лгать и лстать;

и т. д.

Когда вышло въ свѣтъ курьезное руководство въ изученію словесности г. Филонова, одобренное, однако, и немедленно принятое въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ, Водовозовъ собирался писать на него разборъ, но потомъ, отвлеченный другими работами, отказался отъ этой мысли и написалъ стихи:

„О, юноша! среди твоихъ обузъ  
 Еще Филоновъ вывалилъ свой грузъ,  
 Гдѣ сбились въ безобразнѣйшую груду  
 Обрывки фактовъ, мнѣній отовсюду.  
 Квинтиліанъ, Шишковъ, Гораций, Гречъ  
 И Толмачевъ, и Цицерона рѣчь,  
 И рѣчь митрополита Филарета—  
 Все тутъ равно полно авторитета.  
 О, юноша! изъ края въ край пройдеши—  
 Тутъ хлѣбнаго зерна ты не найдешь,  
 Ни влаги свѣтлой, какъ въ степи голодной;  
 Лишь расцвѣли на почвѣ той бесплодной  
 Травой колючей посреди пустынь  
 „Патріотизмъ“, славянщина, латынь...“

Относительно нашего университетскаго образованія, Водовозову не пришлось высказаться ни въ печати, ни въ какомъ-нибудь неизданномъ стихотвореніи. За то онъ не разъ возвращался къ вопросу о высшемъ женскомъ образованіи. Еще въ 1863 г., въ разборѣ одного нѣмецкаго журнала, посвященнаго изученію Россіи, Водовозовъ выразилъ сочувствіе стремленіямъ женщины къ высшему образованію <sup>1)</sup>. Въ 80-хъ годахъ еще теплѣе онъ высказался по этому вопросу въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ:

<sup>1)</sup> „Журн. Мин. Нарожд. Просв.“, 1863 г., № 5, отд. V, стр. 104—105.

одно изъ нихъ: „Участь женщины“, теперь напечатано <sup>1)</sup>). Затѣмъ перу Водовозова принадлежитъ довольно большой діалогъ въ стихахъ, подъ названіемъ: „У матери“. Дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городкѣ, въ небогатомъ домикѣ. Старушка проклинаетъ курсы, погубившіе здоровье дочери. Дочь-курсистка защищаетъ необходимость высшаго женскаго образованія. Въ своемъ монологѣ она, между прочимъ, говоритъ:

„Что сплетень, дрягь!.. Ползеть змѣю  
За клеветою клевета;  
Кричать озлобленной толпою:  
„Погибель! вредная мечта!“  
А если куклою нарядной,  
Какъ для продажи, на балахъ  
Вергится женщина и жадно  
Все ищетъ счастья въ женихахъ?  
Придетъ ли юноша красивый,  
Хоть и поношенный давно,  
Или старикъ сластолюбивый,—  
Изволь, бери... намъ все равно!  
Женой готова быть охотно,  
Иль хоть наложницею быть,  
Лишь дай безъ дѣла, беззаботно,  
Мнѣ для одной забавы жить!  
Что жъ? не развратъ, не гибель это?“

Если таковы дѣвушки извѣстнаго круга, то не лучше и пустая свѣтская женщина:

„Для сплетень, для интригъ, для вздора  
Всю душу отдала свою,  
Дѣтей бросая безъ призора,  
Губя соперницъ и семью;  
И еслибъ сынъ, той жизни смрада  
Не вынося, хотѣлъ вступитъ  
На путь добра,—она бы рада  
Родного сына задушить.  
Для ней безнравственно, что честно;  
Святыня, что ханжи твердятъ...  
Ну что жъ? и это все прелестно?  
Не гибель это? не развратъ?  
.....  
Кричать, что женщинѣ прилично  
Быть доброй матерью, женой,  
Жить для семейства... что жъ, отлично!

<sup>1)</sup> „Русская Старина“ 1886 г., № 11. Въ другомъ шутовскомъ стихотвореніи авторъ изображаетъ пошлаго Донъ-Жуана, который начинаетъ требовать закрытія женскихъ курсовъ, послѣ того какъ своимъ пристаиваньемъ на улицѣ онъ вызвалъ рѣзкій протестъ со стороны одной курсистки.

А средства, какъ ей быть такой?  
 Чтобъ дѣти всѣмъ сказали смѣло:  
 „Намъ къ правдѣ путь открыла мать;  
 Въ лихой бѣдѣ она сьумѣла  
 Семью спасти и поддержать“.  
 О, лицемѣры! вотъ, не всѣ ли  
 О долгахъ женщины твердятъ,  
 А дать ей средствъ достигнуть цѣли,  
 Гдѣ свѣтитъ правда, не хотятъ!“

Указавъ матери на ужасное, беспомощное положеніе народа,  
 молодая дѣвушка продолжаетъ:

„Лекаркой скромною народа,  
 Въ селѣ учительницей быть,—  
 Какого лучшаго исхода  
 Душѣ, мечтающей любить?  
 Да, то святой призывъ сердечный,  
 Да, то любовь не на словахъ,—  
 Живая, радостная вѣчно  
 Во всѣхъ и мукахъ, и трудахъ!..“

На служеніе народу какъ цѣль жизни и на подготовленіе  
 къ этому путемъ науки, Водовозовъ указываетъ и въ одномъ изъ  
 стихотвореній, напечатанныхъ послѣ его смерти:

„Пусть во тьмѣ лицемѣръ и невѣжда  
 На науку со злобой шипать,  
 Въ ней одной—лучшей доли надежда,  
 Безъ нея—нищета и развратъ.  
 Не на прихоть, для нужды народной  
 Людямъ доброе сѣмя ты сѣй,  
 Чистый пламень науки свободной  
 Въ своемъ сердцѣ, какъ въ храмѣ, лелѣй.

.....  
 Если правды согрѣтый лучами  
 Ты пророчишь намъ лучшіе дни,  
 Что взято у народа вѣками,—  
 Изъ того хоть частицу верни!..“

Пессимистическія нотки нерѣдко слышатся въ стихотвореніяхъ  
 Водовозова: то указываетъ онъ на общественную апатію въ  
 виду страшнаго голода <sup>1)</sup>; то наканунѣ новаго года не видитъ  
 близкаго освобожденія отъ господства темныхъ силъ <sup>2)</sup>; то ука-  
 зываетъ, какъ гибнуть всѣ прекрасные порывы въ столкновеніи  
 съ людскою пошлостью <sup>3)</sup>; то съ грустью отмѣчаетъ опасные симп-

<sup>1)</sup> „Посмертныя стихотворенія“ („Русск. Стар.“ 1886 г., № 11) № III.

<sup>2)</sup> Ibid. № X.

<sup>3)</sup> Ibid. № XV.

томы грозящей войны и яро рисуетъ всѣ бѣдствія, какія она принесетъ съ собою <sup>1)</sup>); то молить судьбу, чтобы она хоть на мигъ обманула „въ мечтахъ горделивыхъ свободой, свѣтомъ разума, искрой горячаго чувства“ <sup>2)</sup>). Та же пессимистическая струнка звучитъ еще въ одномъ шутовомъ стихотвореніи на тему — „Кто знаетъ край“:

„Кто знаетъ край, гдѣ сосенки да ели  
Качаетъ шумно сѣверный борей,  
Гдѣ подъ дождемъ у зябнущихъ людей  
И платя всѣ, и чувства отсырѣли?  
Туда, туда летѣть, о милый мой,  
Намъ незначѣмъ: мы тамъ и такъ съ тобой!  
Кто знаетъ край, гдѣ мерзнуть умъ и шутка,  
Пытаюсь тщетно оживить народъ,  
Гдѣ показать свой носъ на воздухъ... жутко,  
Гдѣ полъ прекрасный весь свой вѣкъ живетъ  
Съ разстройствомъ нервъ и болю желудка?  
Туда, туда летѣть, о милый мой,  
Намъ незначѣмъ: мы тамъ и такъ съ тобой!“...

Но любовь къ родинѣ не позволяла Водовозову впасть въ полное отчаяніе:

„Подъ снѣгомъ родная страна;  
А гдѣ-то давно ужъ весна,  
И солнце горитъ высоко,  
И дышется вольно, легко,  
Среди аромата цвѣтовъ,  
Подъ снѣью роскошныхъ садовъ.  
Пускай,—но родимый нашъ снѣгъ  
Сокрылъ ужъ возросшій побѣгъ,  
И жизни градушей полна  
Подъ снѣгомъ родная страна“ <sup>3)</sup>...

Поэтъ видитъ добрые признаки: кое-гдѣ ужъ „мерцаетъ огонекъ“; заблещутъ, наконецъ, „и солнца лучи“:

„Мысль ростеть, и хоть малъ ея ростъ,  
Но безмѣрна корней ея сила“ <sup>4)</sup>...

Въ одномъ неизданномъ стихотвореніи Водовозовъ говоритъ:

...„Хоть въ морозъ и труднѣе дышать,  
Будемъ нашимъ морозомъ счастливы,  
Если намъ ужъ тепло не подъ стать.“

<sup>1)</sup> Ibid. № XXII.

<sup>2)</sup> Ibid. № VIII.

<sup>3)</sup> „Посмертныя стихотворенія“, № XVIII.

<sup>4)</sup> Ibid. № XXI.

Тѣмъ тѣснѣй мы въ кружокъ соберемся  
 Для горячихъ бесѣдъ безъ конца  
 И отъ холоду крѣпко запремся,  
 Чтобы въ дверь не проникъ и въ сердца“...

Храня въ себѣ божественный огонь, мы должны, по мѣрѣ возможности, трудиться, какъ бы ни были тяжелы окружающія насъ условія,—говорить Водовозовъ въ другомъ своемъ стихотвореніи:

„Трудись, мой другъ, отважнымъ будь,  
 Предъ горемъ не плошай—  
 И вѣрь, что ты найдешь свой путь  
 Въ обѣтованный край.  
 Пускай вся даль закрыта тьмой  
 И труденъ шагъ впередъ,  
 Ты знай: своею чередой  
 Вновь солнышко взойдетъ.

.....  
 Пускай за трудъ твой не сулятъ  
 Высокой доли честь,  
 На общей нивѣ все же, братъ,  
 Твоя полоска есть“.

Въ одномъ стихотвореніи Водовозовъ указываетъ на извѣстную свободу слова, какъ на необходимое условіе для развитія литературы; сравнивъ литературу съ вѣчно юною дѣвкою, онъ выражаетъ желаніе —

„Чтобъ честь всегда была ей дорога,  
 Чтобъ всѣхъ плѣняла, пышно расцвѣтая,  
 И чтобы къ ней, ее оберегая,  
 И маменька была не такъ строга“.

Изъ трехъ главнѣйшихъ литературныхъ направленій: славянофильства, западничества и народничества, Водовозовъ, по своимъ взглядамъ, ближе всѣхъ былъ къ западничеству, хотя никогда не грѣшилъ излишнею узкостью въ этомъ отношеніи и, какъ въ области школьнаго дѣла, такъ и въ другихъ явленіяхъ, очень хорошо видѣлъ многія темныя стороны западно-европейской жизни. Къ народничеству онъ относился скептически и, сослуживъ всею своею жизнью вѣрную службу народу, добродушно подтрунивалъ надъ тою его идеализаціею, которая замѣтна у нѣкоторыхъ писателей-народниковъ <sup>1)</sup>. Но если что ненавидѣлъ Водовозовъ всѣми

<sup>1)</sup> Въ 1880 г., въ одномъ изъ писемъ ко мнѣ, Водовозовъ говоритъ объ общинномъ землевладѣніи: „Мы вотъ всѣ крѣпко стоимъ за общину, видя въ ея развитіи кое-какой зачатокъ лучшаго общественнаго устройства. И мы не грѣшимъ, отыскивая отдѣльные факты отъ общей обстановки жизни. А зачѣмъ же ругается надъ нами

силами своей доброй души, такъ это славянофильство, или, точнѣе сказать, нео-славянофильство, представителями котораго являлись И. С. Аксаковъ, В. И. Ламанскій, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ и др. Всего яснѣе отразились взгляды Водовозова на нео-славянофильство въ его стихотвореніи, написанномъ въ началѣ 1881 г., подъ заглавіемъ: „Былое и настоящее. Элегія стѣраго славянофила“. Приведемъ большую часть этого стихотворенія, не вполне отдѣланнаго, но любопытнаго по своему содержанию:

„Въ былые дни нашъ другъ славянофилъ  
Въ поддѣвкѣ, въ сапогахъ смазныхъ ходилъ;  
Заглянетъ въ хату къ мужику порой  
И лобъ свой крестить истово-рукой;  
На лавку сядетъ, морщась, пьетъ квасокъ  
И мужичка онъ въ губы чмокъ да чмокъ.  
„Я русскій, братцы, русскій!“ онъ кричить.  
—Что жъ? добрый баринъ! пусть его чудить!

Хоть и ругнуть Европу былъ не прочь,  
Простякъ, онъ не считалъ грѣхомъ помочь  
И либералу, съ западникомъ пить,  
Иль Герцена къ намъ въ гости попросить.  
Не видѣлъ, молодежи доброхотъ,  
Онъ въ мясникахъ московскихъ весь народъ;  
Самъ въ православьи твердый, какъ гранитъ,  
Не гналъ людей на покаянье въ скитъ.  
Хотя порой и не заеталъ онъ въ высь,  
Все жъ говорилъ Россіи: „Не гордись,  
Не вѣрь лъстепамъ... опутана ты зломъ,  
И всякой скверны ты полна кругомъ“.

Теперь не то . . . . .  
И въ пиджакъ нашъ другъ славянофилъ  
Обычай свой отцовскій измѣнилъ.  
Теперь не вадѣнетъ онъ поддѣвки вновь,  
Россійскій квасъ ему сталъ нездоровъ,  
И разгонять Россійскую тоску  
Ужъ не пойдетъ онъ въ хату къ мужику;  
Не будетъ поселянамъ въ простотѣ  
Давать онъ цѣлованье о Христѣ...  
Зачѣмъ? Онъ сердце русское найдетъ  
И въ кулакъ, и въ немъ почтитъ народъ!

исторія, представляя, что эта форма народной жизни отлично уживалась радомъ со всякой эксплуатаціей народа, что сами эксплуататоры находили ее столь удобною для себя, что даже вслѣдствіи содѣйствовали ея распространенію, и, наконецъ, эта форма имѣла еще безцѣнное свойство укривать и сглаживать до послѣдней возможной степени грубыя черты народной бѣдности. Что же дѣлать, если такъ было? Община тутъ не виновата. Однако, можетъ быть, чего-нибудь недостаетъ и въ общинѣ.



Скорѣй поидеть онъ на блестящій пиръ,  
Гдѣ засѣдаетъ другъ его, банкиръ.

Иль пышныхъ фразъ и нѣжныхъ чувствъ букетъ  
Онъ понесетъ въ славянскій комитетъ.

За то, какъ онъ своимъ величьемъ гордъ:

Пиваль онъ медь съ Ильей-богатыремъ,  
Ловилъ Жарь-птицъ съ Иваномъ-дурачкомъ,  
Въ набушкѣ съ Бабкою-Ягой живаль,  
Какъ „русскимъ духомъ пахнетъ“, тамъ узналъ

Да, русскій духъ прозрѣлъ лишь онъ одинъ,  
Народныхъ думъ избранный властелинъ.

О, сколько тайнъ открылось тутъ ему,  
Дотолѣ неизвѣстныхъ никому:

Что чтитъ всегда начальство нашъ народъ,

Что молится, говѣетъ каждый годъ,

Что для него всего нужнѣй „увадъ“...

Еще узналъ ли, что онъ также ѣсть?

Нѣтъ, не совѣтъ! Еще нельзя сказать;

Чтобъ не любилъ народъ нашъ голодать.

Иначе бь какъ на тернистомъ пути

Великій крестъ смиренія нести?

Нѣтъ, этого вопроса не рѣшилъ

Еще вполне нашъ другъ славянофилъ.

Народъ! легко намъ о тебѣ скорбѣть!

Хвалы тебѣ, бряцающая мѣдь!

Въ самодовольствѣ сытомъ, все о томъ,

Какъ ты великъ въ страданья, мы поемъ;

Не протанувъ спасительной руки,

Плетемъ мы жертвѣ гибнущей вѣнки.

Кто жъ крылья дастъ недвижному уму?

Кто броситъ свѣтъ въ твою пѣмную тьму?..“

При своемъ отвращеніи къ нео-славянофильству Водовозовъ, разумѣется, не могъ сочувствовать и тѣмъ идеямъ, которыя проводилъ Достоевскій во второй половинѣ своей дѣятельности. Извѣстная рѣчь Достоевскаго на Пушкинскомъ праздникѣ въ Москвѣ вызвала энергическій протестъ Водовозова въ двухъ письмахъ ко мнѣ, изъ которыхъ привожу нѣкоторые мѣста. Празднество это вообще не понравилось Водовозову: „Мнѣ стало ужасно грустно, — писалъ онъ, — и даже взяла злость. Чтѣ же это? И ни одного, почти ни одного простого, сердечнаго слова о такомъ сердечномъ поэтѣ и страдальцѣ за идеаль любви и красоты, какъ Пушкинъ! Цѣлое море фразъ, въ которомъ, среди мутныхъ волнъ, не различишь ни личности Пушкина, ни простого здраваго смысла. Ахъ, въ такія минуты увлеченія и познается народъ, — и выходитъ, что мы народъ любвеобильный, но очень плохо мыслящій“. Переходя

нѣсколько далѣе въ Достоевскому, Водовозовъ продолжаетъ: „Сумасшедшее ликованіе, съ какимъ принята была рѣчь Достоевскаго, право, заставляетъ сильно опасаться за санитарное состояніе общества“. Говорятъ, „что у него искренность убѣжденія. Какой же маниакъ не искрененъ?.. Представьте только себѣ такую картину: буду ужъ говорить слогомъ вашихъ ораторовъ. Поэтъ, какъ Ифигенія—отъ алтарей, оскверненныхъ кровавыми человѣческими жертвами, отрываетъ ликъ своей богини; черезъ холодный, разсчетливый развратъ аристократическихъ салоновъ, чрезъ все дикое звѣрство арачьевской ватаги, онъ пронеситъ этотъ божественный ликъ и, наконецъ, самъ сгораетъ на кострѣ за свою богиню. Окруженный дикой ордою свѣтскихъ шалопаевъ, самъ онъ доходить въ своей борьбѣ до звѣрскаго остервенѣнія (это буквально). Понятно, что и на ликѣ богини, на ея свѣтлой одеждѣ, остались пятна, клочья, слѣды отъ прикосновеній нечистыхъ рукъ той свѣтской и казарменной толпы, черезъ которую влекли ее. Но все это, напоминая о вынесенной борьбѣ, приводитъ лишь въ умиленіе передъ чудной, хотя немного утратившей свой идеальный блескъ, красотою. И вотъ, не говоря ни слова о борьбѣ, возводить эти пятна, клочья, лохмотья въ самую сущность красоты, видѣтъ въ нихъ все совершенство богини Пушкина, составлять изъ нихъ идеалъ народнаго самопознанія, да еще мало этого—ставить такой идеалъ въ образецъ всей Европѣ, всему человѣчеству! Ну, не есть ли это самый неистовый бредъ? Что это такое всеобъемлемость, всевоплощеніе Пушкина? Съ одной стороны, это не болѣе, какъ отраженіе идей вѣка, съ другой—свидѣтельствуешь и о паткости почвы, на которой стоялъ онъ. Пушкина, пожалуй, можно сравнивать съ Ломоносовымъ: онъ началъ собою самостоятельную изящную литературу, какъ тотъ положилъ начало русской наукѣ. Но отчего не обратили вниманія на слѣдующій фактъ? Художественная простота, пониманіе жизненной правды, являются уже прежде Пушкина, у Батюшкова и Жуковского, разумѣется, въ предѣлахъ ихъ таланта. Значитъ, эта всевоплощаемость (ужасно глупое слово!) была у насъ лишь отголоскомъ общаго обращенія литературы къ жизни. Гёте и Шиллеръ, обзорѣвающие въ своихъ произведеніяхъ чуть ли не весь историческій міръ, и Байронъ, который отзывался на всѣ вопросы современной жизни, ужъ, конечно, обладали большею всевоплощаемостью, чѣмъ Пушкинъ. Но Пушкинъ—хоть, можетъ, и поверхностно—зналъ ихъ; онъ читалъ и Вольтера, онъ друженъ былъ съ декабристами. Всего этого было слишкомъ достаточно, чтобы направить такой сильный талантъ на новую дорогу. Весь вопросъ въ томъ, на-

сколько общечеловѣческія начала, выработанныя вѣкомъ, были имъ примѣнены (или по обстоятельствамъ возможно было примѣнить) при воссозданіи идеаловъ изъ русской жизни. Полонскій говорить въ своемъ стихотвореніи о Пушкинѣ:

„Другъ свободы, неповинный  
Въ жи и злобѣ нашихъ дней!“

„Нѣтъ, очень повинный, когда Достоевскій оправдываетъ имъ свое скопческое блужданіе среди призраковъ, Катковъ—свою катковскую неповолебимость при жалобныхъ крикахъ оскорбленнаго общества, а женскія учебныя заведенія ливаютъ, видя у него для себя идеаль въ Татьянѣ и Капитанской Дочкѣ! Безъ сомнѣнія, Пушкинъ открылъ русскую душу. Но кабая это душа? Иной разъ это, пожалуй, орелъ, смѣло рвущійся изъ клѣтки, или голубица, воркующая надъ своими птенцами, а иной разъ напоминаетъ и муху, которая пицить, ползая съ оборванными крыльями.

„Даръ напрасный, даръ случайный  
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана,  
Иль зачѣмъ судьбою тайной  
Ты на казнь обречена?“

„И на это нѣтъ отвѣта: сколько ни пици, все будешь ползать! И вотъ, Достоевскіе лѣзутъ на башню, становятся одною ногою на самый шпигъ, и оттуда, балансируя, кричатъ, что мы такимъ ползаньемъ облагодѣтельствуемъ все челоѣчество!... Во всякомъ случаѣ, Пушкинское торжество ужъ, конечно, отраднѣе всякаго другого, и, пожалуй, очень умилительно, что Шиллеровское

„Seid umschlungen Millionen“

возвѣщается изъ Москвы, этого средоточія русскаго кулачества“.

Упомянувъ затѣмъ о празднованіи Пушкинскаго дня въ Петербургѣ, Водовозовъ приводитъ слѣдующее стихотвореніе, набросанное имъ по поводу всѣхъ этихъ празднествъ:

„Поэты! тебя вѣнчаютъ лицеисты,  
Профессора, директора,  
Начальники всѣхъ вѣдомствъ и юристы  
И всѣ „разбойники пера“.  
Но гдѣ же обаянье грезы,  
Какую въ жизни содалъ ты?  
Гдѣ вдохновеніе и слезы  
Тобой воспѣтой красоты?“

Въ другомъ письмѣ Водовозовъ говорить о рѣчи Достоевскаго: въ ней „мало даже того поэтическаго эмфаза, на который я раз-

считывалъ "... По поводу чрезмѣрнаго превознесенія Достоевскимъ Пушкинской Татьяны, Водовозовъ замѣчаетъ, что поэтому въ Татьянѣ выставлена одна трогательная черта: отреченіе отъ прязранныхъ паденій для смиреннаго исполненія долга. Но, возведши въ идеаль одну эту черту, Пушкинъ лишь немногими намеками даетъ намъ угадывать дѣйствительное положеніе Татьяны. Борьба изъ-за любви къ Онѣгину тутъ еще далеко не все; тутъ дѣло совсѣмъ не въ томъ, измѣнить или не измѣнить Татьяна мужу. Если она дѣйствительно тяготится окружающею ее пошлой обстановкой, то, и не измѣняя мужу, можетъ создать для него такую муку, хоть бы своимъ вѣчно скрываемымъ страданіемъ, что старикъ генераль, наконецъ, скажетъ: „Да убирайся ты, матушка, со своими нюнями... поѣзжай хоть на воды!“ Если же она, исполняя великосвѣтскія приличія, чтобы поддержать достоинство мужа, въ этомъ уже нашла себѣ полное успокоеніе, то нѣтъ причинъ, почему бы считать ее идеаломъ изъ идеаловъ. „Другому отдана—и буду вѣкъ ему вѣрна“. Вѣдь это напоминаетъ Савельича, который пишетъ своему барину: „твой холопъ, рабски ноги цѣлую, а о барскомъ дитяти ужъ я позабочусь“. Да Савельичъ еще выше, идеальнѣе Татьяны. Для него ужъ совсѣмъ не было никакого ни выхода, ни выбора, и все-таки онъ умѣетъ сохранить безконечно нѣжное, человѣчное чувство въ отношеніяхъ къ своему питомцу, для котораго всѣмъ жертвуетъ. „Смирись и ищи въ самомъ себѣ правду“. Да, эти смиренные люди носятъ въ сердцѣ своемъ правду, только вотъ бѣда: эта правда все-таки не ихъ собственная, не ими отысканная и сознательно выработанная. Правда эта уже висѣла тутъ въ видѣ прибитаго на столбъ казеннаго объявленія, а они только приложили къ ней свое сердце. „Отдана—и вѣрна“. Чего же болѣе?“

Нѣсколько позднѣе, въ неизданномъ обширномъ произведеніи въ стихахъ, подъ названіемъ: „Сказка о старомъ и молодомъ Ильѣ“, Водовозовъ такимъ образомъ иронически подражаетъ рѣчи Достоевскаго на Пушкинскомъ праздникѣ:

„Нищій духомъ, блаженъ ты всегда!  
 Всякій гнетъ мы снесли, господа,  
 Но съ любовью... О, да, умудрись  
 Ты, скиталецъ-гордецъ, и смирись!  
 Погляди на народъ: всѣмъ какъ свой,  
 Былъ ли онъ хоть когда самъ собой?  
 И служилъ онъ другимъ весь свой вѣкъ,  
 Потому онъ и всечеловѣкъ;  
 Пусть онъ бѣденъ, пусть ѣсть хоть бы мохъ, —  
 Крестъ нести какъ иначе бь онъ могъ?“

Рухнетъ Западъ, исчадіе тьмы,  
Средь развалинъ останемся мы.  
Цѣлоупнымъ смиреньемъ своимъ  
Всеевропу въ себѣ воплотимъ.  
Да, мы альфа-омега всего;  
Кромѣ насъ, уже нѣтъ ничего!"

Послѣ прочтенія „Бѣсовъ“ Достоевскаго, Водовозовъ писалъ мнѣ: „Этотъ романъ богатъ внѣшними событіями и, сравнительно съ другими романами Достоевскаго, читается легко. Но впечатлѣніе ужасно северное, даже не по причинѣ великопостной тенденціи автора. Тутъ эта аллилуйя съ постнымъ масломъ еще не высказывается замѣтно, а виденъ только своеобразный нигилизмъ, беспощадно оплевывающій все, что привыкъ въ жизни считать хорошимъ: родственное чувство, любовь къ прекрасному, всякія общественныя стремленія, философію, искусство и науку, даже вѣру въ народъ и вообще въ здравый смыслъ русскаго человѣка. Положимъ, авторъ имѣлъ въ виду показать, какъ все это исказилось подъ вліяніемъ противнаго ему либерализма; но вѣдь тутъ нѣтъ и никакихъ проблесковъ хотя бы аскетической идеи, нѣтъ и намека на какое-нибудь, хотя бы и гадательное, добро“.

То же отрицательное отношеніе Водовозова къ проповѣди Достоевскаго выразилось и въ стихотвореніи, написанномъ въ январѣ 1881 г. по поводу смерти автора „Братьевъ Карамазовыхъ“:

„И нашелъ ты страданью исходъ  
Въ гордой мысли, что цѣлый народъ  
Дышетъ тою же вѣрой въ спасительный гнетъ,—  
Что покорно страдать онъ привыкъ  
И смиреніемъ этимъ великъ.

Но какъ страненъ всѣмъ голосъ твой былъ,  
Выходившій, какъ стонъ, изъ могилъ!  
И не понять, овлобленъ душой,  
Среди шумной толпы одинокъ,  
Всѣмъ, кто съ гордой за правду борьбой  
Къ свѣту шелъ, ты проклятыя изрекъ“<sup>1)</sup>...

Понятно, что ученіе гр. Л. Толстого о непротивленіи злу было такъ же несимпатично Водовозову, какъ и проповѣдь Достоевскаго.

<sup>1)</sup> „Русск. Стар.“ 1886 г., № 11, „Посмертныя стихотворенія“ Водовозова, № V.

## XI.

## ХАРАКТЕРЪ И ОБРАЗЪ ЖИЗНИ ВОДОВОЗОВА.

Юный душою до самой своей смерти, Водовозовъ былъ, какъ извѣстно, по своей внѣшности, старообразенъ еще въ Варшавѣ, когда ему было всего 22 — 24 года. Борода очень шла къ нему, и вообще его открытое, добродушное лицо невольно привлекало всякаго <sup>1)</sup>. На видъ онъ могъ показаться очень болѣзненнымъ: плоскогрудый, одна нога нѣсколько короче другой, блѣдный, страшно близорукій, онъ производилъ впечатлѣніе чловѣка слабого здоровья; въ дѣйствительности же Водовозовъ никогда не хворалъ. Вѣроятно, своему демократическому происхожденію онъ былъ обязанъ замѣчательно здоровыми нервами: Водовозовъ могъ спать, каковъ бы ни былъ шумъ около него, могъ работать при самой неудобной обстановкѣ, углубившись въ себя и совершенно не обращая вниманія на все, происходящее вокругъ. Способность писать въ самомъ неудобномъ положеніи была у него изумительная. Бывало, переѣзжаютъ съ дачи, на возы уложить всю мебель, и дачныя комнаты остаются совершенно пустыми, но если Водовозовъ задумалъ писать въ тотъ день, онъ не отложитъ этой работы и на нѣсколько часовъ: притащитъ со двора какой-нибудь обрубокъ, усядется на него, и пишетъ, обмакивая перо въ пузырекъ съ чернилами, стоящій тутъ же на полу. И все написанное такимъ образомъ выходитъ такъ же четко, какъ и всегда. Способность сосредоточиваться при всякихъ условіяхъ и, такъ сказать, совершенно отрѣшиться отъ окружающаго міра, была причиною сильной разсѣянности Водовозова, доходившей до того, что иногда онъ отправлялся изъ гимназіи домой безъ шапки.

Слишкомъ полагаясь на свои физическія силы, Водовозовъ велъ весьма неправильный образъ жизни, къ которому привыкъ еще во время преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Уставши днемъ на урокахъ, онъ ложился послѣ обѣда спать, вставалъ около 9 часовъ вечера и затѣмъ работалъ до 4—5 часовъ ночи, близко наклоняясь, вслѣдствіе крайней близорукости, въ книгѣ или рукописи и затягиваясь изъ длиннаго чубука. Тотъ же образъ жизни онъ продолжалъ вести и тогда, когда, будучи уже совершенно свободнымъ отъ всякихъ уроковъ, могъ бы со-

<sup>1)</sup> Портретъ Водовозова см. въ „Русской Старинѣ“ 1886 г., № 11.

вершено измѣнить прежній порядокъ. Такая жизнь не могла, разумеется, не отразиться на его слабомъ зрѣніи, и кончилось тѣмъ, что уже гдѣ за десять до смерти онъ утратилъ возможность работать однимъ глазомъ. За то Водовозовъ ежедневно выходилъ на воздухъ, а къ общественнымъ гуляньямъ и вообще многолюднымъ сборищамъ чувствовалъ положительную слабость: когда открывались балаганы, его нерѣдко можно было встрѣтить въ толпѣ народа; 1-го мая онъ непременно отправлялся пѣшкомъ въ Еватерингофъ. Лѣтомъ Водовозовъ велъ болѣе правильный образъ жизни: обыкновенно не спалъ послѣ обѣда, много гулялъ, возился цѣлый день въ садикѣ, гдѣ самъ разводилъ цвѣты, которые страстно любилъ, посѣщала увеселительныя заведенія, куда его всего болѣе привлекала возможность потолкаться въ разношерстой толпѣ. Отличаясь большими способностями къ различнымъ ручнымъ работамъ, онъ съ величайшею готовностью брался починить столъ или поправить замокъ, если въ томъ оказывалась надобность. Его любимымъ дачнымъ пребываніемъ было Парголово или деревни за шуваловскимъ паркомъ (особенно Заманиловка); тутъ онъ зналъ каждый уголокъ парка, каждую излучину рѣченки, впадающей въ парголовское озеро, и по ея берегамъ любилъ водить гостей, позволившихъ себѣ усомниться въ достоинствахъ парголовскихъ окрестностей. Когда жена Водовозова уѣзжала съ дѣтьми въ деревню къ матери, или однажды проводила лѣто для улучшения здоровья младшаго сына за границей, — Водовозовъ поселялся одинъ на задворкахъ перваго Парголова, совсѣмъ въ полѣ, въ крестьянской избѣ, безъ особой прислуги (обѣдать онъ ходилъ къ сестрѣ) и проводилъ время въ чтеніи, гуляньѣ, купаньѣ и ухаживаніи за цвѣтами. Такъ, напримѣръ, въ 1880 г. онъ писалъ женѣ: „Я завелъ у себя клумбу съ цвѣтами... Въ комнатѣ тоже наставилъ на окна резеду, петуніи, ландыши и герань... Хочешь знать, какъ провожу я время? Встаю около 8—9 часовъ и прежде всего черпаю въ сѣняхъ воду, чтобы умываться и заваривать кофе, потомъ зажигаю спиртъ и усаживаюсь за приготовленіе кофе. Булки покупаю обыкновенно съ вечера. Кофе я уже наострилса готовить какъ нельзя лучше. Тутъ хозяйка приносить мнѣ полбутылки сливокъ, мететь комнату и проч. Напившись досыта, я самъ аккуратно перемываю стаканы, кофейникъ, и все прибираю и устанавливаю на полкѣ. Послѣ этого, очистивъ столъ, сажусь читать, писать. Это занятіе иногда прерывается борьбой съ кошкой и курами. Такъ какъ я еще не устроилъ оконъ и не дерзаю отпирать ихъ, то для освѣженія комнаты

оставляю открытыми двери: тутъ-то и заходятъ ко мнѣ незваные гости. Особенно назойливѣ пѣтухъ, котораго ничѣмъ не выживешь: заберется подѣ шестокъ и доставай его оттуда. Послѣ обѣда время проходить въ небольшой прогулкѣ, въ чтеніи, въ приготовленіи чая". — „Я начинаю сживаться со всѣмъ этимъ, — писалъ Водовозовъ въ томъ же году, нѣсколько позднѣе, послѣ Пушкинскаго праздника, — и такимъ образомъ вполнѣ олицетворяю собою идеаль русскаго человѣка Достоевскаго: „Смирись и нищѣ въ самомъ себѣ правды". Да, я нашель ее, эту правду, и въ коровѣхъ, которую доятъ въ сараѣ противъ моего крыльца, и въ цыплятахъ, которыхъ постоянно гоняю изъ моего сада, чтобы они не портили цвѣтовъ, и въ двухъ вотахъ, одномъ черномъ, а другомъ бѣломъ... Все это совершенная правда, и я со всѣмъ этимъ свылся, сдружился, значить, эта правда во мнѣ, и я нашель ее, а такъ какъ я не мудрствую лукаво, доказывая, что воты и цыплята, вмѣстѣ съ бабами и коровами, должны усвоить лучшія начала гражданственности, — значить, я и смирился. И я не знаю, почему бы за все это я не заслуживаль такихъ же лобызаній и вѣнковъ, какъ Достоевскій. И я заслужу ихъ; мнѣ стѣитъ только во всеуслышаніе объявить: — Господа! вы ищите правды гдѣ-то далеко, далеко, — можетъ быть, въ Дрезденѣ, въ Парижѣ, въ Лондонѣ, — а посмотрите, какъ живу я: оеоло меня бѣгаютъ цыпляточка... тутъ коровка стоитъ задумчиво, тамъ два вота... Вы скажете: пустяки. Нѣтъ, постойте, вѣдь это все русское... иной русскій человѣкъ, можетъ, и всю жизнь ничего больше не зналь, кромѣ вотовъ и коровъ, и доволенъ своею долей. И я доволенъ, не нищу другой правды. Господа! только русское сердце способно такъ любить все, что ни случится: и цвѣты подѣ окномъ, и кучку навоза рядомъ съ ними. Если же такова всеобъемлемость русскои души... — Но меня уже прерываетъ громъ рукоплесканій" ...

Суровыя матеріальныя условія, въ которыхъ прошла большая часть жизни Водовозова, приучили его къ умѣренности: по желѣзной дорогѣ онъ всегда ѣздилъ въ 3-мъ классѣ, за границей также тратилъ очень мало. Впрочемъ, и въ послѣднія 15 лѣтъ жизни средства Водовозова были не таковы, чтобы можно было особенно вутить. Несмотря на то, что имъ было напечатано множество книгъ, доходъ съ нихъ, вслѣдствіе ихъ дешевизны, былъ такъ невеликъ, что еслибы не первая часть „Книги для первоначальнаго чтенія", то Водовозову нельзя было бы даже оставить частныя уроки. „Книга для первоначальнаго чтенія" дала возможность прожить конецъ жизни безбѣдно, но вовсе не принесла тѣхъ средствъ, какія ему приписывали.



Водовозовъ отличался весьма ровнымъ, спокойнымъ характеромъ; въ людямъ онъ относился съ величайшимъ добродушіемъ: „Я ни разу не слышалъ, — говоритъ г. Щиглевъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Водовозовѣ, — чтобы онъ жаловался на жизнь... Но да не подумаетъ кто-нибудь, что Водовозовъ смотрѣлъ на міръ черезъ розовыя очки... Нѣтъ, онъ зналъ, что такое жизнь, онъ хорошо зналъ исторію и отлично видѣлъ все неустройство въ социальномъ отношеніи. Онъ понималъ человѣка, правильно оцѣнивалъ его поступки, но самъ не любилъ заводить рѣчь о той или другой личности. Василию Ивановичу слишкомъ ясно представлялся внутренній образъ Ивана и Петра... онъ видѣлъ, какъ на ладони *подоплеку* ихъ и не могъ „сердиться“ на этихъ людей: онъ все прощалъ и вообще философски-невозмутимо смотрѣлъ на тѣ житейскія дразги, которыя людей съ другимъ характеромъ заставляютъ ссориться, сплетничать и пакостить другъ другу. Стремленія задрать кого-нибудь, вступить въ остро словную полемику и вообще погарцовать передъ кѣмъ-нибудь — такого стремленія не было въ Водовозовѣ. Если ему говорили, что вотъ такое-то „перо“ задѣло его... Водовозовъ, улыбаясь, обыкновенно, говорилъ: — „ну, что жъ... ну, пускай его тѣшитъ! Все это пустяки. Охота объ этомъ говорить!“ — Да, тихъ, скромный и молчаливъ былъ Водовозовъ, но настоящая, разумно-боевая сторона его жизни проявилась во *всей* дѣятельности его, какъ писателя-педагога-гражданина“<sup>1)</sup>.

Дѣйствительно, Водовозовъ въ высшей степени добродушно относился къ критикѣ его сочиненій: если его задѣвали, онъ скоро забывалъ объ этомъ. Это отчасти происходило отъ того, что онъ весь добросовѣстно отдавался дѣлу, отчасти отъ того, что въ немъ никогда не было мелочного самолюбія. Эта черта была хорошо извѣстна лицамъ, его знавшимъ, и нѣкоторые безцеремонно ею пользовались. Когда „Книга для первоначальнаго чтенія“ стала быстро расходиться, одинъ педагогъ, встрѣтивъ Водовозова въ педагогическомъ собраніи, сказалъ: — „Слыхалъ я, какъ прекрасно идетъ ваша книга: этакъ вы черезъ нѣсколько лѣтъ настоящимъ богачемъ сдѣлаетесь! Нынче выгодно писать книги для первоначальнаго чтенія. Вотъ, знаете, и я задумалъ написать такую книгу. Я нахожу многія статейки въ вашей „Книгѣ для первоначальнаго чтенія“ чрезвычайно удачными, и помѣщу ихъ у себя. Не правда ли, вы не будете въ претензіи? — и, не дожидаясь отвѣта, прибавилъ: — не только же вамъ съ

<sup>1)</sup> „Русск. Стар.“ 1886 г., № 11, стр. 414—415.

Ушинскимъ богатѣть, нужно и другимъ попользоваться!“ — „Конечно, — добродушно отвѣчалъ Водовозовъ: — отчего не помѣстить, если считаете полезнымъ, только бы книга была хорошая!“ — А вотъ другой случай. — Извѣстный педагогъ, баронъ Корфъ, будучи въ Петербургѣ, пріѣхалъ къ Водовозову съ визитомъ и, между прочимъ, сказалъ: — „Я нахожу, что ваша „Книга для первоначальнаго чтенія“ годится лишь для старшаго возраста, а вотъ вамъ моя книга („Нашъ Другъ“) — вы сами увидите, что ею лучше занять младшій возрастъ, а ваша книга можетъ служить для чтенія послѣ школы. Считаю долгомъ предупредить васъ, что я буду такимъ образомъ относиться къ ней, когда потребуютъ моей рекомендаціи“. — Когда Корфъ ушелъ, всѣ выразили удивленіе его откровенности, но Водовозовъ сталъ защищать его, утверждая, что если онъ высказываетъ вещи, которыя другіе говорятъ лишь за глаза, то это только свидѣтельствуеетъ о его порядочности.

Многіе учителя и учительницы въ народныхъ школахъ и учительскихъ семинаріяхъ, а также и учителя гимназій обращались къ Водовозову за совѣтомъ устно и письменно, и всѣмъ онъ отвѣчалъ съ величайшею готовностью. Многимъ нуждающимся учителямъ жертвовалъ и свои книги.

Мы уже не разъ указывали, какъ любили Водовозова его ученики; литературная дѣятельность создала ему гораздо болѣе обширный кругъ читателей: въ 70-хъ годахъ университетскіе студенты не разъ присылали Водовозову почетные билеты на устраиваемые ими вечера. Въ свою очередь, Водовозовъ до самой смерти сохранялъ живое сочувствіе къ молодежи и всѣмъ ея лучшимъ стремленіямъ. Когда, въ первой половинѣ 70-хъ годовъ, образовался получившій потомъ шутивное названіе „трезвой философіи“ кружокъ для чтенія научныхъ рефератовъ, въ которомъ изъявили готовность участвовать кромѣ молодежи нѣсколько извѣстныхъ писателей и профессоровъ, Водовозовъ не только принялъ въ немъ постоянное участіе, но и предложилъ въ числѣ другихъ свою квартиру для чтеній. Затѣмъ, на его вторникахъ, до самой его предсмертной болѣзни, бывало много молодежи, и Водовозовъ не отставалъ отъ нея въ веселой шуткѣ и болтовнѣ, журучивая свою складную трубочку, а также усердно участвовалъ и въ танцахъ, которыми обыкновенно даже самъ дирижировалъ. Водовозовъ танцевалъ еще на Рождествѣ 1885 г.! Когда затѣвалось пѣніе, онъ не прочь былъ и подпѣвать, хотя и не имѣлъ голоса (музыки Водовозовъ не понималъ и не любилъ ея). Для хороваго пѣнія онъ написалъ шутивное продолженіе извѣстной пѣсни „Настоечка двойная“: тутъ поминались и ревнители сла-

внщины, и „морфій классицизма“, и русскій писатель, нашедшій „счастье лишь въ кутузкѣ“, и излагалась русская исторія въ связи съ тѣмъ, что распивали на Руси въ то или другое время. За ужиномъ Водовозовъ нерѣдко импровизировалъ шуточные стихи на славянскомъ языкѣ, въ которыхъ всего чаще задѣвалъ славянофиловъ, а иногда и другихъ несимпатичныхъ ему дѣятелей литературы и науки. Попробовалъ Водовозовъ устроить у себя и спектакль, въ которомъ принималъ самое дѣятельное участіе, но способностей актера онъ не обнаружилъ.

Любя молодежь, Водовозовъ чрезвычайно любилъ и дѣтей. „Въ толпѣ дѣтей,—вспоминаетъ г. Щиглевъ,—онъ чувствовалъ себя особенно хорошо. Не могу забыть одной школьной елки, которую устроила учительница въ городской школѣ для дѣвочекъ (на Рождествѣ 1884 г.). Эта учительница была лично знакома съ Водовозовымъ и, зная, что онъ любитъ дѣтей и способенъ ихъ повеселить, пригласила его на эту елку. Явившись туда пораньше, г. Щиглевъ уже нашелъ Водовозова „въ дѣлѣ“: среди большой классной комнаты, освобожденной отъ столовъ и скамеекъ, подъ звуки заграничной гармоникки и визгливаго хора дѣвочекъ, Водовозовъ велъ какой-то не то хороводъ, не то полонезъ—и какъ велъ!.. съ чувствомъ, съ увлеченіемъ... Онъ серьезно командовалъ, махалъ то одной, то обѣими руками, присѣдалъ, когда это было нужно для уравнинія своего роста съ ростомъ своей дамы;—надо было видѣть восторгъ и полнѣйшее наслажденіе скачущихъ вокругъ него тридцати или сорока дѣвочекъ!“<sup>1)</sup> Водовозовъ былъ въ этой школѣ не только на праздникахъ: онъ пріѣзжалъ иногда и во время уроковъ, занимался съ дѣтьми, читалъ имъ свои сказки въ стихахъ, и т. п. За то и дѣти вспомнили о немъ, когда онъ былъ уже серьезно боленъ: на Пасхѣ они прислали ему яйцо вмѣстѣ съ трогательнымъ письмомъ, въ которомъ желали ему скораго выздоровленія.

Въ 1879 г. Водовозову пришлось пережить тяжелое горе: его старшій сынъ скончался отъ чахотки. Въ предыдущемъ году отецъ и мать возили его за границу, и онъ совершенно поправился, но осенью ему опять сдѣлалось хуже, и весной 1879 г. шестнадцати-лѣтній юноша умеръ на рукахъ матери, на хуторѣ, близъ Полтавы. Горе Водовозова выразилось въ двухъ прекрасныхъ стихотвореніяхъ, напечатанныхъ уже по смерти автора<sup>2)</sup>.

1) „Русск. Стар.“ 1886 г., № 11, стр. 415.

2) Ibid, стр. 427—429.

## XII.

## Болезнь и смерть.

За два года до смерти Водовозовъ сталъ замѣтно и быстро худѣть и хирѣть; но это вовсе не обнаруживалось упадкомъ силъ, а выражалось лишь еще большимъ истощеніемъ и безъ того съ виду уже истощеннаго организма. Несмотря на то, теперь, какъ и прежде, онъ легко и безъ всякой одышки взбѣгалъ по высокой лѣстницѣ, ежедневно работалъ до 4—5 часовъ ночи, ложась отдохнуть послѣ обѣда на часа полтора или два. Первый острый приступъ болѣзни, которая свела его въ могилу, обнаружился ночью на 1-ое января 1886 г. и выразился рвотой. Когда, спустя нѣкоторое время, рвота повторилась, былъ призванъ врачъ, который нашелъ лишь общее истощеніе и упадокъ силъ и полагалъ, что такое состояніе больного—естественный результатъ его лѣтъ и постоянной упорной умственной работы. Онъ надѣялся, что Водовозовъ поправится мѣсяца въ полтора, если только будетъ поддерживать легкую діету. Съ тѣхъ поръ общее исхуданіе все увеличивалось и рвота появлялась періодически, однако, кромѣ тяжелыхъ минутъ позыва на нее, Водовозовъ не чувствовалъ никакой боли. Какъ ни трудно было домашнимъ уговаривать Водовозова прибѣгать къ врачебной помощи, которой онъ не придавалъ никакого значенія, докторъ, въ концѣ концовъ, сталъ чаще посѣщать его, но лишь въ мартѣ заявилъ, что подозреваетъ тяжкую и опасную болѣзнь, оговариваясь, что еще не вполне увѣренъ въ этомъ. Тутъ только у больного появился замѣтный упадокъ силъ: онъ часто и днемъ сталъ ложиться на диванъ, но работать не переставалъ. Стояли прекрасные дни, и докторъ потребовалъ, чтобы онъ ежедневно гулялъ. Но въ первый же разъ, когда Водовозовъ вышелъ на воздухъ, онъ почувствовалъ слабость, мѣшавшую ему не только подниматься на лѣстницу, но и спускаться; тогда докторъ приказалъ выносить его въ креслѣ на воздухъ. Послѣ перваго такого путешествія Водовозовъ сталъ серьезно страдать, что ему приходится „на людяхъ“ подниматься и спускаться по лѣстницѣ. Усилившаяся слабость и измѣненіе погоды очень скоро заставили прекратить прогулки. Докторъ, лечившій Водовозова, и профессоръ Боткинъ, призванный на консилиумъ, категорически заявили, что спасти больного нѣтъ никакой возможности, что у него ракообразная опухоль въ желудкѣ и пищеводѣ. Больной не подозревалъ гро-

жившей ему опасности, такъ какъ ракъ, къ счастью, не сопровождался мучительными болями, какъ это нерѣдко бываетъ. Правда, частая рвота нѣсколько дней сряду, съ особенно-мучительными на нее позывами, заставили его настолько жестоко страдать, что въ это время, повидимому, у него впервые мелькнуло сомнѣнiе въ выздоровленiи. Это были самые тяжелые дни за всю его болѣзнь. Но и тутъ, отъ времени до времени, присущiй ему юморъ не оставлялъ его. Однажды послѣ мучительно долго продолжавшагося приступа, съ мертвенно-погнѣднѣвшимъ лицомъ, дрожащимъ голосомъ и со слезами на глазахъ, онъ продекламировалъ:

Проходила весна молодая  
 Съ лучезарнымъ вѣнцомъ на челѣ,  
 Къ свѣтлымъ днямъ благодатнаго мая  
 Пирь веселый готова землѣ.  
 Къ ней и я, истощенный и хилый,  
 Обратился съ мольбою моею:  
 Дай и мнѣ обновляющей силы,  
 Животворнымъ дыханьемъ повѣи!  
 — Ахъ, отстань, — мнѣ весна отвѣчаетъ, —  
 Я дрожу въ лихорадкѣ сама:  
 Съ юга солнце меня пригрѣваетъ,  
 Сзади, съ сѣвера, треплетъ зима!

Что у него тутъ впервые мелькнула мысль объ опасности, видно изъ того, что въ это время, въ болѣе покойныя минуты, онъ началъ знакомить жену съ своими издательскими дѣлами, которыми до сихъ поръ занимался всегда самъ.

Наконецъ, рвота прекратилась, и черезъ два-три дня Водозововъ своимъ бодрымъ видомъ обманулъ окружающихъ, которые стали надѣяться на его выздоровленiе, думая, что доктора ошиблись. Но слабость и поразительная худоба все увеличивались: теперь онъ совсѣмъ не могъ двигать ногами, не могъ поворачиваться съ боку на бокъ. Самымъ мучительнымъ въ его положенiи было то, что, вслѣдствiе страшнаго исхуданiя, ему было крайне больно лежать: подкладыванiе гуттаперчевыхъ круговъ плохо этому помогало. Но ни увеличивающаяся слабость, ни полное отсутствiе аппетита не смущали болѣе Водозова: то и другое онъ считалъ естественнымъ результатомъ продолжительной рвоты, столь ослабившей его, и возлагалъ надежду на весеннiе теплые дни, когда онъ надѣялся перебраться на дачу, а затѣмъ, нѣсколько оправившись, немедленно уѣхать за границу. Теперь онъ былъ твердо увѣренъ, что выздоровѣетъ, и только два обстоятельства постоянно смущали его: что онъ не можетъ работать, и что своею болѣзнию, какъ онъ выражался, взбудоражилъ весь домъ. Хотя голова его

была по прежнему свѣжа, но руки оказывались слишкомъ слабыми: онъ могъ еще держать ими разные предметы, но пальцы плохо повиновались и перо выпадало изъ рукъ, когда онъ начиналъ что-нибудь набрасывать. Тѣмъ не менѣе, онъ продолжалъ уже ранѣе начатыя занятія съ 15-лѣтней дѣвочкой, служившею въ домѣ, и съ мальчикомъ прачки, приходившимъ къ нему. Не было возможности отговорить его отъ этихъ занятій, которыя видимо его утомляли; до послѣдняго дня жизни онъ занимался съ учениками, рассказывалъ, заставлялъ повторять, показывалъ картинки и глобусъ, придерживая его своими слабыми, дрожащими руками. Вѣчно дѣятельный, постоянно въ работѣ, съ утра до поздней ночи, онъ не могъ выносить праздности и въ послѣднія минуты.

Зная, какъ Водовозовъ не любитъ безпокоить кого-нибудь ночью, домашніе рѣшили, еще мѣсяца за два до смерти, дежурить по ночамъ у него или въ сосѣдней комнатѣ. Величайшее вниманіе со стороны служащихъ въ домѣ людей въ высшей степени трогало его; дѣйствительно, они чрезвычайно любили и уважали его, и съ полнѣйшею готовностью по очереди ухаживали за нимъ по ночамъ.

Въ послѣдніе дни жизни у Водовозова явилось какое-то особенное умственное возбужденіе. Онъ говорилъ, что стѣдуетъ ему забыться на нѣсколько минутъ, и передъ нимъ сразу выясняется та или другая работа. Газеты и статьи въ журналахъ, которыя ему читали, онъ цѣлыми страницами запоминалъ слово въ слово и говорилъ, что долженъ былъ дѣлать иногда большія усилія, чтобы сдерживать себя и не произносить ихъ вслухъ безъ всякаго повода.

Послѣднюю ночь Водовозовъ провелъ безпокойно: забываясь на нѣсколько минутъ, онъ безсознательно начиналъ стонать. Въ 6 часовъ утра онъ отказался отъ молока, которое ему обыкновенно приносили въ это время, однако пересталъ стонать и тихо, покойно лежалъ съ закрытыми глазами; но когда черезъ часъ жена нагнулась къ нему и спросила, какъ онъ себя чувствуетъ, онъ открылъ глаза и шопотомъ отвѣчалъ: „нехорошо... очень severely“. Затѣмъ черезъ полчаса большой снова открылъ глаза со словами: „поверните меня на другой бокъ, положите мнѣ руку на подушку“. Когда это было исполнено, онъ продолжалъ лежать съ открытыми глазами. Вдругъ кровь мгновенно притекла къ его щекамъ, но въ слѣдующую затѣмъ минуту по лицу разлилась мертвенная блѣдность. Онъ не подавалъ ни малѣйшаго признака жизни, не произнесъ болѣе ни звука, ни одного стона не вы-

рвалось изъ его груди, никакой судороги не пробѣжало по лицу, не дрогнулъ ни одинъ мускулъ. Водовозовъ умеръ, 17-го мая 1886 г., безъ агоніи, мгновенно.

Похоронили Водовозова 19-го мая на Смоленскомъ владбищѣ, рядомъ съ его старшимъ сыномъ, умершимъ въ 1879 г. На могилѣ произнесъ рѣчь сослуживецъ покойнаго по смольному институту и первой гимназіи, извѣстный педагогъ Д. Д. Семеновъ; между прочимъ, онъ сказалъ въ ней: „Вѣчная память тебѣ, Василій Ивановичъ! Вѣчную память сохранять о тебѣ миллионы русскихъ дѣтей, которыя учились по твоей „Книгѣ для чтенія“!.. Вѣчную память сохранять о тебѣ и учителя, которымъ ты преподавалъ лучшія начала обученія родному языку! Вѣчную память сохранять о тебѣ и многочисленные твои ученики и ученицы, которые, благодаря твоему вліянію, продолжаютъ честно трудиться на жизненномъ поприщѣ!“

Въ этотъ же день въ печати появилась теплая замѣтка В. П. Острогорскаго, посвященная памяти Водовозова. „Сегодня, — сказано въ ней, — хоронятъ одного изъ послѣднихъ немногихъ нашихъ старыхъ учителей словесности, благороднѣйшихъ и образованнѣйшихъ идеалистовъ сороковыхъ годовъ; эти люди въ своемъ преподаваніи не гнались только за одной сухой передачей формальныхъ знаній, но развивали въ молодежи эстетическій вкусъ, любознательность и горячую любовь ко всему высокому и прекрасному, воспитывали въ юношѣ челоуѣва... Множество поколѣній его ученицъ и учениковъ съ трогательною благодарностью вспоминаетъ о своемъ добромъ учителѣ-поэтѣ, которому они обязаны тѣмъ, что вышли „изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ годы суроваго мужества“, сохранивъ въ душѣ добрыя стремленія, вѣру въ науку и челоуѣва и любовь къ родинѣ, почерпнутыя изъ его, полныхъ жизни и интереса, уроковъ и бесѣд“. Водовозовъ „внесъ въ нашу учебную литературу такіе капитальные труды, какъ „Словесность въ образцахъ и разборахъ“ или „Новая русская литература“, которые, вмѣстѣ съ трудомъ В. Я. Стоюнина, окончательно уничтожили прежнюю схоластику въ преподаваніи родного языка и дали словесности, какъ учебному предмету, свѣтъ и жизнь. Литературная дѣятельность“ Водовозова, „выразившаяся въ цѣломъ рядѣ прекрасныхъ книгъ... продолжалась непрерывно... до самой его смерти. Рѣдкій учитель, честный, добросовѣстный и разносторонне-образованный литераторъ, покойный Водовозовъ всю жизнь свою, сорокъ лѣтъ которой онъ посвятилъ педагогіи и литературѣ, оставался симпатичнѣйшимъ, сердечнымъ и отзывчивымъ на все благое челоуѣкомъ, разливав-

шимъ вокругъ себя тихій свѣтъ любви къ человѣку, родинѣ, литературѣ и наукѣ во всѣхъ его окружавшихъ, особенно въ молодежи, такъ его любившей. Для этой-то молодежи, предъ которой впереди цѣлая жизнь, покойный явилъ собой высокій образецъ, какъ нужно, несмотря ни на какія невзгоды, оставаться твердымъ до конца, не покладая рукъ и не опуская головы, работать энергически, съ вѣрой въ благотворное значеніе честнаго труда, и въ преклонныхъ лѣтахъ, послѣ всѣхъ житейскихъ бурь, продолжать любить свою родину и чутко отзываться сердцемъ своимъ на все, что проситъ у сердца отвѣта. Такія цѣльныя поэтическія личности, до сѣдыхъ волосъ благородно трудящіяся съ вѣрой въ лучшее будущее, въ нашемъ обществѣ чрезвычайно рѣдки, почему и утрата такихъ людей особенно тяжела“...

В. СЕМЕВСКІЙ.





---

# ПОШЕХОНСКАЯ СТАРИНА

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ НИКАНОРА ЗАТРАПЕВНАГО.

---

## VI.—ДѢТИ.—ПО ПОВОДУ ПРЕДЫДУЩАГО \*).

И вотъ теперь, когда со всѣхъ сторонъ меня обступило старчество, я вспоминаю дѣтскіе годы, и сердце мое невольно сжимается всякій разъ, какъ я вижу дѣтей. Пускай, впрочемъ, читатель не пугается: я не поведу его по этому поводу въ область отвлеченностей и обобщеній. Не стану, напримѣръ, доказывать, что отношусь тревожно къ дѣтскому вопросу, потому что съ разрѣшеніемъ его тѣсно связано благополучіе или злополучіе страны; не буду ссылаться на то, что мы съ школьной скамьи научились провидѣть въ дѣтяхъ устроителей грядущихъ историческихъ судебъ. Нѣтъ, я просто, безъ околичностей, говорю: мнѣ жаль дѣтей, не ради какихъ-нибудь соціологическихъ обобщеній, а ради ихъ самихъ.

Тѣмъ не менѣе, прошу читателя не думать, что я считаю отвлеченности и обобщенія пустоопорожною фразой. Нѣтъ, я вѣрилъ и теперь вѣрю въ ихъ живоносную силу; я всегда былъ убѣжденъ и теперь не потерялъ убѣжденія, что только съ ихъ помощью человѣческая жизнь можетъ получить правильные и прочные устои. Формулированію этой истины была посвящена лучшая часть моей жизненной дѣятельности, всего моего существа.—Не погрязайте въ подробностяхъ настоящаго,—говорилъ и писалъ я,—но воспитывайте въ себѣ идеалы будущаго; ибо это своего рода солнечные лучи, безъ оживотворяющаго дѣйствія ко-

---

\*) См. выше: ноябрь, 192 стр.

торыхъ земной міръ обратился бы въ камень. Не давайте окаменѣть и сердцамъ вашимъ, вглядывайтесь часто и пристально въ свѣтящіяся точки, которыя мерцаютъ въ перспективахъ будущаго. Только недалезоркимъ умамъ эти точки кажутся безпочвенными и оторванными отъ дѣйствительности; въ сущности же онѣ представляютъ собой не отрицаніе прошлаго и настоящаго, а результатъ всего лучшаго и человѣчнаго, завѣщаннаго первымъ и вырабатывающагося въ послѣднемъ. Разница заключается только въ томъ, что, создавая идеалы будущаго, просвѣтленная мысль отсѣкаетъ всѣ злыя и темныя стороны, подъ игомъ которыхъ изнывало и изнываетъ человѣчество.

Къ сожалѣнію, увѣты мои были голосомъ вопіющаго въ пустынѣ. Конечно, прорывались минуты, когда мнѣ казалось, что общество вступаетъ на стезю вѣрованій—и сердце мое оживлялось. Но это было лишь кратковременное марево, которое немедленно же смѣнялось самою суровою дѣйствительностью. Умами снова овладѣла „злоба дня“, общество снова погружалось въ безсодержательную суматоху; мракъ сгущался и безсрочно одолевалъ робкіе лучи свѣта, на мгновеніе озарившіе жизнь. И,—кто знаетъ,—можетъ быть, недалеко время, когда самыя скромныя ссылки на идеалы будущаго будутъ возбуждать только ничѣмъ не стѣсняющійся смѣхъ...

Но возвращаюсь къ дѣтямъ. Если дать вѣру общепризнанному мнѣнію, то нѣтъ возраста болѣе счастливаго, нежели дѣтскій. Дѣтство безопасно и не смущается мыслью о будущемъ. Если у него есть горе, то это горе дѣтское; слезы—тоже дѣтскія; тревоги—милолетныя, которыя даже формулировать съ полною опредѣлительностью нельзя. Посмотрите на Гришу или Маню—ихъ личики еще не обсохли отъ слезъ, какъ уже снова расцвѣли улыбкой. Посмотрите, какъ дѣти беззаботно и весело рѣзвятся, всецѣло погруженныя въ свои насущныя радости, и даже не подозревая, что въ окружающемъ ихъ мірѣ гнѣздится какое-то злое начало, которое подтачиваетъ миллионы существованій. Жизнь ихъ течетъ, свободная и спокойная, въ одиѣхъ и тѣхъ же рамкахъ, сегодня какъ вчера, но самое однообразіе этихъ рамокъ не утомляетъ, потому что содержаніемъ для нихъ служить непрерывное душевное ликование. Всѣ дѣйствія дѣтей свидѣтельствуютъ о невозмутимомъ душевномъ равновѣсіи, благодаря которому они мгновенно забываютъ о чуть замѣтныхъ горестяхъ, встрѣчающихся на ихъ пути. Нужно только слѣдить, чтобы развитіе дѣтей шло правильно; нужно оградить ихъ отъ матеріальныхъ опасностей и зачатковъ нравственныхъ увлеченій, которыя могутъ повредить

имъ въ будущемъ. Эту задачу возьметъ на себя разумная педагогика и выполнитъ ее такъ, что дѣти и не почувствуютъ тяготѣющей надъ ними ферылы.

Такъ гласитъ общепризнанное мнѣніе. Такъ долгое время думалъ и я, забывая о своемъ личномъ прошломъ. Внѣшность оказывала на меня подкупающее дѣйствіе. Безпечно рѣзвиться, пребывать въ невѣденіи зла, ничего не провидѣть даже въ собственномъ будущемъ, всѣмъ существомъ отдаваться наслажденію насущной минутой—развѣ возможно представить себѣ болѣе завидный удѣлъ? О, дѣти, дѣти! Какую благодарную, воспріимчивую почву представляютъ ихъ сердца для руководительства! Скажутъ имъ: нужно любить папеньку съ маменькой—они любятъ; прикинуть сюда тѣтенежъ, дяденежъ, сестрицъ, братцевъ и даже православныхъ христіанъ — они и ихъ помянутъ въ молитвахъ своихъ. Таковы несложныя дѣтскія обязанности относительно присныхъ и ближнихъ, а рядомъ съ ними преподаются и житейскія правила, столь же простыя и удобныя для воспріятія. Рѣзвиться, но не шумѣть, за обѣдомъ сидѣть прямо и не вмѣшиваться въ разговоры старшихъ; смотрѣть весело вообще, и въ особенности при гостяхъ, и т. д. Какой родитель, не исключая самаго зауряднаго, затруднится внѣдрить эти элементарныя правила въ воспріимчивое дѣтское сердце? И какое дѣтское сердце не понесется на встрѣчу такимъ необременительнымъ правилами? А когда ребенокъ вступитъ въ отроческій возрастъ и родителямъ покажется недосужно или затруднительно заниматься его воспитаніемъ, то на мѣсто ихъ появится разумная педагогика и напишетъ на порученной ей *tabula rasa* свои письмена. Она научитъ почитать старшихъ, избѣгать общества неблаговоспитанныхъ людей, вести себя скромно, не увлекаться вредными идеями и т. д. При помощи этихъ новыхъ правилъ, сфера „воспитанія“ постепенно расширится, доведетъ до надлежащей мягкости восковое дѣтское сердце и въ то же время не дозволитъ червю сомнѣнія заполнить въ тайники дѣтской души.

Сомнѣнія!—развѣ совмѣстима рѣчь о сомнѣніяхъ съ мыслью о вѣчно-ликующихъ дѣтяхъ? Сомнѣнія — вѣдь это отравяющее существованія. Благодаря имъ, человекъ впервые получаетъ понятіе о несправедливостяхъ и тяготахъ жизни; съ ихъ вторженіемъ, онъ начинаетъ сравнивать, анализировать не только свои собственныя дѣйствія, но и поступки другихъ. И горе, глубокое, неизбывное горе, западаетъ въ его душу; за горемъ слѣдуетъ ропотъ, а отсюда только одинъ шагъ до озлобленія...

О, нѣтъ! ничего подобнаго, конечно, не допускать разумные

педагоги. Они сохраняютъ дѣтскую душу во всемъ ея невѣденіи, во всей непочатости, и оградятъ ее отъ злыхъ вторженій. Мало того: они употребятъ всѣ усилія, чтобы продлить дѣтскій возрастъ до крайнихъ предѣловъ, до той минуты, когда сама собой вторгнется всеразрушающая сила жизни и скажетъ: отнынѣ начинается пора зрѣлости, пора искупленія непочатости и невѣденія!

Повторяю: такъ долгое время думалъ я, вслѣдъ за общепризнаннымъ мнѣніемъ о привилегіяхъ дѣтскаго возраста. Но чѣмъ больше я углублялся въ дѣтскій вопросъ, чѣмъ чаще припоминалось мнѣ мое личное прошлое и прошлое моей семьи, тѣмъ больше раскрывалась передо мной фальшь моихъ воззрѣній.

Прежде всего, мнѣ представилась мысль о необычайной интенсивной силѣ злополучія, разлитого въ человѣческомъ обществѣ. Злополучіе такъ цѣвко хватается за все живущее, что только очень рѣдкіе индивидуумы ускользаютъ отъ него, но и они, въ большинствѣ случаевъ, пользуются незавидной репутаціей простодушныхъ людей. Куда вы ни оглянитесь, вездѣ увидите присутствіе алошастія и массу людей, задыхающихся подъ игомъ его. Форма алошастія разнообразна, разнообразна также степень сознательности, съ которою переносятъ челоуѣкъ настагающее его иго, но обязательность послѣдняго одинакова для всѣхъ. Неправильность устоевъ, на которыхъ зиждется общественный строй— вотъ гдѣ кроется источникъ этой обязательности, и потому она не можетъ миновать ни одного общественнаго слоя, ни одного возраста челоуѣческой жизни. Пронизывая общество сверху до низу, она не оставляетъ внѣ своего вліянія и дѣтей.

Говорятъ: посмотрите, какъ дѣти безопасно и весело рѣваются, —и отсюда дѣлаютъ посылку къ ихъ счастью. Но вѣдь рѣзвость, въ сущности, только свидѣтельствуетъ о потребности движенія, свойственномъ молодому, не надломленному организму. Это явленіе чисто физическаго порядка, которое не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія на будущія судьбы ребенка, и которое, слѣдовательно, можно совершенно свободно исключить изъ счета элементовъ, совокупность которыхъ дѣлаетъ завиднымъ дѣтскій удѣлъ.

Затѣмъ, взгляните пристальнѣе въ волнующуюся передъ вами дѣтскую среду, и вы безъ труда убѣдитесь, что *не всѣ* дѣти рѣваются, и что во всякомъ случаѣ не всѣ рѣваются *одинаково*. Одни рѣваются смѣло и искренно, какъ бы сознавая свое право на рѣзвость; другіе—рѣваются робко, урывками, какъ будто возможность рѣвиться составляетъ для нихъ нѣчто въ родѣ милости; третьи, наконецъ, угрюмо прячутся въ сторону и издали

наблюдают за играми сверстниковъ, такъ что даже когда ихъ случайно заставляютъ рѣзвиться, то они дѣлаютъ это вяло и неумѣло. Но этого мало: вы убѣдитесь, что существуетъ на свѣтѣ цѣлая масса дѣтей, забытыхъ, приниженныхъ, брошен-ныхъ съ самыхъ пеленокъ.

Я знаю, что, въ глазахъ многихъ, выводы, полученные мною изъ наблюдений надъ дѣтьми, покажутся жестокими. На это я отвѣчаю, что ищу не утѣшительныхъ (во что бы ни стало) выводовъ, а правды. И, во имя этой правды, иду даже далѣе, и утверждаю, что изъ всѣхъ жребіевъ, выпавшихъ на долю живыхъ существъ, нѣтъ жребія болѣе злосчастнаго, нежели тотъ, который достался на долю дѣтей.

Дѣти ничего не знаютъ о качествахъ экспериментовъ, кото-рые надъ ними совершаются — такова общая формула дѣтскаго существованія. Они не выработали ничего *своего*, что могло бы дать отпоръ попыткамъ извратить ихъ природу. Колея, по кото-рой имъ предстоитъ идти, проложена произвольно, и всего чаще представляеть собой дѣло случая.

Не всѣ родители обязательно опыты и разумны; не всѣ педагоги настолько проникательны, чтобы угадать природу ребенка, вѣреннаго ихъ воспитанію. По болѣшей части, въ этомъ дѣлѣ господствуетъ полное смѣшеніе, которое способно извратить даже наиболѣе счастливо одаренную дѣтскую природу. Но, кромѣ случайности, дѣтей преслѣдуетъ еще „система“. Система представляеть собой плодъ временнаго общественнаго настроенія и на все живущее накладываетъ свою тяжелую руку. Она вырабатыываетъ массу разнообразнѣйшихъ жизненныхъ формулъ, по болѣшей части искусственныхъ и удовлетворяющихъ исключи-тельно взглядамъ и требованіямъ минуты. Дѣти въ этомъ смыслѣ составляютъ самую легкую добычу, которою она овладѣваетъ вполне безнаказанно, въ полной увѣренности, что восковое дѣт-ское сердце всякую педагогическую затѣю приметъ безъ про-тиводѣйствія.

Припомните: развѣ исторія не была многократно свидѣтель-ницей мрачныхъ и жестокихъ эпохъ, когда общество, гонимое паникой, перестаетъ вѣрить въ освѣжающую силу знанія и ищетъ спасенія въ невѣжествѣ? Когда мысль человѣческая осуж-дается на бездѣйствіе, а дѣйствительное знаніе замѣняется мас-сою бесполезностей, которыя отдають жизнь въ жертву неосмы-сленности; когда идеалы меркнутъ, а на вѣрованія и убѣжденія налагается безусловный запретъ?... Гдѣ ручательство, что подоб-ныя эпохи не могутъ повториться и впредь?

Мучительно жить въ такія эпохи, но у людей, уже вступивших на арену зрѣлой дѣятельности, есть, по крайней мѣрѣ, то преимущество, что они сохраняютъ за собой право бороться и погибать. Это право избавить ихъ отъ душевной пустоты и наполнить ихъ сердца сознаниемъ выполненнаго долга, — долга не только передъ самимъ собой, но и передъ человѣчествомъ.

Это послѣднее сознание въ особенности важно, ибо оно составляетъ не только преимущество, но и утѣшеніе. Для убѣжденной и вѣрующей мысли представленіе о человѣчествѣ является отнюдь не отдаленнымъ и индифферентнымъ, какъ объ этомъ гласитъ недалновидная „злоба дня“. Нѣтъ, между первымъ и послѣднею существуетъ неразрывная цѣпь, каждое звено которой обладаетъ передаточною силою, доведенной до крайнихъ предѣловъ чуткости. Съ помощью этой цѣпи, борьба настоящаго неизбежно откликнется въ тѣхъ глубинахъ, въ которыхъ таятся будущія судьбы человѣчества, и заронитъ въ нихъ плодотворное сѣмя. Не всѣ лучи свѣта погибнуть въ перипетіяхъ борьбы, но часть ихъ прорѣжетъ мракъ и дастъ исходную точку для грядущаго обновленія. Эта мысль заставляетъ усиленнѣе биться сердца поборниковъ правды и укрѣпляетъ силы, необходимыя для совершенія подвига. Ибо это во истину сладчайшій изъ подвиговъ, и сознание, что онъ выполненъ бодро и безъ колебаній, во истину можетъ пролить утѣшеніе въ поруганныя и измученныя сердца.

Никакимъ подобнымъ преимуществомъ не пользуются дѣти. Они чужды всякаго участія въ личномъ жизнестроительствѣ; они слѣпо слѣдуютъ указаніямъ случайной руки, и не знаютъ, что эта рука сдѣлаетъ съ ними. Поведетъ ли она ихъ къ торжеству, или къ гибели; укрѣпитъ ли ихъ настолько, чтобы они могли выдержать напоръ неизбежныхъ сомнѣній, или отдастъ ихъ въ жертву послѣднимъ? Даже приобрутая знанія нерѣдко цѣною мучительныхъ усилій, они не отдаютъ себѣ отчета въ томъ, дѣйствительно ли это знанія, а не бесполезности...

Какъ я упомянулъ выше, дѣйствительное назначеніе дѣтей, какъ оно представлялось до сихъ поръ—это играть роль *animæ vilis*, для производства всякаго рода воспитательныхъ опытовъ.

Начните съ родителей. Папаша желаетъ, чтобы Сережа шелъ по гражданской части; мамаша настаиваетъ, чтобы онъ былъ офицеромъ. Папаша говоритъ, что назначеніе человѣка—творить судъ и расправу. Мамаша утверждаетъ, что есть назначеніе еще болѣе высокое — защищать отечество противъ враговъ.

— А вотъ убьютъ его у тебя при первой же войнѣ!— угрожаетъ папаша,

— Не безпокойся, не убьютъ! Мы его тогда домой выпросимъ!— возражаетъ мамаша.

Неумные эти разговоры, съ незначительными видоизмѣненіями, возобновляются непрерывно въ присутствіи самого Сережи, который чутко вслушивается, и колеблется, къ какой сторонѣ пристать. Но родители у него не промахъ. Они смекаютъ, что настоять на своемъ они не могутъ иначе, какъ при содѣйствіи самого Сережи; и знаютъ, какъ добиться этого содѣйствія. Пускай онъ, хоть не понимая, скажетъ: „ахъ, папаша! какъ бы мнѣ хотѣлось быть прокуроромъ, какъ дядя Коля!“ или: „ахъ, мамаша! когда я сдѣлаюсь большой, у меня непременно будутъ на плечахъ такіе же густые эполеты, какъ у дяди Паши, и такіе же душистые усы!“ Эти наивныя пожеланія навѣрное возымѣютъ свое дѣйствіе на родительскія рѣшенія.

— Вотъ видишь, онъ самъ свое призваніе чувствуетъ!— молвить папаша.

— Ахъ, Serge, Serge! а что ты вчера говорилъ! объ эполетахъ-то и позабылъ?— уворить Сережу мамаша.

И вотъ, чтобы получить Сережино содѣйствіе, съ обѣихъ сторонъ употребляется давленіе. Со стороны папаша оно заключается въ томъ, что онъ, отъ времени до времени, награждаетъ Сережу тычками и говорить:

— Вотъ, погоди ты у меня, офицеръ!

Со стороны мамаша давленіе имѣетъ болѣе привлекательныя формы. Она прикармливаетъ Сережу конфетами и пирожками, приговаривая:

— Будешь, Сережа, офицеромъ? да?

Въ концѣ концовъ, мамаша побѣждаетъ; Сережа надѣваетъ офицерскій мундиръ, и, счастливый, самодовольный, мчится въ собственной пролеткѣ и на собственномъ рысакѣ по Невскому.

Но очарованіе въ нашъ расчетливый вѣкъ проходитъ быстро. Черезъ три-четыре года Сережа начинаетъ задумываться и склоняется къ мысли, что папаша былъ правъ.

Да, въ наши дни истинное назначеніе человѣка именно въ томъ состоитъ, чтобы творить судъ и расправу. Большинство Сережиныхъ сверстниковъ уже съ успѣхомъ предается этой профессіи. Митя Потанчиковъ—товарищъ прокурора; Федя Стригуновъ—членъ окружнаго суда, а Макарь Полудинъ даже на чеку быть вице-губернаторомъ. А онъ, Сережа, все еще субалтернъ-офицеръ. Онъ не можетъ пожаловаться, что служба его идетъ

туго и что начальство равнодушно къ нему, но есть что-то въ самой избранной имъ карьерѣ, что дѣлаетъ его жребій не вполне удовлетворительнымъ. Виѣшніе враги примолкли, слухи о близкой войнѣ оказываются несостоятельными — слѣдовательно, не предвидится и случая для покрытія себя славою. Притомъ же, слава славою, а что ежели убьютъ?

— Ah, sacrebleu!

Остаются враги внутренніе, но борьба съ ними даже въ отличіе не вмѣняется. Какъ субалтернъ-офицеръ, онъ не играетъ въ этомъ дѣлѣ никакой самостоятельной роли, а лишь слѣдуетъ указаніямъ того же Мити Потанчикова.

— Я покуда разговаривать буду, — говорить Мита: — а ты тѣмъ временемъ постереги входы и выходы...

Сережѣ становится горько. Потребность творить судъ и праву такъ широко развилась въ обществѣ, что начинается подтачивать и его существованіе. Помилуйте! какой же онъ офицеръ! и здоровье у него далеко не офицерское, да и совсѣмъ онъ не такъ храбръ, чтобы летѣть на встрѣчу смерти, ради стяжанія лавровъ. Нѣтъ, надо какъ-нибудь это дѣло поправить! И вотъ, онъ больше и больше избѣгаетъ собесѣдованій съ мамашей, и чаще и чаще совѣщается съ папашей...

Въ одно прекрасное утро, Сережа является домой въ штатскомъ платьѣ. Мамаша падаетъ въ обморокъ, восклицая:

— Но я надѣюсь, что ты, по крайней мѣрѣ, будешь камеръ-юнкеромъ!

— Мамаша! простите ли вы меня? — умоляетъ онъ, падая на колѣни.

Я знаю, что страданія и неудачи, описанныя въ сейчасъ приведенномъ примѣрѣ, настолько малозначительны, что не могутъ считаться особенно-убѣдительными. Но вѣдь дѣло не въ силѣ страданій, а въ томъ, что они падаютъ на голову неожиданно, что творцомъ ихъ является слѣпой случай, не признающій никакой надобности вникать въ природу воспитываемаго и не встрѣчающій со стороны послѣдняго ни малѣйшаго противо-дѣйствія.

Гораздо болѣе злостными оказываются послѣдствія, которыя влечетъ за собой „система“. Въ этомъ случаѣ, дѣтская жизнь подтачивается въ самомъ корнѣ, подтачивается безвозвратно и неисправимо, потому что на помощь системѣ являются мастера своего дѣла, — педагоги, которые служатъ ей не только за страхъ, но и за совѣсть.

Въ согласность ея требованіямъ, они ломаютъ природу ре-



бенка, погружаютъ его душу въ мракъ, и ежели не всегда съ полною откровенностью ратуютъ въ пользу полного водворенія невѣжества, то потому только, что у нихъ есть подходящее средство обойти эту слишкомъ крайнюю мѣру общественнаго спасенія и замѣнить ее другою, не столь рѣзко возмущающею человѣческую совѣсть, но столь же дѣйствительною. Средство это, какъ я уже сказалъ выше, заключается въ замѣнѣ дѣйствительнаго знанія массою бесполезностей, которыми издревле торгуетъ педагогика.

Спрашивается: что могутъ дѣти противопоставить этимъ попыткамъ искалѣчить ихъ жизнь? Увы! подавленные игомъ фатализма, они не только не даютъ никакого отпора, но сами идутъ на встрѣчу своему злополучію и безропотно принимаютъ удары, сыплющіеся на нихъ со всѣхъ сторонъ. Бѣдныя, злосчастныя дѣти!

И вотъ, погруженные въ невѣжество, съ полными руками бесполезностей, съ единственнымъ идеаломъ въ душѣ: творить судъ и расправу—они постепенно достигаютъ возмужалости и, наконецъ, являются на арену дѣятельности. Нѣтъ у нихъ мѣрила ни для оцѣнки поступковъ, ни для различенія добра отъ зла. Сердца ихъ поражены преждевременною дряблостью, умы не согрѣты стремленіемъ къ добру и человѣчности; понятие о Правдѣ отсутствуетъ. Успѣхъ или неуспѣхъ въ уловленіи насущныхъ подробностей минуты—вотъ что становится предметомъ ихъ вождѣлнй, вотъ что помогаетъ имъ изо дня въ день влачить бесплодную жизнь.

Въ дѣтскомъ возрастѣ, „система“ пользовалась невѣденіемъ дѣтей, чтобъ довести ихъ умы до ограниченности. Теперь, по мѣрѣ возмужалости, та же система является единственною руководительницею всѣхъ ихъ помысловъ и поступковъ. Покорно слѣдуя указаніямъ дѣтской традиціи, они все глубже и глубже погружаются въ мрачныя извилины случайнаго общественнаго строенія и становятся послушнымъ орудіемъ его жестокихъ велѣній. Возмужалые, они продолжаютъ оставаться дѣтьми, съ тѣмъ же невѣденіемъ, съ тѣмъ же отсутствіемъ силы противодѣйствія, которое могло бы помочь имъ разобраться въ путаницѣ переходящихъ явленій.

Бѣдныя, злополучныя дѣти! вотъ что готовитъ вамъ въ будущемъ слѣпая случайность, и вотъ тотъ удѣлъ, который общепризнанное мнѣніе называетъ счастливымъ!

Возраженія противъ изложеннаго выше, впрочемъ, очень возможны. Мнѣ скажутъ, напримѣръ, что я обличаю такія явленія, на которыхъ лежитъ обязательная печать фатализма. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, вооружить вѣдениемъ дѣтей, коль скоро ихъ возрастъ самую природою осужденъ на невѣденте. Нельзя возложить на нихъ заботу объ устройствѣ будущихъ ихъ судьбъ, коль скоро они не обладаютъ необходимымъ для этого умственнымъ развитіемъ.

Все это я отлично знаю и охотно со всѣмъ соглашаюсь. Но и за всѣмъ тѣмъ тщетно стараюсь понять, гдѣ же тутъ элементы, на основаніи которыхъ можно было бы вывести заключеніе о счастливыхъ преимуществахъ дѣтскаго возраста?

Правда, что дѣти не сознаютъ, куда ихъ ведутъ и что съ ними дѣлается, и это освобождаетъ ихъ отъ массы сердечныхъ мукъ, которыя истерзали бы ихъ, еслибы они обладали сознательностью. Но что же значить это временное облегченіе въ виду тѣхъ угрозъ, которыми чревато ихъ будущее?

Вотъ почему я продолжаю утверждать, что, въ абсолютномъ смыслѣ, нѣтъ возраста болѣе злополучнаго, нежели дѣтскій, и что общепризнанное мнѣніе глубоко заблуждается, поддерживая противное. По моему мнѣнію, это заблужденіе вредное, потому что оно отуманиваетъ общество и мѣшаетъ ему взглянуть трезво на дѣтскій вопросъ.

Затѣмъ, я вовсе не отрицаю существенной помощи, которую можетъ оказать дѣтямъ педагогика, но не могу примириться съ тѣмъ педагогическимъ произволомъ, который, нагромождая систему на систему, ставитъ послѣднія въ зависимость отъ случайныхъ настроеній минуты. Педагогика должна быть прежде всего независимою; ея назначеніе—воспитывать въ нарождающихся отпрыскахъ челоуѣчества идеалы будущаго, а не подчинять ихъ смутѣ настоящаго. Ибо, повторяю: бываютъ эпохи, когда общество, гонимое паникой, отвращается отъ знанія и ищетъ спасенія въ невѣжествѣ. Ужели подобная задача, поставленная прямо или подъ какимъ бы то ни было прикрытіемъ, можетъ приличествовать педагогикѣ?

#### VII. — ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЕРЕЯ. — ТИТЕНЬКИ-СЕСТРИЦЫ.

Бьетъ четыре часа. Дѣти собрались на балконѣ, выходящемъ на красный дворъ, и вглядываются въ даль по направленію къ церкви и къ длинному-длинному мостовнику, ведущему отъ церкви вплоть до пригорка, на которомъ стоитъ деревенька Ильинка.

Цѣль ихъ пребыванія на балконѣ двоякая. Во-первыхъ, ихъ распустили сегодня раньше обыкновеннаго, потому что завтра, 6-го августа, главный престольный праздникъ въ нашей церкви, и накануне будутъ служить въ домѣ особенно-торжественную всенощную. Въ шесть часовъ изъ церкви, при колокольномъ звонѣ, понесутъ въ домъ мѣстные образа, и хотя до этой минуты еще далеко, но дѣтскія сердца нетерпѣливы, и дѣтямъ уже кажется, что около церкви происходитъ какое-то приготовительное движеніе.

Во-вторыхъ, съ минуты на минуту ждутъ тетенежъ-сестрицъ (прислуга называетъ ихъ „барышнями“), которыя, накануне преображенева дня прїѣзжаютъ въ Малиновецъ, и съ этихъ поръ остаются въ немъ всю зиму, вплоть до конца апрѣля, когда возвращаются въ свое собственное гнѣздо „Уголокъ“, въ тридцати-пяти верстахъ отъ нашей усадьбы. Три подводы съ тетенькинымъ сварбомъ: сундуками, пуховиками, подушками и проч., еще вчера пришли вмѣстѣ съ горничной Липкой, которая уже приготовила ихъ комнату, разставила въ двухъ кіотахъ образа, выварила клоповъ изъ кроватей и постлала постели.

Дѣйствительно, въ половинѣ пятаго у околицы на выѣздѣ Ильинки показывается желтая четверомѣстная карета, которую трусцой спускаетъ съ пригорка четверка старыхъ, совсѣмъ бѣлыхъ лошадей. Затѣмъ, карета вѣзжаетъ на мостовникъ и медленно ползетъ по немъ до самой церкви.

— Тетеньки! тетеньки! — раздается на балконѣ.

— Барышни ѣдутъ! — отливаются голоса въ дѣвичей и въ корридорахъ.

А братъ Степанъ, у котораго въ рукахъ подзорная трубка, слѣдитъ за каретой и сообщаетъ:

— Тетенька Марья Порфирьевна капоръ сняла, чепчикъ надѣваетъ... Смотрите! смотрите! вынула румяны... румянится! Сколько онѣ пряниковъ, черносливу, изюму везуть... страсть! А завтра дадутъ намъ по пяточку на пряники... И вдругъ расщедятся, да по гривеннику... Онѣ по гривеннику да мать по гривеннику... на торгу пряниковъ, рожковъ накупимъ! Смотрите! да никакъ старикъ Силантій на козлахъ... еще не умеръ! Ишь ползуть старушенці! Да стегни же ты, старый хрѣнь, правую-то пристяжную! видишь, совсѣмъ не везетъ!

По обыкновенію, рѣчь Степана не отличается связностью, но онъ безъ умолку продолжаетъ болтать все время, покуда карета ползетъ да ползетъ по мостовнику. Наконецъ, она у церкви по-

ворачиваетъ вправо и рысцой катится по направленію въ дому. Дѣти врестатся и спѣшатъ на парадное крыльцо.

Тамъ уже стоитъ старикъ отецъ и ждетъ сестрицъ. Матушка на крыльцо не выходитъ и встрѣчаетъ сестрицъ въ раскрытыхъ дверяхъ лакейской. Этотъ обрядъ встрѣчи установился съ тѣхъ поръ, какъ власть въ домѣ отъ тетенькъ перешла безраздѣльно въ матушкѣ.

Тетеньки-сестрицы — старушки. Онѣ погодки: одной шестьдесятъ-два, другой шестьдесятъ-три года. Обѣ маленькаго роста. Старшая, Марья Порфирьевна, еще молодится. Она употребляетъ бѣлила и румяны, сурмить брови, носить бѣлый чепчикъ, изъ-подъ котораго выглядываютъ завитки изъ сырцоваго шелка, и выпавшіе зубы замѣняетъ восковыми. Ходитъ съ приспоскою, кокетничаетъ съ образами, посылая имъ воздушные поцѣлуи, и безпрестанно дуетъ налѣво, отгоняя отъ себя нечистаго. Вообще, это проказливая старуха, которая причиняетъ не мало досады сестрѣ и слыветъ въ семьѣ малоумною. Младшая сестра, Ольга Порфирьевна, смотритъ гораздо солиднѣе и слыветъ умною. Косметиковъ она не употребляетъ, но зубы у нея почти сплошь восковые, и какъ она ими орудуетъ — никто этого понять не можетъ. Молится она истово, какъ слѣдуетъ солидной старушкѣ, и хотя знаетъ, что съ дѣваго бока ее сторожитъ дьяволъ, но, во избѣжаніе соблазна, дуетъ на него лишь тогда, когда предполагаетъ, что никто этого не видитъ. Сверхъ того, она умѣетъ читать и писать, тогда какъ Марья Порфирьевна совершенно безграмотна. Мы называемъ ихъ тетеньками, отецъ и матушка — сестрицами; отсюда общая кличка: тетеньки-сестрицы.

Наконецъ, карета у крыльца. Тетеньки вытѣзаютъ изъ нея и кланяются отцу, касаясь рукой до земли, а отецъ въ это время креститъ ихъ; потомъ онѣ ловятъ его руку, а онъ ловитъ ихъ руки, такъ что никакого цѣлованія изъ этого взаимнаго ловленія не выходитъ, а происходитъ клеванье носами, которое кажется намъ, дѣтямъ, очень смѣшнымъ. Потомъ, тетеньки цѣлуютъ всѣхъ насъ и торопливо суютъ намъ въ руки по прянику.

— Откушать! съ дорожки! — предлагаетъ отецъ, очень хорошо зная, что кушанье давно убрано и снесено на погребъ.

— И, братецъ! сытѣхоньки! У Рождества кормили — такъ на постояломъ людскихъ щецъ похлебали! — отвѣчаетъ Ольга Порфирьевна, которая тоже отлично понимаетъ (церемонія эта, въ одномъ и томъ же видѣ, повторяется каждый годъ), что еслибы она и приняла братнино предложеніе, то изъ этого ничего бы не вышло.

Сестрицы, въ сопровожденіи отца, поднимаются по лѣстницѣ, блѣднѣя при одной мысли о предстоящей встрѣчѣ съ матушкой. И дѣйствительно, забѣжавъ впередъ, мы довольно явственно слышимъ, какъ послѣдняя севозъ зубы, но довольно внятно произносить:

— Притащились... дармоѣдки!

Происходить обрядъ цѣлованія, который заключается въ томъ, что обѣ стороны въ молчаніи прикладываются другъ къ другу щеками.

Затѣмъ, матушка отходитъ къ сторонѣ и пропускаетъ тетенежь, которыя взбираются по вкрутой и темной лѣстницѣ навверхъ въ мезонинъ, гдѣ находится отведенная имъ комната. За ними слѣдуетъ ихъ неизмѣнная спутница Аннушка, старая, старая дѣвушка, которая самихъ тетенежь зазнала еще дѣтми.

Комната тетенежь, такъ-называемая боковушка, обѣ одно окно, узкая и длинная какъ корридоръ. Даже лѣтомъ въ ней царствуетъ постоянный полумракъ. По обѣимъ сторонамъ окна поставлены кюты съ образами и висящими передъ ними лампадами. Нѣсколько поодаль, у стѣны, стоятъ двѣ кровати, другъ къ другу изголовьями; еще поодаль—большая изразцовая печка; за печкой, на пространствѣ полутора аршинъ, у самой двери, ютится Аннушка съ своимъ сундукомъ, войлокомъ для спанья и затрапезной, плоской, какъ блинъ, и отливающей глянцемъ подушкой.

Черезъ нѣсколько минутъ, тетеньки-сестрицы уже вступаютъ во владѣніе своимъ помѣщеніемъ, и сейчасъ же запираютъ дверь на крючокъ. Имъ нужно отдохнуть съ полчаса, чтобы потомъ, прибравшись и прибородившись, идти на встрѣчу образамъ.

Оставлю, однакожь, на время тетенежь, чтобы дать короткое описаніе, какъ праздновался нашъ престольный праздникъ.

Дѣти опять скучились на балконѣ и на этотъ разъ убѣждаютъ, что около церкви дѣйствительно происходитъ движеніе. Вотъ прошелъ дячокъ и громаднымъ ключомъ отперъ церковную дверь. Слѣдомъ за нимъ прошелъ пономарь и церковный староста, сопровождаемый нѣсколькими мужичками съ села. Всѣ они понесутъ образа и будутъ присутствовать въ „горницѣ“ при всенощной. Около шести часовъ, проходитъ въ церковь священникъ, и изъ церкви выбѣгаетъ пономарь и становится у веревки, протянутой къ языку главнаго колокола. Колоколь этотъ вѣситъ всего десять пудовъ, и сколько отецъ ни настаиваетъ, чтобы купили новый, но матушка, подъ всякими предлогами, уклоняется отъ исполненія его желанія. Точно также остаются невыполнен-

ними просьбы отца, чтобы объдня въ престольный праздникъ служилась соборне, или, по крайней мѣрѣ, хоть приглашали бы дьякона. Вообще, матушка не любитъ отцовской усадьбы, и нерѣдко мечтаетъ, что, со смертью мужа, устроить себѣ новое гнѣздо въ одномъ изъ собственныхъ имѣній. Ровно въ шесть часовъ, по знаку изъ дома, ударяетъ нашъ жалкій колоколь; у церковной ограды появляется толпа народа; раздается трезвонъ, и вслѣдъ за нимъ въ дверяхъ церкви показывается процессія съ образами, предшествуемая священникомъ въ облаченіи.

Всенощная идетъ въ образной комнатѣ и длится болѣе часа; за всенощной слѣдуетъ молебенъ съ водосвятиемъ и тремя-четырьмя акаѳистами, тоже продолжительный, такъ что все вмѣстѣ кончается, когда уже на землю спустились сумерки. Въ образной слушаютъ всенощную господа, въ сосѣдней комнатѣ и въ дѣвичьей—дворовые; въ палисадникѣ прислушивается къ богослуженію большая толпа, преимущественно ребятишки, которымъ не нашлось мѣста въ горницѣ. Всѣ молятся съ особеннымъ усердіемъ, потому что завтра главный престольный праздникъ, котораго ждутъ цѣлый годъ. При гнѣніи праздничнаго тропаря, отецъ становится на колѣни и кладетъ земные поклоны; за нимъ, съ шумомъ то же самое дѣлаетъ и прочій молящійся людъ.

Наконецъ, отошелъ и молебенъ. Процессія съ образами тѣмъ же порядкомъ обратно направляется въ церковь. Комнаты наполнены кадильнымъ дымомъ; молящіеся расходятся безшумно; чай и вслѣдъ за нимъ ужинъ проходятъ въ той специальной тишинѣ, которая обыкновенно предшествуетъ большому празднику, а часовъ съ десяти огни вездѣ потушены, и только въ господскихъ спальняхъ да въ образной тускло мерцаютъ лампы.

Въ день праздника, съ ранняго утра свѣтитъ солнышко, но въ воздухѣ уже начинается чувствоваться приближеніе осени. Въ домѣ поднимается обычная праздничная суматоха. Прихорашиваются, чистятся. Дѣти встали спозаранку и стоятъ у оконъ въ праздничныхъ казакинчикахъ и бѣлыхъ панталонцахъ. Сѣнные дѣвушки, въ новыхъ холстинковыхъ платьяхъ, наполняютъ шумомъ и вѣтромъ дѣвичью и корридоръ; мужская прислуга, въ синихъ суконныхъ сюртукахъ, съ бѣлыми платками на шеяхъ, ждетъ въ лакейской удара колокола; два лакея въ ливреяхъ стоятъ у входныхъ дверей, выжидая появленія господъ. Чаю въ этотъ день до объдня не пьютъ даже дѣти, и такъ какъ всѣ приказанія отданы еще наканунѣ, то дѣлать рѣшительно нечего.

Отецъ, въ длиннополомъ сюртукѣ аглицкаго сукна, въ бѣломъ шейномъ платкѣ и въ козловыхъ сапогахъ, безпознойно бродитъ

взадъ и впередъ по корридору, покрикивая:—бѣгите на конную! лошадей! проворнѣе!—Даже матушка прифрантилась; на ней надѣтъ коричневый казимировый капоть, обшитый домашними кружевами; на голову накинута тюлевая вышитая косынка. Въ этомъ нарядѣ она и теперь еще хотъ куда. Она стоитъ въ ожиданіи экипажа въ комнатѣ смежной съ спальней и смотритъ въ окно на раскинутые передъ церковью бѣлые шатры съ разнымъ крестьянскимъ лакомствомъ и на вереницу разряженныхъ богомольцевъ, которая тянется мимо дома по дорогѣ въ церковь.

— Никакъ Архипъ-то съ утра пьянъ!—обращается она къ ключницѣ, которая на всякій случай стоитъ воалѣ нея:—смотри, какія мыслете выдѣлываетъ!

— И то пьянъ!—подтверждаетъ ключница.

— Ну, теперь пойдутъ сряду три дня дебоширствовать! того и гляди, деревню сожгутъ! И зачѣмъ только эти праздники сдѣланы! Ты смотри у меня! чтобъ во дворѣ было спокойно! по очереди „гулять“ отпуская: сперва одну очередь, потомъ другую, а наконецъ и остальныхъ. Будетъ съ нихъ и по одному дню... налопаются винаца! Да дѣвки чтобъ отнюдь пьяныя не возвращались!

Матушка волнуется, потому что въ престольный праздникъ она чувствуетъ себя бессильною. Сряду три дня идетъ по деревнямъ гульба, въ которой принимаетъ дѣятельное участіе самъ староста Федотъ. Онъ не является по вечерамъ за приказаніями, хотя матушка машинально всякій день спрашиваетъ, пришелъ ли Федотка-пьяница, и всякій разъ получаетъ одинъ и тотъ же отвѣтъ, что староста „не годится“. А между тѣмъ овсы еще на половину несжатые въ полѣ стоятъ, того гляди, сыпаться начнутъ; сѣнокосъ тоже не весь убранъ...

— Вотъ ужъ подлинно наказанье!—ропщеть она:—ишь вѣдь, и погода, какъ нарочно, сухая да свѣтлая—жать бы да жать! И кому это вздумалось на Спасъ-Преображенее престольный праздникъ назначить! Ну чтъ бы на Рождество Богородицы или на Покровъ! Любѣхонько бы.

Наконецъ, раздается первый ударъ колокола, и къ крыльцу подъѣзжаетъ старая-старая долгушка-трясучка, влекомая маленькой саврасой лошадкой, у которой верхняя губа побѣлѣла отъ старости. Это экипажъ отца, который и усаживается въ немъ вмѣстѣ съ сестрицами, поспѣвая къ „Часамъ“. Вскорѣ послѣ этого, бѣшеная шестерня каравовыхъ жеребцовъ мчитъ къ тому же крыльцу четверомѣстную коляску, въ которую, съ первымъ ударомъ трезвона, садится матушка съ дѣтьми и съ двумя ливрей-

ными лакеями на запяткахъ. Пристязжныя завиваются, дышловы грызутся и гогочуть, едва сдерживаемыя сильною рукою кучера Алимпія; матушка трусить и врестится, но не можетъ отказать себѣ въ удовольствіи проѣхаться въ этотъ день на стоялыхъ жеребцахъ, которые въ одинъ мигъ домчатъ ее до церкви.

Утро проходитъ томительно. Прежде всего происходитъ обрядъ поздравленія. Въ лакейской собралась домашняя мужская прислуга и именитѣйшіе изъ дворовыхъ. Отецъ, съ полштофомъ въ одной рукѣ и рюмкой въ другой, принимаетъ поздравленія и по очереди подноситъ по рюмкѣ водки поздравляющимъ. Это одинъ изъ укоренившихся дѣдовскихъ обычаевъ, который матушка давно старается упразднить, но безуспѣшно. Въ дѣвичьей стоитъ самоваръ и дѣвушекъ поятъ чаемъ. Потомъ пьютъ чай сами господа (а въ томъ числѣ и тетеньки, которымъ въ другіе дни посылаютъ чай „на верхъ“), и въ это же время дѣтей надѣляютъ деньгами: матушка каждому даетъ по гривеннику, тетеньки — по свѣтленькому пятачку. Около полудня приходятъ „попы“, и происходитъ славленіе, послѣ котораго подается та самая поповская закуска, о которой упоминалось уже въ одной изъ первыхъ главъ. Изрѣдка пріѣзжаетъ къ престольному празднику кто-нибудь изъ сосѣдей, но матушка, вообще не отличающаяся гостепріимствомъ, въ этотъ день просто ненавидитъ гостей и говоритъ про нихъ: „гость не въ-время хуже татарина“.

Въ особенности тоскливо дѣтямъ. Имъ надоѣло даже смотрѣть на бѣлѣющіе передъ церковью шатры и на спующую около нихъ толпу крестьянскихъ дѣвушекъ и парней. Они уходятъ до обѣда въ садъ, но въ праздничныхъ костюмчикахъ имъ и порѣзвиться нельзя, потому что, того гляди, упадешь и измарашь „хорошее“ платье. Поэтому, они ходятъ чинно, избѣгая всякаго шума, чтобы неосторожнымъ движеніемъ не навлечь на себя гнѣва пристально слѣдящей за ними гувернантки и не лишиться послѣобѣденнаго гулянья. Последнее случается, впрочемъ, довольно рѣдко, потому что и гувернантка въ такой большой праздникъ признаетъ для себя обязательнымъ быть снисходительной.

Наконецъ, отошелъ и обѣдъ. Въ этотъ день онъ готовится въ изобиліи и изъ свѣжей провизіи, и хотя матушка, по обыкновенію, сама накладываетъ кушанье на тарелки дѣтей, но на этотъ разъ одѣляетъ всѣхъ по-ровну, такъ что дѣти *все* сыты. Шумно встаютъ они, по окончаніи обѣда, изъ-за стола и хоть сейчасъ готовы бѣжать, чтобы растратить на торгу подаренные имъ капиталы, но и тутъ приходится ждать маменькинаго позволенія, а иногда она довольно долго не догадывается дать его.



Но вот вождѣнный мигъ насталь, и дѣти чинно, не смѣя прибавить шагу, идутъ къ церкви, сопровождаемыя въ догонку наставленіями матушки:

— Смотрите же, не пачкайте платицевъ!—да въ шести часамъ чтобъ быть домой!

У шатровъ толпится народъ. Въ двухъ изъ нихъ разложены лакомства, въ третьемъ идетъ торгъ ситцами, платками, нитками, иголками и т. д. Мы направляемся прямо къ шатру стараго Агея, который изстари посѣщаетъ нашъ праздникъ, и охотно намъ уступаетъ, зная, что дома не очень-то насъ балуютъ.

Главные лакомства: мятый, мокрый черносливъ, бѣлый изюмъ, тоже мятый и влажный, пряники медовые, изображающіе лошадей, коровъ и пѣтуховъ, съ налѣпленнымъ по мѣстамъ сусальнымъ золотомъ, цареградскіе рожки, орѣхи, изобилующіе свещами, мелкій крыжовникъ, который щелкаетъ на зубахъ, и т. д. Мы съ жадностью набрасываемся на сласти, и такъ какъ насъ пятеро, и въ совокупности мы обладаемъ довольно значительною суммою, то въ теченіе пяти минутъ въ нашихъ рукахъ оказывается масса всякой всячины. Съ какою жадностью мы пожирали эту всякую всячину!—теперь, при одномъ воспоминаніи о томъ, что проскакивало въ этотъ знаменательный день въ мой желудокъ, мнѣ становится не по себѣ.

Въ село насъ гулять въ этотъ день не пускаютъ,—боятся, чтобы картины мужицкой гульбы не повліяли вредно на дѣтскія сердца. Но до насъ доносятся пѣсни, и издали мы видимъ, какъ по улицѣ разряженные дѣвушки и парни водятъ хоробы, а мальчишки играютъ въ бабки. Мы сравниваемъ наше подневольное житіе съ временною свободою, которою пользуется гуляющее просто-народье, и завидуемъ. Во всякомъ случаѣ, мы не понимаемъ, почему насъ не пускаютъ въ село. Не для того, разумѣется, мы рвемся туда, чтобы участвовать въ крестьянскихъ увеселеніяхъ—упаси Боже Затрапезныхъ отъ такого общенія!—а просто хотъ посмотреть.

Настоящая гульба, впрочемъ, идетъ не на улицѣ, а въ избахъ, гдѣ не сходить со столовъ всякаго рода угощеніе, подкрѣпляемое водкой и домашней брагой. Въ особенности чествуютъ старосту Оедота, котораго подъ руки, совсѣмъ пьянаго, водятъ изъ дома въ домъ. Вообще, всѣ поголовно пьяны, даже пастухъ распустилъ сельское стадо, которое забрело на господскій красный дворъ, и конюха то-и-дѣло убираютъ скотину на конный дворъ.

Вечеромъ, матушка сидитъ запершись въ своей комнатѣ. Съ

села доносится до нея густой гулъ, и она боится выйти, зная, что не въ силахъ будетъ поручиться за себя. Отпущенныя на праздникъ дѣвушки постепенно возвращаются домой... веселясь. Но ихъ сейчасъ же убираютъ по чуланамъ и укладываютъ спать. Матушка чутьемъ угадываетъ эту процедуру, и, ой-ой, какъ колотится у нея въ груди всевластное помѣщичье сердце!

Наконецъ, часамъ къ одиннадцати ночи, гулъ смолкаетъ, и матушка посылаетъ на село посмотреть, вездѣ ли потушены огни. По полученіи извѣстія, что все въ порядкѣ, что было столько-то дракъ, но никто не изувѣченъ, она, измученная, выдается въ постель.

Первый день праздника кончился; завтра гульба возобновится, но уже по деревнямъ. По крайней мѣрѣ, хоть за глазами, и барское сердце будетъ меньше болѣть.

Извиняюсь передъ читателемъ за длинное отступленіе и возвращаюсь къ тетенькамъ-сестрицамъ.

Онѣ были старше отца, и до самой его женитьбы жили вмѣстѣ съ нимъ, пользуясь въ Малиновкѣ правами полныхъ хозяекъ. Хотя Марья Порфирьевна имѣла собственную усадьбу „Уголовъ“, въ тридцати-пяти верстахъ отъ насъ, но домъ въ ней былъ такъ неуютенъ и ветхъ, что жить тамъ, въ особенности зимой, было совсѣмъ невозможно. Во всякомъ случаѣ, имѣніе отца и обѣихъ сестеръ составляло нѣчто нераздѣльное, находившееся подъ общимъ управленіемъ, какъ было при дѣдушкѣ Порфирѣ Григорьевичѣ. Доходы—впрочемъ, очень ограниченные—со всѣхъ имѣній получалъ отецъ, выдавая сестрицамъ по малости на самое необходимое. Братья и сестры жили дружно; послѣднія даже благоговѣли передъ младшимъ братомъ и здоровались съ нимъ не иначе, какъ кланяясь до земли и цѣлуя его руку.

У Ольги Порфирьевны никогда не было жениховъ, и вообще за нею не числилось никакихъ амурныхъ исторій. Она была дурна собой и росла строго, какъ бы заранѣе осудивъ себя на всегдашнее дѣвство. Что касается до Марьи Порфирьевны, то она была миловиднѣе сестры, и, кажется, молодость ея прошла не столь безмятежно, какъ сестрина. По крайней мѣрѣ, матушка, отъ времени до времени, желая особенно больно кольнуть сестрицу, припоминала *при всякъ* про какого-то драгунскаго офицера. Старушки при этомъ блѣднѣли, а Марья Порфирьевна потихоньку произносила:—тыфу! тыфу!—словно отрицаясь отъ навожденія. Даже старикъ-отецъ не выдерживалъ и выговаривалъ матушкѣ:

— И какъ тебѣ, сударыня, не стыдно!

Теперь, когда Марья Порфирьевна перешагнула уже за вторую половину седьмого десятилѣтія жизни, конечно, не могло быть рѣчи о драгунскихъ офицерахъ, но даже мы, дѣти, знали, что у старушки надъ самымъ изголовьемъ постели висѣлъ образокъ Іосифа Прекраснаго, которому она особенно усердно молилась, и въ память котораго, 31-го марта, одѣвалась въ бѣлое казенное платье и тщательнѣе, нежели въ обыкновенные дни, взбивала свои, сырцеваго шелка, кудри.

Такимъ образомъ, спокойно и властно поживали тетеньки въ Малиновцѣ, какъ вдругъ отецъ, уже будучи сорока лѣтъ, вздумать жениться. Съ тѣхъ поръ, значеніе сестеръ начало быстро падать. Хотя матушкѣ было только пятнадцать лѣтъ, когда она вышла замужъ, но молодость какъ-то необыкновенно скоро соскочила съ нея. Ходило въ семьѣ преданіе, что по началу она была веселая и разбитная молодка, называла горничныхъ подружками, любила играть съ ними пѣсни, побѣгать въ горѣлки и ходить веселой гурьбой въ лѣсъ по ягоды. Часто ѣздила въ гости и къ себѣ зазывала гостей и вообще не отказывала себѣ въ удовольствіяхъ. Очень возможно, что она и навсегда удержалась бы на этой стезѣ, еслибъ не золовки. Онѣ съ самаго начала вознамѣрились сдѣлать изъ нея нѣчто въ родѣ семейной потѣхи, и всячески язвили ее колкостями, въ особенности допекая по поводу недоданнаго приданнаго. Однако же, отецъ, какъ человекъ слабохарактерный, не поддержалъ ихъ. На первыхъ порахъ, онъ даже держалъ сторону молодой жены и защищалъ ее отъ золовокъ, и какъ ни коротко было время ихъ супружескаго согласія, но этого было достаточно, чтобы матушка рѣшилась дать золовкамъ серьезный отпоръ.

Года черезъ четыре послѣ свадьбы, въ ея жизни совершился крутой переверотъ. Изъ молодухи она какъ-то внезапно сдѣлалась „барыней“, перестала звать сѣнныхъ дѣвушекъ подруженьками, и слово „дѣвка“ впервые слетѣло съ ея языка, слетѣло самоувѣренно, грозно и безповоротно.

Борьба съ золовками началась, разумѣется, съ тѣхъ пустяковъ, которыми такъ богатъ неизменный домашній бытъ. Въ одно прекрасное утро, матушка призвала къ себѣ повара и сама заказала ему обѣдъ, такъ что когда сестрица Ольга Порфирьевна узнала объ этомъ, то совершившійся фактъ уже былъ на лицо. За обѣдомъ, матушка сама разливала супъ, что тоже до тѣхъ поръ составляло одну изъ прерогативъ Ольги Порфирьевны. Последняя угадала, что это только первые уколы, за которыми по-

слѣдуютъ и другіе. И точно: вечеромъ, матушка въ первый разъ принимала старосту, выслушивала его докладъ и отдавала приказанія.

— Да что ты, мать моя, бѣлены, что ли, объѣлась!—не выдержала Ольга Порфирьевна.

А тетенька Марья Порфирьевна, не понимая, что въ домѣ произошло нѣчто весьма серьезное, хохотала и дразнилась:

— Ахъ, купчиха! ахъ, богатѣя! Покажи-ка сундуки, въ которыхъ приданое изъ Москвы привезла!

— Можеть, другой кто бѣлены объѣлся,—спокойно отвѣтила матушка Ольгѣ Порфирьевнѣ:—только я знаю, что я здѣсь хозяйка, а не нахлѣбница. У васъ есть „Уголокъ“, въ которомъ вы и можете хозяйничать. Я у васъ не гащивала и куска вашего не ѣдала, а вы, по моей милости, здѣсь круглый годъ сыты. Поэтому, ежели желаете и впередъ жить у брата, то живите смирно. А вашихъ словъ, Марья Порфирьевна, я не забуду...

Этимъ сразу старинные порядки были покончены. Тетеньки пошептались съ братцемъ, но безъ успѣха. Всѣ дворовые почувствовали, что надъ ними тяготѣетъ не прежняя сутолока, а настоящая хозяйская рука, покажеть молодая и неопытная, но общающаяся въ будущемъ распорядокъ и властность. И хотя молодая „барыня“ еще продолжала играть пѣсни съ дѣвушками, но забава эта повторялась все рѣже и рѣже, а наконецъ дѣвчья совсѣмъ смолела и веселыя игры замѣнились цѣлдневнымъ выпиваніемъ въ пяльцахъ и перебираниемъ коклюшекъ.

Тетеньки, однакожъ, серьезно обидѣлись, и на другой же день въ „Уголокъ“ былъ посланъ нарочный съ приказаніемъ приготовить что нужно для принятія хозяекъ. А черезъ недѣлю ихъ уже не стало въ нашемъ домѣ.

Проводы, разумѣется, были самые родственные. Всѣ домашцы высыпали на крыльцо; сестрицы честь-честью перецѣловались, братецъ перекрестилъ отъѣзжавшихъ и сказалъ:—напрасно!—а сестрицѣ Марьѣ Порфирьевнѣ даже пригрозилъ, вымолвивъ:—это все ты, смутьянка!—Затѣмъ желтый рыдванъ поватился.

Увы! сестрицы не обладали даромъ предвидѣнія. Онѣ уѣзжали, когда лѣто было въ самомъ разгарѣ, и забыли, что осенью и зимой „Уголокъ“ представляетъ очень плохую защиту отъ стужи и непогодъ.

Дѣйствительно, не успѣлъ наступить сентябрь, какъ отъ Ольги Порфирьевны пришло къ отцу покаянное письмо съ просьбою пустить на зиму въ Малиновецъ. Къ этому времени матушка на-

столько уже властвовала въ домѣ, что отецъ не рѣшился отвѣчать безъ ея согласія.

— Пустишь, что ли, сударыня? — спросилъ онъ нерѣшительно.

— Пускай живутъ! Отведу имъ наверху боковушку — тамъ и будутъ зиму зимовать, — отвѣтила матушка. — Только, чуръ, ни въ какія распоряженія не вмѣшиваться, а съ мая мѣсяца чтобъ на все лѣто отправлялись въ свой „Уголокъ“. Не хочу я ихъ видѣть лѣтомъ — мѣшаютъ. Прыгаютъ, егозятъ, въ хозяйствѣ ничего не смыслятъ. А я хочу, чтобъ у насъ все въ порядкѣ было. Чтѣ мы получали, покуда сестрицы твои хозяйничали? грошъ мѣдный! А я хочу...

Матушка уже начинала мечтать. Въ ея молодой головѣ толпились хозяйственные планы, которые должны были установить экономическое положеніе Малиновца на прочномъ основаніи. Къ тому же, у нея въ это время уже было двое дѣтей, и надо было подумать о нихъ. Разумѣется, въ основѣ ея плановъ лежала та же рутина, какъ и въ прочихъ сосѣднихъ хозяйствахъ, но ничего другого и перенять было неоткуда. Она желала добиться хоть одного: чтобы въ хозяйствѣ существовалъ вѣсъ, счетъ и мѣра.

Въ этомъ отношеніи малиновецкая экономія представляла верхъ безпорядочности. Зерно безъ мѣры принималось съ гумна, и безъ мѣры же ссыпалось въ амбары.

— Никто не украдетъ! всѣ будутъ сыты! — говорили сестрицы, и докладывали братцу, что молотба кончилась, и сусѣки, слава Богу, доверху полны зерномъ.

Очень возможно, что дѣйствительно воровства не существовало, но всякій бралъ безъ счета, сколько нужно или сколько хотѣлъ. Особенно одолѣвали дворовые, которые плодились какъ грибы, и всѣ, за исключеніемъ одиночекъ, состояли на мѣсячинѣ. Къ концу года оставалась въ амбарахъ самая малость, которую почти задаромъ продавали мѣстнымъ прасоламъ, такъ что деньги считались въ домѣ рѣдкостью.

Въ такомъ же безпорядочномъ видѣ велось хозяйство и на конномъ и скотномъ дворахъ. Несмотря на изобиліе сѣнокосовъ, сѣна почти никогда не доставало, и къ веснѣ скотина выгонялась въ поле чуть живая. Молочнаго хозяйства и въ заводѣ не было. Каждое утро посылали на скотную за молокомъ для господъ, и были вполне довольны, если круглый годъ хватало достаточно масла на столъ. Это было счастливое время, о которомъ впослѣдствіи долго вздыхала дворня.

Матушка во всѣхъ отрасляхъ хозяйства ввела мѣру, вѣсъ и счетъ.

Она самолично простаивала цѣлые дни при молотѣхъ и вѣяннѣ и заставляла при себѣ мѣрять вывѣянное зерно и при себѣ же мѣрою ссыпать въ амбары. Кромѣ того, завела книгу, въ которую записывала приходъ и расходъ, и раза два въ годъ провѣряла наличность. Она уже не говорила, что у нея сусѣки наполнены вѣрхомъ, а прямо заявляла, что умолотъ далъ столько-то четвертей, изъ которыхъ, по ея соображеніямъ, столько-то должно поступить въ продажу.

Затѣмъ, она обратила вниманіе на мѣсячину. Сразу уничтожить ее она не рѣшалась, такъ какъ обычай этотъ существовалъ повсемѣстно, но сдѣлала въ ней очень значительныя сокращенія. Самое главное сокращеніе заключалось въ томъ, что нѣкоторые дворовыя семьи держали на барскомъ корму по двѣ и по три коровы и по нѣскольку овецъ, и она сразу сократила число первыхъ до одной, а число послѣднихъ до пары, а лишніе, безъ дальнихъ разговоровъ, взяла на господскій скотный дворъ.

Словомъ сказать, вездѣ завелись новыя и дотогѣ неслыханныя порядки. Дворня до того была поражена, что въ теченіе двухъ-трехъ дней чувствовалось между дворовыми нѣчто въ родѣ волненія. Самъ отецъ не одобрялъ этихъ новшествъ. Онъ привыкъ, чтобы кругомъ было тихо и смирно, чтобы никто не жаловался и не ропталъ, а теперь пошли ежедневныя судьбища, разбирательства, учеты. Въ особенности же сѣтовалъ онъ на то, что матушка смѣнила прежнихъ старосту и ключницу. Онъ даже попробовалъ заступиться за нихъ, но, по обыкновенію, сдѣлалъ это нерѣшительно и вяло, такъ что молодой хозяйкѣ почти не стоило никакого труда устоять на своемъ.

Въ результатъ этихъ усилій оказалось, что года черезъ два Малиновецъ уже началъ давать доходъ.

Но годы шли, и вмѣстѣ съ ними росла наша семья.

Послѣ двѣнадцати лѣтъ брака, во второй половинѣ двадцати годовъ, она уже считала восемь человѣкъ дѣтей (я только-что родился), и матушка начала серьезно задумываться, какъ ей справиться съ этой оравой. Въ домѣ завелись гувернантки; старшей сестрѣ уже минуло одиннадцать лѣтъ, старшему брату — десять; надо было везти ихъ въ Москву, помѣстить въ казенныя заведенія и воспитывать на свой счетъ. Въ предвидѣніи этого и чтобы получить возможность сводить концы съ концами, матушка съ каждымъ годомъ больше и больше расширяла хозяйство въ Малиновцѣ, поднимала новыя пашни, расчищала луга, словомъ,

связать, извлекала изъ крѣпостного труда все, что онъ могъ дать. Но вѣдь и крѣпостной трудъ не безвѣчно растяжимъ, и триста-шестьдесятъ душъ отцовскихъ все-таки оставались тѣми же триста-шестьдесятью душами, сколько ни налегали на нихъ.

Какъ бы то ни было, но съ этихъ поръ матушкой овладѣла та страсть къ скопидомству, которая не повинила ее даже впоследствии, когда наша семья могла считать себя уже вполне обеспеченною. Благодаря этой страсти, всѣ куски были на-счету, всѣ лишніе рты сдѣлались ненавистными. Въ особенности возненавидѣла она тетенькъ-сестрицъ, видя въ нихъ нѣчто въ родѣ хронической язвы, подтачивавшей благосостояніе семьи.

Тетеньки окончательно примолкли. По установившемуся обычаю, онѣ появлялись въ Малиновцѣ наканунѣ преображеннаго дня и исчезали въ „Уголокъ“ въ концѣ апрѣля, какъ только сливали рѣки и устанавливался мало-мальски сносный путь. Но и тамъ, и тутъ, существованіе ихъ было самое жалкое.

Господскій домъ въ „Уголкѣ“ почти совсѣмъ развалился, а средствъ поправить его не было. Крыша протекала; стѣны въ комнатахъ были испещрены слѣдами водяныхъ потоковъ; половицы колебались; изъ оконъ и даже изъ стѣнъ проникалъ вѣтеръ. Владѣлицы никогда прежде не заглядывали въ усадьбу; имъ и въ голову не приходило, что онѣ будутъ вынуждены жить въ такой ruinѣ, какъ вдругъ ихъ постигла невзгода.

Хозяйство въ „Уголкѣ“ велось такъ же безпорядочно, какъ и въ Малиновцѣ во время ихъ управленія, а съ прибытіемъ владѣлицъ элементъ безалаберности еще болѣе усилился.

Онѣ были не только лишены всякаго хозяйственнаго смысла, но, сверхъ того, были чудихи и отличались тою назойливостью, которая даже самыхъ усердныхъ слугъ выводила изъ терпѣнія. Въ особенности проказлива была Марья Порфирьевна, которой собственно и принадлежалъ „Уголокъ“.

Переѣзжая на лѣто въ себѣ, она чувствовала себя свободно и какъ бы спѣшила вознаградить себя за тѣ стѣсненія, которыя преслѣдовали ее во время зимы. Цѣлые дни она придумывала проказу за проказой. То мазала жеваннымъ хлѣбомъ кресты на стѣнахъ и окнахъ, то выбирала что ни на есть еле-живую половицу и скакала по ней, рисуя провалиться, то ставила среди комнаты аналой, и ходила вокругъ него съ зажженной свѣчей, воображая себя невѣстой и посылая воздушные поцѣлуи Іосифу Прекрасному. Однажды даже нарисовала углемъ усы благовѣрной княгинѣ Ольгѣ, а преподобному Нестору вывела на лбу рога. И сестра, и прислуга неотступно слѣдили за нею, опасаясь, чтобъ

она не сожгла усадьбы, или чтобъ съ ней самой чего-нибудь не случилось.

Имѣннице было крохотное, всего сорокъ душъ, но сестрицы и эту ограниченную хозяйственную силу не стѣснялись собирать почти на половину. Въ самую страдную пору онѣ разсылали пѣшкомъ крестьянъ по церквамъ и монастырямъ съ бутъею и поминальными книжками, или съ подводами, нагруженными провизіей, которая предназначалась разнымъ богомоламъ, пользовавшимся ихъ почитаніемъ. По временамъ, прослышавъ, что въ такомъ-то городѣ или селѣ (хотя бы даже за сто и болѣе верстъ) долженъ быть крестный ходъ, или принесутъ икону, онѣ собирались и сами на богомолье. Закладывалась извѣстная всему околотку желтая карета, и сестры на недѣлю и на двѣ пропадали, переѣзжая съ богомолья на богомолье. Эти поѣздки могли бы, въ хозяйственномъ смыслѣ, считаться полезными, потому что хоть въ это время можно было бы управиться съ работами, но своеобразныя старухи и заочно не угомонялись, непрерывно требуя присылки подводу съ провизіей, такъ что, не будучи въ собственномъ смыслѣ слова жестокими, онѣ до такой степени въ короткое время изнурили крестьянъ, что послѣдніе считались самыми бѣдными въ цѣломъ уѣздѣ.

Ни отецъ, ни матушка, въ теченіе болѣе десяти лѣтъ, никогда не заглядывали въ „Уголокъ“. Матушка любила и поѣсть, и попить въ людяхъ, а сестрицамъ угощать было нечѣмъ. Благодаря своей безалаберности, онѣ сами жили впроголодь, питаясь молокомъ, ягодами и хлѣбомъ, и еслибы не возможность прожить зиму въ Малиновцѣ, то неизвѣстно, какъ бы онѣ извернулись. Къ счастью, у Ольги Порфирьевны были двѣ дальнія деревушки, около тридцати душъ, которыя платили небольшой оброкъ. Эта ничтожная сумма, размѣненная на двугривенные и пятиалтынные, и выручала ихъ.

Зиму онѣ проводили въ Малиновцѣ, въ полномъ смыслѣ слова, затворницами. Однажды вступивъ во владѣніе „боковушкой“, онѣ выходили изъ нея только къ обѣду да въ праздники къ обѣднѣ. Въ мезонинѣ у насъ никто не жилъ, кромѣ сестрицъ, да еще дѣтей, которыя приходили въ свои дѣтскія только для сна. Прочія комнаты стояли пустыя и раздѣлялись на двѣ половины длиннымъ темнымъ коридоромъ, въ который вела снизу крутая темная лѣстница. Днемъ у всѣхъ было своего дѣла по горло, и потому наверхъ рѣдко кто ходилъ, такъ что къ темнотѣ, наполнявшей коридоръ, присоединялась еще удручающая тишина. Малѣйшій порохъ заставлялъ сестрицъ вздрагивать и посылать Аннушку поглядѣть, нѣтъ ли кого. Но въ особенности ихъ пугало, что



корридорѣ обоими концами упирался въ чердаки, которые, какъ извѣстно, составляютъ любимое мѣстопребываніе нечистой силы. Марья Порфирьевна пыталась ограждать себя отъ послѣдней тѣмъ, что мазала на дверяхъ чердаковъ кресты, но матушка, узнавъ объ этомъ, приказала вымыть двери и пригрозила сестрицамъ выпроводить ихъ изъ Малиновца.

Съ утра до вечера, онѣ сидѣли однѣ въ своемъ заключеніи. У Ольги Порфирьевны хоть занятіе было. Она умѣла вышивать шелками и дѣлала изъ разноцвѣтной фольги нѣчто въ родѣ оладовъ къ образамъ. Но Марья Порфирьевна ничего не умѣла, и занималась только тѣмъ, что бѣгала взадъ и впередъ по длинной комнатѣ, производя искусственный вѣтеръ и намѣренно мѣшая сестрѣ работать.

Кормили тетенекъ болѣе чѣмъ скупо. Утромъ посылали на верхъ по чашкѣ холоднаго чаю безъ сахара, съ тоненькимъ ломтикомъ бѣлаго хлѣба; за обѣдомъ имъ первымъ подавали кушанье, предоставляя *право* выбирать самые худые куски. Помню, какъ робко онѣ входили въ столовую за четверть часа до обѣда, чтобы не заставить ждать себя, и становились къ окну. Когда появлялась матушка, онѣ приближались къ ней, но она почти всегда съ беспощадною жестокостью отвѣчала имъ, говоря:

— Ну, еще цѣловаться вздумали! не Богъ знаетъ сколько времени не видались!

Въ теченіе всего обѣда онѣ сидѣли, потупивъ глаза въ тарелки, и безмолвствовали. Ъли только супъ и пирожное, такъ какъ остальное кушанье было не по зубамъ.

Присутствіе матушки приводило ихъ въ оцѣпенѣніе, и что бы ни говорилось за столомъ, какія бы ни происходили бурныя сцены, онѣ ни однимъ движеніемъ не выказывали, что принимаютъ въ происходящемъ какое-нибудь участіе. Молча садились онѣ за обѣдъ, молча подходили послѣ обѣда къ отцу и къ матушкѣ и отправлялись наверхъ, чтобы не сходить оттуда до завтрашняго обѣда.

Чѣмъ онѣ были сыты—это составляло загадку, надъ разрѣшеніемъ которой никто не задумывался. Даже отецъ не интересовался этимъ вопросомъ и, повидимому, былъ очень доволенъ, что его не беспокоятъ. По временамъ Аннушка, завтракавшая и обѣдавшая въ дѣвичьей, вмѣстѣ съ женскою прислугой, отливала въ небольшую чашку людскихъ щецъ, толовна или кулаги и, владучись, относила подъ фартукомъ эту подачку „барышнямъ“. Но однажды матушка узнала объ этомъ и строго-на-строго запретила.

— Онѣ дворянки, — сказала она язвительно: — а дворянкамъ не пристало холопскія щи ѣсть. Я купчиха — и то не ѣмъ.

Вообще сестрицы сдѣлались чѣмъ-то въ родѣ живыхъ мумій; забитыя, брошенныя въ тѣсную кануру, лишеныя притога свѣжаго воздуха, онѣ даже перестали сознавать свою безпомощность, и въ безмолвномъ отупѣніи жили, какъ въ гробу, въ своемъ обязательномъ убѣжищѣ. Но и за это жалкое убѣжище онѣ цѣплялись всею силою своихъ костенѣющихъ рукъ. Въ немъ, по крайней мѣрѣ, было тепло... Чтò, ежели разсердится сестрица Анна Павловна, и скажетъ: мнѣ и безъ васъ есть кого поить-кормить! — куда онѣ тогда дѣнутся?

Даже Марья Порфирьевна притихала и съезживалась, когда ей напоминали о возможности подобной катастрофы. Вообще она до того боялась матушки, что при упоминеніи ея имени бросалась на постель и прятала лицо въ подушки.

Увы! предчувствіе не обмануло сестрицъ. Минуты, когда ворота малиновецкой усадьбы заперлись передъ ними навсегда, были сочтены.

Матушка въ это время уже могла считать себя богатою. Въ самомъ началѣ тридцатыхъ годовъ она успѣла приобрести значительное имѣніе, верстахъ въ сорока отъ Малиновца и всего въ пяти верстахъ отъ Уголка. Это было большое торговое село Заболотье, заключавшее въ себѣ съ деревнями болѣе трехъ тысячъ душъ. Принадлежало оно тремъ владѣльцамъ, и часть одного изъ нихъ, около тысячи-двухсотъ душъ, продавалась въ опекуновскомъ совѣтѣ съ аукціона. Прослышавъ о предстоящей продажѣ, матушка рѣшила рискнуть своимъ небольшимъ приданнымъ капиталомъ и поѣхала въ Москву. Успѣхъ превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія. На аукціонѣ никто не явился, кромѣ подставного лица, и имѣніе осталось за матушкой, „съ переводомъ долга“ и съ самой небольшой приплатой изъ приданныхъ денегъ.

Имѣніе было малоземельное, но оброкъ съ крестьянъ получался исправно. А, по тогдашнему времени, это только и было нужно. Операція была настолько выгодна, что сразу дала матушкѣ лишнихъ пятнадцать тысячъ чистаго годового дохода, не считая уплаты процентовъ и погашенія. Сверхъ того, лѣтомъ изъ Заболотья наряжалась въ Малиновець такъ-называемая помочъ, которая въ три-четыре дня оканчивала почти все жнитво и значительную часть сѣнокоса. Вслѣдствіе этого, и Малиновець началъ давать все болѣе и болѣе серьевный доходъ. Благосостоянію семьи было положено прочное основаніе.

Но тутъ-то именно и случилось нѣчто въ высшей степени

пръскорбное для сестрицъ. Матушка, никогда не любившая Малиновца, начала, съ покушвой новаго имѣнія, положительно скучать въ родовомъ отцовскомъ гнѣздѣ. Въ Заболотѣ былъ тоже господскій домъ, хотя тѣсный и плохо устроенный, но матушка была неприхотлива. Ей нравилась оживленная улица села, съ постоянно открытыми лавками, въ которыхъ, по ея выраженію, только птичьяго молока нельзя было достать, и съ еженедѣльнымъ торгомъ, на который съѣзжались толпы народа изъ сосѣднихъ деревень; нравилась заболотская пятиглавая церковь, съ пятисотъ-пудовымъ коловоломъ; нравилась новая кипучая дѣятельность, которую представляло оброчное имѣніе. Оброки собирались по мелочамъ, такъ что надо было наблюдать да и наблюдать, записывать да и записывать. Да и одинъ ли оброкъ? ежели къ такому имѣнію да приложить руки, такъ и другихъ полезныхъ статей не мало найдется. Обложить торговцевъ сборомъ, свои лавки построить, постоянный дворъ, трактиръ... Одно горе: имѣніе череполосное; мужики остальныхъ двухъ частей, при взглядномъ управленіи, совсѣмъ извольничались, и, пожалуй, не скоро пойдутъ на затѣи новой помѣщицы. Но вѣдь и это представляло пищу для дѣятельности. Пойдутъ разговоры, совѣщанія; иное уладится само собой, а иногда и до суда дойдетъ. Обо всемъ надо подумать, переговорить. Матушка и о тяжбѣ начала помышлять безъ особеннаго страха.

Первые три года, она только урывками наѣзжала въ Заболотье. Пробудеть мѣсяцъ, другой, и опять воротится въ Малиновецъ. Но мысль ея все больше и больше склонялась къ тому, чтобы изъ Заболотья сдѣлать зимнюю резиденцію. Зимой въ Малиновцѣ рѣшительно нечего было дѣлать. Шла только молотба (иногда до самой масляницы), но для наблюденія за нею былъ подъ рукой староста Федотъ, которому можно было безусловно довѣрить барское дѣло. Господскій домъ оказывался слишкомъ обширнымъ и опустѣлымъ (почти всѣ дѣти ужъ были размѣщены по казеннымъ заведеніямъ въ Москвѣ) и отопленіе таковой махины требовало слишкомъ много дровъ. Оставалось убѣдить отца, но вѣдь матушкѣ было не привывать стать къ домашнимъ сценамъ. Побурлить старика, а она все-таки на своемъ поставить. А о томъ, что гдѣ-то наверху, въ боковушкѣ, словно мыши, скребутся сестрицы, она забыла и думать.

Участь тетенежь-сестрицъ была рѣшена. Условлено было, что сейчасъ послѣ Покрова, когда по первымъ умотамъ уже можно будетъ судить объ общемъ урожаѣ озимаго и ярового, семья переѣдетъ въ Заболотье. Часть дворовыхъ переведутъ туда же,

а часть размѣстится въ Малиновцѣ по флигелямъ, и затѣмъ господскій домъ заколотятъ.

Сверхъ ожиданія, отецъ принялъ это рѣшеніе безъ особенныхъ возраженій. Его соблазняло, что при заболотской церкви состоятъ три попа и два дьякона, что тамъ каждый день служатъ обѣдню, а въ праздничные дни даже двѣ, раннюю и позднюю, изъ которыхъ послѣднюю—соборне.

Матушка сама извѣстила сестрицъ объ этомъ рѣшеніи. „Намъ это необходимо для устройства имѣній нашихъ,—писала она,—а вы и не увидите, какъ зиму безъ милыхъ сердцу проведете. Ухитите вашъ домичекъ соломкой, да жердочками сверху обуршетите—и будетъ у васъ и тепленько, и уютненько. А соскучитесь однѣ—въ Заболотьѣ чайку попить милости просимъ. Всего пять верстъ—мигомъ лошадушки домчатъ“...

Въ половинѣ декабря, уголковскій староста Осипъ явился въ Заболотьѣ и просилъ доложить о себѣ матушкѣ.

— Барышня Ольга Порфирьевна у насъ плоха,—доложилъ онъ ей.

— Что съ нею?

— Да стужа въ домишкѣ-то... простудилась, стало быть.

— Я вѣдь писала, чтобы домъ соломой сваружи ухитить...

— Что солома! бревна сгнили... Стужа лютеѣ, чѣмъ на дворѣ.

— А я тутъ при чемъ? что ты ко мнѣ присталъ? Я развѣ причинна, что домъ у васъ сгнилъ?

— Я не къ тому... такъ, доложить пришелъ... Какъ бы потомъ въ отвѣтъ не быть...

— Лежить она, что ли?

— Пока еще бродить... кашель даже одолевъ. Такъ бѣтъ, такъ бѣтъ, ни на что не похоже... на бокъ жалуется...

— Что-жь я-то могу?.. Богъ милостивъ, отходится. За докторомъ, коли что, пошлите.

Съ тѣмъ староста и ушелъ. Матушка, впрочемъ, нѣсколько разъ порывалась велѣть заложить лошадей, чтобы съѣздить въ сестрицамъ; но, въ концѣ концовъ, махнула рукой и успокоилась.

На святкахъ, староста опять пріѣхалъ и объявилъ, что Ольга Порфирьевна ужъ кончается. Я въ это время учился въ Москвѣ, но на зимнюю вакацію меня выпросили въ Заболотьѣ. Матушка въ нѣсколько минутъ собралась, и вмѣстѣ съ отцомъ и со мной поѣхала въ Уголокъ.

Домишко былъ дѣйствительно жалкій. Онъ стоялъ на юру,

окутанный промерзлой соломой и не защищенный даже рошицей. Когда мы изъ крытаго возка перешли въ переднюю, насъ обдало морозомъ. Встрѣтила насъ тетенька Марья Порфирьевна, укутанная въ толстый ваточный капоть, въ капорѣ и въ валеныхъ сапогахъ. Лицо ея осунулось и выражало младенческое отупѣніе. Завидѣвъ насъ, она машинально замахала руками, словно говорила: тише! тише! Сзади стояла старая Аннушка и плакала.

Ольга Порфирьевна уже скончалась, но ее еще не успѣли снять съ постели. Миниатюрная головка ея, сморщенная, съ обострившимися чертами лица, съ закрытыми глазами, беспомощно высывалась изъ-подъ груди всякаго тряпья, наваленнаго ради тепла; у изголовья, на стулѣ, стоялъ непочатый стаканъ малиноваго настоя. Въ углу, у образовъ, священникъ, въ ветхой рясѣ, служилъ панихиду.

Матушка заплакала. Отецъ, въ шубѣ и большихъ мѣховыхъ сапогахъ, закрывалъ рукою ротъ и носъ, чтобъ не глотнуть морознаго воздуха.

Когда кончилась панихида, матушка сунула священнику въ руку полтинникъ и сказала:—ужь вы, батюшка, постарайтесь!— Затѣмъ, всѣ на минуту присѣли, дали Аннушкѣ и старостѣ надлежащія наставленія, поклонились покойницѣ и стали поспѣшно собираться домой. Марью Порфирьевну тоже взяли съ собой въ Заболотье.

Черезъ три дня, Ольгу Порфирьевну схоронили на бѣдномъ погостѣ, къ которому Уголокъ былъ приходомъ. Похороны, впрочемъ, произошли честь-честью. Матушка выписала изъ города среденькій, но очень приличный гробикъ, среденькій, но тоже очень приличный покровъ, и пригласила изъ Заболотья старшаго священника, который и служилъ заупокойную литургію соборне. Мало того: она заказала два сорокоуста и внесла въ приходскую церковь сто рублей вклада на *вѣчныя* времена, для поминовенія души усопшей рабы Божіей Ольги.

Спустя мѣсяцъ, тетеньку Марью Порфирьевну, вмѣстѣ съ Аннушкой, помѣстили въ ближайшій женскій монастырь. Матушка сама ѣздила хлопотать и купила въ монастырской оградѣ особую келью, чтобы старушкѣ жилось уютненько и тепленько.

Словомъ сказать, устроили дѣло такъ, чтобъ и душа покойной, гляючи съ небеси, радовалась, да и передъ людьми было не стыдно...

Н. Щедринъ.

---

# НОВЫЕ МЕМОАРЫ

ОБЪ

## АЛЕКСАНДРОВСКОЙ ЭПОХЪ

---

Въ послѣднее время отличительную черту нашей исторической литературы составляет большое обиліе различнаго рода мемуаровъ, дневниковъ, переписки, официальныхъ документовъ, относящихся къ временамъ давно и недавно прошедшимъ. Собственно историческихъ работъ по XVIII-му и XIX-му вѣку является сравнительно немного: кромѣ историческихъ обзоровъ по предметамъ спеціальнымъ, особливо военнымъ, мы почти не имѣемъ книгъ, посвященныхъ изображенію цѣлыхъ эпохъ съ ихъ основными руководящими силами и складомъ общественной жизни. И особенно нынѣшнее столѣтіе лишено такихъ цѣльныхъ историческихъ объясненій: времена императора Александра I, уже значительно далекія отъ насъ, и болѣе близкая къ намъ вторая четверть столѣтія, еще не нашли полной историко-критической оцѣнки, которая дала бы возможность относиться къ этимъ эпохамъ вполне сознательно, извлечь изъ нихъ тотъ историческій опытъ, въ которомъ мы очень бы нуждались. Въ самомъ дѣлѣ, въ нашемъ обществѣ не существуетъ, до сихъ поръ, яснаго представленія объ основныхъ чертахъ первой половины столѣтія: съ послѣднихъ 50-хъ годовъ, въ лучшей части общественнаго мнѣнія и въ полувывысказанномъ мнѣніи самого правительства система, господствовавшая въ Николаевскую эпоху, была признана ошибочною и въ послѣднемъ результатѣ пагубною не только для

развитія силъ общественныхъ, но и для жизни самого государства; результатомъ этого убѣжденія былъ рядъ реформъ, хотя не довершенныхъ, но принятыхъ съ величайшимъ энтузіазмомъ и, въ общемъ, въ высокой степени благотворныхъ для развитія русской жизни; теперь, напротивъ, мы видимъ странное обращеніе къ той же эпохѣ, какъ къ лучшему идеалу государственнаго и общественнаго быта, причѣмъ желается возвращеніе тѣхъ самыхъ сторонъ той эпохи, которыя были въ ней наименѣе сочувственны. Оказывается очевидно, что историческій опытъ, смыслъ котораго наглядно и реально чувствовался въ 50-хъ годахъ, тотчасъ вслѣдъ за окончаніемъ того періода, теперь совершенно забытъ. Безъ сомнѣнія, онъ забытъ тѣмъ легче, что на помощь не явилось всестороннее и безпристрастное изученіе Николаевскаго періода въ его принципахъ и послѣдствіяхъ. Не скажемъ, чтобы подобное цѣльное изученіе было легко, — время все еще слишкомъ близко, — но самая близость давала бы возможность живой оцѣнки по крайней мѣрѣ основныхъ явленій, еслибы не помѣшала ей давнишняя несвобода историческаго слова.

Взамѣнъ этого, наша литература должна ограничиваться простымъ навопленіемъ матеріала, отрывочными эпизодическими разсказами, которые могутъ явиться на свѣтъ (и то, впрочемъ, не всегда) именно благодаря этой отрывочности, которая не тревожитъ недовѣрчивыхъ и подозрительныхъ умовъ. Матеріалъ, однако, собирается обширный и нерѣдко чрезвычайно любопытный: выходятъ на свѣтъ самыя разнообразныя отголоски прошедшихъ временъ, отъ писемъ государей, отъ воспоминаній высокопоставленныхъ лицъ, игравшихъ нѣкогда могущественную роль въ событіяхъ, до дневниковъ, писемъ и воспоминаній второстепенныхъ исполнителей, и, наконецъ, до разсказовъ мелкихъ людей, небольшого чиновника, офицера, сельскаго священника и т. д. Въ обществѣ, очевидно, развилось большое историческое любопытство: спеціальныя архивно-историческія изданія находятъ и многочисленныхъ поставщиковъ, и многочисленныхъ читателей; люди, владѣющіе старымъ матеріаломъ, находятъ личный или фамиліальный интересъ внести свой вкладъ въ историческія архивы, сохранить память близкихъ, такъ или иначе, событій и лицъ, вывести на свѣтъ старые споры, обвиненія и защиты, сообщить характерныя анекдоты и т. д. Это историческое любопытство, конечно, совершенно естественно; оно никогда не заглохало въ обществѣ, но въ прежнее время оно почти не находило себѣ исхода или находило его только въ слабой степени — въ исторіи официальной; множество фактовъ животрепещущаго интереса, не

находившее мѣста въ печати, передавалось въ преданіяхъ или въ рукописяхъ; мы помнимъ время, когда ходили по рукамъ рукописные документы, цѣлыя сочиненія, которыя съ 60-хъ годовъ стали попадать въ печать. Не мудрено, что когда для этого матеріала, хранившагося подъ спудомъ, явилась возможность появиться на свѣтъ, интересъ къ прошедшему сталъ развиваться еще сильнѣе. Эта архивная литература давала, во всякомъ случаѣ, опору для развитія историческаго самосознанія.

Въ ней нашлось, въ самомъ дѣлѣ, множество рассказовъ о такихъ событіяхъ, о такихъ явленіяхъ русской жизни, о которыхъ въ прежнее время не только не могло быть ничего напечатано, но иногда не безопасно было и говорить: дворцовые перевороты XVIII-го вѣка, тогдашняя закулисная административная практика, интимная жизнь двора и высшаго общества, множество дѣлъ, которыя были въ свое время „секретными“, изображеніе историческихъ дѣятелей, подвиги которыхъ давно были извѣстны молвѣ, но оставались неприкосновенны въ литературѣ, много таинственныхъ событій, которыя бывали чрезвычайно характернымъ отраженіемъ своего времени,—все это было исполнено не только историческаго интереса, но и поучительности. Въ первый разъ сквозъ скорлупу официальной исторіи стала проглядывать живая, неподкрашенная и неподдѣланная дѣйствительность. Извѣстно, какъ изученіе этого стараго матеріала послужило и для тѣхъ прекрасныхъ поэтическихъ воспроизведеній, какія далъ, напр., графъ Толстой въ „Войнѣ и Мирѣ“.

Въ послѣдніе два-три года издано было опять нѣсколько очень любопытныхъ мемуаровъ; остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ, относящихся въ особенности ко временамъ императора Александра I. Едва ли не самый интересный между ними: „Записки Н. Н. Муравьева Карскаго“<sup>1)</sup>. Николай Николаевичъ Муравьевъ принадлежалъ къ замѣчательной семьѣ, члены которой заняли различнымъ образомъ видныя мѣста въ общественной и государственной исторіи нашего столѣтія. Отецъ Муравьевыхъ, служака Екатерининскихъ временъ, образованный человекъ, хорошій математикъ, извѣстенъ какъ основатель „школы колонновожатыхъ“, которая сначала была его частной домашней школой, гдѣ онъ преподавалъ для молодыхъ любителей математическія и военныя науки, потомъ сдѣлалась школой полуофициальной и была первымъ началомъ основанной впоследствии академіи генеральнаго штаба. Изъ школы Муравьева вышло много людей,

<sup>1)</sup> Онѣ печатались въ „Р. Архивѣ“ 1886—87 г.



получившихъ потомъ большую извѣстность на военномъ, административномъ и общественномъ поприщѣ; между ними были и его сыновья, изъ которыхъ Н. Н. Муравьевъ, авторъ „Записокъ“, былъ вторымъ; нѣсколько моложе его былъ Михаилъ, знаменитый впослѣдствіи своими дѣяніями въ усмиреніи польскаго возстанія въ западномъ краѣ, и, наконецъ, Андрей, извѣстный благочестивый паломникъ и писатель. Н. Н. Муравьевъ родился въ 1794 году; въ 1811 отецъ привезъ уже его на службу въ Петербургъ; здѣсь онъ тотчасъ могъ выдержать офицерскій экзамень и назначенъ былъ въ число преподавателей въ петербургскую школу колонновожатыхъ. Вскорѣ послѣ того вступилъ туда же его братъ Михаилъ, а затѣмъ, когда началась война двѣнадцатаго года, оба они, какъ и старшій братъ ихъ Александръ, отправились въ дѣйствующую армію.

Не однѣ только чрезвычайныя событія заставили ихъ еще юношами вступить на трудное и опасное поприще. Правда, было тогда много юныхъ людей, которыхъ увлекалъ въ ряды армій патріотическій энтузіазмъ; но въ прошломъ вѣкѣ, какъ и въ Александровское время, молодые люди вообще гораздо раньше, чѣмъ теперь, вступали въ дѣйствительную жизнь, оставались на своихъ рукахъ, начинали отвѣтственное служебное поприще, военное и гражданское. Н. Муравьеву въ 1812-мъ году шелъ 18-й годъ, и его служба была далеко не легкая. Прошедши школу колонновожатыхъ, онъ поступилъ въ армію по квартирмейстерской части, — служба страшно хлопотливая и утомительная, тѣмъ болѣе, что ближайшіе начальники въ большинствѣ были люди мало знающіе и вмѣстѣ вздорные, такъ что вся тягость обязанностей и почти безъ всякаго руководства падала на молодыхъ офицеровъ, почти мальчиковъ, какъ былъ Муравьевъ, почти прямо изъ домашней жизни попавшій въ невообразимую суматоху военныхъ дѣйствій 12-го года, съ неокрѣпшими силами и очень скудными средствами. Ему пришлось перенести столько трудностей, что онъ были бы подъ силу только опытному и вполне зрѣлому человѣку; вмѣстѣ съ тѣмъ, это была хотя трудная, но прекрасная школа и военная, и житейская. Его братъ Михаилъ попалъ въ армію на 15-мъ году и былъ уже тяжело раненъ при Бородинѣ. Муравьевъ упоминаетъ объ одномъ офицерѣ дѣйствующей арміи, который былъ еще моложе: ему шелъ только 14-й годъ.

Н. Муравьевъ началъ свои „Записки“ въ 1815-мъ году, по близкимъ еще воспоминаніямъ и по замѣткамъ дневника — поэтому его воспоминанія богаты множествомъ еще свѣжихъ впечатлѣній;

написаны онѣ просто и вмѣстѣ точно и отличаются, вѣроятно, полною правдивостью. Въ той части ихъ, какая появилась до сихъ поръ въ печати, много мѣста посвящено двѣнадцатому году, и эта доля ихъ принадлежитъ къ наиболѣе любопытнымъ свидѣтельствамъ, какия оставлены современниками объ этой великой эпохѣ. Муравьевъ писалъ вскорѣ послѣ событій, когда только-что вернулся изъ заграничнаго похода; онъ писалъ для себя, не имѣлъ надобности ни въ какихъ литературныхъ прикрасахъ, и говоритъ вообще только о томъ, что самъ видѣлъ и самъ переживалъ. Оттого его „Записки“ даютъ особенно наглядную картину событій, гдѣ нѣтъ притязанія на широкій планъ, на цѣльную картину военныхъ движеній и т. п., которая такъ легко дѣлаютъ рассказъ отвлеченнымъ; здѣсь, напротивъ, масса мелкихъ подробностей, хотя и ограниченныхъ однимъ пунктомъ, даетъ читателю гораздо болѣе яркое впечатлѣнiе того страшнаго хаоса, который называется войной и какимъ въ особенности была война 12-го года. Въ подобныхъ случаяхъ чѣмъ проще рассказъ, тѣмъ онъ живѣе. Иной разъ представляется, какъ будто именно здѣсь брались нѣкоторыя подробности, которыя послужили для военныхъ эпизодовъ „Войны и Мира“.

Мы не имѣемъ возможности приводить здѣсь образчики этихъ рассказовъ—нужны были бы слишкомъ большія извлеченія, чтобы дать понятiе объ этихъ картинахъ тогдашней военной жизни;—и уважемъ еще другую сторону этихъ записокъ, гдѣ разсѣяны черты вѣва и нравовъ, составляющихъ особенность Александровской эпохи.

Эта эпоха, столько разъ осуждаемая, имѣла свои весьма привлекательныя стороны, къ числу которыхъ принадлежатъ распространявшаяся тогда потребность просвѣщенія и первые признаки самостоятельнаго общественнаго чувства. Мы обыкновенно забываемъ, гдѣ былъ корень нашихъ собственныхъ идеаловъ и стремлений; но, вернувшись къ исторiи, мы нерѣдко найдемъ начатки ихъ еще въ давнемъ прошедшемъ, между прочимъ въ Александровской эпохѣ, которая въ свою очередь была подготовлена концомъ прошлаго вѣва. Н. Муравьевъ въ своихъ стремленiяхъ къ просвѣщенiю многое унаслѣдовалъ уже отъ своего отца. „Отецъ мой,—говоритъ онъ,—былъ нѣкогда записанъ въ Измайловскомъ полку и на 16-мъ году отъ рожденiя поѣхалъ учиться въ страсбургскiй университетъ, гдѣ отличался своими успѣхами“. Онъ пробылъ за границей четыре года, и въ университетъ его привела собственная любознательность, которая и потомъ сдѣлала его профессоромъ-добровольцемъ. Изъ его шкoлы

вынесъ ту же любознательность и его сынъ, и „Записки“ Муравьева даютъ нѣсколько чрезвычайно характерныхъ подробностей о томъ броженіи идей, которое само собой возникало въ нѣсколько пробужденныхъ умахъ подъ вліяніемъ вѣка: въ самой русской жизни стали нарождаться исканія новаго содержанія и новыхъ формъ быта. Французскій языкъ принадлежалъ къ первымъ необходимымъ тогдашняго воспитанія, и французская литература имѣла особенное вліяніе. Муравьевъ вспоминаетъ, что когда онъ поселился самостоятельно въ Петербургѣ, ему попалась книга „Compte Mathieu“: „этотъ романъ, — говоритъ онъ, — разрушилъ всѣ мои религіозныя понятія и чувства; однако, книга сія не замѣнила разрушеннаго новыми правилами, а потому она только спутала понятія мои, не возродивъ ничего новаго. Мнѣ тогда было 16-ть лѣтъ. За этой книгой попала въ руки „Новая Елоиза“ Руссо. Чувствительность, выражающаяся въ сихъ письмахъ, растрогала мое сердце, по природѣ впечатлительное. Разметанныя первымъ чтеніемъ мысли мои начали приходить въ порядокъ. Нѣсколько разъ прочиталъ я съ большимъ вниманіемъ „Новую Елоизу“, и страсть моя къ Н. Н. (подъ этими буквами подразумѣвалась дочь извѣстнаго адмирала Мордвинова) усилилась. Думаю, что начало это способствовало къ развитію во мнѣ нелюдимости, къ которой я отъ природы склоненъ... Слогъ Жанъ-Жака увлекалъ меня, и я повѣрилъ всему, что онъ говоритъ. Не менѣе того, чтеніе Руссо отчасти образовало мои нравственныя наклонности и обратило ихъ къ добру; но, со времени чтенія сего, я потерялъ всякую охоту къ службѣ, получилъ отвращеніе къ занятіямъ, предался созерцательности и облѣнился“. Такъ захватывало чтеніе, что отражалось и на сердечныхъ влеченіяхъ, и на службѣ. Въ первый годъ пребыванія въ Петербургѣ у Н. Муравьева составилъ и тѣсный дружескій кружокъ, нѣчто въ родѣ тайнаго общества. Старшій братъ его Александръ уже раньше вступилъ въ какую-то масонскую ложу; братъ подмѣтилъ таинственное чтеніе и масонскіе знаки, и мистифировалъ Александра мнимой собственной принадлежностью къ какому-то тайному союзу, — между тѣмъ въ своемъ собственномъ кружкѣ онъ дѣйствительно устроилъ тайный союзъ весьма фантастическаго свойства. „Какъ водится въ молодые лѣта, — говоритъ Н. Муравьевъ о своемъ кружкѣ, — мы судили о многомъ, и я, не ставя преграды воображенію своему, возбужденному чтеніемъ „Contrat Social“ Руссо, мысленно начертывалъ себѣ всякія предположенія въ будущемъ. Думалъ и выдумалъ слѣдующее: удалиться чрезъ пять лѣтъ на какой-нибудь островъ, насе-

ленный дикими, взять съ собою надежныхъ товарищей, образовать жителей острова и составить новую республику, для чего товарищи мои обязывались быть мнѣ помощниками. Сочинивъ и изложивъ на бумагу законы, я уговорилъ слѣдовать со мною Артамона Муравьева, Матвѣя Муравьева-Апостола и двухъ Перовскихъ, Льва и Василя, которые тогда опредѣлились колонновожатыми; въ собраніи ихъ я прочиталъ законы, которые имъ понравились. Затѣмъ были учреждены настоящія собранія и введены условные знаки для узнаванія другъ друга при встрѣчѣ... Меня избрали президентомъ общества, хотѣли сдѣлать складчину, дабы нанять и убрать особую комнату по нашему новому обычаю; но денегъ на то ни у кого не оказалось. Одежда назначена была самая простая и удобная: синія шаравары, куртка и поясъ съ кинжаломъ, на груди двѣ параллельныя линіи изъ мѣди въ знакъ равенства; но и тутъ ни у кого денегъ не оказалось, посему собирались къ одному изъ насъ въ мундирныхъ скюртукахъ. На собраніяхъ читались записки, составляемыя каждымъ изъ членовъ для усовершенствованія законовъ товарищества, которые по обсужденіи утверждались всѣми. Между прочимъ, постановили, чтобы каждый изъ членовъ научился какому-нибудь ремеслу, за исключеніемъ меня, по причинѣ возложенной на меня обязанности учредить воинскую часть и защищать владѣніе наше противъ нападенія сосѣдей. Артамону назначено быть лекаремъ, Матвѣю—столяромъ. Вступившій къ намъ юнкеръ вонной гвардіи Сенявинъ долженъ былъ заняться флотомъ“. „Ребяческій бредъ“, каковымъ уже вскорѣ показали Н. Муравьеву эти затѣи, прошелъ, когда наступили событія 12-го года, и болѣе не возвращался; но въ ту пору, какъ видимъ, довольно легко набирались охотники на эту фантастическую затѣю—любопытная черта, которая свидѣтельствуетъ о настроеніи умовъ молодого поколѣнія: тайное общество основывается, хотя и въ ребяческомъ видѣ, еще до 12-го года (обыкновенно думаютъ, что идея такихъ союзовъ принесена была военной молодежью только по возвращеніи изъ заграничнаго похода, въ 1815 году); нѣкоторые члены его стали потомъ декабристами, другіе—видными государственными дѣятелями Николаевского времени; очевидно, что причина явленія была не въ одномъ произволѣ молодого воображенія, но и въ общихъ условіяхъ времени. Это былъ одинъ изъ тѣхъ періодовъ оживленія, какіе случались (хотя очень рѣдко) въ исторіи русскаго общества, и когда задержанная внутренняя жизнь высказывалась порывами къ реформѣ, которые въ молодыхъ умахъ легко переходили въ невозможные фантастическіе планы. Н. Муравьевъ,

какъ видно по самымъ запискамъ, былъ человекъ ума точнаго и трезваго: фантастика скоро отпала, но сохранилась потребность просвѣщенія и сознательнаго служенія своему обществу. Когда кончились военныя бури и Муравьевъ былъ опять въ Петербургѣ, онъ снова устроиваетъ небольшой кружокъ, гдѣ шли общія занятія, чтеніе и толки. Онъ мало сообщаетъ подробностей объ этомъ второмъ кружкѣ, но, видимо, съ нимъ связаны были для него дорогія воспоминанія. Кружокъ ставилъ себѣ нравственныя и образовательныя цѣли, и когда вскорѣ Муравьевъ, по своимъ личнымъ обстоятельствамъ, покинулъ Петербургъ для службы на Кавказѣ, друзья проводили его своимъ напутствіемъ, и по дорогѣ на Кавказъ Муравьевъ получилъ отъ кружка письмо за подписью всѣхъ его членовъ съ привѣтами и пожеланіями. Муравьевъ былъ очень тронутъ этимъ посланіемъ: „Я сей листъ высоко чту, — пишетъ онъ послѣ, — и никогда ни на какіе аттестаты не промѣняю“. Потомъ ему не разъ вспоминается „священная артель“; живя на Кавказѣ, ему хотѣлось составить подобный же кружокъ, но, повидимому, это никогда уже не удалось. Эта забота о самообразованіи, взаимный нравственный контроль, идеальныя стремленія составляютъ именно одну изъ привлекательныхъ сторонъ извѣстной доли тогдашняго молодого поколѣнія, и иногда на долго отличали людей Александровской эпохи отъ дѣятелей позднѣйшей формаціи, во второй четверти столѣтія.

Любопытна еще подробность, которую находимъ въ запискахъ. „Французскія войска, — пишетъ Муравьевъ, — были уже на границахъ нашихъ. Молодые офицеры мечтали о предстоявшей имъ бивачной жизни и о кочевомъ странствованіи внѣ предѣловъ столицы, помимо часто досадливыхъ требованій гарнизонной службы. Они увлекались мыслью, что въ бою съ непріателемъ уподобятся героямъ древности <sup>1)</sup>, когда каждый могъ ознаменовать себя лично храбростью. Повѣствованія о подвигахъ древнихъ рыцарей и примѣры воинской доблести, почерпаемой при чтеніи жизни героевъ, дѣйствительно служатъ въ пробужденію воинскаго духа между молодыми людьми. Я слышалъ отъ А. П. Ермолова, что, накануне бородинскаго сраженія, онъ читалъ съ гр. Кутайсовымъ, убитымъ въ семъ сраженіи, пѣсни Фингала. Понятія о святости обязанностей, конечно, обеспечиваютъ исполненіе оной, но примѣры отличныхъ подвиговъ украшаютъ сію обязанность“ <sup>2)</sup>. Не

<sup>1)</sup> Вотъ, между прочимъ, отголосокъ тогдашняго классицизма.

<sup>2)</sup> Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ о Ермоловѣ, что когда при Павлѣ онъ по-

мудрено, что потомъ, когда Муравьевъ былъ въ арміи, ему не нравились военные кружки другого склада. Въ первое время онъ былъ причисленъ къ штату великаго князя Константина; встрѣченный имъ кружокъ Муравьеву очень не понравился. „Мы теперь очутились, — пишетъ онъ, — въ совершенно чуждомъ для насъ обществѣ, и еще какомъ! Все полковники, генералы... Въ первые дни были мы отуманены и въ большомъ замѣшательствѣ, впоследствии же нѣсколько обошлись. Кругъ, въ коемъ мы находились, состоялъ вообще изъ людей мало образованныхъ, и хотя обращеніе ихъ было простодушное, но мы, несмотря на привѣтливость ихъ, избѣгали короткаго съ ними знакомства, ибо обычная праздная жизнь ихъ не соответствовала нашимъ понятіямъ объ обязанности и трудолюбіи, въ коемъ были воспитаны. Общество ихъ было въ высокой степени *шауваис genre*“.

Въ запискахъ разбѣяно множество любопытныхъ подробностей, бытовыхъ и военныхъ. Война изображена не съ ея позаной стороны и не съ точки зрѣнія стратегии, а именно въ тѣхъ реальныхъ частностяхъ, которыя всего лучше передаютъ ея настоящій характеръ. Въ воспоминаніяхъ, составленныхъ для себя и въ то время, когда еще не успѣла укрѣпиться легенда, мы встрѣчаемъ также и весьма трезвыя характеристики лицъ, которыя въ позднѣйшей молвѣ и официальной исторіи были приращены до неузнаваемости. Многіе изъ героевъ 12-го года являются въ запискахъ Муравьева не весьма привлекательными; онъ объясняетъ, на примѣръ, исторію Платова, который во время бординскаго сраженія былъ совершенно пьянъ и не могъ исполнить своего дѣла; изображаетъ Милорадовича опять въ чертахъ не весьма красивыхъ, и даетъ портреты многихъ другихъ лицъ, весьма непохожіе на ихъ распространенную тогда репутацію. Ему случалось близко видѣть и многія крупныя событія, о которыхъ опять онъ рассказываетъ иначе, чѣмъ современныя реляціи, какъ, на примѣръ, о кульмскомъ сраженіи, и т. п.

Есть въ рассказѣ и бытовыя черты, очень характерныя. Таковы, на примѣръ, нѣкоторые эпизоды изъ тогдашней помѣщичьей жизни. Еще на пути изъ Петербурга въ армію захватилъ онъ съ братомъ въ одному родственнику, и видѣнное у него въ домѣ описываетъ какъ образчикъ быта мелкаго помѣщика и деревенской его жизни. „То былъ Петръ Семеновичъ Муравьевъ, дальній родственникъ нашъ, человекъ лѣтъ 50-ти, когда-то записанный сержантомъ въ палъ въ немилость и былъ сосланъ въ Кострому, „Алексѣй Петровичъ съ пользою употребилъ время пребыванія въ ссылке, занимаясь усовершенствованіемъ своимъ въ наукахъ, и примѣрно учился“...

Измайловскомъ полку, откуда онъ былъ выпущенъ, какъ при Екаторинѣ водилось, капитанскимъ чиномъ по арміи; вышелъ въ отставку, никогда не служивши, и поселился на жительство въ своемъ сельцѣ Радгуси, отстоящемъ въ пяти верстахъ отъ нашего Сырца. Тутъ онъ построилъ себѣ порядочный домъ, копилъ деньги и вѣздилъ каждыя пять или шесть лѣтъ на лошадахъ своихъ крестьянъ въ Москву; иногда бываетъ въ Петербургѣ, гдѣ останавливается въ Ямской слободѣ у знакомыхъ ямщиковъ, откуда справляется въ зеленой тележкѣ визиты къ своимъ родственникамъ, засиживаясь у нихъ по цѣлымъ днямъ, если же не съ ними, то пьянствуетъ съ ихъ дворовыми людьми. Хотя человекъ этотъ безъ всякаго воспитанія, но онъ по носимой имъ фамилии ласково принимаемъ моимъ отцомъ, въ которому имѣетъ большое уваженіе. Обыкновенное общество Петра Семеновича въ деревнѣ состоитъ изъ поповъ и приказчиковъ окологда, съ которыми онъ пьетъ и нерѣдко дерется, при чемъ случалось, что его обирали и пьянаго привозили въ телѣгѣ домой безъ часовъ или другихъ вещей, при немъ находящихся. Петръ Семеновичъ извѣстенъ также въ окологдѣ своими раскрашенными дугами и коренными лошадами, на которыхъ онъ иногда тратитъ деньги. Онъ жестоко обходится съ своими крестьянами и дворовыми людьми, насильственно безчеститъ дѣвокъ и въ пьянствѣ своимъ палками наказываетъ бабъ, раздѣвъ ихъ прежде на-голо и привязавъ къ кресту, на сей предметъ сдѣланному. Такая, по крайней мѣрѣ, несласть о немъ дурная слава. Въмѣстѣ съ этимъ онъ большой хлѣбосоль... Едва ли проходилъ годъ, въ который не бѣжалъ бы отъ него кто-либо изъ его дворовыхъ людей, съ уворованіемъ денегъ изъ навопляемой имъ казны, которая хранится въ амбарѣ, въ окованномъ сундукѣ за нѣсколькими замками, изъ коихъ первый у него самого всегда въ рукѣ. Нѣкоторые изъ сихъ бѣглыхъ людей были пойманы и зарѣзались... На другой день мы отправились къ Петру Семеновичу; обѣдъ былъ хорошій. Хозяинъ всячески старался угождать намъ, и хотя то было во время великаго поста, онъ велѣлъ созвать всѣхъ деревенскихъ бабъ и дѣвокъ, поставилъ ихъ въ комнату около стѣнъ и приказалъ имъ пѣсни пѣть. Между тѣмъ, самъ онъ не переставалъ пить и насъ хотѣлъ къ тому же склонить; но мы были осторожны и выливали вино подъ столъ на полъ. Хозяинъ началъ-было плясать, но, не будучи болѣе въ состояніи ходить, онъ приказалъ себя по комнатамъ водить, только приплясывая и кланялся намъ въ ноги съ поддержкою, разумѣется, старосты и Ѳомки-кучера“.

Это очевидно „предокъ“ Поздрева, и посѣщеніе родственника

кончилось почти такъ же, какъ посѣщеніе Ноздрева Чичиковымъ. Гости едва спаслись отъ хозяина.

Изъ впечатлѣній Муравьева въ арміи отмѣтимъ еще одинъ отзывъ. Общество тогдашнихъ аристократическихъ офицеровъ „мнѣ вообще не нравилось, — пишетъ Муравьевъ; — не знаю, по какимъ причинамъ оно такъ прославилось въ Петербургѣ. Ничего святого у нихъ не было: пересуживали всѣхъ генераловъ, любовь къ отечеству было чувство для нихъ чуждое, и каждый изъ нихъ считалъ себя въ состояніи начальствовать арміею. У нихъ сочинялись насмѣшливыя пѣсни насчетъ начальниковъ и военныхъ дѣйствій“. Муравьеву случилось быть въ Москвѣ передъ ея оставленіемъ; онъ искалъ здѣсь своего брата Михаила, который раненъ былъ подъ Бородинымъ и котораго послѣ того онъ потерялъ изъ виду. Михаилъ былъ вывезенъ въ Нижній; Николай оставилъ Москву вмѣстѣ съ войсками. Онъ сообщаетъ ходившіе тогда слухи и то, что ему самому случилось видѣть. „Кромѣ небольшой части простого народа, никого въ городѣ не оставалось. Дворянство все почти выѣхало. По каретамъ, въ то время показывавшимся на улицѣ, народъ бросалъ камнями“. Нѣкоторые изъ его знакомыхъ офицеровъ, запоздавшіе выѣздомъ, были захвачены французами. Вмѣстѣ съ арміею выѣхалъ изъ Москвы послѣдній огромный обозъ выходцевъ, который на первый ночлеги остановился, по большей части, вмѣстѣ съ главной квартирой, не далѣе какъ верстахъ въ пятнадцать отъ города. „Во всѣхъ дѣйствующихъ войскахъ нашихъ, по выступленіи изъ столицы, состояло только 55 тысячъ человѣкъ подъ ружьемъ“.

По выступленіи изъ Москвы, когда Муравьевъ пріѣхалъ въ одно селеніе, „сдѣлался въ Москвѣ взрывъ порохового магазина. Трескъ былъ ужасный, и городъ, который уже въ нѣсколькихъ мѣстахъ горѣлъ, почти весь запылалъ. Зрѣлище было грустное и вмѣстѣ страшное. Мы нивакъ не хотѣли вѣрить, чтобы пламя пожирало Москву, и полагали, что горитъ какое-нибудь большое селеніе, лежащее между нами и столицею. Свѣтъ отъ сего пожара былъ такой яркій, что въ 12-ти верстахъ отъ города, гдѣ мы находились, я ночью свободно читалъ какой-то газетный листъ, который на дорогѣ нашель“.

На походѣ отъ Москвы къ границѣ, Муравьевъ видѣлъ собственными глазами множество страшныхъ сценъ бѣдствія отступавшей французской арміи.

„Я не сократилъ, — говоритъ онъ, — пространнаго описанія бѣдствій, претерпѣнныхъ въ 1812 году французскою арміею, и оставилъ даже встрѣчающіяся о томъ повторенія, какъ свидѣтельство



о впечатлѣніи, оставшемся у меня въ памяти, когда я писалъ сіи записки, шесть лѣтъ спустя послѣ событія, объ ужасахъ, сопровождавшихъ бѣгство непріятели изъ нашего отечества... Въ 1812 году взято было нами въ плѣнъ 180 т. человѣкъ, изъ коихъ едвали 30 т. возвратились въ свое отечество. Французы оставили въ Россіи 1.400 орудій и всю казну, отъ которой обогатились преимущественно казаки. Довольно странно, что нѣкоторые изъ бродящихъ по дорогѣ французовъ, забывъ опасность, грабили вмѣстѣ съ казаками казну Наполеона и, въ общей суматохѣ, лавили въ фургоны, отъ коихъ, разумѣется, были отбиты. Инымъ, однако же, удавалось вытащить нѣсколько золота, которое у нихъ, впрочемъ, на мѣстѣ же и отбирали.

„Наши солдаты тоже много потерпѣли отъ холода. Потеря наша замерзшими состояла, можетъ быть, болѣе, чѣмъ изъ 1.000 человѣкъ. Кромѣ того, люди у насъ отъ трудовъ сильно ослабѣли. На переходахъ оставалось по дорогѣ большое количество усталыхъ, изъ коихъ часть впоследствии присоединилась къ своимъ полкамъ, другая же сворачивала въ сторону отъ дороги и бродила по селеніямъ. Помню, что подъ Радушкевичами весь минскій пѣхотный полкъ состоялъ только изъ 80 человѣкъ нижнихъ чиновъ; въ иныхъ ротахъ другихъ полковъ было только по 7, 8 и 10-ти рядовыхъ. Солдаты ходили въ лаптяхъ, одѣвались въ сѣрые крестьянскіе кафтаны и въ чемъ попало. И офицеры немногимъ лучше одѣвались; многіе ходили въ нагольныхъ тулупахъ и отличались отъ рядовыхъ только остатками нитаного шарфа, которымъ подпоясывались“.

Тѣмъ не менѣе, продолжаетъ далѣе Муравьевъ, „когда войска пришли въ Вильно, императоръ Александръ, не взирая на заслуги, оказанныя войсками, ознаменовалъ прибытіе свое въ Вильну арестованіемъ нѣсколькихъ офицеровъ гвардейскихъ за несоблюденіе формы въ одеждѣ“.

Муравьевъ былъ при арміи во все продолженіе заграничнаго похода, участвовалъ въ послѣднихъ дѣйствіяхъ подъ Парижемъ и во вступленіи русскихъ войскъ во французскую столицу. Онъ подтверждаетъ прежніе рассказы о томъ нѣсколько странномъ предпочтеніи, какое императоръ Александръ сталъ отдавать французамъ передъ русскими; положеніе русскихъ войскъ было не весьма пріятно. „Во все время пребыванія нашего въ Парижѣ часто дѣлались парады, такъ что солдату въ Парижѣ было болѣе трудовъ, чѣмъ въ походѣ. Побѣдителей морили голодомъ и держали какъ бы подъ арестомъ въ казармахъ. Государь былъ пристрастенъ къ французамъ и до такой степени, что приказалъ

парижской національной гвардіи брать нашихъ солдатъ подъ арестъ, когда ихъ на улицахъ встрѣчали, отъ чего произошло много дракъ, въ которыхъ большею частью наши оставались побѣдителями. Но такое обращеніе съ солдатами отчасти склонило ихъ къ побѣгамъ, такъ что при выступленіи нашемъ изъ Парижа множество изъ нихъ осталось во Франціи.

„Комендантомъ Парижа сдѣлалъ Рошешуара, флигель-адъютанта государева. Онъ былъ родомъ французъ и въ числѣ тѣхъ, которые во время революціи оставили отечество свое, подъ предлогомъ преданности къ своему изгнанному и неспособному королю, но въ сущности, какъ многіе судили, съ единственною цѣлю миновать бѣдствія и труды, которые соотечественники ихъ переносили для спасенія Франціи. Рошешуаръ дѣлалъ всякія непріятности русскимъ офицерамъ, почему и не терпѣли его. Онъ окружился французами, которыхъ поддерживалъ и давалъ имъ всегда преимущество надъ нашими, такъ что цѣль государя была вполнѣ достигнута: онъ приобрѣлъ расположеніе къ себѣ французовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вызвалъ на себя ропотъ побѣдоноснаго своего войска“.

Извѣстно, что это пристрастіе къ европейскому, особливо къ французскому, сохранилось у императора Александра и по возвращеніи его въ Россію. Замѣчалось какое-то неохотное отношеніе къ русскимъ дѣламъ; императора увлекала европейская политика и его успѣли втянуть въ интересы западно-европейской реакціи, чѣмъ воспользовались и домашніе обскуранты: императоръ Александръ допускалъ имъ дѣйствовать, не замѣчая, что не было ничего общаго между интересами русскаго общества и стремленіями австрійской и прусской реакціи.

Записки Муравьева, кажется, еще далеко не окончены изданіемъ, и мы не будемъ слѣдить за ихъ продолженіемъ послѣ 1815 года. Муравьевъ послѣ окончанія войны не долго оставался въ Петербургѣ. Личныя обстоятельства побудили его искать службы на Кавказѣ, и онъ причисленъ былъ къ штату Ермолова, отправлявшагося тогда посломъ въ Персію. Разсказъ объ этой поѣздкѣ въ изданной части записокъ еще только начать.

Двѣнадцатому году посвящено еще нѣсколько историческихъ матеріаловъ, явившихся въ послѣдніе годы. Въ числѣ ихъ заслуживаютъ вниманія записки В. И. Бакуниной <sup>1)</sup>. Эти записки

<sup>1)</sup> „Двѣнадцатый годъ“, въ „Русск. Старинѣ“ 1885, сент., стр. 391—410.

совѣтъ не назначались въ печати; это чисто домашній, личный дневникъ, составительница котораго желала сохранить для себя воспоминанія о крупныхъ событіяхъ ея времени. Сама Бакунина не была вовсе близка въ какому-нибудь изъ крупныхъ дѣятелей того времени, мало изъ происходившаго видала собственными глазами, но событія волновали ее, она много слышала о нихъ, и ея воспоминанія любопытны именно какъ отголосокъ, что дѣлалось, что думалось и говорилось въ обществѣ (петербургскомъ) въ то время, когда совершались тревожныя внутреннія и внѣшнія событія двѣнадцатаго года. Записки ея даютъ намъ заглянуть въ домашнюю интимную жизнь общества, видѣть его настроеніе, страхи и ожиданія. Составительница записокъ—большая патриотка: канунъ двѣнадцатаго года наполнялъ ее безпокойствомъ; русская политика того времени не удовлетворяла ее, то-есть не удовлетворяла большой массы общества, мнѣнія которой она повторяла.

Упомянувъ, въ началѣ своихъ записокъ, что по ея знакомствамъ ей было извѣстно многое, что не всѣ знаютъ и чего память она хотѣла сохранить, она продолжаетъ: „Черезъ нѣсколько лѣтъ трудно будетъ себѣ привести на память обстоятельно разнообразныя случаи и происшествія, какими изобилуетъ вѣкъ нашъ; еще труднѣе будетъ припомнить новыя постановленія, замѣненныя другими... Приятно мнѣ будетъ самой найти здѣсь любопытныя и достопримѣчательныя приключенія, всѣми давно забытыя; ежели бы болѣе имѣла досужнаго времени, могла бы описать напоминанія лѣтъ юности моея, времени высшей степени славы Россіи. Солнце ея было тогда на самой высотѣ неба, плавно стало склоняться къ западу и вдругъ быстро повалилось и скрылось подъ горизонтомъ,—сумракъ, потомъ глубокая тьма покрыла землю нашу. Вдругъ яркая багряная заря предвозвѣстила намъ восходъ солнечный; но едва стало оно освѣщать и согревать насъ, какъ пары заряженные, поднявшись изъ земли ненавистной, собрались въ густой туманъ, сокрыли и притушили благотворные лучи его. О, когда Богъ русскихъ, возставши на сопротивныхъ и разсѣя мглу, просвѣтитъ отечество наше блескомъ полуденнымъ, облекши въ прежнюю славу!“ Въ этихъ нѣсколько темныхъ словахъ, очевидно, идетъ рѣчь о двѣнадцатомъ годѣ.

Въ запискахъ Бакуниной смѣшаны факты и слухи, и послѣдніе любопытны не меньше первыхъ, рисуя общественное настроеніе. Въ январѣ двѣнадцатаго года она отмѣчаетъ ожиданіе „желаннаго мира съ турками“, на который надѣялись по военнымъ успѣхамъ Кутузова. Рядомъ она упоминаетъ, что: „13-го числа большой парадъ, день рожденія имп. Елизаветы Алексѣевны; каждого

пѣшаго полка гвардіи третьяго баталіона арестованы всѣ офицеры, *худо маршировали*, — отъ того, быть можетъ, что озябли, морозъ былъ пресильный“.

Въ февралѣ она отмѣчаетъ, что „начали поговаривать о войнѣ съ французами и пророчить близкій походъ гвардіи. Гласъ Божій — гласъ народа. Манифестъ о налогахъ вышелъ, много недовольныхъ; но ропотъ уменьшился, когда связанъ походъ полкамъ; не стали жалѣть о собственности, въ надеждѣ, что употреблено будетъ въ пользу на военныя издержки противъ врага ненавидимаго“.

Въ мартѣ Бакунина записала „великій день“: это была ссылка Сперанскаго. Изъ его біографіи извѣстно, какую ожесточенную вражду питали тогда къ нему въ различныхъ кругахъ общества, и съ какимъ удовольствіемъ принята была его ссылка, въ которой видѣли явное указаніе на его „измѣну“. Къ немногимъ современнымъ свидѣтельствамъ объ этой враждѣ къ Сперанскому присоединяется теперь показаніе Бакуниной, которая и сама была страшно возстановлена противъ Сперанскаго и старательно собрала ходившія тогда обвиненія, въ которыя вполне вѣрила. Эти строки очень любопытны: „*Великъ день* для отечества и насъ всѣхъ—*17-й день марта!* Богъ ознаменовалъ милость свою на насъ, паки къ намъ обратился и враги наши пали. Открыто преступленіе въ Россіи *необычайное*, измѣна и предательство. *Неизвѣстно* еще всѣмъ, ни какъ открылось злоумышленіе, ни какія точно были намѣренія, и какимъ образомъ должны были приведены быть въ дѣйствіе. Должно *просто полагать*, что Сперанскій намѣренъ былъ предать отечество и государя врагу нашему. Увѣряютъ, что въ то же время хотѣлъ возжечь бунтъ вдругъ во всѣхъ предѣлахъ Россіи и, давъ вольность крестьянамъ, вручить имъ оружіе на истребленіе дворянъ. Извергъ, не по доблести возвышенный, хотѣлъ довѣренность государя обратить ему на гибель. Магницкій, наперсникъ его и сотрудникъ, въ тотъ же день сосланъ. Увѣряютъ, что Ф. А. Воейковъ соучастникъ въ преступленіи, но онъ не наказанъ, удаленъ только отъ министра и дана ему бригада въ Москвѣ. Видно, онъ еще не уличенъ, а подозрѣваемъ. Время откроетъ истину; слухи, также противорѣчащія другъ другу, и разногласіе въ томъ, кто открылъ преступленіе и какимъ образомъ.

„17-го ввечеру Сперанскій былъ призванъ къ государю, который, какъ увѣряютъ, долго его увѣщевалъ, надѣясь и ожидая признанія, но тщетно; ожесточенный измѣнникъ твердо увѣрялъ о своей невинности, наконецъ, уличенный доказательствами, кои были въ рукахъ государя, бросился къ ногамъ его и рыдалъ

горько, отъ страху ли то было или досады, что отерялось, или отъ раскаянія—Богу одному извѣстно. Послѣ сего разговора былъ онъ отправленъ съ полицейскимъ чиновникомъ, какъ говорятъ, въ Нижній, Магницкій—въ Вологду. Бумаги ихъ теперь разбираютъ Вязмит., Гол. и Молч. (?). Умудри ихъ Господи обнаружить все, открыть преступниковъ и сообщниковъ ихъ и оправдать невинныхъ.

„18-го числа потихоньку, за великую тайну, на ухо другъ другу шептали о ссыльѣ недостойнаго вельможи, но 19-го сдѣлалось то совершенно гласно, и принята вѣсть *съ восторгомъ*; посѣщали другъ друга для поздравленія, воздали славу и благодареніе Спасителю Господу и хвалу сыну отечества, открывшему измѣну, но намъ неизвѣстному.

„Никакое происшествіе на моей памяти не возбудило всеобщаго вниманія до такой степени, какъ это; все забыто,—одно занятіе, одна мысль, одинъ у всѣхъ разговоръ“.

Лѣтописательница прибавляетъ, что „никого измѣна не удивила; давно ее угадывали изъ всѣхъ новыхъ постановленій, клонящихся къ разрушенію порядка повсемѣстно и потрясенія въ самомъ основаніи зданія правленія. Исчислять начали всѣ вымышленныя положенія для удаленія отъ дворянства и для возрожденія взаимнаго негодованія“. Въ числѣ преступленій Сперанскаго ставится извѣстный указъ объ экзаменахъ на чины; далѣе „постановленіе, что придворное званіе не даетъ чина, пресѣкло лестную дорогу дворянамъ“ (хотя извѣстно, что самъ императоръ Александръ не любилъ этой службы, называя придворныхъ полотерами) и т. п. Вообще Сперанскому приписывается зломѣренный планъ унижить дворянство и поселить „взаимное негодованіе“. Только „нѣсколько робкихъ и слабыхъ голосовъ“ защищали Сперанскаго, „сѣтовали на клевету, злобу и ухищренія министровъ противъ невинности“. Въ обществѣ, по словамъ Бакуниной, „всѣ согласуются въ желаніи примѣрнаго наказанія преступнику и *обнародованія* преступленія и наказанія“. Этого обнародованія, какъ извѣстно, никогда не воспослѣдовало. Къ концу мѣсяца Бакунина записываетъ: „Продолжали говорить о паденіи Сперанскаго и всѣ благомыслящіе сожалѣли, что *не гласно* преступленіе и не строго наказаніе. Не радовались милосердію, называя оное попущеніемъ; единомысленники и потакатели Сперанскаго стали громче проповѣдывать о мнимой невинности его“.

Въ слѣдующіе мѣсяцы Бакунина записываетъ доходившіе свѣденія и слухи о приближающейся войнѣ, объ отъѣздѣ государя въ армію, о пребываніи его въ Вильнѣ. Въ іюнѣ пишетъ она,

что „въ Вильнѣ, по слухамъ, занимаются разводами, праздниками и волокитствомъ, отъ старшихъ до младшихъ, по пословицѣ — игуменья за чарку, сестры за ковши; молодые офицеры пьютъ, играютъ и прочее... всѣдневныя orgies“. Къ этому послѣднему слову она замѣчаетъ: „не знаю русскаго слова сего значенія, по чистотѣ нравовъ нашихъ, недавно искаженныхъ“, — разумѣется, она очень ошибалась въ скудости русскаго языка на эту тему... „Все въ бездѣйствіи, которое можно почти назвать столбнякомъ, когда подумаешь, что непріятель, самый хитрый, самый счастливый, искуснѣйшій полководецъ въ свѣтѣ, исполинскими шагами приближается къ предѣламъ нашимъ“.

Съ этого же времени идутъ въ лѣтописи Бакуниной выраженія прискорбія и неудовольствія противъ дѣйствій тогдашнихъ военачальниковъ и вообще совѣтниковъ императора Александра. Всего больше негодованіе направлялось противъ Барклая-де-Толли. Н. Н. Муравьевъ отмѣчаетъ въ своихъ запискахъ недовольство арміи, когда началось отступленіе: „Во всей арміи, солдаты и офицеры желали генеральнаго сраженія, обвиняли Барклая и нещадно бранили его. Сраженіе, въ самомъ дѣлѣ, предполагалось дать, и никто не полагалъ, чтобы Смоленскъ уступилъ безъ боя“. Бакунина передаетъ отголоски этого же неудовольствія въ Петербургѣ. Барклай считали уже заранѣе человѣкомъ неопытнымъ и незаслуживавшимъ довѣрія. „Государь самъ съ нимъ, — пишетъ Бакунина: — пословица: одинъ умъ хорошо, а два лучше; но одна неопытность и одно искусство гораздо лучше двухъ. Совѣтники же царскіе и наперсники не удобны подать не только совѣта, ниже мысли доброй:... Аракчеевъ, злобный и мстительный человѣкъ, служилъ только въ Гатчинѣ, училъ военному искусству на Марсовомъ полѣ и на площадяхъ Исакіевской и Дворцовой и, какъ увѣряютъ, разсуждаетъ о вещахъ совсѣмъ противно здравому разсудку. Балашевъ отнюдь не военный, да и не государственный человѣкъ. Кочубей былъ весьма дурной министръ внутреннихъ дѣлъ; онъ первый наложилъ руку на гражданскую часть и началъ разстройство и путаницу, которыя доведены до совершенства его преемниками. Канцлеръ Румянцевъ по своимъ способностямъ могъ бы управлять департаментомъ иностранныхъ дѣлъ въ Сентъ-Маринской республикѣ, подлый льстецъ въ добавокъ, душою преданъ былъ всегда Наполеону, ненавидимъ и презрѣнъ всѣми до такой степени, что радовались, когда ему сдѣлался ударъ, отъ котораго ротъ и глаза покривились, жалѣли всѣ, что онъ оправился“.

Извѣстія объ отступленіи продолжаютъ возбуждать крайнее

негодование: „Горестъ и страхъ часъ отъ часу умножались; однако же старались насъ обмануть (?), увѣряя, что отступаютъ только отъ назначеннаго мѣста,... что все это дѣлается по премудрому плану..., что, придя въ крѣпкую позицію, останутся и отразятъ непріятеля, что нужно сіе, чтобы навѣрное его разбить и заставить раскаться въ дерзости. Сіи и подобныя предположенія нѣсколько времени насъ тѣшили, сперва онимъ вѣрили, надѣялись, потомъ начали сомнѣваться и, наконецъ, извѣрились совершенно“. Бакунина смѣется надъ „витіеватыми, хотя нескладно написанными“ приказами Барклая, въ которыхъ онъ „призываетъ войска храбро поражать врага, а самъ отъ него велитъ бѣжать“. „День полтавской побѣды, 27-го іюня, не пропущенъ также безъ приваза, хотя въ немъ, напоминая побѣды праотцевъ нашихъ, заставляютъ потомковъ слѣдовать по стезямъ ихъ, но между тѣмъ велитъ идти назадъ, что, однако же, надобно сказать къ чести нашихъ воиновъ, весьма неохотно исполняютъ“.

Настроеніе лѣтописательницы остается мрачнымъ и послѣ того, когда императоръ Александръ былъ въ Москвѣ и потомъ пріѣхалъ въ Петербургъ: „Сердца наши, стѣсненные горестью, озлобленныя, неудобны были чувствовать радости, ни чувствовать восторговъ. Обычное унылое молчаніе вездѣ царствовало и день сей былъ для всѣхъ мраченъ, подобно и предъидущимъ; по повелѣнію городъ былъ иллюминированъ“. Стали, наконецъ, думать, что Барклай есть предатель: „имя его сдѣлалось ненавистнымъ, никто изъ прямо русскихъ не произносилъ его хладнокровно, иные называли его измѣнникомъ, другіе сумасшедшимъ или дуракомъ, но всѣ соглашались въ томъ, что онъ губитъ насъ и предаетъ Россію. Нѣкоторые еще изъ нѣмецкой партіи слабымъ голосомъ его защищали, но заглушаемы были громкими криками негодованія“<sup>1)</sup>. Въ іюлѣ она записываетъ общія желанія, чтобы во главѣ арміи былъ поставленъ Кутузовъ, который передъ тѣмъ возвратился въ Петербургъ по заключеніи мира съ Турціей и назначенъ былъ командовать петербургскимъ ополченіемъ. Это казалось страннымъ, какъ и возведеніе его въ княжеское достоинство, которое на немъ должно было кончиться, такъ какъ у него не было мужского потомства. „Извѣрившись совершенно Барклаю, полагали единственную надежду на князя Голенищева-Кутузова; одна у всѣхъ мысль, одинъ разговоръ;

<sup>1)</sup> Припомнимъ сообщеніе Муравьева, что численность нашего *сберегающагося* Барклаемъ войска по выступленіи изъ Москвы составляла только 55 тысячъ. Что было бы, еслибы войска не были сберегаемы?

возмущены женщины, старые, молодые, однимъ словомъ всѣ состоянія, всѣ возрасты нарекали его единодушно спасителемъ отечества; единогласно призывали его, громко вездѣ раздавалось, что погибель наша неизбежна, когда не будетъ предводительствовать арміею князь Гол.-Кутузовъ. Такое движеніе арміи, которая, уже соединясь съ Багратиономъ, все продолжала отступать, ясно намъ показало, что ежели хотятъ еще что защищать, то, конечно, не Петербургъ, а Москву; безповойство, уныніе, страхъ дошли до высочайшей степени<sup>4</sup>.

На этомъ и кончаются записки Бакуниной. При всей краткости, онѣ имѣютъ историческую важность, какъ современное и ридимо точное свидѣтельство о той тревогѣ, которая наполняла петербургское общество въ первую пору двѣнадцатаго года до назначенія Кутузова главнокомандующимъ. Отзывъ о Сперанскомъ идетъ изъ того круга, который уже давно былъ вооруженъ противъ него, и даетъ образчикъ тѣхъ стадныхъ настроеній, какія не разъ проявлялись въ русскомъ обществѣ, особливо при безгласности общественнаго мнѣнія. Изъ записокъ Бакуниной видно, что и тогда желали открытаго разъясненія дѣла, но его не было — не потому ли, что нечего было сказать положительнаго и справедливаго? Дѣло Сперанскаго не было выяснено и напечатанными нѣсколько лѣтъ назадъ записками Де-Санглена, который очень близко стоялъ къ этому дѣлу и все-таки оставляетъ его въ туманѣ. Такою же стадною была вражда къ Барклаю-де-Толли; его оправдалъ только цѣлый ходъ событій, который показалъ, что при первомъ вступленіи французовъ невозможенъ былъ иной способъ дѣйствій кромѣ того выжидательнаго, какой былъ имъ принятъ. Предубѣжденіе противъ Барклая было такъ сильно, что долго спустя Пушкинъ счелъ нужнымъ защитить его въ извѣстномъ стихотвореніи.

Къ эпохѣ двѣнадцатаго года примыкаютъ частію рассказы князя А. Н. Голицына, передаваемые въ запискахъ Ю. Н. Бартенева. Часть ихъ была напечатана въ 1884 году въ „Русской Старинѣ“ (вн. 1-я); новый рядъ отрывковъ явился въ „Русскомъ Архивѣ“<sup>1)</sup>. Этотъ Бартенева былъ извѣстенъ въ Александровское и Николаевское время какъ одинъ изъ ревностныхъ мистиковъ той школы, которая развилась въ особенности въ царствованіе императора Александра, отчасти какъ продолженіе стараго ма-

<sup>1)</sup> 1886 г., № 3, 5, 7, 10.



сонскаго пѣтизма, отчасти какъ слѣдствіе новѣйшихъ вліяній европейской реакціонной эпохи. Не припомнимъ, была ли разсказана біографія этого Бартенева; знаемъ только, что онъ былъ директорсмъ одной провинціальной гимназіи, служилъ также въ Петербургѣ, и въ 30-хъ годахъ былъ близокъ къ князю А. Н. Голицыну, игравшему извѣстную роль въ царствованіе императора Александра. Князь Голицынъ всю свою жизнь провелъ при дворѣ: въ ранней юности онъ видѣлъ дворъ Екатерины; при Павлѣ онъ впалъ въ немилость; возвратился ко двору при Александрѣ I, съ которымъ былъ въ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ. Человѣкъ свѣтскій, подвижной, остроумный, онъ велъ разсѣянную жизнь и, по его собственнымъ признаніямъ, напитанный французской литературой, хвастался въ свѣтскихъ аристократическихъ кругахъ своимъ религіознымъ вольномысліемъ или даже прямо безбожіемъ и кощунствомъ; но въ одно прекрасное утро императоръ Александръ назначилъ его — оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода. Назначеніе было такъ неожиданно по складу мыслей и поведенія князя Голицына, извѣстныхъ всѣмъ и самому императору, что Голицынъ самъ усомнился принять это назначеніе; но императоръ желалъ имѣть въ упомянутомъ вѣдомствѣ свое довѣренное лицо и настоялъ на своемъ. Князь Голицынъ принялся за дѣла святѣйшаго синода и, уже состоя оберъ-прокуроромъ, не мѣнялъ ни своего образа мыслей, ни образа жизни; бывали случаи, гдѣ противорѣчіе его служебнаго положенія и его характера сказывалось странными проявленіями; но мало-по-малу новая среда, въ которой онъ вращался, новые вопросы, которые потребовали ознакомленія съ правилами церкви и церковнымъ законодательствомъ, стали оказывать на него вліяніе, и князь Голицынъ изъ свѣтскаго безбожника превратился въ благочестиваго человѣка. Такимъ онъ остался и до конца. Позднѣе онъ сталъ министромъ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, а наконецъ, послѣ неудачи въ этомъ министерствѣ, былъ поставленъ во главѣ почтоваго вѣдомства. При императорѣ Николаѣ онъ сохранялъ свое значеніе при дворѣ, гдѣ былъ дружески принимаемъ, но, кажется, не имѣлъ большого дѣловаго вліянія. Онъ умеръ въ сороковыхъ годахъ.

Религіозность князя Голицына не была, однако, простымъ искреннимъ благочестіемъ, а носила на себѣ особую печать времени, когда религіозное настроеніе осложнялось остатками стараго мистицизма и новѣйшаго пѣтизма. Первые годы царствованія Александра ознаменовались, между прочимъ, возобновленіемъ масонскихъ ложъ и вслѣдствіе того новымъ рас-

пространеніемъ мистическихъ ученій. Немного позднѣе стало распространяться „библейское общество“, въ которомъ нашли себѣ пріютъ именно эти элементы; послѣ двѣнадцатаго года, рядомъ съ развитіемъ либерализма въ молодыхъ поколѣніяхъ, въ старомъ поколѣніи стала размножаться особый типъ людей, которые, возставая противъ либерализма во имя религіи, проповѣдывали нѣчто странное, въ чемъ было не столько церковной вѣры или практическаго христіанства, сколько туманныхъ мистическихъ теорій и фанатическаго піетизма. Въ эту пору дѣйствовала Лабзинъ, извѣстный издатель „Сіонскаго Вѣстника“, въ эту пору пророчествовала г-жа Крюднеръ, одно время имѣвшая вліяніе на самого императора Александра; извѣстные круги петербургскаго общества увлекались иностранными проповѣдниками-піетистами, какъ Госнеръ; іезуиты вели ревностную пропаганду, пока, наконецъ, ихъ удаленіе вызвано было церковнымъ скандаломъ успѣховъ католической и іезуитской пропаганды въ средѣ русской аристократіи; процвѣтала хлыстовская секта г-жи Татариновой, поднимались извѣстныя безобразныя гоненія противъ профессоровъ петербургскаго университета (1821) и т. д. Ревнителі этого движенія считали себя хранителями вѣры и добрыхъ истинно русскихъ началъ,—когда на дѣлѣ, не говоря о постыдномъ лицемѣрніи, съ какимъ дѣйствовали многіе изъ нихъ, вся складка ихъ мыслей и ихъ „вѣры“ была, конечно, совсѣмъ не русская и навѣяна была піетизмомъ западно-европейской реакціи, получавшимся нерѣдко изъ первыхъ рукъ, напр. отъ графа Жозефа де-Местра, отъ іезуитовъ, отъ Госнера и пр. Фальшивость положенія не могла, въ концѣ концовъ, не обнаружиться, и когда вліятельное духовенство молчало, довольно было выступить такому странному дѣятелю, какъ архимандритъ Фотій, чтобы произвести погромъ, противъ котораго оказался безсиленъ даже князь А. Н. Голицынъ. Нападенія Фотія на новую религіозную тенденцію, на масоновъ и мистиковъ, были грубы, аляповаты, необузданны, да и лицемѣрны, и не могутъ возбуждать никакого сочувствія, потому что самъ онъ былъ невѣжда и обскурантъ въ другую сторону, но на нѣкоторую долю онъ былъ правъ,—поэтому онъ имѣлъ успѣхъ, несмотря на всю нелѣпость его нападеній вообще.

Кн. Голицынъ, послѣ своего обращенія, игралъ важную роль въ этомъ распространеніи піетизма; въ его ближайшей обстановкѣ, подѣ охраной его вліятельнаго положенія при дворѣ и въ правительствѣ, это направленіе распространялось какъ признанное и какъ бы официально потребное; подѣ его ближайшимъ на-

чальствомъ бывали особливо упорные мистики, конечно, имъ поощряемые.

Рассказы этого князя Голицына и собраны въ запискахъ Бартенева. Не знаемъ, въ какомъ именно отношеніи находился Бартеневъ къ князю Голицыну въ 30-хъ годахъ, когда составлялись записки, но отношенія эти были близки, хотя князь смотрѣлъ на Бартенева видимо свысока, съ аристократическимъ высокомеріемъ, а Бартеневъ отвѣчалъ ему величайшимъ подобострастіемъ. Повидимому, князь Голицынъ поручилъ Бартеневу составленіе этихъ записокъ: князь рассказывалъ, часто съ большими подробностями, различные эпизоды своей жизни, своей придворной и служебной карьеры; Бартеневъ дома записывалъ и потомъ записанное прочитывалъ снова князю, который обыкновенно находилъ запись правильною и точною. Но работа шла неровно: записки отчасти передають рассказы кн. Голицына сполна, отчасти состоятъ только изъ конспекта, который остался невыполненнымъ,—о чемъ нельзя не пожалѣть, потому что въ конспектѣ намѣчено не мало любопытныхъ темъ, особливо изъ придворной исторіи конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія.

Бартеневъ не однажды замѣчаетъ, что кн. Голицынъ одобрялъ его изложеніе; оно было тѣмъ болѣе старательно, что Бартеневъ преклонялся передъ Голицынымъ, какъ олицетвореніемъ и христіанской, и житейской, и придворной мудрости. Изъ самыхъ записокъ видно, что Бартеневъ не затруднялся выражать это преклоненіе самому князю, такъ что, высказываемое въ глаза, оно являлось лестью безмѣрной и не весьма тонкой. Рассказы были иногда довольно откровенны: такъ, кн. Голицынъ не скрывалъ своего характера до обращенія,—правда, не трудно было указывать ошибки, столь блистательно потомъ исправленныя. Записки, по свойствамъ обоихъ составителей, даютъ весьма замѣчательный матеріалъ для знакомства съ цѣлою полосой нашей общественной и официальной жизни за вторую половину Александровской эпохи. Обстановка кн. Голицына была главнымъ гнѣздомъ, откуда исходило практическое вліяніе тогдашнихъ мистиковъ, которые были вмѣстѣ съ тѣмъ и злостными обскурантами. Бартеневъ, какъ мы сказали, изображаетъ кн. Голицына образомъ мудрости, остроумія и просвѣщенія. Свѣтскимъ остроуміемъ онъ дѣйствительно обладалъ; по всей вѣроятности, обладалъ и большою придворною мудростью; память сохраняла множество любопытныхъ эпизодовъ, но что касается его просвѣщенія, оно было сомнительное. Сначала оно состояло въ поверхностномъ знакомствѣ съ вольнодумной французской литературой, потомъ въ изученіи

мистическихъ трактатовъ; его министерство ознаменовано извѣстнымъ постыднымъ преслѣдованіемъ профессоровъ петербургскаго университета и хозяйничаньемъ Магницкаго въ университетѣ казанскомъ — нечего говорить, что то и другое не могло бы быть допущено министромъ, сколько-нибудь понимающимъ и цѣнящимъ просвѣщеніе... Когда вн. Голицынъ обратился въ христіанство, онъ сблизился именно съ мистиками. Изъ его разсказовъ видно, что не малое вліяніе возымѣли на него старыя масоны, Р. А. Кошелевъ, затѣмъ Лѣвинецъ; однимъ изъ ближайшихъ подчиненныхъ по министерству былъ Поповъ, котораго судили потомъ за намѣреніе издать по-русски книгу Госнера; онъ велъ дружбу съ мистическими дамами, между прочимъ съ баронессой Крюднеръ и пр.

По словамъ его, онъ первый навелъ императора Александра на религіозныя мысли и былъ виновникомъ его обращенія. Вотъ нѣсколько подробностей объ этомъ предметѣ: „Политическій горизонтъ давно уже началъ темнѣть, тучи медленно собирались на западѣ Европы, все предвѣщало катастрофу, все ожидало какого-то необычнаго событія, еще небывалаго въ новѣйшей исторіи. Дѣла шли, однако, своимъ обычнымъ порядкомъ, и я, по обыкновенію, хотя былъ и близокъ къ государю, но постоянно уклонялся отъ всякой съ нимъ полемики. Александръ былъ добръ сердцемъ, великодушенъ и добросовѣстенъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ своихъ съ его близкими окружающими. Но, къ несчастію, глубоко вкорененный въ немъ типъ западнаго образованія и, можетъ быть, неизвинительная небрежность, если не злонамѣренность, главныхъ его пѣстуновъ, поселили въ сердцѣ государя странное разнорѣчіе съ его истинными потребностями. Во внѣшнихъ дѣлахъ управленія Александръ никогда не мѣшалъ дѣйствовать другимъ по ихъ христіанскому побужденію и, слѣдовательно, былъ весьма далекъ, чтобъ преслѣдовать подозрѣніемъ и мою переищу въ образѣ мыслей; но я самъ никогда не могъ забыть и простить себѣ сего несчастнаго и горько оплаканнаго мною времени, когда, въ безуміи моего заносчиваго невѣрія, я позволялъ себѣ, часто въ его личномъ присутствіи, и подстреканія, и ядовитыя насмѣшки надъ христіанскимъ вѣрованіемъ.

„Но вотъ, въ одно время, бесѣдуя наединѣ съ государемъ о Евангеліи, я простодушно спросилъ его, читывалъ ли онъ эту книгу? — „Нѣтъ, никогда не читывалъ, — отвѣчалъ мнѣ государь: — а если что изъ нея знаю, то развѣ слыхивалъ въ церкви. А теперь и этотъ источникъ для меня уже превратился, — продолжалъ Александръ: — ибо я, сдѣлавшись глухъ, не пользуюсь нынѣ

и малымъ моимъ знаніемъ, да и послѣднее растерялъ, что слыхивалъ“. — Не угодно ли вашему величеству полюбопытствовать, прочитавъ эту книгу, — промолвилъ я ему: — мнѣ, право, сдается, что она стоила бы всего вашего вниманія, и я увѣряю васъ, государь, что вы никакъ не будете въ томъ раскаяваться, и еще скажете мнѣ спасибо. — Александръ согласился и далъ мнѣ слово прочитавъ Евангеліе, что меня крайне утѣшило, и я въ тотъ же день поспѣшилъ подарить ему собственную мою библію... Вскорѣ послѣ нашего разговора, государь отправился въ Новую Финляндію... По возвращеніи своемъ въ Петербургъ, государь счелъ за нужное поблагодарить меня за данный ему совѣтъ. — „Я въ восхищеніи отъ этой книги, — сказалъ мнѣ императоръ: — но, вмѣстѣ съ тѣмъ, признаюсь тебѣ, Голицынъ, меня очень соблазняетъ твой Апокалипсисъ; тамъ, братецъ, только и твердятъ объ одѣхъ ранахъ и зашибеніяхъ (*il n'y a que plaies et bosses*, точныя слова Александра). Мнѣ кажется, — продолжалъ государь, — что будто какой новый міръ открывается для меня; право, я очень тебѣ благодаренъ за твой совѣтъ“... — Обрадованный до глубины сердца моего, я осмѣлился тогда же попросить Александра. — Государь, — сказалъ я ему, — пожалуйста мнѣ вѣрное царское слово ваше, что какъ скоро вы возьмете рѣшительную и полную вѣру въ Распятаго Иисуса, то увѣдомите меня о томъ немедленно.

„Причина сего желанія очевидна: мнѣ хотѣлось облегчить совѣсть свою и уничтожить то болѣзненное въ ней воспоминаніе, что я самъ нѣкогда развивалъ въ моемъ государѣ идеи невѣрственныхъ и ложныя.

„Между тѣмъ, государь не оставлялъ и въ Петербургѣ постоянно заниматься чтеніемъ Новаго Завета“...

Затѣмъ императоръ отправился къ арміи, Голицынъ остался въ Петербургѣ.

„Я ожидалъ желаннаго увѣдомленія, отъ Александра, — не было увѣдомленія.

„Навонецъ, я рѣшаюсь самъ уже писать къ государю, и беру смѣлость напомнить ему о взаимныхъ нашихъ условіяхъ. Оканчивая мое письмо, я такъ говорю ему: „Государь! Не нужно даже увѣдомленія вашего, чтобъ меня утѣшить и успокоить; вселенскія ваши дѣйствія, ваши, государь, торжественные манифесты, исполненные христіанскаго помазанія, достаточно могутъ увѣрить всѣхъ и каждаго, какъ глубоко вкоренено въ васъ христіанство, и какъ свѣтло оно просіяваетъ въ смиренномъ и любящемъ сердцѣ вашемъ“. На сіе письмо я скорѣ получалъ отъ

государя отвѣтъ, въ которомъ, со всѣмъ увлеченіемъ растворенной и проникнутой воли, онъ вполне сознается мнѣ, что давно уже передалъ себя совершенному вожденію Господа...

„Съ этихъ поръ взаимная наша съ Александромъ переписка приняла уже на себя характеръ прямо-христіанскій; она обратилась въ непритворную бесѣду искреннихъ и простодушныхъ друзей, которые сладко и протяжно бесѣдуютъ о возлюбленномъ ихъ Спасителѣ. Я сохраняю свято всѣ письма Александровы, которыя и понынѣ составляютъ для меня священный залогъ отраднaго воспоминанія, всегда сладостнаго, когда я мысленно переношусь въ прошедшее“.

Мы приведемъ еще одно мѣсто изъ этихъ записокъ, чтобы дать понятіе о той философіи, какую исповѣдывали Бартеневъ и его патронъ. Между прочимъ, при свиданіяхъ они читали разные религіозно-мистическіе трактаты. Бартеневъ подробно передаетъ одно изъ этихъ чтеній.

„По обыкновенію, — пишетъ Бартеневъ въ декабрѣ 1837 г., — являемся къ князю въ исходѣ второго часа. Начинается чтеніе. На этотъ разъ князь самъ начинаетъ, и читаетъ съ особенной ловкостію и одушевленіемъ, котораго я прежде въ немъ не замѣчалъ. Это привело мнѣ на память способность Расинову для чтенія. Авторъ „Enfant de Dieu“ продолжаетъ свою теорію. Полнота ея, помазаніе, теплота слога и какое-то простодушіе увлекаютъ сердце принимать ее. Въ Плеядахъ, — говоритъ авторъ, — царствуетъ святое челоувѣчество Господа нашего Иисуса Христа; но онѣ, какъ бы раг просигation, ввѣрены Іоанну Богослову, этому молодому, пылкому, любимому изъ учениковъ Спасителя, во время смертной жизни его. Возлѣ Плеядъ (la Poussinière) въ близъ лежащихъ звѣздахъ или мірахъ господствуютъ Престолы Апостольскіе. Св. Павелъ Фивейскій, этотъ осерафимленный старецъ, сосчитавшій смертную жизнь свою единственно годами житія пустыннаго, въ которомъ пробылъ 98 лѣтъ, господствуетъ надъ планетою Сатурномъ. По смерти душа челоувѣческая, если она положила въ себя начало покаянія еще во временной жизни, проходитъ мытарства свои въ Лунѣ; тамъ сильно, иногда, обуреваются отъ общаго врага челоувѣческаго, который имѣетъ свободный доступъ до Луны и всѣхъ планетъ солнечной нашей системы; душа обуреваются его внушеніями на этой Лунѣ, какъ и въ планетахъ; потрясается весь составъ ея; но, однажды отданная Творцу, воля спасаетъ ее заступленіемъ Могучаго Владыки отъ когтей духа злобы и хищенія. Но если мы съ слабымъ по-

кажніемъ переходимъ въ шеоль <sup>1)</sup>, и по этой причинѣ Луны не достигаемъ, то въ этомъ преходящемъ состояніи весьма рискуемъ еще затмить въ себѣ начатыя покаянія и быть увлечену подѣ жестокою зависимою врага человѣческаго рода. Авторъ говоритъ, что тлетворная матерія растлила всю планетную систему нашу; несмотря, что земля наша болѣе уже не свѣтовая, но и самыя звѣзды, принадлежащія къ системѣ нашей, проникнуты этою проказою паденія. Отъ того звѣздное или, понятнѣе сказать, планетное вліяніе на человѣка, если не вредно, то всегда бываетъ бесполезно. Здѣсь я осмѣлюсь прибавить мое собственное мнѣніе. Мало, что всѣ планетныя міры заражены проказою паденія, но мнѣ что-то сдается, что и нѣкоторыя ближайшія къ нашей созданной изъ Хаоса вселенной, хотя и свѣтлыя, обитающія не изъяты же отъ тлетворной сущности того страшнаго небеснаго мятежа и бунта, хотя степень поврежденія нѣсколько, можетъ быть, и меньшая противу нашему“.

Читатель видитъ передъ собою типическій образчикъ чепухи, какая занимала людей этого толка.

Къ кругу религіозно-возбужденныхъ людей того времени (хотя въ болѣе благоразумной степени, чѣмъ князь Голицынъ и его наперсникъ Бартеневъ) и къ той же придворной сферѣ, въ которой вращался князь Голицынъ, принадлежала графиня Эдлингъ или Эделингъ, записки которой появились въ нынѣшнемъ году <sup>2)</sup>. Графиня Эдлингъ, урожденная Роксандра (Александра) Стурдза, была дочь молдавскаго аристократа, выслѣившагося въ концѣ прошлаго столѣтія въ Россію, вслѣдствіе домашнихъ и политическихъ раздоровъ ихъ рода. Ихъ огромное состояніе разстроилось, оставшись на чужихъ рукахъ. Мать Роксандры принадлежала къ извѣстной также греческой фамиліи Мурузи, имѣвшей вліятельное положеніе въ Левантѣ и въ Константинополѣ; дѣдъ Роксандры по матери былъ молдавскимъ господаремъ. Младшій братъ Роксандры, Александръ, былъ въ русской службѣ въ Александровское время и, между прочимъ, извѣстенъ въ русской литературѣ какъ писатель-пѣтистъ и какъ авторъ исторической записки о временахъ императора Александра.

<sup>1)</sup> Шеоль—еврейское слово, означающее адъ. Сколько намъ извѣстно, это есть мистическое выраженіе, подѣ которымъ разумѣется нѣчто среднее между здѣшней и загробною жизнью.—Пр. „Р. Архива“.

<sup>2)</sup> „Изъ записокъ графини Эделингъ, урожд. Стурдзы. Съ неизданной французской рукописи“. „Р. Архивъ“, 1887, № 2—4.

Въ Россіи матеріальное положеніе этихъ молдавскихъ эмигрантовъ было не лишено затрудненій, которыя увеличивались разными семейными несчастіями. Изъ записокъ гр. Эдлингъ не вполне ясна хронологія ихъ домашней исторіи; относительно ея самой видно только, что передъ 12-мъ годомъ она, по аристократическимъ связямъ своей семьи, поступила во дворъ въ качествѣ фрейлины при императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ. При дворѣ она оставалась въ теченіе нѣсколькихъ, именно самыхъ тревожныхъ, лѣтъ Наполеоновскихъ войнъ, близко видѣла много замѣчательныхъ людей и фактовъ этого времени <sup>1)</sup>.

Хотя, какъ мы свазали, графиня Эдлингъ принадлежала къ людямъ, увлекавшимся тогда мистическимъ піэтизмомъ, ея мемуары очень непохожи на воспоминанія кн. Голицына, записанныя его раболѣпнымъ кліентомъ. Здѣсь нѣтъ совсѣмъ этихъ мнимостей умствованій и мистическаго вздора; мемуары написаны очень просто, съ умомъ, наблюдательностью, искреннимъ чувствомъ, гдѣ былъ къ нему поводъ, но и съ отсутствіемъ того изысканнаго лицемѣрія, которое почти неизмѣнно встрѣчается въ запискахъ придворныхъ людей. Къ сожалѣнію, мемуары графини Эдлингъ даютъ мало свѣденій о томъ, какъ шло ея собственное образованіе и внутреннее развитіе: разсказы ея начинаются почти прямо съ того времени, когда она является при дворѣ, съ характеромъ уже опредѣлившимся. По нѣкоторымъ замѣткамъ можно видѣть, однако, что не мало глубокихъ впечатлѣній прошло черезъ ея дѣятельный умъ. На первыхъ страницахъ разсказа мы читаемъ объ этомъ такія подробности. Въ годы дѣтства и ученья, семейство ея жило въ уединенномъ провинціальномъ имѣніи, которое ея родители купили въ Россіи.

„Въ домѣ нашемъ были учителя, присутствіемъ которыхъ оживлялись долгіе зимніе вечера. Способности наши развивались посреди этой занятой и правильно распределенной жизни; но въ то же время уединенность нашего быта и вліяніе величавой сѣверной природы сообщили намъ какую-то мрачную восторженность, которая составляла странную противоположность съ мягкостью и подвижностью нашего южнаго происхожденія. Въ то время всѣ умы заняты были французскою революціей. Съ утра до ночи слышали мы толки о самыхъ важныхъ предметахъ и, благодаря этимъ заманчивымъ разговорамъ, а равно и чтенію *древней исторіи*, составлялось у насъ столь же восторженное, какъ и невѣрное

<sup>1)</sup> Намъ случалось говорить о графинѣ Эдлингъ въ біографіи баронессы Креллеръ, „Вѣсти. Европа“, 1869, авг., стр. 622 и слѣд.



понятіе о томъ, что происходило на свѣтѣ. Искренно благочестивый отецъ нашъ съ раннихъ лѣтъ внушалъ намъ уваженіе къ религіи; но чтеніе многихъ философскихъ сочиненій потрясло въ насъ вѣру: мы сомнѣвались вопреки самимъ себѣ, и наше возвращеніе къ смиренному, настоящему вѣрованію послѣдовало лишь тогда, какъ разсудокъ началъ разгонять туманы, которыми были окутаны наши головы. Сочиненія Клопштока также немало способствовали нашему примиренію съ Богомъ“.

Мысли были настроены на высокой тонъ, — повидимому не безъ вліянія матери, у которой былъ „умъ живой и настойчивый“ и стремленія „высокаго полета“. Когда затѣмъ семейство перѣѣхало въ Петербургъ, первыя встрѣчи съ петербургскимъ обществомъ не произвели пріятнаго впечатлѣнія. „Кружокъ нашъ, хотя довольно многочисленный, не отличался ничѣмъ замѣчательнымъ. Мы не смѣли заявлять, что намъ скучно; но часто это сказывалось само собою. Намъ ставили въ упрекъ нашу одичалость, которая, напротивъ, свидѣтельствовала объ изящномъ нашемъ вкусѣ“. Въ 17 лѣтъ, бѣдная дѣвушка испытала семейныя потери и уже „научилась познавать ничтожество жизни“.

Когда Стурдза поступила ко двору, передъ ней открылся широкій кругъ наблюденій, и хотя эпоха, которой особенно она посвящаетъ свои воспоминанія, — канунъ 12-го года и послѣдующее время, — была множество разъ описана, ея разсказъ даетъ тѣмъ не менѣе много любопытнаго. Императрица Елизавета Алексѣевна, при которой она состояла, едва ли не впервые здѣсь получаетъ нѣсколько опредѣленную характеристику. Вспоминая о томъ, какъ баденская принцесса, выбранная Екатериной въ супруги юношѣ, почти отроку, Александру, отправлялась въ Петербургъ, гр. Эдлингъ пишетъ: „Съ наружностью Психеи, съ горделивымъ сознаніемъ своей прелести и исторической славы своей родины, которую она восторженно любила, Елизавета трепетала отъ мысли о томъ, что ей придется подчинить свою будущность произволу молодого варвара. Дорогою, когда ей объявили, что она должна покинуть страну свою и свою семью, она силилась выскочить изъ кареты, въ отчаяніи простирала руки къ прекраснымъ горамъ своей родины и раздирающимъ голосомъ прощалась съ ними, что растрогало даже и ея мать, женщину холодную и честолюбивую. Но и сама она не была равнодушна къ соблазнамъ величія. Возвышенная душа ея была создана для престола; но живое и кипучее воображеніе, слабо развитой умъ и романтическое воспитаніе готовили ей опасности, которыми омрачилось ея благополучіе. По прибытіи въ Россію она заплонила сердца,

и въ томъ числѣ сердце Александра. Онъ сгоралъ потребностью любви; но онъ чувствовалъ, думалъ и держалъ себя какъ шестнадцатилѣтній юноша, и супругъ своей, восторженной и важной, представлялся навязчивымъ ребенкомъ "... При Павлѣ молодымъ супругамъ жилось не легко, и однажды Павелъ, „управлявшій своею семьею столь же насильственно, какъ и своею имперіею“, едва не погубилъ великую княгиню Елизавету, — ее спасло „благородное сопротивленіе“ Александра, которое Павла удивило. По смерти имп. Павла, Александръ, „безъ опытности, безъ руководства, очутился въ средѣ губителей отца своего, которые рассчитывали управлять имъ. Онъ сумѣлъ удалить ихъ и мало-помалу укрѣпить колебавшуюся власть свою, обнаруживъ притомъ благоразуміе, какового трудно было ожидать отъ его возраста“. Но событіе страшно потрясло его; онъ срывалъ отъ окружающихъ свои чувства, но, „желая высказаться и подѣлиться горемъ, онъ сближался съ императрицей. Она не поняла его. Тогда оскорбленное сердце его отдалось Нарышкиной“.

Обыкновенно виной разлада этихъ отношеній считали самого Александра; первой причиной его былъ, безъ сомнѣнія, слишкомъ ранній бракъ, но затѣмъ, какъ видимъ, и со стороны Елизаветы не было достаточнаго пониманія этихъ взаимныхъ отношеній. Графиня Эдлингъ стояла въ обоемъ лицамъ такъ близко и настолько была одарена здравымъ умомъ и наблюдательностью, что ея показанія должны имѣть основаніе. Рассказывая дальше свои отношенія съ импер. Елизаветой Алексѣевной, она говоритъ о добротѣ и ласковыхъ рѣчахъ императрицы, но замѣчаетъ тутъ же, что отношенія съ нею оставались неровными и не могли стать вполнѣ близкими. Графиня Эдлингъ приписывала это „недостатку равновѣсія въ характерѣ императрицы“: „воображеніе у нея было пылкое и страстное, а сердце холодное и неспособное къ настоящей привязанности. Въ этихъ немногихъ словахъ вся исторія ея. Благородство ея чувствъ, возвышенность ея понятій, доброжелательныя склонности, плѣнительная наружность заставляли толпу обожать ее, но не возвращали ей ея супруга. Поклоненіе льстило ея гордости, но не могло доставить ей счастья, и лишь подъ конецъ своего поприща эта государыня убѣдилась, что привязанность, украшающая жизнь, пріобрѣтается только привязанностью. Постоянно гоняясь за призраками, она занималась то искусствами, то науками, волновалась самыми страстными ощущеніями; все надобдало ей, во всемъ наступало для нея разочарованіе, и она постигла настоящее счастье лишь тогда, когда жить оставалось ей недолго“. Дальше она говоритъ: „Нарыш-

кина своею идеальною красотою, какую можно встрѣтить развѣ на картинахъ Рафаэля, плѣнила государя, въ великому огорченію народа, который желалъ видѣть въ императрицѣ Елизаветѣ счастливую супругу и счастливую мать. Ее любили и жалѣли, а государя осуждали, и что еще хуже, петербургское общество злобно изображало ее жертвою. Я уже отмѣтила, что будь поменьше гордости, побольше мягкости и простоты, и государыня взяла бы легко верхъ надъ своею соперницей; но женщиноу, и особенно царственной, трудно измѣнить усвоенный образъ дѣйствій. Привыкнувъ къ обожанію, императрица не могла примириться съ мыслию, что ей должно изыскивать средства, чтобы угодить супругу. Она охотно приняла бы изъявленіе его нѣжности, но добиваться ея не хотѣла. Кромѣ того, между супругами всегда находилось третье лицо, сестра императрицы, принцесса Амалія, гостинная которой была средоточіемъ городскихъ сплетенъ, производившихъ дурное вліяніе на императрицу“. Въ 12-мъ году, когда неожиданно распространились въ Петербургѣ слухи о занятіи французами Москвы, чего никакъ не ожидали, императоръ Александръ былъ очень опечаленъ. „Я видѣла, — пишетъ графиня Эдлингъ (она тогда была въ ближайшей обстановкѣ императрицы), какъ государыня, всегда склонная къ высокимъ душевнымъ движеніямъ, измѣнила свое обращеніе съ супругомъ и старалась утѣшить его въ горести. Убѣдившись, что онъ несчастенъ, она сдѣлалась къ нему нѣжна и предупредительна. Это его тронуло, и во дни страшнаго бѣдствія пролился въ сердца ихъ лучъ взаимнаго счастья“.

Но къ императору Александру графиня Эдлингъ, тогда еще фрейлина Стурдза, относилась съ неизмѣннымъ поклоненіемъ. Ее увлекали не только его тонкая любезность, отличавшая его всегда въ женскомъ обществѣ, но и вообще возвышенныя качества ума и сердца, какія она въ немъ находила... Едва ли, конечно, видѣла она всѣ стороны характера и дѣятельности Александра, чтобы сужденія ея можно было счесть полными, но во всякомъ случаѣ она видѣла много симпатичныхъ чертъ его личности. Гр. Эдлингъ упоминаетъ съ самаго начала, что „Екатерина вовсе не была жестокою матерью, какъ хотѣли намъ ее изобразить; но она отлично знала своего сына, предвидѣла пагубное его царствованіе и желала предотвратить бѣду, заставивъ его отречься отъ престола и уступить его Александру. Ея не остановили бы затрудненія, которыми могъ сопровождаться столь смѣлый шагъ“... Но этого не случилось, и Александръ, исполненный „благожелательными наклонностями“, долженъ былъ вынести страшныя испы-

танія въ царствованіе своего отца. Объ этомъ послѣднемъ гр. Эдлингъ выражается такъ: „лишь умственнымъ разстройствомъ можно извинить царствованіе этого злополучнаго государя“; „когда событіе, само по себѣ ужасное, совершилось, крикъ радости раздался съ одного края Россіи до другого. Было бы ошибочно обвинять въ этомъ случаѣ русскихъ въ жесткомъ чувствѣ: противоестественный порядокъ вещей всегда влечетъ къ подобнымъ слѣдствіямъ. Но если страшное событіе это спасло имперію, то оно сдѣлалось для того, кто долженъ былъ возложить на себя тяготу вѣнца, неизсякаемымъ источникомъ скорби и сожалѣній“. Гр. Эдлингъ рассказываетъ вообще не мало новыхъ эпизодовъ изъ интимной жизни имп. Александра, и иногда показанія ея расходятся съ общераспространенными свѣденіями, между прочимъ съ приведенными выше рассказами кн. Голицына. Напримѣръ, причину нравственной бодрости, можно сказать, высокаго мужества императора въ то время, когда неудержимо надвигалась гроза непріятельскаго нашествія, гр. Эдлингъ приписываетъ не одному религіозному настроенію, какое осѣняло тогда импер. Александра, но въ особенности тому сближенію съ народнымъ энтузіазмомъ, какое совершилось въ Москвѣ. „Государь научился знать свой народъ, и душа его поднялась въ уровень съ его положеніемъ. До тѣхъ поръ царскій вѣнецъ былъ для него лишь бременемъ, которое онъ несъ, повинувшись долгу. Охваченный и какъ бы просвѣтленный общимъ восторгомъ, онъ почувствовалъ въ себѣ призваніе къ дѣламъ великимъ, и его нравственная бодрость и самостоятельность получили послѣднее развитіе. Народъ рѣшился побѣдить или погибнуть и опасался только недостатка твердости и опытности въ молодомъ своемъ государѣ. Сей послѣдній, въ свою очередь, сомнѣвался, надолго ли станетъ столь напряженнаго одушевленія, такъ что правительство и народъ относились другъ къ другу съ взаимнымъ недоверіемъ“. Недоверіе народа и общества и высказывалось, — и въ этомъ случаѣ Александръ показалъ дѣйствительно много характера. Извѣстіе о занятіи Москвы французами было, какъ мы замѣтили, сверхъ всякихъ ожиданій и произвело подавляющее впечатлѣніе въ Петербургѣ. „Сильный ропотъ раздавался въ столицѣ, — пишетъ гр. Эдлингъ. Съ минуты на минуту ждали волненія раздраженной и тревожной толпы. Дворянство громко винило Александра въ государственномъ бѣдствіи, такъ что въ разговорахъ рѣдко кто рѣшался его извинять и оправдывать... Между тѣмъ государь, хотя и ощущалъ глубокую скорбь, усвоилъ себѣ видъ спокойствія и бодрого самоотреченія, которое сдѣлалось потомъ отличительною чертою его ха-

раектера. Въ то время, какъ всё вокругъ него думали о гибели, онъ одинъ прогуливался по Каменно-островскимъ рощамъ, а дворець его по прежнему былъ открытъ и безъ стражи <sup>1)</sup>. Забывая про опасности, которыя могли грозить его жизни, онъ предавался новымъ для него размышленіямъ, и это время было рѣшительнымъ для нравственнаго его возрожденія, какъ и для внѣшней его славы“. Новыя размышленія были религіозныя. „Пламенная и искренняя вѣра проникла къ нему въ сердце, и, сдѣлавшись христіаниномъ, онъ почувствовалъ себя укрѣпленнымъ. Про эти подробности (его обращенія) я узнала много времени спустя отъ него самого“.

„Приближалось 15-е сентября, день коронаціи, обыкновенно празднуемый въ Россіи съ большимъ торжествомъ. Онъ былъ особенно знаменателенъ въ этотъ годъ, когда населеніе, приведенное въ отчаяніе гибелью Москвы, нуждалось въ ободреніи. Уговорили государя на этотъ разъ не ѣхать по городу на конѣ, а прослѣдовать въ соборъ въ каретѣ вмѣстѣ съ императрицами. Тутъ въ первый и послѣдній разъ въ жизни онъ уступилъ совѣту осторожной предусмотрительности; но по этому можно судить, какъ велики были опасенія. Мы ѣхали шагомъ въ каретахъ о многихъ стеклахъ, окруженные несмѣтною и мрачно-молчаливою толпою. Взволнованныя лица, на насъ смотрѣвшія, имѣли вовсе не праздничное выраженіе. Никогда въ жизни не забуду тѣхъ минутъ, когда мы вступали въ церковь, слѣдуя посреди толпы, ни единымъ возгласомъ не заявлявшей своего присутствія. Можно было слышать наши шаги, и я была убѣждена, что достаточно было малѣйшей искры, чтобы все кругомъ воспламенилось. Я взглянула на государя, поняла, что происходило въ его душѣ, и мнѣ показалось, что волѣна подо мною подгибаются“.

Графиня Эдингъ вѣроятно опять передаетъ отчасти и дворцовыя впечатлѣнія, когда рассказываетъ, какое дѣйствіе имѣли первыя извѣстія объ очищеніи Москвы французами. Едва дошелъ до нея слухъ,— „вдругъ раздался пушечный выстрѣлъ съ крѣпости, позолоченная колокольня которой приходится какъ

<sup>1)</sup> Лѣтомъ имп. Александръ жила обыкновенно въ Каменно-островскомъ дворцѣ; тамъ же жила и императрица Елизавета, при которой состояла гр. Эдингъ. Последняя замѣчаетъ объ этомъ дворцѣ... „садовые входы никогда не запирались, такъ что мѣстные обыватели и гуляющіе свободно ими пользовались. Вокругъ царскаго жилища не было видно никакой стражи, и злоумышленнику стоило подняться на нѣсколько ступенекъ, убранныхъ цѣпями, чтобы проникнуть въ небольшія комнаты государя и его супруги“.

разъ напротивъ Каменно-островскаго дворца. Отъ этой разсчитанной, торжественной пальбы, знаменовавшей радостное событіе, затрепетали во мнѣ всѣ жилы, и подобнаго ощущенія живой и чистой радости никогда я не испытывала. Я была бы не въ состояніи вынести дольше такое волненіе, еслибы не облегчили меня потоки слезъ. Я испытала въ эти минуты, что ничто такъ не потрясаетъ душу, какъ чувство благородной любви къ отечеству, и это-то чувство овладѣло тогда всею Россією. Недовольные замолчали; народъ, никогда не покидавшій надежды на Божью помощь, успокоился, и государь, увѣрившись въ уморасположеніи столицы, сталъ готовиться къ отъѣзду въ армію“.

Графиня Эдлингъ, повидимому, обратила на себя вниманіе императора Александра своимъ умомъ и непринужденною откровенною рѣчью. Она передаетъ нѣсколько разговоровъ, которые онъ имѣлъ съ нею и въ которыхъ есть любопытныя черты его мнѣній. Ей случилось говорить съ нимъ и въ это время, и она замѣчаетъ: „говоря про Наполеона, государь не могъ воздержаться отъ нѣкотораго раздраженія, но не прибѣгалъ, однако, къ выраженіямъ рѣзкимъ: воздержанность рѣдкая для того времени, когда Наполеоново имя не произносилось иначе, какъ въ сопрожденіи ѣдкихъ словъ, въ родѣ проклятій“.

Въ запискахъ разсѣяно не мало весьма независимыхъ сужденій о разныхъ дѣятеляхъ того времени. Упомянемъ, напри- мѣръ, весьма суровую характеристику вел. кн. Константина Павловича, который не внушалъ ей ни малѣйшаго сочувствія ни личными, ни общественными своими качествами<sup>1)</sup>. О Кутузовѣ, когда онъ командовалъ молдавскою арміей, она говоритъ, что это былъ „старый воинъ, влюбленный во власть и опасавшійся, что онъ останется не у дѣла“, и что поэтому онъ въ то время „старался подъ невозможными предлогами отсрочивать дѣло (заключеніе мира съ Турціей), столь важное для отечества“. „Выведенный изъ терпѣнія его медлительностью и недобросовѣстностью, государь придумалъ замѣнить его Чичаговымъ, котораго прямота была ему извѣстна. Ему были уже даны полномочія и нужныя наставленія, какъ г-жа Кутузова, успѣвъ о томъ провѣдать, предувѣдомила мужа, и тотъ заключилъ миръ до пріѣзда новаго главнокомандующаго“. Можно видѣть отсюда, почему императоръ Александръ, который умѣлъ угадывать лукавство, не долюблялъ Кутузова и по возвращенія его въ Петербургъ не далъ ему назначенія въ арміи и предоставилъ стать во главѣ

<sup>1)</sup> См. „Русскій Архивъ“, 1887 г. № 2, стр. 214—215.

петербургскаго ополченія, т.-е петербургскихъ мужиковъ. Повднѣе, только необходимость, голось общественнаго мнѣнія и арміи заставили его сдѣлать Кутузова главнокомандующимъ. „Общій ропоть и уныніе, а также, можетъ быть, нѣкоторые происки побудили, наконецъ, государя отозвать отъ командованія войсками генерала, котораго онъ наиболѣе уважалъ, и ввѣрить начальство старику Кутузову, престарѣлому и больному, но сохранившему еще всю тонкость отиѣнно развитога ума. Онъ не могъ быть дѣятельнъ, какъ подобаеть главнокомандующему; но этотъ недостатокъ возмѣщался въ немъ его военною опытностію. Выборъ этотъ оживилъ умы, что было очень важно“. Понятно, что гр. Эдлингъ не раздѣляла тогдашнихъ предубѣжденій противъ Барклая: „Барклай былъ иностранцемъ только по имени; онъ съ молодыхъ лѣтъ служилъ въ Россіи, и любовь къ отечеству равнялась въ немъ съ его храбростію“. Дальше гр. Эдлингъ весьма невысокаго понятія о Нессельроде, „представляющемъ собою поразительный примѣръ того, какъ слѣпо счастье льнетъ къ ничтожеству“, и пр.

Мы не будемъ дѣлать дальнѣйшихъ извлеченій изъ этихъ записокъ. Довольно сказать, что и въ послѣдующемъ разсказѣ разбросано много интересныхъ подробностей изъ тогдашнихъ придворныхъ и политическихъ отношеній. Въ качествѣ фрейлины гр. Эдлингъ сопровождала императрицу Елизавету въ ея путешествіи за границу въ 1813—1814 годахъ, сначала въ Баденъ, гдѣ императрица видѣлась съ своими родными, и затѣмъ въ Вѣну во время конгресса. Нѣсколько разъ гр. Эдлингъ встрѣчалась и говорила съ императоромъ Александромъ, близко видѣла владѣтельный и придворный кругъ русскій и иностранный, и хорошо умѣла понимать и характеризовать людей, которыхъ встрѣчала. Ея собственное настроеніе начало принимать въ это время ту піэтистическую складку, которая была очень распространеною чертой времени; она сблизилась въ Баденѣ съ баронессой Крюднеръ и съ знаменитымъ тогда мистикомъ Юнгомъ-Штиллиномъ<sup>1)</sup>; первую она считала искренней и съ нѣкоторымъ сочувствіемъ говорить объ ея христіанской филантропіи; въ послѣднемъ она, кажется, увлекалась не столько его мистицизмомъ, сколько его практическимъ христіанствомъ. Повидимому, новое настроеніе не мѣшало ей здраво понимать вещи и людей. Она съ сочувствіемъ говорить о Лагарпѣ, котораго вообще не любили въ піэтистическихъ кругахъ и котораго она видѣла въ Бруксальѣ, гдѣ жила императрица.

<sup>1)</sup> О послѣднемъ см. въ біографіи Крюднеръ, „В. Европы“ 1869, авг., стр. 608—612.

„Лагарпъ наслаждался славою Александра, какъ плодомъ трудовъ своихъ. Мѣщанская простота въ обращеніи не соответствовала его андреевской лентѣ. Чистотою своихъ побужденій онъ обезоруживалъ ненависть и зависть, и самыя сильныя противъ него предубѣжденія незамѣтно пропадали въ бесѣдѣ съ нимъ“. Еще больше чести уму гр. Эдлингъ дѣлаетъ ея отзывъ о знаменитомъ Штейнѣ, котораго она видѣла въ первый разъ въ Вѣнѣ и котораго также не долибливали въ консервативныхъ и высшихъ придворныхъ кругахъ. „Тутъ же былъ доблестный баронъ Штейнъ, привлекая къ себѣ вниманіе нѣмецкихъ князей, которые и ненавидѣли его, и льстили ему. Онъ неспособенъ ни на минуту скрыть свою мысль. Онъ принадлежитъ къ числу людей античнаго характера, никогда не вступающихъ въ сдѣлку съ совѣстью. Тиранство Наполеона, какъ и нѣмецкихъ князей, было ему одинако ненавистно, и, подъ покровительствомъ Александра, онъ одинъ боролся съ ихъ притязаніями, отстаивалъ дѣло населеній и, наконецъ, добился обезпеченія ихъ правъ“. Въ запискахъ сообщены дальше любопытныя черты о вѣнской жизни во время конгресса, которую опять близко видѣла гр. Эдлингъ; о первыхъ проблескахъ греческаго движенія, — она сама горячо сочувствовала этому движенію, была въ дружескихъ отношеніяхъ съ гр. Каподистрией, знала Ипсиланти, и пр.

Очень видное мѣсто въ нашей литературѣ мемуаровъ займутъ записки Александра Михайловича Тургенева, пока, впрочемъ, неоконченныя изданіемъ<sup>1)</sup>. А. М. Тургеневъ родился въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія и умеръ въ 1863 г.

„Составитель записокъ, — говоритъ редакція журнала, — принадлежитъ къ числу достойнѣйшихъ русскихъ людей; представитель старинной дворянской фамиліи, онъ вѣрой и правдой прослужилъ многіе десяти лѣтъ Россіи и ея державнымъ представителямъ, на его вѣку четыре раза смѣнявшимся; храбрый воинъ на ратномъ полѣ, мудрый и честный администраторъ на поприщѣ гражданской службы, А. М. Тургеневъ былъ человекъ весьма образованный и отличался свѣтлымъ взглядомъ на все, что только относилось къ славі и пользѣ дорогого отечества — такъ, напр., онъ пламенно желалъ освобожденія крестьянъ и былъ столь счастливъ, что на закатѣ дней увидѣлъ свою мечту осуществленною“.

<sup>1)</sup> „Русская Старина“, 1885—87; нѣсколько главъ записокъ въ печати опущено.



Въ біографіи, предшествующей запискамъ Тургенева, сообщается, что онъ родился въ 1772 году, въ Москвѣ<sup>1)</sup>; въ 1786-мъ, четырнадцати лѣтъ, поступилъ (былъ записанъ?) на службу унтеръ-офицеромъ въ лейбъ-гвардіи конный полкъ; 5-го ноября 1796, наканунѣ смерти императрицы Екатерины, Тургеневъ былъ въ караулѣ во дворцѣ; 8-го ноября онъ уже назначенъ былъ ординарцемъ въ императору Павлу и былъ свидѣтелемъ его первыхъ вахтъ-парадовъ. Затѣмъ онъ былъ переведенъ въ екатеринославскій кирасирскій полкъ, офицеры котораго испытали опалу за то только, что прежде полкъ назывался по имени князя Потемкина Таврическаго. Съ мая 1799 до сентября 1803, Тургеневъ состоялъ адъютантомъ при московскомъ генералъ-губернаторѣ, князѣ Салтыковѣ, и какъ въ своей полковой службѣ, такъ и въ этой должности былъ близкимъ свидѣтелемъ особенностей царствованія Павла и не однажды имѣлъ встрѣчи съ самимъ императоромъ. Графиня Салтыкова, о которой Тургеневъ сохранилъ самыя благодарныя воспоминанія, убѣдила его заняться своимъ образованіемъ, и подъ тридцать лѣтъ Тургеневъ отправился за границу и въ Гёттингенъ, въ 1803—1806 годахъ, прослушалъ курсъ философіи, юридическихъ и естественныхъ наукъ, и кромѣ того основательно познакомился съ французской и нѣмецкой литературой. Онъ пробылъ потомъ еще нѣсколько лѣтъ за границей; вернувшись въ Россію, работалъ у Сперанскаго, въ 1811 году снова вступилъ въ военную службу, принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, былъ сильно контуженъ при Бородинѣ, въ 1814 году былъ снова раненъ и вышелъ въ отставку. Еще разъ побывавъ за границей для излеченія раны, Тургеневъ началъ свою гражданскую службу; управлялъ таможеней въ Θεодосіи, Брестъ-Литовскѣ, Астрахани; въ 1823 году назначенъ губернаторомъ въ Тобольскъ, потомъ въ Казавъ, былъ затѣмъ директоромъ медицинскаго департамента, когда министерствомъ внутреннихъ дѣлъ управлялъ Закревскій, отъ котораго испыталъ весьма неблагоприятныя притѣсненія, и, наконецъ, вышелъ въ отставку послѣ 44-лѣтней службы.

<sup>1)</sup> Это и другія хронологическія показанія довольно смутны. Въ первыхъ строкахъ самихъ записокъ Тургеневъ говоритъ, что въ 1848, октября 26 (когда онъ, повидному, приступилъ къ запискамъ), ему было 78 года; слѣд., годъ его рожденія былъ не 1772-й, а 1775-й („Русская Старина“, 1885, сентябрь, стр. 363 и 378). Далѣе, въ біографіи (стр. 367) говорится, что онъ отправился въ гёттингенскій университетъ въ 1803 г., слѣд., по счету біографіи, 31-го года, а въ запискахъ самъ Тургеневъ пишетъ, что „сѣлъ на скамью студента въ гёттингенскомъ университетѣ въ 25 лѣтъ отъ рожденія“ („Русск. Старина“, 1885, декабрь, стр. 488).

По своимъ убѣжденіямъ Тургеневъ весь принадлежалъ Екатернинскому вѣку,—говорить его біографъ и родственникъ г. Сомовъ,—и до конца 90-лѣтней жизни своей сохранилъ въ душѣ обаяніе мудрой императрицы.

„Этотъ екатерининскій либеральный здравый духъ онъ затаилъ въ себѣ въ теченіе царствованій императоровъ: Павла, Александра I и Николая, но онъ вылился наружу при реформахъ Александра II.

„И вотъ, когда заговорили объ освобожденіи крестьянъ, Александръ Михайловичъ явился яркимъ его защитникомъ...

„Явленіе было многозначительное: 90-ти-лѣтній старикъ, родовой дворянинъ, всѣмъ и каждому доказывалъ, что „нельзя продавать людей какъ скотину“ и что освобожденіе крестьянъ не уничтожить дворянства, которое всегда останется опорой престола.

„Противники освобожденія понимали хорошо то вліяніе, которое имѣлъ Тургеневъ, и не побрезгали средствами. Тургеневъ получилъ приглашеніе явиться, отъ шефа жандармовъ, кн. Вас. Андр. Долгорукаго.

„Это приглашеніе сильно потрясло и оскорбило А. М., тѣмъ не менѣе онъ отправился. Не менѣе его смутился и вн. Долгорукій, увидавъ передъ собой какъ лунь бѣлаго старика, увѣшаннаго медалями и крестами.

— „Въ ваши годы, въ ваши годы“...—могъ только произнести шефъ жандармовъ.

— „Прослуживъ вѣрой и правдой четыремъ императорамъ, мало надежды, чтобы я измѣнилъ пятому“, — отвѣчалъ А. М. Тургеневъ.

„Несмотря на то, что, по настоянію многочисленныхъ друзей Тургенева, кн. Вас. Андр. Долгорукій извинился передъ нимъ, объясняя происшедшее ошибкой, что А. М. смѣшали съ родственникомъ его, Иваномъ Сергѣевичемъ Тургеневымъ, однако случай этотъ произвелъ на него такое неприятное впечатлѣніе, что онъ уѣхалъ на 1857 и 1858 г. за границу“.

Біографъ рассказываетъ дальше: „По возвращеніи изъ гёттингенскаго университета до своей смерти А. М. Тургеневъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ лучшими людьми Россіи: Сперанскимъ, Канкринимъ, Жуковскимъ, съ которымъ переписывался въ теченіе 30 лѣтъ, кн. П. А. Вяземскимъ, графами Строгоновыми; въ 1850-хъ годахъ на квартирѣ его на Милліонной собирались молодые литераторы и читали свои произведенія. Здѣсь И. С. Тургеневъ впервые прочелъ свой рассказъ „Муму“ и

многія другія повѣсти; гр. Л. Н. Толстой—свои „Военные разсказы“; тутъ же читали свои произведенія В. П. Боткинъ, Я. П. Полонскій, И. А. Гончаровъ, Дружининъ; тутъ же бывалъ Н. А. Милютинъ и многіе другіе дѣятели по освобожденію крестьянъ“.

Записки Тургенева исполнены своеобразнаго интереса. Въ лицѣ ихъ автора дожилъ до нашихъ дней представитель Еватеринскаго вѣка, сохранивъ лучшія черты тогдашнихъ общественныхъ инстинктовъ, укрѣпленныхъ въ немъ нѣмецкой университетской школой, и являясь поучительнымъ примѣромъ того преемства идей, которое связываетъ конецъ прошлаго столѣтія съ нашимъ настоящимъ. Онъ не заявилъ себя въ литературѣ; въ своемъ служебномъ положеніи не имѣлъ случая и возможности дѣйствовать на складъ общественнаго мнѣнія, — между тѣмъ въ немъ олицетворялась нить преданія, соединявшаго лучшія мысли прошлаго вѣка съ тѣмъ, что волновало новыя поколѣнія. Въ своемъ возбужденіи новое поколѣніе склонно было считать свои мысли какъ бы новымъ открытіемъ, — но исторія напоминала, что были и въ прошедшемъ зачатки тѣхъ же самыхъ стремленій, а наконецъ, оказывалось, что были и живые представители этого стараго преданія. Таковъ былъ А. М. Тургеневъ; таковъ былъ, изъ нѣскольکو болѣе поздней эпохи, другой Тургеневъ, Н. И., и съ нимъ цѣлый рядъ дожившихъ до прошлаго царствованія и вернувшихся изъ ссылки декабристовъ. Есть и другая сторона историческаго значенія записокъ А. М. Тургенева. До недавняго времени для нашей литературы была совсѣмъ закрыта правдивая исторія нашей внутренней жизни; А. М. Тургеневъ едва дожилъ до той поры, когда стали раскрываться архивы, появляться на свѣтъ сберегавшіеся въ тайнѣ мемуары, документы, воспоминанія. Онъ началъ свои записки въ 1848 году, въ самомъ разгарѣ тогдашнихъ цензурныхъ запрещеній, которыя, между прочимъ, съ особенною строгостью падали на извѣстныя эпохи русской исторіи старой и новой; и однако, наперекоръ запрещеніямъ, въ это самое время велась лѣтопись о той эпохѣ, которую хотѣли удалить отъ вѣденія общества. Большая часть того, что издано пока изъ записокъ А. М. Тургенева, посвящена временамъ Еватерины и Павла. Здѣсь далеко не одни личныя воспоминанія самого автора; напротивъ, отсутствіе въ литературѣ историческихъ свѣденій о концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка какъ будто побуждало Тургенева собрать какъ можно больше если не настоящей полной исторіи, то отдѣльныхъ фактовъ и воспоминаній объ эпохѣ, которая обществу 40-хъ годовъ была извѣстна только по темнымъ слухамъ и преданіямъ. Собственно о своей жизни, домашнемъ

воспитаніи, началѣ службы, Тургеневъ не говоритъ почти ничего и начинаетъ свои записки съ того дня 5-го ноября 1796 года, когда онъ стоялъ въ караулѣ во дворцѣ наканунѣ смерти имп. Екатерины, и дальше разсказъ идетъ гораздо менѣе о происшествіяхъ его личной жизни, чѣмъ о совершавшихся дворцовыхъ и правительственныхъ событіяхъ.

Мы упомянули, какъ послѣ службы при фельдмаршалѣ Салтыковѣ онъ отправился учиться за границу, и съ какой благодарностью говорилъ онъ о женѣ фельдмаршала, графинѣ Дарьѣ Петровнѣ Салтыковой, которая побудила его, тридцатилѣтняго служаку, заняться своимъ образованіемъ. „Если Всемогущему будетъ угодно продлить мнѣ жизнь еще на семьдесятъ-три года, я никогда не перестану благословлять память въ Бозѣ почившей; никогда не вспоминаю о графинѣ безъ чувствъ благоговѣйнаго уваженія и чистѣйшей благодарности. Графиня сдѣлала для меня, чего не могла сдѣлать моя родительница. Я имѣлъ счастье слышать въ разговорахъ сужденія графини Дарьи Петровны, изъ коихъ понялъ и уразумѣлъ, что можно быть отличнымъ кавалерійскимъ офицеромъ и быть невѣждою, неотесаннымъ болваномъ... Да будетъ на вѣки благословенна память твоя, благочестивая жена! Да покоится душа твоя на лонѣ Авраамлѣ съ миромъ до радостнаго утра. Тебѣ одной, тебѣ обязанъ я благодарностью, что я отправился въ Гёттингенъ; правда, время было уже утрачено, я былъ уже поврежденный сосудъ, но благодарю Создателя — кору невѣжества съ меня поскоблили и я возвратился изъ Германіи не свиньею, а похожимъ на человѣка“.

Въ другомъ мѣстѣ говоритъ онъ, что слушаніе разныхъ научныхъ предметовъ въ Германіи, „въ продолженіе безъ малаго 7 годовъ“, не разъединило его съ Русью, научило его понимать человѣка, знать его назначеніе и дѣйствовать правомѣрно, безпристрастно. „Благодарю Бога, подавшаго мнѣ случай сѣсть на скамью студента въ Гёттингенскомъ университетѣ, въ 25 лѣтъ отъ рожденія моего, а не въ шестнадцать, и послѣ того, какъ говорится, когда я уже, предварительно сему событію, прошелъ сквозь огонь и воду“.

Иностранная школа сдѣлала только его патриотизмъ сознательнымъ. Рассказывая событія своего времени, Тургеневъ не разъ предается размышленіямъ о свойствахъ этихъ событій и высказываетъ свою горячую любовь къ отечеству. „Я, если не полные шесть вѣковъ, то, конечно, близко того, дворянинъ русскій; люблю безъ ограниченія Русь, мою родину; монархизмъ есть моя при-

рода, онъ мнѣ соврожденъ, я не могу отдѣлиться отъ него; люблю Русь, но не менѣе люблю правду“.

Тургеневъ, юность котораго прошла въ царствованіе Екатерины, остался навсегда ея величайшимъ поклонникомъ. Кромѣ общаго впечатлѣнія той эпохи, богатой шумною славою, надо думать, что высокое понятіе о ней было усилено и окрѣпло въ теченіе четырехъ лѣтъ слѣдующаго царствованія, которое стремилось уничтожить всѣ плоды предшествовавшаго правленія и только заставляло вспоминать о немъ, сожалѣя о настоящемъ.

„Я существовалъ уже, — пишетъ онъ, — во времена славы, величія, могущества отечества моего, когда просвѣщеніе ума начинало постепенно укрощать варварство, уничтожать предрасудки, и жизнь гражданскаго общества получила свое развитіе подъ благотворнымъ, мудрымъ правленіемъ повелительницы сѣвера, незабвенной Екатерины II. Въ первый разъ народы, обитающіе на землѣ пространнѣйшей Россіи, услышали изъ устъ Екатерины богоподобный законъ: *„Безъ суда никто да не будетъ наказанъ: предъ закономъ всѣ равны“*. Въ наставленіи (наказѣ) о составленіи государственнаго уложенія Екатерина сказала: „лучше десять виновныхъ освободить, нежели одного невиннаго наказать“.

„Екатерина говаривала: „я не люблю самодержавія, въ душѣ я республиканка, но не родился еще портной, который умѣлъ бы скрыть кафтанъ по кости для Россіи“.

„Екатерина говорила правду: изданными ею узакненіями она доказала желаніе ввести конституціонное правленіе въ Россіи. Она предоставила право дворянству, купечеству и мѣщанамъ избирать судей и блюстителей порядка и спокойствія изъ среды ихъ общества. Дворянамъ предоставила полную свободу служить и не служить, вступать въ службу въ иностранныхъ государствахъ, гдѣ пожелаютъ, и выѣхать, оставить навсегда Россію по произволу. Но въ ея царствованіе никому не могло на мысль придти выѣхать, оставить Россію. Раздѣленіе Франціи послѣ революціи, въ 1789 году возникшей, на департаменты, выборы меровъ и учрежденіе муниципальных судовъ есть списокъ съ учрежденія объ управленіи губерній, изданнаго Екатериною.

„Читайте узакненія, учрежденія, Екатериною изданныя, вы увидите въ нихъ искреннее уваженіе въ свободѣ гражданина, возвышенныя чувства о чести его и огражденіе закономъ неприкосновенности лица и собственности. Исторія провозгласитъ о ней въ потомствѣ хвалу и удивленіе! Будетъ превозносить болѣе ея мудрыя распоряженія въ управленіи имперіей, нежели воин-

ственные подвиги россиянь, непрерывно въ продолженіе 34 лѣтъ ея царствованія весь свѣтъ удивлявшіе.

„Въ царствованіе императрицы никто безъ предварительнаго суда или разсмотрѣнія обстоятельствъ не былъ наказанъ. Въ крѣпостной казamatъ, въ тюрьму, даже умалишенныхъ въ домъ призрѣнія не отправляли“<sup>1)</sup>.

„Вѣкъ Екатерины II, — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — непрерывная цѣпь побѣдъ надъ врагомъ, до сего страшнымъ въ Европѣ, заставила признать мужество россиянь у всѣхъ народовъ, и слава военной, непобѣдимой арміи Екатерины не было равной. Первенство на горизонтѣ политическомъ: слово повелительницы съвера рѣшало судьбу царей и народовъ! Мудрые и благотворные законы и учрежденія водворили въ имперіи благоденствіе, спокойствіе, увѣренность, изобиліе и полное, никѣмъ, никому пререкаемое, наслажденіе плодовъ труда своего, непривосновенность собственности, благоразумное и необременительное распоряженіе государственныхъ податей приковали сердца подданныхъ Екатеринѣ искреннѣйшею, чистою и неограниченною любовью. Въ чертогахъ богатаго и въ хижинѣ земледѣльца Екатерина была равно любима искренно; имя ея произносили съ благоговѣніемъ, называя всегда императрицу: *матушка всемилостивая государыня*“<sup>2)</sup>.

Тургеневъ оправдываетъ даже недостатки правленія Екатерины, напр. распространеніе крѣпостного права. „Кричать до сего времени еще о расточительности Екатерины, о томъ, что надѣляла любимцевъ своихъ большими помѣстьями крестьянъ, (но) даже и сія слабость Екатерины послужила къ пользѣ и благоустройству государства, къ водворенію порядка и укрощенію убійства въ полудикомъ народѣ. Съ поступленіемъ крестьянъ въ управленіе дворянъ, смягченіе полудикихъ нравовъ скоро послѣдовало: уменьшились своища разбойничьи на рѣкахъ и дорогахъ, государственный подати начали поступать въ казну вѣрнѣе и безъ недоимокъ. Правительство получило вѣрныхъ и безкорыстныхъ управителей во владѣльцахъ; видимъ нынѣ, по прошествіи 70 лѣтъ, со всѣми улучшеніями хода дѣлъ въ управленіи, со всѣми средствами, существующими въ настоящее время, управленіе казенное не можетъ достигнуть предполагаемой цѣли, водворить того порядка, подчиненности, какіе существуютъ при всѣхъ стѣсненіяхъ дворянамъ въ ихъ вотчинахъ, и благосостояніе крестьянина

<sup>1)</sup> „Р. Старина“, 1886, янв., стр. 61—62.

<sup>2)</sup> Тамъ же, 1885, декабрь, стр. 480.

дворянскаго несравненно лучше, прочтѣе и не подвержено притѣсненіямъ, которыми сугубо обременены крестьяне государственные!

„Это весьма просто и понятно: въ дворянскомъ имѣніи одна инстанція для разбора, рассмотрѣнія и рѣшенія всякихъ пререканій и обстоятельствъ—владѣлецъ или его довѣренный; въ казенномъ управленіи ихъ цѣлая лѣстница! Чѣмъ короче лѣстница, тѣмъ лучше, и по старинной пословицѣ—у семи нянь дитя всегда безъ глазу. Съ уничтоженіемъ дворянства ничто не уцѣлѣетъ на святой Руси“<sup>1)</sup>.

Но эти строки, какъ будто внушенныя желаніемъ дать аполіогію временъ Екатерины, не подтверждаются другими мѣстами записокъ: самъ Тургеневъ высказываетъ инныя мысли о значеніи учреждений Екатерины и очень не высокаго мѣнія о политическомъ смыслѣ нашего дворянства. Любопытны мѣнія Тургенева, котораго, въ полномъ смыслѣ слова, можно назвать челоувѣкомъ стараго вѣка, о предметѣ, въ настоящее время снова занимающемъ умы, особливо въ средѣ новѣйшей дворянской публицистики.

„Екатерина II, невѣдомо по какимъ побужденіямъ, къ удивленію цѣлаго свѣта, даровала дворянству права важныя, раздѣлявшія съ нею власть,—права избирать блюстителей закона, охранителей порядка и общественнаго спокойствія, изъ среды своей, независимо отъ власти предержавшей. Даровала хартію, предоставляющую дворянамъ полную и неограниченную свободу дѣйствовать въ отношеніи лично себя и достоянія, какъ имъ заблагоразсудится: служить по произволу въ отечествѣ своемъ или въ другомъ государствѣ; оставить навсегда отечество безъ всякой укоривны и преслѣдованія; жить въ чужой странѣ и получать невозбранно доходы съ своего имѣнія; сказала: „дворянинъ на тѣлѣ да не накажется“, сказала болѣе—мудрое, божеское изреченіе, сказала: „безъ суда никто да не накажется“. Повелѣла и предоставила право повѣреннымъ дворянства требовать отъ всѣхъ предержавшихъ властей яснаго и подробнаго свѣденія въ случаяхъ, когда кѣмъ бы то ни было, по какому то ни было обстоятельству будетъ дворянинъ лишень свободы и будетъ болѣе трехъ дней находиться подъ стражею. Уполномочила, когда дворяне будутъ имѣть надобность въ дополненіи или въ отмѣненіи закона, въ учрежденіи вновь чего-либо, слать къ себѣ повѣренныхъ своихъ (депутатовъ).

<sup>1)</sup> Тамъ же, 1886, янв., стр. 60—61.

„Дворянство русское, искони въ тинѣхъ невѣжества грязнувшее, преданное лѣности, пьянству, сладострастію, не умѣло или не хотѣло раздѣлить правъ своихъ съ народомъ (т.-е. освободить крестьянъ отъ рабства), пожелало тогда—увы! и до нынѣ еще (1835 г.) желаетъ—сохранить гнусное право быть властелиномъ неограниченнымъ надъ рабами, крѣпостью, какъ цѣпью, скованными, продавать ихъ какъ утварь, какъ домашній скотъ. Сіе скарредное, презрительное желаніе дворянъ въ то же время, когда права были имъ дарованы, обезсидило ихъ, можно сказать, разрушило, уничтожило, и права остались—какъ бы только для памяти напечатанными, въ существѣ же безъ силы и дѣйствія. Народъ или крѣпостные рабы, оставшись по прежнему подъ игомъ рабства, пребыли по прежнему непримиримыми врагами дворянамъ (1835).

„Народъ восхищался, одобрялъ, выхвалялъ всѣ дѣянія, надъ дворянами совершавшіяся въ 1796—1800 гг. Въ народѣ, при Павлѣ Петровичѣ, не шопотомъ—вслухъ говорили относительно дворянъ: „вотъ онъ требуетъ (?) ихъ, варваровъ, отжили они красивые дни!“<sup>1)</sup>

Возвратившись еще разъ ко временамъ императрицы Екатерины, Тургеневъ опять приходитъ къ заключеніямъ, не сходнымъ съ приведенной выше апологіей. Онъ находитъ, напримѣръ, что „всѣ дарованныя права и преимущества, словомъ и обѣщаніемъ Екатерины утвержденныя, въ сущности никакихъ правъ никому не усвоили“ (?); онъ намѣревается „обнаружить, какія губительныя были для народа отъ того послѣдствія, вмѣсто изреченныхъ, обѣщанныхъ милостей, покровительства, равенства передъ закономъ и судомъ“, и продолжаетъ:

„Уничтоженъ тайный, розыскной приказъ и пытки словомъ, а на дѣлѣ осталось все по прежнему.

„Вмѣсто розыскаго приказа учреждена тайная канцелярія, гдѣ Степанъ Ивановичъ Шипковскій пыталъ, мучилъ и тиранилъ не менѣе прежняго.

„Правда, съ тѣхъ, которые послѣ наказанія оставались живы, Шипковскій бралъ подписки въ томъ, что они во всю жизнь никому и ни подъ какимъ предлогомъ не будутъ говорить о случившемся съ ними. Наказанный былъ обязанъ подтвердить подписку присягою и обѣщать, если проговорится, подвергнуть себя безотвѣтному вновь наказанію.

<sup>1)</sup> Тамъ же, 1886, ноябрь, стр. 262—263. См. еще разсужденія его о русскомъ дворянствѣ и духовенствѣ тамъ же, 1885, декабрь, стр. 483—485.



„Городскіе полиціймейстеры, въ Петербургѣ генераль-полиціймейстеръ Чичеринъ, въ Москвѣ оберъ полиціймейстеры Татищевъ и Суворовъ, всегда имѣли въ каретахъ своихъ по нѣскольку десятковъ плетей, называемыхъ *подлинниками*, съ желѣзными наконечниками, и сѣкали на улицахъ изъ обывателей, какъ говорится, встрѣчнаго и поперечнаго, какъ имъ заблагоразсудилось.

„Что же значилъ, въ XVIII вѣкѣ, изреченный законъ: безъ суда никто да не накажется?“<sup>1)</sup>

Отзывы видимо писаны подъ разными впечатлѣніями историческаго прошлаго, противорѣчія остались несведенными, но въ общемъ выводѣ Тургеневъ остается величайшимъ поклонникомъ временъ императрицы Екатерины, и, какъ мы замѣчали, весьма вѣроятно, что это возвеличеніе временъ Екатерины развилось въ немъ въ особенности подъ влияніемъ событій, наступившихъ по ея смерти. По своей службѣ въ конной гвардіи Тургеневъ былъ близокъ къ дворцовымъ происшествіямъ; первое же время новаго царствованія онъ бывалъ дежурнымъ ординарцемъ у императора Павла; переведенный потомъ въ екатеринославскій полкъ, онъ былъ свидѣтелемъ тогдашней службы; при коронаціи былъ въ Москвѣ, въ качествѣ полковаго адъютанта снова не одинъ разъ представлялся императору; видѣлъ на своемъ полку и на самомъ себѣ примѣры его добродушія и взрывы гнѣва; наконецъ, состоя адъютантомъ при московскомъ генераль-губернаторѣ, онъ опять видѣлъ многое, чтó оставалось тайной для массы, — и видѣть случалось вещи ужасныя, — такъ что его воспоминанія являются достовѣрнымъ матеріаломъ для характеристики того времени, которое еще ни разу не было рассказано нашими историками.

Тургеневъ не былъ историкомъ, говорилъ лишь о томъ, чтó видѣлъ или чтó было предметомъ общихъ толковъ, но характеръ эпохи, изображенный въ его рассказѣ, подтверждается единогласно свидѣтелями того времени. Общая черта есть впечатлѣніе переворота и ужаса.

„Въ продолженіе 8 часовъ царствованія вступившаго на все-россійскій самодержавный тронъ, весь устроенный въ государствѣ порядокъ правленія, судопроизводства, — однимъ словомъ, всѣ пружины государственной машины были вывернуты, столкнуты изъ своихъ мѣстъ, все опрокинуто вверхъ дномъ и все оставлено и оставалось въ семъ исковерканномъ положеніи четыре года! Однимъ почеркомъ пера уничтожено 230 городовъ! Мѣста госу-

<sup>1)</sup> Тамъ же, 1886, октябрь, стр. 57—58.

дарственныхъ сановниковъ вѣрены людямъ безграмотнымъ, не получившимъ никакого образованія, не имѣвшимъ даже случая видѣть что-либо полезное, поучительное; они кромѣ Гатчина и казармъ тамъ, въ которыхъ жили, ничего не видали, съ утра до вечера маршировали на учебномъ мѣстѣ, слушали бой барабана и свистъ дудки! Бывшему у генераль-аншефа Степана Ст. Апраксина въ услугѣ Клейнъ-Михелю повелѣно было обучать военной тактикѣ фельдмаршаловъ. Да, шесть или семь тогда находившихся въ Петербургѣ фельдмаршаловъ сидѣли около стола, вверху котораго предсѣдательствовалъ бывшій лакей Апраксина Клейнъ-Михель и исковерканнымъ русскимъ языкомъ преподавалъ такъ названную тактику военнаго искусства фельдмаршаламъ, въ бояхъ посѣдѣвшимъ! Вся премудрость ученія Клейнъ-Михеля заключалась въ познаніи фронтнаго ученія вступающаго въ караулъ батальона, въ отправленіи службы будучи въ караулѣ, какъ выходить въ сошки, брать ружья, и прочихъ мелочей.

„Первый подвигъ свой (новый порядокъ) обнаружилъ объявленіемъ жестокой, безпощадной войны злѣйшимъ врагамъ государства русскаго — круглымъ шляпамъ, фравамъ и жилетамъ!

„На другой день человекъ 200 полицейскихъ солдатъ и драгунъ, раздѣленныхъ на три или четыре партіи, бѣгали по улицамъ и во исполненіе (особаго) повелѣнія срывали съ проходящихъ круглыя шляпы и истребляли ихъ до основанія; у фраковъ обрѣзывали отложные воротники, жилеты рвали по произволу и благоусмотрѣнію начальника партіи, капрала или унтеръ-офицера полицейскаго. Кампанія быстро и побѣдоносно кончена: въ 12 часовъ утромъ не видали уже на улицахъ круглыхъ шляпъ, фраки и жилеты приведены въ несостояніе дѣйствовать и тысяча жителей Петрополя брели въ дома ихъ жительства съ непокрытыми головами и въ раздранномъ одѣяніи, полунагіе.

„Двери, ставни оконъ и все, что деревянное въ строеніи выходило на улицу, было въ одни сутки раскрашено въ шахматы; видъ сей и до сего времени (1848 г.) напоминаютъ намъ будки гауптвахтъ и фонарные столбы.

„Въ день объявленія войны соединеннымъ врагамъ Россіи, круглымъ шляпамъ, фравамъ и жилетамъ, я самъ былъ на волось отъ бѣды, могъ быть признанъ за лазутчика, посланнаго непріателемъ для развѣдыванія о состояніи войска, и, конечно, молитва доброй моей матери спасла меня отъ бѣды и напастей“<sup>1)</sup>.

Разсказавъ нѣсколько эпизодовъ изъ первыхъ дней новаго

<sup>1)</sup> Тамъ же, 1885, сентябрь, стр. 380—381.

правления, которыхъ онъ былъ очевидцемъ, Тургеневъ продолжаетъ:

„Екатерина сказала въ грамотѣ, дарованной дворянству: „отнынѣ да не наважеться никогда на тѣлѣ дворянинъ российский“.

„Наслѣдовавшій ей Павелъ Петровичъ не хотѣлъ продолжать самодержавствовать по стопамъ ея, избралъ себѣ примѣромъ Петра I-го и началъ подражать просвѣтителю народа русскаго, да въ чемъ?—началъ бить дворянъ палкою.

„Петръ присутствовалъ въ Сенатѣ, по крайней мѣрѣ, два раза въ недѣлю, Павелъ ноги въ Сенатѣ не поставилъ, не зналъ, какъ дверь отворяется въ храмъ верховнаго судилища; общее собраніе Правительствующаго Сената называлъ *Оччмъ Собраніемъ*.

„Лишь только подыалъ Павелъ Петровичъ палку на дворянъ, все, чтѣ имѣло власть и окружало его въ Гатчинѣ, начало бить дворянъ палками. Дворянская грамота, какъ и учрежденіе объ управленіи губерній, лежали въ золотомъ ковчегѣ на присутственномъ столѣ Правительствующаго Сената, не бывъ уничтоженными, но неприкосновенными, какъ подъ спудомъ“<sup>1)</sup>.

Въ другомъ мѣстѣ Тургеневъ рассказываетъ: „Съ каждымъ часомъ, съ каждою минутою въ 1797—1800 гг. гнѣвъ Павла Петровича распространялся шире, какъ изверженная вулканомъ лава быстро пробѣгаетъ пространство, ширѣетъ и все истребляетъ на пути своемъ“...

Было бы слишкомъ длинно указывать различные эпизоды изъ временъ царствованія Павла, какіе разсѣяны въ запискахъ Тургенева. Они цѣнны именно тѣмъ, что представляютъ свидѣтельства очевидца. Событія были таковы, что Тургеневъ, почти черезъ 50 лѣтъ, не могъ отдѣлаться отъ ужаса своихъ воспоминаній: „Ужасно вспомнить! четыре года ожидать ежеминутно бѣдствія, быть во всегдашнемъ тревоженіи духа, не быть увѣреннымъ — правильны ли, точны ли даннымъ повелѣніямъ дѣйствія въ исполненіи“<sup>2)</sup>...

Дѣйствительно, никто не считалъ себя въ безопасности; даже тотъ фельдмаршалъ Салтыковъ, при которомъ состоялъ Тургеневъ, съ часу на часъ ожидалъ своего удаленія. „Фельдмаршалъ готовился къ принятію громовой опалы царской, (а потому) приказалъ шталмейстеру своему, маіору Никитѣ Ивановичу Захарову, приготовить экипажи дорожные и всю упряжь; фельдмаршалъ ду-

<sup>1)</sup> Тамъ же, стр. 378—389.

<sup>2)</sup> Тамъ же, 1885, ноябрь, стр. 265.

мать, что его соплотъ жить въ деревняхъ своихъ и хотѣлъ отправиться на житье въ низовья свои вотчины на Сурѣ въ симбирской губерніи; хотѣлъ ѣхать на своихъ лошадяхъ, да иначе не было бы возможно; для подъема его дома было потребно 350 лошадей. Въ двѣ недѣли экипажи и лошади у Захарова были въ такой готовности, что когда угодно было можно приказать запрягать лошадей.

„Мнѣ добрый мой начальникъ сказалъ: „не горюй, выключать тебя, будь увѣренъ — я тебя не покину, приготовься со мною къ отъѣзду“<sup>1)</sup>).

„Я благодарилъ графа за его милостивое благорасположеніе“...

Разказы Тургенева о вступленіи на престолъ императора Александра согласны со всѣмъ тѣмъ, что сообщали многіе другіе современники. Это была всеобщая восторженная радость, исполненная надеждами на счастливое будущее. Самый разказъ о временахъ императора Александра, повидимому, предстоитъ еще въ дальнѣйшихъ главахъ записокъ Тургенева.

А. Пыпинъ.



<sup>1)</sup> Тамъ же, 1885, ноябрь, стр. 268.

---

# ВОЛОКИТСТВО ПРОФЕССОРА

СЦЕНЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ТУРИСТОВЪ.

Соч. Эльзы д'Остеръ Киллингъ.

---

Окончаніе.

XX \*).

Дождь — англійскій и иностранный. — Торжество красоты. — Чувство приличія оскорвлено въ м-р Лами, а его тщеславію нанесенъ ударъ.

„Мелкій, частый, безжалостный“, — такъ описывалъ французъ англійскій дождь, — „и производить такое впечатлѣніе, что, кажется, ему и конца не будетъ!“

Это возможно; но, съ другой стороны, для британца одинаково удивителенъ дождь, съ какимъ онъ знакомится въ чужихъ краяхъ, — дождь проливной, какъ изъ ведра, налетающій ни съ того, ни съ сего, когда его всего менѣе ожидаешь, причемъ солнце, показывающееся въ промежуткахъ этого ливня, какъ будто конфузится и спѣшитъ поскорѣе спрятаться. А ливень усиливается пуще прежняго.

Нѣтъ, я предпочитаю нашъ спокойный англійскій дождь!

Восемь часовъ утра. — Господи! какой дождь! — говоритъ м-г Лами уже въ третій разъ въ продолженіе какой-нибудь четверти часа, глядя изъ окна на разстилающійся видъ, напоминающій, правду сказать, одинъ изъ грязныхъ рисунковъ сепіей миссъ Макнабъ. Простые смертные при такихъ обстоятельствахъ повторяютъ эту фразу не менѣе шести разъ въ такое же количество минутъ, но м-г Лами, какъ извѣстно, не простой смертный.

---

\*) См. ноябрь, 230 стр.

Евгенія Роланъ пока одна только появилась за завтракомъ; потому что хотя въ пансіонѣ Эдельвейсъ завтракъ назначенъ въ восемь часовъ, но изъ жильцовъ рѣдко кто появляется раньше половины девятаго.

Быть можетъ, здѣсь встати будетъ замѣтить мимоходомъ, что ноги Евгеніи выдержали искусь, описанный нѣсколько раньше. Она вошла въ столовую одновременно съ профессоромъ и поспѣшила принять мѣры противъ повторенія замѣчанія, которое, будучи вполне естественнымъ при существующихъ обстоятельствахъ, становилось неинтереснымъ и даже несноснымъ послѣ двухъ повтореній.

— Мнѣ смутно представляется, — сказала она скромно, — что вы уже произнесли эти самыя слова раньше, — и тутъ она взглянула на него съ притворнымъ страхомъ, — и у меня есть робкое предчувствіе, что вы ихъ непременно повторите.

Профессоръ смутился.

Почти каждый человѣкъ можетъ перенести замѣчаніе о своихъ недостаткахъ, какъ бы крупны они ни были, но намекъ на то, что онъ скученъ — выше силъ человѣческихъ. Каждому кажется такимъ поворомъ — хотя это довольно трудно понять — если ему замѣтятъ, что онъ повторяется, что передъ нимъ блѣднѣетъ позоръ обвиненія въ нарушеніи какой-либо изъ десяти заповѣдей.

Профессоръ не только смутился, но и насушился.

— Allons donc! что я такое сказала?

И Евгенія всплеснула руками.

— Вы хмуритесь какъ англичанинъ, mon maître! Встаети, англійская нація не можетъ быть такъ дурна въ сущности, разъ она живетъ въ странѣ, гдѣ вѣчный дождь, и все-таки не злѣе того, какъ мы ее видимъ; какъ вы думаете?

— Неужели дурная погода развила въ васъ способность къ умозрѣнію? — сухо спросилъ профессоръ.

— Mon Dieu! — засмѣялась Евгенія: — резонерство — если вы это хотите сказать — заразительно, а я пользуюсь вашимъ обществомъ уже добрыя четверть часа. Какіе вопросы возбуждаетъ въ васъ этотъ дождь, mon maître, смѣю спросить?

— Больше нежели я могу по пальцамъ перечесть.

Профессоръ впадаетъ въ торжественный тонъ.

— Глядя на барометръ, я спрашиваю себя: какъ приметъ этотъ дождь m-lle Роланъ?

— Можетъ быть, я могу вамъ это сказать.

Дѣвушка смѣется и показываетъ свои свирѣпыя зубы.

— Если я хорошо знаю m-lle Роланъ, то она послѣдуетъ

примѣру Дэй Пекумъ и ея отца. Если дождь будетъ продолжаться, она обратится къ стихіямъ съ такой рѣчью: „мнѣ это не нравится; не хочу! не надо!“

— А если, что весьма возможно, стихіи не послушаются?

— Тогда? Ну, тогда, подобно Дэй, m-lle Роланъ сядетъ на полъ, вытянетъ ноги и завоетъ, „*comme un beau diable*“. Довольны ли вы, любопытнѣйшій изъ людей?

Профессоръ отвѣшиваетъ такой низкій и церемонный поклонъ, что онъ могъ бы смутить другую дѣвушку. Но Евгенія ему по плечу.

— *Ma foi!*—воскликаетъ она:—вы не забыли уроковъ танцевальнаго учителя; но вѣдь и я также.

И съ насмѣшливой торжественностью присѣдаетъ передъ нимъ; и реверансъ, и сама дѣвушка—очаровательны. Какъ хотите, странно было бы, еслибы съ маленькими ножками, граціозной фигурой, головкой, осѣненной золотистыми волосами, и безукоризненно правильнымъ личикомъ съ красивыми голубыми глазами, пунцовыми губками и длинными рѣсницами—странно было бы, еслибы, обладая всѣмъ этимъ, Евгенія Роланъ не была очаровательна.

Лицо Франсуа Лами мѣняется. Его философія насчетъ глупыхъ женщинъ куда-то улетучивается. Онъ наклоняется къ сіяющей дѣвушкѣ.

— Евгенія! (какое право имѣетъ онъ называть ее такъ?) вы волшебница!

То было торжество красоты. Но каково! по какому-то роковому случаю не успѣвъ профессоръ проговорить этихъ словъ, на которыя ему отвѣчали смѣхомъ, какъ почувствовалъ, что на него устремлены другіе глаза, и, обернувшись, увидѣлъ, что то были глаза Маргариты Винельридь.

Когда она вошла? и какъ давно сидитъ на диванѣ? Слышала она то, что онъ сказалъ Евгеніи? Глаза ея печальны. Неужели она... И, не докончивъ мысленно фразы, профессоръ почувствовалъ нѣчто въ родѣ угрызенія совѣсти. На минуту онъ сдвинулъ брови и былъ очень недоволенъ самимъ собой.

— Прекрасно, прекрасно, на первый вопросъ я отвѣтила; теперь задавайте второй,—сказала Евгенія, довольная замѣшательствомъ, какое причиняла, и усѣлась на диванѣ у ногъ Маргариты.

Франсуа Лами придвинулъ стулъ, но ничего не говорилъ.

— Вопросъ номеръ второй! торопите *mon maître!*—повторила Евгенія, употребляя титулъ, какъ она увѣряла, свидѣтельствовала объ ея почтеніи къ бывшему учителю. И затѣмъ

тоже замолчала и занялась разглядываніемъ маленькой ножки или вѣрнѣе маленькаго французскаго башмачка, каблучокъ котораго она кокетливо уперла въ носокъ другого башмачка.

— Вопросъ?—засмѣялся профессоръ, глядя то на одну, то на другую дѣвушку и, наконецъ, переводя глаза на другой конецъ комнаты, гдѣ Марджери и Мервинъ Бинсъ стояли у окна.

— Да, вопросъ, вопросъ!—закричала Евгенія.

— Все въ свое время, миссъ Нетерпѣніе... Ну, извольте. Какъ вы объясните преобладаніе красивыхъ носовъ въ странѣ вѣчнаго дождя, гдѣ первое побужденіе каждаго ребенка, какъ только пойдетъ дождь, утѣнуться носомъ въ оконное стекло?.. Все дозволено на войнѣ и въ шутокъ... Отвѣтъ! отвѣтъ!—передразнилъ онъ нетерпѣливый тонъ Евгеніи.

На этотъ разъ смѣется Маргарита. У нея красивый смѣхъ, мелодичный и увлекательный. Прислушиваясь къ нему, Евгенія топаетъ каблучкомъ о полъ.

Больше ничего не было сказано. Дѣти стоятъ у окна, прижавъ носы къ стеклу. Со двора можно было бы прочесть на лицѣ у Марджери огорченіе пополамъ съ раскаяніемъ! Увы! вотъ чтò значить молиться въ постели! кто виноватъ, что такая дурная погода? Конечно, она сама! Даже стихіи возмущены преступленіемъ лѣни и скрытности въ маленькой англійской дѣвочкѣ. И вотъ одна слеза за другой покатались изъ большихъ голубыхъ глазъ вдоль по круглымъ щекамъ, прижимавшимся къ стекламъ, пока м-г Лами, подойдя на цыпочкахъ, не взялъ обѣими руками маленькую голову. Тогда слезы потекли какъ грязный дождь, смывая пыль съ оконныхъ стеколъ.

— Гдѣ мои ангелочки?—раздался голосъ въ дверяхъ столовой.

Въ одно мгновеніе лица обоеихъ дѣтей измѣняются. Недовольство, слезы—все исчезаетъ, и рука въ руку идутъ нормально послушныя дѣти на зовъ.

— Вы можете прибавить новую главу объ изученіи характеровъ къ своему сочиненію, профессоръ,—лукаво замѣчаетъ Маргарита, вставая и идя прихрамывая къ столу, вслѣдъ за дѣтьми.

— Благодарю васъ,—она беретъ поданную ей руку:—я еще страшно хрома.

Евгенія слѣдуетъ за ними, стиснувъ бѣлые зубы. Лишь постепенно, по мѣрѣ того, какъ столовая наполняется посѣтителями, проходитъ ея дурное расположеніе духа.

Компанія въ столовой пансіона Эдельвейсъ расположилась такимъ образомъ: м-г Лами у окна; напротивъ него капитанъ Мак-



набъ; у другого окна—мистеръ Люскомбъ-Бинсъ; напротивъ него — Жуанъ Люскомбъ-Бинсъ; между капитаномъ Макнабомъ и м-г Лами—Мервинъ Люскомбъ-Бинсъ; между Люскомбъ-Бинсъ, отцомъ и сыномъ, Марджеръ Люскомбъ-Бинсъ. М-г Лами, капитанъ Макнабъ и двое старшихъ Люскомбъ-Бинсъ стоятъ приблизительно въ одной и той же позѣ, болѣе или менѣе граціозно, прислонивъ голову къ оконной рамѣ и болѣе или менѣе живописно выставивъ впередъ ногу, а руки засунувъ въ карманы, и глазбють на дождь. Маленькіе Люскомбъ-Бинсы расплющили личиы на оконномъ стеклѣ.

Быть можетъ, нечего удивляться дѣтямъ, но нельзя не находить удивительнымъ, что взрослыхъ людей такъ неотразимо тянетъ къ окнамъ во время дожда. Правда, дѣлать-то имъ нечего, когда ихъ запрутъ въ четырехъ стѣнахъ. Очень немногіе изъ особъ того или другого пола любятъ читать, играть, пѣть или вообще чѣмъ-нибудь заниматься сейчасъ послѣ завтрака.

Женщины болѣею частью возятся съ своими тряпками, распарываютъ платья или передѣлываютъ шляпки; мужчины же, сколько извѣстно, не занимаются починкой сюртуковъ и отдѣлкой шляпъ. Это плачевное обстоятельство, быть можетъ, объясняетъ ихъ безцѣльное торчаніе у оконъ въ дождливое утро. Для иллюстраціи опасности такого положенія дѣлъ привожу разговоръ, произошедшій между м-г Лами и капитаномъ Макнабомъ въ то злополучное утро, съ котораго начиналась эта глава.

Капитанъ привыкъ рассказывать при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ объ одной исторіи, происходившей въ бытность его итонскимъ школьникомъ. Онъ началъ исторію, какъ водится:

— Это напоминаетъ мнѣ, профессоръ, что когда я былъ на школьной свамейгѣ...

— Plait-il?—отвѣтилъ профессоръ, въ глубокой разсѣянности изучавшій видъ изъ окна.

— Это напоминаетъ мнѣ...

Не успѣлъ капитанъ промолвить эти слова вторично, какъ м-г Лами вдругъ догадался, что онъ отлично слышалъ ихъ въ первый разъ. Въ крайнемъ смущеніи онъ повторилъ:

— Plait-il?

— Это напоминаетъ мнѣ...

Англичанинъ возвысилъ голосъ не безъ досады. Что-моль, французъ оглохъ, что ли?

М-г Лами вздрогнулъ, но ничего лучшаго не придумалъ, какъ пролепетать:

— Plait-il?

Это уже превышало мѣру человѣческаго терпѣнія. Капитанъ заревѣлъ:

— Создатель! сэръ, вы развѣ оглохли? Я говорилъ, что...

Неужели онъ опять начнетъ свою исторію съизнова. Призывая въ душѣ всѣхъ боговъ на помощь, м-г Лами придумалъ какой-то предлогъ и убѣждалъ отъ капитана. Мнѣ говорили достовѣрные люди, что послѣ этого капитанъ никогда больше не разсказывалъ исторіи, бывшей съ нимъ въ Итонѣ. Я слышала также, что съ этихъ поръ между нимъ и м-г Лами произошло нѣкоторое охлажденіе.

Въ то время, какъ происходила эта краткая бесѣда, партія у противоположнаго окна пребывала въ ненарушимомъ молчаніи. Она состояла, какъ выше сказано, изъ Люскомбъ-Бинсовъ, отца и сына, и маленькой Марджери. Бинсъ-сынъ подпалъ очарованію жестокой красавицы Евгеніи Роланъ, помыкавшей имъ на всѣ лады, и вдали отъ своего предмета впадалъ обыкновенно въ нѣкотораго рода оцѣпенѣніе. Отецъ же былъ вообще не изъ разговорчивыхъ. Итакъ, въ столовой воцарилось зловѣщее молчаніе, какъ бы служившее прологомъ въ жестокому удару, ожидавшему главнаго героя нашего разсказа.

Послѣ бѣгства отъ капитана, м-г Лами, вернувшись въ столовую, занялъ снова постъ у окна, изъ котораго были видны противоположная сторона улицы и соперничающій пансіонъ „Альпійской розы“. И вотъ, стоя тамъ, онъ вдругъ увидѣлъ, какъ какой-то джентльменъ цѣловалъ какую-то даму. Занавѣска у окна была кѣмъ-то отдернута на минуту, и эта картина отерялась его глазамъ, причемъ, къ вѣщному своему ужасу, онъ увидѣлъ, что дама та не кто иная, какъ Мари Минаръ.

Въ то время какъ онъ оцѣпенѣлъ отъ этого зрѣлища, какъ отъ взора Медузы, до него донеслось нѣчто среднее между вздохомъ и рыданіемъ, — быть можетъ, то и другое вмѣстѣ. Профессоръ принялъ немедленное рѣшеніе. Онъ направился къ дивану, съ котораго раздавался этотъ звукъ. Для человѣка, долгіе годы пробавлявшагося платоническою любовью, было нѣсколько странно такъ внезапно рѣшиться на заключеніе брака. Однако это такъ было.

— Маргарита! — сказалъ онъ.

Слово это на бумагѣ кажется просто. Но въ устахъ м-г Лами оно заключало цѣлый томъ, сущность котораго, выраженная кратко, означала:

— „Вы любите меня, моя бѣдная дѣвочка. Я благородный великій паша и сдѣлаю васъ своею“.

По крайней мѣрѣ такъ прочитала „томъ“ Маргарита и, взглянувъ въ лицо великаго паши, проговорила:

— М-г Лами, я слишкомъ огорчена, чтобы смѣяться, иначе вы могли бы разсмѣшить меня.

Отказъ всегда непріятенъ, получишь ли его отъ женщины, которую любишь, или отъ той, про которую думалъ, что она тебя любитъ. Великій паша въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль воображалъ, что Маргарита сохнетъ по немъ. Рѣшаясь на ней жениться, онъ приносилъ жертву, такъ какъ самъ не любилъ ея. И тѣмъ не менѣе ему досадно было узнать, что сердце ея принадлежитъ не ему, а другому. Ему было даже болѣе нежели досадно, въ виду дурацкой роли, которую онъ разыгралъ. Припоминая тонъ глубокаго снисхожденія, можно сказать, безконечной жалости, съ какимъ онъ къ ней обратился, онъ подумалъ, что онъ, необыкновенный человѣкъ, профессоръ Лами, попалъ въ... Нѣтъ! лучше не продолжать въ этомъ направленіи. Его тщеславіе возмутилось, и, какъ истинный сынъ Адама, онъ предпочелъ свалить всю вину на „женщину“.

Не прошло и получаса, какъ м-г Лами рѣшилъ, что онъ жертва женскихъ капризовъ; что Маргарита „играла его чувствами“. Въ этомъ состояніи духа ему пришло нѣсколько замѣчательныхъ мыслей въ голову, и онъ успѣшилъ занести ихъ въ свою книгу „Pensées“... мыслей о женщинахъ, о томъ, какъ Ева сговорила со змеемъ, чтобы опутать бѣднаго Адама, и такъ далѣе.

Но, покончивъ съ этимъ, онъ задумался надъ вопросомъ: „Кто поцѣловалъ Мари Минаръ?“

Гёте умѣлъ облекать сомнительныя мысли въ красивыя слова: — онъ сказалъ въ „Wahrheit und Dichtung“, что это весьма пріятное ощущеніе, когда новая страсть возникаетъ въ душѣ, прежде нежели замерла старая, и прибавилъ, что „такъ, во время солнечнаго заката, мы любимъ наблюдать восходъ луны“.

Частица автора „Dichtung und Wahrheit“ была и въ м-г Лами, а потому, въ то время какъ образъ Маргариты ступевался, ему пріятно было наблюдать, какъ оживалъ образъ Мари Минаръ.

„Кто поцѣловалъ Мари?“

Сжавъ кулаки, профессоръ сказалъ самому себѣ, что не можетъ долѣе оставаться въ нерѣшительности, и направился въ пансіонъ „Альпійской рвы“.

## XXI.

## СЛѢДСТВІЕ, ПРЕДПРИЯТОЕ м-в ЛАМИ.

Но прежде нежели довести до свѣденія читателя результатъ похода м-г Лами въ пансіонъ „Альпійской розы“, я должна заняться другимъ предметомъ, а именно, предыдущими усложненіями, виновницей которыхъ была Бабетта, и которыя повліяли на судьбу многихъ изъ моихъ героевъ, и въ особенности на судьбу м-г Лами. Въ одной изъ прежнихъ главъ настоящаго разсказа повѣствовалося о прибытіи въ Лепланъ педагогическаго штаба академіи м-ше Морель и о сенсаци, произведенной этимъ событіемъ. Между прочимъ, оно было виной того, что Бабетта, которой Маргарита Винкельридь поручила отнести письмо на почту, преспокойно сунула его въ карманъ и, зазѣвавшись на толпу учительницъ, тамъ его и позабыла. Несчастная Бабетта! она и не подозрѣвала, какую кашу заварила.

Маргарита Винкельридь была невѣстой нѣкоего Франца Бюргера. По семейнымъ обстоятельствамъ, свадьбу пришлось отложить, и это повело къ ея отъѣзду въ Женеву. Изъ Женевы она написала жениху письмо, гдѣ, между прочимъ, стоялъ слѣдующій постскриптумъ: „Кстати, въ домѣ есть сынъ, профессоръ—курьезный человѣкъ. Напишите мнѣ, какова его сестра“.

Русскіе говорятъ, что отъ копѣчной свѣчки Москва сгорѣла. Этотъ незначительный постскриптумъ былъ причиной безконечныхъ сердечныхъ терзаній. Францъ Бюргеръ изъ ревности посадилъ невѣсту, провожая ее въ Женеву, въ дамскій вагонъ, и, еслибы отъ него зависѣло только, оградилъ бы ее и впредь отъ всякаго общества, кромѣ женскаго. Каково же было ему узнать, что въ домѣ подъ № 29 въ Круа-д'Орь она находится подъ кровлей съ существомъ мужескаго пола, какимъ-то профессоромъ, „курьезнымъ человѣкомъ“ вдобавокъ. Влюбленные рѣдко бываютъ логичны, и Францъ Бюргеръ, при чтеніи письма невѣсты, обратилъ вниманіе только на постскриптумъ и отпустилъ десять страницъ колкости. Это письмо повело къ ссорѣ, въ результатѣ которой Францъ Бюргеръ рѣшилъ въ одно прекрасное утро, что Маргарита „больше для него не существуетъ“.

Однако, по прошествіи сутокъ, почувствовалъ, что это не такъ, что она не только „существуетъ“, но и неотступно преслѣдуетъ его.

„Милая Маргарита, — написалъ онъ немедленно: — я былъ грубъ и глупъ. Простите меня, мое сокровище, и позвольте къ

вамъ пріѣхать. Одно словечко въ отвѣтъ вашему неизмѣнному Францу“.

Отвѣтъ на это письмо былъ порученъ Бабеттѣ и забытъ ею въ карманѣ. Когда она спохватилась объ этомъ, прошло добрыхъ двѣ недѣли, а тѣмъ временемъ два сердца изнывали и чуть было не разбились. Къ счастью, послѣдняго не случилось. Наскучивъ ждать, Францъ Бюргеръ рѣшилъ ѣхать, не дожидаясь разрѣшенія, и отправился въ Швейцарію въ мѣстечко Лепланъ. Первый человѣкъ, котораго онъ встрѣтилъ, подходя къ пансіону Эдельвейсъ, былъ м-г Лами.

## XXII.

Судьба и столкновеніе, ею вѣванное.

М-г Лами чувствовалъ себя оскорбленнымъ; онъ былъ несчастливъ не до такой степени, чтобы посягнуть на свою жизнь, но достаточно, чтобы выйти въ дождь на улицу и рисковать простудиться. Благодаря этому отчаянному поступку, нѣсколько минутъ позже онъ „столкнулся“, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, съ Францемъ Бюргеромъ: оба джентльмена, прикрывшись зонтиками, бѣжали со всѣхъ ногъ, пока не сцѣпились зонтами. Это было пренепріятное столкновеніе, тѣмъ болѣе, что, подобно другимъ такимъ же пагубнымъ столкновеніямъ, оно произошло, — употребляю излюбленное журналистами выраженіе — „по непростительнѣйшей небрежности“; вороче сказать, то было одно изъ тѣхъ столкновеній, какія побочный зритель, незнакомый съ вѣднїями судьбы, считаетъ случайными, а не неизбѣжными. Человѣкъ, не согласный вѣрить въ то, чтобы на звѣздахъ было написано (употребляю это нѣсколько цвѣтистое выраженіе), чтобы дождевые зонтики гг. Лами и Бюргера сцѣпились въ этотъ данный моментъ, свептивъ, хладнокровный, прозаичный, воскликнетъ: — Судьба! какъ бы не такъ! Увольте меня отъ судьбы и объясните, какъ случилось, что два существа, принадлежащія къ разумному полу и надѣленные каждый пятидесятью унціями мозга, сцѣпились зонтиками, идучи въ различномъ направленіи? или они это сдѣлали нарочно?“

Должно быть. По крайней мѣрѣ обстоятельства наводятъ на эту мысль. Тѣмъ не менѣе утверждаю, что такое столкновеніе вовсе не входило въ расчеты гг. Лами и Бюргера. Профессоръ держалъ свой зонтикъ криво. Можетъ быть, онъ это дѣлалъ для того, чтобы дождь могъ сильнѣе мочить его, такъ какъ въ тѣхъ горестныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ онъ находился, ему

приятно было подставлять голову ударамъ судьбы, и при этомъ дѣлать видъ, что онъ отъ нихъ обороняется, чему доказательствомъ долженъ былъ служить раскрытый зонтикъ. Можетъ быть, онъ держалъ зонтикъ криво просто отъ того, что былъ разстроенъ. Какъ бы то ни было, но онъ пробилъ своимъ зонтикомъ зонтикъ Франца Бюргера. Tableau!

Двѣ женщины, очутившись въ такомъ отчаянномъ положеніи, съ зонтиками, превратившимися въ сіамскихъ близнецовъ, вырвали бы ихъ изъ рукъ и стали бы браниться, или же увѣрять другъ друга, что это ровно ничего не значить, напротивъ того, даже очень приятно. Но мы имѣемъ дѣло не съ женщинами, а съ двумя мужчинами, и изъ нихъ одинъ французъ, другой нѣмецъ. Держа зонтики на подобіе щитовъ, м-г Лами и Францъ Бюргеръ не уступали ни пяди другъ другу. Съ секунду они стояли въ нерѣшительности другъ передъ другомъ, затѣмъ м-г Лами, какъ зачинщикъ, яростно высвободилъ свой зонтикъ и готовился извиниться, какъ вдругъ, съ быстротой вдохновенія, его поразила мысль: — *Вотъ человекъ, поцѣловашій Мари Минаръ!*

Странно сказать, въ то же самое мгновеніе Францъ Бюргеръ подумалъ:

— *Это „сынъ“, профессоръ, „курьезный“ человекъ!*

У каждой націи есть свой талантъ. Французамъ принадлежитъ умѣнье быть нелѣпыми въ совершенствѣ.

— Monsieur, — сказала Франсуа Лами, приподнимая шляпу и держа ее подъ такимъ угломъ, который означаетъ: „вашъ покорнѣйшій и преданнѣйшій слуга“: — я бы извинился передъ вами, но есть причины, по которымъ я чувствую величайшее удовольствіе, что доставилъ вамъ маленькую неприятность.

Францъ Бюргеръ былъ нѣмецъ; а нѣмцы славятся тѣмъ, что принимаютъ жизнь въ серьезъ во всѣхъ ея видахъ. Онъ совсѣмъ не оцѣнилъ комичности зрѣлища, представляемаго французомъ, съ обнаженной головой подъ дождемъ, изрекающимъ спичъ съ таинственной и до крайности нелѣпой примѣсью любезности и дерзости. Не думая ни минуты, что онъ могъ быть жертвой недоразумѣнія, Францъ запальчиво отвѣчалъ:

— Вы, право, большой забавникъ, сэръ. Прикажете понять ваши слова такъ, что еслибы вмѣсто зонтика вы прокололи мнѣ глазъ, то были бы еще довольнѣе?

М-г Лами не отвѣчалъ словами, но съ такой улыбкой накрылся шляпой, что ясно слѣдовало: — Вы угадали!

Послѣ чего джентльмены обмѣнялись визитными карточками, и дуэль была назначена на послѣ-завтра.

## XXIII.

Опять таинственный мужчина.

Для женщины совсѣмъ непостижимо, какъ могутъ двое мужчинъ, вознамѣрившихся отправить другъ друга на тотъ свѣтъ, спокойно разговаривать о новостяхъ дня и о погодѣ. Однако это бываетъ. М-г Лами и Францъ Бюргеръ, вызвавъ другъ друга на дуэль, вмѣстѣ вошли въ мѣстечко, Францъ Бюргеръ, бросившій перчатку и видѣвшій, какъ ее поднялъ профессоръ, попросилъ послѣдняго показать ему дорогу въ пансіонъ Эдельвейсъ, а м-г Лами, вызвавшій раздраженіе противника, объявилъ, что съ величайшимъ удовольствіемъ проводить его куда угодно, хоть на край свѣта. Послѣ такихъ вѣжливостей странная чета направилась въ гостиницѣ.

Было бы нелѣпо сравнивать двухъ джентльменовъ девятнадцатаго вѣка съ Ундиной или кѣмъ-нибудь изъ ея сестеръ; но, право же, гг. Лами и Бюргеръ скорѣе доплыли, нежели дошли до мѣста назначенія. М-г Лами остановился на минуту около бесѣдки, принадлежавшей къ саду „Альпійской розы“, съ тѣмъ, чтобы отрясти воду съ зонтика, какъ вдругъ услышалъ смѣхъ, — смѣхъ, который онъ узналъ бы изъ тысячи, хотя до этого слышалъ его всего одинъ разъ, въ школьной комнатѣ. Смѣялась Мари... Зачѣмъ она здѣсь? Онъ поглядѣлъ сквозь зеленныя вѣтки. Положительно, это Мари, и она думаетъ, конечно, что ее никто не видитъ, потому что вокругъ ея тапи—о, ужасъ!—обвилась рука чловека въ сюртукѣ, а надъ ея лицомъ—верхъ неприличія!—склонилась голова въ мужской шляпѣ.

Бѣдный м-г Лами чуть не застоналъ.

— Чтѣ вы увидѣли? — спросилъ нѣмецъ.

— Домъ, который вы ищете, напротивъ насъ, — отвѣчалъ профессоръ не совсѣмъ логично. — Вонъ окна Эдельвейса видны изъ за деревьевъ.

— Благодарю васъ.

Францъ Бюргеръ остановился. Онъ зналъ, что м-г Лами живетъ въ Эдельвейсѣ. — Неужели вы хотите гулять въ такую погоду? — спросилъ онъ съ естественною заботливостью, какую чувствуетъ чловекъ въ здоровью другого, котораго онъ надѣется собственноручно отправить къ праотцамъ.

— Не беспокойтесь. Мнѣ надо сходить на почту, — отвѣтилъ м-г Лами сухо. — По всей вѣроятности мы увидимся сегодня за ужиномъ. А пока до свиданія.

На секунду шляпы приподнялись и продержались подъ противоположнымъ угломъ, и затѣмъ джентльмены разстались.

## XXIV.

Эпизодъ съ Борегаромъ.—Евгенія въ послѣдній разъ закидываетъ удочку.

Мы сообщали въ началѣ нашего повѣствованія, какъ джентльменъ съ громкимъ именемъ Борегаръ де Беландруа оказалъ необыкновенную честь, по мнѣнью м-ше Лами, попросивъ у нея руки дочери. Мы сообщали также о негодованіи, охватившемъ м-ше Лами, когда дочь наотрѣвъ отказалась отъ предложенной чести. Для того, чтобы то, что мы расскажемъ теперь, было понятно, необходимо объяснить, какимъ образомъ м-г Борегаръ де Беландруа унижился до того, чтобы выбрать жену въ семьѣ, хотя и считавшей генія въ числѣ своихъ членовъ, но по общественному положенію стоявшей ниже Борегара де Беландруа. Подобные браки могутъ быть терпимы въ императорскомъ Берлинѣ или въ Лондонѣ, но въ добромъ республиканскомъ городѣ, какъ Женева, такіа *mésalliances* не допускаются.

Причина такого страннаго поведенія со стороны м-г Борегара заключалась въ томъ, что, встрѣтивъ Николетту Лами на одномъ вечерѣ, онъ былъ настолько пораженъ ея наружностью и манерами, что позволилъ себѣ говорить о ней съ большой вольностью въ ресторанѣ Сен-Жюльенъ, прихвастнувъ (у него нестати развязался язычокъ отъ прекраснаго вина, выпитаго въ неумѣренномъ количествѣ), что имѣетъ основаніе думать, что восхищеніе обоюдное. Къ несчастію м-г Борегара, онъ былъ не только ограниченъ, но и страшно близорукъ. Не будь этого, онъ бы увидѣлъ, что въ числѣ посѣтителей ресторана находился и братъ Николетты. Послѣдній подошелъ къ нему и, глядя пристально въ глаза, проговорилъ:

— Вы не настолько пьяны, милостивый государь, чтобы не понять, если я скажу вамъ, что вы лгунъ и хвастунъ. Извольте выбирать одно изъ двухъ: или дуэль со мной, или предложеніе дѣвушкѣ, чье имя вы связываете съ своимъ: вы обязываетесь доставить мнѣ письменный отвѣтъ: „принято“ или „отвергнуто“.

Всѣ затаили дыханіе, пока м-г Борегаръ собрался отвѣтить, и что онъ, наконецъ, сдѣлалъ очень дерзко, съ свойственной ему противной улыбочкой, объявивъ, что такъ какъ ему предлагаютъ выборъ между смертью и хорошенькой женой, то нѣтъ никакого



сомнѣнія въ томъ, что онъ выберетъ послѣднее. Улыбочка, однако, скоро пропала, когда, договоривъ, онъ встрѣтилъ пристальный взглядъ м-г Лами. Протягивая ему руку, онъ прибавилъ:

— Конечно, вы будете честно вести себя въ этомъ дѣлѣ. Я полагаюсь на вашу честь, въ томъ отношеніи, что на сестру вашу не будетъ оказано никакого давленія. Вашу руку на томъ.

Но м-г Лами заложилъ руки за спину.

— Даю честное слово вамъ и этимъ джентльменамъ, что сестру не будутъ отговаривать. Что касается вашей руки, то, извините, я пожму ее только тогда, когда она ее приметъ.

И, пожелавъ добраго вечера присутствующимъ, профессоръ вышелъ изъ ресторана.

Знаѣ м-ше Лами объ этой сценѣ, ея гордость очевидно была бы не столь польщена, когда на слѣдующее утро она получила письмо отъ м-г Борегара съ просьбой дозволить ему переговорить съ ея дочерью. Но она ничего не знала, а потому ласково согласилась. Тѣмъ сильнѣе была досада Борегара, когда Николетта отказала ему вѣжливо, но безповоротно, прибавивъ, что ей очень жаль огорчать человѣка, котораго она считала хорошимъ и стариннымъ знакомымъ брата. Все это было сказано очень мило и граціозно.

М-г Борегаръ выслушалъ молча и напелъ, что дѣвушка просто очаровательна. Мысль эта такъ овладѣла имъ, что выразилась въ неосторожныхъ словахъ:

— Но, *mademoiselle*, увѣрю васъ, что теперь я люблю васъ, честное слово!

Дѣвушка перемѣнилась въ лицѣ.

— Только *теперь*! чему же я обязана была раньше вашимъ предложеніемъ?

— Постойте...

М-г Борегаръ слабо улыбался.

— Прошу васъ объясниться съ братомъ.

И, растворивъ дверь въ кабинетъ брата, она вызвала его, сверкая глазами.

— Должна ли я понять, Франсуа, что ты и мама разрѣшили этому господину сдѣлать мнѣ предложеніе для потѣхи? Я бы ни въ какомъ случаѣ не приняла его, но, сколько я могу судить, оно сдѣлано въ шутку.

Слезы навернулись у нея на глазахъ; Франсуа увидѣлъ это и мягко увелъ изъ комнаты разсерженную дѣвушку.

Что касается м-г Борегара, то онъ бросился на кушетку, и такъ его засталъ профессоръ, вернувшись.

— Надѣюсь, что вы убѣдились, что на сестру не было оказано давленія,—холодно сказалъ послѣдній.—Будьте такъ добры написать, какъ было условлено, результатъ вашего предложенія на этомъ листѣ бумаги. Чернила и перо въ вашимъ услугамъ. Одно только слово: „отвергнуто“—и вашу подпись. Этого достаточно. Нѣтъ, не карандашемъ!—видя, что Борегаръ вынулъ карандашъ изъ кармана.

— Peste! такъ подвиньте мнѣ чернильницу.

— Нѣтъ!..

Короткое словечко это прозвучало тѣмъ внушительнѣе, что было сказано французомъ, языкъ и обычай котораго не позволяютъ такой невѣжливой краткости.

Monsieur Борегаръ поглядѣлъ на чернильницу взглядомъ ребенка, котораго распекли, затѣмъ сердито всталъ и неохотно подошелъ къ столу. Тамъ онъ написалъ слова: „Отвергнуто Бернаръ Борегаръ де Беландруа“,—на бумагѣ, поданной ему профессоромъ, и затѣмъ вышелъ изъ комнаты.

Съ той поры и до того времени, какое описывалось въ предыдущихъ главахъ, м-г Лами и Борегаръ не встрѣчались. Судьба свела ихъ ровно черезъ часъ послѣ того, какъ м-г Лами и Францъ Бюргеръ пожелали другъ другу: „доброй вечеръ“, съ той щепетильной вѣжливостью и натянутымъ поклономъ, которые характеризуютъ прощанье цивилизованныхъ людей всего міра, когда они преисполнены самыхъ невѣжливыхъ чувствъ.

Покончивъ дѣла на почтѣ и слоняясь по дождю, м-г Лами чувствовалъ себя несчастнѣйшимъ человекомъ въ мірѣ, до того раздавленнымъ судьбой, что вынужденъ былъ сѣсть на пенъ. Въ этомъ положеніи передъ его мысленными очами проносился рядъ женщинъ... и каждая—въ этомъ-то и заключалась вся горечь—подъ руку съ кавалеромъ. Не говорю уже о Бланшъ и Лили, которыя разочаровали его, выйдя замужъ въ эпоху, предшествовавшую этому разсказу; онъ никогда не помышлялъ вести ихъ къ алтарю; но тѣмъ не менѣе обидно было, что онѣ могли выйти замужъ за другихъ.

Не говорю уже о Пакеретъ и Лулу, которыя, въ его огорченію, вышли замужъ уже послѣ начала нашей исторіи, хотя, по правдѣ сказать, огорченіе длилось не долго; но чтѣ сказать про Маргариту подъ руку съ Францемъ, и этотъ Францъ—опять не онъ! Чтѣ сказать про Мари, вокругъ талии которой обвился рукавъ джентльмена, и этотъ джентльменъ—опять не онъ!

— Можно, право, заплакать съ горя!—пробормоталъ онъ.

И вытащилъ изъ кармана большой носовой платокъ; но не

затѣмъ, чтобы приложить его къ глазамъ, а чтобы обязать его вокругъ шеи.

Онъ уже подумывалъ о томъ, что пора бы вернуться домой, какъ вдругъ шелестъ платья заставилъ его оглянуться.

— Евгенія!

Да, то была она. Въ ватерпруфѣ, съ капюшономъ на головѣ, она стояла передъ нимъ. Для Евгеніи было бы триумфомъ на всю жизнь, еслибы ей удалось привести своего учителя къ своимъ ногамъ, и еще одно мгновение—и Франсуа Лами попался бы въ сѣти. Онъ уже направлялся къ дѣвушкѣ, когда судьба вмѣшалась самымъ пикантнымъ образомъ и оказала ему услугу черезъ посредство злѣйшаго врага.

М-г Борегаръ подошелъ къ нимъ.

— Быть можетъ, вамъ неизвѣстно, профессоръ, — сказалъ онъ, мѣряя глазами огорченнаго ученаго, — что m-lle Роланъ моя невѣста. Будьте такъ добры, теперь, когда вы узнали объ этомъ обстоятельстве, хорошенько запомните его.

— Разумѣется.

М-г Лами немедленно оправился.

— Ваша невѣста? вотъ какъ! Позвольте попросить васъ напомнить мнѣ объ этомъ обстоятельстве, m-lle Роланъ!

— Милостивый государь!

М-г Борегаръ поблѣднѣлъ, но не поднялъ перчатки. Въ слѣдующій моментъ онъ и Евгенія остались одни.

— Mon ami, — сказала дѣвушка съ вурьезной улыбкой: — вы трусь!.. Нѣтъ, молчите; все равно, теперь уже рѣшительно все равно. Я, какъ вы сказали, ваша невѣста.

И, не говоря больше ни слова, она взяла его подъ руку.

## XXV.

М-в Лами оглядывается на прошлое и заглядываетъ въ будущее.

Вскорѣ послѣ описанной выше сцены, м-г Лами вернулся въ Эдельвейсъ и прямо прошелъ въ свою комнату. Тамъ онъ снялъ сюртукъ, надѣлъ халатъ, спросилъ чашку чаю и, потягивая ароматическій напитокъ, сталъ просматривать неизданное сочиненіе своего любимаго автора: Франсуа Лами. Чувства, выраженные въ немъ, были по большей части окрашены глубокой меланхолей, и это вполне соответствовало настроенію профессора. Но, прочитавъ отрывки изъ своей книги—одинъ, другой, онъ былъ не-

пріятно пораженъ ихъ сравнительной веселостью, какъ будто уязвившей, что ихъ авторъ, этотъ страдалецъ, все же знакомъ съ радостями жизни. Онъ грустно улыбнулся, когда эта мысль поразила его, и набросалъ нѣсколько замѣчаній на поляхъ страницъ, гдѣ находились эти отрывки; онъ безъ сомнѣнія зачеркнулъ бы послѣдніе, еслибы неудовольствіе суетнымъ настроеніемъ ума, на которое они намекали, не смягчалось весьма естественной гордостью той чрезвычайно красивой формой, въ какую они были облечены. Въ концѣ концовъ, м-г Лами, отложивъ въ сторону рукопись, оперся локтями на столъ и предался мыслямъ обычнымъ, когда онъ бывалъ въ меланхоли, и вертѣвшимся на прошлыхъ горестяхъ. Результатъ бываетъ всегда успокоительный, хотя процессъ самъ по себѣ слишкомъ методиченъ, а потому болѣе пригоденъ для французскаго ума, нежели для англійскаго.

Вмѣсто того, чтобы удовольствоваться печалью объ утратѣ Мари, которая наиболѣе занимала его мысли въ послѣднее время, онъ сталъ размышлять сначала объ „измѣнѣ“ Маргариты, хотя кромѣ восхищенія ея красотой не питалъ къ ней ровно никакого чувства, и ему было только пріятно думать, что она такъ очарована имъ, что никого другого для нея не существуетъ въ мірѣ.

Послѣ того онъ заставилъ себя взбѣситься „предательствомъ“ Евгеніи, которая до сихъ поръ внушала ему положительную антипатію. Но ему и тутъ лестно было думать, что она подъ уши влюблена въ него. Послѣ того уже онъ перешелъ къ главной обидчицѣ и вызвалъ въ памяти образъ Мари, съ таліей, охваченной мужскимъ рукавомъ, и съ мужской шляпой, склонившейся надъ ея лицомъ. То, что онъ не зналъ, кому принадлежитъ рукавъ и шляпа—только усиливало его неудовольствіе. Онъ вызвалъ на дуэль челоуѣка ни въ чемъ неповиннаго, безвреднаго случайнаго посѣтителя; между тѣмъ какъ тотъ, кого онъ всего охотнѣе отправилъ бы на тотъ свѣтъ, былъ знакомъ ему только по рукаву и по шляпѣ.

Да, Мари была главной обидчицей. Ей онъ никогда не проститъ. Если хотите непременно знать, то онъ уже простилъ Маргаритѣ. Она выказала очень дурной вкусъ, когда отказала ему, но все же онъ ее не любилъ. И если вамъ любопытно это знать, то онъ простилъ и Евгеніи. Она упала въ его глазахъ съ высоты, которая никогда не была очень значительна, но вѣдь и ее тоже онъ никогда не любилъ.

Что касается Мари—то другое дѣло. Глухой, чуть слышный голосъ твердилъ м-г Лами уже нѣсколько недѣль сряду:—это

болѣе нежели преходящее увлеченіе, это будетъ une grande passion! Онъ чувствовалъ, что любилъ Мари.

Фи! какъ это ужасно! м-г Лами вѣрилъ въ сродство душъ, вѣрилъ непреложно, что стѣитъ ему только полюбить женщину, чтобы она тоже полюбила его, и вотъ вдругъ... онъ заерылъ лицо руками. Подъ ея именемъ какъ разъ онъ написалъ въ своей курьезной книгѣ: „Она мнѣ нравится. Я на ней женюсь“.

Профессору стало не въ мочь, когда онъ раздумался обо всемъ этомъ. Онъ всталъ и заходилъ по комнатѣ. Она была невелика. Комнаты въ Эдельвейсѣ не отличались своими размѣрами. Одною м-г Лами она могла бы, положимъ, вмѣстить, но для м-г Лами съ его горемъ оказывалась тѣсною, тѣмъ болѣе, что онъ не ходилъ, а „шагалъ“. Извѣстно вѣдь, что когда человѣкъ прохаживается для моціона, то онъ просто „ходитъ“, а когда онъ трагически настроенъ, то „шагаетъ“.

М-г Лами стало тѣсно въ комнатѣ, и онъ вышелъ на крытую веранду, куда выходила дверь его комнаты и другой, ничѣмъ незанятой.

Побродивъ тамъ, м-г Лами готовился уже вернуться въ комнату, убѣдившись, что не совсѣмъ удобно ходить въ халатѣ въ помѣщеніи, гдѣ вѣтеръ свободно разгуливалъ и игралъ его кудрями, какъ вдругъ услышалъ въ „незанятой“ комнатѣ звукъ поцѣлуя.

Онъ обернулся. Настоящій герой романа не обернулся бы. Онъ, по чудесному стеченію обстоятельствъ, или бы увидѣлъ, не оборачиваясь, то, что ему нужно было видѣть; или же бы не увидѣлъ, потому что, не обернувшись, нельзя было бы увидѣть, а онъ, несмотря на страстное желаніе, ни за что не обернулся бы.

Должна сознаться, что чрезвычайно какъ восхищаюсь такимъ героемъ въ отвлеченности, но въ жизни мнѣ не случалось встрѣтить такого. М-г Лами, повторяю, обернулся. Онъ сдѣлалъ болѣе того. Онъ опять прошелся по верандѣ, какъ бы нечаянно, но, въ сущности, лишь затѣмъ, чтобы заглянуть въ вышеупомянутую комнату.

Это, конечно, такого рода поступокъ, отъ котораго каждый изъ насъ въ отвлеченности отвращается; но было ли бы благо-разумно или по-христіански отвернуться въ дѣйствительности отъ человѣка, совершившаго его—другой вопросъ. Прошу снисхожденія для м-г Лами. То, что онъ видѣлъ, послужило достаточнымъ для него наказаніемъ.

Онъ увидѣлъ двѣ головы: одну приподнятую, другую наклоненную; послѣдняя—голова мужчины съ свѣтлыми волосами, за-

чесанными назадъ съ большого бѣлаго лба; другая, приподнятая — женская, тоже съ свѣтлыми волосами и такимъ же бѣлымъ лбомъ. Мужская голова наклонилась въ женской и бѣловурные усы коснулись розовой щеки.

Гѣте сдѣлалъ бы изъ этого идиллію подъ заглавіемъ: „*Vegegning*“. Нашъ поэтъ, м-г Лами, проговаривалъ только: — *Joli, ça!* — и, будучи джентльменомъ, хотя и любопытнымъ, осторожно удался.

## XXVI.

### О МУЖЧИНАХЪ, ПРАВЯЩИХСЯ ЖЕНЩИНАМЪ.

Первая вещь, какую сдѣлалъ м-г Лами, когда вернулся на этотъ разъ въ свою комнату, это протяжно и внушительно засвистать. Послѣ того онъ сѣлъ въ кресло и снова засвисталъ. Онъ поссорился не съ тѣмъ, съ кѣмъ слѣдовало. Теперь это стало яснѣе, чѣмъ когда-либо. Онъ нахмурился. Для уравновѣшеннаго ума не можетъ быть болѣе неприятной вещи, какъ такое сознаніе, а умъ м-г Лами былъ изъ самыхъ уравновѣшенныхъ.

М-г Лами мысленно перебралъ все мужское населеніе Леплана. Оно было, какъ извѣстно читателю, немногочисленно. Я сожалею, что такъ мало особъ мужскаго пола фигурируетъ въ моемъ разсказѣ, и что мнѣ приходится почти исключительно заниматься однимъ джентльменомъ. Но я убѣдительнѣйше прошу читателя не забывать того факта, что этотъ джентльменъ былъ по существу дамскій кавалеръ; а дамскій кавалеръ никогда не пользуется расположеніемъ своего пола. Мало того: большинство мужчинъ считаютъ такого мужчину жалкимъ существомъ, поврежденнымъ и испорченнымъ. Объяснить это очень трудно. Невольно думается, не зависть ли играетъ тутъ роль, хотя ни одинъ мужчина, конечно, не допустить даже отдаленной мысли о возможности такого въ немъ чувства. А потому бесполезно и намекать на это.

Вездѣ, гдѣ появлялся м-г Лами, толпились дамы и отсутствовали мужчины. Дамы превозносили его до небесъ. Мы знаемъ, что даже его манера приподнимать шляпу вызывала восклицанія: „просто мечта!“ „цѣлая поэма!“ „божественный!“ Зовите, если хотите, это увлеченіемъ, но если вы спуститесь этажемъ ниже въ обществѣ, то услышите то же самое. Фрау Мецле объявила, что пансіонъ, гдѣ онъ остановится, будетъ биткомъ набитъ жильцами — и „безъ всякихъ зеленыхъ ставень“, — находила она нужнымъ

прибавить. М-ше Огёе неопредѣленно замѣчала, что онъ можетъ наполнить два пансіона жильцами, и, пожалуй, не лишнее будетъ завести и третій. Фрау Мецле — мать, скупая на похвалы, говорила: — Очень современный господинъ, но мнѣ все-таки нравится. — Горничная фрау Мецле, спрошенная о томъ, какъ она находитъ м-г Лами, отвѣчала: — О, могу ли я судить о такомъ прекрасномъ господинѣ!

И при этомъ вся зарумянилась и просіяла.

Сравните теперь съ этими замѣчаніями то, что говорили мужчины.

Капитанъ Макнабъ: — Въ твои годы, Олимпія! И, ради самого неба, что ты нашла такого въ этомъ арлекинѣ?

М-г Борегаръ: — Слезы, Евгенія? Неужели онъ вамъ такъ милъ?

М-ръ Люскомбъ-Бинсъ сениоръ (и, какъ всегда, некстати): — Онъ умѣетъ отличить хорошенькую дѣвушку отъ дурной, это вѣрно. Кажется, онъ не очень-то льнетъ къ тебѣ, милая Отти?

М-ръ Хуанъ Люскомбъ-Бинсъ (желая быть остроумнымъ): — О! прелесть, прелесть! другіе смертные — дрянъ въ сравненіи!

Францъ Бюргеръ: — Такъ это-то профессоръ! Ну, ужъ не знаю, чѣмъ еще будутъ восхищаться женщины!

Къ этимъ мнѣніямъ присоединимъ возгласъ м-г Мённе (владѣльца лукавой лошади): — Тьфу! то ли дѣло его мать! Стоитъ троихъ мужчинъ, какъ онъ!

М-г Луи Огёе (съ многозначительнымъ взглядомъ): — Мнѣ кажется, я понимаю, что въ немъ очаровываетъ женщинъ. Я самъ...

Но вернемся къ нашему злополучному поэту. Мы оставили его перебирающимъ въ умѣ тѣхъ немногихъ джентльменовъ, которые вмѣстѣ съ нимъ временно избрали своей резиденціей Лепланъ. Это занятіе до того поглотило его вниманіе, что онъ удивился, когда нечаянно взглянулъ на часы. — Какъ! уже семь часовъ! сейчасъ, значить, позвонять къ ужину.

И, воскликнувъ это, м-г Лами вскопчилъ и занялся своимъ туалетомъ.

## XXVII.

Дождливый вечеръ въ швейцарскомъ пансіонѣ.

Было не семь часовъ, а только шесть. Что джентльменъ въ разстроенномъ состояніи духа можетъ принять одну римскую цифру за другую — это, полагаю, никого не удивить. Но пока м-г Лами

совершаетъ свой туалетъ, заглянемъ въ гостиную и посмотримъ, что дѣлаютъ наши знакомцы.

М-ше Лами читаетъ книгу, часто содрогаясь отъ внутренняго неслышнаго смѣха, потому что книга забавляетъ ее, тѣмъ болѣе, что она находитъ ужасно потѣшнымъ, что сынъ опять вздумалъ провести ее, напечатать подъ nom de guerre эти очерки, гдѣ въ каждой строчкѣ, мало того—въ каждомъ словѣ она узнаетъ его мысли и языкъ. Она, конечно, не станетъ больше говорить съ нимъ объ этомъ, хотя эта манія писать подъ псевдонимомъ, право, уморительна. Недалеко отъ нея сидитъ миссъ Макнабъ и рисуетъ, по обыкновенію, сепіей. Въ эту минуту, впрочемъ, она не рисуетъ, но разглядываетъ свое произведеніе, отдаливъ его вытянутой рукой и наклонивъ голову на-бокъ, въ позѣ излюбленной Леонардо да Винчи. Она довольна своимъ рисункомъ и кокетливо улыбается.

Братъ ее засѣдаетъ поодаль и занятъ особаго рода расчетомъ. Младшій сынъ содержательницы пансіона „Альпійской розы“, м-ше Огье, сообщилъ ему, что онъ и его товарищи глубоко огорчены дождемъ, такъ какъ собирались идти рвать эдельвейсы, и капитанъ, въ порывѣ добраго сердца, чтобы утѣшить мальчика, пообѣщалъ ему купить у него весь сборъ этого интереснаго цвѣтка, когда погода позволитъ идти за нимъ. Отъ такого великодушнаго предложенія у Огье младшаго занялся духъ. Но теперь капитана поражаетъ мысль, что онъ могъ бы выторговать соответствующую уступку въ цѣнѣ, и онъ сообщилъ свою мысль миссъ Пекумъ, которая, съ лукавымъ блескомъ въ глазахъ, совѣтуетъ ему собрать или поручить Огье младшему набрать толпу мальчишекъ, которые бы обшарили горы въ поискахъ за интереснымъ растеніемъ. Тогда, конечно, ему удастся скупить его у нихъ за безцѣнокъ, за отсутствіемъ всякихъ другихъ покупателей и въ виду того, что онъ заберетъ товаръ оптомъ.

— Вы думаете?

Капитанъ вскочилъ на ноги.

— Да, это хорошая мысль. Позвольте пожать вамъ руку, миссъ Пекумъ. Вы умная женщина. Я бы желалъ, чтобы вы были моей сестрой.

„Его сестрой?“ Миссъ Пекумъ устремляетъ на него молніеносный взглядъ.

„Его сестрой?“ Для этого ли она повѣдала ему, что должна получить наслѣдство отъ дяди; для этого ли завивала и припекала щипцами волосы; для этого ли завела дѣвическую дружбу съ его противной сестрой? Неужели онъ думаетъ, что она пере-



несла бы его въ качествѣ брата? Нѣтъ! презрѣвъ его протянутую руку, маленькая лэди съ длинной таліей встала и вышла изъ комнаты.

Этотъ не совсѣмъ пріятный tête-à-tête прошелъ незамѣченнымъ, благодаря непрерывному шуму, издаваемому на фортепіано пальцами миссъ Люскомбъ-Бинсъ, которая, непрощенная, цѣлыхъ битыхъ два часа упражняется для вящаго удовольствія компаніи и самой себя.

Рѣдко у кого не бываетъ какой-нибудь любимой антипатіи. Гёте, который болѣе, чѣмъ всякій другой человѣкъ, легко принималъ жизнь, раздражался лаемъ собакъ, а Шопенгауэръ, который болѣе чѣмъ всякій другой человѣкъ находилъ жизнь вещью тяжелой, особенно не выносилъ хлопанья бича. Спустившись изъ царства генія въ область, отведенную простымъ смертнымъ, мы всё можемъ указать на любимыя антипатіи у нашихъ друзей и знакомыхъ. Одинъ содрогается при одномъ названіи рисоваго пуддинга; другой считаетъ, что жизнь была бы сносна, еслибы не шарманки; третій находитъ невозможнымъ быть вѣжливымъ съ рыжими людьми; а четвертый выходитъ изъ себя, если ему приходится приплатить за получаемое письмо, въ которомъ больше вѣса, нежели думалъ отправитель. Зная, что такіе случаи многочисленны, я рѣшаюсь сознаться, что въ числѣ многихъ любимыхъ антипатій я особенно ненавижу такъ-называемую музыку, которая является въ результатѣ работы руками, плечами, спиной и ногами на инструментѣ, который если и былъ когда-либо фортепіано, въ данную минуту уже не заслуживаетъ больше этого названія. Таковъ былъ инструментъ въ Эдельвейсѣ—разбитая, разстроенная развалина, не безъ нѣкотораго пагоса въ своемъ родѣ, еслибы только никто не прикасался въ его пожелтѣвшимъ отъ времени клавишамъ,—никто съ тѣхъ поръ, какъ на немъ перестали играть дѣвушки, глядѣвшія такъ мечтательно, и юноши, глядѣвшіе такъ сонно, на портретахъ, висѣвшихъ надъ нимъ, дѣвушки и юноши, съ которыхъ эти портреты были сняты лѣтъ двадцать тому назадъ, когда они были такъ же молоды, какъ и фортепіано. Въ настоящее время за ними сидѣла миссъ Люскомбъ-Бинсъ. У этой дѣвицы былъ то, что мы называемъ въ Англій „талантъ“ къ музыкѣ, и она играла „Арабески“ Шумана точно простыя упражненія. Когда она доиграла свою пьесу, m-me Лами, которая совсѣмъ обезумѣла отъ этого продолжительнаго шума, спросила, отрываясь отъ книги:

— Читали ли вы опредѣленіе музыки, сдѣланное Викторомъ Гюгё, миссъ Люскомбъ-Бинсъ?

— Нѣтъ; кажется, не читала,—отвѣчаетъ та.

Она въ жизни своей не прочла ни одной строчки Виктора Гюгò, хотя ни за что въ этомъ не сознается. М-ше Лами умолкаетъ и разглядываетъ свои рукава, немного, правду сказать, обтершися у обшлаговъ.

Миссъ Люскомбъ-Бинсъ, которая еще не раскусила матери м-г Лами, но составила уже опредѣленное мнѣнiе объ этомъ послѣднемъ, желая войти въ дружескія сношенія съ м-ше Лами, говорить съ прiятнѣйшей изъ своихъ улыбокъ:

— Вы затронули мое любопытство. Чтò же говорить Виктору Гюгò?

— Викторъ Гюгò—м-ше Лами отрываетъ взоръ отъ рукава: —Викторъ Гюгò говоритъ, что музыка— „это нѣчто такое, чего нельзя выразить въ словахъ и *нельзя удержатъ про себя*“.

— Въ самомъ дѣлѣ?

И миссъ Люскомбъ-Бинсъ готова была прибавить:—какое прекрасное опредѣленіе!—но въ пору спохватилась, услышавъ подавленннй смѣхъ въ разныхъ углахъ комнаты. Она взглянула на м-ше Лами, но та сидѣла со сложенными руками и глядѣла въ пространство, загадочная какъ египетскій сфинксъ. Смутно чувствуя, что связываться съ нею было бы опасно, она встала, закрыла фортепiано и вскорѣ затѣмъ заперла за собою и дверь, удаляясь въ уединеніе спальни, чтобы на досугѣ поразмыслить о томъ, насколько иные дамскіе язычки ядовитѣе змѣинаго жала.

Тѣмъ временемъ Евгенія Роланъ и ея женихъ, сидѣвшіе рядомъ съ видомъ счастливейшей и беззаботной четы влюбленныхъ, затѣвали слѣдующій разговоръ. М-г Борегару, не спускавшему взгляда съ невѣсты и любовавшемуся ея хорошенькимъ личикомъ, вдругъ впервые бросилось въ глаза, что въ ея красотѣ есть что-то жестокое. Онъ и раньше уже замѣчалъ ея кошачьи зубы, улыбку, растягивающую губы, недобрый взглядъ и холодную руку. Все это онъ видѣлъ и раньше, но значеніе какъ-то ускользало до сихъ поръ отъ него. Сегодня оно впервые ему открылось, и лицо его перемѣнилось.

— Благодарю васъ,—сказала дѣвушка, съ любопытствомъ отвѣчая на его взглядъ.

— За чтò?

— За невольную откровенность. Ciel! какъ вы некрасивы, Бернаръ!

Она сказала это въ отместку за его взглядъ.

Онъ поклонился.—Благодарю васъ.

— За чтò?

— За намѣренную откровенность, chère petite chatte!

И поднесъ ея руку къ губамъ.

Совершенно иной разговоръ происходилъ между Маргаритой Винкельридь и ея женихомъ.

— Вы говорите, что онъ внесъ васъ въ домъ на рукахъ?— спрашиваетъ Францъ, глядя на дѣвушку.

— Да; вы согласитесь, что онъ силенъ.

Ба! Онъ вовсе не намѣренъ соглашаться; но еслибы онъ поразмыслилъ хорошенько, то долженъ былъ бы сознаться, что пронести хотя бы нѣсколько шаговъ дѣвушку такого роста, какъ Маргарита, въ особенности когда она безъ чувствъ, требуетъ не малой силы. Но онъ не хочетъ размышлять. Влюбленные молодые люди склонны считать предметы своей страсти болѣе или менѣе воздушными созданіями. И еслибы Францу Бюргеру сказали, что ш-г Лами пронесъ его рослую невѣсту не только нѣсколько шаговъ, но всю дорогу отъ Ба въ Лепланъ, то, въ своемъ теперешнемъ интересномъ, но не логическомъ настроеніи ума, онъ прежде всего почувствовалъ бы зависть, что профессору досталось такое удивительное счастье—и только по прошествіи немалого времени постепенно понялъ бы, какіе сильные мускулы требовались для этого.

— И вообще онъ былъ очень добръ ко мнѣ, Францъ, и я очень желаю васъ представить другъ другу. Онъ немножко фать, знаете, и тщеславенъ, но вѣдь всѣ почти мужчины таковы. Чему вы смѣетесь?.. А сердце у него золотое, и я... хотѣла бы, чтобы вы его полюбили, Францъ.

Наивная Маргарита дѣлаетъ заразъ двѣ ошибки: во-первыхъ, воображаетъ, что ея поклонникъ можетъ увидѣть „доброту“ въ ухаживаніи другого мужчины за его красавицей-невѣстой; во-вторыхъ, желаетъ, чтобы онъ „ласково“ поблагодарилъ другого мужчину за то, что онъ считаетъ узурпаціей своихъ пріятѣйшихъ привилегій.

Францъ угрюмо улыбается и на минуту чувствуетъ, что съ удовольствіемъ пуститъ пулю въ лобъ этого „добраго“ джентльмена, затѣмъ говоритъ съ короткимъ смѣхомъ:

— Еслибы для разнообразія мы поговорили о комъ-нибудь другомъ, кромѣ профессора, моя душа!

Дѣвушка не безъ удивленія взглядываетъ на него; ихъ разговоръ о профессорѣ ограничился вышеприведенными замѣчаніями, да и то самъ Францъ началъ его.

Но она весело отвѣчаетъ:

— Вотъ логическій человѣкъ! Предположимъ, что я признаюсь

вамъ, такъ какъ мы уже заговорили о мужчинахъ, что вывихъ ноги повелъ къ тому, что мнѣ пришлось познакомиться... съ докторомъ.

— Grosser Himmel! Еще мужчина! Сколько же ихъ всѣхъ наберется у васъ?

— Профессоръ—разъ, докторъ—два; кажется, это составить два,—отвѣчаетъ Маргарита внушительно, для большей вѣрности считая по пальцамъ.—Кажется, что вотъ и все. Здѣсь мало мужчинъ.

— Gott sei Dank!

Францъ, какъ нѣмецъ, выражался съ преувеличеннымъ жаромъ.—Если я что ненавижу, такъ это когда женщинъ не даютъ прохода эти...

— Вы, можетъ быть, хотите знать, каковъ собой докторъ,—перебила Маргарита эту черезъ-чуръ пламенную рѣчь.—Я бы желала, чтобы вы видѣли этого красиваго, стройнаго господина, который отлично умѣетъ говорить комплименты...

— Ангелъ! мнѣ ужасно хочется поцѣловать васъ, да боюсь скандализировать англичанъ,—восклицаетъ Францъ, съ своей стороны перебивая Маргариту въ то время, какъ лицо его выражаетъ самыя нехристіанскія чувства при такомъ лестномъ отзывѣ о соперникѣ-мужчинѣ.

— Но зачѣмъ мы тутъ сидимъ,—отвѣчаетъ Маргарита.—Развѣ мы не можемъ пойти на балконъ?

— Вы не боитесь сырости?

Сомнительно, чтобы нѣмецъ, даже влюбленный, когда-нибудь забылъ, что сырость вредна для здоровья. Маргарита отрицательно киваетъ головой. Францъ, тѣмъ не менѣе, настаиваетъ на необходимости застаться шляпами и кашнѣ, и только тогда уступаетъ пламенному желанію обмѣняться поцѣлуемъ... или двумя, а можетъ быть и тремя, съ невѣстой. Они уходятъ на балконъ.

Мы, конечно, могли бы послѣдовать туда за ними, но такъ какъ читателю извѣстно, что мотивомъ переселенія нашей четы было желаніе пощадить чувства „англичанъ“, то должны оцѣнить это вниманіе.

Какъ разъ въ тотъ моментъ, какъ дверь балкона захлопнулась за Францемъ и Маргаритой, миссъ Дэй Пекумъ приходитъ въ голову счастливая идея. Эта юная особа, замашки которой мы описывали нѣсколько главъ тому назадъ, просидѣла съ полчаса въ углу комнаты, обсуждая съ маленькими Люскомбъ-Бинсами какую-то важную матерію, причемъ главную роль въ этомъ совѣщаніи играли слова:—„Не посмѣешь!“—„Нѣтъ, посмѣю!“

Всѣ мы, полагаю, сохранили болѣе или менѣе пріятныя воспоминанія изъ дѣтскихъ лѣтъ, когда такія фразы, сказанныя шопотомъ или во все горло, смотря по обстоятельствамъ, подзадоривали насъ выкидывать разныя штуки. Эти самыя воспоминанія возбуждаютъ иногда въ душѣ невольныя сомнѣнія насчетъ ангелоподобности дѣтскаго возраста. Миссъ Пекумъ, Ангель-Мервинъ и его сестра Марджери, начали споръ громко, но тотчасъ же были усмирены „тетей Мильдредъ“ и стали шептаться.

Вдругъ миссъ Дэй вскочила съ мѣста и, говоря:—Посмѣю! —направилась къ матери. Эта лэди читала романъ и такъ углубилась въ него, что ничего не видѣла и не слышала, чтѣ творилось вокругъ нея. Бѣдняжка! Дэй проситъ ее самымъ вкрадчивымъ тономъ и съ тѣмъ специально невиннымъ выраженіемъ, какое принимаютъ дѣти, когда готовятся учинить какую-нибудь пакость:

— Мамочка, можно мнѣ закостюмироваться?

— Да, да.

— И... надѣтъ вашу шляпку?

— Да, да.

— И взять зонтикъ?

— Нѣтъ; ну, хорошо, бери...—видя, что юная дѣвица готовится заревѣтъ, чему предвозвѣстникомъ служатъ надутыя губы и маленькій булакъ, поднесенный къ глазу.

— Все, все, чтѣ хочешь, только оставь меня въ покое!

Обрадованная Дэй стремительно исчезаетъ изъ гостиной; Ангель-Мервинъ и Марджери осторожно выскальзываютъ вслѣдъ за ней.

— Васъ, кажется, очень интересуеъ ваша книга?—говоритъ чей-то голосъ миссисъ Пекумъ?

Нѣтъ отвѣта.

Голосъ принадлежитъ m-lle Роланъ. Миссисъ Пекумъ безъ памяти слѣдитъ за приключеніями какихъ-то Ромео и Юліи.

— Я повторяю, — произноситъ m-lle Роланъ и говоритъ гораздо громче:

— Васъ, кажется, очень интересуеъ ваша книга, миссисъ Пекумъ?

Нѣтъ отвѣта. Миссисъ Пекумъ читаетъ. Но терпѣніе ея очевидно подвергается слишкомъ большому испытанію. Она заглядываетъ въ послѣднія страницы, затѣмъ откидывается на спинку кресла и бормочетъ:

— Гм! мнѣ не нравится развязка. . Чтѣ такое? вы мнѣ что-то говорили?—Съ послѣдними словами она обращается къ

m-lle Роланъ, которая отвѣчаетъ тономъ, выражающимъ: слушайте, господа!

— Да, да; я говорила, что васъ, кажется, очень интересуетъ ваша книга, но вы сказали, что вамъ не нравится развязка.

Увлеченіе миссисъ Пекумъ романами служить потѣхой для всего пансіона; но, быть можетъ, ее поражаетъ нѣкоторая язвительность въ тонѣ m-lle Роланъ. Отбросивъ книгу, она рѣшается отдѣлать дерзкую французенку, и, не владѣя свободно языкомъ, запугивается во фразѣ, которая должна была сокрушить m-lle Роланъ, но не производитъ этого эффекта, такъ какъ смыслъ ея остается понятенъ только самому автору. Тѣмъ не менѣе, на лицѣ у миссисъ Пекумъ появляется та самодовольная улыбка, которая всегда распускается на лицѣ каждаго цивилизованнаго существа, когда онъ или она, по своему мнѣнію, вѣжливо скажутъ невѣжливость.

Но тутъ дверь открывается и, какъ говорится въ драмахъ: входитъ Дэй.

## XXVIII.

### За костюмированная Дэй.

Будь миссисъ Пекумъ не такъ углублена въ свой романъ, она никогда не произнесла бы неосторожныхъ словъ: „Да, да, бери все, что хочешь“. Дэй широко воспользовалась такой *carte blanche*.

Вотъ подробности того, какъ была костюмирована Дэй. Къ естественному здоровому румянцу своихъ щекъ она прибавила въ изобиліи искусственные розы, а носъ, лобъ и подбородокъ осыпала пудрой. Брови тоже были подкрашены. Шляпку она взяла не у мамы, а у тети Мильдредъ, находя ея болѣе красивой. Остальной костюмъ состоялъ изъ материнскаго платья, надѣтаго на большой материнскій турнюръ, который съѣхалъ на бокъ, такъ какъ Дэй одѣвалась впопыхахъ. Она вошла важно, волоча за собой длинную юбку. У нея была и свита. Условлено было, что Ангель-Мервинъ отворить дверь, но этотъ джентльменъ улепетнулъ въ послѣднюю минуту, предоставивъ дамамъ (Дэй и Марджери) выпутываться какъ знаютъ. Поэтому Марджери отворила дверь и остановилась на порогѣ со взглядомъ, гдѣ курьезно выражался испугъ, восхищеніе и любопытство. Она предусмотрительно приподняла розовой ручкой уголокъ передника, такъ какъ

предвидѣла, что исторія не окончится безъ плача и скрежета зубовъ. Такое поведеніе обоихъ дѣтей ясно доказывало всѣмъ присутствующимъ, что костюмировка прямо влилась въ изобличенію тѣхъ средствъ и способовъ, какими „мамочка“ и тетя Мильдредъ старались придать себѣ молодежавый видъ. Въ то время, какъ Марджери не отводила глазъ отъ Дэй, эта молодая особа твердыми шагами направилась къ матери и теткѣ и, стоя передъ ними, оцѣлнула на дверь, говоря:—Что, не посмѣла?—Послѣ чего, какъ будто уразумѣвъ вдругъ всю чудовищность своего поведенія, бросилась на полъ въ любимой позѣ, вытянувъ впередъ ноги, раскрыла ротъ до ушей и... не заорала.

Причиной этому было то, что какъ разъ въ это мгновеніе въ дверяхъ, позади Марджери, появился м-г Лами. Этотъ джентльменъ только-что окончилъ свой туалетъ и, не подозрѣвая объ усложненіяхъ, произошедшихъ въ салонѣ, вступилъ въ него съ той улыбкой на губахъ, которую всѣ дамы въ Эдельвейсѣ считали, также какъ и его поклонъ, поэмой, мечтой, чѣмъ-то неземнымъ и божественнымъ.

Вотъ что остановило вопль Дэй, которымъ безъ того она оглушила бы всѣхъ присутствующихъ. Не она одна съѣжилась. Лица всѣхъ присутствующихъ, выразившія до сихъ поръ только удовольствіе, вытянулись. Что касается Марджери, то она все еще стояла на порогѣ. Выдержала ли бы ея дружба съ Дэй предстоящее испытаніе — не знаю, но, увидя неожиданное подкрѣпленіе, она потихоньку взяла м-г Лами за руку и, поднося къ нему взволнованное личико, жалобно проговорила:

— Войдемъ вмѣстѣ.

И вмѣстѣ они вошли: м-г Лами немного медленнѣе обыкновеннаго и не съ такимъ побѣдоноснымъ видомъ, а Марджери сворными шажками и съ значительно усвоившимся личикомъ. Мнѣ стыдно за Марджери, но истина обязываетъ меня заявить, что, по мѣрѣ того, какъ она отходила отъ несчастной Дэй, лицо ея все больше и больше прояснялось и сердце билось спокойнѣе.

Но что же было съ злополучной Дэй? Меня увѣряли, что она дешево отдѣлалась на этотъ разъ, такъ какъ тетка и мать рѣшили, что „серьезно“ отнестись къ ея поступку—значило самихъ себя сдѣлать посмѣшищемъ пансіона. Мнѣ говорили также, что и Марджери сошло съ рукъ, такъ какъ профессоръ объявилъ, что только на этомъ условіи отпустить ее къ матери. Мнѣ говорили еще—и съ сожалѣніемъ должна сказать, что вѣрю этому, — что Марджери и Дэй, встрѣтивъ Ангела-Мервина на другой

день въ уединенной части сада, задали ему потасовку, царапали, щипали и волотили его съ усердіемъ, достойнымъ его вины.

## XXIX.

Ночная встрѣча м-в Лами съ Францемъ Бюргеромъ.

Позднѣе, послѣ всѣхъ вышеописанныхъ происшествій, два джентльмена предприняли полуночную прогулку вокругъ пансіона Эдельвейсъ. М-г Лами, вскорѣ послѣ того, какъ пробилъ полночь, вышелъ изъ пансіона въ твердой увѣренности, что непременно встрѣтится съ Францемъ Бюргеромъ. И не ошибся.

— Я желаю, чтобы вы согласились отложить дуэль, герръ Бюргеръ,—сказалъ м-г Лами спокойно.

Герръ Бюргеръ, такъ же спокойно, отвѣчалъ, что, къ великому его сожалѣнію, это совсѣмъ невозможно. Дуэль назначена на послѣ-завтра, и этого измѣнить нельзя. Онъ не объяснилъ причины своего упорства, и м-г Лами рѣшилъ добиться этого.

— Не то, чтобы я сожалѣлъ о томъ, что сдѣлалъ вызовъ, или хотѣлъ бы отложить поединокъ на неопредѣленное время, но дѣло въ томъ... что я ошибочно принялъ васъ за другого.

Опять герръ Бюргеръ холодно извинился, прибавивъ, что не понимаетъ, почему бы дуэли не имѣть мѣсто, разъ вызовъ былъ, только отъ того, что его по ошибкѣ приняли за другого. Онъ замѣтилъ также иронически, что не подозрѣвалъ, что сталъ другимъ лицомъ послѣ своей первой встрѣчи съ профессоромъ. Онъ...

— Doucement, doucement, monsieur! — перебилъ м-г Лами, немного удивясь ревнивому пылу нѣмца; что ревность причиной его ожесточенія — объ этомъ онъ сразу догадался. — Вы, право, дѣлаете мнѣ слишкомъ много чести, воображая, что я вамъ соперникъ. Особа, отдавшая вамъ свою руку, никогда не обладала моимъ сердцемъ, и... я съ большимъ основаніемъ, гм! да... съ большимъ основаніемъ могу сказать, что никогда не обладалъ ея сердцемъ.

— Какъ! вы также помолвлены?—вскричалъ Францъ Бюргеръ.

— Нравственно говоря, да,—отвѣчалъ профессоръ съ очаровательнымъ достоинствомъ.—Собственно говоря...

И вздохъ докончилъ его фразу.

— Собственно говоря, вы влюблены! Я теперь ясно это понимаю. И приняли меня за кого-то другого, кто стоитъ на вашемъ пути; и, поссорившись со мной, ошибочно принявъ меня



не за того, кого слѣдуетъ, вы желаете теперь поссориться съ тѣмъ, съ кѣмъ слѣдуетъ, и подстрѣлить его, если можно, раньше, нежели я подстрѣлю васъ.

— Именно.

Догадливость нѣмца была замѣчательна.

— Если хотите, то мы будемъ драться съ вами на другой день послѣ вашего перваго поединка,—предложилъ великодушно нѣмецъ.

— Хорошо!—отвѣчалъ Лами.

— Очень хорошо!—повторилъ женскій голосъ.

Оба джентльмена вздрогнули. Но прежде нежели они успѣли опомниться, окно растворилось, и Маргарита Винкельридь появилась у него на фонѣ ярко освѣщенной комнаты.

— Первая дуэль происходитъ между вами, м-г Лами, и кѣмъ-то, до сихъ поръ неизвѣстнымъ, а вторая дуэль между вами и Францемъ Бюргеромъ. Но только *непрѣменно*—*вторая*. Согласны?

Оба джентльмена поклонились.

— Нѣтъ, я хочу болѣе опредѣленнаго отвѣта. Общайтесь, клянитесь, дайте мнѣ ваши руки!

И она протянула обѣ руки въ открытое окно.

— Благодарю васъ.

И закрыла окно, со словами:—Покройной ночи!

— Дайте женщинѣ только срокъ!—сказалъ Францъ, смѣясь, и ушелъ.

Тѣмъ не менѣе, внезапное, неожиданное появленіе дѣвушки разстроило и его, и м-г Лами. Разставшись, оба долго не ложились спать: одинъ все ходилъ по комнатамъ, другой сидѣлъ за письменнымъ столомъ и читалъ. Маргарита тоже долго не спала; но она не ходила и не читала. Она подперла голову обѣими руками и думала. Она была женщина, и ей дали срокъ. Но какъ всего лучше воспользоваться имъ? Подумавъ минутъ пять, она встала, раздѣлась и поступила благоразумнѣе, чѣмъ тѣ два джентльмена, а именно: легла спать. Проспавъ до пяти часовъ, она потихоньку встала, потихоньку одѣлась и потихоньку вышла изъ дома.

У калитки сада она оглянулась. Солнечный свѣтъ заливалъ ее, такъ какъ дождь совсѣмъ прошелъ, и на небѣ не видно было ни единого облачка.

— Здравствуйте, мамзель! — проговорилъ ясный дѣтскій голосокъ.

— Здравствуйте,—отвѣчала Маргарита:—хотите, я пройду съ вами немного, топ brave?

— Какъ хотите, — былъ холодный отвѣтъ.

Маргарита улыбнулась. — Ну, чтò ваши новые жильцы? У васъ цѣлая толпа джентльменовъ, кажется?

— Двое, — лаконически отвѣчалъ младшій сынъ содержательницы пансіона „Альпійской розы“.

— Только два джентльмена у васъ остановились?

— Нѣтъ, не у насъ. Оба поселились въ Эдельвейсѣ. Точно вы и мамзель Роланъ этого не знаете!

Маргарита опять улыбнулась.

— Вы говорите про герра Бюргера и м-г Борегара?

— О комъ же еще, какъ не о нихъ? Хотите я вамъ кое-что скажу, мамзель? нѣтъ, не скажу.

— Ну, и не говорите.

Еслибы она сказала: — „пожалуйста, скажите“, мальчикъ не сказалъ бы, а теперь хитро взглянулъ на нее и проговорилъ:

— Хорошо, скажу. Просто вотъ чтò. Дамы у насъ такъ скучаютъ, такъ скучаютъ, какъ...

— Ну, не все ли равно, какъ онѣ скучаютъ. Чтò же дальше?

— Мама говоритъ, что это потому, что всѣ джентльмены ѣдутъ къ вамъ въ Эдельвейсѣ. Ну, вотъ... послушайте, вы никому не скажете?

— Parole d'honneur.

— Ну, такъ одна изъ нихъ, та, что такая бойкая, переодѣлась мужчиной и стала ухаживать за другими, знаете, въ шутку, а старуха Морель это узнала и... чтò съ вами?

— Ничего. Я только-что замѣтила, какая трава сырая. Oh! mon brave!

Mon brave поглядѣлъ ей на ноги.

— Это вы называете башмаками? — презрительно кивнулъ онъ на туфли Маргариты. — Вамъ лучше идти домой, а я побѣгу дальше.

И, свистнувъ, побѣжалъ отъ нея. Маргарита постояла съ минуту. Ей хотѣлось догнать мальчика и поцѣловать его въ ясные глаза.

— „Я точно знала, что встрѣчу его и онъ поможетъ мнѣ распутать все дѣло! Подумать только, какая потѣха выходить изъ всего этого!“

И, приподнявъ платье, довольная новымъ открытіемъ, фрейлейнъ Винкельридь скорехонько направилась въ пансіонъ „Альпійской розы“.

XXX.

ПРИГОТОВЛЕНИЯ КО ВТОРОЙ ДУЭЛИ. ТЕЛЕГРАММЫ.

Не мало усилий потребовалось со стороны Маргариты, чтобы уговорить ту дѣвицу, „что такая бойкая“ и что навлекла на себя безсознательно гнѣвъ м-г Лами, выйти на поединокъ съ этимъ джентльменомъ. Только тогда, когда Маргарита объяснила, что этимъ устранится кровопролитіе и объявила, что не уйдетъ изъ „Альпійской розы“ до тѣхъ поръ, пока ея просьба не будетъ исполнена, только тогда m-lie *Gendarme* сдалась, такъ какъ это она возымѣла несчастную мысль переодѣться мужчиной и въ этомъ видѣ разыгрывать роль кавалера Мари Минаръ, не подозрѣвая о той кашѣ, какую этимъ заварила.

— А кто же, позвольте узнать, будетъ моимъ секундантомъ? — вдругъ спросила она. — Капитанъ Макнабъ? Да, отлично; я увѣрена, что онъ не откажетъ мнѣ въ этой услугѣ.

— Значитъ, вы явитесь на мѣсто поединка? Это рѣшено?

— Рѣшено и подписано, — отвѣчала *Gendarme*, драматически прижимая одну руку къ сердцу, а другую протягивая Маргаритѣ.

Весь этотъ день посланцы сновали между „Альпійской розой“ и Эдельвейсомъ. М-г Лами принималъ мѣры, чтобы запасть секундантомъ. Наканунѣ, если читатель припомнитъ, онъ объявилъ Францу Бюргеру, оставляя его, что идетъ на почту. Онъ шелъ туда затѣмъ, чтобы послать депешу одному юношѣ въ Женеву, — юношѣ, который выражалъ профессору свою готовность оказать ему всякую услугу, и чѣмъ крупнѣе, тѣмъ лучше. Этотъ юноша былъ, какъ читатель узнаетъ, конечно, безъ удивленія, Нэдъ Пиготтъ, молодой человекъ, о которомъ говорилось раньше, и который былъ влюбленъ въ сестру м-г Лами, Николетту. Профессоръ телеграфировалъ ему:

„Можете ли вы прійхать въ Лепланъ? отвѣчайте по телеграфу. Лами“.

Вмѣсто одной депеши, онъ получилъ двѣ, тождественныхъ, за исключеніемъ подписи:

„Ждите меня завтра—Пиготтъ“.

„Ждите меня завтра—Николетта“.

Такия вещи часто встрѣчаются въ книгахъ, но въ дѣйствительной жизни такъ рѣдко, что профессоръ, получивъ обѣ теле-

граммы, протеръ глаза, спрашивая себя: во снѣ это онъ видитъ или на-яву? не рехнулся ли онъ? и когда, наконецъ, конецъ всѣмъ этимъ загадкамъ?—на эти вопросы отвѣта не воспослѣдовало, да онъ, впрочемъ, и не дожидался.

## XXXI.

Николетта на пути домой.—Ея встрѣча съ мамой.

Когда Николетта пріѣхала въ домъ подъ № 29 въ улицѣ Круа-д'Орзъ, то, въ великой досадѣ своей, увидѣла, что два письма, адресованныхъ ею туда на имя матери, такъ тамъ и лежали. Ни одно не попало по назначенію. Ихъ не отослали въ Лепланъ, и на ея разспросы объявили, что м-ше Лами ничего на этотъ счетъ не приказывала. Бѣдная Николетта! Принимая во вниманіе, что мать должна же была ждать писемъ отъ дочери, это, въ самомъ дѣлѣ, доказывало большое равнодушіе. Дѣвушка съ трудомъ удержала слезы и съ гнѣвомъ направилась на ближайшую телеграфную станцію, откуда отправила брату телеграмму, столь удивившую его. Черезъ часъ она уже сѣла на пароходъ, отправлявшійся въ Вильнѣвъ. Въ рукѣ она держала два скомканныхъ письма, которыя не дошли до ея матери. За неимѣніемъ другого занятія, она распечатала ихъ и стала читать. Заглянувъ ей черезъ плечо, мы тоже можемъ ознакомиться съ ихъ содержаніемъ.

Письмо номеръ первый гласило:

„Дорогая мама!

„Я очень, очень несчастна и хочу вернуться въ Женеву. Маргарита Винкельридъ пишетъ то же самое и хочетъ вернуться домой; поэтому это будетъ встать. Напишите мнѣ одну строчку. Любящая васъ дочь—

Николетта“.

Письмо номеръ второй:

„Милая мама!

„Напишите мнѣ пожалуйста. Маргарита Винкельридъ совсѣмъ рѣшила уѣхать отъ васъ; поэтому нѣтъ причины мнѣ здѣсь оставаться. Я теперь же возвращаюсь въ Женеву. Быть можетъ, мнѣ удастся зарабатывать свой хлѣбъ и не быть вамъ въ тягость. Ваша несчастная дочь—

Николетта“.

Слова: „зарабатывать свой хлѣбъ“, звучали очень жалостно. Прочитавъ письма, она задумалась, какъ вдругъ...

— Что это? возможно ли?

Она вскочила съ мѣста. Тотъ самый человѣкъ, о которомъ она думала, стоялъ передъ нею.

— Возможно ли, m-lle Лами! вы ѣдете въ Лепланъ?

Почти всякій знаетъ, что такое маленькій пароходикъ, перевозящій туристовъ, а типичнѣе всѣхъ такихъ пароходиковъ тотъ, что крейсируетъ по швейцарскимъ озерамъ въ разгаръ сезона. Еслибы Николетту не окружала толпа народа всѣхъ возрастовъ и національностей, то, по всей вѣроятности, она отъ души поздравилась бы съ Нэдомъ Пигготъ, и черезъ нѣсколько минутъ они излили бы другъ передъ другомъ всю душу. Но поставьте любую дѣвушку на ея мѣсто. Послѣ разлуки, показавшейся цѣлой вѣчностью, хотя длилась всего лишь нѣсколько недѣль, она встрѣтилась съ своимъ поклонникомъ на пароходѣ, битомъ набитомъ публикой. Его ухаживаніе не поощрялось ея домашними, напротивъ того, встрѣтило прямой отпоръ со стороны матери, къ которой она теперь возвращалась. Что подумаетъ мать о томъ, что они вмѣстѣ пріѣдутъ? Конечно, она подумаетъ, что они сговорились. И вдобавокъ кругомъ торчали люди, и ей невозможно было объяснить англичанину, какъ неудобно то, что онъ какъ разъ теперь ѣдетъ въ Лейпланъ.

Нэдъ Пигготъ наблюдалъ ея смущенное лицо и серьезно спросилъ:

— Надѣюсь, что ничего серьезнаго не случилось? Полученная мною телеграмма ничего мнѣ не объяснила.

— Телеграмма? отъ кого телеграмма? отъ брата?

— Да. А вамъ кто телеграфировалъ?—И онъ сѣлъ около нея.

Напротивъ нихъ помѣщалась германская чета, истреблявшая бутерброды съ сосисками и пившая пиво изъ одной кружки. Они называли другъ друга „мой ангелъ“, какъ всѣ вообще влюбленные внѣ предѣловъ Англіи. Другіе пассажиры состояли изъ нѣсколькихъ женевскихъ буржуа и иностранцевъ со всѣхъ пунетовъ земного шара, но всего болѣе изъ тѣхъ благословенныхъ мѣстъ, гдѣ говорятъ по-англійски. Всѣ эти добрые люди запрыгали въ глазахъ Николетты при словахъ англичанина:—а вамъ кто телеграфировалъ?—Недошедшія до назначенія письма, продолжительное молчаніе—все объяснялось. Сказавъ себѣ, что ея мать больна, и даже, можетъ быть,—нѣтъ, она даже мысленно не рѣшилась произнести это слово—она закрыла лицо руками и заплакала. Говорите что хотите, а у людей есть много такта. Влюбленные германцы ревностнѣе, чѣмъ когда-либо принялись за истребленіе бутербродовъ, а кто-то изъ публики очень встати замѣтилъ, что,

кажется, съ этого пункта всего виднѣе Шильонскій замокъ, и всѣ устремились къ борту парохода съ биноклями въ рукахъ и, такимъ образомъ, дали Николеттѣ время справиться съ собой, что она скоро сдѣлала и, обратясь къ англичанину, сказала:

— Простите меня. Должно быть, случилось что-нибудь ужасное, но я бы хотѣла, чтобы мы поскорѣй пріѣхали въ Лепланъ.

И, оставивъ его, отошла на другой конецъ палубы, гдѣ усѣлась, бессмысленно уставясь глазами въ пространство. Мать никогда ее не баловала; она даже ее какъ будто и не замѣчала, хотя Николеттѣ часто хотѣлось „пробить ледъ“. Но при мысли, которой она не смѣла выразить словами, ей страстно захотѣлось видѣть мать. Неужели этому путешествію конца не будетъ?

Но конецъ пришелъ и ему, какъ и всему на свѣтѣ. Въ Вильнѣвѣ багажъ ея былъ перенесенъ на берегъ кѣмъ-то, кто слѣдовалъ за нею, какъ тѣнь. То же лицо посадило ее въ вагонъ и само усѣлось напротивъ, не говоря ни слова, но бросая украдкой взгляды на блѣдное, вытянутое личико. Въ Бэ ей помогли выйти изъ вагона и пересѣсть въ дилижансъ, ѣхавшій въ Лепланъ. Когда деревня показалась, Николетта опять встревожилась. Лошади везли такъ тихо, — она скорѣе добѣжитъ пѣшкомъ.

Опять кто-то, ни слова не говоря, подаль ей руву и отворилъ дверцы экипажа.

— Какъ называется гостинница, гдѣ живетъ м-г Лами? — спросила она кучера.

— Пансіонъ Эдельвейсъ. Вотъ онъ.

И кучеръ ткнулъ бичомъ въ его направленіи.

Черезъ минуту дѣвушка выпрыгнула изъ экипажа, а еще черезъ двѣ она уже лежала въ объятіяхъ матери, заливаясь слезами.

Прошло десять минутъ. М-ше Лами все еще утѣшала дочь и гладила ее по головкѣ, точно маленькую дѣвочку, а сама утирала рукавомъ красные глаза.

## XXXII.

### Дуэль.

Таинственный джентльменъ, возбудившій ярость м-г Лами, отказался открыть свое имя до того момента, какъ явится на мѣсто поединка, отстоявшее въ двухъ миляхъ отъ Лепланъ, въ часъ, назначенный для дуэли, а именно: въ шесть часовъ утра. Онъ велъ переговоры обо всемъ черезъ капитана Мавнаба, и стоялъ

больше за пистолеты, чѣмъ за шпаги, тогда какъ м-г Лами, поручавшій говорить за себя мистеру Пигготу, объявилъ, что равнодушенъ въ вопросу объ оружїи, лишь бы оно было смертоносное.

Это было передано m-llе Gendarme, но нисколько не испугало ея. Она рѣшила, что церемонїя будетъ обставлена слѣдующимъ образомъ: прежде всѣхъ и впереди всѣхъ отправится храбрый англійскій воинъ съ смертоноснымъ оружіемъ. Позади него и на довольно почтительномъ разстоянїи двинется штабъ изъ двѣнадцати лѣди, сгруппированныхъ вокругъ тринадцатой—всѣ двѣнадцать товарокъ m-llе Gendarme, рѣшившей, что каждая должна исполнить свой долгъ въ этотъ день и сопутствовать героинѣ, съ рискомъ, съ ужаснымъ рискомъ, что все дѣло дойдетъ до ушей m-ше Морель, погруженной, къ счастью, въ глубокой сонъ. Еслибы эти лѣди оглянулись, то увидѣли бы въ нѣкоторомъ разстоянїи позади себя Франца Бюргера и Маргариту Винкельридъ.

— Послушайте, Маргарита, куда вы ведете меня?—говоритъ Францъ въ десятый разъ послѣ того, какъ они вышли изъ дому.

И Маргарита въ десятый разъ указываетъ молча рукой впередъ.

Наконецъ, всѣ достигли мѣста назначенїя. Наконецъ, дуэлянты стоятъ другъ передъ другомъ. Встрѣча въ живописномъ отношенїи примѣчательна. Быть можетъ, однако, ей недостаетъ драматическаго движенїя. М-г Лами и m-llе Робенъ (послѣдняя въ мужской шляпѣ и фракѣ, надѣтомъ поверхъ юбки со шлейфомъ) остановились какъ вкопанные; около профессора помѣщается Нэдъ Пигготъ, около m-llе Робенъ—капитанъ Мавнабъ, между тѣмъ какъ остальная компанїя образуетъ живописную группу: хорошенькая Оріенталка съ заспаннымъ лицомъ и вѣвнимъ видомъ, болѣе лѣнливомъ нежели обыкновенно, усѣлась на древесномъ пнѣ; брюнетка, которую зовутъ Миной, такая же хорошенькая, какъ и Оріенталка, но въ противоположномъ европейскомъ вкусѣ, стоитъ около нея; m-llе Робертъ (особа съ звонкимъ голосомъ) глядитъ, добрая душа, олицетворенїемъ заботы о завтрашнемъ днѣ, а у Мари Минарь улыбка расходится по лицу, подобно кругамъ на водѣ; миссъ Скалонъ, голодная, какъ истая дочь Альбіона, съ жадностью пожираетъ бисквиты, а неподалеку отъ нея и импонируя не индивидуальностью, но массой, толпятся бѣдовая молодая особа и остальные шесть учительницъ академіи Морель.

Прошло съ полминуты, а м-г Лами и m-llе Gendarme все еще стоятъ другъ противъ друга и глядятъ одинъ на другого; первый съ невыразимымъ удивленїемъ, а послѣдняя съ нѣкотораго рода

отчаянностью. Но ни тотъ, ни другая не говорятъ ни слова; и штабъ, сопровождавшій подругу, тоже не двигается и безмолвствуетъ. Какъ это ни нелѣпо, но я думаю, что молчаніе и неподвижность продлились бы до скончанія вѣка, еслибы капитанъ Макнабъ не разрядилъ пистолета, наконецъ, въ сосѣднемъ оврагѣ.

## XXXIII.

## ЗАВТРАКЪ „ALFRESCO“.

Выстрѣлъ капитана разсѣялъ очарованіе. Миссъ Скалонъ, выпустивъ изъ ружь мѣшокъ съ бисквитами, заявила на своемъ эксцентрическомъ французскомъ языкѣ:—*Je me mours; ceurtai-nemong, je me mours!*

Ориенталка, не упавшая въ обморокъ, какъ можно было бы этого ожидать отъ такой нѣжной молодой особы, проявила неожиданную энергію и краснорѣчіе и, обхвативъ руками англичанку, принялась съ жаромъ объяснять ей, что отъ того, что пистолетъ разрядили въ сосѣднемъ оврагѣ, вовсе не слѣдуетъ, чтобы пуля засѣла въ ея тѣлѣ.

Тѣмъ временемъ группа, состоявшая изъ семи вышеназванныхъ молодыхъ женщинъ, вскрикнула въ голосъ, ринулась впередъ и стала между профессоромъ и *m-lle Gendarme*.

Но въ этотъ моментъ послышался спокойнѣйшій голосъ въ мірѣ, голосъ Луи Огье, и самъ этотъ субъектъ, съ салфеткой подъ мышкой, появился передъ честной компаніей:

— Завтракъ готовъ, лэди и джентльмены, сюда пожалуйста!

И съ этими словами указалъ имъ на рошу, куда вела тропинка, на которой произошелъ несравненный поединокъ.

— Скажите, пожалуйста, кто придумалъ завтракъ?—спросила Мари Минаръ, беря капитана подъ руку.

— Мысль или, вѣрнѣе сказать, вдохновеніе принадлежитъ мнѣ, —скромно отвѣтилъ этотъ джентльменъ, но оно превосходно выполнено м-г Луи Огье. Могу я просить васъ, *mademoiselle*, распорядиться вмѣсто хозяйки?—прибавилъ онъ, когда они остановились передъ кофейнымъ сервизомъ.

Мари Минаръ засмѣялась тѣмъ веселымъ смѣхомъ, котораго не забывалъ тотъ, кто разъ его слышалъ.

— Вдохновеніе?—повторила она. — Да, это именно вдохновенная идея. Садитесь, добрые люди!—прибавила она довольно безцеремонно, обращаясь къ остальной компаніи и принимая пред-



ложенную ей роль хозяйки этого незатѣйливаго пиршества.—Но гдѣ же капитанъ? Я желаю, чтобы онъ помогаль мнѣ.

— Нѣтъ, сударыня, даже вдохновеннѣйшій изъ людей не можетъ ѣсть простывшей телячьей котлетки,—отозвался голосъ съ другого конца стола.—М-г Луи Огбѣ, правильно думающій, что сыны Альбіона ни при какихъ обстоятельствахъ не могутъ удовольствоваться однимъ кофе съ хлѣбомъ, ухитрился, съ своей обычной любезностью, доставить для меня и миссъ Скалонъ горячія котлетки.

Вмѣсто капитана, м-г Лами предложилъ свои услуги Мари и въ продолженіе всего завтрака не отходилъ отъ нея. Мари пыталась быть къ этому равнодушной, но не могла. Мало-по-малу она разговорила съ профессоромъ и чувствовала, что ей очень весело болтать съ нимъ.

Когда кофе былъ допить, компанія отправилась назадъ домой.

Интересно было бы знать, бываетъ ли, чтобы партія людей, не-военныхъ, когда-либо совершала походъ, не выдѣливъ немедленно отсталыхъ и не разбившись на отдѣльныя кучки на первыхъ же порахъ, причемъ самые здоровые и сильные люди зачастую оказываются въ хвостѣ?

Въ то время какъ капитанъ Макнабъ, уже давно переступившій за порогъ зрѣлыхъ лѣтъ и mesdames Робертъ и Скалонъ, которыя, несмотря на прекраснѣйшій характеръ, всегда сердились, когда упоминали о днѣ ихъ рожденія, рьяно направились домой, увлекая за собой Нэда Пиготтъ, м-lle Gendarme, Ориенталку, Мину и семерыхъ неинтересныхъ учительницъ, курьезнымъ образомъ оказалось, что таковой здоровый и сильный молодой человѣкъ, какъ Францъ Бюргеръ, и его краснощекая дама еле передвигали ноги, но еще курьезнѣе было видѣть, какъ профессоръ и Мари Минаръ, непонятнымъ образомъ очутившіеся рядомъ, отстали не только отъ остальной компаніи, но и отъ Франца съ Маргаритой. Такое явленіе должно казаться непонятнымъ, если не разобрать его съ психической точки зрѣнія, и желаніе освѣтить его съ этой стороны навѣрное нашлось бы у остальной компаніи, еслибы вниманіе ея не было привлечено инымъ и не менѣе удивительнымъ явленіемъ.

## XXXIV.

## Походъ дѣтей.—Бѣдный капитанъ Макнабъ!

Представьте себѣ дѣтскій крестовый походъ! По крайней мѣрѣ авторъ живо себѣ его представляетъ. Читатель, не одаренный даромъ предвидѣнія, можетъ быть, ровно ничего себѣ не представляетъ.

Вотъ какое зрѣлище предстало изумленнымъ взорамъ капитана Макнаба: Огъ младшій, съ національной продолговатой корзиной на плечахъ и съ альпійскою палкой въ рукѣ, выходилъ изъ воротъ „Альпійской розы“, гдѣ его ждало нѣсколько десятковъ другихъ дѣтей, всѣ съ такими же корзинами и альпійскими палками. Они направились въ центръ селенія „Альпійская роза“, подобно Эдельвейсу, аристократически помѣщалась на окраинѣ. По дорогѣ къ нимъ присоединялись новыя толпы дѣтей. Казалось, всѣ деревенскіе мальчики, старше восьми и моложе четырнадцати лѣтъ, присоединились къ арміи; мальчики моложе восьми были презрительно, а старше четырнадцати вѣжливо отвергнуты. Огъ, очевидно, предводительствовалъ. Онъ шелъ во главѣ все увеличивающейся толпы мальчиковъ. Они вышли изъ селенія и направились въ горы. По временамъ иные изъ ребятъ, — ради человеческого достоинства будемъ надѣяться, что ближе къ восьми, нежели къ четырнадцати годамъ, — отбрасывая палку, давали волю своимъ чувствамъ, пытались выкинуть какую-нибудь аэробатическую штуку, въ чемъ ихъ очень затрудняла корзина, висѣвшая за плечами. Въ такомъ случаѣ Огъ младшій оборачивался и возстановлялъ порядокъ въ рядахъ своего воинства. Но въ общемъ юная армія шла твердымъ и стойкимъ шагомъ, достойнымъ пруссаковъ, и нѣсколькими часами позже — случай безпримѣрный въ анналахъ исторіи — въ деревнѣ не оставалось ни одного мальчика старше восьми и моложе четырнадцати лѣтъ. Дѣти становились все меньше и меньше по мѣрѣ удаленія, и наконецъ совсѣмъ исчезли изъ глазъ.

Тѣмъ временемъ капитанъ, приставивъ руку къ глазамъ, глядѣлъ имъ вслѣдъ, въ чемъ ему подражали миссъ Скалонъ, м-лле Роберъ, Жандармъ, Оріенталка, Мина и семь неинтересныхъ учительницъ, а также м-ръ Пигготъ.

Бѣдный капитанъ Макнабъ! Его простое, веселое, добродушное лицо выражаетъ великое смущеніе. Слова, сопровождающія взглядъ, полный отчаянія, произнесены низкимъ, хриплымъ голо-

сомъ, полнымъ драматизма, хотя сами по себѣ они довольно пошлы:

— Ну, Лимпочка, попался я въ просакъ!

### XXXV.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ДѢТЕЙ.—BONSOIR, MONSIEUR LE CAPITAINE!

Представляя капитана читателямъ нѣсколько главъ тому назадъ, я забыла упомянуть, что подобно тѣмъ мальчикамъ и дѣвочкамъ, про которыхъ мы всѣ читали въ дѣтскихъ книжкахъ, у него былъ только одинъ недостатокъ — страсть покупать все на свѣтѣ оптомъ, во вниманіе сбавки въ цѣнѣ и безъ всякаго вниманія къ чувствамъ своей сестры. Онъ увѣрялъ, что поступаетъ такъ изъ экономіи. Экономія выходила обыкновенно такая, что отъ нея могъ содрогнуться Адамъ Смитъ.

Въ настоящемъ случаѣ ему пришла несчастная мысль купить оптомъ, тайкомъ отъ Олимпіи, цвѣты, которые, какъ бы ни была низка цѣна, были бесполезны какъ для него, такъ и для Олимпіи, а между тѣмъ требовали большого расхода. Другими словами, онъ вздумалъ поручить Огбѣ младшему, принявъ за нѣчто серьезное шутку миссъ Пекумъ, собрать всѣхъ деревенскихъ мальчишекъ и идти собирать эдельвейсы въ горахъ. Съ капитана Магнаба въ лавкахъ просили двадцать сантимовъ за букетикъ; онъ готовъ былъ дать десять.

— Десять? такую цѣну можно взять только оптомъ, — отвѣчалъ мальчижь.

— Ну, такъ доставьте мнѣ цвѣты оптомъ.

— Гм! собирать эдельвейсы дѣло кропотливое. Могу я взять съ собой кое-кого изъ товарищей?

— Сколько хотите.

— И вы купите все, что мы вамъ принесемъ?

— Да, все рѣшительно, mon brave. О чемъ вы думаете?

Мальчижь съ угрюмымъ лицомъ и ясными глазами казался смущеннымъ. Это порученіе смахивало на торгашество.

— Monsieur le capitaine, вѣрно, не только офицеръ, но и негодянтъ? — сказалъ онъ съ вопросительной ноткой въ голосѣ.

— Не совсѣмъ.

На этомъ они разстались, и „monsieur le capitaine“, смущенный неожиданнымъ, но естественнымъ заключеніемъ мальчика, благословляя судьбу за то, что Олимпія не присутствовала при ихъ разговорѣ.

Мальчиѣ поймалъ его на словѣ, и не мудрено, что капитанъ пришелъ въ отчаяніе.

Было шесть часовъ вечера, когда юный Огбѣ вернулся изъ экспедиціи. Шестеро здоровыхъ альпійскихъ ребятъ внесли въ комнату капитана шесть продолговатыхъ корзины, наполненныхъ до верху оригинальными цвѣтами.

— Bonsoir, monsieur le capitaine! Вотъ и мы.

— О, вотъ и вы. Оставьте пока ваши корзины. Это все?

— Еще шесть корзины на дворѣ, капитанъ; мы сочли приличіе внести сначала первыя шесть, а затѣмъ вторыя.

— Прекрасно. Очень прилично. Вотъ и другія шесть. Ну, мы завтра сочтемся, ребята. Благодарю васъ. Добраго вечера.

— Добраго вечера, капитанъ!—весело отвѣчалъ хоръ голо-совъ.

Бѣдный капитанъ Макнабъ!

### XXXVI.

#### Идеальный братъ.

Всѣ знаютъ, каковъ долженъ быть идеальный любовникъ; многіе знаютъ, каковъ бываетъ идеальный отецъ и идеальный мужъ; не многіе изъ насъ знаютъ, что значитъ идеальный кузень или другъ; но существо, если только нашлось бы такое, которое пожелало бы олицетворить собою идеальнаго брата, должно было бы претерпѣть фіаско, такъ какъ на этотъ счетъ положительно нѣтъ указаній, и это тѣмъ удивительнѣе, что міръ битвомъ набитъ идеальными сестрами.

Но вернемся къ капитану Макнабу. Если когда-нибудь чело-вѣкъ пытался олицетворить собой типъ идеальнаго брата, то это онъ — въ тотъ злополучный день, когда произошла его сдѣлка съ Огбѣ младшимъ. До тѣхъ поръ онъ врядъ ли могъ претендовать на этотъ титулъ. Капитанъ былъ вѣжливъ со всѣми дамами и, конечно, не дѣлалъ исключенія относительно Олимпіи; но, съ другой стороны—скажемъ это по секрету—капитанъ находилъ большое удовольствіе въ обществѣ всѣхъ дамъ, за исключеніемъ Олимпіи. Онъ не только не находилъ удовольствія въ ея обществѣ и не старался этого скрыть, но безсовѣстно бросалъ ее, предоставляя справляться съ одиночествомъ, какъ она знаетъ. Это жестоко огорчало Олимпію, по ея собственнымъ словамъ. Но, прибавляла Олимпія, она привыкла къ невниманію брата, такъ какъ

страдала отъ него дни, недѣли и мѣсяцы; Олимпія могла бы сказать: годы,—да только не любила упоминать про годы и также жестоко огорчалась, когда нѣкоторые люди напоминали ей, что изъ дней, мѣсяцевъ и недѣль образуются годы.

Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ встрѣтила она день, когда братъ ея какъ будто воплотилъ типъ идеальнаго брата, какимъ до сихъ поръ его рисовало дѣвическое воображеніе. Чудесно было найти такой типъ въ Вальтерѣ, который былъ всегда формально вѣжливъ, но рѣдко внимателенъ и никогда, рѣшительно никогда, нѣженъ и ласковъ. Онъ не только весь этотъ день не отходилъ отъ сестры, но обращался съ ней такъ нѣжно, какъ влюбленный. Онъ предложилъ ей вмѣстѣ прогуляться.

— Что! новый рисунокъ готовъ, сестрица?—спросилъ онъ, беря послѣднюю чудовищную мазню, совершенную ею.—Эге! дѣвочка, да ты скоро заткнешь за поясъ природу. Вотъ это...—онъ хотѣлъ сказать озеро, да въ время спохватился, какъ бы не соврать:—вотъ этотъ ландшафтъ—лучшая изъ твоихъ вещей.

Онъ приставалъ, чтобы сестра надавала ему порученій, и очень беспокоился о томъ, что она сидитъ на съезномъ вѣтру; предлагалъ читать ей вслухъ—словомъ, проявлялъ необычайную любезность, свойственную скорѣе юношамъ и рѣдко отличающую то, что принято называть зрѣлымъ возрастомъ.

Къ концу дня, когда удивленіе, произведенное такой внезапной и восхитительной переменой въ братѣ, успокоилось и смѣнилось невыразимымъ удовольствіемъ, миссъ Пекумъ сообщила Олимпіи вѣсть о двойномъ бракосочетаніи, готовившемся произойти въ Лепланѣ, причемъ одинъ изъ жениховъ—м-г Лами, а одна изъ невѣстъ—его сестра Николетта.

### XXXVII.

#### НЕОБЫКНОВЕННОЕ ПОВЕДЕНІЕ МИОСЪ МАЕНАБЪ.

Двойное бракосочетаніе и одинъ изъ жениховъ м-г Лами!

Такъ вотъ что означаетъ переменна въ поведеніи Вальтера! Олимпія вспыхнула до кончика носа. Даже шея у нея покраснѣла, когда она сказала себѣ, что разыграла дуру, и Вальтеръ это знаетъ.

Не успѣли замолкнуть шаги Огѣ младшаго и его компаніи за дверями капитана Маенаба, какъ онъ услышалъ хорошо знакомую плавную и величественную поступь въ корридорѣ. Затѣмъ

послышался стукъ въ дверь, отъ котораго онъ, хотя и вонъ, вздрогнулъ и слабо проговорилъ:

— Войдите.

Олимпія появилась въ дверяхъ.

Братъ ея, вставшій-было съ мѣста, упалъ обратно въ кресло съ трагическимъ жестомъ, которымъ человѣкъ какъ бы хватается за воздухъ, и который нѣкоторые люди неразумно считаютъ умѣстнымъ только на сценѣ. Оправившись немного, онъ взглянулъ на корзины. Онѣ были разставлены, повидимому, съ попыткой на симметрію, по три около каждой стѣны, такъ что, куда ни оглянешься, вездѣ глазъ встрѣчалъ груди эдельвейса. Съ корзины онъ перевелъ глаза на Олимпію, а она, по его примѣру, сначала взглянула на корзины, потомъ на него. И затѣмъ улыбнулась.

Этого капитанъ ожидалъ менѣе всего и даже застоналъ. Еслибы она стала рассказывать по комнатамъ, влетая цвѣты въ волосы и придерживая одной рукой платье, распѣвать англійскія старинныя баллады, подобно пожилой, новѣйшей Офелии, положеніе показалось бы ему менѣе таинственнымъ и зловѣщимъ. Онъ припоминалъ прежнія сцены, сопровождавшія его неудачныя покупки. Главной чертой въ нихъ было краснорѣчивое негодование Олимпіи, напоминавшей ему и то, какая она преданная сестра, и все, чѣмъ она ему пожертвовала, и оканчивавшей вопросами:—неужели онъ хочетъ разбить ея сердце? неужели черная неблагодарность должна служить наградой за самоотверженіе цѣлой жизни? не ослѣпла ли она и не помѣшалась ли? миссъ Мавнабъ ли она, а онъ—братъ ли ей?

Какъ ни былъ привыченъ къ сценамъ капитанъ, но онъ не безъ трепета глядѣлъ на сестру, олицетворявшую собой Немезиду и попеременно глядѣвшую то на него, то на корзины съ цвѣтами, съ мрачной улыбкой.

— Такъ вотъ почему... почему ты былъ такъ особенно ко мнѣ внимателенъ, Вальтеръ?

Въ ея голосѣ было что-то похоронное, но не гнѣвъ и даже не упрекъ,—и она все улыбалась.

— Моя дорогая Олимпія, я, право, никогда не ожидалъ, что это случится. Я думалъ... конечно, я думалъ, что оттомъ будетъ дешевле, но... ради самого неба, перестань такъ улыбаться, Олимпія! Я зналъ, что ты разсердишься, но я вовсе не ожидалъ, что ихъ натащатъ такую гибель...

— Постой!—перебила его Олимпія, и указала на корзины:—тутъ все?

— Все ли? Послушай, Олимпія, неужели ты думаешь, что я спряталъ еще дюжину корзинокъ въ своемъ гардеробѣ! Согласенъ, что на этотъ разъ я превзошелъ самого себя, но за то, вотъ тебѣ моя рука, что никогда больше не буду ничего покупать оптомъ.

Олимпія перестала улыбаться. Она догадалась, что брату не до нея, и что онъ завязъ подъ уши въ собственной бѣдѣ. Излишне говорить, какъ это ее обрадовало.

— Ну, будетъ объ этомъ, Вальтеръ!—воскликнула она съ веселымъ смѣхомъ.—Я... я принимаю твое обѣщаніе. Передѣлать сдѣланнаго нельзя. (Это вѣрнѣйшее изъ всѣхъ философическихъ замѣчаній капитанъ Макнабъ впервые услышалъ изъ устъ Олимпіи). Мы оба, надо сознаться, были неблагоприятны (другое признаніе, удивительное въ устахъ миссъ Макнабъ и сопровождаемое новымъ вивкомъ со стороны капитана). Впервые ты сознаешься, что не знаешь, что дѣлать съ своей покупкой. Подари мнѣ эти цвѣты, хочешь? Благодарю тебя! Боже мой, Вальтеръ, какая горячность! ты меня конфузишь.

Слова эти вызваны „поцѣлуемъ“, которымъ капитанъ, въ порывѣ небывалыхъ чувствъ, наградилъ сестру.

### XXXVIII.

#### БРАКОСОЧЕТАНІЕ.—СВАДЕБНЫЙ ЗАВТРАКЪ.

Лепланъ—самое маленькое изъ всѣхъ маленькихъ мѣстечекъ. Его почтовая контора—канурка, а церковь—другая. Большее число писемъ, получаемыхъ въ Лепланѣ, никогда не превышаетъ одной сотни, а прихожанъ въ церкви, въ самый разгаръ сезона, набирается около того: такъ какъ Лепланъ, какъ ни малъ, но, подобно другимъ мѣстечкамъ, имѣетъ свой „сезонъ“.

Но чего нѣтъ въ Лепланѣ—хотя это и удивительно—это газеты. Что есть мѣстечко на земномъ шарѣ съ двумя гостиницами, почтовой конторой и церковью, получающее иногда писемъ до ста штукъ въ день, и что въ немъ не находится ни одного безразсуднаго человѣка, чтобы завести газету, по крайней мѣрѣ на время сезона, гдѣ бы передавалось обо всемъ, что дѣлается и говорится—это явленіе до того освѣжающее, что одного упоминенія о немъ достаточно, кажется, чтобы сдѣлать Лепланъ привлекательнымъ. Однако я упоминаю объ этомъ фактѣ вовсе не затѣмъ, чтобы заманить добрыхъ людей по ту сторону Бѣ, подвергая ихъ риску ѣхать въ экипажѣ хитроумнаго

Менше съ его „характернымъ“ конемъ, а только затѣмъ, чтобы читатели знали, что нижеслѣдующая статья не была напечатана въ Лепланѣ. Она была написана дней десять спустя послѣ событій, пересказанныхъ въ послѣднихъ главахъ, одной изъ тринадцати особъ учебнаго штаба академіи Морель, и, сколько мнѣ кажется, въ ней довольно вѣрно схваченъ тонъ, присвоенный параграфомъ свадебнаго отдѣла, украшающаго нѣкоторыя изъ нашихъ модныхъ газетъ.

„Пріятнымъ перерывомъ въ нѣсколько однообразномъ спокойствіи нашего мирнаго убѣжища послужило вчера торжество тройнаго бракосочетанія въ нашей маленькой и первобытной церкви. Священнодѣйствующимъ былъ г. пасторъ Рондо, многоуважаемый мѣстный проповѣдникъ. Брачующіяся пары были:

„Первая пара: профессоръ Франсуа Лами, извѣстный ученый и поэтъ, и м-ле Минаръ. Вторая пара: м-ръ Эдуардъ Пигготъ и м-ле Лами. Третья пара: герръ Францъ Бюргеръ и фрейлейнъ Винкельридъ.

„Невѣсты были одѣты въ бѣлыя платья изъ швейцарской кисеи. Всѣ три платья отдѣланы эдельвейсомъ; на головѣ у каждой былъ вѣнокъ изъ эдельвейса, а въ рукахъ—букетъ изъ того же растенія. Проходъ отъ двери до алтаря былъ усыянъ эдельвейсомъ. У всѣхъ присутствующихъ дамъ были букеты изъ эдельвейса, а у джентльменовъ въ петлицахъ тоже красовались цвѣты эдельвейса. Эффеетъ былъ оригинальный и восхитительный. Мысль его принадлежитъ одной англійской лэди, посѣтительницѣ Леплана, миссъ Олимпіи Макнабъ, презентовавшей цвѣты“.

„Посаженными отцами невѣстъ, за исключеніемъ м-ле Лами, были ихъ отцы, пріѣхавшіе наканунѣ. Посаженымъ отцомъ м-ле Лами былъ капитанъ Макнабъ. Два другихъ джентльмена изъ присутствующихъ, знакомыхъ автору, были мистеры Джонъ, Жуанъ и Мервинъ Люскомбъ-Бинсы, послѣдній болѣе извѣстный подъ названіемъ „Ангель-Мервинъ“. Лэди были въ большинствѣ.

„Церемонія въ общемъ прошла удовлетворительно; дѣйствующія лица не имѣли такого страдальческаго вида, какой замѣчается обыкновенно при такихъ тягостныхъ обстоятельствахъ. Минутное волненіе произведено было громкими рыданіями въ собраніи, когда профессоръ Лами былъ порученъ отнынѣ и навѣки попеченіемъ м-ле Минаръ; скрежетъ зубовъ и раздираніе одеждъ будутъ слабыми терминами для передачи сокрушительной горести, выказанной двѣнадцатю учеными дѣвами, образующими учебный штабъ одной извѣстной академіи въ Женевѣ. Кромѣ того, когда профессоръ и его жена отходили отъ алтаря, моло-



дая англичанка, по имени миссъ Оттилія Люскомбъ-Бинсъ, встала и, произнеся нѣсколько безсвязныхъ словъ, опустилась на свое мѣсто съ застывшимъ взглядомъ à la Сара Бернаръ и окончѣлымъ туловищемъ. Сознаніе и чувствительность вернулись только послѣ того, какъ Ангель-Мервинъ и его сестра Марджери запустили въ нее двѣ булавки.

„Послѣ обѣдни всѣ присутствующіе, включая нѣсколько поселянъ, были приглашены къ завтраку на открытомъ воздухѣ въ садахъ Эдельвейса и Альпійской Розы, двухъ превосходныхъ мѣстныхъ гостинницъ, причемъ ворота были сняты съ обоихъ заведеній, соединенныхъ крытой галереей для даннаго случая, по просьбѣ трехъ брачныхъ паръ. Хозяйки гостинницъ...“

Дальше разобрать трудно, а потому мнѣ ничего не остается, какъ самой продолжать повѣствованіе. Начнемъ съ завтрака. Онъ былъ сервированъ въ саду на нѣсколькихъ столикахъ подъ наблюденіемъ Луи Огбѣ. Не желая унижать искусство, всемірно признаваемое за нѣмцами, нести дюжину стульевъ въ одной рукѣ, держа въ другой нѣсколько дюжинъ стабановъ съ бутылками, я должна сказать, что Луи Огбѣ могъ поспорить съ наилучшимъ изъ нѣмецкихъ вельнеровъ. Ему помогала прислуживать Бабетта, въ новомъ платьѣ и новомъ передникѣ по этому случаю, и младшій братъ.

Что касается гостей, то, за немногими исключеніями, всѣ, съ которыми читатель познакомился въ нашемъ разсказѣ, присутствовали на завтракѣ и, за немногими исключеніями, вполне прилично вели себя. М-ше Лами и м-ше Минаръ сидѣли рядомъ, хотя отнюдь не обмѣнялись такими жаркими дружескими изліяніями, какъ гг. Монтеки и Капулетти, когда рѣшили— правда, немного поздно,—покончить съ своей старинной распрей, но все же были очень вѣжливы другъ съ другомъ.

М-ше Морель, болѣе чѣмъ когда-либо смахивавшая на царицу пчель, носилась среди двѣнадцати своихъ подчиненныхъ, время отъ времени подбѣгая поцѣловать „*cette bonne chère Marie*“. Означенныя подчиненныя старались освоиться съ новымъ положеніемъ вещей, и, странно сказать, всего труднѣе, повидимому, съ нимъ мирились миссъ Скалонъ и м-ше Роберъ. Эти двѣ старыя дѣвы заявили, что когда человекъ рѣшится извлечь изъ блаженнаго незамужняго состоянія одну изъ тринадцати дѣвственницъ, то долженъ, по истинѣ говоря, избрать не младшую, для которой еще много времени впереди, но старшую.

— Нѣтъ, я не могу съ этимъ согласиться, — сказала м-ше Жандармъ, бросая взглядъ на младшую избранницу профессора:

— я вижу только...— она закинула въ ротъ большой кусокъ кѣса, — что мальчишество— большая ошибка. Благодаря ему, я не нравлюсь, а время мое уходитъ.

За послѣднимъ столомъ сидѣли фамиліи Люскомбъ-Бинсъ и Пекумъ. Говоря метафорически, надъ этимъ столомъ висѣло облако, частію потому, что пришлось удалить трехъ дѣтей, вообразившихъ, что лучшимъ образомъ почтить торжество—это наѣсться до отвала, и воспользовавшихся общимъ оживленіемъ, чтобы поглотить несмѣтное количество яствъ, послѣ чего у нихъ вдругъ сдѣлались колики въ желудкѣ, и они наполнили воздухъ криками и стенаніями. Церемонію удаленія приняли на себя миссъ Люскомбъ-Бинсъ, мистрисъ Пекумъ и миссъ Пекумъ.

Когда зрѣлище шести ногъ, болтающихся въ воздухѣ, и такого же числа рукъ, исчезли изъ виду, миссъ Люскомбъ-Бинсъ повернулась къ отцу и спросила черезъ столъ:

— Чтѣ съ вами, папа! чего вамъ угодно?

Тонъ былъ сердитый и непочтительный, но въ извиненіе Оттиліи скажемъ, что отецъ ея могъ святого вывести изъ терпѣнія своей пассивной нелѣпностью. Онъ уже цѣлую минуту сидѣлъ вытянувъ впередъ указательный палецъ правой руки; а такъ какъ передъ нимъ стояло много предметовъ, то физически невозможно было угадать, который ему требуется. Дѣло было вотъ въ чемъ. Несчастный, забитый человекъ, рѣшился воспользоваться отсутствіемъ жены и угостить самого себя сандвичемъ съ ветчиной. На вкусъ иностранцевъ такой сандвичъ можно есть безъ горчицы, ну, а на англійскій вкусъ не такъ; откусивъ кусочекъ, мистеръ Бинсъ нашель, что горчица необходима, и увидѣлъ какъ разъ направо, около своей дочери Оттиліи, въ судкѣ банку съ темной жидкостью, которая, какъ англичане скоро убѣждаются въ томъ, замѣняетъ на континентѣ горчицу Кольмана.

М-ръ Бинсъ хотѣлъ попросить дочь передать ему судокъ; пытался много разъ произнести:—передай мнѣ горчицу!

Для человекъ, незнакомаго съ той особенной формою болѣзни, которую наука окрестила хорошенькимъ именемъ amnesia, покажется, что нѣтъ ничего проще какъ сказать: — передай мнѣ горчицу.

Но мистеръ Бинсъ не могъ этого сказать. Онъ могъ произнести какое угодно слово, но только не горчица: это блюдо, эту ложку, эту шляпу, этотъ зонтикъ, эту альпійскую палку, все, чтѣ хотите, вертѣлось у него на языкѣ, но горчица не выговаривалась. И только убѣдившись въ бесполезности усилій, онъ

вытянул указательный палецъ съ нѣмымъ воззваніемъ къ дочери, разсердившимъ ее.

— Ну да, папа, что вамъ угодно? — повторила она еще рѣзче.

Къ счастью (многіе сказали бы: къ несчастію), въ этотъ моментъ вернулись mesdames Люскомбъ-Бинсъ и Пекумъ, и миссъ Отти уткнулась въ свою тарелку. Здѣсь встаетъ будетъ замѣтить, что миссъ Люскомбъ-Бинсъ была такъ близорука, что когда она ѣла, то казалось, что она точно овца щиплетъ траву.

Мистеръ Бинсъ, при видѣ своихъ лучшихъ трехъ четвертей, выпустилъ изъ рукъ сандвичъ и простился съ надеждой полакомиться имъ.

Онъ взялъ ближайшее отъ себя блюдо съ десертомъ и подалъ женѣ. Она поглядѣла на блюдо и затѣмъ на злополучный сандвичъ у мужа на тарелкѣ.

— Благодарю васъ, мистеръ Бинсъ, я не обжора. Не отъ *меня*, мистеръ Бинсъ, дѣти унаслѣдовали свою жадность; не *мой* примѣръ заставилъ ихъ дать намъ унижительное зрѣлище, котораго мы только-что были свидѣтелями. Возьмите прочь это блюдо, мистеръ Бинсъ.

Мистеръ Бинсъ повиновался съ видомъ собаки, которую только-что ошпарили, и она смиренно поджимаетъ хвостъ.

— Жуанъ, Отти! — мистриссъ Бинсъ повернулась къ дочери и сыну: — если вы не научились уважать отца или незнакомы съ пятой заповѣдью, то выходите вонъ изъ-за стола!

Это нѣсколько неожиданное заключеніе вызвано было тѣмъ обстоятельствомъ, что Жуанъ и Оттилія съ нескрываемой насмѣшкой глядѣли на отца, пока его распевала ихъ мамаша. У миссиссъ Люскомбъ-Бинсъ, хотя она никогда не щадила мужа при дѣтяхъ, было въ обычаѣ требовать отъ нихъ къ нему почтенія.

Провинившіяся дѣти опустили глаза; то же самое сдѣлалъ и мистеръ Бинсъ. И это-то и было то облако надъ столомъ, про которое мы упомянули выше.

Къ счастью, кругомъ по близости происходили болѣе веселыя сцены. Въ нѣсколькихъ шагахъ разстоянія сидѣлъ м-гъ Менье, владѣлецъ своенравной лошади, приглашенный по специальной просьбѣ Маргариты, которая познакомила съ нимъ мужа, утверждая, что такъ какъ онъ хотѣлъ знать подробности объ ея паденіи, то ему всего лучше обратиться за ними къ м-гу Менье. И м-гъ Менье разсыпался передъ нимъ въ похвалахъ своему коню, описывая прихотливый и эксцентричный нравъ Амі, но увѣряя при

этомъ, что такихъ поступковъ, каковой онъ позволилъ себѣ съ mademoiselle, pardon! madame, выбросивъ ее изъ телѣжки, — такихъ поступковъ за нимъ еще не водилось.

Во время этого разговора, или, вѣрнѣе сказать, монолога, Францъ Бюргеръ, несмотря на обѣщаніе, данное имъ женѣ, не выдержалъ и принялся хохотать; конечно, не громко, — этого бы ему Маргарита ни за что не простила. Но онъ весь трясся отъ внутреннего смѣха, и Маргарита догадалась о томъ, потому что скамейка, на которой они сидѣли, тоже тряслась.

Что, если м-г Менье тоже это замѣтитъ и догадается о причинѣ? онъ, конечно, пойметъ, что Маргарита и Францъ доставили себѣ развлеченіе, поднимая его на смѣхъ, и тогда... Бѣдная Маргарита съ трудомъ перевела духъ. — Человѣкъ (говорила она самой себѣ съ той быстротой соображенія, какая присуща только женщинамъ: ни одинъ мужчина, кромѣ развѣ Бэкона, не создастъ въ полчаса такую обширную философію, какую женщина создаетъ въ полминуты) можетъ быть юмористомъ, и очень сильно наслаждаться, подсмѣиваясь надъ другими; но иное дѣло, если онъ замѣтитъ, что самъ служить посмѣшищемъ для другихъ. Ergo (очень почтенная, полагаю, въ женщинѣ черта: когда она создаетъ теорію хотя бы минутнымъ размышленіемъ, она всегда кончаетъ: ergo), ergo, хотя м-г Менье и юмористъ, и радъ былъ бы подшутить надъ Францемъ Бюргеромъ, но, конечно, разсердится, замѣтивъ, что Францъ подсмѣивается надъ нимъ. Къ счастью, въ эту минуту Маргарита увидѣла доктора, напыщеннаго человѣка, лечившаго ее во время болѣзни. Онъ поклонился ей.

— Милый Францъ, мнѣ хочется познакомить тебя съ докторомъ Тэпигъ.

Маленькій докторъ встаетъ, раскланивается и горячо пожимаетъ руки „madame“ и „monsieur“, и — курьезно сказать — въ тонѣ его замѣчается большая перемѣна. Покровительственная нота и мѣстоименіе „мы“ совершенно исчезли. Двухчасовая фрау Бюргеръ видитъ такое почтеніе къ своей персонѣ, какого Маргарита Винкельридь не видѣла въ продолженіе двадцати лѣтъ. Ее уже не считаютъ ребенкомъ; объ ея ногѣ не говорятъ больше такъ, какъ будто бы она была общей собственностью. Маленькій докторъ говоритъ теперь совсѣмъ серьезно, обращаясь по временамъ къ Маргаритѣ, нѣсколько сухо, быть можетъ, и вдаваясь въ различныя анатомическія подробности, но тѣмъ почтительнѣе, и Маргарита желчно это замѣчаетъ.

— Этотъ докторъ, кажется, большой педантъ, — говорить

Францъ женѣ, когда они уходятъ въ другую часть сада,—но я не замѣтилъ въ немъ ничего особенно комичнаго, какъ ты говорила.

Маргарита не отвѣчаетъ ему, но рассматриваетъ свое обручальное кольцо съ улыбкой, которая съ губъ прокрадывается въ глаза. И вдругъ дѣлаетъ заявленіе, которое, полагаю, ни одинъ мужъ не выслушаетъ съ неудовольствіемъ:

— А все-таки я очень рада, Францъ, что я замужемъ.

### XXXIX.

Конецъ отчасти лингвистическій, отчасти сентиментальный.

— Нѣтъ, постой, я хочу знать ихъ всѣхъ наперечетъ.

Говоритъ это м-съ Пигготъ, швейцарская м-съ Пигготъ, своему англійскому супругу, возсѣдающему около нея. Говоря это, она прикладываетъ указательный палецъ правой руки къ большому пальцу лѣвой, въ знакъ того, что приготовилась къ счету.

Она желаетъ узнать различныя уменьшительныя крестныя имена своего мужа. Послѣ того, какъ она познакомилась съ тѣми именами его фамиліи, какія присутствовали на его свадьбѣ въ Леплагѣ, она убѣдилась, что у ея мужа, по крайней мѣрѣ, съ полдюжины кличекъ. Француженки по природѣ любятъ порядокъ, и Николетта желаетъ пересчитать прозвища мужа по пальцамъ и занести ихъ въ память.

— Начнемъ въ алфавитномъ порядкѣ,—продолжаетъ она.— Нэдъ группируется съ Нэди—это составляетъ два.—Отдѣляя два пальца лѣвой руки—Тэдъ группируется съ Тэди—еще два—значитъ четыре. Чему ты смѣешься?

— Мы забыли про Эдди.

— Ахъ, какъ это несносно! Ну, Эдди группируется съ Эдъ.

— Эдъ? Такого имени нѣтъ.

— Неужели?—съ удивленіемъ вопрошаетъ жена, недовольная такой аномаліей.—Почему же, скажи, пожалуйста?

— Это одна изъ тайнъ нашего языка.

Бѣдная Николетта умолкаетъ. Въ то время, какъ она сидитъ возлѣ Нэда, поглядимъ на нее. Она далеко не такая красавица, какъ Маргарита. Но личико у нея хорошенькое, немного дѣтское; цвѣтъ лица могъ бы быть нѣжнѣе, волосы шелковистѣе; однако она мила: высокая, тонкая, съ безукоризненными руками и ногами. Въ ней есть то, что французы называютъ „*châque*“.

— Что твоя мать капризна, Эдуардъ?—спрашиваетъ Николетта послѣ минутнаго молчанія, разглядывая даму, одѣтую à l'anglaise — пышную, пожилую матрону въ очень короткомъ платьѣ изъ очень легкой матеріи, въ большой шляпѣ изъ плетеной соломы, вся отдѣлка которой состоитъ изъ вуаля, собраннаго свяди на шнуры и свободно висящаго кругомъ шляпы. Около этой лэди сидятъ ея хорошенькія дочки, настоящія Doppelgänger, обѣ одѣтыя совершенно одинаково въ ультра-эстетическомъ вкусѣ, такъ что, благодаря такой комбинаціи искусства и природы, ихъ можно было бы назвать „этюды нимфъ“. Съ другой стороны матроны стоитъ красавецъ и атлетъ, мальчикъ лѣтъ двѣнадцать съ голыми смуглыми ногами.

— Что твоя мать капризна, Эдуардъ?—повторяетъ Николетта, разглядывая эту группу.

— Да, очень капризна. Почему ты это спрашиваешь?

— Потому что моя очень капризна. Во-первыхъ, ей не понравится, что у тебя столько именъ. Я знаю впередъ, что она скажетъ: que le diable emporte ces anglais! Ned, Ted, et ainsi de suite. Voilà des bêtises!

Николетта такъ похоже передразнила мать, что Эдуардъ Пигготъ не могъ не разсмѣяться.

„Какая она хорошенькая,—подумалъ онъ,—и какъ она хорошо говорить по-французски!“

Послѣднее, прошу замѣтить, онъ считаетъ въ ней большимъ достоинствомъ.

Съ этими мыслями онъ беретъ ея руку въ обѣ свои и громко прибавляетъ:

— Дорогая моя французенка! Повтори еще разъ это лестное восклицаніе: que le diable emporte ces anglais!

Такъ они болтаютъ въ то время, какъ солнце все выше и выше поднимается въ небѣ.

А что же м-г Лами и Мари? Тоже болтаютъ, сидя на скамейкѣ? Нѣтъ, они гуляютъ по саду. Какіе они оба высокіе! Ея рука опирается на его руку. Они выходятъ изъ сада и идутъ по дорогѣ.

— Мари, жена, погляди-ка!

Онъ вынимаетъ изъ кармана книжку и подаетъ ей.

Это..? да, да, конечно, это она самая, знакомая намъ любопытная записная книжка!

— Что ты хочешь этимъ сказать, Франсуа? Зачѣмъ ты мнѣ даешь? Ты хочешь, чтобы я ее прочитала?

— Конечно, если тебѣ угодно. Главное, я желалъ бы, чтобы

ты бросила ее въ рѣку. Я только-что открылъ, моя душа, что жизнь не совсѣмъ комедія, а любовь не совсѣмъ фарсъ. Я...

Она не слушаетъ его и полураскрываетъ книжку.

— Нѣтъ, это будетъ великодушно.

И съ этими словами бросаетъ ее въ рѣку.

— Мари, милая!

И они идутъ дальше, молча, но въ головѣ у нихъ проносятся вереницей разныя *belles pensées*, которыя такъ легко забываются, а потому (хотя вы навѣрное разсмѣтесъ, читатель, но я за цѣлое королевство не промолчу объ этомъ) ш-г Лами немного сожалѣетъ о томъ, что не вырвалъ хотя одного листочка изъ записной книжки и не сохранилъ обломка карандаша.

А. Э.



---

# БЕЛЛЕТРИСТЫ

## ПОСЛѢДНЯГО ВРЕМЕНИ

---

А. П. Чеховъ. — К. С. Баранцевичъ. — Ив. Щегловъ.

---

Въ наше время едва ли найдется такой читатель—тѣмъ менѣе такой критикъ, — который сталъ бы измѣрять достоинство произведенія его длиною. Никто не сомнѣвается въ томъ, что старинное французское изреченіе: „un sonnet sans défaut vaut seul un long poëme“—вполнѣ примѣнимо и къ прозѣ, что самый небольшой набросокъ можетъ имѣть высокую художественную цѣнность. Альфонсъ Додэ прославился какъ авторъ „Contes du Lundi“, не написавъ еще ни одного романа; извѣстность Мопассана основывается преимущественно на его мелкихъ рассказахъ. Привычѣе не считать, а *взвѣшивать* строки у насъ, русскихъ, должны были положить начало уже повѣсти Бѣлкина. Не въ объемѣ рассказовъ г. Чехова нужно искать, слѣдовательно, загадку тому, что о нихъ мало говорили наши журналы и газеты; еще меньше это зависитъ отъ мѣста первоначальнаго ихъ напечатанія. Появляясь въ газетѣ, читаемой или просматриваемой второпяхъ, случайный, отдѣльный очеркъ рискуетъ, иногда, остаться мало замѣченнымъ или недостаточно оцѣненнымъ; но для цѣлаго ряда очерковъ, сколько-нибудь талантливыхъ, этотъ рискъ весьма невеликъ, особенно если газета принадлежитъ къ числу большихъ и распространенныхъ. Онъ исчезаетъ совершенно, какъ только очерки соединяются въ *книгу*, для читателей которой совершенно безразлично ея происхожденіе. Напрасно было бы



также связывать невниманіе къ г. Чехову съ нерасположеніемъ къ тѣмъ органамъ печати, въ которыхъ онъ обыкновенно помѣщаетъ свои рассказы. Эта связь могла бы существовать развѣ въ такомъ случаѣ, еслибы написанное г. Чеховымъ отличалось специфическимъ характеромъ, свойственнымъ извѣстной прессѣ, еслибы оно носило на себѣ слѣды сосѣдства съ нравственной распущенностью, съ полемическими приѣмами низшаго сорта; но мы увидимъ, что ни въ чемъ подобномъ г. Чехова упрекнуть нельзя. Малочисленность и краткость отзывовъ, доставшихся, до сихъ поръ, на его долю, объясняется, какъ намъ кажется, гораздо проще. Критическій отдѣлъ нашихъ періодическихъ изданій давно уже не претендуетъ на полноту, давно уже представляетъ пробѣлы, пополняемые болѣе или менѣе случайно, по прошествіи болѣе или менѣе значительныхъ промежутковъ времени. Серьезнымъ пробѣломъ, притомъ, можно было бы считать только молчаніе критики о второмъ сборникѣ г. Чехова („Въ сумерки“), вышедшемъ въ свѣтъ весьма недавно. Мы никакъ не можемъ согласиться ни съ тѣми, кто отрицаетъ развитіе дарованія г. Чехова и готовъ видѣть въ послѣднихъ его произведеніяхъ „начало конца“, ни съ тѣми, кто одинаково восхищается всѣмъ вышедшимъ изъ-подъ его пера. Первый сборникъ г. Чехова — „Пестрые рассказы“ — стоитъ, въ нашихъ глазахъ, несравненно ниже второго. Мы коснемся его лишь настолько, насколько это нужно чтобы освѣтить шагъ впередъ, сдѣланный писателемъ.

Небольшимъ рассказамъ, особенно когда они пишутся на сребъ и въ виду заранѣе опредѣленной, тѣсной рамки, часто угрожаетъ превращеніе въ „анекдотъ“, т. е. въ нѣчто совершенно чуждое искусству. Задача анекдота исчерпывается пересказомъ курьезнаго или забавнаго факта, сочиненнаго или списаннаго съ природы; цѣль его кажется достигнутой, если читателей удалось насмѣшить или занять, хотя бы самыми первобытными, даже грубыми средствами. Изъ-за „происшествія“ въ анекдотѣ почти не видно дѣйствующихъ лицъ; рѣчь идетъ не о томъ, чтобы нарисовать картину или изобразить душевное настроеніе, а исключительно о томъ, чтобы подобрать занимательную комбинацію обстоятельствъ. Какъ бы ловко ни были переданы анекдоты и сколько бы ихъ ни было нагромождено одинъ на другой, они неминуемо и заслуженно осуждены на забвеніе, развѣ если очень ужъ велика извѣстность лица, къ которому они относятся. Въ „Пестрыхъ рассказахъ“ г. Чехова преобладаетъ именно элементъ анекдотическій; значительно болѣшая ихъ часть могла бы остаться похороненной въ летучихъ газетныхъ листкахъ, безъ

всякой потери для русской литературы и для самого автора. Легковѣсный, рассчитывающій только на минутное любопытство, анекдотъ мало заботится о естественности, о вѣроятности; его пивантность коренится, сплошь и рядомъ, именно въ его несообразности. Не слишкомъ-то правдоподобно, на примѣръ, чтобы двумъ учителямъ прогимназіи пришла, въ одно и то же время, мысль украсить свою грудь непринадлежащимъ ей орденомъ и съ этимъ украшеніемъ отправиться на званый обѣдъ; но положеніе обоихъ самозванцевъ, неожиданно очутившихся другъ противъ друга, можетъ вызвать улыбку — и г. Чеховъ пишетъ рассказъ: „Орденъ“. Еще менѣе правдоподобно, чтобы чиновники какого-то присутственнаго мѣста условились называть карточныхъ королей, тузовъ и дамъ именами высшихъ должностныхъ лицъ города и ихъ супруговъ, чтобы игроковъ застигъ врасплохъ ихъ главный начальникъ и чтобы, увлекшись остроумной выдумкой, онъ тутъ же сѣлъ играть съ изобрѣтателями и провелъ съ ними за картами цѣлую ночь; но je toller, desto lieber — и г. Чеховъ пишетъ рассказъ: „Новинка“. Совершенно невозможно, чтобы на эстрадѣ клуба, даже самаго наипровинциальнѣйшаго, была произнесена рѣчь „о вредѣ табака“, влагаемая г. Чеховымъ въ уста Маркела Иваныча Нюхина; но невозможное бываетъ иногда смѣшнымъ — и ради смѣшного г. Чеховъ не отступаетъ передъ невозможнымъ. Понятно, что комизмъ получается, въ такихъ случаяхъ, очень невысокій. Еще ниже онъ опускается тогда, когда къ невѣроятности присоединяется скабрзность, какъ на примѣръ въ рассказѣ: „Дочь Альбіона“. Спѣшимъ прибавить, что этимъ послѣднимъ недостаткомъ г. Чеховъ грѣшитъ очень рѣдко.

На одномъ уровнѣ съ анекдотами, напоминающими поговору: „Не любо, не слушай“... стоятъ другіе, въ содержаніи которыхъ нѣтъ ничего неправдоподобнаго, но слишкомъ много зауряднаго. Санитарная коммиссія, конфискующая гнилыя яблоки и потомъ закусывающая ими („Надежація мѣры“); рыба, забившаяся подъ корягу и вытаскиваемая оттуда сначала плотниками, потомъ пастухомъ, потомъ самимъ баринномъ („Налимъ“); фельдшеръ, безуспѣшно старающійся вырвать зубъ у дьячка („Хирургія“); помѣщикъ, ѣдущій на выборы и поворачивающій назадъ, вслѣдствіе встрѣчи съ зайцемъ („Не судьба“); черезъ-чуръ веселые присяжные повѣренные, попадающіе, по ошибкѣ, въ чужую дачу („Заблудшіе“) — все это, пожалуй, забавно, но забавно на манеръ послѣ-обѣденныхъ росказней, потѣшающихъ мало взыскательную и смѣшливо настроенную публику. Мы встрѣчаемся здѣсь и съ такими фамиліями, какъ Ахинеевъ, Мзда, Трамблянъ,

Падекуа (последними двумя именуются, какъ и слѣдовало ожидать, учителя французскаго языка), и съ Пятисобачимъ переулкомъ, и съ селомъ Блины-Свѣдены; на помощь ослабѣвающему остроумію призываются „смѣшныя словечки“, смѣшныя сопоставленія словъ... Отъ времени до времени авторъ старается уже не позабавить, а тронуть или потрясти читателей, но это ему рѣдко удается, потому что складъ разсказа все-таки остается, болѣею частью, анекдотическій. Разница заключается въ томъ, что вмѣсто „происшествія“ смѣхотворнаго берется „происшествіе“ страшное — напимѣръ зимняя буря на морѣ, лодка, погибающая среди льдинъ, дурачокъ, ищущій въ смерти избавленія отъ мучительной боли („Въ рождественскую ночь“). Жена, рассчитывавшая на гибель нелюбимаго мужа, внезапно видитъ его передъ собою. У нея вырывается пронзительный вопль, въ которомъ „слышалось все: и замужество по-неволѣ, и непреоборимая антипатія къ мужу, и тоска одиночества, и, наконецъ, рухнувшая надежда на свободное вдовство“. Авторъ, очевидно, усиливался быть патетичнымъ, но результатомъ его усилій явилось только нѣчто въ родѣ пародіи на крикъ Тамары въ Лермонтовскомъ „Демонѣ“. Мелодрама заканчивается, какъ и быть надлежитъ, катастрофой и метаморфозой; постылый мужъ добровольно идетъ на смерть, а въ сердцѣ жены, пораженной его великодушіемъ, ненависть внезапно уступаетъ мѣсто любви. Въ „Вербѣ“, въ „Горѣ“, въ „Старости“ меньше претензій, но психологія автора остается до крайности элементарной и разсказъ соприкасается, по временамъ, съ дневникомъ происшествій.

Есть, однако, и въ первой книгѣ г. Чехова страницы совершенно другого рода. Надъ обычнымъ уровнемъ стоятъ уже тѣ разсказы, въ которыхъ анекдотъ переплетается съ картинкой нравовъ, и дѣйствующія лица перестаютъ быть *только* маріонетками, гримасничающими и кривляющимися на потѣху нетребовательныхъ зрителей. Таково, напимѣръ, изображеніе мирнаго уголка, встревоженнаго вѣстью о скоромъ прибытіи важной особы и готовящагося плѣнить ее стройнымъ церковнымъ пѣніемъ („Пѣвчіе“). Особа пріѣзжаетъ... и выражаетъ желаніе, чтобы обѣдня, ради скорости, была отслужена безъ пѣвчихъ. Противоположность между предшествующей суетой и послѣдующимъ разочарованіемъ производитъ истинно комическое впечатлѣніе, достигаемое безъ всякихъ усилій со стороны автора. Очень недурны также разсказы: „У предводительши“, „Оба лучше“, „Пересолил“, „Комикъ“; и здѣсь источникъ комизма заключается въ контрастѣ, не притянутомъ за волосы, но вполне естественномъ и жизнен-

номъ. Хорошо удаются автору и очерки дѣтской психологiи („Кухарка женится“, „Дѣтвора“), но всего выше поднимается онъ тогда, когда рисуетъ душевное состояніе, когда средоточіемъ разсказа служить не „происшествіе“, а моментъ — комическій или трагическій, это все равно — изъ внутренней жизни человѣка. Въ „Сонной одурѣ“, напримѣръ, мы точно видимъ собственными глазами залу судебныхъ засѣданій, надъ которой царить безнадежная, непроходимая скука — и для насъ понятны смутные образы, навѣваемые ею на дремлющаго адвоката. Въ „Злоумышленникѣ“ чрезвычайно живо обрисованъ крестьянинъ, сдѣлавшійся преступникомъ самъ того не зная и не понимая. Въ „Тоскѣ“ трогательна фигура извозчика, удрученнаго горемъ и напрасно ищущаго, кому бы его повѣдать.

Во второмъ сборникѣ г. Чеховъ уже почти не сходитъ съ той дороги, на которую онъ вступилъ въ лучшихъ изъ числа „Пестрыхъ разсказовъ“. Совершенно свободными отъ анекдотическаго элемента „Сумерки“ назвать нельзя, но онъ выступаетъ на сцену сравнительно рѣдко и въ формѣ болѣе изящной и тонкой. Такъ напримѣръ, въ основаніи „Недобраго дѣла“ безспорно лежитъ анекдотъ, но онъ вставленъ въ красивую оправу непроглядно-темной ночи, и центромъ тяжести его служить не столько „происшествіе“ — ловкій обманъ, жертвой котораго сдѣлался кладбищенскій сторожъ, — сколько мрачный юморъ, звучащій въ рѣчахъ обманщика. Въ „Пустомъ случаѣ“ изъ-за охотничьяго приключенія выглядываютъ довольно рельефно очерченныя фигуры захудалаго князька и женщины, безнадежно въ него влюбленной. Въ „Врагахъ“ необычайное стеченіе обстоятельствъ — у одного изъ дѣйствующихъ лицъ умираетъ единственный сынъ, другого въ то же самое время бросаетъ жена — не вполнѣ заслоняетъ собою контрастъ между двумя противоположными натурами, между представителями двухъ общественныхъ группъ, скрытая неприязнь которыхъ всегда готова вспыхнуть и вырваться наружу. Необычайно также и „происшествіе“, о которомъ повѣствуетъ очеркъ: „Въ судѣ“; конвойный солдатъ оказывается сыномъ подсудимаго, и послѣдній внезапно обращается къ нему, какъ къ свидѣтелю, могущему разъяснить одинъ изъ спорныхъ пунктовъ дѣла. Достоинству очерка это, однако, не вредитъ нисколько, потому что авторъ сумѣлъ сосредоточить вниманіе читателей не на неожиданномъ эффектѣ, а на картинѣ судебного разбирательства — на сонномъ, вяломъ равнодушіи, среди котораго рѣшается судьба человѣка. Кому дорогъ нашъ новый судъ, тотъ почувствуетъ, быть можетъ, невольное раздраженіе противъ автора, вы-

ставляющаго его въ такомъ печальномъ видѣ; но стоить только спросить себя, *возможно* ли такое отношеніе къ дѣлу, какое изображено г. Чеховымъ—и придется дать утвердительный отвѣтъ, оправдывающій автора. Онъ не сочиняетъ, не возводитъ случайный фактъ на степень общаго правила, а просто показываетъ то, что *иногда* бываетъ въ дѣйствительности. Нѣтъ такого важнаго, торжественнаго дѣйствія, которое не могло бы войти въ привычку, потерять свой внутренній смыслъ и принять рутинный характеръ. Зеркало, отражающее его такимъ, какимъ оно есть, ни въ чемъ не виновато; оно только напоминаетъ объ идеалѣ, по временамъ упускаемомъ изъ виду.

Съ областью „происшествія“ и анекдота жанръ, избранный г. Чеховымъ, граничить только одной своей стороной; другую онъ примыкаетъ къ сферѣ повѣсти и романа. Чтобы сохранить свою своеобразность, ему не слѣдуетъ конкурировать ни съ той, ни съ другою. Короткій рассказъ не долженъ быть ни простымъ снимкомъ съ случайнаго факта, ни экскурсіей въ сферу сложныхъ душевныхъ движеній, не поддающихся, если можно такъ выразиться, усиленной конденсаци. Эластичность сюжета имѣетъ свои предѣлы; есть задачи, которыя невозможно исполнить на пространствѣ нѣсколькихъ страницъ, невозможно сжать, дальше извѣстной черты, даже съ помощью самаго могучаго художественнаго прессы. Въ „Сумеркахъ“ есть очерки, грѣшащія, такъ сказать, именно избыткомъ давленія. Въ „Вѣрочкѣ“, на примѣръ, мы видимъ признаніе въ любви, идущее со стороны дѣвушки и не находящее желаннаго отвѣта. Что заставило Вѣру порвать съ обычаемъ, что помѣшало ей заранѣе предвидѣть отказъ Огнева, что удержало послѣдняго отъ увлеченія, бывшаго столь близкимъ и столь возможнымъ—все это едва намѣчено авторомъ или не намѣчено вовсе. Чтобы понять и Вѣру, и Огнева, чтобы пережить вмѣстѣ съ ними рѣшительную минуту, мы должны были бы знать ихъ обоихъ гораздо ближе. Съ тою же неизбежной, вынужденной неполнотой мы встрѣчаемся и въ картинѣ послѣднихъ колебаній, предшествующихъ паденію замужней женщины („Несчастье“), и въ исповѣди скитальца, одержимаго страстью вѣрить и безпрестанно мѣняющаго объектъ своей вѣры („На пути“). Во всѣхъ этихъ рассказахъ есть прекрасныя подробности, но ни одинъ изъ нихъ не производитъ цѣльнаго впечатлѣнія. Положенія и характеры то слишкомъ знакомы („Вѣрочка“, на примѣръ, напоминаетъ „Асю“), то слишкомъ смутны и неопредѣленны. Иногда, быть можетъ, это зависитъ отъ недостатка творческой силы—Лихаревъ, на примѣръ, задуманъ лучше, чѣмъ испол-

ненъ („На пути“),—но главной причиной неудачи или полу-успѣха все-таки остается непропорциональность между содержаниемъ и формой.

Совсѣмъ другихъ результатовъ авторъ достигаетъ тогда, когда избранная имъ тема не требуетъ широкаго развитія, когда она укладывается легко и свободно въ небольшую рамку, излюбленную г. Чеховымъ. Такихъ темъ у г. Чехова не мало, и онѣ отличаются большимъ разнообразіемъ. Ему удаются и декорации, увеличивающія эффектъ дѣйствія, и портреты, нарисованные немногими рѣзкими штрихами; ему удается, въ особенности, воспроизведеніе мгновенныхъ душевныхъ настроеній, понятныхъ безъ углубленія въ прошедшее дѣйствующихъ лицъ, безъ всесторонняго знакомства съ ними. Возьмемъ, на примѣръ, „Мечты“. Двое сотскихъ ведутъ въ городъ бродягу, непомятаго родства. Мы видимъ эту компанію всего нѣсколько минутъ, слышимъ только небольшой отрывокъ изъ ея разговоровъ, но этого довольно, чтобы она запечатлѣлась въ нашей памяти. Жалкая, тшедушная фигурка бродяги сливается въ одно цѣлое съ хмурымъ осеннимъ пейзажемъ. Бѣдняга уже усталъ, только-что пустившись въ свой дальній и трудный путь—но это не мѣшаетъ ему грезить объ успокоеніи и довольствѣ, которое онъ найдетъ въ концѣ пути. Его мечтательное настроеніе заразительно; оно сообщается и спутникамъ его, никогда, быть можетъ, не улетавшимъ въ область фантазіи. Они переносятся, вслѣдъ за нимъ, въ сибирское приволье, въ вѣковые лѣса, на берега могучихъ рѣкъ. „Они рисуютъ себѣ картины вольной жизни, какою никогда не жили; смутно ли припоминаютъ они образы давно слышаннаго, или же представленія о вольной жизни достались имъ въ наслѣдство вмѣстѣ съ плотью и кровью отъ далекихъ вольныхъ предковъ—Богъ знаетъ!“ Увлеченіе, впрочемъ, продолжается недолго. „Позавидовалъ ли Никандръ (одинъ изъ сотскихъ) призрачному счастью бродяги, или почувствовалъ, что мечты о счастьѣ не вяжутся съ сѣрымъ туманомъ и чернобурой грязью, но только онъ сурово глядитъ на бродягу и говоритъ: не доберешься ты, братъ, до привольныхъ мѣстъ. Гдѣ тебѣ? Верстъ триста пройдешь и Богу душу отдашь. Вишь ты какой дохлый!“ Грубое напоминаніе о дѣйствительности поражаетъ бродягу точно обухомъ. Онъ опять чувствуетъ себя слабымъ, безпомощнымъ; вмѣсто сибирскаго приволья ему видятся другія знакомыя картины—пересыльныя тюрьмы, арестантскія барки, болѣзни, смерти товарищей... „Непомятій родства съ ужасомъ глядитъ на безстрастныхъ лица своихъ спутниковъ и, не снимая фуражки, выпучивъ глаза, быстро вкрестится. Онъ весь

дрожать, трасеть головой и всего его начинает корчить, какъ гусеницу, на которую наступили"... Занавѣсъ опускается—но авторъ сдѣлалъ свое дѣло; передъ нашими глазами совершилась скромная, но, тѣмъ не менѣе, тяжелая житейская драма... Такою же законченностью отличается и другая картина: „Святою ночью“. Весенній пейзажъ, переправа черезъ рѣку, разговоръ съ монахомъ-перевозчикомъ, ночная церковная служба—вотъ все содержаніе разсказа. Внѣшняя обстановка занимаетъ здѣсь гораздо больше мѣста, чѣмъ въ „Мечтахъ“, но на свѣтломъ фонѣ пасхальной ночи все-таки довольно ярко выдѣляются фигуры Иеронима и его умершаго друга, непризнаннаго поэта, нѣжнаго и вроткаго сочинителя духовныхъ гѣсенъ. Какъ натуральна и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ трогательна откровенность Иеронима, дѣлящагося своимъ горемъ съ первымъ попавшимся проѣзжимъ, потому что ему не съ кѣмъ подѣлиться имъ въ стѣнахъ монастыря! Торжественность минуты, тишина ночи, красота огней, отражающихся въ рѣкѣ—все это усиливаетъ дѣйствіе простодушнаго разсказа, и для насъ совершенно понятно, что слова Иеронима продолжаютъ звучать въ душѣ его слушателя даже среди радостнаго шума пасхальнаго богослуженія.

Психологія „простыхъ“ людей—простыхъ не по сословію или званію, а по малочисленности и несложности управляющихъ ими побужденій—не требуетъ обширныхъ изслѣдованій и находить для себя достаточно простора въ разсказахъ г. Чехова. Чтобы показать намъ во весь ростъ Савву и Агафью („Агафья“), дядичу и ея мужа („Вѣдьма“), лавочника Андрея Андреича („Панихида“), нужно немного времени и мѣста—и они выступаютъ передъ нами какъ живые. Въ „Вѣдьмѣ“, мѣстами, слишкомъ густо положены краски, въ „Панихидѣ“ воспоминанія отца объ умершей дочери смѣшиваются, на одномъ пунктѣ, съ впечатлѣніями, которыя могла испытать только сама дочь; „Агафьѣ“ нельзя сдѣлать даже такихъ упрековъ. Изъ самыхъ обыкновенныхъ, заурядныхъ элементовъ складывается матеріалъ для драмы, развязка которой остается неизвѣстной читателямъ, но легко можетъ быть восполнена ихъ воображеніемъ. Съ психологіей „простыхъ людей“ близко соприкасается психологія дѣтскаго возраста—и въ этой области г. Чеховъ также чувствуетъ себя какъ дома. „Дѣтвора“, искусно затронутая имъ уже въ „Пестрыхъ разсказахъ“, опять появляется на сцену въ „Событіи“; радостная тревога Вани и Нины, вызванная рожденіемъ котятъ, изображена съ добродушнымъ юморомъ, завоевывающимъ сочувствіе читателей. Еще лучше картинка изъ дѣтской жизни, нарисованная въ раз-

сказъ: „Дома“. Автору удалась здѣсь не только фигура Серези, но и фигура отца, блуждающаго въ потемкахъ педагогичи и торжествующаго тамъ, гдѣ всего меньше ожидалъ побѣды. Всѣ усилія Быковскаго доказать семилѣтнему мальчику вредъ и безнравственность куренья остаются тщетными—но къ желанной цѣли внезапно приводитъ сказка, самому рассказчику казавшаяся наивною и смѣшною... Въ „Кошмарѣ“ прекрасно нарисованъ отецъ Яковъ, подавленный и униженный нуждою. Недоразумѣніе, въ которое онъ вводитъ „благонамѣреннаго“ помѣщика, порывистая страстность, съ которою онъ, наконецъ, рѣшается обнажить свои язвы, позднее раскаяніе Кунина, поторопившагося жалобой архіерею—все это производитъ потрясающее дѣйствіе. Нигдѣ, можетъ быть, авторъ „Сумерекъ“ не возвышался до такого истиннаго драматизма.

Одна изъ сильныхъ сторонъ г. Чехова—это описанія природы. Онъ обладаетъ искусствомъ олицетворять ее, заставляя ее жить точно человѣческою жизнью—и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ свободенъ отъ подражанія образцамъ, представляемымъ, въ этомъ отношеніи, нашею и западно-европейскими литературами. „Въ полѣ была суцая война. Трудно было понять, кто кого сживалъ со свѣта и ради чьей гибели заварилась въ природѣ каша, но, судя по неумолкавшему, злобѣщему гулу, кому-то приходилось очень круто. Какая-то побѣдительная сила гонялась за кѣмъ-то по полю, бушевала въ лѣсу и на церковной крышѣ, злобно стучала кулаками по окну, метала и рвала, а что-то побѣжденное выло и плакало... Жалобный плачь слышался то за окномъ, то надъ крышей, то въ печѣ... Въ немъ звучалъ не призывъ на помощь, а тоска, сознаніе, что уже поздно, нѣтъ спасенія... На землѣ была оттепель, но небо сквозъ темную ночь не видѣло этого, и что есть силы сыпало на тающую землю хлопья новаго снѣга. А вѣтеръ гулялъ, какъ пьяный. Онъ не давалъ этому снѣгу ложиться на землю и кружилъ его въ потемкахъ, какъ хотѣлъ“ („Вѣдьма“). Вотъ еще другое описаніе, менѣе образное, но какъ нельзя лучше гармонирующее съ общимъ тономъ разсказа. „Путники (бродяга и сотскіе) давно уже идутъ, но никакъ не могутъ сойти съ небольшого клочка земли. Впереди ихъ сажень пять грязной, чернубурой дороги, позади столько же, а дальше, куда ни взглянешь, непроглядная стѣна бѣлаго тумана. Они идутъ, идутъ, но земля все та же, стѣна не ближе... Березка пролепечетъ что-то остатками своихъ желтыхъ листьевъ, одинъ листокъ сорвется и лѣниво полетитъ къ землѣ... На травѣ виснутъ тускляя, недобрыя слезы. Это не тѣ слезы тихой радости, каковыми плачеть



земля, встрѣчая и провожая лѣтнее солнце, какими поить она на зарѣ перепеловъ, дергачей и стройныхъ, длинноносыхъ кроншнеповъ“... Попадаются въ описаніяхъ г. Чехова и банальныя фразы („лѣтняя ночь охватывала своей нѣжащей, усыпляющей лаской природу“), и натянутыя, вымученныя сравненія („земля, какъ падшая женщина, которая одна сидитъ въ темной комнатѣ и старается не думать о прошломъ, томилась воспоминаніями о веснѣ и лѣтѣ и апатично ожидала неизбѣжной зимы“) — но ихъ немного, и они рѣдко портятъ общее впечатлѣніе. Рѣдки и тѣ случаи, когда авторъ мѣняетъ роль повѣствователя на роль моралиста и слишкомъ настойчиво подчеркиваетъ выводъ, вытекающій изъ разсказа, или ставитъ общее положеніе, недостаточно связанное съ дѣйствіемъ. Холодное заключеніе „Кошмара“: „такъ началась и завершилась искренняя потуга въ полезной дѣятельности одного изъ благонамѣренныхъ, но черезъ-чуръ сытыхъ и не разсуждающихъ людей“ — звучитъ тѣмъ болѣе фальшиво, что нѣсколькими строками раньше говорилось о намѣреніи Кунина помочь отцу Якову, и ни изъ чего не видно, чтобы это намѣреніе *должно было* остаться неисполненнымъ. Повторяемъ еще разъ, такія ошибки встрѣчаются у г. Чехова не часто; отступленія отъ нити разсказа проинвнуты почти всегда тѣмъ же настроеніемъ, какъ и самый разсказъ, и не рѣжутъ слухъ читателей. Ограничимся однимъ примѣромъ. Въ головѣ Быковскаго („Дома“) жалоба гувернантки на Сережу, выкурившаго папироску, возбуждаетъ цѣлый рядъ „легкихъ и распылчатыхъ мыслей, которыя являются неизвѣстно откуда и зачѣмъ и, кажется, ползаютъ по поверхности мозга, не заходя далеко въ глубь. Для людей, обязанныхъ по цѣлымъ часамъ и даже днямъ думать казенно въ одномъ направленіи, такія вольныя, домашнія мысли составляютъ своего рода комфортъ, пріятное удобство“. Это подмѣчено столь же вѣрно, какъ и мило выражено.

Мы воздержимся отъ всякихъ совѣтовъ г. Чехову, отъ всякихъ заглядываній въ его будущее. Его талантъ не подлежитъ, въ нашихъ глазахъ, никакому сомнѣнію. Станетъ ли ему тѣсно въ сферѣ, изъ которой онъ до сихъ поръ не выходилъ, попробуетъ ли и сохранить ли онъ свою силу въ другомъ жанрѣ, болѣе широкомъ — не знаемъ, да это насъ не особенно и интересуетъ. Стаканъ, изъ котораго пьетъ художникъ, можетъ — по извѣстному изреченію Мюссэ — быть и небольшимъ, лишь бы только онъ подлинно и всецѣло принадлежалъ художнику; а этому послѣднему условію стаканъ г. Чехова безспорно удовлетворяетъ. Мы позволимъ себѣ только одно предположеніе. Во второмъ сбор-

никъ г. Чехова есть нѣсколько разсказовъ, замыселъ которыхъ легко могъ бы наполнить и болѣе обширную рамку. Разъ что авторъ сталъ выбирать такія темы, переходъ его къ повѣсти или роману представляется довольно вѣроятнымъ. Вѣроятность усиливается, если мы припомнимъ судьбу другихъ писателей, дебютировавшихъ небольшими, но художественными разсказами; достигнувъ извѣстнаго мастерства, они всѣ переходили на новую дорогу, только по временамъ возвращаясь къ прежней.

Между нашими молодыми беллетристами есть еще одинъ, который любитъ форму „маленькаго разсказа“; это—г. Баранцевичъ, недавно издавшій цѣлую книгу подъ этимъ заглавіемъ и довольно часто появляющійся въ воскресномъ номерѣ одной изъ большихъ петербургскихъ газетъ, подобно тому, какъ г. Чеховъ появляется въ субботнемъ номерѣ другой. Если сравнить этихъ двухъ авторовъ только на почвѣ общей для нихъ обихъ, то преимущество придется отдать г. Чехову. Между „Маленькими разсказами“ г. Баранцевича нѣтъ ни одного, который могъ бы быть поставленъ на ряду съ лучшими страницами „Сумерекъ“. Это, болѣею частью, не картины, выхваченныя изъ жизни, а очерки типовъ, не всегда отличающихся новизною („Нашъ взаимный другъ“, „Ранняя птичка“, „Сгі-сгі“), или сцены анекдотическаго, иногда даже каррикатурнаго характера (Низкій человекъ“, „Гречневая вапа“, „Его превосходительство занять“, „Общество пріятнаго времяпрепровожденія“), или сказки („О чемъ плакали березы“, „Концертъ“, „Попугай“), слишкомъ далекія отъ того, что дають намъ подъ этимъ именемъ гг. Салтыковъ и Гаршинъ. Удачнѣе другихъ очеркъ, озаглавленный: „Княгиня“, но онъ написанъ не безъ претензій, выражающихся въ приисканіи мудреныхъ словъ („измызганный“, „обшарпанный“) или въ таковомъ опредѣленіи: „въ сущности она безобидна, потому что привыкла ко всему“.

Чтобы найти у г. Баранцевича что-нибудь однородное съ „Кошмаромъ“ или „Вѣдьмой“ и вмѣстѣ съ тѣмъ имъ равное, нужно обратиться къ болѣе раннимъ произведеніямъ автора, изданнымъ въ 1884 и 1886 гг. <sup>1)</sup> И тамъ, и тутъ попадаются небольшіе эскизы, написанные талантливо и горячо; таковы, на примѣръ, „Цвѣтокъ“—въ первомъ сборникѣ, „Горсточка родной

<sup>1)</sup> Они составляютъ два сборника, озаглавленные: „Подъ гнетомъ“ и „Порванные струны“; о первомъ изъ нихъ мы говорили въ „Вѣстникѣ Европы“ (1884 г., № 4).

земли" — во второмъ. Болѣе подходящей къ дарованію г. Баранцевича кажется намъ, однако, форма повѣсти; ему нуженъ нѣкоторый просторъ, онъ любитъ и умѣетъ возстановлять прошедшее своихъ героевъ, проводить передъ читателями цѣлый рядъ мѣняющихся состояній и душевныхъ настроеній. Между „Маленькими рассказами“ всего больше выдается „Искатель“, изображающій превращеніе простаго деревенскаго парня въ столичнаго выжигу, прошедшаго сквозь огонь, воду и мѣдныя трубы. Первый сборникъ г. Баранцевича недаромъ названъ: „Подъ гнетомъ“; какъ тамъ, такъ и во всемъ послѣдующемъ авторъ останавливается всего чаще на образахъ изъ міра угнетенныхъ и оскорбленныхъ, страдающихъ и одинокихъ. Заброшенный мальчикъ („На волю Божию“), женщина, изнемогающая подъ тяжестью непосильнаго труда („Кляча“), больной, разбитый жизнью артистъ („Дебютъ“), старикъ, погруженный всецѣло въ воспоминанія о быстро промелькнувшемъ счастьѣ („Померанцы“) — вотъ темы, всего больше родственныя таланту г. Баранцевича. Таковую же тему онъ избралъ для своего послѣдняго романа, только-что вышедшаго отдѣльной книгой. Сюжетъ „Рабы“, какъ и основная мысль ея, не отличается новизною; это — исторія женщины, беззаветно и навсегда отдавшейся одному чувству, сохраняющей его несмотря на униженія всякаго рода, несмотря на обманъ и измѣну. Она можетъ разстаться на время съ любимымъ человекомъ, но не можетъ устоять противъ перваго его призыва, какъ побитая и запрятавшаяся въ уголъ собака не можетъ не послушаться повелительнаго свистка, требующаго ея къ ногамъ хозяина. „Всѣ женщины, — говоритъ, у г. Баранцевича, „хозяинъ“ Анны Сергѣевны, — раздѣляются на два разряда. Первый — женщины-менажерки (менажерки?). Отличительные признаки такой женщины: тихій нравъ, необычайная привязанность къ человеку, котораго полюбить, привязанность, доходящая до навязчивости, нѣкоторая безотвѣтность, даже, если хотите, *рабство*, но рабство съ такимъ деспотическимъ отгѣнкомъ“. Это опредѣленіе могло бы быть расширено; цѣпи любовнаго рабства налагаютъ на себя не однѣ только женщины. Припомнимъ, что „Leone Leoni“ — романъ Ж.-Занда, сходный, по задачѣ, съ „Рабой“ г. Баранцевича, — написанъ какъ pendant къ знаменитому произведенію аббата Превъ, въ которомъ „рабство“ выпадаетъ на долю Де-Гриё, а не Манонъ Леско. Какъ бы то ни было, женщина-раба возможна всегда и вездѣ — въ романтическомъ мірѣ венеціанской знати, выведенномъ на сцену французской писательницей, не больше и не меньше, чѣмъ въ скромной средѣ „заурядныхъ

людей“ и „простыхъ смертныхъ“, излюбленной г. Баранцевичемъ. Это одна изъ тѣхъ „alte Geschichten“, которыя остаются всегда новыми—и участвуетъ въ нихъ, сплошь и рядомъ, третье лицо, которому онѣ „разбиваютъ сердце“. Такимъ третьимъ лицомъ является въ „Рабѣ“ самъ рассказчикъ, Павелъ Ивановичъ Рѣчинцевъ—наиболѣе живая фигура романа. Онѣ имѣетъ кое-что общее съ тѣми пасынками судьбы, которыхъ охотно рисовалъ Достоевскій; онѣ точно такъ же жаждетъ любви, хоть немного любви—и чаша, къ которой онѣ рвется, точно такъ же проходитъ мимо его изсохшихъ губъ. „Кто приметъ участіе въ судьбѣ одинокаго человѣка, бросить ему хоть бы изъ жалости ласковое слово? Никто! Вѣдь не Богъ знаетъ, чего ожидаешь, чего требуешь, и не требуешь даже вовсе, потому что не чувствуешь за собою права требовать, а такъ, просто желаешь, чтобы только кто-нибудь принялъ самое крохотное участіе въ твоей судьбѣ, вошелъ бы въ твою мрачную, прокопченную комнату, положилъ руку на плечо и сказалъ бы хоть эти простыя слова: тебѣ грустно, ты одинокъ? Полно, утѣшься, я буду съ тобою!—Такъ нѣтъ же, и этого даже не будетъ! Никто не войдетъ,—какая кому нужда, —никто не скажетъ ласковаго слова, и останешься ты одинъ!“ Анна Сергѣевна, въ сущности, также одна и всегда была одна; ея дѣтство, ея первая молодость прошли такъ же безотрадно, какъ у Рѣчинцева. Крутковъ живетъ не для нея, не ея. Онѣ отнялъ у нея ребенка, онѣ бросилъ ее, какъ ненужную вещь; ничто не мѣшаетъ, повидимому, сближенію обоихъ угнетенныхъ—и въ сердце Рѣчинцева, какъ онѣ ни мало избалованъ жизнью, начинается закрадываться надежда. Но Анна Сергѣевна—„раба“, добровольная раба, и все самоотверженіе Рѣчинцева не стѣдитъ для нея одной улыбки Круткова. Послѣднія страницы романа полны настоящаго реализма, свободнаго и отъ протокольныхъ претензій, и отъ деталей извѣстнаго сорта, къ которымъ здѣсь представлялся весьма удобный поводъ. Чрезвычайно вѣрно помѣчена та черта, по которой Рѣчинцевъ угадываетъ горькую истину. Онѣ входитъ въ комнату Анны Сергѣевны. „Стулья стояли какъ попало, на нихъ брошена была одежда; одинъ изъ ящичковъ комода былъ выдвинутъ до половины, и изъ него торчали разныя вещи; платяной шкафъ, стоявшій въ углу, былъ раскрытъ настежь. На столѣ, подлѣ недопитаго стакана чаю, бѣлѣлся лоскутъ бумажекъ“—письмо Круткова, заставившее Анну Сергѣевну бросить все и летѣть къ своему господину. Борьба была бы напрасна, да она и не подъ силу Рѣчинцеву; его удѣлъ—покорность судьбѣ, и романъ заканчивается такъ, какъ долженъ былъ закончиться, какъ

подобные романы заканчиваются въ дѣйствительности. Достоинство „Рабы“ заключается именно въ простотѣ, съ которою изображень маленькій уголокъ жизни маленькихъ людей. Ея недостатокъ—нѣкоторая растянутасть; форма, сравнительно съ содержаниемъ, оказалась нѣсколько широкой. Лучшія повѣсти г. Баранцевича могутъ быть поставлены на одинъ уровеньъ съ „Рабой“—но она, во всякомъ случаѣ, выше его перваго романа. Въ „Чужаки“ авторъ не справился съ своей задачей; въ „Рабу“ она доведена до конца твердою рукою.

Шесть лѣтъ| тому назадъ въ нашемъ журналѣ и въ другомъ, теперь уже не существующемъ („Новое Обзорѣніе“), появились почти одновременно два разсказа молодого, неизвѣстнаго передъ тѣмъ писателя, подписанные псевдонимомъ: „Щегловъ“. Мы не забыли до сихъ поръ впечатлѣнія, которое они на насъ произвели, и пережили его еще разъ, встрѣтившись съ ними въ сборникѣ, только-что изданномъ ихъ авторомъ. Военными картинами, разсказами изъ военнаго быта русскій читатель избалованъ больше, чѣмъ всякій другой; въ виду такихъ образцовъ, какъ „Набѣгъ“, „Рубеа лѣса“, „Севастополь“, какъ множество страницъ въ „Войнѣ и Мирѣ“, онъ невольно становится требовательнымъ и строгимъ—и начинающему автору нелегко выдержать сравненіе, напрашивающееся само собою. „Первое сраженіе“, „Поручикъ Поспѣловъ“, „Неудачный герой“ вышли и выходятъ невредимыми изъ этого искуса. Какъ ни велико разстояніе, отдѣляющее ихъ отъ произведеній Льва Толстого, они сохраняютъ и рядомъ съ ними свою самостоятельную силу. Вліяніе великаго писателя только вдохновило г. Щеглова, но не взяло его въ свои тиски, не сдѣлало его подражателемъ, вольнымъ или невольнымъ. Вмѣстѣ съ „Воспоминаніями рядового Иванова“, „Четырьмя днями“ и „Трусомъ“ г. Гаршина, названные нами разсказы г. Щеглова образуютъ въ нашей литературѣ нѣчто въ родѣ комментарія къ извѣстнымъ военнымъ картинамъ Верещагина. Мы говоримъ, конечно, не о силѣ таланта, обнаруженнаго писателями и живописцемъ—сравнивать столь разнородныя величины было бы трудно, да и бесполезно,—а только объ отношеніи ихъ къ сюжету. У гг. Гаршина и Щеглова, какъ и у Верещагина, война является такою, какою она есть на самомъ дѣлѣ, безъ прикрасъ, безъ миражей, безъ всякихъ претензій на „возвышающій обманъ“. Проза войны выступаетъ на первый планъ; изъ-за побѣдителей, изъ-за павшихъ на

полѣ битвы виднѣются совершенно ясно искалѣченные, забытые, больные, умирающіе безвѣстно и безславно. Еще сильнѣе, чѣмъ смерть Литвинова и Бубнова („Первое сраженіе“), поражаетъ насъ участь Поспѣлова или Кунаева („Неудачный герой“). Встрѣчая смерть не въ открытомъ бою, а въ гнилой госпитальной палатѣ или въ „холодномъ и грязномъ номерѣ гостинницы“, они могли бы воскликнуть, какъ Чулкатуринъ въ „Дневникѣ лишняго человѣка“: „Но умереть глухо, глупо“... Единственными непріятелями, съ которыми имъ пришлось бороться, были наши доморощенные враги: нераспорядительность, безцеремонность, халатность, усложняемая, отъ времени до времени, грубымъ или утонченнымъ казнокрадствомъ. Справиться съ этими непріятелями гораздо труднѣе, чѣмъ съ туркомъ; исходъ борьбы былъ предрѣшенъ заранѣе и для Поспѣлова, и для „неудачнаго героя“. А между тѣмъ этимъ людямъ слѣдовало бы жить; ихъ жизнь, во всякомъ случаѣ, оказалась бы не такою, какою была ихъ смерть—не „глухой“ и не „глупой“. У Поспѣлова было настоящее дѣло еще до войны, Кунаевъ создалъ его для себя въ той глуши, куда забросило его начальство. Источникъ этого дѣла въ обоихъ случаяхъ одинъ и тотъ же: сознаніе живой связи между офицеромъ и солдатомъ, коренящейся не въ одномъ только служебномъ долгѣ, но и въ обязанностяхъ интеллигенціи по отношенію въ народу... Картины, рисуемыя г. Щегловымъ, кажутся иногда выхваченными изъ давно-прошедшаго; полковникъ Своробогатый, поручикъ Агамжановъ, поручикъ Распоповъ съ успѣхомъ могли бы фигурировать въ разсказѣ о „добромъ старомъ времени“—но Поспѣловы и Кунаевы прежде не были мыслимы, они могли явиться только въ шестидесятыхъ или семидесятыхъ годахъ, послѣ паденія крѣпостнаго права и крѣпостническихъ военныхъ порядковъ.

Глубоко-серьезный мотивъ, звучащій въ военныхъ разсказахъ г. Щеглова, не могъ бы, самъ по себѣ, дать имъ художественную цѣнность; они обязаны ею картинамъ и сценамъ, исполненнымъ движенія и правды. Особенно хорошо, съ этой точки зрѣнія, „Первое сраженіе“. Главный герой его, прапорщикъ Алешинъ, напоминаетъ немного Володю Козельцова („Севастополь въ августѣ мѣсяцѣ“), подобно тому, какъ майоръ Бубновъ очевидно сродни капитану Хлопову („Побѣга“); но эта близость почти неизбежна, она обуславливается сходствомъ обстановки и вырабатываемыхъ ею типовъ. Знакомыя черты не мѣшаютъ Алешину и Бубнову жить своею жизнью и производить впечатлѣніе живыхъ людей. Прїѣздъ Алешина въ уснувшій лагерь, встрѣча

его съ Бубновымъ, представленіе бригадному командиру, общество, найденное имъ во второй батарее—все это составляет мирный, ярко расцвѣченный прологъ къ ужасной боевой драмѣ. Батарея Алешина подъѣзжаетъ къ самой подошвѣ горы, только что потерянной нашими войсками и тщетно отбиваемой у турокъ. „Твердыня стояла гордо и непреклонно, зловѣще глядя на безумцевъ, осмѣливающихся карабкаться по ея грознымъ утесамъ... Вонъ, нѣсколько лѣвѣе вершины, терпѣливо и безстрашно ползутъ небольшія, черныя полосы — это все роты атакующихъ. Вотъ одна изъ полосокъ, ползущая впереди прочихъ, закопилилась, заползла скорѣе, и эхо доносить далекое ура; но вотъ подъ утесомъ взвилось бѣлое облачко, раздался короткій залпъ, и черная полоска вдругъ точно рассыпалась на маленькіе кусочки, которые быстро скатываются внизъ и исчезаютъ въ дыму; но дымъ разсѣвается, и другая такая же полоска ползетъ точно такъ же, къ роковому утесу—новый залпъ, новая гибель“... При видѣ этой картины, „въ умѣ Алешина, быстрѣе молніи, свернуло одно недавнее, совсѣмъ еще свѣжее воспоминаніе. У нихъ въ военномъ училищѣ преподавалъ тактику одинъ небольшой, толстенный, удивительно аккуратный и всегда ужасно надушенный полковникъ, нѣмецъ по происхожденію. Описывая какое-нибудь *чрезвычайно интересное* сраженіе, онъ тщательно выводилъ на доскѣ мѣломъ изящныя квадратики, сопровождая каждый чертежики соответствующимъ объясненіемъ. — Вотъ этотъ квадратикъ, № 1,—ораторствовалъ онъ,—пѣхота, построившаяся въ каре и открывшая убійственный огонь; а вотъ этотъ квадратикъ, подалѣе, № 2, изображаетъ кавалерію, стройно несущуюся въ атаку... Надушенный полковникъ только забывалъ прибавлять, что эти квадратики изображаютъ человѣческія жизни, и что при этихъ *чрезвычайно интересныхъ* сраженіяхъ проливались всегда рѣки человѣческой крови... Не тѣ же ли квадратики человѣческихъ жизней видитъ онъ (Алешинъ), разсѣянные по всему гудящему полю—только какіе они здѣсь неправильные и неаккуратные и, ахъ, какъ неровно и несимметрично движутся они по этой обрваненной плоскости! И другимъ онъ самъ, съ батареей, кажется такимъ же маленькимъ квадратикомъ, и его молодая жизнь, можетъ быть, угаснетъ такъ же скоро и незамѣтно, какъ быстро и незамѣтно исчезаютъ въ дыму цѣлыя сотни этихъ бѣдныхъ атакующихъ солдатиковъ“...

Остальные два разсказа, вошедшіе въ составъ сборника г. Щеглова—„Идиллія“ и „Жареный гвоздь“—также заимствованы изъ военного быта, но изъ военного быта мирнаго времени. „Идил-

лія“ не забыта еще, быть можетъ, читателями нашего журнала; это — исторія дружбы и размолвки двухъ молодыхъ офицеровъ, переплетенная съ картиной нравовъ провинціального захолустья. „Жареный гвоздь“ — это описаніе спектакля, устраиваемаго солдатами для потѣхи своей, солдатской публики. Оба разсказа дышутъ веселостью и юморомъ — такою веселостью, которая составляетъ теперь большую рѣдкость въ нашей беллетристичѣ. Меланхолиі, тоски, пессимизма здѣсь нѣтъ и въ поминѣ. На сцену выведены простые люди, просто и безхитростно наслаждающіеся каждымъ сколько-нибудь свѣтлымъ моментомъ своей сѣренькой, однообразной жизни. „Идиллія“ вполне соответствуетъ своему заглавію; она отзывается чѣмъ-то старосвѣтскимъ, старозавѣтнымъ, она отерываетъ передъ нами какой-то отдаленный міръ, гдѣ нѣтъ завтрашняго дня, нѣтъ ни порывовъ, ни воздыханій, гдѣ все ясно, тихо, безмятежно, гдѣ самыя бури разыгрываются въ ставанѣ воды. Если начало разсказа немножко напоминаетъ Аванасія Ивановича и Пульхерію Ивановну, а конецъ — „Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“, то это не вина автора; современная литература такъ рѣдко заглядываетъ въ сферу затишья, въ область стоячихъ водъ, что всякое прикосновеніе къ этой области невольно переноситъ насъ въ давно минувшія времена, когда она занимала гораздо больше мѣста и въ жизни, и въ искусствѣ. Идиллія, безусловно-невозмутимыхъ и ничѣмъ не возмущенныхъ, не было, впрочемъ, и въ тѣ времена; восклицаніе, которымъ заканчивается „повѣсть“ объ Иванѣ Ивановичѣ и Иванѣ Никифоровичѣ — „скучно жить на этомъ свѣтѣ, господа!“ — просится на уста и у читателей „Идилліи“ г. Щеглова. Не говоря уже о той рамкѣ, въ которую вставлена картина, о той пасмурной обстановкѣ, при которой *полковникъ* Гавришевъ узнаетъ о смерти *полковника* Агишева, и вспоминаетъ о юности *прапорщиковъ* Агишева и Гавришева, — печальны и послѣдніе штрихи самой картины. Счастье обоихъ молодыхъ офицеровъ, счастье Лизаветы Даниловны, Антипука и Бомбочки было *маленькимъ*, мелкимъ счастьемъ — но оно не было мелко для нихъ самихъ, и не мелка, слѣдовательно, и постигшая его катастрофа. Чѣмъ больше отдыхаешь душой, созерцая благоденственное житіе дружной семьи, тѣмъ больше сожалѣешь о разрывѣ, разсѣвающимъ ее на всѣ четыре стороны. Жаль даже и кошки Бомбочки — первой жертвы семейнаго разлада... Совсѣмъ другое дѣло — „Жареный гвоздь“; веселое настроеніе не омрачается здѣсь рѣшительно ничѣмъ и поддерживается до самаго конца, потому что рѣчь идетъ не о личной



жизни, всегда смѣшанной изъ радости и горя, а о коллективной забавѣ взрослыхъ дѣтей, неизбалованныхъ и наивныхъ. Приготовленія къ спектаклю, актеры, „вѣщающіе въ игру“ (т.-е. входящіе въ роль) не безъ помощи начальственныхъ понужденій, неожиданно обнаруживающіеся таланты, увлеченіе, овладѣвающее труппой и сообщаемое ею зрителямъ — все это составляетъ пеструю, оживленную, истинно-праздничную жанровую картинку.

Почти въ одно время съ сборникомъ разсказовъ г. Щеглова вышелъ въ свѣтъ его романъ „Гордіевъ Узелъ“. Сюжету романа нельзя отказать въ оригинальности: артиллерійскій капитанъ, слушатель академіи, влюбляется въ горничную, рѣшается на ней жениться, знакомится съ ея родственниками — лакеемъ, швейцаромъ, кухаркой, — терпитъ отъ нихъ и отъ нея разные афферы, убѣждается въ томъ, что нелюбимъ — и кончаетъ самоубійствомъ. Не споримъ, можетъ быть что-нибудь подобное и случилось на самомъ дѣлѣ; но въ романѣ всего важнѣе мотивировка факта, а у г. Щеглова она отсутствуетъ почти вовсе. Чтобы опрокинуть всѣ преграды, отдѣляющія образованнаго человѣка отъ едва грамотной и совершенно неразвитой дѣвушки, человѣка изъ такъ-называемаго общества отъ женщины изъ такъ-называемаго низшаго круга, *офицера* вообще и офицера-академиста въ особенности отъ *горничной*, необходимо стеченіе обстоятельствъ по истинѣ необычайныхъ. Въ „Гордіевомъ Узлѣ“ мы ничего подобного не видимъ. Прежде всего намъ слишкомъ мало извѣстно прошедшее капитана Горича. Мы узнаемъ, что онъ отличался „серьезнымъ, мрачнымъ взглядомъ на жизнь“, что онъ въ сущности не жилъ, а только „механически повторялъ глаголъ: *жить*“, что между занятіями въ гимназій и военномъ училищѣ и занятіями въ академіи онъ не испыталъ ничего кромѣ „смотровъ и учений“, что военное время онъ провелъ въ „тревогѣ несбывшихся ожиданій“, что суррогатомъ любви служили для него посѣщенія „гуманитарныхъ приютовъ“, которые одинъ его знакомый морякъ „весьма дѣльно прозвалъ спасительными станціями для холостыхъ“. Мы видимъ также, что свѣтскіе знакомые Горича не могли возбудить въ немъ особенной симпатіи къ „обществу“; мы понимаемъ, что Настя пришлась ему болѣе по сердцу, чѣмъ какая-нибудь Nadine Ронжина или madame Безгрѣшная. Все это, однако, объясняетъ только одно: быстрое и сильное развитіе чувства Горича къ Настѣ — но не объясняетъ предложенія быть его женой, дѣлаемаго ей уже при первомъ свиданіи. Обойтись безъ попытокъ достигнуть цѣли другимъ путемъ Горичъ могъ либо подѣ влияніемъ пуританскихъ воззрѣній на нрав-

ственность, либо подъ вліяніемъ идеи, отвергающей въ принципѣ всякое неравенство сословій, классовъ, состояній — идеи, возведенной на степень страсти и стремящейся перейти, во что бы то ни стало, отъ слова къ дѣлу. Горичъ не былъ ни пуританиномъ, ни ультра-народникомъ — и рѣшимость жениться на Настѣ могла появиться у него развѣ какъ выводъ изъ продолжительной борьбы, какъ результатъ увѣренности, что иначе онъ никогда не будетъ обладать Настей. Не даромъ же и сама Настя начинаетъ вѣрить въ серьезность его намѣреній — и то не очень крѣпко — только тогда, когда онъ въ третій разъ заговариваетъ съ ней о женитьбѣ. Иллюзіи насчетъ Насти Горичъ съ самаго начала никакихъ не имѣетъ; онъ прекрасно видитъ, что „чего не сдѣлали ни искреннія рѣчи, ни страстные взгляды, то сдѣлали фальшивые брилліанты изъ магазина Дарзанса“. Тѣмъ менѣе понятно, что его не колеблетъ ни знакомство съ г. Щуракомъ, получающимъ двадцать-пять рублей въ мѣсяцъ „не считая тѣхъ монетъ, что просыпятся въ жилетъ“, ни обидное недовѣріе Настинаго друга — акушерки Голощаповой, ни грубость „осиновой тещи“. Невѣроятность завязки вредитъ дальнѣйшему дѣйствію; въ положеніи героя чувствуется что-то сочиненное, и это ощущеніе исчезаетъ только тогда, когда между женихомъ и невѣстой возникаетъ разладъ, быстро ведущій къ трагическому концу. Послѣднее объясненіе Горича и Насти, скитанія перваго по улицамъ, сонъ, который онъ видитъ у Лельки, пробужденіе, утро на Средней Мѣщанской — все это изображено съ большою силой. Если забыть на время основной недостатокъ романа, то въ немъ найдется и раньше не мало талантливыхъ страницъ. Родственники Насти нарисованы съ юморомъ, свойственнымъ г. Щеглову; положенія, въ которыя попадаетъ влюбленный капитанъ, часто отличаются неподдѣльнымъ комизмомъ. Переступить черту, отдѣляющую смѣшное отъ карикатурнаго, было, во многихъ мѣстахъ, очень легко, но авторъ всегда останавливается въ-время, ему нигдѣ не измѣняетъ чувство мѣры. Тщательно работая надъ своими произведениями, г. Щегловъ не грѣшитъ ни растянутостью, ни излишнею эскизностью. Онъ наблюдатель, но не протоколистъ; по характеру и свойствамъ своего реализма, онъ принадлежитъ скорѣе къ числу учениковъ Гоголя, чѣмъ къ числу послѣдователей французской „экспериментальной“ школы... У каждаго изъ трехъ писателей, которыхъ мы коснулись, несомнѣнно есть что-нибудь свое — и это позволяетъ надѣяться, что они еще не сказали своего послѣдняго слова.

К. Арсеньевъ.

---

# СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА

И

ЕЯ СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ \*).

---

Замѣчательнѣйшимъ явленіемъ въ жизни нашей сельской поземельной общины со времени освобожденія крестьянъ является—а при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ даже преобладаетъ—постоянно увеличивающаяся неохота общинъ къ уравниенію земельныхъ участковъ, т.-е. къ общему коренному передѣлу земли. Преимущественно въ черноземной полосѣ и въ степной, а также и въ другихъ полосахъ, гдѣ платежи не превышаютъ доходовъ съ надѣла,—насколько мы имѣемъ данныхъ,—общины въ абсолютномъ или въ относительномъ большинствѣ все еще удерживаютъ старый раздѣлъ земли, какъ онъ установился при надѣленіи землей или же послѣ послѣдней ревизіи.

Естественное послѣдствіе приостановки новыхъ передѣловъ слѣдующее: съ одной стороны, увеличивается приростъ населенія, явившагося послѣ передѣла, или послѣ послѣдней ревизіи; этотъ приростъ не получилъ отъ общины никакой земли, и часть его стала уже настоящей рабочей силой, пережилась и обзавелась дѣтьми, и тѣмъ не менѣе

---

\*) Настоящая статья принадлежитъ перу автора обширнаго труда, появившагося на нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: „Zur Geschichte und Kritik des bauerlichen Gemeindebesitzes in Russland“,—и составляетъ сводъ его заключеній изъ многолѣтняго наблюденія надъ современной общинною жизнью въ Россіи и изученія ея исторической судьбы. Все сочиненіе состоитъ изъ двухъ томовъ; начало его относится еще къ 1877 г., и тогда же покойный К. Д. Кавелинъ, по поводу появленія перваго тома („Вѣстн. Европы“, 1877 г., № 5, стр. 200—233) подробно познакомилъ читателей журнала съ содержаніемъ этого, какъ онъ выразился, „драгоцѣннаго приобритенія и для Россіи, и для Европы“.—*Ред.*

должна довольствоваться отцовскимъ надѣломъ. Съ другой стороны, такъ какъ естественный приростъ населенія различенъ въ разныхъ семьяхъ, то и земельные надѣлы семей весьма различны, смотря по тому, произвели онѣ между собой семейный раздѣлъ—или нѣтъ. Семьи, бывшія во время послѣдняго передѣла очень многочисленными, съ тѣхъ поръ значительно сократились и распоряжаются сравнительно большимъ количествомъ земли, между тѣмъ какъ другія семьи, насчитывавшія ничтожное число мужскихъ душъ, въ настоящее время очень размножились и владѣютъ крайне ничтожнымъ количествомъ земли, которая является для нихъ часто скорѣе бременемъ; если онѣ не бросаютъ ее, то только изъ привязанности къ родинѣ; будучи связаны своимъ ничтожнымъ надѣломъ, онѣ не могутъ отдаться другимъ промысламъ.

И такъ, мы видимъ, что основной принципъ современнаго общиннаго землевладѣнія—равномѣрное распредѣленіе земли между всѣми членами общины—поколебленъ, а потому *право на землю* не осуществляется.

Этотъ многозначительный фактъ не преминулъ привлечь вниманіе изслѣдователей. Прежде всего возникаетъ вопросъ: по какой причинѣ община не производитъ уравниванія земли?

Какъ ни часто задавался этотъ вопросъ, но удовлетворительнаго отвѣта, который бы выяснилъ причину этого явленія и его значенія для будущаго общиннаго землевладѣнія—еще не воспослѣдовало. Не понимая внутренней причины этого печальнаго явленія, стараются объяснить его внѣшними обстоятельствами, которые, безъ сомнѣнія, вліяютъ на него болѣе или менѣе, но только какъ случайныя причины, и не объясняютъ сущности этого явленія. Находятся даже писатели, которые, указывая на происходившіе въ черноземной и степной полосѣ въ послѣдніе годы случаи новаго передѣла земли, приходятъ на основаніи этихъ данныхъ къ тому заключенію, что пріостановка общихъ передѣловъ—явленіе преходящее, и глубоко вкоренившійся въ народѣ духъ общинности возьметъ верхъ надъ тенденціями индивидуализма.

Какъ на причину такого новаго явленія въ общинѣ, указываютъ прежде всего на то обстоятельство, что крестьяне не знаютъ своего права—произвести новое разверстаніе земли передъ новой подушной ревизіей. Это мнѣніе основано на сильно распространенномъ воззрѣніи, что платежъ податей и надѣлъ находятся въ тѣсной связи (подушная и другія подати и налоги съ ревизской души), и что родившіяся послѣ послѣдней ревизіи души только по зачисленіи ихъ въ ревизскія сказки становятся податными и вмѣстѣ съ тѣмъ получаютъ право на земельный надѣлъ. Это воззрѣніе опирается также и на тотъ

фактъ, что общинамъ при освобожденіи крестьянъ отрѣзывалась земля по числу ревизскихъ душъ. Но какъ ни распространено это возрѣніе, оно не такъ глубоко зашло въ убѣжденіи народномъ, чтобы имѣть рѣшающее значеніе въ занимающемъ насъ вопросѣ. Это видно уже изъ того, что именно тѣ сельскія общины, въ которыхъ замѣчается неохота къ уравниенію землевладѣнія, какъ разъ принадлежатъ департаменту удѣловъ, и однѣ, сравнительно съ общинами другихъ категорій, предпринимали послѣ освобожденія крестьянъ общій передѣлъ земли. Если такое юридическое возрѣніе не сохранилось у государственныхъ крестьянъ, для которыхъ съ незапамятныхъ временъ ревизія имѣла гораздо большее значеніе, чѣмъ для остальныхъ крестьянъ, какъ въ отношеніи надѣла землей, такъ и въ разсужденіи оброка,—то тѣмъ сомнительнѣе, чтобы эти остальные крестьяне крѣпко придерживались понятія о подушной ревизіи; должны, слѣдовательно, существовать другія причины, заставляющія крестьянъ оказывать такое упорное сопротивленіе освященному столѣтіями обычаю передѣла земли.

Кромѣ того, понятіе о ревизской душѣ вообще сильно поколебалось въ послѣднее время. Съ 1878 г. на родившихся послѣ послѣдней ревизіи легъ налогъ, отбываніе котораго община распредѣляетъ уже не по ревизскимъ душамъ, какъ другіе налоги, и она не должна при этомъ принимать на себя причиняемый имъ передѣлъ земли, такъ какъ подрастающее поколѣніе отбываетъ этотъ налогъ лично. Это—воинская повинность, которая ложится также не легкимъ экономическимъ бременемъ на тотъ дворъ, на который падаетъ. Родившимся послѣ послѣдней ревизіи уже пришлось съ 1878 г. отбывать эту повинность. Хотя эта общественная повинность не стоитъ въ юридической связи съ землевладѣніемъ и съ общиннымъ передѣломъ земли, но въ умѣ крестьянъ между тѣмъ и другимъ есть связь: крестьянинъ, который несетъ общественную повинность, долженъ быть землевладѣльцемъ, т.-е., другими словами, землевладѣніе обязываетъ его къ отбыванію повинностей. И это обстоятельство—отбываніе воинской повинности приростомъ населенія—часто выставлялось какъ аргументъ на сельскихъ сходахъ дворами съ умножавшимся числомъ душъ, и усѣбно проводилось ради того, чтобы вызвать передѣлъ земли, вопреки другимъ хозяевамъ, возстававшимъ противъ него. Поэтому вовсе не случайно, но вслѣдствіе вышеприведенной причины, въ 1878 и 1879 гг., происходили въ большомъ числѣ передѣлы земли какъ разъ въ тѣхъ общинахъ (преимущественно государственныхъ крестьянъ), гдѣ послѣ послѣдней подушной ревизіи ни разу не было произведено передѣла.

Далѣе, въ поясненіе пріостановки общихъ передѣловъ приводится

то обстоятельство, что крестьяне, какъ это сообщается изъ многихъ уѣздовъ, опасаются, что послѣ новаго передѣла земли повысятся, соответственно увеличившейся цифрѣ душъ, также и повинности, и затѣмъ явится затрудненіе, можно даже сказать невозможность—съ усиленіемъ отхожихъ промысловъ въ общинахъ созвать настолько многочисленный сельскій сходъ, насколько того требуетъ законъ (требуется согласіе большинства  $\frac{2}{3}$  всѣхъ хозяевъ). Указываютъ также и на то, что низшая и даже высшая администрація во многихъ губерніяхъ ведетъ на собственный страхъ аграрную политику, толкуя крестьянамъ про неустойчивость новаго передѣла земли.

Но и эти обстоятельства, если даже въ частности они и оказываются дѣйствительными, не разрѣшаютъ вопроса. Ближе къ правдѣ, хотя и не окончательной причиной, являются столь часто упоминаемая въ послѣднее время нѣкоторыя статьи положенія о выкупѣ и наконецъ вообще само это положеніе, способствующее духу индивидуализаціи въ народѣ. Какъ на особенно вредное для общиннаго духа, указывается на право, признаваемое за отдѣльными личностями, выдѣлять свой земельный участокъ изъ общиннаго землевладѣнія и на право перехода изъ общиннаго владѣнія въ подворное. Но какъ бы ни было составлено положеніе о выкупѣ, всякій выкупъ будетъ способствовать этой тенденціи, потому что уплата суммы погашенія должна вызвать у крестьянина, — земельный надѣлъ котораго уменьшается вслѣдствіе всеобщаго передѣла, — мысль, что при этомъ сокращаются его законныя права благодаря выкупу и погашенію.

Впрочемъ и выкупъ не представляетъ собой послѣдней причины вышеупомянутаго явленія, потому что даже тамъ, гдѣ онъ еще не производился, мы встрѣчаемъ противодѣйствіе перемѣнъ землевладѣнія. Кто въ общинѣ возстаетъ противъ уравнинія земли? Тѣ именно хозяева, которымъ новый передѣлъ земельныхъ надѣловъ невыгоденъ, ибо онъ уменьшилъ бы ихъ надѣлъ, приносящій имъ больше дохода, чѣмъ нужно для покрытія лежащихъ на немъ платежей и повинностей; они хотятъ защитить себя отъ грозящей имъ потери. Это противодѣйствіе встрѣчается только въ тѣхъ общинахъ, гдѣ хозяинъ считаетъ свой надѣлъ выгоднымъ. Но и эта разница въ доходности не составляетъ послѣдней причины того явленія, такъ какъ увеличеніе платежей и повинностей до поглощенія всего чистаго поземельнаго дохода не остановило бы протеста.

И вотъ теперь мы пришли къ существенному, главному моменту, къ краеугольному камню новаго преобразованія общиннаго землевладѣнія. Какъ ни проста казалась бы эта мысль, а до сихъ поръ она еще не оцѣнена по достоинству. Возстающіе противъ всеобщаго передѣла земли хозяева борются главнымъ образомъ за поддержаніе

*своею хозяйства* въ томъ видѣ, какъ оно сложилось на основаніи существующихъ земельныхъ надѣловъ. Это—основная мысль новаго процесса развитія.

Два элемента обуславливаютъ этотъ процессъ: первый — измѣнившіяся отношенія между цифрой населенія и цифрой увеличенія общинной земли; другой — измѣнившійся семейный составъ двора. При увеличеніи населенія послѣ послѣдней ревизіи и при неизмѣнномъ количествѣ общинной земли является тотъ результатъ, что, въ случаѣ передѣла земли по наличнымъ душамъ, каждый надѣлъ окажется меньше того, какимъ до сихъ поръ пользовалась каждая ревизская душа. При этомъ страдаютъ отъ сокращенія земельныхъ участковъ даже и тѣ дворы, въ которыхъ число душъ не превышаетъ той цифры, какая была при ревизіи, и уменьшеніе надѣла будетъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ больше общій приростъ душъ въ общинѣ. Съ другой стороны, мѣняется также и семейный составъ отдѣльныхъ дворовъ; вслѣдствіе этого общій передѣлъ земли произведетъ уменьшеніе земельныхъ надѣловъ въ тѣхъ дворахъ, гдѣ число душъ уменьшилось со времени ревизіи. Это уменьшеніе будетъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ больше сократилось число душъ во дворѣ, и будетъ еще значительнѣе въ тѣхъ случаяхъ, наиболѣе многочисленныхъ, когда число душъ въ общинѣ (общій приростъ населенія) превышаетъ число ревизскихъ душъ.

Оппозиція противъ новаго общаго передѣла земли является, слѣдовательно, оппозиціей противъ уменьшенія земельныхъ надѣловъ, такъ какъ оно влечетъ за собой сокращеніе чистаго дохода, а главное—нарушеніе экономическаго хозяйства двора и всей экономической жизни семьи. Сколько-нибудь значительное уменьшеніе надѣла дѣлаетъ излишнимъ часть мертваго и живого инвентаря, приобретеннаго въ потѣ лица и цѣною всякаго рода лишеній: для перваго не находится никакого употребленія; лишній живой инвентарь (скотъ и проч.) долженъ быть проданъ, потому что теперь для него не хватаетъ корма. Прибавьте сюда опасность, къ сожалѣнію слишкомъ часто возникающую,—не найти достаточно богатаго покупателя и не получить соответственной цѣны. Съ другой стороны, часть рабочей силы, до сихъ поръ употреблявшейся на обработку надѣла, не находитъ болѣе здѣсь примѣненія и должна обратиться къ другимъ промысламъ. Такимъ образомъ, новый передѣлъ влечетъ за собой большія экономическія потери, тѣмъ болѣе значительныя, чѣмъ меньше можно арендовать земли по сосѣдству, чѣмъ слабѣе развиты отхожіе промыслы и кустарная промышленность. И эта потеря не вполне покрывается выгодой, которую получаютъ другіе дворы вслѣдствіе увеличенія ихъ надѣла, такъ какъ эти послѣдніе въ большинствѣ случаевъ лишены

необходимаго для увеличивающагося хозяйства инвентаря, который можетъ быть приобретень лишь постепенно, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Члены этихъ дворовъ часто оказываются отвыкшими отъ земледѣльческаго хозяйства, такъ какъ много лѣтъ занимались на сторонѣ въ другихъ отрасляхъ промышленности; теперь они возвращаются въ родную деревню, а ихъ мѣсто занимаютъ члены дворовъ съ уменьшившимся надѣломъ и только постепенно приобретаютъ познанія и искусство, оказывающіяся бесполезными для возвратившихся.

И такъ, было бы несогласно съ дѣйствительностью объяснять, какъ это часто дѣлаютъ, сопротивленіе новому общему передѣлу исключительно вліяніемъ кулаковъ, міроѣдовъ и нивкаго эгоизма. Равнымъ образомъ, для объясненія этого явленія не требуется „внѣдреніе чуждыхъ понятій“.

Можно скорѣе только удивляться тому, какъ еще силенъ живущій въ народѣ общинный духъ, если коренные передѣлы (по большинству  $\frac{2}{3}$  голосовъ) все еще постановляются и приводятся въ исполненіе, несмотря на то, что болѣе трети, даже болѣе половины хозяевъ получаютъ отъ этого болѣе или менѣе чувствительный ущербъ. Но противъ этого общиннаго духа, находящаго прочную опору въ силѣ традиціи, борются могущественные экономическіе интересы, — интересы тѣхъ хозяевъ, которымъ уменьшеніе надѣла должно принести вредъ.

Какъ эта борьба противоположныхъ интересовъ — опирающаяся, съ одной стороны, на вѣками освященное обычное право равномѣрнаго распредѣленія земли, а съ другой, на право экономическихъ интересовъ, достигнутыхъ тяжелымъ трудомъ — выражается въ дѣйствительности, объ этомъ мы находимъ нѣкоторыя свѣденія въ новыхъ изслѣдованіяхъ о положеніи общиннаго владѣнія, — свѣденія, которыя были бы гораздо полнѣе, еслибы изслѣдователи оцѣнили все значеніе вышеуказанной причины сопротивленія передѣламъ.

Въ многообразной жизни общинъ эта борьба выражается различно. Въ однихъ — еще одолеваетъ старинное обычное право, и земля дѣлится по наличнымъ душамъ; въ другихъ — возрѣніе на землю какъ на собственность хозяина защищается со всей энергіей, и требованіе новаго передѣла влечется какъ попытка нарушить благопріобрѣтенное право собственности. Между этими двумя группами общинъ мы находимъ цѣлый рядъ компромиссовъ между обѣими партіями. Вотъ наиболѣе замѣчательные и наичаще случающіеся компромиссы: общій передѣлъ на живыхъ ревизскія и новорожденные души, т. е. между еще живущими ревизскими душами (причемъ число ревизскихъ умершихъ душъ исключается) и живущими, родившимися послѣ послѣдней ревизіи, душами (причемъ, однако, первымъ отводится боль-



пшій, часто вдвое большій, надѣлъ, чѣмъ послѣднимъ); другая комбинація—дѣлежъ черезъ извѣстные промежутки времени по ревизскимъ душамъ и родившимся послѣ ревизіи, но достигшимъ извѣстнаго возраста (10, 16, 18 лѣтъ); еще третья комбинація—право родившихся послѣ ревизіи, по достиженіи ими зрѣлости, получать надѣлъ, оставшійся отъ умершихъ въ извѣстное время ревизскихъ душъ; иногда же эти надѣлы оставляются (безъ передѣла) за семействами, особенно сильно увеличившимися. Далеко не столь значительны уступки въ пользу родившихся послѣ ревизіи въ томъ случаѣ, когда имъ опредѣлена извѣстная ежегодная плата (нѣсколько рублей) вплоть до передѣла, который можетъ быть вовсе не послѣдуетъ, или до тѣхъ поръ, пока они не будутъ удовлетворены изъ надѣла выморочныхъ, опустѣвшихъ вслѣдствіе переселенія или недоимочныхъ дворовъ. Послѣдняя, самая незначительная, уступка есть распредѣленіе освободившейся земли между дворами, семейный составъ которыхъ особенно сильно увеличился сравнительно съ ихъ составомъ при ревизіи; напротивъ, тамъ, гдѣ эта земля, если она или доходъ съ нея не идетъ на потребности общины (для увеличенія выгона), распредѣляется между дворами сообразно ихъ дѣйствительному владѣнію (число ревизскихъ душъ)—тамъ мы видимъ уже вполне ясно выраженный новый порядокъ владѣнія землею.

Здѣсь дѣйствительно отрицается право на землю. Послѣдній отголосокъ этого стариннаго права часто можно найти въ обычаяхъ общины отводить новымъ дворамъ, образовавшимся вслѣдствіе семейныхъ раздѣловъ, небольшой участокъ земли для усадьбы изъ нераздѣльной общественной земли (напр., изъ выгона). Тутъ община является товариществомъ домохозяевъ съ опредѣленною земельною собственностью, которая можетъ быть уменьшена только по ихъ собственной волѣ (путемъ продажи).

Эта новая правовая организація въ общинномъ владѣніи еще не выработала никакихъ прочныхъ формъ, никакой прочной и опредѣленной правовой системы, да и не можетъ выработать, такъ какъ законъ не признаетъ подобнаго порядка правъ въ отношеніи земельного владѣнія: онъ знаетъ только участковое и общинное владѣніе. Притомъ же эта правовая организація начинаетъ образовываться только въ послѣднее время, она еще неустойчива и не упрочилась въ понятіяхъ крестьянъ. Кромѣ того, наложеніе этого новаго порядка правъ еще и потому невозможно въ настоящее время, что — какъ это впрочемъ и естественно—ни одна община не создала какаго-нибудь кодекса для этого новаго права, ибо оно только можетъ развиваться путемъ правовыхъ актовъ, предпринимаемыхъ отдѣльными лицами: оно образуется, поскольку отдѣльное лицо предпринимаетъ пра-

новой актъ, отвергающій старинное право общиннаго землевладѣнія; община допускаетъ или отвергаетъ этотъ актъ. Такимъ образомъ, гдѣ подобные акты не предпринимаются, тамъ мы не встрѣчаемъ и новаго порядка правъ; онъ находится еще въ скрытомъ состояніи. Наконецъ и случай такого прецедента не создаетъ еще никакого новаго порядка правъ, такъ какъ община, разрѣшившая раньше какое-нибудь правовое дѣйствіе относительно распоряженія надѣломъ (напр., продажу постороннему), можетъ запретить его въ послѣдующихъ случаяхъ, признавъ его вреднымъ для общины. Сюда присоединяются спеціальныя и мѣстныя условія, какъ, напр., въ особенности вліяніе зажиточныхъ хозяевъ, которые умѣютъ преодолѣть возможное сопротивленіе со стороны общины или направить его къ запрещенію какого-нибудь акта, предпринятаго другими товарищами.

При всемъ разнообразіи отдѣльныхъ проявленій этой правовой организаціи остается неизбѣжнымъ одно: новое земельное право не есть свободное, личное. Вся земля, какъ раздѣленная, такъ и находящаяся въ нераздѣльномъ пользованіи, остается во власти общины. Въ сущности новое земельное право есть не что иное, какъ обычное общинное владѣніе *безъ права на землю* съ вытекающими отсюда правовыми послѣдствіями, которыя заключаютъ въ себѣ расширеніе правъ отдѣльныхъ домохозяевъ и соотвѣтственное этому сокращеніе правъ общины. Община по прежнему пользуется правомъ принудительной обработки и притомъ со всеми вытекающими отсюда ограниченіями для отдѣльныхъ лицъ: такъ, напр., отдѣльный хозяинъ не можетъ расширить усадебную землю на счетъ полевой; для этого требуется позволеніе или безмолвное согласіе общины. Равнымъ образомъ вспашка парового поля, къ сожалѣнію, все болѣе и болѣе распространяющаяся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, возможна только съ разрѣшенія или согласія общины, которая всегда можетъ возстановить принудительную обработку съ запусценіемъ третьяго поля и въ нѣкоторыхъ случаяхъ уже поступала такимъ образомъ. Гдѣ еще существуютъ пережеребьевки, онѣ часто сохраняются въ общинахъ при новой правовой организаціи. При этомъ неуменьшаемое право владѣнія домохозяина относится не къ опредѣленнымъ полосамъ, но къ опредѣленному количеству земли. Даже количество его земли можетъ измѣниться по величинѣ площади различныхъ категорій земли (усадебная земля, полевая земля, лугъ и проч.) въ случаѣ, если въ силу рѣшенія общины участокъ поля будетъ превращенъ въ усадебную землю, участокъ луга распаханъ на поле, также и вслѣдствіе увеличенія или уменьшенія надѣла двора; если земля вымершихъ или выселившихся семействъ будетъ раздѣлена между дворами по числу ихъ душъ, т.-е. по ихъ дѣйствительному владѣнію; если полевая или

усадебная земля увеличится вслѣдствіе передѣла до сихъ поръ нераздѣльнаго выгона, лѣса, перелога и т. п., или, наоборотъ, земля, до сихъ поръ дѣлившаяся, будетъ превращена въ нераздѣльную, находящуюся въ общемъ пользованіи (выгонъ, лѣсъ и т. п.); наконецъ, также надѣлъ отдѣльнаго двора можетъ быть уменьшенъ вслѣдствіе сокращенія общаго количества общинной земли (напр., вслѣдствіе отчужденія подъ желѣзную дорогу). Но всѣ эти измѣненія, уменьшенія и увеличенія падаютъ—и это самое существенное—на всѣ дворы *пропорціонально существующему дѣйствительному владѣнію*, т.-е. отношеніе между земельными участками дворовъ, какъ по категоріямъ земли, такъ и по величинѣ этихъ категорій, остается одно и то же.

Въ особенности характерно проявляется правовое воззрѣніе крестьянъ въ томъ, что общины при экспроприаціи или другого рода сокращеніи общинной земли предпринимаютъ пережеребьевку одного или нѣсколькихъ коновъ, черезъ что земельные участки всѣхъ дворовъ сокращаются равномерно. Крестьянинъ смотритъ на экспроприацію земельного участка какъ на постигшее всю общину несчастіе, которое всѣ дворы должны терпѣть соотвѣтственнымъ образомъ, пропорціонально ихъ дѣйствительному владѣнію.

Въ одномъ только случаѣ община можетъ временно лишитъ крестьянина права владѣнія или, лучше сказать, пользованія надѣломъ, и дѣйствительно дѣлаетъ это—въ случаѣ накопленія недоимокъ: община передаетъ землю въ аренду другому хозяину, по уплатѣ же недоимокъ (и текущихъ платежей) настоящей владѣлецъ снова вступаетъ въ свои права. Насколько можно судить по имѣющимся до сихъ поръ даннымъ, община, повидимому, не считаетъ себя въ правѣ задерживать у него, обанкротившагося, землю.

Въ этихъ рамкахъ общиннаго права движется право домохозяевъ. Каждый имѣетъ право обмѣниваться полосами съ своими сосѣдями, и община не вмѣшивается въ эти сдѣлки. Такой обмѣнъ случается очень часто и именно для уменьшенія черезполосности и узкополосности, т.-е. для возможнаго округленія земли. Отдача надѣла въ аренду постороннему тоже, повидимому, не возбраняется, но при этомъ за односельцами удерживается право первенства. Характеристичною для крестьянскихъ воззрѣній на право владѣнія и его неприкосновенность является отдача земли въ аренду на много лѣтъ, даже на все время, пока выкупъ не будетъ выплаченъ полностью. Наиболее рѣзко проявляется это правовое воззрѣніе при продажѣ въ „вѣчное“ и потомственное владѣніе. Часто община не позволяетъ продавать землю постороннимъ, но не всегда можетъ заставить исполнить свою волю; часто и общины относятся равнодушно къ этому важному вопросу. Большіе успѣхи сдѣлалъ индивидуализмъ въ тѣхъ

случаяхъ, когда младшій братъ, родившійся послѣ ревизіи, не получаетъ при семейномъ раздѣлѣ надѣла отъ старшихъ, записанныхъ въ ревизію, братьевъ, такъ какъ земля удѣляется только этимъ послѣднимъ, т.-е. ревизскимъ душамъ. Въ другихъ случаяхъ крестьянинъ даже при этой новой организаціи земельного права не считаетъ себя въ правѣ отказать женатому сыну, требующему раздѣла, въ части своей земли, т.-е. въ однодушевомъ или полудушевомъ (смотря по количеству душъ и сыновей въ дворѣ) надѣлѣ. Тамъ же, гдѣ нѣтъ сыновей, образуется наследственное право дочерей на надѣлъ.

Всякій разборъ деталей новыхъ правовыхъ нормъ вообще долженъ быть предпринимаемъ съ особенною осторожностью, ибо, какъ уже замѣчено выше, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ только-что зарождающимся правомъ. За исключеніемъ немногихъ мѣстностей, оно еще такъ непрочное, что не исключаетъ возможности возврата къ обычному общинному праву, т.-е. къ общимъ передѣламъ. Этотъ возвратъ къ уравненію земли совершенно естественно происходитъ тамъ, гдѣ условія, вызвавшія новое правовое воззрѣніе, исчезаютъ, т.-е. тамъ, гдѣ вслѣдствіе наступленія извѣстныхъ явленій земля перестаетъ представлять для крестьянина такую цѣнность, чтобы изъ-за нея стоило биться, или даже становится ему въ тягость. Такими явленіями могутъ быть: сильное истощеніе почвы, сильное паденіе цѣны на земледѣльческіе продукты, уменьшеніе спроса на рабочую силу въ окружающей мѣстности, заставляющее крестьянина, рабочая сила котораго не можетъ найти полного примѣненія на его участкѣ, искать работы гдѣ-нибудь подальше и вслѣдствіе того сокращать или даже вовсе приостанавливать свое собственное хозяйство; сильное повышеніе заработной платы, поземельной подати; значительное измѣненіе въ числѣ и семейномъ составѣ дворовъ (переселеніе) и т. д. Гдѣ какія-нибудь изъ этихъ явленій осуществляются въ болѣе сильной степени—является возвратъ къ обычному общинному владѣнію прежде всего тамъ, гдѣ платежи и безъ того, т.-е. до наступленія этихъ условій, были сравнительно высоки, если только соответствовали доходу съ земли. Сначала онъ проявляется въ томъ, что происходитъ добровольный обмѣнъ (сдача и приемка) надѣловъ безъ приплаты со стороны принимающихъ. Если въ это время часть хозяевъ потребуетъ всеобщаго передѣла, остальные не окажутъ имъ сопротивленія. Но это указываетъ на разстройство экономической жизни общины.

Развитіе этого земельного права не имѣетъ ничего существенно общаго съ стремленіемъ крестьянъ устранить столь часто указывавшіяся мнимо вредныя стороны общиннаго владѣнія. И при этомъ

новомъ правѣ мы часто находимъ въ тѣхъ мѣстностяхъ пережеребевки (и притомъ въ тѣхъ именно, гдѣ подобная смѣна полосъ еще составляетъ обычное явленіе), черезполосицу со всѣми ея послѣдствіями и, наконецъ, такіе же, какъ и прежде, семейные раздѣлы. И такъ, не одно признаніе экономическаго вреда стѣсненій, налагаемыхъ общиннымъ владѣніемъ, и вовсе не намѣреніе устранить ихъ вызвало новый порядокъ владѣнія землей.

Какъ отнестись къ этому вопросу? Кромѣ высокаго научнаго интереса, онъ имѣетъ большое практическое значеніе для государственной политики. Расколъ въ общинѣ, борьба дворовъ, требующихъ всеобщаго передѣла въ видахъ увеличенія своихъ надѣловъ, съ дворами, возстающими противъ этой мѣры, такъ какъ она повлечетъ за собой уменьшеніе ихъ надѣловъ,—часто уже принимали опасные размѣры и по всей вѣроятности еще увеличатся вслѣдствіе новыхъ податныхъ мѣропріятій (уменьшеніе выкупныхъ платежей, уничтоженіе подушной подати, преобразование оброчной подати государственныхъ крестьянъ въ выкупные платежи), которыя еще придадутъ цѣну владѣнію земельнымъ участкомъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ уже доходило до кровопролитія, и администрація, не знающая внутренней причины этихъ ссоръ, довольствовалась „возстановленіемъ порядка“ вооруженною силой. Виѣшній порядокъ возстановлялся, но внутренняя причина продолжаетъ дѣйствовать: пожаръ потушенъ, но тлѣетъ подъ пепломъ и можетъ скоро вспыхнуть яркимъ пламенемъ. Такимъ образомъ, виѣшательство правительства въ этотъ процессъ развитія въ томъ или другомъ направленіи—становится съ каждымъ годомъ необходимѣе.

Не замѣчая причинной связи явленій, наблюдая только ихъ виѣшній симптомъ, прекращеніе всеобщихъ передѣловъ, одни оплакиваютъ упадокъ общиннаго владѣнія, другіе хватаются за надежду на то, что самъ народъ, отрезвившись отъ опьяненія молодой свободой, вернется къ національному духу общинности, и общинное владѣніе расцвѣтетъ для новой, полной силъ жизни, въ новой, обновленной формѣ и съ сохраненіемъ одинаковаго права всѣхъ на землю. Другіе отчаяваются въ возможности такого желаннаго разрѣшенія вопроса самимъ народомъ и требуютъ закона о принудительныхъ передѣлахъ черезъ извѣстныя промежутки времени. Говорилось также въ пользу превращенія выкупныхъ платежей въ вѣчную, непрекращающуюся аренду, даже съ такимъ значительнымъ уменьшеніемъ выкупной платы, чтобы земля казалась полугосударственной крестьянамъ.

Послѣ того, что сказано выше, достаточны слѣдующія замѣчанія.

Предоставить самой общинѣ свободное рѣшеніе вопроса, значило бы, по всей вѣроятности, дѣйствительно довести общинное владѣніе до гибели: для сохраненія своего дѣйствительнаго владѣнія хозяева еще въ большемъ количествѣ, чѣмъ до сихъ поръ, стануть выдѣляться изъ общины посредствомъ отдѣльной полной уплаты выкупного платежа, какъ это уже теперь случается на томъ же основаніи, или съумѣють, благодаря своему вліянію, заставить общину формально перейти къ подворному владѣнію. Если оба эти исхода будутъ устранены законодательствомъ, какъ желаютъ въ упомянутомъ выше лагерѣ, то эта великая экономическая борьба обострится еще больше, и по всему, что мы знаемъ о всемірной исторіи и человѣческой природѣ, одолѣетъ экономически сильнѣйшій: произойдетъ искусственное возрастаніе кулачества, какъ это и теперь уже замѣчается; перевѣсь вліятельныхъ хозяевъ, напр. въ особенно многочисленныхъ случаяхъ въ бердянскомъ уѣздѣ таврической губерніи, а также и въ другихъ мѣстахъ, привелъ къ новому передѣлу земли по ревизскимъ душамъ, послѣ того какъ передѣлъ по наличнымъ душамъ существовалъ уже большее или меньшее число лѣтъ!! И одинъ изъ слѣдователей съ прискорбіемъ объявляетъ, что многіе факты приводятъ къ заключенію, что передѣлы не вездѣ имѣють цѣлью равномерное и справедливое распредѣленіе земли, а совершаются, когда они полезны достаточному числу хозяевъ, хотя бы эти послѣдніе вовсе не нуждались въ прибавкѣ земли. Принудительные передѣлы устранили бы это зло, но осудили бы сельское населеніе на вѣчную бѣдность, такъ какъ каждый коренной передѣлъ, какъ мы видѣли, разстроиваетъ хозяйство и тѣмъ самымъ разрушаетъ ядро начинающагося благосостоянія въ значительномъ числѣ дворовъ каждой общины. Превращеніе выкупныхъ платежей въ вѣчную, непрекращающуюся аренду, равно какъ и значительное ихъ пониженіе, еще болѣе усиливать сопротивленіе противъ коренного передѣла, такъ какъ увеличатъ цѣнность надѣловъ—не говоря уже о щекотливости этихъ мѣропріятій, такъ какъ въ первомъ случаѣ нужно будетъ отнять уже приобрѣтенное право собственности противъ воли собственниковъ, а во второмъ—остальные плательщики податей должны будутъ, ни съ того, ни съ сего, сдѣлать подарокъ крестьянамъ. Дѣлались еще два предложенія, которыя въ извѣстномъ отношеніи разрѣшаютъ проблему: одно изъ нихъ состоитъ въ расширеніи общинной земли. Для небольшихъ деревень этотъ исходъ, насколько существуетъ возможность приобрѣтенія земли вблизи, является цѣлесообразнымъ, но въ большихъ деревняхъ еще болѣе увеличатся и даже сдѣлаются невыносимыми черезполосица, уже затрудняющая крестьянъ, и отдаленность части общинной земли отъ деревни, и безъ того уже слыш-

комъ значительная. Если же будетъ имѣть мѣсто переселеніе на приобретенную землю, которое и само по себѣ необходимо при покупкѣ болѣе отдаленной земли, то, при сохраненіи равнаго права за всѣми, врядъ ли можно будетъ избѣжать принудительнаго переселенія и—что является самымъ существеннымъ возраженіемъ противъ этого предложенія—разстройства хозяйствъ, т.-е. хозяйства выселяющихся семействъ должны будутъ разстроиться, а это тѣмъ болѣе большая потеря для нихъ и всего народнаго хозяйства, чѣмъ лучше были обработка, инвентарь, постройки. Это крупное зло избѣгнется, если принять другое предложеніе—общинную обработку земли съ дѣлежемъ продуктовъ. Но тутъ возникаютъ другія важныя сомнѣнія. Признавая вполнѣ, что если есть народъ, способный къ такому общинному хозяйству, такъ это именно русскій, допуская даже, что крестьянинъ окажется склоннымъ къ этому хозяйству,—что при настоящемъ положеніи вещей кажется мнѣ совершенно невѣроятнымъ,—занимающая насъ проблема все же не будетъ разрѣшена въ одномъ очень важномъ отношеніи: такъ какъ даже увеличившійся, вслѣдствіе общинной обработки, доходъ съ общественной земли не удовлетворитъ всѣмъ потребностямъ всѣхъ общинниковъ, въ особенности при дальнѣйшемъ возрастаніи населенія, то наилучшая организація не дастъ возможности рѣшить, безъ самаго тяжелаго гнета всѣхъ надъ отдѣльною личностью, кому и на какой срокъ идти на посторонніе заработки? Къ возникающимъ отсюда несогласіямъ присоединится разрѣшеніе важнѣйшихъ принципиальныхъ вопросовъ, о которыхъ въ настоящее время вовсе не думаютъ: такъ, напр., какая часть общаго дохода приходится на долю уходящихъ на заработки; какъ относиться къ ихъ требованіямъ относительно участія въ общемъ доходѣ, если они не нашли никакой или достаточно оплачиваемой работы; какъ разрѣшить, если не несчастіе, а лѣность была причиной возвращенія домой безъ денегъ, и т. д.

Наконецъ, остается еще указать на послѣдній исходъ — выкупать у родившихся послѣ ревизіи право на землю, и въ этой мѣрѣ заключается цѣлесообразный элементъ для рѣшенія вопроса; но въ такой грубой формѣ она грозитъ превратиться въ простой подарокъ выдѣляющимся, что вообще дѣйствуетъ вредно и влечетъ скорѣе къ деморализаціи и сверхъ того оставить ихъ на произволъ судьбы.

Итакъ, мы отвѣчаемъ на вышепоставленный вопросъ тѣмъ, что этотъ процессъ развитія (неуменьшаемость надѣла отдѣльныхъ дворовъ, т.-е. прекращеніе коронныхъ передѣловъ, уравнивающихъ землю) тамъ, гдѣ они больше не предпринимаются, долженъ быть признанъ.

Большой заслугой покойнаго К. Д. Кавелина, свидѣтельствующей о его замѣчательномъ талантѣ, является то, что онъ уже въ 1859

году („Взглядъ на русскую сельскую общину“, Атеней № 2) призналъ это преобразование естественнымъ развитіемъ общиннаго владѣнія, и уже тогда, слѣдовательно до 19-го февраля 1861 года, указалъ на постоянное владѣніе надѣломъ, какъ на требуемое самимъ положеніемъ вещей. Къ сожалѣнію, почтенный авторъ не довелъ эту мысль до конца.

Я ожидаю отъ крайнихъ приверженцевъ существующаго общиннаго владѣнія возраженія, что это преобразование земельного права противорѣчитъ національному духу русскаго народа, который всегда стоялъ за равное право всѣхъ на землю. Напротивъ, я прежде доказалъ въ своемъ трудѣ, что *древне-русское* общинное владѣніе не признавало этого права, явившагося только вслѣдствіе принудительнаго сокращенія владѣнія части хозяевъ, и что крѣпостное право, подушная подать и отношеніе къ ней правительства, какъ и помѣщиковъ, создали это право и вмѣстѣ съ тѣмъ современное, преобразовавшееся вслѣдствіе этого права, общинное владѣніе. Теперь мы можемъ пойти еще дальше: новое преобразование общиннаго владѣнія, какъ мы его изобразили прежде, вполне соответствуетъ въ своихъ основахъ *древне-русскому* общинному владѣнію. Разъ устранены эти внѣшнія условія <sup>1)</sup>, вызвавшія равное право всѣхъ на землю, торжествующій народный духъ поднимаетъ голову и восстанавливаетъ первоначальную систему земельныхъ правъ, съ уклоненіями, какихъ требуютъ измѣнившіяся экономическія, соціальныя и политическія условія.

Равное право всѣхъ на землю существовало до тѣхъ поръ, пока правительство и помѣщики, посредствомъ отведенія новой земли, принудительнаго переселенія на другую землю и принудительнаго обращенія къ другимъ отраслямъ дѣятельности, поддерживали гармоническое, при данныхъ условіяхъ, отношеніе населенія къ землѣ. Разъ этотъ регуляторъ исчезъ, исчезаетъ и *равное право всѣхъ*, и сохраняется въ обремененныхъ платежами общинахъ *равная обязанность всѣхъ* принимать соответствующій ихъ экономической силѣ надѣлъ.

Общинное владѣніе въ своемъ теперешнемъ видѣ не можетъ, даже независимо отъ извѣстныхъ недостатковъ закона 19-го февраля 1861 г., доставить членамъ общины соціально-экономическое обезпеченіе: сопротивленіе уравниенію земля, скопленіе надѣловъ въ однихъ рукахъ, обезземеленіе экономически слабѣйшихъ—все это разлагающимъ образомъ дѣйствуетъ на общину. Но и противоположное земель-

<sup>1)</sup> Гдѣ общины при круговой порукѣ обременены налогами, тамъ эти условія еще дѣйствуютъ.



ное право, свободное, личное, не может осуществить и поддержать стремящееся къ интересамъ всѣхъ распредѣленіе поземельной собственности вообще и крестьянской земельной собственности въ частности—этому учитъ исторія поземельной собственности въ западно-европейскихъ государствахъ, а также и въ Россіи. Такимъ образомъ, вопросъ сводится къ тому, чтобы устранить по возможности тѣ элементы обѣихъ противоположныхъ системъ землевладѣнія, которые мѣшаютъ цѣлесообразному распредѣленію крестьянской земли, и создать органическую систему правъ изъ жизненныхъ, содѣйствующихъ культурному развитію вообще и здоровому состоянію крестьянскаго землевладѣнія въ частности, элементовъ обѣихъ системъ землевладѣнія.

Въ жизни общиннаго землевладѣнія обнаруживаются два имѣющихъ глубокое значеніе факта, которые, съ одной стороны, требуютъ реформы, съ другой—содержать основные элементы для рѣшенія проблемы. Одинъ изъ этихъ фактовъ,—сопротивленіе хозяевъ, которымъ угрожаетъ уменьшеніе надѣла, новому коренному передѣлу,—сопротивленіе, причины коего изложены выше, это—принципъ *индивидуализации*. Другой—живущее въ народѣ правовое убѣжденіе въ томъ, что земля, нарѣзанная общинѣ, есть дѣйствительно общинная земля, т.-е. что вся община, не исключая подрастающаго поколѣнія, имѣетъ право на общественную землю, какъ то выражено и въ освобожденномъ законѣ—это принципъ *общинности*. Такое правовое убѣжденіе такъ сильно, что крестьяне часто не чувствуютъ въ себѣ достаточно нравственной силы, чтобы энергически возстать противъ новаго передѣла, а даютъ согласіе на эту мѣру, которая причиняетъ имъ экономическую потерю (потерю земельной ренты съ отрѣзаннаго участка) и разстройство хозяйства. Оба эти факта заключаютъ въ себѣ оба основныхъ элемента рѣшенія проблемы.

Законный индивидуализмъ слѣдуетъ удовлетворить, если только Россія и ея крестьянское населеніе не должны всегда оставаться въ бѣдности, и именно посредствомъ *сохраненія существующаго дѣйствительнаго владѣнія дворовъ*; оно не должно быть въ будущемъ ни уменьшаемо, ни увеличиваемо (путемъ ушерба, наносимаго другимъ дворамъ) посредствомъ коренного передѣла. Это право, съ вытекающими изъ него послѣдствіями, слѣдуетъ по справедливости оставить за индивидуализмомъ, который найдетъ свою границу въ справедливыхъ требованіяхъ подрастающаго поколѣнія; такъ какъ земля есть общественная собственность, то принципъ общинности требуетъ со стороны дворовъ, за которыми упрочена земля, вознагражденія въ пользу подрастающаго поколѣнія, потерпѣвшаго ушербу, благодаря этому; право этого поколѣнія, которое не можетъ быть

осуществлено въ общинѣ безъ значительнаго вреда для многихъ хозяйствъ, удовлетворяется не *in natura*—нарѣзкой земельного участка, но тѣмъ, что общинная земля, иначе сказать—люди, пользующіеся ею, позаботятся объ экономическомъ существованіи оставшихся безъ земли инымъ образомъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ, внесеніемъ денежной суммы и т. п.

Оба эти принципа вполне понятны крестьянину, и даже практикуются имъ въ извѣстныхъ случаяхъ. Именно тамъ, гдѣ общины пріобрѣтали землю путемъ покупки, земля дѣлилась, насколько позволяютъ судить относящіеся сюда данныя, сообразно внесеннымъ отдѣльными дворами суммамъ; съ землею распоряжались такимъ же образомъ, какъ и съ собственно общинною землею, съ тѣмъ, однако, существеннымъ различіемъ, что пай не могъ быть уменьшенъ или увеличенъ, какъ бы ни увеличилось или уменьшилось число душъ въ семьѣ; при этомъ совершаются, въ случаѣ надобности, пережеребьевки, земля дѣлится на кони и т. д. Это своеобразное право земельного владѣнія вовсе не является продуктомъ развивающагося нынѣ индивидуализма, такъ какъ нѣсколько примѣровъ его мы встрѣчаемъ уже въ прошломъ и началѣ нынѣшняго столѣтія на землѣ, которая была куплена крестьянами, тогда какъ первоначальная общинная земля оставалась въ обычномъ общинномъ владѣніи; встрѣчаемъ его часто также на земляхъ „свободныхъ хлѣбопашцевъ“ и другихъ четвертныхъ землевладѣльцевъ и однодворцевъ. Второй принципъ также уже осуществлялся практически крестьянами: для того, чтобы не дать хода требованію новаго передѣла со стороны семействъ, число душъ которыхъ умножилось, въ нѣкоторыхъ областяхъ уже прибѣгали къ крайнему средству: къ поощренію выселенія денежными выгодами; извѣстная сумма выдавалась выселяющимся семействамъ на каждую ревизскую душу, земля которой оставалась за общиной для надѣленія наиболѣе нуждающихся въ землѣ семей или для увеличенія выгона, менѣе же значительная сумма уплачивалась родившимся послѣ ревизіи, или дѣло устроивалось по какому-нибудь другому расчету. Мнѣ встрѣтилось даже одно общество, нехворощанское, полтавской губерніи константиноградскаго уѣзда, осуществившее оба принципа на практикѣ путемъ важнаго правового акта: оно купило при помощи крестьянскаго банка участокъ земли, на которомъ основало нѣсколько деревень посредствомъ выселенія съ различными льготами; платежи въ банкъ были соединены съ платежами за прежнюю землю, которые значительно ниже новыхъ, и распределены равномерно на всю общину, т. е. крестьяне, оставшіеся на старой землѣ, платятъ теперь съ десятины больше, чѣмъ прежде, тогда какъ переселившіеся нѣсколько облегчены, благодаря этой набавкѣ плате-

жей на другихъ; и такъ, старая общинная земля приноситъ землю для выселившихся.

Основываясь на этихъ двухъ главныхъ элементахъ, можно теперь создать аграрное право, которое въ состояніи устранить недостатки обѣихъ земельныхъ системъ. Существенными постановленіями должны быть слѣдующія: 1) постановленія противъ слишкомъ далеко заходящаго и слишкомъ часто случающагося раздробленія и соединенія земельной собственности; 2) самостоятельное хозяйничанье домохозяевъ; 3) обезпеченіе крестьянъ противъ послѣдствій обремененія долгами до известной границы и запрещеніе продажи необходимаго для веденія хозяйства живого и мертвого инвентаря; 4) предпочтеніе наслѣдника, принимающаго на себя дворъ; 5) право перекупки общиной при всякой продажѣ и право перекупки общиной и общинниками при продажѣ двора постороннему; 6) общія права и обязанности общины: а) распоряженіе общинной землей при неуменьшаемости пая отдѣльныхъ дворовъ, б) смѣщеніе домохозяина за плохое веденіе хозяйства, в) организація кредита, г) право распоряженія выморочными дворами, е) обязанности относительно безземельныхъ, покупка земли, пособіе при переселеніяхъ и другіе способы вспоможенія.

Мы, однако, рѣшительно противъ принудительнаго всеобщаго введенія подобнаго аграрнаго права: оно должно быть осуществлено только тамъ, гдѣ его требуютъ или дѣлаютъ желательнымъ соответственныя мѣстныя условія. Вмѣшательство правительства является повсюду, гдѣ часть хозяевъ стѣснена тѣмъ, что община не допускаетъ ихъ къ уравненію земли сообразно съ измѣнившимся семейнымъ составомъ. Самый благоразумный способъ вмѣшательства состоитъ въ томъ, чтобы въ подобныхъ случаяхъ соответственное вѣдомство ставило общинѣ слѣдующую альтернативу: или дать согласіе на коренной передѣлъ, или посредствомъ сбора денежной суммы облегчить стѣсненнымъ въ ихъ хозяйствѣ крестьянамъ переселеніе на землю, которая должна быть приобрѣтена, въ чемъ и должно заключаться введеніе новаго аграрнаго права. Болѣе дѣятельное вмѣшательство можетъ быть также оправдано: тамъ, гдѣ съ давнихъ поръ не былъ производимъ коренной передѣлъ и, наконецъ, тамъ, гдѣ по свѣденіямъ соответственнаго вѣдомства осуществленіе такого новаго передѣла принесло бы чувствительный ущербъ многимъ хозяйствамъ.

Въ заключеніе нѣсколько пояснительныхъ словъ объ отдѣльныхъ принципахъ. Противъ скопленія надѣловъ можно принять мѣры и при существующемъ общинномъ владѣніи, но не противъ слишкомъ

сильнаго раздробленія. Новый законъ объ ограниченіи семейныхъ раздѣловъ, который изъ экономическихъ соображеній вмѣшивается во внутреннюю духовно-нравственную жизнь семьи, будетъ имѣть такъ же мало успѣха, какъ прежніе законы со временъ Екатерины II. Вышеупомянутое аграрное право можетъ цѣлесообразнымъ образомъ, посредствомъ отвода поземельныхъ участковъ вдали, уменьшить стремленіе къ отдѣленію отъ отцовской семьи. Имѣющая образоваться колонизаціонная касса, которой мы сейчасъ посвятимъ нѣсколько словъ, представляетъ, такъ сказать, страховой и уравнительный союзъ по отношенію къ измѣняющимся различіямъ плодovitости семей: изъ двухъ семей съ одинаковымъ надѣломъ, платящихъ, слѣдовательно, одинаковую сумму въ кассу, та, у которой много сыновей, получаетъ больше выгоды, такъ какъ нѣсколько человекъ изъ нея могутъ переселиться, чѣмъ та, у которой немного или только одинъ сынъ, а въ послѣдующихъ поколѣніяхъ различіе сглаживается. Что касается до раздѣленія крестьянской земли, то естественный исходный пунктъ здѣсь составляетъ то количество земли, которое вполне занимаетъ рабочія руки средней семьи. Уклоненія вверхъ (максимумъ) и внизъ (минимумъ) допустимы въ большей или меньшей степени соотвѣственно экономическимъ условіямъ мѣстности. Максимальная граница лежитъ въ сохраненіи крестьянскаго характера владѣнія, который теряется, когда доходъ избавляетъ семью отъ необходимости личнаго труда. Определенный минимумъ нельзя установить; различное, смотря по мѣстнымъ условіямъ, число дворовъ можетъ быть даже оставлено при одной только огородной землѣ (кустари и т. п.). Выморочные надѣлы, равно какъ и приобретенные, благодаря праву перекупки, земельные участки—могутъ служить для устраненія возникшаго распределенія.

Въ виду незначительныхъ потребностей и степени духовно-нравственнаго развитія русскаго народа, обезпеченіе противъ послѣдствій обремененія долгами не должно заходить такъ далеко, какъ въ столь прославившемся у насъ въ послѣднее время американскомъ Homesteadexemption-law, но можетъ относиться только къ необходимымъ средствамъ производства: необходимому живому и мертвому инвентарю (желѣзный инвентарь), необходимой домашней утвари, одеждѣ и сѣстнымъ припасамъ на определенное короткое время. Необходимое количество сѣмянъ, конечно, должно быть изъято изъ распоряженія кредиторовъ и казны, но община обязана наблюдать, чтобы оно не было употреблено для другихъ цѣлей. Эти льготы должны имѣть въ виду не всегда благо личности, но благо хозяйства: за общиной остается и теперь практикуемое право замѣнять завѣдомо небрежнаго хозяина другимъ членомъ семьи. При суще-

ствующемъ общинномъ владѣніи было бы невозможно требовать существованія постояннаго, неизмѣннаго желѣзнаго инвентаря, который не можетъ быть отчужденъ даже по волѣ хозяина, такъ какъ вслѣдствіе права на землю образуются дворы, которые не могутъ имѣть его въ достаточномъ количествѣ. Право перекупки должно охранять общину отъ выдѣренія чуждыхъ, вредныхъ элементовъ. Община получаетъ также право отчислять извѣстный процентъ покупной суммы въ колонизаціонную кассу.

Важнѣйшая задача общины—пріобрѣтеніе земли и помощь при переселеніи обезземеленнымъ, благодаря новому праву, общинникамъ, насколько они въ этомъ будутъ нуждаться, т.-е. если они не предпочтутъ оставаться дома въ качествѣ кустарей, ремесленниковъ и т. п., причѣмъ получать мѣсто для усадьбы и огорода (посредствомъ отрѣзки изъ отцовскаго надѣла, покупки, и т. д.), или вовсе выдѣлиться и искать другого занятія. Такъ какъ легче основать колонизаціонную кассу общими силами, то нѣсколько общинъ, напр. волость или еще больше чѣмъ волость, должны составить союзъ, завѣдываніе которымъ должно совершаться при содѣйствіи или, по крайней мѣрѣ, подъ контролемъ администраціи или земства. Постоянными доходами будутъ правильные взносы домохозяевъ соотвѣтственно величинѣ ихъ надѣла, а экстраординарными: доходъ по случаю продажи земельныхъ участковъ, какъ выше замѣчено, отъ отдачи выморочныхъ надѣловъ оставшихся въ пользу общины, обратные платежи переселившихся, о чемъ сейчасъ будетъ рѣчь, и другіе случайные доходы. Взносы въ ближайшемъ будущемъ будутъ невелики и необременительны, и именно тогда хозяева мало почувствуютъ ихъ тяжесть, когда будутъ пользоваться благополучіемъ оставленія за ними прежняго владѣнія и убѣдятся, что объ ихъ дѣтяхъ позаботятся—платежи имѣютъ характеръ издержекъ въ пользу дѣтей. Незначительны будутъ взносы, такъ какъ, съ одной стороны, еще существуетъ много свободной казенной земли, которую правительство уступить на льготныхъ условіяхъ, и потому колонизаціонная касса должна будетъ только помочь при переселеніи; съ другой же стороны, можно разсчитывать на помощь крестьянскаго банка. Средства, выдаваемые переселенцамъ, не должны быть имъ даримы, впрочемъ съ исключеніями, которыя опредѣляются самою природою дѣла; такъ напр., не слѣдуетъ требовать обратно суммы, выданной на переселеніе, на путевыя издержки; вопросъ—слѣдуетъ ли требовать возвращенія первыхъ издержекъ водворенія или части ихъ (вспомоществованіе до первой жатвы)? Казна, вообще, не должна участвовать въ выдачѣ вспомошествованія. Кромѣ общаго облегченія переселенія, для чего слѣдуетъ принять извѣстныя мѣры (помощенія во время переѣзда и т. п.), кромѣ уменьшенія желѣзно-дорожной

и паровой платой, какъ это и теперь дѣлается не только для военныхъ транспортовъ, но часто также и для рабочихъ, путешествующихъ въ большомъ числѣ, кромѣ освобожденія отъ податей на перемычку и т. п., — кромѣ подобныхъ льготъ, правительство только въ исключительныхъ случаяхъ должно оказывать денежную помощь, т.-е. въ тѣхъ случаяхъ, когда община находится въ тяжеломъ экономическомъ положеніи: сюда придется причислить большую часть деревень съ нищенскимъ (дарственнымъ) надѣломъ, а также и другія: правительство должно вносить въ колонизаціонную кассу союза, къ которому принадлежитъ подобная община, причитающійся съ этой послѣдней ежегодный взносъ, или даже, можетъ быть, нѣсколько больше, такъ какъ именно эти общины будутъ больше, чѣмъ другія, пользоваться кассой. Но устройство колонизаціонной кассы должно приносить не только экономическія выгоды, оно будетъ имѣть также большое духовно-нравственное значеніе: большую нравственную цѣну имѣетъ то обстоятельство, что новое поселеніе не будетъ образовываться, какъ это часто дѣлается теперь, изъ людей съ различными возрѣвнiями, съ различными обычаями, собравшихся со всѣхъ концовъ государства, но — изъ уроженцевъ, близкихъ общинѣ. Вновь образовавшіяся общины установятъ у себя то же земельное право, которому онѣ обязаны своимъ появленіемъ.

Трудность осуществленія и здѣсь, какъ во всѣхъ крупныхъ преобразованіяхъ, заключается въ первоначальномъ учрежденіи: труднѣе всего будетъ собрать первые взносы, а именно въ первое время и будутъ предъявляться къ кассамъ наибольшія требованія. Съ другой стороны, въ первое время надо будетъ устроить — позднѣе этого вообще не будетъ — переселеніе семей, имѣющихъ уже свое собственное хозяйство, которое теперь придется прекратить; впрочемъ, надѣль, доставшійся оставшимся хозяевамъ, дастъ имъ возможность заплатить и большую сумму. Наконецъ, можно допустить и приплату изъ казны для перваго переселенія: это былъ бы очень производительный расходъ.

Еще одно общее замѣчаніе. Что касается до того, какую форму приметъ въ будущемъ право собственности и владѣнія землей, то, какъ мнѣ кажется, одно уже и теперь не подлежитъ никакому сомнѣнію — возрастающая, т.-е. вновь образующаяся свободная земельная рента не принадлежитъ отдѣльнымъ собственникамъ, но всему обществу, благодаря которому она, въ сущности, и возникаетъ. Я не могу подробнѣе развить здѣсь эту мысль, но считаю ее вполне применимой къ новому крестьянскому земельному праву, въ которомъ она можетъ и, по моему мнѣнію, должна, найти осуществленіе безъ долгихъ разсужденій: образующаяся на крестьянской землѣ свободная

земельная рента (вкратцѣ ее можно формулировать такъ: чистый доходъ съ земли за вычетомъ выкупного платежа, нѣкоторыхъ улучшеній по особливо выработаннымъ правиламъ податей) должна доставаться не отдѣльнымъ хозяевамъ, но идти въ пользу всѣхъ членовъ общины и ихъ потомковъ, и притомъ не только до тѣхъ поръ, пока они остаются вѣрными землѣ, но и когда они обращаются къ другимъ отраслямъ промышленности, чтобы дать имъ возможность добыть пропитаніе и *соціально-экономическую самостоятельность*. Какъ разрѣшить эту проблему—вопросъ будущаго, теперь же только заложены первые камни для этого рѣшенія. Ближайшимъ дѣломъ времени было бы обращеніе этихъ „свободныхъ“ средствъ, когда они получатся вслѣдствіе всеобщаго экономическаго развитія страны, для покрытія расходовъ на ремесленное, техническое образованіе и содержаніе учащихся, также для устройства общественныхъ мастерскихъ, для поддержки кустарныхъ промысловъ и т. п. Во всякомъ случаѣ—это перспектива великой будущности, о которой мы здѣсь не станемъ распространяться.

Результатомъ такого рода реформы общиннаго владѣнія было бы слѣдующее. Устраненіе права на землю въ томъ видѣ, какъ оно до сихъ поръ осуществляется (т.-е. путемъ отрѣзанія земли у такихъ дворовъ, личный составъ которыхъ уменьшился или остался неизмѣннымъ при общемъ увеличеніи числа душъ, или даже немного увеличился), сохранять существующее хозяйство, такъ какъ съ этого момента оно не претерпѣваетъ никакого разстройства вслѣдствіе насильственнаго уменьшенія земли. Обмѣнъ пологъ сохраняется только при жеребьевкахъ, какъ правильно повторяющееся явленіе при примитивной системѣ хозяйства (такъ напр. при переложной системѣ), какъ случайное при извѣстныхъ специальныхъ условіяхъ для устраненія презмѣрнѣйшей черезполосицы, которая можетъ произойти вслѣдствіе наслѣдства, покупки и т. п., при измѣненіи способа пользованія землею, какъ напр. при уменьшеніи или уничтоженіи постоянного выгона, измѣненія лѣсной площади, сокращенія или расширенія луговой земли въ пользу или въ ущербъ пашнѣ и т. д. Разъ пережеребевки случаются рѣже или вовсе исчезаютъ, можно устроить болѣе крупныя копы или даѣть полное округленіе, смотря по мѣстнымъ условіямъ, посредствомъ такъ названнаго мною оцѣночнаго дѣлежа (возмѣненіе количества качествомъ земли); затѣмъ можно также будетъ уничтожить принудительную обработку, ставшую невыгодной; выселеніе изъ деревень облегчится, потому что выселяющіеся не будутъ имѣть надежды получить землю на родинѣ. Ослабленіе общинной жизни, замѣченное въ послѣднее время и, по моему мнѣнію, происходящее отъ этой борьбы за и противъ права на землю, замѣ-

няется усиленіемъ, такъ какъ содержаніе общинной жизни сдѣлается гармоническимъ и богатымъ.

Новое *общинное земельное право* должно находиться подъ покровительствомъ общественнаго права. Мы, конечно, не можемъ разобрать подробно организацію и кругъ дѣйствія правительственныхъ органовъ по отношенію къ „крестьянской землѣ“, ея распредѣленію, исполненію обязанностей, возложенныхъ на общину; но общій законъ долженъ установить только общія основанія; спеціальныя же нормы должны быть опредѣляемы спеціальными органами для губерніи, затѣмъ въ случаѣ надобности для уѣзда и, наконецъ, посредствомъ мѣстныхъ положеній, даже для волости или колонизаціоннаго союза, причемъ верховный надзоръ и руководство будутъ принадлежать общему правительственному органу. Эти органы будутъ имѣть административно-судебную компетенцію, дабы улаживать споры, возникающіе по поводу земельного права, насколько они касаются его оффиціально-юридическаго характера, а главнымъ образомъ—особенно въ первое время—защищать права личностей отъ общины, противъ которой они теперь почти совершенно безсильны.

Ив. Кейслеръ.





---

## ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1887 г.

Вторая половина восьмидесятых годов, какъ эпоха „проектовъ“.—Проекты „фантастичные“ (г. Кашкаровъ) и „дѣловые“ (гг. Баратынскій и Вл. Г.).—Обязательные маіораты и обуславливаемая ими необходимость „жертвъ“ или „воспособленій“.—Проектируемое введеніе квартирнаго сбора въ обѣихъ столицахъ; вопросы объ избирательномъ правѣ квартиронанимателей и о прогрессивности квартирнаго сбора.—Общій результатъ по исполненію государственной росписи за 1886 г.

Вторая половина восьмидесятых годовъ напоминаетъ начало семидесятыхъ обиліемъ проектовъ, носящихся въ воздухѣ, стекающихся отовсюду къ центру государственной жизни. Какъ и пятнадцать лѣтъ тому назадъ, проекты составляются корпораціями и частными лицами, циркулируютъ въ видѣ записокъ, печатаются въ журналахъ и газетахъ, издаются отдѣльными книгами или брошюрами; какъ и пятнадцать лѣтъ тому назадъ, они смотрятъ не впередъ, а назадъ, стремятся къ восстановленію старыхъ порядковъ. Новыми, и то лишь отчасти, являются средства, а не цѣли; на первомъ планѣ стояло тогда и стоитъ теперь восстановленіе сословнаго начала. Сравнительно съ прежнимъ, современное проектерство отличается увѣренностью въ побѣдѣ и смѣлостью размаха. Оно постепенно раздвигаетъ свои рамки, увеличиваетъ свои притязанія. Начавъ, какъ и въ семидесятыхъ годахъ, съ требованія административной реформы, оно идетъ все дальше и дальше, домогается матеріальныхъ пособій со стороны государства, ставитъ на очередь вопросъ о коренномъ преобразованіи гражданскихъ законовъ. Сходство основной идеи не исключаетъ разнообразія въ деталяхъ. Всѣ проекты, до сихъ поръ проникшіе въ печать, распадаются на двѣ главныя группы: проекты фантастичные и проекты дѣловые. Само собою разумѣется, что демаркаціонная линія между ними не можетъ быть проведена съ полною точностью; разсужденіямъ, повидимому сдер-

жаннымъ и спокойнымъ, далеко не чужда игра фантази; мечтамъ, повидимому парящимъ въ времени и пространства, далеко не чужды практической расчетъ—но отъ преобладанія тѣхъ или другихъ зависитъ, все-таки, общій характеръ проекта. Приведемъ образцы обоихъ жанровъ; они заслуживаютъ изученія если не сами по себѣ, то какъ „признаки времени“.

Къ категоріи „фантастичныхъ проектовъ“ принадлежитъ, напирмѣръ, брошюра И. Д. Кашкарова: „Дворянское дѣло“. Если авторъ ея—тотъ самый Иванъ Кашкаровъ, который напечаталъ, лѣтъ семъ тому назадъ, книгу: „Нужды русскаго народа“, то онъ заранѣе осудилъ самого себя; въ только-что названной нами книгѣ интеллигенціи подается совѣтъ не заниматься составленіемъ проектовъ, а добиваться лучше участія въ крестьянскомъ самоуправленіи<sup>1)</sup>. „Чтобы такое участіе было дѣйствительно полезно, — говорилось въ „Нуждахъ русскаго народа“,— слѣдуетъ отрѣшиться отъ дворянской и иной спѣси и не вступать въ народную жизнь купно, цѣлымъ сословіемъ землевладѣльцевъ, какъ это предлагаютъ люди, измыслившіе всеословныя волости<sup>2)</sup> или вотчинную полицію“. Забывъ—если только основательна наша догадка о принадлежности обѣихъ книгъ одному и тому же автору—забывъ свой собственный совѣтъ и свою собственную profession de foi, г. Кашкаровъ занялся составленіемъ проекта—и измыслилъ нѣчто весьма похожее на „вотчинную полицію“. Мы не упомянули бы объ этомъ противорѣчій—мало ли совершилось на нашихъ глазахъ превращеній еще болѣе рѣзкихъ!—еслибы оно не было такъ характеристично, еслибы въ самыхъ заглавіяхъ обѣихъ книгъ г. Кашкарова не отразилась такъ ясно разница между двумя эпохами. Въ 1880 г.—„нужды русскаго народа“, въ 1887 г.—„дворянское дѣло“!..

Въ новомъ сочиненіи своемъ г. Кашкаровъ предлагаетъ предоставить дворянству избирать, изъ своей среды, мировыхъ посредниковъ и низшихъ административныхъ чиновниковъ (вѣроятно тѣхъ волостныхъ „устроителей“, о которыхъ говорится въ другомъ пунктѣ проекта). Мировые судьи пускай избираются земскимъ собраніемъ—но въ составъ этого собранія должны входить, безъ выборовъ, всѣ потомственные дворяне, владѣющіе по меньшей мѣрѣ 350 десятинами. Не дворянинъ можетъ быть избранъ въ мировые судьи и члены уѣздныхъ земскихъ управъ лишь за недостаткомъ дворянъ или *въ случаѣ забаллотированія ихъ двумя третями гласныхъ* (и такъ, если

<sup>1)</sup> См Литературное Обзорѣніе въ № 4 „В Европы“ за 1880 г.

<sup>2)</sup> Въ 1880 г. съ именемъ всеословной волости связывалось исключительно понятіе о волости подвластной дворянству, какъ она проектировалась гр. Орловымъ-Давыдовымъ и др.

дворянинъ будетъ забаллотированъ простымъ большинствомъ, то онъ считается выбраннымъ?!). Уѣздный предводитель дворянства занимаетъ по праву должность предсѣдателя уѣздной земской управы. До сихъ поръ предположенія г. Кашкарова не заключаютъ въ себѣ ничего экстраординарнаго; это—одна изъ многихъ попытокъ отдать весь уѣздъ въ послушаніе помѣстному дворянству, только болѣе откровенная и прямолинейная, чѣмъ другія. Въ область фантазіи вводитъ насъ слѣдующая статья проекта: „предводители дворянства приглашаются наблюдать, чтобы передовое сословіе составляло разсадникъ лучшихъ русскихъ людей, и чтобы никто изъ его представителей не отступалъ отъ правилъ чести, не злоупотреблялъ дарованною ему властью и привилегіями, но всякій *смирненно* и твердо выполнялъ бы возложенныя на него выборною службою обязанности. О всѣхъ дворянахъ, уклонившихся отъ пути чести, *патріотизма*, преданности царю и *любви къ русскому народу*, предводители доводить до свѣденія уѣздныхъ и губернскихъ дворянскихъ собраній, для чего имъ предоставляется *собирать* жалобы разныхъ лицъ на дворянъ, исполняющихъ должности по выборамъ“. Дворянъ, изобличенныхъ въ „противо-государственныхъ или вошунственныхъ дѣйствіяхъ“, губернскія дворянскія общества, по мысли г. Кашкарова, могутъ не только исключать изъ своей среды, но и предавать суду. Законодательство должно „требовать“ отъ дворянъ „умѣреннаго образа жизни, безукоризненной честности и чистоты нравовъ“. Не ясно ли, что авторъ „Дворянскаго дѣла“ является здѣсь преобразователемъ того самаго типа, который намъ уже давно знакомъ по „Дневнику провинціала въ Петербургѣ“? Уклоняющіеся отъ пути патріотизма и любви къ народу—это, очевидно, тѣ же „несогласно мыслящіе“, на главу которыхъ призывалъ громъ и молнію одинъ изъ Щедринскихъ „прожекторовъ“. Правда, у послѣдняго единственной карательной мѣрой за „несогласное мышленіе“ полагалось разстрѣляніе, о которомъ нѣтъ рѣчи у г. Кашкарова—но должна же быть какая-нибудь разница между прожекторомъ, существующимъ только въ воображеніи сатирика, и прожекторомъ, совершенно серьезно рассчитывающимъ на вниманіе правительства и общества... Между „планами реформъ“, изображенными на страницахъ „Дневника провинціала“, и предположеніями г. Кашкарова обнаруживается еще одно сходство. У Н. Щедрина кто-то рекомендуетъ раздѣлить уѣзды—на округа, округа—на дистанціи (пятиверстнаго разстоянія), и сдать тѣ и другія въ управленіе „благонадежныхъ и знающихъ мѣстныхъ обстоятельства землевладѣльцевъ“. Многимъ ли отличается отъ сатиры слѣдующее правило, начертанное г. Кашкаровымъ: „вообще дворянству предоставляется наблюденіе за порядкомъ въ уѣздѣ и попеченіе о крестья-

нахъ и мѣщанахъ, какъ о младшихъ братьяхъ, требующихъ совѣта, помощи, указанія и руководства? Совѣты, указанія, помощь—все это доступно для дворянства и теперь, безъ всякихъ особыхъ полномочій; рѣчь идетъ, очевидно, о совѣтахъ обязательныхъ къ исполненію, т.-е. о приказаніяхъ,—о „понуздительномъ“ руководствѣ, т.-е. о власти. Всякій дворянинъ становится, въ мечтахъ г. Кашкарова, распорядителемъ своего околотка, т.-е. тѣмъ самымъ „дистанціоннымъ начальникомъ“, силуэтъ котораго мы видѣли въ „Дневникѣ Провинціала“, какъ „тѣнь грядущихъ событій“. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, М. Е. Салтыковъ былъ настоящимъ пророкомъ... Снабдить дворянъ властью—это только одна часть задачи, преслѣдуемой „Дворянскимъ дѣломъ“; попечительный авторъ проекта заботится и о матеріальномъ ихъ благосостояніи. Девизомъ „Дворянскаго дѣла“ могли бы служить слова Петра Ивановича Адуева (въ „Обыкновенной исторіи“): „и карьера, и фортуна“. Карьера обезпечивается монополіей мѣстной службы, фортуна—правомъ „безупречнаго“ дворянина получить участокъ земли изъ выморочныхъ дворянскихъ имуществъ и въ особенности учрежденіемъ „дворянскихъ кассъ“, выплачивающихъ за неисправныхъ заемщиковъ платежи въ дворянскій банкъ и воспитывающихъ на свой счетъ дворянскихъ дѣтей. Для пополненія „дворянскихъ кассъ“ могутъ служить „естъ средства, одобренныя дворянскимъ собраніемъ“.

Нѣкоторая наивность въ руководящихъ мысляхъ, нѣкоторый лирическій беспорядокъ въ деталяхъ—таковы отличительныя черты „фантастичнаго“ проекта, составленнаго г. Кашкаровымъ. Совершенно иной видъ имѣютъ проекты „дѣловые“, принадлежащіе г. Вл. Г. („Дворянское землевладѣніе въ связи съ мѣстной реформой“) и г. Баратынскому („Изъ губерніи“). Мы находимъ здѣсь и статистическія данныя, и историческія экскурсіи, и ссылки на примѣры иностранныхъ государствъ—но изъ-за научнаго аппарата выглядываетъ самый заурядный сословный эгоизмъ. Между обѣими брошюрами очень много общаго, хотя одна изъ нихъ старается доказать, что исторія дворянства—все равно что исторія Россіи, а другая признаетъ, что дворянство, какъ сословіе, никогда не имѣло у насъ притязаній на управленіе судьбами государства. Единодушны гг. Баратынскій и Вл. Г. и въ отрицательномъ отношеніи ко всему сдѣланному до сихъ поръ для дворянства, и въ возвеличеніи—или преувеличеніи—роли, подобающей высшему сословію, и въ выборѣ путей, ведущихъ къ намѣченной цѣли. „Дворянскій земельный банкъ“—говоритъ г. Вл. Г.,—открытъ слишкомъ поздно и не въ состояніи спасти большинство заложенныхъ помѣстій“; „чувствительной помощи землевладѣльцамъ,—читаемъ мы у г. Баратынскаго,—удешевленіе кредита дво-

рянскимъ банкомъ оказать не могло". Если вѣрить г. Вл. Г., „съ 1861 г. всѣ усилія были направлены къ уничтоженію дворянства, а реакція, начавшаяся недавно, выразилась исключительно въ мѣрахъ палліативныхъ"; г. Баратынскій точно также протестуетъ противъ палліативовъ и желаетъ мѣръ „радикальнаго свойства". Авторъ „Дворянскаго землевладѣнія" разсуждаетъ такъ: у насъ каждый помѣщикъ былъ издавна „полновластнымъ владыкой сидящаго на его землѣ тяглаго люда". Оставить за нимъ это положеніе непосредственно послѣ крестьянской реформы было опасно, потому что оно могло бы сдѣлаться источникомъ новаго, фактическаго закрѣпощенія крестьянъ; но „тѣ отношенія, которыя немислимо было учредить тогда, теперь вполне возможны". Дворянство испѣблилось отъ многихъ своихъ дурныхъ качествъ; самые ярые крѣпостники убѣдились „въ невозможности возвратиться къ прежнему общественному строю". Въ крестьянствѣ, съ другой стороны, „часто слышатся похвалы доброму старому времени, и бывшая вражда къ помѣщикамъ совершенно потухла въ народѣ". Пора, поэтому, установить такой порядокъ, при которомъ „помѣщики-дворяне, облеченные извѣстными прерогативами власти, сдѣлаются естественными защитниками крестьянъ отъ хищническихъ покушеній третьяго сословія, и вмѣстѣ съ тѣмъ водворителями *прежней* тишины и спокойствія въ деревенской жизни... Сто тысячъ даровыхъ полиціймейстеровъ, по извѣстному выраженію императора Павла, и понынѣ суть единственные лица, могущія добросовѣстно исполнить обязанность упорядоченія условій сельскаго быта". Г. Баратынскій сходится съ г. Вл. Г. въ мысли о необходимости дворянскаго вліянія на вотчинную полицію и ставитъ слѣдующій тезисъ: „дворяне-землевладѣльцы должны служить естественнымъ звеномъ вершины политическаго конуса съ его базисомъ (вотъ во чтѣ обратилась извѣстная пирамида г. Стронина!), а потому могутъ занимать почетныя вліятельныя должности въ районѣ своихъ владѣній". Слово: *могутъ*—употреблено здѣсь, очевидно, по ошибкѣ; настоящая мысль автора была бы выражена гораздо точнѣ словомъ: *должны*. Оба писателя требуютъ для дворянства *привилегій, личнаго и сословнаго прерогативъ*. Для г. Баратынскаго это требованіе до такой степени неоспоримо, что онъ даже не особенно заботится о его мотивировкѣ. „Сословіе дворянъ-землевладѣльцевъ,—говоритъ онъ,—должно быть привилегированное, *ибо* теперешнее дворянское сословіе наименѣе привилегированное". Для всякаго ясно, что первое положеніе вовсе не вытекаетъ изъ послѣдняго, но г. Баратынскій этого не замѣчаетъ, потому что его излюбленная мысль имѣетъ для него характеръ догмы, не нуждающейся въ доказательствахъ. Правда, онъ чувствуетъ, что почва колеблется у него подъ ногами, онъ знаетъ,

что для исполненія функций, предназначаемыхъ имъ дворянамъ-землевладѣльцамъ, можетъ не оказаться на лицо бездѣлицы — самихъ дворянъ-землевладѣльцевъ, повсемѣстно и быстро уступающихъ мѣсто другимъ землевладѣльческимъ элементамъ. Но противъ этой бѣды у г. Баратынскаго, какъ и у г. Вл. Г., есть готовое лекарство; они оба стоятъ за созданіе неотчуждаемыхъ и нераздробляемыхъ дворянскихъ земельныхъ участковъ, т.-е. за *обязательность маіоратовъ*. Довольно близки между собою и самыя подробности обоихъ плановъ. Нормой для маіората г. Баратынскій предлагаетъ принять такое пространство земли—отъ 1.200 до 2.500 десятинъ,—доходность котораго составляетъ около 8 тысячъ талеровъ (нѣмецкая монетная единица, да еще вдобавокъ болѣе не существующая, является здѣсь на сцену потому, что исходной точкой г. Баратынскаго служить понятіе о крупной поземельной собственности, когда-то выработанное въ Германіи). По разсчету г. Баратынскаго, подобныхъ участковъ можетъ быть „выероено“ около 22 тысячъ (среднимъ числомъ по 2.000 десятинъ въ каждомъ) Другой защитникъ маіоратовъ, г. Вл. Г., предлагаетъ установить для нихъ доходность въ 6—10 тысячъ рублей, соответствующую 500—2.000 десятинамъ. Образование маіоратовъ проектируется постепенное; обширныя имѣнія могутъ быть раздробляемы до тѣхъ поръ, пока каждый участокъ не достигнетъ вышеуказанной нормы. Не лишено интереса то обстоятельство, что по вопросу о маіоратахъ гг. Баратынскій и Вл. Г. расходятся съ г. Кашкаровымъ; послѣдній не только не уповаетъ на маіораты, но стоитъ даже за полное ихъ уничтоженіе. Объясняется это разногласіе, быть можетъ, неодинаковымъ отношеніемъ къ прошедшему дворянства; г. Баратынскій отождествляетъ наше высшее сословіе съ „потомствомъ дружины“, сопровождавшей Рюрика—а г. Кашкаровъ напоминаетъ, что многіе изъ нашихъ дворянъ „произошли отъ холоповъ и почти всѣ ведутъ свои роды отъ крестьянъ, купцовъ и мѣщанъ, оказавшихъ услуги отечеству“.

И такъ, двадцать или пятнадцать <sup>1)</sup> тысячъ „маіоратистовъ“ (честь изобрѣтенія этого слова принадлежитъ г. Вл. Г.)—вотъ священный отрядъ, необходимый и достаточный для спасенія Россіи; безъ него, по пророчеству г. Баратынскаго, намъ угрожаетъ завоеваніе однимъ изъ сосѣднихъ народовъ, „съ болѣе твердыми гражданскими устоями, къ числу которыхъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ элементъ участковыхъ землевладѣльцевъ“. Оказывается, однако, что благодѣяніями этого отряда будетъ пользоваться далеко не вся Россія. Исключаются

<sup>1)</sup> Эта послѣдняя цифра вытекаетъ изъ разсужденій г. Вл. Г., которому нужно только по 300 дворянъ-землевладѣльцевъ на губернію.

изъ его сферы дѣйствій (по проекту г. Вл. Г.) сѣверныя губерніи, потому что тамъ слишкомъ мало дворянъ; губерніи оренбургская и уфимская, потому что дворянское землевладѣніе находится здѣсь „въ періодѣ формациі“; Кавказъ, Закавказье и область войска Донского, вслѣдствіе „особыхъ условій мѣстнаго землевладѣнія“; остзейскія и привислянскія губерніи, потому что „на этой окраинѣ усиленіе дворянства, безъ того весьма состоятельнаго, нежелательно по политическимъ причинамъ“. Въ западныхъ губерніяхъ, наконецъ, „въ маіораты могутъ быть преобразованы только помѣстья, принадлежащія кореннымъ русскимъ владѣльцамъ“, ибо иначе „усилилось бы вліяніе польской шляхты на окружающее населеніе“. Хороша реформа, первымъ проявленіемъ которой было бы увеличеніе различія между окраинами и серединой государства! Мы понимаемъ уваженіе къ мѣстнымъ особенностямъ, какъ въ чему-то данному, существующему, понимаемъ его до тѣхъ поръ, пока на сторонѣ status quo презумпція пользы, приносимой краю—но мы не знаемъ случая, въ которомъ можно было бы оправдать искусственное раздвоеніе системы управленія. Прочна и рациональна только та политика, которая не знаетъ двухъ мѣръ и двухъ вѣсовъ, для которой бѣлое—вездѣ бѣлое, черное—вездѣ черное. Чрезвычайными обстоятельствами можетъ быть объяснено развѣ временное, тамъ или здѣсь, уклоненіе отъ нормы, но отнюдь не созданіе двухъ нормъ, отдѣляемыхъ одна отъ другой географическою чертою. Положеніе нашихъ окраинъ и теперь во многомъ отличается отъ положенія коренныхъ русскихъ губерній—но этому различію долженъ, рано или поздно, настать конецъ, окраины должны получить, рано или поздно, городское и земское самоуправленіе, выборныхъ мировыхъ судей, судъ присяжныхъ. Можно ли сказать то же самое объ обязательности маіоратовъ, если она будетъ введена на востокъ отъ Днѣпра, Западной Двины и Чудского озера? Безъ сомнѣнія—нѣтъ; распространенію ея на западъ постоянно будутъ мѣшать „политическія причины“. Этого одного уже достаточно, чтобы рѣшить вопросъ о маіоратахъ не въ смыслѣ нашихъ дворянскихъ публицистовъ. Примиреніе, сближеніе разнородныхъ элементовъ составляетъ одну изъ главныхъ задачъ государственной власти; исполнима ли она, разъ что землевладѣльцы двухъ сосѣднихъ губерній—или даже одной и той же губерніи—поставлены закономъ въ условія прямо противоположныя, разъ что землевладѣніе однихъ охраняется какъ зѣница ока, а землевладѣніе другихъ—ведется къ медленному, но неизбѣжному концу?

Раздоръ, зародыши котораго лежатъ въ дворянскихъ прожектахъ, идетъ еще гораздо дальше; онъ угрожаетъ коренному русскому дворянству. Обязательность маіоратовъ, придуманная гг. Баратынскимъ

и Вл. Г.; равносильна раздѣленію дворянства на два лагеря: полноправный и безправный. „Маіоратисты“ составили бы въ средѣ дворянъ привилегированную касту, сильную не только достаткомъ, но и „прерогативами“. Г. Баратынскій прямо говоритъ о должностяхъ и званіяхъ, которыя должны быть занимаемы владѣльцами „недѣлимыхъ участковъ“, и притомъ не только въ уѣздномъ, но и въ губернскомъ управленіи; владѣльцу „извѣстнаго количества участковъ“ онъ желалъ бы даже предоставить „особыя должности *въ губерніи*“ (?). У г. Вл. Г. это требованіе выражено не такъ ясно, но оно вытекаетъ изъ главныхъ положеній его системы. Обязательность маіоратовъ проектируется именно въ связи съ служебными привилегіями „маіоратистовъ“; это—два неразрывныхъ звена одной и той же цѣпи. Въ результатѣ получается сугубая несправедливость— несправедливость, если можно такъ выразиться, возведенная въ квадратъ. Нарушеніемъ естественныхъ правъ, принадлежащихъ всякому образованному, способному и безукоризненному человѣку, система, отдающая предпочтеніе дворянству, является уже сама по себѣ,—что же сказать о системѣ, устанавливающей вопіющее неравенство между самими дворянами? Смѣшно, конечно, читать у г. Кашкарова, что „честные люди встрѣчаются среди всѣхъ сословій, но чаще среди дворянъ“; странно слышать увѣренія, что въ самомъ званіи дворянина лежитъ залогъ нравственности и чести—но все же для такихъ положеній можно привести хоть тѣнь основанія, хоть подобіе разумнаго довода. Преимущество дворянина-„маіоратиста“ надъ дворяниномъ „не-маіоратистомъ“ лишено даже и этихъ слабыхъ подпорокъ; оно виситъ на воздухѣ безусловно и всецѣло, оно находится въ явномъ противорѣчій съ основными чертами нашего общественнаго строя. Поземельный имущественный цензъ въ земскихъ учрежденіяхъ, точно также какъ и въ дворянскихъ, служилъ, до сихъ поръ, только признакомъ и гарантіей связи съ мѣстностью, участія въ мѣстныхъ интересахъ; пріобрѣсти его было нетрудно, да и права, обуславливаемые имъ, были весьма невелики. Совсѣмъ другое дѣло—поземельный доходъ въ шесть тысячъ рублей и болѣе, возведенный на степень источника правъ и привилегій. Неподвижный, пріуроченный къ недѣлимому и неотчуждаемому участку, онъ создалъ бы нѣчто въ родѣ искусственной земельной аристократіи, одинаково чуждой нашему прошлому и нашему настоящему. Нетрудно себѣ представить, съ какими чувствами относились бы къ ней дворяне, оставшіеся за флагомъ и не имѣющіе даже надежды попасть когда-либо въ число избранныхъ. Вмѣстѣ съ землевладѣльцами-недворянами, дворяне-„не-маіоратисты“ образовали бы цѣлую массу недовольныхъ—и, что еще важнѣе, имѣющихъ полное право на неудовольствіе.



Къ сословному разладу присоединился бы, въ случаѣ торжества „проектвовъ“, разладъ семейный. Съ привилегированнымъ положеніемъ старшаго брата, прямо противнымъ нашимъ традиціямъ и нравамъ, не примирились бы, въ большинствѣ случаевъ, младшіе члены семьи, хотя бы имъ и была брошена подачка въ видѣ небольшой части маіоратныхъ доходовъ. Младшіе братья, — говорить г. Вл. Г., — послѣ смерти отца „всегда найдутъ пристанище въ домѣ старшаго брата, который станетъ, по отношенію къ нимъ, естественнымъ главой семьи“. Бумага все терпитъ, терпитъ и подобныя фразы — но не такъ легко передѣлывается и перекраивается жизнь. Старшій братъ, по крайней мѣрѣ въ образованныхъ сословіяхъ, никогда не былъ у насъ „естественнымъ главой семьи“, и не сдѣлается имъ въ силу одной только произвольной ломки дѣйствующихъ законовъ о наслѣдствѣ. Право старшійшинства — не растение, которое можно пересадить на любую почву, въ любое время. Съ современными понятіями о правдивности и справедливости оно уживается развѣ тамъ, гдѣ освящено давностью и вошло въ обычай; для введенія его вновь давно миновала удобная минута... Если вѣрить г. Вл. Г., проектируемый имъ порядокъ удвоить энергію младшихъ членовъ семьи, парализуемую теперь ожиданіемъ наслѣдства. Но развѣ имѣнія, предназначенныя къ обращенію въ маіораты, такъ велики, что на приносимый ими доходъ могутъ существовать, не трудясь, всѣ члены сколько-нибудь многочисленной семьи? Сыновья землевладѣльца, получающаго съ имѣнія нѣсколько тысячъ рублей, и теперь должны искать — и ищутъ на самомъ дѣлѣ — дополнительныхъ средствъ къ жизни. При господствѣ маіоратной системы необходимость трудиться, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, увеличится для младшихъ членовъ семьи едва замѣтно — но уменьшится или даже исчезнетъ вовсе для самого „маіоратиста“. Обеспеченный вполне доходами съ маіората, увѣренный заранѣе въ возможности присоединить къ нимъ вознагражденіе за службу <sup>1)</sup>, „маіоратистъ“ не будетъ имѣть достаточныхъ побужденій къ серьезной работѣ. Излишнимъ, съ его точки зрѣнія, можетъ оказаться даже образованіе, по отношенію къ нему не принимаемое въ расчетъ при избраніи или опредѣленіи на должность. Нормально ли такое положеніе дѣлъ, при которомъ объемъ политическихъ правъ обратно пропорціоналенъ степени умственного развитія? Желателенъ ли таковой порядокъ, при которомъ на долю одной, большей части высшаго сословія достается образованіе (необходимое ей для выбора профессіи, для добыванія куска хлѣба), а

<sup>1)</sup> Г. Баратинскій говоритъ о „безвозмездной“ службѣ маіоратныхъ владѣльцевъ; но кому же не извѣстно, что этому аристократическому принципу не везетъ у насъ въ Руси? У г. Вл. Г. о немъ нѣтъ и рѣчи.

на долю другой, меньшей части—власть, приобретаемая безъ усилія, какъ нѣчто принадлежащее по праву?..

Господа составители разбираемыхъ нами книжекъ стараются приравнять маіораты къ недѣлимымъ участкамъ, установленнымъ кое-гдѣ въ видахъ противодѣйствія чрезмѣрному дробленію поземельной собственности. Нужно ли доказывать, что сходство между тѣми и другими—исключительно внѣшнее? Не говоря уже о томъ, что недѣлимость, въ послѣднемъ случаѣ, не соединена съ неотчуждаемостью, самый размѣръ недѣлимыхъ участковъ не позволяетъ ставить ихъ на одинъ рядъ съ нашими доморощенными маіоратами. Норма, при которой прекращается раздробляемость, въ иностранныхъ государствахъ весьма низка и приближается къ такому количеству земли, которое можетъ быть обработано личнымъ трудомъ одной семьи. Очевидно, что подобные участки не имѣютъ ничего общаго съ имѣніями, стоимость которыхъ превышаетъ сто или полтораста тысячъ рублей. Никакихъ экономическихъ неудобствъ дальнѣйшій раздѣлъ этихъ имѣній не представляетъ; хозяйственныя соображенія, оправдывающія нераздробляемость, безусловно къ нимъ непримѣнимы. Недѣлимый участокъ всегда можетъ, притомъ, перейти въ руки лица, наиболѣе способнаго имъ воспользоваться, извлечь изъ него, самымъ правильнымъ путемъ, самую большую выгоду; переходъ маіората изъ однихъ рукъ въ другія, хотя бы и воплѣтѣ неумѣля, предрѣшенъ заранѣе, предрѣшенъ помимо желанія приобретающаго. У насъ помѣщичье хозяйство и безъ того уже только въ рѣдкихъ случаяхъ оказывается удачнымъ; чего же можно ожидать отъ умноженія числа хозяевъ *sans le vouloir*—хозяевъ, стѣсненныхъ, вдобавокъ, въ свободѣ распоряженія имѣніемъ, лишенныхъ права продать или заложить хотя бы одну изъ него десятину? Каково было бы, въ особенности, положеніе „маіоратистовъ“, имѣнія которыхъ оказались бы заложеными и перезаложеными еще прежде обращенія въ заповѣдныя? Мы касаемся здѣсь одного изъ самыхъ слабыхъ пунктовъ сословнаго прожектерства. Дѣло въ томъ, что при настоящемъ положеніи дворянскаго землевладѣнія введеніе маіоратной системы никакъ не обошлось бы безъ пособій отъ казны, т. е. безъ обогащенія немногихъ на счетъ массы. И г. Баратынскій, и г. Вл. Г. признаютъ необходимость *жертвъ* со стороны государства—жертвъ, приносимыхъ или въ пользу „маіоратистовъ“, или въ пользу младшихъ членовъ „маіоратныхъ семействъ“. Государство, по мнѣнію г. Баратынскаго, „должно обезпечить для ненадѣленныхъ участками членовъ семьи бесплатное воспитаніе въ учебныхъ заведеніяхъ“, а для младшихъ сыновей приготовить, сверхъ того, соотвѣтствующее число должностей на государственной службѣ. Авторъ „Дворянскаго землевладѣнія“ заботится больше о самихъ „маіорати-

стахъ"; онъ полагаетъ, что при задолженности имѣній, подлежащихъ обращенію въ маіораты, помѣщикамъ могла бы быть оказана, въ томъ или другомъ видѣ, правительственная помощь. „Наиболѣе цѣлесообразнымъ“ представляется ему „переводъ лежащихъ на имѣнія долговъ въ дворянскій земельный банкъ, съ тѣмъ, чтобы процентъ съ этихъ имѣній былъ бы еще нѣсколько уменьшенъ“. И такъ, мало того, что съ маіоратнымъ владѣніемъ связываются служебныя привилегіи, политическія права и преимущества; для него нужно еще матеріальное „воспособленіе“, нужно увеличеніе тяготы, лежащей на народѣ. Не доказываетъ ли это, съ одной стороны, крайнюю искусственность построеній, невысказанныхъ безъ внѣшнихъ поддержекъ, безъ заимствованій изъ чужого кармана, съ другой стороны—крайнюю безцеремонность строителей, смѣшивающихъ интересы небольшой группы съ интересами цѣлаго государства?.. Оптический самообманъ, подъ вліяніемъ котораго растутъ и крѣпнеть сословное прожектерство, доводитъ до полной неспособности различать размѣры и очертанія предметовъ. „Дворянская реформа“—т.-е. укрѣпленіе и вооруженіе дворянскаго землевладѣнія—начинаетъ казаться чѣмъ-то столь же существеннымъ, столь же важнымъ, какъ и освобожденіе крестьянъ. Положеніями 19-го февраля, по мнѣнію г. Баратынскаго, государственная задача разрѣшена только на половину; другая половина—это „реорганизація“ дворянства. Не иначе смотреть на дѣло и г. Вл. Г.; если затрудненія всякаго рода—такова сущность его взгляда—не помѣшали осуществленію реформы крестьянской, то не должна останавливаться передъ ними и дворянская реформа... Отмѣтимъ, въ заключеніе, еще одну черту сходства между обоими проектами: они оба высказываются за ограниченіе доступа въ дворянское сословіе. „Потомственное дворянство,—говоритъ г. Баратынскій,—должно быть жалуемо особыми на каждый случай Высочайшими указами, а не приобрѣтаемо чиномъ или орденомъ“; въ томъ же смыслѣ, хотя и не такъ опредѣленно, высказывается и г. Вл. Г. И это совершенно понятно; послѣднимъ словомъ узко-сословныхъ стремленій всегда является образованіе болѣе или менѣе замкнутой касты.

Мы не исчерпали, конечно, всѣхъ возраженій противъ маіоратной системы; многія изъ нихъ слишкомъ извѣстны, и въ повтореніи ихъ не предстояло надобности. Намъ нужно было только подчеркнуть непрерывный ростъ сословныхъ претензій и указать новые пути, на которые вступаетъ сословное прожектерство. Учрежденіемъ маіоратовъ оно удовлетворится столь же мало, какъ и удешевленіемъ кредита, какъ и административнымъ всевластіемъ. L'appétit vient en mangeant; послѣ служебныхъ и имущественныхъ привилегій выдвигнутся на сцену податныя и всякія другія. Намъ суждено, быть мо-

жеть, быть свидѣтелями нападеній на всеобщую воинскую повинность, на равенство передъ судомъ и передъ закономъ. Если изъ глубины прошедшаго вызванъ образъ „сильной помѣстной власти“, то почему же не поискать тамъ и чего-либо другого? Чтѣ не найдется въ прошедшемъ, того можно ожидать отъ будущаго... Воскрешеніе, подъ тѣмъ или другимъ именемъ, мировыхъ посредниковъ едва ли успокоитъ любителей старины; ихъ настоящей идеаль— „сто тысячъ полиціймейстеровъ“, о которыхъ такъ встати вспомнилъ г. Вл. Г. „Дѣловые“ проекты сходятся на этомъ пунктѣ съ „фантастичными“; защитники маіоратовъ подаютъ здѣсь руку ихъ противнику. Господа „антиквары“ упустили изъ виду только одно: если съ устраненіемъ причины, по извѣстной латинской поговоркѣ, устраняется и послѣдствіе, то съ возстановленіемъ первой возстановляется и второе. Допустимъ, что сословной розни въ настоящую минуту нѣтъ вовсе; слѣдуетъ ли отсюда, что она не появится вновь, если одно сословіе опять будетъ облечено властью надъ другимъ? Не зависѣло ли, наоборотъ, нѣкоторое (по нашему убѣжденію—далеко не полное) сближеніе сословій отъ нѣкоторой ихъ равноправности—и не останется ли оно подъ гнетомъ „сильной помѣстной власти“?.

Въ концѣ будущаго года окончится срокъ полномочій для московской, а въ февраль 1889 г.—для петербургской городской думы. Воспоминаніе о печальныхъ явленіяхъ, сопровождавшихъ послѣдніе городскіе выборы въ обѣихъ столицахъ, не успѣло еще изгладиться изъ памяти—да и не могло изгладиться изъ нея, потому что болѣе или менѣе поддерживалось образомъ дѣйствій столичныхъ городскихъ управленій. Корень зла обнаружился съ поразительною ясностью; нельзя болѣе сомнѣваться въ томъ, что онъ лежитъ въ искусственной, ненормальной избирательной системѣ, созданной Городовымъ Положеніемъ 1870 года. Общаго ея пересмотра мы едва ли скоро дождемся; тѣмъ болѣе желательны частныя поправки, дѣйствіе которыхъ могло бы отразиться уже на ближайшихъ городскихъ выборахъ. Одна изъ такихъ поправокъ указана въ самомъ текстѣ дѣйствующаго закона. Статья 135-ая Городового Положенія предоставляетъ городскимъ думамъ ходатайствовать о введеніи въ пользу города сбора съ квартиръ или жилыхъ помѣщеній,—а мнѣніе государственнаго совѣта, утвержденное одновременно съ Городовымъ Положеніемъ (16 іюня 1870 г.), допускаетъ возможность привлеченія лицъ, обложенныхъ квартирнымъ сборомъ, къ участію въ городскомъ общественномъ управленіи. Обѣ столичныя думы весьма встати вспомнили о своемъ правѣ; вопросъ о введеніи квартирнаго сбора поставленъ на очередь какъ въ Москвѣ,

тавъ и въ Петербургѣ. Далеко не одинаковъ только способъ его постановки. Петербургская городская управа, высказываясь за квартирный налогъ, не говоритъ ни слова о включеніи его плательщиковъ въ число избирателей. Въ докладѣ, составленномъ по порученію московской городской управы, измѣненію избирательной системы, тѣсно связанному съ введеніемъ квартирнаго сбора, отведено, наоборотъ, очень много мѣста. Составители доклада — магистранты московскаго университета по кафедрамъ полицейскаго и финансоваго права, гг. Яновскій и Свирщевскій <sup>1)</sup> — разбираютъ подробно всѣ возраженія, приводимыя обыкновенно противъ предоставленія плательщикамъ-квартирантамъ избирательнаго права. Несостоятельность этихъ возраженій освѣщена авторами доклада какъ нельзя лучше. Они доказываютъ цифрами, что городское представительство, въ настоящемъ своемъ видѣ, вовсе не соответствуетъ составу населенія и носить, вопреки намѣренію законодателя, односторонній, сословный характеръ. Въ Москвѣ, на примѣръ, изъ числа купцовъ избирательнымъ правомъ обладаетъ цѣлая треть, изъ числа дворянъ — только одна восьмая, изъ числа духовныхъ лицъ — только одна девятая часть. Отношеніе же купцовъ и почетныхъ гражданъ ко всему населенію Москвы не достигаетъ и четырехъ процентовъ, а гласные изъ этой среды составляютъ почти половину (45%) московской думы! Дворянъ и представителей интеллигентныхъ профессій въ составѣ населенія въ полтора раза больше, а въ составѣ думы — вдвое меньше. Изъ двухъ нынѣшнихъ категорій избирателей — владельцевъ недвижимаго имущества и плательщиковъ сборовъ съ торговыхъ документовъ — большинствомъ голосовъ въ городской думѣ располагаетъ вторая, т.-е. менѣ образованная, менѣ подготовленная къ общественной дѣятельности. Ошибочно было бы предполагать, что торговое и промышленное сословіе чувствуетъ себя особенно заинтересованнымъ въ городскомъ дѣлѣ и относится къ нему съ особеннымъ усердіемъ; изъ числа избирателей, принадлежащихъ къ интеллигентнымъ профессіямъ, въ послѣднихъ выборахъ участвовало 28%, изъ числа чиновниковъ и военныхъ — 16%, изъ числа купцовъ и почетныхъ гражданъ, а также изъ числа мѣщанъ, цеховыхъ и крестьянъ — лишь по 14%. Если отъ квартирнаго сбора, согласно съ проектомъ гг. Свирщевскаго и Яновскаго, будутъ освобождены дешевыя, небольшія квартиры (оплачиваемыя менѣ чѣмъ 240 руб. въ годъ или 20 руб. въ мѣсяцъ), то плательщики этого сбора внесутъ въ среду избирателей массу образованныхъ элементовъ. Квартиръ, стоимость которыхъ превышаетъ 200 рублей,

<sup>1)</sup> О сочиненіи г. Свирщевскаго: „Подходящій налогъ“, см. Литературное Обозрѣніе въ № 2 „Вѣстника Европы“ за текущій годъ.

въ Москвѣ, по переписи 1882 г., оказалось слишкомъ 29 тысячъ. Если вычесть изъ этой цифры квартиры, занятыя домовладѣльцами, то останется около 20<sup>1</sup>/<sub>2</sub> тысячъ квартирантовъ, между которыми насчитывалось 4.696 чиновниковъ, 940 офицеровъ арміи и флота, 951 священнослужитель, 540 служащихъ въ городскихъ, земскихъ и сословныхъ учрежденіяхъ, 527 адвокатовъ и нотаріусовъ, 720 преподавателей, 834 врача, 324 служащихъ въ аптекахъ, 865 литераторовъ, ученыхъ и техниковъ, 65 драматическихъ артистовъ, 2.870 высшихъ служащихъ по желѣзно-дорожной, страховой и банковской части. Само собою разумѣется, что всѣмъ этимъ лицамъ интересы города, въ которомъ они живутъ <sup>1)</sup>, понятны и близки ничуть не меньше, чѣмъ мелкимъ ремесленникамъ и торговцамъ, мѣщанамъ-домовладѣльцамъ и т. п. Въ избирательныхъ спискахъ города Москвы значилось, въ 1884 г., почти 20.000 лицъ; съ распространеніемъ избирательнаго права на плательщиковъ квартирнаго сбора число избирателей возросло бы слишкомъ вдвое, и городское представительство сдѣлалось бы всесловнымъ не только по имени, но и на самомъ дѣлѣ.

Реформу, проектируемую составителями доклада собственно для Москвы, еще недавно предполагалось осуществить во всей Россіи. Въ положеніяхъ о городскомъ управленіи, составленныхъ такъ-называемою Кахановскою комиссіею, имѣлась статья, предоставлявшая избирательное право, между прочимъ, нанимателямъ городскихъ квартиръ, стоимость которыхъ достигаетъ опредѣленной цифры. Предѣльные размѣры наемной платы, дающей избирательное право, должны были, по мысли комиссіи, измѣняться, смотря по различнымъ разрядамъ городовъ—а внутри этихъ предѣловъ установленіе нормы для каждаго города должно было зависѣть отъ городской думы. Въ усиленномъ составѣ комиссіи, распространеніе избирательнаго права на наемщиковъ квартиръ встрѣтило довольно настойчивыя возраженія. Указывалось на то, что классъ квартиронанимателей недостаточно тѣсно связанъ съ городомъ, что отъ присоединенія его къ избирателямъ нельзя ожидать ни болѣе энергичной, ни болѣе просвѣщенной защиты городскихъ интересовъ—но никому не приходило въ голову переносить вопросъ на политическую почву, и большинство комиссіи высказалось въ пользу первоначальнаго проекта. Не то мы видимъ въ газетной оппозиціи, вызванной московскимъ докладомъ. Вѣрные традиціоннымъ пріемамъ, „Московскія Вѣдомости“ выдвинули про-

<sup>1)</sup> Пользоваться избирательнымъ правомъ плательщики квартирнаго сбора должны, по мысли гг. Свирщевскаго и Яновскаго, лишь по прошествіи двухъ лѣтъ со времени поселенія ихъ въ Москвѣ, подобно тому, какъ это установлено Городовымъ Положеніемъ для плательщиковъ сбора по торговымъ документамъ.

тивъ него всю свою тяжелую артиллерію. „Смакуютъ“ докладъ—по ихъ элегантнои терминологіи — одни только „люди развѣченной мысли и хищныхъ аппетитовъ“; въ „овечью шкуру“ квартирнаго налога облекается „либеральная чесотка“, проектирующая нѣчто въ родѣ *suffrage universel*; „сотни тысячъ“ вновь создаваемыхъ избирателей изображаются раздѣленными на „партіи“, „группы“, „фракціи“ и „сесціи“, съ помощью которыхъ проводится въ гласные „десятокъ-другой изъ политиканствующаго пролетаріата лже-либеральныхъ пишей и смутьяновъ“. Передъ расхлывшейся фантазіей, порвавшей всякую связь съ дѣйствительностью и правдой, проносится слѣдующая ужасная картина: „вся Воздвиженка <sup>1)</sup> запружена народомъ; смежные съ нею переулки тоже переполнены толпой. Хвосты этого ядра, какъ лапы чудовищнаго морского полипа, занимаютъ всѣ ближайшія улицы. Всѣ рвутся впередъ. Давка, крики, безпорядки. А въ смежныхъ трактирахъ пьяныя пренія рабочихъ, подпоенныхъ *людьми науки и искусства*, о достоинствахъ того или другого кандидата“. И все это говорится по поводу доклада гг. Свищевскаго и Яновскаго—доклада, въ которомъ высчитаны чуть не по пальцамъ всѣ будущіе избиратели-плательщики квартирнаго сбора! *Два десятка тысячъ*, подъ перомъ беззащитнаго публициста, обращаются въ *сотни тысячъ*; небольшое расширение избирательнаго права—въ всеобщую подачу голосовъ; чиновники, офицеры, преподаватели, врачи—въ „смутьяновъ“, спивающихъ народъ; наниматели квартиръ, платящіе въ годъ 240 рублей и слѣдовательно имѣющіе не менѣе 1.000 рублей годового дохода <sup>2)</sup>—въ „рабочихъ“, спиваемыхъ интеллигенціей! Можно было бы подумать, что авторъ статьи въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ вовсе не читалъ разбираемаго — или, лучше сказать, раздраемаго—имъ доклада; но онъ цитируетъ изъ него цѣлый рядъ цифръ — и остается только признать, что онъ *не хотѣлъ* понять его. Откуда же это упорство, откуда усиленное стараніе извратить предложенія, заподозрить намѣренія докладчиковъ? Не сами ли „Московскія Вѣдомости“ изобличали столько разъ „деспотизмъ“ московскаго городского головы, возможный только вслѣдствіе ненормальнаго состава городской думы? Не слѣдовало ли имъ, повидимому, привѣтствовать попытку освобожденія думы изъ-подъ купеческаго ига? Въ томъ-то и дѣло, что нашимъ реакціонерамъ нужно не улучшение, а уничтоженіе городского самоуправленія. Они громятъ его ошибки, дѣйствительныя или мнимыя, не для того, чтобы исправить зло, чтобы искоренить его источникъ; ихъ конечная цѣль—не

<sup>1)</sup> Улица, на которой помѣщается московская дума.

<sup>2)</sup> Плата за квартиру принимается обыкновенно, какъ и указано въ докладѣ, за пятую часть годового дохода.

выздоровленіе, а смерть больного. Расширеніе избирательнаго права, улучшеніе избирательной системы могло бы вдохнуть новую жизнь въ городское самоуправленіе; ergo—слѣдуетъ противиться ему во что бы то ни стало, не останавливаясь передъ самымъ явнымъ извращеніемъ истины. Поразить воображеніе гораздо легче, чѣмъ убѣдить, напугать легче, чѣмъ успокоить; отсюда картина волнующейся, бушующей, почти бунтующей Москвы, отсюда „красный призракъ“ *рабочихъ*, устремляющихся къ „избирательнымъ урнамъ“. Докладъ прочтутъ немногіе, немногіе узнаютъ, что онъ не даетъ права голоса ни одному „рабочему“, въ техническомъ смыслѣ этого слова,—а бойкая газетная статья произведетъ свое дѣйствіе, кое-что изъ ея „страшныхъ словечекъ“ уцѣлѣетъ въ памяти.—*Calomniez, calomniez, il en restera toujours quelque chose!*.. „Московскія Вѣдомости“ игнорируютъ не только содержаніе доклада, но и Городовое Положеніе. Онѣ приходятъ въ ужасъ отъ одной мысли, что квартиронаниматель, платящій въ годъ 240 рублей и обложенный квартирнымъ сборомъ въ 3 руб. 10 коп., можетъ сдѣлаться гласнымъ думы, даже городскимъ головой. А теперь развѣ немислимо ничего подобное? Развѣ плательщикъ сбора за свидѣтельство на мелочной торгѣ или за приказчиье свидѣтельство перваго разряда—сбора, изъ котораго въ пользу города часто не поступаетъ и *три* рубля—не можетъ попасть въ гласные, не можетъ быть избранъ въ любую должность по городскому управленію? Конечно, съ точки зрѣнія Страстного бульвара, приказчикъ или мелочной торговецъ имѣетъ огромныя преимущества передъ „интеллигентнымъ пролетаріемъ“; но позволительно думать иначе и признавать того и другого по меньшей мѣрѣ равноправными гражданами города... Проектируемая реформа не посягаетъ ни на чье избирательное право; она направлена только къ лучшему уравновѣшенію элементовъ, изъ которыхъ слагается городское представительство.

Въ докладѣ гг. Свирщевскаго и Яновскаго есть, впрочемъ, еще другая сторона, возбуждающая гнѣвъ реакціонной прессы. Квартирный сборъ, по мысли докладчиковъ, долженъ расти *прогрессивно*, по мѣрѣ увеличенія стоимости квартиры; начиная съ  $1\frac{1}{4}\%$  (для квартиръ стоимостью отъ 240 до 270 рублей), они возводятъ его до 5% (для квартиръ стоимостью свыше 6.000 рублей). Московская газета видитъ въ этомъ „куръезъ“ или нѣчто еще худшее; она не можетъ примириться съ мыслью, что цифра квартирнаго сбора превзойдетъ, для однихъ нанимателей, всю цифру квартирной платы, вносимой другими. А между тѣмъ „куръезъ“, предлагаемый гг. Свирщевскимъ и Яновскимъ, давно пользуется правомъ гражданства не только въ теоріи, но и въ жизни. Прогрессивный подоходный налогъ, одною



изъ разновидностей котораго является прогрессивный квартирный сборъ, устрашаетъ и возмущаетъ только тѣхъ, кто привыкъ считать податное бремя—удѣломъ бѣдныхъ и слабыхъ, а податныя привилегіи—удѣломъ сильныхъ и богатыхъ. Наемъ квартиры въ 6.000 руб. — несомнѣнный признакъ богатства. Никто не удивляется тому, что богатый человѣкъ тратитъ на одинъ парадный обѣдъ сумму, достаточную для мѣсячнаго содержанія бѣдной семьи; что же удивительнаго, затѣмъ, въ равенствѣ квартирнаго сбора, уплачиваемаго богачемъ, съ стоимостью квартиры, занимаемой скромнымъ труженикомъ? За „благонамѣренность“ прогрессивнаго квартирнаго сбора говоритъ уже тотъ фактъ, что мысль о немъ была подана петербургской городской управѣ не кѣмъ инымъ, какъ бывшимъ министромъ финансовъ. Разбирая предположенія городского управленія объ отиѣнѣ однихъ сборовъ и замѣнѣ ихъ другими, Н. Х. Бунге замѣтилъ, что „всего соотвѣтственнѣе было бы опредѣлить квартирный сборъ процентною нормой съ наемной цѣны квартиръ, съ освобожденіемъ отъ сбора квартирѣ малоцѣнныхъ, примѣнительно къ ст. 135-ой Городового Положенія<sup>1)</sup>, и съ нѣкоторымъ повышеніемъ нормы для квартиръ болѣе дорогихъ“. Петербургская городская управа, какъ мы сейчасъ увидимъ, не послѣдовала этому совѣту—но московскій докладъ вступилъ именно на дорогу, указанную министромъ финансовъ. Скажемъ болѣе: принципъ прогрессивности налога усвоенъ самымъ закономъ, допускающимъ—или даже почти предписывающимъ—совершенное освобожденіе дешевыхъ квартиръ отъ квартирнаго сбора. Если самыя бѣдныя жильцы не должны платить ничего, то жильцы менѣе достаточные, по всей справедливости, должны быть обложены легче, чѣмъ болѣе достаточные.

Соображенія, по которымъ петербургская городская управа отвергла мысль о прогрессивности квартирнаго сбора, отличаются краткостью, но не убѣдительностью. „Прогрессивный налогъ,—читаемъ мы въ докладѣ управы („Извѣстія Сиб. Городской Думы“, 1887 г., № 39),—можетъ оказаться для дорогихъ квартиръ стѣснительнымъ, въ особенности въ тѣхъ домахъ, которые вполнѣ или въ значительной части занимаютъ самимъ хозяиномъ, оплачивающимъ уже оцѣночный сборъ по цѣнности квартиръ. Притомъ само правительство, напри- мѣръ въ гербовомъ сборѣ, не только не возвышаетъ, но понижаетъ размѣръ сбора съ болѣе высокихъ цѣнъ вексельной и аетовой бумаги“. Мы желали бы знать, какимъ образомъ прогрессивное возвы-

<sup>1)</sup> Въ статьѣ этой сказано, что при ходатайствѣ о введеніи квартирнаго сбора городскія думы должны представлять подробныя предположенія, между прочимъ, „о тѣхъ жилыхъ помѣщеніяхъ, которыя, по малоцѣнности своей, подлежатъ освобожденію отъ сбора“.

шеніе нормы—въ размѣрѣ, проектируемомъ для Москвы, т.-е. до 5<sup>о</sup>/о.—могло бы „стѣснить“ домовладѣльцевъ, занимающихъ въ собственномъ домѣ квартиру въ нѣсколько тысячъ рублей. Сколько бы они ни платили оцѣночнаго сбора, они во всякомъ случаѣ остаются людьми весьма и весьма достаточными—иначе они не могли бы оставлять за собою большую, дорого стоющую квартиру. Квартирный налогъ хорошъ именно тѣмъ, что стоимость квартиры составляетъ одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ показателей получаемого дохода. Кто располагаетъ большими средствами, съ того справедливо требовать и большаго, сравнительно, участія въ государственныхъ и городскихъ расходахъ. Совсѣмъ другое дѣло—употребленіе вексельной и актовой бумаги. Совершеніе сдѣлки на высокую сумму вовсе не свидѣтельствуетъ само по себѣ, о состоятельности участниковъ сдѣлки, тѣмъ менѣе—о ихъ богатствѣ. Квартирный сборъ уплачивается, во всякомъ случаѣ, только одинъ разъ въ годъ; количество и цѣнность совершаемыхъ въ продолженіе года актовъ можетъ измѣняться весьма сильно и зависѣть отъ самыхъ разнообразныхъ причинъ, далеко не всегда возрастающа по мѣрѣ обогащенія сторонъ и не уменьшающа по мѣрѣ ихъ обѣдненія. Параллель, проводимая городской управой, не доказываетъ, такимъ образомъ, рѣшительно ничего и не можетъ перевѣсить даже одного изъ многихъ соображеній въ пользу прогрессивности, приведенныхъ въ московскомъ докладѣ. Для жильца, платящаго за квартиру 250 рублей, пятирублевый взносъ представляется, безъ сомнѣнія, гораздо болѣе тяжелымъ, чѣмъ пятидесятирублевый—для жильца, платящаго двѣ тысячи пятьсотъ рублей <sup>1)</sup>). Столь же безспорно, въ нашихъ глазахъ, и другое преимущество московскаго проекта; онъ освобождаетъ отъ сбора всѣ квартиры, стоимость которыхъ не превышаетъ двухъ-сотъ сорока рублей, тогда какъ петербургскій проектъ предоставляетъ эту льготу только квартирамъ, стоящимъ не болѣе ста рублей въ годъ. Минимальная цифра опредѣлена здѣсь, очевидно, слишкомъ низка; десять, даже пятнадцать рублей въ мѣсяцъ платятъ за квартиру, въ Петербургѣ, только такія семьи, для которыхъ чувствителенъ каждый лишній рубль, важно самое небольшое сбереженіе... Правильнѣе петербургскаго московскій проектъ опредѣляетъ и способъ исчисленія квартирнаго налога. Петербургская городская управа предлагаетъ опредѣлять стоимость квартиръ по наемной цѣнѣ, показанной въ условіи между хозяиномъ и нанимателемъ или въ платежной роспискѣ; гг. Свирцевскій и Яновскій стоятъ за установленіе общихъ условій оцѣнки, по которымъ и раз-

<sup>1)</sup> Нормой для квартирнаго сбора петербургская городская управа предлагаетъ принять 2<sup>о</sup>/о съ квартирной платы.

считывалась бы стоимость квартиры. Первая система открывает гораздо больше простора для злоупотреблений, чѣмъ вторая, устраняющая возможность стачекъ между хозяевами и жильцами. Городское управленіе должно быть уполномочено на производство оцѣнки по меньшей мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда достовѣрность цифръ, показанныхъ въ условіи или платежной роспискѣ, будетъ вызывать серьезное сомнѣніе.—И такъ, нельзя не пожелать, чтобы московскій проектъ, во всѣхъ его частяхъ, не остался безъ вліянія на рѣшеніе не только московской, но и петербургской городской думы.

По расчету гг. Яновскаго и Свирщевскаго, квартирный сборъ, построенный на предлагаемыхъ ими основахъ, можетъ дать Москвѣ почти 800 тысячъ рублей. Петербургская городская управа ожидаетъ отъ квартирнаго сбора только 600, съ небольшимъ, тысячъ. Обѣ цифры, особенно послѣдняя, поражаютъ своею умѣренностью. Въ Берлинѣ квартирный сборъ возросъ въ продолженіе двадцати лѣтъ слишкомъ втрое, и составлялъ, въ 1884-1885 г., болѣе  $10\frac{3}{4}$  милліоновъ марокъ, т.-е. болѣе пяти милліоновъ рублей!..

Изъ имѣющихся въ печати и въ обществѣ свѣденій объ исполненіи государственной росписи за 1886 г. видно слѣдующее: по росписи исчислено было обыкновенныхъ доходовъ 790.752.205 руб.; въ дѣйствительности же поступило 780.679,436 рублей, т.-е. менѣе ожидавшагося почти на 10.072.769 рублей. На обыкновенные расходы по росписи было ассигновано 816.039.544 рубля; въ дѣйствительности же израсходовано или предстоитъ къ отпуску 832.391.852 рубля, болѣе предполагаемаго на 16.352.308 рублей. Такимъ образомъ, недоборъ въ обыкновенныхъ доходахъ сравнительно съ обыкновенными расходами составляетъ 51.712.416 рублей. За присоединеніемъ же къ обыкновеннымъ доходамъ свободныхъ остатковъ отъ заключенныхъ смѣтъ 1882 года, составившихъ 2.244.480 р., общій итогъ превышенія обыкновенныхъ расходовъ надъ доходами сократится до 49.467.936 рублей.

Недоборъ въ доходахъ сравнительно съ росписью былъ послѣдствіемъ пониженія доходовъ противъ смѣтныхъ предположеній по 21-ой статьѣ, и превышенія по 16-ти статьямъ. Въ значительно меньшемъ размѣрѣ поступили доходы: питейный—на 13.576.345 р.; подати, поземельный и лѣсной налоги—на 4.876.771 р.; сахарный—на 2.546.364 р., и выкупные платежи съ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ на 1.651.720 рублей. Превышеніе же послѣдовало преимущественно: по поступленіямъ на платежи по облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ на 5.630.789 р.; по возврату ссудъ на 4.630.633 р.; по по-

собіямъ государственному казначейству изъ городскихъ суммъ и другихъ источниковъ на 3.735.596 р.; по доходамъ разнаго рода на 3.502.719 р.; по сбору за право торговли и промысловъ на 2.928.555 р.; и по таможенному доходу на 1.711.468 рублей.

Превышеніе расходовъ противъ смѣтныхъ назначеній оказалось по 10 вѣдомствамъ на сумму 20.646.655 р.; главнымъ образомъ, по министерству финансовъ на 6.289.759 р.; по морскому министерству на 5.037.873 р.; по системѣ государственнаго кредита на 4.474.169 р. и по военному министерству на 3.769.544 рубля. Сокращеніе расходовъ противъ смѣтъ оказалось по 4 вѣдомствамъ: по министерствамъ внутреннихъ дѣлъ, путей сообщенія, государственныхъ имуществъ и по государственному контролю, всего на сумму 1.294.348 рублей.

Чрезвычайныхъ поступленій по росписи 1886 года исчислено было 77.930.579 рублей. Дѣйствительно поступило 177.505.635 рублей, а именно: 1) военнаго вознагражденія съ Хивы и съ Турціи 1.532.711 рублей, менѣе противъ ожидавшагося по росписи на 1.592.289 р.; вкладовъ въ государственный банкъ на вѣчное время 1.104.624 р.; суммъ, слѣдующихъ въ возвратъ отъ желѣзно-дорожныхъ обществъ по выданнымъ авансамъ, 26.407.782 р., болѣе предполагаемаго по росписи на 8.407.782 рубля; суммъ отъ реализаціи консолидированныхъ облигацій 7-го выпуска 19.794 р., менѣе предполагаемаго на 11.035.785 р.; суммъ, реализированныхъ посредствомъ кредитныхъ операцій для постройки желѣзныхъ дорогъ, 98.440.723 р., болѣе противъ росписи на 53.440.723 р. Сверхъ того по распоряженію министра финансовъ передана государственному банку, для производства расчетовъ съ нимъ по временному выпуску кредитныхъ билетовъ, 36 м. руб. метал., причисленныхъ къ процентнымъ бумагамъ банка въ суммѣ 50 м. руб. кред.

Чрезвычайныхъ поступленій было такимъ образомъ болѣе предполагавашагося на 99.575.055 рублей.

Чрезвычайныхъ расходовъ въ росписи 1886 года было внесено на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и портовъ 52.643.240 рублей. Дѣйствительно израсходовано: на работы по сооруженію средствами казны желѣзныхъ дорогъ 46.076.742 р.; на улучшеніе и усиленіе правоспособности казенныхъ желѣзныхъ дорогъ 1.590.350 р. и на другіе расходы по желѣзнымъ дорогамъ и портамъ 14.964.318 рублей. Сверхъ того уплаты государственному банку по временному выпуску кредитныхъ билетовъ 50 мил. рублей: всего 112.631.410 руб.

Общій сводъ заключенной росписи 1886 года представляется въ слѣдующемъ видѣ: общая сумма обыкновенныхъ доходовъ и чрезвычайныхъ поступленій составила 960.429.551 р., а потому и превы-

сила общій итогъ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ расходовъ — 945.023.262 руб.—на 15.406.289 рублей.

Означенное превышеніе, конечно, не устраняетъ настоящаго значенія исполненія росписи 1886 года, выразившагося главнымъ образомъ въ недоборъ *обыкновенныхъ доходовъ* сравнительно съ *обыкновенными расходами*, такъ какъ чрезвычайныя поступления не что иное, какъ займы. Подробное разсмотрѣніе такого исполненія бюджета 1886 года будетъ помѣщено въ одной изъ ближайшихъ книгъ журнала по опубликованіи отчета государственнаго контроля, которое, судя по примѣрамъ прежнихъ лѣтъ, ожидается въ непродолжительномъ времени.



## ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го декабря (19 ноября) 1867.

Свиданіе двухъ императоровъ въ Берлинѣ. — Разоблаченіе „Кельнской Газеты“. — Разумная свобода дѣйствій и газетные споры. — Политика нѣкоторыхъ газетъ по болгарскому вопросу. — Программа и значеніе новаго тройственного союза. — Тронная рѣчь императора Вильгельма и вызываемая ею недоумѣнія. — Возможная перемена царствованія въ Германіи. — Правительственный кризисъ во Франціи. — Отставка президента Гревя. — Участіе печати и общества въ мирномъ разрѣшеніи кризиса. — Внутреннія дѣла въ Англіи.

Свиданіе двухъ императоровъ въ Берлинѣ, состоявшееся 6-го (18-го) ноября, горячо обсуждалось въ нѣмецкой печати еще съ того самаго момента, какъ появились первые слухи о возможности такого событія. Можетъ ли этотъ фактъ имѣть политическое значеніе и повліяетъ ли онъ существенно на взаимныя отношенія Россіи и Германіи? Большинство нѣмецкихъ газетъ, ссылаясь на комментаріи нѣкоторыхъ нашихъ публицистовъ, склонялось къ отрицательному рѣшенію этого вопроса, хотя и не скрывало своего желанія видѣть болѣе благопріятные признаки поворота въ духѣ прежней русско-германской дружбы. Французская журналистика, мало занимающаяся вообще иностранными дѣлами, старалась представить берлинское свиданіе въ видѣ случайнаго эпизода, какъ будто неприятнаго для обѣихъ сторонъ и вызваннаго лишь невозможностью въ столь позднее время года прослѣдовать изъ Копенгагена въ Петербургъ иначе, какъ черезъ Германію. Не подлежитъ сомнѣнію, что эти комментаріи и предположенія были крайне преувеличены. Присутствіе въ Берлинѣ князя Бисмарка, пріѣхавшаго нарочно изъ Фридрихсруэ, и продолжительныя совѣщанія, въ которыхъ онъ участвовалъ, придавали свиданію политическій характеръ, не отрицаемый теперь никѣмъ. Спорнымъ остается только вопросъ о степени важности происходившихъ переговоровъ и о послѣдствіяхъ ихъ для нашей политики.

Нѣкоторыя свѣденія о результатахъ сѣзда 6-го ноября обнаружены уже въ любопытномъ сообщеніи „Кельнской Газеты“ — сообщеніи отчасти неясномъ, бросающемъ какую-то загадочную тѣнь на дипломатическую корреспонденцію между европейскими кабинетами за послѣдніе годы. Оказывается, что многія донесенія и секретныя ноты, касающіяся образа дѣйствій Германіи на востокѣ, признаны княземъ Бисмаркомъ подложными, придуманными съ очевидною

цѣлью возбудить въ Петербургѣ неудовольствіе и раздраженіе противъ германской имперіи и ея канцлера. Что означаетъ это неожиданное разоблаченіе? Нѣмецкіе офиціозы, по обыкновению, отыскиваютъ тутъ слѣды французской интриги и приписываютъ поддѣлку орлеанскимъ принцамъ, заинтересованнымъ будто бы въ подготовленіи обще-европейской войны. Но какое отношеніе могутъ имѣть орлеанскіе принцы въ дипломатической перепискѣ между русскимъ правительствомъ и его уполномоченными при европейскихъ дворахъ? Каковы бы ни были родственныя связи принцевъ, но въ настоящее время они не играютъ никакой политической роли и стоятъ совершенно въ сторонѣ отъ дѣлъ, особенно международныхъ; какъ изгнанники и претенденты, они заботятся больше объ усиленіи своей партіи во Франціи, чѣмъ о фантастическихъ комбинаціяхъ въ такой области, въ которой они никакого вліянія имѣть не могутъ. Эти принцы, какъ извѣстно, не живутъ даже въ центрахъ европейской политической жизни, и они едва ли пользуются теперь симпатіями официальной Россіи, такъ какъ нѣкоторые изъ наиболѣе видныхъ членовъ ихъ фамиліи дѣятельно поддерживаютъ враждебнаго намъ принца Фердинанда въ Болгаріи. Обвиненіе, брошенное изъ Берлина въ Орлеановъ, принадлежитъ повидимому къ числу тѣхъ темныхъ, таинственныхъ намековъ, которыми такъ сильна въ Германіи офиціозная, лже-патріотическая печать, и которые способны только сбить съ толку общественное мнѣніе. Мы не сомнѣваемся, что сообщеніе „Кѣльвской Газеты“ будетъ разъяснено и дополнено надлежащимъ образомъ, и что истинныя причины странной фальсификаціи, обнаруженной княземъ Бисмаркомъ, сдѣлаются въ свое время извѣстными и русской публикѣ. Практическое значеніе имѣетъ пока тотъ фактъ, — если это фактъ, — что германскій канцлеръ категорически отвергаетъ приписываемую ему политику непріязни относительно Россіи на Балканскомъ полуостровѣ, и что, напротивъ, онъ продолжаетъ считать Болгарію входящею въ сферу законнаго русскаго вліянія.

Въ полемикѣ русскихъ и нѣмецкихъ газетъ по поводу русско-германскихъ отношеній смѣшиваются нерѣдко двѣ различныя вещи: отсутствіе союза и близкой дружбы съ Германіею принимается какъ будто за доказательство вражды, и наша самостоятельная „свобода дѣйствій“ признается почему-то неразрывно связанною съ непріязненнымъ отношеніемъ къ нѣмцамъ. Мы не разъ высказывались противъ системы союзовъ, заставлявшихъ Россію интересоваться чужими дѣлами въ ущербъ ея собственнымъ заботамъ; мы всегда возражали и противъ тройственнаго союза, какъ совершенно бесполезнаго и даже вреднаго съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ, — ибо намъ нечего искать внѣ нашихъ границъ въ Европѣ, и мы не нуждаемся

въ союзникахъ для достиженія какихъ-либо отдаленныхъ международныхъ цѣлей, которыхъ у насъ нѣтъ и быть не можетъ. Никто не грозитъ нашей внѣшней безопасности, и для охраны ея отъ всякихъ случайностей вполне достаточны тѣ силы, которыми располагаетъ Россія. Внѣшніе союзы всегда впутывали насъ въ ненужныя намъ предпріятія, обременяли насъ напрасными жертвами на поддержаніе „европейскаго концерта“ и нисколько не помогали намъ въ разрѣшеніи возникавшихъ политическихъ затрудненій,—какъ это съ достаточною ясностью показалъ тяжелый опытъ турецкаго ьризиса 1876—78 годовъ, при существованіи еще союза трехъ имперій. Но изъ того, что союзы намъ не нужны и нежелательны, вовсе не слѣдуетъ, что мы должны враждовать съ сосѣдями или замѣнить прежнія связи новыми, болѣе опасными и фантастическими. Эта сторона вопроса слишкомъ часто затемняется, къ сожалѣнію, въ нѣкоторыхъ русскихъ газетахъ, поставившихъ себѣ какъ будто задачей придать нашей „свободѣ дѣйствій“ какой-то нелѣпый воинственный оттѣнокъ. Мы должны жить въ мирѣ съ Германією и не искать ссоры съ кѣмъ бы то ни было въ Европѣ, хотя бы не все дѣлалось по нашему желанію въ Болгаріи и въ другихъ балканскихъ земляхъ. Постоянныя угрозы такихъ „органовъ“, какъ „Московскія Вѣдомости“, по адресу нашихъ противниковъ и соперниковъ на Балканскомъ полуостровѣ, могутъ производить только комическое впечатлѣніе. Существующее международное положеніе не благоприятствуетъ дѣятельному вмѣшательству Россіи въ восточныя дѣла, еслибы для этого вмѣшательства даже имѣлись на лицо самые законные поводы. Станутъ ли отрицать это люди, хвастающіе у насъ своимъ патріотизмомъ? Вмѣсто безплодныхъ жалобъ и обвиненій, наши предпримчивые публицисты должны были бы прежде всего отвѣтить прямо и точно на слѣдующіе два вопроса: имѣетъ ли смыслъ и желательна ли русская военная экзекуція надъ освобожденными нами болгарами? и можемъ ли мы вести войну съ Австрією и съ Англією или даже еще съ Италією, ради устраненія неприятныхъ дѣятелей и порядковъ въ болгарскомъ княжествѣ?—Пока эти вопросы не разрѣшены и даже не затронуты въ принципѣ, до тѣхъ поръ всѣ ламентации „Московскихъ Вѣдомостей“ и ихъ петербургскихъ союзниковъ останутся лишь жалкими и пустыми словами. Повторяемъ то, что было высказано нами неоднократно: если болгарскій народъ не хочетъ ни принца Фердинанда, ни Стамбуловыхъ съ компанією, а въ сущности „льнетъ къ Россіи“ (какъ выражаются „Московскія Вѣдомости“ о сербахъ), то онъ справится самъ съ этими внутренними врагами, безъ нашей помощи и безъ рискованной военной экзекуціи, какъ справился онъ и съ принцемъ Баттенбергомъ, и съ его эфемерными непосредственными преемниками.



Нельзя же утверждать серьезно, что нынѣшніе софійскіе „террористы“ поставлены ярѣче и сильнѣе, чѣмъ князь Александръ, — что они располагаютъ болѣе значительною властью, и что противъ нихъ безсильны всякіе взрывы народнаго неудовольствія. Если же сами болгары отчасти солидарны съ своими правителями и раздѣляютъ извѣстныя ихъ стремленія въ той или другой формѣ, то во имя чего волнуются и требуютъ расправы наши недалекіе охранители? Они должны были бы стараться, напротивъ, разсѣять болгарскія предубѣжденія, а не усиливать ихъ своими нападками, — возстановить утраченное или поколебленное довѣріе, а не подрывать его основы, — устранять всякую мысль о насиліи, а не вызывать къ военной экзекуціи. Ссылаться на берлинскій трактатъ, раздѣлившій Болгарію на двѣ половины, и протестовать на этомъ основаніи противъ совершившагося объединенія, — это очевидно не способъ сохранить за нами болгарскія симпатіи. Правда, владычество австрійскаго принца и его сотрудниковъ несогласно съ русскими интересами; но оно прекратится само собою подъ вліяніемъ естественныхъ причинъ, когда внутренняя жизнь страны приметъ болѣе спокойное, нормальное теченіе, и когда болгары убѣдятся въ неосновательности того страха, который нагнали на нихъ выходки и проекты російскихъ патриотовъ извѣстнаго разряда. Русской печати пора уже занять болѣе достойное положеніе въ болгарскомъ вопросѣ и отказаться отъ печальной роли, которую она разыгрываетъ уже болѣе двухъ лѣтъ, смущая нашихъ послѣднихъ балканскихъ друзей и давая иностранцамъ ложное понятіе о пѣляхъ нашей освободительной политики. Международное положеніе настолько измѣнилось, что доводы, имѣвшіе вѣсь въ прошломъ году, кажутся уже смѣшными въ настоящее время, — и это обстоятельство не должно быть забываемо газетами при оцѣнкѣ болгарскаго кризиса.

Нынѣшній союзъ Германіи съ Австрією и Италією, закрѣпленный въ Фридрихсруэ 2-го октября, обнимаетъ уже и восточный вопросъ, съ формальной его стороны, — въ смыслъ сохраненія трактатовъ и недопущенія отдѣльнаго вмѣшательства какой-либо державы въ устройство балканскихъ дѣлъ. Въ этомъ — громадная разница между теперешнимъ союзомъ и предшествовавшими ему политическими комбинаціями. Князь Бисмаркъ можетъ говорить еще о „законномъ русскомъ вліяніи“ въ Болгаріи; но подъ „законнымъ“ разумѣется теперь лишь то, что не выходитъ за предѣлы обычнаго дипломатическаго или нравственнаго воздѣйствія, допускаемаго трактатами. Понятно, само собою, что Австрія и Италія должны были добиться серьезныхъ уступокъ и гарантій отъ Германіи, поставленной въ необходимость заручиться могущественными союзниками на

случай франко-нѣмецкой войны. Эти уступки и гарантіи относятся, между прочимъ, и къ востоку, гдѣ обѣ державы—Австро-Венгрія и Италія,—имѣютъ свои самостоятельныя и весьма значительныя интересы. Новый, болѣе положительный характеръ программы тройственного союза замѣтно отразился на содержаніи недавнихъ тронныхъ рѣчей и министерскихъ парламентскихъ объясненій. Императоръ Францъ-Иосифъ, при открытіи австро-венгерскихъ делегацій 29-го (17) октября, выразилъ уже прямо увѣренность, что болгарскій вопросъ сохранить свое мѣстное („локальное“) значеніе, и что справедливыя желанія болгаръ будутъ приведены въ согласіе съ существующими международными договорами. Графъ Кальноки подробно и яснѣе развилъ эту мысль въ комиссіи венгерской делегаціи 5-го ноября (нов. ст.); онъ утверждалъ, что свободное развитіе Болгаріи можетъ считаться обеспеченнымъ, и что никакое постороннее отдѣльное вмѣшательство въ ея жизнь не будетъ допущено великими державами. Австрійскій министръ воспользовался случаемъ, чтобы опровергнуть взглядъ на принца Кобургскаго, какъ на кандидата Австро-Венгріи; по словамъ графа Кальноки, принцъ только спрашивалъ совѣта у правительства, прежде чѣмъ принять предложенную ему кандидатуру, и его предупредили объ опасностяхъ, которыя онъ долженъ будетъ принять на собственный свой страхъ. Такъ какъ объ официальной поддержкѣ этой кандидатуры Австро-Венгріею не было и рѣчи, и никто не обвинялъ въ этомъ австрійскую дипломатію, то заявленіе графа Кальноки о предварительномъ запросѣ принца Фердинанда въ Вѣнѣ и о данныхъ ему совѣтахъ подтверждаетъ только прежнія газетныя свѣденія. Министръ доказывалъ также, что для признанія принца Кобургскаго законнымъ княземъ необходимо утвержденіе его въ этомъ званіи Оттоманскою Портою и европейскими кабинетами, участвовавшими въ подписаніи берлинскаго трактата; въ этомъ отношеніи онъ не соглашался съ графомъ Андраши, который полагалъ, что достаточно только утвержденія со стороны большинства заинтересованныхъ державъ, и что Австро-Венгрія можетъ самостоятельно признать принца Фердинанда, не дожидаясь санкціи султана. Графъ Кальноки упомянулъ еще о дружбѣ съ Россіею, и венгерская комиссія иностранныхъ дѣлъ, по предложенію графовъ Андраши и Аппоньи, единодушно одобрила политику, давшую столь блестящіе результаты. Подобныя же объясненія представлены были министромъ въ бюджетной комиссіи австрійской делегаціи, въ засѣданіи 8-го ноября; но рядомъ съ указаніемъ на важность заключеннаго союза съ Италіею и на вѣроятность сохраненія европейскаго мира сообщено было графомъ Кальноки о неизбежности новыхъ вооруженій и новыхъ военныхъ расходовъ!

Что тройственный союзъ сталъ теперь крѣпче и тѣснѣе, и что задачи его опредѣлены съ болѣею положительностью, чѣмъ прежде, — это видно изъ тронной рѣчи императора Вильгельма, которою открыты были засѣданія имперскаго сейма въ Берлинѣ, 24-го (12) ноября. „Внѣшняя политика имперіи, — говорится въ этомъ документѣ, — старается съ успѣхомъ упрочить миръ въ Европѣ, поддержаніемъ дружескихъ отношеній со всѣми державами... и посредствомъ *договоровъ и союзовъ*, имѣющихъ цѣлю предотвратить опасность войны и *противодѣйствовать сообща несправедливымъ нападеніямъ*. Германская имперія не имѣетъ наступательныхъ стремленій, и у нея нѣтъ такихъ потребностей, которыя могли бы быть удовлетворены военными побѣдами. Антихристіанская склонность нападать на сосѣдніе народы чужда нѣмецкому характеру. Устройство имперіи и ея военныя учрежденія не рассчитаны на нарушеніе мира сосѣдей произвольными нападеніями; но мы сильны въ отраженіи такихъ нападеній и въ защитѣ нашей независимости, и мы желаемъ, съ помощью Божіею, сдѣлаться настолько сильными, чтобы быть въ состояніи спокойно ожидать какихъ бы то ни было опасностей“. Въ первый разъ германское правительство говоритъ здѣсь прямо о существованіи союзовъ, объясняя ихъ оборонительными, а не наступательными цѣлями. Въ то же время тронная рѣчь обѣщаетъ новыя военныя мѣры: „Предусмотрительность императора и союзныхъ правительствъ постоянно обращена на дальнѣйшее развитіе нашихъ военныхъ средствъ. Проектъ закона, который будетъ внесенъ на разсмотрѣніе рейхстага, относительно ландвера и ландштурма, долженъ привести къ значительному увеличенію вооруженныхъ силъ имперіи“.

Такимъ образомъ, чѣмъ болѣе обезпечивается миръ союзами, тѣмъ сильнѣе становится потребность новыхъ вооруженій! Это странное обстоятельство находитъ свою разгадку въ томъ расширеніи задачъ тройственнаго союза, о которомъ мы упоминали выше. Каждая изъ союзныхъ державъ должна быть готова защищать не только свои собственные интересы, но и интересы своихъ союзниковъ, и нельзя предвидѣть въ точности, въ какой мѣрѣ понадобится эта защита, и какіе размѣры можетъ она принять въ дѣйствительности. Неизвѣстно также, что именно входитъ въ кругъ интересовъ, подлежащихъ взаимной военной охранѣ, и въ какихъ именно случаяхъ наступить для участниковъ союза обязанность вступиться другъ за друга (*casus foederis*). „Противодѣйствіе сообща несправедливымъ нападеніямъ“ — фраза, кажущаяся на первый взглядъ вполне опредѣленной и ясной, но на самомъ дѣлѣ довольно эластичная въ устахъ дипломатіи. Если понимать эти слова буквально, безъ расширительнаго ихъ толкованія, то дальнѣйшія вооруженія Германіи

и Австро-Венгрии являются совѣмъ немотивированными. Союзъ съ Италіею вполне обезпечиваетъ германскую имперію отъ „нападенія“ Франціи; союзъ съ Австріею устраняетъ опасность со стороны Россіи, —если даже предположить, что въ Берлинѣ или въ Вѣнѣ серьезно думали о возможности русскаго „нападенія“. Такъ же точно и Австрія обезпечена отъ какихъ бы то ни было нападеній внушительнымъ союзомъ съ Германіею. Объ Италіи и говорить нечего; никто не собирався нападать на нее, и для нея союзъ уже вовсе не имѣетъ оборонительнаго характера. Очевидно, что многое остается недосказаннымъ въ опредѣленіи политической комбинаціи, устроенной княземъ Бисмаркомъ и направленной „къ противодѣйствію несправедливымъ нападеніямъ“. Еслибы между Австріею и Россіею произошелъ споръ изъ-за балканскаго вопроса, и этотъ споръ привелъ бы къ войнѣ, то по всей вѣроятности въ русскіхъ военныхъ мѣрахъ усмотрѣно было бы „нападеніе“, требующее вмѣшательства союзниковъ,—хотя бы починъ къ разрыву принадлежалъ австріяцамъ. Относительно Франціи не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Германія заручилась безусловнымъ содѣйствіемъ Италіи, даже при отсутствіи „несправедливаго нападенія“ французомъ.

Всѣ эти важныя недоумѣнія, вызываемыя приведеннымъ выше мѣстомъ тронной рѣчи императора Вильгельма, въ связи съ новымъ усиленіемъ военныхъ средствъ двухъ союзныхъ имперій, разрѣшаются отчасти однимъ существеннымъ пунктомъ тройственнаго союза: союзники гарантируютъ другъ другу цѣлость своихъ территорій, какъ это признано было берлинскою оффиціозною печатью еще относительно прежняго соглашенія съ Австріею. То, чего не договариваетъ формула о противодѣйствіи нападеніямъ, дополняется другою формулою, несравненно болѣе растяжимою, устанавливающею солидарность во всякихъ вообще международныхъ столкновеніяхъ, которыя могутъ прямо или косвенно угрожать территоріальной цѣлости союзныхъ державъ. Кто бы ни былъ нападающею стороною и какъ бы несправедливы ни были дѣйствія одного изъ союзниковъ, но война, разъ возникшая, обязываетъ участниковъ союза вмѣшаться въ дѣла, для защиты территоріи государства, затѣявшаго кампанію. Обязательство взаимной территоріальной охраны открываетъ широкій просторъ для участія въ чужихъ предпріятіяхъ и для совмѣстныхъ военныхъ мѣръ. Гдѣ нѣтъ дѣйствительнаго повода для этой охраны, тамъ она можетъ служить удобнымъ предлогомъ. Въ случаѣ разрыва между Германіею и Франціею, итальянскія войска выступятъ въ походъ одновременно съ нѣмецкими, ибо неприкосновенность германскихъ границъ можетъ подвергнуться опасности безъ совмѣстнаго участія Италіи. Тотъ же мотивъ долженъ имѣть силу для Германіи,

при столкновѣніи между Россією и Австрією. Въ концѣ концовъ, мы имѣемъ дѣло съ обыкновеннымъ наступательнымъ и оборонительнымъ союзомъ, значеніе котораго далеко не исчерпывается „противодѣйствіемъ несправедливымъ нападеніямъ“.

Что касается „чуждой нѣмецкому народу склонности нападать на сосѣдей“, то этой склонности одинаково чужды и другіе народы Европы, и комплиментъ, сказанный въ Германіи самимъ себѣ, можетъ быть отнесенъ съ одинаковымъ основаніемъ ко всѣмъ вообще культурнымъ націямъ. Всякій понимаетъ, что, нападая на Данію въ 1864 году и на Австрію въ 1866 году, Пруссія поступала такъ не вслѣдствіе своей склонности нападать на сосѣдей, а подъ влияніемъ извѣстныхъ политическихъ причинъ или для достиженія опредѣленныхъ политическихъ цѣлей. Въ краткій періодъ семилѣтія, съ 1863 до 1870 года, пруссаки вели три кровопролитныя наступательныя войны, и въ 1875 году они едва не начали четвертой; поэтому со стороны прусскаго правительства не совсѣмъ ловко приписывать другимъ народамъ „склонность нападать на сосѣдей“. Такіе же мотивы для войнъ, какіе считала для себя законными Пруссія, существовали и для Франціи, и для прочихъ европейскихъ государствъ, — и въ этомъ отношеніи нѣтъ никакого различія между нѣмцами и другими націями въ Европѣ. Народы вездѣ миролюбивы, и только нѣкоторая часть верхняго военнаго класса и легковѣсной газетной публицистики хлопочетъ иногда о шумныхъ внѣшнихъ предпріятіяхъ, для удовлетворенія личныхъ честолюбій или изъ жажды сильныхъ ощущеній. Миролобіе Германіи съ 1871 года есть безспорная ея заслуга; но оно значительно облегчалось мирнымъ настроеніемъ остальныхъ европейскихъ государствъ. Берлинская политика не была свободна отъ мнительности и безпокойства, которыя вызывали и поддерживали общую тревогу, заставляя всѣхъ вооружаться и готовиться ко всякимъ случайностямъ. И теперь мы переживаемъ эту нездоровую эпоху международнаго соперничества и недовѣрія, несмотря на всѣ увѣренія о миролюбіи могущественныхъ державъ материка.

Условія прочнаго мира въ Европѣ могутъ быть поколеблены событіемъ, которое не имѣетъ прямой связи съ политикою. Опасная болѣзнь германскаго наслѣднаго принца уничтожаетъ тѣ надежды, которыя не безъ основанія связывались съ будущимъ восшествіемъ его на престолъ. Сдержанный и миролюбивый по природѣ, — хотя и даровитый и заслуженный полководецъ, — свободный отъ всякихъ чувствъ вражды и подозрительности по отношенію къ другимъ народамъ, склонный къ уступкамъ духу времени и требованіямъ общественнаго мнѣнія, вполне человѣчный и либеральный, наслѣдный принцъ расходился во многомъ съ имперскимъ канцлеромъ и съ

руководящими берлинскими сферами, и вслѣдствіе такого разлада онъ давно уже держится въ сторонѣ отъ правительственныхъ дѣлъ. Вступленіе его во власть могло ожидаться со дня на день, такъ какъ послѣдніе предѣлы нормальной человѣческой жизни достигнуты уже императоромъ Вильгельмомъ. Роковая болѣзнь, поразившая принца, закрываетъ ему путь къ престолу, и наслѣдственные права его должны перейти къ горячему поклоннику князя Бисмарка, истинному представителю прусскаго милитаризма, принцу Вилгелму. Если установившееся мнѣніе о будущемъ молодомъ императорѣ справедливо, то Германіи и Европѣ предстоятъ еще годы тяжелыхъ тревогъ, безъ которыхъ можно было бы легко обойтись. Въ современныхъ монархійхъ высшая политика зависитъ отъ отдѣльныхъ лицъ, стоящихъ во главѣ правительствъ, а не отъ парламентовъ или отъ дѣйствительныхъ желаній страны. Поэтому въ данномъ случаѣ не помогутъ философскія соображенія о роли личностей въ исторіи; скорѣе надо рассчитывать на силу нѣмецкаго общественнаго мнѣнія, на новое поколѣніе государственныхъ людей, имѣющихъ явиться на смѣну старымъ, и наконецъ на личный опытъ и благоразуміе молодого принца, которому придется гораздо раньше предполагаемаго срока взять на себя отвѣтственность правителя великой имперіи.

Неожиданный правительственный кризисъ во Франціи можетъ служить нагляднымъ подтвержденіемъ той старой истины, что маленькія причины приводятъ часто къ крупнымъ послѣдствіямъ. Когда мы въ прошломъ обзорѣніи говорили о темномъ дѣлѣ генерала Каффареля и его соучастниковъ, то нельзя было еще подозрѣвать о возможности тѣхъ событій, которыя порождены были этимъ печальнымъ процессомъ. Никто не думалъ, что дѣло окончится отставкою президента Гриви; едва ли многіе ожидали даже паденія министерства Рувье, хотя это министерство вообще не пользовалось популярностью и не располагало надежнымъ большинствомъ въ палатѣ депутатовъ.

Еще 3-го ноября (нов. ст.) кабинетъ одержалъ значительную парламентскую побѣду: финансовый проектъ его, относительно превращенія 4<sup>1</sup>/<sub>2</sub>-процентной ренты въ трехпроцентную, былъ принятъ большинствомъ 276 голосовъ противъ 161. Газеты видѣли въ этомъ признакъ упроченія кабинета, и о министерскомъ кризисѣ не было и рѣчи. Судебное разслѣдованіе по дѣлу Каффареля продолжалось своимъ чередомъ. Первая стычка палаты съ министерствомъ произошла въ засѣданіи 5-го ноября, когда предложено было парламентское слѣдствіе по поводу разоблаченій, направленныхъ противъ зятя президента, депутата Вильсона. Рувье возражалъ противъ предло-

женія, совѣтуя предоставить суду раскрытіе совершенныхъ проступковъ и наказаніе виновныхъ; однако предложеніе было принято большинствомъ 445 голосовъ противъ 84. Для того, чтобы парламентское слѣдствіе не имѣло оттѣнка обиднаго для президента Гриви, палата рѣшила, что оно будетъ распространено на всѣ вообще дѣйствія администраціи, достойныя порицанія или репрессіи. Между тѣмъ въ газетахъ велась дѣятельная кампанія противъ Вильсона; нѣкоторые журналисты поставили себѣ спеціальною задачею собраніе фактовъ и свѣденій объ его продѣлкахъ за многіе годы; отовсюду доставались письма его къ разнымъ сомнительнымъ дѣльцамъ, и подобными компрометирующими документами наполнялись цѣлыя газетныя страницы, изо дня въ день. Накопилось много матеріаловъ, уличавшихъ Вильсона въ томъ, что онъ злоупотреблялъ своимъ положеніемъ зятя президента и продавалъ свое вліяніе за деньги. Газеты стали требовать немедленнаго удаленія его изъ Елисейскаго дворца, гдѣ онъ жилъ съ своимъ семействомъ, близостью котораго очень дорожилъ старецъ Гриви. Напечатана была успокоительная замѣтка о переѣздѣ его въ собственный домъ, недавно только оконченный; но дѣло затянулось, и переселеніе заставляло себя ждать. Лично о президентѣ всѣ отзывались еще съ полнымъ сочувствіемъ и сожалѣніемъ, — если не считать отдѣльныхъ рѣзкостей Рошфора и его союзниковъ. Но тутъ случилось одно обстоятельство, которое дало дѣлу другой оборотъ: одна изъ главныхъ подсудимыхъ, женщина, черезъ которую устраивались всѣ аферы по покупкѣ отличій почетнаго легіона, заявила судебному слѣдователю, что въ числѣ арестованныхъ у нея бумагъ не хватаетъ двухъ важныхъ писемъ Вильсона. Обратились съ запросомъ къ полицейскому префекту, у котораго раньше были эти бумаги, и онъ представилъ недостающія письма. При разбирательствѣ дѣла на судѣ подсудимая категорически отрицала подлинность этихъ писемъ, которыя, однако, признаны были самимъ авторомъ ихъ, Вильсономъ. При помощи сложной и остроумной экспертизы удалось доказать, что письма составлены гораздо позднѣе того времени, которое на нихъ обозначено. Исчезновеніе прежнихъ писемъ и замѣна ихъ новыми свидѣтельствовали уже о преступныхъ попыткахъ нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ помѣшати ходу правосудія въ интересахъ вліятельнаго зятя президента. Общее негодованіе поднялось противъ Вильсона и его закулисныхъ покровителей. Полицейскій префектъ и его помощникъ были уволены; затѣмъ вышелъ въ отставку министръ юстиціи, и мѣсто его занялъ временно министръ внутреннихъ дѣлъ. Газеты стали высказывать подозрѣнія противъ безпристрастія Гриви. Подъ вліяніемъ общаго возбужденія, въ палату внесено было прокурорское требованіе о разрѣшеніи су-

дебнаго преслѣдованія депутата Вильсона, по обвиненію въ похищеніи или утайкѣ бумагъ, относящихся къ процессу Каффареля съ компаніей. Палата почти единогласно разрѣшила преслѣдованіе, въ за-сѣданіи 17-го (5-го) ноября.

Кабинетъ Рувье относился пассивно ко всему происходившему и робко слѣдовалъ напору печати и общественнаго мнѣнія. Черезъ два дня, 19-го числа, министерство перестало существовать. Предводитель крайней лѣвой, Клемансо, предъявилъ запросъ о политикѣ правительства и пожелалъ немедленнаго обсужденія этого запроса, въ виду исключительнаго положенія дѣлъ. Рувье предложилъ отсрочить пренія на нѣсколько дней, и съ этимъ мелкимъ вопросомъ о времени парламентскаго спора онъ связалъ судьбу кабинета. Большинствомъ 317 противъ 228 голосовъ палата высказалась противъ министра-президента, который и заявилъ о выходѣ своемъ въ отставку. За исключеніемъ радикальныхъ газетъ, вся умѣренная республиканская печать считала рѣшеніе палаты крайне несвоевременнымъ и необдуманнымъ, причемъ указывалось на самый составъ большинства, въ которомъ главную роль играли монархисты. Хотя многіе уже видѣли ясно, что палата, свергая министерство, имѣла въ виду не столько Рувье, сколько Гриви, но умѣренная печать не придавала этому рѣшительнаго значенія.

Любопытно прослѣдить, какъ быстро мѣнялись взгляды и развивались событія въ эти послѣдніе дни президентства Гриви. Наиболее солидный и уважаемый органъ умѣренной республиканской прессы, „Temps“, въ номерѣ отъ 21-го ноября (нов. ст.), рѣзко упрекалъ консерваторовъ за соединеніе съ радикалами противъ министерства Рувье и намекалъ на желаніе крайней лѣвой задѣть самого президента республики; но перемѣна кабинета едва ли можетъ соотвѣтствовать видамъ радикаловъ, такъ какъ съ новыми министрами имъ будетъ труднѣе, чѣмъ съ прежними. Та же газета, въ номерѣ отъ 23-го числа, нападала на зачинщиковъ министерскаго кризиса за то, что „они усиливались попасть выше кабинета—въ президента, чтобы уничтожить исполнительную власть и создать полную анархію“. А черезъ два дня, когда президентъ Гриви успѣлъ уже заявить свою рѣшимость отказаться отъ власти и обратиться по этому поводу съ посланіемъ въ парламенту, „Temps“ одобряетъ отставку, совѣтуетъ осуществить ее скорѣе, признаетъ, что „неумѣстно торговаться изъ-за нѣсколькихъ лишнихъ часовъ съ старикомъ, которому должно быть оказано всякое уваженіе“, но требуетъ, чтобы „г. Гриви“ удержался отъ критики дѣйствій палаты въ своемъ посланіи и чтобы вообще онъ ушелъ себѣ спокойно, безъ лишнихъ разговоровъ“. „По нашему мнѣнію,—говорить съ непонятною жесткостью „Temps“, отъ 26-го



ноября,—г. Жюль Гриви имѣеть интересъ въ томъ, чтобы дать себѣ чистую и простую отставку... Послѣдняя услуга, которую онъ въ состояніи оказать республикѣ,—это удалиться тихо и съ достоинствомъ, не рискуя вредить напрасными спорами тому дѣлу, которому онъ служилъ всю свою жизнь“. Этотъ грубый и быстрый переходъ отъ защиты достоинства президента къ третированію его какъ безсильнаго старика, обязаннаго уйти поскорѣе и потише,—не можетъ быть объясненъ какими-либо перемѣнами въ личномъ поведеніи Гриви. Единственное объясненіе то, что съ 24-го (12) ноября президентъ, покинутый всѣми, получивъ вѣжливыя, но рѣшительныя отказы отъ всѣхъ парламентскихъ дѣятелей, къ которымъ обращался для составленія новаго кабинета, пересталъ въ сущности быть президентомъ и превратился просто въ престарѣлаго г. Жюля Гриви. Болѣе послѣдовательно и прилично, чѣмъ умѣренный „Temps“, вели себя радикальныя газеты, которыя съ самаго начала министерскаго кризиса заявляли откровенно, что дѣло идетъ вовсе не о министерствѣ, а о президентствѣ, утратившемъ довѣріе страны допущеніемъ незаконныхъ продѣлокъ въ Елисейскомъ дворцѣ. Никто изъ обвинителей Вильсона—ни даже безцеремонный ругатель, Анри Рошфоръ, редакторъ „Intransigeant'a“,—не заподозривалъ безукоризненную личную честность самого Гриви; никому и въ голову не приходило допустить хоть на минуту предположеніе, что президентъ имѣлъ какое-либо понятіе объ аферахъ своего зятя. По этому пункту господствовало полное согласіе между дѣятелями и публицистами всѣхъ партій, безъ различія оттѣнковъ. Нѣкоторыя газеты высказывали только догадку, что исчезнувшія письма Вильсона были представлены лично самому президенту, и что послѣдній ихъ уничтожилъ; но эта догадка была опровергнута данными судебного и парламентскаго слѣдствія.

Съ момента паденія кабинета стало очевидно неминуемое паденіе Гриви. Президентъ слишкомъ долго надѣялся на спасеніе чести челоуѣка, которому онъ отдалъ свою любимую дочь, и дѣти котораго были утѣшеніемъ его старости; онъ считалъ газетную агитацію противъ Вильсона несправедливою, истекавшею изъ политическихъ мотивовъ и основанною на цѣломъ рядѣ клеветъ и сплетенъ. Вильсонъ слишкомъ долго поддерживалъ въ своемъ тестѣ убѣжденіе въ своей невинности, несмотря на массу ежедневно накопльшихся уликъ и на шумныя нападки прессы,—и этимъ онъ погубилъ не только себя, но и президента. Жюль Гриви не рѣшался окончательно порвать сношенія съ зятемъ, даже когда послѣдній отданъ былъ въ руки правосудія единогласнымъ рѣшеніемъ палаты 17-го (5) ноября. Президентъ, повидимому, увѣренъ былъ, что судъ оправдаетъ Вильсона и очиститъ его отъ неосновательныхъ обвиненій; онъ упустилъ изъ

виду, что необходимо прежде всего считаться съ общественнымъ настроеніемъ, которое громко и единодушно выражалось въ печати и въ парламентѣ. Послѣ краснорѣчиваго голосованія палаты, 17-го ноября, Гриви имѣлъ еще время формально отречься отъ зятя и рѣшительно уничтожить всякую тѣнь родственной солидарности съ нимъ; общественное мнѣніе было бы отчасти удовлетворено, и не было бы прямого повода ни къ министерскому, ни къ президентскому кризису. Но президенту казалось малодушіемъ отвергнуть Вильсона въ послѣднюю минуту, вопреки своему внутреннему убѣжденію; онъ принималъ его оправдательныя объясненія, и человекъ, бывший предметомъ общей систематической травли, появлялся еще въ Елисейскомъ дворцѣ. Палата не имѣла другого способа выразить свое неудовольствіе противъ президента, какъ свергнуть министерство безъ видимой основательной причины и не дать образоваться никакому другому кабинету. Такой именно смыслъ имѣло рѣшеніе 19-го ноября. Гриви не терялъ надежды на составленіе новаго министерства; онъ непрерывно, въ теченіе четырехъ дней, до вечера 23-го ноября, велъ переговоры съ представителями республиканскихъ группъ, и никто не могъ взять на себя предположенную задачу при существующемъ настроеніи палаты и общественнаго мнѣнія. Фрейсинаэ и Гоблэ совѣтовали обратиться къ предводителю крайней лѣвой, низвергнувшему кабинетъ; и Клемансо, приглашенный къ Гриви, впервые объяснилъ ему, что кризисъ касается не министерства, а президентства. То же самое подтвердили, въ болѣе или менѣе деликатныхъ выраженіяхъ, и Бриссонъ, и Флобэ, и другіе авторитетные дѣятели, призываемые поочередно въ Елисейскій дворецъ. Президентъ долго не сдавался, опасаясь за спокойствіе и безопасность страны въ случаѣ перехода власти въ другія руки, но его доводы и опасенія выражались слишкомъ поздно. Дѣло было совершенно непоправимо, и мысль объ отставкѣ, разъ пущенная въ общій оборотъ, требовала соответственнаго рѣшенія.

Съ точки зрѣнія республиканцевъ, во главѣ правительства не могъ оставаться человекъ, хотя бы самый заслуженный и достойный лично глубокаго уваженія, но не сумѣвшій охранить авторитетъ своего званія и власти отъ общественнаго недовѣрія и подозрительности. Жюль Гриви былъ окруженъ семьею, которая своими дѣйствіями бросала тѣнь на репутацію правительства республики; онъ не послѣдовалъ своевременно классическому примѣру Брута, и этого было достаточно для его удаленія, ибо „жена Цезаря не должна быть подозрѣваема“. Не одинъ Вильсонъ занимался темными дѣлами, подъ прикрытіемъ Елисейскаго дворца; газетныя разоблаченія касались и другихъ членовъ семейства Гриви. Обнародовано было странное лю-

бовное письмо брата президента, генерала Поля Гриви, къ героинѣ процесса Каффареля, знаменитой отнынѣ г-жѣ Лимузенъ, которая, повидимому, обладала особымъ даромъ соблазнять старыхъ почтенныхъ генераловъ: она имѣла близкія связи съ бывшимъ военнымъ министромъ Тибодэномъ, находилась въ сношеніяхъ съ генералами д'Андло и Каффарелемъ, переписывалась съ генераломъ Буланжэ и наконецъ была предметомъ увлеченія командира венсенскаго форта, генерала Гриви. Въ темныя денежныя дѣла оказался замѣшаннымъ и племянникъ президента, чиновникъ государственнаго совѣта, сынъ бывшаго алжирскаго генераль-губернатора, Альбера Гриви. Это была какая-то эпидемія, охватившая семью маститаго республиканца, окруженнаго доселѣ ореоломъ суровой нравственной чистоты и многолѣтнихъ историческихъ заслугъ въ дѣлѣ установленія демократическаго режима во Франціи.

Быть можетъ, грѣхи семейства Гриви были только случайнымъ личнымъ несчастіемъ бывшаго президента; но несомнѣнно, что они не противорѣчили общему характеру французскихъ нравовъ, въ средѣ высшихъ и среднихъ классовъ общества. Тотъ же Вильсонъ, поруганный теперъ и низвергнутый съ пьедестала, былъ предметомъ уваженія и зависти въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, игралъ видную роль въ палатѣ и былъ избираемъ на почетныя должности, хотя онъ открыто дѣйствовалъ въ разоблаченномъ нынѣ направленіи и не думалъ скрывать ни своихъ денежныхъ операцій, ни продажи своего вліянія за деньги. Кабинетъ его въ Елисейскомъ дворцѣ былъ всегда полонъ просителей; онъ постоянно хлопоталъ въ палатѣ и въ министерствахъ въ пользу частныхъ проектовъ и лицъ, увеличивалъ свое состояніе, строилъ для себя роскошный "отель, и источникъ его доходовъ ни для кого не былъ тайною, — развѣ только для старика Гриви, ведшаго одинокую и замкнутую жизнь въ официальномъ помѣщеніи президентства. Какъ это часто бываетъ, тѣ самые люди, которые прежде не только не находили ничего особеннаго въ чрезмѣрной „дѣловой практичности“ Вильсона, но даже пользовались его услугами и вступали съ нимъ въ обоюдныя сдѣлки, — первые накинулись на него съ ожесточеніемъ, когда печать предприняла противъ него систематическій походъ, и когда эти настойчивыя нападки превратили вліятельнаго „зятя“ въ общаго подсудимаго, въ типъ романическаго злодѣя въ современномъ биржевомъ вкусѣ. Эта сторона агитации, повлекшей за собою паденіе президента, представляется, конечно, несимпатичной; но тотъ живой и энергическій отпоръ, который оказанъ былъ раскрытому недугу общественнымъ мнѣніемъ и который не остановленъ былъ даже опасностью общаго пра-

вительственнаго кризиса, свидѣтельствуесть какъ нельзя лучше въ яснѣе о здоровой нравственной силѣ французской демократіи.

Политическая карьера Жюль Гриви не заключаетъ въ себѣ особеннаго блеска и эффекта; онъ не принадлежалъ въ числу тѣхъ людей, которые ослѣпляютъ толпу и руководятъ событіями; онъ былъ скромный и честный труженикъ республиканской идеи, строго логическій и послѣдовательный въ своихъ разсужденіяхъ, сдержанный и осторожный въ своихъ дѣйствіяхъ. Въ юности онъ участвовалъ съ оружіемъ въ рукахъ въ революціи 1830 года; во время февральскаго переворота онъ былъ уже благоразумнымъ „мужемъ совѣта“, а въ національномъ собраніи 1848 года произнесъ свою извѣстную пророческую рѣчь противъ учрежденія президентства, которымъ воспользовался позднѣе принцъ Луи-Наполеонъ. При имперіи онъ былъ однимъ изъ самыхъ уважаемыхъ представителей республиканской партіи; послѣ войны 1871 года, онъ былъ избранъ президентомъ національнаго собранія, составленнаго въ значительномъ большинствѣ изъ монархистовъ: изъ этого видно, что его безупречный характеръ и безпристрастіе высоко цѣнились даже политическими противниками. Президентомъ національнаго собранія онъ оставался до 1879 года, когда онъ былъ избранъ на постъ президента республики, послѣ паденія маршала Макъ-Магона. Въ концѣ 1885 года, всего два года тому назадъ, состоялось вторичное избраніе его на дальнѣйшія семь лѣтъ, и теперь палата, сдѣлавшая этотъ вторичный выборъ, нашла себя вынужденною побудить своего избранника къ выходу въ отставку, за пять лѣтъ до истеченія законнаго срока его полномочій. Жюль Гриви, какъ и многіе другіе политическіе дѣятели Франціи, былъ адвокатомъ по профессіи и составилъ себѣ состояніе удачными судебными процессами; теперь ему около 80 лѣтъ, и отдыхъ отъ заботъ политики не можетъ считаться для него неумѣстнымъ или преждевременнымъ. Двѣнадцать различныхъ министерствъ управляли дѣлами за время его президентства; послѣдній кабинетъ Рувье держался около шести мѣсяцевъ (съ мая текущаго года).

Два обстоятельства обращаютъ на себя вниманіе постороннихъ зрителей, по поводу происшедшихъ во Франціи событій: во-первыхъ, руководящая, преобладающая роль газетной прессы въ раскрытіи и преслѣдованіи зла, въ подготовленіи министерскаго и правительственнаго кризиса, и, во-вторыхъ, то внѣшнее спокойствіе, которымъ сопровождалось разрѣшеніе вопроса первостепенной важности для республики, — вопроса о смѣнѣ высшаго правителя страны и о назначеніи новаго лица на его мѣсто. Министры растерялись, власти перепутались, парламентская комиссія разбирала судебные факты и призывала къ допросу членовъ кабинета, чиновниковъ и генераловъ;

и среди этого кажущагося хаоса все подчинялось дружному натиску газетъ, непрерывно доставлявшихъ матеріалы для разслѣдованія, дававшихъ множество полезныхъ указаній и судьямъ, и парламенту, освѣщавшихъ путь къ рѣшенію поставленныхъ вопросовъ и настойчиво домогавшихся законнаго выхода изъ затрудненій посредствомъ отставки президента. Можно сказать безъ преувеличенія, что со времени возникновенія процесса Каффареля французскими политическими дѣлами заправляла печать; въ этомъ сознался отчасти самъ глава кабинета, Рувьё. Хлопотливое участіе печати и ея представителей проявлялось даже въ комическихъ эпизодахъ; газетные репортеры повсюду предупреждали агентовъ судебныхъ или правительственныхъ, сообщая имъ свои свѣденія, и нерѣдко эти журналисты принимались за дѣятелей власти, такъ что, напримѣръ, подсудимая Лимузенъ, подлежащая аресту, была приведена куда слѣдуетъ репортерами, принятыми ею за чиновниковъ.

Это широкое участіе печати и общественнаго мнѣнія дѣлало за то излишнимъ какое-либо безпокойство или волненіе среди публики; все совершалось публично, на глазахъ всѣхъ, и каждый былъ au courant малѣйшихъ подробностей производившагося слѣдствія и открывшагося затѣмъ политическаго кризиса. Не было неизвѣстности, неопредѣленности, тьмы, вызывающей и оправдывающей тревожное чувство. Не могло быть попытокъ замаять дѣло или скрыть что-либо отъ общества,—и общество сохраняло полное спокойствіе, въ увѣренности, что равныя для всѣхъ права и законы никѣмъ не могутъ быть нарушены,—ни даже главою правительства республики.

Въ Англіи въ послѣднее время замѣчается нѣкоторый застой въ политикѣ. Лордъ Сольсбери, имѣвшій репутацію искуснаго дипломата и дѣльнаго министра иностранныхъ дѣлъ, вынужденъ заниматься почти исключительно неприятными внутренними вопросами, которые выступаютъ одинъ за другимъ съ суровою послѣдовательностью. Ирландскій кризисъ обострился сильнѣе, чѣмъ когда-либо; безпорядки повторяются все чаще въ разныхъ пунктахъ страны, принимая нерѣдко кровавыя формы. Волненіе замѣтно переходитъ въ Англію, гдѣ значительная часть населенія раздѣляетъ либеральныя взгляды Гладстона и протестуетъ противъ безплодной, ни къ чему не ведущей, системы репрессалій.

Статсъ-секретарь по дѣламъ Ирландіи, племянникъ Сольсбери, Бальфуръ, твердо стоитъ на почвѣ того принципа, что законы должны быть исполняемы во что бы то ни стало и что ни малѣйшія уклоненія не могутъ быть допущены, во имя равенства гражданъ. На

основаніи этого принципа членъ парламента О'Бріенъ былъ арестованъ за публичное воззваніе къ нарушенію законовъ, и арестъ состоялся послѣ тяжелой борьбы между приверженцами О'Бріена и англійскою полиціею. Присужденный къ тюремному заключенію, членъ парламента О'Бріенъ подиалъ подѣ дѣйствіе общихъ тюремныхъ правилъ, не дѣлающихъ различія между политическими и обыкновенными преступниками; по крайней мѣрѣ, объ этомъ различіи не упоминается въ специальномъ „актѣ о преступленіяхъ“ въ Ирландіи. И въ этомъ пунктѣ статсъ-секретарь Бальфуръ считалъ необходимымъ настоять на точномъ исполненіи закона: онъ рѣшилъ принудить О'Бріена надѣть установленное для арестантовъ позорное платье и заставить его принять участіе въ обязательныхъ арестантскихъ работахъ. Такъ какъ О'Бріенъ выразилъ готовность скорѣе умереть, чѣмъ облачиться въ арестантскій костюмъ, то прибѣгнуто было къ хитрости; тюремные служители тайно похитили его платье, когда онъ спалъ, и взаимѣнъ оставили обычное одѣяніе для заключенныхъ. О'Бріенъ не вставалъ съ постели въ теченіе нѣсколькихъ дней, и въ виду его нездоровья платье было ему возвращено такимъ же путемъ. Болѣе успѣшно примѣнена была строгость закона къ другому политическому арестанту, Мандевиллю, относительно котораго не было опасенія печальныхъ послѣдствій въ случаѣ насилія; у него отняли платье силою, и его оставили въ камерѣ совершенно голымъ въ продолженіе двухъ дней. Продрогшій и едва не заболѣвшій отъ холода, Мандевилль, наконецъ, призналъ себя побѣжденнымъ и рѣшился прикрыть себя арестантскимъ костюмомъ,—и статсъ-секретарь Бальфуръ видитъ въ этомъ справедливое торжество законности. Такіе факты были бы естественны и проходили бы совершенно незамѣченными въ странѣ, гдѣ нѣтъ свободы печати, гдѣ нѣтъ права публичныхъ митинговъ, гдѣ нѣтъ парламентскихъ запросовъ и преній; но при всеобщей публичности правительственныхъ и административныхъ мѣръ, при неустанномъ контролѣ общественнаго мнѣнія и ничѣмъ не связанной ежедневной прессы, законные усцѣхи статсъ-секретаря Бальфура и его агентовъ могутъ развѣ усиливать раздраженіе только противъ одного несправедливаго закона и возбуждать сочувствіе къ ирландскимъ дѣятелямъ даже среди индифферентныхъ англійскихъ гражданъ.

Въ Лондонѣ назначенъ былъ на 13-е (1-е) ноября народный митингъ для выраженія негодованія по поводу законнаго ареста О'Бріена и примѣненныхъ къ нему тюремныхъ мѣръ; но министръ внутреннихъ дѣлъ, бывший адвокатъ Матьюсъ, ссылаясь на какой-то спорный законъ, запретилъ устраивать сходбище на предположенномъ мѣстѣ, на Трафальгарской площади, и собралъ большія полицейскія силы

для предупрежденія беспорядковъ. Устроители митинга отрицали право администраціи запрещать сходку и организовали многоядную процессію, которая въ назначенный день должна была направиться къ указанной площади; полиція приняла вызовъ, и Трафальгарскій скверъ сдѣлался ареною настоящаго сраженія, окончившагося побѣдою законности: въ рукахъ побѣдителей осталось около 400 плѣнныхъ и 75 раненныхъ, которые помѣщены были въ госпитали. Битва 13-го ноября побудила протестующихъ отказаться пока отъ мысли о Трафальгарской площади, закрытой для митинга, и черезъ недѣлю, 20-го числа, устроилась шумная, но мирная и безобидная сходка въ Гайдъ-Паркъ. Министръ Матьюсъ, подобно статсъ-секретарю Бальфуру, видитъ въ этомъ торжество закона; но англійская печать справедливо находитъ, что періодическія битвы съ гражданами для поддержанія порядка и законности служатъ явными доказательствами того, что положеніе дѣлъ ненормально, и что консервативная политика, уклоняющаяся отъ назрѣвшихъ реформъ, доживаетъ послѣдніе дни.

Недавніе противники ирландской автономіи убѣждаются теперь, что по-неволѣ придется рано или поздно вернуться къ проекту Гладстона. Чтобы прикрыть отступленіе, они обвиняютъ бывшаго премьера въ искусственномъ возбужденіи умовъ и въ усиліяхъ привлечь населеніе Англій къ его ирландской политикѣ, посредствомъ ложныхъ обѣщаній и софизмовъ. Въ такомъ именно смыслѣ говоритъ лордъ Сольсбери на консервативной сходкѣ въ Оксфордѣ, 23-го (11-го) ноября. Понятно, что горячія и убѣдительныя рѣчи, произносимыя Гладстономъ въ разныхъ городахъ Шотландіи, весьма неудобны для консервативнаго министерства, тѣмъ болѣе, что отвлеченные доводы справедливости и политической цѣлесообразности подерѣпляются теперь наглядною картиною безнадежныхъ волненій, насилій и столкновеній, порождаемыхъ системою лорда Сольсбери и Бальфура. Превжніе аргументы консерваторовъ оказываются уже безсильными передъ массою краснорѣчивыхъ фактовъ, извѣстныхъ всѣмъ и производящихъ гнетущее впечатлѣніе на внутреннюю политическую жизнь Англій. Первый министръ приглашалъ въ Оксфордѣ всѣхъ уніонистовъ-либераловъ присоединиться къ консерваторамъ для установленія программы совѣстныхъ дѣйствій не только по вопросу объ ирландской автономіи, но и въ области другихъ вопросовъ, стоящихъ теперь на очереди. Едва ли этотъ призывъ будетъ услышанъ партією маркиза Гартингтона и группою „радикала“ Чамберлена, при настоящемъ ходѣ дѣлъ въ Англій и Ирландіи.



## ПИСЬМА ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ.

Впечатлѣнія и замѣтки.

Парижъ, 6 (18) ноября 1887.

## I.

...Намъ пришлось проѣхать въ Берлинъ и Парижъ чрезъ Варшаву. Уже первая нѣмецкая станція, послѣ переѣзда нашей границы у Александра, носила на себѣ всѣ признаки того, что мы очутились совсѣмъ въ другомъ порядкѣ вещей, до самыхъ мелкихъ житейскихъ его подробностей. Вокзалы устроены прочно и просто, со всѣми удобствами для публики; даже желѣзно-дорожная прислуга пріятно поражаетъ своимъ здоровьемъ, цвѣтущимъ видомъ и безукоризненною опрятностью. Существующія правила исполняются толково и строго, но „gemüthlich“, хотя и съ нѣкоторымъ педантизмомъ; таможенный осмотръ вещей производится безъ лишнихъ стѣсненій, причѣмъ чиновники, большею частью, вѣрятъ даже на слово проѣзжающимъ, и у иныхъ вовсе не вскрываютъ чемодановъ. Окрестности этой пограничной станціи, говорятъ, представляли, лѣтъ двадцать тому назадъ, бесплодную, песчаную мѣстность; теперь все это пространство покрыто лѣсомъ, разведеннымъ искусственно стараніями администраціи, такъ какъ земля приобрѣтена въ собственность казною... И такой видъ представляетъ вся страна вплоть до самаго Берлина.

Пруская столица замѣчательно выросла и похорошѣла за послѣднее десятилѣтіе; это—шумный, широко раскинувшійся городъ, полный жизни и движенія, съ массою изящныхъ зданій. Желѣзная дорога, какъ извѣстно, прорѣзываетъ теперь городъ въ разныхъ направленіяхъ, соединяя между собою отдаленныя части столицы, — такъ что поѣздъ входитъ въ одну изъ самыхъ центральныхъ улицъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Unter-den-Linden. Рельсовый путь установленъ на возвышеніи, поддерживаемомъ огромными арками; роскошный „центральный вокзалъ“ устроенъ со всевозможнымъ комфортомъ для публики и со всѣми усовершенствованіями и приспособленіями, какія даетъ современная техника...

На слѣдующій день, около полудня, проходя по Unter-den-Linden, мы увидѣли большую толпу народа у памятника Фридриха II; всѣ смотрятъ въ одну точку—въ угловое окно дворца императора Виль-



гельма. Проходить отрядъ съ музыкою и знаменемъ; люди, оказалось, ждутъ ежедневно появленія знакомой патриархальной фигуры въ историческомъ угловомъ окнѣ. На этотъ разъ императоръ не показался народу, и публика разошлась разочарованная, передавая другъ другу печальную новость. Берлинцы привыкли, въ теченіе многихъ лѣтъ, видѣть престарѣлаго монарха въ окнѣ его рабочаго кабинета, въ одинъ и тотъ же часъ, и это зрѣлище принадлежитъ уже къ числу „достопримѣчательностей“ (Sehenswürdigkeiten) Берлина, прямо рекомендуемое вниманію иностранца въ обычномъ путеводителѣ Кислинга, гдѣ оно и записано подъ особою рубрикой. Черезъ нѣсколько дней императоръ, наконецъ, показался въ окнѣ, при проходѣ солдатъ съ барабаннымъ боемъ, и любопытство публики было удовлетворено; толпа была въ восторгѣ, и вечернія газеты сообщали подробно объ этомъ радостномъ событіи. Трудно, въ самомъ дѣлѣ, себѣ представить, какою популярностью пользуется императоръ Вильгельмъ и его фамилія, во всѣхъ классахъ населенія, безъ различія партій; семейныя идиоллы Гогенцоллерновъ выставлены въ магазинахъ во множествѣ различныхъ изображеній, съ соотвѣтственными надписями, въ родѣ: „гордость и надежда Германіи“, „счастіе Гогенцоллерновъ“, и повсюду тѣснятся люди, разглядывая портреты и группы, среди которыхъ видное мѣсто отведено и князю Бисмарку, и Мольтке.

Дворецъ императора Вильгельма — сравнительно небольшое, двухъ-этажное зданіе, безъ замѣтныхъ наружныхъ украшеній и эмблемъ; только развѣвающійся надъ домомъ императорскій флагъ и присутствіе часовыхъ у подъѣзда свидѣтельствуютъ, что это резиденція одного изъ могущественнѣйшихъ государей Европы. Дворецъ стоитъ бокъ-о-бокъ съ публичною „королевскою библиотекою“. Напротивъ дворца, съ другой стороны Unter-den-Linden, возвышается зданіе университета, передъ которымъ помѣщены большія мраморныя статуи братьевъ Гумбольдтовъ, Вильгельма и Александра.

Въ этомъ близкомъ сосѣдствѣ императорской резиденціи съ библиотекою и университетомъ можно видѣть символическую характеристику прусской монархіи: власть соединена съ наукою и идетъ съ нею рука-о-руку; она опирается на просвѣщеніе и его представителей. Въ этомъ именно сила и крѣпость Пруссіи. На площадяхъ Берлина, рядомъ со статуями королей и полководцевъ, мы видимъ многочисленныя памятники дѣятелямъ науки и искусства; въ витринахъ книжныхъ лавокъ, наряду съ портретами Гогенцоллерновъ, Бисмарка и Мольтке, помѣщены портреты знаменитыхъ ученыхъ — Вирхова, Гекеля, Момзена, Гельмгольца, Курціуса и многихъ другихъ, которыми справедливо гордится Германія. На памятникѣ Фридриху Великому, въ числѣ фигуръ на пьедесталѣ, обращаютъ на

себя вниманіе не одни военные и политическіе сподвижники короля, но и мыслители и писатели, возвысившіе умственный уровень нѣмецкой націи и сдѣлавшіе ее тѣмъ, что она есть,—Кантъ, Лессингъ, цѣлый рядъ философовъ, поэтовъ и ученыхъ.

Королевская бібліотека кажется на видъ меньше петербургской и не производитъ такого вѣшняго впечатлѣнія, какъ наша публичная; но за то она имѣетъ большое преимущество, съ точки зрѣнія удобствъ публики: книги выдаются на домъ, подъ ручательствомъ какого-нибудь профессора или „солиднаго берлинскаго обывателя“, а людямъ, извѣстнымъ уже своими научными трудами—безъ всякаго ручательства. Книги отпускаются даже въ провинцію, профессорамъ мѣстныхъ университетовъ; только рѣдкія и особенно дорогія изданія посылаются не иначе, какъ черезъ посредство университетскихъ бібліотекъ и за ихъ матеріальною отвѣтственностью.

Въ университетѣ насъ заинтересовала масса вывѣшенныхъ въ корридорѣ объявленій о засѣданіяхъ различныхъ студенческихъ союзовъ или „ферейновъ“; каждый союзъ имѣетъ свое помѣщеніе въ какомъ-нибудь ресторанѣ, гдѣ періодически собираются студенты для чтенія и слушанія рефератовъ, для обсужденія общихъ интересовъ, для развлеченій. Никто, повидимому, не стѣсняетъ молодой жизни въ этомъ отношеніи, хотя „крѣпкая власть“ несомнѣнно существуетъ въ Пруссіи. Неприятно только дѣйствуютъ на васъ слѣды ранъ на молодыхъ лицахъ; иногда эти раны обезображиваютъ людей на всю жизнь, и такія лица встрѣчаются на каждомъ шагу въ Берлинѣ, — печальный результатъ недѣльнаго обычая, давно утратившаго свой смыслъ въ современномъ обществѣ.

Не замѣчая нигдѣ какихъ-либо служащихъ или начальствующихъ лицъ, ни даже сторожей, мы послѣдовали за нѣкоторыми студентами въ одну изъ открытыхъ аудиторій, гдѣ, какъ оказалось, долженъ былъ читать лекцію именитый профессоръ Гнейстъ. Слушателей собралось довольно много; между ними былъ одинъ унтеръ-офицеръ и какой-то японецъ въ европейскомъ костюмѣ. Какъ видно, всякій можетъ зайти въ любую аудиторію и слушать. Съ появленіемъ на кафедрѣ Гнейста—почтеннаго, крѣпкаго еще старика—въ аудиторіи водворилась абсолютная тишина. Студенты вынули свои тетрадки, приготовили перья или карандаши и стали записывать слова профессора. Гнейстъ читалъ о прусской конституціи, читалъ, повидимому, довольно монотонно, но глубокое вниманіе, съ какимъ аудиторія выслушивала лекцію, указывало на тѣсную и притомъ древнюю нравственную связь между профессоромъ и его слушателями; студенты видѣли предъ собою настоящаго „учителя“, авторитетнаго и независимаго, каждое слово котораго имѣетъ вѣсъ и значеніе. Можно сказать, что это были смиренные

школьники передъ старымъ, заслуженнымъ представителемъ свободной нѣмецкой науки.

Недалеко отъ университета— два спеціальныя учрежденія напоминаютъ о другой сторонѣ Пруссіи, о прусскомъ милитаризмѣ, какъ основѣ реального могущества Гогенцоллерновъ. Зданіе параднаго военнаго караула часто окружено любопытными; тамъ ежедневно, съ серьезнѣйшимъ видомъ, производятся, на глазахъ толпы *Unter-den-Linden*, самыя разнообразныя эволюціи. Зрители видимо слѣдятъ съ большимъ интересомъ за всѣми этими эволюціями. Рядомъ гостепріимно открытыя двери „цейхгауза“ привлекаютъ также много публики; тамъ собраны трофеи прусскихъ войнъ съ начала столѣтія до настоящаго времени: обширные рельефы Парижа, Страсбурга, Седана и другихъ французскихъ городовъ, вывезенные пруссаками изъ Франціи въ 1814 году; рельефъ сраженія при Кенигсгрѣцѣ; французскія знамена, орудія, митральезы и пушки, образцы артиллерійскихъ и всякихъ иныхъ военныхъ принадлежностей въ уменьшенномъ видѣ, — все это говоритъ о военныхъ подвигахъ и побѣдахъ. Въ витринахъ, вдоль стѣны, распределены ключи французскихъ крѣпостей и городовъ, занятыхъ нѣмцами въ 1870—71 годахъ; между прочимъ, тутъ находятся и ключи Метца и Страсбурга. На дворѣ „пейхгауза“ разставлены французскія орудія разныхъ калибровъ, съ обозначеніемъ мѣста ихъ захвата; каждая пушка имѣетъ свое названіе, вырѣзанное сверху, и нѣкоторыя изъ этихъ бронзовыхъ сооружений — настоящія художественныя произведенія, по изяществу отдѣлки. Одно изъ орудій, какъ видно изъ надписи, пожертвовано было марсельскими рабочими правительству національной обороны; большинство пушекъ носитъ на себѣ эмблемы Наполеона III и короля Луи-Филиппа. „Цейхгаузъ“ буквально наполненъ военными предметами и знаменами побѣжденной Франціи! Не будемъ, впрочемъ, строги къ нѣмцамъ: и въ Парижѣ, въ эпоху имперіи, чуть не на каждомъ шагѣ можно было встрѣтить памятники прежняго нѣмецкаго пораженія, не только въ видѣ Вандомской колонны и Триумфальной арки, съ ея спискомъ взятыхъ нѣмецкихъ городовъ, но даже названія улицъ, мостовъ и площадей должны были напоминать французамъ ихъ военные подвиги.

На Королевской площади, одной изъ красивѣйшихъ въ Берлинѣ, среди аллей *Thiergarten'a*, возвышается „колонна побѣды“, довольно небольшая и не особенно граціозная; она значительно меньше размѣромъ нашей петербургской статуи, воздвигнутой на Измайловскомъ проспектѣ. Сантиментальныя барельефы изображаютъ прощаніе героевъ съ ихъ женами и дѣтьми, взятіе штурмомъ французской крѣпости, вступленіе войскъ въ Парижъ и триумфальный возвратъ на

родину; вездѣ фигура Бисмарка выдается сильнѣе и стоитъ ближе къ публикѣ, чѣмъ изображенія Мольте и другихъ полководцевъ, а въ процессіи обратнаго вступленія въ Берлинъ, канцлеръ, верхомъ на конѣ, занимаетъ мѣсто впереди императора, какъ бы указывая ему путь въ прочному миру.

Нужно было взглянуть и на знаменитый домъ въ Wilhelmstrasse, гдѣ, какъ говорится въ газетахъ, рѣшаются судьбы Европы и сосредоточиваются главныя нити европейской политики. Мы едва нашли домъ имперскаго канцлера, такъ какъ искали нѣчто въ родѣ дворца, а вмѣсто того увидѣли старое двухъ-этажное зданіе, крытое черепицей и имѣющее даже запущенный видъ. Фасадъ дома — въ глубинѣ двора; спереди небольшой садикъ. Скромная резиденція канцлера германской имперіи вполне соответствуетъ простотѣ и скромности жилища его государя, императора Вильгельма.

Помѣщеніе имперскаго парламента (въ Leipzigerstrasse) также далеко не внушительно. Зала засѣданій — небольшая; деревянные скамейки, на подобіе школьныхъ, съ углубленіями для чернилницъ, расположены амфитеатромъ, въ пяти группахъ, сходящихся полукругомъ у президентскаго бюро; слѣва сидятъ „свободомыслящіе“, затѣмъ національ-либералы, центръ, „свободно-консервативные“ и, наконецъ, на крайней правой сторонѣ, безусловные приверженцы правительства. Соціалъ-демократы и поляки занимаютъ верхнія мѣста въ различныхъ частяхъ залы; такъ-называемые „дикіе“, не причисляющіе себя ни къ какой партіи, сидятъ гдѣ придется. Возвышеніе для президента и его секретарей находится передъ самыми депутатскими скамьями, а затѣмъ, съ одной стороны, рядъ мягкихъ стульевъ для членовъ союзнаго совѣта, съ другой — для министровъ. Все это тѣсно и просто, какъ въ какомъ-нибудь провинціальномъ земскомъ собраніи. Министерскіе стулья — отчасти ветхіе и невзрачные; одно кресло въ сторонѣ, на первомъ планѣ, предназначено для князя Бисмарка, и оно ничѣмъ не отличается отъ прочихъ. Трибуны для дипломатовъ, слѣва отъ входа, помѣстительны, но мрачны; мѣста для публики на хорахъ, надъ президентскимъ бюро, устроены, повидимому, удобно и позволяютъ ясно видѣть все происходящее въ залѣ. Но это помѣщеніе рейхстага — только временное, чѣмъ и объясняется нѣкоторая небрежность его внутренней обстановки. Новое зданіе для имперскаго парламента воздвигается на Королевской площади, противъ „колонны побѣды“, и, безъ сомнѣнія, оно будетъ устроено съ тѣмъ широкимъ комфортомъ, который составляетъ характеристическую черту всѣхъ новѣйшихъ построекъ въ Берлинѣ.

Если помѣщенія правителей и министерствъ въ нѣмецкой столицѣ удивляютъ иногда своею простотою, то этого нельзя сказать объ

учрежденіяхъ, имѣющихъ въ виду общепользную или научную цѣль. Замѣчательно хорошо и даже роскошно устроена почта, открытая повсюду въ теченіе цѣлаго дня; главный почтамтъ—громадное зданіе, выходящее на двѣ улицы и освѣщаемое уже вполне электричествомъ. Въ каждомъ почтовомъ бюро можно писать письма, давать телеграммы и посылать деньги упрощеннымъ способомъ, посредствомъ переводовъ, безъ всякихъ формальностей и задержекъ; даже почтовые ящики, съ какими-то замысловатыми украшеніями, предъявляютъ какъ будто претензію на изящество. Почта, какъ и желѣзныя дороги, находится въ рукахъ имперской власти, а такъ какъ имперія существуетъ сравнительно недавно, то и все, касающееся ея или подчиненное ея управленію, блещетъ новизною и практичностью. Заботливость объ интересахъ и удобствахъ публики проглядываетъ во всѣхъ мелочахъ здѣшной жизни.

Мы осматривали, между прочимъ, великолѣпный музей „*fur Völkerkunde*“, оконченный постройкой въ 1884 году, на Кенитсгрѣцкой улицѣ. Въ двухъ обширныхъ залахъ размѣщено знаменитое собраніе древностей, найденныхъ Шлиманомъ на мѣстѣ классической Трои; тутъ оказался цѣлый складъ глиняной посуды разныхъ форматовъ, отъ крошечныхъ до колоссальныхъ; такое обиліе однородныхъ предметовъ можетъ быть признано даже чрезмѣрнымъ. Весьма любопытны серебряныя и золотыя украшенія, діадемы, вазы и кубки; нѣтъ только оружія, тяжелыхъ шлемовъ и мечей, о которыхъ писалось въ свое время. Остальныя залы наполнены предметами, относящимися до древней Германіи, Китая и Японіи, Африки, Америки, Сибири и Амура, Океаніи; есть и часть коллекціи нашего путешественника Юнкера.

Въ старомъ королевскомъ музеѣ, на *Unter-den-Linden*, обращаютъ на себя вниманіе пергамскія древности, обломки грандіозныхъ мраморныхъ фигуръ и группъ греческихъ боговъ и героевъ, а также полныя мысли произведенія Микель-Анджело. Много бюстовъ и надгробныхъ барельефовъ изъ коллекціи Сабурова; скульптурная галерея вообще столь обширна, что потребовалось около двухъ часовъ для обхода всѣхъ залъ. Выставленные предметы искусства распределены въ систематическомъ порядкѣ, что значительно облегчаетъ осмотръ.

Когда мы выразили желаніе, въ разговорѣ съ однимъ журналистомъ, ознакомиться съ общественною жизнью Берлина, то онъ совѣтовалъ намъ просмотрѣть списокъ различныхъ „союзовъ“, имѣющихъ въ данный день свои публичныя засѣданія; длинные списки этихъ „ферейновъ“ ежедневно печатаются въ газетахъ. Кромѣ общихъ союзовъ,

существуютъ еще мѣстные, въ каждомъ изъ многочисленныхъ округовъ столицы. Въ одномъ фрейнгъ какой-то Максъ Баумгартъ читаетъ объ „идеѣ вѣчнаго мира“; въ другомъ (въ „обществѣ молодыхъ купцовъ“) профессоръ Кауфманъ—„о значеніи и цѣли государства“; въ третьемъ—о развитіи журнализма во Франціи; далѣе, бывший депутатъ Гинце говоритъ о современномъ политическомъ положеніи; наконецъ, произносятся рѣчи по поводу предстоящихъ городскихъ выборовъ, и т. д. Содержаніе лекцій и рѣчей не имѣетъ часто никакой связи съ специальнымъ назначеніемъ „фрейнговъ“; такъ, въ музыкальномъ обществѣ читаютъ о литейномъ заводѣ Круппа; въ ремесленномъ—о первой части „Фауста“; въ другомъ—о реформациіи. Чаще всего повторяются въ газетахъ объявленія о „христіанскомъ союзѣ молодыхъ людей Берлина“, имѣющемъ свое помѣщеніе въ Friedrichstrasse, съ библиотекою и читальнею для всѣхъ приходящихъ; вечернія собранія бывають тамъ ежедневно. На засѣданіяхъ фрейнговъ можетъ присутствовать всякій желающій, и обыкновенно въ извѣщеніяхъ сказано прямо, что гости допускаются свободно (Gäste willkommen). Такую же принципъ встрѣтите и въ объявленіяхъ студенческихъ фрейнговъ въ университетѣ. Въ двухтомной адресной книгѣ Берлина—имѣющейся во всякомъ отелѣ или ресторанѣ—можно насчитать 980 различныхъ союзовъ, имѣющихъ пребываніе и опредѣленные дни засѣданій въ столицѣ. Это даетъ понятіе о массѣ образовательныхъ средствъ, находящихся въ распоряженіи всѣхъ слоевъ берлинскаго населенія!

На улицахъ были эти дни расклеены афиши о сходкахъ городскихъ избирателей, по поводу предстоящаго обновленія нѣкоторой части состава думы, или „ратуши“<sup>1)</sup>. Большинство членовъ думы принадлежитъ къ партіи прогрессистовъ или „свободомыслящихъ“, и консерваторы соединились теперь съ національ-либералами для совмѣстной борьбы съ нынѣшнимъ городскимъ представительствомъ. Прочитавъ одно изъ воззваній этихъ соединенныхъ партій, мы отправились въ назначенный часъ послушать пренія на сходкѣ, которая должна была состояться въ отдаленной части города, въ залѣ какого-то ресторана. Насъ допустили безъ всякихъ стѣсненій, и намъ было предложено занять мѣсто у одного изъ столовъ: иностранцамъ оказывается почетъ и особое вниманіе. Зала была полна народу; всѣ сидѣли за кружками пива, и передъ каждымъ лежалъ печатный экземпляръ воззванія, подписаннаго извѣстными дѣятелями соединенныхъ консервативныхъ партій. Въ публикѣ преобладали

<sup>1)</sup> Въ Берлинѣ квартиранты (Hausstand) пользуются правомъ участія въ избраніи въ гласные думы.

типы ремесленниковъ, мелкихъ торговцевъ и отчасти рабочихъ. На особомъ возвышеніи, въ концѣ залы, помѣщались мѣстные устроители сходки, — нѣчто въ родѣ президентскаго бюро. Предсѣдатель открылъ засѣданіе троекратнымъ возгласомъ въ честь императора; всѣ встали и повторили дружно: „hoch!“ Одинъ рабочій остался сидѣть, съ сигарой во рту, и упорно отказывался подняться съ мѣста, несмотря на убѣдительныя напоминанія о „приличіи“; наконецъ, его попросили удалиться, и онъ вышелъ молча. Предсѣдатель предупредилъ присутствующихъ, что слово дается только людямъ, желающимъ говорить въ смыслѣ воззванія. Начались рѣчи. Какой-то адвокатъ безъ дѣлъ говорилъ долго и, надобно сознаться, плохо противъ „хозяйничанья“ прогрессистовъ въ городскомъ управленіи, пытался острить по поводу брошюры одного изъ членовъ ратуши, ссылаясь на интересы бѣдныхъ классовъ, на требованія справедливости и т. п., — и къ удивленію имѣлъ все-таки успѣхъ. Кандидатъ въ гласные, профессоръ Беллерманъ, преподающій теорію музыки въ университетѣ, говорилъ еще хуже и скучнѣе перваго оратора; онъ также усиливался быть остроумнымъ, дѣлалъ, напримѣръ, догадку, что авторъ оппозиціонной брошюры, директоръ акваріума Гермесъ, такъ часто и много имѣлъ сношеній съ обезьянами, что, наконецъ, помѣнялся съ гориллой и самъ сталъ производить безобразные звуки, и т. п. Однако всѣ восхваляли Беллермана, какъ отличнаго и испытаннаго городского дѣятеля, — и, вѣроятно, было для этого фактическое основаніе. Наилучшимъ ораторомъ оказался простой ремесленникъ, Шуманъ, добродушный нѣмецъ, ярый противникъ манчестерцевъ; онъ рассуждалъ весьма здраво, приводилъ статистическія данныя и плавно, даже красиво излагалъ свои мысли. Языкомъ вполне литературнымъ, хотя оговаривался нѣсколько разъ, что онъ человѣкъ необразованный, простой труженикъ. Столь же удачно говорили и два мелкихъ торговца, предлагавшіе выбрать кандидата-прогрессиста, на томъ основаніи, что онъ, какъ крупный строитель и плотникъ, можетъ принести больше практической пользы городу. Хотя это и не было въ духѣ воззванія, но и имъ дали высказаться, чтобы сохранить свободу преній. Нападки на городское управленіе касались главнымъ образомъ невыкупа городскихъ конно-железныхъ дорогъ, отдачи электрическаго освѣщенія въ частныя руки и сохраненія слишкомъ обременительнаго квартирнаго налога <sup>1)</sup>. Отзывы о правительствѣ были вообще симпатичныя. Публика держала себя прилично. Въ углу залы я замѣтилъ двухъ полицейскихъ агентовъ, которые, однако, ничѣмъ не заявляли о своемъ присутствіи.

<sup>1)</sup> Свыше 10 милліоновъ марокъ, т.-е. около 5 милліоновъ рублей, по нынѣшнему курсу.

Что собравшіеся принимали живое участіе въ обсуждаемыхъ вопросахъ—это видно было по тѣмъ возгласамъ и замѣчаніямъ, иногда довольно мѣткимъ, которые раздавались во время рѣчей. Сходка окончилась громкимъ одобреніемъ кандидатуры Беллермана, и всѣ разошлись мирно по домамъ.

Противники прогрессистовъ не отрицаютъ, впрочемъ, что при управленіи послѣднихъ городъ развился, украсился и достигъ своего нынѣшняго цвѣтущаго состоянія. Главныя улицы, магазины и общественныя заведенія освѣщаются уже отчасти электричествомъ, по почину заинтересованныхъ частныхъ лицъ; городскіе уличные фонари даютъ еще газовый свѣтъ, который кажется тусклымъ для петербуржца, привыкшаго къ электрическому освѣщенію Невскаго проспекта и Большой Морской. Когда мы уѣзжали изъ Берлина, дѣлались послѣднія и весьма поспѣшныя приготовленія къ установкѣ электрическихъ фонарей на Unter-den-Linden, около дворца императора Вильгельма, по случаю ожидаемаго приѣзда русской императорской фамиліи изъ Копенгагена. Этотъ приѣздъ занималъ берлинцевъ въ высокой степени, еще задолго до того, какъ онъ былъ подтвержденъ официально; повсюду были разговоры о томъ, состоится ли онъ, или не состоится, причѣмъ дѣлались всякія политическія предположенія. Повидимому, этимъ событіемъ интересовались не меньше, чѣмъ печальными извѣстіями о кронпринцѣ, состояніе котораго уже тогда (въ концѣ октября по нашему стилю) считалось весьма серьезнымъ. Отсюда можно было видѣть, какую важность придаетъ нѣмецкое общество сохраненію дружественныхъ отношеній съ Россією. Нѣкоторое, говоря относительно, равнодушіе къ судьбѣ наслѣдника германскаго престола объясняется отчасти исключительною популярностью его старшаго сына, 28-лѣтняго принца Вильгельма, отъ котораго многіе ждутъ чуть ли не талантовъ и энергіи Фридриха Великаго.

Чтобы ближе узнать общественное настроеніе Берлина относительно Россіи, мы побывали въ редакціяхъ трехъ наиболѣе вліятельныхъ и распространенныхъ газетъ - „Post“, „National-Zeitung“ и „Berliner Tageblatt“. Такъ какъ эти разговоры въ редакціи имѣли общій политическій характеръ, то, съ нашей стороны, не будетъ никакой indiscretion, если мы вератцѣ передадимъ содержаніе бесѣды.

Въ редакціи „Post“ оъясняютъ охлажденіе Германіи къ Россіи просто тѣмъ, что русская печать и русскія власти (?) будто бы заигрываютъ съ Францією, что Дерулэдъ былъ официально принятъ и привѣтствованъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, что одно лицо произнесло тостъ, сочувственный французамъ, и т. п. Въ виду этого, вполне-молъ



понятно настроеніе Германіи и ея общественнаго мнѣнія. Еслибы, говорили намъ, было принято приглашеніе князя Бисмарка (во время пребыванія имп. Вильгельма въ Штетинѣ), то сгладилась бы натужность; но случилось иначе. Намъ указывали особенно на враждебныя статьи нашихъ газетъ. На наше упоминаніе о томъ, что не всѣ русскія изданія думаютъ одинаково, и сама нѣмецкая пресса, своими постоянными нападками на Россію, вызываетъ подобное же отношеніе со стороны русской печати — намъ замѣтили, что ни одинъ безпристрастный отзывъ нашей журналистики о нѣмцахъ не оставляется безъ вниманія въ нѣмецкихъ газетахъ; однако — „одна ласточка не дѣлаетъ весны“. Большинство-моль русскихъ газетъ все-таки высказывается въ пользу Франціи и противъ Германіи. Что же касается непріязненныхъ выходовъ нѣмецкой печати противъ Россіи, то онѣ объясняются всѣмъ ходомъ русско-германскихъ отношеній, съ которыми въ редакціи близко знакомы и за которыми она слѣдитъ уже около тридцати лѣтъ. „Все было хорошо до окончанія берлинскаго конгресса, гдѣ Бисмаркъ оказалъ многія услуги Россіи и отстоялъ многія русскія предложенія; потомъ вдругъ стали въ Россіи обвинять князя Бисмарка, что онъ измѣнилъ ей на конгрессѣ, дѣйствовалъ ей во вредъ и т. п. Эти нападки и обвинения вызвали взаимное раздраженіе, которое поддерживается до сихъ поръ. Нельзя же думать, что Бисмаркъ долженъ былъ воевать изъ-за русскихъ интересовъ“. Относительно внутренняго состоянія Германіи, намъ замѣтили, что, конечно, различныя партіи у нихъ борются между собою, хотя не дерутся еще буквально, и „свободомыслящіе“ будутъ, напимѣръ, всегда утверждать, что страна находится въ несчастномъ положеніи, а Россія есть эльдорадо свободы; но „Post“, по своему положенію, придерживается иныхъ политическихъ взглядовъ и вполне сочувствуетъ политикѣ князя Бисмарка.

Потомъ, въ той же редакціи были болѣе подробно развиты эти взгляды и, между прочимъ, мы получили интересныя свѣденія о происхожденіи знаменитыхъ статей: „Der Krieg in Sicht“ и „Auf des Messers Schneide“. При началѣ своей дѣятельности, газета успѣла уже понести убытокъ на крупную сумму — 30.000 талеровъ; она умерла бы тогда естественною смертію. Газету мало знали въ Берлинѣ, и она была еще небольшая, по объему и содержанію; основана она была нѣсколькими аристократами, отдѣлившимися отъ партіи „Крестовой Газеты“; они рѣшились поддерживать имперскаго канцлера (таковы: герцогъ Ратиборъ, герцогъ Уйестъ, графъ Шенбергъ-Вернигероде и др.). Редакціи было предоставлено вести газету, какъ она найдеть нужнымъ. Между прочимъ, она обратила вниманіе и на французскія вооруженія, о которыхъ много тогда писали другія газеты, особенно

„Кельнская“; одинъ сотрудникъ, взявшійся писать объ этомъ, не имѣлъ никакихъ сношеній съ правительствомъ, да и статья его была составлена собственно изъ выдержекъ изъ „Kölnische Zeitung“,—все оригинальное заключалось въ заглавіи („Der Krieg in Sicht“), такъ какъ этотъ сотрудникъ выговорилъ себѣ право ставить особые заголовки надъ своими статьями вопреки обыкновенію („Post“ дѣлаетъ заглавіа изъ первыхъ словъ каждой статьи). Статья пролежала еще дня два въ редакціи, и ей не придавалось особеннаго значенія. Императоръ Вильгельмъ, который долженъ былъ тогда ѣхать въ Италію, остался въ Берлинѣ, и вмѣсто него поѣхалъ кронпринцъ, что вызывало различные комментаріи. Когда статья появилась, никто не обратилъ на нее вниманія въ Германіи; по обыкновенію, напечатано было лишнихъ 80 экземпляровъ, и они едва разошлись черезъ недѣлю. Но сотрудникъ „Börsen-Courrier“ телеграфировалъ изъ Парижа, что тамъ запрещено перепечатывать эту статью „Post“; тогда всѣ стали интересоваться статьею, благодаря произведенному ею за границею шуму. А шумный эффектъ произошелъ только вслѣдствіе удачнаго заглавіа, ибо такія же статьи печатались раньше въ „Кельнской“ и въ другихъ газетахъ и не производили впечатлѣнія. Этой статьѣ и вѣрнѣе ея заглавію газета была обязана своею извѣстностью. Другія газеты накинудись на „Post“ и тѣмъ расширили ея извѣстность; ее называли „Enten-Post“ и т. п. Остроумный Виндгорстъ называлъ ее какъ-то „органомъ посланниковъ“ (Botschafter-Organ) на томъ основаніи, что нѣкоторые изъ ея основателей были впоследствии посланниками; но въ дѣйствительности ни одно изъ этихъ лицъ не принимало ни малѣйшаго участія въ газетѣ и не вмѣшивалось въ дѣла редакціи. Редакція заботилась только о томъ, чтобы, согласно цѣлямъ газеты, не давать повода къ опроверженіямъ со стороны канцлера и не противодѣйствовать его видамъ. Но свобода мнѣній въ отдѣльныхъ вопросахъ остается въ силѣ. Офиціозная газета — это „Сѣверо-германская“; какъ выразился князь Бисмаркъ, это — листъ бумаги, который по договору долженъ наполняться матеріаломъ, доставляемымъ изъ разныхъ министерствъ. „Kölnische Zeitung“, оказывается, имѣетъ гораздо болѣе связей съ правительствомъ, чѣмъ „Post“.

Годъ тому назадъ, когда совершилось паденіе князя Александра Баттенбергскаго въ Болгаріи, къ газетѣ „Post“ обратились съ вопросомъ: помѣтитъ ли она статью, гдѣ это событіе признается залогомъ умиротворенія на Востокѣ; редакція согласилась. За это упрекали ее сами участники газеты; но она имъ объявила, что если хотятъ поддерживать политику князя Бисмарка, то именно въ данное время представляется случай оказать эту поддержку и выказать солидарность съ канцлеромъ. Статья исходила хотя не отъ самого Бис-

марка, но выражала собою настроеніе министерскихъ сферъ. На „Post“ обрушились потомъ всѣ, когда пришли болѣе подробныя извѣстія о сверженіи Баттенберга. Редакція газеты не припомнитъ подобной бури за тридцать лѣтъ своей дѣятельности, хотя много разъ приходилось ей выдерживать газетныя нападенія, и она привыкла къ нимъ. Все это происходило тогда во имя политики сближенія съ Россією. Между тѣмъ послѣ берлинскаго конгресса князь Горчаковъ сталъ, будто бы, искать сближенія съ Францією, совѣтовалъ французамъ быть сильными, и нѣмцы вздохнули свободно, когда обезпечили себя хотя однимъ союзомъ съ Австрією. Ни германское правительство, ни сочувствующая ему печать, будто бы, не выказывали симпатій къ балтійскимъ нѣмцамъ и не вмѣшивались въ руссификацію; но за то правительство пользуется правомъ германизировать у себя дома и поступаетъ соотвѣтственно этому. Съ 1879 года сдѣланъ поворотъ въ сторону покровительственныхъ пошлинъ; но это—отвѣтъ на мѣры другихъ правительствъ и особенно Россіи. Тотъ же принципъ взаимности соблюдается относительно свободы передвиженія иностранцевъ, въ требованіи у нихъ паспортовъ и т. п. Мы замѣтили на это, съ своей стороны, что повальныя высылки русскихъ подданныхъ изъ Пруссіи не свидѣтельствовали объ особенномъ вниманіи къ Россіи и къ ея общественному мнѣнію, и что Германія не могла вмѣшиваться въ остзейскія дѣла по той простой причинѣ, что балтійскіе нѣмцы находятся въ русскомъ подданствѣ и не имѣютъ ничего общаго съ германской имперією... Дошло дѣло и до воспоминаній о Тургеневѣ, котораго въ редакціи знали, какъ друга Германіи; но и тотъ, послѣ 1870 года, былъ уже противъ нѣмцевъ, хотя и не высказывалъ этого прямо, въ бытность свою въ Берлинѣ. „А нѣмцы вполне искренно распространяли славу Тургенева и переводили его гораздо раньше, чѣмъ французы, Самъ Тургеневъ признавалъ, что своею широкою европейскою популярностью онъ обязанъ въ значительной мѣрѣ нѣмцамъ и поклонникамъ своимъ изъ ихъ среды. Послѣ 1870 года и это измѣнилось. А съ 1878 года раскрылись, въ области русско-нѣмецкихъ отношеній, такія „böse Sachen“, что пришлось заключить союзъ съ Австрією“.

Въ редакціи „Post“, какъ и въ редакціяхъ „National-Zeitung“ и „Berliner Tageblatt“, намъ приходилось доказывать, что русскія газеты довольно еще свободно высказываютъ свои частныя мнѣнія по вопросамъ „внѣшней“ политики, безъ всякаго давленія или положительнаго контроля со стороны правительства. Но постоянно приходилось выслушивать на это замѣчанія, что если извѣстныя воинственныя выходки разрѣшаются цензурою, то, значить, правительство одобряетъ ихъ и раздѣляетъ мнѣнія авторовъ. Главный редакторъ „National-Zeitung“, г. Дернбургъ, выслушалъ съ большимъ вниманіемъ наши объясненія о

несправедливости нѣмецкихъ обобщеній насчетъ русской вражды къ Германіи; я указалъ на враждебный тонъ значительной части нѣмецкой печати относительно Россіи, причемъ такія газеты, какъ „Kölnische Zeitung“, могутъ въ самомъ дѣлѣ считаться солидарными съ германскимъ правительствомъ. У насъ же никакой воинственности нѣтъ и быть не можетъ, при мирномъ характерѣ русскаго народа. Редакторъ согласился, что нѣкоторыя нѣмецкія газеты также во многомъ виноваты; но, по его мнѣнію, „русская официальная политика, вѣроятно, соответствуетъ настроенію русскихъ газетъ, потому что иначе и князь Бисмаркъ не сталъ бы дѣйствовать такъ, какъ онъ дѣйствуетъ теперь“. Въ редакція „Berliner Tageblatt“ также было замѣчено, что направленіе извѣстной части русской печати покрывается дѣйствіями официальной русской политики; хотя осталось неяснымъ, о какихъ именно дѣйствіяхъ нашей политики идетъ рѣчь. Главный редакторъ „Berliner Tageblatt“, д-ръ Артуръ Левизонъ, выказалъ предъ нами близкое знаніе русскихъ отношеній въ подробностяхъ и задавалъ вопросы по поводу такихъ фактовъ, которые намъ были даже вовсе неизвѣстны. „Berliner Tageblatt“—газета оппозиціонная, „свободомыслящая“, и она принадлежитъ къ числу наиболѣе распространенныхъ и популярныхъ въ Германіи.

Приведенныя мнѣнія трехъ главнѣйшихъ берлинскихъ редакцій составляютъ, конечно, отголосокъ общественнаго настроенія, которое выражается повсюду и въ частныхъ разговорахъ, и въ печати. Въ королевской бібліотекѣ одинъ старый чиновникъ, узнавъ нашу національность, первымъ дѣломъ замѣтилъ: „man schimpft bei euch über Deutschland“ (у васъ все ругаютъ Германію). Очевидно, здѣсь господствуетъ убѣжденіе, что въ Россіи почему-то ненавидятъ нѣмцевъ и грозятъ имъ безъ всякаго основанія. Здѣсь увѣрены, что Германія думаетъ только о сохраненіи мира, и что нѣмцы—безобиднѣйшій и миролюбивѣйшій народъ въ свѣтѣ; а въ Россіи и во Франціи неспокойные элементы стремятся къ войнѣ и къ расширенію территоріи. Очевидно, въ Берлинѣ не сознаютъ того громаднаго вреда, какой наносится Германіи и интересамъ общаго мира назойливымъ усердіемъ мнимо-патріотической нѣмецкой прессы, систематическою мелочною травлею французовъ, періодическими порывами къ новому и окончательному разгрому побѣжденной Франціи, явною неправотою нѣмцевъ въ послѣднихъ пограничныхъ столкновеніяхъ, въ дѣлахъ Шнебеле и Кауфмана. Нѣкоторая слѣпота, неумѣніе войти въ положеніе другого народа, непониманіе чужихъ національныхъ чувствъ и интересовъ, односторонность въ разсужденіяхъ,—все это характеристическія черты узко-понимаемаго патріотизма, свирѣпствующаго,

и прочемъ, теперь не въ одной Германіи и незамѣтно подрывающаго основы мирнаго развитія народовъ.

Значительная часть нѣмецкой печати, вѣрное подобіе которой мы имѣемъ и у себя, постоянно ударяетъ въ однѣ и тѣ же „патріотическія струны“, и дѣйствительно успѣла какъ будто извратить чувство справедливости у нѣмцевъ, по отношенію къ другимъ народамъ. Многие серьезные и искренніе люди жалуются на ненависть къ нимъ французовъ, какъ будто они ожидали еще признательности отъ недавно побитой и ежедневно высмѣиваемой ими „великой націи“. Десятки тысячъ нѣмцевъ, которымъ тѣсно у себя дома, ищутъ и находятъ себѣ заработокъ во Франціи; а когда изъ недавнихъ публикацій одного парижскаго торговаго дома оказалось, что продукты его имѣютъ сбытъ въ Германіи на 18 милліоновъ, то газета „Post“ сочла нужнымъ выразить свое негодованіе, взывая къ подъему нѣмецкаго патріотизма для избѣжанія покупки французскихъ издѣлій. Ни одна нѣмецкая фирма не дастъ у себя работы французу, безъ крайней въ томъ необходимости, и это считается вполне естественнымъ; но газеты возмущаются, когда во Франціи поступаютъ подобнымъ же образомъ относительно какого-нибудь нѣмца. Съ нѣкотораго времени и въ Англіи стали смотрѣть косо на чрезмѣрный наплывъ нѣмецкихъ выходцевъ; въ одномъ 1881 году ихъ прибыло въ Лондонъ 40.371 человекъ. Въ Лондонѣ насчитывается теперь около двухъ тысячъ нѣмецкихъ булочниковъ; особенно много нѣмцевъ между приказчиками и ремесленниками въ Англіи. Когда англійскія газеты указываютъ на неудобства этого нѣмецкаго нашествія, понижающаго заработки англійскихъ рабочихъ, то нѣмецкая пресса протестуетъ противъ такого, будто бы враждебнаго, отношенія къ нѣмцамъ; и та же пресса находитъ вполне правильнымъ и законнымъ совершенное удаленіе изъ предѣловъ Германіи десятковъ тысячъ иностранцевъ, чтобы предоставить болѣе простора нѣмецкому элементу. Требовать для себя полноправности въ чужихъ краяхъ и отказывать въ правахъ иноземцамъ въ своей собственной странѣ—по меньшей мѣрѣ, нелогично. Нѣмцы не могутъ теперь возражать противъ того принципа, который ими же установленъ и съ наибольшою энергіею поддерживается Пруссіею,—въ силу извѣстнаго правила: *patere legem quam ipse tulisti*. Но надобно сказать, что господствующее нынѣ направленіе прусской политики далеко не пользуется симпатіями большинства нѣмецкой интеллигенціи; это направленіе можетъ кореннымъ образомъ измѣниться въ каждую данную минуту, и тогда измѣнится, конечно, и тонъ нѣмецкой „патріотической“ печати.

Покидая Берлинъ, мы вынесли оттуда впечатлѣннѣе, что послѣ побѣды 1870 — 71 годовъ пруссаки не только не успокоились на лаврахъ, но быстро и послѣдовательно идутъ впередъ во всѣхъ областяхъ культурной, промышленной и политической жизни. Глядя на могучій, непрерывно продолжающійся, ростъ германской столицы, имѣющей уже теперь 1.398.000 населенія (по счету за октябрь 1887 года), мы невольно думали: этому трудолюбивому, аккуратному, такъ высоко цѣнящему науку и образованіе народу — можетъ предстоять еще большая роль въ будущемъ.

Несмотря на гнетъ колоссальныхъ вооруженій и военныхъ расходовъ, нѣмцы втрое меньше обременены налогами, чѣмъ французы; податное бремя распределено болѣе равномерно, чѣмъ у насъ, и не истощаетъ поэтому экономическихъ силъ населенія. Государственные финансы находятся въ образцовомъ порядкѣ; золото обращается свободно, въ равной цѣнѣ съ бумажными деньгами. Жизнь въ Берлинѣ гораздо дешевле, чѣмъ въ Петербургѣ; можно сказать, что марка (по нашему курсу 55 коп.) даетъ столько же средствъ въ жизни, какъ рубль въ Россіи. О промышленномъ развитіи современной Германіи можно получить понятіе изъ слѣдующихъ цифръ, заимствованныхъ нами изъ послѣднихъ официальныхъ изданій, за 1886 годъ. Въ 1885 году вывезено было товаровъ на 4.399.908.000 марокъ, привезено на 4.430.345.000; привозъ больше, чѣмъ вывозъ, на 30.437.000. Въ 1884 году привезено было на 4.932.738.000, а вывезено на 4.943 823.000; вывозъ больше на 11.085.000. Привезено сырыхъ матеріаловъ для переработки на 35½ милл., и эти же продукты въ переработанномъ видѣ вывезены обратно уже на сумму 61 милл., такъ что цѣнность ихъ увеличена въ странѣ на 25 милліоновъ. Въ королевствѣ Пруссіи считается рабочихъ, занятыхъ въ крупной промышленности, 1.703.983 чел., а въ мелкой — 1.471.336; во всей имперіи — 2.851.811 рабочихъ въ крупныхъ промыслахъ, и 2.576.092 — въ мелкихъ. Общее число занятыхъ наемныхъ рабочихъ въ имперіи — 5.427.903; самостоятельныхъ кустарныхъ работниковъ всего — 194.801 <sup>1)</sup>. Для улучшенія быта рабочаго класса нигдѣ не сдѣлано и не дѣлается такъ много, какъ въ Германіи; въ настоящее время выработанъ законопроектъ объ обезпеченіи рабочихъ въ старости и въ случаяхъ утраты способности къ труду — одна изъ наиболѣе существенныхъ мѣръ въ послѣдовательномъ ряду новѣйшихъ реформъ въ сферѣ германскаго рабочаго законодательства.

<sup>1)</sup> Statistik des deutschen Reiches, Berl., 1886, Bd. 7, Abschn. II, n Bd. 19.

Больное мѣсто Германіи—Эльзась-Лотарингія. Въ послѣднее время столько говорилось о крутыхъ способахъ германизациі края и о недовольствѣ мѣстнаго населеніи, что намъ было интересно посѣтить эту страну и познакомиться на мѣстѣ съ системою нѣмецкаго управленія въ завоеванныхъ провинціяхъ, стоявшихъ потоковъ крови двумъ сосѣднимъ народамъ. Мы выбрали путь изъ Берлина въ Парижъ на Страсбургъ. Великолѣпный вокзалъ, устроенный съ обычнымъ комфортомъ и просторомъ, явился предъ нами какъ первое свидѣтельство германскаго владычества; онъ воздвигнуть въ Страсбургъ, также какъ и окрестные новые дома, на мѣстѣ, гдѣ прежде былъ крѣпостной валъ и гдѣ никакихъ построекъ не было. Въ большой залѣ вокзала, наверху, съ одной стороны, картина, изображающая сдачу города „суровому“ французскому побѣдителю, а съ другой—изображеніе приѣма императора Вильгельма городскими обывателями и дѣвицами, подносящими ему букеты. Странная идиллія!

Страсбургъ—довольно живописный, тихій городъ; на улицахъ не замѣтно особеннаго движенія. Больше жизни и шума оказалось въ старой центральной части города. Издали еще виденъ величественный соборъ, начатый постройкой еще въ XI вѣкѣ; красивыя, уходящія вдаль колоннады придаютъ ему остроконечный видъ, и куполъ возносится точно прямо къ небу. Фигуры королей и святыхъ, барельефы, знаменитые часы, терраса,—все это описывалось много разъ, но никакое описаніе не передастъ непосредственнаго личнаго впечатлѣнія. Внутри храма—таинственный полусвѣтъ, на фонѣ котораго ярко блестятъ освѣщенные иконы и изображенія. На вечернемъ богослуженіи отдаленное, глухое дѣніе и мелодическая игра органа производятъ чарующее дѣйствіе. Соборъ сильно пострадалъ отъ бомбардировки 1870 года, такъ что куполъ погнулся и терраса была разрушена; теперь все приведено въ прежній видъ, и это исправленіе обошлось въ 1½ милліона франковъ, которые уплачены были Пруссіею въ видѣ вознагражденія городу за военныя поврежденія. Въ сосѣдней лавчонкѣ показываютъ громадныя, тяжеловѣсные снаряды, пущенные въ соборъ прусскою артиллеріею и старательно хранимые до сихъ поръ, какъ историческая достопримѣчательность. Тутъ же на соборной площади, на углу—древнѣйшій домъ Страсбурга, совершенно почернѣвшій, построенный изъ дерева съ рѣзбою болѣе 900 лѣтъ тому назадъ. Недалеко, на одной изъ улицъ—такая же старинная, ветхая капелла, пережившая много поколѣній и много франко-германскихъ споровъ. Военные мундиры, цѣлыми отрядами и въ одиночку, встрѣчаются на каждомъ шагу. Мѣстные жители говорятъ, большею частью, на какомъ-то смѣшанномъ нарѣччіи, похожемъ на ломаный нѣмецкій языкъ; французскіе

разговоры я слышалъ только среди лицъ, принадлежащихъ очевидно къ высшему классу населенія. На стѣнахъ домовъ расклеены афиши о нѣмецкихъ спектакляхъ въ мѣстномъ театрѣ и объявленія отъ „союза народнаго образованія“, о цѣломъ рядѣ публичныхъ и бесплатныхъ лекцій общеобразовательнаго характера.—Обычное средство германизациі.

Одинъ изъ почтенныхъ дѣятелей края, г. Ф., къ которому мы получили рекомендацію изъ Берлина, далъ намъ съ большою любезностію нѣкоторыя свѣденія о положеніи дѣлъ въ Эльзасъ-Лотарингіи. По его словамъ, въ краѣ совершенно спокойно, и во время недавнихъ пограничныхъ „инцидентовъ“ не было здѣсь и тѣни того возбужденія, которое можно было предполагать, судя по газетнымъ статьямъ. Правительство устроило въ Страсбургѣ университетъ, вмѣсто прежняго военно-медицинскаго училища; студентовъ числится теперь около тысячи, и изъ нихъ большинство, почти три четверти всего числа—мѣстные уроженцы. Профессора выбраны хорошіе, и программа преподаванія—обширная; только жизнь дорога, и при обилии провинціальныхъ университетовъ въ Германіи, Страсбургъ не можетъ особенно привлекать на учащихся, ни учащихся. Въ краѣ, какъ и вездѣ въ имперіи, посѣщеніе школъ обязательно для дѣтей извѣстнаго возраста; эльзасцы, особенно поселяне, на первыхъ порахъ протестовали противъ принудительной системы образованія (Schulzwang), такъ какъ они употребляли дѣтей для домашнихъ работъ, но потомъ привыкли и примирились съ новымъ порядкомъ вещей. Правительство нисколько не стѣсняетъ употребленія французскаго языка и вообще не принимаетъ никакихъ репрессивныхъ мѣръ (и дѣйствительно, я видѣлъ на улицахъ много французскихъ вывѣсокъ, безъ перевода на нѣмецкій языкъ). Нѣмцы поддерживаютъ мирныя и часто дружескія отношенія съ дѣятелями оппозиціи, отправляются вмѣстѣ съ туземными помѣщиками на охоту, причемъ роль погонщиковъ исполняютъ, большею частью, французы. Тотъ самый лѣсной чиновникъ, въ районѣ котораго солдатъ Кауфманъ убилъ французскаго охотника, имѣетъ у себя на службѣ около 150 французскихъ рабочихъ. Никто здѣсь не думаетъ о войнѣ и не хочетъ ея; газеты больше шумѣли, чѣмъ замѣтно было на мѣстѣ. „Но будь что будетъ, а война рано или поздно неизбежна,—по мнѣнію моего собесѣдника, г. Ф.,—и именно въ виду возрастающаго возбужденія французовъ; нѣмцы должны быть ко всему приготовлены. Французы, однако, не такъ легко рѣшатся на этотъ разъ; они пока воинственны только на словахъ“. Эльзасцы, — продолжалъ онъ, — народъ аккуратный и исполнительный; ни о какихъ протестахъ противъ германской власти нѣтъ у нихъ и помину, и воинская повинность отбывается



ими даже съ большею добросовѣстностью, чѣмъ въ самой Пруссіи: здѣсь меньше уклоненій отъ рекрутчины, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Германіи. Страсбургъ—городъ богатый и имѣетъ много благотворительныхъ учрежденій, такъ что нищихъ не должно быть совсѣмъ. Не мало здѣсь людей съ большими средствами и даже милліонеровъ; но предприимчивости у нихъ никакой: просто копятъ деньги. Всѣ почти крупныя промышленныя предпріятія находятся въ рукахъ пришлыхъ нѣмцевъ. Лотарингцы — болѣе торговый, дѣловой народъ; они уже говорятъ по-французски и въ самомъ дѣлѣ принадлежатъ къ французской національности. Эльзасъ-Лотарингія, какъ имперская область, зависитъ непосредственно отъ имперіи, а не отъ Пруссіи, и газетные слухи о присоединеніи ея къ прусскому королевству не имѣютъ ни малѣйшаго основанія. Пруссія не обнаруживаетъ никакого намѣренія поглотить въ себя отдѣльныя нѣмецкія государства и области, имѣющія свое самостоятельное устройство, такъ какъ она на опытѣ убѣдилась въ пользѣ и необходимости децентрализаціи. Доходовъ отъ края не имѣетъ ни имперія, ни Пруссія, да въ Берлинѣ и не желаютъ ихъ. Между прочимъ, г. Ф. сообщилъ мнѣ, что въ Страсбургѣ насчитывается до 120 различныхъ общеобразовательныхъ союзовъ или „ферейновъ“.

Такъ смотреть сами нѣмцы на свое положеніе въ Эльзасѣ; вѣрнѣ ли такой взглядъ, или ошибочнѣ, — это другой вопросъ; но и ихъ противники должны признать, что обязательное посѣщеніе школъ, университетъ, многочисленныя „ферейны“, публичныя чтенія по предметамъ науки и литературы, спектакли и, наконецъ, строгое, но все же сколько-нибудь разумное и добросовѣстное управленіе, содѣйствующее такъ или иначе культурному и матеріальному развитію края и избѣгающее ненужнаго раздраженія жителей,—все это составляетъ главные способы, которыми неуклонно производится германизація Эльзасъ-Лотарингіи. Едва ли можно думать, что внутренній миръ въ Эльзасѣ вполне достигнутъ при помощи всѣхъ тѣхъ мѣръ, но, съ другой стороны, если такой миръ будетъ когда-нибудь достигнутъ, то онъ можетъ быть достигнутъ не иначе, какъ такими мѣрами...

Л. С.



---

## ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го декабря 1887.

*Вилюйскій округъ Якутской области. Р. Маакъ.* Часть I. Изданіе второе. Спб. 1883. Часть II. Изданіе первое. Спб. 1886. Часть III. Изданіе первое. Спб. 1887. 4°, съ многочисленными рисунками, картами, планами и таблицами.

Первыя завоеванія въ Сибири, начавшіяся съ конца XVI вѣка были вмѣстѣ и географическими открытіями, которыя, однако, вошли въ научное знаніе лишь тогда, когда у насъ самихъ началась наука, т.-е. съ Петровскихъ временъ. Эти эмпирическія открытія идутъ съ перваго утвержденія русскихъ въ западной Сибири, но цѣлью ихъ были только розыски все новыхъ земель и новыхъ инородцевъ, которые могли бы быть покорены и обложены ясакомъ. Такимъ образомъ, русская власть и русская колонизація уже въ XVII вѣкѣ достигли до границъ Китая и до Охотскаго моря. Государству не было особенной надобности раздвигать такъ далеко свои политическіе предѣлы, но завоеваніе дѣлалось само собою: сибирскими жителями, козаками, руководило исканіе новыхъ прибыльныхъ мѣстъ и до значительной степени искательство приключеній, унаслѣдованное отъ предковъ—старыхъ „гулящихъ людей“. Въ XVII вѣкѣ уже дѣлались попытки положить новыя земли на „чертежъ“: карты составлялись тогда, конечно, на глазомѣрѣ, по памяти, и многое въ нихъ оказалось потомъ весьма ошибочнымъ. Предпримчивость была велика и тѣ же козаки сдѣлали первое морское путешествіе по сѣвернымъ берегамъ Сибири. Съ XVIII-го вѣка это эмпирическое изслѣдованіе Сибири смѣняется или дополняется научнымъ: таковы были со временъ Петра Великаго работы его „геодезистовъ“ и ученыхъ, которые дѣлають впервые правильныя географическія опредѣленія, изучаютъ страну въ естественно-научномъ отношеніи, собираютъ свѣденія объ исторіи и древностяхъ Сибири и т. д. Начиная съ Мессершмидта при Петрѣ Великомъ, идетъ длинный рядъ путешественниковъ и изслѣ-

дователей русских и нѣмцевъ—какъ Крашенинниковъ, Миллеръ, Фишеръ, Палласъ, Геденштромъ, Сиверсъ, Семивскій и т. д., до новѣйшихъ изыскателей, какъ Миддендорфъ, Радде, Чекановскій, Маакъ и пр., и пр. Страна такъ громадна, что ее до сихъ поръ далеко не осилили ученые путешествія, предпринимавшіяся въ разныхъ направленіяхъ и съ разными задачами. Наибольшее число предпріятій подобнаго рода относится къ послѣднимъ десятилѣтіямъ, когда этими вопросами была заинтересована Академія Наукъ и особливо Географическое Общество, которое уже вскорѣ послѣ своего основанія открыло свои сибирскіе отдѣлы.

Къ дѣятельности сибирскаго отдѣла принадлежатъ и труды одного изъ замѣчательнѣйшихъ изслѣдователей Сибири, недавно умершаго Р. К. Маака. Путешествіе, описанію котораго посвящены три большихъ тома настоящаго изданія, было его первымъ трудомъ на этомъ поприщѣ (1854); въ печати описаніе его является послѣднимъ—потому что этотъ трудъ задержанъ былъ другими научными предпріятіями. Вслѣдъ за путешествіемъ въ Вилюйскій округъ, Мааку поручена была экспедиція на Амуръ и изданіе новой книги отвлекло его отъ довершенія перваго труда; за „Путешествіемъ на Амуръ“ (1859) слѣдовало „Путешествіе по долинѣ рѣки Уссури“ (два тома, 1862); затѣмъ въ 1864 году была обработана имъ Енисейская губернія въ извѣстномъ изданіи министерства внутреннихъ дѣлъ: „Списки населенныхъ мѣстъ, по свѣденіямъ 1859 года“. Послѣднимъ крупнымъ трудомъ его въ печати является теперь описаніе его первой и едва ли не самой трудной экспедиціи, совершенной въ теченіе 1854 года въ дикую и пустынную страну, составляющую Вилюйскій округъ Якутской области. Замедленіе изданія не только не повредило, но помогло достоинству труда: авторъ имѣлъ возможность прибавить къ собственному матеріалу свѣденія, собранныя другими, напр. обильныя метеорологическія показанія, записанныя въ послѣдующіе годы въ разныхъ мѣстахъ страны. Описаніе экспедиціи составило три обширныхъ тома: первый, послѣ краткаго указанія маршрута экспедиціи, занятъ массой метеорологическихъ таблицъ (съ 1850 до 1870 годовъ) и рядомъ отдѣльныхъ изслѣдованій о разныхъ климатическихъ явленіяхъ изслѣдуемаго края; второй томъ заключаетъ подробное описаніе поѣздовъ Маака до крайнихъ сѣверныхъ пунктовъ Вилюйскаго округа и обратно, съ подробными указаніями топографіи и естественно-историческихъ особенностей страны, и затѣмъ обширный спеціальныи матеріалъ для изученія флоры, фауны, геологіи и минералогіи края; третій томъ занятъ изслѣдованіями этнографическими, съ любопытнѣйшими замѣчаніями о внѣшнемъ бытѣ, преданіяхъ, обычаяхъ, промыслахъ и т. д. туземнаго населенія. Изслѣдованія, сколько можно

судить по обширности матеріала (особливо естественно историческаго), ведены съ величайшею заботливостью, изложеніе сопровождается большимъ числомъ картъ, рисунковъ, плановъ и т. п.; въ приложеніяхъ ко второму тому помѣщены обзоры маршрутовъ вилуйской экспедиціи, карты, планы, азбучные указатели географическихъ пунктовъ по рѣкамъ, ботаническіе словари—якутскій и тунгузскій и, между прочимъ, любопытные образчики мѣстныхъ особенностей русскаго языка у жителей якутской области,—особенности, которыя встрѣчаются, въ различной степени, вообще въ народномъ сибирскомъ языкѣ и еще ждутъ своего изслѣдователя: для насъ онѣ кажутся часто очень странными.

Оцѣнка изслѣдованій Маака по географіи и естественной исторіи описываемаго края принадлежитъ специалистамъ; но многое въ этомъ путешествіи вполне доступно и обыкновенному читателю, какъ весь рассказъ о путешествіи и весь этнографическій отдѣлъ книги. Въ цѣломъ, путешествіе Маака является научнымъ предпріятіемъ, внушающимъ великое уваженіе къ человѣку, который положилъ столько самоотверженныхъ усилій на пользу науки. Читая этотъ рассказъ, невольно изумляешься необыкновенной энергіи, съ какою путешественникъ дѣлалъ свои изслѣдованія среди величайшихъ трудностей, поставляемыхъ природой и климатомъ. Путешествіе по сѣверу Сибири принадлежитъ, конечно, къ самымъ мудренымъ и опаснымъ, какія можетъ представить нашъ земной шаръ: надо представить себѣ необозримую суровую пустыню, безъ человѣческаго жилья на сотняхъ верстъ, при страшной температурѣ сѣверной зимы, чтобы оцѣнить самоотверженіе ученаго, который, буквально рискуя собственною жизнью, пускался въ этотъ страшный путь. Маакъ могъ воспользоваться только двумя-тремя мѣсяцами теплаго времени, а затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ странствовалъ среди лютой зимы, долго оставаясь безъ всякаго пристанища, проводя ночи подъ открытымъ небомъ и рискуя замерзнуть. Къ сожалѣнію, Маакъ сообщаетъ мало подробностей о самомъ способѣ путешествія и дорожной жизни, какъ онъ и его спутники могли уцѣлѣть во время ихъ долгаго перехода зимой отъ сѣверныхъ окраинъ Вилуйскаго округа до того пункта, гдѣ должны были дожидаться ихъ высланные имъ на встрѣчу якуты съ сѣвными припасами; якуты дожидались ихъ два мѣсяца и были очень изумлены, когда путешественники, наконецъ, явились; ихъ считали уже погибшими. Обратный путь съ сѣверной точки экспедиціи (68°, 15' сѣв. шир.) начался съ половины сентября, и только 25-го декабря экспедиція нашла якутовъ, высланныхъ къ ней на встрѣчу. Все это время путешественники были предоставлены самимъ себѣ, не встрѣчая человѣческаго жилья; холодъ все увеличивался,

припасы уменьшались; они ожидали встрѣтить къ югу если не какое-нибудь жилие, то, по крайней мѣрѣ, бродячихъ тунгусовъ, которые иногда заходятъ сюда для охоты и у которыхъ можно было бы купить нѣсколько оленей и юрту, но ожиданія были тщетны. Между тѣмъ, — рассказываетъ Маакъ, — морозы становились все сильнѣе и начали уже принимать чудовищные размѣры: отъ холоду разрывались стволы толстыхъ деревьевъ, земля давала трещины, нѣсколько влажное дерево становилось несравненно тверже желѣза и топоръ не рубилъ его, а самъ при ударѣ разлетался въ дребезги, какъ стекло; ртуть въ термометрахъ давно застыла и производить какія-либо работы было, положительно, физически невозможно. Къ тому же какаѣ-то сырость воздуха дѣлала стужу еще болѣе невыносимой; замерзшіе пары наполняли воздухъ, какъ мушкаррой, мелкими иглами, что все вмѣстѣ при малѣйшемъ вѣтрѣ становилось, по истинѣ, убійственно нестерпимымъ.

„Но что значать эти описанія! Они блѣдны, слишкомъ блѣдны въ сравненіи съ дѣйствительностью. Холодная дрожь пробѣгаетъ по тѣлу, кровь цѣпенѣетъ въ жилахъ при одномъ воспоминаніи. Я уже сказалъ, что мы не могли достать себѣ юрту, и потому дни и ночи проводили подъ открытымъ небомъ, и я увѣренъ, что каждый изъ насъ, смыкая отъ усталости очи, не надѣялся уже болѣе открыть ихъ. Къ тому же у насъ стали ощущаться и недостатки въ провизіи, а путь предстоялъ еще дальній. Ступая въ глубокомъ снѣгу, мы дѣлали лишь отъ десяти до пятнадцати верстъ въ сутки. Но здѣсь еще разъ съ полнымъ триумфомъ оказалась столь часто испытанная стойкость человѣческой природы въ борьбѣ за существованіе. Мы преодолѣли и эти трудности, казавшіяся непреодолимыми. Оволо двадцатыхъ чиселъ декабря мы наткнулись, наконецъ, въ снѣгу на слѣды людей и тутъ только вздохнули свободно. Мы тотчасъ поняли, что то были слѣды чонскихъ якутовъ, которые охотятся по этимъ гѣсистымъ равнинамъ за бѣлками и другимъ пушнымъ звѣремъ. Двадцать-пятого декабря мы благополучно прибыли къ устьямъ рѣки Чоны и нашли здѣсь давно уже ожидавшихъ насъ якутовъ, пришедшихъ съ провизіей и одеждой изъ г. Вилуйска, какъ мы предварительно распорядились“.

Путешествіе не обошлось даромъ. Чрезмѣрныя усилія, какихъ оно потребовало, отразилось на здоровьѣ спутниковъ Маака: онъ выдержалъ трудности пути, но спутники его, по словамъ его, сошли въ преждевременную могилу.

Для специалистовъ книга Маака даетъ массу, вѣроятно, новаго естественно-научнаго матеріала; но и читатель не-натуралистъ, какъ мы сказали, найдетъ здѣсь много любопытныхъ описаній столь трудно

доступной природы крайняго сѣвера и быта обитающихъ тамъ племенъ. Таковъ подробный рассказъ о странствіяхъ экспедиціи во 2-мъ томѣ,—и между прочимъ изображеніе Якутска и тамошняго русскаго быта. Таковъ весь 3-й томъ, посвященный описанію этнографическому: здѣсь сообщены свѣденія о составѣ и распредѣленіи населенія Вилюйскаго округа; о жилищахъ, одеждѣ, пищѣ якутовъ; о наружномъ типѣ, семейномъ бытѣ, преданьяхъ, обычаяхъ, языкѣ; пригеснены образчики народнаго якутскаго творчества; описываются промыслы жителей, даны свѣденія о торговыхъ оборотахъ Вилюйскаго округа, и т. д. Маакъ замѣчаетъ (т. III, стр. 121), что собраніе этнографическихъ свѣденій не входило вовсе въ программу, данную экспедиціи, и дѣлалось имъ и спутниками его по доброй волѣ; этнографическій интересъ былъ бы понятенъ самъ по себѣ, особливо когда путешественники попали въ такую далекую, немногимъ изслѣдователямъ доступную страну,—но особую причину, побуждавшую ихъ къ этому, Маакъ указываетъ въ слѣдующемъ: „Статистическія данныя яснѣе всего указываютъ намъ ассимиляціонную силу якутскаго народа, которая такъ велика, что якуты отъ конца прошлаго столѣтія, несмотря на неблагоприятныя условія, въ которыхъ находился если не весь народъ, то по крайней мѣрѣ большая часть всего якутскаго населенія якутской области, умножились слишкомъ вдвое (съ 50 тысячъ до ста). Ассимиляціонная сила якутовъ простирается и на русскихъ, которые оякучиваются очень легко, что ясно замѣчается не только тамъ, гдѣ число якутовъ преобладаетъ надъ численностью русскихъ, но и тамъ, гдѣ главная масса народонаселенія—русскіе, напр., въ городѣ Якутскѣ, въ которомъ не только всѣ родившіеся въ городѣ русскіе говорятъ по-якутски, но даже пріѣзжіе выучиваются этому языку“. Въ другомъ мѣстѣ (т. II, стр. 56) Маакъ замѣчаетъ: „всѣ обыватели Якутска говорятъ по-якутски, и многіе путешественники до меня обращали вниманіе на то обстоятельство, что здѣсь якутскій языкъ замѣняетъ собою, до нѣкоторой степени, французскій“ (1). Онъ указываетъ стараго путешественника, знаменитаго Миллера, и новѣйшаго—Миддендорфа.

Какъ мы сказали, Маакъ, обработывая уже много времени спустя матеріалъ своей экспедиціи, имѣлъ возможность воспользоваться и болѣе новыми данными, какія были собраны другими. Естественно могли оказаться нѣкоторыя разнорѣчія; онъ самъ указываетъ, напр., разнорѣчія въ географическихъ названіяхъ, какъ онѣ были записаны разными лицами со словъ туземцевъ: такія разнорѣчія мы и встрѣчали въ рассказѣ Маака и въ позднѣе составленной картѣ (т. II); но есть разнорѣчія въ самыхъ географическихъ показаніяхъ, напр., по тексту Маака (II, стр. 22) „*стше* устья Дзигуйки въ Ви-

лѣй впадаетъ рѣка Чона“, — между тѣмъ на картѣ она впадаетъ ниже, и т. п.

Описаніе Вилюйской экспедиціи замедлилось, какъ мы упоминали, на много лѣтъ. Въ предисловіи къ 1-му тому, Маакъ объясняетъ, что дѣло затянулось исполненіемъ двухъ новыхъ, порученныхъ ему, экспедицій—на Амуръ и въ долину рѣки Уссури, и продолжаетъ: „между тѣмъ, въ конецъ разстроенное здоровье мое, неизлѣчимые мучительные недуги, приобретенные мною въ этихъ странствованіяхъ на холодномъ сѣверѣ и далекомъ востоцѣ,—въ странствованіяхъ, полныхъ лишений и трудовъ, все это требовало отдыха, отдыха физическаго и нравственнаго! Я не могу не упомянуть здѣсь, что всѣ почти лица, принимавшія участіе въ моей сѣверной экспедиціи, пали, ставъ ея жертвами, и если я, по прихоти судьбы, остался въ живыхъ, то во всякомъ случаѣ не невредимымъ!..

Наконецъ, въ семидесятыхъ годахъ Маакъ приступилъ къ изданію трудовъ Вилюйской экспедиціи на средства восточно-сибирскаго Отдѣла Геогр. Общества; первый томъ вышелъ изъ печати, когда пожаръ истребилъ помѣщеніе Отдѣла, а съ нимъ и складъ изданія, изъ котораго уцѣлѣло лишь нѣсколько разосланныхъ раньше экземпляровъ. Потому первый томъ является теперь во второмъ изданіи. Авторъ не успѣлъ довершить печатанія своего труда; 3-й томъ изданъ уже по смерти Маака.

Въ печати намъ не встрѣчалось біографическихъ свѣденій объ этомъ заслуженномъ изслѣдователѣ окраинъ Восточной Сибири, и потому неизлишне сообщить здѣсь нѣсколько фактовъ. Ричардъ Карловичъ Маакъ родился 23-го августа 1825 г. въ Аренбургѣ, на о. Эзелѣ. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ тамошнемъ уѣздномъ училищѣ, потомъ въ петербургской Ларинской гимназій и въ петербургскомъ университетѣ, по факультету естественныхъ наукъ. Въ іюнѣ 1852 г. онъ опредѣлился на службу въ главное управленіе Восточной Сибири и назначенъ былъ старшимъ учителемъ естественныхъ наукъ въ иркутскую гимназію. Въ качествѣ члена-сотрудника сибирскаго отдѣла Географическаго Общества — онъ исполнилъ, съ начала 1854 до конца февраля 1855 гт., ту экспедицію въ Вилюйскій округъ, описаніе которой составило его послѣдній ученый трудъ. Тотчасъ по окончаніи этой экспедиціи, съ апрѣля 1855 по январь 1856 г. онъ исполнялъ другое порученіе—изслѣдованіе только-что приобретеннаго тогда Амурскаго края; въ маѣ 1856 г. онъ отправился въ Петербургъ для приведенія въ порядокъ научныхъ матеріаловъ амурской экспедиціи и для изданія своего труда. Въ февралѣ 1859 г., ему было дано новое порученіе—изслѣдованіе долины рѣки Уссури, гдѣ онъ находился по мартъ 1860 г. и снова поѣхалъ

въ Петербургъ для печатанія своей книги, и здѣсь временно причисленъ былъ въ министерству внутреннихъ дѣлъ для занятій въ центральномъ статистическомъ комитетѣ. Въ 1865 г. онъ назначенъ былъ директоромъ училищъ Иркутской губерніи, а затѣмъ въ 1868 г. главнымъ инспекторомъ училищъ Восточной Сибири. Въ 1879 г., по выслугѣ собственно учебнаго пенсіоннаго срока, Маакъ оставилъ свою службу въ Сибири и въ концѣ того же года назначенъ былъ членомъ совѣта въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Онъ умеръ 13-го ноября 1886 года.

— *Пушкинъ*, его лицейскіе товарищи и наставники. Нѣсколько статей *Я. Грота*, съ присоединеніемъ другихъ матеріаловъ. Спб., 1887.

Литература о Пушкинѣ продолжаетъ разрастаться, но почти исключительно она состоитъ изъ мелкихъ статей, частныхъ изслѣдованій по отдѣльнымъ пунктамъ его дѣятельности, изъ отрывочныхъ матеріаловъ, и т. п. Приятно поэтому встрѣтить такую цѣльную и довольно обширную книгу (320 стр.), какъ новое изданіе г. Грота. Правда, книга состоитъ, на гораздо большую долю, изъ статей уже напечатанныхъ; но эти статьи разбѣяны были на пространствѣ многихъ лѣтъ въ различныхъ изданіяхъ, такъ что, вѣроятно, лишь немногіе любители Пушкина имѣютъ ихъ сполна; а кромѣ того, собравши ихъ въ цѣлое, авторъ отчасти переработалъ ихъ, отчасти дополнилъ матеріалами, еще не появлявшимися въ печати. Какъ видно по заглавію, книга посвящена въ особенности лицейскому періоду жизни Пушкина, — и этотъ періодъ нигдѣмъ не былъ изученъ такъ внимательно, какъ изучалъ его г. Гротъ; кромѣ того помѣщены здѣсь статьи, касающіяся другихъ предметовъ въ біографіи и произведеніяхъ Пушкина. Г. Гротъ самъ былъ — въ болѣе позднюю пору — воспитанникомъ того же лица; до него еще доходили преданія о лицей Пушкинскихъ временъ; онъ давно дорожилъ этими преданіями и старательно собиралъ ихъ; зналъ многихъ современниковъ и со товарищей Пушкина, видалъ (хотя, кажется, только случайно) самого Пушкина; съ нѣкоторыми изъ товарищей Пушкина онъ, впоследствии, былъ даже очень близокъ, напр. съ барономъ (послѣ графомъ) Корфомъ: всѣ эти обстоятельства дали г. Гроту возможность быть особливо точнымъ историкомъ лица временъ Пушкина. Въ настоящей книгѣ относится сюда нѣсколько болѣе или менѣе обширныхъ статей: „Пушкинъ въ царскосельскомъ лицей“; „Царскосельскій лицей“; „Письма лиценста Илличевского къ Фуссу“; „Старина царскосельскаго лица — Свѣденія о нѣкоторыхъ лице-



истахъ 1-го курса“ (Малиновскій и Вальховскій; Матюшкинъ; лицейскія годовщины; графъ Корфъ; учитель французскаго языка Де-Будри; литературное общество въ лицей при Энгельгардтѣ). Въ приложенияхъ къ этой лицейской исторіи помѣщены воспоминанія о Пушкинѣ двухъ лицейскихъ его товарищей, Комовскаго и барона Корфа. Первая изъ этихъ записокъ, очень краткая, составлена была въ 1851 г. вслѣдствіе запросовъ покойнаго Анненкова, приступавшаго тогда къ своему труду надъ Пушкинымъ, и онъ воспользовался ею въ своихъ „Материалахъ“; вторая написана была въ 1854 году и вызвана была біографическими статьями о Пушкинѣ г. Бартенева. Отрывки изъ записки барона Корфа, касающіеся Пушкина, приведены были въ статьѣ князя П. П. Вяземскаго (въ газетѣ „Берегъ“, 1880) и повторены потомъ въ сборникѣ г. Бартенева; здѣсь она является цѣлкомъ. Одинъ экземпляръ записки барона Корфа былъ сообщенъ самимъ авторомъ для храненія въ Чертковскую бібліотеку, въ Москвѣ; другой списокъ переданъ былъ имъ въ 1874 году г. Гроту въ его полное распоряженіе. Записка барона Корфа относится къ Пушкину очень недружелюбно; при всемъ великомъ почтеніи къ ея автору г. Гротъ замѣчаетъ, что „характеристики лицейскихъ товарищей и наставниковъ (у бар. Корфа) весьма замѣчательны, хотя къ сожалѣнію и не всегда согласны съ тѣмъ безпристрастнымъ отношеніемъ къ прошлому, какового мы были бы въ правѣ ожидать отъ одного изъ просвѣщеннѣйшихъ лицъ своего времени“. Г. Гротъ счелъ нужнымъ, однако, напечатать записку вполнѣ. „Строгость сужденій гр. Корфа о Пушкинѣ,—говоритъ онъ (стр. 254, прим.)—о его родныхъ и нѣкоторыхъ изъ первоначальныхъ наставниковъ лицея не можетъ въ настоящее время служить препятствіемъ къ обнародованію этой записки, такъ какъ самыя рѣзкія мѣста ея, особенно касающіяся именно нашего поэта и близкихъ къ нему лицъ, уже не разъ появлялись въ печати. Ранѣе или позже она должна была сдѣлаться извѣстною во всемъ своемъ объемѣ. Невключеніе ея въ настоящій сборникъ имѣло бы видъ слѣпнаго пристрастія къ памяти поэта и къ мѣсту его воспитанія. Здѣсь же приговорамъ автора противопоставляются сочувственные отзывы, разбѣянные на страницахъ предлагаемаго труда“. Сохраненіе записки барона Корфа въ ея цѣломъ составѣ было, безъ сомнѣнія, желательнымъ; г. Гротъ не объясняетъ источника его недружелюбнаго, даже враждебнаго отношенія къ Пушкину, — возможно, что начало этой враждебности восходитъ еще ко времени ихъ лицейскаго товарищества; кромѣ того это были два совершенно непохожіе личные характера; наконецъ, на отзывахъ барона Корфа отразилось, вѣроятно, и то правительственное настроеніе, какое господствовало относительно лите-

ратуры особливо въ послѣдніе годы Николаевскаго царствованія (когда именно и составлялась записка) и какому послужилъ тогда самъ баронъ Корфъ. Въ числѣ другихъ новыхъ приложений г. Гротъ помѣстилъ любопытное письмо кн. Е. Н. Мещерской (дочери Карамзина): это—трогательный разсказъ о послѣднихъ минутахъ Пушкина, гдѣ снова говорится о безсердечной враждѣ къ нему со стороны известной части тогдашняго большого свѣта.

Кромѣ матеріаловъ о лицейской порѣ Пушкина, въ книгѣ г. Грота собрано еще нѣсколько интересныхъ историческихъ замѣтокъ объ его біографіи и сочиненіяхъ и о сооруженіи намятника Пушкину. Для будущаго біографа и вообще для внимательнаго читателя Пушкина будетъ весьма полезна „Хронологическая канва для біографіи Пушкина“, составленная большею частью на основаніи первыхъ источниковъ, и потому весьма точная: авторъ оговаривается относительно возможной неточности тѣхъ данныхъ, которыя были взяты не изъ подлинныхъ документовъ, и которыя могутъ быть удостовѣрены или исправлены другими, это будетъ имѣть въ рукахъ эти документы.

---

— *Бумажки В. А. Жуковскаго*, поступившія въ Импер. Публичную Библиотеку въ 1884 году. Разобраны и описаны Иваномъ Бычковымъ. Спб. 1887.

Эта книга, въ двѣсти страницъ въ большую осьмушку, заключаетъ матеріалъ, безъ котораго не можетъ обойтись въ будущемъ изданіи Жуковскаго и его біографія. Трудъ г. И. А. Бычкова, составляющій особый оттискъ изъ невышедшаго еще Отчета Публичной Библиотеки за 1884 годъ, представляетъ чрезвычайно обстоятельный обзоръ бумагъ Жуковскаго, принесенныхъ въ даръ Публичной Библиотеки сыномъ знаменитаго поэта, П. В. Жуковскимъ. Эти многочисленные бумаги распадаются на нѣсколько отдѣловъ и описаны въ слѣдующемъ порядкѣ: а) матеріалы для автобіографіи поэта и его путевые дневники; б) сочиненія и переводы, въ стихахъ и прозѣ; в) нѣсколько бумагъ, касающихся литературнаго общества „Арзамасъ“; г) бумаги, относящіяся до самообразования Жуковскаго, и д) педагогическія его работы. Для біографіи Жуковскаго будетъ имѣть значеніе рядъ его дневниковъ, веденныхъ въ Россіи и за границей; и хотя они часто состоятъ изъ самыхъ краткихъ замѣтокъ для памяти, но есть и любопытныя біографическія данныя, наброски стихотвореній, хронологическія указанія, важныя для будущей редакціи его сочиненій. Въ бумагахъ нашлись пьесы, которыя хотя были нѣкогда напечатаны, но не вошли въ собраніе его сочиненій; есть также не мало набросковъ и оконченныхъ стихотвореній, до

сихъ поръ вовсе неизданныхъ. Нѣсколько такихъ новыхъ текстовъ приведено въ описаніи г. Бычкова. Любопытны, напр., стихотворенія, относящіяся къ извѣстному „Араамазу“; далѣе сохранился черновой набросокъ эпилога, написаннаго Жуковскимъ для оперы Глинки „Жизнь за Царя“: по сравненію съ либретто, написаннымъ барономъ Розеномъ, оказывается, что нѣкоторыя мѣста эпилога заимствованы барономъ Розеномъ изъ этого текста Жуковскаго. Нашлись новые стихи изъ „Вѣчнаго Жида“, и въ особенности цѣльное переложеніе въ стихахъ „Слова о полку Игоревѣ“, помѣщенное сполна въ приложеніи къ описанію. — Въ бумагахъ педагогическихъ сохранились приготовительныя работы Жуковскаго по преподаванію русскаго языка вел. княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ (впослѣдствіи императрицѣ) и по воспитанію наследника, впослѣдствіи императора Александра II.

---

— *Описаніе книгъ и актовъ Литовской Метрики. Составилъ метрикантъ С. Пташницкій. Слб. 1887.*

Метрикой въ старой Польшѣ и Литвѣ назывался архивъ королевской и великокняжеской канцеляріи, изъ которой выходили всѣ акты, издававшіеся отъ королевскаго и великокняжескаго имени. Естественно предположить, что канцелярія литовскаго князя издавна должна была носить государственный характеръ, и это подтверждается тѣмъ фактомъ, что въ послѣдующее время въ архивѣ вел. князя хранились акты давнихъ литовскихъ князей. Съ половины XV-го столѣтія есть данныя, указывающія, что съ актовъ, выдаваемыхъ княземъ, отпуски уже вносились въ особыя книги: это и было началомъ сохранившейся донинѣ „Метрики“. Впослѣдствіи это было уже правиломъ, и Метрика становилась архивомъ дѣлъ всякаго рода, гдѣ могли совершаться и юридическія справки о привилегіяхъ, правахъ владѣнія и т. п. Въ случаяхъ поѣздокъ князя съ нимъ возились только текущія дѣла; но состоявшій при немъ дьякъ велъ реестръ дѣламъ и по возвращеніи сдавалъ его въ архивъ, для внесенія въ книги, а грамоты, выходившія во время присутствія князя въ мѣстѣ нахождения архива, прямо записывались въ книги. Архивъ находился сначала въ Трокскомъ замкѣ, а потомъ переведенъ былъ въ Вильну. Уже въ XVI столѣтіи дѣлались распоряженія, чтобы книги Метрикъ ведены были съ величайшею точностью, и канцлеръ, на поученіи котораго онѣ находились, обязанъ былъ содержать присяжныхъ дьяковъ для вписыванія документовъ въ книги и для выдачи, въ случаѣ потери какаго-нибудь акта, засвидѣтельствованныхъ копій. Въ 1569 году на люблинскомъ сеймѣ воеводства кievское, во-

линское и брацлавское были присоединены къ Польшѣ, и дѣла ихъ отошли изъ литовской канцеляріи въ коронную польскую, гдѣ онѣ велись особеннымъ писаремъ для русскихъ дѣлъ. Кромѣ актовыхъ книгъ находились въ княжескомъ архивѣ Метрики отдѣльныя подлинныя грамоты, которыя уже въ половинѣ XVI-го вѣка описаны были польскимъ историкомъ Кромеромъ,—въ нынѣшней Метрицѣ сохранилась только часть этихъ актовъ. Во второй половинѣ того же XVI-го столѣтія сдѣлана была болѣе обстоятельная опись Метрики, сохранившаяся до сихъ поръ и важная тѣмъ, что большая часть самыхъ документовъ, названныхъ въ ней, затеряна. Въ 1594 году сдѣлано было распоряженіе о перепискѣ всѣхъ книгъ Литовской Метрики, и съ тѣхъ поръ не разъ она подвергалась ревизіи. Съ XVII-го вѣка Метрика нѣсколько разъ испытывала тревоженія военныхъ событій. Въ 1649 году, во время войнъ съ Хмельницкимъ, при Янѣ-Казимирѣ татары ограбили часть польскаго обоза, гдѣ находились текуція дѣла королевской канцеляріи, и только немногія тетради были отысканы; всѣмъ документамъ, выданнымъ во время похода, составленъ былъ реестръ, который одинъ и сохранился, а книги пропали. Въ царствованіе того же Яна-Казимира увезли Метрику шведы, и въ 1659 году, по оливскому трактату, возвратили только часть ея, а другая, какъ говорятъ, затонула въ Балтійскомъ морѣ. При взятіи русскими Вильны въ 1655 году пропала еще часть Метрики, и несмотря на неоднократныя постановленія сеймовъ, книги не были разысканы. Впослѣдствіи Метрика перевезена изъ Вильны въ Варшаву; полагаютъ, что это случилось около 1765 года, когда въ Варшаву переведенъ былъ и краковскій архивъ. Въ 1786 году приведеніемъ Метрики въ порядокъ занялся извѣстный историкъ польскій Нарушевичъ: съ разрѣшенія короля онъ велѣлъ всѣ книги снова переплести, присоединилъ къ русскимъ реестрамъ другіе, латинскими буквами, и перенумеровалъ книги. Въ такомъ видѣ Метрика сохранилась въ Варшавѣ до взятія города Суворовымъ 29-го октября 1794 года. Въ ноябрѣ этого года князь Рѣпинъ отправилъ въ Варшаву нарочнаго „для забранія литовскаго архива и метрикъ“, и онѣ были доставлены въ Гродно, но вслѣдъ затѣмъ получилось высочайшее повелѣніе, чтобы оба архива, коронный и литовскій, были доставлены въ Петербургъ. Здѣсь въ 1796 г. повелѣно было разобрать Метрики, и одну, именно дѣла внѣшнія по сношеніямъ Польши съ иностранными дворами, передать въ иностранную коллегію, а другую, заключающую дѣла по внутреннему управленію, передать въ сенатъ. Это исполнено было въ 1798 году. Въ 1799 послѣдовало распоряженіе выдѣлить изъ Метрики дѣла, которыя относились къ иждивеніямъ, доставшимся прусскому королю; онѣ переданы были прусскому правительству, но послѣ тильзитскаго

мира, въ 1807, переданы были прусскимъ правительствомъ варшавскому герцогству и хранятся съ тѣхъ поръ въ главномъ архивѣ въ Варшавѣ.

Такова была внѣшняя судьба „Литовской Метрики“ или государственнаго архива великаго княжества литовскаго. Хотя, какъ мы видѣли, многое утратилось изъ этого архива въ историческихъ превратностяхъ, испытанныхъ краемъ, но и въ нынѣшнемъ составѣ онъ заключаетъ въ себѣ огромную массу документовъ, составляющихъ драгоценный матеріалъ для исторіи западнаго края, какъ внѣшней, такъ особливо<sup>1</sup> внутренней, административной и бытовой. Онъ уже много послужилъ для нашихъ ученыхъ, изучавшихъ исторію западной Руси, и еще долго будетъ служить для изображенія ея жизни въ литовскомъ и польскомъ періодѣ. Цѣнность подобныхъ архивовъ и рукописныхъ собраній становится еще дѣйствительнѣе, когда содержаніе ихъ становится извѣстно по описаніямъ, которыя указываютъ лицамъ заинтересованнымъ, что и гдѣ можетъ быть найдено ими въ этомъ обширномъ архивѣ. Понятно изъ этого, какое значеніе имѣетъ трудъ г. Пташицкаго для специалистовъ, изучающихъ исторію западнаго края. Опытъ описанія уже сдѣланъ былъ въ 1883 году предшественникомъ г. Пташицкаго по завѣдыванію Литовской Метрикой, Зельверовичемъ; но составитель умеръ, когда вышелъ только первый выпускъ его изданія, а заготовленное продолженіе погибло въ пожарѣ. Завѣдуя Метрикой съ 1884 года, г. Пташицкій былъ, конечно, въ особенноти компетентенъ для подобнаго труда.

„Метрика“ съ теченіемъ времени все больше теряетъ свое практическое значеніе, какъ источникъ чисто дѣловыхъ юридическихъ справокъ; но все больше выростаетъ ея значеніе какъ историческаго архива. Г. Пташицкій указываетъ (стр. 64 и слѣд.), что уже было заимствовано изъ нея нашими археографами и историками; нѣтъ сомнѣнія, что съ изданнымъ теперь „Описаніемъ“ научное употребленіе „Метрики“ будетъ значительно облегчено и распространено.

Въ нынѣшнемъ году, послѣ 90-лѣтняго пребыванія при правительствующемъ сенатѣ, наступила новая перемѣна во внѣшней судьбѣ „Метрики“: она передана теперь въ московскій архивъ министерства юстиціи. и 25-го октября вывезена въ Москву.—А. П.

— *Конституція Финляндіи*. Соч. Л. Мехелина, члена финляндскаго сената, бывшаго профессора правъ въ гельсингфорскомъ университетѣ; переводъ К. Ордина, дополненный пригвѣщаніями по русскимъ документамъ. Спб., 1888.

Въ нашей печати наступилъ, съ нѣкоторыхъ поръ, періодъ затишья по отношенію къ Финляндіи; прекратились тѣ нападки, тѣ вызывающія выходки, которыми былъ такъ богатъ въ особенности конецъ 1885 года <sup>1)</sup>. При первомъ случаѣ, однако, онѣ могутъ возобновиться; у нашихъ газетныхъ реакціонеровъ всегда готовъ неисчерпаемый запасъ вражды и злобы противъ иноплеменныхъ окраинъ Россіи. Русскій переводъ книги г. Мехелина появился въ свѣтъ, поэтому, какъ нельзя болѣе кстати; весьма полезно имѣть подъ рукою добросовѣстное, спокойное изслѣдованіе о политическомъ строѣ великаго княжества, столь близкаго къ намъ и все-таки столь мало намъ извѣстнаго. Теоретически и практически знакомый съ финляндскимъ законодательствомъ, г. Мехелинъ изложилъ его главныя черты въ сжатой, общедоступной формѣ; догматическому обзору дѣйствующаго государственнаго права онъ предпослалъ небольшой исторической очеркъ, главная часть котораго посвящена эпохѣ присоединенія Финляндіи къ Россіи. Въ этой именно части относится большинство пригвѣщаній, слѣданныхъ переводчикомъ. Авторъ, какъ и слѣдовало ожидать, подчеркиваетъ въ особенности все свидѣтельствующее о самостоятельности Финляндіи; переводчикъ старается склонить вѣсы въ противоположную сторону. „Императоръ (Александръ I-й)—говоритъ, напримѣръ, г. Мехелинъ—объявилъ, въ манифестѣ 5-го (17-го) іюня 1808 г., что, *присоединяя Финляндію къ Россіи*, онъ свято будетъ охранять законы и привилегіи страны“. „Изъ этого изложенія—замѣчаетъ г. Ординъ—какъ бы слѣдуетъ, что манифестъ имѣлъ цѣлью обезпечить обособленность Финляндіи. Напротивъ, онъ весь указываетъ на водвореніе (?) Финляндіи въ Россію, какъ ея неразрывной части“. Справясь съ манифестомъ, подлинный текстъ котораго напечатанъ въ приложеніяхъ къ книгѣ г. Ордина, мы находимъ въ немъ слѣдующія слова, обращенныя къ финляндцамъ: „*сверхъ древнихъ установлений, странъ вашей собственности и свято нами хранимыхъ, новое поле вашей дѣятельности и трудолюбію открывается*“. Итакъ, г. Мехелинъ выразился совершенно правильно и точно. Правда, манифестъ 1808 г. провозгласилъ присоединеніе Финляндіи *къ Россіи*, на вѣчное и непремѣнное съ ней единство—но этого отнюдь не скрываетъ и г. Мехелинъ, какъ видно изъ подчеркнутаго нами въ первой цитатѣ. Въ мартѣ 1809 г. созванъ былъ въ городѣ Борго финлянд-

<sup>1)</sup> См. Общественную Хронку въ №№ 9, 10 и 11 „Вѣстника Европы“ за 1885 г.

скій сеймъ, открытый лично императоромъ. Въ самый день прибытія въ Борго Александръ I подписалъ слѣдующее объявленіе жителямъ Финляндіи: „получивъ произволеніемъ Промысла въ наше владѣніе великое княжество финляндское, Мы пожелаали настоящимъ актомъ подтвердить религію и основные законы страны, равно привилегіи и права, коими каждое сословіе въ названномъ великомъ княжествѣ въ частности и всѣ жители вообще высшаго и низшаго состоянія пользовались до настоящаго времени по конституціи; Мы объщаемъ сохранить всѣ эти преимущества и законы твердо и неизменно въ полной ихъ силѣ“. Двумя днями позже сословія принесли присягу въ вѣрности новому государю. „Церемонія—говорить г. Мехелинъ—заключилась рѣчью императора на французскомъ языкѣ, выражавшею признательность, съ которою онъ принялъ знаки преданности и присягу представителей страны; она свидѣтельствовала, что совершился *актъ соединенія*“. Переводчикъ и здѣсь расходится съ авторомъ. Онъ утверждаетъ, что актомъ соединенія могъ быть только мирный договоръ, въ то время еще не заключенный; таково было и мнѣніе тогдашнихъ финляндскихъ патриотовъ. Сеймъ, созданный императоромъ, не былъ, по словамъ г. Ордина, *сеймомъ законнымъ*, такъ какъ Финляндія *de jure* принадлежала еще королю шведскому, который одинъ имѣлъ право созывать сеймъ. Члены собранія, созданнаго въ Борго, могли имѣть, въ глазахъ императора, только значеніе *экспертовъ*, и онъ „*ни единымъ словомъ не предпринималъ* того, какія отношенія будутъ установлены между русскимъ народомъ и завоеванною его кровью и деньгами Финляндіею“. Въ составъ мирнаго договора съ Швеціей, заключеннаго 5-го (17-го) сентября 1809 г., вошла слѣдующая статья: „послѣднее императоръ всероссійскій несомнѣннымъ опытомъ милосердія и правосудія ознаменовалъ уже образъ правленія своего жителямъ пріобрѣтенныхъ имъ нѣкогда областей, обезпечивъ, по единственному побужденію великодушнаго своего соизволенія, свободное отправление ихъ вѣры, права собственности и преимущества, то его шведское величество тѣмъ самымъ освобождается отъ священнаго, впрочемъ, долга чинить о томъ въ пользу прежнихъ своихъ подданныхъ какія-либо условія“. Отсюда г. Ординъ выводитъ, что „преимущества“ Финляндіи обезпечены единственно великодушіемъ Александра I, а отнюдь не боргоскими актами и тѣмъ менѣе „актомъ соединенія“, котораго вовсе не было. Намъ кажется, что весь этотъ споръ поднять г. Ординымъ совершенно напрасно. Основаніе для него имѣлось бы на лицо развѣ въ такомъ случаѣ, еслибы финляндскій писатель выводилъ существующій политическій строй Финляндіи изъ международнаго договора или изъ соглашенія двухъ *разноположныхъ* сторонъ, еслибы онъ отрицалъ *покореніе* Фин-

ляндіи русскимъ оружіемъ или соединеніе ея неразрывною связью съ *русскимъ юсударствомъ*. Ничего подобнаго мы у г. Мехелина не видимъ. Онъ признаетъ, что мирный трактатъ съ Швеціей „вовсе не касался политическаго положенія Финляндіи“; онъ не отвергаетъ и того, что сохраненіе за Финляндіей ея прежняго устройства было дѣломъ свободной воли побѣдителя. „Употребить матеріальную силу — говорить онъ — для того, чтобы слить Финляндію съ Россіей, не соотвѣтствовало бы ни личнымъ взглядамъ императора, ни потребности немедленнаго умиротворенія, вызванной политическими интересами имперіи. Поэтому Александръ *предпочелъ* актъ соединенія; онъ утвердилъ конституцію страны и призвалъ представителей ея для основанія новаго порядка вещей“. Что шведскіе патриоты могли считать соединеніе Финляндіи съ Россіей несовершившимся, пока Финляндія не была формально уступлена Россіи королемъ шведскимъ, это вполнѣ понятно; но столь же понятно и то, что совершенно иначе относился къ вопросу императоръ Александръ I, уже 20-го марта 1808 г., почти за годъ до боргоскаго сейма, объявившій Финляндію „навсегда присоединенной къ Россіи“. Съ этого момента онъ рассматривалъ себя какъ преемника всѣхъ правъ, принадлежавшихъ королю шведскому — а слѣдовательно и права созывать сеймъ, *законность* котораго не могла подлежать, въ его глазахъ, никакому сомнѣнію. „Созывая сословія Финляндіи на общій сеймъ — таковы подлинныя слова императора, сказанныя при закрытіи боргоскаго сейма (6-го іюля 1809 г., т.-е. еще до подписанія мира), — Я хотѣлъ знать желанія народа насчетъ его истинныхъ интересовъ. Я представилъ сужденіямъ вашимъ полную свободу. Никакое вліяніе, никакая власть кромѣ вашей (слѣдовательно за сеймомъ признавалась даже *власть*) не имѣла переступить порогъ этихъ дверей“. Такъ говорить, очевидно, не съ *экспертами*, а только съ представителями народа. Въ манифестѣ 15-го (27-го) марта 1810 г. созваніе боргоскаго сейма приводится императоромъ въ числѣ доказательствъ, которыми должны „удостоверить финскій народъ въ его правахъ политическаго существованія“. Въ виду столь ясныхъ словъ, произнесенныхъ съ высоты престола, какое значеніе могутъ имѣть попытки г. Ордина оспорить выраженія г. Мехелина: *новое юсударство, молодое юсударство? Народъ*, имѣющій право на политическое существованіе, бесспорно образуетъ *юсударство*, хотя бы и не полноправное по отношенію къ тому, съ которымъ оно соединено неразрывною связью... Положеніе Финляндіи было *предъшлено*, вопреки мнѣнію г. Ордина, въ самый моментъ ея присоединенія; лучшимъ подтвержденіемъ этому служатъ опять-таки подлинныя слова императора, поставленныя во главѣ манифеста 15-го (27-го) марта 1810 г.: „Съ *той минуты*, какъ



Провидѣніе вручило намъ судьбу Финляндіи, Мы рѣшились управлять ею какъ *свободнымъ народомъ, пользующимся правами, обеспеченными въ ея конституціи*“.

Въ полемикѣ переводчика противъ автора совершенно правымъ оказывается, такимъ образомъ, послѣдній. Какую дѣль преслѣдуютъ, притомъ, примѣчанія г. Ордина? Неужели онъ желаетъ, чтобы порядокъ вещей, существующій слишкомъ три четверти вѣка ко благу Финляндіи и, по меньшей мѣрѣ не ко вреду Россіи, былъ поколебленъ въ самыхъ своихъ основахъ? Какъ бы ни установилась самостоятельность Финляндіи, она составляетъ въ настоящее время общепризнанный фактъ, дорогой для жителей Финляндіи, безобидный для коренныхъ русскихъ. Чѣмъ крѣпче и тѣ, и другіе вѣрятъ въ его непоколебимость, тѣмъ меньше поводовъ къ опасеніямъ со стороны слабыхъ, къ несправедливымъ притязаніямъ со стороны сильныхъ. Въ особенности неприятно поразили насъ, поэтому, два примѣчанія переводчика. „Силу конституціи — говоритъ г. Мехелинъ — императоръ (Александръ I) призналъ навсегда, какъ за себя, такъ и за своихъ преемниковъ“. Г. Ординъ замѣчаетъ по этому поводу: „въ боргоскихъ актахъ о преемникахъ не упоминалось“. Нѣсколькими страницами дальше мы читаемъ у г. Мехелина: „Императоръ, при восшествіи на престолъ, издаетъ, въ качествѣ великаго князя финляндскаго, манифестъ, содержащій обѣщаніе сохранять неприкосновенность основныхъ законовъ“,—а въ примѣчаніи г. Ордина: „такіе манифесты дѣйствительно подписывались императорами, но никакого въ этомъ отношеніи обязательства императоръ Александръ I при покореніи Финляндіи или на боргоскомъ сеймѣ на себя не бралъ, какъ не возлагалъ тогда никакихъ обязательствъ на своихъ преемниковъ“. Двукратно возвращаясь къ одному и тому же вопросу, г. Ординъ какъ будто бы хочетъ дать понять, что основные законы Финляндіи подвергаются сомнѣнію при каждой перемѣнѣ великаго князя и вновь вступаютъ въ силу только послѣ новаго ихъ утвержденія. Какія можно отсюда вывести практическія заключенія—это не требуетъ комментариевъ... Намъ кажется, что формула: „за себя и за своихъ преемниковъ“ вовсе не имѣетъ того смысла, который придаетъ ей, повидимому, г. Ординъ. Верховная власть, какъ учрежденіе, непрерывна; перемѣна лица не влечетъ за собою перемѣны въ законахъ; всякій законъ, въ установленномъ порядкѣ не отмѣненный, самъ собою сохраняетъ полную силу, не требуя спеціальной, много разъ повторимой ратификаціи. Если въ нѣкоторыхъ законодательныхъ актахъ употребляется вышеприведенная формула, если нѣкоторыя привилегіи подтверждаются вновь при началѣ cadaго царствованія, то это—дѣло обычая или случая; значеніе такихъ актовъ или привилегій ничуть

не больше и ничуть не меньше, чѣмъ значеніе всѣхъ остальныхъ. Въ другомъ мѣстѣ книги г. Мехелинъ указываетъ на то, что во время шведскаго владычества высшій судъ и высшая администрація Финляндіи помѣщались въ Стокгольмѣ. Переводчикъ присоединяетъ къ этому слѣдующее примѣчаніе: „Стокгольму соответствовали въ Россіи Петербургъ; логически высшимъ учрежденіямъ Финляндіи было мѣсто въ русской столицѣ“. Что это такое—критика распоряженія, сдѣланнаго въ 1809 г., или намекъ на то, какъ слѣдовало бы распорядиться въ настоящее время? Въ первомъ случаѣ примѣчаніе г. Ордина совершенно излишне, во второмъ оно весьма прискорбно; переводъ финляндскаго сената въ Петербургъ былъ бы тяжелымъ ударомъ, серьезной потерей для Финляндіи — и болѣе чѣмъ сомнительнымъ выигрышемъ для Россіи... Въ текстѣ книги сказано, что многія административныя дѣла, прежде восходившія на Высочайшее усмотрѣніе, предоставлены теперь разрѣшенію финляндскаго сената. Переводчикъ пользуется этимъ случаемъ, чтобы выразить свое нерасположеніе къ нѣкоторымъ измамъ. „Еще Сперанскій—говоритъ онъ—свидѣтельствовалъ объ обремененіи верховной власти множествомъ мелкихъ дѣлъ. Только космополитизмъ Сперанскаго могъ мириться съ такимъ уничтоженіемъ власти русскаго монарха, и не отъ финляндскихъ докладчиковъ-сепаратистовъ можно было ожидать охраны достоинства его“. Почему „обремененіе“ равносильно „уничтоженію“, въ чемъ заключается вина Сперанскаго, очень недолго завѣдывающаго финляндскими дѣлами, кому принадлежала инициатива освобожденія монарха отъ массы мелкихъ дѣлъ, разъ что оно не было въ интересахъ „докладчиковъ-сепаратистовъ“— все это остается секретомъ переводчика. Разбирая вопросъ о границахъ законодательства и администрація, г. Мехелинъ ставитъ такое положеніе: „дабы не было уклоненій отъ принциповъ конституціи (требующей, для изданія законовъ, взаимодѣйствія великаго князя и сейма), лучшее правило состоитъ въ томъ, чтобы во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда законодательная мѣра не принадлежитъ несомнѣнно вѣденію правительственной власти, обращаться къ содѣйствію сейма“. Это положеніе можно назвать почти безспорнымъ; оно вытекаетъ изъ самаго понятія о законѣ, какъ о чемъ-то высшемъ чѣмъ административное распоряженіе. Г. Ординъ сопровождаетъ его, однако, слѣдующимъ замѣчаніемъ: „очевидно, г. Мехелинъ высказываетъ здѣсь только теоретическое соображеніе. Опытъ убѣждаетъ, впрочемъ, что нерѣдко подобныя соображенія принимаютъ постепенно, иши, форму положительнаго правила, которому еще далѣе приписывается уже вполне обязательная сила“. Не значить ли это, что нужно поспѣшить изданіемъ правила, въ силу котораго всякое возникающее

въ Финляндіи сомнѣніе относительно границъ законодательства и администраціи разрѣшалось бы въ пользу послѣдней? Иначе „*casus*“ приведетъ, пожалуй, къ торжеству мнѣнія, поддерживаемаго г. Мехелинымъ... Съ нашей точки зрѣнія такое торжество было бы совершенно нормально и не противорѣчило бы ни въ чемъ ни теоріи управленія, ни практическимъ интересамъ правительственной власти. Примѣчанія г. Ордина къ книгѣ г. Мехелина—это своего рода „признакъ времени“; но они не уменьшаютъ значеніе самой книги, а слѣдовательно и заслугу переводчика.—К. К.



## ЗАМѢТКА.

## РУССКО-ГЕРМАНСКІЯ ОТНОШЕНІЯ.

— *Bismarck und Russland. Enthüllungen über die Beziehungen Deutschlands und Russlands von 1859 bis heute. Berlin, 1887.*

Книга, заглавіе которой приведено выше, появилась въ Берлинѣ весьма недавно (въ октябрѣ текущаго года) и успѣла уже выйти вторымъ изданіемъ. Авторъ скрылъ свое имя, обозначивъ себя только короною съ тремя звѣздочками; но, судя по содержанію книги, по новизнѣ нѣкоторыхъ сообщаемыхъ въ ней свѣденій и по сравнительному безпристрастію ея тона, онъ долженъ принадлежать къ числу лицъ компетентныхъ, посвященныхъ въ тайны берлинской политики. Въ книгѣ собраны факты, документы, рѣчи князя Бисмарка и оффиціозныя статьи, касающіяся отношеній между Пруссією и Россією за послѣднія тридцать лѣтъ. Къ сожалѣнію, авторъ не всегда указываетъ источникъ, откуда заимствованы тѣ или другія данныя, и это обстоятельство еще болѣе убѣждаетъ насъ, что авторъ—не писатель по профессіи. Онъ несомнѣнно идеализируетъ дѣятельность германскаго канцлера, представляя ее по возможности въ самомъ лучшемъ свѣтѣ; но приводимые имъ фактическіе матеріалы часто находятся въ противорѣчій съ его основною точкою зрѣнія.

Съ самаго начала своей дипломатической карьеры Бисмаркъ былъ сторонникомъ союза съ Россією; уже въ 1854 году, наканунѣ крымской войны, „онъ совѣтовалъ королю Фридриху-Вильгельму IV не принимать участія въ конвенціи, которую западныя державы хотѣли заключить съ Пруссією“. Какъ искренній почитатель императора Николая и горячій противникъ Австріи, Бисмаркъ былъ очень хорошо принятъ въ 1859 году въ Петербургѣ, въ качествѣ прусскаго посланника. Впослѣдствіи онъ отзывался о князѣ Горчаковѣ, какъ о своемъ наставникѣ: „с'est notre maître à tous“, и русскій канцлеръ не разъ, пріѣзжая въ Берлинъ, спрашивалъ шутливо: „продолжаетъ ли Бисмаркъ называть себя моимъ ученикомъ? Если я былъ его учителемъ, то развѣ въ томъ смыслѣ, какъ Перуджино былъ учителемъ Рафаэля Санціо“. По словамъ автора, прусскій дипломатъ „засталъ уже въ Петербургѣ зачатки дѣятельности той литературно-политической партіи, которая неустанно стремилась и стремится система-

тически портить отношенія между нѣмцами и русскими“. Въ правительственныхъ и консервативныхъ кругахъ Берлина привыкли считать Россію вѣрнѣйшею союзницею и защитницею Пруссіи; русскаго императора Николая I называли „прусскимъ царемъ“, и въ 1854 году одинъ изъ членовъ прусской палаты господъ произнесъ слова: „мы принадлежимъ къ Россіи“. На эту привязанность отвѣчали, будто бы, пренебреженіемъ и насмѣшками, а иногда прямыми оскорбленіями. Вскорѣ послѣ парижскаго мира 1856 г. стали повторяться попытки русскаго сближенія съ Наполеономъ III. Графъ Киселевъ, русскій посланникъ въ Парижѣ, составилъ проектъ дипломатической сдѣлки съ французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, Тувенелемъ. Соглашеніе было достигнуто на слѣдующихъ основаніяхъ: сохраненіе цѣлости оттоманской имперіи, устраненіе всякихъ посягательствъ на балканскія земли и, въ случаѣ окончательнаго кризиса, содѣйствіе образованію небольшихъ самостоятельныхъ государствъ въ ихъ естественныхъ предѣлахъ, въ видѣ особой федераціи, которая имѣла бы свой центръ въ Константинополѣ, превращенномъ въ вольный городъ. Князь Горчаковъ убѣдился однако, что, вопреки этому соглашенію, французская дипломатія дѣйствуетъ на Востокѣ въ смыслѣ враждебномъ Россіи и разсматриваетъ Грецію и дунайскія княжества какъ оплотъ противъ славянства. Такого взгляда не раздѣлялъ графъ Киселевъ, и въ 1860 году онъ привезъ изъ Парижа мемуаръ министра Тувенеля и письмо Наполеона III; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ представилъ отъ себя записку о преимуществахъ оборонительнаго союза Россіи съ Франціею. При чтеніи этой записки поставленъ былъ сбоку вопросъ: „противъ кого?“ Проектъ не могъ состояться, благодаря возникновенію польскаго вопроса, въ которомъ ясно обнаружались антирусскія тенденціи тьюлерійскаго двора. Франція, Англія и Австрія пытались вмѣшаться въ пользу поляковъ; Пруссія рѣшительно отказалась присоединиться къ этому шагу. Около этого времени выступилъ на сцену шлезвигъ-голштинскій вопросъ, съ которымъ тѣсно связана была задача нѣмецкаго національнаго единства; Бисмаркъ могъ рассчитывать на благопріятное рѣшеніе этихъ вопросовъ только при увѣренности въ сочувствіи Россіи. Такимъ образомъ,—замѣчаетъ авторъ,—прусскій союзъ оказалъ русскому правительству чрезвычайно важныя услуги во время послѣдняго польскаго возстанія. Въ газетахъ сообщалось даже, что Бисмарку еще въ Петербургѣ намекали на готовность Россіи уступить Польшу пруссакамъ, которые, какъ народъ болѣе образованный, сьумѣли бы лучше поддержать и сохранить свое господство надъ польскимъ населеніемъ. Въ разговорѣ съ однимъ депутатомъ Бисмаркъ выразился, между прочимъ, что нѣмцы въ три года германизировали бы поляковъ, но что существовала бы

только личная унія, причѣмъ польскіе представители засѣдали бы въ Берлинѣ, а въ Варшавѣ. Позднѣе, по случаю полемики, вызванной извѣстными воспоминаніями Н. В. Берга, оффиціозная „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“ подтвердила эти слухи. „Возможность такой уступки (т. е. отдачи Польши нѣмцамъ), — говорилось въ берлинскомъ органѣ, — затрогивалась неоднократно со времени кончины императора Александра I, но всегда только по русской инициативѣ и въ анти-польскомъ духѣ, съ цѣлью облегчить подчиненіе поляковъ. Со стороны императора Николая мысль объ уступкѣ не только лѣваго берега Вислы, но и Варшавы, была будто бы не разъ высказываема королю Фридриху-Вильгельму IV — въ послѣдній разъ во время крымской войны, но эта мысль не встрѣчала сочувствія, такъ какъ король не желалъ усиливать въ Пруссіи польскій элементъ сравнительно съ нѣмцами. Также и въ позднѣйшее время, послѣ неудачи примирительныхъ попытокъ графа Ламберта и маркиза Велепольскаго, въ русскихъ правительственныхъ сферахъ обсуждался вопросъ о „новомъ раздѣлѣ Польши“, чтобы перенести на Пруссію часть затрудненій привислянскаго края и этимъ уменьшить заботы Россіи, сохранивъ за нею только Варшаву, какъ излюбленное гарнизонное мѣсто и важный укрѣпленный пунктъ. Но и на этотъ разъ сдѣланныя въ Берлинѣ сообщенія не нашли отголоска, ибо вѣра въ нѣмецкое призваніе Пруссіи осталась по меньшей мѣрѣ та же, какъ и во время крымской войны, и приростъ числа поляковъ между прусскими подданными не могъ считаться полезнымъ“. Бисмаркъ всегда держался того принципа, что „прускіе и русскіе интересы должны быть признаны крѣпко связанными тѣмъ неизмѣннымъ положеніемъ, которое занимаютъ Пруссія и Россія относительно всѣхъ плановъ и интригъ, направленныхъ къ восстановленію бывшаго польскаго государства“. Идею восстановления Польши онъ находилъ утопіею уже потому, что „поляковъ для этого слишкомъ мало“:  $6\frac{1}{2}$  милліоновъ разбросаннаго польскаго населенія не могутъ господствовать надъ 24 милліонами жителей другого племени, русскихъ, литовцевъ, латышей, нѣмцевъ и евреевъ; изъ нихъ „русины и бѣлоруссы говорятъ только по-русски, молятся по-русски, плачутъ по-русски, когда терпятъ отъ польскаго владычества“. На политику Пруссіи въ польскомъ вопросѣ могло имѣть вліяніе и предупрежденіе, сдѣланное лордомъ Пальмерстономъ черезъ короля бельгійскаго; англійскій министръ предостерегалъ берлинскій кабинетъ отъ какихъ бы то ни было дѣйствій внѣ границъ, такъ какъ Наполеонъ III имѣлъ въ виду воспользоваться случаемъ для занятія прирейнской провинціи.

Когда вслѣдъ за тѣмъ обострилось положеніе шлезвигъ-голштинскаго вопроса, и Пруссія соединилась съ Австріею противъ Дании, то

Россия предоставила пруссакамъ полную свободу дѣйствій, хотя—какъ признаетъ авторъ — могла легко найти поводы для вмѣшательства. „Но ничего подобнаго не дѣлалось со стороны Россіи; она даже не возражала, когда Пруссія завладѣла Кильскою гаванью и приступила къ устройству громаднѣхъ сооружений на берегахъ Остзейскаго моря, обнаруживъ тѣмъ наглядно свое намѣреніе сдѣлаться первоклассной морской державой. Русское правительство осталось совершенно чуждымъ соперничеству и расчетамъ Англіи; оно не усматривало въ морскомъ усиленіи Пруссіи и Германіи никакого посягательства на русское могущество въ Остзейскомъ морѣ, но, напротивъ, склонялось къ тому взгляду, что двѣ державы могутъ рядомъ процвѣтать на однихъ и тѣхъ же берегахъ, не мѣшая другъ другу. Россия показала себя настолько сдержанною въ нѣмецко-датскомъ вопросѣ, что тогда какъ официальные акты другихъ державъ по этому предмету наполняютъ цѣлыя томы, въ дипломатическихъ сборникахъ едва найдутся двѣ-три ноты русскаго правительства къ уполномоченнымъ его за границей“. Авторъ приводитъ выдержки изъ секретной записки, составленной по порученію князя Горчакова въ 1864 году; изъ этого документа видно, что тогдашнія нападки Бисмарка на мнимый демагогическій духъ въ герцогствахъ и въ Даніи принимались на вѣру нашей дипломатіей. „Изъ высшихъ соображеній—сказано въ запискѣ—мы должны были сдерживать свои прежнія чувства относительно Даніи: Данія сдѣлалась добычей демократіи“. „Что касается ловкости Бисмарка, — говорится въ другомъ мѣстѣ, — то она отчасти напоминаетъ ту, которую выказалъ графъ Буоль въ 1851 году; такого рода ловкіе приемы могутъ повести очень далеко и обойтись очень дорого“. Относительно Пруссіи составитель записки выражаетъ желаніе, чтобы она укрѣпилась; но Россия не должна братья за оружіе на ея защиту, въ случаѣ нападенія на Рейнъ. Пруссія можетъ рассчитывать на дипломатическую поддержку, такъ какъ она составляетъ оплотъ противъ Франціи. „Россия не имѣетъ основанія противодѣйствовать прусскимъ стремленіямъ, пока они не нарушаютъ прямыхъ ея интересовъ... Россия оказывала Германіи только услуги и награждалась за это слѣпою неприязнью. Вслѣдствіе своихъ внутреннихъ несогласій германскій союзъ утратилъ всякое значеніе для Европы... Россия не заинтересована въ сохраненіи этого ненормальнаго порядка вещей, ибо Германія никогда не въ состояніи была сдѣлать что-либо для Россіи. Съ другой стороны, кажется весьма вѣроятнымъ, что, съ достиженіемъ національнаго единства, Германія утратила бы свой безобидный характеръ. Въ 1848 году она требовала даже возвращенія Лифляндіи, и если когда-нибудь будетъ поставленъ на очередь славянскій вопросъ, то Германія можетъ употребить свое могущество

противъ русскихъ интересовъ“. По отношенію къ славянству Россія должна прежде всего позаботиться о развитіи своихъ внутреннихъ силъ, чтобы быть въ состояніи взять подъ свое покровительство родственныя славянскія племена; „величайшая услуга, которую она можетъ оказать прочимъ славянамъ, заключается въ томъ, чтобы самой стать крѣпче и сильнѣе“. Авторъ книги видитъ въ этихъ словахъ проявленіе сознательнаго плана, имѣющаго, будто бы, цѣлью разрушить великую европейскую державу (Австрію) и даже отнять у Пруссіи Познань и Силезію.

Въ 1865 году Бисмаркъ обращался къ русскому посланнику въ Берлинѣ, г. Убри, съ жалобами на стѣснительныя мѣры противъ протестантской церкви въ остзейскихъ провинціяхъ. Въ книгѣ приведены письма г. Убри къ князю Горчакову по этому поводу, а также подробный отвѣтъ русскаго канцлера, признающій нѣкоторыя ошибки и увлеченія со стороны администраціи прибалтійскаго края. „Политическое положеніе нынѣшней германской имперіи—замѣчаетъ авторъ—уже не дозволяетъ ей подобнаго вмѣшательства въ пользу нѣмецкой культуры въ чужихъ государствахъ. Наступитъ время, когда въ Ригѣ, Дерптѣ и Ревелѣ запрещено будетъ говорить по-нѣмецки... Говорятъ, что такіе факты стоятъ въ странномъ противорѣчій съ могуществомъ Германіи. При этомъ забываютъ, что именно новое распредѣленіе силъ между государствами усилило ревность и напряженность, съ какими повсюду стремятся укрѣпить національный элементъ въ ущербъ инородному. Въ то же время державы стали чувствительнѣе ко всякой попыткѣ, имѣющей видъ вмѣшательства въ ихъ внутреннія дѣла. Въ Россіи это направленіе выступаетъ теперь особенно сильно, и князь Бисмаркъ, который уже по возможности отодвигаетъ интересы Германіи въ области иностранной политики, тѣмъ менѣе станетъ расширять ихъ и доводить до вмѣшательства во внутреннія дѣла другихъ и очень чувствительныхъ державъ“.

Послѣ неожиданно-быстраго торжества пруссаковъ надъ австріяцами въ 1866 году, князь Горчаковъ предлагалъ европейскимъ кабинетамъ принять участіе въ обсужденіи важныхъ политическихъ и территоріальныхъ вопросовъ, выдвинутыхъ событіями. Бисмаркъ предупредилъ дѣйствія этой дипломатической ноты ускореніемъ мирныхъ переговоровъ и отпращиваніемъ въ Петербургъ генерала Мантейфеля, который, какъ близкій довѣренный короля, успѣлъ доказать пользу для Россіи расширенія германскаго могущества Пруссіи. „Побѣда прусскаго министра-президента надъ дипломатомъ, съ которымъ онъ съ 1859 года обсуждалъ на берегахъ Невы будущія судьбы Европы и котораго поддерживалъ (?) въ политическихъ затрудненіяхъ, составляла значительный моментъ столѣтней исторіи и въ то же время на-



чало новаго фазиса взаимныхъ отношеній между Пруссією и Россією“. Показались первые симптомы франко-прусской войны. Бисмаркъ, вопреки обыкновению, сопровождалъ короля въ Эмсъ, гдѣ находился также русскій посланникъ, г. Убри. Содержаніе переговоровъ осталось неизвѣстнымъ; но, очевидно, дѣло шло объ обезпеченіи австрійскаго нейтралитета Россією, замѣнь чого обѣщано было содѣйствіе пересмотру парижскаго трактата 1856 года. „Какъ бы то ни было, во время войны Россія заняла положеніе, которое принесло выгоду Германіи, сдерживая ревность Австріи, Англіи и Италіи,—державъ нейтральныхъ, но склонныхъ къ вмѣшательству“. Еще въ циркулярной нотѣ, отъ 30-го августа 1866 года, князь Горчаковъ заявилъ, что въ виду распадѣнія солидарности европейскихъ кабинетовъ Россія должна сохранить за собою свободу дѣйствій и руководствоваться исключительно своими національными интересами. Согласно этой точкѣ зрѣнія, русское правительство, въ нотѣ отъ 31-го октября 1870 года, потребовало возстановленія прежнихъ правъ своихъ на Черномъ морѣ, ограниченныхъ парижскимъ трактатомъ. Пруссія, какъ выразилъ князь Бисмаркъ англійскому уполномоченному въ Версали, была „непріятно поражена“ (?) этимъ шагомъ; онъ, будто бы, не получилъ предварительнаго сообщенія о намѣреніи Россіи. Авторъ книги признается, что эти слова были несправедливы, хотя они несомнѣнно сказаны были лорду Одо-Росселю. Бисмаркъ объяснялъ дипломатамъ, что установившееся мнѣніе объ особенной хитрости и ловкости русской политики совершенно невѣрно; „ее считаютъ крайне тонкою и безцеремонною, полною заднихъ мыслей, обходовъ и фокусовъ, а она просто безобидна; еслибы она была хитрѣе, она бы совершенно разорвала парижскій трактатъ, и ей были бы тогда благодарны, еслибы она вновь приняла нѣкоторые куски его и удовлетворилась бы возстановленіемъ верховныхъ правъ своихъ на Черномъ морѣ“. „Русскіе — говоритъ Бисмаркъ — не должны были требовать такъ мало, а гораздо больше; тогда они безъ всякихъ затрудненій получили бы все желаемое по черноморскому вопросу. Еслибы они не были столь щепетильны, они даже совсѣмъ не предъявляли бы такихъ требованій, а спокойно сооружали бы себѣ военные корабли въ Черномъ морѣ и ожидали бы, пока стануть объ этомъ дѣлать запросы. Тогда они могли бы долго тянуть переписку, и въ концѣ концовъ къ этому привели бы въ Европѣ“. На вопросы англійскаго представителя о поведеніи Пруссіи въ случаѣ англо-русскаго конфликта Бисмаркъ отвѣтилъ указаніемъ на дружественный образъ дѣйствій Россіи относительно Германіи; а онъ не раздѣляетъ мнѣнія, что въ политикѣ нѣтъ мѣста благодарности. Однако внезапное перенесеніе политическаго центра тяжести въ Берлинъ не могло нравиться князю Горчакову,

и Россія не могла отнестись равнодушно къ полному разгрому Франціи, какъ того желали бы пруссаки. Авторъ книги не понимаетъ или не признаетъ этого понятнаго чувства, и онъ въ ироническомъ тонѣ говоритъ о заигрываніяхъ съ французскою республикою. „Нота, переданная русскимъ уполномоченнымъ въ Турѣ, отличалась своею враждебностью къ Наполеону III въ такое время, когда Германія должна была считать еще открытымъ вопросъ о возможномъ заключеніи съ нимъ мира (съ плѣнникомъ?). Еще интереснѣе были объясненія, представленныя тогда устно графу Шодорди г-номъ Окуневымъ. Онъ развилъ ему ту мысль, что интересы Россіи и Франціи совпадаютъ; а когда Шодорди высказалъ, что настоящее положеніе представляетъ единственный случай для практическаго подтвержденія этой идеи, то г. Окуневъ замѣтилъ, что настоящее—не все значить въ политикѣ, что нужно считаться съ будущимъ и только этимъ путемъ можно дойти до прочныхъ и долговѣчныхъ союзовъ“.

Послѣ сѣданской побѣды, въ Берлинѣ составленъ былъ мемуаръ, въ которомъ подробно объяснялось значеніе объединенной Германіи для прочихъ государствъ. Особенно много говорится въ мемуарѣ о необходимости сохраненія могущественной Австріи и о неизбѣжности тѣснаго союза съ нею; для этого нужно, чтобы удалены были отъ власти графы Бейсть и Андраши (позднѣйшій союзникъ Бисмарка). Австро-германская дружба позволитъ австріяцамъ сократить свои обременительные военные расходы, тѣмъ болѣе, что „другой могущественный сосѣдь уже въ теченіе болѣе десятилѣтій слѣдуетъ по пути миролюбивой, обращенной, такъ сказать, внутрь, политики“ (т. е. Россія). Въ запискѣ упоминается также объ естественномъ тяготѣніи придунайской имперіи къ Черному морю, вслѣдствіе чего могутъ возникнуть обстоятельства, въ силу которыхъ Австрія вынуждена будетъ противостоять Россіи. Болѣе благоприятно поставлена Пруссія; она не имѣетъ поводовъ ожидать столкновеній съ русскими интересами. „Русско-прусская граница установлена въ 1814 году на вѣнскомъ конгрессѣ и, надѣмся—окончательно и на всѣ времена... Что образованіе новаго германскаго союза можетъ породить противоположность интересовъ между Пруссіею и Россіею,—это вполне безпочвенная французская инсинуація... Сильная Пруссія есть вѣрнѣйшая охрана слабаго мѣста Россіи—ея польскихъ земель“.

Въ 1872 году князю Бисмарку удалось устроить знаменитый тройственный союзъ, получившій свое полное выраженіе въ личномъ свиданіи трехъ императоровъ въ Берлинѣ (съ 5-го до 11-го сентября). Черезъ три года едва не разыгралась новая франко-прусская война; князь Горчаковъ вступился за Францію, и миръ былъ сохраненъ, благодаря вмѣшательству Россіи. Такъ представляется дѣло по фран-

цузскимъ и русскимъ официальнымъ источникамъ; такъ понимались берлинскія угрозы и въ газетахъ того времени. Авторъ книги называетъ всю эту исторію „русско-французскою комедіею“, вызванною, будто бы, „недоброжелательностью и тщеславіемъ русскаго канцлера“; но въ пользу Франціи вмѣшалась и англійская дипломатія, побудившая даже королеву Викторію написать императору Вильгельму собственноручное письмо въ смыслѣ сохраненія мира. Если всѣ ошибались въ 1875 году и волновались понапрасну, то почему тогда же не появилось прямого опроверженія въ официозной берлинской печати? Последняя, напротивъ, создавала и поддерживала тревогу, и никакія запоздалыя увѣренія не уничтожатъ этого безспорнаго факта. Князь Горчаковъ, въ разговорѣ съ французскимъ посланникомъ Лефлб, совѣтовалъ Франціи „быть сильною“,—и имѣлъ на это полное основаніе, въ виду угрожающаго тона германскихъ военныхъ дѣятелей и публицистовъ. Приведенныя въ книгѣ письма нѣмецкаго посла въ Петербургѣ, принца Рейсса, къ князю Бисмарку доказываютъ только, что въ Берлинѣ старались смягчить и замаскировать военные планы обычными миролюбивыми увѣреніями. Когда принцу Рейссу было указано на угрозы официозной берлинской прессы, то онъ замѣтилъ лишь, что самъ канцлеръ жалуется на эту прессу, и что, впрочемъ, Россія не станетъ вѣдъ руководствоваться газетными статьями при оцѣнкѣ истинныхъ намѣреній прусской политики. Слабость этого отвѣта бросается въ глаза. Одно категорическаго слова князя Бисмарка въ „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“ было бы достаточно, чтобы въ-время успокоить Европу; а онъ не произноситъ этого слова, несмотря на общее волненіе и громкій воинственный шумъ. Какую силу могутъ послѣ этого имѣть позднѣйшіе рассказы о томъ, что весь этотъ шумъ, исходившій отъ берлинскихъ официозовъ, былъ выдуманъ, будто бы, княземъ Горчаковымъ и его французскими друзьями? Успокоительная нота, разсланная тогда русскимъ канцлеромъ, была неприятна для князя Бисмарка, который вспомнилъ объ этомъ во время берлинскаго конгресса. „Я сказалъ русскому канцлеру,—выразился онъ, между прочимъ, въ разговорѣ съ корреспондентомъ „Times'a“, въ 1878 году,—что я добрый другъ съ друзьями и добрый врагъ съ противниками. И князь Горчаковъ убѣдился въ этомъ во время восточныхъ замѣшательствъ за послѣдніе два года. Не будь дѣла 1875 г., онъ не былъ бы теперь тамъ, гдѣ онъ есть (т.-е. на берлинскомъ конгрессѣ) и не испыталъ бы той политической неудачи, которую онъ теперь потерялъ“. Изъ этого видно, что германскій канцлеръ вполне сознавалъ двусмысленность нѣмецкой политики въ восточномъ вопросѣ и особенно во время берлинскаго конгресса,—объясняя это поведеніе личными счетами съ княземъ Горчаковымъ. Портить отношенія съ

великою державою, оказавшею Пруссіи великія услуги, и руководиться при этомъ личною местию,—было довольно странно, и потому это обстоятельство отрицалось впоследствии, хотя и голословно. Уже въ декабрѣ 1876 года князь Бисмаркъ высказывалъ мнѣніе, что „кризисъ можетъ сдѣлаться серьезнымъ, если Австрія втянулась бы въ столкновение и цѣлость ея подвергалась бы опасности; ибо тогда Германія была бы призвана вступить за Австрію и вообще за сохраненіе теперешней карты Европы“. Поворотъ берлинскаго кабинета въ сторону Австріи и противъ Россіи установился такимъ образомъ еще до начала войны и до берлинскаго конгресса; онъ послѣдовалъ въ сущности тотчасъ послѣ „исторіи“ 1875 года.

На берлинскомъ конгрессѣ, какъ доказываетъ авторъ, Германія старалась быть вполне безпристрадною; она поддерживала формальныя требованія Россіи и заботилась объ устраненіи опасности англо-русской войны. Русская дипломатія не обращалась за поддержкою къ берлинскому кабинету для сохраненія тѣхъ или другихъ условій санъ-стефанскаго договора; она предпочитала непосредственно вести переговоры съ Англіею, и всѣ рѣшенія конгресса представляли лишь ратификацію тайнаго соглашенія между графомъ Шуваловымъ и маркизомъ Сольсбери. Авторъ упускаетъ изъ виду, что положеніе Россіи, какъ великой державы, запрещало ей ходатайствовать передъ германскимъ канцлеромъ о защитѣ ея интересовъ; она должна была ожидать перваго шага отъ Пруссіи, подобно тому, какъ въ 1870 году сочувственное заявленіе русскаго правительства было сдѣлано безъ особой о томъ просьбы изъ Берлина. Вѣроятно, образъ дѣйствій князя Бисмарка былъ слишкомъ „безпристрастенъ“, и русскимъ дипломатамъ ничего не оставалось, какъ вступить въ прямые переговоры съ государственными людьми Англіи и Австріи. Крупныя политическія ошибки, допущенныя во время турецкой войны и слѣдовавшей за нею дипломатической кампаніи, настолько извѣстны, что на нихъ нѣтъ надобности останавливаться. Авторъ утверждаетъ, что Германія не имѣла никакого интереса ни въ уничтоженіи санъ-стефанскаго договора, ни въ созваніи конгресса, ни въ отдачѣ австрійцамъ Босніи съ Герцеговиною; все это было дѣломъ добровольной уступчивости со стороны Россіи. Еслибы Россія настаивала на принятіи первоначальныхъ условій мира, то Германія нисколько не мѣшала бы этому. Но такая постановка вопроса, очевидно, ничего не объясняетъ и не отвергаетъ, ибо о прямомъ противодѣйствіи князя Бисмарка не могло быть вообще и рѣчи, въ виду важности для нѣмцевъ русской дружбы при натянутыхъ франко-германскихъ отношеніяхъ. Каковы бы ни были явные промахи, нерѣшительность и слабость русской дипломатіи, но этимъ все-таки не устраняется тотъ несомнѣнный фактъ.

что берлинскій кабинетъ не обнаруживалъ особенной предупредительности относительно Россіи во время балканскаго кризиса 1876—77 годовъ и на берлинскомъ конгрессѣ 1878 года. Впрочемъ, это можно было предвидѣть съ 1875 года, какъ замѣчено выше.

Попытки автора объяснить дальнѣйшее охлажденіе между Германіею и Россіею какимъ-то разговоромъ князя Горчакова съ сотрудникомъ газеты „Soleil“ въ 1879 году и враждебными статьями русскихъ газетъ—едва ли покажутся кому-либо вполне убѣдительными. Разговоръ русскаго канцлера съ французскимъ журналистомъ происходилъ 11-го сентября, а черезъ день князь Бисмаркъ былъ въ Вѣнѣ для заключенія союза съ Австріею, чему предшествовали, конечно, предварительныя письменныя сношенія. Нельзя предположить, что германскій канцлеръ придумалъ планъ этого союза только послѣ того, какъ князь Горчаковъ повторилъ французамъ свой совѣтъ „быть сильными“. Еще менѣе можно допустить, что главную роль играли въ этомъ случаѣ русскія газеты, нападавшія на берлинскій трактатъ и на Германію. Императоръ Вильгельмъ весьма неохотно поддавался убѣжденіямъ своего канцлера и долго колебался признать совершившуюся перемѣну въ отношеніяхъ между Пруссіею и Россіею; онъ увеличивалъ знаки личнаго вниманія къ русскому правительству, а извѣстныя свиданія 1884 и 85 годовъ, въ Скерневицахъ и въ Кремзирѣ, указывали какъ будто на возстановленіе прежней дружбы трехъ имперій. Срокъ этого тройственнаго соглашенія окончился весною 1887 года, и новый походъ берлинскихъ оффиціозовъ противъ Франціи не былъ благопріятнымъ симптомомъ настроенія въ Берлинѣ. Авторъ рассказываетъ о русско-французскихъ отношеніяхъ за послѣдніе годы,—большею частью на основаніи свѣденій нѣмецкихъ газетъ; потому дѣлаемые по этому предмету выводы не заслуживаютъ вниманія.—L.



## ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-го декабря 1887.

Впечатлѣнія уѣзднаго гласнаго.—Глубокіе корни, пущенные земскою школою.—Новое распоряженіе относительно преподаванія древнихъ языковъ.—Служи объ ограниченіи программы высшихъ женскихъ курсовъ.—Отрывки изъ одной недавней рѣчи и изъ одного не совсѣмъ недавняго психологическаго изслѣдованія.—Опять вопросъ о словѣ: „вланусь“.

Въ началѣ текущаго года <sup>1)</sup> мы занесли въ нашу хронику очеркъ сессіи одного изъ уѣздныхъ земскихъ собраній нашей губерніи, близко намъ знакомаго. Дополнимъ представленную тогда картину впечатлѣніями, вынесенными нами изъ послѣднихъ, октябрьскихъ засѣданій того же собранія. Жизнь нашихъ уѣздовъ такъ единообразна, что по одному изъ нихъ можно, до извѣстной степени, судить о многихъ другихъ; сходныя условія приводятъ, сплошь и рядомъ, къ сходнымъ результатамъ.

Уже во время предыдущей сессіи собранія можно было замѣтить, что въ нашъ уѣздъ проникла модная агитація противъ свѣтской, земскою школы—проникла, но еще не окрѣпла, не собралась съ силами. Никто не вносилъ предложеній, прямо направленныхъ къ цѣли, никто не требовалъ уменьшенія школьнаго бюджета; враждебныя дѣйствія имѣли скорѣе характеръ рекогносцировки. Указывалось на отдаленность земскихъ школъ отъ большинства населенія, на удобства, представляемая съ этой точки зрѣнія крестьянскими школами грамотности, на достоинства и заслуги учителей изъ среды отставныхъ солдатъ. Ожидался, повидимому, сочувственный отзывъ на эти заявленія со стороны гласныхъ отъ крестьянъ; но они молчали, и аванпостная стычка не обратилась въ генеральное сраженіе. Застрѣльщики почувствовали себя, вдобавокъ, плохо вооруженными. Они утверждали, напримѣръ, что отставные солдаты составляютъ большинство между такъ-называемыми хозяевами учителями—а по справкѣ съ документомъ (отчетомъ училищнаго совѣта), находившимся въ рукахъ каждаго гласнаго, но прочитаннымъ не всѣми, оказалось, что отставные солдаты были преподавателями только въ одиннадцати школахъ грамотности изъ числа семидесяти-деяти. Какъ бы то ни было, все осталось по старому, но грозовыя тучи продолжали висѣть надъ земскою школою, постепенно сгущаясь и чернѣя. Прошло нѣсколько

<sup>1)</sup> См. Обществ. Хрон. въ № 3 „Вѣстника Европы“.

мѣсяцевъ; гласные съѣхались для новой сессіи. Въ частномъ совѣщаніи, происходившемъ наканунѣ открытія собранія—приглашены были, конечно, только лица „благонадежныя“ или по крайней мѣрѣ не со-всѣмъ „безнадежныя“,—рѣшено было произвести открытое нападеніе на земскую школу. Исходная точка для атаки была выбрана самая современная; предполагалось выставить на видъ громадныя преимуще-ства церковно-приходскихъ училищъ, въ пользу которыхъ и должно было произойти—не безъ экономіи для земской кассы—ограниченіе круга дѣйствій земской школы. Говорятъ, что между нападающими распределены были даже роли, но нападеніе опять не состоялось или, лучше сказать, остановилось въ самомъ началѣ. Вотъ какъ происходило дѣло.

Идетъ вечернее засѣданіе. Предсѣдатель собранія объявляетъ перерывъ на десять минутъ, послѣ котораго начнется обсужденіе доклада училищнаго совѣта. Проходитъ четверть часа; засѣданіе вновь открыто, секретарь приступаетъ къ чтенію доклада, но его останавливаетъ одинъ изъ гласныхъ, указывая на отсутствіе гласныхъ отъ крестьянъ. Обнаруживается, что кто-то сказалъ имъ: „засѣданіе начнется не раньше какъ черезъ часъ, вы успеете выпить чаю“—и, повѣривъ этому, они ушли въ трактиръ. Собраніе, очень хорошо понимая, что школьный вопросъ всего ближе касается именно крестьянъ, рѣшаетъ отложить на время чтеніе доклада училищнаго совѣта и переходить къ другому, менѣе важному очередному вопросу. Гласные отъ крестьянъ возвращаются, наконецъ, въ залу засѣданій. Прочитывается заключительная часть доклада училищнаго совѣта, констатирующая успѣшный ходъ учебнаго дѣла и перечисляющая главныя его потребности: открытіе нѣсколькихъ новыхъ школъ, въ волостяхъ, наиболѣе въ этомъ отношеніи отставшихъ, и улучшеніе положенія учительницъ и учителей, большинство которыхъ получаетъ въ годъ не болѣе 200—240 рублей. Училищный совѣтъ не рѣшается просить увеличенія расходовъ на школы; онъ только приводитъ данныя, доказывающія необходимость этой мѣры. Чтеніе окончено; наступаетъ рѣшительная минута. Встаетъ одинъ изъ гласныхъ—тотъ самый, который восхвалялъ, въ прошлый разъ, школы грамотности и учителей изъ отставныхъ солдатъ. Онъ желаетъ знать, сколько въ уѣздѣ церковно-приходскихъ школъ. Ему замѣчаютъ, что подробныя свѣденія объ этомъ имѣются на лицѣ въ докладѣ училищнаго совѣта. Опять, слѣдовательно, нападающіе не снабдили себя заблаговременно всѣмъ нужнымъ для нападенія; они опять не прочли того доклада, который является первымъ препятствіемъ на ихъ пути. *Cela jette du froid*, какъ говорятъ французы; неприятно споткнуться, едва тронувшись съ мѣста. Гласный, однако, продолжаетъ; онъ говоритъ, что въ

соѣдствѣ съ его имѣніемъ существуетъ прекрасная церковно-приходская школа, ничего не стоящая земству и содержимая исключительно на счетъ добротныхъ дателей. Другой гласный подтверждаетъ этотъ удивительный фактъ и спѣшитъ объяснить его тѣмъ, что въ церковно-приходской школѣ не только обучаютъ грамотѣ, но и даютъ религіозно-правственное воспитаніе. И такъ, въ уѣздѣ никогда не было ничего подобнаго? Нужно было открытіе церковно-приходскихъ школъ, чтобы привлечь частныхъ людей къ пожертвованіямъ на школьное дѣло? Нѣтъ; въ введеніи училищнаго совѣта давно уже есть нѣсколько начальныхъ школъ, открытыхъ и поддерживаемыхъ мѣстными землевладѣльцами. Выслушавъ напоминаніе объ этомъ, нападающіе, очевидно, смущены; слишкомъ для всѣхъ ясно, что они вовсе не знаютъ дѣйствительнаго положенія школьнаго дѣла. Имъ возражаютъ, что религіозно-правственное воспитаніе составляетъ задачу не одной лишь церковно-приходской школы, что земская школа, въ лицѣ лучшихъ представителей своихъ—а ихъ въ уѣздѣ не мало, также не ограничивается *обученіемъ* народа, не видитъ свою задачу исключительно въ распространеніи грамотности; они ничего не могутъ на это отвѣтить, потому что едва ли даже и заглядывали когда-либо въ земскую школу. Встаетъ одинъ изъ крестьянъ и заявляетъ, что земская школа хороша для народа, что никакихъ перемѣнъ въ школьномъ дѣлѣ не нужно. Недоброжелатели школы чувствуютъ себя разбитыми, еще не начинавъ настоящей атаки. Они дѣлаютъ послѣднюю попытку удержать за собой, по крайней мѣрѣ на время, поле битвы; они предлагаютъ отложить утвержденіе расхода на народное образованіе до рассмотрѣнія общей смѣты, надѣясь, по всей вѣроятности, либо на прибытіе свѣжихъ силъ—одного изъ гласныхъ, извѣстнаго своимъ нерасположеніемъ къ земской школѣ, не было на лицо въ собраніи,—либо на какую-нибудь другую, непредвидѣнную случайность. Этотъ маневръ не удается: противъ отсрочки поднимаются, какъ одинъ человѣкъ, всѣ крестьяне и составляютъ, вмѣстѣ съ защитниками земской школы изъ среды землевладѣльцевъ, внушительное большинство, свидѣтельствующее о полной безнадежности дальнѣйшихъ нападений. Расходъ на народное образованіе утвержденъ; остается открытымъ, до слѣдующаго дня, только вопросъ о его *увеличеніи*.

На слѣдующій день собранію докладывается заявленіе одного изъ наблюдателей надъ церковно-приходскими школами уѣзда. „Церковно-приходская школа—говорится въ этомъ заявленіи—становится въ ряду другихъ образовательныхъ заведеній учрежденіемъ по преимуществу *воспитательнымъ*, имѣя цѣлью утверждать въ народѣ православное ученіе вѣры и нравственности христіанской... Въ мате-



риальномъ отношеніи особое попеченіе о церковно-приходскихъ школахъ прилагаетъ, въ нашей епархіи, братство, состоящее изъ 709 членовъ. Въ числѣ оныхъ, между прочимъ, состоятъ двѣнадцать епископовъ, два министра, начальникъ губерніи, директоръ народныхъ училищъ, свѣтлѣйшіе князья, сіятельнѣйшіе графы, ихъ высокопревосходительства и почетные граждане... Духовенство даннаго уѣзда, не посягая на какое-либо другое право, кромѣ нравственнаго руководства къ высшимъ духовнымъ цѣлямъ, задается основною цѣлью церковно-приходскихъ школъ, чтобы проникнуть животворнымъ духомъ православной церкви населеніе уѣзда и положить прочное основаніе религіозно-нравственному воспитанію народа. Среди вѣжливо-холодныхъ сужденій, со скудными матеріальными средствами, мы робко и боязливо выступаемъ на свое поприще съ церковно-приходскою школою; но не уполномоченные передовѣрять высочайшее къ намъ довѣріе, ищемъ вашего просвѣщеннаго содѣйствія и матеріальной помощи въ семъ важномъ дѣлѣ, чтобы оказаться достойными своего высокаго призванія, смѣло рассчитывая на ваше патріотическое чувство“. Не все въ этомъ заявленіи одинаково ясно (довольно трудно понять, напримѣръ, что значитъ фраза о „передовѣріи“), но самая его неясность могла бы придать ему особый вѣсъ, еслибы только оно упало на хорошо подготовленную почву. На однихъ могли бы повліять заключительныя слова заявленія, на другихъ—ссылка на „свѣтлѣйшихъ князей и сіятельнѣйшихъ графовъ“, на третьихъ—указаніе на „воспитательный“ характеръ церковно-приходской школы. Противовѣсомъ всему этому явились, въ данномъ случаѣ, два мотива, съ большей или меньшей силой дѣйствовавшіе на всѣхъ гласныхъ. Первый изъ нихъ—это нежеланіе мѣнять вѣрное на невѣрное. Крестьянамъ очень хорошо извѣстно, что земская школа—всегда и вездѣ реальный фактъ, а церковно-приходская школа—иногда одно только названіе. Одинъ изъ гласныхъ отъ сельскихъ обществъ прямо называетъ деревню, въ которой церковно-приходская школа числится по спискамъ, но не существуетъ на самомъ дѣлѣ. Другой мотивъ—это опасеніе новыхъ расходовъ, ускользающихъ, притомъ, отъ всякаго контроля со стороны земства. Уменьшить бюджетъ земской школы и обратить часть сбереженныхъ этимъ путемъ денегъ на поддержку церковныхъ школъ—таковъ былъ планъ, составленный до открытія собранія. Разъ что онъ не удался, защитники школьной ломки складываютъ оружіе, впредь до болѣе благоприятной комбинаціи обстоятельствъ. Сочувствіе ихъ къ церковно-приходской школѣ вовсе не такъ велико, чтобы побудить ихъ къ новой ассигновкѣ, т. е. къ повышенію земскаго сбора. Заявленіе на бюджетателя отклоняется собраніемъ почти единогласно.

Собрание переходитъ къ обсужденію смѣты. Наше уѣздное земство, какъ и большинство другихъ, давно уже вышло изъ того періода, когда земскій бюджетъ возрасталъ безпрепятственно и быстро, когда гласными еще не овладѣлъ страхъ передъ каждымъ новымъ расходомъ. Сокращеніе расходовъ во что бы то ни стало не стоитъ еще у насъ на очереди, но всякое ихъ увеличеніе дается съ большимъ трудомъ. Зная это настроеніе собранія, защитники земской школы не рѣшаются прямо предложить прибавку къ школьному бюджету, не рѣшаются тѣмъ болѣе, что имъ только-что удалось, съ большимъ трудомъ, провести дополнительную ассигновку по врачебной части. Они останавливаются на слѣдующемъ планѣ дѣйствій. Въ смѣту вносятся, нѣсколько лѣтъ сряду, 2.000 рублей на пособіе сельскимъ обществамъ по найму сотскихъ и десятскихъ. Въ основаніи этого назначенія—состоявшагося, какъ и слѣдовало ожидать, въ эпоху „диктатуры сердца“—лежитъ совершенно вѣрная мысль о все-сословномъ характерѣ службы, отправляемой сотскими и десятскими, о нравственной обязанности всѣхъ жителей уѣзда принимать участіе въ расходѣ, для всѣхъ полезномъ и необходимомъ. Совершенно исключить изъ смѣты пособіе сотскимъ и десятскимъ было бы, поэтому, явной несправедливостью. Другое дѣло—нѣкоторое его уменьшеніе, лишь бы только сберегаемая такимъ образомъ сумма пошла на пользу сельскаго населенія. Этимъ путемъ и рѣшаются идти защитники земской школы; они предлагаютъ сократить смѣтную статью по найму сотскихъ и десятскихъ на 300 рублей, съ тѣмъ, чтобы на эти деньги открыть, осенью 1888 г., пять новыхъ земскихъ школъ, въ мѣстностяхъ, намѣченныхъ училищнымъ совѣтомъ. Шестидесяти рублей на каждую школу, въ теченіе одной трети года, достаточно потому, что наемъ помѣщенія, съ отопленіемъ и прислугой, и часть учительскаго жалованья принимаетъ на себя волость или сельское общество, на территоріи которыхъ открывается школа. Противники земской школы возражаютъ, но нерѣшительно и слабо; главное ихъ оружіе—воплъ объ экономіи—оказывается непригоднымъ, такъ какъ новыя школы не потребуютъ въ 1888 г.—въ сравненіи съ общей цифрой прошлогоднихъ расходовъ—ни одной лишней копѣйки изъ земской кассы. Гласные отъ крестьянъ не совсѣмъ охотно соглашались на уменьшеніе пособія сотскимъ и десятскимъ, но даже изъ ихъ среды раздается голосъ въ пользу этой мѣры, и за нее высказывается большинство голосовъ. Результатъ получается довольно неожиданный: вмѣсто задуманнаго униженія и сокращенія земскихъ школъ—увеличеніе ихъ числа и громкое признаніе приносимой ими пользы.

Не безслѣдно прошла сессія и для врачебнаго дѣла въ уѣздѣ.

Мы уже говорили о его колебаніяхъ. До 1879 г. громадный уѣздъ (9.000 квадратныхъ верстъ, съ 90 тысячами жителей) имѣлъ только двухъ врачей. Они оба жили въ уѣздномъ городѣ (расположенномъ далеко не въ центрѣ уѣзда); одинъ завѣдывалъ больницей, другой разъѣзжалъ по уѣзду, фельдшеровъ было не болѣе четырехъ, по два при каждомъ врачѣ. Громадное большинство населенія оставалось вовсе безъ врачебной помощи. Въ 1879 г. собраніе рѣшаетъ пригласить еще двухъ врачей и открыть въ уѣздѣ два пріемныхъ покоя. Это исполняется въ 1880 г.; подъ одинъ изъ пріемныхъ покоевъ нанимается, по долгосрочному контракту, специально устроенное для него помѣщеніе—но въ томъ же 1880 г. собраніе постановляетъ возвратиться къ прежнему порядку, и нанятое помѣщеніе четыре года стоитъ пустымъ, обременяя земскую смѣту совершенно непроизводительнымъ платежемъ въ 800 рублей. Въ 1881 г. населеніе уѣзда получаетъ хоть какую-нибудь медицинскую помощь въ видѣ девяти фельдшеровъ и фельдшерницъ, расселяемыхъ по волостямъ. Въ 1882 г. учреждается врачебный совѣтъ, но уже годъ спустя подвергается передѣлкѣ, обращающей его въ мертвую букву. Въ 1884 г. въ южную (наиболѣе населенную) часть уѣзда назначается, наконецъ, особый врачъ. Въ 1886 г. возстановляется врачебный совѣтъ, въ прежнемъ его видѣ, и къ концу 1887 г. уѣздъ имѣетъ уже, кромѣ больницы и больничнаго доктора, четырехъ врачей и три пріемныхъ покоя. Успѣшному ходу дѣла способствовало больше всего пожертвованіе богатаго землевладѣльца, устроившаго на свой счетъ пріемный покой и принявшаго на себя содержаніе одного изъ врачей; но и управа, поддерживаемая врачебнымъ совѣтомъ, сдѣлала все зависѣвшее отъ нея, стараясь, по возможности, не выходить изъ смѣты <sup>1)</sup>. Въ концѣ концовъ, однако, расширеніе дѣла безъ увеличенія расходовъ должно было оказаться невозможнымъ. Чтобы избѣжать страшнаго слова: *новая ассигновка*, управа предлагала назначить на покупку медикаментовъ ту же сумму (600 рублей), что и прежде, тогда какъ при пяти врачахъ лекарствъ непремѣнно должно потребоваться гораздо больше, чѣмъ при трехъ. Послѣдствіемъ излишней осторожности должно было явиться либо превышеніе смѣты, либо такое скупое расходование лекарствъ, которое парализовало бы, отчасти, благотворные результаты реформы. Въ виду всего этого одинъ изъ гласныхъ рѣшился поставить точку надъ *і*, т.-е. предложить увеличеніе, на 500 рублей, смѣты по врачебной части. Мотивировалъ онъ свое предложеніе, между прочимъ, тѣмъ, что общая цифра расходовъ понизилась, вслѣд-

<sup>1)</sup> Избытокъ предложенія со стороны врачей позволилъ управѣ пригласить двухъ врачей за 1200 р. въ годъ, вмѣсто прежнихъ 1500, а женщину-врача—даже за 600 руб.

ствіе болѣе выгодныхъ для земства условій сдачи земскихъ пунтовъ<sup>1)</sup>; онъ указалъ, что и при новой ассигновкѣ смѣтный итогъ будетъ меньше, чѣмъ въ прошломъ году. Нашлись ревнители экономіи, которыхъ не смягчило даже это указаніе. Они возстали противъ мысли, чтобы уменьшеніемъ одной статьи расхода оправдывалось возвышеніе другой, хотя бы и особенно важной. Съ ихъ точки зрѣнія, первая обязанность земства — уменьшеніе смѣты; каждое сбереженіе, въ чемъ бы оно ни заключалось, должно быть окончательнымъ и безповоротнымъ. Смѣтные остатки причисляются, какъ извѣстно, къ доходамъ слѣдующаго года; это начало господа „экономисты“ пытались примѣнить къ процессу установленія будущей смѣты, съ которымъ оно, очевидно, не имѣетъ ничего общаго. Усилія ихъ остались тщетными; собраніе, значительнымъ большинствомъ голосовъ, утвердило новую ассигновку въ 500 рублей и назначило, сверхъ того, 150 рублей въ субсидію фельдшерскому приемному покою, устрояемому въ одной изъ волостей, на счетъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ и сельскихъ обществъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ такое явленіе, въ нашемъ уѣздѣ, было бы совершенно невозможно; крестьянскія общества нигдѣ не принимали на себя участія въ организаціи врачебной помощи, гласные отъ крестьянъ возставали, въ собраніи, противъ увеличенія смѣты по медицинской части. Теперь значеніе медицины перестало быть непонятнымъ для населенія, и близко, быть можетъ, время, когда каждая волость будетъ имѣть свою аптечку, своего фельдшера, свой небольшой приемный покой, содержимый отчасти на счетъ земства, отчасти на счетъ мѣстныхъ жителей. Установится, другими словами, такой же порядокъ, который давно уже существуетъ по отношенію къ земскимъ или, правильнѣе, земско-общественнымъ школамъ.

Въ томъ отношеніи крестьянъ къ начальной школѣ, свидѣтелемъ котораго намъ привелось быть въ нашемъ родномъ уѣздѣ, нѣтъ ничего исключительнаго, необыкновеннаго. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что земская школа почти вездѣ пользуется сочувствіемъ населенія. Предоставленное самому себѣ, земство едва ли наложитъ руку на свое великое дѣло, едва ли откажется отъ мѣста, принадлежащаго ему по праву въ области народнаго образованія. Походы на земскую школу не всегда остаются на степени проекта; стремленія, кое-гдѣ, переходятъ въ дѣйствія, но рѣдко приводятъ къ цѣли. Въ иныхъ мѣстахъ замѣтно даже обратное теченіе. До крайности странное впечатлѣніе производятъ, въ виду всего этого, такіе документы,

<sup>1)</sup> Такъ называются мѣста содержанія лошадей для развѣздовъ должностныхъ лицъ, земскихъ врачей и фельдшеровъ и членовъ земской управы.

какъ напечатанное, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, объявленіе объ изданіи въ Кіевѣ новаго журнала: „Церковно-приходская школа“. Начинаясь словами: „Державною волею Государя Императора народныхъ школы снова предоставлены церкви“—какъ будто бы положеніе 13-го іюня 1884 г. сосредоточило въ рукахъ духовенства завѣдываніе *всѣми* вообще начальными школами—объявленіе это содержитъ въ себѣ, между прочимъ, слѣдующую фразу: „духовенству предстоитъ удовлетворить желанію народа, который хочетъ, чтобы школа для его дѣтей имѣла тѣсную связь съ церковью; чтобы знаніе грамоты открывало ему доступъ къ книжнымъ сокровищамъ религіознаго назиданія и утѣшенія, чтобы дѣти участвовали чтеніемъ и пѣніемъ въ богослуженіи и могли дома читать родителямъ душеспасительныя и полезныя въ крестьянскомъ быту книги“. Мы доказывали уже много разъ, что всѣ эти задачи могутъ быть исполнены и дѣйствительно исполняются не одной только церковно-приходской школой, что масса народа вовсе не отдаетъ ей систематическаго предпочтенія предъ земскою школою; ограничимся теперь только одной цитатою, заимствованною, за то, изъ источника, авторитетнаго для приверженцевъ церковной школы—изъ „Московскихъ Вѣдомостей“ (№ 299). Въ московскомъ уѣздѣ, въ истекшемъ учебномъ году, на каждую земскую школу (числомъ 61) приходилось, въ среднемъ выводѣ, 76 учениковъ, на министерскую (числомъ 3)—столько же, на частную (числомъ 24)—58, на церковно-приходскую (числомъ 5)—*пятьдесятъсемь*. „Населеніе уѣзда, посылающее дѣтей своихъ въ училища, — читаемъ мы дальше, — весьма дорого цѣнить умѣнье ихъ читать церковныя книги и пѣть церковныя пѣснопѣнья, а вмѣстѣ съ тѣмъ и присутствіе дѣтей при богослуженіи“. Начальныя народныя училища, по свидѣтельству отчета о ихъ состояніи, „съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе стараются удовлетворять этой народной духовной потребности. Въ двѣнадцати народныхъ училищахъ дѣти читаютъ и поютъ на клиросѣ во время богослуженія“. Въ виду такихъ фактовъ, не пора ли окончателно замѣнить формулу: *церковно-приходская школа—вмѣсто земской или надъ нею*—другою, болѣе миролюбивою: *церковно-приходская школа рядомъ съ земскою и на равномъ съ нею правѣ?*

Продолжаемъ заносить въ нашу хронику факты, бросающіе свѣтъ на новое положеніе дѣлъ въ сферѣ средняго образованія. Павлоградское уѣздное земство (екатеринославской губерніи) участвуетъ въ содержаніи мѣстныхъ прогимназій, мужской и женской. Въ послѣдней сессіи своей уѣздное собраніе постановило ходатайствовать передъ министерствомъ народнаго просвѣщенія объ освобожденіи

земства отъ этого расхода, такъ какъ несправедливо тратить земскія средства, доставляемыя преимущественно крестьянами, на содержаніе учебныхъ заведеній, въ которыя крестьянскимъ дѣтямъ прегражденъ доступъ. Одно изъ двухъ: или ходатайство это (за которое высказались не только гласные отъ сельскихъ обществъ, но и гласные-представители личныхъ землевладѣльцевъ) будетъ уважено — въ такомъ случаѣ Павлоградъ очутится безъ среднихъ учебныхъ заведеній, потому что содержаніе ихъ не подѣ силу одному городскому обществу; или ходатайство будетъ отклонено — и въ такомъ случаѣ останется въ силѣ порядокъ, потерявшій, съ изданіемъ іюньскаго циркуляра, всякое право на существованіе. Желательно было бы знать, сколько городовъ и уѣздовъ переживаютъ, въ настоящую минуту, ту же самую дилемму?

Іюньскій циркуляръ не коснулся, прямо и открыто, женскихъ гимназій и прогимназій; но и для нихъ, повидимому, наступилъ такой же кризисъ, какъ и для мужской средней школы. Способствуетъ этому, безъ сомнѣнія, увеличеніе платы за ученіе. Петербургскія женскія гимназіи не подчинены, большею частью, министерству народнаго просвѣщенія — и все-таки число учащихся, въ восьми гимназіяхъ, уменьшилось на 250 (3118 ученицъ вмѣсто 3368), т.-е. на такую цифру, которая равняется общему числу учащихся въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ <sup>1)</sup>. Это значитъ, по справедливому замѣчанію „Новостей“, что „восемь гимназій въ текущемъ учебномъ году выполняютъ ту же работу, какою въ прошломъ году выполняли семь гимназій. Говоря иначе, въ нынѣшнемъ году непроизводительно расходуется содержаніе цѣлой женской гимназіи — что, понятно, сильно возвышаетъ расходъ на одно лицо, получающее въ Петербургѣ среднее женское образованіе“. Въ концѣ концовъ для устраненія этой аномаліи придется, пожалуй, закрыть одну женскую гимназію, въ вѣщшему торжеству газетныхъ реакціонеровъ, еще весной нынѣшняго года предвѣщавшихъ и привѣтствовавшихъ сокращеніе числа общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній.

Гораздо цѣлесообразнѣе, чѣмъ искусственное ограниченіе числа учащихся и училищъ, представляются мѣры, направленные къ облегченію ученія или къ улучшенію достигаемыхъ имъ результатовъ. Таковы, по своей цѣли, новѣйшій циркуляръ министерства народнаго просвѣщенія, относящійся къ преподаванію древнихъ языковъ. Онъ обязываетъ преподавателей не ограничиваться, при задаваніи уроковъ, указаніемъ того, что нужно приготовить, но разъяснять всѣ мѣста, могущія представить затрудненія для класса. Раціональность

<sup>1)</sup> Въ екатерининской гимназіи, напримѣръ, было 259 ученицъ.

и гуманность этого требованія совершенно очевидны; остается только желать, чтобы оно получило широкое примѣненіе. Другая задача циркуляра—усилить чтеніе авторовъ, т.-е. выдвинуть на первый планъ ту сторону преподаванія, которая всего меньше процвѣтаетъ въ нашихъ гимназіяхъ. Сама по себѣ, эта задача какъ нельзя болѣе симпатична; господство классицизма имѣетъ извѣстное оправданіе только тогда, когда ученики выносятъ изъ гимназіи умѣнье понимать авторовъ, а слѣдовательно и возможность, и охоту пользоваться ими. Болѣе спорны средства, рекомендуемыя циркуляромъ. Преподавателямъ древнихъ языковъ предписывается обратить особенное вниманіе на заучиванье словъ и спрашивать ихъ у учениковъ даже въ старшихъ классахъ. Ученикамъ запрещается пользованіе подстрочными переводами и изданіями съ специальными словарями; они должны отыскивать слова непременно по большимъ словарямъ Шульца, Вейсмана и др. Въ седьмомъ и восьмомъ классахъ назначаются, наконецъ, особые часы для чтенія авторовъ безъ предварительной подготовки à livre ouvert. Заучиванье словъ и теперь широко практикуется во многихъ гимназіяхъ, но безъ особаго успѣха. Механически воспринимаемая память, они легко стираются въ ней или не являются, когда нужно, на призывъ своего обладателя. Спрашиванье ихъ въ старшихъ классахъ можетъ только увеличить нерасположеніе къ древнимъ языкамъ, безъ того уже свойственное слишкомъ многимъ гимназистамъ; чѣмъ старше ученикъ, тѣмъ тяжелѣе для него механическое отношеніе къ дѣлу. Къ чему, притомъ, отдѣльное спрашиванье вокабулъ, когда богатство или бѣдность лексическаго матеріала, находящагося въ распоряженіи ученика, обнаруживается на каждомъ шагѣ при чтеніи автора à livre ouvert?.. Преслѣдованіе подстрочныхъ переводовъ вполне понятно и законно; позволяя обходиться безъ самостоятельнаго умственнаго труда, они уничтожаютъ или до крайности уменьшаютъ то развивающее значеніе, которое можетъ и долженъ имѣть переводъ съ иностранныхъ языковъ. Что касается до изданій съ специальными словарями, то здѣсь мы можемъ согласиться съ циркуляромъ только отчасти. Привыкнуть къ пользованію „большимъ“ словаремъ, бесспорно, необходимо—необходимо уже потому, что оно усиливаетъ работу мысли, заставляя дѣлать сознательный выборъ между множествомъ сходныхъ словъ, между множествомъ значеній одного и того же слова; но разъ что эта привычка приобрѣтена—для чего доволно, кажется, одного года или, самое болѣе, двухъ лѣтъ (т.-е. чтенія Корнелія Непота въ третьемъ, Цезаря—въ четвертомъ классѣ)—обязательное обращеніе къ „большому“ словарю является просто потерей времени. Замѣтимъ, вдобавокъ, что изъ домашняго употребленія подстрочники и изданія съ специальными словарями не могутъ

быть изгнаны никакими запрещеніями гимназическаго начальства. Единственный вполнѣ надежный способъ борьбы—это такой образъ дѣйствій со стороны учителя, который сразу возбуждалъ бы въ ученикахъ стараніе преодолевать препятствія, сознаніе наслажденія, сопряженнаго съ побѣдой надъ трудностями. Для учениковъ долженъ сдѣлаться совершенно яснымъ самый процессъ перевода, имъ должны быть указаны лучшіе пути, ведущіе къ пониманію мысли автора. Переводъ въ классѣ, при непосредственномъ участіи учителя, долженъ идти рука объ руку съ переводомъ домашнимъ, служа для него образцомъ и руководствомъ. На практикѣ—мы имѣли случай въ этомъ убѣдиться—преобладаетъ то одинъ, то другой способъ перевода, причѣмъ переводъ въ классѣ (мы говоримъ въ особенности о классахъ третьемъ и четвертомъ) дѣлается иногда почти исключительно самимъ учителемъ. Ученики, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, вовсе не привыкаютъ къ самостоятельности—а при противоположной системѣ, предоставленные самимъ себѣ, не научаются правильнымъ приемамъ работы. Одного усвоенія этихъ приемовъ еще недостаточно, впрочемъ, для того, чтобы ученики старшихъ классовъ могли свободно переводить *à livre ouvert*. Это достижимо въ такомъ лишь случаѣ, если переводу съ древнихъ языковъ на русскій будетъ съ самаго начала (т.-е. съ 3-го или даже со 2-го класса) отведено гораздо болѣе времени, чѣмъ теперь—а выиграть время можно не иначе, какъ отодвинувъ на второй планъ переводы съ русскаго языка на греческій и латинскій. Отлагая до другого случая подробное развитіе этой мысли, высказываемой нами уже не въ первый разъ, перейдемъ къ послѣдней мѣрѣ, предписываемой циркуляромъ: къ устройству письменныхъ классныхъ переводовъ съ древнихъ языковъ на русскій, причѣмъ исправлять ихъ должны какъ преподаватели древнихъ языковъ, съ точки зрѣнія точности, такъ и преподаватели русскаго языка, съ точки зрѣнія литературности перевода. Противъ этого требованія возражаетъ одна изъ петербургскихъ газетъ <sup>1)</sup>. Она находитъ, что „литературность“ перевода съ классическихъ языковъ—вещь чрезвычайно трудная даже для специалистовъ, что соединеніе точности перевода съ ясностью и красотой не удается даже г. Фету. Это замѣчаніе было бы совершенно убѣдительно, еслибы выраженіе циркуляра: „литературность“ нужно было понимать въ смыслѣ безусловнаго изящества формы; но если оно означаетъ только правильность русской рѣчи,—такую правильность, которой можно ожидать отъ гимназическихъ „сочиненій“,—то мы не видимъ здѣсь ничего недостижимаго. Чѣмъ внимательнѣе

<sup>1)</sup> „Недѣля“, № 47.



гимназіи будутъ относиться къ изученію родного языка, тѣмъ лучше; до сихъ поръ оно было одною изъ самыхъ слабыхъ сторонъ гимназическаго курса. Напраснымъ кажется намъ только раздѣленіе работы, которая, въ большинствѣ случаевъ, можетъ быть исполнена однимъ лицомъ. Судьею „литературности“ перевода, понимаемой въ указанномъ нами смыслѣ, можетъ быть и учитель древнихъ языковъ, если только онъ—русскій по происхожденію. Не во всѣхъ же нашихъ гимназіяхъ древніе языки преподаются чехами или другими „братьями-славянами“.

Въ области высшаго образованія все еще остается нерѣшеннымъ вопросъ о судьбѣ высшихъ женскихъ курсовъ. Къ сообщенному нами недавно слуху объ аттестатахъ зрѣлости, какъ объ условіи поступленія на курсы, присоединился, въ послѣднее время, слухъ о значительномъ сокращеніи программы курсовъ, назначеніемъ которыхъ должна, будто бы, сдѣлаться исключительно подготовка преподавательницъ и наставницъ для женскихъ учебныхъ заведеній. Между обоими слухами существуетъ явное противорѣчіе. Равенству требованій должно соответствовать если не равенство правъ, то, по меньшей мѣрѣ, равенство программъ. Если женщины, стремящіяся къ высшему образованію, должны имѣть, наравнѣ съ кандидатами въ студенты, аттестатъ зрѣлости, то пускай онѣ и обучаются всему тому, что преподается студентамъ (на соответствующихъ факультетахъ); если это признается невозможнымъ, если высшее женское образованіе не должно совпадать съ мужскимъ, то гдѣ же основаніе устанавливать, въ обоихъ случаяхъ, одинаково трудный предварительный испусъ? Легковѣсныя газеты могутъ говорить „съ легкимъ сердцемъ“ объ исключеніи изъ программы высшихъ женскихъ курсовъ—въ качествѣ „ненужнаго балласта“—всѣхъ предметовъ, „не имѣющихъ спеціально-педагогическаго значенія“; но не такъ легко примиреніе съ системой выбрасыванья и урѣзыванья для всѣхъ тѣхъ, кто повижаетъ разницу между образованіемъ и полу-образованіемъ. Въ разрядъ предметовъ, не имѣющихъ „спеціально-педагогическаго значенія“, предполагается, кажется, зачислить физику и химию; но вѣдь физику преподаютъ даже въ учительскихъ семинаріяхъ, будущимъ народнымъ учителямъ—какъ же обойдутся безъ нея будущія преподавательницы географіи и естественной исторіи въ средней женской школѣ? А всѣ тѣ женщины, которыя не расположены къ педагогической дѣятельности, но чувствуютъ влеченіе и призваніе къ научнымъ занятіямъ? Зачѣмъ закрывать передъ ними дорогу, на которой онѣ могли бы найти счастье для себя, средства быть полезными для другихъ? Къ чему придавать высшимъ женскимъ курсамъ харак-

теръ исключительно практической, когда они такъ легко могли бы соединить съ нимъ и общеобразовательныя цѣли?.. Мы продолжаемъ думать, что газетные слухи не дають вѣрнаго понятія о проектѣ, составленномъ особою комиссіею и внесенномъ или вносимомъ въ государственный совѣтъ. Отчего бы не обнародовать этотъ проектъ во всеобщее свѣденіе? Предметъ настолько важенъ, что желательнымъ было бы вызвать всестороннее его обсужденіе—обсужденіе, основанное не на догадкахъ, а на фактахъ.

Кстати о высшемъ образованіи. Въ одной, недавно произнесенной рѣчи, въ тѣсномъ кругу наставниковъ, было выражено желаніе, чтобы университеты вошли „въ условія спокойнаго и нормальнаго существованія“. Условія эти найдутся,—продолжалъ ораторъ, — „когда между студентами поднимется дисциплина, явится непрерывающійся интересъ къ занятіямъ, укрѣпится уваженіе къ преданіямъ и завѣтамъ русской исторіи и основамъ нашего политическаго быта. Студентъ долженъ получить, кромѣ научнаго, правильное политическое и *нравственное* образованіе и воспитаніе. Въ университетѣ должна быть *нормальная, въ нравственномъ смыслѣ, атмосфера*, которая исцѣляла бы нравственное худосочіе. Такую атмосферу могутъ образовать совокупныя усилія наставниковъ“. Мы не успѣли еще забыть этихъ словъ, когда познакомились случайно съ однимъ мало извѣстнымъ психологическимъ изслѣдованіемъ, составляющимъ, по всей вѣроятности, воспроизведеніе университетскаго курса психологіи, такъ какъ оно принадлежитъ извѣстному профессору философіи и напечатано въ „Запискахъ историко-филологическаго факультета с.-петербургскаго университета“ (томъ седьмой, часть вторая. Спб., 1881). Въ этомъ изслѣдованіи сдѣлана попытка „количественнаго анализа“ чувствованій, попытка изобразить ихъ ростъ, увеличеніе ихъ глубины и силы. Предметомъ анализа служатъ чувствованія, возникающія въ насъ тогда, когда впечатлѣнія наши „не доходятъ до черты обыкновеннаго, привычнаго или желаемаго, должнаго — или переходятъ за эту черту“. Они образуютъ двѣ „гаммы“: *положительную*—чувствованія уваженія, удивленія, величія, и *отрицательную*—чувствованія пренебреженія, презрѣнія и мелкоты. Основаніемъ для выводовъ автора являются отвѣты, полученные имъ отъ 15—20 лицъ на составленные имъ вопросы. Отправляясь отъ этихъ отвѣтовъ, онъ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: чувство уваженія возникаетъ тогда, когда положеніе другого лица превосходитъ наше собственное приблизительно на одну треть. Превосходство въ пять разъ порождаетъ чувство удивленія, превосходство

въ пятьдесятъ разъ—чувство грандіознаго, величаваго. Изъ такихъ же отношеній, только опрокинутыхъ—т.-е. при превосходствѣ нашего собственнаго положенія передъ чужимъ—возникають въ насъ чувства пренебреженія, презрѣнія и мизерности или мелкоты. Представленная въ этомъ видѣ, схема автора вызываетъ сначала невольную улыбку. До крайности шатки ея основы, до крайности странны и даже смѣшны ея ариѳметическія претензіи. Мы знаемъ, что новѣйшая психологія не чуждается вычисленій и измѣреній, но знаемъ также, что она прибѣгаетъ для этого не къ случайнымъ разпросамъ, а къ болѣе научнымъ средствамъ. Мы знаемъ, что уваженіе и удивленіе, пренебреженіе и презрѣніе—если и придавать этимъ понятіямъ тотъ условный, произвольный смыслъ, который соединяетъ съ ними авторъ—возникають, растутъ, уменьшаются, переходять одно въ другое подъ вліяніемъ безконечно разнообразныхъ причинъ, не допускающихъ подведенія подъ одну ариѳметическую формулу. Все это не вставило бы насъ остановиться на изложенной нами схемѣ; но мы были поражены иллюстраціями, выясняющими ея ужасающее практическое значеніе.

„Прослѣдимъ—говоритъ авторъ—возрастаніе чувствъ уваженія, удивленія, грандіозности по поводу разностей въ имущественномъ положеніи. Беремъ окладъ ординарнаго профессора—три тысячи рублей—и прослѣдимъ, какъ должны, только въ экономическомъ отношеніи, видоизмѣняться указанныя чувства его къ людямъ, выше его поставленнымъ. Вторая степень внушительности для него лучшаго положенія другого лица возбуждается при разности *in plus* на  $\frac{1}{3}$ , слѣдовательно когда другой получаетъ 4.000; третья степень уваженія будетъ при 5.300, четвертая при 7.000, пятая при 9.333, шестая при  $12\frac{1}{2}$ , седьмая при  $16\frac{1}{2}$  тыс., и т. д. Но человѣкъ, имѣющій 15 тысячъ годового дохода, уже производитъ удивленіе къ своему положенію въ человѣкѣ, получающемъ лишь три тысячи, такъ что онъ (т.-е. профессоръ) будетъ чувствовать къ лицу, получающему  $16\frac{1}{2}$  тысячъ, удивленіе и седьмую степень уваженія“. Удивленіе также растетъ, только по другому закону; ранѣе, чѣмъ достигнется третья степень удивленія (375 тысячъ), явится чувство грандіозности. Профессоръ долженъ испытывать это чувство уже къ лицу, получающему 150 тысячъ рублей (пятнадцатая степень уваженія, дальше которой оно уже не поднимается). „Чувство же грандіозности—говоритъ далѣе авторъ—можетъ увеличиваться еще, но для этого необходимо, чтобы впечатлѣніе увеличилось самымъ грандіознымъ образомъ. Грандіозенъ богачъ въ 150 т. годового дохода, но чтобы кто-либо казался еще грандіознѣе, необходимо ему имѣть  $7\frac{1}{2}$  милліоновъ дохода. У насъ въ Россіи такое лицо только одно, именно Царь. Онъ въ чисто-эко-

номическомъ отношеніи есть грандіозность второй степени для чловѣка, возростаніе чувствованій котораго мы здѣсь изображаемъ. Мы никогда не повѣрили бы возможности подобныхъ умствованій, еслибы предъ нашими глазами не лежала книга, изъ которой мы сдѣлали вышеприведенную выписку. Но это еще не все, хотя и этого было бы довольно.

„Отрицательную гамму“ авторъ изучаетъ съ помощью штата министерства народнаго просвѣщенія, предпосылая этому изученію слѣдующее общее замѣчаніе: „жалованье чиновника имѣетъ не одно только экономическое значеніе; въ немъ выражается взглядъ государства на цѣнность услугъ чиновника и значеніе, которымъ онъ долженъ пользоваться въ обществѣ. Служившій въ казенныхъ учрежденіяхъ знаетъ, что какъ въ обществѣ отношенія членовъ его, степень уваженія, удивленія, и обратно, чувствъ пренебреженія, даже презрѣнія, часто опредѣляются размѣрами имущества и дохода, такъ и отношенія чиновниковъ другъ къ другу, конечно—инстинктивно, опредѣляются отношеніемъ получаемыхъ ими содержаній. Размѣры природнаго ума, образованія, личнаго имущества, происхожденіе, характеръ могутъ улучшать и иногда ухудшать личное положеніе того или другого лица, но это все будутъ исключенія“. Директоръ департамента получаетъ въ  $3\frac{2}{7}$  меньше, чѣмъ министръ, и слѣдовательно долженъ питать къ послѣднему „уваженіе, граничащее съ удивленіемъ“ (авторъ не договариваетъ, что по той же причинѣ министръ долженъ питать къ директору пренебреженіе, граничащее съ презрѣніемъ). Младшій дѣлопроизводитель получаетъ въ семь разъ меньше, чѣмъ директоръ, и слѣдовательно долженъ питать къ нему „удивленіе съ высокими степенями уваженія“; наоборотъ, чувство директора къ младшему дѣлопроизводителю—если послѣдняго „не спасаетъ умъ, образованіе или происхожденіе“—должно быть „родственно презрѣнію“. Помощникъ дѣлопроизводителя, получающій въ 46 разъ меньше министра, „долженъ питать къ нему чувство, близкое къ грандіозности, долженъ чувствовать величіе его“ (а обратная сторона этого чувства, по схемѣ автора — чувство мизерности или мелкоты, т.-е. сугубаго презрѣнія, которое министръ и долженъ питать къ помощнику дѣлопроизводителя)... Можно ли представить себѣ что-нибудь болѣе униженное для чловѣческаго достоинства, чѣмъ всѣ эти выкладки и расчеты, претендующіе на научность? Авторъ былъ бы совершенно неправъ даже тогда, еслибы ограничился констатированіемъ факта (т.-е. мнимаго факта), еслибы сказалъ: „такъ не должно быть, но такъ бываетъ обыкновенно“. Онъ идетъ гораздо дальше; его лѣстница восходящихъ и нисходящихъ чувствъ является не только выводомъ изъ наблюденій, но и чѣмъ-то въ родѣ нравственнаго за-

кона. Онъ не говоритъ: „таково настоящее положеніе дѣлъ, зависящее отъ такихъ-то причинъ, отъ такихъ-то недостатковъ воспитанія, отъ такихъ-то несовершенствъ общественнаго порядка“; онъ видитъ въ уваженіи и удивленіи естественныхъ, нормальныхъ спутниковъ богатства, въ пренебреженіи и презрѣніи — нормальныхъ спутниковъ бѣдности. Чтобы лучше подчеркнуть свою мысль, онъ выводитъ на сцену профессора университета, т.-е. такое лицо, въ которомъ чувства уваженія и удивленія, пренебреженія и презрѣнія, меньше всего должны зависѣть отъ мѣшка съ деньгами—и именно на немъ экспериментируетъ свою теорію. Не думаемъ, чтобы такое ученіе было хорошимъ средствомъ для развитія чувствъ „уваженія“ и „удивленія“ въ самихъ юношахъ; не думаемъ, чтобы это способствовало „нравственному воспитанію“ молодыхъ людей особенно въ нашъ вѣкъ, пораженный и безъ того культа „золотого тельца“, къ поклонникамъ котораго, очевидно, принадлежитъ и авторъ „Психологіи“. Но уваженіе къ богатству, презрѣніе къ бѣдности—не принадлежать, сколько намъ извѣстно, къ „преданіямъ и завѣтамъ русской исторіи“, къ „основамъ нашего политическаго быта“. А между тѣмъ авторъ рѣчи, изъ которой мы заимствуемъ эти послѣднія слова, и авторъ вышеупомянутаго психологическаго изслѣдованія, изъ котораго взяты вышеприведенныя цитаты—одно и то же лицо: г. Владиславлевъ <sup>1)</sup>. Нужно надѣяться, что онъ не держится по крайней мѣрѣ теперь своихъ прежнихъ взглядовъ или, во всякомъ случаѣ, не излагаетъ ихъ съ университетской кафедрой.

Нѣсколько недѣль тому назадъ въ газетахъ появились почти одновременно два извѣстія о случаяхъ отказа отъ присяги. Первый изъ нихъ произошелъ въ одесскомъ окружномъ судѣ. Мѣщанинъ Суворовъ, подлежащій приводу къ присягѣ въ качествѣ свидѣтеля, заявилъ, что ему не позволяютъ присягать религіозное чувство и слова Спасителя. Предсѣдательствовавшій напомнилъ свидѣтелю, что за отказъ отъ присяги онъ можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности; тогда Суворовъ согласился принять присягу, объяснивъ, что поступаетъ такимъ образомъ изъ повиновенія закону. Въ петербургскомъ окружномъ судѣ отъ принятія присяги, въ качествѣ присяжнаго засѣдателя, отказался профессоръ Вагнеръ; онъ не нашелъ возможнымъ произнести слово: *клянусь*, въ виду запрещенія клятвы,

<sup>1)</sup> Психологія. Изслѣдованіе основныхъ явленій душевной жизни. М. Владиславлева. Т. II, стр. 39 и слѣд. („Записки Историко-Филол. Факультета Имп. Слб. Университета“, т. VII, ч. II, Слб. 1881).

заключающагося въ Евангелии. При этомъ отказѣ г. Вагнеръ остался и тогда, когда прокуроръ усмотрѣлъ въ немъ признаки проступка, подходящаго подъ дѣйствіе главы первой раздѣла пятаго уложенія о наказаніяхъ. Окружной судъ постановилъ освободить г. Вагнера отъ исполненія обязанностей присяжнаго засѣдателя, сообщивъ объ отказѣ его отъ присяги прокурорскому надзору, для возбужденія преслѣдованія по ст. 329 уложенія. Итакъ, сомнѣнія относительно присяги возникаютъ въ самыхъ различныхъ общественныхъ сферахъ; отъ нихъ несвободны ни простые, ни образованные люди. Распространены они, безъ сомнѣнія, гораздо сильнѣе, чѣмъ можно думать судя по числу газетныхъ о нихъ сообщеній. Не все происходящее въ судѣ доходитъ до печати, да и не всякій (особенно изъ среды мѣщанъ и крестьянъ, боящихся, какъ огня, привлеченія къ судебной отвѣтственности) рѣшится заявить прямо и открыто, что принесеніе присяги несогласно съ его вѣрованіями, противно его совѣсти. Мы припоминаемъ, что въ Аксаковской „Руси“ нѣсколько разъ указывалось на необходимость измѣнить формулу судебной присяги, устранивъ изъ нея смущающее многихъ слово: *клянусь*. Отчего бы, въ самомъ дѣлѣ, не допустить этой перемены, естественной для массы присягающихъ, но въ высшей степени важной для меньшинства? Внутренняя сила присяги зависитъ не отъ тѣхъ или другихъ выраженій, а отъ настроенія присягающаго. Чѣмъ меньше онъ сомнѣвается въ правильности и законности своего образа дѣйствій, тѣмъ лучше онъ можетъ исполнить возлагаемую на него обязанность. Представимъ себѣ присяжнаго засѣдателя, присягнувшаго, какъ мѣщанинъ Суворовъ, изъ „повиновенія закону“ или просто изъ страха отвѣтственности; о чемъ онъ будетъ больше думать во время слушанія дѣла:—о преступленіи, составляющемъ предметъ процесса, или о сдѣлкѣ съ совѣстью, въ которой онъ самъ только-что оказался виновнымъ?.. Цѣлесообразно ли, съ другой стороны, признавать отказъ отъ присяги основаніемъ къ устраненію изъ числа присяжныхъ засѣдателей? Не значить ли это, въ большинствѣ случаевъ, лишать себя содѣйствія такихъ людей, которые съ особеннымъ вниманіемъ, съ особенною добросовѣстностью отнеслись бы къ своей задачѣ? Болѣе чѣмъ сомнительной, наконецъ, представляется намъ и возможность уголовной кары за отказъ отъ присяги. Та статья уложенія, на которую сослался петербургскій окружный судъ, предусматриваетъ неисполненіе Высочайшихъ указовъ и повелѣній, по легкомыслію и недостатку вниманія, т.-е. нѣчто неимѣющее ничего общаго съ поступкомъ г. Вагнера. Самое наказаніе, ею опредѣляемое (отрѣшеніе отъ должности или исключеніе изъ службы), совершенно непримѣнимо къ присяжному засѣдателю; исполненіе обя-

занностей этого званія не можетъ быть разсматриваемо ни какъ *должность*, ни какъ *служба*. Лицо, включенное въ списокъ присяжныхъ засѣдателей, можетъ отказаться отъ явки въ судъ или отъ вступленія въ составъ присутствія присяжныхъ не только подъ вліяніемъ сомнѣній въ законности присяги, но и подъ вліяніемъ другихъ религіозныхъ побужденій; припомнимъ, напримѣръ, случай съ гр. Л. Н. Толстымъ, бывшій года четыре тому назадъ <sup>1)</sup>). Насиліе надъ совѣстью должно быть устранено во всѣхъ его видахъ; измѣненіе формулы присяги было бы только первымъ шагомъ на пути къ желанной цѣли.

---

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

<sup>1)</sup> См. Общественную Хронику въ № 11 „В. Европы“ за 1883 г.

# МАТЕРИАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ

## „ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1887 году.

Въ 1887-мъ году экземпляры «Вѣстника Европы» распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

### I. Въ губерніяхъ:

	экз.		экз.		экз.
1. Херсонск.	235	23. Смоленская.	61	45. Витебская.	39
2. Киевская.	227	24. Кубанск. об.	60	46. Уфимская.	38
3. Харьковск..	143	25. Тверская.	58	47. Томская.	37
4. Екатериносл.	130	26. Владимірск.	57	48. Ковенская.	37
5. Тифлисская.	128	27. Иркутская.	56	49. Гродненская	35
6. Полтавская.	123	28. Нижегород.	55	50. Лифляндск.	35
7. Тврическ..	111	29. Костромская	54	51. Кутаисская.	34
8. Пермская.	108	30. Ярославская	54	52. Астраханск.	33
9. Вршавск.	102	31. Новгородск.	52	53. Псковская.	32
10. Орловская.	92	32. Рязанская.	50	54. Могилевск..	31
11. Казанская.	92	33. Обл. В. Дон.	49	55. Закасп. об.	29
12. Черниговск.	88	34. Пензенская.	48	56. Енисейская.	29
13. Воронежск..	84	35. Примор. об.	47	57. Бакинская.	28
14. Саратовск..	81	36. Сибирская.	45	58. Калужская.	28
15. Бессарабск.	74	37. Московская.	45	59. Тобольская.	28
16. Тамбовская.	73	38. Виленская.	43	60. Вологодская	24
17. Курская.	73	39. Терская об.	43	61. Дагест. обл.	21
18. Волынская.	69	40. Вятская.	42	62. Петроковск.	21
19. С.-Петербур.	68	41. Оренбургск.	41	63. Люблинская	21
20. Подольская.	68	42. Забайк. об.	41	64. Акмол. об.	20
21. Тульская.	66	43. Сиръ-Д. об.	40	65. Эриванская.	18
22. Самарская.	61	44. Минская.	40	66. Амурск. об.	17



67. Елисаветпол.	17	77. Архангельс.	13	87. Калишская .	9
68. Семипал. об.	17	78. Бѣлецкая .	12	88. Выборгская.	7
69. Ставропол. .	15	79. Эстляндская	12	89. Черном. ок.	5
70. Сувалкская .	15	80. Нюландская	12	90. Турайск. об.	4
71. Ферганская .	15	81. Заравш. окр.	12	91. Тавастгует.	4
72. Радомская .	14	82. Курляндск.	11	92. Закат. окр.	3
73. Семирѣченс.	14	83. Уральск. об.	11	93. Вазаская. .	2
74. Ломжинская.	14	84. Сѣдлецкая .	11	94. С.-Михельск.	1
75. Олонецкая .	14	85. Якутск. об.	10	95. Абобьернеб.	1
76. Карская об.	14	86. Плоцкая . .	10		
					4310
II. Въ С.-Петербургѣ.					1178
III. Въ Москвѣ . . . . .					554
IV. За границей . . . . .					153
					6195
				Всего: экз.	6195

*А. Хомиговскій*

Управ. которою журналъ.

# АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

## АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ,

### ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ «ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ»

въ 1887 году.

**А., К.** — Одинъ изъ поэтовъ сороковыхъ годовъ (мар., 432).

**Аниенковъ, П. В.** — Изъ переписки съ П. С. Тургеневымъ (янв., 5; фев., 361).

**Автокольскій, М. М.** — Изъ автобіографіи (сент., 68; окт., 441).

**Арсеньевъ, К. К.** — Содержаніе и форма въ новѣйшей русской поэзіи (янв., 226). — Еще къ вопросу о слияніи властей (фев., 847). — Новая литературныя силы (мар., 285). — Сословное начало въ мѣстномъ управленіи и самоуправленіи (апр., 802). — Еще о современныхъ русскихъ поэтахъ (май, 311). — Новая французская критика (іюнь, 731). — Викторъ Гюго и новѣйшая французская критика (окт., 802). — Посмертныя стихотворенія Надсона (нояб., 352). — Беллетристы послѣдняго времени (дек., 766).

**Астыревъ, Н.** — Отъ колыбельки до могилки (іюль, 48).

**Бертенсонъ, I. В.** — Изъ современной исторіи профилактики бѣшенства (мар., 373).

**Боборыкинъ, П. Д.** — Изъ новыхъ (янв., 159; фев., 646; мар., 132; апр., 572; май, 35; іюнь, 453).

**Брандесъ, Георгъ.** — Четыре лекціи (окт., 733; нояб., 322).

**Брикнеръ, А.** — Семейная хроника Воронцовыхъ (авг., 637; сент., 109).

**Буличъ, Н. Н.** — Изъ писемъ Пушкина къ Погдину (май, 405). —

**Величко, В.** — Осенніе мотивы (нояб., 5).

**В—нь, 1.** — Новые томы сочиненій И. С. Аксакова (янв., 413).

**Венгеровъ, С. Г.** — Автобіографія С. Я. Надсона (мар., 437).

**Веселовскій, Александръ П.** — Новый журналъ сравнительной исторіи литературы (янв., 431).

**Веселовскій, Алексѣй П.** — Божарше и его судьба (фев., 562; мар., 99).

**Висковатовъ, П. А.** — Лермонтовъ на смерть А. С. Пушкина (янв., 329).

**Воропоновъ, Ф. Ф.** — Къ переселенцамъ (іюнь, 756; іюль, 352).

**В—скій, А.** — Университетъ въ Италіи (іюнь, 833).

**Г., К.** — Два малороссійскихъ „фабло“ и ихъ источники (іюль, 323).

**Гаевскій, В. П.** — Пушкинъ и Кривцовъ (дек., 453).

**Георгіевскій, Сергѣй.** — Два изслѣдователя китайской имперіи (авг., 777).

**Герье, В. И.** — Политическія теоріи аббата Мабли (янв., 124). — П. Н. Кудрявцевъ, въ его учено-литературныхъ трудахъ (сент., 146; окт., 564).

**Гончаровъ, Н. А.**—Изъ университетскихъ воспоминаній (апр. 489).

**Дмитріева, В.**—Тюрьма (авг., 543; сент., 5; окт., 502).

**Жемчужниковъ, А. М.**— Два грѣхотворника (январь, 223).—Сельскія впечатлѣнія и картинки (фев., 599). — \*.\* (май, 330).

**Ж—чь, А.**—Стихотворенія (май, 33).

**Карѣвъ, Н. И.**—Историческая фило-софія въ романѣ гр. Л. Н. Толстого: „Война и миръ“ (іюль, 227).

**Кейслеръ, Ив.**—Сельская община и ея современное положеніе (дек., 785).

**Ки., А.**—Буковина и русины (январь, 388).

**К—и—, А.**—Спиназа въ русскомъ переводѣ (нояб., 369).

**Корсаковъ, Д. А.**—Константинъ Дми-тріевичъ Кавелинъ (фев., 603; апр., 457; май, 5; авг., 765).

**Костомаровъ, Н. И.**—Императрица Елисавета Петровна (январь, 61; фев., 522; мартъ, 5).

**Крестовскій, В.** (Псевдонимъ). — Неда. Съ итальянскаго (январь, 105).

**Кулишоръ, М.**—Механическія основы передвиженія массъ (авг., 597).

**Л.**—Русско-германскія отношенія (дек., 882).

**Макъ-Гаханъ, В. Н.**—Дѣловые люди въ Америкѣ (май, 116; іюнь, 529; іюль, 5).

**Матюшинъ, Н.**—Наши сосѣди на крайнемъ востоѣ (іюль, 64).

**Мережковскій, Д. С.**—Бодиватва (январь, 300).—Стихотворенія (іюль, 182; авг., 636).

**Мишаевъ, И. П.**—Англичане въ Бирмѣ (нояб., 153).

**Минскій, Н.**—Въ горахъ (апр., 742).—Стихотворенія (іюнь, 613).

**М—ой, О.**—Стихотворенія (май, 184; нояб., 376).

**Надсонъ, С. Я.**—Посмертныя стихотво-ренія (апр., 794).

**Науменко, В.**—По поводу двухъ эпи-граммъ Пушкина на О. Булгарина (май, 408).

**Объгинъ, А. О.**—Варианты и новыя стихи въ текстѣ „Графа Нулина“ (фев., 882).

**Пушкинъ, А. С.**—Снимокъ съ по-слѣдняго письма (фев., въ приложеніи).

**Пышипъ, А. Н.**—По поводу статьи г-на Головацкаго (январь, 440).—Тенден-ціонная этнографія (январь, 303).—А. С. Пушкинъ, † 29 январь 1837 (февр. I).—Исторія текста сочиненій Пушкина (фев., 780).—Бѣлорусская этнографія (апр., 644; май, 211; іюнь, 640; іюль, 184).—Павель Васильевичъ Анненковъ (апр., 884).—Старые университетскіе нравы (авг., 729).—Наканунѣ Пушкина (сент., 273).—Новыя объясненія Пуш-кина (окт., 632; нояб., 279) — Новые мемуары объ Александровской эпохѣ (дек., 668).

—ръ.—Эдипъ въ деревнѣ (мартъ, 426).

**С. Л.**—Письма изъ-за границы. I (дек., 846).

**С., О.**—Двѣ государственныя росписи (фев., 803).

**Семевскій, В. И.**—В. И. Водовозовъ (нояб., 8; дек., 560).

**Словинскій, Л. З.**—Балканскія дѣла и болгарскій вопросъ (іюнь, 576).—Франко-русскій союзъ и междунаро-дныя иллюзіи (авг., 807).

**Спасовичъ, В. Д.**—Пушкинъ и Мил-кевичъ у памятника Петра Великаго (апр., 743).

**Соловьевъ, Владимиръ.**—Стихотво-ренія (нояб., 151).

**Стасовъ, В. В.**—И. Н. Крамской (нояб., 118; дек., 466).

**Фришмутъ, М.**—Типъ Фауста въ ми-ровой литературѣ (іюль, 89; авг., 503; сент., 199; окт., 470).

**Фругъ, С. Г.**—In Natura (мартъ, 349).—Стихотворенія (май, 144).—Въ книго-хранилищѣ (дек., 464).

**Хвольсонъ, О. Д.**—Основныя гипотезы физики (фев., 713; мартъ, 197).

**Ч—скій, О.**—Стихотворенія (іюнь, 751).

Ш. — Дворянство въ Россіи (мар., 239; апр., 531; май, 186; июнь, 421).

Щ — евѣ, С. — Казенная субсидія и русское общество пароходства и торговли (май, 331).

Щедринъ, Н. — Мелочи жизни (январь, 30; фев., 478; мар., 58; апр., 518). — Счастливецъ (июнь, 615). — Пошехонская старина (окт., 599; нояб., 192; дек., 639).

Э., А. — Злой гений (январь, 248; фев.,

741; мар., 302; апр., 687; май, 253). — Стелла (июнь, 682; июль, 270; авг., 673; сент., 228; окт., 768). — Волокитство профессора (нояб., 230; дек., 715).

Энгельгардтъ, А. П. — Изъ деревни май, 145).

Яшевскій, I. — Старый другъ (сент., 312; окт., 676; нояб., 79; дек., 516).

Х. Z. — Черный боръ (июль, 130; авг., 449).

## Хроника.

I. Внутреннее Обозрѣніе. — Итоги минувшаго года. — Смѣшанный характеръ важнѣйшихъ законодательныхъ мѣръ. — Види на будущее. — Вопросъ о „значеніи“ и „независимости“ нашей печати. — Фабричный бытъ въ отчетахъ фабричной инспекціи. — Проектируемыя постановленія о шантажѣ и о наказуемой несостоятельности. — По поводу отчета государственнаго контроля объ исполненіи росписи 1885 года (*Январь, 348*). — Переимѣна въ управленіи министерствомъ финансовъ. — Тенденціозное осужденіе и объективная критика прежней системы. — Отчетъ г. синодальнаго оберъ-прокурора за 1884 г. — Результаты льготы, данныхъ раскольникамъ закономъ 8-го мая. — Положеніе православія внѣ предѣловъ Россіи. — Измѣненія въ уставѣ уголовного судопроизводства. — Еще о проектѣ уголовного уложенія. — Газетные слухи (*Февраль, 820*). — Сессія петербургскаго дворянскаго собранія, и вопросы, занимающіе его. — Заключительная рѣчь губернскаго предводителя. — Газетный походъ противъ новаго фабричнаго законодательства. — Безпорядки на демадовской мануфактурѣ. — Призывъ въ печати къ нарушенію законнаго порядка и къ узаконенію отступленій отъ закона. — Работы по составленію гражданскаго уложенія (*Мартъ, 352*). — „Правительственныя сообщенія“ въ мартѣ мѣсяцѣ. — Новый законъ 12-го февраля текущаго года. — Вновь проектируемое устройство реальнахъ и среднихъ техническихъ училищъ, въ связи съ вопросомъ о высшемъ техническомъ образованіи. — Оригинальное предложеніе (*Апрель, 832*). — Ожидаемое повышеніе

пошлины на заграничныя паспорты; экономическое и общественное значеніе этой мѣры. — Проектируемыя ремесленныя и низшія техническія училища. — Необходимость законодательнаго регулированія земельныхъ товариществъ, созданныхъ уставомъ крестьянскаго поземельнаго банка. — Нѣсколько словъ по поводу толковъ и слуховъ въ печати о фабричной инспекціи и о земскихъ начальникахъ (*Май, 343*). — Новый законъ о порядкѣ образованія и о составѣ суда присяжныхъ; отношенія его къ прежнимъ проектамъ, его сильныя и слабыя стороны. — Законопроектъ объ ограниченіи сферы дѣйствій суда присяжныхъ; три главныя группы дѣлъ, къ которымъ онъ относится; новая форма суда, имъ создаваемая. — Именной указъ 14-го марта. — Нѣсколько словъ о реформѣ мѣстнаго управленія (*Июнь, 785*). — Отчетъ главнаго фабричнаго инспектора; сравненіе нашей фабричной инспекціи съ заграничною. — Новыя финансовыя мѣры: повышеніе табачнаго акциза и гербоваго сбора, конверсія закладныхъ листовъ общества взаимнаго поземельнаго кредита. — Проектъ закона о крестьянскихъ земельныхъ товариществахъ. — Положеніе о подѣздныхъ путяхъ и законъ объ общественномъ вознагражденіи. — Роль земства въ санитарномъ дѣлѣ. — Царевкокошайскъ и Петербургъ (*Июль, 379*). — Статистико-экономическіе труды земства. — Текстъ земско-статистическихъ сборниковъ. — Два типа земской статистики. — Труды тамбовскаго бюро, самарскаго, полтавскаго, петербургскаго и курскаго. — Изданіе черниговскаго типа. — Попытка приниренія московскаго

и черниговскаго типа изслѣдованія. — Подворная разработка данныхъ переписи (*Августъ, 828*). — Ограниченіе пріема въ гимназіи и прогимназіи: министерское распоряженіе 18-го іюня и циркуляръ попечителя одесскаго учебнаго округа. — Тѣсная связь между этими мѣрами и новыми университетскими правилами. — Вопросъ о сосредоточеніи первоначальнаго народнаго образованія въ рукахъ одного вѣдомства. — Сельская медицина въ западныхъ губерніяхъ. — Новая желѣзно-дорожная политика (*Сентябрь, 371*). — Отчетъ министра народнаго просвѣщенія за 1884 годъ. — Наши университеты, въ сравненіи съ нѣмецкими; гимназіи, прогимназіи, реальныя училища. — Правила объ испытаніяхъ и испытательныхъ комиссіяхъ; отличительныя черты историко-филологической комиссіи. — Слухи объ отъѣздѣ или ограниченіи служебныхъ привилегій, обусловливаемыхъ образованіемъ. — Одинъ юридическій вопросъ (*Октябрь, 818*). — Городскія, уѣздныя, сельскія двухклассныя и начальныя училища, по свѣденіямъ изъ отчета министра народнаго просвѣщенія за 1884 г. — Еще къ вопросу о слияніи свѣтской и церковной начальной школы. — Правила объ испытаніяхъ на стипендіи. — Берлинскій институтъ римскаго права. — Инструкція полицейскимъ урядникамъ. — Отчетъ почтоваго управленія за 1885 г. — Проектируемыя финансовыя мѣры (*Ноябрь, 377*). — Вторая половина 80-хъ годовъ, какъ эпоха „проектотъ“. — Проекты „фантастичные“ и „дѣловые“. — Обязательныя майораты и обусловливаемая ими необходимость „жертвъ“ или „воспособленій“. — Проектируемое введеніе квартирнаго налога въ обихъ столицахъ; вопросы объ избирательномъ правѣ квартиранимателей и о прогрессивности квартирнаго сбора. — Общій результатъ по исполненію государственной росписи за 1886 г. (*Декабрь, 807*).

II. Иностранное Обзорѣніе. — Общая характеристика минувшаго года. — Усиленіе неустойчивости международныхъ отношеній во второмъ полугодіи. — Министерскій кризисъ во Франціи и вліяніе его на общій ходъ дѣлъ. — Оппозиція въ Германіи военному законопроекту. — Правительственное сообщеніе по вѣшной политикѣ, 3-го (15) декабря. — Болгарскія дѣла (*Январь, 378*). — Воинственныя слухи и толки. — Важность разоблаченій князя Бисмарка. — Ошибочныя толкованія его послѣднихъ рѣчей. — Засѣданія германскаго парламента и пренія о военномъ законѣ. — Неустойчивость министерствъ во Франціи и Англіи, и при-

чина такого явленія (*Февраль, 853*). — Сомнительная побѣда князя Бисмарка. — Избирательная кампанія противъ Франціи. — Призракъ войны и его дѣйствіе. — Выходки берлинской оффиціозной печати. — Результаты выборовъ 9-го февраля. — Послѣдствія военной паники въ Европѣ. — Министерскій кризисъ въ Италиі. — Болгарскія дѣла (*Мартъ, 396*). — Попоротъ въ сторону миролюбія въ Германіи. — Дессепъ въ Берлинѣ и французскіе руссофилы. — Новый тройственный союзъ. — Празднество 10-го (22) марта. — Императоръ Вильгельмъ и его главныя историческія заслуги. — Развитие свободной политической жизни въ имперіи. — Взгляды и пріемы князя Бисмарка. — Статья сэра Дилка о Россіи — Болгарскія дѣла (*Апрѣль, 855*). — Натянутость международнаго положенія. — Воинственность газетныхъ патриотовъ въ Германіи и въ другихъ странахъ. — Дѣло Шнебеле и вопросъ о военномъ шпионствѣ. — Особенности спорнаго факта и ихъ серьезное значеніе. — Послѣдствія нѣмецкаго мѣръ въ Эльзасѣ и Лотарингіи. — Особая теорія государственной измѣны. — Англійскія дѣла (*Май, 369*). — Переимѣна янистерства во Франціи. — Кабинетъ Гобле и французскіе финансы. — Исключительная роль генерала Буланже. — Дѣятельность военнаго министра; его заслуги и слабости. — Популярность Буланже и ея причины. — Французская политика относительно Германіи. — Газетные споры о русско-германскихъ отношеніяхъ. — Рабочее движеніе въ Бельгіи (*Іюль, 805*). — Новое министерство въ Сербіи и его политическое значеніе. — Король Миланъ и Іованъ Ристичъ. — Основы австрійскаго вліянія въ Бѣлградѣ. — Умеченія и ошибки нѣкоторыхъ русскихъ газетъ. — Положеніе дѣлъ въ Болгаріи и напрасныя газетные споры. — Наши отношенія съ западными державами. — Отвѣтъ нашимъ оппонентамъ по поводу балканскихъ дѣлъ Политическія заботы Англій и юбилей королевы Викторіи (*Іюль, 398*). — Избраніе принца Кобургскаго въ Тырновъ и значеніе этого факта. — Малая вѣроятность успѣха этой кандидатуры. — Закулисная сторона избранія и отношенія къ нему великихъ державъ. — Погоня за иностранными принцами. — Англо-русское соглашеніе — Русскіе фонды въ Германіи. — Французскія дѣла. — Полемическія недоразумѣнія въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ (*Августъ, 865*). — Австро-германскій союзъ и его значеніе. — Свиданіе императоровъ въ Гаштейнѣ. — Восточная политика Австріи, въ связи съ условіями союза двухъ имперій. — Причинныя разногласія между Вѣной и Берлиномъ по поводу балканскихъ дѣлъ. —

Предпріятіе принца Кобургскаго въ Болгаріи.—Отношенія великихъ державъ къ болгарскимъ событіямъ.—Трудность практическихъ мѣръ для охраны берлинскаго трактата.—Проекты вмѣшательства безъ оккупации.—Дѣло внутреннего примиренія во Франціи и въ Италіи (*Сентябрь, 393*).—Безсиліе дипломатическихъ проектов по болгарскому вопросу.—Турція въ роли представительницы порядка и законности.—Неизбѣжность политики невмѣшательства.—Нѣмецко-болгарскій инцидентъ и ошибочное его толкованіе.—Положеніе дѣлъ въ Болгаріи и способн борьбы съ оппозиціею.—Англія и ирландскій вопросъ.—Политическія дѣла Франціи.—Новое пограничное столкновение и манифестъ графа Паржскаго (*Октябрь, 844*).—Особенности современной германской политики.—Боязнъ войны, какъ основа коалицій.—Союзъ съ Италіею и его значеніе.—Французскія внутреннія дѣла.—Непріятная разоблаченія и дѣлаемые изъ нихъ выводы.—Успѣхи министерства и приготовленія орлеанствоу.—Парламентскій кризисъ въ Австріи.—Болгарское народное собраніе и сербская скупщина.—Что такое „русская партія“ въ Сербіи?—Мнѣніе „Московскихъ Вѣдомостей“ о самихъ себѣ (*Ноябрь, 403*).—Свиданіе духъ императоровъ въ Берлинѣ.—Разоблаченія „Кельнской Газеты“.—Разумная свобода дѣйствій и газетные споры.—Политика нѣкоторыхъ газетъ по болгарскому вопросу.—Программа и значеніе новаго тройственнаго союза.—Тронная рѣчь императора Вильгельма и выдвигаема ея недоумѣнія.—Возможная перемена царствованія въ Германіи.—Правительственный кризисъ во Франціи.—Отставка президента Греви.—Участіе печати и общества въ мирномъ разрѣшеніи кризиса.—Внутреннія дѣла въ Англіи (*Декабрь, 828*).

III. Литературное Обзорѣніе. — Histoire de Part Byzantin, par N. Kondakoff. — Древности Минусинскаго музея. Сост. Д. Клеменць.—А. В. (*Январь, 405*). — Радичевъ и Пушкинъ, В. Якушкина.— „Демонъ“ Пушкина, Л. Поливанова.— Подоходный налогъ, А. Свирищевскаго.— Исторія русскаго таможеннаго тарифа, К. Ладженскаго.—К. К. (*Февраль, 870*). — Систематическій указатель русской литературы по гражданскому праву, А. Поворинскаго.—Сборникъ гражданскихъ вопросовъ. А. Гожева и И. Цвѣткова.— Семь лѣтъ мирнаго времени нашихъ финансовъ, И. Колесова.— О финансовой прокуратурѣ въ Австріи и Италіи, Н. Тура.— Русскіе педагогическіе дѣятели, В. Острогорскаго и Д. Семенова.—К. К.

—Ученіческіе годы Гоголя, В. Шенрока. Сибирскій сборникъ, кн. II—III, Н. М. Ядринцева.—А. В.—Русскій торговый флотъ, К. Скальковскаго.—А. (*Мартъ, 411*).—Очеркъ исторіи чешской литературы, А. Степановича.—Петръ II Петровичъ Нѣгошъ, владыка черногорскій, и его литературная дѣятельность, П. А. Лаврова.—Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. С. А. Венгерова, 4-ре выпуска.—А. В.—Курсъ политической экономіи, А. Я. Антоновича.—Л. С. (*Апрѣль, 869*).—Задачи русской народной школы, П. Горбова.—Современныя задачи, гр. П. А. Валуева.—Литературные очерки, С. Я. Надсонъ.—К. К.—Изь пережитаго, Н. Гиларова-Шлатонова.—Гр. Л. Н. Толстой, какъ художникъ и мыслитель, А. Скабичевскаго.—А. П.—О. К. Нотовичъ (маркизь О'Квичъ). Еще немножко философіи.—Прямые налоги и ихъ организація во Франціи. Власія Судейкина.—Л. Н. (*Май, 385*).—Народная поэзія, Ф. И. Буслаева.—Поволжье, Донъ и Кавказъ, С. Филиппова.—А. В.—Вѣшняя политика имп. Николая I, С. С. Татищева.—Л. С. (*Юль, 820*).—Труды VI Археологическаго Съѣзда въ Одессѣ (1884 г.). Томъ III.—Воюгодскій Сборникъ, издаваемый при воюгодскомъ губернскомъ статистическомъ комитетѣ подъ редакціею секретаря комитета, Н. А. Полюевкова. Томы III—V.—А. П.—Лекціи по уголовному праву, читанныя Н. С. Таганцевымъ. Часть общая, выпускъ первый.—Мюнхенскій элементъ въ исторіи, публичная лекція профессора Э. К. Надлера.—Михаилъ Назаровичъ Петровъ. Біографическій очеркъ А. Деревницкаго.—К. К.—В. Г. Яроцкій. Экономическая ответственность предпринимателей. Часть первая (общая). Ответственность предпринимателей, какъ основаніе законодательнаго регулированія отношеній хозяевъ и рабочихъ.—Л. С. (*Юль, 414*).—Сочиненія Н. В. Гоголя со стороны отечественной науки, Н. Я. Аристова.—Вліаніе Шекспира на русскую драму, историко-критическій этюдъ Сергѣя Тимоеева.—Викторъ Гюго и его время. Перевъ съ франц. Ю. В. Донпельмайеръ (*Августъ, 878*).—Дѣтскія игры, преимущественно русскія, въ связи съ исторіей, этнографіей, педагогіей и гігіеной, Е. Покровскаго.—Слово о Полу Игоревѣ, какъ художественный памятникъ кievской дружинной Руси. Исслѣдованіе Е. Барсова.—А. П.—К. Головинъ. Сельская община въ литературѣ и дѣйствительности.—К. К.—Древніе и современные софисты, Фульк-Брентано, переводъ Я. Новичева.—Л. С. (*Сентябрь, 408*).—М. Н. Катковъ, 1863 годъ. Вып.

1. — Лессингъ, какъ драматургъ, Ф. Андерсона. — Искусство устного изложенія, М. Бродовскаго. — К. К. — О естественныхъ предѣлахъ народовъ и государствъ. — Платонизмъ, А. М. Гиллрова. — Публичныя лекціи и рѣчи, И. Тарасова — Принципы ответственности желѣзныхъ дорогъ, А. Гордона. — Судьбы Ирландіи, Г. Аванасьева. — Настѣдственность болѣзней, перев. М. Тумповскаго. — Письма изъ Персіи, Е. Бѣлозерскаго. — Современная Персія, Уильса. — Л. С. — Гигіена нервныхъ и нейропатовъ, д-ра Кюллера. — А. К. (*Октябрь, 858*). — Воспоминанія гр. В. А. Слюбова. — Расколъ-сектанство, А. С. Пругавина. — А. П. — Этюды о Ж.-Ж. Руссо, А. С. Алексѣева. — Л. С. — Земскій Ежегодникъ на 1884 г. — Финансовыя отношенія государства и частныхъ желѣзнодорожн. общ., П. И. Георгіевскаго. — М. Н. Катковъ, 1863 г., вып. II. — К. К. — Акціонерныя коммерческія банки, ихъ операци и балансы, А. А. Рафаловича. — А. К. (*Ноябрь, 423*). — Вилюйскій округъ Якутской области, Р. Маака. — Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники, Я. Грота. — Бумаги В. А. Жуковскаго, Ив. Бичкова. — Описаніе книгъ и актовъ Литовской Метрики, Шташицкаго. А. П. — Конституція Финляндіи, Л. Мехелина, въ перев. К. Ордина. — К. К. (*Декабрь, 864*).

IV. Изъ Общественной Хроники. — Трудность уловить современное настроеніе русскаго общества, и вѣроятная причина переменъ въ немъ. Свобода печати, и заgrabное свидѣтельство въ ея пользу. — Признаки времени въ дѣятельности земства и въ другихъ сферахъ. — Отвѣтъ г. Модестову. — Post-scriptum (*Январь, 444*). — Пушкинская годовщина. — Смерть С. Я. Надсона. — Нѣчто о клеветѣ. — Московскій дворянскій „пансіонъ-пріютъ“, и ходатайство бессарабскаго дворянства. — Признаки времени. — Перлы консервативной критики (*Февраль, 887*). — Значеніе „антецедентовъ“ въ уголовномъ процессѣ. — Другіе практическіе вопросы, возбуждаемые дѣломъ Назарова. — Земское собраніе въ небольшомъ уѣздномъ городкѣ: гласныя-крестыяне, „партія“, главныя теченія земской жизни. — Курьезъ (*Мартъ, 440*). — „Переутомленіе“ учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ связи съ вопросами объ усиленіи физическихъ упражненій и о преподаваніи церковно-славянско-грамматики. — „Русскій Вѣстникъ“, опровергаемый „Московскими Вѣдомостями“. — Новый походъ противъ суда присяжныхъ. — Нѣсколько словъ о худо-

жественной простотѣ (*Апр., 892*). — Публичныя лекціи Георга Брандеса. — Затронуты имъ вопросы о предѣлахъ и задачахъ критики. — Отношеніе Г. Брандеса къ его предшественникамъ. — Разногласіе въ средѣ защитниковъ церковно-приходской школы. — По вопросу о вѣротерпимости (*Май, 410*). — Старый, но все еще нерѣшенный, вопросъ о высшемъ женскомъ образованіи. — Отчетъ комитета общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ въ Петербургѣ. — Судьба женскихъ врачебныхъ курсовъ. — „Двойная бухгалтерія“, привнесенная къ суду. — Новыя нападки на судъ присяжныхъ. — Еще перлъ же-консервативной критики (*Іюнь, 838*). — Впечатлѣнія уголовного кодекса на вердикты присяжныхъ. — Закрытіе приготовительныхъ классовъ въ мужскихъ гимназіяхъ и програмнахъ. — Еще къ вопросу о вѣротерпимости (*Іюль, 435*). — Обзоры дѣятельности петербургской думы, за истекшій годъ, въ нашихъ газетахъ. — Упреки, дѣлаемые городскому обществу управленію. — Училищное дѣло въ Петербургѣ десять лѣтъ тому назадъ и теперь. — Исторія передачи начальныхъ училищъ въ вѣденіе города. — Новыя правила приема въ студенты петербургскаго университета. — М. Н. Катковъ, † (*Августъ, 892*). — Свобода сужденій объ умершихъ: ея необходимость, ея границы. — Обзоръ журнальной дѣятельности М. Н. Каткова. — Его нетерпимость, неопредѣленность его положительной программы, недостатки его отрицанія. — Настроеніе, созданное „Московскими Вѣдомостями“. — Отношеніе ихъ къ вопросу объ окраинахъ. — Значеніе Каткова для русской печати. — Преемники Каткова. — Церковно-приходскія школы въ петербургской губерніи (*Сентябрь, 426*). — Защитительная рѣчь профессора Владимірова, по дѣлу подпорщика Шмидта. — Давно забытый споръ, какъ иллюстрація къ недавнему прошлому. — Еще два слова о продолжателяхъ и подражателяхъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (*Октябрь, 878*). — Наша печать, ея разсужденія и выводы по поводу пензенскаго процесса. — Извращеніе азбучныхъ понятій о правосудіи и послѣдствія того. — Нашъ отвѣтъ на возраженія. — Московское общество для защиты дѣтей. — Извѣстія изъ провинціи. — Н. П. Гиларовъ-Платоновъ † (*Ноябрь, 438*). — Впечатлѣнія уѣзднаго гласнаго. — Глубокіе корни, пущенныя земской школой. — Новое распоряженіе относительно преподаванія древнихъ языковъ. — Слухи объ ограниченіи программы высшихъ женскихъ курсовъ. — Отрывки изъ одной недавней рѣчи

и изъ одного не совсѣмъ недавняго психологическаго изслѣдованія. — Опять вопросъ о словѣ: „влянусь“ (*Декабрь, 892*).

**V. Библиографическій Листокъ.** — Матеріалы для исторіи академіи наукъ, т. III. — Исторія города Рима, Грегориуса, т. V. — Чрезъ дебри и пустыни, Ворисгофера. — Исторія одного маленькаго человѣка, М. Гальтъ. — Афраія, изъ ром. Мюгге. — Тысяча и одна ночь. — Сказки З. Тонелуса. — Иллюстрированный словарь, д-ра Л. Симонова (*Январь*). — Очерки и рассказы, В. Короленко. — Сочиненія Г. П. Данилевскаго, 5-е изд. — Самозванцы и низовая вольница, Д. Мордовцева. — Большіе города, А. А. Исаева. — Ученіе объ уголовныхъ доказательствахъ, книга I, Л. Е. Владимірова (*Февраль*). — Семейство Рауменовскихъ, А. А. Васильчикова, т. IV, ч. 2. — Обзоръ источниковъ и литературы русскаго родословія, А. Барсукова. — Общедоступная военно-историческая христоматія. К. К. Абаза. — Обычное судопроизводство крестьянъ саратовской губерніи. Влад. Птицына. — Всеобщая исторія, Георга Вебера. Перев. Андреева (*Мартъ*). — Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. 56, 57 и 58. — Мысли и воспоминанія, при чтеніи законовъ о дворянствѣ, П. Устиновича. — Данте Алигieri, изложеніе С. Заруднаго. — Отечествоводѣніе, т. VI; Туркестанскій край, состав. Д. Д. Семеновъ (*Апрѣль*). — Этюды о Ж.-Жакѣ Руссо, т. II, А. С. Алексѣева. — Политическая экономія, въ связи съ финансами, Л. В. Ходскаго. — Общедоступная военно-историческая христоматія, кн. 2, состав. К. К. Абаза. — Повѣсти, сказки и рассказы Кота-Мурляки, т. I. — Изъ первыхъ лѣтъ казанскаго университета, Н. Н. Булича. — Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, Д. Кобеко (*Май*). — Современная Персія, д-ра Уильса, пер. И. Коростовцева. — Французъ Листъ, П. А. Трифонова. — Древніе и современные софисты, соч. Брентано, пер. Я. Поповицкій. — Русскій мыслитель: Гоголь, собр. И. Щеглова. — Военные законы Петра В., изслѣд. П. О. Бобровскаго. — Жизнь Иисуса Христа, соч. Ф. В. Фаррара, пер. А. П. Лопухина (*Іюнь*). — П. Г. Демидовъ и исторія основаннаго имъ въ Ярославлѣ училища, К. Головицкова. — Основы человѣческой дѣятельности, И. В. Свѣчина. — Жизнь Господа Нашего Иисуса Христа, свящ. Т. Буткевича. —

Критико-биографическій словарь русскіихъ писателей и ученыхъ, С. А. Венгерова, вып. 6-й (*Іюль*). — Дневникъ публициста. Въ ожиданіи войны. Ив. Ратова. — Изслѣдованія въ области національной экономіи классической древности, Родбертуса. — Страхъ. Психофизиологическій этюдъ А. Моссо; пер. съ франц. С. З. Поповой. — Эдуардъ фонъ-Гартманъ. Спиритизмъ. Пер. съ нѣм. А. М. Бутлерова (*Августъ*). — Стихотворенія С. Я. Надсона, съ портретомъ, факсимиле и биографическимъ очеркомъ. Изд. К. Т. Солдатенкова. — Физиономія и выраженіе чувствъ, П. Мантегацци. Пер. Н. Грота и Е. Вербицкаго. — Артуръ Шопенгауэръ. Лучи свѣта его философіи. Пер. Н. Маракуева. — Вл. Михневичъ. Петербургское лѣто. Очерки лѣтнаго сезона Лѣтнія сказки. Дачный романъ (*Сентябрь*). — Мелочи жизни, М. Е. Салтыкова. — Двадцатипятилѣтіе Перскаго края, Е. Красноперова. — Опытъ статистическаго изслѣдованія о дѣятельности 'судо-сберегательныхъ товариществъ, Н. Осипова. — Свойства матеріи, Дж. Тэта. — Учебникъ акушерства для акушеровъ, д-ра Шнета. — Иллюстрированный словарь практическихъ свѣдѣній, Л. Симонова, вып. 9 (*Октябрь*). — Учебный атласъ по русской исторіи, проф. Е. Замсловскаго. — Н. В. Ремезовъ, Очерки изъ жизни дикой Башкиріи. — Стихотворенія Н. М. Минскаго. — С. Я. Надсонъ. Сборникъ журнальныхъ и газетныхъ статей. — А. Мичуринъ. По поводу книги: „Что читать народу?“ (*Ноябрь*). — Матеріалы для исторіи академіи наукъ, т. IV. А. Бишофъ, Краткій обзоръ исторіи и теоріи банковъ съ приложеніемъ ученія о биржевыхъ операціяхъ, пер. съ нѣм. п. р. В. Левитскаго. — М. В. Ломоносовъ, соч. Ксенофонта Полевого. — В. С. Баскинъ, Русскіе композиторы. I. А. Г. Рубинштейнъ, II. М. П. Мусоргскій. — Краткій курсъ нервныхъ и душевныхъ болѣзней, д-ра В. Лионскій. — По дальнему Востоку, путевныя записки и воспоминанія М. Г. Гребенщикова (*Декабрь*).

**VI. Извѣщенія.** — Отъ Совѣта Петровскаго общества изслѣдователей Астраханскаго края (*Янв., 459*). — Пожертвованія на поддержаніе сельской школы К. Д. Кавелина (*Янв., 459; Февр., 898; Март., 456; Апр., 906; Май, 420; Іюнь, 850; Авт., 906*).



# СОДЕРЖАНІЕ

## ШЕСТОГО ТОМА.

НОВАБРЬ — ДЕКАБРЬ, 1887.

Книга одиннадцатая. — Ноябрь.

	СТР.
Осенніе мотивы.—I. Осенній день.—II. Цветы.—Стих. В. ВЕЛИЧКО . . .	5
В. И. Водовозовъ.—Биографическій очеркъ.—I-VI.—В. И. СЕМЕВСКАГО . . .	8
Старый другъ.—Романъ.—XL-LI.—I. I. ЯСИНСКАГО . . .	79
И. Н. Крамской, по письмамъ его и статьямъ.—I-III.—В. В. СТАСОВА . . .	118
Стихотворенія ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА . . .	151
Англичане въ Бирмѣ.—Изъ путевыхъ впечатлѣній.—И. П. МИНАЕВА . . .	153
Попехонская старина.—Жизнь и приключенія Никанора Затрапезнаго.—IV.—День въ помѣщичьей усадьбѣ.—V. Первые шаги на пути къ просвѣщенію.—Н. ЩЕДРИНА . . .	192
Волокитство профессора.—Сцены изъ жизни туристовъ.—Соч. Эльзы д'Эстеръ Киллингъ.—I-XIX.—А. Э. . . . .	230
Новыя объясненія Пушкина.—II.—А. Н. ПЫПИНА . . . . .	279
Четыре лекціи Георга Брандеса, въ Петербургѣ и въ Москвѣ.—III.—Русскій романъ.—IV.—Датская литература въ XIX-вѣкѣ . . . . .	322
Посмертныя стихотворенія Надсона.—К. К. АРСЕНЬЕВА . . . . .	352
Спиноза въ русскомъ переводѣ.—„Этика Бенедикта Спинозы“, пер. подъ ред. проф. В. И. Модестова—А. К.—н— . . . . .	369
Стихотворенія О. М.—ой . . . . .	376
Хроника.—Внутреннее овозрѣніе.—Городскія, уѣздныя, сельскія двухклассныя и начальныя училища, по свѣденіямъ изъ отчета министра народнаго просвѣщенія за 1884 г.—Еще къ вопросу о слияніи свѣтской и церковной начальной школы.—Правила объ испытаніяхъ на стипендіи.—Берлинскій институтъ римскаго права.—Инструкція полицейскимъ урядникамъ.—Отчетъ почтоваго управленія за 1885 г.—Проектируемыя финансовыя мѣры . . . . .	377
Иностранное Овозрѣніе.—Особенности современной германской политики.—Болезнь войны, какъ основа коалицій.—Союзъ съ Италіею и его значеніе.—Французскія внутреннія дѣла.—Неприятныя разоблаченія и дѣлаемые изъ нихъ выводы.—Услѣхи министерства и приготовленія орлеанистовъ.—Парламентскій кризисъ въ Австріи.—Болгарское народное собраніе и сербская скупщина.—Что такое „русская партія“ въ Сербіи?—Мнѣніе „Московскихъ Вѣдомостей“ о самихъ себѣ . . . . .	403
Литературное Овозрѣніе.—Воспоминанія гр. В. А. Сологуба.—Расколъ-сектантство, А. С. Пругавина.—А. П.—Этюды о Ж.-Ж. Руссо, А. С. Алексѣева.—Л. С.—Земскій Ежегодникъ на 1884 г.—Финансовыя отношенія государства и частныхъ желѣзно-дорожн. общ., П. И. Георгіевскаго.—М. Н. Катковъ, 1863 г., вып. II.—К. К.—Акціонерныя коммерческія банки, ихъ операціи и балансы, А. А. Рафаловича.—А. К. . . . .	425
Изъ Овещественной Хроники.—Наша печать, ея разсужденія и выводы по поводу пензенскаго процесса.—Извращеніе азбучныхъ понятій о правосудіи и послѣдствія того.—Нашъ отвѣтъ на возраженія.—Московское общество для защиты дѣтей.—Извѣстія изъ провинціи.—Н. П. Гиляровъ-Платоновъ † . . . . .	438
Библиографическій Листокъ.—Учебный атласъ по русской исторіи, проф. Е. Замисловскаго.—Н. В. Ремезовъ, Очерки изъ жизни дикой Башкиріи.—Стихотворенія Н. М. Минскаго.—С. Я. Надсонъ. Сборникъ журнальныхъ и газетныхъ статей.—А. Мичуринъ, По поводу книги: „Что читать народу?“ . . . . .	

Книга двѣнадцатая. — Декабрь.		СТР.
Пушкинъ и Кривцовъ.—По неизданнымъ материаламъ.—В. П. ГАЕВСКАГО . . . . .		458
Въ книгохранилищѣ.—Стѣх. С. Г. ФРУГА . . . . .		464
И. Н. Крамской, по письмамъ его и статьямъ.—IV-VII.—Окончаніе.—В. В. СТАСОВА . . . . .		466
Старый другъ.—Романъ.—LII-LXVI.—Окончаніе.—I. I. ЯСИНСКАГО . . . . .		516
В. И. Водозовъ.—Биографическій очеркъ.—VII-XII.—Окончаніе.—В. И. СЕМЕВСКАГО . . . . .		560
Помехонская старина.—Жизнь и приключенія Никанора Затрапезнаго.—VI. Дѣти. По поводу предшлагаго.—VII. Портретная галерея.—Тетеньки-сестрицы.—Н. ЩЕДРИНА . . . . .		639
Новые мемуары объ Александровской эпохѣ.—А. Н. ПЫПИНА . . . . .		668
Волокитство профессора.—Сцены изъ жизни туристовъ.—Соч. Эльзы д'Эстеръ Киллингъ.—XX-XXXIX.—Окончаніе.—А. Э. . . . .		715
Билетрысты послѣдняго времени.—А. П. Чеховъ.—К. С. Баранцевичъ.—Ив. Щегловъ.—К. К. АРСЕНЬЕВА . . . . .		766
Хроника.—Сельская община и ея современное положеніе.—ИВ. КЕЙС-СЛЕРА . . . . .		785
Внутреннее Овозрѣніе.—Вторая половина 80-хъ годовъ, какъ эпоха „проект-товъ“. — Проекты „фантастичные“ (г. Кашкаровъ) и „дѣловые“ (гг. Баратынскій и Вл. Г.). — Обязательные маюраты и обуславливаемая ими необходимость „жертвъ“ или „воспособленій“. — Проектируемое введеніе квартирнаго сбора въ обихъ столицахъ; вопросы объ избирательномъ правѣ квартиранимателей и о прогрессивности квартирнаго сбора.—Общій результатъ по исполненію государственной росписи за 1886 г. . . . .		807
Иностранное Овозрѣніе.—Свиданіе двухъ императоровъ въ Берлинѣ.—Разоблаченіе „Кельнской Газеты“. — Разумная свобода дѣйствій и газетные споры.—Политика нѣкоторыхъ газетъ по болгарскому вопросу.—Программа и значеніе новаго тройственнаго союза.—Тронная рѣчь императора Вильгельма и вызываемая ею недоумѣнія.—Возможная перемена царствованія въ Германіи.—Правительственный кризисъ во Франціи.—Отставка президента Гриви.—Участіе печати и общества въ мирномъ разрѣшеніи кризиса.—Внутренній дѣла въ Англій . . . . .		828
Письма изъ-за границы.—I.—Л. С. . . . .		846
Литературное Овозрѣніе.—Вилъюскій округъ Якутской области, Р. Маака.—Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники, Як. Грота.—Бумаги В. А. Жуковскаго, Ив. Бычкова.—Описаніе книгъ и актовъ Литовской Метрики, Пташицаго.—А. П.—Конституція Финляндіи, Л. Мехелина, въ перев. К. Ордина.—К. К. . . . .		864
Замѣтка.—Русско-Германскія отношенія —Bismarck und Ruessland Ent-haltungen über die Beziehungen Deutschlands und Russlands von 1857 bis heute. Berlin, 1887.—L. . . . .		882
Изъ Овдцественной Хроники.—Впечатлѣнія уѣзднаго гласнаго. — Глубокіе корни, пущенные земской школой —Новое распоряженіе относительно преподаванія древнихъ языковъ.—Слухи объ ограниченіи программы высшихъ женскихъ курсовъ.—Отрывки изъ одной недавней рѣчи и изъ одного не совсѣмъ недавняго психологическаго изслѣдованія.—Опять вопросъ о словѣ: „кланусъ“ . . . . .		892
МАТЕРИАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ.—„Вѣстникъ Европы“ за 1867 г. . . . .		910
Алфавитный указатель авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ „Вѣстникъ Европы“ за 1867 г. . . . .		912
Библиографическій Листокъ.—Материалы для исторіи имп. академіи наукъ, т. IV.—Краткій обзоръ исторіи и теоріи банковъ, А. Вишофа, перев. съ нѣм. п. р. В. Левитскаго.—М. В. Ломоносовъ, К. Полевого.—Русскіе композиторы, В. С. Баскина.—Краткій курсъ нервныхъ и душевныхъ болѣзней, д-ра В. Люнскаго.—По дальнему Востоку, М. Г. Гребенщи-кова . . . . .		

# ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

на 1888 г.

(Двадцать-третій годъ)

## „ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

### ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Июль.	Іюль.	Іюль.	Апр.	Іюль.	Окт.
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала . . . . .	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой . . . . .	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес. . . . .	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почт. союза . . . . .	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ, въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года, въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — безъ повышенія годовой цѣны подписки.

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычаемъ уступки.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ*: 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 2 лп., 7; 2) въ ея Отдѣленіи, при книжн. магаз. Э. Мелля, на Невск. просп., у Полиц. моста; — въ *Москвѣ*: 1) въ книжныхъ магазинахъ Н. Н. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту, и Н. П. Карбасовкова, на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печниковой, Петровскій линіи. — Иногородные обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Сиб., Галерная, 20, и 2) лично — въ Контору журнала. Тамъ же принимаются извѣщенія и ОБЪЯВЛЕНІЯ для навечатанія въ журналѣ.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* видѣча журналомъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Переменная адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ, и, согласно obligatio отъ Почтоваго Департамента, не позже какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на получение журнала высылается Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые прилагаютъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыхъ марокъ.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Сиб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7.

Digitized by Google



## БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Материалы для истории Императорской Академии Наукъ. Томъ четвертый (1739—1741). Съ приложениемъ двухъ портретовъ. Спб. 1847. 8°. II и 824 стр.

Мы говорили о названъ этого изданія, которое готовитъ обширный матеріалъ для будущаго историка академіи наукъ и нашего просвѣщенія съ XVIII вѣка вообще. Обширность матеріала такова, что на 800 страницъ позволено только два года исторіи академіи. Хотя и эту томъ состоитъ изъ сирѣхъ документовъ академическаго архива, самаго разнообразнаго содержанія, между прочимъ и желкаго, по пользованію имъ облегчено указателемъ. Къ сожалѣнію, указатель почти исключительно именной; еслибы прибавленъ былъ и реальный—по главнымъ пунктамъ академической дѣятельности,—исследователь несомнѣнно могъ бы быть гораздо болѣе облегченъ. Въ настоящемъ томѣ, между прочимъ напечатаны документа, относящіеся къ Ломоносову (за время пребыванія его за-границей), Третьяковскому и другимъ дѣятелямъ тогдашней академіи.

А. Виновъ. Краткій обзоръ исторіи и теоріи банкомъ, съ приложениемъ ученія о биржевыхъ операціяхъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціею В. Левитскаго. Ярославль. 1857. Стр. 105. Цѣна 75 к.

Небольшое систематическое руководство по банковому дѣлу, написанное кратко и толково, безъ всякихъ научныхъ претензій и безъ литературнаго балласта, является у насъ далеко не лишнимъ, а въ этомъ отношеніи князька Вишофа удовлетворить читателей, нуждающихся въ подобномъ руководствѣ. Нѣкоторая замѣчанія автора передавать, быть можетъ, не совсѣмъ точно въ русскомъ переводѣ. Едва ли авторъ могъ сказать, напримеръ, что „все болѣе и болѣе господство надъ денежными капиталами переходитъ къ журналамъ (?), которые получили необычайное распространеніе въ мірѣ состоятельныхъ дѣловыхъ людей“ (стр. 105). Надо думать, наоборотъ, что журналистика все болѣе подчиняется власти капитала, — что и сказано въродноту въ подлинникѣ, котораго у насъ нѣтъ подъ рукой. Трудно также понять значеніе фразы, что „биржевые игроки развѣтвляю по по-мосту (?) свои ащии, чтобы доставить своему товару весьма сомнительнаго достоинства значеніе сѣбнаго предмета“ (стр. 43). Вслѣдъ за-тѣмъ приводится какое-то загадочное мнѣніе Шеффера, выраженное слѣдующими словами: „Если бы вмѣсто того, чтобы путемъ акціоната извлекать несдѣланное вознагражденіе по-мальной бабн (?!) и прибѣгать къ помнжъ насажденіямъ (?), учредительные банки дѣйстви-тельно занимались болѣе продолжительнымъ акклиматизированіемъ своихъ насажденій“ и т. д. Очень жаль, что такого рода неясности допу-щены въ переводѣ книги, предназначенной для общедоступнаго чтенія.

М. В. Ломоносовъ. Соч. Ксенофанта Поле-вого. 2 т. In 16°. 304 + 304. Спб. 1887. Изданіе Суворина.

Авторъ этого, почти позабытаго и нивѣ изданнаго сочиненія, составившаго нѣчто среднее между романомъ и историческимъ изслѣдо-ваніемъ,—безъ ущерба, однако, для исторической правды,—задался мыслью представить въ живыхъ

образахъ всю среду, въ которой приходи- дѣствовать и бороться великому родоула- нку русскихъ ученыхъ. Книга К. Полевого и лишена поучительности и въ настоящее время. Если наивнѣе формы затрудненія, съ которыми сынъ рыбака долженъ былъ бороться въ своемъ стремленіи къ образованію, то нельзя сказать, чтобы въ существѣ своемъ эта прелестнѣе указывалась. Книга написана живо и омытнмъ перомъ, въ-подъ котораго современники Ломоно-сова, и въ особенности Третьяковскій, милохата чуждыми той преувеличенно-комической окраски, которую придавалъ, напр., послѣднему Лажичи-ванъ въ своемъ когда-то извѣстномъ „Леднякомъ домѣ“.

П. С. Басинъ. Русскіе композиторы. I. А. Г. Рубинштейнъ. II. М. П. Мусоргскій. Изда- ніе П. Юргенсона. 2 томна по 100 стра- ницъ. Москва. 1887. In 16°.

Два біографическіе очерка нашихъ компо- зиторовъ, съ присоединеніемъ оцѣнки ихъ проз- воденій, характеристикой условій ихъ творче-ства и свѣска нѣска, при скудости вообще на- шей біографической литературы, и въ какомъ случаѣ не могутъ быть признаны излишними. Очерки читаются съ интересомъ, особливо біо-графія Мусоргскаго, написанная съ большою теплотою и искреннимъ чувствомъ.

Краткій курсъ лѣвннхъ и душевныхъ болѣзней. Д-ръ В. Лѣонскій. Спб. 1887. In 8°. 160—148 стр.

Краткій курсъ является не болѣе какъ кон- спектомъ, въ которомъ можно найти одно пере- численіе признаковъ болѣзней — причѣмъ для душевныхъ болѣзней принята весьма спорная классификація Крафта-Эббинга, а потому обзоръ ихъ картина не достаточно ясна, и самый „курсъ“ не можетъ удовлетворить приступающаго къ серьезному изученію заблуждающаго къ посвященію; для дилеттанта же и не-специ-алиста, онъ представляеть въ многихъ отноше-ніяхъ схему, лишнюю необходимыхъ раз-ясненій. Языкъ курса страдаетъ большою не-точностью. Такъ, къ *стадекому слабуюдо* отнесенъ, между прочимъ, непониманіе поихъ дленей жизни, или *консерватизмъ* (?), и „*мудовицннхъ бредъ небытія*“ (?); „*блочноннхъ бр-дъ*“ предлагается ослаблять посредствомъ шутливаго замѣчанія, а приступи періодической маніи *купировать* равниши пріемами морфія, и т. п.

По дальнему Востоку—путевыя записки и вос- помнанія М. Г. Гребенщикова. In 16°. 265 стр. Спб. 1887.

Разсказъ автора о впечатлѣніяхъ своего стран-ствованія на переселенческомъ пароходѣ и о пребываніи въ Японіи и на Цейлонѣ, обличалъ въ немъ человѣка разносторонне образованнаго, блѣденъ, однако, трасками, и потому читается безъ особаго интереса. Но значительная часть свнжнз, посвященная описанію общественнаго бита и условій жизни въ нашихъ Южно-Усу-рйскомъ краѣ, богата свѣденіями и характери-стичными, полезными уже потому, что онѣ обра- щаютъ вниманіе на судьбу одной изъ нашихъ отдаленнѣйшихъ окраинъ и знакомятъ со шле- дови мѣстнаго общества на своемъ „культурномъ мнѣсію“.







